

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

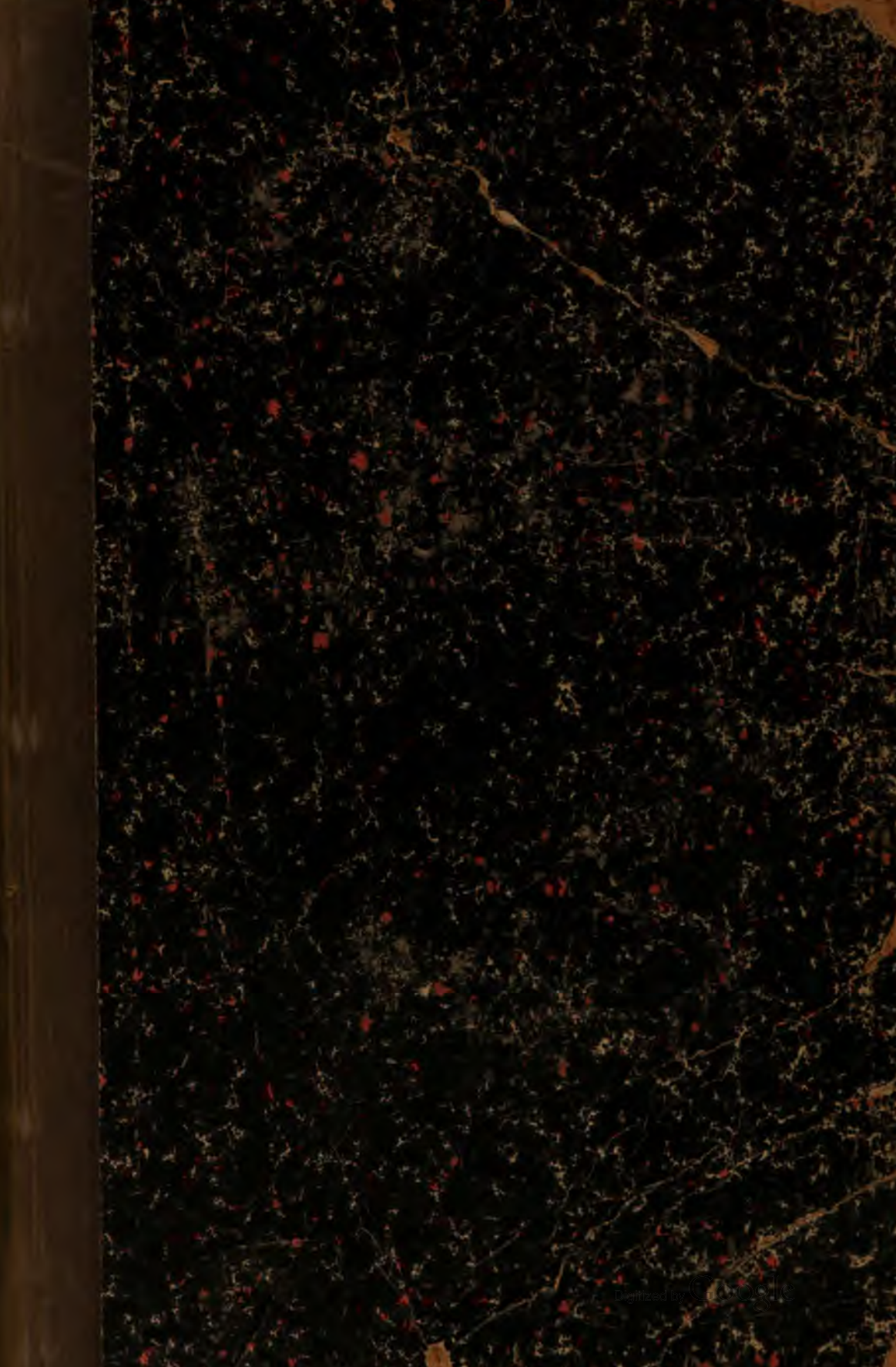
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

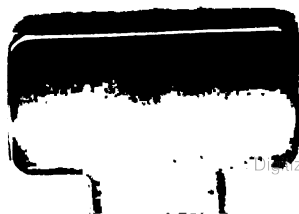
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

**INDIANA
UNIVERSITY
LIBRARY**

542

СЛАВЯНСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ

1892

ІЮЛЬ—АВГУСТЪ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.—ТОМЪ II

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

КНИГА VII—VIII ЮЛЬ—АВГУСТЪ, 1892.

	Стран.
I. ВИКТОРЪ ИВАНОВИЧЪ ГРИГОРОВИЧЪ ВЪ КАЗАНИ (съ портретомъ).—М. П—снаго.	229
II. РИМСКО-НѢМЕЦКАЯ ИМПЕРІЯ ГОГЕНЦОЛЕРНОВЪ И ГРЕКО-СЛАВЯНЕ (продолженіе).—Сръѣца.	265
III. ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ КН. В. А. ЧЕРКАСКАГО и Н. А. МИЛЮТИНА. Реформа учевной части въ Царствѣ Польскомъ.—А. Б.	295
IV. ИЗЪ ИСТОРИИ СЛАВЯНСКАГО ОБЩЕНІЯ (П. І. ШАФARIКЪ и О. М. Бодянский).—Н. Ф. Сумцова	336
V. ЧЕХЪ О СЛАВЯНСКОМЪ ВОПРОСѢ.—Т. Д. Флоринскаго.	346
VI. ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ А. А. ПОТЕВНѢ (окончаніе).—В. И. Харцѣева	364
VII. ЮАННЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ НАУМОВИЧЪ.—Червоноруса.	377
VIII. ЛѢТОПИСЬ. Значеніе для греко-славянъ послѣднихъ событій въ Англіи и Германіи. Новые моменты въ борьбѣ съ германизмомъ чеховъ и словенцевъ. Поляки и Россія. Вопросъ румынской Софійскія казни.—А. Б.	385
IX. ПИСЬМА ИЗЪ СЛАВЯНСКИХЪ ЗЕМЕЛЬ.	
Изъ Турчанскаго Св. Мартина. Два слова о мадыарской статистикѣ.—Св. Гурбана-Ваянскаго.	405
Изъ Триеста. Борьба языковъ итальянскаго, нѣмецкаго и славянскаго. Необходимость поддержки изъ центра. Усиленіе интереса къ русскому языку и литературѣ.—Словенца	410
Изъ Петинья. Внутренняя жизнь въ Черногоріи. Внѣшнія отношенія. Сербо-хорватскій вопросъ.—М. П. Драговича.	412
X. ГАЛИЦКО-РУССКАЯ ПОЛИТИКА ПОСЛѣДНИХЪ ЛѢТЪ.	416
XI. ОБЩЕНѢМЕЦКІЙ ШКОЛЬНЫЙ СОЮЗЪ.—А. А. Папнова	428
XII. БИБЛЮГРАФІЯ. И. М. Событiанскій. Ученія о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ. X. 1892.—А. С. Вязигина. Историческіе матеріалы изъ архива министерства государственныхъ имуществъ. Вып. I. 1891. З. П. Д. Брянищевъ. Польскій мятежъ 1863 г. В. 1892. I. Живознановъ. Библиографическій обзоръ серболужицкой литературы за 1890—91 годы.—Миличанина. Обзоръ по чешской литературѣ, языковнанию и исторіи за 1891—92 годы.—Р. Chrudimensis.	437
XIII. СМѢСЬ	474
XIV. ПРИЛОЖЕНІЕ. ПРОДЪ. Поэма С. Гурбана-Ваянскаго. Съ словенскаго Перевелъ В. И. Кривошъ. ПАНЪ РИШАНЕКЪ И ПАНЪ ШЛЕГЕЛЬ. Изъ «Малостранскихъ разсказовъ». Я. Неруды. Съ чешскаго. Перев. Э. П—ская.	1—31
XV. ИЗВѢЩЕНІЯ. Отъ Совѣта Славянскаго Благотворительнаго Общества.	32

Редакторъ-Издатель Антошъ Будловичъ

СЛАВЯНСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Slavianskoe obozrenie
ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЬ

1892

но. 7-12

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ II

МАЙ—АВГУСТЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

✻

D377
.S62
no. 7-12

INDIANA UNIVERSITY LIBRARY

СО Д Е Р Ж А Н И Е

В Т О Р О Г О Т О М А

(МАЙ—АВГУСТЪ)

6-2-64

	Стран.
А. С. ХОМЯКОВЪ (съ портретомъ).—Проф. В. З. Завитневича . . .	1
РИМСКО-НѢМЕЦКАЯ ИМПЕРІЯ ГОГЕНЦОЛЛЕРНОВЪ.—Сръѣнца . . .	25 и 265
ВОПРОСЪ ОБЪ ОБЩЕСЛАВЯНСКОМЪ ЯЗЫКЪ ВЪ ЗАПАДНИ- ЧЕСКОМЪ ОСВѢЩЕНИИ.—Проф. А. С. Будиловича	45
СОЦИОЛОГІЯ И ПАНСЛАВИЗМЪ.—Проф. Ѳ. Ѳ. Зигеля	65
АРХИМАНДРИТЪ ЛЕОНИДЪ (КАВЕЛИНЪ).—Проф. Г. А. Воскре- сенскаго	97
СЛАВЯНСКІЯ ОСНОВЫ ИДЕЙ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ І. А. КО- МЕНСКАГО.—Проф. К. Я. Грота	105
ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ А. А. ПОТЕБНѢ.—В. И. Харцѣва	120 и 364
КЪ ВОПРОСУ О ВСЕСЛАВЯНСКОЙ СИСТЕМѢ СТЕНОГРАФІИ.—Д. БЮДЖЕТЪ БОЛГАРИИ И ЕЯ ВНѢШНЯЯ ТОРГОВЛЯ, ВЪ СРАВ- НЕНИИ СЪ ДР. БАЛКАНСКИМИ ГОСУДАРСТВАМИ.—Гермо—ва . . .	127
ВИКТОРЪ ИВАНОВИЧЪ ГРИГОРОВИЧЪ ВЪ КАЗАНИ (съ портре- томъ).—М. П—снаго	185
ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ КН. В. А. ЧЕРКАСКАГО И Н. А. МИЛЮ- ТИНА. Реформа учебной части въ Царствѣ Польскомъ.—А. Б.	229
ИЗЪ ИСТОРИИ СЛАВЯНСКАГО ОБЩЕНІЯ (П. І. Шафарикъ и О. М. Болянский).—Н. Ѳ. Сумцова	295
ЧЕХЪ О СЛАВЯНСКОМЪ ВОПРОСѢ.—Т. Д. Флоринскаго	336
ІОАННЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ НАУМОВИЧЪ.—Червопоруца	346
ГАЛИЦКО-РУССКАЯ ПОЛИТИКА ПОСЛѢДНИХЪ ЛѢТЪ	377
ОБЩЕ-НѢМЕЦКІЙ ШКОЛЬНЫЙ СОЮЗЪ.—А. А. Палкова	416
	428

Л Ъ Т О П И С Ъ.

Политическія стремленія нѣмцевъ. Противодѣйствіе со стороны народностей, особенно славянскихъ, отчасти и романскихъ. Двадцатилѣтіе мадяризма; его отношеніе къ германизму. Отношенія русконѣмецкія и русскофранцузскія. Съѣзды «соколовъ» въ Нанси и Львовѣ. Регуляція валюты. Прибрамская катастрофа. Безпорядки въ Лодзи. Волинскій юбилей. Армянскій католикосъ. Общество Коменскаго. Реформа галицко-русскаго правописанія.

Значеніе для греко-славянъ послѣднихъ событій въ Англии и Германіи. Новые моменты въ борьбѣ съ германизмомъ чеховъ и словенцевъ. Поляки и Россія. Вопросъ румынскій. Софійскія казни.—А. Б. . . . 136 и 385

ПИСЬМА ИЗЪ СЛАВЯНСКИХЪ ЗЕМЕЛЬ.

Изъ Кіева. По поводу чешскихъ дѣлъ.— Ф. Л. Ярша	153
Изъ Львова. Результаты сейма. Упадокъ польскаго землевладѣнія. Ожидовленіе городовъ. Неохота къ промышленности. Новое направленіе въ средѣ молодежи. Развитие социализма. Положеніе учителей.— Червонорусь	157
Изъ Кошиць (Угрія). Угрорусское простонародье. Его экономическое положеніе. Школы. Церковь. Национальное сознаніе. Угрорусская интеллигенція. Ея постепенное омаѣяренье. Высшее и низшее духовенство. Трудность нынѣшняго положенія угроруссовъ.— Ж. З. И.	160
Изъ Кракова. Посѣщеніе чехами юбилейныхъ празднествъ польскаго «сокола» во Львовѣ и возвращеніе «Часа» по поводу ихъ.— И—отъ	172
Изъ Горицы (Приморье). Мѣстныя политическія партіи.— М. Х.	175
Изъ Дубровника. Экономическое положеніе далматинцевъ. Торговля виномъ. Пути сообщенія. Отношенія вѣроисповѣдныя. Народное образованіе. Политическія партіи.— С.	179
Изъ Турчанскаго Св. МАРТИНА . Два слова о маѣарской статистикѣ.— Св. Гурбана-Ваянскаго	405
Изъ Тривста. Борьба языковъ итальянскаго, нѣмецкаго и славянскаго. Необходимость поддержки изъ центра. Усиленіе интереса къ русскому языку и литературѣ.— Словенца	410
Изъ Цетинья. Внутренняя жизнь въ Черногоріи. Внѣшнія отношенія. Сербо-хорватскій вопросъ.— М. П. Драговича	412

БИБЛІОГРАФІЯ.

- Bibliographische Uebersicht über die slivische Philologie. 1876—1891. Verfasst von Dr. *F. Pastrnek*. Berlin. 1892. Проф. **А. С—ий**. **М. И. Сухомлиновъ**. Сочиненія **М. В. Ломоносова**, съ объяснительными примѣчаніями. Изд. Имп. Академіи Наукъ. Т. I. Спб. 1891. — Проф. **А. Б.** Краткій обзоръ вышедшихъ въ Россіи сочиненій на малорусскомъ нарѣчій.—**Ари. Лии—но**. Переписка Коменскаго. *Jana Amosa Komenského Korrespondence*. Sebrala k tisku připravil *A. Patera*, v Praze, 1892.—Проф. **Н. Гротъ**. Обзоръ словинской литературы за 1891.—**П. М.**
- И. М. Собствіанскій**. Ученія о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ. 1892. — **А. С. Вязгина**. Историческіе матеріалы изъ архива министерства государственныхъ имуществъ. Вып. I. 1891. **З. П. Д. Бряницева**. Польскій мятежъ 1863 г. В. 1892. **І. Живознаковъ**. Библиографическій обзоръ серболужицкой литературы въ 1890—91 годы.—**Мильчанина**. Обзоръ по чешской литературѣ, языковеданію и исторіи за 1891—92 годы.—**Р. Р. Chrudimensis**. 192 и 437
- СМѢСЬ 211 и 474
- ПРИЛОЖЕНІЕ. ОДИНЪ ИЗЪ СОВРЕМЕННЫХЪ БОЛГАРСКИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ. ПОРТРЕТЪ. Разсказъ **И. Вазова**. Съ болгарскаго. Перев. **В. Г. В—кова**. ИНУЛЬТУСУЪ Пражская легенда. **Ю. Зейера**. Съ чешскаго. Перев. **Л. Срезневская**. ИРОДЪ. Поэма **С. Гурбана-Ваянскаго**. Съ словенскаго. Перевелъ **В. И. Кривошъ**. ПАНЪ РИШАНЕКЪ И ПАНЪ ШЛЕГЛЬ. Изъ «Малостранскихъ разсказовъ». **Я. Неруды**. Съ чешскаго. Перев. **Э. П—ская**.
- ИЗВѢЩЕНІЯ. Отъ Совѣта Славянскаго Благотворительнаго Общества.

СЛАВЯНСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1892

ІЮЛЬ—АВГУСТЪ

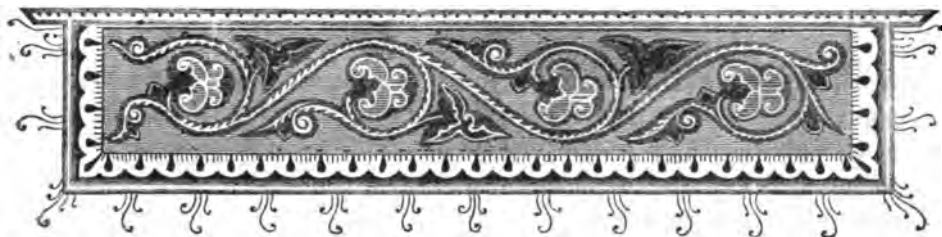
ГОДЪ ПЕРВЫЙ.—ТОМЪ II

Викторъ Ивановичъ Григоровичъ

Род. 30 апр. 1815, † 19 дек. 1876

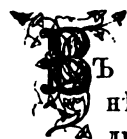
Приложеніе къ «Слав. Обзорѣнію» 1892

ВИКТОРЪ ИВАНОВИЧЪ ГРИГОРОВИЧЪ

ВЪ КАЗАНИ

(Библиографическій очеркъ)

Въ тысячелѣтной жизни Руси историческая наука находитъ нѣсколько эпохъ, въ которыхъ ярче отразилось то или другое направленіе, характеризующее жизнь народа въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій. Тамъ встрѣчаемся мы съ эпохою удѣльно-вѣчевою, съ эпохою усиленія Москвы, съ ростомъ Петербурга. Тамъ говорятъ намъ о періодахъ норманскомъ, монгольскомъ, литовскомъ, западно-европейскомъ. Не встрѣчаемъ мы въ этихъ рубрикахъ только одного періода: с л а в я н с к а г о. На первый взглядъ такое замѣчаніе можетъ показаться по меньшей мѣрѣ страннымъ, такъ какъ и вся тысячелѣтная исторія Руси должна считаться исторіей славянскаго государства. Но всматриваясь ближе въ строго-ученые или художественные рассказы о русской жизни, мы невольно придемъ къ мысли, высказанной ранѣе. Съ той поры какъ лѣтопись русская переступила рамки византійскаго хронографа, она съ намѣреніемъ, усиленно желала видѣть въ русскомъ государствѣ не славянскій край съ его рѣзкими характеристическими отличіями, а государство, устраиваемое по образу и подобию западно-европейскихъ, неславянскихъ государствъ. Уже съ половины XVI вѣка замѣчается стремленіе смотрѣть на Русь не какъ на виднаго члена славянской семьи, а какъ на безличнаго недоросля, не получившаго чина европейца. XVII вѣкъ, сближавшій Русь съ сосѣдними западными стихіями, завершился такъ называемою реформою Петра В., въ которой о славянствѣ Руси уже не могло быть и рѣчи, несмотря на то, что гениальному императору далеко не чужды были идеи славянства. Борьба доблестныхъ черногорцевъ

и обращеніе ихъ къ Петру, привѣтствія хорвата Витезовича и лужичанина Бранця не могли не пробудить сочувствія въ пытли-вомъ умѣ Петра, и въ Европѣ умѣвшаго отмѣтить славянскіе па-мятники, былъ ли то списокъ русскаго лѣтописца или древне-славянскій переводъ евангелія. Не его вина, что жизнь его пре-сѣлася ранѣе, нежели взошли брошенные имъ сѣмена просвѣщенія. Его ближайшіе потомки, увлекшись одною внѣшностью его начи-наній, не поддержали его дѣла, и государство, стремившееся на взглядъ по пути прогресса, на самомъ дѣлѣ праздновало только разрывъ съ основами своей народности и все болѣе и болѣе забы-вало о своемъ славянскомъ происхожденіи. Оффиціальная, дѣятель-ная Русь, не отрехшись отъ славянскихъ основъ, лежащихъ въ ней, не чувствовала въ себѣ этихъ основъ и дошла въ своей центробѣжной погонѣ за европеизмомъ до забвенія даже тѣхъ на-чалъ своего просвѣщенія, которыя завѣщаны ей были славянствомъ въ переводѣ св. писанія. Воспоминаніе о славянскихъ первоучите-ляхъ сгладилось въ ней, за исключеніемъ той непрогрессивной среды, гдѣ можетъ быть и неумѣло, но все-таки праздновалась ихъ память. Изъ всего простора славянской земли Русь обладала наи-большими сокровищами древне-славянской литературы, но еще долго приходилось имъ лежать нивѣмъ и ничѣмъ не тронутыми, кромѣ плѣсени. Интеллигентная среда русскаго общества, отвер-нувшаяся отъ низшаго грамотнаго класса народонаселенія, не хотѣла знать, чѣмъ питались чаянія русскихъ людей, забытыхъ но-вою исторіей. И за возрожденіе мысли о славянствѣ представители образованнаго сословія поставили себя въ необходимость благода-рить Западъ, — но не тотъ Западъ, съ которымъ боролись мы, а тотъ ближайшій къ намъ и по мѣстности и по крови Западъ, на которомъ совершалось обновленіе его жизни наукой и идеей сла-вянства. Въ концѣ XVIII и начала XIX столѣтій у чеховъ, мора-вянъ и словаковъ усиливается стремленіе поддержать свое славян-ское существованіе, которому грозила повидимому неизбежная ги-бель. Германія, какимъ бы частнымъ именемъ ни звалась она, уже поглотила въ своемъ государственномъ организмѣ юго-западные и сѣверо-западные славянскія земли и, въ силу послѣдовательности своихъ начинаній, стремилась къ обезличенію тѣхъ членовъ своей территоріи, которые еще носили славянскій обликъ и не забыли славянской рѣчи. Насилія правительственной системы въ Австріи пробудили въ славянскомъ обществѣ сознаніе о грозящей бѣдѣ и въ то же время успѣхи филологическихъ наукъ въ Германіи пред-лагали переимчивымъ славянамъ готовыя программы для ихъ уче-ной дѣятельности. И политическая необходимость и ученый при-

мѣръ дали толчекъ всему живому въ той части Славянскаго міра, которая недаромъ называется себя теперь послѣднимъ оплотомъ славянской стихіи на славянскомъ сѣверо-западѣ. Чехи и моравяне одновременно возстали на защиту славянства, хотя и не всѣ вѣрили въ возможность отстоять свои права. Нѣкоторые изъ нихъ, напр. Добровскій, относились къ славянству какъ археологи. Добровскій ясно понималъ жизненный строй славянскихъ народовъ, выражающійся въ ихъ литературѣ, и потому не могъ ограничиться интересами одной своей народности, чувствуя общность и политическихъ и литературныхъ судебъ славянства. Наряду съ изученіемъ современной ему учено-литературной дѣятельности славянъ, онъ занимался изслѣдованіями о прошломъ славянства, въ чемъ бы оно ни выражалось. Не было славянскаго племени, которое казалось бы Добровскому незначительнымъ, которое своимъ языкомъ и письменностью не служило бы свѣтомъ или тѣнью въ общей картинѣ славянства. Вмѣстѣ съ многостороннимъ изученіемъ памятниковъ чешской науки и литературы, Добровскій невольно былъ увлеченъ въ отдаленную эпоху того славянскаго просвѣщенія, которое было завѣщено его родиной Кирилломъ и Меѳодіемъ. Очевидно, онъ долженъ былъ заняться вопросомъ о первоначальномъ народномъ просвѣщеніи славянъ вообще, а стало быть долженъ былъ уяснить себѣ особенности того языка, на которомъ впервые всѣмъ славянамъ предлагалась просвѣтительная проповѣдь. Много вопросовъ для обсуждения предстояло гениальному ученому. Онъ долженъ былъ начать пересмотръ ихъ съ азбуки, въ буквальномъ значеніи этого слова. Онъ принужденъ былъ вновь проверить все предложенное наукой до него по этому темному вопросу, и на основаніи всесторонняго обслѣдованія принять то или другое рѣшеніе въ вопросѣ о томъ, какая изъ двухъ славянскихъ азбукъ, такъ называемая кирилловская или такъ называемая глаголическая, была въ употребленіи у славянъ на разсѣтѣ ихъ исторіи. По тѣмъ даннымъ, которыя въ эпоху Добровскаго были доступны наукѣ, онъ принималъ сторону кириллицы, не предполагая конечно, что нѣкогда въ Казани появится трудъ, имѣющій пошатнуть прочное повидимому рѣшеніе вопроса. Затѣмъ, взявшись за разработку основъ церковно-славянскаго языка, на основаніи не однихъ старопечатныхъ церковныхъ книгъ, но и рукописей, Добровскій долженъ былъ рѣшить вопросъ о томъ, какому славянскому племени именно принадлежалъ тотъ славянскій языкъ, на который было впервые переведено св. писаніе. Но и для рѣшенія этого вопроса въ его время еще чувствовался недостатокъ предварительныхъ работъ; да и племя болгаръ, среди которыхъ появился

переводъ св. писанія, было извѣстно Европѣ только по имени, а дѣятельность Кирилла и Меѳодія приурочивалась, не безъ основаній, Моравіи въ широкомъ смыслѣ этого слова. Во всякомъ случаѣ Добровскій своими многочисленными трудами затронулъ, можно сказать, всё вопросы славянскаго языкознанія и подалъ примѣръ послѣдующимъ ученымъ, какъ подходить къ пересмотру всѣхъ данныхъ науки и на ихъ основаніи дѣлать серьезные выводы. Еще при жизни Добровскаго начали оправдываться чаянія его сподвижниковъ о значеніи славянскаго слова въ древности. Въ первой четверти текущаго столѣтія въ Чехіи издаются Ганкой «древнѣйшіе», какъ тогда вѣрили, памятники чешской литературы, извѣстные подъ именемъ Краледворской и Зеленогорской рукописей. Эти остатки чешской поэзіи, записанные въ Чехіи будто бы не позже XIII вѣка, разомъ подняли значеніе чешской литературы въ глазахъ всей образованной Европы. Какъ возникшіе, по общему тогдашнему убѣжденію, частью въ эпоху языческую, частью же въ періодъ распространенія христіанства на славянскомъ Западѣ, эти памятники живо указали Европѣ, не желавшей знать славянъ, какія сокровища мысли и слова могло въ старину давать забытое въ ту пору славянское племя. Ганка, обнаруживавшій «Краледворскую рукопись», нашелъ въ Добровскомъ ученаго руководителя своей славянской пытливости, работалъ для него по его указаніямъ ¹ и могъ уразумѣть великія начинанія своего учителя. Уже поэтому только онъ не могъ ограничиться областью одной своей рѣчи. Къ тому же еще ранѣе онъ имѣлъ возможность познакомиться съ сербами и руссами, квартировавшими на его родинѣ во время борьбы съ Наполеономъ. «Я полюбилъ русскихъ и за ихъ доброту, и за то, что легко могъ понимать ихъ, не такъ какъ солдаты нѣмцевъ—говорилъ Ганка. Но въ то же время не въ одномъ мнѣ зародилось какое-то чувство зависти къ русскимъ, которое послѣ, въ Прагѣ, еще болѣе развилось. Вотъ русскіе, думали себѣ мы, юноши, слыша объ ихъ успѣхахъ въ войнѣ съ Наполеономъ,—стоятъ сами за себя, заставляютъ себя уважать и бояться, а насъ, чеховъ, будто и на свѣтѣ нѣтъ. У нихъ, русскихъ, все свое, а у насъ когда-то все было, и давно уже нѣтъ. Почему же нѣтъ, когда было? Почему не быть какъ было ²!» Тогда же у сербовъ, начавшихъ борьбу за политическое существованіе, является Караджичъ, вынесшій на свѣтъ Божій всю прелесть сербской народной пѣсни,

¹ Воспоминаніе о В. В. Ганкѣ. И. Срезневскаго. Спб. 1861, стр. 11.

² Ibid.

удивившей красотой своей даже такихъ людей, какъ Гете, Яковъ Гриммъ или Северинъ Фатеръ.

Между тѣмъ и на Руси, сближавшейся съ неславянскимъ Западомъ, были немногія отдѣльныя личности, инстинктивно чувствовавшія неполноту своего просвѣщенія безъ участія славянства, понимавшія, что въ могучей представительницѣ славянскаго элемента Европы—недостаетъ славянскаго сознанія, что побѣдительница Запада не чувствуетъ своего духовнаго плѣна, въ которомъ она нежданно-негаданно очутилась послѣ своей побѣды. То, что замѣчалось еще въ XVIII столѣтіи немногими, въ началѣ XIX стало сознаваться при помощи науки бѣльшимъ сравнительно числомъ лицъ. Какъ у западныхъ славянъ проснулось сознаніе, выжатое правительственнымъ гнетомъ и подсказанное наукой, также и у русскихъ людей, при содѣйствіи западно-славянской науки, усилилось сознаніе своего добровольнаго порабоженія, и почти одновременно начинаютъ раздаваться голоса за славянскія стихіи, живущія въ русской націи, хотъ и подавляемыя западнымъ просвѣщеніемъ. Шишковъ, осмѣянный непонимавшими его современниками и забытый легкомысленнымъ потомствомъ, Каченовскій, сомнѣвавшійся во всемъ томъ, чему вѣрили его сверстники и не сомнѣвавшійся только въ важности славянской стихіи въ жизни и словѣ русскаго народа,—были первыми глашатаями славянскихъ интересовъ на Руси. Къ этимъ именамъ вскорѣ присоединились имена послѣдующихъ ученыхъ, уразумѣвшихъ все значеніе славянства и его первоначальной просвѣтительной литературы. Это были: Калайдовичъ, Востоковъ, Кеппенъ. Шишковъ, знакомый съ старо-печатной литературой Руси, отстаивалъ значеніе церковнаго языка въ образованіи русскаго литературнаго стиля и занимался корнесловіемъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ слѣдилъ и за успѣхами славянства внѣ Руси. Вслѣдъ за обнаруженіемъ Краледворской рукописи, онъ представилъ посильный переводъ и объясненіе ея. Онъ же сравнивалъ звуковыя особенности крайнскаго нарѣчія параллельно съ русскимъ, въ языкѣ же церковно-славянскомъ видѣлъ совокупность всѣхъ славянскихъ нарѣчій, въ чемъ отступалъ отъ Добровскаго. Наконецъ его литературныя сношенія съ Ганкой повліяли впоследствии на открытіе каедръ славянской филологіи въ русскихъ университетахъ. Каченовскій въ вопросѣ о народности церковно-славянскаго языка держался довольно шаткой мысли Добровскаго, утверждавшаго сначала, что языкомъ перевода св. писанія былъ древне-сербскій^{*},

* Slavin. 1806. № 20.

а затѣмъ, что это было древнее, еще не смѣшанное сербско-болгарско-македонское нарѣчіе ⁴; но въ то же время чувствовалъ необходимость изученія славянскихъ нарѣчій для успѣховъ науки о русскомъ словѣ. Еще въ 1817 году онъ доказалъ всю важность филологическаго изученія языка въ своемъ «Историческомъ взглядѣ на грамматику славянскихъ нарѣчій» ⁵, написанномъ подъ вліяніемъ Добровскаго. Въ то время какъ Добровскій печаталъ свой классическій трудъ, посвященный церковно-славянскому языку: *Institutiones linguae slavicae*, на Руси уже всѣ, заинтересованные судьбою древне-славянскаго просвѣщенія, читали знаменитое «Разсужденіе о славянскомъ языкѣ, служащее введеніемъ къ грамматикѣ сего языка, составляемой по древнѣйшимъ онаго письменнымъ памятникамъ» ⁶. Сочинитель этого разсужденія, Востоковъ, основываясь на текстѣ Остромирова евангелія, приготовляемаго имъ къ изданію, разъяснилъ значеніе такъ называемыхъ полугласныхъ буквъ въ древне-славянскомъ алфавитѣ и открылъ носовое произношеніе юсовъ, которые предшественниками его считались излишними знаками въ славянскомъ алфавитѣ. Это весьма важное открытіе въ мірѣ славянской филологіи, вмѣсто уясненія особенностей церковно-славянскаго языка, какъ древне-болгарскаго, могло въ ту пору незнакомства съ живымъ болгарскимъ нарѣчіемъ устранить необрѣпшую мысль о болгарскомъ происхожденіи славянскаго перевода св. писанія,—мысль высказанную еще Иорданомъ ⁷ въ первой половинѣ прошлаго столѣтія и повторенную Шлецеромъ ⁸. Носовыхъ звуковъ не замѣчали у болгаръ; и самъ Востоковъ думалъ, что они находятся только у поляковъ и у люнебургскихъ славянъ, слѣдуя указанію Добровскаго ⁹. И это важное для филолога открытіе носовыхъ звуковъ у болгаръ впервые было сдѣлано, какъ увидимъ, тоже казанскимъ ученымъ. Востоковъ между прочимъ замѣтилъ въ своемъ разсужденіи, что «древне-славянскій языкъ заключается въ письменныхъ памятникахъ IX — XIII ст., затѣмъ средній, а съ XVI столѣтія—новый». Говорятъ, что Добровскій, узнавшій о разсужденіи Востокова только при выпускѣ въ свѣтъ своей церковно-славянской грамматики, такъ былъ пораженъ наблюденіями рус-

⁴ Cyrill und Method. 133.

⁵ Труды Общества любителей російской словесности, при московск. университетѣ. Ч. IX.

⁶ *Ibid.*, ч. XVII. Нѣсколько ранѣе В. упомянулъ о томъ же въ Вѣстникѣ Европы.

⁷ *De originibus Slavicis*. IV. 126.

⁸ *Nestor*. I. § 18.

⁹ *Slovanka*. I. 12—26; II. 220—228.

скаго ученаго, что едва не уничтожилъ всего изданія своей грамматики. Впослѣдствіи въ 1843 г. Востоковъ издалъ текстъ Остромирова евангелія съ примѣчаніями, въ которыхъ привелъ въ стройную систему свои открытія въ области церковно-славянской грамматики. Но этому классическому труду предшествовали другіе, разъяснявшіе судьбы древне-славянской письменности. Уже въ 1824 г. онъ началъ свое ученое палеографическое описаніе рукописей гр. Румянцева, которое было издано въ 1842 г., и изучалъ въ числѣ другихъ памятниковъ извѣстный Святославовскій или вѣрнѣе Симеоновскій сборникъ 1073 г. Въ томъ же 1824 г. Калайдовичъ издалъ любопытное «Исслѣдованіе, объясняющее исторію словенскаго языка и литературы IX и X-го столѣтій», подъ названіемъ: «Іоаннъ экзархъ Болгарскій». Въ этомъ изслѣдованіи о дѣятельности современника Кирилла и Меѳодія Калайдовичъ доказывалъ, что основой церковно-славянскаго языка былъ языкъ моравскій, общій для болгаръ, сербовъ и русскихъ ¹⁰. Въ слѣдующемъ 1825 г. Калайдовичъ и Строевъ издали описаніе славянскихъ рукописей гр. Толстого.

Такимъ образомъ понемногу раскрывались матеріалы древне-славянской письменности, и въ томъ же 1825 г. ученый Кеппенъ могъ уже задумать библиографическій журналъ, посвященный главнѣйшимъ образомъ славяновѣднію. Въ Востоковѣ Кеппенъ нашелъ дѣятельнаго сотрудника, помѣстившаго тамъ описаніе двухъ рукописей XI в.: твореній Григорія Богослова ¹¹ и такъ называемой Супрасльскаго рукописи ¹².

Во время путешествія своего по славянской Европѣ, Кеппенъ старательно собиралъ свѣдѣнія о древнихъ славянскихъ памятникахъ и снимки съ нихъ, между которыми были и извѣстныя Фрейзингенскія статьи, памятникъ можетъ быть X в., съ особенностями словинскаго нарѣчія. И въ изданіи «Собранія словенскихъ памятниковъ, находящихся внѣ Россіи», вышедшемъ въ свѣтъ въ началѣ 1827 г., Востоковъ помѣстилъ свои «Грамматическія объясненія на три статьи Фрейзингенской рукописи». Въ объясненіяхъ своихъ Востоковъ сказался въ пользу болгарскаго нарѣчія, какъ церковно-славянскаго.

Одновременно съ этими явленіями на Руси, у славянъ высказывается стремленіе комбинировать литературныя явленія всего славянскаго міра, стремленіе видѣть во всемъ политически разьединенномъ славянствѣ одну семью. Самымъ

¹⁰ Іоаннъ экзархъ болгарскій. Стр. 7—8.

¹¹ Библиографическіе листы, № 7.

¹² Библиографическіе листы, № 14.

крупнымъ по мысли вкладомъ въ славянскую науку того времени слѣдуетъ считать трудъ Шафарика: «Geschichte der Slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten», вышедшій въ 1826 г. Это сочиненіе должно считаться краеугольнымъ камнемъ, положеннымъ въ основаніе славяновѣдѣнія вообще. Въ немъ впервые были собраны воедино всѣ открытія въ мѣрѣ славянскаго слова, въ немъ выразилась глубокая мысль, что судьбы славянскаго слова могутъ быть разсматриваемы только въ совокупности явленій. Шафарикъ, чуждый политической пропаганды, выставилъ на видъ Европѣ значеніе многочисленнаго племени, раздробленнаго, но живущаго одной жизнью. Въ 1831 г. Шафарикъ издалъ важный по времени «Обзоръ главнѣйшихъ древнихъ рукописныхъ сербскихъ и другихъ южнославянскихъ памятниковъ»¹³. Въ 1833 г. тотъ же ученый издалъ трудъ о сербскомъ нарѣчій, которое, по словамъ автора, въ древнѣйшую уже эпоху отличалось отъ древне-славянскаго. Этимъ трудомъ окончательно опровергалась мысль о сербскомъ происхожденіи перевода св. писанія и. Въ 1837 г. Шафарикъ издалъ новый классическій трудъ о древнѣйшей исторіи всѣхъ славянъ до принатія ими христіанства. Въ немъ онъ уже путемъ историческихъ соображеній пришелъ къ положительному выводу, что церковно-славянскій языкъ былъ происхожденія болгарскаго, что славянская литургія естественнымъ образомъ шла не изъ Моравіи въ Болгарію, но наоборотъ¹⁴.

Между тѣмъ, за годъ до того, ученый словинецъ Копитаръ, издавшій древніе глаголическіе отрывки церковнославянскихъ поученій, выступилъ съ новымъ взглядомъ на исторію славянскаго алфавита и происхожденіе церковно-славянскаго языка. Рукопись, на основаніи которой Копитаръ возсталъ противъ мнѣнія Добровскаго, по особенностямъ языка и письма не походила на тѣ далматскія рукописи XIII — XIV в., на основаніи которыхъ Добровскій приписывалъ происхожденіе глаголическаго алфавита XIII вѣку. Копитаръ въ своемъ изслѣдованіи о глаголической рукописи Клоца приходилъ къ заключенію, что не только и кирилловскій и глаголическій алфавиты съ древнѣйшихъ поръ были въ ходу у славянъ, но что глаголическій оригинальный славянскій алфавитъ былъ старше кирилловскаго, заним-

¹³ Uebersicht der vorzüglichsten schriftlichen Denkmäler älterer Zeiten bei den Serben und anderen Südslawen. Wiener Jahrbücher der Literatur. T. 53.

¹⁴ Serbische Lesekörner, oder historisch-kritische Beleuchtung der Serbischen Mundart. Pesth. 1833, стр. 116.

¹⁵ Slowanské starožitnosti. W Praze. 1837, стр. 818.

ствованнаго у грековъ. Относительно церковно-славянскаго языка Копитаръ высказалъ мысль объ его паннонскомъ происхожденіи ¹⁶. Тогда же появляются труды польскихъ ученыхъ, напр. Мацѣевскаго, издавшаго «Исторію славянскихъ законодательствъ» и писавшаго объ исторіи и литературѣ славянъ ¹⁷, затѣмъ труды Вишневскаго, начавшаго изданіе своего замѣчательнаго сочиненія по исторіи польской литературы ¹⁸, и замѣчательный по мысли и выполнению обзоръ древней русской литературы Максимовича, взглянушаго на русское слово съ славянской точки зрѣнія ¹⁹. Я опускаю здѣсь перечень изданій многихъ памятниковъ по русской и славянской старинѣ, сдѣланныхъ до 40 годовъ,—изданій, выпущенныхъ въ свѣтъ съ цѣлью чисто прагматической, безъ надлежащей провѣрки текста, безъ соблюденія палеографическихъ особенностей. Памятники эти хотя и знакомили съ самымъ матеріаломъ, но были чужды научныхъ приемовъ изданія и, удовлетворяя перьямъ потребностямъ историка, поражали филолога небрежностью исполненія.

Въ настоящемъ перечнѣ указаны только главнѣйшіе труды по славянской филологіи, которые или положительно могли считаться откровеніями въ наукѣ или по крайней мѣрѣ предлагали выработанный методъ для послѣдующихъ изслѣдователей. Каждый изъ этихъ трудовъ дѣлался распространителемъ новыхъ идей въ области науки, хотя и не рѣшалъ окончательно многихъ и существенныхъ ея вопросовъ. Самый матеріалъ древне-славянской литературы, начиная съ церковно-славянской, былъ не только не обследованъ, но даже и не приведенъ еще въ извѣстность. Памятники, находящіеся на Руси, были извѣстны сравнительно болѣе, нежели хранящіеся въ монастырскихъ и церковныхъ библіотекахъ славянскаго юга; нарѣчіе болгарь, изучаемое по незначительнымъ и по количеству и по качеству пособіямъ, нуждалось въ изслѣдованіи своихъ особенностей для фундаментальнаго разъясненія вопроса о языкѣ первоначальнаго перевода св. писанія, вопроса весьма различно рѣшаемаго такими учеными, какъ Добровскій, Копитаръ, Востоковъ и Шафарикъ. То же слѣдуетъ сказать и объ алфавитѣ, съ которымъ связывался важный вопросъ о томъ, кому славяне обязаны за первоначальное просвѣщеніе—Западу или Востоку, откуда конечно

¹⁶ Glagolita Clozianus. IX.

¹⁷ Pamiętniki o dziejach pismienictwie i prawodawstwie Słowian. 1839.

¹⁸ Historia literatury Polskiej. T. I и II. 1840.

¹⁹ Исторія древней русской словесности. Соч. М. Максимовича. Кн. I. Киевъ. 1839.

вытекалъ результатъ: что исторія завѣщала славянамъ—быть имъ духовными чадами Рима или Византіи? Несомнѣнно—ученые труды Копитара, касавшіеся начала славянской письменности, по мнѣнію нѣкоторыхъ, имѣли иную подкладку. «Все что онъ писалъ—говорить Гильфердингъ—имѣло цѣлью унижить значеніе кириллицы, священнаго письма православныхъ славянъ, доказательствами въ пользу старшинства глагольской азбуки (пользовавшейся, какъ извѣстно, покровительствомъ Рима), которой Кирилль и Меѳодій были, по его словамъ, только подражателями, и въ пользу того мнѣнія, будто славянскіе просвѣтители перевели св. писаніе не на языкъ племени, принадлежащаго къ восточной церкви, на древній языкъ болгарь..., а на языкъ иллирійскихъ словенцевъ, находившихся всегда подъ властью Рима»²⁰.

Для новаго изслѣдованія этихъ вопросовъ нужны были и новые матеріалы. И русскому изслѣдователю предстоялъ трудъ не только усвоить себѣ все ранѣе выработанное наукой, но и пуститься на поиски за новыми данными. Между тѣмъ благодаря сношеніямъ Ганеи съ Шипковымъ и у русскаго правительства возникла мысль о необходимости ввести Славянскій міръ въ область обученія; и уже въ университетскомъ уставѣ 1835 г. въ число предметовъ преподаванія внесена «исторія и литература славянскихъ нарѣчій». Русскіе университеты должны были позаботиться о замѣщеніи вновь открытой каѳедры, а между тѣмъ не было, да и не могло быть на Руси ученыхъ, близко знакомыхъ съ Славянскимъ міромъ. Наконецъ въ 1840 г. петербургскій, московскій и харьковскій университеты отправили въ славянскія земли молодыхъ ученыхъ, имѣвшихъ впослѣдствіи занять каѳедры славянской филологіи. То были: Прейсъ, Бодянский и Срезневскій. Въ то же время и казанскій университетъ намѣтилъ себѣ преподавателя славянской науки въ лицѣ молодого Григоровича.

Григоровичъ, южно-русь по отцѣ²¹, усвоившій себѣ еще въ

²⁰ Русская Бесѣда. 1858 г. Обозр. 31 и *Les Slaves occidentaux*. Paris. 1858, pp. 49—50.

²¹ Въ виду разногласныхъ показаній о мѣстѣ рожденія В. И. Григоровича здѣсь сообщается копія съ метрическаго свидѣтельства:

«По указу Е. И. В. Подольской губ., изъ Балтскаго Духовнаго Правленія, служившему Балтскимъ повѣтовымъ стрѣльчимъ титулярному совѣтнику, Ивану Иванову сыну Григоровичу въ томъ, что рожденіе и крещеніе сына его Виктора, въ хранящихся въ архивѣ сего правленія за 1816 годъ города Балты соборной Рождествобогородичной церкви метрическихъ кни-

дѣтствѣ польскій языкъ отъ матери, первоначальное воспитаніе получилъ въ уманской школѣ базилиановъ, гдѣ могъ овладѣть языкомъ латинскимъ, продолжалъ свое образованіе въ харьковскомъ университетѣ, откуда съ дипломомъ дѣйствительнаго студента въ 1833 г.²² онъ и поступилъ на службу въ Петербургъ. Но уже въ январѣ 1834 г., какъ видно изъ актовъ, онъ является вновь студентомъ дерптскаго университета, гдѣ посвящаетъ себя классической филологіи. Любознательный юноша (ему не было еще и двадцати лѣтъ) не ограничивается впрочемъ факультетскими предметами, но занимается, какъ видно изъ актовъ, и славянщиной. Можетъ быть знакомство съ Прейсомъ, бывшимъ въ то время въ Дерптѣ, поддерживало славянскіе инстинкты Григоровича, а сношенія съ Горловымъ, предназначавшимся на университетскую кафедру въ Казани, познакомили администрацію казанскаго округа съ личностью будущаго слависта. Попечитель округа Мусинъ-Пушкинъ, всегда ревностный къ успѣхамъ науки и въ университетѣ и въ округѣ, вошелъ въ сношенія съ Григоровичемъ о занятіи кафедры славянской филологіи, и министерство нар. просвѣщ. прикомандировало Григоровича къ казанскому университету уже въ исходѣ 1838 г., съ намѣреніемъ отправить его въ путешествіе по славянскимъ землямъ, если онъ своими трудами и кандидатскимъ экзаменомъ докажетъ, что

гахъ, подъ № 50 отъ слова до слова состоитъ записано тако: 1815 года у Господина Балтскаго Повѣтоваго стряпчаго Титулярнаго Совѣтника Ивана Иванова сына Григоровича, Грекороссійскаго исповѣданія, и жены его Викторіи Антоновой римско-католическаго обряда законновѣнчанныхъ, родился сынъ Викторъ, котораго тогожъ года города Балты Соборный Священникъ Василій Мойдичевскій Апреля 30-го молился, а настоятель Балтскаго собора Протоіерей Петръ Товетицкій 1816 годовъ октября 24-го числа муромазывалъ; воспріемникомъ былъ Балтскій Уѣздный Казначей Титулярный совѣтникъ Данило Кондратьевъ сынъ Маслово, въ удостовѣреніе чего и сіе ему Григоровичу изъ предпомянутаго Духовнаго правленія, за надлежащимъ подписаниемъ, и приложеніемъ казенной печати въ Уѣздномъ городѣ Балты дано. Ноября 22 дня 1818 года. Присутствующій Іерей Іоаннъ Боратинскій. Письмоводитель 14 класса Крышталовичъ Копиистъ Мойдичевскій».

NB. Мать В. И. Григоровича была польскаго рода Шелеховскихъ. Одна вѣтвь ихъ, переѣхавшая въ Россію, извѣстна подъ именемъ Шелеховыхъ. См. біографію Григоровича въ 1-мъ томѣ Біогр. словаря профессоровъ московскаго университета. Т. I, стр. 271.

²² Изъ аттестата, даннаго правленіемъ харьковскаго университета, видно, что Григоровичъ, поступившій въ этико-филологическое отдѣленіе философскаго факультета 1830 года, сентября 4 дня, находился студентомъ по іюль мѣсяца 1833 года. Аттестатъ подписанъ ректоромъ Иваномъ Кронебергомъ и деканами факультетовъ.

можетъ быть полезнымъ университету. 27 апрѣля 1839 г. Григоровичъ прибылъ въ Казань и обязывался, приготавливаясь къ кандидатскому экзамену, черезъ каждые четыре мѣсяца, доносить о своихъ занятіяхъ попечителю и факультету. Три отчета представлены были имъ до весны 1840 г. Первый заключался въ изложеніи «хода его занятій языками въ отношеніи къ церковному и постепеннаго знакомства съ сочиненіями лучшихъ славянскихъ филологовъ». Уже въ 1-мъ отчетѣ Григоровичъ высказалъ солидарность свою съ Капитаромъ по вопросу, «къ какому племени должно отнести языкъ нынѣ называемый церковно-славянскимъ». Въ 2-мъ отчетѣ Григоровичъ говорилъ «о задачахъ, въ рѣшеніи которыхъ состояла сущность его занятій, о томъ, какія нарѣчія должны быть предметомъ изученія въ литературномъ отношеніи и чѣмъ руководствовался онъ, желая достигнуть общихъ началъ, заключающихъ основаніе этихъ нарѣчій въ совокупности и какимъ образомъ приступалъ къ изученію литературъ, выраженныхъ этими нарѣчіями». Въ 3-мъ отчетѣ въ обзорѣ исторіи славянскихъ литературъ, Григоровичъ высказываетъ свой взглядъ на ходъ и направленіе просвѣщенія у славянъ. Въ юнѣ 1839 г. Григоровичъ уже сдалъ кандидатскій экзамень, а въ мартѣ слѣдующаго года представилъ и кандидатскую диссертацию: «Ислѣдованія о церковно-славянскомъ нарѣчій, основанныя на изученіи его въ древнѣйшихъ памятникахъ, на историческихъ свидѣтельствахъ и отношеніи его къ новѣйшимъ нарѣчіямъ». Рукопись ислѣдованія, которое предназначалось факультетомъ къ печати, не отыскана въ актахъ университета, но изъ донесенія Григоровича факультету, отъ 31 мая 1840 г., видно, какою мысль положилъ авторъ въ основаніе своего труда. «Я довелъ—говоритъ онъ—до свѣдѣнія е. пр. (попечителя) о предметѣ моей диссертациі, долженствующей быть однимъ изъ результатовъ указанныхъ мною занятій; представилъ важность его, различныя мнѣнія о немъ, и сочиненія, служившія матеріаломъ для самой диссертациі. Ознакомливаясь съ языками, я остановился на вопросѣ, много занимавшемъ ученыхъ, старавшихся рѣшеніемъ его пояснить не только темныя пункты славянскаго языкознанія, но и доказать важнѣйшій въ исторіи славянъ фактъ, у какаго племени созрѣло христіанское просвѣщеніе до потребности пріявить его въ переводѣ св. писанія. Естественно, что поясненіе этого важнаго предмета должно проложить путь къ дальнѣйшимъ ислѣдованіямъ въ цѣломъ объемѣ языковъ и литературъ славянскихъ и вмѣстѣ послужить къ вѣрнѣйшимъ заключеніямъ о ходѣ просвѣщенія и его направленія у славянъ. Въ отчетѣ я представилъ, что склоняюсь къ догадкѣ Копитара въ отношеніи вопроса, къ ка-

кому племени должно отнести языкъ нынѣ называемый церковно-славянскимъ, въ диссертациі на степень изложилъ тому доказательства. Долгомъ почитаю донести 1-му отдѣленію философскаго факультета, что въ рѣшеніи моей задачи не могъ исчерпать этотъ предметъ и разсмотрѣть по общимъ началамъ лингвистики, теперь только что возникающей и по всѣмъ историческимъ свидѣтельствамъ, собраніе которыхъ требовало и полнѣйшихъ матеріаловъ и исключительнаго посвященія трудовъ, къ которымъ конечно, при другихъ занятіяхъ по предмету славянщины, не могла меня звать кандидатская степень. Поэтому я отвергъ всѣ догадки, какъ бы онѣ ни казались вѣроятными и даже несомнѣнными, въ полномъ увѣреніи, что отъ искателя упомянутой степени будутъ требовать не домысловъ и вѣроятностей, а положительнаго знакомства съ предметами, составляющими содержаніе моей диссертациі, въ которой мнѣ предстояло доказать, вполнѣ ли я постигаю требованія, дѣлаемые славянскому филологу. Вотъ почему я отступилъ отъ мнѣній Копитара тамъ, гдѣ они ему собственно принадлежатъ, и согласился съ тѣми, которыя не противорѣча подлиннымъ свидѣтельствамъ исторіи, доставили ему такъ какъ и прочимъ ученымъ, Шлецеру, Добровскому и проч., доказательства въ рѣшаемомъ вопросѣ. Извѣстно, что Копитаръ упомянутый вопросъ поставилъ въ зависимость отъ другаго, бывшаго предметомъ постоянныхъ опроверженій Добровскаго, съ которыми согласились послѣдующіе ученые; говорю здѣсь о глаголитѣ, изобрѣтеніе которой Добровскій относилъ къ XII или XIII столѣтіямъ, Гриммъ и Копитаръ напротивъ, почитая ее древнѣйшею азбукою, къ временамъ предшествовавшимъ кириллицѣ. И такъ какъ глаголитская азбука господствовала и господствуетъ у славянъ, обитающихъ у сѣверныхъ береговъ Адриатическаго моря, близъ Изонцо, дальше на Савѣ и Дравѣ, слѣдственно не у сербовъ восточнаго исповѣданія и не у болгаръ, то достаточно будетъ доказать древность этой азбуки, дабы убѣдиться въ возможности употребленія письменности независимо отъ изобрѣтенія Кириллицы. Это предпринялъ Копитаръ издавая рукопись Клоца и силясь описаніемъ ея доказать, что она принадлежала вѣндо-словенамъ. Сверхъ того, дабы пояснить, что языкъ этихъ славянъ былъ текстомъ священнаго писанія, переведеннаго Меѳодіемъ, онъ приводитъ слова вышне-нѣмецкаго языка (*das Hochdeutsche*) и сличаетъ западный календарь съ синаксаромъ Остромирава Евангелія. Какъ матеріалы Копитаръ присоветовалъ Зальцбургскую лѣтопись, упоминаемую Шлецеромъ, перепечаталъ Фрейзингенскіе памятники, изданные Кеппеномъ, прибавивъ вмѣстѣ съ хронологической таблицей ихъ исторіи обращенія

языковъ подунайскихъ славянъ и краткую грамматику вмѣстѣ съ словаремъ церковно-славянскаго языка. Поставивъ себѣ въ обязанность въ изслѣдованіи моемъ держаться положительныхъ свѣдѣній касательно моего предмета, я не придерживался главнѣйшихъ мнѣній Копитара, но искалъ доказательствъ въ Несторѣ и показавъ невѣрность и противорѣчіе легендъ, старался во всемъ слѣдовать древнѣйшимъ свидѣтельствамъ о славянахъ. Въ отношеніи сравненія нарѣчій, филологически сличилъ языкъ памятниковъ, сохраненныхъ у русскихъ славянъ съ языкомъ памятниковъ, признаваемыхъ виндо-словенскими и старался, показавъ древность различій нарѣчій славянскихъ, указать на отношеніе сербскаго, болгарскаго и виндо-словенскаго къ церковно-славянскому. Такимъ образомъ независимо отъ доказательствъ Копитара, я основалъ рѣшеніе вопроса мною на вѣрнѣйшихъ и положительныхъ доводахъ, приведши вездѣ источники, откуда почерпалъ матеріалъ для моихъ соображеній».

Эта длинная выписка изъ оффиціального доклада уясняетъ намъ до извѣстной степени и значеніе утраченнаго перваго ученаго труда Григоровича и вмѣстѣ съ тѣмъ служить какъ бы программой всей его ученой дѣятельности, посвященной изслѣдованію такихъ первостепенныхъ вопросовъ въ славянскомъ языкознаніи, какъ вопросъ о языкѣ перевода св. писанія и видѣ древнѣйшаго славянскаго алфавита. Правда, Григоровичъ началъ въ печати свою дѣятельность трудами общаго характера, но затѣмъ перешелъ къ частностямъ, изслѣдованіе которыхъ и сдѣлало имя его извѣстнымъ всему славянскому міру.

30-го мая 1840 года первое отдѣленіе философскаго факультета казанскаго университета разсматривало кандидатскую диссертацию Григоровича, и рецензентъ ея, проф. Фойгтъ, донесъ отдѣленію, что «диссертациа Григоровича, заключаая въ себѣ развитіе мысли Копитара о переводѣ книгъ св. писанія, и доказательства уважительныя, самому сочинителю принадлежащія, удовлетворяетъ, по его мнѣнію, вполнѣ условіямъ кандидатской степени; но языкъ и слогъ требуютъ многихъ исправленій, а цитаты большей точности. Впрочемъ г. Фойгтъ полагаетъ, что, по сдѣланіи сихъ исправленій, диссертациа Григоровича можетъ быть помѣщена въ Ученыхъ Запискахъ казанскаго университета». Мнѣніе проф. Фойгта встрѣтило оппозицію со стороны проф. русской исторіи Н. А. Иванова, который «находилъ, что разсужденіе дѣйствительнаго студента Григоровича представляетъ неудачную попытку сдѣлать вѣроятнымъ извѣстное мнѣніе Копитара; особенно слабою почиталъ (Ивановъ) историче-

скую часть разсужденія, въ которой доказательства основаны на догадкахъ, а не на положительныхъ источникахъ; что же касается языка, то г. Ивановъ признаетъ, что диссертация Григоровича, по значительнымъ грамматическимъ ошибкамъ, чрезвычайно неудовлетворительна для предоставленія ему кандидатской степени. Прочіе члены, соглашаясь съ мнѣніемъ г. Фойгта, полагали, что Григоровичъ достоинъ искомой имъ степени. Отдѣленіе, основываясь на большинствѣ голосовъ, опредѣлило: представить о семъ на утвержденіе совѣта... Совѣтъ, конечно, согласился съ большинствомъ факультета, сдѣлавъ въ своемъ опредѣленіи слѣдующее прибавленіе: «Что же касается до недостатковъ въ слогѣ и въ языкѣ написанной диссертации, то не можетъ это почитаться препятствіемъ, какъ и самое отдѣленіе обращаетъ на это вниманіе только съ тою цѣлю, чтобы диссертация могла быть напечатана въ Ученыхъ Запискахъ».

Первымъ по времени печатнымъ трудомъ Григоровича было: «Краткое обзорѣніе славянскихъ литературъ», вошедшее въ первую книжку Уч. Записокъ казанск. университета, стр. 93—153, за 1841 г.²³

Это самое «Обзорѣніе» представлено было въ факультетъ еще 26-го мая 1840 года въ качествѣ 3-го отчета о занятіяхъ. Уже на первой страницѣ этого прекраснаго труда авторъ опредѣлилъ весь характеръ просвѣщенія славянъ противоположностью просвѣдительныхъ началъ, вошедшихъ въ славянство. «Восточное и западное исповѣданіе, греки и германцы, вотъ что опредѣляетъ въ началѣ весь характеръ просвѣщенія славянъ», говорилъ Григоровичъ. Славяне на югъ отъ Дуная и на востокъ отъ карпатскихъ горъ, принявъ вмѣстѣ съ восточнымъ исповѣданіемъ переводъ Библии на языкъ виндо-словеновъ, дали ему съ урономъ собственныхъ нарѣчій, литературное значеніе. Исключительно богословское образованіе было причиной, что свѣтская литература у болгаръ, русскихъ и сербовъ должна была уступить богословской и надолго оставалась въ совершенномъ пренебреженіи. Зато религиозное образованіе, сосредоточивъ въ себѣ всю дѣятельность ученыхъ, обогатило этихъ славянъ всѣми сокровищами, важными и для догматики восточной церкви и для упроченія христіанскаго просвѣщенія. Два главные признака, языкъ и направленіе, долго остаются одними въ литературахъ сихъ трехъ народовъ, слѣд. онѣ нераздѣльны, онѣ составляютъ одно цѣлое. Доколѣ народные языки восточныхъ славянъ

²³ Отд. оттиски: Краткое обзорѣніе славянскихъ литературъ. Виктора Григоровича. Казань, въ университетской типографіи. 1841. 63 стр.

не получили перевѣса, духъ и форма ихъ письменности одна и та же. Потому—заканчиваетъ авторъ—думаю, что литературы этихъ славянъ отъ начала христіанства до половины XVIII ст., если имѣть въ виду главные ихъ памятники, должно обозрѣвать въ совокупности, какъ одно нераздѣльное цѣлое».

Нельзя было въ немногихъ словахъ сказать болѣе: они вѣрны до осязательности, и дальнѣйшая разработка историко-литературныхъ вопросовъ въ славянствѣ только подтверждала ихъ прочность. Въ живой картинѣ, яркой и вполне оригинальной, авторъ представилъ судьбы славянской литературы, эпохи ея процвѣтанія и времени ея упадка у различныхъ народностей, и заключилъ мыслью о взаимности иногда рациональной, иногда случайной между славянскими явленіями въ мірѣ слова. «Славяне—говоритъ Григоровичъ, хоть и разрозненные, имѣютъ много общаго; они имѣютъ какое-то сочувствіе въ великихъ и благотворныхъ начинаніяхъ и не разъ движутся однимъ и тѣмъ же восторгомъ, одною и тою же идеей». Въ трудѣ Григоровича это были не фразы, а логическій выводъ изъ его историческаго разсказа. По глубинѣ и широтѣ взгляда статья эта не только имѣла, но и должна имѣть несокрушимое значеніе. Принимая филологическій выводъ Копитара касательно паннонскаго происхожденія церк.-славянскаго языка, Григоровичъ оставался вѣрнѣ мысли, что Западъ для славянства былъ губительнѣе Византіи, не посягавшей по крайней мѣрѣ на народный языкъ. Близкое знакомство Григоровича съ языкомъ Византіи, передававшей плоды своей богословской дѣятельности славянамъ, все болѣе и болѣе заставляло его углубляться въ связь литературныхъ явленій Византіи и южнаго православнаго славянства и послужило—какъ увидимъ ниже—къ замѣчательнѣйшимъ открытіямъ въ сферѣ славянской науки.

Григоровичъ, приглашенный къ занятію славянской катедры, между тѣмъ читалъ греческій языкъ студентамъ всѣхъ курсовъ⁴², и готовился къ магистерскому экзамену. Въ маѣ 1841 г. Григоровичъ окончилъ свой магистерскій экзаменъ, на которомъ онъ пред-

⁴² Хотя и поручалось Григоровичу преподаваніе греческаго языка въ 3-мъ и 4-мъ курсахъ филологическаго факультета, какъ видно изъ дѣлъ университета, на что указано и Мурзакевичемъ въ некрологѣ Григоровича (Зап. Од. Общ. Ист. и Др., томъ XI), но въ Отчетѣ п. казанскаго ун.—та и уч. округа за 17 лѣтъ, изданномъ К. К. Фойгтомъ въ 1844 г. въ Казани, читаемъ: «Въ 1839 г. съ увольненіемъ профессора Мистаки, преподаваніе поручено было кандидату Григоровичу, который изъяснялъ студентамъ 1 и 2 курсовъ, три часа въ недѣлю, отрывки изъ Эліана, Плутарха и греческой антологіи; а студентамъ 3 и 4 курсовъ, три часа въ недѣлю,—Ксенофонта и Фукидида» (стр. 37).

ставилъ и четыре письменныхъ отвѣта. Два изъ нихъ посвящены славянщинѣ; одинъ: «О драматической поэзіи славянъ въ ея развитіи»; другой: «Объ эпическомъ элементѣ поэзіи всѣхъ славянъ, какъ по дошедшимъ поэтическимъ памятникамъ, такъ и по указаніямъ лѣтописцевъ». Въ первомъ онъ, не довольствуясь общими взглядами на драматическое искусство у различныхъ славянскихъ племенъ, опредѣлилъ и тѣ условія, при которыхъ оно развивалось и не забылъ охарактеризовать главнѣйшихъ дѣятелей на этомъ поприщѣ и замѣчательнѣйшія ихъ произведенія. Второй вопросъ, выражаясь словами проф. рецензента, «Григоровичъ рѣшилъ весьма подробно, отчетливо и съ глубокой пронизательностью. Общая характеристика эпическаго элемента поэзіи всѣхъ славянъ опредѣлена во всѣхъ отношеніяхъ вѣрно, съ философскимъ воззрѣніемъ на предметъ и энтузіазмомъ славянина. Раздѣленіе славянскихъ пѣсенъ на былевныя и бытовныя и подраздѣленіе первыхъ по различнымъ цикламъ, подобно народнымъ эпическимъ преданіямъ европейскихъ народовъ, — весьма удачно. Частныя подробности и отдѣльныя явленія въ эпической поэзіи главнѣйшихъ племенъ древнихъ славянъ приведены во множествѣ, весьма любопытны и доказываютъ въ магистрантѣ какъ обширную его начитанность, такъ и совершенное усвоеніе имъ сего труднаго и многосложнаго вопроса».

Въ этомъ тепломъ отзывѣ о трудахъ Григоровича пріятно видѣть сочувствіе, въ которомъ такъ нуждался одинокій ученый, обладающій тайнами науки, тогда еще недоступной даже въ ея конечныхъ выводахъ большинству ученой корпораціи. Съ тѣмъ вмѣстѣ выраженіе рецензента: «подобно народнымъ эпическимъ преданіямъ европейскихъ народовъ», ясно доказываетъ, что даже у истинно-образованныхъ людей того времени европейское какъ бы противопологалось славянскому, и противопологалось едвали въ пользу славянъ. Такъ трудна была та первоначальная пора разсвѣта славянскаго образованія на Руси вообще, а не въ одной Казани.

Вслѣдъ за окончаніемъ экзамена Григоровичъ представилъ на утвержденіе факультета и тему для магистерской диссертациі. Въ прошеніи объ этомъ, поданномъ 17 мая 1841 г., Григоровичъ высказалъ и ту мысль, которая всегда руководила его при взглядѣ на судьбы славянской литературы: «Слѣдуя указанной мнѣ цѣли на новомъ поприщѣ учености, говорилъ Григоровичъ, въ изученіи славянскихъ литературъ всегда стремился я обнимать ихъ въ совокупной связи и находить близкія или отдаленныя отношенія славянъ въ высшей сферѣ человѣчества — духовной, обнаруженной словомъ. Если не въ самомъ процессѣ развитія литературы, то по крайней мѣрѣ на извѣстныхъ его степеняхъ можно удобнѣе созерцать общ-

ность, видѣть въ этой дѣлности и зародышъ дальнѣйшаго развитія. Думая, что, познакомившись съ литературой на степеняхъ усиленной нравственной дѣятельности, выиграю многое для объясненія частныхъ явленій и самаго процесса развитія, устремлялъ я усилія мои на главныя точки ея совершенствованія и теперь желаю обнаружить мои понятія въ отдѣльномъ разсужденіи, которое назвалъ бы: литература славянъ въ ея замѣчательнѣйшихъ эпохахъ».

Проф. Фойгтъ снова весьма лестно отозвался о новомъ трудѣ Григоровича, и Григоровичъ 11 октября 1842 г. публично защитилъ свою диссертацию, носящую скромное названіе «Опыта изложенія литературы словенъ въ ея главнѣйшихъ эпохахъ»²⁵.

²⁵ Помѣщено въ III (стр. 105—216) и IV (стр. 3—58) книжкахъ Учен. Записокъ казанскаго ун-та за 1842 г., изданныхъ въ 1843 г., и отдѣльно, съ прибавленіемъ на титулѣ словъ: Часть I. 1 и 2 эпохи. Казань. 1843. 1—120 стр. + 1 стр. печатокъ. Книга печаталась въ отсутствіе автора и преисполнена всевозможныхъ и невозможныхъ печатокъ. Послѣ обозначенія главнѣйшихъ печатокъ корректоръ прибавилъ: «Текстовъ на разныхъ нарѣчіяхъ славянскихъ, за неизмѣнимъ шрифтовъ, нельзя исправить».—Вотъ «Положенія для диспута на полученіе степени магистра, кандидата Григоровича», не вошедшія въ экземпляры диссертациі.

1) Философія заключаетъ результаты извѣстной степени развитія человѣческой духовной природы. Литература выражаетъ самое движеніе духовной природы человѣка, результатомъ котораго есть самосознаніе.

2) Эпохи литературы можно только обозначить отношеніями, изъ которыхъ развивается новое начало, новая потребность опредѣлить себя.

3) Литература словенъ начинается въ періодѣ ихъ перехода отъ природности (натуралізма) къ христіанству.

4) Всеобщность словенскаго богослуженія была главнымъ направленіемъ развитія словенъ въ 1-й эпохѣ ихъ литературы.

5) Всѣ явленія 2-й эпохи литературы словенъ развились изъ этнографическихъ отношеній племенъ словенскихъ въ отдѣльности къ Византіи и германцамъ и общихъ всѣхъ словенъ къ нехристіанскому Востоку.

6) По отношенію къ Востоку словене, проникнутые христіанствомъ, глубже сознавали свое значеніе въ человѣчествѣ и потому поэзія, какъ выраженіе ихъ міросозерданія, въ этомъ отношеніи получаетъ самый возвышенный характеръ.

7) Значеніе Гусса и его непосредственныхъ послѣдователей имѣетъ двѣ стороны, равно важныя въ исторіи народовъ: борьба съ папизмомъ и самобытность просвѣщенія западныхъ словенъ.

8) Такъ называемая Іоакимова лѣтопись въ исторіи Татищева есть сочиненіе второй половины XVII столѣтія и составлена съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы служить основаніемъ чьей-либо родословной.

9) Разнородность стихій въ Русской Правдѣ еще не уничтожена; еще не видно въ ней дѣлности. Раскрытіе этихъ стихій, дѣлаемое учеными толкователями ея, вовсе неудовлетворительно».

Мысль о новизнѣ Іоакимовской лѣтописи Григоровичъ разъяснилъ въ од-

Въ трудѣ этомъ, обнимающемъ литературныя явленія у славянъ съ IX в. до начала XV-го, Григоровичъ далъ образецъ того, какъ слѣдуетъ излагать судьбы литературы при той взаимности между ними, которая громко говоритъ о солидарности духовныхъ интересовъ всего славянскаго племени. «Слѣдуя за явленіями въ литературѣ словенъ, выражавшей постепенное развитіе ихъ сознанія», Григоровичъ «обозначилъ главнѣйшія эпохи ея, начиная отъ первой зари христіанскаго просвѣщенія до сознанія идеи въ цѣлостномъ ея опредѣленіи, до примиренія ея съ дѣйствительностью, до первыхъ моментовъ народности словенской литературы».

Всю исторію литературы словенъ Григоровичъ дѣлитъ на шесть эпохъ:

I-я эпоха отъ IX стол., т. е. отъ введенія христіанства и распространенія словенскаго богослуженія до конца X ст., и даже до половины XI, когда словене раздѣлились на словенъ западнаго и словенъ восточнаго исповѣданій.

II-я эпоха отъ половины XI ст. до начала XV, т. е. до появленія Гусса у западныхъ словенъ и первыхъ споровъ католицизма съ православіемъ, выраженнымъ въ литературѣ.

III-я—отъ начала XV ст. до 1620 г. у западныхъ словенъ, т. е. до возобладанія іезуитизма и до 1634 г., т. е. до основанія академіи кievской, съ которой началась у восточныхъ словенъ ученость схоластическая, имѣвшая вліяніе не только на русскихъ, но и на сербовъ.

IV-я эпоха съ 1634 г. до половины XVIII ст., т. е. до появленія Ломоносова, Конарскаго, Япеля, Крамеріуса, Обрадовича и прочихъ.

V-я—отъ появленія великихъ двигателей словенскаго слова до появленія романтизма.

VI-я эпоха намъ современная.

Въ первой эпохѣ перехода отъ натурализма къ христіанству Григоровичъ пришелъ къ слѣд. выводамъ: а) Раздробленные словене на многія отдѣльныя племена—съ христіанствомъ получили значеніе болѣе индивидуальное. б) Возможность христіанства лежала глу-

номъ изъ своихъ послѣднихъ трудовъ, а именно, на стр. 24—26 «Записки аптекаря о поѣздѣ его на Калку и Калміусъ, въ Корсунскую землю и на южныя побережья Днѣпра и Днѣстра». Одесса. 1874.

По словамъ очевидца А. И. С—ова («Древняя и Новая Россія», за 1877, № 5, стр. 75—76), «диспутъ кончился полнымъ торжествомъ Григоровича и рѣшительнымъ поражениемъ (его оппонента) проф. Иванова. На всѣ замѣчанія и саркастическія выходы оппонента Григоровичъ возражалъ (хотя пускался и заикался) съ такимъ знаніемъ дѣла, что вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы и сразу завоевалъ себѣ уваженіе и симпатію студентовъ».

боку въ самомъ характерѣ словенъ, исполненіе ея облегчено вліяніемъ грековъ. в) Первымъ необходимымъ явленіемъ сознанія идеи христіанства было словенское богослуженіе, и слѣдственно г) съ словенскимъ богослуженіемъ начинается литература какъ потребность уяснить себѣ идею, въ непосредственномъ ея памятникѣ, Откровеніи. д) Это словенское богослуженіе обнимало всѣхъ христіанскихъ словенъ. е) Только тамъ, гдѣ не было добровольнаго принятія христіанства, тамъ язычество поставило себя враждебнымъ ему. ж) Притязанія германскаго императора заставили словенъ—однихъ упорствовать въ язычествѣ, другихъ мало-по-малу оставить словенское богослуженіе ²⁶.

Характеризуя вторую эпоху, Григоровичъ находилъ, что всѣ памятники ея носятъ яркій характеръ сознаваемыхъ въ ней задачъ просвѣщенія, что оно а) поставило словенъ въ противоположность съ Востокомъ, что б) развиваясь въ двухъ религіозныхъ сферахъ, оно состояло въ постепенномъ сознаніи задачъ каждой изъ нихъ въ данныхъ отношеніяхъ; что в) у восточныхъ словенъ оно было развитіемъ сознанія въ сферѣ православія подъ вліяніемъ—не непосредственнымъ однакожъ—Византіи; что г) у западныхъ словенъ оно состояло въ безусловномъ подчиненіи себя всѣмъ требованіямъ католицизма и германизма: внѣшнія условія католицизма и жизни католическихъ народовъ были мало-по-малу сознаваемы и выражались въ соотвѣтственныхъ сему памятникахъ; что д) отличительнымъ признакомъ просвѣщенія словенъ восточнаго исповѣданія было непосредственное знакомство съ источникомъ вѣры, св. писаніемъ, и вслѣдствіе сего свободное развитіе литературы, остановленное бѣдствіями, постигшими ихъ общественную жизнь. Развиваясь свободно, литература обогатилась замѣчательными памятниками въ области прозы; что е) отличительный признакъ просвѣщенія словенъ западнаго исповѣданія въ первой половинѣ этой эпохи есть почти совершенная скудость народныхъ памятниковъ, происшедшая отъ продолжительнаго подавленія сознанія чуждыми вліяніями, и усиленная дѣятельность чеховъ, во второй половинѣ эпохи, во всѣхъ областяхъ литературы, — дѣятельность, сообщившаяся полякамъ и пріуготовившая первыхъ къ важнымъ подвигамъ на поприщѣ исторіи и литературы въ слѣдующей эпохѣ ²⁷.

Григоровичъ въ изложеніи литературныхъ фактовъ исходилъ изъ той мысли, что «всякое предыдущее явленіе славянской жизни пред-

²⁶ Опытъ, стр. 63—64.

²⁷ Опытъ, стр. 118—120.

опредѣляло послѣдующее, что ни одинъ изъ всѣхъ моментовъ нравственной дѣятельности не потерянь для настоящаго, что они были доказательствомъ общаго призванія славянъ, для котораго работало и работаетъ каждое племя и, слѣдственно, сама литература словенъ не есть сборъ фактовъ, списокъ разнообразныхъ предметовъ, а скрижали развивающагося въ необходимой постепенности общаго сознанія—отверженіе съ каждымъ моментомъ болѣе и болѣе уясняющагося призванія цѣлаго нашего рода»²⁸. Григоровичъ твердо вѣровалъ, что «keine grosse Völkergruppe, kein wichtiges Stadium der Geschichte ohne den zu Grunde liegenden Gedanken ist»; что «alle Uebergänge und Entwicklungen aus den vorhergehenden sich nachweisen lassen»: эти слова одного изъ критиковъ Гегеля²⁹) Григоровичъ и поставилъ эпиграфомъ своей исторіи славянской культуры.

Въ вопросѣ о происхожденіи церковно-славянскаго языка Григоровичъ только представилъ доводы своихъ ученыхъ предшественниковъ и въ пользу болгаръ, и въ пользу словенцевъ. Какъ немногочисленны были пособія у автора, видно изъ перечисленія ихъ въ началѣ книги³⁰ и изъ ссылокъ въ текстѣ. Впрочемъ изъ нихъ приводится заключать, что подъ руками автора не было даже классическаго труда Шафарика: *Geschichte der slavischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten* (Ofen. 1826), какъ замѣтилъ уже и Срезневскій³¹, хоть это и трудно допустить въ столь зоркомъ ученомъ, какъ Григоровичъ. Неудивительно, что авторъ не былъ знакомъ или не цитировалъ трудовъ Талви (v. Jakob)³² и Олберга³³, стремившихся итти по слѣдамъ гениальнаго Шафарика въ обзорѣ судебъ славянскаго языка и литературы, но рѣшительно отказываемся допустить незнакомство съ трудомъ Шафарика, или игнорированіе его книги. Такъ и кажется, что Григоровичъ, рѣшившійся писать исторію славянской литературы по лично имъ зрѣло обдуманному плану, не считалъ нужнымъ безъ очевидной потребности цитировать сочиненіе, хотя и проникнутое тѣмъ же духомъ славянскаго единства, но въ иномъ порядкѣ излагающее вопросъ. Въ трудѣ Шафарика, какъ въ одномъ фокусѣ, собраны были всѣ лучи идеи пан-

²⁸ Ibid., стр. 7.

²⁹ Въ текстѣ, по ошибкѣ, подъ этимъ эпиграфомъ подписано Hegel.

³⁰ Опытъ, стр. 28—29.

³¹ На память о Бодянскомъ, Григоровичъ и Преисъ, стр. 17.

³² Historical view of the Slavic language in its various dialect. Andover. 1834.

³³ Geschichtliche Uebersicht der Slavischen Sprache in ihren verschiedenen Mundarten und der Slavischen Literatur... Von E. v. O. Leipzig, 1837.

славизма въ его благороднѣйшемъ смыслѣ, и безъ знакомства съ этимъ трудомъ, на нашъ взглядъ, невозможно было бы даже придти къ мысли о созданіи новой исторіи славянской культуры. При такомъ смѣломъ шагѣ немного помогли бы и труды достойнѣйшаго изъ польскихъ ученыхъ той поры, Мацѣевского, мысли котораго о планѣ славянской литературы цитировалъ Григоровичъ въ началѣ своей диссертациі. «Желая составить исторію словенскихъ литературъ — по мнѣнію Мацѣевского—надобно ее обобщить, одними обозначить періодами, надобно представить ходъ ея въ такомъ видѣ, чтобы, всматриваясь въ него, можно было обозрѣть весь объемъ цѣлаго и въ общихъ и частныхъ чертахъ, не затрудняясь усмотрѣть, до какой степени просвѣщенія словене достигали и къ чему должны стремиться»³⁴.

Трудъ Григоровича при жизни его прошелъ незамѣченнымъ въ ученой литературѣ. Его ставили даже на одну доску съ жалкой компиляціей Талви. Напечатанный въ отсутствіе автора въ типографіи, богатой восточными шрифтами и неимѣвшей славянскихъ знаковъ, онъ испещренъ опечатками и вѣроятно поэтому нелюбимъ былъ самимъ авторомъ. Но по смерти его нашелся же наконецъ безпристрастный ученый, сказавшій, что «матеріалъ для подобнаго труда въ то время былъ еще очень малъ: трудности были почти неодолимы; но не по отношенію къ выполненію задачи онъ замѣчательнъ, а по мысли необыкновенно смѣлой, можно сказать, творческой для того времени, живой и плодотворной и въ настоящую минуту; онъ предположилъ разсмотрѣть литературу славянскихъ народовъ, какъ организмъ, какъ одно стройное цѣлое, т. е. такъ сказать, панславистскимъ образомъ, о чемъ мечталъ знаменитый Павелъ Шафарикъ. Объ «Опытѣ» Григоровича можно поэтому сказать, что это было первое ученое сочиненіе въ Россіи о славянской литературѣ съ точки зрѣнія славянской взаимности. Скуденъ и незначителенъ по матеріалу покажется этотъ «Опытъ» теперь, но мысль и задача его доселѣ остается мыслью живою, задачею достойною науки, потому что если только возможна наука исторіи славянскихъ литературъ, какъ одного цѣлаго — она возможна только по той программѣ и въ томъ образѣ, который былъ начертанъ Григоровичемъ»³⁵.

³⁴ *Historya prawodawstw słowianskich.* Изд. 1835. Т. III, стр. 448.

³⁵ В. И. Григоровичъ. Рѣчь проф. А. А. Котляревскаго въ засѣданіи кіевскаго отдѣла Славянскаго Комитета 23 декабря 1876. См. *Слав. Ежегодникъ*, 1877. Стр. 309—310.

Тотъ же конечно взглядъ и планъ исторіи литературы славянъ принятъ былъ Григоровичемъ и въ первоначальномъ университетскомъ преподаваніи славянской филологіи, которое онъ въ своей программѣ, напечатанной въ «Начальственныхъ распоряженіяхъ по казанскому округу» за 1842 г., назвалъ «энциклопедическимъ обзоромъ исторіи языковъ и литературы словенъ въ ея главнѣйшихъ эпохахъ»³⁶. Преподаваніе славянской филологіи было ему поручено факультетомъ 1 ноября 1842 г., по утвержденіи представленной имъ программы науки, впервые вводимой въ казанскій университетъ. На предстоящее зимнее вакаціонное время Григоровичъ отправился въ Москву для осмотра разныхъ замѣчательныхъ рукописей, хранящихся въ бібліотекахъ синодальной и духовной академіи, а также дабы войти въ ученые сношенія съ профессоромъ славянскихъ нарѣчій Бодянскимъ и въ совѣщаніе о планѣ ученаго путешествія по землямъ славянскимъ.

Въ апрѣлѣ 1843 г. Григоровичъ представилъ «планъ путешествія», въ которомъ приняты были въ соображеніе, по словамъ автора, замѣчанія профессоровъ Погодина и Бодянского. Григоровичъ при замѣчательномъ знакомствѣ со всѣми данными науки, обнаруженными до той поры, чувствовалъ недостаточность ихъ и надѣялся запасть на пути новыми данными. «Желаю — говорилъ онъ — при занятіяхъ языками обращать особенное вниманіе на языки самыхъ южныхъ Словенъ и преимущественно Булгаръ; при занятіяхъ литературой — усиливаться ознакомиться съ главнѣйшими произведеніями каждой эпохи и при этомъ не упускать изъ виду знакомства съ историческими событіями въ жизни народовъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи обращая всегда вниманіе на религиозное развитіе Словенъ, какъ условіе развитія ихъ литературы, я желалъ бы ознакомиться съ такими памятниками, которые при всей важности своей не изданы или по рѣдкости непріобрѣтими»³⁷.

Чрезъ Одессу, гдѣ Григоровичъ рассчитывалъ встрѣтить образованныхъ болгаръ и заняться новогреческимъ и румынскимъ язы-

³⁶ Начальственные распоряженія по казанскому учебному округу Т. V, отд. III, 39—42. Въ книгѣ «Двадцатипятилѣтіе имп. новороссійскаго университета» (Одесса. 1890.) ошибочно указано помѣщеніе программы — въ Уч. Запискахъ казанск. ун.—та. Въ числѣ пособій по исторіи литературы въ программѣ изъ трудовъ Шафарика указанъ только одинъ: *Übersicht der vorzüglichsten schriftlichen Denkmäler älterer Zeiten bey den Serben und anderen Südslawen*, помѣщенный въ 53 томѣ *Jahrbücher der Literatur*, за 1831 г. Anz. Bl. № 183.

³⁷ Р. Филол. Вѣстникъ, 1883, № 3. Стр. 38—39.

ками, онъ намѣревался отправиться въ Трансильванію, чтобы на-
 пасть на слѣды, оставшіеся здѣсь отъ существованія славянъ и ихъ
 образованія, такъ какъ до исхода XII в. населеніе Молдавіи, Ва-
 лахіи и Бессарабіи состояло изъ славянъ, соплеменныхъ настоя-
 щимъ булгарамъ и употребленіе славянскаго языка въ богослуженіи
 продолжалось повсемѣстно до половины XVII вѣка. «Исторія этихъ
 странъ—говорилъ Григоровичъ—можетъ почестъся продолженіемъ
 болгарской, а языкъ представляетъ своимъ образованіемъ чрезвы-
 чайно любопытное сближеніе съ болгарскимъ». Затѣмъ чрезъ Воен-
 ную австрійскую Границу онъ намѣревался посѣтить Загребъ, Пештъ,
 Пресбургъ и Прагу. Въ Прагѣ онъ рассчитывалъ воспользоваться
 совѣтами «славянскаго корифея», Шафарика, «относительно южныхъ
 словенскихъ языковъ и преимущественно болгарскаго, къ изданію
 памятниковъ котораго Шафарикъ готовился тогда». Изъ Праги онъ
 намѣревался спуститься на славянскій югъ чрезъ Вѣну и Граць,
 въ земли словинцевъ, посѣтить Цѣловець и Люблянѣ; затѣмъ чрезъ
 Триестъ и Венецію онъ намѣревался посѣтить славянское Приморье
 и Далмацію. Изъ Дубровника хотѣлъ перебраться на Аѳонъ, чрезъ
 Скадръ, Дечаны, Призренъ, Скопію, Солунь. «Страны, ле-
 жащія по указанному направленію, невыразимо любопытны для изу-
 чающаго славянщину, говорилъ Григоровичъ. Путешественникъ отъ
 Призрена до Солуня будетъ проходить мѣста, заселенныя болга-
 рами... языкъ, преданія и самая мѣстность представляютъ здѣсь много
 новыхъ и важныхъ приобрѣтеній для науки»... «Монастыри Аѳон-
 скіе—продолжаетъ Григоровичъ—бывъ нѣкогда убѣжищемъ про-
 свѣщенныхъ монаховъ, не только греческихъ, но и славянскихъ,
 общаются и теперь еще много приобрѣтеній». Съ Аѳона чрезъ Ма-
 кедонію, Фракію, Болгарію и Валахію Григоровичъ намѣревался
 двинуться въ Венгрію. «По этому пути—замѣчаетъ онъ—путеше-
 ственникъ можетъ ознакомиться со всѣми нарѣчіями болгарскаго
 языка и повѣрять предположенія о его отношеніи къ церковно-
 славянскому». Затѣмъ чрезъ Львовъ, Краковъ, Оломуць, Прагу,
 Берлинъ и Лейпцигъ Григоровичъ намѣревался посѣтить луижскія
 земли и Познань, «последнюю грань путешествія». Самый планъ
 въ развитіи частныхъ, которыя здѣсь опущены, доказывалъ, что
 Григоровичъ, не выѣзжая изъ Казани, уже владѣлъ всѣмъ достоя-
 ніемъ славянской науки и стремился въ тѣ края, которые могли
 дать ему новый матеріалъ. Между тѣмъ какъ предшественники Гри-
 горовича, такъ сказать открывавшіе земли славянъ для русскаго
 общества, стремились сначала въ главные пункты славянскаго про-
 свѣщенія на Западѣ, этотъ молодой ученый прямо направился на
 югъ, вполне вознаградившій его ученую прозорливость и пѣтливость.

Въ августѣ 1844 г. изъ Одессы онъ отправился въ Константинополь и вскорѣ затѣмъ чрезъ Солунь на Аеонъ. Но уже первые плодотворные шаги и открытія Григоровича на славянскомъ югѣ, о которыхъ онъ сообщалъ въ своихъ первыхъ любопытныхъ отчетахъ, не избѣжали нареканій его казанскаго антагониста, проф. Иванова. Этотъ послѣдній въ своемъ широкообъщательномъ докладѣ факультету заявлялъ, что Григоровичъ «уклоняется отъ главной цѣли миссіи—приготовленія себя къ званію университетскаго наставника, думая, что онъ отправленъ путешествовать для обогащенія науки новыми открытіями, а не для собственнаго наученія, чтобы по возвращеніи быть въ состояніи учить другихъ». Передавая содержаніе отчетовъ, проф. Ивановъ, предубѣжденно смотрѣвшій на Григоровича, обмолвился слѣдующей тирадой: «Стремясь на Аеонскую гору, нашъ молодой путешественникъ предложилъ себѣ вотъ какую задачу: «Свѣдѣнія о (тамошнихъ) славянскихъ рукописяхъ, сколько мнѣ извѣстно, не были сообщены, и потому, при обзорѣніи монастырей аеонскихъ, обращаю особенное на нихъ вниманіе». Очевидно, что г. Григоровичъ былъ подстрекаемъ надеждою новыхъ открытій. Не стану повторять здѣсь то, что я сказалъ уже выше о цѣли его путешествія; но не хочу умолчать, что эта задушевная надежда слишкомъ прискорбно обманула его. Когда же подумаю, что сей невѣрной надеждѣ онъ принесъ въ жертву почти четыре съ половиною мѣсяца, то невольно приходитъ на мысль, чего ради гибель сія бысть. Изъ этихъ драгоценныхъ четырехъ съ половиною мѣсяцевъ проживи г. Григоровичъ между учеными болгарами, сербами и чехами хотя три мѣсяца, результаты его трудовъ были бы несравненно существеннѣе для его будущаго назначенія». Послѣ изложенія содержанія отчетовъ, профессоръ Ивановъ просилъ факультетъ навести справку въ дѣлахъ, наблюдаетъ ли Григоровичъ сроки, назначенные ему въ планѣ путешествія. Впрочемъ, въ концѣ рецензіи онъ признавалъ его «разностороннія дѣльныя свѣдѣнія, похвальную любознательность и новыя утѣшительныя доказательства его неутомимой ревности къ своему предмету», хотя и не забылъ упомянуть о небрежности слога²⁸. Въ дѣйствительности же, кромѣ тщательнѣйшихъ этнографическихъ и историческихъ наблюденій въ области неизслѣдованнаго до той поры славянскаго юга, Григоровичъ обзорѣлъ только на Аеонѣ

²⁸ Изъ моей замѣтки о путешествіи Григоровича, въ «Вѣстн. Евр.», 1878. Кн. 2, стр. 896—906.

2800 греческихъ и 455 славянскихъ рукописей; въ Солунѣ до 150 греческихъ и славянскихъ рукописей. Изъ громаднаго количества грамотъ, хранящихся въ Аеонскихъ монастыряхъ, время и обстоятельства дозволили ему снять копии со 120 грамотъ. Разумѣется, онъ списывалъ тѣ грамоты, которыя, по его собственнымъ словамъ—имѣли особенную важность по отношенію къ географіи и этнографіи среднихъ вѣковъ³⁹. Черезъ Македонію и часть Албаніи Григоровичъ посѣтилъ Фракію и собственную Болгарію. На этомъ пути онъ изучилъ особенности болгарскаго нарѣчія, мало извѣстнаго въ ту пору славянскимъ ученымъ, подмѣтилъ впервые тѣ носовые звуки, существованіе которыхъ отрицалось наукой, и уже этимъ однимъ сдѣлалъ дорогой вкладъ въ науку при обсужденіи вопроса о болгарскомъ языкѣ перевода священ. писанія. Григоровичъ, изучившій вполнѣ ново-болгарскую рѣчь, представилъ въ своемъ отчетѣ важные результаты своихъ наблюденій, а сборникъ народныхъ болгарскихъ пѣсенъ, составленный имъ на пути, вскорѣ сообщилъ для изданія Станко Вразу, извѣстному хорватскому литератору, помѣстившему ихъ въ двухъ книжкахъ своего журнала «Коло»⁴⁰. Затѣмъ въ разныхъ пунктахъ Григоровичъ разсмотрѣлъ до 470 греческихъ и славянскихъ рукописей. Въ послѣднихъ онъ открылъ слѣды распространенія глагольскаго письма. Мы уже знаемъ, что еще Копитаръ отстаивалъ древность глаголицы, но двухъ памятниковъ нехорватской глаголицы было недостаточно для принятія мысли о распространеніи глаголицы внѣ Далматіи и Хорватіи. И Григоровичъ, воспринявшій мысль Копитара, всюду искалъ слѣдовъ глаголицы у болгаръ. Его поиски увѣнчались полнѣйшимъ успѣхомъ. Еще на Аеонѣ онъ изучилъ третій важный памятникъ болгарской глаголицы—Евангеліе Зографское, разсмотрѣнное ранѣе Михановичемъ, и открылъ въ скитѣ Богородицы четвертый кодексъ «Четвероевангелія», который до смерти своей приготавливалъ къ изданію⁴¹.

³⁹ Краткая записка о путешествіи магистра казанскаго университета Григоровича. Ж. М. Н. Пр. LIV, отд. IV.

⁴⁰ Коло. 1847. Кн. IV, стр. 37—56. Кн. V, стр. 24—57.

⁴¹ По составу и языку этотъ кодексъ приближается къ Зографскому Евангелію. Григоровичъ описалъ эту рукопись во II т. Извѣстій А. Наукъ по II отдѣленію (столб. 241—247), со включеніемъ XV главы отъ Луки и XI главы отъ Іоанна. Отрывки изъ этого кодекса были сообщены ранѣе въ I т. Миклошичевой Slavische Bibliothek (изъ XIX гл. отъ Іоанна) и въ изданіи Шафарика: *Ramátky hlaholského písemnictví* (IV гл. отъ Марка, въ отрывкѣ, XI и XIX главы отъ Іоанна). Позднѣе Срезневскій въ «Древнихъ глаголическихъ памятникахъ» помѣстилъ XVII и XVIII главы отъ Іоанна, XX отъ Матея, IV отъ Марка, XV отъ Луки и XI и XIX отъ Іоанна (стр. 94—113).

Въ Зографѣ же Григоровичъ въ болгарской рукописи XIII в. открылъ «Службы св. Кириллу и Меѳодію»⁴², а въ Хиландарѣ замѣчательнѣйшіе по древности кирилловскіе отрывки поученій Кирилла іерусалимскаго. Затѣмъ въ Солунѣ у Михановича онъ изучилъ глагольскій отрывокъ апостольскихъ посланій, изъ Скопій. Въ Охридѣ нашелъ рукопись Апостольскихъ дѣяній, въ которой среди кирилловскаго текста находилось два мѣста, писанныхъ сплошной глаголицей, а также и отдѣльныя глаголическія буквы; въ монастырѣ св. Іоанна Рыльскаго нашелъ листокъ Евангелія и отрывки поученія. Эти «слѣды памятниковъ глаголицы на мѣстахъ, достопамятныхъ въ исторіи просвѣщенія славянъ, приводили его къ заключенію какъ о широкомъ распространеніи глаголицы, такъ и о связи ея съ этими мѣстами»⁴³. Вообще же относительно славянскихъ рукописей онъ пришелъ къ мысли, что лучшія изъ нихъ состоятъ въ связи съ архіепископатома болгарскимъ въ Охридѣ и патриархатомъ сербскимъ въ Ипекѣ. Большинство памятниковъ оказалось сербскаго письма. Къ числу ихъ относится и впервые открытый ученому міру «Номоканонъ» XIII в., который былъ изслѣдованъ славянскими учеными только въ послѣднее время, и списокъ царей и патриарховъ болгарскихъ. Тамъ же нашъ ученый желалъ открыть слѣды почитанія первыхъ славянскихъ просвѣтителей. Въ охридской метрополіи онъ подмѣтилъ у простыхъ поселянъ почитаніе памяти св. Климента, преемника просвѣтительной дѣятельности Кирилла и Меѳодія. Въ Битолѣ нашелъ въ храмѣ

отдѣльнаго оттиска изъ третьяго—пятого томовъ «Извѣстій археологическаго общества»). Затѣмъ профессоръ Ягичъ напечаталъ отрывки изъ Евангелія отъ Марка XV гл., отъ Луки I и VI гл. въ изданіи *Quatuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitani* (стр. XXXVIII—XLV). Ранѣе VI гл. отъ Матѳея, IV отъ Марка и XV отъ Луки были перепечатаны Берчичемъ въ его *Chrestomathia linguae vetero-slovenicae caractere glagolitico* (стр. 66—69). Въ LIX и LXXIX выпускахъ памятниковъ, издаваемыхъ Общ. любителей древней письменности (Спб. 1880—1881 гг.) въ фотолитографическомъ снимкѣ издано было Евангеліе отъ Луки. Наконецъ проф. Ягичъ въ 1883 г. съ примѣчаніями и приложеніями выдалъ вполне этотъ григоровичевскій *Codex Marianus*, или «Маріинское четвероевангеліе».

⁴² Древне-славянскій памятникъ, дополняющій житіе славянскихъ апостоловъ св. Кирилла и Меѳодія. Казань. 1862. Оттискъ изъ I книги Ученыхъ Записокъ казанскаго ун.—та по отд. историко-филиол. и пол. юрид. наукъ за 1862 г. Въ 1865 г. это изданіе перепечатано въ «Кирилло-Меѳодіевскомъ сборникѣ», изд. Погодинымъ (стр. 235—271), съ сравненіемъ григоровичевскаго списка съ синодальнымъ (стр. 297—308).

⁴³ Статьи, касающіяся древне-славянскаго языка. Казань. 1852. 62 — 63; также Ж. М. Н. Пр. 1852, № 3.

иконы св. Климента и Наума, въ монастыряхъ Слѣпче и Калиште— изображение всѣхъ «седмичисленниковъ»; въ Ринѣ и Стругѣ открылъ рукопись службъ имъ; въ Охридѣ, кромѣ изображеній Наума и Климента, онъ видѣлъ и надгробный камень послѣднему съ древней надписью, обнаруженной тоже только впоследствии ⁴⁴. Между прочимъ въ Охридѣ же онъ въ сотнѣ просмотрѣнныхъ имъ греческихъ и славянскихъ рукописей X—XVI ст. нашелъ два греческихъ житія св. Климента, изъ которыхъ одно, сокращенной редакціи, XIII в., представляло варианты съ печатнымъ текстомъ Мосхопольскаго изданія «Послѣдованій св. седмичисленникамъ». Въ этомъ краткомъ житіи говорилось между прочимъ, что Климентъ «изобрѣлъ также знаки, другія письмена, для большей ясности отличныя отъ тѣхъ, которыя изобрѣлъ мудрый Кириллъ ⁴⁵». Это древнее преданіе объ изобрѣтеніи св. Климентомъ письменъ яснѣйшихъ, нежели кирилловскія, не рѣшая еще вопроса о глаголицѣ или кириллицѣ, важно было какъ первое письменное свидѣтельство о существованіи у южныхъ славянъ двухъ азбукъ.

Мысль о древности глагольскаго алфавита, сравнительно съ кирилловскимъ, поддержанная открытіемъ глаголическихъ памятниковъ на юго-западѣ Болгаріи, все болѣе и болѣе пріобрѣтала вѣроятія у Григоровича; но несмотря на свои открытія и находки, доказывавшія правдоподобность сказанія о двухъ алфавитахъ, — находки вполне уже опровергавшія мысль Добровскаго и его послѣдователей о позднѣйшемъ изобрѣтеніи глаголицы, нашъ ученый еще не рѣшился тогда высказать мысль свою о древности глаголицы

⁴⁴ Съ карандашнаго снимка, сдѣланнаго Гильфердингомъ, эта надпись «перекопированная» преосвященнымъ Амфилохіемъ, надана въ ряду «снимковъ съ греческихъ и славянскихъ рукописей и надгробныхъ памятниковъ». М. 1869.

⁴⁵ Изысканія о славянскихъ апостолахъ, произведенныя въ странахъ европейской Турціи. LIII, отд. II, стр. 22. На стр. 14—24 Григоровичъ предложилъ въ оригиналѣ и переводѣ это житіе св. Климента. Ранѣе еще, 26 ноября 1846 г. рефератъ или та же статья была прочитана въ собраніи филологической секціи Пражскаго Общества Наукъ (v «České Společnosti nauk») и напечатана въ Čas. Českého Museum, roč. XXI. Sv. 6, подъ названіемъ Swędectwí o słowanskýchъ apoštolíchъ w Ochridě. Отд. оттискъ изданъ w Praze, 1847 (16 стр.). Миклошичъ, которому Григоровичъ сообщилъ свою находку, приводилъ извлеченія изъ списка Григоровича уже въ 1847, г. въ своемъ изданіи. Vita S. Clementis episcopi Bulgarorum. Vindobonae. 1847 стр., XXII. Извѣстный уч. Курциусъ, по просьбѣ Шафарика, просмотрѣлъ и сличилъ новый текстъ съ прежними печатными изданіями житія св. Климента и перевелъ его на латинскій языкъ. См. Památky hláolského písemnictví. Vyd. P. J. Šafařík. V Praze, MDCCCLIII, стр. LVII—LIX.

сравнительно съ кириллицею. «Старшинство изобрѣтенія, судьбы глагольской азбуки, причины ея выселенія къ берегамъ Адриатическаго моря, зависятъ еще отъ ученыхъ соображеній и предположеній», замѣчалъ Григоровичъ.

Изъ предѣловъ болгарскихъ Григоровичъ перебрался въ земли, населенныя румынами, въ чаянїи найти тамъ слѣды славянства. Обозрѣвши «всѣ мѣста, знаменитыя въ гражданской и церковной исторїи румуновъ», онъ дѣйствительно открылъ тутъ множество памятниковъ болгарскаго и сербскаго письма, въ томъ числѣ и остатки болгарской историографїи, которыхъ онъ такъ долго искалъ. О томъ, что у болгаръ существовали самостоятельныя лѣтописи, онъ могъ и догадываться, и даже въ томъ увѣриться уже по одной замѣткѣ въ рукописи Номоканона, открытой имъ въ Букурештѣ. И дѣйствительно, въ Валахїи въ монастырѣ Быстрицкомъ онъ нашель румынскій переводъ лѣтописи Манассїи, сдѣланный со славянскаго текста, съ прибавленіями изъ славянскихъ рукописей. Лѣтопись эта издана Григоровичемъ въ 1859 г. въ прибавленїи къ его рѣчи: «О Сербїи въ ея отношенїяхъ къ сосѣднимъ державамъ, преимущественно въ XIV и XV столѣтіяхъ»⁴⁶.

Изъ Румынїи чрезъ Пешть, гдѣ познакомился съ извѣстнымъ проповѣдникомъ «литературной взаимности славянъ» — Колларомъ, Григоровичъ прибылъ въ Вѣну. Въ ней «пребываніе славянъ разныхъ племенъ облегчило — по словамъ его — ознакомленіе съ нарѣчіями хорутанскимъ и сербскимъ». Между прочимъ онъ близко познакомился въ Вѣнѣ съ Вукомъ Караджичемъ, представителемъ и двигателемъ литературнаго возрожденія православныхъ сербовъ. «Но съ занятїями, непосредственно ведущими къ будущему назначенїю, внутренняя потребность — по собственному выраженїю Григоровича — заставляла соединять частныя, отвѣчающія задуманнымъ прежде цѣлямъ»⁴⁷. Особенно интересовали Григоровича отношенія Византїи къ славянамъ. Въ имп. библіотекѣ въ Вѣнѣ Григоровичъ ознакомился не только съ славянскими рукописями, изъ которыхъ нѣкоторыя были очень важны, но и съ греческими. Несмотря на то, что эти рукописи были уже въ виду у западныхъ ученыхъ, Григоровичъ не забывалъ, что «интересъ западныхъ ученыхъ не исключалъ невниманія къ тому, что могло казаться особенно важнымъ восточному изыскателю»⁴⁸. Разумѣется, онъ не обманулъ въ своихъ

⁴⁶ См. Прибавленіе, стр. 1—2. Тамъ же (стр. 47—59) издана «Лѣтопись сръбскихъ Господъ и Царь», открытая имъ близъ Филиппополя.

⁴⁷ См. Краткая записка, стр. 32.

⁴⁸ Ibid. 83.

ожиданіяхъ, просматривая въ Вѣнѣ протоколы Константинопольскаго патріархата XIV в. Изъ числа 676 документовъ патріархата онъ изслѣдовалъ болѣе 80, касающихся русской, болгарской, сербской и валахской церквей и составляющихъ существенное приобращеніе исторіи. Разнообразно было содержаніе этихъ актовъ XIV в., такъ какъ «среди бѣдствій, ужасавшихъ уже тогда престольный городъ, вселенская церковь дѣйствовала въ цѣломъ объемѣ своей области еще съ полной властью, хотя не всегда съ одинаковымъ постоянствомъ. Кругъ ея дѣйствій простирался отъ Аланіи, Сугдаи, Кіева, Владиміра, Галичи, Херсона и Валахи до Эфеса, Солуня, Охриды, сербскаго и болгарскаго патріархатовъ»⁴⁹. Въ 1847 году Григоровичъ напечаталъ свой любопытный рефератъ объ этихъ актахъ, и только съ 1860 года вѣнскіе ученые начали издавать ихъ⁵⁰. Изъ Вѣны Григоровичъ отправился въ земли словинцевъ и сербохорватовъ. Въ Люблянѣ онъ изучалъ на-

⁴⁹ Протоколы Константинопольскаго патріархата XIX в. Ж. М. Н. Пр. LIV, отд. II.

⁵⁰ Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. Ed—nt Fr. Miklosich et Jos. Müller. Vol. I. Vindobonae. 1860 и въ слѣд. годахъ.—Григоровичъ въ статьѣ своей привелъ въ оригиналѣ и переводѣ два документа.

1) Письмо Казимира къ патріарху константинопольскому о рукоположеніи въ санъ митрополита галицкаго, еп. Антонія, «дабы законъ руссовъ не погибъ.. такъ какъ нѣтъ митрополита въ Россіи, а земля не можетъ быть безъ закона» (стр. 145—147; въ Acta et dipl. graeca: Litterae Casimiri regis Lachiae ad Patriarcham de metropolita Galitzae. Стр. 577—578).

2) Письмо Ольгерда къ вселенскому патріарху, въ которомъ жалуется на митрополита, «снимающаго крестное цѣлованіе» (стр. 148—152; въ Acta et diplomata: Algerdus, rex Lituanorum, litteris ad patriarcham datis repellit accusationes metropolitae Kiouviae. Стр. 580—581).

Впослѣдствіи, въ 1859 г. Григоровичъ въ приложенияхъ къ своей рѣчи «О Сербіи въ ея отношеніяхъ къ сосѣднимъ державамъ, преимущественно въ XIV и XV ст. Казань. 1859» (стр. 60+90+1) издалъ (стр. 76—79):

3) Письмо патріарха Филоея къ Александру ц. болгарскому, о соблюденіи мира съ императоромъ. (Въ acta et diplomata: Patriarcha Bulgariae regem monet, ut maneat in pacto cum Imperatore facto. Стр. 453—454).

4) Посланіе п. Филоея къ архіепископу первой Юстиніаны и всей Болгаріи, 1369 года, съ приглашеніемъ его со всѣми ему подчиненными архіереями прибыть къ собору для соглашенія съ западнымъ архіереемъ—папою (стр. 80—85; въ Acta et dipl.: Patriarcha episcopum Iustinianae primae et totius Bulgariae vocat ad Synodum oecumenicam deliberaturam de unione ecclesiae orientalis cum occidentali. Стр. 491—493).

5) Порученіе, данное въ 1394 г. патр. Антоніемъ митрополиту Мавроблацин—Петру, по догадкѣ Григоровича (стр. 86—87; въ Acta et diplomata, vol. II стр. 223. Patriarcha concedit Metropolitae Mauroblachiae, ut jura episcopalia exerceat in Trinova).

рѣчіе словинское ⁵¹⁾ и библиотеку не задолго предъ тѣмъ скончавшагося Копитара, ученымъ изысканіямъ котораго такъ сочувствовалъ Григоровичъ, до самостоятельнаго изученія живого болгарскаго нарѣчія. Только въ Люблянѣ Григоровичъ могъ познакомиться съ знаменитой «Супрасльской рукописью», извѣстною до той поры лишь по незначительнымъ отрывкамъ ⁵²⁾ и считавшейся, вмѣстѣ съ Остромировымъ Евангеліемъ, однимъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ церковно-славянской литературы. Въ Венеціи, въ архивѣ, онъ списалъ нѣсколько грамотъ, касавшихся южнаго славянства и извѣстныхъ только въ извлеченіи, по изданію Муратори. Далѣе, чрезъ Венецію онъ прибылъ въ Дубровникъ (Ragusa), гдѣ занимался изученіемъ далматской литературы, процвѣтавшей съ конца XV по XVIII ст. въ связи и подъ вліяніемъ итальянской литературы. Литература далматскихъ сербохорватовъ, возникшая изъ переводовъ и подражаній, съ половины XVI до половины XVIII вѣка превосходила литературную дѣятельность остальныхъ славянскихъ племенъ и народностью языка, и выработкою поэтическаго стиля, и разнообразіемъ формъ. Тамъ Григоровичъ приобрѣлъ рѣдчайшія изданія далматскихъ классиковъ XVI — XVII вв. и списки нѣкоторыхъ неизданныхъ ихъ произведеній. Изъ числа ихъ, два драматическихъ труда Ветранича, поэта XVI в., были изданы, подъ редакцію В. Бабукича и А. Мажуранича, въ Загребѣ въ 1852 г. по рукописи (1757 г.), радушно сообщенной Григоровичемъ ⁵³⁾. Изъ Дубровника Григоровичъ посѣтилъ Черногорье и затѣмъ уже далматинскіе города Сплитъ, Шибеникъ и Задръ, знакомясь съ книжными пособіями, населеніемъ и учеными. Затѣмъ чрезъ хорватскую Военную Границу онъ при-

6) Письмо патр. Антонія къ воеводѣ Угровлахійскому Мирчѣ, 1394 г. (стр. 83—89).

7) Наконецъ въ 1861 г. въ «Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній» Григоровичъ издалъ только въ переводѣ грамоту 1389 г. о низложеніи митрополита Пимена и восстановленіи съ Киприаномъ еднства митрополіи Всероссийской, подъ заглавіемъ: «Синодальное дѣяніе 1389-г. о духовномъ единствѣ Россіи» (Арх. кн. III, отд. II, стр. 1—20; въ Acta et diplomata, vol. II, стр. 116—129: Synodus confirmat excommunicationem Pimenis, Metropolitanæ Russiae, et electionem Cypriani in Metropolitam totius Russiae, statuens ecclesias Russiae iterum esse uniendas).

⁵¹⁾ «Istom se bio iz Ljubljane povratio, prebudši tamo neko vremence. Učio se slovenski. Uže mi kazival, kako su mu Slovenci ugoděli, i kako mu je omililo njihov jezik» — говоритъ Куреладъ, въ своей книжкѣ Recimo, etc. стр. 2.

⁵²⁾ Библиографическіе листы, за 1825 годъ, изд. Кеппеномъ. №№ 14 и 36. Впервые надна только Миллошичемъ: Monumenta linguae palaeoslovenicae e codice Supraslensi. Vindobonae, 1851.

⁵³⁾ Mavra Vetranica. Nekuba i Posvetilište Abramovc. Zahreb. 1857. VIII + 179,

былъ въ Загребѣ, гдѣ тогда были сосредоточены всѣ представители хорватскаго возрожденія, собравшіеся подъ знаменемъ Гаа, провозгласившаго идею иллиризма. Такимъ образомъ Григоровичъ имѣлъ возможность сойтись съ самимъ Гаемъ, Станкомъ Вразомъ, Кукульевичемъ-Савцинскимъ, Бабукичемъ, Мажураничами, отстаивавшими сербскую рѣчь вмѣсто провинціальной кроатской «кайбавчины», которой уже и въ ту пору грозило полное исчезновеніе. Только на мѣстѣ возможно было изученіе этого исчезающаго нарѣчія, что и было сдѣлано нашимъ ученымъ. Изъ Загреба чрезъ Бѣлградъ Григоровичъ поднялся въ Сербскую Воеводину и обозрѣлъ библиотеки фрушко-горскихъ монастырей, гдѣ впрочемъ не нашелъ желанныхъ для него свѣдѣній о сербскомъ патриархатѣ въ его отношеніяхъ къ охридскому. Затѣмъ чрезъ Пресбургъ, средоточіе литературной дѣятельности словаковъ той поры, Григоровичъ прибылъ вторично въ Вѣну, и недолго пробылъ въ ней только затѣмъ, чтобы сосредоточить собранныя на пути свѣдѣнія. Все, что было славянскаго въ Вѣнѣ, уже было извѣстно Григоровичу, да и его знали славяне за «человѣка съ ангельскимъ характеромъ, тихаго и кроткаго какъ агнца, но преисполненнаго духомъ», какъ выражался о немъ въ одномъ изъ своихъ произведеній современный ему хорватскій ученый Курелацъ, встрѣчавшійся съ нимъ въ Вѣнѣ. «Не трудно было—говорить Курелацъ—вступить въ бесѣду съ путешественникомъ, который не только издалека прибылъ, но еще прошелъ Турцію, Святую Гору, видѣлъ Охриду съ ея озеромъ и мѣста, освященныя дѣятельностью св. Климента. Оттуда онъ вернулся увѣнчаннымъ ученымъ, потому что нашелъ тамъ и греческія и древнеславянскія рукописи, писанныя и глаголицей и кириллицей (кличентицей), и слава ихъ разносилась между славянъ и въ книгахъ, и въ газетахъ, и въ обществахъ. Былъ ли въ ту пору человѣкъ счастливе его?»⁵⁴ Изъ Вѣны чрезъ Моравію Григоровичъ прибылъ наконецъ въ Прагу, которая предлагала молодому ученому радушный приемъ въ лицѣ свѣтила славянской науки—Шафарика. Къ той порѣ Шафарикъ издалъ нѣсколько новыхъ трудовъ, касающихся общесравнительной славянской грамматики. «Пользуясь методомъ германскихъ филологовъ, Шафарикъ пояснилъ различныя видоизмѣненія въ корняхъ словъ, переходъ твердыхъ звуковъ, древнѣйшія формы флексій, и въ исторической грамматикѣ чешскаго языка представилъ образецъ послѣдовательнаго ученія о другихъ нарѣчіяхъ».

Такіе труды конечно должны были сдѣлаться предметомъ бли-

⁵⁴ Recimo koju progovorio F. Kurelac, Karlovac, 1860. стр. 1.

жайшихъ занятій Григоровича. Изъ всѣхъ частей будущаго преподаванія Григоровичъ считалъ славянское языкованіе существеннѣйшею частью. Оно, успѣшно разрабатываемое по частнымъ нарѣчіямъ, всегда предполагало общую теорію. Необходимость такой теоріи ясно оказывалась изъ успѣховъ языкованія у западныхъ народовъ. «Менѣе богатые памятниками, позже начавъ вникать въ составъ живыхъ нарѣчій, мы, славяне, отстали отъ прочихъ—говорилъ Григоровичъ—и не можемъ еще съ вѣрностью указывать на законы, по которымъ наши нарѣчія разсматривались бы въ общемъ генетическомъ или параллельномъ развитіи. И этотъ недостатокъ значительно восполнялся тѣмъ ученымъ, который первый постоянно стремился придать разнообразному сбору свѣдѣній въ духовной жизни славянъ высокое значеніе науки»⁵⁵. вмѣстѣ съ этимъ ученымъ, готовившимъ изданіе нѣсколькихъ трудовъ по древне-славянской письменности, вмѣстѣ съ Шафарикомъ, въ трудахъ котораго сходились всѣ лучи свѣта славянской науки, Григоровичъ проштудировалъ всѣ свои рукописныя драгоцѣнности, вывезенныя имъ изъ-за Дуная⁵⁶. Въ послѣдующихъ трудахъ своихъ Шафарикъ уже не могъ обойтись безъ открытій Григоровича. Занимаясь чешскою литературою Григоровичъ долженъ былъ сближаться и съ другими дѣятелями на этомъ поприщѣ, напр. съ Ганкой, соединившимъ съ должностію бібліотекаря Музея и званіе протектора лужицкой пражской семинаріи, которую посѣщалъ Григоровичъ съ цѣлью усвоенія себѣ лужицкихъ нарѣчій. Въ бытность свою въ Прагѣ онъ прочиталъ въ ученомъ Чешскомъ Обществѣ о своихъ открытіяхъ за Дунаемъ слѣдовъ славянскихъ апостоловъ и помѣстилъ въ одномъ изъ чешск. ихъ журналовъ еще статью свою: «О народныхъ школахъ у болгаръ»⁵⁷. Одинъ изъ недавно скончавшихся чешскихъ литераторовъ, бывший тогда наставникомъ Григоровича въ чешской разговорной рѣчи, издалъ въ 1872 г. свои «Воспоминанія», въ которыхъ, хотя и вскользь, но чрезвычайно сочувственно отзывается о нашемъ ученомъ, сдѣлавшемся «для него незабвеннымъ по своей рѣдкой, всесторонней образованности и благодущію»⁵⁸.

Итакъ обозрѣвъ всѣ края славянъ, Григоровичъ видѣлъ и племена возникающія изъ забвенія, и племена уже окрѣпшія въ борьбѣ за свою духовную независимость; встрѣчался съ даровитѣйшими борцами на аренѣ слова во имя идеи славянства, и былъ од-

⁵⁵ Записка, стр. 38.

⁵⁶ Světozor. 1877. Příloha k číslu 3, стр. 33.

⁵⁷ Въ «Květech». См. Světozor. Ibid.

⁵⁸ Zpomínky a uváhy starého vlastence. Sepsal J. Malý. Praha. 1872, стр. 100.

нимъ изъ тѣхъ немногихъ русскихъ людей, по которымъ приходилось судить нашимъ единоплеменникамъ о великой русской націи. Но въ немъ представитель каждаго отдѣльнаго славянскаго племени въ то же время видѣлъ и своего высоко-ученаго единоплеменника, благодаря его изумительному таланту быстро усваивать себѣ чужую рѣчь. Отъ души дѣлился онъ со всѣми славянскими учеными и своими научными открытіями, и своими счастливыми находками, ведущими къ этимъ открытіямъ. Нельзя не повторить здѣсь словъ кн. Вяземскаго о Карамзинѣ, по поводу его путешествія, столь примѣнимыхъ къ Григоровичу въ его личныхъ сношеніяхъ съ корифеями тогдашняго славянскаго міра: «Онъ является предъ ними выборнымъ человѣкомъ возникающаго русскаго просвѣщенія и въ этомъ званіи оцѣнивается ими, возбуждаетъ все ихъ сочувствіе, всю ихъ любовь и въ лицѣ его сочувствіе и любовь къ Россіи. Заслуга неопцѣненная, которою можемъ мы гордиться и которую не слѣдовало бы намъ забывать... Онъ указалъ намъ дорогу, по которой всѣ мы идемъ, съ меньшимъ или большимъ успѣхомъ, онъ... не только на родной почвѣ высоко поднялъ хоругвь русскаго просвѣщенія, но съ честью явилъ его и глазамъ образованнѣйшихъ мужей того времени; обратилъ ихъ сочувственное вниманіе къ новымъ, имъ дотолѣ неизвѣстнымъ союзникамъ, къ новымъ сподвижникамъ на стезѣ образованности и въ трудахъ умственнаго и духовнаго преуспѣланія»⁵⁹.

На дальнѣйшемъ пути своемъ на Русь чрезъ Саксонію и Пруссію, въ бесѣдахъ своихъ съ германскими учеными, Гауптомъ, Поттомъ, Перцомъ, В. Гриммомъ и Боппомъ, Григоровичъ былъ уже во всеоружіи филологической науки, и для него даже въ занятіяхъ литовскимъ языкомъ, новымъ для него, не трудно было подмѣтить научныя увлеченія нѣкоторыхъ изъ нихъ, не согласныя съ истиною.

По возвращеніи на Русь, Григоровичъ просилъ въ Петербургѣ дозволенія обозрѣть Публичную бібліотеку, Софійскую—въ Новгородѣ и Синодальную въ Москвѣ, съ тѣмъ чтобы прибыть въ Казань не позже 1 іюля 1847 г. Министерство нар. пр. дало на это соизволеніе, но «имъ—по словамъ официального доклада—Григоровичъ могъ воспользоваться только въ такой мѣрѣ, въ какой нашелъ содѣйствіе лицъ, завѣдующихъ тѣми бібліотеками». Дѣйствительно, въ Публ. Библиотекѣ онъ познакомился съ славянскими кодексамы, находящимися въ ней, и преимущественно съ рукописью XI в., заключающею въ себѣ слова Григорія Богослова, въ которой онъ успѣлъ подмѣтить немногіе глаголическіе знаки. Въ Софійской бібліо-

⁵⁹ Полн. собр. соч. кн. П. А. Вяземскаго, т. X, стр. 179.

тежъ онъ ознакомился между прочимъ съ кодексáми Великихъ Четей Миней митр. Макарія, въ которыхъ нашель сочиненія св. Климента болгарскаго и незамѣченную другими изслѣдователями «бесѣду о грамотѣ і ея строеніи прѣпростаго Евдокима», въ которой ясно говорилось о носовомъ произношеніи въ древности загадочнаго знака ѡ⁶⁰. Еще болѣе Григоровичъ рассчитывалъ на московскую Синодальную библіотеку, въ которой онъ могъ изучить важнѣйшія греческія и славянскія рукописи. Но желаніе его не было исполнено, потому что не было получено дозволенія на это отъ оберъ-прокурора св. синода. На вторичную просьбу свою въ департаментъ мин. нар. пр. о сношеніи со св. синодомъ и продолженіи срока отпуска по 20 іюля, онъ не получилъ отвѣта и, прождавъ напрасно 12 дней, отправился въ Казань, куда и прибылъ 19 іюля.

Изъ отчетовъ, представляемыхъ университету, Григоровичъ сдѣлалъ выборъ и многія дополненія, и напечаталъ въ слѣдующемъ 1848 г. только «Очеркъ путешествія по европейской Турціи»⁶¹. Это сочиненіе, переполненное библіографическими данными о неизвѣстныхъ ученому міру греческихъ и славянскихъ рукописяхъ, безслѣдно прошедшее въ публикѣ, было по достоинству оцѣнено въ ученомъ мірѣ, и за границей—ранѣе и сочувственнѣе, нежели на Руси. Оно, безъ преувеличенія можно сказать, открыло новый материкъ съ его невѣдомыми дотолѣ обитателями. Вся исторія древне-славянской письменности, всѣ изслѣдованія объ языкѣ восточной половины Балканскаго полуострова должны были принять новый видъ; постройка ихъ должна была производиться изъ того вновь открытаго матеріала, который лежалъ въ забросѣ до прибытія туда нашего ученаго славянина. Наука не могла уже обойтись безъ книги Григоровича, воскресившей память о первыхъ просвѣтителяхъ славянъ и многочисленныхъ безымянныхъ продолжателяхъ ихъ дѣла. Книга Григоровича дала новую работу

⁶⁰ Статьи, касающіяся др. славянскаго языка. Казань, 1852 г., стр. 29—30, и «Старинное разсужденіе о буквахъ сирѣчь о словехъ», Там. Др. Письменности Спб. 1888, № LXXIII, стр. III и слѣд.

⁶¹ Первоначально помѣщенный въ Учен. Зап. к. ун.—та. 1848 г., кн. III, 214+3 стр. Въ отдѣльномъ оттискѣ: 2+1+214+2 стр. Въ 1877 г. вышло второе небрежное изданіе: 4+181 стр. Григоровичу, еще въ бытность его въ Казани, Кожанчиковъ предлагалъ свою готовность издать въ дополненномъ видѣ его «Путешествіе», но Григоровичъ не согласился на это. Впрочемъ, въ его библіотекѣ находилась экземпляръ «Путешествія», съ его значительными дополненіями и поправками, но при приѣмѣ библиотекѣ Григоровича въ Музей, въ авг. 1877 г. изъ елисаветградскаго реальн. училища, этого экземпляра на лицо не оказалось, и онъ исчезъ безслѣдно. См. Викторова: Собраніе рукописей В. И. Григоровича. М. 1879, стр. 51.

всѣмъ адептамъ славянской науки, и во главѣ ихъ былъ Шафарикъ, торжественно привѣтствовавшій вскорѣ затѣмъ труды Григоровича, подъятыя на разработку собраннаго и описаннаго имъ матеріала. Если и до поѣздки въ славянскія земли Григоровичъ живымъ отношеніемъ къ славянскому дѣлу, увлекательнымъ изложеніемъ результатовъ науки еще столь новой, сумѣлъ возбудить въ немногочисленныхъ своихъ слушателяхъ любовь къ славянскому дѣлу,⁶² то теперь, когда предъ нимъ вполне раскрылся кругозоръ славянской науки, слушатели его и сослуживцы увидѣли въ немъ уже не начинающаго ученаго, а вполне авторитетнаго представителя новой науки.

М. П—Й.

(Окончаніе слѣдуетъ)

⁶² Уже въ 1845 и 1846 гг. въ Учен. Запискахъ к. ун—та было напечатано изслѣдованіе А. И. Соколова, прослушавшаго курсъ Григоровича за 1843—1844 акад. годъ: «Краледворская рукопись и судъ Любуши». Въ отд. оттискѣ, вышедшемъ въ 1846 г., это изслѣдованіе занимаетъ 224+2 стр.

РИМСКО-НѢМЕЦКАЯ ИМПЕРІЯ ГОГЕНЦОЛЛЕРНОВЪ

И

ГРЕКО - СЛАВЯНЕ

(ПОЛИТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ)

VI *

ВѢРОЯТНОСТЬ грядущихъ событій, обусловленныхъ вѣроятнымъ столкновеніемъ громаднхъ силъ Германіи и ея союзниковъ съ неменьшими силами Россіи и Франціи, должна бы вѣжется побудить народы, которыхъ судьба при этомъ рѣшается, ко взаимному соглашенію и солидарности. Къ сожалѣнію, мы вовсе этого не замѣчаемъ.

На пути къ этой солидарности означенные народы натываются на многочисленныя препятствія, которыя нагромождены втеченіе вѣковъ противниками славянъ, румыновъ и грековъ. Такимъ образомъ положеніе представляется очень печальнымъ. Люди не хотятъ пользоваться тѣмъ, что обезпечило бы такую солидарность, и наоборотъ прибѣгаютъ къ мѣрамъ, которыя ей мѣшаютъ. И это мы замѣчаемъ не только въ Австро-Угріи, но равнымъ образомъ и на Балканскомъ полуостровѣ.

Сколько разъ былъ уже возбуждаемъ и обсуждаемъ спасительный проектъ федераціи балканскихъ государствъ! Изъ него ничего не вышло, вѣроятно потому, что онъ натолкнута на понятное противодѣйствіе Карла Гогенцоллерна въ Румыніи и незаконнаго князя изъ династіи Кобурговъ въ Болгаріи. Но это противодѣйствіе не должно бы, по нашему убѣжденію, мѣшать заключенію союза по крайней мѣрѣ между Сербіей, Черногоріей и Греціей.

* Продолженіе. См. книжку за май—іюнь.

Мы читали какъ-то въ газетахъ, что одинъ греческій государственный человѣкъ (кажется нынѣшній министр-президентъ Трикуписъ) нарочно посѣтилъ Вѣлградъ для обсуждения вопроса о союзѣ сербско-греческомъ. Союзъ этотъ, къ которому охотно применила бы и Черногорія, не принадлежитъ слѣдовательно къ невозможностямъ. Отъ Сербіи зависѣло бы затѣмъ пропагандировать въ пользу этого союза въ средѣ населенія и депутатовъ законодательнаго собранія Румыніи. Замѣчаемое теперь сближеніе румынской учащейся молодежи съ сербско-хорватскою указываетъ на такое настроеніе въ средѣ румыновъ, которое не исключаетъ возможности ихъ присоединенія къ балканской федераціи.

Между тѣмъ мы узнаемъ, что сербы не отвѣтили даже на визитъ упомянутаго государственнаго человѣка Греціи; проектированный союзъ между Сербіей, Черногоріей и Греціей не осуществился, а слѣдовательно невозможны были никакія мѣропріятія въ пользу союза въ Румыніи, хотя въ этомъ королевствѣ, несмотря на противодѣйствіе короля Карла, замѣчались стремленія къ сближенію съ Сербіей, въ видахъ охраненія своей независимости. Такимъ образомъ пропущенъ удобный моментъ, чѣмъ не преминули воспользоваться въ Берлинѣ. И вотъ въ Румыніи повѣяло совершенно инымъ, специально берлинскимъ духомъ, который не развѣявъ даже недавними торговыми недоразумѣніями съ Германіей и ея союзниками.

Это обнаружилось между прочимъ въ зимнихъ преніяхъ австрійскаго рейхсрата. Когда противники заключенныхъ недавно торговыхъ договоровъ съ Германіей указывали на ихъ вредъ для Австро-Угріи, то въ отвѣтъ имъ было сказано, что договоры эти будутъ содѣйствовать укрѣпленію политическихъ союзовъ, и что съ другой стороны матеріальныя жертвы Австро-Угріи въ пользу союзниковъ будутъ съ излишкомъ покрыты вполне обезпеченнымъ торговымъ договоромъ съ Румыніей. Отсюда видно, что въ Берлинѣ ни мало не сомнѣваются въ принадлежности Румыніи къ нѣмецкой державной сферѣ, чему не помѣшаетъ уже и самая сильная оппозиція румыновъ, еслибы она обнаружилась. Столь важная по своему положенію Румыніа потеряна уже слѣдовательно для балканской федераціи. Въ непродолжительномъ времени румыны очутятся въ еще большей зависимости отъ Берлина, чѣмъ подъ управленіемъ Братіано, который въ угоду нѣмцамъ не усомнился расточать матеріальныя силы страны на игрушечныя укрѣпленія Букареста.

Что касается нынѣшней Болгаріи, въ ея напускнуой самостоятельности, то объ этомъ княжествѣ нечего и думать друзьямъ балканской федераціи до тѣхъ поръ, пока тамъ господствуетъ анар-

хія, съ незаконнымъ княземъ и незаконнымъ министерствомъ во главѣ. При нынѣшнемъ безпримѣрномъ терроризмѣ болгарскій народъ лишенъ не только свободы дѣйствій, но и свободного выраженія своихъ дѣйствительныхъ стремленій. За исключеніемъ небольшой горсти проходимцевъ, которые ловко пользуются нынѣшней анархіей, чтобы разжиться на счетъ бѣднѣющей страны, все остальное населеніе Болгаріи безправно и безгласно, такъ что теперь невозможно даже приблизительно опредѣлить моментъ прекращенія этой анархіи, обусловленной политическими отношеніями Европы. При такихъ условіяхъ трудно винить болгарскій народъ въ томъ, что происходитъ нынѣ подъ управленіемъ террористовъ Стамбулова и компаніи. Но неблагоразумно поступаютъ, бѣжавшіе отъ этого терроризма эмигранты, когда они въ интересахъ стамбуловскаго режима возбуждаютъ разнаго рода мелочные или нерѣшенные вопросы и споры съ сосѣдами, вмѣсто того чтобы дѣйствовать съ ними солидарно, въ общихъ интересахъ православія и народовъ Балканскаго полуострова. Мы разумѣемъ здѣсь назначеніе болгарскихъ епископовъ въ тѣхъ епархіяхъ, которыя издревле были управляемы епископами греческими, а съ другой стороны возбужденіе вопроса о принадлежности сербамъ или болгарамъ славянскаго населенія нѣкоторыхъ турецкихъ областей, смотря по діалектическимъ особенностямъ мѣстныхъ говоровъ.

Кто въ этомъ случаѣ правъ—болгаре ли, греки, либо сербы, это не имѣетъ въ настоящее критическое время такой важности, какъ вопросъ о томъ, будутъ ли дѣйствовать солидарно въ общихъ интересахъ столь родственные народы, какъ славяне и греки или болгаре и сербы, которые издревле раздѣляли общую судьбу и которые связаны узами общей православной церкви, этого палладіума ихъ національнаго существованія. Изъ взаимныхъ раздоровъ южныхъ славянъ съ румынами и греками мы убѣждаемся, что и на европейскомъ югѣ съ большимъ успѣхомъ дѣйствовали нѣмцы, которые, оцѣнивъ уже со временъ Карла Великаго важность своей племенной солидарности, не переставали однако поощрять мѣстные сепаратизмы въ средѣ народовъ ненавистнаго для нѣмцевъ, а вмѣстѣ и желаннаго для нихъ Востока.

VII.

Какъ ни трудно однако нынѣшнее положеніе дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ, все же оно не такъ плохо какъ въ Австро-Угріи, со влюченіемъ оккупационной области. Тамъ мы всетаки видимъ единомышленныхъ съ народомъ государей въ Черногоріи,

Сербіи и Греціи; можемъ расчитывать также на улучшение отношеній къ своимъ народамъ государей Румыніи и Болгаріи, особенно въ случаѣ предусматриваемой войны. Другое дѣло въ Австро-Угріи. Хотя славяне и румыны составляютъ въ ней значительное большинство, но подъ давленіемъ сосѣдней римско-нѣмецкой имперіи это большинство не находитъ себѣ нигдѣ признанія, благодаря отчасти искусной системѣ выборовъ въ представительныя собранія, отчасти же грубой силѣ и другимъ незаконнымъ средствамъ господствующихъ по милости Германіи народностей. Жалобы славянъ и румыновъ на невыносимый гнетъ этихъ привилегированныхъ народностей достаточно извѣстны, ибо онѣ не разъ уже раздавались въ парламентахъ угорскомъ и австрійскомъ и не сходятъ со страницъ австро-угорской періодической печати, а недавно выражены были въ особомъ Меморандумѣ, представленномъ императору Францу Іосифу депутаціею семиградскихъ румыновъ. Конечно, обыкновенно отъ этихъ жалобъ отдѣляются фразами, что онѣ-де не основательны или преувеличены, чему охотно вѣрятъ люди, которые не могутъ или не хотятъ вникнуть въ систему австро-угорскихъ выборовъ и въ значеніе безчисленныхъ происковъ и насилій, сопровождающихъ эти выборы. Но мы не будемъ останавливаться на этихъ жалобахъ, какъ ни основательны онѣ сами по себѣ, а ограничимся лишь приведеніемъ безспорныхъ статистическихъ данныхъ о нынѣшнемъ представительствѣ отдѣльныхъ народовъ въ парламентахъ Цислейтаніи и Транслейтаніи, чтобы оправдать положеніе— о подавленіи въ нихъ большинства меньшинствомъ.

Объ угорскомъ сеймѣ намъ не придется много распространяться, такъ какъ и наши противники не отрицаютъ, что сеймъ этотъ составленъ, за изытіемъ нѣсколькихъ румынскихъ и саксонскихъ депутатовъ Семиградья, исключительно изъ служащихъ нѣмецкимъ интересамъ мадяръ да немногихъ хорватовъ. И послѣдніе, будучи избираемы мадяронскимъ большинствомъ загребскаго сейма, представляютъ собственно этихъ мадяроновъ, а не хорватскую народность: имъ приходится отстаивать интересы своихъ опекуновъ и покровителей мадяръ, а не своего народа. Сверхъ того незначительное число этихъ хорватскихъ депутатовъ лишаетъ ихъ возможности играть въ угорскомъ сеймѣ сколько нибудь самостоятельную роль. Прочіе славяне (словаки, сербы и русскіе), а равно румыны, хотя и составляютъ большинство населенія Угріи, однако имѣютъ не болѣе двухъ-трехъ депутатовъ въ сеймѣ, которые къ тому же должны соответствовать вкусамъ мадяръ. Такимъ образомъ палата депутатовъ, которая должна бы равномерно представлять интересы всѣхъ народовъ Угріи, т. е. быть угорскою, ниспала до

роли палаты мадьярской, хотя въ этой восточной половинѣ габсбургской монархіи на 18 мил. населенія приходится даже по мадьярской официальной статистикѣ всего 6½ мил. мадьяръ, на дѣль же число ихъ не превышаетъ 4—5 мил. душъ.

Мы охотно признаемъ, что гораздо лучше идутъ дѣла въ Австріи, т. е. въ другой половинѣ габсбургской монархіи, вслѣдствіе чего противники славянъ легче могутъ отражать здѣсь ихъ жалобы, чѣмъ въ Угріи. Но изъ точныхъ статистическихъ данныхъ, которыя мы ниже приведемъ, читатель убѣдится, что жалобы славянъ на угнетеніе ихъ въ Австріи также вполне основательны, ибо и въ цислейтанскомъ парламентѣ они вовсе не имѣютъ такого представительства, а слѣдовательно и вліянія, которое соотвѣтствовало бы ихъ многочисленности.

Такъ какъ въ Австріи насчитывается по послѣднимъ статистическимъ даннымъ 23.477,068 душъ населенія, а палата депутатовъ рейхсрата состоитъ изъ 353 членовъ, то на каждого изъ нихъ приходится 66,507 душъ населенія. По этому расчету должно бы быть слѣдующее число депутатовъ славянскаго и румынскаго происхожденія:

на 5.473,578 душъ чехоморавянъ . . .	82	депутатовъ
» 3.101,497 » русскихъ . . .	47	»
» 1.176,535 » словинцевъ . . .	18	»
» 644,769 » сербохорватовъ . . .	10	»
» 209,026 » румыновъ . . .	3	»
<hr/>	<hr/>	
Всего же на 10.605,405 » населенія . . .	160	»

На дѣль же теперь насчитывается:

чехословенскихъ депутатовъ	68
русскихъ »	0
словинскихъ »	14
сербохорватскихъ »	9
румынскихъ »	3
<hr/>	<hr/>

Всего же 94 депутата,

вмѣсто ожидаемыхъ 160, т. е. на 66 депутатовъ менѣе должнаго.

Этотъ недочетъ, объясняется соотвѣтственнымъ увеличеніемъ числа депутатовъ нѣмецкой, польской и итальянской народностей, а именно:

на	8.361,997	дш. нѣмецк. насел.	имѣется	178	дпт.	вмѣсто	127
»	3.726,827	» польскаго »	»	66	»	»	56
»	674,701	» итальянск. »	»	15	»	»	10
Всего на	12.763,525	» этихъ населеній	»	259	»	»	193,
т. е. на	66	чел. болѣ	должнаго.				

Такая неравномѣрность представительства привилегированныхъ и преслѣдуемыхъ народностей Австро-Угрии не можетъ быть оправдываема и суммами взимаемыхъ съ тѣхъ и съ другихъ налоговъ, ибо мадьяры въ Транслейтаніи, а нѣмцы, поляки и итальянцы въ Цислейтаніи вовсе не принадлежатъ къ числу самыхъ сильныхъ плательщиковъ имперіи, каковыми должны считаться собственно чехоморавяне, а въ Угрии румыны и славяне.

Мы не должны впрочемъ удивляться безспорному предпочтенію нѣмцевъ въ Цислейтаніи. Вѣдь Австрія всегда считала себя нѣмецкою державою и долго носилась съ надеждою образовать нѣмецкую 70-милліонную имперію. Въ то время, когда опредѣляемъ былъ составъ австрійской палаты депутатовъ, Австрія считалась даже главою нѣмецкаго союза и собиралась напасть на Данію за непослушаніе этому союзу. Вполнѣ понятно также и безспорное пристрастіе къ итальянцамъ при образованіи означенной палаты, ибо въ тотъ моментъ, когда народамъ навязана была конституція, венеціанское королевство принадлежало еще къ Австріи и нѣмцы могли предаваться хотя и несбывшейся надеждѣ воспользоваться услугами итальянцевъ въ рейхсратѣ, въ возмездіе за покровительство, оказанное имъ насчетъ словинцевъ и хорватовъ Приморья. При этомъ имѣлось еще въ виду предупредить грозившее присоединеніе Венеціи къ Италіи.

Не удивляетъ насъ и предпочтеніе, оказанное при образованіи рейхсрата мятежнымъ и столько разъ возстававшимъ противъ Австріи на ряду съ мадьярами полякамъ Галиціи, тѣмъ болѣе, что это предпочтеніе сдѣлано насчетъ галицкихъ русскихъ, которые за свою вѣрность престолу и государству называются «тирольцами востока». По нѣмецкимъ взглядамъ мелкія, а потому лишенныя будущности славянскія племена лишь потому возстаютъ противъ предлагаемой имъ благодати исчезнуть въ германизмъ, что они заражены столь грознымъ для нѣмцевъ панславизмомъ или — какъ теперь выражаются — панруссизмомъ, а вслѣдствіе того стремятся къ образованію могущественной всеславянской имперіи, которая могла бы положить конецъ давленію германизма на востокъ и подготавливаемой диктатурѣ нѣмцевъ въ Европѣ. На первомъ планѣ стоятъ конечно между зараженными панславизмомъ народами чер-

воноорусы, которые, утративъ подъ вѣковымъ гнетомъ свою помѣстную знать, а большею частью и мѣщанство важнѣйшихъ городовъ, являются теперь отъявленными врагами римско-нѣмецкаго феодализма и нѣмецко-еврейской крупной промышленности. Отказываясь отъ принятія предложеннаго имъ новаго языка и крѣпко отстаивая свою славянскую письменность и славянское богослуженіе, народъ этотъ безспорно проникнуть-де до мозга костей панславизмомъ, который тѣмъ опаснѣе-де, что въ лонѣ славянской церкви червоноорусы дѣйствительно находятъ убѣжище, недоступное для германизациі.

Все это понятно, но зато удивителенъ пріемъ, при помощи котораго поляки, какъ отъявленные враги славянъ, а слѣдовательно пригодное орудіе нѣмцевъ, получили въ вѣнскомъ рейхсратѣ далеко превышающее ихъ права представительство, хотя общее, слишкомъ малое число депутатовъ изъ Галиціи оставлено безъ измѣненія. Удивительнымъ мы называемъ этотъ пріемъ потому, что онъ представляетъ нарушеніе основныхъ государственныхъ законовъ, слѣдовательно влечетъ за собою анархію, которой избѣгаютъ даже въ азіатскихъ благоустроенныхъ государствахъ. Виновниками примѣненія такихъ пріемовъ Австрію послѣ ея разгрома пруссаками были стоявшіе тогда во главѣ министерства бездарные государственные люди, но зато ловкіе интриганы Бейстъ и Андраши. Какъ бы то ни было, въ Угріи и Галиціи еще гораздо раньше чѣмъ въ Болгаріи съ успѣхомъ примѣнили поистинѣ стамбуловскій пріемъ для подавленія непріязненныхъ нѣмцамъ населеній, а именно: государство передало свою власть въ руки—тамъ мадьярскихъ, а здѣсь польскихъ своихъ любимцевъ! Служа дѣламъ тевтонизма и подъ его охраною, они для сохраненія своей власти не боятся попирать ногами законъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ угоду нѣмцамъ, при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, даятъ на Россію или для разнообразія—на панславистовъ и дако-романовъ.

Терроризмъ, посредствомъ котораго славяне и румыны въ Угріи и Галиціи не только устранены отъ какого бы то ни было вліянія на общественныя дѣла и выданы въ жертву своимъ противникамъ, но и вынуждены теперь массами выселяться въ Америку, гдѣ могутъ развиваться на свободѣ, ни мало не уступаетъ пресловутому болгарскому терроризму. Правда, въ Угріи и Галиціи дѣло не дошло еще до пытокъ и казней; но онѣ въ обиліи замѣняются частыми арестами, всевозможными преслѣдованіями и шпіонствомъ, которое отравляетъ даже семейную жизнь, распространяясь между прочимъ и на всѣхъ путешественниковъ, говорящихъ по-славянски

или по-румынски. Не могутъ болгаре сравниться съ нѣмцами, мадьярами, поляками и по злоупотребленіямъ присяжными судами.

Нѣсколько лучше поставлены, хотя и угнетаемые итальянцами, славяне австрійскаго Приморья, словинцы и сербохорваты, особенно съ тѣхъ поръ, какъ послѣ покушенія—въ счастью неудачнаго—Австрія пришла къ убѣжденію, что итальянскій элементъ этой важной приадриатической области почти всецѣло охваченъ ирредентизмомъ, который портитъ отношенія Италіи и Германіи и вовсе не лежитъ въ интересахъ германизма, а наоборотъ еще опаснѣе для нихъ, чѣмъ оторванная отъ прочаго славянства горсть словинцевъ и хорватовъ Приморья.

Еще нѣсколько лучше поставлены славяне Чехіи, Моравіи и Слезіи, именно въ томъ отношеніи, что имъ приходится вести борьбу съ отпрыскомъ великаго и образованнаго нѣмецкаго народа, а не съ лишенными всякой будущности, грубыми наемниками изъ среды мадьярскаго и польскаго шляхетства, которые подобно болгарскимъ террористамъ, не беспокоясь о слѣдствіяхъ своей разрушительной дѣятельности, озабочены лишь тѣмъ, какъ бы подольше высасывать свою жертву.

Сверхъ того чехоморавяне, какъ народъ главнымъ образомъ католическій и лишь въ маломъ числѣ протестантскій, не сохранившій въ своей средѣ ни одного грекославянскаго прихода, по нѣмецкимъ взглядамъ—очень ужъ близки къ германизму, отличаясь отъ нѣмцевъ не столько по своему быту или понятіямъ, сколько по языку. Къ тому же чехоморавяне, занимая довольно значительную площадь компактнаго и высоко-развитаго 5-милліоннаго населенія требовали со стороны правительства особой осторожности. Вотъ почему Австрія отказалась отъ прежняго террористическаго управленія Чехіей, связаннаго съ именемъ бывшаго намѣстника Коллера, и возвратилась къ испытанной уже ранѣе системѣ покровительства чешскому сепаратизму, въ убѣжденіи, что этимъ путемъ можно постепенно и незамѣтно въ два-три поколѣнія добиться германизации чеховъ. Если принять во вниманіе географическое положеніе нынѣшней Чехіи, населенной правда въ большинствѣ славянами, но въ смѣшеніи съ значительнымъ и компактнымъ населеніемъ нѣмецкимъ, причемъ область эта лишь на востокѣ, черезъ Моравію, соприкасается съ прочимъ славянствомъ; если вспомнить далѣе нынѣшнее широкое распространеніе нѣмецкаго языка въ средѣ чехоморавянъ, которые и въ бытовомъ отношеніи уже сильно пропитаны германизмомъ; если прибавить затѣмъ могущественное воздѣйствіе правительства, которому помогаютъ въ этомъ случаѣ епископы да и вообще церковь, а также вліятельная и большей частью нѣмец-

кая уже знать этихъ областей; а наконецъ, если принять въ соображеніе вызванное нѣмцами распаденіе чеховъ на многочисленныя и взаимно враждебныя партіи, — то придется признать правильность нѣмецкихъ надеждъ на германизацию этихъ областей. Врядъ ли окажетъ существенную поддержку славянскому дѣлу въ Чехіи и Моравіи существующій нынѣ въ Прагѣ чешскій университетъ и чешская академія наукъ, если они будутъ дѣйствовать въ узко-чешскомъ, а не въ широкомъ общеславянскомъ направленіи.

Изъ сказаннаго явствуетъ, что болѣе гуманное по виду обращеніе съ славянами Приморья и земель чешской короны должно всетаки втихомолку привести къ тѣмъ же результатамъ, какіе достигаются по отношенію къ славянамъ и румынамъ Угріи и Галиціи путемъ терроризма. Какъ здѣсь, такъ и тамъ конечною цѣлью служитъ германизация славянъ и румыновъ; различіе заключается лишь въ приемахъ, и трудно сказать, который изъ нихъ опаснѣе. Австрійскіе славяне, за исключеніемъ развѣ русскихъ въ Галиціи, не страдаютъ пока отъ терроризма; но все же вліяніе, которое имъ предоставлено, не даетъ имъ важныхъ преимуществъ передъ славянами и румынами Угріи въ дѣлѣ охраненія своей національности. Словомъ, до тѣхъ поръ пока не наступятъ серьезныя международныя усложненія, австроугорскіе славяне и румыны столь же неспособны въ самостоятельной дѣятельности, какъ и населеніе Болгаріи.

То же слѣдуетъ конечно сказать и о сербахъ австрійской оккупационной области, т. е. Босніи и Герцеговины. Поставленныя внѣ конституціи, области эти управляются генераломъ, который командуетъ мѣстными войсками, подъ высшимъ руководствомъ австроугорскаго министра общихъ финансовъ, мадьяра Кадлая. Выше уже замѣчено, что Боснія и Герцеговина быстро покрываются нѣмецкими колоніями и получили широкую римско-католическую іерархическую организацію. Неудивительно, что при подобномъ управленіи охотно прибѣгаютъ къ запугиванію недовольнаго оккупацией сербскаго населенія; но чтобы запрещать ему называть свой языкъ сербскимъ, а не боснійскимъ, до этого могло дойти правительство лишь въ Австро-Угріи, которая и тутъ слѣдуетъ предательскимъ совѣтамъ мадьяръ и поляковъ, при молчаливомъ согласіи недостаточно знакомаго съ нашими дѣлами берлинскаго правительства. Одною этого факта достаточно, чтобы раскрыть бѣдственное положеніе сербовъ въ оккупационной области. Счастье еще, что до сихъ поръ не нашлось ренегата, который сочинилъ бы для этихъ сербовъ особый боснійскій языкъ, съ цѣлью оторвать ихъ отъ прочихъ сербовъ и подготовить къ германизации! Въ противномъ случаѣ бо-

сняки и герцеговинцы, подобно русскимъ въ Галиціи и Буковинѣ, уже наслаждались бы подобнымъ офиціознымъ языкомъ, подъ руководствомъ своихъ польскихъ и мадьяронскихъ цивилизаторовъ.

Такимъ образомъ положеніе славянъ въ оккупационной области ничуть не лучше положенія славянъ и румыновъ въ Угріи. Что же касается прочихъ цислейтанскихъ областей, то населяющіе ихъ славяне хотя и управляются нѣсколько гуманнѣе, однако тоже лишены всякаго вліянія на общественныя дѣла. Трудность этого положенія австрійскихъ славянъ и небольшого числа цислейтанскихъ румыновъ еще усиливается тѣмъ, что общее ихъ число по офиціальной статистикѣ не превышаетъ $10\frac{2}{3}$ милл. душъ, тогда какъ нѣмцы, составляющіе $8\frac{1}{3}$ милл. душъ, по присоединеніи къ нимъ раболѣпствующихъ поляковъ, въ числѣ $3\frac{3}{4}$ милл. душъ, а также $\frac{2}{3}$ милл. душъ итальянцевъ, составляютъ въ совокупности $12\frac{3}{4}$ милл. душъ, т. е. большинство населенія *... Хотя это большинство польско-нѣмецкаго элемента въ Цислейтаніи и не особенно значительно, да къ тому же основывается на статистической фикціи, тѣмъ не менѣе духовный перевѣсъ австрійскихъ нѣмцевъ, уже со временъ Лютера объединенныхъ по языку и сръбленныхъ школою, представляется безспорнымъ и вполне понятнымъ при нынѣшней разрозненности славянъ. Объединенные сами духовно, нѣмцы сумѣли однако внушить славянскимъ народностямъ мелкій приходскій патриотизмъ.

* Конечно, это большинство существуетъ лишь на бумагѣ, ибо при составленіи офиціальныхъ переписей многіе славяне выдаютъ себя за нѣмцевъ, поляковъ, или итальянцевъ то изъ страха, то изъ ложнаго стыда, то изъ желанія приобщиться къ господствующимъ народностямъ. Есть однако возможность до нѣкоторой степени возстановить дѣйствительныя статистическія отношенія народностей: это провѣрка статистики гражданской военною. По первой считается, напримѣръ, въ Австро-Угріи поляковъ 3,7 милл. д., а русскихъ 3,5 милл. д., т. е. на 200,000 менѣе, чѣмъ поляковъ; между тѣмъ самаго поверхностнаго знакомства съ національными контингентами нашей арміи достаточно, чтобы утверждать, что въ ней русскихъ больше, чѣмъ поляковъ, такъ что по настоящему слѣдовало бы число поляковъ въ имперіи понизить до 3 милл. д., а число русскихъ повысить по меньшей мѣрѣ до 4 милл. д. Въ подобной же пропорціи слѣдовало бы увеличить число словянцевъ и сербохорватовъ, которыхъ статистика скрываетъ во множествѣ подъ именемъ нѣмцевъ и итальянцевъ. Но много ли пользы принесетъ славянамъ и численный перевѣсъ въ Цислейтаніи, если болѣе чѣмъ трехъ-милліонное населеніе русскихъ галичанъ не имѣетъ теперь въ австрійскомъ рейхсратѣ ни одного настоящаго депутата, — ибо нынѣшніе восемь мнимыхъ представителей этого населенія въ сущности являются слугами польской и центральной администраціи, и только для виду избраны въ парламентъ для представительства русскаго населенія, почему и называются Parade-Ruthenen! Съ подобною же цѣлью одинъ польскій депутатъ записалъ себя армяниномъ.

Раздѣливъ такимъ образомъ славянъ, они успѣли поглотить сначала славянъ полабскихъ и прибалтійскихъ, а теперь добрались уже до Балканскаго полуострова, въ такой мѣрѣ подчинивъ своимъ цѣлямъ славянъ Австріи и Угрии, что они неспособны уже къ со- вмѣстному отраженію угрожающей опасности.

Въ ревнивомъ охраненіи не только своихъ отдѣльныхъ литературы, но также отдѣльныхъ буквъ и правописанія, славянскія народности до того разошлись между собою и настолько удалились отъ прежнихъ общихъ стремленій и чувствъ, что по справедливости могутъ быть названы «*tema disjecta*» разсѣченного организма. И каждый изъ этихъ осколковъ разбитаго славянства задается широкими политическими цѣлями, преувеличиваетъ свои племенные особенности, ищетъ противоположностей съ другими, а вдобавокъ еще раздѣленъ на множество враждебныхъ партій! Искреннему славянину больно и подумать объ этомъ жалкомъ состояніи его братьевъ. Но убѣдившись изъ опыта, что молчаніе еще болѣе ухудшаетъ это грустное положеніе, я считаю патриотическимъ долгомъ вникнуть ближе во взаимныя отношенія Австро-Угорскихъ славянъ, въ дополненіе къ связанному до сихъ поръ.

VIII.

Извѣстные теперь подъ официальнымъ названіемъ сербохорватовъ ближайшіе мои родичи распадаются на двѣ части: хорватовъ и сербовъ. Со временъ Людевита Гая, который думалъ объединить въ такъ назыв. иллиризмъ всѣхъ южныхъ славянъ, хорваты и сербы имѣютъ общій литературный языкъ; но во многихъ другихъ отношеніяхъ они распадаются на два различныхъ, отчасти даже противоположныхъ типа, сліяніе которыхъ мало вѣроятно, ибо національная жизнь хорватовъ опирается на возрѣнія и учрежденія римско-католической церкви, а жизнь сербовъ—на начала церкви православной или греко-славянской. На этой сербохорватской почвѣ съ наибольшей очевидностью подтверждается положеніе, что національность обусловлена не языкомъ только, но еще болѣе народными возрѣніями, нравами, обычаями и принадлежностью къ той или другой церкви, которая вообще имѣетъ могущественное вліяніе на бытъ народовъ. Возможно конечно, что приверженцы нѣсколькихъ, отчасти различныхъ по догматамъ восточныхъ церквей въ силу общаго происхожденія или языка соединятся искренно въ одну народность, какъ это встрѣчается напр. въ Россіи. Такъ и въ западной Европѣ приверженцы различныхъ исповѣданій западной церкви безъ особенныхъ трудностей объединяются въ національномъ отно-

шеніи, напримѣръ въ Германіи и другихъ западныхъ государствахъ. Подобныя явленія объясняются общностью греко-славянскаго типа всѣхъ восточныхъ церквей съ одной стороны, а романо-германскаго типа всѣхъ западныхъ христіанскихъ церквей—съ другой. Къ тому же догматическія различія въ средѣ каждаго изъ этихъ типовъ не вносятъ въ нихъ существенныхъ измѣненій.

Другое дѣло, когда встрѣтятся взаимно приверженцы одной изъ восточныхъ церквей съ западными: какъ ни близки были бы ихъ языки другъ другу, всетаки подобныя народности никогда не сольются въ одну, даже въ томъ случаѣ, если устранятся догматическія различія между ихъ исповѣданіями. Нагляднымъ доказательствомъ того могутъ служить нынѣшнія отношенія въ Галиціи. Пятывѣковой польскій гнетъ успѣлъ въ началу XVIII вѣка устранить и въ Галиціи догматическія различія между церквями обоихъ славянскихъ народовъ этой области. Однако это не привело къ конечной цѣли польскихъ стремленій, сліянію обѣихъ этихъ народностей въ одну націю. Да и въ будущемъ такое сліяніе невозможно, несмотря на возрастающій перевѣсъ поляковъ, доколѣ одна часть галицкаго населенія будетъ держаться славянскаго церковнаго обряда, а другая—римско-нѣмецкаго.

Народныя массы легче мирятся съ незамѣтнымъ измѣненіемъ мало имъ доступныхъ догматическихъ основъ церкви, чѣмъ обрядовыхъ ея учрежденій, которыя, при соотвѣтствіи народнымъ взглядамъ и обычаямъ, опредѣляютъ весь народный бытъ. Такъ напримѣръ, многіе милліоны западно-русскаго населенія приняли было догматическую унію съ Римомъ; но когда поляки не переставали нарушать ихъ церковную обрядность, народъ отказался отъ уніи и предпочелъ догматическое возсоединеніе съ православіемъ.

Подобныя причины вызвали въ новѣйшее время въ коренномъ населеніи Галиціи нерасположеніе къ догматической уніи съ Римомъ. Если поляки будутъ такъ продолжать свою нынѣшнюю политику, при содѣйствіи зависящихъ отъ нихъ епископовъ, то несмотря на всѣ репрессивныя мѣры унія потеряетъ подъ собою почву въ этой странѣ. Во всякомъ случаѣ, догматическая унія не только не сблизила двухъ издревле враждующихъ между собою народовъ Галиціи, но еще болѣе увеличила ихъ рознь, укрѣпивъ привязанность русскихъ къ своему вытѣсняемому греко-славянскому обряду.

Совершенно то же видимъ мы и въ средѣ сербохорватской. Известно, что сербы всѣмъ своимъ національнымъ существованіемъ, спасеніемъ въ многовѣковой періодъ рабства и постепеннымъ отъ него освобожденіемъ обязаны своей греко-славянской церкви. Понятно, что считая ее твердынею своей народности, они никогда не

согласятся на униженіе ея. Эта именно церковь опредѣлила единство національнаго типа раздѣленныхъ политически сербовъ; она же охранила ихъ отъ гибельнаго вліянія римско-нѣмецкой культуры, которая все болѣе охватываетъ нашихъ хорватскихъ братьевъ, подготавливая для нихъ судьбу давно загдохшихъ славянскихъ народностей балтійскаго поморья и нѣкоторыхъ другихъ западныхъ областей.

Вотъ тутъ-то и лежитъ непроходимая пропасть, раздѣляющая сербовъ отъ хорватовъ. Различіе азбуки имѣетъ при этомъ лишь второстепенное значеніе, хотя конечно мы высоко цѣнимъ свою уцѣлѣвшую кириллицу и ни за что не промѣняемъ ее на принятую уже хорватами и искаженную различными крючками римско-нѣмецкую абечеду. А между тѣмъ хорваты считаютъ большимъ преимуществомъ то, что они отреклись отъ своей древней, священной и донныѣ сохранившейся у большинства славянъ азбуки, въ пользу графики чужой и совершенно недостаточной для передачи славянскихъ звуковъ. Они продолжаютъ и теперь все болѣе удаляться отъ общихъ съ сербами нравовъ и обычаевъ, не замѣчая зияющей пропасти, къ которой стремятся. Отсюда видно, что хорваты стоятъ на покатоги, которая должна довести ихъ, какъ и мадьяръ, къ полному сліянію съ латино-нѣмецкимъ Западомъ, тогда какъ сербы, опираясь на свое духовенство, крѣпко держатся греко-славянскихъ основъ образованности. Это принципиальное различіе въ положеніи обѣихъ народностей естественно привело хорватовъ, по наущенію мадьяръ, къ опасному стремленію поглотить родственныхъ имъ сербовъ или—какъ они по примѣру латинскаго духовенства въ Хорватіи обыкновенно насъ называютъ—влаховъ. Это же поглощеніе могло бы удался хорватамъ, какъ нѣкогда римско-нѣмецкимъ императорамъ, лишь по предварительномъ устраненіи національной кирилло-меодіевской церкви. Вотъ почему угорскій сеймъ еще въ прошломъ вѣкѣ нѣсколько разъ объявлялъ недѣйствительными всѣ привилегіи, охранявшія права такъ называемыхъ влаховъ въ Хорватіи и Славоніи, и вообще воздвигъ гоненіе на народную церковь сербовъ. Подъ этимъ гнетомъ значительная ихъ часть перешла въ католицизмъ, слѣдовательно охорватилась. Вѣроятно то же предстояло бы и другимъ сербамъ Хорватіи и Славоніи, а равно южно-угорскихъ жупаній, еслибы не началось тогда выселеніе сербовъ массами въ Россію, гдѣ они образовали въ екатеринославской губерніи особый округъ, «Новосербію». Озабоченное этимъ успѣхомъ и опасаясь по выселеніи воинственныхъ сербовъ обнажить свои границы для набѣговъ турецкихъ, габсбургское правительство принуждено было смягчить мѣропріятія противъ сербовъ.

Однако нападки хорватовъ на нашу народную церковь не прекращались. Нападки эти слышатся и теперь, хотя и въ менѣе рѣзкой формѣ. Даже прославленный хорватскій патриотъ епископъ Штросмайеръ не только не скрываетъ своихъ антипатій къ нашей церкви, но даже открыто разсылаетъ пастырскія посланія, проповѣдующія догматическую унію сербской православной церкви съ римскою. А между тѣмъ унія поставила бы ее въ полную зависимость отъ измѣнчиваго настроенія римскихъ прелатовъ, которые вовсе не считаютъ себя связанными обоюднымъ соглашеніемъ при заключеніи унии. вмѣстѣ съ отчужденіемъ епископовъ отъ паствы, унія водворила бы и у сербовъ тѣ возмутительные порядки, которые наблюдаются во всѣхъ униатскихъ церквахъ Востока, особенно же въ Галиціи. Наша церковь была бы тогда вынуждена либо вновь сбросить съ себя римское иго, либо по примѣру многихъ прежнихъ восточныхъ церквей, со включеніемъ и хорватской, испустить духъ въ объятіяхъ Рима, увлекая за собой въ гибель и сербскую національность своей паствы.

Вотъ какимъ представляется, при свѣтѣ исторіи, отношеніе къ сербамъ высоко-заслуженнаго хорватскаго патриота Штросмайера. А между тѣмъ, наше правительство подозрѣваетъ его въ славянскихъ тенденціяхъ, и по этой именно причинѣ не возвело его въ хорватскіе архіепископы, несмотря на его всестороннее образованіе, примѣрную жизнь, преклонный возрастъ, широкую благотворительность и небывалую популярность. Чего же мы можемъ ожидать отъ прочихъ хорватскихъ епископовъ, которые нѣкогда тоже доволствовались, подобно Штросмайеру, догматической уніей хорватской церкви съ римскою и ратовали за неприкосновенность греко-славянскаго обряда, а теперь стремятся стереть въ этой церкви, уже сильно олатынепной по своему обряду, всякій слѣдъ славянскаго языка, который еще хранился въ ней по требованію низшаго духовенства и народа! Не уничтожаютъ ли эти латинизаторы послѣдніе жалкіе остатки дѣятельности славянскихъ апостоловъ между хорватами? Можемъ ли мы примириться и съ безспорными фактами, указывающими на стремленія хорватовъ образовать въ ущербъ сербамъ великохорватское королевство на территоріи древнихъ иллировъ, далеко превышающей племенную площадь хорватовъ? Не въ правѣ ли мы возмущаться, что хорватскіе наши братья, заодно съ мадьярами, пытаются изгладить и воспоминаніе о прежней сербской Воеводинѣ, стоявшей намъ столькихъ усилій и жертвъ? Мы, сербы, не желаемъ вступить вслѣдъ за хорватами на опасную покатость, по которой они давно стремятся къ Западу; мы не можемъ слѣдовательно удовлетвориться увѣреніями,

что хорваты не будутъ болѣе унижать нашей церкви и письменности; мы хотимъ сохранить наши нравы и обычаи, наше сербское имя, которое намъ столь же дорого, какъ и хорватамъ дорого все то, что они считаютъ своимъ національнымъ достояніемъ.

Было бы нелѣпо съ нашей стороны придавать какое нибудь значеніе хорватскимъ увѣреніямъ и обѣщаніямъ, если имъ противорѣчатъ всѣ указаные факты прошлаго и настоящаго. Конечно, между хорватами есть не мало настоящихъ славянскихъ патріотовъ, которые, отличаясь высокимъ образованіемъ, твердостью и самоотверженіемъ, вполне понимаютъ историческую важность нынѣшняго критическаго момента, а потому и призваны быть вождями своего народа, когда наступятъ великія событія. Мы съ полной готовностью поддержали бы ихъ безкорыстныя стремленія къ постепенному сліянію двухъ сосѣднихъ, тѣсно родственныхъ и связанныхъ общимъ литературнымъ языкомъ славянскихъ народностей. Но мы замѣчаемъ, что эти патріоты еще далеко не согласились между собою относительно приемовъ этого сліянія, да и не располагаютъ достаточными силами для выполненія своей программы. Мы даже думаемъ, что еслибы къ этимъ патріотамъ примкнули всѣ наши сербы и большинство мадяронствующей теперь хорватской интеллигенціи, то и тогда ихъ программа не могла бы быть выполнена при нынѣшнихъ отношеніяхъ, и данныя сербамъ обѣщанія остались бы безъ послѣдствій.

До половины 60-тыхъ годовъ хорватамъ открывалась возможность присоединить къ Хорватіи и Славоніи не только Рѣку (Fiume) и Межимурье, но также Далмацію и Истрію, слѣдовательно обезпечить за собою вліятельное положеніе въ габсбургской монархіи и затѣмъ поддержать въ ней прочихъ славянъ и румыновъ. Но хорваты, ослѣпленные мадярскими обѣщаніями, пропустили чрезвычайно благоприятный для нихъ моментъ, наступившій послѣ появленія въ рейхсратѣ семиградскихъ депутатовъ, и затѣмъ совершенно закабалили себя мадярскому правительству, слѣдовательно косвеннымъ образомъ подчинились своекорыстной политикѣ Берлина. Они принуждены были затѣмъ равнодушно взирать на занятіе мадярами Рѣки, съ ея важною въ торговомъ отношеніи гаванью, быть свидѣтелями упраздненія въ этомъ городѣ славянскаго богослуженія, за которымъ не замедлятъ послѣдовать закрытіе хорватской гимназіи и другія мѣры, направленныя къ мадяризаціи и италянизациі столицы хорватскаго Приморья. Съ наименьшимъ успѣхомъ мадяризуется хорватское Межимурье; въ Славоніи также учреждаются мадярскія колоніи; подготавливается подчиненіе мадярамъ и Далмаціи; пресловутое угорско-хорватское

соглашеніе постоянно нарушается въ мадыарскихъ интересахъ; терроризуется загребская городская дума; да жевъ загребскомъ сеймѣ хорватскимъ патриотамъ приходится вести геройскую, но едва ли не безплодную борьбу съ подавляющимъ большинствомъ мадыароновъ. И это большинство высылаетъ изъ своей среды десятка два депутатовъ въ будапештскій сеймъ съ тѣмъ, чтобы увеличить тамъ собою толпу правительственныхъ мамелюковъ, а затѣмъ въ делегаціяхъ, которыя завѣдуютъ внѣшними и военными дѣлами имперіи, со включеніемъ оккупационной области, поддакивать заодно съ поляками мадыарско-нѣмецкой политикѣ, а такимъ образомъ принять на себя долю отвѣтственности за истребленіе славянъ и румыновъ.

Между тѣмъ извѣстно, что населеніе Хорватин, состоящее на 2/3 изъ хорватовъ и на 1/3 изъ сербовъ, вовсе не проникнуто такимъ равнодушіемъ къ славянству, какъ поляки. Наоборотъ, оно чувствуетъ себя славянскимъ, такъ что трудно бы понять, какъ могло успѣть мадыарское правительство въ водвореніи столь прискорбныхъ порядковъ въ средѣ чисто-славянскаго населенія, еслибы не имѣть правильнаго понятія о характерѣ западныхъ конституцій вообще и австро-угорскихъ въ частности. Для насъ успѣхи мадыарскаго правительства въ Хорватин и Славоніи не составляютъ загадки; мы даже убѣждены, что если не помѣшаютъ возможныя въ близкомъ будущемъ усложненія, то хорватско-славонскій сеймъ можетъ быть доведенъ до полного отреченія, подобно какъ это уже случилось въ Семиградѣ. Лишь близость Сербіи, которую все еще надѣются втянуть въ сферу нѣмецкой власти, а еще болѣе угрожающее положеніе Россіи принуждаютъ пока берлинскихъ верховодовъ къ осторожности, что въ свою очередь налагаетъ узду на дѣйствія мадыарскаго правительства. Конечно, оно не опасается серьезнаго сопротивленія со стороны хорватовъ, ибо знаетъ безпомощное ихъ положеніе, знаетъ, что можетъ по произволу эксплуатировать ихъ, въ силу конституціи, благопріятной лишь для господствующаго меньшинства населенія. Подъ давленіемъ правительства хорватско-славонскій сеймъ всегда готовъ принять какіе угодно законопроектъ и даже предупреждать въ этомъ отношеніи его желанія. Въ этомъ насъ убѣждаетъ ежедневный опытъ. Сила мадыарскаго правительства, отвѣтственнаго единственно передъ большинствомъ угорскаго сейма, т. е. своей собственной партіей, настолько велика, что для него не существуетъ никакихъ законовъ, тѣмъ болѣе, что значительная часть хорватской интеллигенціи, именно всѣ государственные чиновники, начиная отъ бана и кончая послѣднимъ писцомъ, являются покорными орудіями мадыар-

скихъ министровъ. Такимъ образомъ все населеніе Хорватіи и Славоніи настраивается въ духѣ получаемыхъ изъ Будапешта правительственныхъ инструкцій. Это вліяніе поддерживается хорватскою знатью, большинство которой охраняетъ скорѣе свои сословные, чѣмъ народныя интересы,—тѣмъ болѣе, что знать и по принципу всегда бываетъ склонна поддерживать виды существующаго правительства, каково бы оно ни было. При такихъ условіяхъ противъ незаконныхъ стремленій нынѣшняго мадьярскаго правительства хорваты могли бы бороться съ успѣхомъ лишь въ томъ случаѣ, если бы за народныя интересы ополчилось не одно городское, но и сельское населеніе; но правительство, сознавая грозящую отсюда опасность, сумѣло ее устранить, какъ это доказываетъ нынѣшній составъ загребскаго сейма.

На настроеніе хорватскихъ поселянъ могло бы еще, наряду съ правительствомъ и знатью, дѣйствовать римско-католическое духовенство; но оно предано исключительно своимъ сословнымъ интересамъ да римской куріи, о народѣ же думаетъ лишь настолько, насколько это угодно правительству, отъ котораго оно всецѣло зависитъ. Латинскіе епископы, получающіе въ Хорватіи большіе, нерѣдко громадныя доходы, избираются не народомъ, какъ епископы сербскіе, а правительствомъ и утверждаются королемъ. Точно такъ и хорватскіе каноники, составляющіе совѣтъ епископа и получающіе значительныя доходы, назначаются правительствомъ, которое вовсе не заботится о народности кандидатовъ и раздаетъ самыя жирныя приходы и теплыя мѣста нерѣдко мадьярамъ, нѣмцамъ, итальянцамъ, притомъ часто отъявленнымъ врагамъ хорватовъ. Въ доказательство сошлюсь на умершихъ недавно архіепископовъ: Михайловича загребскаго и Маупаса задрскаго. Къ тому же извѣстно, какъ падеи латинскіе епископы на орденъ, а еще болѣе на званіе тайнаго совѣтника, доставляющее титулъ *Excellenz*, и съ какимъ томленіемъ ждуть обыкновенно каноники богатой епископской каѳедры. При такихъ условіяхъ не удивительно раболѣпіе хорватскаго духовенства передъ правительствомъ.

Высшее же духовенство имѣетъ громадное вліяніе на воспитаніе кандидатовъ священства. Изъ хорватской газеты «*Il Diritto Croato*», которая выходитъ въ Полѣ, каждый можетъ почерпнуть документальныя свидѣтельства о тѣхъ отвратительныхъ средствахъ, при помощи коихъ обезнароживается хорватская молодежь въ католическихъ духовныхъ семинаріяхъ. Вообще нужно замѣтить, что національное направленіе духовенства допускается въ нашей монархіи лишь для нѣмцевъ, мадьяръ и поляковъ, до нѣкоторой же степени еще итальянцевъ; по отношенію же къ другимъ народно-

стамъ оно считается филетнизмомъ, т. е. голымъ язычествомъ. Если тѣмъ не менѣе изъ подобныхъ семинарій выходятъ еще духовныя лица съ національнымъ образомъ мыслей и чувствъ, то встрѣчая на каждомъ шагу препятствія, они скоро впадаютъ въ апатію или по крайней мѣрѣ на время устраняются отъ вародныхъ дѣлъ.

Низшее латинское духовенство не можетъ свободно дѣйствовать и потому еще, что надъ нимъ тяготѣетъ патронатъ, въ лицѣ отчасти городскихъ управъ, а всего чаще правительственныхъ учреждений и слѣпо идущей за правительствомъ знати. Лишь немногіе приходы имѣютъ своими патронами высшихъ духовныхъ лицъ; но и въ такомъ случаѣ рѣшающее значеніе имѣютъ желанія правительства, которому не смѣютъ сопротивляться ни епископы, ни каноники. Въ противномъ случаѣ они подвергаются различнымъ преслѣдованіямъ, если даже занимаютъ въ хорватскомъ обществѣ столь выдающееся положеніе, какъ знаменитый епископъ Штросмайеръ и ученый загребскій каноникъ Рачкій.

Во всякомъ случаѣ, правительство вполне располагаетъ теперь содѣйствіемъ хорватскаго духовенства. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда правительство не желаетъ взять на себя «сdium» какого нибудь ненавистнаго для народа мѣропріятія, къ его услугамъ всегда готова и римская курія. При нынѣшнемъ критическомъ своемъ положеніи, она никакъ не можетъ рѣшиться на отказъ Австро-Угорскому правительству, а потому либо объявляетъ такую ненавистную мѣру лежащую въ интересахъ церкви и рѣшаетъ ее папскимъ декретомъ, какъ это случилось при передачѣ болѣе богатыхъ русскихъ монастырей въ Галиціи іезуитамъ, либо предоставляетъ вѣнсскому нунцію подѣйствовать на епископовъ въ нужномъ для правительства направленіи, какъ это было при рѣшеніи вопроса объ устраненіи церковно-славянскаго языка изъ богослуженія хорватской церкви. Въ случаѣ неудачи правительству и куріи ничего не стоитъ свалить отвѣтственность на нунціа.

Немногимъ хорватскимъ патриотамъ, которые желали бы дѣйствовать солидарно съ нами и другими славянами и также съ румынами, приходится слѣдовательно бороться не только съ могущественнымъ и безпардоннымъ правительствомъ и услужливою ему знатью, но—что особенно важно—и съ церковью, слѣдовательно со всѣми важнѣйшими факторами, опредѣляющими дѣйствія хорватскаго народа. Правда, сербы также имѣютъ противъ себя правительство, но зато ихъ церковь, управляемая національною сербскою іерархіею и сербскимъ народнымъ конгрессомъ, все еще остается союзникомъ народа, въ его борьбѣ за существованіе. А это

отражается и на настроеніи—конечно, менѣе значительной, чѣмъ хорватская—сербской знати, чему немало содѣйствуютъ собранія церковнаго конгресса и его комиссій. Мы не отрицаемъ, что и между сербами есть приверженцы мадыарско-нѣмецкихъ стремленій, но они лишь робко могутъ выступать со своими взглядами, ибо являются не болѣе какъ исключеніями, тогда какъ у хорватовъ исключеніе образуютъ патріоты славянскаго направленія.

Это огромное различіе между направленіями національной жизни австро-угорскихъ сербовъ съ одной стороны, а хорватовъ съ другой, доказываетъ, что первые хотя и болѣе подавлены государствомъ, однако въ общественномъ смыслѣ поставлены гораздо лучше вторыхъ. Государственныя учрежденія хорватовъ: сеймъ, банское управленіе, областная автономія нисколько не увеличиваютъ гарантій народнаго существованія, а скорѣе служатъ ему угрозой, ибо въ рукахъ враговъ они употребляются для чуждыхъ цѣлей.

Такимъ образомъ сербы не могутъ стремиться къ сліянію съ хорватами въ одинъ народъ, ибо, несмотря на поддержку горсти хорватскихъ патріотовъ, сербы не могли бы тогда съ успѣхомъ противодѣйствовать могущественному аппарату недруговъ, а потому по необходимости вступили бы вслѣдъ за хорватами на ту покатошь, по которой они уже неудержимо катятся въ пропасть германизма.

Думаютъ ли наши хорватскіе братья, что мы должны пожертвовать собою лишь для того, чтобы хорваты погибли «на миру», въ духѣ латинскаго изреченія: «*Solatium est miseris socios habuisse dolorum*», подобно какъ это случилось съ многочисленными вѣтвями славянъ подабскихъ и прибалтійскихъ! Врядъ ли они этого желаютъ, тѣмъ болѣе, что нынѣшнее грустное, но всетаки не безвыходное положеніе хорватовъ произошло собственно оттого, что, подчиняясь напештываньямъ враговъ, они наряду со своими соперниками-мадыарами считаютъ себя призванными пересаживать на Балканскій полуостровъ римско-нѣмецкую образованность. Хорваты забываютъ, что она-то именно и сдѣлала ихъ, подобно мадыарамъ, беспомощными противъ наступательнаго тевтонизма, и что недаромъ балканскіе народы такъ боятся этой чуждой образованности. Хорваты и мадыары повторяютъ въ этомъ случаѣ ту же роковую ошибку, которую уже ранѣе сдѣлали на сѣверѣ заѣденные римско-нѣмецкою культурою поляки: извѣстно, что они принесли ей въ жертву и свое независимое нѣкогда государство.

Исторія прежней Польши вообще очень поучительна, ибо она и погибла изъ-за желанія распространять на востокѣ римско-

нѣмецкую образованность, особенно же латинскую церковь. Между тѣмъ церковь эта и возникла по политическимъ видамъ римско-нѣмецкихъ императоровъ, содѣйствовавшихъ отторженію церкви западной отъ вселенской и постепенному преобразованію первой въ духъ римско-нѣмецкомъ. Но еще ранѣе поляковъ по той же причинѣ утратило свою самостоятельность и чешское королевство, которое прежде всего подчинилось римско-нѣмецкой церкви, затѣмъ римско-нѣмецкой имперіи, и наконецъ сдѣлалось простой провинціей габсбургской монархіи. Чехи и поляки не хотѣли поучаться судьбою поглощенныхъ нѣмцами славянъ запада, а также многихъ словинцевъ, хорватовъ и гибнущихъ на нашихъ глазахъ сербо-лужичанъ; въ противномъ случаѣ они не отеряли бы настежь своихъ воротъ для римско-нѣмецкой культуры. Римско-нѣмецкое престолонаслѣдство по маіорату понравилось славянскимъ государямъ, ибо традиціонный славянскій сеніоратъ нерѣдко исключалъ сыновей отъ наслѣдства; западный же феодализмъ пришелся по вкусу высшимъ боярскимъ родамъ, которые вслѣдствіе того стремились къ блеску и вліянію знати нѣмецкой. Вотъ почему вожди славянскихъ народовъ охотно пересаживали на родную почву западныя учрежденія, не предусматривая, что скоро славянскіе престолы будутъ заняты нѣмцами, которые окружаютъ себя затѣмъ нѣмецкою феодальною знатію. Только народныя массы оказали сопротивленіе римско-нѣмецкой культурѣ, но оно легко было сломлено при помощи нѣмецкихъ вспомогательныхъ войскъ, за которыми слѣдовала обыкновенно опытная рать римско-нѣмецкаго духовенства. Будучи зависимо отъ императора и ища его поддержки, духовенство это парализовало всѣ движенія народныхъ массъ; вмѣстѣ съ тѣмъ оно устранивало браки славянскихъ государей съ нѣмцами и старалось развить провинціальныя сепаратизмы въ средѣ славянъ, чтобы оторвать ихъ отъ сосѣдей и закрѣпить въ столь безпомощномъ положеніи.

Такимъ образомъ многія славянскія государства утратили свою самостоятельность. Да и вообще исторія доказываетъ, что зависимость отъ нѣмецкой имперіи и упадокъ этихъ государствъ всегда шли параллельно съ расширеніемъ и укрѣпленіемъ въ нихъ римско-нѣмецкой церкви. Въ самомъ дѣлѣ, мы не можемъ назвать ни одного самостоятельнаго славянскаго государства въ средѣ народностей, утратившихъ свою національную грекославянскую церковь и применившихъ къ латинской. Да и въ будущемъ трудно представить себѣ чтонибудь подобное. Это обстоятельство, а равно и то, что мелкія славянскія племена, влюченныя въ не-славянскіе государственныя организмы, быстро теряютъ свою народность,—долж-

ны взвѣсить наши хорватскіе братья. Тогда они навѣрное откажутся отъ странныхъ претензій играть на Балканскомъ полуостровѣ роль цивилизаторовъ и вождей. Въ этомъ освѣщеніи иначе представится имъ и отношеніе сербовъ къ подобнымъ притязаніямъ хорватовъ. Хорватскіе патріоты сумѣютъ понять тогда и поведение сербскихъ депутатовъ загребскаго сейма: роль эта навязана имъ событіями и вовсе не соотвѣтствуетъ ихъ внутреннимъ стремленіямъ. Хорватамъ не безызвѣстно, что балканскіе народы боятся пуще смерти римско-нѣмецкой образованности, ибо она противорѣчитъ ихъ воззрѣніямъ, нравамъ и обычаямъ, а кромѣ того угрожаетъ этимъ народамъ игомъ тевтонизма и совершеннымъ уничтоженіемъ. Если несмотря на все это встрѣчаются хорваты, считающіе благодареніемъ для балканскихъ народовъ распространеніе западной образованности, которая вноситъ въ народную среду такіе недуги, какъ социальная демократія и анархизмъ, то пусть они держатся при этомъ по крайней мѣрѣ извѣстнаго юридическаго положенія, что даже благодаренія не могутъ быть навязываемы: *invito beneficium obtrudi non potest*. Вдумавшись въ это положеніе, хорваты навѣрное придутъ къ убѣжденію, что балканскіе народы увидѣли бы въ подобныхъ цивилизаторахъ не друзей, а враговъ, такъ что хорватамъ предстояла бы тамъ братоубійственная борьба, которая была бы имъ вовсе не по силамъ даже въ томъ случаѣ, еслибы она происходила въ рамкахъ независимой Великохорватіи. Конечно, она ослабила бы и другіе балканскіе народы, но желательна ли это хорватамъ?

Впрочемъ мы уже замѣтили выше, что образованіе самостоятельной Великохорватіи должно встрѣтить на своемъ пути недолгими препятствія, такъ что хорватское культуртрегерство на Балканскомъ полуостровѣ могло бы съ успѣхомъ развиваться лишь послѣ рѣшительной побѣды нѣмецко-итальянской лиги надъ русско-французскими полками. Но эта побѣда повлекла бы за собою прежде всего онѣмеченіе мадьяръ, румыновъ и австроугорскихъ славянъ, слѣдовательно и хорватовъ, послѣ чего слѣдовало бы уничтоженіе славянскихъ, румынскихъ и греческихъ народовъ Балканскаго полуострова. Роль культуртрегеровъ досталась бы тогда нѣмецкимъ колонистамъ; еслибы имъ понадобились помощники, то они взяты были бы вовсе не изъ хорватской среды, ибо нѣмцы, евреи и другіе ихъ союзники уже намѣтили для себя Боснію и Герцеговину. И теперь въ этихъ провинціяхъ генералы и штатскіе чиновники, съ обще-имперскимъ министромъ финансовъ Каламемъ во главѣ, очень успѣшно распространяютъ нѣмецкую обра-

зованность, при содѣйствіи чиновниковъ—не хорватскихъ, а скорѣе польскихъ и мадьярскихъ.

Въ нынѣшнее критическое время, когда дѣло идетъ о существованіи славянъ, румыновъ и грековъ на Балканскомъ полуостровѣ и въ Австро-Угріи, всѣ эти угрожаемые народы должны остерегаться опасныхъ иллюзій, особенно когда онѣ распространяются ихъ недругами. Эти иллюзіи туманяютъ глаза, а вмѣстѣ съ тѣмъ приводятъ мелкіе народы къ опасному соперничеству въ оборонѣ своихъ мелкихъ, эгоистическихъ интересовъ, вмѣсто того чтобы общими силами отражать притязанія нѣмцевъ и итальянцевъ, охраняя прежде всего свое племенное существованіе. Слѣдовательно сербы дѣйствуютъ не въ собственныхъ лишь, но и въ хорватскихъ, да и вообще въ греко-румыно-славянскихъ интересахъ, когда они противодѣйствуютъ опаснымъ иллюзіямъ и грубому племенному эгоизму своихъ хорватскихъ братьевъ.

Вотъ по какимъ соображеніямъ и рѣшился вникнуть подробнѣе въ сербо-хорватскія отношенія, чтобы доказать, что возникающая нынѣ римско-нѣмецкая имперія Гогенцоллерновъ, угрожая существованію многихъ народностей, въ томъ числѣ и сербской,—еще опаснѣе для народности хорватской, которая чрезвычайно ослаблена уже римско-нѣмецкою образованностью и лишена такого твердаго оплота, каковой находитъ народность сербская въ греко-славянской церкви. Спасеніе сербской народности для славянства по указанной причинѣ, а также въ виду его географическаго положенія, не исключено даже въ томъ случаѣ, если хорватская утонетъ въ нѣмецкомъ морѣ; между тѣмъ спасеніе хорватовъ, въ случаѣ поглощенія сербовъ нѣмцами, просто невысказано. Отсюда слѣдуетъ, что ослабленіе сербской народности путемъ поглощенія части ея хорватами вовсе не лежитъ въ интересахъ этихъ народностей, а наоборотъ повредило бы обѣимъ.

Къ сказанному о взаимныхъ отношеніяхъ сербовъ къ хорватамъ остается прибавить лишь немного, чтобы окончательно высказать положеніе обѣихъ народностей.

Составляя въ австро-угорской имперіи до двухъ милліоновъ населенія, хорваты занимаютъ въ значительномъ большинствѣ не только Хорватію и Славонію, но также Далмацію и Истрію, тогда какъ въ Босніи и Герцеговинѣ они уже въ меньшинствѣ. Центромъ хорватскаго племени служитъ Хорватія и Славонія. Здѣсь они имѣютъ собственную—правда римскую, слѣдовательно не національную—іерархію, съ загребскимъ архіепископомъ во главѣ. Но и тутъ гнетъ мадьярскаго управленія столь силенъ, что самые выдающіеся хорватскіе патріоты не могутъ попасть въ законодательное собра-

ніе какъ Цислейтаніи, такъ и Транслейтаніи, или осуждены играть тамъ роль безучастныхъ зрителей нѣмецко-польскаго и мадьярскаго управленія. Даже въ загребскомъ сеймѣ безусловно господствуютъ мадьяры и мадьяроны, такъ что патріоты составляютъ тутъ ничтожную оппозицію, не имѣющую вліянія на дѣла. Въ послѣднее время одна изъ двухъ оппозиціонныхъ партій загребскаго сейма и притомъ болѣе независимая и вліятельная, во главѣ которой стоитъ славный хорватскій епископъ Штросмайеръ, предпочла даже пассивную оппозицію активной, такъ что послѣдняя ограничивается теперь десяткомъ приверженцевъ д-ра Антона Старчевича.

Славяне Далмаціи и Истріи, входящіе въ составъ Цислейтаніи, имѣютъ теперь въ рейхсратѣ не болѣе восьми хорватскихъ депутатовъ, да одного сербскаго. Одни изъ нихъ входятъ въ клубъ Гогенварта, гдѣ ихъ голоса пропадаютъ, подавляемые большинствомъ подальпійскихъ нѣмцевъ, другіе же составляютъ крошечный южно-славянскій клубъ изъ шести членовъ, примыкающій по принципамъ и радикальной оппозиціи къ клубу младочешскому. Слѣдовательно ни тѣ ни другіе не могутъ имѣть дѣйствительнаго вліянія на ходъ дѣлъ. Да и дома силы хорватовъ далматинскихъ парализуются итальянскимъ направленіемъ архіепископа задрскаго, и нѣмецкимъ — архіепископа горицкаго. Такимъ образомъ семисотъ-тысячное хорватское населеніе Австріи разбито на куски какъ въ церковномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи, ибо хорваты далматинскіе имѣютъ своего особаго намѣстника и сеймъ въ Задрѣ, хорваты же Истріи особый сеймъ въ Ровиньѣ.

Что касается положенія немногочисленныхъ хорватовъ Босніи, то они отдѣлены отъ соплеменниковъ не только въ политическомъ, но и въ церковномъ отношеніи, подчиняясь латинскому архіепископу сараевскому.

Понятно, что хорваты, хотя и занимаютъ сплошную область, но раздѣленные въ церковномъ и политическомъ отношеніи на четыре части, не могутъ играть сколько нибудь самостоятельной роли ни въ одной изъ двухъ половинъ габсбургской монархіи, тѣмъ болѣе, что хорватская знать и духовенство за немногими исключеніями не особенно одушевляются народными интересами. Вліяніе духовенства тѣмъ вреднѣе, что оно старается разжечь вражду хорватовъ къ сербскому населенію Хорватіи, Славоніи и Далмаціи; оно же отчасти поддерживаетъ борьбу хорватскихъ партій, крайне вредную, даже гибельную въ такое время, когда рѣшается вопросъ о самомъ существованіи не только хорватовъ, но и многихъ другихъ народностей.

Что касается сербской половины сербо-хорватскаго племени въ предѣлахъ Австро-Угріи, то хотя она насчитываетъ до 2 милліоновъ душъ, однако на государственныя дѣла имѣетъ пожалуй еще меньшее вліяніе, чѣмъ хорваты. Въ австрійскомъ рейхсратѣ сербы имѣютъ всего одного депутата; да и въ угорскомъ сеймѣ они почти лишены представителей, такъ что вовсе не участвуютъ въ делегаціяхъ. Вообще между сеймами Габсбургской монархіи нѣтъ ни одного сербскаго, хотя бы по большинству депутатовъ.

Впрочемъ это безпардонное притѣсненіе въ нашей конституціонной монархіи тяготѣетъ не на однихъ сербахъ, но въ равной мѣрѣ и на еще болѣе многочисленныхъ въ имперіи русскихъ и румынахъ. Они, какъ уже упомянуто, тоже не имѣютъ представителей въ законодательныхъ собраніяхъ, и это обусловлено не тѣмъ, что они принадлежатъ къ православію (ибо половина румыновъ и $\frac{9}{10}$ русскихъ находятся въ догматической уніи съ католической церковью), а тѣмъ, что они привязаны къ своему національному восточному церковному обряду, который нѣмцы, а за ними поляки и мадьяры считаютъ главнымъ препятствіемъ къ обезнароживанію славянъ. Къ своему утѣшенію мы можемъ сослаться на то, что населяющіе Галицію, Угрію и Буковину въ довольно компактной массѣ русскіе непосредственно примыкаютъ къ Волыни и Подолью, а румыны — къ румынамъ Буковины, Семиградья и Угріи, эти же послѣдніе — къ сербамъ Угріи, Славоніи, Хорватіи, Далмаціи и оккупационной области. Составляя въ совокупности до 9 милл. душъ и занимая обширную компактную территорію, эти три народа въ случаѣ серьезныхъ замѣшательствъ могутъ опереться еще на соплеменниковъ въ сосѣднихъ съ ними областяхъ Россіи, Румыніи, Сербіи и Черногоріи.

Но и независимо отъ международныхъ усложненій, трудно предполагать, чтобы это 9-ти-милліонное населеніе, принесшее столько жертвъ престолу и государству, навсегда было осуждено служить предметомъ инородческой эксплуатаціи, единственно за то, что упорно охраняетъ свою народность. Такимъ образомъ, если сверхъ чаянія наступитъ продолжительный періодъ мира, то и тогда часъ освобожденія сербовъ, наряду съ румынами и русскими, долженъ наступить уже скоро.

Во всякомъ случаѣ, сербы утѣшаются хоть тѣмъ, что они сохранили національную церковь, — этотъ твердый оплотъ ихъ національности, о который еще долго будетъ разбиваться натискъ враговъ.

Ниже будутъ разсмотрѣны мѣры, принятія врагами славянъ для подчиненія себѣ русской и румынской церкви; здѣсь мы остановимся вкратцѣ на попыткахъ ослабить національную церковь сербовъ.

Уже выше упомянуто, что въ прошломъ вѣкѣ сдѣланъ былъ опытъ подчиненія австрійскихъ сербовъ римской іерархіи, но это повлекло за собою выселеніе громаднаго числа сербовъ въ Россію и принудило правительство къ болѣе мягкимъ приѣмамъ. Дѣло на этотъ разъ ограничилось образованіемъ небольшой уніатской епархіи въ хорватскомъ Крижевцѣ. Латинскіе епископы не замедлили перевести сербскихъ уніатовъ къ римскому обряду и такимъ образомъ превратить ихъ въ хорватовъ. Бѣдный по своей дотациіи уніатскій епископъ, подчиненный еще вдобавокъ латинскому архіепископу, вскорѣ увидѣлъ себя почти безъ паствы, такъ что въ настоящее время уніаты крижевацкой епархіи состоятъ главнымъ образомъ изъ позднѣйшихъ русскихъ колонистовъ верхне-угорскаго происхожденія. Еще менѣе успѣха имѣлъ подобный же опытъ въ Далмаціи, хотя тутъ содѣйствовалъ одинъ сербскій епископъ и нѣсколько галицкихъ уніатовъ, назначенныхъ профессорами задрской семинаріи. Эта попытка вызвала глубокое броженіе въ сербскомъ населеніи; одинъ изъ уніатскихъ священниковъ былъ убитъ на глазахъ своего епископа, съ которымъ онъ ѣхалъ; епископъ этотъ принужденъ былъ спасать свою жизнь бѣгствомъ въ Венецію; за нимъ послѣдовали проіе уніатскіе священники, такъ что въ Далмаціи все осталось по старому.

Въ недавнее время еще былъ сдѣланъ подобный опытъ, направленный противъ всего сербскаго населенія Габсбургской монархіи; но несмотря на всю осторожность латинизаторовъ и эта попытка не привела къ цѣли. Прежде всего произведено было церковное отдѣленіе сербовъ отъ румыновъ, имѣвшее цѣлью ослабить ихъ солидарность и такимъ образомъ подготовить постепенно къ догматической уніи. Затѣмъ правительство прибѣгло къ двумъ, совершенно незаконнымъ мѣрамъ, а именно, удалило на покой заслуженнаго, но неподатливаго сербскаго патріарха Прокопія Ивачковича и въ преемники его назначило не будимскаго епископа Арсенія Стойковича, который былъ единогласно избранъ соборомъ, а новосадскаго епископа Анджелича, получившаго при выборахъ всего нѣсколько голосовъ, но угоднаго правительству за свой сервизизмъ.

Вотъ въ этомъ Анджеличѣ и нашло правительство покорное орудіе для своихъ цѣлей. Лишь немногіе изъ сербскаго духовенства, да покойный епископъ Груичъ примкнули къ мадяронской партіи Анджелича. Моментъ этотъ былъ тѣмъ опаснѣе для сер-

бовъ, что тогда именно начались непрерывныя хожденія католическихъ славянъ въ Римъ, гдѣ точно передъ тѣмъ появилась знаменитая папская энциклика «Grande munus», имѣвшая цѣлью соединеніе всѣхъ славянъ въ одно цѣлое, яко-бы во имя славянскихъ первоучителей Кирилла и Меѳодія; въ то же время въ Босніи и Герцеговинѣ какъ свѣтская администрація, такъ и новоорганизованная римско-нѣмецкая іерархія ревностно работали въ пользу уніи съ Римомъ; и хорватскіе епископы усердно хлопотали въ пользу затѣи Рима или вѣрнѣе австро-угорскаго правительства. Въ своихъ пастырскихъ посланіяхъ эти епископы старались внушить намъ, сербамъ, что дѣло идетъ только о признаніи папскаго примата, такъ какъ во всѣхъ прочихъ догматическихъ вопросахъ обѣ церкви всегда-де были согласны; что же касается церковныхъ обрядовъ и дисциплины, то въ этой области вовсе не предполагается-де никакихъ измѣненій. Между этими посланіями особенно выдѣлялись составленныя знаменитымъ хорватскимъ епископомъ Штросмайеромъ, который, посѣтивъ однажды Карловцы, по распоряженію патриарха Анджелича былъ торжественно встрѣченъ сербскимъ духовенствомъ въ патриаршеской церкви, въ церковныхъ облаченіяхъ. Даже въ сосѣдней Сербіи пытался Штросмайеръ пропагандировать идею уніи.

Но всѣ эти сладкія рѣчи стояли въ слишкомъ рѣзкомъ противорѣчій съ общеизвѣстными фактами. Сербы знали, что въ соединенныхъ съ Римомъ патриархатахъ мелхитовъ, халдеевъ, сирійцевъ, маронитовъ и армянъ въ Турціи навязанъ былъ противорѣчащій восточному обряду, да и ошибочный по своей сущности новый или григоріанскій календарь; что и вообще церковный обрядъ искаженъ въ этихъ патриархатахъ; что вліяніе низшаго духовенства и народа на церковныя дѣла тамъ весьма ограничено; что самые эти патриархи, несмотря на свои пышные титулы, не имѣютъ даже правъ митрополита, а подчиняются надзору и руководству закоренѣлыхъ враговъ восточной церкви—іезуитовъ и лазаритовъ. Мы знали также, что и греческіе уніаты въ Италіи, давно уже подчиненные итальянскимъ епископамъ, принуждены теперь употреблять опрѣсноки вмѣсто обыкновеннаго хлѣба; что въ Болгаріи церковная унія распространяется польскими миссіонерами, отъявленными врагами всего славянства; что обрядъ русскихъ уніатовъ въ самой Россіи подъ польскимъ управленіемъ былъ до того искаженъ невѣжественнымъ духовенствомъ, что народъ могъ избѣжать угрожавшей ему гибели лишь путемъ воссоединенія съ православною церковью; что наконецъ въ предѣлахъ австро-угорской монархіи унія разсматривается теперь какъ мостъ для незамѣтнаго

перехода отъ церкви восточной къ западной. Наконецъ мы знали, что поляки и мадьяры также были нѣкогда членами православной церкви, потомъ стали уніатами, а наконецъ—передовыми борцами римско-католической церкви, отчасти даже поборниками протестантизма; знали, что тѣмъ же путемъ совращены въ латинство всѣ племена яшскія, затѣмъ словенцы и хорваты, а съ теченіемъ времени принуждены будутъ послѣдовать за ними армяне, румыны и австрійская Русь. Уже теперь въ галицко-русскихъ монастыряхъ утвердились иезуиты. На нашихъ глазахъ уніатско-румынскій митрополитъ подчиненъ латинскому примасу Угріи. Изъ многихъ тысячъ армянскаго населенія Галичины теперь не осталось болѣе 3000 душъ, хотя они имѣютъ особаго архіепископа. Въ Семиградьѣ, гдѣ было множество армянъ, ихъ епископія упразднена, оставлено всего нѣсколько армянскихъ священниковъ, подчиненныхъ латинскимъ епископамъ. Въ прочихъ же частяхъ Угріи нѣтъ уже теперь ни армянскихъ священниковъ, ни церквей, такъ что у австро-угорскихъ армянъ-уніатовъ постепенно выработался особый церковный обрядъ, болѣе близкій къ латинскому, чѣмъ къ армянскому, о которомъ даже духовенство не имѣетъ уже теперь понятія.

Неудивительно, что въ виду такихъ фактовъ весь сербскій народъ, за исключеніемъ какихъ-нибудь 50 ренегатовъ, возсталъ какъ одинъ человекъ противъ патріарха Анджелича. Такимъ образомъ его вредная дѣятельность была парализована. Тѣмъ менѣе успѣха могли имѣть папская энциклика и посланія хорватскихъ епископовъ. Грозившая опасность была отвращена. Все-таки церковная жизнь сербовъ не мало ослаблена тѣмъ, что сербскому патріарху въ Карловцахъ подчинены только епископы Угріи, Славоніи и Хорватіи, между тѣмъ какъ два епископа сербовъ далматинскихъ подлежатъ юрисдикціи автокефальнаго русско-румынскаго митрополита въ Черновцахъ, епископы же Босніи и Герцеговины подчинены патріарху константинопольскому. Какъ ни прискорбно все это, тѣмъ не менѣе нужно признать, что сербскіе епископы поставлены, согласно каноническимъ правиламъ, довольно самостоятельно; они поддерживаются живымъ участіемъ въ церковномъ управленіи низшаго клира и представителей народа; да и общій духъ греко-славянской церкви настолько сплачиваетъ всѣ части сербской народности, что она является нравственнымъ цѣлымъ.

Благодаря относительной независимости сербской церкви отъ государственнаго вмѣшательства, мы считаемъ свое народное существованіе вполне обеспеченнымъ, надѣемся отразить и въ будущемъ возможныя посягательства на нашу народную святыню. Національная организація церкви обеспечиваетъ за сербами гораздо

болѣе здоровое развитіе народной жизни, даже безъ политической автономіи, чѣмъ какое предстоитъ хорватамъ и другимъ славянскимъ племенамъ, утратившимъ народную церковь, хотя и имѣющимъ взаимнѣе ея призрачную государственную автономію. Такимъ образомъ мы, сербы, не обмѣняли бы своего народнаго положенія на хорватское и можемъ съ большимъ спокойствіемъ ожидать событий, которыя опредѣлятъ нашу будущность. Хорваты могутъ рассчитывать при этомъ на наше содѣйствіе въ общей борьбѣ за существованіе, причемъ конечно не останутся безучастными зрителями и заpredѣльные наши соплеменники, какъ это было и въ памятные 1848 и 1849 годы.

X.

Непосредственно къ хорватамъ примыкають словенцы, которыхъ насчитывается милліонъ съ четвертью. По языку они очень близки къ хорватскимъ кайбавцамъ. Хотя словинская территорія представляетъ довольно самостоятельное цѣлое, но населеніе ея искусственно раздѣлено на много областей, притомъ такъ, что по большей части словинцы образуютъ дѣйствительное или мнимое меньшинство. Въ Угріи, гдѣ словенцы живутъ на границахъ Штиріи въ смѣшеніи съ мадьярами и массою нѣмецкихъ колонистовъ, не можетъ быть и рѣчи о національной жизни словенцевъ, которые быстро мадьяризуются и вѣроятно скоро исчезнутъ. Смежное съ Угріей герцогство Штирія населено на западѣ компактной массою нѣмецкихъ колонистовъ, которые составляютъ уже теперь большинство населенія этой области. Въ такомъ же приблизительно отношеніи находятся пришлые нѣмцы къ автохтоннымъ словенцамъ въ Хорутаніи или Каринтіи. Въ графствѣ Горичкомъ словенцы въ сеймѣ искусственно подавлены большинствомъ итальянскихъ или вѣрнѣе фриульскихъ депутатовъ. Въ городѣ Триестѣ и его области автохтонные словенцы также подчинены въ общинномъ представительствѣ пришлымъ итальянцамъ. Въ сосѣднемъ съ Триестомъ мареграфствѣ Истрія словенцы составляютъ незначительное меньшинство населенія и могутъ лишь въ слабой мѣрѣ помогать хорватамъ въ борьбѣ съ искусственнымъ итальянскимъ большинствомъ сейма. Только въ герцогствѣ Краинѣ, въ полумилліонномъ населеніи котораго словенцы составляютъ до 94%, могли они послѣ продолжительныхъ усилій добиться большинства въ сеймѣ.

При такомъ положеніи словенцы, давно уже утративъ вирилломееодіевскую церковь и представляя теперь не болѣе, какъ жалкій остатокъ могущественнаго нѣкогда племени, по планамъ нѣмцевъ,

должны въ непродолжительномъ времени погибнуть въ населенныхъ ими областяхъ, подобно какъ они уже погибли въ Тиролѣ и въ другихъ смежныхъ краяхъ, слившись тамъ съ населеніемъ нѣмецкимъ и итальянскимъ. Чтобы предотвратить эту опасность, словинскіе патриоты энергически стремятся теперь къ соединенію разбитыхъ административно словинскихъ областей въ одну провинцію, средоточіемъ которой была бы Крайна. Еслибы эта цѣль была достигнута, то словинцы, опираясь на сосѣднюю Хорватію, Истрію, Далмацію, вообще на племя сербо-хорватское, не только могли бы обезпечить свое національное существованіе, но и послужили бы важнымъ оплотомъ славянскаго юга въ борьбѣ съ племенами итальянскимъ и нѣмецкимъ.

Такова вышняя программа словинскихъ патриотовъ. Нельзя ей не сочувствовать съ точки зрѣнія не только словинской, но и вообще славянской, ибо въ словинскомъ народѣ кирилло-меоодіевскія * преданія хранятся еще тверже, чѣмъ въ хорватскомъ, такъ что сближеніе этихъ двухъ народностей подняло бы славянское ихъ сознаніе и обезпечило бы въ большей мѣрѣ ихъ общую будущность.

Но и словинскіе патриоты принуждены бороться съ тѣми же препятствіями, какъ хорватскіе. Положеніе первыхъ тѣмъ труднѣе, что они не имѣютъ своего Штросмайера, вообще ни одного настоящаго словенца между епископами: всѣ они нѣмцы, либо итальянцы и мадьяроны, очень пренебрежительно относящіеся къ народу,—тѣмъ болѣе, что по сосѣдству съ словенцами нѣтъ схизматиковъ, которыхъ можно было бы заманить къ униі и латинству болѣе свободнымъ управленіемъ, какъ это дѣлается въ Хорватіи изъ-за схизматиковъ сербскихъ.

Въ средѣ низшаго словинскаго духовенства находится относительно болѣе дальновидныхъ и самоотверженныхъ славянскихъ патриотовъ, чѣмъ въ Хорватіи; но эти скромные патриоты немного могутъ сдѣлать подъ гнетомъ такихъ германизаторовъ, какъ пре-

* Известно, что въ недавнее время одна римско-католическая сельская община въ Крайнѣ единогласно постановила перейти въ православіе, о чемъ она и сообщила властямъ, а также православному епископу сосѣдней Далмаціи. Всѣ усилія чиновниковъ и латинскаго духовенства запугать этихъ посланъ не имѣли успѣха. Лишь медлительность православнаго епископа охладила ихъ рвеніе. Къ этому присоединились еще въкоторыя выгодныя предложенія со стороны органовъ правительства, вслѣдствіе чего дѣло было замято.

И кириллица гораздо болѣе имѣетъ между словенцами приверженцевъ, чѣмъ между хорватами. Превосходно издаваемый триестскій журналъ «Славянскій Свѣтъ» довольно часто употребляетъ славянскую азбуку; вышло и нѣсколько книжекъ словинскихъ въ кирилловской транскрипціи.

словутый люблянскій архіепископъ Миссія. Да и другіе словинскіе епископы озабочены болѣе ультрамонтанствомъ, чѣмъ народными дѣлами. На этой почвѣ и подъ покровительствомъ подобныхъ епископовъ могла развиться латинизаторская дѣятельность такого невѣжественнаго, а вмѣстѣ злостнаго богослова, какимъ является достаточно извѣстный читателямъ «Славянскаго Свѣта» патеръ Махничъ въ Горицѣ.

Удивительно ли, что выборы въ словинскіе сеймы и въ вѣнскій рейхсратъ происходятъ въ духѣ не словинскихъ, а нѣмецкихъ и итальянскихъ интересовъ! Даже между словинскими депутатами рейхсрата немало такихъ, которые являются покорными или запуганными мамелюками правительства. Подъ ихъ давленіемъ и болѣе мужественные словинскіе патриоты не рѣшаются занять въ немъ болѣе опредѣленное положеніе, которое одно могло бы обезпечить интересы народа, особенно въ случаѣ образованія общаго клуба всѣхъ славянскихъ и румынскихъ депутатовъ рейхсрата.

Патріотическія словинскія газеты усердно хлопчутъ о выходѣ народа изъ нынѣшнихъ затрудненій; но подвергаясь частымъ конфискаціямъ, онѣ не могутъ открыто разъяснить причину бѣды, тѣмъ болѣе, что и читатели терроризируются епископами и властями, которые наоборотъ покровительствуютъ и читателямъ и издателямъ газетъ антиславянскихъ. Все-таки нельзя не замѣтить постепеннаго роста патріотической печати словенцевъ, а въ зависимости отъ того—подъема ихъ народнаго сознанія.

Печать поддерживаютъ въ этихъ стремленіяхъ словинскія общества, которыя получили въ послѣднее время широкое развитіе. Правда, и они встрѣчаютъ въ своей дѣятельности противодѣйствіе епископовъ и правительства; тѣмъ не менѣе при осторожности и энергіи руководителей эти патріотическія общества привлекаютъ все болѣе членовъ. Такимъ образомъ народное сознаніе словенцевъ мало по малу проясняется. По своей даровитости, цѣльности и энергіи словенцы принадлежатъ къ тѣмъ славянскимъ народамъ, отъ которыхъ и наука, и искусство, и жизнь могутъ еще многого ожидать.

Іюнь 1892.

(Окончаніе слѣдуетъ)

Срѣмецъ.

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ КНЯЗЯ В. А. ЧЕРКАСКАГО И Н. А. МПЛЮТНА

Реформа учебной части въ Царствѣ Польскомъ

III *

ИЗВѢСТНО, что главною причиною историческихъ невзгодъ польскаго народа, его тяжелыхъ утратъ на западѣ и горькихъ разочарованій на востокѣ—были недостатки польской школы. Съ самыхъ древнихъ временъ она получила характеръ инородческой, подобно польской церкви и во взаимодѣйствіи съ послѣднею. Можно конечно предполагать, что первоначальныя основы польской школы въ IX—X вв. не отличались существенно отъ кирилло-меодіевскаго строя школы моравской, чешской, словенской и другихъ западно-славянскихъ того времени. Но отъ этой древней польско-славянской школы не осталось не только живыхъ слѣдовъ, но и сколько-нибудь точныхъ историческихъ преданій. Уже съ XI в. польское общество, подобно другимъ западно-славянскимъ, вступаетъ въ инородную для него школу латинскую, монашескаго духа и схоластическаго направленія. Нѣкоторое отрезвленіе наступило въ этой области лишь въ XV—XVI вв., подъ вліяніемъ сначала гуситства и чешско-моравскаго братства, а затѣмъ протестантства. На этой-то, хоть на половину народной почвѣ, въ Польшѣ

* См. Слав. Обзор., т. I, стр. 51 и 359.

гуситско-протестантской, усиленной еще Литвою и юго-западною Русью, развивалась блестящая польская образованность вѣка Сигизмундовъ, не уступавшая ни чешской, ни далматинской и превосходившая образованность юго-восточнаго славянства въ ту эпоху, особенно въ области литературной.

Но и польская школа XVI в. не сдѣлалась чисто-народною, а тѣмъ менѣе обще-народною. Это была школа все-таки западническая и сословная, шляхетско-бюргерская. Она не имѣла глубокихъ корней въ народныхъ преданіяхъ, потребностяхъ и чувствахъ, почему безъ особенныхъ усилій и очень быстро была съ конца XVI в. сметена школою реакціонною, іезуитскою, которая и утвердилась затѣмъ въ Польшѣ на полтора ста лѣтъ. Глубоки были нравственные перевороты, произведенные ею въ сознаниі польскаго образованнаго общества. Лишь Испанія Филипповъ да отчасти Австрія Фердинандовъ и Леопольда можетъ представить аналогію для объезуиченной Польши XVII в. Іезуиты должны считаться гробовщиками Польши: ихъ проповѣдь, ихъ школа, ихъ политическая дѣятельность подрывала историческіе устои Рѣчи-посполитой, внесла въ сознание фанатизмъ и слѣпоту, поработила государство, общество, весь народъ совершенно чуждымъ ему цѣлямъ римской куріи и западной, особенно габсбургской политики, углубила пропасть между польско-латинскимъ и «русско-схизматическимъ» населеніемъ государства и такимъ образомъ подготовила польскіе раздѣлы... Правда, они совершились послѣ временнаго упраздненія іезуитскаго ордена, въ періодъ піарскихъ школъ, но и онѣ не могли уже освободиться отъ традицій іезуитскихъ, которыя и до сихъ поръ тяготѣютъ надъ сознаниемъ большинства польской интеллигенціи.

Когда Литва и Украина воссоединились съ Москвою, а затѣмъ и такъ называемая «Конгресувка» или Царство Польское перешло къ Россіи, нашему правительству предстояло опредѣлить и строй русско-польской школы. Оно могло бы руководиться при этомъ примѣромъ просвѣщеннаго «Запада», т. е. пруссаковъ и австрійцевъ, которые просто-на-просто онѣмечили польскую школу въ Пруссакъ, Познани, Слезіи и Галичинѣ. Но подобнаго рода «западничество» претило славянскому чувству русскихъ, вслѣдствіе чего польская школа оставлена были безъ существенныхъ измѣненій не только въ Польшѣ, но даже въ

Литвѣ и Украинѣ, какъ это доказываютъ преданія виленскаго университета и кременчугскаго лицея. Такъ слабы еще были у насъ въ то время свѣдѣнія объ этнографическомъ размежеваніи народовъ русскаго и польскаго, а слѣдовательно и о законныхъ границахъ школъ русской и польской, которыя не могутъ вѣдь пролегать по Западной Двинѣ и Днѣпру, даже въ случаѣ дарованія полякамъ полной автономіи на ихъ племенной территоріи!

Нужно было произойти возстанію 1830 года, чтобы отрезать въ этомъ отношеніи нашихъ государственныхъ людей. Въ слѣдующее за этимъ возстаніемъ 30-лѣтіе кое-что и сдѣлано было нашимъ правительствомъ, по мысли князя Паскевича и графа Уварова, для преобразования польской школы въ видахъ политическаго перевоспитанія молодежи. Но приемы, примѣненные при этомъ къ дѣлу, были слишкомъ неумѣлые, механическіе, почему эта русско-польская школа и не могла парализовать дѣйствія ни старыхъ преданій, ни противогосударственныхъ вліяній духовнаго и свѣтскаго общества, эмигрантовъ и подпольной литературы. Изъ этой якобы русской школы вышло поколѣніе новыхъ польскихъ дѣятелей, произведшихъ кровавую смуту 1863 года. Напрасно правительство думало предупредить ее уступками, между прочимъ и въ учебномъ дѣлѣ, какъ это выразилось въ школьномъ уставѣ 1862 года. Уставъ этотъ, выработанный подъ руководствомъ маркиза Велепольскаго, представляетъ какъ-бы реставрацію школьной системы князя Чарторыжскаго. Уставъ этотъ воскрешаетъ старопольскую школу со всѣми ея клерикальными, сословными и вообще противогосударственными вліяніями,— правда, въ границахъ Царства Польскаго, слѣдовательно безъ Литвы и Украины, но все же съ подчиненіемъ этой тенденціозно-польской школѣ болѣе милліона непольскихъ жителей края, а въ числѣ ихъ— четверти милліона русскихъ Холмщины и Подляшья.

Къ счастью, система эта не могла пустить корней и скоро сметена была съ Польши событіями 1863 г., которыя еще разъ доказали необходимость иной, болѣе органической системы польскаго управленія, между прочимъ, и въ учебномъ дѣлѣ.

Вотъ при какихъ условіяхъ всего два года послѣ школьнаго устава Велепольскаго появился новый школьный уставъ, который можно назвать милютинскимъ, хотя при выработкѣ его

принимали близкое участіе и князь Черкасскій, а также извѣстный нашъ славяновѣдъ А. Ѳ. Гильфердингъ.

Основные положенія Милютинскаго устава заключаются въ слѣдующемъ: школы должны руководиться требованіями педагогіи, а не политики; языкъ преподаванія долженъ соответствовать материнскому языку учениковъ, слѣдовательно быть польскимъ для поляковъ, нѣмецкимъ для нѣмцевъ, литовскимъ для литовцевъ, русскимъ для русскихъ, особенно въ школахъ народныхъ и учительскихъ семинаріяхъ; въ школахъ смѣшаннаго состава преподаваніе ведется на языкѣ государственномъ, который долженъ быть основательно изучаемъ и во всѣхъ прочихъ мѣстныхъ школахъ; школы должны имѣть всенародный, а не сословный характеръ, и подчиняться контролю государственному, а не ксендзовскому или помѣстному; образованіе не должно имѣть узко-прикладнаго характера, а отвѣчать всѣмъ разумнымъ потребностямъ народа и всѣмъ ступенямъ развитія. Историческіе мотивы этой реформы подробно изложены въ обширной запискѣ Н. А. Милютина, которая воспроизведена ниже цѣликомъ, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ документовъ въ исторіи русско-польской школы XIX в. Значеніе его тѣмъ больше, что онъ не остался бумажною программой, а наоборотъ, легъ въ основу цѣлой серіи законоположеній, измѣнившихъ въ корнѣ постановку учебнаго дѣла въ Царствѣ Польскомъ. Въ силу этихъ законовъ школы вырваны изъ рукъ ксендзовъ и шляхты, перестали быть въ польскихъ рукахъ орудіемъ религіозной и политической пропаганды и сообразованы съ потребностями всѣхъ народностей края, въ томъ числѣ и русской.

При устройствѣ русскихъ школъ Холмщины и Подляшья дѣятельное участіе принималъ и князь Черкасскій, въ чемъ можно убѣдиться изъ прилагаемой его записки по этому предмету. Ему же принадлежитъ первая мысль о постепенномъ преобразованіи главной школы въ императорскій варшавскій университетъ, формулированная въ особомъ по сему предмету мнѣніи въ октябрѣ 1866 г., которое также прилагается. Еще живѣе выражаются заботы князя о школахъ въ прилагаемыхъ выдержкахъ изъ Дневника его супруги.

Учебная реформа Милютина была задумана широко и глубоко. Никто ни тогда, ни теперь не могъ бы ничего возразить противъ теоретическихъ ея основъ, съ точки зрѣнія педагогіи

и справедливости. Однако на практикѣ, въ подробностяхъ она представляла нѣкоторыя неудобства: можно ли напримѣръ считать здѣшнихъ нѣмецкихъ колонистовъ, отчасти даже прусскихъ и австрійскихъ подданныхъ, кореннымъ населеніемъ края, имѣющимъ право не только на частныя, но и государственныя школы съ нѣмецкимъ преподавательнымъ языкомъ? Слѣдуетъ ли увѣковѣчить язычную отдѣльность евреевъ, говорящихъ то на русскомъ, то на польскомъ, а всего чаще—на нѣмецкомъ языкѣ или жаргонѣ? Можно ли провести послѣдовательно принципъ литовскихъ школъ, при отсутствіи на этомъ языкѣ не только научной, но и школьной литературы, по крайней мѣрѣ среднего уровня? Можно ли обезпечить интересы русскаго языка, при третъестепенномъ его положеніи въ системѣ инородческихъ школъ? А наконецъ—и это самое главное—можно ли достигнуть духовнаго перевоспитанія польскаго народа и сближенія его съ русскимъ на почвѣ общихъ племенныхъ задачъ, если преподаваніе въ мѣстныхъ школахъ по прежнему останется въ рукахъ польскихъ дѣятелей 1830 и 1863 гг.?

Вотъ причины, по которымъ уже съ 1867 г. система милютинская подверглась нѣкоторымъ измѣненіямъ, соотвѣтственно возникшимъ въ мин—во графа Толстого новымъ воззрѣніемъ на мѣстныя школы. Такъ измѣненія выразились напр. въ переименованіи школъ польскихъ, нѣмецкихъ, литовскихъ въ школы русскія, по языку преподаванія. Нѣкоторыя данныя объ этихъ измѣненіяхъ приводятся ниже.

Впрочемъ мы не намѣрены защищать здѣсь всѣ положенія гр. Толстого. Наоборотъ, мы склонны думать, что положенные въ основу его реформы принципы значительно ниже Милютинскихъ, по крайней мѣрѣ въ теоретическомъ отношеніи. Мы не согласны, напри- мѣръ, съ мнѣніемъ покойнаго графа о томъ, будто задача русской школы и вообще русскаго управленія въ Царствѣ Польскомъ заключается въ постепенномъ обрусеніи мѣстныхъ населеній, особенно поляковъ. Нѣтъ, дѣло тутъ не въ обрусеніи, а въ ославяненіи послѣднихъ, въ воскрешеніи ихъ племеннаго славянскаго сознанія, слѣдовательно и добровольной готовности содѣйствовать братьямъ въ борьбѣ за существованіе, въ исполненіи общаго историческаго призванія.

Но даже не соглашаясь съ основнымъ принципомъ графа Толстого, не считая его школы окончательною нормою рус-

ско-польской, да и вообще русско-славянской школы, мы все-таки должны признать, что эти послѣднія измѣненія были вызваны самою жизнію, тѣми особыми затрудненіями, какія встрѣчаютъ русское государство, русское общество и народъ въ закоренѣлыхъ предразсудкахъ польскаго общества и его донкихотскомъ служеніи всему западному. Въ доказательство сошлемся на нынѣшнюю Галичину, гдѣ не только польскія, но и русскія школы организованы польскими политиками, ксендзами и педагогами. Что же мы тамъ видимъ? Какую-то помѣсь іезуитства съ социализмомъ, латинства съ нѣмечиной, полонизма съ іудействомъ, барства съ холопствомъ; главнымъ же догматомъ этой школы служить по-истинѣ іезуитская вражда ко всему русскому, да и всему славянскому.

При сопоставленіи съ этой параллелью школа Толстого является необходимостью переходнаго времени, котораго сокращеніе зависитъ не столько отъ русскаго правительства или общества, сколько отъ грядущихъ «эволюцій» общества польскаго, ибо по-истинѣ безумно было бы отдавать польскую молодежь въ безусловное распоряженіе лицъ, которыя озабочены лишь интересами Рима, Австріи, Германіи, а не Польши, Россіи, славянства.

15 іюня, 1892.

А. Б.

ОБЩАЯ ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

объ устройствѣ учебной части въ Царствѣ Польскомъ (лѣто 1864 г.).

Общественное воспитаніе въ прежней Польской республикѣ находилось въ рукахъ духовенства и преимущественно іезуитовъ. Въ царствованіе послѣдняго короля Станислава-Августа нѣкоторые изъ патриотовъ, видя паденіе своего отечества, поняли, что оно можетъ быть спасено только кореннымъ внутреннимъ обновленіемъ, и потому общественное воспитаніе сдѣлалось тогда одною изъ первенствующихъ заботъ польскихъ мыслителей и политическихъ дѣятелей. Но было уже слишкомъ поздно. Только подъ прусскою властью и затѣмъ французскимъ управленіемъ стали учреждаться въ Польшѣ свѣтскія учебныя заведенія, хотя въ весьма недостаточномъ числѣ. Въ 1815 г. блаженныя памяти Императоръ Александръ I напелъ въ Польшѣ начало организациі элементарныхъ школъ, нѣсколько среднихъ учебныхъ заведеній, содержимыхъ орденомъ піаровъ, и спеціальныя школы юридическихъ и административныхъ наукъ и

медицинскую, основанную подъ французскимъ вліаніемъ. Въ великодушной заботливости о благѣ Польши, Императоръ Александръ I тотчасъ обратилъ вниманіе на развитіе въ ней просвѣщенія, и уже въ 1816 г. основалъ въ Варшавѣ университетъ, состоявшій изъ 5 факультетовъ, въ томъ числѣ и богословскаго. Кромѣ того, въ періодъ съ 1815 по 1830 г. значительно умножились какъ низшія, такъ и среднія училища. Среднія училища (т. н. воеводскія школы) оставлены были по прежнему подъ особеннымъ вліаніемъ ордена піаровъ; низшія—въ завѣдываніи учрежденныхъ въ 1808 г. мѣстныхъ комитетовъ (дозоровъ), состоявшихъ изъ приходскаго священника, помѣщика, войта или бургомистра и двухъ или трехъ мѣстныхъ жителей. Русское правительство, въ этотъ періодъ нашего владычества въ Польшѣ, не поставило себѣ въ учебномъ дѣлѣ никакой особой политической цѣли, руководствуясь единственно безкорыстнымъ желаніемъ общаго блага. Оно очевидно думало только о просвѣщеніи для просвѣщенія; но какъ исполненіе мыслей правительства было поручено исключительно полякамъ, безъ всякаго дѣйствительнаго съ нашей стороны контроля, то они сдѣлали народное образованіе политическимъ для себя средствомъ и обратили его въ орудіе противъ насъ. Извѣстно участіе учебныхъ заведеній въ подготовленіи и поддержкѣ революціи 1830—1831 годовъ.

Когда мятежъ былъ подавленъ, правительство, понявъ, какую важную политическую силу враждебныя намъ партіи нашли для себя въ школахъ, рѣшилось взять это орудіе въ свои руки и воспользоваться общественнымъ образованіемъ, какъ средствомъ для упроченія въ Царствѣ законной власти и для возможнаго сліанія двухъ народностей, русской и польской. Такъ обр. въ принятой тогда системѣ самое просвѣщеніе сдѣлалось какъ бы предметомъ второстепеннымъ, а на первый планъ вступила цѣль политическая. Въ настоящее время можно уже судить объ этой системѣ, какъ объ историческомъ явленіи прошлаго, и отдать себѣ безпристрастный отчетъ въ ея результатахъ.

Сущность тогдашней системы правительства заключалась въ слѣдующемъ.

Распространеніе и развитіе высшаго образованія въ предѣлахъ Царства признавалось дѣломъ небезопаснымъ, ибо при мѣстномъ составѣ и настроеніи общества открывало бы доступъ революціоннымъ идеямъ, враждебнымъ монархическому порядку.

Вслѣдствіе этихъ опасеній правительство, послѣ закрытія варшавскаго университета въ 1831 г., въ продолженіе 25 л. не допускало въ Царствѣ Польскомъ ни одного высшаго учебнаго заведенія, ни общеобразовательнаго, ни спеціальнаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ

постепенно уменьшалось и число средних образовательных заведений.

Въ 1830 г. было въ Царствѣ 15 гимназій (т. н. воеводскихъ школъ); послѣ преобразованія училищной части въ 1833 г. сохранено 11, а въ исходѣ 40-хъ годовъ осталось всего 7, со включеніемъ въ то число варшавскаго благороднаго института. Въ 1845 г. право поступать въ гимназіи было предоставлено единственно дѣтямъ дворянъ и чиновниковъ.

Въ первоначальномъ образованіи также не обнаружилось достаточно развитія. Это доказывается между прочимъ тѣмъ, что въ теченіе 32 л., съ 1828 по 1860 г., элементарныхъ школъ въ Царствѣ прибавилось только 359, въ томъ числѣ 250 евангелическихъ (для нѣмцевъ). Въ 1828 г. считалось въ Польшѣ казенныхъ элементарныхъ училищъ 714, въ 1860 г. — 1074. Нельзя притомъ не замѣтить, что половина этихъ школъ принадлежитъ городамъ. Сельскихъ училищъ было въ 1828 г. только 340, въ 1860 г.—557.

Учебнымъ заведеніямъ придавался преимущественно спеціальныи утилитарный характеръ. Направляя юношей съ самыхъ раннихъ лѣтъ къ какому либо ремеслу или спеціальному занятію, правительство надѣялось отвратить ихъ отъ политическихъ замысловъ. Этотъ взглядъ сталъ преобладать въ особенности съ 1845 г. Значительная часть уѣздныхъ училищъ изъ общеобразовательныхъ, классическихъ или, какъ они назывались въ Польшѣ, филологическихъ, обращены тогда въ реальныя, причемъ одни изъ нихъ получили коммерческую, другія техническую, третьи агрономическую спеціальность. Въ филологическія школы было дозволено поступать только дѣтямъ высшихъ сословій, и плата въ нихъ значительно повышена противъ реальныхъ училищъ. Гимназіямъ придано также спеціальное направленіе, такъ что въ нихъ курсы въ высшихъ классахъ дѣлились на отдѣленія историко-филологическое и физико-математическое, причемъ нѣкоторыя гимназіи еще спеціально предназначены для образованія чиновниковъ и юристовъ, другія—для образованія техниковъ, третьи—специалистовъ по горной части и т. д.

Надѣясь устраненіемъ высшаго преподаванія наукъ и поощреніемъ спеціального технического знанія вмѣсто общаго образованія ослабить въ мѣстномъ юношествѣ господство политическихъ утопій и идеальныхъ стремленій, правительство въ то же время старалось посредствомъ учебныхъ заведеній утвердить русское вліяніе. Мы не пошли такъ далеко, какъ прусское правительство, которое прямо и открыто дало исключительный германскій характеръ всѣмъ школамъ въ Познанскомъ герцогствѣ и только послѣ потрясеній 1848 г. дозволило возстановить въ немногихъ изъ нихъ преподаваніе на поль-

скомъ языкѣ. Не отрицая правъ польской національности, не изгоняя польскаго языка изъ школъ, мы желали только посредствомъ училищъ «сблизить поляковъ съ русскою стихією, внушить имъ сознание первенства Россіи между славянскими народами и искоренить въ нихъ, незамѣтнымъ образомъ, старыя ихъ понятія и предубѣжденія» *. Подчинивъ въ 1839 г. учебную часть въ Царствѣ министерству народнаго просвѣщенія имперіи, правительство стало направлять въ русскіе университеты молодыхъ поляковъ, желавшихъ получить высшее образованіе, и установило для нихъ нѣсколько стипендій. Русскому языку было дано значительнѣйшее мѣсто между предметами преподаванія въ Царствѣ; усилены занятія русскою исторією и преподаваніе исторіи вообще поручено русскимъ; приняты разныя мѣры, чтобы польское юношество выносило изъ среднихъ училищъ не только теоретическое, но и практическое знаніе русскаго языка.

Результаты всей этой тридцатилѣтней системы, по общему сознанию, не оправдали ожиданій.

Уровень образованія въ Польшѣ значительно упалъ; поколѣніе, воспитанное послѣ 1830 г., по несомнѣнному свидѣтельству всѣхъ знающихъ край, невѣжественнѣе прежняго поколѣнія, и въ то же время гораздо хуже его въ политическомъ отношеніи, гораздо намъ враждебнѣе.

Нельзя не сознаться, что въ самомъ основаніи принятой системы общественнаго воспитанія въ Царствѣ лежала ошибка. Затрудняя полякамъ доступъ къ высшему образованію и распространяя поверхностное матеріальное знаніе въ ущербъ серьезной наукѣ, мы тѣмъ самымъ открывали просторъ революціонной пропагандѣ, которая всего успѣшнѣе дѣйствуетъ на людей полуобразованныхъ. Въ полякахъ вообще всего болѣе не достаетъ критическаго ума и той самостоятельности мысли, которая необходима, чтобы противостоять фантастическимъ увлеченіямъ и одностороннему вліянію общественной среды. А тогдашняя система воспитанія отстраняла именно все то, что способно направить молодого человѣка къ критическому анализу и приучить его къ логической повѣркѣ своихъ мыслей.

Так. обр. приготовилась почва, на которой всякая ложь могла привиться къ обществу, по своей природѣ легковѣрному, и гдѣ крайній матеріализмъ такъ безобразно сочетался съ подчиненіемъ фанатическому духовенству.

* Такъ опредѣлялъ систему общественнаго образованія въ Царствѣ Польскомъ бывшій м-ръ нар. пр., гр. Уваровъ, во всеподданнѣйшей запискѣ, представленной имъ въ 1843 году.

Съ другой стороны, явное предпочтеніе, которое оказывалось русскому языку предъ польскимъ во всѣхъ училищахъ, имѣло послѣдствіемъ, что мы раздражали поляковъ, не достигая никакихъ существенныхъ результатовъ: мѣры, которыя принимались въ Царствѣ, не могли быть доведены до того, чтобы въ учащейся молодежи изглаживалась польская народность, подобно тому какъ это дѣлалось въ прусскихъ школахъ; мы не обрусили ни одного поляка, а въ то же время являлись какъ бы посягающими на польскую національность. При этомъ мѣры, которыя принимались, имѣли въ виду исключительно высшія сословія польской націи: дворянство, чиновничество и горожанъ. Всѣ усилія были устремлены на то, чтобы въ этихъ слояхъ молодая поколѣнія испытали на себѣ нравственное вліяніе русской стихіи, сблизились или слились съ Россією; тотъ же слой народа, который мы дѣйствительно могли подчинить своему вліянію, а въ нѣкоторыхъ краяхъ Польши (напр. въ Люблинской губ.) даже совершенно обрусить, былъ оставленъ на произволъ самыхъ враждебныхъ намъ элементовъ. Въ этотъ періодъ времени не было обращено почти никакого вниманія на простонародныя школы.

Закрывъ въ 1833 г. прежніе мѣстные комитеты или дозоры, завѣдывавшіе элементарными училищами, правительство постановило, чтобы каждое изъ такихъ училищъ имѣло своего особаго опекуна и чтобы такимъ опекуномъ училища назначался преимущественно мѣстный приходскій священникъ или викарій. Въ основѣ этого распоряженія лежала мысль, безъ сомнѣнія справедливая, что первоначальное обученіе должно быть въ тѣсной связи съ религіей и церковью; но при исключительномъ направленіи духовенства въ Царствѣ Польскомъ, примѣненіе здѣсь этого общаго начала вело очевидно къ результатамъ прямо противоположнымъ предстоявшей задачѣ. Послѣдствія, дѣйствительно, показали, что въ 25-лѣтіе послѣ 1830 г. польская національность значительно усилилась, даже въ ущербъ тому русскому элементу, который сохранился отъ прежняго времени, несмотря на вѣковыя притѣсненія, и что власть католическаго духовенства пустила еще болѣе глубокіе корни въ странѣ*.

* Такъ обр., несмотря на принятія правительствомъ мѣры, народный элементъ постоянно былъ подавляемъ въ греко-уніатскихъ первоначальныхъ училищахъ совокупными усиліями помѣщиковъ и той части уніатскаго духовенства, которая, изъ честолюбія или другихъ видовъ, подчинилась вполнѣ вліянію латинства. Любопытныя въ этомъ отношеніи указанія заключаются въ отношеніи намѣстника кн. Варшавскаго, отъ 25 января (6 февраля) 1849 г., № 47. Хотя затѣмъ приступлено было къ постепенному открытію отдѣльныхъ

Нельзя не замѣтить также нашего совершеннаго невниманія къ женскому воспитанію въ Польшѣ. До 1857 г. существовало на все Царство одно казенное учебное заведеніе для дѣвиць, и то закрытое, съ ограниченнымъ приѣмомъ. Вслѣдствіе этого женское воспитаніе сосредоточивалось въ Польшѣ по старому преимущественно въ монастырскихъ пансіонахъ.

Послѣ 1856 г. приняты были мѣры, которыя при дальнѣйшемъ своемъ развитіи должны были устранить постепенно недостатки прежней системы. Доступъ въ общеобразовательныя или филологическія училища былъ открытъ всѣмъ сословіямъ. Учрежденіемъ въ Варшавѣ медико-хирургической академіи положено начало возстановленію въ Польшѣ высшихъ учебныхъ заведеній. Открыты женскія училища въ Варшавѣ и другихъ важнѣйшихъ городахъ. Обнаружилось несомнѣнное стремленіе правительства улучшить систему общественнаго воспитанія въ Царствѣ и поднять въ немъ уровень преподаванія.

Къ несчастію, исполненіе этой реформы не было совершаемо мѣстными дѣятелями въ духѣ прямой, безкорыстной заботливости о просвѣщеніи. Въ преобразованіи учебной части въ Польшѣ, предпринятомъ по мысли и подѣ вѣдѣніемъ бывшаго главнаго директора духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, маркиза Велепольскаго, просвѣщеніе само по себѣ сдѣлалось, какъ и за 30 л. назадъ, предметомъ второстепеннымъ, а на первый планъ выдвинута политическая цѣль. Только цѣль была взята прямо противоположная той, какая лежала въ основаніи системы 30-хъ годовъ. Въ то время общественное образованіе служило средствомъ утвердить русское господство въ Польшѣ. Маркизь Велепольскій, пользуясь тѣмъ же орудіемъ, направилъ общественное образованіе къ тому, чтобы устранить всякое вліяніе Россіи надъ Польшею.

Вся организація учебной части, введенная въ 1862 г., имѣетъ этотъ характеръ. Не входя здѣсь въ частности, достаточно указать на тѣ существенныя основанія новаго устава, которыя отличаютъ его отъ прежняго устройства учебной части и придаютъ ему значеніе непріязненной политической мѣры.

Въ прежней системѣ управленіе училищами было сильно централизовано посредствомъ директоровъ губернскихъ гимназій, которымъ непосредственно подчинены были всѣ училища въ губерніи, и инспекторовъ, состоявшихъ при каждой гимназіи и каждомъ уѣздѣ.

уіатсквихъ училищъ, по число ихъ къ 1860 г. едва доходило до 52 и притомъ характеръ преподаванія въ нихъ оставался большею частію прежній, т. е. непріязненный народному русскому элементу.

номъ училищѣ. Въ новомъ уставѣ, напротивъ того, децентрализація доведена до крайности, невиданной ни въ какомъ государствѣ, гдѣ народное образованіе находится въ завѣдываніи правительства. Прежнія должности инспекторовъ уничтожены; не только каждая гимназія, но каждое уѣздное училище составляетъ самостоятельное учрежденіе, подѣ управленіемъ ректора, назначаемаго изъ учителей, съ обязанностию продолжать преподаваніе своего предмета. Его обязанности въ сущности ограничиваются частью хозяйственною. Часть дисциплинарная въ гимназіяхъ поручена почти исключительно католическимъ законоучителямъ, съ титуломъ префекта.

Преподаваніе поставлено внѣ всякаго правительственнаго контроля, ибо визитаторы училищъ, коихъ полагается только двое на все Царство Польское, оба имѣющіе постоянное мѣстопробываніе въ Варшавѣ, не могутъ дѣйствительно слѣдить за ходомъ ученія, гѣмъ болѣе что по ст. 65 учрежденія Коммисіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія эти два визитатора обязаны разсматривать и обрабатывать дѣла для Совѣта народнаго просвѣщенія, и въ сущности эта только обязанность ими исполняется.

При господствующемъ въ полякахъ настроеніи можно понять все политическое значеніе такой системы. Чтобы она могла скорѣе получить свое дѣйствіе, Правительственная Коммиссія духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія въ 1862 г. уволила 49 учителей и рѣшилась перемѣстить всѣхъ остальныхъ, дабы порвать прежнія ихъ связи и привычки, какъ объяснено въ отчетѣ Коммисіи за тотъ же годъ. Это было очевидно вѣрнѣйшимъ средствомъ сдѣлать учителей послушными орудіями той общественной среды, въ которую они попадали, и однимъ разомъ уничтожить преданія, установившіяся въ школахъ въ продолженіе прежнихъ 30 лѣтъ. Несмотря на значительныя издержки, потребовавшіяся для этого общаго передвиженія учителей, означенная мѣра, какъ видно изъ того же отчета, была примѣнена во всей строгости. При этомъ перемѣщеніи многіе изъ русскихъ учителей лишились своихъ мѣстъ, а другимъ поручено преподаваніе предметовъ, совершенно имъ чуждыхъ; такъ обр. есть примѣры училищъ, гдѣ на человѣка, преподававшего всю свою жизнь русскій языкъ, теперь возложены уроки латинскаго языка, а русскій языкъ не преподается, подѣ предлогомъ неимѣнія учителя.

Видѣтъ съ этимъ всеобщимъ передвиженіемъ учителей предпринято было въ огромныхъ размѣрахъ перемѣщеніе училищъ, несмотря на явныя неудобства и значительныя издержки, съ тою лишь цѣлію, чтобы прервать всякую связь съ понятіями и преданіями прежняго времени. Такъ между прочимъ уставъ 1862 г. постановилъ закрыть варшавскій благородный институтъ, изъ котораго, по мнѣнію, рас-

пространенному въ польскомъ обществѣ, выносили направленіе, мало благоприятствовавшее польскимъ тенденціямъ, и основать новый институтъ въ Люблинѣ подъ именемъ лицея. Въ зданіе варшавскаго благороднаго института перемѣщенъ изъ Новой Александріи существовавшій тамъ дѣвичій институтъ, который соединенъ съ варшавскимъ маринскимъ пансіономъ, а на мѣсто дѣвичьяго института переведенъ въ Новую Александрію (Пулавы) изъ Маримонта, что подъ Варшавой, земледѣльческой институтъ въ соединеніи съ варшавскою реальною гимназіею, причемъ эти два учебныя заведенія возведены на степень высшей специальной школы, подъ названіемъ политехническаго и земледѣльческо-лѣсного института. Въ зданіи варшавской реальной гимназіи опредѣлено учредить новое училище каменщиковъ и плотниковъ мастеровъ. Однимъ словомъ, въ размѣщеніи училищъ произведена огромная ломка, для которой трудно найти другую причину, какъ только вышеупомянутое желаніе уничтожить однимъ разомъ связь съ прошлымъ. Между прочимъ, особенно неудобнымъ кажется учрежденіе въ Новой Александріи политехническаго института и соединеніе его съ институтомъ земледѣльческимъ. Так. обр. будущіе техники, машинисты и инженеры получали бы образованіе въ глуши, отдаленной отъ желѣзныхъ дорогъ, фабрикъ и какихъ бы то ни было промышленныхъ заведеній. Въ то же время нельзя не признать вреднымъ, при современномъ положеніи края, соединенія въ одномъ закрытомъ училищѣ людей, готовящихся къ земледѣльческимъ занятіямъ, съ молодыми ремесленниками, фабричными и др.

При децентрализаціи въ учебномъ управленіи, столь невыгодной для правительства при существующихъ въ Польшѣ отношеніяхъ, введенная въ 1862 г. система, съ другой стороны, совершенно противорѣчитъ этому принципу и впадаетъ въ противоположную крайность, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы распространить господство польской національности. Главная цѣль cadaго училища въ Царствѣ — образовать хорошаго, достойнаго польскаго «обывателя» *. Такъ объяснялась мысль законодателя въ статьяхъ, которыя печатались во «Всеобщемъ Дневникѣ» во время приготовленія училищной реформы 1862 г. Въ одной изъ этихъ статей прежнее постановленіе нашего правительства, позволявшее нѣмецкимъ обществамъ въ Царствѣ содержать свои особыя нѣмецкія училища, представлено

* Т. е. гражданинъ, *citoyen*; въ Польшѣ это званіе дается только шляхтичу или челоуѣку, который примыкаетъ къ шляхетству (духовному, купцу, вообще горожанину); крестьянинъ же не признается «обывателемъ».

какъ особенно вредное злоухищреніе *. Выходя изъ принципа, что всѣ жители Царства должны быть или сдѣлаться польскими и гражданами, законодательство 1862 г. однимъ почеркомъ пера уничтожило все то, чѣмъ мы въ прежнее время старались удовлетворить правамъ прочихъ племенъ въ Польшѣ и ослабить въ самихъ полякахъ ихъ національную исключительность. Въ прежней системѣ въ элементарныхъ школахъ учили дѣтей ихъ природному языку; по уставу 1862 г. польскій языкъ признавъ исключительнымъ языкомъ преподаванія во всѣхъ первоначальныхъ училищахъ Царства. Чтобы ускорить чрезъ это колонизацію нѣмцевъ, русскихъ и другихъ иноплемennыхъ жителей края, въ составленномъ проектѣ предположено было сдѣлать посѣщеніе элементарныхъ школъ обязательнымъ, подъ опасеніемъ денежнаго штрафа и полицейскаго ареста для родителей. Это единственное изъ существенныхъ предположеній польскаго законодателя, которое было отвергнуто при окончательномъ разсмотрѣніи проекта. Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ прежняя система для противодѣйствія національной исключительности поляковъ и сближенія ихъ съ нами соединяла преподаваніе исторіи Польши съ русской исторіей и дѣлала русскій языкъ, въ совокупности съ языкомъ церковно-славянскимъ, однимъ изъ главныхъ предметовъ каждаго курса. По уставу 1862 г., исторія Польши преподается какъ отдѣльный предметъ, а русская исторія излагается въ общемъ курсѣ всемірной исторіи, гдѣ она, по польскимъ учебникамъ, занимаетъ, конечно, весьма невидное и незавидное мѣсто **. Русскій языкъ поставленъ наравнѣ съ языками иностранными (французскимъ и нѣ-

* Евангелическихъ нѣмецкихъ школъ считалось какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ 564.

** По программѣ гимназическихъ курсовъ, изготoвленной въ 1862 г. и сохраняемой нынѣ, польская исторія преподается съ IV класса по VII включительно; а исторія Россіи, въ совокупности съ всеобщей исторіею, только въ VI и VII классахъ, причеиъ излагается съ нѣкоторою подробностью собственно только эпоха со вступленія на престолъ Петра В. до нашего времени. Одна изъ самыхъ настоятельныхъ потребностей учебнаго дѣла въ Царствѣ состоитъ въ устройствѣ правильнаго преподаванія историческихъ наукъ. Преподаваніе это, какъ оно производится въ настоящее время, всего болѣе искажаетъ понятія польской учащейся молодежи. Для того, чтобы возстановить историческія событія Польши въ ихъ истинномъ значеніи, казалось бы наиболѣе полезнымъ соединить исторію Польши съ русскою въ одинъ общій курсъ исторіи славянскихъ народовъ (въ который включить и свѣдѣнія о Чехіи, Болгаріи и всѣхъ другихъ прежде бывшихъ славянскихъ государствахъ) и преподавать этотъ курсъ отдѣльно отъ всемірной исторіи и съ достаточною подробностью. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ нѣтъ никакого учебника, который могъ бы удовлетворить этой потребности.

мецкимъ) если не въ самомъ уставѣ, то въ практическомъ его примѣненіи Прав. Коммиссією, а церковно-славянскій языкъ вовсе исключень.

Законъ Божій для воспитанниковъ прав. исповѣданія причисленъ Коммиссією къ предметамъ сверхштатнымъ, съ назначеніемъ на этотъ предметъ всего 2 час. въ недѣлю, тогда какъ на уроки католическаго законоучителя отведено отъ 6 до 8 часовъ; въ училищахъ, гдѣ число прав. мальчиковъ менѣе 10, вовсе не положено преподавать имъ Закона Божія. Для всѣхъ казенныхъ училищъ въ Варшавѣ, вмѣстѣ взятыхъ, назначено содержать одного законоучителя прав. исповѣданія.

Замѣчательно, что даже въ мелкихъ внѣшнихъ подробностяхъ приняты были мѣры, чтобы изгладить въ польскихъ училищахъ слѣды русскаго вліянія и возобновить воспоминаніе объ устройствѣ школъ, бывшемъ во время Варшавскаго Герцогства и владычества ордена піаровъ надъ учебною частью. Начальники училищъ изъ директоровъ переименованы въ ректоровъ, ибо таковъ былъ въ то время ихъ титулъ; училищные аттестаты и выпускные экзамены названы свидѣтельствами зрѣлости (*maturitatis*) и экзаменами зрѣлости, по образцу училищнаго устава Варшавскаго Герцогства. Созданный въ Варшавѣ университетъ названъ главною школою, по примѣру гл. школы, существовавшей въ Краковѣ и преобразованной въ духъ національной исключительности распоряженіемъ кн. Іосифа Понятовскаго въ 1810 году. Вакаціи вмѣсто лѣтнихъ мѣсяцевъ назначены въ осенніе (вторая половина августа и сентябрь), несмотря на крайнее неудобство ученія въ каникулярное время. Осенніе мѣсяцы составляютъ вакаціонное время и въ нѣкоторыхъ странахъ зап. Европы, по старинному обычаю, восходящему къ эпохѣ господства католической церкви надъ училищами. Возстановленіе осеннихъ вакацій въ Польшѣ объясняется желаніемъ возвратиться къ преданіямъ польской старины, когда учебною частию тамъ завѣдывали іезуиты и піары, считавшіе нужнымъ держать учениковъ въ сборѣ во время каникулъ для участія въ процессіяхъ и другихъ торжествахъ по случаю праздниковъ Божьяго тѣла (*Fête Dieu*) и основателей означенныхъ орденовъ (Игнатія Лойолы и Іосифа Каласаизи).—праздниковъ, имѣющихъ мѣсто въ срединѣ лѣта. Но всего яснѣе обличается политическая тенденція устава 1862 г. въ закрытіи женскихъ гимназій и въ устройствѣ дозоровъ для управленія народными школами.

Женское воспитаніе въ Польшѣ, какъ упомянуто выше, въ прежнее время мало обращало на себя вниманіе правительства. Только въ настоящее царствованіе оно сдѣлалось предметомъ его заботы.

Необыкновенный успѣхъ учрежденнаго въ 1858 г. казеннаго училища для приходящихъ дѣвицъ въ Варшавѣ, которое въ первый же годъ своего существованія не могло помѣстить всѣхъ устремившихся туда ученицъ, побудилъ бывшаго намѣстника, кн. Горчакова, ходатайствовать объ открытіи въ Варшавѣ другаго отдѣленія этой школы и объ устройствѣ такихъ же училищъ въ Калишѣ, Плоцкѣ, Радомѣ, Люблинѣ и Сувалкахъ. Мысль эта была утверждена Высочайшимъ указомъ 3 мая 1860 г. По свидѣтельству чиновника, которому было поручено открытіе означенныхъ училищъ и который печатно изложилъ результаты своихъ дѣйствій во «Всеобщемъ Дневникѣ», вездѣ женскія гимназіи привѣтствовались жителями какъ истинное благодѣяніе, и уже при самомъ началѣ въ гимназіи эти записалось болѣе 1000 воспитанницъ.

Между тѣмъ уставъ 1862 г. черезъ годъ или два закрываетъ всѣ эти заведенія, не замѣняя ихъ ничѣмъ другимъ. Можно бы было затрудниться въ приисканіи разумной причины такого распоряженія, если бы она не была выражена съ необычайною откровенностью въ печатной статьѣ, помѣщенной во «Всеобщемъ Дневникѣ» въ видѣ поясненія къ проекту училищнаго устава, который, какъ извѣстно, былъ доведенъ, безъ вѣдома высшаго правительства, до всеобщаго свѣдѣнія прежде представленія на разсмотрѣніе законодательной власти. Въ этой статьѣ сказано о женскихъ гимназіяхъ, открытыхъ въ 1860 г.: «Дешевизна училищной платы, болѣе пространный объемъ преподаванія и возможность имѣть дочь въ своемъ семействѣ большую половину дня, наконецъ возникновеніе частныхъ квартиръ, гдѣ загородныя дѣвицы принимались на житье гораздо дешевле, чѣмъ могли это сдѣлать существовавшіе доселѣ пансіоны, притягивали всю учащуюся женскую молодежь въ казенныя училища, и пансіоны почти всѣ, съ немногими исключеніями, должны были пасть. А какъ училищное начальство считаетъ частныя женскія пансіоны, какъ свѣтскія, такъ и монастырскія, необходимыми и болѣе соотвѣтствующими домашне-общественному воспитанію женскаго пола, то статьею 160 * проекта предложено закрыть всѣ казенныя женскія училища, кромѣ одного существующаго въ Варшавѣ **. Итакъ польскій законодатель признавалъ за казенными женскими гимназіями преимущества дешевизны, болѣе обширнаго образованія и большаго удобства для семействъ, но ему для цѣлей, очевидно постороннихъ дѣлу просвѣ-

* Въ утвержденномъ уставѣ, ст. 158.

** Dziennik Powszechny, 1861, № 28.

щенія, нужно было, чтобы воспитаніе польской женщины находилось въ частныхъ рукахъ и въ особенности въ рукахъ монашескихъ орденовъ.

Покровительствуя во всемъ вліянію духовенства на образованіе, передавая ему дисциплинарную власть въ гимназіяхъ, уставъ 1862 г. въ одномъ только случаѣ менѣе благопріятенъ ему, нежели прежняя наша система, а именно: въ отношеніи къ управленію первоначальными сельскими училищами.

Управленіе это, какъ уже замѣчено, было съ 1833 г. поручено опекунамъ, при чемъ въ должность опекуна училища назначался преимущественно мѣстный приходской священникъ или викарій. Уставъ 1862 г. возстановлялъ существовавшіе прежде, на основаніи постановленій 1808 г., мѣстные училищные дозоры, составленные изъ помѣщика или заступающаго его мѣсто приходскаго священника и двухъ членовъ по выбору отъ владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ. Разница та, что по учрежденію 1808 г. вездѣ, гдѣ имѣлся евангелической пасторъ, онъ былъ, какъ и католическій приходской священникъ, непремѣннымъ членомъ училищнаго дозора; а въ уставѣ 1862 г. нѣтъ этого постановленія въ пользу протестанскаго духовенства. Замѣна единоличнаго надзора есендза надъ мѣстною школою особымъ коллегіальнымъ учрежденіемъ объясняется, въ мысли законодателя, политическимъ соображеніемъ, изложеннымъ печатно въ статьѣ бывшаго варшавскаго гражданскаго губернатора Лацинскаго, который, подъ руководствомъ м. Велепольскаго, проектировалъ отдѣлъ устава, относящійся къ элементарному образованію. Уничтоженіе въ 1833 г. училищныхъ дозоровъ имѣло прямымъ послѣдствіемъ, что назначеніе учителей стало производиться независимо отъ помѣщиковъ и безъ ихъ вѣдома. При такомъ порядкѣ вещей, говоритъ г. Лацинскій, «учители эти, желая для собственныхъ своихъ выгодъ пріобрѣсти расположеніе крестьянъ, не ограничивались исполненіемъ своихъ прямыхъ обязанностей, но старались улучшить свое положеніе тѣмъ, что давали поселянамъ совѣты въ разныхъ дѣлахъ, писали имъ жалобы на помѣщиковъ, распространяя так. обр. несогласіе и нерасположеніе между дворомъ и деревнею. Въ такомъ положеніи дѣла, продолжаетъ г. Лацинскій, помѣщики, видя въ сельскихъ учителяхъ главный источникъ столь пагубно распространеннаго въ настоящее время тайнаго подстрекательства, не колебались изъ личныхъ видовъ употреблять всѣ средства для закрытія училищъ».

Изъ этого любопытнаго показанія видно, до какой степени, при преобразованіи управленія элементарными школами, принимались въ расчетъ дѣли политическія и между прочимъ дѣль усилить вліяніе помѣстной шляхты надъ простымъ народомъ.

Эта цѣль обличается также въ статьяхъ устава, касающихся земледѣльческихъ училищъ. Изъ 5 существовавшихъ въ Царствѣ учебныхъ заведеній сего рода, сохранены только три, съ передачею ихъ, подъ наименованіемъ школъ низшихъ сельскихъ официалистовъ, въ завѣдываніе мѣстныхъ помѣщиковъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшено открывать вновь училища сельскихъ официалистовъ, коль скоро помѣщикъ представитъ въ пользу такой школы помѣщеніе съ отопленіемъ и 4 морга земли. Въ случаяхъ подобной жертвы со стороны помѣщика, прочія издержки учреждаемой школы принимаетъ на себя казна. Ученики не платятъ за ученіе, но обязаны въ опредѣленное время производить работы въ училищномъ саду и на фольваркѣ помѣщика, который платитъ за эту работу, производимую урочно, $\frac{1}{2}$ или $\frac{3}{4}$ подневной платы, по мѣстнымъ цѣнамъ. Так. обр. училища сельскихъ официалистовъ, предположенные уставомъ 1862 г., могли сдѣлаться не только орудіемъ къ распространенію вліянія помѣстнаго сословія на народъ, но и выгоднымъ для помѣщиковъ средствомъ приобрѣтать за уменьшенную цѣну рабочія силы на своихъ фольваркахъ.

Было бы излишне доказывать необходимость коренного измѣненія всѣхъ основъ устава 1862 г. Законъ, по которому образованіе поселянъ отдается во власть помѣщиковъ, а образованіе женщинъ предоставляется монастырямъ; законъ, дѣлающій изъ казенныхъ училищъ орудіе къ распространенію политической исключительности и вліянія фанатическаго духовенства и лишаящій правительство всякаго надзора и контроля за преподаваніемъ,—такой законъ очевидно несовмѣстенъ съ потребностями государственнаго порядка и общественнаго спокойствія самой Польши.

При настоящихъ обстоятельствахъ было бы неудобно отмѣнить цѣлый уставъ 1862 г., такъ какъ это дало бы, конечно, поводъ къ враждебнымъ правительству толкамъ. Остается лишь устранить въ означенномъ уставѣ тѣ начала, которыя отличаются самымъ неприязненнымъ политическимъ направленіемъ.

Въ этихъ видахъ нельзя не указать на слѣд. главнѣйшія мѣры:

- 1) Преобразование устройства начальныхъ (элементарныхъ) училищъ на началахъ гминнаго самоуправленія, установленнаго указомъ 19-го февраля, и равноправности всѣхъ народностей въ Царствѣ;
- 2) Подчиненіе учебныхъ заведеній дѣйствительному надзору и контролю правительства учрежденіемъ учебныхъ дирекцій;
- 3) Возстановленіе женскихъ гимназій;
- 4) Перенесеніе въ Варшаву политехническаго института, съ отдѣленіемъ его отъ земледѣльческаго (что въ Новой-Александріи), и

преобразование устройства и управления низших земледѣльческихъ школъ;

5) Учрежденіе педагогическихъ школъ, между прочими — одной русско-уніатской, другой литовской и третьей нѣмецкой, съ тѣмъ, чтобы сія послѣдняя была вмѣстѣ съ тѣмъ обще-образовательнымъ среднимъ учебнымъ заведеніемъ, по образцу петропавловской нѣмецкой школы въ С.-Петербургѣ; и

6) преобразование главной школы въ александровскій университетъ, съ присоединеніемъ къ нему богословскаго факультета взаимѣнъ существующей, отдѣльно и закрыто, духовной римско-католической академіи.

Независимо отъ всего этого, ст. 385 устава 1862 г. даетъ возможность устранить административнымъ путемъ всѣ частности, въ коихъ оказывается враждебная намъ мысль, какъ въ распредѣленіи предметовъ преподаванія, такъ и въ учебныхъ программахъ и т. под.

Но приступая къ этимъ мѣрамъ, совокупность которыхъ произведетъ совершенный переворотъ въ нынѣшнемъ устройствѣ и направленіи учебной части въ Царствѣ Польскомъ, надлежитъ заранѣе опредѣлить и установить положительно общія коренныя начала той системы, которая принимается на будущее время.

1. Прежде всего требуетъ категорическаго разрѣшенія самый существенный вопросъ, состоящій въ томъ: должно ли, и въ какой мѣрѣ, русское правительство употреблять общественное образование въ Ц. П. какъ политическое орудіе?

Общественное образование было политическимъ орудіемъ въ рукахъ нашихъ съ 1831 по 1861 годъ; въ 1861 г. оно обратилось какъ политическое же орудіе противъ насъ. Можемъ ли и должны ли мы оставаться на этой же почвѣ? Надобно сказать себѣ рѣшительно, что нѣтъ.

Было бы излишнимъ распространяться здѣсь о нравственной сторонѣ вопроса. Достаточно сказать, что всѣ усилія наши въ этомъ смыслѣ были бы бесполезны. Мы никогда не успѣемъ посредствомъ обученія привязать къ себѣ поляковъ, слить ихъ съ Россіей, переимѣнить направленіе ихъ мыслей и политическихъ стремленій. Опытъ доказалъ это. 30 л. мы въ Польшѣ учили цѣлыя поколѣнія порусски, знакомили ихъ съ силою и славою нашего отечества, съ историческими недугами Польши, сдѣлавшими невозможнымъ ея независимое существованіе. Однако ученіе наше не передѣлало ни одного изъ нихъ, ибо характеръ и образъ мыслей слагаются подъ влияніемъ религіи, семьи и общества, а не подъ однимъ дѣйствіемъ внѣшняго знанія, приобретаемаго уроками и являющагося на экза-

монахъ. А мы только располагаемъ уроками и экзаменами; и чѣмъ болѣе будетъ ощутительна посторонняя цѣль въ преподаваніи, нами установленномъ, тѣмъ болѣе оно будетъ внушать недовѣріе, тѣмъ менѣе способно будетъ дѣйствовать на умы.

Итакъ, отказываясь отъ мысли приспособить преподаваніе наукъ въ Польшѣ къ какимъ либо положительнымъ политическимъ цѣлямъ и поставляя цѣлю общественнаго образованія въ этой странѣ прямое дѣло просвѣщенія, мы съ тѣмъ вмѣстѣ не только имѣемъ право, но и обязаны строго наблюдать, чтобы никто другой не нарушалъ этого принципа; чтобы преподаваніе никѣмъ другимъ не было обращено въ средство политической или религіозной пропаганды; чтобы элементы слабѣйшіе не дѣлались жертвою сильнѣйшаго. Нѣтъ, какъ извѣстно, національности болѣе исключительной, чѣмъ польская (разумѣя тутъ собственно шляхту), такъ какъ въ ней народная гордость, врожденная или воспитанная историческимъ прошлымъ, сочеталась съ религіозною нетерпимостью. Так. обр. въ Ц. П., несмотря на внѣшнее господство Россіи, польская стихія подчиняетъ себѣ, частію насильственно, частію нравственнымъ вліяніемъ, всѣ другіе мѣстные элементы, русскій, нѣмецкій, литовскій и ту часть евреевъ, которые стараются выйдти изъ своей замкнутости и сдѣлаться людьми образованными. Эта полонизація совершается болѣе всего именно въ училищахъ, и не только искусственными мѣрами, придуманными въ уставѣ 1862 г., но еще болѣе нравственными путями, вліяніемъ товарищей поляковъ, ихъ убѣжденіями, ихъ насмѣшками. Старожилы края замѣчаютъ, что так. обр. дѣти русскихъ, нѣмцевъ, евреевъ, поступающія въ училища Царства, выходятъ изъ нихъ поляками, и даже самыми яркими, стыдящимися національности своихъ родителей. Само собою разумѣется, что мы обязаны немедленно устранить изъ дѣйствующихъ правилъ по учебной части всѣ тѣ постановленія, которыя рассчитаны для искусственной полонизаціи, и принять за основной принципъ нашъ въ этомъ отношеніи полную равноправность всѣхъ племенъ и нарѣчій въ Царствѣ. Но этого мало: чтобы признаваемая нами равноправность не была только мнимой, чтобы полонизація не продолжалась въ дѣйствительности, благодаря нравственному давленію польскаго большинства въ училищахъ, необходимо поощрять, насколько возможно, учрежденіе отдѣльныхъ училищъ для непольскихъ жителей края. Это будетъ самымъ вѣрнымъ и едва ли не единственнымъ средствомъ оградить отъ польской пропаганды всѣ инородные элементы, сохраненіе которыхъ въ Польшѣ столь важно для насъ. Русское общество поняло настоятельную необходимость такого дѣла для защиты дѣтей русскихъ, живущихъ въ Царствѣ, отъ быстрого ополяченія: частная

инициатива создала въ Варшавѣ русскую школу. Желательно, при первой возможности и сколько можно скорѣе, дать этой русской школѣ средства развиться въ русскую гимназію и, держась того же начала въ отношеніи къ другимъ національностямъ, послѣпить учрежденіемъ на первый разъ еще нѣмецкой школы въ Варшавѣ, по образцу существующаго въ С.-Петербургѣ петропавловскаго училища.

Но еще несравненно важнѣе для насъ предохранить элементарное образованіе, особенно въ сельскихъ школахъ, отъ дѣйствія враждебной намъ политической пропаганды. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что крестьяне Ц. П., получивъ нынѣ свободу, самоуправленіе и матеріальное улучшеніе быта, устремятся къ просвѣщенію, подобно тому какъ это представилось въ Россіи послѣ уничтоженія крѣпостного права. Въ Польшѣ этотъ первый шагъ крестьянства къ просвѣщенію будетъ имѣть огромную политическую важность; отъ него можетъ зависѣть все будущее направленіе польской націи. До сихъ поръ грамотность составляла рѣзкую грань, раздѣлявшую крестьянство, съ его консервативнымъ характеромъ, отъ людей, примыкающихъ къ шляхетскому элементу и воодушевленныхъ преданіями и стремленіями польской политической исключительности. Грамотный крестьянинъ былъ уже, большею частію, человѣкъ потерянный для крестьянства; онъ приближался къ рядамъ партіи, во главѣ которой стоятъ дворяне, чиновники и ксендзы и масса которой заключается въ официалистахъ, мѣщанахъ и мелкой шляхтѣ. Вотъ причина, почему во всѣхъ распоряженіяхъ послѣдняго времени, внушенныхъ мыслию объ отдѣленіи Польши отъ Россіи, грамотность нарочно поставлялась существеннымъ условіемъ допущенія къ выборамъ и другимъ политическимъ правамъ, не взирая на то, что даже въ самыхъ образованныхъ странахъ Европы знаніе грамоты не признается необходимымъ для того, чтобы человѣкъ могъ участвовать въ первоначальныхъ выборахъ (*élections primaires*). Если образованіе должно и впередъ отрывать крестьянина отъ народа и вводить его въ кругъ шляхетскихъ стремленій, то чрезъ два или три поколѣнія вся польская нація придетъ въ то безобразное нравственное состояніе, какое представляютъ теперь ея высшіе слои, и правительство въ этой странѣ лишится единственной точки опоры. Въ то же время, русское правительство не можетъ принять на себя неблагоприятную задачу—препятствовать народу въ его стремленіи къ ученію. Этимъ мы дали бы оружіе противъ себя и не только не достигли бы цѣли, но поощрили бы въ деревняхъ распространеніе тайнаго и прямо враждебнаго намъ обученія. Лучшее, что можно и слѣдуетъ сдѣлать, состоитъ въ томъ, чтобы предоста-

вить первоначальное образованіе, особенно въ селахъ, наибольшему, по возможности, вліянію самихъ обществъ, устранивъ въ этомъ дѣлѣ всякое искусственное поощреніе или препятствіе, и затѣмъ позаботиться, чтобы первоначальныя сельскія училища и преподаваніе въ нихъ было ограждено отъ вліянія шляхты и ксендзовъ. Въ настоящее время сельскою школою управляетъ приходскій священникъ или помѣщикъ; отъ учителя требуются такія условія (квалификаціи), вслѣдствіе которыхъ ни одинъ человѣкъ, принадлежащій самъ къ простому народу, не можетъ сдѣлаться наставникомъ въ селѣ. Все это необходимо устранить, чтобы крестьянскій мальчикъ, вступившій въ школу, находилъ въ ней духъ крестьянства и не переставалъ принадлежать къ той общественной средѣ, въ которой призванъ жить.

Вотъ главныя мысли, руководившія при составленіи предлагаемаго проекта новаго устава начальныхъ училищъ въ Ц. П.

II. Но надлежитъ еще обезпечить приведеніе въ дѣйствіе новаго устава, дать соотвѣтственное направленіе сельскимъ училищамъ, получающимъ теперь столь важное значеніе въ Польшѣ, и вообще устроить дѣйствительный надзоръ за преподаваніемъ во всѣхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, которыя законоположеніемъ 1862 года, какъ замѣчено выше, поставлены внѣ всякаго правительственнаго контроля.

Для достиженія этихъ цѣлей необходимо учрежденіе въ Польшѣ учебныхъ дирекцій. Разумѣется, для того чтобы такое учрежденіе могло получить дѣйствительное значеніе и принести пользу, директоры училищъ должны быть обезпечены въ матеріальномъ отношеніи и получить достаточную власть; да сверхъ того существенно необходимо, чтобы правительство поставило себѣ неизмѣннымъ правиломъ (не заявляя этого гласно) назначать въ должность директоровъ только русскихъ или особенно благонадежныхъ нѣмцевъ. Такихъ директоровъ казалось бы нужнымъ имѣть до десяти и кромѣ того особаго инспектора частныхъ учебныхъ заведеній собственно для Варшавы. Чтобы придать большую дѣйствительность учрежденію учебныхъ дирекцій и тѣснѣе связать его съ училищнымъ управленіемъ, проектировано также, взамѣнъ префектовъ, которые по уставу 1862 г. должны быть назначаемы преимущественно изъ ксендзовъ, для наблюденія за порядкомъ въ гимназіяхъ, возстановить въ сихъ учебныхъ заведеніяхъ прежнюю должность инспекторовъ и сдѣлать этихъ послѣднихъ ближайшими помощниками начальниковъ учебныхъ дирекцій. Въ практическомъ исполненіи этой мѣры окажется, вѣроятно, возможнымъ поручать должность инспекторовъ гимназій благонадежнѣйшимъ изъ учителей русскаго или нѣмецкаго происхожденія.

III. Остается затѣмъ рѣшить еще слѣдующіе три основные вопроса, возбуждаемые всею прежнею исторіею учебной части въ Ц. П.: желательно ли для правительства развитіе въ Польшѣ высшаго образованія или нужно возвратиться къ прежней системѣ, стѣснявшей это развитіе? Слѣдуетъ ли сохранить введенную въ 1862 г. систему общаго классическаго образованія или нужно возвратиться къ прежней системѣ, поощрявшей въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ техническую спеціализацію преподаванія? Наконецъ, какія права должны принадлежать русскому языку въ польскихъ учебныхъ заведеніяхъ?

Въ отношеніи къ первымъ двумъ вопросамъ предстоитъ, какъ кажется, отказаться безусловно отъ старой системы 30-хъ и 40-хъ годовъ и, принявъ за исходную точку уставъ 1862 года, приводить въ исполненіе и по возможности развивать далѣе всѣ тѣ его постановленія, которыя клонятся къ тому, чтобы поднять уровень образованія въ Польшѣ. Уже выше было замѣчено, что полупросвѣщеніе, которое водворялось въ Польшѣ при прежней системѣ, недопускаявшей высшаго преподаванія наукъ и дававшей ученію съ IV-го или V-го кл. гимназій одностороннее техническое направленіе, что это полупросвѣщеніе составляетъ самую воспримчивую почву для революціонныхъ стремленій и всякихъ ложныхъ увлеченій. 30-лѣтній опытъ въ этомъ отношеніи привелъ къ самымъ печальнымъ результатамъ. Развитію фантастическихъ польскихъ идей въ новыхъ поколѣніяхъ можно противодѣйствовать единственно распространеніемъ серьезнаго образованія, поощреніемъ къ мысленному труду. Отказавшись отъ неприемлимой на практикѣ мысли, что казенное ученіе можетъ быть сдѣлано въ Польшѣ проводникомъ политическихъ убѣжденій, правительству остается всемѣрно заботиться о преуспѣяніи варшавскаго университета и другихъ училищъ края, и должно надѣяться, что такое безкорыстное содѣйствіе развитію науки въ Польшѣ будетъ въ то же время выгоднѣйшею системою въ политическихъ интересахъ Россіи.

Нельзя въ этомъ отношеніи не обратить вниманія на главную школу (варшавскій университетъ). Несмотря на то, что она открыта была въ самое бурное время, въ 1862 г., и что въ ней не могли еще установиться тѣ преданія, которыя служатъ противодѣйствіемъ увлеченіямъ молодежи, изъ числа студентовъ этой школы, которыхъ записалось на 1862—3 гг. 728, не болѣе 13-ти въ самомъ началѣ возстанія ушли въ банды; а на 1863—4 г. изъ общаго числа 649 студентовъ 72 ч. оказались по какимъ бы то ни было причинамъ. прикосновенными къ политическимъ дѣламъ или вообще выбыли изъ школы съ 1-го янв. по конецъ апр. 1864 г. Эти цифры, извлеченныя изъ именныхъ списковъ, доставленныхъ управленіемъ генералъ-поли-

ціймейстера въ Ц-ѣ, должны быть признаны довольно благопріятными при общемъ состояніи края, и свидѣлствуютъ о томъ, въ какой мѣрѣ, даже во время разгара революціоннаго движенія, занятія наукою могутъ отвлечь большинство польскихъ юношей отъ политическихъ предпріятій. Во всякомъ случаѣ, сколько бы воспитанниковъ ни было замѣшано въ беспорядкахъ или преступныхъ замыслахъ, должно, подвергая виновныхъ заслуженной карѣ, хотя бы даже, если нужно, и съ крайнею строгостью, всячески избѣгать закрытія самаго училища, такъ какъ этимъ мы же сами, прерывая занятія всѣхъ остальныхъ учащихся въ школахъ, предоставляли бы ихъ въ жертву революціонной пропаганды. Существованіе въ Варшавѣ высшаго учебнаго заведенія, которое предлагало бы польской молодежи университетское образованіе, принесетъ несомнѣнную пользу и тѣмъ, что оно неминуемо отвлечетъ изъ русскихъ университетовъ значительную часть польской молодежи, нынѣ туда стекающейся. Въ прежнее время, правительство считало нужнымъ направлять молодыхъ поляковъ въ наши университеты, въ надеждѣ, что они тамъ будутъ освобождаться отъ своей чрезмѣрной національной исключительности. Надѣль, однако, ожиданія эти не только не оправдались, а напротивъ того, оказались результаты, имъ прямо противоположные. Студенты изъ поляковъ, живя постоянно въ замѣнутыхъ кружкахъ, нисколько не выходили изъ своей національной исключительности, а скорѣе въ ней утверждались еще болѣе, и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣли большую частію вредное вліяніе на своихъ русскихъ товарищей. Посему должно, кажется, признать болѣе желательнымъ, чтобы поляки учились въ польскихъ учебныхъ заведеніяхъ, нежели чтобы они наполнили собою русскія.

Что касается наконецъ до вопроса о русскомъ языкѣ, то очевидная необходимость заставляетъ рѣшительно отказаться отъ мысли обрусить поляковъ въ Ц-ѣ искусственными мѣрами. Для этого у насъ нѣтъ достаточнаго средства. Притомъ опытъ показалъ, что за превосходнѣйшимъ знаніемъ русскаго языка и даже полнымъ наружнымъ обруснѣніемъ весьма часто скрывается непримиримая вражда къ Россіи. Надобно повторить: никакое внѣшнее знаніе, искусственно прививаемое, не сблизитъ съ Россією поляковъ высшихъ сословій, ибо они могутъ сблизиться съ нею только тогда, когда при значительномъ ослабленіи польскаго элемента въ нашихъ западныхъ губерніяхъ нельзя будетъ мечтать о восстановленіи Польши въ ея прежнемъ значеніи и когда съ уничтоженіемъ, или по крайней мѣрѣ съ закрытіемъ вреднѣйшихъ католическихъ монастырей, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, изсякнетъ главный источникъ религіознаго фанатизма и ослабѣетъ нить, управляющая польскими умами изъ Рима.

Какъ бы то ни было, но для устройства учебной части въ Ц—ѣ необходимо самыми рѣшительными мѣрами оградить въ немъ училища отъ религіозной пропаганды и монашескихъ орденовъ. Нынѣ уже замѣчается, что члены ордена миссіонеровъ и общины фелиціановъ стали съ особенною ревностію заниматься обученіемъ дѣтей въ деревняхъ. Даже въ униатскихъ селеніяхъ холмской епархіи фелиціанки обучаютъ грамотѣ крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ. Впрочемъ, вопросъ этотъ, выходя изъ предѣловъ настоящей записки, составляетъ, по самой важности своей, предметъ особыхъ изслѣдованій.

Что же касается до спеціального вопроса о русскомъ языкѣ, то бесполезно бы было водворять его въ польскихъ училищахъ, собственно съ цѣлію развить въ нихъ русскій духъ. Достаточно, если поляки будутъ учиться русскому языку, какъ одному изъ необходимыхъ для нихъ предметовъ общаго образованія. Въ этомъ смыслѣ уставъ 1862 г. даетъ русскому языку должное значеніе; но къ сожалѣнію, въ примѣненіи на практикѣ Правительственная Коммисія низвела русскій языкъ на самое послѣднее мѣсто и дозволила училищнымъ начальствамъ и ученикамъ выказывать къ нему такое оскорбительное пренебреженіе, что почти всѣ русскіе учителя принуждены были оставить свою должность. Необходимо въ этомъ дѣлѣ взяться за строгое, буквальное исполненіе постановленій устава 1862 г. и въ такомъ случаѣ, при вліяніи новаго учрежденія учебныхъ дирекцій языкъ нашъ выведенъ будетъ изъ унизительнаго положенія, въ какое онъ теперь поставленъ по злоупотребленію мѣстныхъ властей.

Повторяя въ заключеніе всего изложеннаго выше, можно сказать, что основныя начала системы общественнаго образованія, которыя казались бы всего полезнѣе принять въ Ц. П., должны состоять въ слѣдующемъ:

- 1) Не примѣшивать къ преподаванію въ школахъ никакихъ политическихъ цѣлей.
- 2) Принять начало полной равноправности всѣхъ племенъ и нарѣчій въ Ц—ѣ, и для сохраненія иноплеменныхъ стѣхъ отъ польской пропаганды покровительствовать учрежденію отдѣльныхъ училищъ: русскихъ, нѣмецкихъ, литовскихъ и еврейскихъ.
- 3) Обратитъ особенное вниманіе на сельскія и вообще начальныя (элементарныя) училища, оградивъ ихъ, по возможности, отъ вліянія ксендзовъ, монаховъ и шляхты, и представивъ, взамѣнъ того, опредѣленное участіе въ этомъ дѣлѣ общественнымъ сходамъ и ихъ выборнымъ.
- 4) Возстановитъ закрытыя въ 1862 г. женскія училища и по возможности развивать ихъ и умножать ихъ число.

5) Имѣть за всѣми учебными заведеніями дѣйствительный и постоянный надзоръ посредствомъ твердо организованной дирекціи училищъ, порученной преимущественно русскимъ или особенно благонадежнымъ нѣмцамъ.

6) Покровительствовать всѣми мѣрами развитію высшаго научнаго образованія и вообще серьезному знанію, и для этого удержать, между прочимъ данное уставомъ 1862 г. классическое направленіе среднимъ учебнымъ заведеніямъ и, насколько возможно, содѣйствовать преуспѣванію варшавскаго университета.

7) Дать русскому языку почетное мѣсто между предметами преподаванія, устраняя однако мысль объ усиленномъ обрусѣніи польскаго юношества.

На этихъ началахъ составлены и при семъ представляются проекты указовъ:

I. О начальныхъ училищахъ въ Царствѣ Польскомъ.

II. О женскихъ училищахъ.

III. О нѣмецкомъ училищѣ въ Варшавѣ.

IV. Объ учебныхъ дирекціяхъ.

Кромѣ того, въ особомъ приложеніи къ сей запискѣ, заключаются матеріалы, необходимые для обсужденія настоящаго дѣла.

Засимъ, если изложенныя выше соображенія удостоятся Высочайшаго одобренія, и Его Императорское Величество соизволитъ утвердить проекты означенныхъ указовъ, то необходимо будетъ, одновременно со введеніемъ оныхъ въ дѣйствіе, приступить къ составленію проектовъ:

1) объ учрежденіи въ Варшавѣ русской гимназіи, въ связи съ существующею тамъ русскою школою;

2) о преобразованіи на изложенныхъ выше основаніяхъ, управленія земледѣльческими училищами;

3) объ учрежденіи педагогическихъ школъ русско-униатской и литовской.

4) о преобразованіи главной школы въ варшавскій университетъ, съ возстановленіемъ въ немъ богословскаго факультета римско-католическаго, а равно о нѣкоторыхъ необходимыхъ улучшеніяхъ въ устройствѣ среднихъ учебныхъ заведеній.

Отзывъ кн. В. А. Черкаскаго на имя гл. директора народнаго просвѣщенія (Ө. Ө. Витте), отъ 1 января 1865 года.

Въ Высочайшемъ рескриптѣ отъ 30 августа, намѣстнику Ц. П. изображено: «Каждое изъ племенъ и вѣроисповѣданій должно быть

ограждено отъ всякаго насильственнаго посягательства, и въ этихъ видахъ необходимо, между прочимъ, озаботиться объ образованіи отдѣльныхъ для каждой народности училищъ». Средства къ образованію, предоставлявшіяся до сихъ поръ русской народности, къ которой принадлежатъ въ особенности многочисленныя греко-уніаты Царства, ограничивались лишь весьма немногими и крайне несовершенными народными училищами, отчего русская народность поставлена была въ гораздо болѣе невыгодныя для своего развитія условія, чѣмъ всѣ другія въ Ц. П. племена. Въ то время, когда въ пользу польской народности представлено 37 среднихъ учебныхъ заведеній, независимо отъ нѣсколькихъ высшихъ, когда для огражденія нѣмецкой народности учреждается главное евангелическое училище, греко-уніаты «русины», за исключеніемъ холмской духовной семинаріи, не имѣютъ ни одного средняго учебнаго заведенія, въ которомъ они могли бы получать соотвѣтственное своимъ насущнымъ потребностямъ образованіе.

Такой порядокъ вещей влечетъ за собою самыя грустныя послѣдствія. Извѣстно, что высшее дворянское сословіе русскаго въ Ц. П. края уже давно измѣнило своей вѣрѣ и своему племени. Изъ среды низшихъ сословій могли бы конечно, при благопріятныхъ условіяхъ, явиться образованные люди, способные поддержать и укрѣпить свою падающую народность; но, къ крайнему прискорбію, при отсутствіи русскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, желающимъ предстоить возможность получить образованіе въ одномъ лишь польскомъ духѣ, что неизбѣжно влечетъ за собою постепенное, но вѣрное ополяченіе всего русскаго племени. Даже греко-уніатское духовенство, единственное нынѣ образованное сословіе русскаго или русинскаго въ Ц. П. народа и послѣдній оплотъ его самобытнаго развитія, вынуждено необходимостью получать образованіе въ польскихъ уѣздныхъ училищахъ и гимназіяхъ. Извѣстно, что сыновья греко-уніатскихъ священниковъ, даже для поступленія въ холмскую духовную семинарію, должны первоначально обучаться въ свѣтскихъ училищахъ и гимназіяхъ польскихъ, безъ чего они, на основаніи ст. 17 и 19 ст. устава холмской семинаріи, не могутъ въ оную поступить; другіе же предпочитаютъ окончить полный курсъ ученія въ тѣхъ же гимназіяхъ, послѣ чего нѣкоторые постушаютъ въ варшавскую главную школу. Во всѣхъ этихъ польскихъ уѣздныхъ училищахъ и гимназіяхъ русскій языкъ преподается лишь самымъ поверхностнымъ образомъ, а греко-уніатскій законъ и обрядъ даже вовсе не преподаются греко-уніатскимъ воспитанникамъ. Послѣ этого удивительно ли, что польскій языкъ и обычаи успѣли даже въ средѣ греко-уніатскаго духовенства пустить, въ

ущербъ русской народности и языку, такіе глубокіе корни, что даже въ семейномъ быту, въ проповѣдяхъ, униатскимъ духовенствомъ употребляется нынѣ одинъ польскій языкъ.

Вникая постепенно въ эти глубокія язвы греко-униатскаго въ Ц. П. быта, я счелъ долгомъ обратиться къ холмскому епископу, отъ 30 сентября, съ запросомъ о томъ, сколько именно и въ какихъ училищахъ обучается священническихъ сыновей униатскихъ. Епископъ, при отзывѣ своемъ, отъ 10 декабря, за № 2454, представилъ мнѣ списокъ, копія котораго при семъ прилагается, 88-ми священническихъ сыновей, обучающихся въ польскихъ училищахъ. Здѣсь будущіе пастыри и учителя русскаго народа отвыкаютъ отъ русскаго и славянскаго языковъ и сродняются съ польскимъ; они обучаются вѣроученію у латинскаго ксендза, усваиваютъ себѣ духъ католицизма и взгляды латинскаго духовенства, проникаются польскими идеями и стремленіями и, къ сожалѣнію, обращаются часто въ непримиримыхъ враговъ своей родной русской народности. Немногіе, рѣшающіеся поступить въ холмскую семинарію, входятъ туда уже на половину ополяченные и внутренно если не совращенные, то по крайней мѣрѣ уже подготовленные къ совращенію въ католицизмъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ учрежденіе самой холмской семинаріи не могло принести и не принесетъ всѣхъ тѣхъ благихъ послѣдствій, которыхъ отъ него слѣдовало бы ожидать на пользу русскаго народа.

Единственнымъ средствомъ, способнымъ оградить русско-униатскій край отъ посягательства на него полонизма и католицизма, я поэтому считаю учрежденіе русскихъ среднихъ учебныхъ заведеній для греко-униатскаго населенія, дабы населеніе это воспользовалось наконецъ одинаковыми въ этомъ отношеніи правами съ населеніемъ польскимъ.

На основаніи начала полной равноправности народностей, справедливо было бы желать, чтобы не всѣ нынѣ существующія въ Царствѣ 37 среднихъ учебныхъ заведеній были предоставлены польскому элементу и чтобы греко-униаты имѣли бы также соотвѣтственное цифрѣ своего населенія число такихъ заведеній. При пропорціональномъ раздѣленіи послѣднихъ между католиками и греко-униатами, соотвѣтственно численности тѣхъ и другихъ (3.550,000 поляковъ-католиковъ и 225,000 униатовъ), русскіе греко-униаты должны имѣть отъ двухъ до трехъ среднихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній изъ числа 37, предоставленныхъ теперь исключительно въ пользу польской народности.

Мнѣніе кн. Черкаскаго о преобразованіи варшавской главной школы въ университетъ, высказанное въ Совѣтѣ управленія Царства Польскаго 14 октября 1866 года.

Полное и немедленное уравненіе главной школы съ русскими университетами еще невозможно. Если къ этой цѣли, уже предвозвѣщенной указами 30 августа 1864 г., и слѣдуетъ стремиться неуклонно, но тѣмъ не менѣе она можетъ быть достигнута лишь путемъ правильнаго и постепеннаго осуществленія, по мѣрѣ того, какъ будутъ развиваться въ Варшавѣ самые практическіе задатки для осуществленія сей задачи. Основаніе нынѣ въ Варшавѣ польскаго университета внесло бы въ мѣстную общественную и политическую жизнь новый элементъ обособленія; оно послужило бы лишь къ усиленію сепаратическихъ тенденцій польскаго общества и, съ теченіемъ времени, неизбежно привело бы къ тѣмъ же самымъ политическимъ результатамъ, какіе нѣкогда породило существованіе вышшаго польскаго учебнаго заведенія въ Вильнѣ. Въ Варшавѣ можетъ съ пользою и для Россіи, и для Привислинскаго края существовать лишь университетъ русскій, основанный на широкихъ началахъ, въ коемъ былъ бы въ системѣ обученія отведенъ достаточный просторъ для общеславянскихъ и чисто-польскихъ отраслей знанія. Такой университетъ могъ бы на берегахъ Вислы имѣть самостоятельное научное значеніе. При настоящемъ же положеніи дѣлъ, едва ли еще возможно помышлять нынѣ объ учрежденіи новаго русскаго университета и о снабженіи его достаточнымъ составомъ профессоровъ, особенно въ столь отдаленномъ краѣ Россіи. Затѣмъ остается лишь прибѣгнуть къ переходнымъ формамъ, которыя подготовили бы возможность въ будущемъ полнаго осуществленія сказанной мысли. Удобнѣйшею формою представляется дарованіе главной школѣ права предоставлять званіе дѣйствительнаго студента и степень кандидата со всѣми служебными правами, присвоенными онымъ въ университетахъ имперіи, постановивъ правиломъ, что высшія ученныя степени магистра и доктора могутъ, до дальнѣйшаго постановленія, быть приобретаемы уроженцами Царства только въ университетахъ имперіи, по выдержаніи ими въ оныхъ надлежащихъ экзаменовъ. Мѣра эта не можетъ быть почитаема нарушеніемъ правъ, дарованныхъ главной школѣ, но была бы лишь полезнымъ ихъ видоизмѣненіемъ и преобразованиемъ. Главная школа, вмѣсто нынѣшняго права на раздачу высшихъ ученыхъ степеней, не признаваемыхъ въ Россіи, приобрѣла бы право на раздачу ученой степени кандидата, со всѣми связанными съ этою

степенью важными служебными правами. Между тѣмъ, сами собою устранились бы тѣ слишкомъ невыгодныя недораумѣнія, которыя неизбежно связаны съ раздачею главною школою высшихъ ученыхъ степеней крайне незрѣлымъ юношамъ, въ ущербъ должнаго уваженія къ симъ ученымъ степенямъ и въ предосудительное сравненіе съ обычаемъ русскихъ университетовъ. Эта мѣра не осталась бы безъ весьма желательныхъ и важныхъ послѣдствій. Предоставляя раздачу высшихъ ученыхъ степеней однимъ русскимъ университетамъ, она поставила бы лицъ, желающихъ удостоиться оныхъ, а равно всѣхъ ищущихъ званія профессора главной школы, т. е. лучшихъ людей сей школы, въ необходимость изучать основательно русскій языкъ и словесность, русскую исторію и вообще русскую науку, и притомъ въ возрастѣ, когда молодые люди наиболѣе воспримчивы, и когда, привлеченные въ Россію потребностію серьезнаго дѣла, они, предаваясь ему всецѣло, были бы менѣе подвержены искушеніямъ цѣлей постороннихъ. Съ другой стороны, мѣра эта безъ сомнѣнія возвысила бы уровень варшавскихъ кафедръ, дозволила бы русской наукѣ и русскимъ возрѣніямъ постепенно занять въ главной школѣ подобающее имъ мѣсто, влияние и, уже предварительно основанія русскаго университета въ Варшавѣ, содѣйствовала бы созданію нѣкоторой связи между русскими университетами и варшавскою главною школою, между русскимъ образованіемъ и наукою и мѣстнымъ образованіемъ.

Изъ Дневника княгини Е. А. Черкасской.

Іюль 1864 года.

По отдѣлу просвѣщенія уволенъ Дембовскій и назначенъ Витте. Объ удаленіи Дембовскаго было уже давно говорено. Милютинъ и мой мужъ мечтали объ Юріѣ Ѳедоровичѣ, а когда онъ рѣшительно отказался, тогда подумали о Гильфердингѣ, который казался особенно способнымъ къ этому дѣлу по своему образованію, уму, знакомству съ Польшею, относительному знанію польскаго языка и литературы. Для этого Гильфердингъ былъ привлеченъ въ Варшаву; ему было поручено составленіе проектовъ о преобразованіи университета; ожидали благоприятнаго времени. Но, увы! Бергъ успѣлъ забѣжать впередъ и рекомендовать челоувѣа, дружнаго съ Треповымъ, и на поддержку котораго они оба рассчитывали. Это былъ Витте, бывшій кievскій попечитель. Бергъ воспользовался свиданіемъ съ Государемъ на желѣзной дорогѣ, чтобы выпросить назначеніе Витте и подать Государю адресъ отъ польскаго духовенства. Князь и

Милютинъ считали принятіе второго и назначеніе перваго большими ошибками. Бергъ и Треповъ очень радовались приѣзду Витте.

22 декабря (3 янв.), 1864—5 г.

Обѣдаютъ у насъ докторъ Орловъ и офицеръ Нащовинъ. Послѣд-
нему поручены передѣлки въ монастырѣ миссіонеровъ (подъ гим-
назію) и онъ тамъ живетъ. Разсуждаютъ о будущей гимназіи рус-
ской, о томъ, когда ее открыть. Роворятъ, что польская молодежь
ропщеть на то, что зданіе у Коперника отдается подъ русскую гим-
мазію. Семинарія, которая была у миссіонеровъ, соединяется съ
епархіальной и переводится къ кармелитамъ. Князь напоминаетъ
Орлову о томъ, какъ возникла прошлаго года мысль о русской
школѣ. Ее открыли, при содѣйствіи Милютина, князя и Юрія Федо-
ровича, Орловъ и нѣкоторые офицеры изъ генеральнаго штаба.
Русскіе старожилы объявляли тогда, что это дѣло невозможно, что
поляки этого не допустить, что это не согласно съ обѣщанной имъ
автономіей.

Январь 1865 г.

Обѣдали у насъ Витте, Кулишъ, Бѣлозерскій и приѣзжіе изъ
Кіева, вызванные служить здѣсь. Между ними выдаются особенно
Крыжановскій и Лебединцевъ изъ кіевской духовной академіи; оба
назначены директорами учебныхъ дирекцій въ уніатскія мѣстности.

Май 1865 г.

Сюда (въ Варшаву) съѣхались директора учебныхъ дирекцій;
идутъ толки объ учрежденіи русской уніатской гимназіи. Князь спо-
рить, ораторствуетъ, очень одушевленъ и озабоченъ этимъ. По слу-
чаю сбора директоровъ у насъ былъ малорусскій обѣдъ. Много было
споровъ и толковъ объ язмеѣ, выговорѣ и пр. Мнѣ пришлось спо-
рить съ Кулишемъ за Галагана. Причина неудовольствія, кажется
мнѣ, заключается въ томъ, что Кулишъ надѣялся совершенно под-
чинить своей волѣ Галагана, въ чемъ ошибся. Князь много говорилъ
и спорилъ о Малороссіи. Читали уставъ уніатскихъ школъ; много
спорили и разсуждали.

21 августа, 1865 г.

...Ѣздила на выставку картинъ, потомъ въ книжную лавку Ко-
жанчикова, гдѣ видѣла, какъ польскія дѣвицы и гимназисты то и
дѣло входили и требовали русскіе учебники Паульсона, Галахова,
Иловайскаго; весь запасъ уже вышелъ.

31 августа, 1865 г.

...Быль у насъ Орловъ (устроитель перваго русскаго училища въ Варшавѣ, съ 1865 года директоръ русской варшавской гимназiи) съ новыми планами или лучше мечтами объ устройствѣ новой русской прогимназiи на Налевкахъ, преимущественно для жидовъ, которые просятся все болѣе и болѣе въ русскую гимназiю; бранить ужасно нѣмецкую гимназiю и покровительство, оказываемое ей Витте'мъ.

1 (13) октября, 1865 г.

...Витте въ восторгѣ отъ того, что русская гимназiя открыта и что 130 учениковъ уже записались, несмотря на предсказанiя А., что учениковъ не будетъ. Надняхъ Витте ѣдетъ открывать холмскую гимназiю.

19 ноября, 1865 г.

Вчера была въ женской прогимназiи; уроки идутъ кажется недурно, но не совсѣмъ соотвѣтствуютъ степени пониманiя ученицъ.

12 января, 1866 г.

Обѣдъ московскихъ студентовъ, татьянинъ день. Бергъ читаль стихи, Драшусовъ рѣчь, пили за здоровье новобрачныхъ Аксаковыхъ, которыхъ свадьба совершалась въ тотъ же день. Утромъ я была на молебнѣ въ гимназiи. Множество дѣтей, никакихъ посѣтителей, кромѣ архiereя, Витте и учителей; угощенiе для дѣтей произвело хорошее впечатлѣнiе.

Мартъ 1866 г.

Воскресенiе. Освященiе домовою церкви въ гимназiи.

17 апрѣля, 1866 г.

Князь былъ на открытiи нѣмецкой гимназiи.

Юнь 1866 г.

Въ среду была на экзаменѣ въ женской прогимназiи; жарко и скучно; дѣти отвѣчали недурно.

Отъ 30 августа, 1866 г.

Помѣщено въ Дневникѣ княгини письмо Каширина (чиновника при князѣ).

Здѣсь (въ Варшавѣ) гостить Вел. Князь Николай Николаевичъ... Былъ актъ открытія русской гимназіи, удостоенный присутствіемъ Великаго князя и Великой Княгини, которые обласкали дѣтей, раздавали награды и были со всѣми весьма любезны.

Княгиня Черкаская, въ бытность свою въ Петербургѣ въ сентябрѣ 1866 г., была принята Государынею и записала въ своемъ Дневникѣ, отъ 6 сентября 1866 г., между прочимъ слѣдующее: «Государыня говорила, что Вел. Кн. Александра Петровна пріѣхала изъ Варшавы съ пріятными впечатлѣніями, что она присутствовала при открытіи русской гимназіи».

Учебное дѣло въ Царствѣ Польскомъ въ 1868 году.

Послѣ усмиренія мятежа въ 1831 году населеніе края пользовалось менѣе широкими средствами просвѣщенія: было значительно сокращено число среднихъ учебныхъ заведеній, а высшихъ вовсе не было, и поляки вынуждены были учиться въ русскихъ университетахъ. Но новый мятежь все-таки вспыхнулъ въ 1863 году. Маркизь Велепольскій (управлявшій и учебною частью), съ 1862 г. стремился къ полной автономіи Привислинскаго края и отдѣленію его отъ имперіи. Эта система естественно не могла удержаться, когда подавленная крамола побуждала къ радикальному преобразованію Царства П., къ слянію его съ имперіей. Такимъ образомъ возникалъ вопросъ объ установленіи совершенно новой учебной системы, такъ какъ всѣ предшествовавшія оказались несостоятельными.

Составители новыхъ уставовъ 1864 г. руководствовались тою главною мыслью, что при устройствѣ училищъ необходимо утвердить государственное просвѣщеніе въ наибольшихъ размѣрахъ, способное постепенно сблизить польское населеніе съ Россією,—притомъ образованіе основательное классическое (а не поверхностное, какъ прежде) и что серьезно-образованные молодые люди сами сознаютъ всю суетность политическихъ мечтаній. Въ этихъ видахъ поляки были лишены возможности пользоваться народнымъ образованіемъ, какъ политическимъ орудіемъ для колонизаціи другихъ, находящихся въ краѣ и не враждебныхъ намъ, народностей не-польскаго происхожденія, и потому, по мысли Н. А. Милютина, были учреждены отдѣльныя училища для русскихъ, литовцевъ и нѣмцевъ. Литовское племя заслуживало вниманія еще и потому, что оно не имѣетъ своей литературы; создавать же ее искус-

ственно было, конечно, не въ интересахъ Россіи. Когда учебная часть въ Ц. П. въ началѣ мѣсяца гр. Толстого перешла въ вѣдѣніе мин-ва нар. просв., преобразование ея стало настолько безотложнымъ, что удержаніе прежней системы грозило, по его мнѣнію, разстройствомъ нѣкоторыхъ учебн. заведеній въ самой имперіи. Извѣстно, напр., что беспорядки, происшедшіе въ 1861 г. въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ университетовъ, были произведены студентами поляками, уже тогда подготовлявшими свою революцію. Они начали съ того, что пытались возбудить русскую молодежь противъ правительства, принудить его принять крутыя мѣры и затѣмъ выставить ихъ какъ варварство передъ Европой. Эта польская агитація вызвала затѣмъ исключительную мѣру—ограниченіе во всѣхъ русскихъ университетахъ числа студентовъ изъ поляковъ 10%. Съ тѣмъ вмѣстѣ сознана была тогда мысль создать для поляковъ возможность получать высшее образованіе у себя на мѣстѣ.

Въ дальнѣйшемъ развитіи вопроса о преобразованіи уч. заведеній Ц. П. было признано, что раздѣленіе училищъ въ Царствѣ по національностямъ не можетъ болѣе имѣть мѣста.

Въ самомъ дѣлѣ, всѣ непольскія народности не составляли тамъ и $\frac{1}{3}$ всего народонаселенія, а если исключить изъ этого числа евреевъ, составлявшихъ $\frac{1}{2}$ этой группы, и для русскаго образованія которыхъ рѣшительно еще ничего не было тогда сдѣлано, то оказывалось, что непольской народности въ край было меньше $\frac{1}{6}$, а польскаго народонаселенія болѣе $\frac{2}{3}$. Такъ какъ для этой послѣдней части все преподаваніе, за исключеніемъ исторіи и географіи Россіи, предполагалось (1862) польскими реформаторами вести на польскомъ языкѣ, то становилось очевиднымъ, что огромное большинство здѣшнихъ учебныхъ заведеній не сближало бы молодое поколѣніе съ Россіей, а только отчуждало бы его отъ нея. Притомъ, если уже основываться на числительности народностей, то главная школа логически должна была бы быть преобразована въ чисто-польскій университетъ, а земледѣльческій институтъ въ Новой Александріи въ польскую агрономическую академію.

Повидимому, несообразность дѣленія на національности въ учебномъ дѣлѣ оказалась при самомъ введеніи въ дѣйствіе гимназическихъ уставовъ въ 1866 году. Собственно говоря, на этихъ основаніяхъ, возможно было открыть литовскую гимназію въ Маріамполѣ (Сувалкской губерніи), русскую въ Холмѣ для униатовъ, въ Варшавѣ для дѣтей служащихъ тамъ русскихъ и нѣмецкую въ Лодзи, гдѣ фабричное нѣмецкое населеніе. Затѣмъ, всѣ остальные гимназіи (а ихъ считалось весьма большое число), должны бы были оставаться чисто-польскими.

Это не могло не повести къ практическимъ неудобствамъ, почему

тогда, прибѣгли къ созданію новаго рода гимназій, названныхъ смѣшанными, гдѣ преподаваніе всѣхъ предметовъ происходило на русскомъ языкѣ.

Видимымъ поводомъ для открытія смѣшанныхъ гимназій выставлено было тогда то обстоятельство, что для евреевъ не было учреждено особыхъ средне-учебныхъ заведеній, что не было основанія полагать ихъ въ польскихъ гимназіяхъ, а потому слѣдовало въ главныхъ пунктахъ еврейскаго народонаселенія устроить такія смѣшанныя гимназіи съ русскимъ преподаваніемъ.

Но это былъ только поводъ къ исправленію т. ск. системы, а вовсе не дѣйствительная причина. Это явствуетъ изъ слѣд. данныхъ: въ люблинской смѣшанной гимназіи, учрежденной м. проч. и для еврейскаго населенія, числилось только 28 евреевъ на 513 ученик., а въ ломжинской смѣшанной гимназіи на 312 учениковъ всего три еврея. Точно такія же данныя получались и относительно гимназій другихъ народностей; такъ напр., въ гимназіяхъ для униатскаго населенія: въ холмской 74 униата, а римско-католиковъ 77, въ бѣльской изъ 180 учениковъ только 56 униатовъ; въ сѣдлецкой на 273 ученика всего 17 униатовъ; при этомъ нужно замѣтить, что нѣсколько униатовъ были переведены въ эту гимназію изъ бѣльской; иначе сѣдлецкая униатская гимназія могла бы остаться и вовсе безъ униатовъ, точно такъ какъ, напр., въ люблинскомъ униатскомъ первоначальномъ училищѣ не было ни одного униата.

Точно тоже слѣдуетъ сказать и о гимназіяхъ для литовскаго населенія: именно въ сувальской литовской гимназіи литовцевъ училось 40, а поляковъ 192.

Так. обр. получался выводъ, что учебную часть не должно было основывать здѣсь на различіи народностей, и что общественное воспитаніе можетъ имѣть въ краѣ только два характера: или польскій, при автономіи Царства, или же русскій, при сляніи его съ имперією. Такъ какъ именно это послѣднее направленіе было принято правительствомъ во всѣхъ коренныхъ преобразованіяхъ, совершенныхъ въ прошлое царствованіе въ этомъ краѣ, то, въ виду повсемѣстнаго введенія русскаго языка какъ языка преподаванія, рѣшено было ввести въ привислинскихъ гимназіяхъ преподаваніе сначала нѣсколькихъ предметовъ на русскомъ языкѣ.

Еще въ апрѣлѣ 1867 г. въ одномъ изъ засѣданій Польскаго Комитета нѣкоторые члены его обратили вниманіе на странность названія смѣшанныхъ гимназій, такъ какъ незнакомымъ спеціально съ этимъ дѣломъ приходилось всякій разъ объяснять, что смѣшанными гимназіями назывались такія, въ которыхъ все преподаваніе происходило на русскомъ языкѣ, что однако вовсе не

видно изъ самаго наименованія. Вообще же этотъ Комитетъ находилъ несообразнымъ раздѣленіе учебныхъ заведеній по народностямъ.

Естественно возникала необходимость пересмотра установленнаго въ Ц. П. раздѣленія среднихъ учебныхъ заведеній на категоріи: польскихъ, русскихъ, смѣшанныхъ и нѣмецкихъ, въ тѣхъ видахъ, не представится ли возможнымъ постепенно уравнить ихъ посредствомъ усиленія вообще преподаванія на русскомъ языкѣ въ тамошнихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ. Но такъ какъ большая часть предметовъ тогда уже и начали преподавать въ нихъ на русскомъ языкѣ, то и не замедлило послѣдовать разрѣшеніе на введеніе преподаванія и всѣхъ остальныхъ наукъ по-русски, именно съ начала 1889 уч. года, а это въ свою очередь облегчило возможность осуществленія предположенія П. Комитета. Такимъ образомъ было уничтожено подраздѣленіе учебныхъ заведеній по народности, и они были названы просто гимназіями классическими и реальными, смотри по курсу, какъ въ имперіи.

Вотъ каково было состояніе учебныхъ заведеній Ц. П., осмотрѣнныхъ министромъ н. пр. въ 1868 г. Во всѣхъ 22 мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіи съ конца 1868 г. начали преподавать историческіе и математическіе предметы по-русски. Дѣти сразу стали отвѣчать по-русски съ охотою, сами вызывались къ отвѣтамъ и старались поправлять товарищей, когда они дѣлали ошибки. Въ столь короткое время сдѣланные успѣхи поистинѣ замѣчательны; несмотря на частыя ошибки было видно, что ученики не встрѣчали никакого серьезнаго затрудненія выражать свои мысли на русскомъ языкѣ. Ошибки въ отвѣтахъ происходили единственно отъ разности въ удареніяхъ въ обоихъ языкахъ. По большей части успѣхи въ русскомъ языкѣ были значительнѣе въ низшихъ классахъ, чѣмъ въ высшихъ, оттого что дѣти легче усваиваютъ незнакомый имъ языкъ, чѣмъ юноши, а также и потому, что они уже учились по-русски въ первоначальныхъ школахъ. Еще болѣе успѣха было обнаружено въ тѣхъ гимназіяхъ, гдѣ уже два года учили по-русски, именно: въ ложинской смѣшанной гимназіи, въ маріампольской и сувальской для литовскаго населенія и въ холмской для греко-уніатовъ. Въ этихъ четырехъ гимназіяхъ неправильности въ удареніяхъ замѣчалось уже гораздо менѣе, а въ Холмской трудно было отличить поляковъ отъ русскихъ.

Иная картина представлялась наблюдателю за рубежомъ русской Польши. Нельзя было сравнивать Привислинскій край съ польскими провинціями, принадлежащими Пруссіи: тамъ нѣмецкій языкъ былъ введенъ въ школахъ съ самаго присоединенія этой страны, нѣмецкіе ремесленники и торговцы расселились въ бывшихъ польскихъ городахъ, нѣмецкіе

помѣщики скупили значительную часть земли и жили въ нихъ постоянно; тамъ ученикъ слышитъ нѣмецкую рѣчь не въ одной школѣ, но и на улицѣ, и въ лавкѣ, и въ обществѣ, выѣдетъ ли изъ города — услышитъ ее и въ деревнѣ. Всего этого у насъ не было и надолго быть не можетъ; потому училищному вѣдомству въ Ц. П. предстояло несравненно болѣе труда, чѣмъ соотвѣтствующему управленію въ восточной Пруссіи.

Съ 1869 г. древніе языки и законъ Божій стали преподаваться въ гимназіяхъ по-русски, и было рѣшено ввести въ варшавской нѣмецкой гимназіи преподаваніе всѣхъ предметовъ на русскомъ языкѣ съ 1871 года; слѣд. нѣмецкіе учителя могли имѣть $2\frac{1}{2}$ года для приготовленія себя въ русскомъ языкѣ.

Наконѣцъ въ видахъ усиленія русскаго языка, тогда же было предложено попечителю при открытіи учительскихъ вакансій стараться по возможности замѣщать ихъ русскими педагогами.

Что касается мѣропріятій по женскому образованію, то существенная заслуга учебнаго преобразованія 1864 г. заключалась въ учрежденіи женскихъ гимназій. До тѣхъ поръ образованіе польской женщины было въ рукахъ монахинь или же учреждительницъ частныхъ пансіоновъ, весьма неблагонадежныхъ въ политическомъ отношеніи. Плоды этого образованія всѣмъ извѣстны: нельзя найти фанатичнѣе женщины, какъ поляка, и это столько же въ смыслѣ религіозномъ, сколько политическомъ. Необходимо упомянуть, что преобразованіе женскаго воспитанія вызвало сильную оппозицію со стороны польскихъ дворянъ и въ особенности ксендзовъ, главныхъ его руководителей. Отсюда происходило то, что въ началѣ въ женскихъ гимназіяхъ число учащихся являлось несравненно менѣе, чѣмъ въ мужскихъ. Съ конца 70-хъ годовъ было принято за правило, что на должности начальницъ и классныхъ дамъ въ женскихъ гимназіяхъ должны опредѣляться только русскія или нѣмки, вполне владѣющія русскимъ языкомъ.

Одновременно и частныя учебныя заведенія были обязаны начать преподаваніе всѣхъ безъ исключенія предметовъ на русскомъ языкѣ, о чемъ и было объявлено содержателямъ ихъ заблаговременно. Мѣстная учебная администрація находила примѣненіе этой мѣры къ частнымъ учебнымъ заведеніямъ необходимымъ какъ для соблюденія единства въ преподаваніи наукъ въ учебныхъ заведеніяхъ одного и того же округа, такъ и въ видахъ пользы для такихъ же частныхъ заведеній. Заведенія эти, какъ исключительно 4-класснаго состава, служили только подготовительными училищами для казенныхъ среднихъ учебныхъ заведеній, и оставшись съ преподаваніемъ всѣхъ предметовъ по прежнему на польскомъ языкѣ, лишились бы возможности удовлетворять своему назначенію.

Раздѣленіе на народности, на которомъ устроены были въ 1864 г. среднія учебныя заведенія, принято было также за основаніе при учрежденіи сельскихъ школъ: польскій языкъ сдѣлался языкомъ преподаванія въ значительно большей ихъ части, русскій же былъ допущенъ по желанію сельскихъ обществъ; мелкіе польскіе шляхтичи и мѣщане явились учителями въ этихъ школахъ.

Зная фанатическую ненависть къ Россіи ксендзовъ и польскихъ помѣщиковъ, правительство старалось удалить ихъ отъ всякаго вліянія на школу, отдавъ ее въ полное распоряженіе гмины, до такой степени, что она сама выбирала и назначала учителей. Устраненіе отъ народнаго образованія людей явно враждебныхъ и покровительство многочисленному сословію, наименѣ намъ непріязненному, было, конечно, совершенно правильно.

Дѣйствительно, польскіе крестьяне обзаны своимъ матеріальнымъ благосостояніемъ попеченіямъ о нихъ русскаго правительства. Но чувство благодарности не есть качество массъ, и въ политическомъ отношеніи на него разсчитывать нельзя, потому что оно проходитъ и забывается; нужны органическія учрежденія, которыя, развиваясь постепенно, въ противоположность временному народному чувству, не слабѣютъ, но укрѣпляются временемъ. Между тѣмъ, такъ какъ матеріальные интересы суть главнѣйшіе и почти единственные двигатели народныхъ массъ, то они и имѣютъ на нихъ преимущественное вліяніе. Начиная съ 60 гг. польскій крестьянинъ получилъ отъ правительства все, что онъ могъ разумно ожидать, и вмѣстѣ съ тѣмъ освободился отъ зависимости помѣщика, часто весьма для него тяжкой. Причины неудовольствія между двумя сословіями, происходившія отъ столкновенія матеріальныхъ расчетовъ, исчезли, но это именно могло послужить и къ постепенному ихъ сближенію: рознь имущественная прекратилась, а связь духовная, обусловливаемая единствомъ происхожденія, языка, вѣры, осталась. Да и хозяйственные расчеты заставляютъ крестьянина искать сближенія съ помѣщикомъ, потому что онъ находится съ нимъ въ ежедневныхъ сношеніяхъ и можетъ ожидать отъ него разныхъ выгодъ. Вліяніе духовенства на народъ неумовимо, ибо проникаетъ путями убѣжденія и совѣта, недоступными контролирующей власти. Было впрочемъ замѣчено, что помѣщики и ксендзы наставляютъ гмины выбирать такихъ учителей, которые, по причинѣ ихъ неблагонадежности, не могутъ быть утверждены училищнымъ начальствомъ. Тоже самое сообщалось и о выборѣ гминныхъ писарей, этихъ главныхъ дѣятелей въ крестьянскомъ управленіи. Такіе выбранные крестьянами учителя, часто полуграмотные, а по-русски едва умѣвшіе читать, съ неправильнымъ произношеніемъ, и были тогда единственные распространители про-

свѣщенія между народомъ. Чуждые Россіи по своему происхожденію и языку, и не знающіе нашего, они еще болѣе сближались посредствомъ языка преподаванія съ польскими помѣщиками и ксендзами, т. е. именно съ тѣми сословіями, которыя совершенно основательно предполагалось вовсе удалить отъ народной школы.

Поэтому главными предметами заботливости министерства н. пр. въ этомъ столь важномъ по своимъ послѣдствіямъ дѣлѣ стало съ 1868 г. приготовленіе учителей и возвышеніе русскаго языка — единственной моральной связи польскаго края съ Россіею на подобающее положеніе. Само собою разумѣется, что польскій языкъ не изгонялся и не долженъ быть изгнанъ изъ школы; напротивъ того, онъ долженъ постоянно употребляться какъ педагогическое средство; на немъ же необходимо учить читать дѣтей, такъ какъ безъ этого языка они не могли бы понимать своихъ богослужебныхъ книгъ. Но и русскій языкъ не долженъ былъ оставаться въ томъ безобразномъ положеніи, въ которомъ онъ находился тогда въ краѣ. Въ гминныхъ управленіяхъ начиналось вводиться дѣлопроизводство на русскомъ языкѣ; начальныя школы повсемѣстно и ежегодно поставляли нѣсколькихъ изъ своихъ учениковъ въ гимназін, гдѣ преподаваніе происходило по-русски. Значить уже по этому самому, по необходимой связи низшихъ училищъ съ средними, нужно было дать иное положеніе русскому языку въ начальныхъ училищахъ. И здѣсь, какъ въ гимназіяхъ, и, современемъ, въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ этого края — убѣждены были тогда русскіе люди — государственный языкъ долженъ былъ сдѣлаться языкомъ преподаванія, по мѣрѣ подготовленія соотвѣтствующихъ своему назначенію учителей. И преобразование это совершилось незамѣтнымъ образомъ, и не только безъ всякаго сопротивленія, но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и съ сочувствіемъ.

Въ Ц. П. до перехода уч. части въ м-о н. пр. существовало семь педагогическихъ курсовъ: три для польскаго населенія, два для русскаго, одинъ для литовскаго и одинъ для нѣмецкаго. Кромѣ такихъ курсовъ въ Вѣллой и Холмѣ для грекоуніатовъ, гдѣ преподаваніе происходило на русскомъ языкѣ, въ остальныхъ училили по-польски, нѣмецки и даже по-литовски, смотря по національностямъ. Но такое различіе въ языкахъ преподаванія не всегда соотвѣтствовало дѣйствительности: такъ напр. польскіе нѣмцы по большей части давно ополячились, не исключая и ихъ пасторовъ; возрождая ихъ вновь въ чистыхъ нѣмцевъ, мы конечно стали бы работать гораздо болѣе въ пользу сосѣдней Пруссіи, чѣмъ Россіи. Точно также создавая литовскую національность, не имѣвшую доселѣ своей литературы, мы искусственно упрочивали бы отдѣльность такого племени, которое по отсутствію въ немъ всякихъ историческихъ задатковъ, съ теченіемъ времени должно

поглотиться національностью русскою. Что касается до польскихъ педагогическихъ курсовъ, то само собою разумѣется, что, при польскомъ преподаваніи или при дурномъ русскомъ, выходящіе изъ нихъ учителя были не въ состояніи учить удовлетворительно по-русски.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ и даннымъ, педагогическіе курсы въ 1868 г. рѣшено было устроить совершенно иначе, именно: 1) на должности инспекторовъ и учителей этихъ курсовъ стали назначаться только природные русскіе; 2) по примѣру Пруссіи, всѣ предметы велѣно было преподавать на русскомъ языкѣ; 3) устроены общежитія, 4) въ каждомъ изъ педагогическихъ курсовъ открыты по 10 стипендій для русскихъ западнаго края. Предполагалось, что совмѣстное сожителство ихъ съ поляками можетъ научить этихъ послѣднихъ разговорному русскому языку, а ихъ самихъ польскому. Лишь достаточно приготовленные учителя получали школы; въ нихъ языкомъ преподаванія сталъ русскій языкъ, а мѣстное нарѣчіе, изучаемое въ чтеніи,—служило какъ педагогическое средство для объясненія непонятнаго въ русскомъ преподаваніи.

Все преподаваніе въ еврейскихъ школахъ также было введено на русскомъ языкѣ, кромѣ предметовъ вѣры, которые остались на попеченіи родителей. За непосѣщеніе школы предполагалось налагать денежный штрафъ.

Что касается возникавшаго тогда же вопроса объ обязательности обученія, то она нисколько не показалась бы странною для вѣмцевъ, выходцевъ изъ Пруссіи, гдѣ она существуетъ со временъ Фридриха В., а литовцы и русскіе приняли бы ее съ охотою, ибо и тогда они отличались рвеніемъ къ образованію. Но этотъ вопросъ было предположено развѣ имѣть въ виду въ будущемъ...

Слѣдуя системѣ національностей, необходимо было бы устроить въ 60—70-хъ годахъ чисто-польскій университетъ; но опытъ виленскаго университета уже достаточно показалъ, что сосредоточеніе молодыхъ людей въ высшемъ польскомъ учебномъ заведеніи небезопасно для спокойствія края, и польскій университетъ въ Варшавѣ легко могъ бы сдѣлаться революціоннымъ гнѣздомъ. Поэтому университетъ не могъ быть открытъ втеченіе 30 л. послѣ перваго мятежа. Это препятствіе устранилось съ тѣхъ поръ, какъ постепенно было введено преподаваніе на русскомъ языкѣ во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ края.

Введенное преподаваніе на русскомъ языкѣ имѣло и то важное послѣдствіе, что доставило министерству н. пр. возможность назначать въ варшавскій университетъ русскихъ преподавателей.

Образованіе есть единственное моральное средство, которымъ можетъ располагать наше правительство въ Привислинскомъ краѣ.

Силъ общественныхъ, какъ въ Пруссіи, въ 70-хъ гг. мы еще неимѣли достаточно, чтобы устремить ихъ въ эту провинцію, потому русское владычество опиралось здѣсь большею частію на силы матеріальныя: администрацію и войско. Между сплошнымъ польскимъ населеніемъ почти вовсе не было ни русскихъ ремесленниковъ, ни русскихъ торговцевъ, ни русскихъ земледѣльцевъ (владѣтели майоратовъ не живутъ въ нихъ). Безъ сомнѣнія, одно образованіе, основанное на русскихъ началахъ, при постоянномъ преслѣдованіи одной и той же системы, можетъ вести къ сближенію этой окраины съ имперіею.

По этимъ соображеніямъ оправдывается вполне относительная многочисленность учебныхъ заведеній въ варшавскомъ округѣ: школа есть здѣсь единственно надежный каналъ, чрезъ который могутъ проходить русскія начала и русское влияніе. Разумно направленное образованіе можетъ болѣе всего содѣйствовать сближенію жителей Привислинскаго края съ населеніемъ имперіи, изгладить предубѣжденія и отрезвить умы.

Русское преподаваніе сдѣлалось съ теченіемъ времени общимъ для всѣхъ учебныхъ заведеній этого округа, начиная съ начальной школы и кончая университетомъ, и это совершилось постепенно, безъ всякаго принужденія и насилій.

Свыкаясь съ дѣтства съ нашимъ языкомъ, получая на немъ неизгладимыя впечатлѣнія первоначальнаго умственнаго развитія, дѣти, сдѣлавшись юношами и взрослыми, не стануть считать себя совершенно чуждыми Россіи, не будутъ смотрѣть на нее какъ на иностранную державу, о которой имъ ранѣе давали самыя искаженныя понятія изъ подчасъ невѣрныхъ иностранныхъ учебниковъ. И самая личность русскихъ учителей въ большей части случаевъ была способна привязывать къ себѣ ученика: они добрѣе и снисходительнѣе польскихъ учителей, употреблявшихъ еще недавно въ начальныхъ школахъ линейку и плетку.

Остается упомянуть о томъ, что польская эмиграція въ Парижѣ и искусственное возбужденіе польскаго элемента въ Галиціи австрійскимъ правительствомъ нерѣдко волновали молодые умы и мѣшали правильному развитію въ краѣ учебнаго дѣла.

ИЗЪ ИСТОРИИ СЛАВЯНСКАГО ОБЩЕНІЯ

(П. І ШАФАРИКЪ и О. М. БОДЯНСКІЙ) *

Въ концѣ тридцатыхъ годовъ между глубокими изслѣдователями славянской старины Шафарикомъ и Бодянскимъ завязалась тѣсная дружба, имѣвшая важное значеніе для развитія славяновѣдѣнія въ Россіи. Въ основу дружбы легли общіе научные интересы, а скрѣпой послужило сходство въ нравственныхъ убѣжденіяхъ. Шафарикъ и Бодянскій одинаково дорожили общими и мѣстными славянскими интересами, одинаково заботились о сохраненіи историческихъ преданій, о собираніи и популяризаціи лучшихъ произведеній народной словесности.

Въ концѣ тридцатыхъ годовъ, Павелъ Юсифъ Шафарикъ по лѣтамъ (род. въ 1795 г.) и научнымъ заслугамъ (издалъ въ 1837 г. «Славянскія древности») вполне уже могъ занять мѣсто главнаго руководителя въ славяноизученіи. Правда, его научная извѣстность въ это время не стояла еще на той высотѣ въ Россіи, какая позднѣе выпала на его долю, благодаря главнымъ

* Въ основу статьи легли: письма Бодянского къ Погодину въ I кн. «Чтеній» 1879 г.; письма Шафарика къ Погодину въ IV кн. «Чтеній» 1879 г. и примѣчанія Н. А. Попова къ этимъ письмамъ; письма Гавличка въ Славянск. Ежегодникъ Задерацкаго, 1877 г. Кромѣ того приняты во вниманіе: статья о Шафарикѣ въ «Ист. слав. литер.» Шыпина и Спасовича, статьи о Бодянскомъ Котляревскаго, Срезневскаго, Первольфа и Кочубинскаго («Дневникъ» Бодянского) и «Указатель» къ «Чтеніямъ» Бѣлокурова.

образомъ пропагандѣ его научныхъ заслугъ со стороны Бодянского. Но уже въ двадцатыхъ годахъ Шафарикъ былъ замѣченъ и оцѣненъ въ Россіи Кеппеномъ, немного позднѣе Погодинымъ; въ 1841 г. даже нѣмцы признали его высокія научныя заслуги и предлагали ему профессорскую кафедру въ берлинскомъ университетѣ.

Осипъ Максимовичъ Бодянскій въ концѣ тридцатыхъ годовъ былъ молодой, начинающій ученый (род. въ 1808 г.). Онъ только что сошелъ съ университетской скамьи и съ страстнымъ увлеченіемъ новичка углубился въ изученіе славянской народной поэзіи. Онъ шелъ тѣмъ же путемъ народоизученія, которымъ немного ранѣе его шелъ и Шафарикъ; жизнь и развитіе этихъ дѣятелей славяновѣдѣнія представляютъ много параллелей. Тотъ и другой происходили изъ духовнаго званія, первоначально прошли духовную школу, въ молодыхъ лѣтахъ полюбили родной языкъ и стали сторонниками движенія въ пользу духовнаго возрожденія мѣстныхъ славянскихъ литературъ. Первымъ трудомъ Шафарика въ этомъ направленіи былъ сборникъ стихотвореній «*Tatranská Musa*», 1814 г.; первымъ трудомъ Бодянского «Насѣки украински казки», 1835 г. Для того и другого университетъ оказался *exilium corporis, paradisu animae*. Въ 1837 г. Шафарикъ издалъ «Славянскія древности»; въ томъ же году Бодянскій защитилъ свою магистерскую диссертацию «О народной поэзіи славянскихъ племенъ». Молодой русскій ученый шелъ по стопамъ своего славнаго, старшаго современника, и нѣтъ ничего удивительнаго, что между ними установились въ высшей степени дружескія отношенія, когда благосклонная къ нимъ судьба свела ихъ для личнаго знакомства. Дружба Шафарика и Бодянского—прекрасный образчикъ славянскаго общенія. Въ этой дружбѣ есть много поучительнаго, и въ особенности поучительно то уваженіе къ наукѣ, къ личности и къ народности, на которомъ построена вся эта дружба.

Въ 1832 г. Шафарикъ оставилъ службу въ новосадской гимназіи и благодаря матеріальной поддержкѣ своихъ друзей, ревнителей чешскаго возрожденія—Юнгмана, Палацкаго и др. (кружка изъ 9 лицъ), поселился въ Прагѣ. По фигуральному выраженію Юнгмана, Шафарикъ «пересадилъ корень своей благотворной дѣятельности», и эта пересадка оказалась весьма важной въ научномъ отношеніи. Въ положеніи свободнаго уче-

цаго и литератора, Шафарикъ первые два года по приѣздѣ въ Прагу посвятилъ обработкѣ громаднхъ матеріаловъ для «Славянскихъ древностей». Сочиненіе это по выходѣ въ свѣтъ въ 1837 г. было сразу замѣчено и оцѣнено въ Германіи и въ славянскихъ странахъ. Въ непродолжительномъ времени послѣдовали переводы его на языки: нѣмецкій, русскій и польскій. «Что эта за книга, пойметъ всякій, кто съ нею познакомится хотя сколько нибудь, писалъ И. И. Срезневскій о «Славянскихъ древностяхъ» Шафарика. Ее можно сократить, перевести, передѣлать, но не замѣнить. Каждый фактъ повѣренъ въ ней по нѣскольку разъ; каждый выводъ требовалъ перебора и сравненій множества свидѣтельствъ. И всему этому множеству надобно было дать малый объемъ, все надобно было сжать, чтобы сколько можно болѣе облегчить средства печатанія. Поневоля книгу тяжело читать. Зато какъ утѣшительно перечитывать, какъ легко трудиться, имѣя ее подъ руками. Кто скажетъ, что въ ней нѣтъ ошибокъ или кое-гдѣ пристрастія къ принятому мнѣнію? Но что значать всѣ эти недостатки въ сравненіи съ ученостью, которая поражаетъ читателя на каждой страницѣ, — съ отчетливостью въ разборѣ даже мелочей, — съ богатствомъ новыхъ фактовъ, въ первый разъ употребляемыхъ тутъ въ дѣло, — со всеобъемлемостію взгляда, — умѣньемъ пользоваться всѣмъ, чѣмъ могла сочинителю помочь современная наука, — съ умѣньемъ побѣдить тысячу трудностей, сообразить несчетное множество извѣстій и распорядиться имъ». Въ книгѣ громадный ученый трудъ соединенъ былъ съ теплою сердечною любовью къ самому предмету изслѣдованія. Эта характеристическая черта въ сочиненіи Шафарика была позднѣе подмѣчена и вѣрно обрисована однимъ нѣмецкимъ ученымъ К. Ф. Нейманомъ, который въ 1867 году сказалъ о ней: «Какъ высоко стоятъ въ этомъ отношеніи «Славянскія древности» надъ всѣми сочиненіями въ нашей литературѣ, рассуждающими о подобныхъ предметахъ! У славянина любовь до такой степени торжествуетъ надъ обратившеюся въ прахъ древностью, что совершенно оживляетъ ее и облакаетъ въ органическую форму».

Знакомство Бодянского съ сочиненіями Шафарика началось еще до поѣздки его за границу, подъ вліяніемъ Погодина. Первые Погодинъ приступилъ къ ознакомленію русскаго общества съ Шафарикомъ. Въ 1837 г. подъ редакціей нашего историка

выходилъ Русскій Историческій Сборникъ, изданіе московскаго Общества исторіи и древностей, перешедшее въ 1845 г. въ «Чтенія». Въ I кн. Сборника Погодинъ перевелъ статью Шафарика о статуѣ Чернобога, а въ IV кн. того же Сборника находится сдѣланный Бодянскимъ переводъ другой статьи Шафарика: «Славянскія письмена въ нынѣшней Россіи». Погодинъ направилъ Бодянского не только къ сочиненіямъ Шафарика, но и къ самому автору въ Прагу, съ передачей ему кое-какихъ подарковъ изъ Россіи.

Перваго декабря 1837 года, въ 6 часовъ вечера, Бодянский прибылъ въ Прагу и остановился въ гостинницѣ «Австрійскаго Императора» на Порѣчѣ. Ни мало не медля, черезъ полчаса онъ уже на фіакрѣ разыскивалъ № дома, гдѣ жилъ Шафарикъ, по полученному адресу отъ Погодина. Адресъ оказался ошибочный: № не 16, а 646. Шафарикъ принялъ Бодянского, какъ стараго знакомаго. «Первыя слова его были тѣ, писалъ Бодянский Погодину, что онъ извинялся въ невозможности для него объясняться по-русски, хотя, какъ извѣстно—продолжаетъ Бодянский—онъ весьма хорошо разумѣетъ русскій языкъ; но я началъ говорить съ нимъ по-чешски, и такимъ образомъ это дѣло было улажено». Это замѣчаніе Бодянского нельзя понимать въ томъ смыслѣ, что Шафарикъ разумѣлъ русскій языкъ, но не хотѣлъ говорить на немъ. Онъ разумѣлъ книжный русскій языкъ; но не могъ свободно объясняться по-русски и не могъ писать на немъ. Всѣ его письма къ Погодину (145 №№) написаны по-нѣмецки. Въ 1836 г., на призывъ переселиться въ Россію, Шафарикъ писалъ Погодину: «Meine Muttersprache ist das Böh-mische; was ich hier und da *theoretisch* aus anderen Mundarten erlernt habe, reicht nicht hin, um in Moskau praktisch wirken zu können».

Первая встрѣча Бодянского съ Шафарикомъ прошла въ оживленной бесѣдѣ о Россіи, Москвѣ, Погодинѣ и путешествіи Бодянского. На другой день рано утромъ Шафарикъ побывалъ у Бодянского, и съ тѣхъ поръ не проходило дня, чтобы они не видѣлись. Чтобы быть поближе къ Шафаріку, по его совѣту Бодянский переѣхалъ въ гостинницу «Высокій Домъ» на Конскомъ торгу, какъ разъ противъ статуи св. Вацлава, а вскорѣ при содѣйствіи Шафарика подыскалъ поблизости подходящую квартиру. «Шафарикъ такъ добръ, такъ внимателенъ ко мнѣ,

писалъ Бодянской Погодину въ 1838 г., что, право, я часто внутренно краснѣю самъ за себя, видя, какъ онъ хлопочетъ и заботится о малѣйшей мелочи, относящейся ко мнѣ». Нужно замѣтить, что Шафарикъ былъ бѣднякъ. Онъ могъ помогать Бодянскому своими знаніями, доброжелательствомъ, трудомъ, и самъ часто нуждался въ матеріальной помощи со стороны своихъ друзей. М. П. Погодинъ въ 1835 году такъ описываетъ домашнюю обстановку чешскаго ученаго: «Тѣсная рабочая комната установлена полками съ книгами; посрединѣ столъ, покрытый бумагами; подлѣ двѣ еще меньшія комнатки для семейства, которое составляютъ жена—словенка, родомъ изъ Венгріи, теща и четверо дѣтей». Т. Н. Грановскій, посѣтившій Шафарика въ Прагѣ въ 1838 году, писалъ: «Я не знаю, чему болѣе удивляться въ Шафарикѣ, его великой учености или его великому характеру. Онъ не просто бѣдный человѣкъ, а буквально не знаетъ сегодня, что завтра будетъ ѣсть. Мы удивляемся самоотверженію, съ какимъ нѣмцы отдаются наукѣ, но у Шафарика это еще удивительнѣе, потому что его, кромѣ бѣдности, даютъ тысячи другихъ обстоятельствъ, которыхъ въ Германіи нѣтъ. И при всемъ томъ онъ спокоенъ и твердъ». Подъ «тысячами обстоятельствъ» нужно разумѣть главнымъ образомъ полицейско-политическое преслѣдованіе всякаго національнаго и общественнаго развитія въ чешскихъ земляхъ, особенно сильное въ 50-хъ годахъ во времена Баха, когда за Шафарикомъ учреждено было строгое шпіонство.

Шафарикъ помогалъ молодому русскому ученому чѣмъ могъ и какъ могъ, помогалъ драгоцѣннѣйшимъ своимъ достояніемъ—обширной научной начитанностью. Изъ писемъ Бодянскаго въ Погодину узнаемъ, что въ 1838 году они вмѣстѣ работали надъ составленіемъ географическихъ картъ, перечитывали бѣлорусскія пѣсни, составили реестръ славянскихъ книгъ для московскаго университета, читали древнія сербскія и болгарскія сочиненія. Подъ руководствомъ Шафарика Бодянской отлично усвоилъ чешскій и словацкій языки и свободно говорилъ на первомъ. «Шафарикъ для меня—цѣлая академія, писалъ Бодянской Погодину 20 февраля 1838 года; ему я болѣе всѣхъ обязанъ, и сомнѣваюсь, чтобы ктонибудь могъ мнѣ такъ пригодиться, какъ онъ. Конечно, есть здѣсь и другіе умные, ученые и заслуженные чехи; но они большею частью занимаются одной какойнибудь отраслью;

напротивъ, Шафарикъ равно силенъ и какъ дома во всѣхъ частяхъ славянщины: эта цѣлая библіотека, живая энциклопедія всѣхъ свѣдѣній о славянахъ. Это каждый день имѣю я случай замѣчать, и когда подумаю—чего это стоило ему при такихъ крутыхъ обстоятельствахъ, недостаткахъ и препятствіяхъ, невольно изумляюсь. Такой дѣятельности, неутомимости, твердости и любви къ своему предмету, такого терпѣнія я еще нигдѣ не встрѣчалъ. Страдая ужаснѣйшимъ ревматизмомъ, гибельно дѣйствовавшимъ на него въ нынѣшнюю (1838 г.) необыкновенно холодную въ здѣшнихъ краяхъ зиму, онъ ни на часъ не покидалъ пера, и только за письменнымъ столомъ забывалъ свои тѣлесныя мученія. Прибавьте къ этому почти всегда хворыхъ жену, тещу и двухъ сыновей,—его недостатокъ въ нужнѣйшихъ житейскихъ потребностяхъ и несмотря на все это постоянную, неизмѣнную, сердечную готовность служить каждому, чѣмъ только можетъ, ни на волосъ гордости, спѣси или себялюбія, и всякій изъ насъ поневолѣ станеть удивляться этому мужу».

Въ Шафарикѣ привлекала Бодянскаго еще одна черта—его безконечная преданность родному языку. Въ письмѣ къ Погодину 24 апрѣля 1841 года Бодянскій по поводу отказа Шафарика отъ каеэдры славянскихъ нарѣчій въ Берлинскомъ ун-ѣ писалъ: «Вотъ уже въ третій разъ онъ отклоняеть отъ себя самыя блистательныя и цѣлительныя для него предложенія, а все изъ чистаго и безпримѣрнаго народолубія, соглашается скорѣе терпѣть возможнаго роду лишенія и недостатка, чѣмъ оставить свою родину и выѣхать, хотя бы то было даже и къ своимъ соплеменникамъ, гдѣ разумѣется долженъ былъ бы отказаться отъ своего языка, объясняться на языкѣ другомъ, что въ глазахъ его и въ глазахъ каждаго умнаго, разсудительнаго патриота составляетъ преступленіе, входящее въ одинъ разрядъ съ отцеубійствомъ».

Эта черта въ нравственныхъ убѣжденіяхъ Шафарика бросалась въ глаза и была замѣчена между прочимъ Погодинымъ, мало расположеннымъ къ ея воспріятію и надлежащей оцѣнкѣ. Вообще, Шафарикъ на всѣхъ русскихъ ученыхъ, встрѣчавшихся съ нимъ, производилъ чарующее впечатлѣніе своей просвѣщенной и гуманной личностью, своей преданностью родному языку, необыкновенною заботливостью о своей семьѣ и своемъ народѣ. Погодинъ,

познакомившійся съ Шафарикомъ незадолго до поѣздки за границу Бодянскаго, такъ описывалъ свои разговоры съ нимъ во время уединенныхъ прогулокъ: «Сохранить языкъ въ устахъ народа—вотъ наше предназначеніе и—больше ничего. Ни о чемъ другомъ мы не должны заботиться. Это не наше дѣло. Да будетъ угодно Богу»,—сказалъ Шафарикъ, и началъ развивать передо мною исторію судебъ славянскихъ, прошедшихъ и настоящихъ; рѣчь его текла спокойной, величественной струей. Сознаніе достоинствъ своего народа, горячая любовь къ нему, убѣжденіе въ великомъ предназначеніи, какое-то священное терпѣніе, не позволяющее ни жалобы, ни ропота, вѣра въ Провидѣніе,—вотъ чѣмъ было проникнуто всякое его слово. Я увидѣлъ ясно различіе между пылкимъ, стремительнымъ юношей, который думаетъ только о завтрашнемъ днѣ, и опытнымъ мужемъ, считающимъ вѣками; я увидѣлъ ясное различіе между постояннымъ убѣжденіемъ, зрѣлымъ плодомъ долговременнаго размышленія, и мгновеннымъ порывомъ; я понялъ, что значитъ зависѣть отъ минуты и господствовать надъ временемъ. Какая высокая рѣчь! Ни одного имени, ни одного лица не упомянулъ Шафарикъ: только племена, народы занимали его».

Бодянскій преисполненъ былъ чувствомъ благодарности и всячески изыскивалъ способы для ея реализаціи. Заботливостью о Шафарикѣ проникнуты почти всѣ письма Бодянскаго къ Погодину отъ 1838 по 1841 г. «Здоровье его незавидное, а обстоятельства и подавно. Жена и теща почти постоянно больны. Нуждается чрезвычайно во всемъ», писалъ Бодянскій въ началѣ 1838 г., и почти черезъ три года, въ 1841 г., не получая долго писемъ отъ Шафарика, Бодянскій писалъ Погодину: «Богъ его знаетъ—что-то замолчалъ! ужъ не боленъ ли? Сохрани его Спаситель, Царь небесный!» Это характерное религиозное восклицаніе показываетъ, какъ Бодянскій дорожилъ Шафарикомъ, какъ любилъ его. Попытки Бодянскаго улучшить положеніе Шафарика пробиваются во многихъ мѣстахъ его писемъ къ Погодину. Бодянскій заботился объ оказаніи Шафарикѣ медицинской помощи, о снабженіи его русскими книгами, о денежной поддержкѣ, причемъ, не ограничиваясь приглашеніемъ своихъ московскихъ знакомыхъ къ денежнымъ жертвамъ, пробовалъ привлечь къ этому дѣлу и правительство. Заботливость о здоровьѣ Шафарика ярко выразилась въ поѣздкѣ Бодянскаго съ Шафарикомъ въ Теплицы.

«Я хотѣлъ бы въ этомъ случаѣ пригодиться ему, т. е. взять его на свой счетъ. Это хоть не такъ много будетъ для меня стоить, зато для него больше чѣмъ много. По крайней мѣрѣ на первый разъ я хоть этимъ немногимъ поблагодарилъ бы его за тѣ услуги, которыя онъ оказалъ, оказываетъ и готовъ оказывать мнѣ въ моихъ занятіяхъ». Шафарикъ сначала отказывался отъ этой любезности Бодянскаго; но потомъ поѣхалъ съ нимъ въ Карлсбадъ и Теплицы. Минеральныя воды произвели совершенно различное дѣйствіе на Бодянскаго и Шафарика: первый окрѣпъ и поправился отъ своего ревматизма, а послѣдній еще болѣе разболѣлся, прекратилъ вскорѣ питье и купанье и возвратился домой. Книжное пособіе выразилось въ томъ, что Бодянской выписывалъ изъ Россіи для Шафарика и его жены сочиненія Гоголя и Марлинскаго, дѣлалъ выписки изъ бѣлорусскихъ пѣсень и проч. Многократно Бодянской хлопоталъ о сборѣ въ Россіи денежныхъ пожертвованій въ пользу Шафарика и затѣмъ склонялъ Шафарика принять ихъ. «Что бы еще эта свѣтлая, строгая, ученая голова сдѣлала при немного лучшихъ житейскихъ условіяхъ!»... пишетъ Бодянской Погодину и прибавляетъ, что нѣсколько разъ предлагалъ ему кой-что изъ червонцевъ отъ имени Погодина, но не могъ склонить его на то, чтобы онъ взялъ ихъ. Немного позднѣе Бодянской писалъ Погодину, что ссудилъ Шафарика въ займы 12 червонцевъ. «Шафарикъ чрезвычайно благодаренъ вамъ за вексель, писалъ далѣе Бодянской Погодину; безъ его я не знаю, что бы онъ дѣлалъ въ своемъ теперешнемъ слишкомъ критическомъ положеніи». Однажды Бодянской, отдавъ всѣ свои наличныя деньги въ займы Шафарика, самъ долженъ былъ призанять у Юнгмана. Денежныя субсидіи Шафарика изъ Россіи навлекли однажды на Шафарика большую непріятность. Погодинъ какъ-то разболталъ о нихъ въ печати, въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Книжка дошла до Шафарика и страшно его смутила. Онъ писалъ и Погодину и Бодянскому, отказывался впредь отъ всякихъ пособій. Бодянской вынужденъ былъ оправдывать Погодина, увѣрять Шафарика, что Погодинъ огорчилъ его по неосторожности, торопливости, невѣдѣнію обстоятельствъ. Бодянской въ своемъ донесеніи министру нар. проsv., отъ 23 марта 1838 г. говоритъ: «Въ теперешнихъ моихъ занятіяхъ я болѣе всего обязанъ моею благодарностью г. Шафарика, первому современному славянскому филологу и знатоку во всемъ,

что только относится къ познанію славянъ, съ рѣдкимъ радушіемъ и готовностью предложившему мнѣ свои безмездныя услуги. Считаю для себя священнымъ долгомъ свидѣтельствовать объ этомъ предъ особой вашего высокопревосходительства. Въ немъ нашель я больше, нежели надѣялся, нежели вообразалъ себѣ. Онъ былъ для меня живою славянскою энциклопедіею». Цѣль этого донесенія самъ Бодянский разъяснилъ въ письмѣ къ Погодину. «О вознагражденіи Шафарика за его занятія со мной я уже намекнулъ въ первыхъ отчетахъ министру, попечителю и совѣту; на первый разъ мнѣ нельзя было писать болѣе; но во второмъ отчетѣ, переговоривъ съ вами (т. е. Погодинымъ), я распространюсь болѣе и откровеннѣе. Тогда именно это будетъ кстати, а напередъ нехудо немножко предувѣдомить о томъ имѣющихъ власть рѣшити и вязати». Вознагражденіе разумѣется денежное. Титулы и ордена для Шафарика не имѣли значенія. Еще въ 1835 г. Шафарикъ писалъ Погодину: «Mit Ehren und Titeln, Orden und Diplomen möge man mich ja stets verschonen: diese kindischen Possen überlasse ich gern meinem Freunde Hanka, dessen Herz mit lächerlicher Freude daran hängt und darnach lechzt... von persönlicher Ehr- und Ruhmsucht bin ich Gottlob so ziemlich frei... Sendungen von russischen Büchern, behufs meiner Studien und Arbeiten, die ich hier zu kaufen nicht im Stande bin, werden mir stets sehr willkommen sein»...

Бодянский, можно сказать, ввелъ Шафарика въ Россію. Онъ перевелъ большую часть лучшихъ его историческихъ сочиненій. Послѣ перевода статьи о статуѣ Чернобога, Бодянский принялся за переводъ самаго крупнаго сочиненія Шафарика «Древностей». Въ 1838 г. часть перевода была уже напечатана въ Москвѣ Погодинымъ, но плохо, и черезъ 10 лѣтъ (въ 1848 г.) Бодянский издалъ полный переводъ «Славянскихъ древностей» Шафарика. Въ «Чтеніяхъ моск. общ. ист. и древ.» Бодянский помѣстилъ въ переводѣ слѣдующія статьи Шафарика: «О Сварогѣ» (1845 — 1846. I, 30 — 34), «Объ имени и положеніи Винеты» (1846 — 1847. VII, 1—20), «Расцвѣтъ славянской письменности въ Болгаріи» (1847—1848. VII, 37—59), «О происхожденіи и родинѣ глаголитизма» (1860. IV, 1—66), «Образованіе словъ удвоеніемъ корня» (1863. I, 1—113), «О кирилловскихъ типографіяхъ въ югославянскихъ земляхъ въ XV, XVI и XVII в.» (1845—1846. III, 17—27). Кромѣ того, Бодянский въ «Москви-

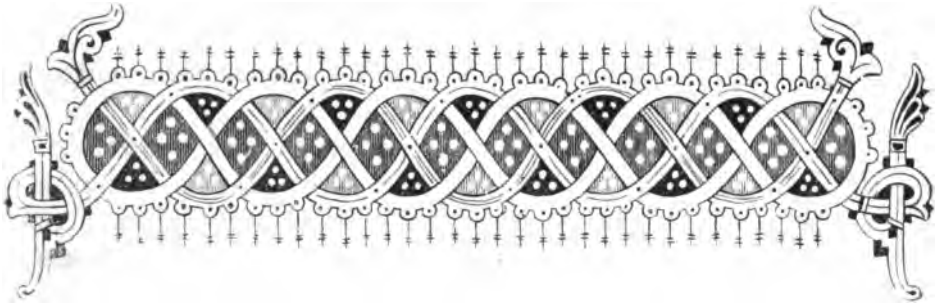
тянинъ» 1843 г. напечаталъ переводъ «Славянскаго народописанія» Шафарика (были и оттиски).

На лекціяхъ въ московскомъ университетѣ Бодянскій слѣдовалъ Шафарикау. Въ письмѣ извѣстнаго чешскаго писателя Гавличка изъ Москвы, отъ 3 мая 1843 г., находятся слѣдующія любопытныя строки: «Бодянскій преподаетъ въ нынѣшнемъ году «Славянскія Древности» и «Народописаніе» по Шафарикау, и чешскій языкъ. Итакъ Москва была первымъ городомъ въ мірѣ, гдѣ «Славянская карта» ех officio висѣла на доскѣ и гдѣ ех officio студенты учились по трудамъ Шафарика. Неисповѣдимы судьбы Божіи! Шафарика въ Москвѣ знаютъ лучше, чѣмъ въ Прагѣ; онъ самъ конечно и не думалъ о томъ, что его книга, едва извѣстная въ Прагѣ, за 250 миль отъ Праги сдѣлается учебникомъ. На экзаменѣ каждый студентъ долженъ отвѣчать на одинъ вопросъ изъ «Древностей», на одинъ изъ «Народописанія», и кромѣ того читать, переводить и дѣлать грамматическія объясненія странички какой-нибудь чешской книги. Сегодня 3 мая я былъ приглашенъ Бодянскимъ на экзаменъ. Это было для меня такимъ наслажденіемъ, какого я давно не испытывалъ (далѣе слѣдуетъ описаніе университета и экзаменаціонной обстановки)... Студенты словно колбасу крошили Шафариковскія «Древности» и «Народописаніе». Бодянскій безпрестанно повторялъ: «Прекрасно!» «Превосходно!»..

Руководящимъ началомъ дѣятельности Шафарика была мысль, высказанная имъ еще въ 1821 г. въ письмѣ къ Палацкому: «Мнѣ рѣшительно все равно быть нижнимъ или верхнимъ камнемъ въ томъ зданіи, которое народъ мой ставитъ на память о себѣ; лишь бы оно строилось и было достроено». Эта мысль дала окраску всѣмъ его отношеніямъ къ русскимъ ученымъ. Погосдинъ называлъ свою дружбу съ Шафарикомъ «радостью жизни». Для Бодянскаго дружба съ Шафарикомъ имѣла такое же значеніе «радости жизни». Въ этой «радости» любовь къ наукѣ, къ народному языку и народной поэзіи занимала первостепенное мѣсто.

Н. Сумцовъ.

Чехъ о славянскомъ вопросѣ *

В прошломъ году въ Прагѣ явилась на чешскомъ языкѣ весьма любопытная книга о славянскомъ вопросѣ, вызвавшая не мало толковъ въ западно-славянской печати и почти совсѣмъ не замѣченная нашею журнальной литературой. Книга эта во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ вниманія. Она затрогиваетъ вѣчно-юный, животрепещущій вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ народовъ и содержитъ въ себѣ такія разъясненія по этому вопросу, которыя представляютъ драгоцѣнный матеріалъ для характеристики новаго, нарождающагося среди чеховъ и другихъ славянъ политическаго движенія. вмѣстѣ съ тѣмъ разъясненія эти весьма поучительны для многихъ нашихъ журналистовъ и публицистовъ, которые все еще не перестаютъ глумиться надъ славянофильствомъ и такъ называемой славянской идеей и нерѣдко бросаютъ нашимъ славянистамъ упрекъ въ навязываніи западнымъ славянамъ взглядовъ, стремленій и программъ, какимъ послѣдніе въ своихъ лучшихъ представителяхъ и не хотятъ, да и не могутъ сочувствовать. Объ общемъ характерѣ и направленіи данной книги, имѣющей весьма скромное и неопредѣленное названіе «Русско-чешскихъ главъ», даетъ понятіе постигая ее печальная участь: на другой же день послѣ появленія въ свѣтъ она была конфискована, запрещена въ предѣлахъ Австріи и лишь въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ проникла за-границу. Очевидно, авторъ

* Ruskočeské Kapitoly. Napsal Josef Holeček. V Praze. 1891.

книги заговорилъ о славянствѣ и славянскихъ дѣлахъ какъ настоящій славянинъ, съ такой точки зрѣнія, которая не могла понравиться нѣмецкимъ опекунамъ славянскихъ народовъ Габсбургской монархіи.

Авторъ книги, г. Иосифъ Голечекъ, пользуется достаточною извѣстностью въ славянской литературѣ. Въ качествѣ опытнаго чешскаго публициста онъ обладаетъ хорошими свѣдѣніями о положеніи славянскихъ народовъ Австро-Венгріи. Сверхъ того онъ не мало путешествовалъ по южно-славянскимъ землямъ и особенно хорошо изучилъ Черногорію. Ему принадлежитъ прекрасная книга объ этой странѣ. Въ 1887 г. онъ совершилъ любопытное путешествіе въ Россію, которымъ воспользовался, чтобы провѣрить и пополнить личными наблюденіями свѣдѣнія, раньше приобрѣтенныя изъ книгъ. Наконецъ г. Голечекъ уже много лѣтъ состоитъ постояннымъ сотрудникомъ лучшей и самой распространенной чешской газеты «*Národní Lístý*», въ которой ведетъ русскій и южно-славянскій отдѣлы. Все это указываетъ, что новая книга, вышедшая изъ подъ пера чешскаго публициста, имѣетъ полное право на вниманіе всѣхъ интересующихся славянскимъ вопросомъ. Это не какой-либо памфлетъ, написанный на скорую руку, на основаніи теоретическихъ соображеній, а продуманный трудъ публициста, давно занимающагося славянскими дѣлами и имѣвшаго возможность изучать ихъ непосредственно на мѣстѣ. Трудъ этотъ тѣмъ болѣе важенъ, что представляетъ собою отголосокъ новыхъ взглядовъ на междуславянскія отношенія, все болѣе распространяющихся въ передовыхъ кружкахъ западно-славянской интеллигенціи.

Книга состоитъ изъ трехъ отдѣловъ. Въ первомъ, приведены общія замѣчанія о недостаткѣ взаимнаго знакомства славянъ между собой, въ частности русскихъ и чеховъ. «Мы, славяне, говоритъ авторъ, всѣ безъ исключенія повинны въ одномъ тяжкомъ грѣхѣ: за послѣднія десятилѣтія мы почти не заботились о томъ, чтобы ближе познакомиться другъ съ другомъ, научиться смотрѣть другъ на друга собственными глазами, имѣть другъ о другѣ свои, самостоятельныя сужденія, а не взятая изчужа. Нелѣпые рассказы и предрасудки о Россіи и русскомъ народѣ, распространенные на Западѣ, находятъ доступъ и къ чехамъ. Чехъ любить русскаго; съ этою любовью онъ и родился, но не имѣя случая и возможности познакомиться

съ братомъ русомъ непосредственно, онъ привыкаетъ думать, что рассказываемые о немъ ужасы и нелѣпости хоть на половину должны быть вѣрны». Равнымъ образомъ и на Руси слишкомъ мало-де знаютъ западныхъ славянъ вообще и чеховъ въ частности. Эту мысль авторъ иллюстрируетъ разными примѣрами, при чемъ старается разяснить своимъ землякамъ, что русскій народъ совсѣмъ не таковъ, какимъ изображаютъ его нѣмецкіе сатирическіе листки, и въ свою очередь принимаетъ подъ свою защиту чеховъ отъ преувеличенныхъ и неточныхъ характеристикъ, какія пришлось ему слышать во время путешествія по Россіи.

Нельзя не признать, что всѣ эти замѣчанія г. Голечка вполне справедливы. Едвали можетъ быть какое-либо сомнѣніе относительно того, что западные славяне еще очень мало знаютъ Россію и нерѣдко составляютъ свои понятія о русскомъ народѣ, о государственномъ, общественномъ и экономическомъ строѣ Россіи, о русской культурѣ и проч. со словъ иностранной, преимущественно нѣмецкой печати, притомъ на основаніи не серьезныхъ большихъ сочиненій, а ходячихъ газетныхъ лисковъ. Замѣчаемое въ послѣднее время въ разныхъ сѣверо-и-юго-западныхъ славянскихъ земляхъ стремленіе къ изученію русскаго языка, спросъ на русскія книги, интересъ къ русской періодической печати, болѣе частыя путешествія западныхъ славянъ въ Россію съ цѣлями научными, торговыми—все это, правда, представляетъ весьма отрадное явленіе, свидѣтельствующее о томъ, что старый славянскій «грѣхъ» и опознанъ и принимаются мѣры для излѣченія его; но, какъ извѣстно, до сколько-нибудь полного и яснаго пониманія Россіи нашимъ братьямъ еще очень далеко. Для достиженія этой цѣли вся главная работа съ ихъ и нашей стороны еще впереди. Еще болѣе справедливо, что и въ Россіи очень мало знаютъ славянъ. Невѣжество нашего т. н. образованнаго общества по части славянства слишкомъ хорошо извѣстно, чтобы нужно было о немъ распространяться. Среди нашей интеллигенціи не составляютъ рѣдкаго исключенія люди, получившіе прекрасное образованіе, кончившіе университетъ или другія высшія школы, побывавшіе за-границей, занимающіе высшія должности и однако не имѣющіе самыхъ элементарныхъ свѣдѣній по географіи и исторіи славянъ, не умѣющіе сосчитать и переименовать представителей славянской

семьи народовъ, смѣшивающіе одни славянскіе народы съ другими. Для распространенія славяновѣдѣнія на Руси, правда кое-что дѣлается, но всетаки очень мало. Мы все еще очень не богаты людьми, подготовленными для занятій славянствомъ и для пропаганды свѣдѣній о славянахъ. Славяновѣдѣніе у насъ все еще не входитъ въ учебные планы и программы средней школы. Книгъ по славяновѣдѣнію выходитъ очень мало. Газеты и журналы пробавляются, за немногими исключеніями, случайными свѣдѣніями о славянствѣ и даже большія столичныя газеты не имѣютъ постоянныхъ корреспондентовъ изъ важнѣйшихъ центровъ славянскихъ земель. Проекты научныхъ экспедицій въ славянскія земли и планы большихъ издательскихъ предпріятій по славяновѣдѣнію у насъ также не осуществляются главнѣйше по недостатку денегъ и отсутствію людей, которые могли бы оказать поддержку такому важному дѣлу. Впрочемъ, по отношенію къ чехамъ отвѣтственность за наше невѣжество отчасти падаетъ на ихъ земляковъ, живущихъ въ Россіи. Число послѣднихъ, какъ извѣстно, весьма значительно. Тѣ изъ нихъ, что занимаютъ должности профессоровъ, учителей, техниковъ или ведутъ обширныя коммерческія и промышленныя предпріятія, конечно могли бы что-нибудь сдѣлать для пропаганды свѣдѣній о Чехіи и чешскомъ народѣ, въ пріютившей ихъ родственной странѣ. Къ сожалѣнію, здѣсь мы встрѣчаемся—за немногими отрадными исключеніями—съ тою же пассивностью, вслѣдствіе которой русскіе чехи ничего не дѣлаютъ и для ознакомленія своей родины съ хорошо извѣстной имъ Россіей.

Второй отдѣлъ книги, озаглавленный: «Россія и Европа», представляетъ сжатое изложеніе содержанія извѣстнаго сочиненія (подъ тѣмъ же заглавіемъ) Н. Я. Данилевскаго. Г. Голечекъ относится къ этому сочиненію и вообще къ ученію славянофиловъ съ глубокимъ уваженіемъ и искренними симпатіями. Въ развитіи народно-славянской идеи въ Чехіи онъ видитъ большой недостатокъ въ томъ, что чешское общество не успѣло во время и послѣдовательно познакомиться съ ученіемъ русскихъ славянофиловъ, разъяснившихъ различіе между славянскимъ православнымъ Востокомъ и латинской западной Европой. За послѣднее время у чеховъ явилась потребность узнать ближе это ученіе. Еще недавно проф. Массарикъ, также посѣтившій Россію, написалъ весьма любопытный эпизодъ о Кирѣевскомъ (Ateneum,

1890 и отд.). Теперь г. Голечекъ задается цѣлью познакомить своихъ земляковъ съ воззрѣніями Н. Я. Данилевскаго. Свой взглядъ на знаменитый трудъ великаго русскаго мыслителя, натуралиста и историка онъ выражаетъ въ слѣдующихъ словахъ: «Въ сочиненіи «Россія и Европа» дано всестороннее, глубокое, вѣрное изложеніе взглядовъ русскаго человѣка на культурныя и политическія отношенія славянскаго міра къ романогерманскому; въ основаніи его лежитъ глубокое русско-славянское сознаніе, обстоятельное знаніе исторіи и вѣрное пониманіе современныхъ политическихъ отношеній. Книга Данилевскаго стала на Руси народнымъ евангеліемъ въ самомъ широкомъ значеніи этого слова; поэтому знакомство съ ней обязательно для всякаго, кто хочетъ говорить о русскихъ, ихъ стремленіяхъ, политикѣ, отношеніяхъ къ европейскому Западу и остальному славянству. Но книга эта не есть политическое сочиненіе, написанное съ цѣлью извѣстной агитаціи. Появленіе ея на свѣтъ было довольно трудное; русское общество обратилось къ ней добровольно и постепенно. Данилевскій самъ ничего не выдумываетъ, не фантазируетъ, но передаетъ въ стройномъ цѣломъ то, что думаетъ и чувствуетъ каждый (истинно) русскій человѣкъ, что онъ продумалъ и прочувствовалъ за тысячу лѣтъ, что таитъ онъ въ глубинѣ своего духа, хотя быть можетъ и безсознательно. На такомъ-то матеріалѣ онъ воздвигъ свое прочное и величественное зданіе. Поговорите съ любымъ русскимъ, у каждаго встрѣтите со славянофильскими взглядами. Найдете ихъ и у человѣка неученаго. И это великая заслуга славянофильскихъ писателей, что они поняли духъ и характеръ своего народа и изъ его глубины почерпнули свое ученіе. Заслуга же Данилевскаго состоитъ въ томъ, что ученіе славянофиловъ у него вылилось въ самую чистую, совершенную форму».

Тутъ же авторъ касается вопроса о высококомѣрномъ взглядѣ западныхъ, католическихъ славянъ на культуру восточнаго славянства, сложившемся опять подъ вліяніемъ міра романо-германскаго, и понятно осуждаетъ это неумѣстное высококомѣріе. «Славяне нерусскіе, особенно католики, говоритъ г. Голечекъ, вращаясь въ кругу западной культуры, воспитанные въ предубѣжденіяхъ Запада и слѣпой вѣрѣ въ вѣчность его цивилизаціи, до сихъ поръ живутъ въ большомъ недоразумѣніи съ русскими и вообще православными славянами. Славяне католическіе во-

ображаютъ, что имъ предназначена великая культурная миссія у православныхъ соплеменниковъ. По ихъ мнѣнію, Россія представляетъ огромную физическую силу, но сила эта еще не облагоорожена: они-де могутъ дать Россіи образованность, а Россія имъ—свою физическую силу, и посредствомъ такой взаимности славянское племя успѣетъ-де достигнуть славнаго и передового значенія въ человѣчествѣ. Католическіе славяне просто-душно вѣрятъ, что духовное преимущество на ихъ сторонѣ, что русскіе всему должны учиться у нихъ, а имъ у русскихъ нечему». Широкое распространеніе такихъ взглядовъ среди западныхъ славянъ, по справедливому замѣчанію г. Голечека, вызвало на много лѣтъ заминку въ успѣшномъ развитіи славянскаго дѣла. Искорененію столь недѣльныхъ воззрѣній на взаимныя отношенія славянъ западныхъ и восточныхъ, по мнѣнію нашего автора, прекрасно можетъ содѣйствовать болѣе близкое знакомство съ книгой Н. Я. Данилевскаго. Представивъ сжатое, но ясное изложеніе основныхъ положеній, развитыхъ въ этой книгѣ, и выразивъ полное согласіе съ ними, онъ еще разъ высказываетъ горькое сожалѣніе, что чешское общество не ознакомилось съ ней уже въ первомъ изданіи.

Третій отдѣлъ, самый большой (75—289) и наиболѣе любопытный, озаглавленъ «Россія и славянство». Здѣсь авторъ ставитъ передъ собой задачу—выяснить отношенія Россіи къ меньшимъ славянскимъ народамъ, какъ они представляются въ настоящее время и какъ слѣдовало бы ихъ уладить въ будущемъ, чтобы обезпечить благополучіе всему славянству. Свои мысли по этому вопросу г. Голечекъ излагаетъ въ пяти главахъ, изъ которыхъ каждая представляетъ свое самостоятельное цѣлое. Въ мысляхъ этихъ оказывается не малое сходство съ тѣмъ, что уже не разъ было высказано и развито лучшими представителями русскаго славянофильства, которыхъ нерѣдко и цитуетъ авторъ; но изложены онѣ съ неподдѣльно-искреннимъ и глубокимъ убѣжденіемъ и выражены въ весьма характерной формѣ.

Авторъ отправляется отъ вопроса о чешскомъ государственномъ правѣ или точнѣе—отъ идеи историческаго права короны св. Вячеслава. Какъ извѣстно, вожди чешскаго народа ведутъ борьбу именно за эту идею. Она лежитъ въ основѣ программы всѣхъ безъ исключенія чешскихъ партій. Нѣтъ чеха, который бы не мечталъ о возстановленіи стараго національнаго государства.

Г. Голечекъ не отрицаетъ важности этой идеи, но сопоставляетъ съ ней другую—идею славянскую, о которой къ сожалѣнію забываютъ нѣкоторые близорукіе чешскіе политики. Эта послѣдняя имѣла важное значеніе въ прошлой исторіи народа и будущее его зависитъ отъ развитія и осуществленія именно этой идеи. Своимъ возрожденіемъ въ нынѣшнемъ столѣтіи чешскій народъ обязанъ славянской идеѣ. «Благотворное вліяніе ея на народъ, говоритъ авторъ, сказалось раньше, нежели вліяніе идеи историческаго права короны св. Вячеслава, опредѣлившейся только благодаря Палацеому. Государственно-правовая идея возникла у насъ только на почвѣ, которую приготовила идея славянская, правда смутная и неясная, но широкая и величественная. Славянская идея оживила въ нашемъ народѣ угаснувшее чувство народности, и великіе будители этого чувства, впадая въ сомнѣнія относительно будущности маленькаго, незначительнаго чешскаго народа, утѣшали и ободряли себя мечтой, что родной ихъ народъ сливается въ одно съ обширнымъ, необъятнымъ славянствомъ. Славянская идея глубоко коренится въ душѣ каждаго чеха, хотя онъ и не имѣетъ о ней яснаго представленія. Чешскій народъ, чешскій поселянинъ, со времени битвы у Липанъ не принимавшій активнаго участія въ судьбахъ своего отечества, предоставленный самому себѣ, не видя ни откуда помощи, уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія, съ первыхъ моментовъ своего возрожденія, создалъ пророчество о томъ, что чешскому народу только тогда станетъ хорошо, когда казацкій конь напьется воды изъ Велтовы (*Že českému národu teprve potom bude dobře, až Kozácký kůň náříje se vody z Vltavy*), но при этомъ чехъ не имѣетъ опредѣленнаго представленія о томъ, какимъ образомъ онъ можетъ получить такое благополучіе. Патриоты чешскіе, вышедшіе изъ народа, также понимали славянскую идею мистически, неясно, какъ и самъ народъ. Они гордились ею, приходили отъ нея въ восторгъ и, распространяя этотъ восторгъ среди другихъ, проповѣдывали необходимость любить и изучать славянство, предписывали ближе знакомиться со славянскими братьями, усваивать ихъ языки, но опредѣленной программы, какъ осуществить это сближеніе со славянствомъ, не выработали. Такъ случилось, что славянская идея оставалась у насъ, какъ и у другихъ меньшихъ вѣтвей славянскихъ, всегда только идеей, никогда не

приближающейся къ своему осуществленію. Отсюда должна была наступить пора скептицизма, когда каждый, желавшій называться «практическимъ политикомъ», сталъ смотрѣть на славянскую идею какъ на нѣчто несостоятельное и безсодержательное, хотя публично никто отъ нея не отрекался, не смѣя затрогивать одно изъ дорогихъ чувствъ народа. Правда, вождь старочеховъ Ригеръ въ 1890 г., на юбилейномъ съѣздѣ центральной школьной матицы, открыто высказалъ мысль, что роль чеховъ въ славянствѣ заключается въ распространеніи на славянскомъ Востокѣ нѣмецкой культуры. Но подобные взгляды, по словамъ г. Голечка, не находятъ сочувствія въ народѣ, въ средѣ котораго ростъ національнаго самосознанія сопровождается укрѣпленіемъ славянскаго чувства. Печальныя для народа послѣдствія политики главы старочеховъ свидѣтельствуютъ, что отреченіе отъ славянской идеи приводитъ къ униженію государственно-правовой программы. Отсюда слѣдуетъ, что безнаказанно нельзя отрывать чеховъ отъ славянства. Идея обособленія чеховъ знаменуетъ упадокъ національнаго чувства и включаетъ въ себѣ начало гибели народа. Вопросъ чешскій тѣсно связанъ съ вопросомъ славянскимъ и не можетъ быть рѣшенъ самъ по себѣ, помимо остальнаго славянства. Рѣшеніе чешскаго вопроса предполагаетъ установленіе нормальныхъ отношеній чешскаго народа не только къ коронѣ, къ имперіи, къ нѣмцамъ Австріи, но и ко всѣмъ славянскимъ народамъ». Во всѣхъ этихъ сужденіяхъ не трудно узнать мысли близко сходныя съ тѣми, какія были высказаны нѣсколько лѣтъ назадъ (въ «Изв. Слав. Общ.») въ замѣчательныхъ статьяхъ проф. В. И. Ламанскаго, вызвавшихъ въ свое время столько оживленныхъ споровъ въ чешской печати. Взглядъ г. Голечка на идею историческаго чешскаго права и отношенія ея къ славянской идеѣ въ настоящее время все болѣе приобрѣтаетъ сочувствіе въ наиболѣе развитыхъ и преданныхъ національной идеѣ кругахъ чешскаго общества и съ горячностью пропагандируется нѣкоторою частью чешской печати.

Въ рамкахъ славянской идеи отдѣльнымъ славянскимъ народамъ, по мнѣнію г. Голечка, открываεται широкая самостоятельность. Развитію и доказательству этого положенія авторъ посвящаетъ вторую главу. Каждый народъ, по его словамъ, имѣетъ право на самостоятельное существованіе, развитіе и

свободу. Но отъ права на бумагѣ еще далеко до осуществленія его въ дѣйствительности. О проведеніи своего права въ жизнь каждый прежде всего самъ долженъ заботиться, иначе право останется мертвою буквою и наконецъ будетъ забыто. У кого есть право, тотъ долженъ знать и способы, какъ добиться его осуществленія, разыскать эти способы, вести за нихъ борьбу и купить ихъ жертвами. Народъ не только долженъ желать свободы и самостоятельности всѣми силами души, но и обязанъ видѣть въ своей свободѣ драгоценнѣйшее сокровище, для пріобрѣтенія котораго ему не приходится останавливаться ни передъ какими жертвами. Свобода, полученная въ даръ, не послужитъ въ пользу народу, получившему ее. Прекрасный примѣръ того представляютъ болгаре. Какіе же существуютъ пути къ достиженію нами свободы? спрашиваетъ далѣе авторъ и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ такимъ образомъ: «Да именно тѣ, которые привели насъ къ народному самопознанію. Самопознаніе это въ узкомъ смыслѣ слова чешское, въ болѣе широкомъ — славянское. Чешское сознаніе заключается въ славянскомъ, какъ малый кругъ въ большомъ. Послѣдній открываетъ свободное поле для нашихъ плановъ и стремленій будущаго; малый кругъ — есть почва для нашей дѣятельности въ настоящемъ. Въ маломъ кругѣ мы стоимъ ногами, большой — созерцаемъ глазами. Дѣйствовать мы можемъ только тамъ, гдѣ можемъ опереться на ноги. Если мы выполнимъ свою задачу какъ чехи, мы тѣмъ самымъ осуществимъ свое призваніе какъ славяне. Но для того, чтобы мы могли выполнить свою чешскую задачу, мы должны помнить, что составляемъ часть славянскаго цѣлага, изъ котораго не захотимъ и не посмѣемъ себя исключить, если не пожелаемъ впасть въ свои старыя историческія ошибки. Если исторія есть наставница жизни, намъ не слѣдуетъ скрывать отъ себя, что вся прошедшая и настоящая жизнь славянскихъ народовъ представляетъ грустную картину несогласій и раздоровъ. Славянскіе народы (кромѣ русскихъ) не достигли свободы потому, что между ними не было взаимности, что они не признавали своихъ общихъ интересовъ, что дѣлились и дробились безъ конца, что каждый всегда былъ готовъ по приглашенію чужеземцевъ извлечь мечъ на своего брата. Славянское національное самосознаніе должно привести славянскіе народы къ тому, чтобы подобныя печальныя событія въ будущемъ не по-

вторялись. Въ этомъ главное дѣло, главная цѣль славянской идеи и взаимности. Если каждый славянскій народъ уладить свои отношенія къ славянской семьѣ вообще и къ каждому ея члену въ частности указаннымъ способомъ, то безцѣльно будетъ требовать отъ него, чтобы ради пользы славянскаго цѣлаго онъ отказывался отъ своей личности, своей исторической индивидуальности». Народности, не имѣвшія доселѣ исторіи, сами по себѣ, безъ насилія, добровольно сливаются съ народностями историческими, болѣе сильными, имѣющими на нихъ политическое и культурное вліяніе, и въ то же время болѣе близкими къ нимъ въ этнографическомъ отношеніи. Чехи, конечно, не подходятъ въ эту категорію. «Мы, чехи, справедливо говоритъ г. Голечекъ, историческая народность, и какъ историческая народность мы и должны вести себя при опредѣленіи своихъ отношеній къ славянскому міру, при рѣшеніи вопроса чешскаго и славянскаго. Никто не смѣетъ требовать отъ чешскаго народа, чтобы онъ отказался отъ своей исторіи, не смѣетъ даже во имя славянской идеи. Славянская идея должна показать, что она несетъ за собой жизнь, а не смерть. Славянская идея не можетъ предписать ни одному славянскому народу, чтобы онъ убилъ въ себѣ духъ свой, ибо тогда онъ превратился бы въ трупъ, который не воскресила бы и славянская идея».

По мнѣнію автора, которое мы вполне раздѣляемъ, «нельзя предполагать возможности образованія даже въ отдаленномъ будущемъ одного славянскаго народа и государства. Если и допустить, что когда-либо русское государство будетъ заключать въ себѣ всѣ славянскія народности, можно съ увѣренностію сказать, что никогда не осуществится фантастическая мечта о томъ, чтобы изъ славянскихъ народностей образовалась какая-то средняя народность: «вшекменовецъ славянскій» или «вше-славъ», о которомъ фантазировалъ Михаилъ Ходжа. Какъ нельзя смолоть въ муку нѣсколько человѣкъ и сдѣлать изъ нея одного новаго человѣка, такъ невозможно, чтобы изъ народовъ славянскихъ, которые болѣе тысячи лѣтъ жили особою историческою жизнью, создался нынѣ единый народъ славянскій, въ которомъ изгладились бы всѣ различія его составныхъ частей. Да и нѣтъ надобности въ такомъ среднемъ славянскомъ народѣ. Зато вполне возможна организація, устройство славянскаго міра на основѣ осуществимыхъ, общихъ и уже обозначившихся потребностей.

Такая организація не только возможна, но и необходима. Для осуществленія ея нужно только заботиться о томъ, чтобы мы стояли на реальной почвѣ, брались за проекты выполнимые и взаимно-полезные, къ избранной цѣли шли путемъ кратчайшимъ, опредѣленнымъ, широкимъ, съ яснымъ сознаниемъ того, что не блуждаемъ въ области утопіи, а принимаемъ за дѣло благое какъ для всѣхъ, такъ для каждаго въ частности».

Въ виду несомнѣнной вѣрности высказаннаго положенія, авторъ энергично предостерегаетъ западныхъ славянъ отъ недовѣрія къ Россіи и горячо опровергаетъ распространенное среди нихъ врагами славянства нелѣпое мнѣніе о томъ, будто бы русскіе понимаютъ славянскую идею иначе, чѣмъ другіе меньшіе славяне, что они отождествляютъ панславизмъ съ панруссизмомъ. «Объ обрусеніи славянъ не можетъ быть и рѣчи, говоритъ Голечекъ. Всякія подобныя опасенія и страхи не основательны, хотя едвали было бы несчастіемъ для славянскихъ народовъ, еслибъ въ одно прекрасное утро они проснулись съ русскимъ самосознаниемъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можетъ обрусѣть чехъ, словинецъ, хорватъ или сербъ, отдѣленные отъ Россіи столь высокими и непреодолимыми преградами? Еслибъ мы, чехи, хотѣли перейти въ другую народность («se přenárodniti»), мы имѣли бы для выбора только народность нѣмецкую, которая какъ плѣсень проникаетъ весь нашъ организмъ. Онѣмечиться мы можемъ, но обрусѣть—никогда. Если мы не хотимъ сдѣлаться нѣмцами, намъ предстоитъ остаться чехами. То же самое съ другими славянскими народностями. Россія, созидающая самостоятельный государственный бытъ сербамъ и болгарамъ, славянскимъ народностямъ, наиболѣе близкимъ къ ней въ географическомъ и духовномъ отношеніи, не можетъ и помышлять объ обрусеніи чеховъ или хорватовъ. Дѣйствительно, въ Россіи никто и не задается подобными планами, хотя тамъ и съ полнымъ правомъ желаютъ, чтобы славяне ознакомились съ русскимъ языкомъ. Планами обрусенія не занимается ни русское правительство, ни русскій народъ, ни славянофилы, которыхъ вообще заподозриваютъ въ обрусительныхъ тенденціяхъ». Доказательству послѣдняго положенія авторъ посвящаетъ нѣсколько прекрасныхъ страницъ своего труда (94—110). Онъ указываетъ, что уничтоженіе народностей въ томъ смыслѣ, какъ производятъ его нѣмцы, не согласуется съ тактикой русскаго правительства. Этому воззрѣ-

нію не противорѣчатъ тѣ случаи, когда одна народность исчезаетъ въ другой безъ насилія, а только вслѣдствіе непреодолимаго вліянія народности высшей, съ болѣе сильной культурой, какъ это видимъ по отношенію къ десяткамъ уральскихъ и азіатскихъ народовъ. Противъ такой этнографической ассимиляціи ничего нельзя возражать, такъ какъ она совершается вполне естественнымъ путемъ. Не имѣютъ значенія и ссылки на русскую Польшу. Причины ненормальныхъ отношеній между русскими и поляками заключаются въ послѣднихъ, въ ихъ исторической враждѣ къ Россіи, въ ихъ никогда не прекращающихся мечтахъ объ отомщеніи и возобновленіи стараго соперничества съ Россіей. «Пока поляки, говоритъ г. Голечекъ, искренно не примирятся съ Русью, не сознаются въ своихъ ошибкахъ и слабостяхъ и не откажутся отъ своихъ намѣреній всячески вредить Руси, до тѣхъ поръ русскіе имѣютъ полное право относиться съ недоувѣріемъ къ полякамъ и принимать мѣры для защиты своихъ національныхъ и государственныхъ интересовъ». Относительно русскаго народа чешскій публицистъ утверждаетъ какъ общезвѣстный фактъ, что ничто ему такъ не чуждо, какъ называніе своего языка другому народу. Истинные взгляды славянофиловъ на взаимныя отношенія славянскихъ народовъ онъ характеризуетъ выдержками изъ извѣстныхъ рѣчей и статей И. С. Аксакова о братствѣ и равноправности славянъ и подробнымъ изложеніемъ проекта Н. Я. Данилевскаго о всеславянской федераціи. Наконецъ, приводится рядъ историческихъ справокъ, свидѣтельствующихъ о томъ, насколько благотворное вліяніе имѣла Россія на историческую жизнь славянъ со времени Петра Великаго.

Весьма любопытны выводы, къ которымъ приходитъ г. Голечекъ по вопросу объ отношеніяхъ западныхъ славянъ къ Россіи въ будущемъ. «Меньшіе славянскіе народы получаютъ великую, непреодолимую нравственную силу изъ того обстоятельства, что Русь могущественна, сильна, свободна въ своихъ дѣйствіяхъ, служитъ грозой для нашихъ враговъ уже въ силу своего существованія, непрерывно растетъ и не допускаетъ соперничества ни съ чьей стороны. Сила Руси есть сила славянъ, русская слава—слава славянъ. Хорошій славянинъ не можетъ завидовать Россіи. Своимъ могуществомъ Россія обязана кромѣ другихъ причинъ и особому счастью, которымъ не пользовались въ такой мѣрѣ дру-

гіе славяне. Изъ народовъ славянскихъ только русскіе могутъ похвалиться тѣмъ, что счастье ихъ не оставляло втеченіе цѣлыхъ трехъ вѣковъ. Славяне должны желать Россіи счастья какъ вѣрные братья и сердечно радоваться каждому ея успѣху. Въ счастіѣ Россіи славяне должны видѣть персть Провидѣнія, которое не даромъ такъ возвысило одинъ изъ славянскихъ народовъ надъ всѣми остальными, что между ними не можетъ быть спора о томъ, кому быть главой славянской семьи, кому имѣть первенство и руководство. Но съ другой стороны ни одно славянское племя не должно видѣть въ могуществѣ и силѣ Россіи основанія къ собственной безпечности и бездѣятельности. Еслибъ Россія была еще въ десять разъ сильнѣе, изъ того еще не слѣдовало бы, что остальные славяне должны прозябать въ лѣности. Могущество Россіи побуждаетъ славянъ къ самодѣятельности, которая должна развиваться параллельно съ ростомъ могущества Россіи. Россія живетъ сама по себѣ, ей довольно самой себя, она сама себѣ служить свѣтомъ. Этого не можетъ сказать о себѣ никакое другое государство. Но именно потому Россія, оставаясь такой, какъ она есть, никогда не будетъ въ состояніи понять повседневныхъ трудовъ и потребностей меньшихъ славянъ. «Сытый голоднаго не разумѣетъ», съ горечью восклицаютъ меньшіе славяне, убѣждаясь, что «русскій стриць» не вникаетъ хорошо въ ихъ бѣды и нужды. Отъ такой дѣйствительности намъ не слѣдуетъ закрывать глаза. Итакъ славянинъ, восклицаетъ въ заключеніе г. Голечекъ, будь живъ какъ чехъ, хорватъ, сербъ, полякъ, но останься вѣренъ славянской идеѣ, славянской взаимности, славянской семьѣ».

Въ третьей главѣ авторъ представляетъ нѣсколько цѣнныхъ замѣчаній объ общности политическихъ интересовъ славянъ какъ такой чертѣ, которая соединяетъ разрозненныхъ представителей одного цѣлаго и въ исторической жизни славянскихъ народовъ даетъ перевѣсъ силѣ центростремительной надъ силой центробѣжной. Онъ не слѣдитъ за историческими судьбами славянства и его отношеніями къ міру романо-германскому въ отдаленномъ прошломъ, а останавливается на событіяхъ болѣе или менѣе близкихъ къ нашему времени. Онъ разбираетъ факты и явленія, имѣвшія мѣсто въ Россіи и у западныхъ славянъ послѣ Берлинскаго конгресса и вѣрно устанавливаетъ между ними тѣсную внутреннюю связь. Дипломатическое пораженіе Россіи

у зеленого стола въ Берлинѣ сдѣлалось источникомъ величайшихъ несчастій для всего славянства. Оно повлекло за собой всеобщее разочарованіе въ славянскомъ дѣлѣ, упадокъ славянской идеи, отреченіе отъ нея. Реакція быстро охватила всѣ славянскіе народы. Въ Россіи начались извѣстныя внутреннія нестроенія, съ которыми совпало полное охлажденіе къ славянамъ и славянскому вопросу. У западныхъ славянъ возникаетъ австрійскій панславизмъ, усиливается пропаганда католицизма, начинается обычная рознь, приводящая къ братоубійственной сербоболгарской войнѣ. Поворотъ къ лучшему начинается со вступленія на престолъ Государя Императора Александра III. Его мудрая и твердая внѣшняя и внутренняя политика опять подняла духъ въ славянствѣ. Вѣра въ Россію снова начала крѣпнуть у западныхъ славянъ. Идея славянская также ожила и со времени кирилло-меодіевскаго праздника въ 1885 г. все болѣе приобретаетъ для себя твердую почву въ разныхъ частяхъ славянскаго міра. Славянскіе народы все глубже проникаются сознаниемъ, что всѣмъ имъ угрожаетъ одинъ непріятель: Drang nach Osten, и всѣхъ ихъ соединяетъ одинъ общій интересъ: отразить этотъ Drang nach Osten.

Вмѣстѣ съ оживленіемъ славянскаго чувства почти у всѣхъ славянскихъ народовъ сказывается горячее стремленіе къ взаимному сближенію. Съ 1885 г. опять начинаютъ раздаваться настойчивые голоса о необходимости и своевременности перенесенія славянской идеи изъ области археологіи и философіи или поэтическихъ мечтаній на болѣе реальную почву. Въ размысканіи средствъ, какъ легче и лучше достигнуть такой реализаціи славянской идеи, всего чаще указываютъ на культурное сближеніе славянъ на почвѣ одного общаго языка и одной вѣры. Разясненію этихъ важныхъ сторонъ славянскаго вопроса г. Голечекъ посвящаетъ двѣ послѣднія главы своего труда. Изложеніе вопроса объ общемъ славянскомъ языкѣ и письмѣ составляетъ у него цѣлый трактатъ (стр. 136—204), который долженъ занять видное мѣсто въ довольно значительной литературѣ предмета. Онъ состоитъ изъ историческаго очерка попытокъ теоретическаго рѣшенія вопроса и изложенія точки зрѣнія самого автора—чеха. Здѣсь насъ болѣе занимаетъ вторая часть главы, такъ какъ сюжетъ первой ея части хорошо извѣстенъ русскимъ читателямъ въ болѣе полной и обстоятельной обработкѣ, сдѣланной проф.

А. С. Будиловичемъ въ его трудѣ «Общеславянскій языкъ въ ряду другихъ общихъ языковъ древней и новой Европы» (В. 1891. Два тома). Относительно установленія у славянъ однообразнаго письма г. Голечекъ является горячимъ сторонникомъ кириллицы и искренно желалъ бы введенія ея въ чешскую письменность вмѣсто латиницы, при томъ съ этимологическимъ правописаниемъ, но признаетъ, что въ настоящее время это дѣло трудно осуществимо, вслѣдствіе тяжелыхъ политическихъ условій, въ какихъ находится чешскій народъ, да и другіе славяне, пользующіеся латиницей. Зато въ вопросѣ объ общеславянскомъ языкѣ онъ рѣшительно и энергично ратуетъ за русскій языкъ, какъ таковой, который можетъ соединить въ культурномъ отношеніи всѣ славянскіе народы и изученіе котораго обязательно для всякаго образованнаго славянина. Свои воззрѣнія на возможную роль русскаго языка въ славянскомъ мірѣ и отношенія къ нему, какъ языку общеславянскому, мѣстныхъ славянскихъ языковъ авторъ передаетъ въ слѣдующихъ положеніяхъ, прекрасно развитыхъ и мотивированныхъ имъ въ самомъ изложеніи предмета: 1) въ настоящее время славяне уже твердо убѣждены въ томъ, что только русская литература можетъ имѣть значеніе всеславянской; 2) теорія Коллара о четырехъ главныхъ и равноправныхъ языкахъ славянскихъ, изученіе которыхъ обязательно для всякаго славянскаго патріота, признана неудобной для проведенія на практикѣ; славяне должны согласиться въ томъ, что только одинъ изъ нихъ можетъ быть старшимъ, только одна литература главной и общеславянской; 3) славяне признаютъ русскій народъ старшимъ въ средѣ братьевъ, а его языкъ—первымъ въ ряду прочихъ, съ которымъ они не могутъ соперничать; 4) каждый образованный славянинъ обязанъ усвоить себѣ русскій языкъ, разговорный и литературный, и признать его міровое значеніе; 5) такое требованіе не можетъ, однако, быть предъявлено къ народнымъ массамъ, которыя пользуются преимущественно мѣстными родными языками и литературами; 6) для славянской интеллигенціи русскій языкъ долженъ быть языкомъ общественнымъ, международнымъ, вмѣсто языковъ чужихъ, особенно нѣмецкаго; 7) славянскіе ученые должны писать и издавать на русскомъ языкѣ сочиненія, которыя обыкновенно предполагаются для иностранныхъ литературъ; 8) языкъ русскій не долженъ быть помѣхой языкамъ и

литературамъ славянскимъ на ихъ естественной почвѣ; 9) вопросъ объ общеславянскомъ литературномъ языкѣ имѣетъ значеніе не только культурное, но и политическое; 10) понимая это, славяне отказываются отъ всякихъ теорій и ученій, которыя могли бы побудить ихъ на какое-либо соперничество съ Россіей; 11) взамѣнъ того славяне ожидаютъ отъ Россіи, что она будетъ поддерживать ихъ политическія стремленія и посильно содѣйствовать ихъ освобожденію въ границахъ, указываемыхъ славянскою идеей.

Относительно этихъ положеній можно ограничиться лишь однимъ замѣчаніемъ. Въ нихъ дано разрѣшеніе всѣхъ недоумѣній *) по вопросу о роли и значеніи русскаго языка какъ общеславянскаго, на которыя указываетъ А. Н. Пыпинъ въ своей рецензій на упомянутое сочиненіе проф. А. С. Будиловича. Очевидно, въ средѣ западныхъ славянъ все болѣе назрѣваетъ мысль о важности усвоенія русскаго языка прежде всего какъ языка высшей образованности, науки, литературы, международныхъ сношеній, при сохраненіи мѣстныхъ языковъ и литературъ, какъ необходимыхъ образовательныхъ средствъ народовъ и оригинальнаго выраженія ихъ національнаго духа. И такой взглядъ на дѣло намъ представляется наиболѣе подходящимъ въ современному положенію вопроса объ общеславянскомъ языкѣ. Остается выяснить только, какъ легче и удобнѣе содѣйствовать практическому осуществленію этой потребности западныхъ славянъ путемъ усиленія книжныхъ и литературныхъ сношеній, заведеніемъ школъ и курсовъ русскаго языка въ славянскихъ земляхъ, основаніемъ русскихъ журналовъ и учрежденіемъ русскихъ библиотекъ въ главнѣйшихъ центрахъ славянства и проч.

Не меньше заняла вниманіе автора религіозная сторона славянскаго вопроса (204—284). Культурное сближеніе славянъ на почвѣ вѣроисповѣдной представляется г. Голечку дѣломъ болѣе труднымъ, чѣмъ усвоеніе одного общаго языка. Главная причина трудности заключается въ воинствующемъ характерѣ римскаго католицизма, который, не ограничиваясь уже сдѣланными завоеваніями въ славянскомъ мірѣ, постоянно стремится къ но-

*) Ср. объ этомъ ст. «Вопросъ объ общеславянскомъ языкѣ» въ V—VI кн. «Слав. Обзорнія».

Прим. Ред.

вымъ приобрѣтеніямъ въ средѣ православнаго славянства и тѣмъ устраняетъ для себя возможность какого-либо примиренія или соглашенія съ восточной православной церковью. Раскрытіемъ этой самой больной стороны славянскаго религіознаго вопроса и занята послѣдняя глава книги. Здѣсь приведены обстоятельныя историческія справки объ утвержденіи католицизма въ славянскихъ земляхъ, о возникновеніи и распространеніи такъ называемой уніи и о новѣйшей латинской пропагандѣ въ средѣ православныхъ славянъ. Относясь съ искренними, нескрываемыми симпатіями къ православію, авторъ отмѣчаетъ темныя стороны католическаго вліянія на славянство и живо изображаетъ бѣдствія, какія принесъ съ собой католицизмъ многимъ славянскимъ народамъ, особенно чехамъ. Болѣе всего его тревожитъ и озабочиваетъ новѣйшая латинская пропаганда, широко раскинувшая свои сѣти между православными славянами Балканскаго полуострова и Австро-Угорской имперіи. Въ ней онъ видитъ опасную помѣху развитію славянской идеи. Представляемая ею опасность для общеславянскаго дѣла увеличивается тѣмъ обстоятельствомъ, что пропаганда эта ведется очень искусно подъ славянскимъ знаменемъ. Римскій католицизмъ въ лицѣ папы и ближайшихъ его помощниковъ обѣщаетъ отступникамъ отъ православія соединеніе всѣхъ славянъ въ одной вѣрѣ, а католическимъ славянамъ, мечтающимъ о народной церкви, разрѣшеніе славянскаго языка въ богослуженіи. Но первое обѣщаніе конечно не осуществимо, а второе врядъ-ли когда либо будетъ исполнено; по крайней мѣрѣ ни хорваты, ни чехи не дождались еще славянскаго богослуженія въ своихъ церквахъ, и печальная исторія со славянской миссой въ юбилейный праздникъ св. Меодія во очію показала, насколько можно довѣряться обѣщаніямъ, идущимъ изъ Рима. Въ средѣ нѣкоторыхъ западно-славянскихъ вѣтвей, особенно у чеховъ и моравянъ, въ послѣднее время наблюдается весьма значительное религіозное движеніе (охватившее и часть духовенства), имѣющее цѣлью восстановленіе народной церкви на началахъ кирилло-меодіевской традиціи. Вожди этого движенія настаиваютъ главнымъ образомъ на введеніи богослуженія на славянскомъ языкѣ. Г. Голечекъ справедливо замѣчаетъ, что одинъ славянскій языкъ еще не создаетъ народной церкви. Понятіе народной церкви предполагаетъ автокефальность или самостоятельность управле-

нія церкви, слѣд. отрѣшеніе отъ Рима. Иначе получается унія, особый компромиссъ съ папствомъ, какъ извѣстно, уже принесшій не мало бѣдъ славянству. Учрежденіе народныхъ славянскихъ церквей у славянъ-католиковъ было бы лучшимъ средствомъ къ религіозному сближенію всѣхъ славянскихъ народовъ. Но для того, чтобы могло осуществиться это важное дѣло, необходимо прежде всего парализовать латинскую пропаганду, которая, прикрываясь идеальными цѣлями, отнимаетъ свободу исповѣданія у православныхъ славянъ. Нашъ авторъ полагаетъ, что обязанность западныхъ славянъ-католиковъ всячески противодействовать этому дѣлу. Починъ въ такомъ протестѣ, говоритъ онъ, главнѣйше принадлежитъ намъ, чехамъ, которыхъ сближаютъ съ русскими традиціи кирилло-меѳодіевскія и гуситскія.

Таково въ главныхъ чертахъ содержаніе прекрасной книги г. Голечка. Мы не можемъ входить здѣсь въ болѣе подробный разборъ ея. Онъ вывелъ бы насъ далеко за намѣченныя рамки настоящей статьи, такъ какъ по каждому изъ затрогиваемыхъ авторомъ жизненныхъ для славянства вопросовъ можно было бы сдѣлать тѣ или другія замѣчанія. Мы ограничимся здѣсь только однимъ общимъ сужденіемъ. Высказанныя г. Голечкомъ общія воззрѣнія по славянскому вопросу проникнуты теплою, горячею любовью къ славянству, отличаются такою искренностью и правдивостью, такъ близко согласуются съ мнѣніями замѣчательнѣйшихъ представителей русскаго славянофильства, что нельзя имъ не сочувствовать, не раздѣлять ихъ. Намъ остается только пожалѣть, что эта книга, отличающаяся и высокими литературными достоинствами, по винѣ австрійской свободы печати, такъ восхваляемой нѣкоторыми органами нашей прессы, не проникла въ массу чешской читающей публики, и высказать горячее желаніе, чтобы она возможно скорѣе была переведена на русскій языкъ и получила широкое распространеніе въ Россіи.

Кіевъ. 15 іюня 1892 г.

Т. Флоринскій.

Воспоминанія объ Александрѣ Аванасьевичѣ Потевнѣ *

(Окончіе)

ПОТЕВНЯ не любилъ читать общихъ курсовъ и при своемъ оставленіи на первое пятилѣтіе выговорилъ себѣ условіе читать предметы по своему выбору. Чтеніе общихъ курсовъ противорѣчило его взглядамъ на задачи университетскаго преподаванія, которое должно имѣть пропедевтическое значеніе. Не знаю, какъ онъ читалъ раньше, но въ послѣднее время всѣ курсы его имѣли спеціальный характеръ; содержаніемъ ихъ служилъ тотъ или другой отдѣлъ «новыхъ записокъ» по русской грамматикѣ. Тому, кто отъ его лекцій ждалъ матеріала для экзаменовъ или желалъ найти въ нихъ школьную науку и укрѣпиться въ знаніяхъ, необходимыхъ для будущаго элементарнаго преподаванія русскаго языка въ школахъ, курсы Потевни не могли нравиться. Приходившіе съ такими требованіями въ его аудиторію мало выносили изъ нея, не понимая, что профессоръ имѣлъ въ виду и эту цѣль, но избралъ для ея достиженія не то средство, какое обыкновенно употребляютъ.

Науку можно изучать лишь по частямъ, говаривалъ профессоръ, я же на одной изъ такихъ частей покажу приемы, методъ, который можно приложить къ изученію цѣлаго. О методѣ А. А. никогда не разсуждалъ отдѣльно отъ изложенія, а показывалъ его примѣненіе на дѣлѣ, формулируя двумя-тремя словами и предупреждая о возможности ошибокъ. Не любилъ онъ и такъ называемыхъ «новыхъ» методовъ, не находя смысла въ названіяхъ: методъ сравнительный, историческій, сравнительно-историческій, научный и т. п. въ ихъ обыденномъ пониманіи. Методы изслѣдованія — это-де приемы по-

* См. Слав. Обзорѣніе, кн. май—іюнь, стр. 120—126.

знанія, которые въ сущности извѣчны. Всякое познаніе предполагаетъ сравненіе, всякая наука—историческая, ибо основою познанія служитъ генезисъ предмета или явленія, выясненіе его причинъ и слѣдствій. Потебня сурово казнилъ высокомѣрное отношеніе къ прошлому науки, называя эту гордость «школы» холопскою.

Курсы Потебни имѣли важное пропедевтическое значеніе, причѣмъ эта пропедевтика относилась не тольکو къ его предмету, но обнимала всю область искусства и науки, ибо чтенія профессора не стѣснялись опредѣленными рамками, а захватывали на своемъ пути все, что важно. Это, пожалуй, нарушало цѣльность содержанія курсовъ, систематичность ихъ, но зато расширяло умственный горизонтъ слушателей, углубляло ихъ міровоззрѣніе.

Я мало знаю о содержаніи и общемъ характерѣ курсовъ грамматики, читанныхъ Потебней въ предыдущіе годы, но въ послѣднее время эти курсы имѣли своимъ предметомъ исторію русской народной мысли, изучаемой на общеславянской и даже общеоарійской основѣ. Девизомъ всѣхъ этихъ курсовъ можно поставить изученіе жизни русскаго слова въ его значеніяхъ. Языкознаніе онъ понималъ въ высшемъ, философскомъ смыслѣ, въ духѣ воззрѣній Вильгельма Гумбольдта.

Нѣкоторыхъ отдѣловъ русской грамматики, напр. фонетики, діалектологіи, морфологіи Потебня не читалъ въ послѣднее время, кажется потому, что считалъ эти отдѣлы второстепенными въ языкознаніи. Но онъ съ любовью давалъ объясненія по вопросамъ изъ этихъ служебныхъ отдѣловъ языкознанія въ тѣхъ случаяхъ, когда, по его выраженію, необходимо было построить лѣса для пониманія внутренней жизни слова или выраженія. Это чаще всего случалось при чтеніи старинныхъ памятниковъ или когда студенты интересовались сами такими вопросами. Такъ однажды передъ экзаменомъ студенты обратились къ нему за совѣтомъ и указаніями, гдѣ можно найти необходимыя свѣдѣнія по русской діалектологіи. Гурьбой отправились они къ нему на квартиру и встрѣтили его выходящимъ изъ дому, вѣроятно, для прогулки. Профессоръ воротился въ кабинетъ и часа два бесѣдовалъ съ ними, стараясь познакомить ихъ съ общимъ ходомъ развитія русскихъ говоровъ. И такъ наглядно, такъ осязательно выступали передъ нами одна за другою особенности нарѣчій великорусскаго, малорусскаго и бѣлорусскаго, съ ихъ развѣтвленіями, что мы какъ будто слышали говоръ многомилліонной массы, отъ береговъ Чернаго моря до Ледовитаго океана. Двумя рѣзкими чертами: усиленіемъ лабиализма по направленію къ сѣверу и гортанности—къ югу, повидимому исчер-

пывалась вся характеристика русскихъ говоровъ. Но сколько жизни было въ этомъ изображеніи!

Другою причиною того, почему Потебня не читаль курсовъ по звуковой исторіи русскаго языка, было его воззрѣніе на обязанности учителя и задачи преподаванія. Настоящій учитель долженъ учить тому, чѣмъ онъ самъ занимается, что онъ самъ считаетъ важнымъ. Потебня приходилъ въ аудиторію не для того, чтобы читать лекціи о томъ, чему онъ не придавалъ особаго значенія или что уже давно перестало его интересовать, но чтобы продолжать ту работу мысли, которою онъ былъ занятъ и въ своемъ кабинетѣ. А центръ тяжести занятій Потебни въ послѣднее время лежалъ въ наблюденіяхъ надъ процессомъ измѣненія значеній слова и смѣной грамматическихъ категорій или, что то же, категорій мысли. Даже въ такихъ, повидимому, специальныхъ курсахъ, какъ ученье о глаголѣ, о видахъ и временахъ, А. А. находилъ случаи касаться вопросовъ историкс-культурнаго характера, напр. о національныхъ особенностяхъ русской мысли. Замѣчанія его были такъ характерны, что я не могу не привести ихъ здѣсь въ сжатомъ видѣ, по воспоминаніямъ.

Говоря о глубокой разницѣ между стилями глагольныхъ образованій новыхъ и древнихъ языковъ, Потебня замѣтилъ, что переводъ невозможенъ безъ измѣненія смысла, ибо мысль, духъ сами по себѣ не передаваемы. Слово одного языка не тождественно-де слову другого языка, хотя бы они относились къ одному и тому же предмету или явленію. Языкъ, орудіе мысли, имѣетъ національный характеръ и безъ него немислимъ. Этого рода націонализмъ не заслуживаетъ-де осужденія. Онъ существуетъ въ поэзіи, философіи, въ наукѣ, хотя опредѣленіе его иногда весьма трудно, даже невозможно. Онъ не исключаетъ терпимости, а наоборотъ, предполагаетъ ее, ибо признаніе своей національности есть признаніе и національности другихъ народовъ. Въ этомъ отношеніи націонализмъ согласенъ-де съ евангельскимъ ученіемъ о любви къ ближнему. Евангеліе переведено-де на всѣ языки, но для каждого народа, для каждого лица оно по оттѣнкамъ выраженія разное. Это различіе не противорѣчитъ однако духу евангелія. Божественныя истины не страдаютъ отъ переводовъ на разные языки, даже жаргоны. Кто возстаетъ противъ такихъ переводовъ, тотъ забываетъ, что самъ Христосъ проповѣдовалъ на жаргонѣ. Общечеловѣческой истины нѣтъ. Если же мы иной разъ выдаемъ по ошибкѣ свою, добытую національнымъ путемъ истину за общечеловѣческую, то это лишь значитъ, что мы выдаемъ желаніе за фактъ. Чѣмъ культурнѣе общество, тѣмъ сознательнѣе оно относится къ национальному. Денаціонализація образованнаго человѣка — не возможна,

необразованнаго—легче. Всякая попытка денаціоналізаціи языка, въ родѣ напримѣръ волапюка, представляетъ абсурдъ. Философы становятся-де на дыбы изъ-за общечеловѣческой истины, называя извергами противниковъ общечеловѣческихъ идеаловъ; но если подѣ идеаломъ понимать нѣчто хорошее, желанное, то идеалы—національны. Націонализмъ исключаетъ народную гордость или такое настроеніе, въ силу котораго евреи напр. увѣровали, что они призваны править міромъ. Націонализмъ, проповѣдуемый языкознаніемъ, не похожъ на націонализмъ насильственный, государственный. Языкознаніе учитъ: мысль прежде всего индивидуальна, затѣмъ она національна, поскольку мыслящій принадлежитъ къ той или другой націи и находится подѣ воздействиемъ сложившихся исторически условій. Бороться съ исторіей, во имя личнаго усмотрѣнія—безплодно: конкурентъ слишкомъ силенъ!

Въ своихъ изслѣдованіяхъ по синтаксису Потебня являлся высшимъ художникомъ-мыслителемъ, умѣвшимъ въ своемъ анализѣ русскаго слова глубоко проникать въ духовную жизнь русскаго народа и черпать оттуда самое интересное, самое важное. Вотъ почему мы не имѣемъ цѣльнаго синтаксиса Потебни, въ родѣ Миклошича, а цѣлый рядъ этюдовъ: о составномъ сказуемомъ, о замѣнахъ существительнаго, о грамматическомъ родѣ, о безсубъектныхъ предложеніяхъ и т. п. На этихъ явленіяхъ зиждется него теорія націонализма, которая такъ однако волновала его мысль, не получивъ однако истиннаго и детальнаго выраженія въ его печатныхъ трудахъ. Ясной формулы своихъ взглядовъ по этому вопросу онъ не давалъ, быть можетъ считая ее преждевременною, но, угадывая будущіе успѣхи языкознанія, онъ говаривалъ образами: «Отъ качества струга зависитъ форма стружекъ, отъ устройства машинки для приготовления макаронъ зависитъ форма приготавлиаемыхъ продуктовъ». Такъ и знанія, и мысли имѣютъ національныя формы, и чѣмъ лучше, самобытнѣе послѣднія, тѣмъ крѣпче мысль, тѣмъ прочнѣе успѣхи ея развитія. Чтеніе старинныхъ памятниковъ было прямымъ дополненіемъ теоретическихъ курсовъ, съ которыми оно находилось въ тѣсной связи. Но объясняя тексты, профессоръ никогда не останавливался на однихъ только строго-грамматическихъ объясненіяхъ. Удачная фраза, мѣткій образъ, да наконецъ просто ошибка въ правописаніи вызывали у него иногда цѣлый рядъ глубокомысленныхъ соображеній. Такъ напр. по поводу формъ: идти вмѣсто ити и т. п. онъ распространился какъ то о засореніи нашего литературнаго языка, который имѣеть-де въ своей фразеологии много странныхъ или прямо невѣжественныхъ заимствованій то изъ французскаго, то изъ нѣмецкаго и другихъ языковъ,

въ родѣ напр. такихъ выраженій, какъ «имѣть мѣсто» (*stats-haben*), «не въ своей тарелкѣ» (съ франц. *dans son assiette*) и т. п. Такъ какъ засореніе нашего литературнаго языка приняло большіе размѣры, то необходима-де радикальная чистка его, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Нужно круто повести это дѣло, ибо и прежніе новаторы дѣйствовали энергично. Полезно бы собрать въ особую, небольшой книжкѣ всѣ эти перлы quasi-ученыхъ выраженій и представить ихъ въ наготѣ, освѣтивъ настоящимъ образомъ. Образцы тодобныхъ сочиненій существуютъ во всѣхъ почти западныхъ литературахъ, напр. въ Германіи, Франціи (впрочемъ съ крайнимъ направленіемъ). У чеховъ есть подобное сочиненіе (*Brus*) Гатталы, у поляковъ Валицкаго (*Wędy, et c.*). Мы походимъ-де въ этомъ отношеніи на общество, гдѣ невѣжда, взявъ палку, начинаетъ всѣми командовать. Индифферентизмъ въ этомъ случаѣ не простителенъ.

Сравнительный элементъ игралъ вообще видную роль въ комментаріяхъ Потевни, и это вело къ выясненію особенностей другихъ языковъ. Переводный характеръ древней литературы требовалъ еще болѣе пояснительныхъ замѣчаній такого рода. Потевни въ послѣднее время занимался повидимому больше чѣмъ когда-либо трудами Іоанна, эзарха болгарскаго, которые онъ высоко цѣнилъ. Замѣчанія этого древняго писателя о переводѣ книгъ повели профессора къ объясненіямъ о переводѣ съ другихъ языковъ, объ ихъ изученіи и т. п. Изученіе заразъ нѣсколькихъ языковъ, которое считается обязательнымъ для дѣтей въ высшихъ слояхъ общества, Потевни находилъ положительно вреднымъ. Это ненужное переодѣваніе изъ одной сорочки въ другую мѣшаетъ-де полнотѣ развитія мысли, которая можетъ совершенствоваться только на одномъ какомъ-нибудь языкѣ. Знаніе иностранныхъ языковъ необходимо-де для того, чтобы сдѣлать себѣ доступнымъ чужое. Усвоеніе же чужого ради усвоенія не имѣетъ никакого смысла, кромѣ удовлетворенія холопскому высокомерію, которое выражается между прочимъ въ томъ, что русская барыня, проходя въ толпѣ, обращается къ своей дочери по-французски или по-англійски, думая этимъ возвыситься надъ окружающими.

Что касается лекцій А. А. по теоріи словесности, то мнѣ пришлось прослушать два курса по этому предмету; первый посвященъ былъ вопросу объ отношеніи поэтическаго произведенія къ слову, второй—ученію о видахъ поэтической иносказательности, въ частности о тропахъ и фигурахъ.

Въ началѣ курса слушатели прежде всего узнали, что въ обычномъ опредѣленіи поэзіи, какъ искусства, представляющаго сущность идей не отвлеченно, а конкретно, въ образахъ, кромѣ логи-

ческой неправильности заключается и мнѣніе элементъ, унаслѣдованный отъ Платона и Аристотеля, такъ какъ противоположеніе идеи и формы предполагаетъ пару: «я и мое тѣло» и т. п. Указавъ мимоходомъ на пособія, профессоръ опредѣлилъ поэзію какъ особаго рода теоретическую дѣятельность, направленную на самоусовершенствованіе, указавъ на отношеніе поэзіи къ прочимъ искусствамъ, въ особенности къ живописи, и остановился на свойствахъ слова, съ яснымъ и неяснымъ этимологическимъ значеніемъ. Отсюда—двѣ категоріи словъ: безобразныхъ и образныхъ, образцами которыхъ могутъ служить: береза и мать-и-мачиха (растеніе). Въ первомъ не ясно, почему такъ названа береза, неизвѣстно для обыкновеннаго сознанія—какъ; во второмъ это какъ—ясно: растеніе имѣетъ листья съ одной стороны глянцевитые, холодные, съ другой шероховатые, теплые, какъ символъ нелюбви и любви. Въ образномъ словѣ поэтому—три элемента: образъ, значеніе и представленіе. Приемы этимологии, въ смыслѣ отысканія предыдущаго значенія, профессоръ примѣнилъ дальше и къ сложнымъ производеніямъ слова, а дѣленіе словъ на образныя и безобразныя и переходъ отъ одного типа словъ къ другому привели его къ заключенію о постоянной смѣнѣ двухъ приемовъ мышленія, поэзіи и прозы. Чередованіе приемовъ поэтической и прозаической мысли въ этомъ освѣщеніи являлось средствомъ не только созданія языка, но и созданія всей человѣческой мысли, ибо смѣна поэзіи и прозы также необходима—де, какъ вдыханіе и выдыханіе. Говорить поэтому объ уменьшеніи поэзіи нѣтъ смысла, что доказывается и возникновеніемъ все новыхъ пословицъ, поговорокъ и т. п. Составныя части слова при его возникновеніи, когда оно является актомъ познанія съ одной стороны, а поэтическаго произведенія—съ другой, частью аналогичны, частью тождественны. Слово можетъ быть разсматриваемо какъ элементарная форма поэтическаго произведенія. Лишь въ болѣе сложныхъ поэтическихъ произведеніяхъ это сходство менѣе очевидно.

Исходя изъ положенія, что міръ въ человѣческомъ сознаніи принимаетъ субъективный характеръ, профессоръ указавъ на постоянное стремленіе человѣка разграничить свое я отъ всего прочаго,—другими словами, познать міръ путемъ выдѣленія своего я. Это своего рода самопознаніе, которое въ то же время является и познаніемъ міра. Совершается оно не путемъ самосозерцанія, что невозможно, а посредствомъ изученія своего прошлаго, такъ какъ наше я непрерывно измѣняется, а остановить это измѣненіе нельзя. Поэтому на мѣсто непосредственнаго внутренняго самс-

созерцанія слѣдуетъ-де выставить положеніе: «дѣйствуй и въ дѣлахъ своихъ познай себя».

Первообразное и притомъ невольное дѣйствіе, предполагаемое такимъ самопознаніемъ, заключается въ томъ, что состояніе нашего я, непрерывно утекающее, отъ времени до времени оставляетъ ощутимые слѣды въ членораздѣльномъ звукѣ. Въ этомъ смыслѣ слово объективируетъ мысль, дѣлаетъ ее предметомъ, тѣмъ дѣломъ или дѣйствіемъ, безъ котораго невозможно самопознаніе. вмѣстѣ съ этимъ происходитъ другой процессъ: самъ человѣкъ, говоря, разсуждая, измѣняется, совершенствуется. Слово является слѣд. и орудіемъ преобразования мысли, дѣломъ души человѣка. Языкъ даетъ общія категоріи, по которымъ распредѣляется мыслимое. Но содержаніе этихъ категорій у разныхъ народовъ различно; оно различно даже у лицъ, принадлежащихъ къ одному и тому же племени. Отсюда индивидуальныя и народныя особенности рѣчи.

Выяснивъ широкій потокъ творчества, совершаемый въ языкѣ по традиціоннымъ путямъ, унаслѣдованнымъ отъ прошлаго, и устранивъ кажущееся противорѣчіе между утвержденіемъ, что языкъ есть средство сообщать другимъ свои мысли и въ то время средство созданія, преобразования ихъ для самого себя, профессоръ подробнѣе остановился на вопросѣ: въ чемъ же состоитъ преобразование мысли? Такимъ преобразованиемъ является-де созданіе отвлеченій и процессъ этотъ наблюдается только въ словѣ.

Переходя затѣмъ отъ свойствъ слова къ свойствамъ сложнаго поэтическаго произведенія, мы легко можемъ-де убѣдиться, что послѣднее также является средствомъ объективировать свою мысль, преобразовывать ее. И потому оно необходимо прежде всего для самого автора. Поэтическое произведеніе создается прежде всего для внутреннихъ цѣлей, а потомъ для другихъ людей или внѣшнихъ цѣлей автора, каковы деньги, слава, служеніе обществу, народу, человѣчеству. Такимъ образомъ старая формула: «искусство для искусства», получала новое освѣщеніе. Поэзія тутъ являлась дѣломъ души человѣка, чѣмъ обусловлены и свобода творчества, и благородный эгоизмъ его, и стыдливость поэтическихъ признаній, прикрывающаяся плащомъ иносказательности.

Для устраненія противорѣчія между процессомъ созданія и продуктомъ его (поэтическимъ произведеніемъ), противорѣчія не логическаго, а происходящаго отъ одновременности этихъ двухъ явленій, профессоръ кромѣ своихъ соображеній привелъ цѣлый рядъ поэтическихъ признаній изъ Тургенева, Пушкина, Гоголя, Гёте и другихъ. Вопросъ объ «искусствѣ для искусства» устранялся дѣленіемъ занятій человѣческихъ на питательныя и воспи-

тательныя. Такъ постепенно подготовлялось рѣшеніе вопроса объ отношеніи автора къ критикѣ, къ публикѣ, наконецъ къ толпѣ черни, съ которою неоднократно вступалъ въ идеальную бесѣду Пушкинъ. Взявъ лучшихъ дѣятелей на поприщѣ поэзіи, Гёте, Пушкина, Тургенева и др., профессоръ въ цѣломъ рядѣ лекцій нарисовалъ борьбу новой, нарождающейся мысли съ отживающими предрасудками, искреннихъ признаній съ затаенною ложью.

Противоположность той свободы, которой ищетъ поэтъ, и стѣсненій, налагаемыхъ средою, обществомъ, критикой, есть только частный случай столкновения лица со средою, — случай, наиболѣе ясный, характерный. Поэтъ можетъ-де настаивать на своемъ требованіи свободы, потому что цѣль его дѣятельности не можетъ быть заранѣе опредѣлена ни имъ самимъ, ни обществомъ.

Такимъ образомъ свобода творчества есть-де одинъ изъ видовъ свободы совѣсти; а свобода дѣятельности есть право, налагающее соотвѣтственныя обязанности.

Что касается отношеній произведенія къ поэту, то по мнѣнію А. А., чѣмъ выше произведеніе, тѣмъ оно автобиографичнѣе. Если поэтъ настроенъ эпически, онъ рѣшаетъ историческую задачу сквозь призму своего личнаго пониманія. Если онъ лирикъ, онъ пишетъ исторію своей души, а косвенно и исторію своего времени, и это служитъ для него средствомъ саморазвитія. Такіе акты саморазвитія происходятъ и въ заурядныхъ лицахъ. Работа поэта надъ собой есть въ то же время и работа общества. Писать исторію своей души—значитъ сваливать съ плечъ своихъ тяжесть, очищать свою душу признаніемъ.

Биографичность надо понимать въ смыслѣ тѣсной связи сочиненій писателя съ его жизнью, т. е. тѣмъ рядомъ впечатлѣній, которые проходили чрезъ его голову. Такого рода биографичность отражается и въ самихъ событіяхъ, которыя онъ изображаетъ, и въ манерѣ писать, въ слогѣ. Такъ напр. основными чертами гоголевскаго слога были гипербола и литотесъ; это его болѣзнь, отъ которой онъ не могъ отдѣлаться. Отнять это свойство физиологическое—значило бы лишить его возможности писать. При склонности къ такому настроенію, человѣкъ раздуваетъ свое я, которое въ такомъ раздутромъ состояніи легче подвергается оскорбленію. Отсюда колебанія между самовозвышеніемъ и самоуничиженіемъ, между гиперболою и литотесомъ.

Одна крайность рождаетъ другую. Это колебаніе характерно и для русскаго общества. Мы знаемъ, говорилъ профессоръ, народы, гдѣ этихъ колебаній нѣтъ, гдѣ гипербола является постоянной, какъ напр. чувство самовозвышенія у мадьяръ. Но такія колебанія

пожалуй даже утѣшительны. Что бы вышло, если бы похмѣлье прс-должалось постоянно!

Посвятивъ далѣ одну лекцію положенію, что языкъ есть соз-даніе общества, А. А. перешелъ къ вопросу о значеніи слова и поэтическаго произведенія для слушающаго, т. е. къ вопросу о пониманіи. Суть этихъ лекцій состояла въ блестящемъ развитіи законовъ такъ называемой въ психологіи апперцепціи, въ примѣ-неніи къ теоріи словесности, въ частности — критики. Исходной точкой служило слѣдующее положеніе: когда поэтической образъ созданъ, то будетъ ли имъ пользоваться самъ создавшій (худож-никъ), или кто либо другой,—во всякомъ случаѣ это пользованіе будетъ состоять въ подведеніи къ общему (заключенному въ обра-зѣ) разныхъ частныхъ случаевъ. И эти случаи будутъ каждый разъ различны, какъ въ самомъ создавшемъ, такъ и въ понимающемъ. Критика является слѣд. особымъ видомъ творчества, ибо примѣ-неніе образа, дѣлаемое критикомъ, есть въ то же время и созда-ніе новаго образа, подобно примѣненію слова къ разнымъ предме-тамъ. Живучесть поэтическаго образа объясняется не неопредѣлен-ностью его значенія или идеи, а способностью такого образа служ-жить сказуемымъ все новыхъ и новыхъ подлежащихъ, появляю-щихся въ читателѣ и слушателѣ, при пониманіи или воспріятіи. Въ этой безконечности примѣненій, о которыхъ авторъ никогда и не думалъ, образъ остается относительно неподвижнымъ.

Утвержденіе, что художественное произведеніе характеризуется якобы соотвѣтствіемъ образа и идеи, по мнѣнію Потебни,—мнѣ-унаслѣдованный отъ Платона. Требованіе критиковъ, чтобы худо-женственное произведеніе было именно тѣмъ, что имъ нравится,— дико. Когда критикъ объявляетъ войну художнику и налагаетъ цѣпи своего, слѣд. чуждаго личности поэта пониманія, то здѣсь повторяется положеніе Крыловской «Свиньи подъ дубомъ».

Поэзію А. А. опредѣлялъ какъ такой способъ мышленія и вы-раженія, при которомъ сужденіе происходитъ при помощи образа, имѣющаго непремѣнно иносказательное значеніе. Иносказатель-ность эта истолковывалась профессоромъ въ обширномъ смыслѣ, и подраздѣлялась на два главныхъ вида: метафоричность образа и ти-пичность его.

Освѣщая общія положенія примѣрами, А. А. пользовался исклю-чительно признаніями поэтовъ и законами языка. Закончивался этотъ первый курсъ теоріи словесности нѣсколькими лекціями объ отношеніи поэзіи (искусства) къ прозѣ (наука). Искусство, опредѣ-ляемое не красотой, не единствомъ въ разнообразіи, не художе-ственной правдой и т. п., являлось здѣсь, въ новомъ освѣщеніи,

незамѣнимымъ средствомъ познанія природы, такъ какъ результаты научнаго анализа, еслибы они были даже адекватны художественнымъ произведеніемъ по задачамъ, не произвели бы такого впечатлѣнія, какъ послѣднія, которыя легче охватить умомъ. Кроме того искусство вообще, а поэзія въ частности въ своихъ наблюденіяхъ всегда идетъ впереди науки. Это доказываетъ исторія искусствъ. Они ставятъ наукѣ задачи, разрѣшеніе которыхъ слѣдуетъ гораздо позже, а нѣкоторыя остаются и вовсе безъ разрѣшенія. Поэзія—прямой путь познанія; убить ее—значитъ уничтожить полноту человѣческой природы. Если слѣдовательно извѣстный народъ имѣетъ счастье обладать этимъ средствомъ познанія, то онъ долженъ дорожить этимъ даромъ, чтобы не утратить его, ибо бывають времена, когда люди лишаются этого счастья.

Кромѣ этого общаго значенія искусства, А. А. обращалъ вниманіе и на воспитательную его роль. Оставивъ въ сторонѣ вопросъ о нравственномъ элементѣ въ поэзіи, онъ подчернулъ одну характерную черту поэтическихъ образовъ: способность дѣйствовать на волю, возбуждать напр. героизмъ, готовность жертвовать собою цѣлямъ общепользнымъ. Если желательно, чтобы литература такъ дѣйствовала, то вмѣстѣ съ тѣмъ желательно, чтобы подобнаго рода образы существовали въ поэзіи. Есть литературы, гдѣ они отсутствуютъ... И счастливы тѣ, которыя обладаютъ такими поэтическими образами, дающими настроеніе героическое! Потребность въ созданіи положительныхъ типовъ давно сознавали русскіе писатели. Гоголь глубоко чувствовалъ эту потребность, но въ томъ-то и заключался трагизмъ его положенія, что положительные типы не выдумываются. Такихъ людей поэтъ долженъ наблюдать въ дѣйствительности.

Пессимизмъ въ литературѣ или въ жизни есть направленіе гибельное: онъ разрушаетъ и нравственность и жизнь. Пессимизмъ ведетъ къ тому, что если окружающіе — подлецы, то не слѣдуетъ дѣлать ничего въ ихъ пользу, слѣд. можно жить или умирать для себя и за себя. Дорожа здоровымъ воспитаніемъ дѣтей, должно устранять все ноющее, хныкающее. Но если приступить къ такой очисткѣ, то останется очень мало произведеній, такъ какъ нынѣмъ заражена добрая половина нашей литературы. Надо искать положительнаго. Если его нѣтъ въ отдѣльныхъ лицахъ, въ исторіи, то можно изображать героическія взаимодействія, событія. Пусть люди не велики: великъ міръ, велико человѣчество. Вся сила изображенія въ точкѣ зрѣнія, въ любви къ изображаемому. Ею можетъ быть проникнута даже сатира. Смѣхъ долженъ быть въ ней благороднымъ лицомъ, которое царитъ надъ произведеніемъ.

Второй курсъ А. А. носилъ болѣе спеціальный характеръ: онъ былъ посвященъ ученію о тропяхъ и фигурахъ, въ древности и въ настоящее время. Избѣгая туманнаго разграниченія троповъ и фигуръ, А. А. принималъ три основныхъ вида троповъ: метафору, метонимію и синекдоху. Параллельно съ этимъ, онъ выяснилъ два приѣма мышленія: поэтическій и миѳическій, какъ въ предыдущемъ курсѣ—поэтическій и научный (прозаическій). Миѳическая окраска мысли сгущается по направленію къ прошедшему и рѣдѣетъ съ ростомъ духовнаго просвѣщенія человѣчества, съ развитіемъ критики, тогда какъ возможность къ поэтическому мышленію, наоборотъ, усиливается по направленію къ настоящему. При миѳическомъ мышленіи, при томъ состояніи, когда текущія впечатлѣнія заполняютъ все сознаніе, мысль ползетъ черепашьимъ шагомъ и на простомъ сравненіи строитъ умозаключеніе (солнце — колесо, отсюда колесница etc.); при поэтическомъ же, когда мысль держится на вѣсу между образомъ и значеніемъ, между прежде познаннымъ и познаваемымъ, она движется громадными, захватывающими скачками. Миѳъ и поэзія въ формальномъ отношеніи—родственные категоріи; исключеніе миѳа изъ теоріи словесности безосновательно. Миѳъ это временная, обусловленная извѣстнымъ психическимъ состояніемъ форма поэзіи. Послѣдняя отличается отъ него строгимъ различіемъ двухъ областей: познаваемого и того, что служить орудіемъ познанія. Держась на высотѣ синтеза, поэзія идетъ впереди науки, такъ какъ ея обобщенія шире обобщеній научныхъ, выведенныхъ путемъ анализа; она прокладываетъ пути наукѣ.

Вслѣдъ за разборомъ элементовъ поэзіи, троповъ, А. А. всегда переходилъ къ сложнымъ формамъ поэтическихъ произведеній, представляющихъ тѣ же метафоры, синекдохи. Анализъ простыхъ и сложныхъ троповъ, въ ихъ прохожденіи сквозь призму поэтического, миѳическаго и научнаго мышленія, приводилъ прямо къ теоріи познанія, когда дѣло шло объ умозаключеніи въ области метафоры, метониміи и пр.

Явленія поэзіи, какъ и явленія языка вообще ставились на мировую сцену и отрывали въ освѣщеніи А. А. широкій горизонтъ мысли, упорно бьющейся въ оковахъ слова, которое измѣняется безъ устали съ теченіемъ народной жизни и мысли. Строго объективный методъ профессора производилъ такое впечатлѣніе, какъ будто слушатель присутствовалъ въ этой мастерской человѣческаго духа, чудеснымъ образомъ перенесенной въ скромную филологическую аудиторію. И мы видѣли, какъ могущественна сила слова, сила преданія, какое важное значеніе имѣетъ эта живая связь людей и поколѣній.

Да, великое дѣло языкъ и литература, думалось каждому изъ насъ. Мы знали теперь, что преданія, живущія въ словѣ, связываютъ людей въ общества гораздо крѣпче, сильнѣе, чѣмъ единство религій, единство политическое, экономическое и т. п.

Если собрать воедино то, что давали уроки А. А. въ нравственномъ отношеніи, то въ сердцахъ бывшихъ его слушателей прежде всего выдѣлялись двѣ большія человѣческія заповѣди: объ отношеніи къ прошлому и къ настоящему. Первое должно быть построено по формулѣ: «отцы и дѣти». Нагота отца не должна приводить насъ къ поступку Хама... А съ другой стороны строго-объективное изученіе прошлаго въ области языка и мысли вело слушателя къ убѣжденію, что все идетъ впередъ, развивается, крѣпнетъ; что смутное прежде угадываніе законовъ проясняется новыми усилиями мысли; что даромъ ничто не дается: ни миѳъ, ни пѣсня, ни образцовое художественное произведеніе; что предразсудокъ и научное положеніе суть равно законные и неизбѣжные шаги мысли; что заблужденія отдѣльныхъ лицъ выравниваются въ общей работѣ мысли; что если плохи люди, велико челоуѣчество... Такъ безъ этическихъ поученій въ лекціяхъ А. А. Потебни всегда было свѣтлою струею жизненное начало и это-то составляло главную заслугу дорогого учителя.

Оканчивая свои воспоминанія, я невольно опять возвращаюсь къ тѣмъ тяжелымъ минутамъ, когда впервые раздалась роковая вѣсть: Потебня умеръ! Грустно, невыносимо тяжело было мириться съ мыслью, что навсегда погибла великая духовная сила, живымъ олицетвореніемъ которой былъ покойный, сила съ такимъ громаднымъ запасомъ строго систематизованныхъ знаній, обвѣянныхъ тонкимъ эфиромъ благородной, возвышенной мысли, что навсегда угасло сердце съ такою горячею любовью къ истинѣ и челоуѣчеству, какая рѣдко встрѣчается и въ наше просвѣщенное время.

Хотя всѣ знали о тяжелой роковой болѣзни покойнаго, хотя всѣмъ извѣстно было безнадежное его положеніе (последніе его ученики видѣли, какъ таялъ, угасалъ ихъ дорогой учитель), но никто не хотѣлъ вѣрить въ такую быструю развязку... Казалось наступалъ только благодатный моментъ, когда должны были появиться новые, глубокомысленные его труды. Многого еще могла ожидать отъ него наука! Ученики, не покидавшіе надежды еще услышать живое наставническое слово, чаяли его выздоровленія. Но случилось иначе... Въ сѣрый осенній день, съ уныло свѣтящимъ сквозь набѣгавшія тучи солнцемъ, безжизненные лучи котораго печально освѣщали могильные кресты, ученикамъ А. А. пришлось еще разъ собраться—не въ завѣтной аудиторіи, не въ его кабинетѣ, гдѣ онъ

*

читалъ имъ въ послѣднее время лекціи, а у свѣже-вырытой могилы, чтобъ навсегда проститься съ незабвеннымъ учителемъ. Теперь намъ вспоминалось, какъ однажды покойный, выясняя суть поэтического мышленія, остановился на сербской пословицѣ: «свака тица од свог клуна гине». * Приведа ея, онъ задумался. Его серьезное, вдумчивое лицо сдѣлалось еще строже и вмѣстѣ съ тѣмъ еще величественнѣе. Глубокимъ, ровнымъ голосомъ, которымъ обыкновенно онъ читалъ творенія Пушкина, Тютчева, Гёте, онъ произнесъ: «Да, такъ... Чѣмъ работаешь, отъ того и умрешь: у всякой птицы есть свой клювъ. Постоянная, напряженная умственная дѣятельность, истощая силы, губить человѣка»... Кто слушалъ Потебню, тотъ знаетъ, что лекція стоили ему пота и крови, ибо мысль и слово у него никогда не расходились. Легко читать онъ не могъ и не умѣлъ... Болѣзнь его, если она не была простою случайностью, во всякомъ случаѣ нельзя считать исключительной причиной рокового конца, который совпадаетъ съ крайнимъ напряженіемъ его духа. Это послѣднее и было главной виною того, что онъ оставилъ міръ въ самую срединную пору своей дѣятельности.

Для счастья русскаго общества, для блага родной земли надо желать, чтобъ такіе люди какъ Потебня не умирали, но жили—въ духовномъ наслѣдіи потомства, какъ положительные типы, завѣщанные русскою жизнью.

Харьковъ. Іюнь 1892.

В. Харцевъ.

* Всякая птица гибнетъ отъ своего клюва.

ІОАННЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ НАУМОВИЧЪ

ПЛОЧИВШІЙ въ минувшемъ году о. Іоаннъ Наумовичъ долголѣтними трудами приобрѣлъ себѣ славу просвѣтителя галицкой Руси. Никто изъ прежнихъ галицкихъ писателей не умѣлъ столь вразумительно и привлекательно говорить къ простому народу; никто не доставилъ этому народу столько разнородныхъ свѣдѣній, какъ о. Іоаннъ. Онъ былъ для нашего народа ходячей энциклопедіей, былъ для него поэтомъ, богословомъ, учителемъ, историкомъ, политикомъ, лѣкаремъ, агрономомъ и техникомъ. Такая разнородная и многосторонняя дѣятельность одного лица обуславливалась нынѣшнимъ состояніемъ галицко-русскаго народа, крайне запущеннаго во всѣхъ отношеніяхъ, почти лишеннаго высшихъ образованныхъ сословій и не располагающаго дѣятелями по отдѣльнымъ специальностямъ.

І. Г. родился 14 (26) января 1826 г. въ селѣ Козловѣ, Каменецко-струмиловскаго уѣзда, въ домѣ своего дѣда по матери, мѣстнаго приходскаго священника о. Николая Дроздовскаго. Отецъ его, Григорій, былъ народнымъ учителемъ въ сосѣднемъ посадѣ Бужскѣ. Получивъ первоначальное образованіе подъ руководствомъ своего отца, І. Г. поступилъ въ гимназію во Львовѣ. Здѣсь же кончилъ онъ затѣмъ курсъ наукъ философскихъ и богословскихъ.

Юность І. Г. совпала съ временемъ, когда польская эмиграція послѣ событій 1831 г., учредивъ въ Поатѣ демократическое товарищество, подъ названіемъ «Централизація», наводняла Галичину своими тайными агентами, которые захватывали въ свои сѣти не только польскую, но и русскую молодежь. Цѣлью этой пропаганды было подстрекать польское населеніе въ предѣлахъ бывшей Рѣчи-посполитой къ мятежу, который, по расчетамъ эмиграціи, долженъ былъ вспыхнуть въ 1846 г. одновременно во всѣхъ польскихъ земляхъ. Въ этихъ видахъ въ Галичинѣ были организованы, по об-

разу виленскихъ дипломатовъ, тайныя общества подъ различными названіями, напр. «Общество польскаго народа», «Сыны отечества», «Молодая Сарматія», «Косиньеры» и т. п. Хотя ловкая австрійская полиція всегда узнавала объ ихъ существованіи и многіе изъ заговорщиковъ заплатились тюремнымъ заключеніемъ въ Шпильбергъ и Куфштейнъ, однако это не отпугивало пылкой молодежи отъ основанія все новыхъ тайныхъ обществъ. Эмиграція задумала было привлечь къ мятежу 1846 г. и галицкихъ крестьянъ, какъ польскаго, такъ и русскаго происхожденія, и въ этомъ направленіи давала своимъ агентамъ наставленія. Нѣкто Ценглевиць, составивъ на малорусскомъ языкѣ революціонныя пѣсни, отправился въ 1838 г. въ ближайшую родину І. Г-ча для пропаганды мятежа между крестьянами. До какой степени революціонная пропаганда дѣйствовала на русскіе умы, можно заключать изъ того, что настоятель львовской русской духовной семинаріи, свящ. Николай Городинскій, состоялъ членомъ совѣта одного изъ тайныхъ обществъ, нѣкоторые же воспитанники этой семинаріи принадлежали къ террористическому обществу «Союзъ свободныхъ галичанъ», поставившему себѣ цѣлью избіеніе шляхты и водвореніе коммунизма. * Неудивительно, если и І. Г., какъ неопытный юноша, попавъ въ сѣти иностранной пропаганды, поступилъ въ члены тайнаго союза «Братья» и, сочувствуя идеѣ возстановленія новой республиканской Польши, принялъ на себя обязанность возмущать русскіхъ крестьянъ и пріобрѣтать ихъ для цѣлей мятежа.

Между тѣмъ его отца перевели изъ Бужска въ городъ Залѣщики при Днѣстрѣ. Прибывъ сюда лѣтомъ 1838 г., ополяченный юноша немедленно началъ пропаганду между народомъ.

Однажды возлѣ моста, соединяющаго оба берега Днѣстра, стеклось множество народа. Пылкій юноша воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ воспламенить толпу для польской идеи. Ставъ на мосту, онъ началъ краснорѣчивую проповѣдь о свободѣ, братствѣ и равенствѣ, имѣющихся осуществиться въ новой независимой Польшѣ... Общій смѣхъ сопровождалъ его рѣчь. Онъ говоритъ дальше... Толпа начинаетъ волноваться: слышенъ грозный ропотъ. Тогда выступаетъ староста изъ сосѣдняго села Крещатина, срываетъ съ головы юноши конфедератку (рогатую шапку) и бросаетъ ее въ Днѣстръ со словами: вотъ тамъ твоя Польша...

Это происшествіе поразило юношу и оставило въ немъ неизгладимый слѣдъ. Онъ убѣдился, что среди русскіхъ крестьянъ нѣтъ

* Эмиграція, узнавъ объ этомъ обществѣ, испугалась и поручила своимъ агентамъ во что бы то ни стало разбить его, что и удалось.

почвы для Польши. Призадумавшись надъ событіемъ и настроеніемъ народа, онъ сталъ проникаться иными мыслями. Самъ о. Іоаннъ сознавался впоследствии, что сцена при Днѣстрѣ повернула его на иной путь. Отчего у галичанъ возникла потомъ поговорка: Залѣщицкій мость далъ апостола галицкой Руси.

Но были и другія обстоятельства, которыя содѣйствовали его духовному отрезвленію. Въ домѣ его отца въ Залѣщикахъ жилъ на квартирѣ сынъ православнаго священника изъ Буковины, о. Алексевича. Этотъ послѣдній пригласилъ однажды молодого Наумовича въ свой домъ, гдѣ онъ познакомился и съ другими православными священниками, которые выяснили ему суть православія и отличіе его отъ римскаго католицизма. Убѣдившись въ превосходствѣ православія, Наумовичъ по возвращеніи въ Залѣщики сталъ прилежно посѣщать православную церковь въ близкомъ селѣ Звинячкѣ и прислушиваться къ проповѣдямъ тамошняго настоятеля о. Зуркановича.

Подъ этими вліяніями молодой Наумовичъ рѣшился перейти въ православіе и поступить въ православную духовную семинарію въ Черновцахъ. Съ этою цѣлью онъ отправился въ Черновцы, къ митрополиту Евгенію Гакману.

— «Чего желаете?» спросилъ митрополитъ юношу. — «Желаю перейти изъ униі въ православіе и поступить въ духовную семинарію», отвѣчалъ Наумовичъ.

— «Перейти?..» немножко подумавъ, сказалъ Гакманъ; «нѣтъ, вы не хотите перейти, ибо переходятъ лишь въ чужую вѣру; но вы хотите возвратиться къ вѣрѣ вашихъ отцовъ. Есть у васъ прошеніе? Если нѣтъ, такъ напишите».

Наумовичъ возвратился въ Залѣщики, чтобы написать прошеніе и прибавить къ нему нужныя свидѣтельства, какъ вдругъ заболѣлъ и умеръ отъ свирѣпствовавшей тамъ холеры его отецъ. Вдова съ сиротами осталась безъ всякихъ средствъ къ жизни. Единственный родственникъ, братъ его матери, жившій въ западной Галичинѣ, въ Кентахъ, прислалъ 50 гульд. и велѣлъ племяннику привезти къ себѣ въ Кенты мать и сестру. Наумовичъ исполнилъ его волю и, возвращаясь опять въ восточную Галичину, очутился во Львовѣ безъ средствъ къ жизни.

Не зная, что дѣлать, юноша обратился за совѣтомъ къ знакомому канонику, Якову Геровскому. Этотъ послѣдній уговорилъ его поступить въ униатскую духовную семинарію во Львовѣ.

Это случилось въ 1848 г., когда броженіе умовъ въ Австріи было въ полномъ разгарѣ и правительство выдвинуло русскихъ галичанъ противъ польскихъ затѣй. Необыкновенныя дарованія Наумовича обратили на него вниманіе передовыхъ лицъ, стоявшихъ во главѣ

національного движенія галицкой Руси. Они пригласили въ 1849 г. даровитаго воспитанника семинаріи къ сотрудничеству въ «Зорѣ Галицкой», литературномъ еженедѣльникѣ, котораго первый номеръ появился 15 мая 1848 г. Наумовичъ часто заходилъ въ редакцію, а такъ какъ въ нее присылались славянскіе журналы и книги, то онъ впервые познакомился здѣсь со славянскимъ движеніемъ, сдѣлавшимъ на него сильное впечатлѣніе. Наибольшее вліяніе, какъ позже онъ самъ сознавался, имѣли на него Шафарикъ и Колларъ. Славянское сознание изгладило въ немъ послѣдніе слѣды революціонно-польскихъ идей.

Съ тѣхъ поръ І. Гр. принимаетъ дѣятельное участіе въ литературномъ возрожденіи галицкой Руси. Статьи его печатались съ 1849 г. въ упомянутой «Зорѣ Галицкой», выходившей съ 1848 до 1857 гг., затѣмъ въ литературномъ журналѣ «Пчела», существовавшемъ въ 1849 г., въ правительственномъ «Вѣстникѣ» и въ приложеніи къ послѣднему, «Отечественномъ Сборникѣ».

Женившись въ 1851 г. на дочери священника Василя Гавришевича, Теодорѣ, и ставши священникомъ, Іоаннъ Григорьевичъ, настоятельствуя поочередно въ четырехъ приходахъ, имѣлъ полную возможность изучить бытъ и настроеніе галицкаго крестьянства, узнать его потребности и стремленія и усвоить себѣ неподражаемое искусство прививать въ душѣ простолюдина любовь къ просвѣщенію и благороднымъ дѣйствіямъ. Втеченіе двадцатилѣтней благотворной дѣятельности среди сельскаго народа онъ обдумалъ широкій планъ для подъема умственнаго уровня и экономическаго состоянія простонародья австро-угорской Руси. Планъ этотъ окончательно созрѣлъ въ головѣ о. Іоанна къ 1870 г., когда онъ, находясь въ Стрѣльчѣ близъ Коломыи, вошелъ въ тѣснѣйшія сношенія съ равнымъ ему по стремленіямъ народолюбцемъ Теодоромъ Бѣлоусомъ.

Но выполненіе этого плана въ Галичинѣ, по исключительности ея положенія, представляло большія трудности.

Галицко-русскаго крестьянина не лишень охоты къ ученію и дарованій. Но неблагоприятныя обстоятельства задержали его умственное развитіе. При существованіи Рѣчи-посполитой, съ ея крѣпостнымъ правомъ и шляхетской анархіей, о просвѣщеніи народа не могло быть и рѣчи. Даже по занятіи Червонной Руси Австріей, въ гуманное управленіе Маріи Терези и Іосифа II, которые упразднили личное рабство, замѣнивъ его болѣе умѣренной формою барщины, областное управленіе Галичины встрѣтило сильное противодѣйствіе открытію церковно-приходскихъ училищъ—со стороны польской и ополяченной шляхты. Взглядъ этой отсталой шляхты очень рельефно выразился въ представленіи, сдѣланномъ ею вѣнскому прави-

тельству по вопросу о сельскихъ школахъ. Въ случаѣ сравненія всѣхъ сословій, разсуждала она, «получивъ образованіе и доступъ ко всѣмъ должностямъ, дѣти крестьянъ забудутъ, что они рождены для сохи и станутъ думать о вліятельныхъ мѣстахъ, а не о земледѣліи. Такимъ образомъ допущеніе простонародья къ преимуществамъ привилегированныхъ сословій уменьшитъ число земледѣльцевъ и усилитъ контингентъ недовольныхъ. Монархія, въ которой каждый образованный человѣкъ убѣжденъ, что по природѣ всѣ люди равны, распадется. Революція во Франціи должна служить предостереженіемъ». * Подобные взгляды галицкой шляхты, а равно латинскаго духовенства опредѣляли дѣйствія австрійской администраціи и парализовали развитіе народа. Лишь съ 1848 г., послѣ прекращенія барщины, обстоятельства измѣнились къ лучшему. Къ сожалѣнію, тогда въ Галичинѣ не было подготовленныхъ дѣятелей, не было и соотвѣтствующей народной литературы; великорусской же словесностію галичане пользоваться не могли по рѣшительному противодѣйствію правительства.

Вотъ тутъ-то и выступилъ Наумовичъ. На его долю выпало возбудить въ народѣ охоту къ просвѣщенію и положить начало простонародной литературы. За выполненіе этой задачи І. Г. принялся около 1870 г., когда онъ сблизился съ Θεодоромъ Бѣлоусомъ и воспользовался его типографіею въ Коломыѣ. Здѣсь же основалъ о. Іоаннъ въ 1873 г. общество имени Качковскаго, съ широкой программой, обнимающей все, что можетъ содѣйствовать народному просвѣщенію и подъему благосостоянія. Въ многочисленныхъ статьяхъ и сочиненіяхъ онъ старался вызвать духовенство и свѣтскую интеллигенцію къ дѣятельности въ пользу народа, а этотъ послѣдній расположить къ просвѣщенію, трудолюбію, трезвости. Этого рода сочиненія выходили отчасти отдѣльными книжками и брошюрами. особенно въ изданіяхъ названнаго общества и въ журналѣ «Наука», который печатался съ 1872 по 1875 г. въ Коломыѣ, съ 1876 г. во Львовѣ, а позже въ Вѣнѣ.

О. Іоаннъ предложилъ галицкому народу избрать девизомъ своей дѣятельности слова: «м о л и с я, т р у д и с я, у ч и с я, т р е з в и с я»... По его мнѣнію, народное просвѣщеніе должно быть основано на началахъ народной церкви, ибо только религіозность можетъ служить прочною основою нравственности и практической жизни. Потому-то духовенство и призвано-де стоять во главѣ народнаго образованія. Всестороннее развитіе дарованнаго Богомъ разума составляетъ общую по-

* Magna Charta v. Galizien od. Untersuchung der Beschwerden des galizischen Adels der polnischen Nation. Iassy. 1790. Ст. 333—335.

требность и нравственный долгъ каждаго. Лишь путемъ образованія можетъ-де человекъ уразумѣть свои обязанности къ Богу, себѣ, семьѣ, народу, государству и человечеству. Человекъ созданъ для общества и потому долженъ развить въ себѣ гражданскія чувства. Первымъ ихъ проявленіемъ служить-де народное сознаніе, которое соединяетъ всѣ классы населенія въ одно цѣлое и предупреждаетъ сословную ненависть, неизбѣжный спутникъ космополитизма. Русская національность тѣсно связана съ русско-славянскою церковью, ибо развила на почвѣ послѣдней и потому связана съ ея ученіемъ и обрядностью. Русское духовенство не должно-де слѣдовательно обособляться отъ народа и его жизни, но стоять заодно съ нимъ. Хорошій священникъ долженъ не только проповѣдывать въ церкви, но и умѣть помогать своимъ прихожанамъ совѣтомъ въ ихъ домашней жизни, въ болѣзни, хозяйствѣ и общественныхъ дѣлахъ. Онъ долженъ-де служить имъ образцомъ, какъ человекъ, семьянинъ и хозяинъ. Типъ образцоваго священника вывелъ онъ въ разсказѣ «Креслаты тополи». Далѣе о. Іоаннъ внушаетъ любовь къ труду, тѣлесному и духовному, какъ вѣрному средству обезпечить свое благосостояніе, развиться въ отношеніяхъ умственномъ и нравственномъ.

Для подъема престоноародья о. Іоаннъ рекомендовалъ: 1) народную школу, которая должна-де находиться въ каждой деревнѣ, тѣсно примыкая къ церкви; 2) общедоступную престоноародную литературу, состоящую изъ брошюръ, книжекъ и журналовъ, и 3) всесословныя общества съ просвѣтительными и экономическими цѣлями. По указанію о. Наумовича учреждены были подобныя общества: «Просвѣта» и «Общество им. Качковскаго», изъ коихъ первое насчитываетъ теперь свыше 2000, второе свыше 4000 членовъ. Они издали болѣе 300 книжечекъ для народа. Для того же, чтобы отвлечь народъ отъ кабаковъ и пьянства, необходимо-де въ селахъ и посадахъ учреждать читальни, въ коихъ по воскресеніямъ и праздникамъ и вообще въ свободное отъ занятій время крестьяне и мѣщане могли бы собираться для чтенія книгъ и журналовъ, развлеченія и совѣщанія объ общихъ дѣлахъ. Такихъ читаленъ основано въ Галичинѣ до 300. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ устраиваются даже публичныя чтенія, музыкальныя и театральныя представленія, разумѣется, самими крестьянами и мѣщанами.

Особую важность придавалъ о. Наумовичъ точному, правильному и торжественному отправленію церковнаго богослуженія. По его мнѣнію всѣ должны пѣть въ церкви; но сверхъ такого пѣнія все-народнаго онъ признаетъ пользу и потнаго пѣнія, для возвышенія торжественности славянскаго богослуженія. Въ этомъ отношеніи отличнымъ сподвижникомъ Наумовича былъ покойный Горецкій, всецѣло посвятившій себя по окончаніи богословскаго курса обученію

крестьянъ и мѣщанъ потному пѣнію. Втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ устроилъ до 30 хоровъ; но непосильный трудъ сократилъ его жизнь: онъ умеръ отъ чахотки. Однако положенное имъ начало дало уже хорошіе плоды. Со времени его смерти число сельскихъ и посадскихъ хоровъ умножилось вчетверо. Нѣкоторые изъ нихъ (особенно денисовскій, изъ окрестности Тарвополя) такъ хороши, что приглашаются въ города на концерты.

Вотъ основные взгляды, которые развивалъ о. Наумовичъ въ публичныхъ рѣчахъ, частныхъ разговорахъ и въ сочиненіяхъ. Гдѣ его совѣты были примѣнены къ дѣлу, тамъ народъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ замѣтно измѣнился къ лучшему: исчезло пьянство, быстро распространилась грамотность, крестьяне обстроились, стали употреблять лучшія земледѣльческія орудія, разводилъ неизвѣстныя имъ до того растенія и лучшія породы скота.

Такіе успѣхи дѣятельности о. Наумовича и подъемъ русско-народнаго сознанія въ средѣ крестьянъ и мѣщанъ стали наконецъ озабочивать польскихъ шовинистовъ, а также евреевъ, которые не могли долѣе эксплуатировать отрезвленный народъ. Это была одна изъ причинъ политическаго процесса 1882 года, который имѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ и религіозный характеръ.

Извѣстно, что унія славянской церкви съ римской заключена на опредѣленныхъ условіяхъ, обязательныхъ для обѣихъ сторонъ. Между этими условіями главнымъ является то, что унія распространяется лишь на догматическую, а не обрядовую сторону церковной жизни и что она не подрываетъ автономіи славянскихъ церквей, въ ихъ внутренней организаціи и отношеніяхъ къ народности. Между тѣмъ въ послѣднія десятилѣтія въ Галичинѣ обнаружилось стремленіе польскихъ миссіонеровъ, особенно іезуитовъ, подрить эту автономію, уничтожить традиціонный строй славянской церкви и незамѣтно слить ее съ латинскою. Противъ этого стремленія энергически выступили всѣ галицко-русскіе патріоты, а между ними въ числѣ первыхъ и о. Наумовичъ. Въ началѣ 80-хъ годовъ это оборонительное движеніе стало обхватывать и народныя массы. Самымъ энергическимъ его выраженіемъ была попытка крестьянъ с. Гнилицъ (близъ Збаража) принять православіе, что вовсе не воспрещено австроугорскими законами.

Крайнее смущеніе охватило тогда польскихъ политиковъ и іезуитовъ. Да и австрійское правительство серьезно обезпokoилось, опасаясь, чтобы православное движеніе галичанъ не повредило интересамъ государства. По требованію галицкоподольской шляхты и іезуитовъ приняты были самыя строгія мѣры для подавленія начавшагося движенія. Въ концѣ января 1882 года арестовано было до 20 лицъ не только изъ гнилицкихъ крестьянъ, но также проживавшій тогда во

Львовѣ гофратъ Адольфъ Ивановичъ Добрянскій съ дочерью Ольгою Грабаръ, редакторы: Венедиктъ Площанскій, Осипъ Марковъ, Николлай Огоновскій, Исидоръ Трембицкій и Аполлонъ Ничай, нѣсколько крестьянъ, а наконецъ о. Іоаннъ Наумовичъ и его два сына. Львовская прокуратура усматривала въ гнилицкомъ дѣлѣ панславистическую пропаганду, опасную для государства. Изъ арестованныхъ нѣкоторые были отпущены на свободу, прочіе же одиннадцать обвинены прокуратурою въ государственной измѣнѣ.

Судебное разбирательство, на которомъ пространно обсуждаемы были и разные научные вопросы, въ родѣ напр. туранскаго происхожденія «москалей», уни, православія и т. п., не представило никакихъ уликъ въ государственной измѣнѣ. Судъ призналъ лишь фактъ нарушенія общественнаго спокойствія въ дѣйствіяхъ о. Іоанна Наумовича, Венедикта Площанскаго, крестьянина Ивана Шпундера и мѣщанина Олексѣя Залускаго. О. Іоаннъ былъ осужденъ вслѣдствіе того на восьмимѣсячное тюремное заключеніе.

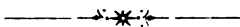
За гнилицкое дѣло епархіальная власть львовской грекокатолической митрополіи обвинила о. Наумовича въ схизмѣ и подвергла его за это, на основаніи § 1 буллы «Соенае», великому отлученію. Ему было запрещено богослуженіе; его лишили и прихода. Апелляція къ папѣ не имѣла успѣха.

Не имѣя средствъ къ содержанію въ Галичинѣ, о. Іоаннъ принялъ тогда православіе и переселился въ 1886 году въ Россію. И здѣсь не переставалъ онъ трудиться на поприщѣ еще болѣе широкомъ. Въ Россіи написалъ онъ: «Четыре путеводителя доброй жизни», Москва, 1888; «Псалтырникъ, повѣсть изъ галицко-русской народной жизни», Москва, 1888; «Отецъ Θεодоръ», «Завѣтные тополи»; «Степанъ Сторазумовъ»; «Какъ въ простотѣ люди живутъ»; «Христіанскія добродѣтели»; «Календари» на 1890—1891 гг.; «Книгу для чтенія о сельскомъ хозяйствѣ» и мн. др.

Не переставая думать о помощи своимъ землякамъ, отправился онъ въ началѣ лѣта 1891 г. на Кавказъ, гдѣ предполагалъ устроить поселеніе для безземельныхъ галицкихъ крестьянъ, чтобы ихъ отвлечь отъ выселенія въ Америку. Но трудное путешествіе по морю и горамъ было не подъ силу 65-лѣтнему старику. На обратномъ пути онъ остановился въ городѣ Новороссійскѣ и тутъ скончался 4 (16) августа.

О. Наумовичъ нѣсколько разъ былъ избираемъ въ депутаты львовскаго сейма и въ вѣнскую державную думу. Но политика не была его призваніемъ. Зато какъ престолярный писатель христіанско-дидактическаго направленія, онъ соорудилъ себѣ памятникъ навѣки незабвенный.

Червонорусь.

Значеніе для греко-славянъ послѣднихъ событій въ Англіи и Германіи. Новые моменты въ борьбѣ съ германизмомъ чеховъ и словенцевъ. Поляки и Россія. Вопросъ румынскій. Софійскія козни.

I

Послѣдній мѣсяць въ международной области принадлежитъ безраздѣльно двумъ лицамъ: Гладстону и Бисмарку. Какъ ни различны эти два великана новѣйшей Европы по своему характеру, стремленіямъ и дѣятельности, все же есть и нѣкоторое сходство въ ихъ нынѣшнихъ отношеніяхъ къ вопросамъ большой политики, въ частности же къ Россіи и къ дѣламъ грекославянскимъ. Это обстоятельство заставляеть и насъ остановиться на явленіяхъ поучительной борьбы Гладстона и Бисмарка съ Салисбери и Каприви, на фонѣ событій западно-европейской жизни.

Историческій слѣдъ дѣятельности Бисмарка, какъ творца объединенной Германіи или имперіи Гогенцоллерновъ, быть можетъ окажется глубже и долговѣчнѣе, чѣмъ реформаціонная дѣятельность Гладстона, которому не пришлось произвести подобнаго рода переворотовъ въ международной области; однако врядъ-ли кто рѣшится теперь оспаривать, что личный характеръ «великаго вига», содержаніе и значеніе одушевляющихъ его идей и переворотовъ, произведенныхъ имъ въ сознаніи англичанъ,—несравненно выше и плодотворнѣе съ точки зрѣнія и этической, и политической, чѣмъ типъ и дѣятельность прусскаго Рихелье.

Не только по любимымъ своимъ занятіямъ Гомеромъ, но и по общему складу мысли и характера, Гладстонъ является какъ бы воскресшимъ и перенесеннымъ въ новоевропейскую обстановку ари-

няниномъ, любителемъ поэзіи и философіи, свободнаго слова и свободнаго дѣла, яснаго міросозерцанія,—словомъ, живымъ воплощеніемъ того, что древніе греки называли «калокагаеіей». Бисмаркъ, наоборотъ, кажется воскресшимъ спартанцемъ, человѣкомъ воли твердой, но односторонней, съ міросозерцаніемъ сухимъ и практическимъ, съ нескрываемымъ презрѣніемъ къ свободѣ мысли и слова, къ произведеніямъ науки и искусства, съ преувеличеннымъ культомъ—не міра, не общества, а—государства, понимаемаго въ узкомъ бюрократическомъ смыслѣ, если не съ двумя царями, какъ въ Спартѣ, то съ двумя управителями: императоромъ и канцлеромъ...

При такомъ различіи характеровъ, неудивительно, что и послѣднія дѣйствія этихъ двухъ великихъ государственныхъ мужей, послѣднія сцены ихъ жизненной драмы представляютъ глубокіе контрасты, приримаемые лишь высшимъ смысломъ исторіи, насколько могутъ судить о томъ современники.

Оба они выступаютъ теперь какъ вожди оппозиціи. Но какое различіе въ приемахъ и цѣляхъ, въ характерѣ и видимыхъ результатахъ!

Несмотря на свои 83 года Гладстонъ и теперь, какъ прежде, идетъ впереди своего общества; родившись въ самомъ началѣ XIX в., онъ является въ средѣ своихъ внуковъ какъ бы глашатаемъ будущаго, зарею вѣка XX-го.

Совершенно иначе говоритъ и дѣйствуетъ Бисмаркъ. Онъ смотритъ не впередъ, а назадъ, притомъ не столько для открытія тамъ новыхъ истинъ или новыхъ уроковъ, сколько для возвышенія своихъ заслугъ, для доказательства своей мнимой политической непогрѣшимости. Мы можемъ понять, а пожалуй и оправдать подобныя слабости въ опальномъ вельможѣ; но гораздо болѣе сочувствія и даже удивленія вызываетъ въ насъ образъ престарѣлаго вига, который представляетъ какъ бы олицетвореніе вѣчной юности—народнаго духа, смѣлаго порыва впередъ, въ царство свободы и справедливости.

Оба и теперь еще говорятъ длинныя и безконечныя рѣчи. Но какая разница въ мягкомъ и свѣтломъ ихъ колоритѣ у Гладстона, рѣзкомъ и сумрачномъ у Бисмарка!

Но главное различіе между ними заключается не въ этомъ, а въ содержаніи этихъ рѣчей, въ ихъ идеальныхъ задачахъ и цѣляхъ. Бисмаркъ считалъ бы достаточнымъ для счастья не только нѣмцевъ, но и всего человѣчества увѣковѣчить «старый курсъ» нѣмецкаго государственнаго корабля, основанный на традиціяхъ вѣковой гогенцоллернской политики, которой суть заключалась въ томъ, чтобы держаться на буксирѣ Россіи или, вѣрнѣе, пользоваться ея парами и парусами для своихъ, нѣмецкихъ цѣлей.

Иначе говорить и думать Гладстонъ; въ другомъ, болѣе прямомъ и благородномъ направленіи желалъ бы онъ направить державный корабль Великобританіи: англичане должны наконецъ отказаться отъ мысли, что міръ существуетъ для ихъ только пользы и удовольствія; должны примириться съ мыслию, что ирландцы напр. имѣютъ такое же право на Ирландію, а шотландцы на Шотландію, канадцы на Канаду и т. д., какъ англичане на Англію; должны согласиться, что народныя массы заслуживаютъ такого же или и большаго вниманія со стороны государства, чѣмъ привилегированныя меньшинства населенія; что и простой рабочій долженъ получить возможность не только трудиться, но равномѣрно съ другими классами населенія и пользоваться плодами рукъ своихъ, чтобы получить возможность не животнаго лишь прозябанія, но человѣческаго развитія; что государство, которое столько вѣровъ служило интересамъ олигархіи, должно наконецъ стать органомъ всенародной мысли и воли, слугою общихъ, а не кастальныхъ пользъ и нуждъ, что наконецъ—и это самое главное—политика Великобританіи, какъ и прочихъ нормально-развивающихся государствъ, должна быть основана не на шаткой почвѣ оппортунизма, а на незыблемыхъ устояхъ христіанской нравственности, чтобы примирить въ высшемъ единствѣ интересы отдѣльныхъ лицъ и разнообразныхъ общественныхъ группъ.

Насколько такая политика выше олицетвореннаго Бисмаркомъ культа «реальной политики», орудующей «огнемъ и желѣзомъ», опирающейся на милитаризмъ и принципиально отрицающей права личности, общества, народности! Да, и народности, ибо Бисмаркъ лишь по началу своей дѣятельности былъ пангерманистомъ; съ 1870-хъ же лѣтъ онъ совершенно измѣнилъ этому принципу, замѣнивъ идею племенного и культурнаго единства нѣмцевъ идеею искусственной лиги нѣсколькихъ народностей и нѣмецкаго, и славянскаго, и романскаго, и даже финскаго происхожденія, причемъ имѣлась, правда, надежда на постепенное претвореніе ихъ всѣхъ въ нѣмцевъ, но лишь въ отдаленной перспективѣ. Если мы видимъ поэтому въ Германіи какъ бы новый взрывъ бисмаркіанства, то въ явленіи этомъ нужно видѣть искусственный продуктъ и политическихъ тенденцій новонѣмецкой школы, и продолжительнаго вліянія на умы бисмарковской печати, и даже официальной историографіи, и пріятнаго щекотанія нѣмецкихъ нервовъ шовинистическими рѣчами экскампелера, отчасти же и антиправительственнаго настроенія многихъ нѣмцевъ, особенно въ южной Германіи.

Другое дѣло Гладстонъ. Онъ никогда не игралъ на низшихъ инстинктахъ народной души, слѣд. если вызвалъ въ ней сочувственный откликъ для своихъ идей, то лишь въ силу ихъ внутрен-

няго обаянія. Такого рода побѣда имѣетъ совершенно иную нравственную цѣну, чѣмъ замѣчаемое нынѣ въ общественномъ настроеніи нѣмцевъ торжество «старого курса» надъ «новымъ».

А Гладстонъ достигъ этой побѣды при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, вопреки усиліямъ и правительства, и большинства аристократіи—родовой и денежной—и наконецъ представителей официальной церкви. Но самымъ нагляднымъ доказательствомъ того, что Гладстонъ дѣйствительно идетъ и теперь далеко впереди самыхъ передовыхъ колоннъ своего общества, представляется намъ торизмъ или—какъ теперь предпочитаютъ выражаться въ Англии—унионизмъ всѣхъ шести великобританскихъ университетовъ, не исключая ни эдинбургскаго, ни дублинскаго. Приобрѣтенное Гладстономъ при такихъ исключительныхъ условіяхъ парламентское большинство въ 42 голоса представляется фактомъ громадной важности не для англійской, но и вообще для европейской будущности.

Прежде всего онъ доказываетъ существованіе въ англійскомъ народѣ здороваго зерна, которое можетъ послужить основой для возрожденія погрязшаго въ меркантильности и утилитаризмѣ общества Великобританіи. Если такой несправимый идеалистъ и упрямый филантропъ, какъ Гладстонъ, могъ приобрести для своихъ идей большинство въ великобританскомъ парламентѣ, то изъ этого явствуетъ, что парламентъ этотъ и въ будущемъ можетъ еще быть при хорошемъ руководителѣ полезнымъ дѣятелемъ не только англійской, но и міровой образованности. Это сознаніе въ высшей степени отрадно и для народовъ грекославянскихъ, коихъ интересы въ столькихъ пунктахъ соприкасаются съ великобританскими, слѣдов. не совсѣмъ еще отрѣзаны отъ нравственной возможности полюбовнаго размежеванія съ этими послѣдними.

Но есть еще одна причина радоваться торжеству Гладстона. Какъ бы высоко мы ни ставили значеніе его личнаго почина, все же никто не станетъ отрицать, что сила этого почина врядъ ли обезпечила бы сама по себѣ торжество идей Гладстона, еслибы поднятое имъ надъ страной знамя не имѣло бы въ себѣ вдохновляющей силы и высокаго обаянія. Гладстонъ является не только глашатаемъ, но и орудіемъ великихъ идей, уже ранѣе и отчасти независимо отъ неба выработавшихся въ англійскомъ обществѣ и теперь ставшихъ основой его политической программы.

Самое срединное положеніе въ ряду этихъ идей занимаетъ, какъ извѣстно, ирландскій home-rule, т. е. принципъ областной автономіи, федеративнаго строя историко-національныхъ индивидуальностей Великобританіи. Второе мѣсто въ этой программѣ занимаетъ «великій вопросъ о

трудъ» (the great question of labour), въ его многообразныхъ развѣтвленіяхъ. Вотъ эти двѣ идеи, которымъ такъ или иначе подчиняются всѣ прочіе пункты гладстоновской программы, напр. о преобразованіи выборовъ по принципу: «одинъ человекъ — одинъ голосъ» (one man—on vote), усиленіе мелкихъ автономныхъ единицъ, даровое обученіе, реформа аграрная, вопросъ о 8-часовомъ трудѣ и т. д. служить для насъ не только разгадкою нынѣшнихъ успѣховъ гладстонизма, но и залогомъ его прочной и далекой будущности.

Въ самомъ дѣлѣ, федеративный строй государствъ, организованныхъ въ рамкахъ то историко-политическихъ индивидуальностей, то этнологическихъ группъ, представляетъ господствующее стремленіе нашего вѣка, все болѣе возрастающее къ концу его, слѣд. обращенное лицомъ не къ прошедшему, а къ будущему. Были конечно и въ старое, даже въ древнее время федераціи, напр. въ политическомъ строѣ античной Греціи, въ республикѣ, а затѣмъ имперіи римской, съ ея двумя продолженіями на западѣ и востокѣ, даже въ іерархическомъ строѣ христіанскихъ церквей и въ исторической жизни всѣхъ древнеславянскихъ племенъ; но не изъ этихъ древнихъ ключей вышли федеративныя теченія XIX в. Они коренятся въ идеѣ народностей, которая въ свою очередь представляетъ естественное слѣдствіе освободительныхъ движеній новаго времени, основанныхъ на самоопредѣленіи личности, въ рамкахъ общества и государства.

Вопросъ ирландскій имѣеть, какъ извѣстно, уже вѣковую давность, но особую силу онъ получилъ со второй половины нашего вѣка, и получилъ потому, что совналъ съ подобнымъ стремленіемъ многихъ другихъ народностей и областей Стараго и Новаго свѣта. Особенно дѣятельная поддержка была при этомъ оказана ирландцамъ гражданами Сѣверо-американскихъ штатовъ, которые за 100 л. передъ симъ возникли въ силу подобнаго феніанскому движенія противъ англійскаго централизма, во имя областной автономіи. Но и безъ этой могущественной поддержки ирландцы, хотя нѣсколько позже, добились бы цѣли своихъ вѣковыхъ усилій и стремленій, подобно тому, какъ уже раньше добились ихъ: Сербія, Греція, Румынія, затѣмъ Ломбардія, Венеція, позже и въ сильно извращенномъ видѣ, Мадыарія и Болгарія и н. др. Аналогичные процессы и теперь еще совершаются въ Норвегіи, многихъ австроугорскихъ великобританскихъ и другихъ областяхъ.

Гладстоновскій home-rule является слѣдов. частью громаднаго народно-политическаго процесса, охватившаго теперь всѣ старыя государства Запада и призваннаго ихъ перестроить на новыхъ началахъ. Въ Великобританіи этотъ процессъ получилъ большую важность и гласность лишь потому, что имперія эта, связанная ты-

сячами нитей со всѣми материками и океанами, представляетъ наибольшій просторъ для развитія любого народно-политическаго движенія, слѣдов. и народно-федеративнаго. Вѣдь если по принципу home rule будутъ преобразованы взаимныя отношенія сначала Англіи и Ирландіи, затѣмъ Англіи и Шотландіи, Англіи и Вельса, Канады, Капштадта, Австраліи, В.-Индіи и т. д., то подобный переворотъ неизбѣжно отразится на отношеніяхъ не только этихъ странъ, но и примыкающихъ къ нимъ такъ или иначе во всѣхъ частяхъ свѣта.

А къ этому и направляется теперь дѣло, какъ это прямо высказалъ въ одной изъ своихъ мидлосіанскихъ рѣчей глава великобританскихъ федералистовъ, Гладстонъ. Не безъ причины слѣдов. органы торизма взвалили на Гладстона и его единомышленниковъ отвѣтственность за очевидную неудачу проектированныхъ было лордомъ Салисбери новыхъ политическихъ захватовъ въ Авганистанѣ и въ Марокко, гдѣ сэръ Еванъ Смитъ принужденъ былъ спастись бѣгствомъ изъ Феца за дерзкую попытку навязать марокскому султану сдѣлку, аналогичную биконсфильдовской сдѣлкѣ съ султаномъ—о захватѣ англичанами о. Кипра. И эмиръ Абдуррахманъ заговорилъ теперь съ индійскимъ вице-королемъ нѣсколько инымъ тономъ, чѣмъ прежде.

При такой громадной важности совершеннаго Гладстономъ переворота, понятны привѣтственные ему адреса и поздравительныя телеграммы отъ всѣхъ истинныхъ приверженцевъ идей федерализма въ Европѣ, напр. отъ младочешскихъ депутатовъ вѣнскаго рейхсрата, патріотовъ хорватскихъ въ Загребѣ, сербскихъ въ Бѣлградѣ, румынскихъ въ Бухарестѣ, греческихъ въ Аѳинахъ и т. д.

Если же, несмотря на видимый федерализмъ нынѣшней Австро-Угрии и Германіи, скрежещутъ теперь зубами по поводу торжества Гладстона нѣмцы, мадьяры и поляки, то это объясняется особенностями федерализмовъ нѣмецкаго, мадьярскаго, польскаго: ихъ вѣрнѣе бы назвать системами государственной монополіи трехъ означенныхъ народностей, съ полнымъ порабощеніемъ всѣхъ прочихъ народностей Австро-Германіи, Мадырїи, Полоно-Галиціи. Приблизившаяся развязка вопроса англоирландскаго внушаетъ этимъ монополистамъ страхъ за сохраненіе и въ будущемъ нынѣшняго своего привилегированнаго положенія на народной территоріи чехоморавянъ, червонорусовъ, словаковъ, сербохорватовъ, словинцевъ, румыновъ и т. д.

Съ другой стороны, поставленный Гладстономъ на очередь—правда, вторую, а не первую—«великій вопросъ о трудѣ» также обращаетъ на Англію надежды всѣхъ «труждающихся и обремененныхъ», не

столько по личной винѣ, сколько отъ экономическихъ слѣдствій стараго феодально-олигархическаго строя западной Европы. Конечно, нельзя надѣяться, что старику вигу съ единомышленниками удастся въ немногіе годы разрѣшить этотъ громадный и трудный вопросъ. Онъ встрѣтитъ со стороны капиталистовъ и латифундистовъ еще болѣе ожесточенный отпоръ, чѣмъ вопросъ ирландскій. Но для современниковъ и потомства будетъ важно, если столь великій, опытный и одушевленный государственный дѣятель намѣтитъ хотя общія основы разрѣшенія роковой социальнo-экономической проблемы нынѣшняго Запада.

Неудачный исходъ попытокъ государственнаго социализма въ Германіи заставляетъ и континентальныя державы томиться надъ присканіемъ выхода изъ лабиринтовъ рабочаго вопроса. Если Гладстону удастся отыскать путь къ его разрѣшенію въ Англии, то онъ окажетъ всѣмъ народамъ запада услугу не менѣе важную, чѣмъ ирландскимъ *home rule* мъ.

Наконецъ, есть еще третье обстоятельство, заставляющее не только всѣхъ грекославянъ, но и всѣхъ истинныхъ филантроповъ сочувствовать успѣхамъ Гладстона въ Великобританіи: это его предполагаемое отношеніе къ тройной лигѣ и русско-французскому союзу.

Въ англійской крови издревле замѣчается какъ бы дуализмъ вошедшихъ въ нее стихій германской и романской, при существованіи общей для обѣихъ подпочвы въ кельтизмѣ. Можно поэтому согласиться до нѣкоторой степени съ извѣстнымъ положеніемъ, что англійскій народъ имѣетъ германскаго отца, но романскую мать. Въ этого отца пошли особенно англійскіе тори, а въ мать—виги: въ первыхъ все еще какъ будто отражаются, послѣ столькихъ метаморфозъ, традиціи и инстинкты англосаксонскіе, во вторыхъ же—скорѣе французско-нормандскіе. Тори всего чаще держались союзовъ съ народами германскими, а виги—съ романскими, хотя конечно въ общенародныхъ интересахъ и столкновеніяхъ народъ выступалъ противъ тѣхъ или другихъ какъ одно нравственное цѣлое. Когда въ Европѣ образовалась подъ главенствомъ Германіи тройная лига, англійскіе тори, съ Биконсфильдомъ, а потомъ Салисбери во главѣ, отнеслись къ ней съ явнымъ пристрастіемъ, такъ что молодой нѣмецкій императоръ уже лелѣялъ мысль расширенія лиги тройной въ четверную, включеніемъ въ нее Великобританіи. Это не могло однако осуществиться по многимъ причинамъ, между которыми одною изъ самыхъ важныхъ было нерасположеніе къ такой комбинаціи со стороны вивговъ. Они никогда не скрывали своихъ симпатій къ Франціи, Италіи, Португаліи, вообще къ странамъ романскимъ. Глад-

*

стонъ же въ вопросахъ боснійско-герцеговинскомъ и болгарскомъ возвысился даже до чувства справедливости къ славянамъ своими статьями: «о турецкихъ звѣрствахъ въ Болгаріи» и знаменитымъ возгласомъ по адресу Австро-Угріи: «руки прочь (tands off)!» Все это даетъ основаніе надѣяться, что при Гладстонѣ и виггахъ прежняя интимность Великобританіи съ тройной лигой смѣнится болѣе равновѣрной нейтральностью къ обѣимъ группамъ, опредѣляющимъ нынѣшнее политическое равновѣсіе континентальной Европы.

Не этого ли рода вѣроятностями объясняется крайнее недовольство упадкомъ великобританскаго торизма во всѣхъ офиціозахъ Германіи, Австро-Угріи, Италіи, особенно же въ распущенныхъ газетахъ мадьярскихъ и польскихъ! Пока эти офиціозы утѣшаются еще надеждою, что авось большинство Гладстона распадется на свои разнообразныя стихіи. Но ужели одвороднѣе этого большинства было то, которымъ руководилъ послѣдніе годы Салисбери и которое представляло смѣсь двухъ столь противоположныхъ группъ, какъ исконные тори и отколовшіеся отъ Гладстона по ирландскому вопросу виги-уніонисты? Во всякомъ случаѣ, теперь уже невозможно сколько-нибудь свободное и твердое управленіе тори, такъ что даже при сохраненіи на время министерства Салисбери Великобританія не могла бы болѣе продолжать своей явно нѣмецко-фильской и австро-фильской политики на европейскомъ юговостокаѣ. Врядъ ли можетъ измѣнить это положеніе великобританскихъ дѣлъ и новая поѣздка императора Вильгельма въ Англію.

II.

Не совсѣмъ безотрадныя перспективы открываются намъ теперь и въ Германіи, благодаря новѣйшей вспышкѣ ожесточенной борьбы между Бисмаркомъ и нынѣшними правителями Германіи, особенно же Пруссіи. Словоохотливый и раздраженный эксанцлеръ въ многочисленныхъ рѣчахъ, сказанныхъ то депутаціямъ, то частнымъ лицамъ, а также во внушенныхъ имъ статьяхъ нѣмецкихъ газетъ, особенно же въ *Hamburger Nachrichten*, на чистоту открылъ теперь міру свои политическія карты. Оказалось, что главнымъ козыремъ въ нихъ всегда была—Россія! Бисмаркъ теперь доподлинно разъяснилъ нѣмцамъ, что Германія никогда не достигла бы нынѣшняго своего значенія безъ вѣковой и болѣе чѣмъ безкорыстной помощи Гогенцоллернамъ со стороны Россіи. Болѣе того, онъ доказалъ, что и теперь еще эта помощь крайне нужна Германіи, что утрата прусскими государственными людьми прежняго довѣрія въ Россіи создала для нѣмцевъ очень трудное, даже опасное положеніе, за ко-

торое Бисмаркъ никакъ не желаетъ взять на себя отвѣтственности, сваливая ее на гр. Каприви, по русской поговоркѣ: «съ больной головы да на здоровую»!..

Все это намъ очень полезно знать, чтобы, не преувеличивая своихъ силъ, въ то же время и не ступшевываться передъ нѣмецкими гегемонами, не уступать имъ добровольно нашихъ стародавнихъ историческихъ позицій, какъ это случилось напр. при кн. Бисмаркѣ, злоупотребившемъ русскимъ къ нему «довѣріемъ».

Кромѣ того нельзя не замѣтить, что завязавшаяся со времени «вѣнской свадьбы» газетная полемика о «старомъ» и «новомъ» курсахъ не могла поднять обаянія и авторитета нынѣшней Германіи ни дома, ни въ сферѣ международной. Наоборотъ, она ослабила Германію, раздѣливъ ее на два враждебныхъ лагеря, изъ коихъ правительственный чуть ли не слабѣе уже теперь оппозиціоннаго, бисмарковскаго. Послѣдній особенно укрѣпился въ южной Германіи, гдѣ кажется не безъ злорадства прислушиваются къ филиппикамъ экскаңцлера противъ нынѣшняго прусскаго правительства. Воодушевляясь по прежнему единствомъ Германіи, онъ не придаетъ уже теперь въ своихъ рѣчахъ и статьяхъ особенной важности прусскому ея средоточію. Толки о предстоящемъ водвореніи стараго Бисмарка въ Баваріи, на берегахъ Кремскаго озера, а молодого въ Штиріи, близъ Градца, наводятъ на предположеніе, что Берлинъ не имѣетъ уже теперь въ глазахъ экскаңцлера особеннаго преимущества передъ Вѣною и Мюнхеномъ. Не этотъ ли смыслъ имѣетъ и сорвавшаяся съ устъ его въ одной изъ киссингенскихъ рѣчей фраза, что цѣлью возсозданія Германской имперіи было его желаніе поставить Пруссію на службу этой имперіи? Если это такъ, то для южныхъ нѣмцевъ открываются совершенно новыя точки зрѣнія на роль Пруссіи въ Германіи, тѣмъ болѣе заманчивыя, что ихъ развиваетъ главный виновникъ Гогенцоллернской имперіи. Конечно, такого рода нравственное колебаніе государственнаго центра Германіи не представляетъ теперь для Берлина непосредственной опасности, но все же оно нѣсколько расшатываетъ политическое зданіе, не вполне еще скрѣпленное привычками и чувствами населеній. А это въ свою очередь не можетъ не отразиться на прочности лиги, которая между тѣмъ очень нуждается въ твердомъ и устойчивомъ средоточіи для объединенія столь разнообразныхъ по происхожденію, преданіямъ, чувствамъ и стремленіямъ членовъ тріединой лиги.

III.

Въ сравненіи съ этими важными и для грекославянскихъ народовъ событіями въ Великобританіи и Германіи лишь второстепенное значеніе имѣютъ новѣйшіе факты въ политической и общественной жизни Австріи, Угрии и другихъ смежныхъ странъ. Все же нѣкоторые изъ нихъ заслуживаютъ занесенія въ славянскую лѣтопись.

Приливъ нѣмецкихъ чувствъ къ южной Германіи, при одновременномъ отливѣ изъ Берлина, вслѣдствіе возрастающаго охлажденія къ нему Бисмарка, не могъ не отразиться и въ Вѣнѣ, которая во всякомъ случаѣ должна быть признана главнымъ городомъ южной Германіи, какъ Берлинъ—сѣверной. Правда, Вѣна является при этомъ еще административнымъ, отчасти экономическимъ и даже образовательнымъ центромъ для многихъ вѣтвей западнаго, особенно же цислейтанскаго славянства. Въ своихъ стѣнахъ она вѣдь скрываетъ теперь болѣе 200,000 одного чешскаго населенія. Но все это не помѣшало бы Вѣнѣ служить аванпостомъ германизма и вмѣстѣ столичнымъ городомъ южной Германіи, если бы удалось возстановить въ нынѣшней Цислейтаніи, особенно въ областяхъ чехоморавскихъ и хорутанословинскихъ, прежнее гегемоническое положеніе нѣмецкаго языка и народности. Мы не должны слѣдовательно удивляться тому, что вѣнское правительство стремится къ германизации Цислейтаніи, за изытіемъ пока Галичины и адриатическаго Приморья. Въ послѣднія недѣли стремленіе это выразилось напр. въ продолжающемся образованіи въ Чехіи такъ наз. замкнутыхъ (для чешскаго языка) судебныхъ округовъ, въ отмѣнѣ министерствомъ распоряженія пражской думы о признаніи чешскаго языка своимъ официальнымъ органомъ въ сношеніяхъ съ другими чешскими учрежденіями, въ запрещеніи люблянской городской управы замѣнить нѣмецкія названія площадей и улицъ словинскими, въ удаленіи изъ чешскаго университета четырехъ студентовъ за участіе въ вѣнскомъ съѣздѣ славянской прогрессивной молодежи; въ отсрочкѣ общаго введенія славянскаго языка въ преподаваніи 2—3 предметовъ градецкаго университета; въ официальной поддержкѣ нѣмцофильскихъ шульферейновъ и др. подобныхъ германизаторскихъ обществъ; въ удаленіи чешскихъ знаменъ и гербовъ съ публичныхъ зданій г. Берна во время проѣзда императора и т. п.

Но всѣ эти усилія нѣмцевъ не убѣждаютъ австрійскихъ славянъ въ необходимости—выражая словами древняго нѣмецкаго хрониста—*Francorum principibus sua colla submittere...* Особенно упорно отстаиваютъ свои историческія и естественныя права чехи. Идеи

возстановленія чешскаго государственнаго права, какъ оплота чешской народности противъ нѣмцевъ, въ короткое время сдѣлала такія завоеванія въ Чехіи, Моравіи, Слезіи, что сдѣлалась знаменемъ всенароднымъ, подобно home rule въ Ирландіи. Идея эта проповѣдуется и съ парламентской трибуны (напр. въ рѣчи деп. Айма по валютному вопросу), и на безчисленныхъ народныхъ вѣчахъ Чехо-Моравіи, и на страницахъ всѣхъ почти чехоморавскихъ газетъ и журналовъ, и даже въ частной бесѣдѣ поселянъ. Самъ императоръ убѣдился въ этомъ въ Бернѣ во время приѣма депутацій, причемъ одинъ моравскій крестьянинъ прямо заявилъ о желаніи народа, чтобы императоръ короновался вѣнцомъ св. Вячеслава. Заявление это вызвало массу сочувственныхъ писемъ и телеграммъ смѣлому поселянину, который такимъ образомъ довелъ до высочайшаго свѣдѣнія нынѣшнюю завѣтную думу всѣхъ чехоморавянъ.

Особенно важно въ этомъ случаѣ согласіе на программу чешско-моравскаго «home rule» всѣхъ чехоморавскихъ сословій и партій. Можно желать и надѣяться, что на этой почвѣ вновь будетъ возстановлено если не единство, то по крайней мѣрѣ патріотическое взаимодействіе старочеховъ съ младочехами, клерикаловъ съ реалистами, феодаловъ съ социаль-демократами и т. д. Общимъ ихъ знаменемъ должно быть отраженіе германизма, сохраненіе своей славянской народности, огражденіе ея гарантіями чешскаго государственнаго права.

Что въ этомъ оборонительномъ движеніи чехоморавскаго народа и мѣстное духовенство въ громадномъ большинствѣ стоитъ за права своей народности, это воочію доказалъ бернскій епископъ Бауеръ въ энергической рѣчи противъ отупленія моравскихъ дѣтей обученіемъ на непонятномъ имъ нѣмецкомъ языкѣ въ такъ наз. шульферейнскихъ школахъ. Этимъ своимъ заявленіемъ мужественный епископъ вызвалъ вражду нѣмцевъ, но поднялъ себя въ глазахъ народа на такую высоту, на какой стоятъ въ Хорватіи еп. Штросмайеръ, а въ Сербіи митрополитъ Михаиль.

Епископъ Бауеръ не стоитъ въ Моравіи одиноко; тамъ не мало и другихъ такихъ патріотовъ въ средѣ духовенства. Тѣмъ желательнѣе сближеніе съ нимъ политическихъ вождей, призванныхъ собирать, а не раздѣлять народныя силы.

Въ земляхъ подальшійскихъ словенцевъ нѣмцы не встрѣчаютъ столь сильнаго отпора въ своихъ попыткахъ германизовать прежде всего южную Штирію и Хорутанію, при помощи то шульферейна, то Südmark'a, то даже нѣмецкихъ колонистовъ изъ нашей «остзейщины»; но все же и тамъ народно-славянское сознаніе понемногу пробуждается, особенно въ Крайнѣ, затѣмъ въ Штири и отчасти

даже въ Хорутаніи или Каринтіи. Къ сожалѣнію, между словенцами, какъ и вообще въ земляхъ подальшійскихъ, ультрамонтанство все еще удерживаетъ власть надъ умами народныхъ массъ, парализуя въ нихъ народное самосознаніе и инстинкты жизни. Къ тому же взгляды этого ультрамонтанства опредѣляются теперь не столько Римомъ, сколько Зальцбургомъ, Инсбрукомъ, Вѣною, т. е. клерикализмомъ специфически нѣмецкимъ, затхлымъ, фанатическимъ, антиславянскимъ. При такомъ настроеніи значительной части словянскаго духовенства, особенно высшаго, не можетъ найти въ немъ существенной поддержки народное дѣло. Предстоящій словинцамъ въ августѣ католическій съѣздъ въ Люблянѣ не сулитъ имъ особенныхъ благъ. Усилія этого съѣзда будутъ обращены скорѣе на подавленіе славянскаго сознанія въ народѣ, чѣмъ на пробужденіе и развитіе такого сознанія. Въ этомъ особенно убѣждаетъ насъ рѣзко-руссофобское направленіе главнаго органа словинскихъ клерикаловъ «Словѣнца» (Slovenec), который напр. кормитъ своихъ читателей сфабрикованными въ Краковѣ письмами подуральскихъ выселенцевъ изъ упорствующихъ униатовъ Холмщины и усердно поддерживаетъ стамбуловщину въ Болгаріи!....

IV.

Печальную, недостойную славянства роль приходится попрежнему играть полякамъ и въ Германіи, и въ Цислейтаніи. Въ Познани, Софіи и Пруссакъ ихъ дѣятельность выражается главнымъ образомъ въ ухаживаніи за министрами, составленіи для нихъ петицій, докладныхъ записокъ и т. п., а затѣмъ въ услуживаніи центру рейхстага, въ оборонѣ гр. Каприви отъ нападоу кн. Бисмарка и наконецъ въ хлопотахъ объ усиленіи прусскаго флота! Даже нашъ петербургскій «Кгај» махнулъ наконецъ на этихъ поляковъ рукою, признавъ всю ихъ политику «сооруженіемъ замковъ на льду» (№ 25). На дѣлѣ это еще хуже испанскихъ замковъ: это просто вымираніе польской народности, перерожденіе славянъ въ ультрамонтанскихъ нѣмцевъ!

Но еще позорнѣе политическая дѣятельность поляковъ галицкихъ. Они скальпируютъ въ національномъ смыслѣ не только свой собственный народъ, но и брошенныхъ имъ на съѣденіе червоно-русовъ, помогая нѣмцамъ въ Цислейтаніи, а мадьярамъ въ Транс-лейтаніи уничтожать остатки западнаго и южнаго славянства. Всего прискорбнѣе, что за подобною работою видишь не однихъ безмозглыхъ шляхтичей, въ родѣ пана Поповскаго (очевидно, потомка поповъ!), который публично въ рейхсратѣ призналъ славянство не

стоящимъ щепоти табаку, но нерѣдко и людей серьезныхъ, образованныхъ, добросовѣстныхъ, какимъ напр. мы считали до сихъ поръ галицкаго экономиста Щепановскаго. Въ своихъ сочиненіяхъ, особенно въ книжкѣ: *Needza w Galicyi* (Нищета въ Галиціи) онъ нарисовалъ въ столь сумрачныхъ, но къ сожалѣнію вѣрныхъ краскахъ картину экономического упадка и народнаго вырожденія Галиціи, какъ результатъ 25-лѣтняго управленія ея польскими автономными учрежденіями, что мы никакъ не ожидали встрѣтить потомъ его въ Вѣнѣ въ роли самаго обыденнаго министерскаго мамлюка и польскаго шовиниста. А такимъ именно и выступилъ панъ Щепановскій въ дебатахъ рейхсрата по валютному вопросу. Мы не станемъ здѣсь вдаваться въ обсужденіе вопроса о пригодности для Австро-Угріи вообще, а Галичины въ частности золотой валюты.

Замѣтимъ вскользь, что доводы противъ нея, высказанные проф. Суессомъ и чешскими депутатами—Айшомъ, Кайзлемъ, Крамаржемъ и др. показались намъ болѣе убѣдительными, чѣмъ рѣчи адвокатовъ правительства. Золотая валюта, когда она станетъ наконецъ фактомъ, будетъ безспорно полезна людямъ денежнымъ, особенно еврейскимъ банкирамъ, но тяжела для людей бѣдныхъ, для рабочихъ, которые принуждены будутъ платить золотомъ, а получать никкелемъ, какъ выразился одинъ изъ депутатовъ, кажется кн. Лихтенштейнъ.

Но насъ занимаетъ здѣсь не столько экономическая, сколько политическая сторона валютныхъ преній. Въ нихъ еще разъ и съ полной очевидностью обнаружилось, что польскій клубъ въ Вѣнѣ—это настоящіе янычары цислейтанскаго правительства, готовые рубить направо и налево, не разбирая своихъ и чужихъ, если только имъ нарисовать на стѣнѣ русскаго «черта» или хотя бы только медвѣдя. На этотъ разъ умозаключенія «кола» вращались въ слѣдующихъ послышкахъ: «чтобы отбудовать ойчизну, необходимо побить москаля; чтобы побить москаля, нужно имѣть деньги; чтобы имѣть деньги, нужно располагать кредитомъ; чтобы имѣть кредитъ, нужно платить за золото золотомъ; слѣд. чтобы отбудовать ойчизну—нужно ввести золотую валюту».

Конечно, вѣнскіе поляки не столь ужъ просты, чтобы выдавать секреты «кола», особенно послѣ биржевой паники, вызванной прошлою осенью нескромнымъ оглашеніемъ императорскихъ сообщеній на аудіенціи Яворскому—о возможности войны съ Россіей. Вотъ почему теперь, въ валютныхъ преніяхъ, польскіе депутаты, съ паномъ Яворскимъ во главѣ, не упоминали о необходимости разгромить при помощи золота Россію, а просто ссылались на высшіе государственные интересы Австро-Угріи. Но чешскому депутату Ва-

пшатуу какъ-то пришлоу упомянуть въ своей рѣчи Москву. Вотъ тутъ-то и обнаружилось, что для поляковъ весь смыслъ, вся цѣль валютной реформы и заключается въ денежной мобилизаціи на москаля. Несмотря на всю свою сдержанность и тактъ, самъ панъ Щепановскій не выдержалъ роли хладнокровнаго докладчика коммисіи и выдалъ секретъ польскаго клуба: онъ подтвердилъ, что дѣйствительно ненавидитъ москалей, считаетъ эту ненависть оправданною и даже обязательною для каждаго австроугорскаго гражданина, понимающаго суть полонизма и панрусизма. Не въ этихъ словахъ, но въ такомъ именно смыслѣ отвѣтилъ Щепановскій Вашатуу. А давно ли авторъ книжки: *Nędza w Galicyi* такъ убѣдительно, языкомъ цифръ, доказалъ, что нигдѣ въ Европѣ народъ такъ не бѣдствуетъ, какъ въ Галичинѣ, что польское управленіе отдало его въ жертву евреямъ и другимъ эксплуататорамъ, что это грозитъ вырожденіемъ всему христіанскому населенію польской Палестины, что наконецъ экономическое положеніе поляковъ въ Германіи и Россіи гораздо благоприятнѣе, чѣмъ въ Галиціи! Что же это означаетъ? Не новое ли и очевидное банкротство польской политики, совершившееся на нашихъ глазахъ и доказывающее полную неспособность нынѣшняго поколѣнія поляковъ къ автономному управленію? Какой же истинный патріотъ будетъ настолько безуменъ или безсердеченъ, чтобы желать подобной «*nędzy*» и въ прочихъ частяхъ бывшей Польши, со включеніемъ областей литовскихъ и западно-русскихъ? Ужели польскій народъ долженъ пропасть подъ гнетомъ евреевъ лишь для того, чтобы польскіе шляхтичи и другіе польскіе интеллигенты могли еще 10—20 лѣтъ поуправлять этимъ народомъ? Ужели интересы польской делегаціи въ Вѣнѣ и польскихъ членовъ львовскаго сейма, польской бюрократіи, феодаловъ, шляхты, монашества и ксендзовства или даже—допустимъ—всей польской интеллигенціи важнѣе интересовъ народныхъ массъ? Еслибы панъ Щепановскій вдумался въ этотъ вопросъ и не соблазнялся ни посулами министровъ, ни стѣснялся дисциплиною «кола», то врядъ ли онъ сказалъ бы въ рейхсратѣ, будто поляки возставали противъ Россіи въ 1812, 1830 и 1863 гг., дѣйствуя по наущенію ея враговъ—въ интересахъ польскаго народа, во имя народности! Нѣтъ, это были возстанія не за польскую народность, а за польскую государственность, которая вѣдь имѣла не народный, а сословный, феодально-клерикальный характеръ. Даже языкъ этой государственности втеченіе многихъ вѣковъ былъ не польскій, а латинскій, или вѣрнѣе безобразная смѣсь польсколатинскихъ словъ и оборотовъ. И церковь Рѣчи Посполитой была, какъ извѣстно, вовсе не польская, а чисто латинская или романо-германская. Тоже и школы. И старопольскіе города

имѣли населеніе главнымъ образомъ еврейское, отчасти и нѣмецкое, а управленіе полукагалное, полумагдебургское. Наконецъ это была и не монархія, и не республика, а какой-то политической гермафродитъ, государственность, основанная на рабствѣ снизу и анархїи вверху. Ужели такая «народность» должна еще разъ воскреснуть на площади *od morza do morza*, въ угоду польской делегации, шляхетства и иезуитовъ-змартвыхвстанцевъ.

Большое значеніе придаютъ нѣмцы, поляки и мадьяры тому обстоятельству, что русофобскія заявленія въ рейхсратѣ пана Щепановскаго были поддержаны и однимъ изъ галицкорусскихъ депутатовъ, г. Барвинскимъ. Но дѣло въ томъ, что теперь нѣтъ въ составѣ вѣнскаго рейхсрата ни одного народно-русскаго депутата, какіе тамъ бывали прежде. Подъ давленіемъ польской бюрократіи, шляхетства и есендзовства въ нынѣшнюю «новую эру» забаллотированы были при выборахъ всѣ независимые русскіе кандидаты, а избрано только подлюжины такъ наз. *Paqaderuthen'овъ*, т. е. мамелюковъ польскаго правительства и клуба. Самымъ завзятымъ изъ этихъ мамелюковъ является именно г. Барвинскій, учитель—кажется—препарандїи и издатель поликующей газетки. Повинуясь волѣ своихъ хлѣбодателей, онъ принужденъ былъ тоже «полаять на луну», отъ имени червонорусскаго населенія, протестуя противъ преслѣдованія въ Россіи малорусскаго «языка» и народности. Лучшія галицкорусскія газеты уже признали ссылку на червонорусовъ совершенно незаконною, такъ какъ они вовсе не считаютъ Барвинскаго своимъ народнымъ депутатомъ. Что же касается мнимаго преслѣдованія въ Россіи малорусскаго нарѣчія, то оно опровергается уже однимъ фактомъ изданий то въ Кіевѣ, то въ Харьковѣ, Одессѣ, даже Москвѣ и Петербургѣ множества малорусскихъ книжекъ и брошюръ, въ чемъ можно убѣдиться и изъ «Славянскаго Обзорнія» (кн. V—VI), гдѣ напечатанъ обзоръ такихъ изданій за 1891 г. Еслибы дѣло шло о научномъ обсужденіи вопроса объ отношеніяхъ малорусскаго діалекта къ общерусскому языку съ одной стороны, а къ польскому съ другой, то мы подробнѣе остановились бы на діалектической, національной и культурной сторонахъ этого вопроса; но голословный протестъ г. Барвинскаго не представляется достаточно серьезнымъ поводомъ для такого обсуждения, почему мы и откладываемъ его до другого раза.

Въ заключеніе этихъ замѣтокъ о полякахъ отмѣтимъ еще прискорбный случай съ польскими гимнастами или соколами, которые были избиты румынскою молодежью во время своей поѣздки въ Черновцы. Какъ бы строго ни осуждали мы это негостепріимное отношеніе буковинскихъ румыновъ къ прїѣзжимъ полякамъ и поль-

камъ, все же нельзя отрицать, что поляки не неповинны во враждебныхъ къ нимъ чувствахъ и даже дѣйствіяхъ румыновъ. Последнимъ не можетъ конечно нравиться все чаще и энергичнѣе заявляемыя галицкими поляками претензіи на Буковину, въ которой они видятъ какъ бы свою Семиградію и ближайшій шагъ къ «отбудованію ойчизны» отъ моря Балтійскаго до Чернаго. Къ тому же горсть черновецкихъ поляковъ при послѣднихъ выборахъ, соединившись съ нѣмцами, захватила нѣсколько депутатскихъ полномочій въ буковинскій сеймъ, къ явному ущербу румынско-русскаго населенія Буковины. Наконецъ, румыны видятъ въ полякахъ завѣдомыхъ союзниковъ мадьярства, слѣдов. отвѣтственныхъ отчасти за угнетеніе румыновъ въ Семиградіи и другихъ частяхъ угорской Дакіи.

V.

Что касается этого угнетенія, то документальный очеркъ его мы находимъ въ «Меморандумѣ», представленномъ недавно въ вѣнскую императорскую канцелярію особою депутаціею семиградскихъ румыновъ, подъ предводительствомъ адвоката Раціу. Въ этомъ «Меморандумѣ», который напечатанъ въ вѣнской «*Rumunische Revue*» и многихъ другихъ австро-угорскихъ журналахъ и газетахъ, подробно и фактически доказано, что со времени установленія съ 1868 г. австро-угорскаго дуализма румынскій народъ въ Семиградіи потерялъ всѣ свои вѣковыя права и законныя преимущества, не исключая и тѣхъ, какія обусловлены законами 1868 г. о правахъ народностей въ земляхъ угорской короны; что вмѣсто обезпеченной законами равноправности всѣхъ народовъ полиглотной Угрии румыны преданы теперь въ жертву терроризму мадьяръ; что законъ о выборахъ въ угорскій сеймъ составленъ столь тенденціозно, что полутора-милліонное населеніе румыновъ въ Семиградіи не можетъ провести туда и одной дюжины депутатовъ, будучи совершенно подавлены 200,000-ымъ только населеніемъ семиградскихъ мадьяръ; что такимъ же грубымъ безправіемъ маіоризованы румыны мадьярами въ организаціи комитатскихъ и уѣздныхъ муниципій, связанной съ системою выборовъ въ сеймъ; что законъ 1868 г. о равноправности языковъ въ школахъ ежедневно нарушается навязываніемъ румынамъ школъ мадьярскихъ, причемъ имъ не разрѣшается учреждать даже частныхъ румынскихъ гимназій; что въ судахъ и въ администраціи румынскій языкъ также совершенно задавленъ мадьярскимъ; что и законъ о печати изданъ для румыновъ особо, съ явнымъ подчиненіемъ ихъ публикацій приговорамъ не румынскихъ, а мадьяр-

скихъ присяжныхъ, которые всегда готовы убить румынскій журналъ или автора; что и аграрная политика мадыарскаго правительства также направлена противъ румынскаго крестьянства, въ пользу мадыарской знати и государственныхъ имуществъ, вслѣдствіе чего въ южныхъ мѣстахъ Семиградіи, особенно въ западной верховинѣ, народъ разоренъ и принужденъ выселяться; что правительство явно заводитъ «мадыарскія культурныя общества» и даже обязательныя сельскія мадыарскія «пріюты» для уничтоженія румынской народности, начиная съ дѣтей и съ массъ сельскаго населенія, притомъ на средства и этого послѣдняго; что этотъ 25-лѣтній уже терроризмъ мадыарскаго меньшинства противъ всѣхъ прочихъ народностей полиглитной Угрии доводитъ ихъ до отчаянія и заставляетъ просить императора о восстановленіи освященныхъ вѣками правъ румынской народности. Извѣстно, что императоръ, по настоянію мадыарскаго правительства, не принялъ ни депутацій, ни Меморандума, который теперь возвращенъ вождю депутаціи др. Раціу. Но все таки намѣченная ею цѣль хоть отчасти достигнута. Угроумынскій вопросъ поставленъ на очередь дня и настойчиво домогается разрѣшенія. Напрасно мадыарское правительство и общество пытались подавить это движеніе разгромомъ домовъ адвоката Раціу и другихъ вождей депутаціи. Дикія безчинства мадыарской и мадыаронской черни, совершенныя на глазахъ, даже при косвенномъ соучастіи властей (напр. въ Тордѣ), вызвали взрывъ негодованія не только во всей Семиградіи, но и въ Молдо-Валахіи. Послѣдовали шумные митинги въ Букарештѣ, Яссахъ, Галацѣ и другихъ городахъ Румыніи, для выраженія протеста противъ мадыарскихъ звѣрствъ, съ требованіемъ дипломатическаго вмѣшательства въ пользу *Rumunia irredenta*. Предполагается издать манифестъ ко всѣмъ европейскимъ народамъ противъ новогунскаго вандализма въ Семиградіи и другихъ частяхъ Угрии.

Не трудно видѣть, что движеніе это крайне неприятно державамъ тройной лиги, которыя давно уже намѣтили себѣ Румынію въ союзницы, а короля Карла Гогенцоллерна въ караульнаго нижнедунайской Германіи. Положеніе послѣдняго очень усложняется этимъ взрывомъ румынскаго ирредентизма, который можетъ либо вознести его на высоту *le roi des rois*, какъ теперь уже величаютъ его букарестскіе студенты, либо подготовить для него участь кн. Кузы и принца Баттенберга.

Вотъ причина, по которой австроугорскіе оффиціозы, въ родѣ напр. *Presse*, *Pester Lloyd* и н. др. стали писать о необходимости компромисса, т. е. собственно уступокъ со стороны мадыаръ для успокоенія румыновъ. Правда, въ посвященныхъ этому вопросу

статьяхъ австроугорское правительство настаиваетъ еще на признаніи румынами угорскаго государства мадьярскимъ, слѣд. всѣхъ прочихъ языковъ и народностей Угріи — негосударственными; но вѣроятно и въ этомъ отношеніи была бы сдѣлана временно уступка румынамъ, еслибы можно было вопросъ угрорумынской вполнѣ изолировать отъ угрословацкаго, угросербскаго, угрохорватскаго, угрорусскаго, вообще—угрославянскаго. Но это врядъ ли возможно, ибо всѣ подавленные мадьярами народы Угріи считаютъ себя солидарными—если не въ политической дѣятельности, то по крайней мѣрѣ въ общественныхъ заявленіяхъ. Нужно предвидѣть, что за «Меморандумомъ» румынскимъ явятся въ непродолжительномъ времени меморандумы словаковъ, сербовъ, хорватовъ, и т. д. Правительство старается предотвратить эту опасность контрдемонстраціями, въ родѣ бывшихъ недавно между «умѣренными» т. е. мадьяронствующими румынами въ Семиградіи и сербами въ Срѣмѣ (Митровица). Но малое число участниковъ такихъ quasi-народныхъ собраний и вѣчь служить доказательствомъ крайней ихъ непопулярности въ средѣ подавленныхъ народностей Угріи. Правительственная программа: *gente rumunus—natione magyarus* столь же противорѣчитъ здравому смыслу этихъ народностей, какъ въ Галиціи аналогичная формула: *gente ruthenus—natione polonus!* Въ настоящее время подобное гермафродитство тѣмъ менѣе можетъ удовлетворить неполитическія народности въ Австро-Угріи, что въ гладстоновскомъ *home rule* данъ другой, болѣе симпатичный имъ лозунгъ, который вскорѣ можетъ сдѣлаться общимъ ихъ знаменемъ.

VI.

Исторія австромадьярскаго управленія въ Болгаріи обогатилась еще одною позорною страницей: она занята такъ наз. процессомъ Бельчева, который завершился пока казнью четырехъ злополучныхъ болгаръ, по приговору военнаго суда, подтвержденному отъ имени отсутствовавшаго Кобурга его замѣстителемъ, кровожаднымъ палачемъ новой Болгаріи Стамбуловымъ. По сознанію не только русскихъ, французскихъ и всѣхъ почти славянскихъ (кромя польскихъ) юристовъ это была настоящая пародія на судъ. Даже присяжный корреспондентъ еврейско-нѣмецкой *Neue Ft. Presse* не могъ удержаться въ одной изъ своихъ телеграммъ объ этомъ процессѣ отъ слѣд. замѣчанія: «При чтеніи этихъ писемъ (въ концѣ судебного разбирательства) невольно навязывалась мысль, что Поповъ выдумалъ заговоръ лишь для того, чтобы получить денегъ; Миларовъ—чтобы порисоваться и убѣдить самого себя, что онъ человѣкъ не-

обыкновенный, Васильевъ же—потому что онъ такъ много наслухался о заговорахъ. Seriously кажется, никто изъ нихъ не думалъ (о заговорѣ), несмотря на вкляту и рыцарское слово. Въ случаяхъ (исполнить его) у нихъ вѣдь не было недостатка» (10 іюля 1892 г.). За недостаткомъ уголовного матеріала къ судебному разбирательству были присоединены разнаго рода ложныя письма и прямыя фальсификаты, якобы обличающіе прикосновенность къ болгарскимъ убійствамъ то членовъ славянскаго «комитета» (между ними проф. Соловьевъ!), то русскихъ дипломатовъ и правительственныхъ учреждений. Когда Journal de S.-Petersbourg заявилъ о подложности всѣхъ этихъ документовъ, которые между тѣмъ имѣли не послѣднее значеніе между судебными доказательствами, г. Стамбуловъ въ доказательство ихъ подлинности ссылается на то, что у него есть русская ихъ копія, подписанная анонимомъ «русскій»? И вотъ на основаніи такихъ-то анонимныхъ копій, которыхъ подлинность удостоверяется только подписью «русскій», кобургское правительство повѣсило четырехъ «заговорщиковъ», которые не только никого не убили, но даже не сдѣлали фактическаго покушенія на чью-нибудь жизнь!

Но самая грустная сторона этого позорнаго процесса заключается не въ томъ, что въ нынѣшней Болгаріи возможенъ теперь такой судъ, такія конфирмаціи казни, а въ томъ, что ихъ считаютъ вполне законными, оправданными, даже необходимыми всѣ почти органы гласности пресловутой тройной лиги, съ придачей большинства торійскихъ газетъ Великобританіи!!! Это значитъ принять на себя нравственную отвѣтственность за подобныя «юридическія убійства», а вмѣстѣ и ободрить г. Стамбулова къ дальнѣйшему ихъ продолженію...

Даже такія далекія отъ кобургской клики газеты, какъ берлинская Post или National Zeitung (23 іюля), считаютъ приговоръ софійскаго судилища «строгимъ, но оправданнымъ обстоятельствами». Австрійскій же офиціозъ «Presse» 28 іюля дерзнулъ, въ отвѣтъ на разоблаченіе Journal de S. P. B. о софійскихъ поддѣлкахъ, выразить мнѣніе, что «эти документы болѣе соотвѣтствуютъ усиліямъ русской политики, чѣмъ нынѣшнее ихъ опроверженіе въ J. de S. P. B.». Подобная дерзость лишь немногимъ уступаетъ той, которую позволяетъ себѣ напр. Pester Lloyd, въ одномъ изъ недавнихъ своихъ передовиковъ предлагающій воспользоваться нынѣшнимъ ослабленіемъ Россіи голодомъ и холерою и потребовать отъ нея немедленнаго перемѣщенія войскъ изъ западныхъ окраинъ во внутреннія губерніи, для безопасности тройной лиги!.. Въ отвѣтъ на такое нахальство какъ не сказать под. мадьярамъ: «приди и возьми»!

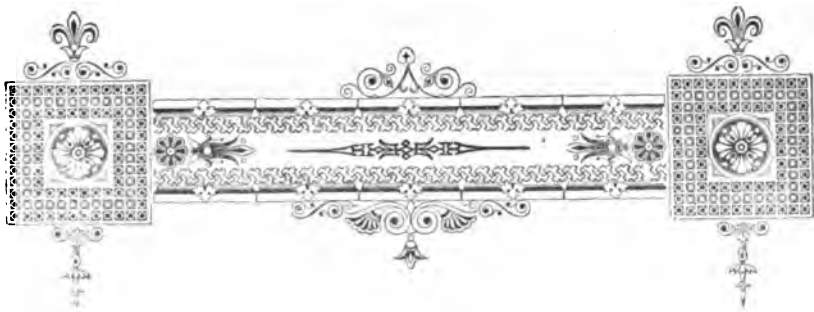
Одна французская газета, кажется Justice, обсуждая извѣстіе о повѣшеніи четырехъ болгаръ по процессу Бельчева, довольно мѣтко, хотя и рѣзко охарактеризовала положеніе словами: «нѣмцы считаютъ нынѣшнее болгарское правительство своею сторожевою собакою на востокѣ: теперь оказалось, что это собака—бѣшеная»... Но кто заразилъ ее? Не болѣе ли старые нѣмецкіе сторожевые псы на Дунаѣ?

Во всякомъ случаѣ, приспѣла крайняя пора озаботиться, чтобы эта кобурговская зараза не распространялась далѣе на балканскія земли. Для будущности восточныхъ народовъ она гораздо опаснѣе, чѣмъ индійская холера, надѣлавшая столько бѣдъ Россіи и тревогъ Европѣ. Даже дикое буйство астраханской и саратовской черни, разгромившей свои больницы и избившей своихъ врачей, въ смыслѣ нравственномъ представляется намъ не столь возмутительнымъ, какъ одобреніе и подзадориваніе многими органами тройственной прессы столь грустныхъ событій, какъ недавнія казни въ Софіи. Тамъ можно бы еще признать смягчающимъ обстоятельствомъ глубокое невѣжество массъ и ихъ податливость стороннимъ вліяніямъ; но здѣсь мы видимъ цвѣтъ среднеевропейскаго общества, въ лицѣ своихъ авгуровъ рукоплещущаго не то что бою гладіаторовъ, быковъ или пѣтуховъ, а просто—терроризму новоявленныхъ коммунаровъ, во имя интересовъ тройственной лиги! Какъ не сказать при этомъ: Quousque tandem!..

Берлинъ.
22 іюля, 1892 г.

А. Б.

ПИСЬМА ИЗЪ СЛАВЯНСКИХЪ ЗЕМЕЛЬ

Изъ Турчанскаго Св. Мартина (Угрія)

Два слова о мадыарской статистицѣ

Извѣстно, что статистика, зародившаяся еще въ XV вѣкѣ во Флоренціи, получила въ наше время значеніе точной науки, такъ сказать общественной математики, на выводахъ которой можетъ, какъ на прочномъ фундаментѣ, строить свои теоріи социологъ и свои системы политикѣ. Во всѣхъ благоустроенныхъ государствахъ организованы особыя статистическія бюро для собиранія и обработки относящихся сюда данныхъ. Есть такое бюро и у насъ, въ Угріи. Во главѣ его до недавняго времени стоялъ омадыаренный швабъ Келети (Klette), изъ Пресбурга. Подъ его руководствомъ велась и послѣдняя народная перепись 1890—1891 года.

Но напрасно кто-нибудь думалъ бы, что собранныя и обработанныя при этомъ цифры соотвѣтствуютъ живой дѣйствительности, представляютъ надежный матеріалъ для цѣлей научныхъ и практическихъ. Наоборотъ, я берусь доказать въ этомъ письмѣ, что статистика эта основана не на математикѣ, а на политикѣ, построена не на фактахъ, а на фантазіяхъ самаго тенденціознаго характера.

Для примѣра и провѣрки я остановлюсь на добытыхъ этою мадыарскою статистикою цифрахъ, опредѣляющихъ народности Угріи. Предупреждаю, что читатель услышитъ при этомъ вещи неслышанныя, даже невѣроятныя для того, кто незнакомъ съ нашими нынѣшними отношеніями.

Дѣло въ томъ, что у насъ и статистика имѣетъ главною своею задачею оправдать не то что гегемонію, а исключительное право

мадьяръ на жизнь въ Угріи, оправдать насильственное омадьяреніе всѣхъ немадьярскихъ народностей Угріи и Семиградья. Въ этомъ заключается цѣль, центръ, аксіома, универсальная истина, это — божество, идолъ, итогъ всей государственной, политической, народной, религіозной, культурной и цивилизаторской мудрости мадьяра и мадьярона. Это—альфа и омега.

Конечно, численный и матеріальный перевѣсъ элемента, желающаго поглотить остальные, является первымъ условіемъ ассимиляціи послѣднихъ первымъ; притомъ перевѣсъ этотъ долженъ быть очень великъ, ибо въ противномъ случаѣ меньшинство можетъ цѣлые вѣка отражать напоръ большинства. Вторымъ условіемъ ассимиляціи служить перевѣсъ культурный, который по крайней мѣрѣ въ образованныхъ слояхъ населенія обезпечить гегемонію народности болѣе образованной, богатой, даровитой. Но всетаки въ наше время, при всеобщемъ уравниніи народовъ въ культурномъ отношеніи, перевѣсъ численный стоитъ на первомъ планѣ. Категорическое раздѣленіе людей на эллиновъ и варваровъ или скиновъ—прекратилось; контрасты между народами образованными и необразованными ступсевались.

Вотъ почему мадьярамъ во что бы ни стало нужно было блеснуть своимъ числомъ, хотя бы въ одной только статистикѣ. Имъ нужно было доказать, что мадьярство имѣетъ безспорное и значительное большинство въ сравненіи съ любымъ другимъ народомъ Угріи. О большинствѣ абсолютномъ они уже не хотѣли думать, ибо знали, что въ этомъ уже никто бы имъ не повѣрилъ. Народъ политическій не можетъ завратъся вдругъ, а лишь понемногу, послѣдовательно, приблизительно.

И въ смыслѣ психологическомъ такое стремленіе нельзя считать неоправданнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы мадьяры открыли Европѣ всю свою правду, то не сказали-ль бы имъ по крайней мѣрѣ мыслящіе люди: «Ну что же это? Развѣ это Римъ или Спарта? Или это племенная олигархія? Или Индія? Мыслимо ли, чтобы 4-милліонное меньшинство господствовало безраздѣльно надъ 13-милліоннымъ большинствомъ? Ужъ не племя ли это гигантовъ, которое въ XIX в. сумѣло наложить ярмо илотскаго послушанія на цѣлое море народностей, притомъ племя неарійское—на 13 милл. арійцевъ?» Любопытство заставило бы людей присмотрѣться къ дѣйствительности... А это крайне нежелательно! Вотъ для чего пришлось дать официальное оправданіе мадьярской гегемоніи при помощи статистической подтасовки цифръ.

По переписи 31 декабря 1890 г. въ Угріи (съ Семиградьемъ, Хорватіей и Рѣкой) насчитано 17.349,398 душъ. Эта цифра соот-

вѣтствуетъ дѣйствительности. Еслибы статистикъ вздумалъ увеличить ее изъ Grössenwahn—что ли, то потомъ ему еще труднѣе было бы доказать относительный перевѣсъ мадьярскаго населенія.

Въ числѣ 17,3 милл. населенія Угрии по Келети находится: 7.426,730 мадьярь, 2.591,905 румыновъ, 383,392 русскихъ, 2.604,260 сербохорватовъ, 94,679 вендовъ, 230,576 иныхъ народностей. Что касается насъ, словаковъ, то еще въ 1842 г. Шафарикъ въ своемъ «Славянскомъ Народописѣ» насчиталъ насъ 2.753,000; въ 60-хъ годахъ нѣмецъ Фиккеръ (Ficker) все еще считалъ насъ болѣе 2 мил. Въ мадьярской же статистикѣ 1890 г. насъ оказывается всего 1.910,279! Еще 2—3 мадьярскія статистическія олимпиады и словаки исчезнуть съ лица земли, словно запахъ, роса или дымъ, развѣянный вѣтрами!

Но какъ же это? Нашъ народъ даже и по даннымъ Келети считается плодовитымъ, съ семьями въ 6—8 и до 12 дѣтей; всѣ знаютъ, что наши парни здоровы, какъ дубы, дѣвицы—кровь съ молокомъ; число рожденій (по той же статистикѣ) значительно превышаетъ у насъ число умершихъ; войны мы не ведемъ, эпидемій не бывало, а если и были, то въ нашемъ чистомъ, горномъ воздухѣ онѣ взяли менѣе жертвъ, чѣмъ индѣ; эмиграція началась лишь недавно и на числахъ не могла сильно отразиться, тѣмъ болѣе что $\frac{3}{4}$ высланныхъ возвращается домой!

Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ методъ собиранія официальныхъ данныхъ мадьярскаго статистическаго бюро.

Начну съ ближайшаго. Я родился въ с. Глубокомъ (Hľboké), нитранскаго комитата, селѣ чисто словенскомъ, удаленномъ на 3 дня пути отъ ближайшаго мадьярскаго села, расположенномъ въ области чисто-словенской, гдѣ нѣтъ никакихъ инородческихъ примѣсей, кромѣ евреевъ. Тамъ я выросъ до 12 л., а такъ какъ отецъ мой, др. Юс. Гурбанъ, былъ тамъ пасторомъ болѣе 40 л. (тутъ онъ и умеръ, тутъ сооружаетъ ему словенскій народъ прекрасный памятникъ на кладбищѣ), то я оставался въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ роднымъ селомъ, знаю тамъ всѣхъ поголовно не только по имени, но и семейныя преданія каждаго дома. Мои земляки, глубочане, отличаются гордой исключительностью, женятся лишь между собою, такъ что дѣвицу, вышедшую замужъ въ сосѣднее село—что случается разъ въ 10 л.—оплакиваютъ, словно она уходитъ за море. Парень, который въ Глубокомъ приженится изъ сосѣдней волости, лѣтъ 20—30 считается чужимъ, какъ бы бродягой, хотя бы онъ былъ богатъ, какъ Крезъ. Выйти замужъ за инородца является для глубочанки физической и нравственной невозможностью: во 1-хъ, такихъ инородцевъ нѣтъ на 100 квадр. миль кругомъ;

*

во 2-хъ, такое замужество въ глазахъ этого исключительнаго, чисто аграрнаго населенія было бы просто безнравственностью, содоміей. Глубочане, владѣя роскошными полями и лугами, никуда не ходять, развѣ въ ближайшій (5 километровъ) посадъ Сѣницу, чтобы продать свою пшеницу, или наидалѣе въ Тернаву — за кукурузой и свиньями. Но все это словенскіе края. Понятно, что глубочанинъ говорить лишь на своемъ словенскомъ языкѣ, не имѣя ни надобности, ни возможности изучить другой языкъ.

Теперешній пасторъ въ Глубокомъ—чистый словакъ, патриотъ; тоже и учитель, который даже пострадалъ за народныя убѣжденія. Въ селѣ этомъ нѣтъ ни помѣщика, ни вообще интеллигента, кромѣ двухъ названныхъ словаковъ, да еще волостного писаря (натара), тоже словака изъ Соботинста. Народъ весь грамотенъ, не исключая и женщинъ: да это не диво, когда онъ 40 л. имѣлъ такого геніальнаго, одушевленнаго учителя и пастыря, какимъ былъ Гурбанъ, прозванный «отцомъ народа». Вслѣдствіе того глубочане народъ пробужденный, патриотически-словенскій. Уже въ 1848 г. они выслали 60 человекъ въ бой противъ мятежныхъ мадьяръ, за что и поплатились потомъ тюрьмами и побоями отъ побѣжденных въ началѣ революціонеровъ. Словомъ, я доподлинно знаю это село, знаю, что въ этомъ моемъ родномъ гнѣздѣ никогда не было и нѣтъ ни одной мадьярской души.

И что же? Открываю мадьярскую официальную статистику Келети и читаю: «Глубокое, душъ 1052. Мадьяръ 12. Нѣмцевъ 29. Словаковъ 996. Людей, говорящихъ на иныхъ языкахъ (т. е. не по-словенски, не по-нѣмецки, не по-мадьярски, не по-румынски, не по-русски или «рутенски», не по-хорватски, не по-вендски, ибо для всѣхъ этихъ языковъ имѣются особыя графы)—15!

Я остолбенѣлъ! Никогда еще не вступала въ Глубокое, да и не вступить такъ скоро мадьярская нога, развѣ какой-нибудь случайный нищій или бродяга! Никогда тамъ не было нѣмцевъ: развѣ евреи выдали себя за нѣмцевъ, но ихъ всего 26 душъ, откуда же еще 3? «Narodnie Noviny» заявили, что даютъ червонецъ за каждаго мадьяра въ с. Глубокомъ. Почему же никто изъ этихъ 12 мадьяръ не явился за деньгами? И что это за люди 15, которые въ Глубокомъ говорятъ «на иныхъ языкахъ»? Англичане, китайцы — что ли? Клянусь честью, что такихъ людей въ Глубокомъ нѣтъ. Вообще эта рубрика «иныхъ языковъ» имѣетъ лишь ту цѣль, чтобы отобразить отъ словаковъ еще нѣсколько душъ, которыхъ уже нельзя втиснуть въ рубрику «мадьяръ». Такимъ образомъ изъ 1052 душъ въ с. Глубокомъ мадьярская статистика отняла у словаковъ 30 душъ

(12+15+3), а изъ 26 евреевъ сдѣлала нѣмцевъ: ну и пусть ихъ будутъ нѣмцами!...

Читатель подумаетъ, что это мелочи и что не стоитъ плакать надъ бумажнымъ похищеніемъ 30 душъ въ одномъ словенскомъ селѣ. Нѣтъ, для насъ это не мелочи. Это вѣрный, подлинный масштабъ для измѣренія колоссальной фальсификаціи правительствомъ нашихъ отношеній. Если въ столь трудной обстановкѣ оно сумѣло приобрѣсти для мадьяризма 12 душъ, то что сказать о мадьярской официальной статистикѣ тѣхъ мѣстностей, гдѣ народности дѣйствительно перемѣшаны; гдѣ есть ренегаты, помѣщики, чиновники, давленіе властей, народъ менѣе пробужденный, чѣмъ 40-лѣтніе ученики Гурбана!

Въ самомъ дѣлѣ, Глубокое не можетъ еще считаться мѣриломъ мадьярской статистической фальсификаціи. Уже въ посадѣ Сѣницѣ (5 килом. отъ Глубокаго) изъ 2922 душъ населенія по той же статистикѣ Келети оказывается 380 мадьяръ, тогда какъ на дѣлѣ ихъ не болѣе 2 — 3 чел. (именно высланные министерствомъ нар. пр. учителя народныхъ школъ, но это жители временные). Даже мѣстные чиновники, хотя величаютъ себя мадьярами, на дѣлѣ однако происхожденія словенскаго: иначе они не могли бы объясняться съ народомъ, который говоритъ лишь по-словенски. Извѣстно же, что чистый мадьяринъ—въ средѣ интеллигентной—ни за что не станетъ изучать презрѣннаго словенскаго языка. Въ Вербовцахъ (Vrbovcy), посадѣ на границѣ угорско-моравской, статистики нашли 18 мадьяръ и 198 нѣмцевъ, тогда какъ тамъ никогда не было ни одного мадьяра, а за нѣмцевъ выдали себя евреи.

Положимъ, все это мелкія цифры; но если онѣ повторяются въ каждомъ селѣ, въ каждомъ посадѣ, то итогъ получится внушительный.

Но вотъ еще образчикъ изъ статистики городскихъ населеній. Въ бекетскомъ комитатѣ есть словенская колонія Чаба, съ 40,000 душъ населенія. Въ его составѣ найдется 100—150 мадьяръ интеллигентовъ и чиновниковъ. По мадьярской статистикѣ ихъ значится 7728! Еще возмутительнѣе статистическое душехватство въ словенской же колоніи Ниредьгазѣ, въ сабольчскомъ комитатѣ: тутъ насчитано 22,576 мадьяръ и только 4,184 словаковъ, тогда какъ однихъ словенскихъ лютеранъ тамъ числится 13,637 душъ!

Очевидно, что мадьярская официальная статистика народностей Угрии въ 1890 — 1891 г. представляетъ сплошной фальсификатъ, сдѣланный умышленно для того, чтобы доказать Европѣ величіе мадьярства и слѣдовательно его права на безраздѣльное господство надъ всѣми прочими народами Угрии.

Вотъ вамъ образчикъ мадьярской науки, мадьярской администраціи, мадьярскаго мотовства трудовыхъ народныхъ денегъ, единственно въ видахъ пустить пыль въ глаза себѣ и другимъ!

Эта официальная фальсификація народной статистики можетъ служить вполне надежнымъ мѣриломъ для оцѣнки всѣхъ государственныхъ, административныхъ, учебныхъ, юридическихъ отношений нынѣшней Угрии. Какъ мадьярскіе статистики обращаются съ цифрами на бумагѣ, такъ политики—съ душами и тѣлами народовъ, особенно словенскаго, въ жизни.

Турчанскій Св. Мартинь.
10/ѵи 1892.

Светозарь Гурбанъ-Ваянскій.

Изъ Триеста

Борьба языковъ итальянскаго, нѣмецкаго и славянскаго. Необходимость поддержки изъ центра. Усиленіе интереса къ русскому языку и литературѣ.

Въ нашей области, составляющей какъ бы *confinium triplex*, гдѣ соприкасаются три главныя народности Европы: романская, германская и славянская, вопросъ объ языкѣ общества, науки и литературы имѣетъ особенную важность, такъ какъ торжествомъ одного изъ названныхъ языковъ опредѣляются и судьбы ратоборствующихъ здѣсь народностей европейскаго Запада и Востока. Если въ стѣнахъ нашего города восторжествуетъ въ концѣ концовъ языкъ итальянскій, то иллирское Приморье съ роскошной Истрией и примыкающими къ ней архипелагами Хорватіи и Далмаціи должны будутъ войти въ составъ итальянскаго королевства и итальянской народности. Въ случаѣ же торжества въ Люблянѣ, Горицѣ, Триестѣ языка нѣмецкаго, всѣ эти области осуждены будутъ на постепенную германизацію. А между тѣмъ не только инстинктъ самосохраненія, но и очень существенные интересы южнаго славянства требуютъ сохраненія за нимъ береговъ Адриатики, вплоть до Триеста и устья рѣки Сочи (*Isonzo*), которая составляетъ этнографическую границу міра славянскаго и романскаго. Но очевидно, что борьба съ такими сильными языками, какъ итальянскій и нѣмецкій, не по силамъ крошечной словинской народности и малому, хотя и изящному словинскому діалекту. Торжество славянства на этихъ передовыхъ его постахъ можетъ быть обезпечено лишь непрерывною поддержкою изъ центровъ славянскаго міра, притомъ не въ видѣ случайныхъ военныхъ отрядовъ или заѣзжихъ кораблей одесскихъ коммерсантовъ, а путемъ живого обмѣна идей, выражаемыхъ въ формѣ славянскаго слова, славянской науки и литературы. Русскіе писатели призваны

быть и у насъ передовыми пионерами славянскаго слова и мысли. Они одни могутъ уравниать наши шансы въ неравной борьбѣ съ наукою и литературою европейскаго Запада.

Сознаніе этой необходимости съ каждымъ годомъ все живѣе скаывается и въ нашемъ словинскомъ обществѣ. Несмотря на всѣ затрудненія, обусловленные и старыми преданіями, и вліяніемъ нѣмецкой администраціи, латинскаго клира, жидовствующихъ газетъ, антиславянскихъ школъ, у насъ все чаще появляются признаки литературнаго сближенія съ далекою и великою Русью. И эти стремленія тѣмъ замѣчательнѣе и отраднѣе, что носителями ихъ являются не отдѣльные выдающіеся писатели и ученые, какими были напр. въ прежнее время М. Валенчакъ, Даворинъ Терстенякъ, Божидаръ Ранчъ, а наоборотъ множество совершенно безызвѣстныхъ людей, разбросанныхъ по всей странѣ и во всѣхъ сферахъ общества, особенно же средняго и низшаго. Въ доказательство сошлюсь на появленіе въ послѣдніе годы цѣлой серіи переводовъ съ русскаго языка на словинскій, особенно изъ области беллетристики. Наиболѣ дѣятельнымъ на этомъ поприщѣ лицомъ является Лавославъ Горенецъ Подгоричанинъ, священникъ, издавшій цѣлый рядъ переводовъ изъ русскихъ авторовъ. Прежде всего имъ былъ обнародованъ «Тарасъ Бульба»—Гоголя, напечатанный въ «Лѣтописѣ» Матицы словинской (1872—1873 гг.); затѣмъ слѣдовалъ его же переводъ разсказа Кулиша «Михаилъ Чернышъ», изданный также въ «Лѣтописѣ». Въ 1882 г. та же Матица издала «Мертвыя души»—Гоголя, а Люблянское театральное общество—«Ревизора», въ переводѣ того же Горенца.

Цѣлый рядъ переводовъ изданъ затѣмъ словинскимъ лѣкаремъ Максомъ Самцомъ (Samec), а именно: Тургенева «Дымъ», его же «Вешнія воды», напечатанныя въ фельетонѣ газеты «Slovenski Narod» и нѣк. др. Въ этой же газетѣ обнародованы затѣмъ: «Князь Серебряный»—Толстого, «Дубровский» и «Капитанская Дочка»—Пушкина, «Герой нашего времени»—Лермонтова, «Отцы и Дѣти»—Тургенева, его же «Новь» и нѣк. др. Насчетъ Матицы изданы кромѣ того въ Люблянѣ «Записки охотника», а въ «Народной Библиотекѣ» Крайца разсказъ «Несчастная»—Тургенева и его же «Пѣсни въ прозѣ». Вскорѣ начали выходить переводы изъ Льва Толстого: сначала разсказъ «Семейное счастье», а затѣмъ и нѣкоторые другіе. Теперь готовится къ изданію «Война и Миръ» и народные разсказы Толстого. Что касается «Крейцеровой Сонаты», то хотя она не появилась въ словинскомъ переводѣ, однако была предметомъ обсужденія въ нашихъ газетахъ по переводамъ нѣмецкимъ. При этомъ okazaлось, что клерикальныя газеты отнеслись не безъ сочувствія

къ его проповѣди противъ половой любви, найдя въ ней сходство съ тѣмъ, что давно уже проповѣдуетъ у насъ извѣстный латинизаторъ, поклонникъ целибата и другихъ западныхъ безобразій—докторъ Махничъ. Это совпаденіе едва-ли дѣлаетъ впрочемъ большую честь графу Толстому. Большинство нашихъ людей думаетъ, что съ подобною проповѣдью было бы сообразнѣе выступить на языкѣ словинскомъ, чѣмъ на русскомъ, ибо въ случаѣ успѣха этой целибатной проповѣди міръ менѣе потерялъ бы въ прекращеніи поколѣній малаго словинскаго народца, чѣмъ великаго — не только по числу и пространству, но и по историческому своему призванію—народа русскаго...

Тріестъ. Іюнь 1892. Словенецъ

Изъ Цетинья (въ Черногоріи)

Внутренняя жизнь въ Черногоріи. Внѣшнія отношенія. Сербо-хорватскій вопросъ.

Черногорія какъ извѣстно государство по преимуществу военное; но-когда нѣтъ войны, то въ ней царствуетъ такая тишина, что путешественникъ поневолѣ призналъ бы тогда черногорцевъ самымъ мирнымъ народомъ въ свѣтѣ.

Преобладающими занятіями черногорцевъ въ мирное время служатъ хлѣбопашество и скотоводство; лишь немногіе занимаются ремеслами и торговлей, вслѣдствіе чего у насъ почти всѣ ремесленники иностранцы: изъ Боки Которской, Далмаціи и Италіи, а также и изъ Албаніи (портные). Торговлю же ведутъ большею частію албанцы, а отчасти и герцеговинцы.

Черногорецъ мало занимается и политикой, благодаря чему у насъ еще нѣтъ политическихъ партій. Съ полнымъ довѣріемъ относимся къ стремленіямъ и дѣйствіямъ своего князя, каждый черногорецъ считаетъ основнымъ догматомъ черногорской политики: жить въ дружбѣ съ Россіей и ея друзьями.

Вотъ почему у насъ такъ любятъ теперь французовъ, какъ друзей и союзниковъ Россіи, хотя народъ помнить еще времена Наполеона I, когда Черногоріи пришлось въ Бокѣ Которской вести заодно съ русскими матросами тяжелую войну съ французами.

Естественно, что и торговля сношенія Черногоріи съ Франціей все учащаются. Марсель сталъ главнымъ пунктомъ для вывоза черногорскихъ продуктовъ, особенно рогатаго скота, который продается по хорошимъ цѣнамъ.

Хотя на нашей границѣ нерѣдко случаются кровопролитныя столкновенія съ албанцами, все же между Черногоріей и Турціей

теперь установились очень дружественныя отношенія, какъ бы въ соотвѣтствіе замѣчаемому сближенію Порты съ Россіей и Франціей.

Черногорское правительство старается жить въ мирѣ и съ Австро-Угріей. Но народъ не особенно сочувствуетъ этой своей сосѣдкѣ. Главною причиною этого нерасположенія служить занятіе Австрією двухъ сербскихъ областей, которыя искони принадлежатъ сербамъ. Сколько крови пролила Черногорія въ вѣковыхъ войнахъ для освобожденія своихъ братьевъ! Отъ Клобука, Требинья, Билеча, Гацка, Пивы и почти до Мостаря нѣтъ въ Герцеговинѣ клочка земли, на которомъ не лежали бы черногорскія кости. И въ награду за эти безчисленныя жертвы берлинскій конгрессъ уступилъ намъ въ Герцеговинѣ едва клочекъ земли; все же остальное отдалъ совершенно непричастной къ войнѣ съ турками за Боснію и Герцеговину—Австріи.

Но есть еще другая причина нерасположенія нашего народа къ Австріи. Это нынѣшнее рабское положеніе босняковъ и герцеговинцевъ подъ швабско-мадьярскимъ управленіемъ.

Со времени оккупациі Босніа и Герцеговина наполнились нѣмцами, мадьярами, евреями и другими пришлецами, которые составляютъ какъ бы высшій, привилегированный слой населенія, покрывшій и полонившій массу сербскихъ автохтоновъ этихъ областей. Не только мѣстные католики, но даже мусульмане пользуются большимъ расположеніемъ Каллаевскаго правительства, чѣмъ православные сербы, которые не имѣютъ права даже называться этимъ именемъ, а должны превратиться если не въ хорватовъ, то въ босняковъ, герцеговинцевъ и т. п. Православная церковь также подвергается преслѣдованію со стороны непрощенныхъ гостей-администраторовъ.

Въ доказательство приведу здѣсь нѣсколько не безынтересныхъ строкъ изъ недавно напечатанной въ газетѣ «Велика Србија» (№ 6) корреспонденціи изъ Требинья (въ Герцеговинѣ): «Дорогой пріятель! Думаю, что васъ нисколько не удивитъ, если вы услышите, что изъ Босніи и Герцеговины изгнанъ тотъ или другой сербскій митрополитъ, что приговоренъ къ каторгѣ тотъ или другой архимандритъ, закованъ въ цѣпи какой нибудь протопресвитеръ, томится въ тюрьмѣ тотъ или другой изъ передовыхъ людей нашего народа. Говорю, что это васъ не удивитъ, ибо въ теченіи 14 лѣтъ австрійской оккупациі вы много разъ получали такіа извѣстія. Въ доказательство напомнимъ вамъ: изгнаніе изъ Босніи митрополитовъ Саввы Косановича и Діонисія Илича; арестъ архимандрита Моштаницкаго монастыря Кирилла Аджича, который и теперь томится въ центральной тюрьмѣ г. Сѣницы. Теперь подобная участь постигла и нашего многоуважаемаго протопресвитера требиньскаго, Савву Пѣшчича. Въ воскресенье, 8 марта, онъ говорилъ въ церкви

проповѣдь, въ которой между прочимъ сказалъ: «Благочестивые христіане! Воспитывайте вашихъ дѣтей въ тѣхъ школахъ, въ которыхъ преподается кромѣ другихъ наукъ и православная вѣра и исторія нашего сербскаго народа. Это можетъ спасти насъ и въ будущемъ отъ затопленія чужою вѣрою и чужимъ народомъ». Два дня спустя окружный капитанъ, баронъ Рукавина, пригласилъ прот. Пѣшчица къ себѣ и сказалъ ему, что онъ бунтовщикъ, раздражающій въ проповѣдяхъ народъ противъ правительства. Напрасно о. Пѣшчицъ оправдывался передъ этимъ австроугорскимъ пашою: онъ приказалъ заключить протоіерея въ такую тюрьму, куда сажаютъ лишь самыхъ преступныхъ злодѣевъ».

Можетъ ли подобное управленіе поднять мѣстное населеніе матеріально и нравственно? И могутъ ли смотрѣть равнодушно на эти истязанія босняковъ и герцеговинцевъ ихъ братья въ Черногоріи и Сербіи?

Къ великому счастью для сербовъ теперь установились очень дружественныя отношенія между Бѣлградомъ и Цетиньемъ, что составляетъ заслугу нынѣшняго радикальнаго правительства Сербіи. Соединенными силами имъ приходится отстаивать не только свое существованіе, но и будущность братьевъ, подавленныхъ то албанцами, то нѣмцами и мадьярами.

И мы добьемся цѣли, если будемъ дѣйствовать соединенными силами, опираясь при этомъ не на Австрію или другую западную державу, а прежде всего на Россію, союзъ съ которою имѣетъ для насъ, черногорцевъ, уже двухвѣковую традицію и нерасторжимую силу.

Я отъ души радовался, когда прочиталъ въ газетахъ о радужномъ приѣмѣ нишскими сербами русскаго посла въ Константинополь, г. Нелидова.

Дай Богъ, чтобы Сербія всегда слѣдовала по этой дорогѣ. Тогда ей не придется быть, какъ при Миланѣ и Гарашанинѣ, игрушкой въ рукахъ недруговъ.

Теперь еще нѣсколько словъ о сербо-хорватскомъ вопросѣ.

Въ засѣданіяхъ далматинскаго сейма (въ мартѣ) нѣкоторые хорватскіе депутаты, съ ксендзомъ Бьянкини во главѣ, возстали противъ сербскаго имени въ Далмаціи и предлагали исключить его изъ учебниковъ по отечествовѣдѣнію, такъ какъ въ Далмаціи нѣтъ-де такого народа, а живутъ одни хорваты. Однако большинство не только сербскихъ, но также хорватскихъ и даже итальянскихъ депутатовъ высказалось противъ этого шовинистическаго предложенія, вслѣдствіе чего г. Бьянкини съ 5 товарищами вышли изъ хорватскаго народнаго клуба и составили отдѣльный «хорватскій клубъ».

съ цѣлью пропагандировать столь исключительный и нетерпимый хорватизмъ.

Никто не можетъ однако отрицать того статистическаго факта, что въ Далмаціи насчитывается до 90.000 душъ православно-сербскаго населенія, которое тяготѣетъ нравственно къ восточнымъ, а не западнымъ центрамъ сербо-хорватскаго племени. Кто же можетъ заставить его отречься отъ своего имени, церкви, преданій и симпатій? Ужели всендзь Бьянкини?

Врядъ-ли можетъ онъ рассчитывать на успѣхъ въ этомъ сербоборствѣ.

Цетинье. 26 іюня, 1892.

Маркъ П. Драговичъ.

ГАЛИЦКОРУССКАЯ ПОЛИТИКА

ПОСЛѢДНИХЪ ЛѢТЪ *

В числѣ нынѣшнихъ общественныхъ и политическихъ дѣятелей Галицкой Руси одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ учитель перемышльской гимназіи и посолъ львовскаго сейма д-ръ Ник. Антоневичь. Въ прежнее время, когда въ Галиціи дѣйствовали Яхимовичь, Куземскій, Ковальскій, Наумовичь, Антоневичу не приходилось быть представителемъ такъ называемой «святоюрской» или старорусской партіи; но въ послѣдніе годы обстоятельства постепенно выдвинули его на первое мѣсто въ ряду нынѣшнихъ общественныхъ дѣятелей Галицкой Руси. Это особенно выразилось со времени наступленія такъ назыв. «новой эры», послѣ того какъ осенью 1890 года учитель львовской гимназіи и депутатъ сейма Романчукъ выступилъ съ программю примиренія русскихъ галичанъ съ поляками и съ правительствомъ на началахъ довольно близкихъ къ польской и украинно-фильской программѣ. Антоневичь первый отъ имени галицкорусскаго народа выразилъ протестъ противъ этой программы и съ тѣхъ поръ сдѣлался какъ бы представителемъ историческаго русскаго направленія въ Галичинѣ. Это особенно обнаружилось во время январскаго вѣча во Львовѣ, на которомъ появленіе Антоневича вызвало небывалую овацію и единодушное заявленіе, что его знамя является національнымъ для русскихъ галичанъ.

Тѣмъ интереснѣе узнать мнѣніе о галицкихъ событіяхъ послѣдняго времени такого компетентнаго лица и дѣятеля. Мнѣніе же это изложено имъ въ особой брошюрѣ, озаглавленной: Галицкорусская по-

* Н. Антоневичь: Галицкорусская политика. Львовъ. 1891.

литика. Записки посла д-ра Ник. Антоневича. Львовъ, 1891 г. Она напечатана въ концѣ истекшаго года, но конфискована еще до выхода въ свѣтъ, по требованію прокуратуры. Эта конфискація была затѣмъ подтверждена львовскими судами первой и второй инстанцій, такъ что брошюра эта какъ бы не существуетъ въ печатномъ видѣ, а можетъ разсматриваться какъ рукопись. Это обстоятельство заставляетъ насъ нѣсколько подробнѣе ознакомить читателей съ ея содержаніемъ, которое вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ послѣдній фазисъ въ развитіи русскопольскихъ отношеній въ Галиціи.

А. Б.

* * *

Изложивъ въ началѣ брошюры нѣкоторыя обстоятельства своей служебной дѣятельности и отразивъ распространенные врагами упреки въ оппортунизмъ и пристрастіи къ полякамъ и шляхтѣ, которые достаточно уже опровергаются однимъ фактомъ 25-лѣтняго служенія столь выдающагося лица на одномъ и томъ же скромномъ учительскомъ мѣстѣ, г. Антоневичь переходитъ къ общественнымъ и политическимъ отношеніямъ въ Галиціи послѣднихъ лѣтъ.

Автору брошюры приходилось бесѣдовать съ сотнями галицкорусскихъ патриотовъ, и онъ убѣдился, что такъ назыв. «новая эра» принесла съ собою весьма печальные результаты и вызвала нынѣшнее невыносимое положеніе русскихъ патриотовъ. Но народъ русскій не поддался на эту удочку, и, несмотря на восхваленіе «новой эры» въ многочисленныхъ адресахъ, вызванныхъ то приказами и угрозами, то просьбами и обманомъ, намѣреніе сокрушить «руссофильскую» партію потерпѣло полное фіаско. Даже генеральное собраніе младорусской «Народной рады», которое должно было проѣтъ этой партіи «вѣчную память», не имѣло успѣха, что весьма огорчило устроителей этого собранія и протекторовъ новой эры, а Романчуку поневодѣ и по внушенію свыше пришлось примириться съ неудачей. Партія «старыхъ» оказалась сильнѣе «молодыхъ». Въ настоящее время ни для кого уже не тайна, что всѣ эти обѣщанія уступокъ «для блага Руси» были лишь сплошной комедіей и обманомъ. Это сознавалъ и самъ Романчукъ, который послѣ злосчастнаго 13 (25) ноября 1890 г. «пожелтѣлъ, почернѣлъ и трясся всѣмъ тѣломъ», такъ что даже ободренія брата намѣстника, «сердечнаго» гр. Ст. Бадени, не могли его успокоить. Романчукъ оправдывался тѣмъ, что его «втянули» въ послѣдній моментъ; онъ согласился, ибо вѣрилъ въ обѣщанныя уступки, «и если этихъ уступокъ русскимъ не будетъ, говорилъ онъ, я сложу съ себя посольскій мандатъ и больше не буду заниматься политикой». Не одобряли поведенія Романчука и его единомышленники.

При началѣ послѣдней сессіи сейма (въ 1890 г.) гр. Ст. Бадени сообщилъ русскимъ посламъ, что интерпеляціи ихъ, очень внимательно про-

читываемыя императоромъ, раздражаютъ намѣстника, и совѣтоваль имъ не вносить больше подобнаго рода заявленій, дабы снискать себѣ расположеніе послѣдняго, «который много можетъ сдѣлать». Антоневицъ и Герасимовицъ общали представить этотъ вопросъ своему клубу. Это не повнилось графу, и переговоры съ нимъ на этомъ и кончились. Вскорѣ однако они узнали, что переговоры ведутся дальше. Разошлась вѣсть, что министръ Залѣскій посѣтилъ депутата Телишевскаго. На запросъ въ клубъ д-ра Короля о цѣляхъ этого посѣщенія Телишевскій наивно отвѣчалъ, что онъ дважды былъ у намѣстника по дѣламъ своего турецкаго уѣзда, не засталъ его дома, и Залѣскій только отвѣчалъ ему визитомъ. Никто конечно, кромѣ Романчука, не удовлетворился этимъ отвѣтомъ. При такомъ положеніи дѣлъ въ русскомъ клубѣ не замѣтно было прежней дѣятельности, хотя въ началѣ сессіи русскіе послы общали продолжать свои интерпелляціи и предложенія. Все ограничивалось общаніями. Замолкъ и Телишевскій, вносившій за годъ передъ тѣмъ такое обиліе запросовъ. Въ 1889 г. членами русскаго клуба было сдѣлано множество самостоятельныхъ предложеній и интерпелляцій, между тѣмъ въ 1890 г. число ихъ значительно сократилось. Самыя засѣданія стали рѣже и ограничивались преніями по поводу устава и программы. Дуализмъ русскаго клуба становился все болѣе и болѣе очевиднымъ; громко уже говорили о перепискѣ одной части его съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ и объ усиленномъ ходатайствѣ нѣкоторыхъ русскихъ депутатовъ сейма относительно передачи изданія школьныхъ учебниковъ изъ рукъ старорусской Ставропигіи младорусскому обществу имени Шевченка.

Въ это время Телишевскій, поддерживавшій связи съ польскимъ обществомъ, вступилъ въ какіе-то переговоры, о которыхъ однако русскій клубъ не былъ увѣдомленъ. О проектѣ соглашенія, жертвой котораго сдѣлались русскіе «старой» партіи, стали говорить и многіе изъ депутатовъ-поляковъ. Такимъ образомъ Галицкая Русь удостоилась новаго «соглашенія».

Для ближайшаго объясненія послѣдовавшихъ затѣмъ событій авторъ считаетъ необходимымъ остановиться, хотя и «съ отвращеніемъ», на жалкой манифестаціи 13 (25) ноября 1890 г. Автора упрекали въ томъ, что въ своей рѣчи онъ возставалъ противъ народныхъ читалень и порицалъ всю украинскую литературу, между тѣмъ онъ въ отвѣтъ на восхваленія о Сѣчинскимъ западной культуры заявилъ только, что вліяніе Запада сказывается и на русскихъ читальняхъ въ видѣ распространенія въ нихъ жевевскихъ изданій, грозящихъ подорвать религіозность и нравственность русскихъ галичанъ. Что касается рѣчи Романчука, то авторъ возражалъ противъ нея прежде всего потому, что она была явнымъ нарушеніемъ клубнаго устава

и шла вразрѣзъ съ его солидарностью. Сверхъ того Романчукъ, въ партійномъ ослѣпленіи, обвинялъ первыхъ галицкорусскихъ писателей за заимствованія изъ языковъ ц.-славянскаго и «россійскаго», благодаря которымъ ихъ языкъ, «не будучи еще россійскимъ, пересталъ-де уже быть русскимъ». Отсюда слѣдовало-де неизбежно и признаніе общерусскаго національнаго единства, что выражено-де было еще въ 1866 г. одною изъ «русскихъ» политическихъ газетъ («Слово»). Въ нападкахъ этихъ Романчукъ дошелъ до того, что сталъ обвинять самого себя, такъ какъ и онъ немало содѣйствовалъ «руссификаціи» галицкаго нарѣчія, какъ бывший сотрудникъ «Слова».

Чтобы показать, какъ смотрѣли на этотъ вопросъ «украинцы чистой воды», авторъ приводитъ мнѣнія Н. И. Костомарова и А. А. Потебни, лично имъ слышанныя еще въ 1863 г. въ обществѣ Ад. И. Добрянскаго, покойнаго М. Ѡ. Раевскаго, Маркелла Лавровскаго, О. Н. Ливчака и др. Костомаровъ, показавшійся автору рьянымъ руссофиломъ, прямо заявилъ-де, что утверждать, будто малорусы и великорусы (Ruthenen und Russen) различные народы, было бы слишкомъ смѣло. «Есть-де различія въ выговорѣ, однако это недостаточно для такого заключенія; говорить же о двухъ русскихъ языкахъ—это просто вздоръ!» Въ разговорѣ по этому предмету, продолжавшемся, по словамъ автора, около 3—4-хъ часовъ, Потебня категорически заявилъ, что нѣтъ этнографа и филолога, который въ состояніи былъ бы провести границы между малорусскимъ и великорусскимъ населеніемъ: до того они сливаются въ сосѣднихъ селахъ. Возраженія М. Лавровскаго, стоявшаго на украинофильской точкѣ зрѣнія, были-де весьма слабы и легко были опровергнуты. Порицая украиноманію, которая ведетъ неопытную русскую молодежь къ гибели, Потебня говорилъ, что главными и самыми ловкими апостолами ея являются студенты-поляки кievскаго университета. Между русскими студентами львовскаго университета были даже и такіе, которые мечтали объ очисткѣ «русскаго» языка отъ всѣхъ словъ, употребляемыхъ «москалями». Дѣйствительно, въ это время начали «ковать» диковинныя слова, въ родѣ: «шаноба», «шана», «шанібный» и др., которыя не могли однако утвердиться въ языкѣ, тѣмъ болѣе что сочиненія украинскихъ писателей по прежнему наполнены словами «московскими», какъ напр. приказчикъ, денщикъ, семейство, и проч. Изгнаніе общерусскихъ словъ нельзя не назвать сепаратизмомъ, хотя нѣкоторые считаютъ это «боротьбою о самостоятельность русско-украинскаго языка». Ничтожные результаты, достигнутые такими дѣятелями, лучше всего характеризуютъ цѣну этихъ усилій.

Соглашаясь вполне съ Романчукомъ, заявившимъ, что галицкое нарѣчіе развивалось быстро благодаря трудамъ первыхъ галицкихъ

писателей, авторъ добавляетъ, что 1860-ый годъ въ этой дѣятельности былъ кулминаціоннымъ пунктомъ. Достаточно-де упомянуть о трудахъ Б. А. Дѣдицкаго, Устіановича, Федьковича, Гушалевича, Лисикевича и др. Побѣда надъ проектомъ гг. Иречка, Евст. Черкавскаго и Голуховскаго, желавшихъ навязать галицкимъ русскимъ латинскую азбуку, одержанная въ 1859 г. Куземскимъ, Головацкимъ, Лозинскимъ, Малиновскимъ и Дѣдицкимъ, еще болѣе укрѣпила силы галицкорусскихъ патріотовъ.

Тогда Голуховскій и комп. выдумали для Руси новую ореографію или вѣрнѣе какографію, противъ которой опять единодушно возстала вся Галицкая Русь.

Въ 1864 г., познакомившись во Львовѣ съ совѣтникомъ Юліаномъ Лавровскимъ, авторъ и отъ него услышалъ мнѣніе, что галичанамъ не слѣдуетъ допускать общерусскаго единства, хотя бы въ этнографическомъ лишь отношеніи, ибо въ такомъ случаѣ ни правительство, ни поляки имъ «вничего не дадутъ». «Намъ слѣдуетъ дѣйствовать дипломатически, говорилъ Лавровскій, если мы желаемъ принести пользу для всей Руси». Авторъ отвѣчалъ ему на это, что въ Вѣнѣ сов. Суммеръ сдѣлалъ еще болѣе радикальное предложеніе, а именно—образовать изъ галицкорусскаго нарѣчія три языка: гуцульскій, подольскій и лемковскій, чтобы такимъ образомъ совершенно отдѣлить галицкихъ русскихъ не только отъ «москалей», но даже и отъ украинцевъ.

Что касается упомянутой какографіи, то она все еще не исчезла, а живетъ донинѣ, пожалуй даже въ худшемъ видѣ, съ уродливыми «пикельгаубами», и называется «школьною правописью»! Нѣтъ сомнѣнія, что со временемъ выйдетъ и третье ея изданіе, а въ концѣ концовъ она распадется сама собою, ибо правописаніе, котораго никто кромѣ газетки «Учитель» и издателей школьныхъ учебниковъ не придерживается, не имѣетъ правъ на существованіе. Характерно-де и то обстоятельство, что поддерживаемыя правительствомъ газеты: «Вѣстникъ», а позже и «Миръ», употребляли хорошій языкъ и старое правописаніе, хотя уже тогда существовала какографія.

Поборникомъ литературной отдѣльности малорусскаго «языка» въ послѣднее десятилѣтіе былъ особенно проф. Э. Огоновскій, хотя раньше, до 1860 г., онъ тоже держался старыхъ преданій въ языкѣ и правописаніи. Перемѣна въ этомъ отношеніи совпала съ назначеніемъ его профессоромъ львовскаго университета, которое вызвало сильное негодованіе среди тогдашнихъ украинцевъ. Съ этого времени проф. Огоновскій отрекся отъ прежнихъ убѣжденій и сталъ во главѣ украинскаго направленія въ галицкорусской литературѣ.

Въ началѣ 1872 учебнаго года онъ прочелъ торжественную рѣчь, въ которой высказалъ свои взгляды на исторію славянскихъ языковъ, особенно же русскаго, все болѣе и болѣе настаивая на полной самостоятельности малорусскаго языка или «мовы». Г. Антоновичъ опровергаетъ его положенія собственными же словами Огоновскаго и тѣми противорѣчіями, которыя незамѣтны лишь для официальныхъ славистовъ Австро-Угрии.

Далѣе авторъ указываетъ на столь же странныя противорѣчія въ воззрѣніяхъ поляковъ на галицкорусскія отношенія въ послѣдніи десятилѣтія, именно съ тѣхъ поръ, когда національныя идеи стали развиваться и въ галицкорусскомъ обществѣ. Считая это пробужденіе народнаго сознанія пустымъ капризомъ, поляки въ унисонъ закричали: «Niema Rusi!» и стали доказывать, что галицкорусскій говоръ есть только «нарѣчіе образованнаго польскаго языка». Когда же это нарѣчіе въ дальнѣйшемъ развитіи стало быстро приближаться къ языку «россійскому», тогда они обозвали этотъ діалектъ московскимъ и въ употребленіи его стали видѣть и преслѣдовать чуть не государственную измѣну.

Польскіе дипломаты стали внимательно слѣдить за стилемъ русскихъ галичанъ, раздѣляя ихъ на «москалей-русофиловъ» и на «истинныхъ русиновъ», смотря по процентному отношенію общерусскихъ или мѣстныхъ терминовъ и формъ въ языкѣ галицкихъ писателей. Есть однако и между польскими учеными люди, которые не винятъ галичанъ за желаніе оставаться такими, какими создалъ ихъ Богъ и сдѣлала исторія. Такъ проф. львовскаго университета Л. (пок. Лиске?) въ бесѣдѣ съ Антоновичемъ сказалъ ему однажды: «У васъ есть прекрасная земля, способные люди, есть опредѣленное будущее, если только вы сумѣете заткнуть тотъ мѣшокъ, изъ котораго постоянно сыплются перекинчики».

Далѣе авторъ доказываетъ, что между Малою и Великою Русью не было никогда этнографическаго различія, причемъ ссылается на лѣтописи и даже польскія хроники. Со временъ Іоанна III послѣднія даже перестали употреблять терминъ «Московское Царство», замѣнивъ его названіемъ «Русь», «Россія». Потому-то и первые польскіе учебники всеобщей исторіи, излагаая событія XVI и XVII вв., всегда говорятъ: «wojny ruskie», «stosunki ruskie». Также выражался - де и Лелевель, не подчинявшійся шовинистическимъ взглядамъ польскихъ эмигрантовъ.

Историческія права русскихъ галичанъ, говоритъ далѣе авторъ, основываются на томъ фактѣ, что Галичина присоединена была къ австрійской монархіи не какъ польская провинція, но какъ искони русскій край, какъ Галицко-Владимірское королевство (Regnum Ga-

liciae et Lodomeriae). Но судьба заставила ихъ жить вмѣстѣ съ другимъ славянскимъ племенемъ, поляками. Для этой совмѣстной жизни необходимо найти какой-нибудь *modus vivendi*, если ужъ невозможно полное согласіе. Насколько, по мнѣнію автора, русскіе галичане обладаютъ всѣми необходимыми для искренняго и прочнаго согласія данными, настолько у большинства поляковъ замѣчается отсутствіе таковыхъ. Самые горячіе русскіе патриоты, любя свой языкъ, свою церковь, дорожа своими національными идеалами, уважаютъ и то, что дорого полякамъ; они читаютъ и говорятъ по-польски. Между тѣмъ польскій горячій католицизмъ явно переходитъ-де въ ультрамонтанство, а патриотизмъ—въ шовинизмъ. Для значительной части поляковъ русская церковь и русскій языкъ кажутся чѣмъ-то низкимъ; понятія: русскій человекъ, хлопь, варваръ—для нихъ синонимы. Неудивительно поэтому, что въ прочное и искреннее соглашеніе съ поляками всѣмъ какъ-то мало вѣрится. Печальнымъ надо признать и тотъ фактъ, что одинъ изъ пословъ державной думы, самъ славянинъ, открыто заявилъ, что для него славянство не стоитъ и понюшки табаку. Еще печальнѣе то, что этимъ шовинизмомъ увлекаются и нѣкоторые русскіе политики, мечтающіе быть можетъ на этомъ фундаментѣ да на взаимной ненависти къ «москалямъ» заключить прочный договоръ. Весьма знаменательно и слѣдующее признаніе гр. Мир., бывшаго губернаторомъ въ Босніи, человека весьма дальновиднаго и образованнаго, съ которымъ Антоневицъ бесѣдовалъ о примиреніи съ поляками и которому выразилъ свое сомнѣніе относительно его возможности, такъ какъ среди нынѣшняго поколѣнія поляковъ нѣтъ еще зрѣлаго для этого матеріала. «Вы вполне правы, сказалъ графъ. Мы, мужчины, могли бы приступить къ дѣлу, но наши женщины и ксендзы никогда не признаютъ примиренія на началахъ равенства!» Надо поэтому ждать другихъ поколѣній или перемѣны возрѣній польскаго общества.

Вторая причина, по которой примиреніе съ поляками въ настоящее время невозможно, кроется-де въ нынѣшнемъ настроеніи поляковъ. Вѣря искренно въ воскресеніе Польши «отъ моря до моря» и надѣясь, что оно осуществится при содѣйствіи Австріи, они считаютъ необходимымъ всѣми мѣрами усиливать польскій элементъ. «Всякія уступки Руси были бы ослабленіемъ Польши, слѣдовательно онѣ немислимы!» Покойный посолъ Янко, горячій польскій патриотъ-демократъ, говорилъ автору: «я сознаю, что вы справедливо жалуетесь на обиды, наносимыя вашему народу поляками и правительствомъ, но мы не можемъ дѣлать вамъ уступокъ; вы не имѣете понятія о томъ, какими путями и какою цѣною пріобрѣли мы отъ правительства нѣкоторые изъ нихъ, да и то административ-

нымъ путёмъ! Наша делегація буквально поступила на службу нѣмцамъ... Мы отреклись отъ самихъ себя, отъ нашихъ преданій и идеаловъ, а вы хотите, чтобы мы подѣлились съ вами тѣмъ, что намъ такъ дорого досталось»...

Таковы были воззрѣнія поляка-демократа, человѣка до извѣстной степени безпристрастнаго. Какъ же тутъ мириться! Съ одной стороны руссофилы и чистой воды славянофилы, а съ другой—руссофобы, для которыхъ все славянство не стоитъ и понюшки табаку (Поповскій); съ одной стороны убѣжденіе, основывающееся на исторіи, что Червоная Русь искони русскій край, а съ другой—предразсудокъ, будто эта Русь неотъемлемая часть польскаго организма. Однако по мнѣнію автора примиреніе и даже не въ далекомъ будущемъ возможно, ибо и сельское сословіе и большая часть мѣщанъ стоятъ безусловно за искреннее соглашеніе; даже среди духовенства и женщинъ-патріотокъ найдутся личности, стоящія за него. Такъ какъ несомнѣнно, что убѣжденія поляковъ, при усиленіи демократическихъ идей, измѣнятся, то и русскимъ слѣдуетъ измѣнить свою «тактику». «Мы должны, говоритъ Антоневичъ, обращаться съ поляками вполне откровенно, но не отступать отъ своихъ національныхъ убѣжденій; тогда среди насъ не будетъ ни лизуновъ, ни перекинчиковъ. Притомъ, мы должны заняться нашимъ народомъ, улучшеніемъ его матеріальнаго и нравственнаго быта». Не слѣдуетъ только рассчитывать на уступки «изъ милости», такъ какъ ихъ слѣдуетъ пріобрѣсти честною борьбою.

Уже съ первыхъ дней возрожденія Галицкой Руси начались попытки соглашенія, которыя однако не могли быть прочны. Русскіе были слабы, и поляки не могли считать ихъ равными себѣ, а примиреніе со слабымъ—это только «служебный договоръ».

Ни «соглашеніе» Лавровскаго, воодушевившее на нѣкоторое время Галицкую Русь, ни переговоры Оомы Полянскаго, вѣрившаго въ добрыя чувства поляковъ, не привели ни къ чему. Поляки стали требовать отъ Полянскаго, чтобы онъ «бросалъ грязью въ своихъ», и онъ рѣшилъ оставить политическое поприще.

Такъ же бесплодны были и переговоры Стеф. Качалы съ кн. Юр. Чарторыскимъ, Черкавскимъ и др. Въ эпоху этихъ переговоровъ русскіе послы безусловно придерживались «святоюрской» политики, т.-е. вѣрно служили правительству, даже во вредъ собственнымъ интересамъ. Вскорѣ однако всѣ убѣдились, что пора измѣнить эту политику, что сервилизмъ въ ней совершенно неумѣстенъ и вреденъ, что слѣдуетъ не просить милостыни, а рѣшительно домогаться справедливости, тѣмъ болѣе что само правительство признавало исто-

*

рическія права Галицкой Руси. Къ чести украинофиловъ, они первые вступили на этотъ новый путь. Послѣдовалъ славный періодъ народныхъ вѣчъ, періодъ согласнаго дѣйствія галицко-русскихъ партій. Польскіе дипломаты встревожены были этимъ согласіемъ и всѣми мѣрами старались ослабить впечатлѣніе, произведенное вѣчевыми манифестаціями. Въ Вѣнѣ русскихъ галичанъ ославили какъ анархистовъ и социалистовъ, въ Римѣ—какъ тайныхъ схизматиковъ и опасныхъ руссофиловъ. Римъ рѣшилъ обратитъ ихъ при помощи іезуитовъ въ искреннихъ католиковъ и отдалъ іезуитамъ Добромиль, а съ нимъ и русское монашество; извѣстный ультра-католикъ митрополитъ Іосифъ былъ удаленъ за свою преданность народу; начался рядъ социалистическихъ процессовъ и наконецъ знаменитый Hochverrathsprocess 1882 г. Но все это ни къ чему не привело. Въ Вѣнѣ благодаря «высокимъ покровителямъ» убѣдились въ непоколебимой преданности русскихъ галичанъ престолу, въ ихъ вѣрности и преданности своей церкви. Энергическая «рейхсратная тройца»: Ковальскій, Кулачковскій и Озаркевичъ много содѣйствовали укрѣпленію такого убѣжденія, и это обстоятельство привело къ новому «соглашенію» 1883 года.

Переговоры начались по желанію министра Земляковскаго, который заявилъ о. Николаю Виницкому, что гр. Альфреду Потоцкому поручено переговоритъ съ виднѣйшими русскими патріотами. По предложенію о. Виницкаго, старавшагося первоначально привлечь къ этому дѣлу сов. Ковальскаго, который отказался отъ участія въ немъ, не надѣясь на успѣхъ переговоровъ съ поляками, былъ избранъ для веденія переговоровъ Антоневицъ. Онъ написалъ обширное письмо (какъ было условлено) по адресу о. Виницкаго, въ которомъ развивалъ свои взгляды на возможное соглашеніе. Письмо это, написанное по-польски, предназначено было собственно для министра Земляковскаго; но оно произвело, по увѣренію о. Виницкаго, прекрасное впечатлѣніе и на гр. А. Потоцкаго, а также на новаго намѣстника Залѣскаго. Когда гр. Потоцкій потребовалъ отъ Антоневица списокъ лицъ, съ которыми слѣдуетъ вести переговоры, то онъ предложилъ въ члены совѣщанія: о. Петрушевича и о. Павликова изъ своей (старорусской) партіи, а д-ра Ал. Огоновскаго и Юл. Романчука—изъ украинской. Всѣ приняли предложеніе гр. Потоцкаго, тѣмъ болѣе что, какъ скоро обнаружилось, онъ былъ посредникомъ не поляковъ, а центрального правительства и, вѣроятно, самого государя. При такихъ обстоятельствахъ, соглашеніе съ гр. Потоцкимъ представляло для Руси болѣе гарантій, чѣмъ такъ назыв. «новая эра». Это «соглашеніе», сохраняемое до сихъ поръ въ тайнѣ, въ высшей степени замѣчательно. Дѣятельное участіе въ составленіи его прини-

маль Романчукъ. Вотъ почему трудно простить ему роль въ «новой эрѣ», которую онъ уничтожилъ и свое собственное дѣло.

Наиболѣе замѣчательнъ финалъ этого «соглашенія». Принимая отъ русскихъ депутатовъ готовый докладъ, покойный графъ произнесъ памятная всѣмъ слова: «Этотъ документъ будетъ странствовать, поѣдетъ въ Вѣну, вернется во Львовъ и снова въ Вѣну; вы получите то, что вамъ слѣдуетъ, но не сразу, а постепенно.. Правительство должно однако удовлетворить васъ, ибо вы доказали, что у васъ есть сила!» Этой силой, по замѣчанію автора, является народъ. Съ этимъ согласился и гр. Потоцкій. «Поэтому вся наша дѣятельность, заключаетъ Антоневицъ, должна быть направлена на то, чтобы солидарностью снова приобрѣсть силу; мы должны заботиться не только о просвѣщеніи, но и о матеріальномъ и нравственномъ возвышеніи нашего народа. Это начало и конецъ нашей политики».

Польская дипломатія, какъ мы уже замѣтили, усиленно старалась умалить значеніе «соглашенія» съ гр. Потоцкимъ, а такъ какъ имъ интересовался самъ императоръ, то русскихъ галичанъ представляли ему какъ «схизматиковъ», социалистовъ, анархистовъ, москвофиловъ, и т. д. Все же благодаря этому именно «соглашенію» открыты были русскіе параллельные классы при перемышльской гимназій и получено было мѣсто одного члена въ областной управѣ; этимъ же обусловлено было распоряженіе министра юстиціи (отъ 9 іюня н. ст. 1891 г.) относительно веденія ипотечныхъ книгъ на русскомъ языкѣ. Русскіе послы считали своимъ долгомъ и дальше путемъ интерпелляцій и предложеній требовать другихъ уступокъ, рассчитывая и впредь на сочувствіе верховной власти.

Въ сеймовыхъ кружкахъ и за сеймомъ рассказывали слѣдующую исторію, или скорѣе легенду, которая какъ нельзя лучше характеризуетъ положеніе русскихъ. При императорскомъ дворѣ и бѣдная Русь имѣла-де своихъ покровителей. Самымъ вліятельнымъ изъ нихъ былъ покойный наслѣдникъ Рудольфъ, всегда горячо защищавшій Галицкую Русь, особенно послѣ поѣздки по Галичинѣ. Императоръ, внимая заступничеству любимого сына, потребовалъ основательнаго разъясненія галицкорусскаго вопроса, что возложено было на одного изъ вѣнскихъ гофратовъ, считавшагося знаткомъ галицкихъ отношеній. Онъ долженъ былъ представлять императору точные рапорты о польскорусскихъ отношеніяхъ въ Галичинѣ. Оружіе враждебной польской дипломатіи тупѣло, и желаемый эффектъ не былъ достигнутъ. Дошло до того, что, какъ гласитъ легенда, одному высокопоставленному защитнику польской дипломатіи было замѣчено: «Вы навѣрно смотрите на галицію отношенія черезъ ваши спеціальныя очки!»

Польская дипломатія убѣдилась теперь, что возведенное интри-

гами зданіе скоро распадется въ дребезги. Между тѣмъ русскіе послы проявили замѣчательную дѣятельность какъ въ сеймѣ, такъ и въ державной думѣ и на львовскомъ вѣчѣ 1889 г. Наиболее замѣчательна памятная интерпеляція ихъ въ сеймѣ 16 ноября 1889 г. «поразившая интригу въ самое сердце». Авторомъ ея былъ собственно посоль Кулачковскій, Романчукъ же занялся лишь ея окончательной отдѣлкой и первый подписалъ ее, принимая такимъ образомъ на себя отвѣтственность за ея содержаніе. Эта интерпеляція была безъ сомнѣнія не на руку областному управленію; лучшимъ доказательствомъ этого служитъ тотъ фактъ, что русскіе послы М. (Мандычевскій?) и О. (Озаркевичъ?), считавшіеся всецѣло правительственными, не хотѣли подписать ее. Сильное впечатлѣніе должна была произвести она и въ Вѣнѣ. Въ интерпеляціи этой было сказано, что поляки, желая подавить національное, культурное и экономическое развитіе Галицкой Руси, представляютъ «русиновъ», трудящихся на этомъ поприщѣ, революціонерами и социалистами, раздувая единичные и самые ничтожные факты до неимоверныхъ размѣровъ.

Эта интерпеляція, а также рѣшительный и солидарный образъ дѣйствій русскихъ пословъ на сеймѣ 1889 г., вызвали въ русскомъ клубѣ мысль объ изготовленіи общей программы, которою въ будущемъ руководилась бы вся Галицкая Русь. Изготовленіе ея поручено было Романчуку, какъ предсѣдателю посольскаго клуба. 13 (25) марта 1890 г. созваны были Романчукомъ довѣренныя лица изъ Львова и провинціи, одобрившія набросокъ его программы примиренія и стремленіе къ раздѣлу Галичины, предложенное самимъ Романчукомъ. Но ни проектъ соглашенія, ни политическая программа Галицкой Руси, ни адресъ императору съ жалобами на состояніе Галичины не были готовы къ сроку (къ маю 1890 года).

Когда осенью 1890 г. снова собрался сеймъ, Романчукъ, вмѣстѣ съ послами Кулачковскимъ и Рожанковскимъ, снова принялся за изготовленіе программы общихъ дѣйствій. Замѣчательно, что программу эту Романчукъ обсуждалъ еще за нѣсколько дней до произнесенія такъ назыв. «своей программой рѣчи» въ сеймѣ, и это обстоятельство служитъ лучшимъ доказательствомъ, насколько неожиданна была эта рѣчь для членовъ русскаго клуба. Но и на всѣхъ галичанъ она произвела чрезвычайно тягостное впечатлѣніе. Какъ школьники или грѣшники, исповѣдали Романчукъ съ К^о свое «credo» передъ тѣми, кого никто не считалъ образцомъ лояльности. Еще страннѣе было подобное исповѣданіе политической вѣры въ устахъ митрополита, произнесенное передъ либералами и жидами львовскаго сейма. Что въ этомъ не было никакой надобности, подтверждается

заявленіемъ правительственнаго комиссара въ сеймѣ (24 окт. 1890 г.) о твердой вѣрѣ правительства въ лояльность русскаго народа къ австрійской монархіи и ея династіи. Еще меньше основаній было для исповѣданія религіознаго, ибо въ Австріи свобода вѣроисповѣданія обезпечена основными законами.

Чтобы исправить все это зло и возстановить прежнія добрыя отношенія между галицко-русскими партіями, авторъ считаетъ необходимымъ:

1) Совершенно забыть о «новой эрѣ», а тѣмъ изъ пословъ, выборы которыхъ состоялись «извѣстнымъ» всѣмъ способомъ,—сложить съ себя свои мандаты, или по крайней мѣрѣ отречься отъ служенія своимъ протекторамъ.

2) Литературные и языковѣдныя споры предоставить ученымъ и писателямъ, въ компетенцію которыхъ входитъ и вопросъ объ образованіи литературнаго языка.

3) Остерегаться всякаго нигилизма какъ въ литературной, такъ въ особенности въ политической жизни, гдѣ онъ, какъ доказала «новая эра», дѣйствуетъ самымъ разрушительнымъ образомъ.

4) Заняться просвѣщеніемъ народа, улучшеніемъ его матеріальнаго и нравственнаго быта.

5) Для достиженія этой цѣли необходимо учреждать читальни, общественныя склады хлѣба и разныхъ товаровъ, организовать общества трезвости, созывать вѣча и т. п. Тогда поляки, убѣдившись въ нашей силѣ, перестанутъ мѣшаться въ наши дѣла и оставятъ свои «сердечныя указанія» для себя.

ОБЩЕНѢМЕЦКІЙ ШКОЛЬНЫЙ СОЮЗЪ

Разсмотрѣвъ въ предыдущей нашей статьѣ * національно-политическую дѣятельность пангерманскаго «Евангелическаго союза имени Густава-Адольфа», мы посвящаемъ нижеслѣдующія строки аналогичной пропагандаторской дѣятельности другого, не менѣе опаснаго для славянъ всенѣмецкаго общества, именуемаго «Школьнымъ союзомъ» (Schulverein).

Прототипомъ этого союза былъ основанный въ 1880 году въ Вѣнѣ «Нѣмецкій школьный союзъ», насчитывающій теперь до 120,000 человекъ и расходующій на дѣли германизма свыше 250,000 гульденовъ въ годъ. ** Задачи вѣнскаго кружка нашли себѣ сочувствіе въ Германіи, вслѣдствіе чего въ Берлинѣ было учреждено въ 1881 году самостоятельное общество, подъ названіемъ «Всеобщаго нѣмецкаго школьнаго союза» (Allgemeiner deutscher Schulverein), съ цѣлью поддержки нѣмецкой народности за предѣлами Германіи. Въ печатныхъ воззваніяхъ къ нѣмецкому народу представители «Всеобщаго союза» заявляютъ, что первоначальнымъ поводомъ къ учрежденію ихъ Общества послужила та «угрожающая опасность (drohende Gefahr), которой съ 1866 года подвергаются нѣмцы въ Австріи; но такъ какъ и въ другихъ странахъ Европы и прочихъ частяхъ свѣта нѣмцы нерѣдко страдаютъ-де отъ гнета инородцевъ, то Общество принуждено расширить свои задачи и нынѣ посвящаетъ-де свои заботы поддержанію нѣмецкой народности на всемъ земномъ шарѣ.

Въ §§ 1 и 2-мъ устава «Всеобщаго союза» цѣль его опредѣлена

* «Слав. Обзоръ». Мартъ. 434—442.

** По отчету этого союза за 1891 г. видимъ, что это общество располагало къ концу этого года капиталомъ въ 461.588 гульд. и содержало на свои средства 18 школъ въ Чехіи, 7 въ Моравіи, 6 въ Словѣніи, съ 74 основными классами и 77 параллельными отдѣленіями: сверхъ того общество содержало 53 дѣтскихъ сада, изъ коихъ 31 въ Чехіи, 13 промышленныхъ заведеній, 10 дополнительныхъ курсовъ, 5 музыкальныхъ школъ, 27 библиотекъ, 132 учителя были награждены обществомъ.

слѣдующими словами: «Всеобщій нѣмецкій школьный союзъ ставитъ себѣ цѣлью: охранять нѣмецкую народность внѣ предѣловъ Германской имперіи и, по мѣрѣ силъ, оказывать нѣмцамъ помощь въ ихъ стремленіи оставаться нѣмцами или снова стать ими. Свою цѣль союзъ осуществляетъ поддержаніемъ и учрежденіемъ нѣмецкихъ школъ и библіотекъ, снабженіемъ ихъ нѣмецкими книгами, распространеніемъ подходящихъ сочиненій, выдачею пособій нѣмецкимъ учителямъ и другими подобными средствами. Съ тѣхъ поръ, какъ возникла нѣмецкая имперія, ни одинъ нѣмецъ, живущій на чужбинѣ, да не будетъ въ правѣ сказать, что онъ презрительно забыть и повинуть братьями»...

Рядомъ съ этимъ стремленіемъ собрать воедино нѣмецкій народъ и провозглашеніемъ новыхъ политическихъ принциповъ, идущихъ въ разрѣзъ съ общепринятыми нынѣ понятіями о національныхъ и территоріальныхъ устояхъ каждаго европейскаго государства, въ уставѣ (въ томъ же § 1) и въ воззваніи заявляется, что «Всеобщій школьный союзъ» не есть общество политическое, что онъ стоитъ далеко отъ всякаго рода «партійныхъ стремленій и вождедвіій», наконецъ что онъ не составляетъ и педагогическаго кружка, ибо вовсе не занимается педагогическими вопросами.

Въ настоящее время этотъ сильный союзъ считаетъ въ своей средѣ до 30,000 членовъ, которые уплачиваютъ членскій взносъ по 3 марки въ годъ, или же одновременно 60 марокъ. Вся эта армія, подобно Евангелическому союзу имени Густава-Адольфа, раздѣляется на самостоятельныя мѣстныя группы (Ortsgruppen), со своимъ представительствомъ, а эти мѣстныя группы въ свою очередь соединяются по провинціямъ и германскимъ странамъ въ болѣе обширныя общества (Verbände); совокупность же всѣхъ мѣстныхъ группъ и провинціальныхъ обществъ составляетъ союзъ (Verein), который избираетъ свое главное представительство (Haupt-Vorstand), состоящее по уставу изъ трехъ лицъ и трехъ замѣстителей къ нимъ. Это главное представительство, находящееся въ тѣсной связи съ вѣнскимъ Обществомъ, въ настоящее время въ дѣйствительности состоитъ изъ 36 членовъ. Мѣстопробываніемъ главнѣйшихъ членовъ назначенъ Берлинъ. Предсѣдательское мѣсто въ управленіи занимаетъ тайн. сов. проф. др. Беккъ (Böckh); его же помощникомъ состоитъ штабный врачъ др. Фалькенштейнъ. Въ дальнѣйшихъ подробностяхъ своей строго-обдуманной и цѣлесообразной организаціи, этотъ союзъ очень сходенъ съ союзомъ «Густава-Адольфа». Управляясь своими берлинскими главнокомандующими, «Всеобщій школьный союзъ», кромѣ собраній мѣстныхъ и провинціальныхъ, имѣетъ ежегодно два общія собранія:

1) закрытое собраніе уполномоченныхъ отъ мѣстныхъ и провинціальныхъ обществъ и членовъ главнаго представительства—на первой недѣлѣ послѣ Пасхи (Vertretertag) и 2) публичное собраніе, куда доступъ имѣютъ не только всѣ члены союза, но и гости, и которое открывается тотчасъ же послѣ закрытія собранія уполномоченныхъ. Мѣсто сѣзда уполномоченныхъ и публичнаго общаго собранія опредѣляется за годъ ранѣе, на собраніи уполномоченныхъ. Обыкновенно избирается для сѣзда одинъ изъ большихъ городовъ Германіи, гдѣ по этому поводу устраивается празднество въ чисто нѣмецкомъ вкусѣ, съ музыкой, пѣніемъ патриотическихъ пѣсней, экскурсіями in's Grüne и т. п.

Къ началу 1890 года въ разныхъ странахъ и провинціяхъ Германіи числилось 362 мѣстныхъ обществъ Всеобщаго школьнаго союза, а именно:

Въ Бранденбургѣ	48
» Шлезвигъ-Гольштейнъ-Лауенбургѣ.	6
» Гессенъ-Нассау	17
» провинціи Саксоніи	29
» Силезіи	21
» Рейнскихъ странахъ	13
» Восточной Пруссіи	12
» Западной Пруссіи	9
» Познани	6
» Помераніи	7
» Ганноверѣ	7
» Вестфалии	1
» Баденѣ	14
» Тюрингіи-Ангальтъ	25
» королевствѣ Саксоніи	75
» Вюртембергѣ	26
» Баваріи (Пфальцъ)	31
» Мекленбургѣ	7
» Гессенъ-Дармштатѣ	5
» Эльзасъ-Лотарингіи	4

Къ этому числу слѣдуетъ прибавить еще 11 самостоятельныхъ школьныхъ обществъ, присоединившихся къ союзу, и 67 обществъ гимнастическихъ, пѣвческихъ, студенческихъ, ученыхъ, благотворительныхъ, купеческихъ, учительскихъ, которыя въ числѣ своихъ 5 тысячъ сочленовъ примкнули in concreto къ союзу.

Внѣ Германіи мѣстныхъ обществъ шульферейна числилось 19, а именно: 9 въ Европѣ: (Софіи, Константинополь, Солуни, Бари,

Палермо, Букарестъ, Базель, Цюрихъ и Лондонъ; 7 въ Америкѣ: Чикаго, Монреаль (Канада), Порто-Аллегре (Бразилія), Монтевидео, Нуова-Гельвеція (Урагвай), два въ Нуэрте-Монтъ (Чили); 2 въ Азіи: Токио Ивогама (Японія) и Амазія (М. Азія); 1 въ Австраліи: Сидней.

«Не-школьная» дѣятельность союза весьма рельефно, между прочимъ, характеризуется тѣмъ, что въ составу его примѣнуло существующее въ Палермо «Общество нѣмецкой имперской пивной» (deutsche Reichs Kneipe)!

Какого же непріятели имѣютъ въ виду эти двѣ арміи: одна въ 120,000 человѣкъ, расположенная въ Австріи, и другая въ 30,000 человѣкъ—въ Германіи? Гдѣ же нѣмцевъ притѣсняютъ, чѣмъ они удручены, и что понимаетъ союзъ подъ словами своего воззванія «грозящая опасность»?

Двѣ страны въ Европѣ признаются союзомъ самыми опасными для нѣмцевъ—Австрія и Россія, т. е. два государства, заселенныя преимущественно славянскими племенами.

Итакъ, главный врагъ, противъ котораго направлены дѣйствія грозныхъ нѣмецкихъ полчищъ,—это славяне, съ которыми нѣмцы ведутъ ожесточенную тысячелѣтнюю борьбу и которыхъ они постепенно уничтожили огнемъ и мечемъ сначала на Лабѣ и Одрѣ, а теперь вытравливаютъ на Дунаѣ. Не даромъ же на своихъ «школьныхъ» собраніяхъ нѣмцы сопоставляютъ Рейнъ и Дунай: «подайте другъ другу руки, германцы имперіи и Австріи; вспомните, что пѣснь о Нибелунгахъ упоминаетъ одновременно о Рейнѣ и Дунаѣ, а потому называйте же и вы Дунай своею матерью, а Рейнъ—отцомъ».

Какія же происшествія въ Австріи и Россіи могли якобы обезпечить самоуправствующихъ въ Европѣ нѣмцевъ?

Въ печатномъ воззваніи о вступленіи въ члены «Всеобщаго союза» повѣствуется, что до 1866 года Австрія была въ сущности совершенно нѣмецкимъ государствомъ; нѣмцы господствовали-де тогда не только въ Вѣнѣ, но и въ Прагѣ, Пильзнѣ и т. д. Старый культурный перевѣсъ обезпечивалъ-де за ними безусловное господство надъ чехами, словенцами и прочими народами Австріи. Но наступилъ-де 1866 годъ и нанесъ австрійскимъ нѣмцамъ сильный ударъ: порвалась ихъ политическая связь съ Германіей, затруднились взаимныя сношенія,—словомъ, австрійскіе нѣмцы были-де оторваны отъ «фатерланда». Пользуясь послабленіями австрійскаго правительства, славяне подвѣли-де голову. Соединившись на почвѣ общей ненависти къ нѣмцамъ, они ринулись-де, какъ распущенная свора, на своихъ прежнихъ господъ и съ того времени угрожаютъ не только сѣсть нѣмцамъ на шею, но даже уничтожить ихъ.

Въ чемъ же выражаются эти притѣсненія? А вотъ въ чемъ: «Въ Богеміи (такъ говорится далѣе въ этой книжкѣ), гдѣ 2^{1/2} милліона нѣмцевъ живутъ рядомъ съ 3^{1/2} милліонами чеховъ, послѣдніе хотятъ насильно ослаблять первыхъ; въ городахъ, гдѣ еще такъ недавно господствовали нѣмцы, напр. въ Прагѣ, Пильзніѣ, Іозефштадтѣ и др., чехи основываютъ свои школы, а для нѣмецкихъ нѣтъ помѣщеній: ихъ нельзя ни купить, ни нанять; захотятъ нѣмцы строить зданія на свои средства, имъ владутъ на пути всякаго рода препятствія и затрудненія, даже... непременно выбиваютъ въ помѣщеніяхъ окна. Каждый чиновникъ, который захотѣлъ бы принять сторону нѣмцевъ, рискуетъ навлечь на себя ненависть и вызываетъ противъ себя наветы и ябеды. Нѣмцевъ вытѣсняютъ изъ всѣхъ сельскихъ должностей, устраняютъ отъ завѣдыванія ссудо-сберегательными кассами и отъ управленія разными общественными учрежденіями. Подобнаго рода притѣсненія повторяются въ Моравіи, Австрійской Силезіи, Крайніѣ».

Лишь крайнее нахальство можетъ подобнымъ образомъ извращать факты. Если въ Австріи издаются богохульные указы объ удаленіи изъ народныхъ школъ священныхъ изображеній св. славянскихъ первоучителей, Кирилла и Меодія,—то о какихъ притѣсненіяхъ могутъ говорить послѣ того противники славянъ и кого они хотятъ одурачить? Изъ всѣхъ нѣмецкихъ нареканій на славянъ имѣетъ смыслъ лишь одно: жалобы на чеховъ за ихъ рѣшимость отерывать свои частныя школы! Да *liegt der Hund begraben*.

Еще возмутительнѣе по своему содержанію тѣ рѣчи, какія произносятся на собраніяхъ шульферейна. Большинство ихъ пронизаны чувствомъ ненависти и презрѣнія къ славянамъ и ихъ правамъ, причемъ ораторы, въ порывѣ болѣзненнаго самомирія, видя въ объединенной Германіи какъ бы новый, богоизбранный народъ, комментируютъ на всѣ лады извѣстную горделивую фразу Бисмарка: «мы, нѣмцы, боимся Бога и никого больше на свѣтѣ». Одинъ же изъ делегатовъ съѣзда, фонъ-Пернерсторферъ, провозглашаетъ слѣдующую фразу: «Для всѣхъ нѣмцевъ было всегда идеаломъ стремленіе къ солидарности взаимныхъ интересовъ; въ этомъ отношеніи мы опередили всѣ народы и заставили ихъ слѣдовать за нами, а потому и въ будущемъ задача наша — служить примѣромъ для всѣхъ народовъ, населяющихъ шаръ земной!»

Чтобы еще болѣе убѣдить читателя, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ опасными шовинистами, которые занимаются болѣе политикою, чѣмъ школою, мы сдѣлаемъ двѣ ссылки.

Во-первыхъ, укажемъ на предложеніе, сдѣланное 26 мая 1888 г.

на засѣданіи Общества въ Кобургѣ отъ имени г. Мерзбургга. Уполномоченные этого города предложили: переимѣнить названіе союза и именовать его впредь: «Союзомъ для поддержанія германизма за границей». Названіе «Школьнаго союза», говорится въ предложеніи даетъ поводъ къ ложнымъ толкованіямъ; многіе полагаютъ, что имѣется въ виду содѣйствовать «школамъ», но подобное заблужденіе слѣдуетъ рѣшительно опровергнуть; названіе союза, безъ сомнѣнія, имѣетъ важное значеніе, дабы каждый могъ сразу понять, въ чемъ тутъ дѣло. И д-ръ Эттингенъ (Oettingen) въ своей берлинской рѣчи въ началѣ 1892 г. прямо заявилъ, что шульферейнъ не занимается политикою, однако дѣятельность его имѣетъ-де несомнѣнно политическое значеніе. Въ приложеніи же къ новому органу союза: Für das Deutschthum im Auslande (съ ноября 1891 г. въ Берлинѣ) доказывается, что Германія лишь тогда можетъ полагаться на Австрію въ борьбѣ со славянствомъ, если школьному союзу удастся въ ней ослабить славянскій элементъ утвержденіемъ нѣмецкаго языка. Конечно, честнѣе снять маску и заявить, что союзъ избралъ «школу» лишь вывѣской для политической пропаганды. Это «школа» sui generis!

Во-вторыхъ, мы укажемъ на одно чрезвычайно характерное признаніе, помѣщенное въ вышеупомянутомъ печатномъ воззваніи. «Для нѣкоторыхъ (говорится на стр. 42 этой книжки) политическія движенія въ Австро-Венгріи могутъ казаться далеко отстоящими отъ германскихъ интересовъ и мало ихъ касающимися; но эти люди будутъ неправы, ибо при постоянно возрастающемъ политическомъ значеніи странъ на европейскомъ востокѣ, ни въ какомъ случаѣ нельзя признать, съ практической точки зрѣнія, безразличнымъ, будемъ ли мы имѣть въ нѣмецкой Австріи защищенную позицію на большой дорогѣ къ Черному морю или же этотъ этапъ будетъ уничтоженъ и нѣмецкое населеніе здѣсь будетъ ослаблено». Эти «особые» германскіе интересы по дорогѣ къ Черному морю были отлично поняты нѣмцами; указанія представителей союза не остались безплодными!...

Въ доказательство приведемъ цифры. Предъ нами лежитъ бюджетъ «Всеобщаго союза» на 1889 годъ и проектъ на 1890 годъ, (помѣщенные въ № 4 Mittheilungen или сообщеній союза за 1890—1891 годы). Приходъ составлялъ за 1889 годъ сумму 32.831 мар. 14 пф.; расходъ показанъ въ той же суммѣ, при чемъ на распространеніе идей шульферейна (Agitation) ассигновано 1.625 м. Главной статьей расхода являются конечно пособія, опредѣленные въ размѣрѣ 15.794 мар. 15 пф., изъ которыхъ въ Венгрію, Чехію, Моравію, Хорутанію, Штирію, Крайну, Боснію и Галицію

отослано 13.120 мар. 13 пф., въ другія же европейскія страны 1554 м. 35 пф., При болѣе детальномъ знакомствѣ съ бюджетомъ оказывается, что 1093 марки отосланы въ Болгарію, гдѣ въ нынѣшнемъ году шульферейнъ открылъ свои отдѣленія (вромѣ Софіи) въ Филиппополѣ, Русчукѣ и Варнѣ. *

Слѣдя за дѣятельностью союза, мы обращали главное вниманіе на отношенія его къ Россіи. Посылаются ли пособія въ Россію? Разсматривая подробные отчеты шульферейна, мы не нашли въ нихъ свѣдѣній о томъ, въ какія мѣстности Россіи и въ какомъ количествѣ посылаются пособія; но самый фактъ такихъ пособій на поддержаніе германизма въ Россіи не подлежитъ сомнѣнію. ** Это было даже предметомъ особаго обсужденія на собраніи уполномоченныхъ въ Кобургѣ, 26 мая 1888 года. Какимъ образомъ союзъ осуществляетъ свои германскія цѣли въ устройствѣ форпостовъ въ Россіи, по пути къ Черному морю,—мы не знаемъ, но зато изъ произнесенной въ г. Нюрнбергѣ на общемъ собраніи 3 августа 1890 г. рѣчи г. Зейдлица изъ Кенигсберга, выясняются съ достаточною опредѣленностью тѣ политическія стремленія и вождедвія, которыя союзъ преслѣдуетъ въ нашихъ трехъ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Зейдлицъ всю историческую часть своей рѣчи строить на слѣдующихъ ложныхъ, но зато излюбленныхъ полубразованными Нѣмцами, положеніяхъ: Нѣмцы споконъ вѣка были-моль носителями культуры среди варварскаго населенія Европы, а врагами постоянными ихъ, равно и культуры, были: гунны, турки, татары и другія монгольскія и славянскія племена. Въ тѣхъ мѣстностяхъ Европы, гдѣ появлялись нѣмцы, тотчасъ же возникалъ-де свѣтъ, водворялась тишина и начиналась работа. Но волны варварства часто заливали культурныя нѣмецкія поля. Такъ было и въ остзейскомъ краѣ. Подъ владычествомъ нѣмцевъ возникли-де тамъ три цвѣтущія герцогства: Курляндія, Лифляндія и Эстляндія. Въ этихъ странахъ нѣмцы долго отбивались-де отъ дикихъ варваровъ русскихъ, которые своими вторженіями вносили въ край разбой, убійства, поджоги—всѣ бѣды земныя. Русскіе наконецъ одолѣли. Всѣмъ извѣстенъ-де гордый отвѣтъ фельдмаршала Шереметева Петру Великому, на его приказаніе опустошить весь остзейскій край: «Ваше Величество, больше ничего не осталось для опусто-

* Общій капиталъ этихъ отдѣленій достигаетъ, по газетнымъ свѣдѣніямъ, 200,000 марокъ. Балансъ расходовъ союза въ 1891 г. опредѣляется въ 84,000 мар., изъ коихъ 51,000 израсходованы мѣстными отдѣлами.

** На гельсингфорскую нѣмецкую школу ассигнуется ежегодно изъ суммъ шульферейна 300 мар. Есть указанія и на его заботы о нѣмецкихъ школахъ въ балтійскихъ губерніяхъ.

шенія». Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ глубокаго горя и нужды все попрежнему возстановилось-де въ этомъ краѣ: нѣмцы были снова тутъ. На основаніи договора съ царемъ, нѣмецкое населеніе получило полную автономію и самоуправленіе и нѣмецкая культура засіяла-де еще въ большемъ блескѣ. Эсты и латыши — эти первоначальные обитатели края — не могли-де жаловаться на нѣмцевъ: за полстолѣтіе раньше чѣмъ въ Россіи мѣстное населеніе было-де по собственной инициативѣ нѣмецкаго дворянства освобождено отъ крѣпостной зависимости и, пройдя чрезъ барщину, оно сдѣлалось свободнымъ; во время барщины эсты и латыши были-де зажиточными арендаторами, теперь большинство изъ нихъ — богатые собственники. Никогда ни одинъ эстонецъ или латышь не былъ-де насильственно германизованъ; насильственная германизация не лежитъ-де въ характерѣ нѣмцевъ, и единственно допустимой является та, которая снисходительно одаряетъ приобщающагося нѣмецкой культурѣ нѣмецкимъ языкомъ и образованіемъ. Отношенія между нѣмцами и эстами, а также латышами были-де наилучшія, и послѣдніе съ гордостью позволяли своимъ дѣтямъ превращаться въ «саксонцевъ» (такую клччку носили нѣмцы на языкѣ эстонцевъ). Укрѣпившись въ своемъ краѣ, нѣмцы стали-де благотворить Россіи и просвѣщать ее. Было время, и это время не было-де худшимъ въ Россіи, когда почти всѣ высшіе посты министровъ, всѣ военначальники, всѣ профессорскія кѣедры были заняты нѣмцами. Отличаясь всѣми возможными хорошими качествами: классическимъ образованіемъ, безпримѣрно въ Россіи любовью къ работѣ и абсолютною честностью, нѣмцы таинмъ образомъ сдѣлались-де посредниками между цивилизованной Европой и непросвѣщенной Россіей. Все, что въ Россіи отзывается образованіемъ, — все это покоится-де на основахъ, положенныхъ нѣмцами. Словомъ, балтійская страна — это перлъ русскаго царства (*die baltischen Länder die Perle des russischen Reiches*). Но варварская русская волна снова нахлынула на этотъ край. Нигилистическая и панславистическая партіи полуобразованныхъ русскихъ взяли въ послѣднее время верхъ надъ истинно-образованными русскими кружками, которые еще и до сихъ поръ благодарны нѣмцамъ за ихъ благодѣянія. Нѣмецъ объявленъ природнымъ врагомъ русскихъ, и всѣ усилія этой страшной, противонѣмецкой партіи направлены къ его уничтоженію если не открытымъ способомъ, посредствомъ насилій и убійства, то разными подвохами. Вселія средства пускаются-де въ ходъ противъ честнаго нѣмца: ложные доносы, несправедливыя обвиненія, высылка административнымъ путемъ, отказъ отъ мѣстъ и уничтоженіе всѣхъ благодѣтельныхъ послѣд-

ствій нѣмецкой культуры. Между нѣмцами и мѣстнымъ населеніемъ бросается-де зажженный факель, отношенія обостряются и въ край обнаруживаются аграрныя убійства и поджоги. Нѣмцы, напримѣръ, отличаются-де своимъ отвращеніемъ отъ нигилизма: русская партія, эта «камарилья», обманывающая высшее правительство, нарочно посылаетъ-де въ дерптскій университетъ русскихъ студентовъ-нигилистовъ и такимъ образомъ вводитъ въ край анархію. Ихъ цѣль— снова произнести гордый Шереметевскій отвѣтъ: «больше нечего опустошать». Нѣмцы рассчитываютъ-де только на способность къ культурѣ и выносливость: въ этомъ одномъ ихъ спасеніе въ будущемъ. Если мы, германцы, хотимъ имъ помочь, быть для нихъ факеломъ будущаго, то мы должны постоянно обращать наши взоры между прочимъ и на Остзейскій край: тамъ герои и мученики германства!» *

Такъ пишется нѣмецкая исторія! А между тѣмъ кому неизвѣстно, что нѣмцы были такими же насильниками въ Ливоніи и Эстоніи, какъ и въ областяхъ западнаго славянства; что подъ плащомъ миссіонера и культуртрегера въ этихъ рыцаряхъ тевтонизма скрывались инстинкты самаго грубаго эксплуататора; что и до сихъ поръ области прибалтійскія, въ лицѣ громаднаго большинства своего латышскаго и эстонскаго населенія, страдаютъ еще отъ послѣдствій этого феодально-крестоноснаго захвата! Во всякомъ случаѣ, не видно ли изъ приведенной выдержки, что шульферейнъ — по существу общество политическое, направленное главнымъ образомъ противъ славянъ и Россіи и работающее подъ знаменемъ Гогенцоллерновъ? Но если это такъ, если общество это разжигаетъ расовую ненависть и подготавливаетъ для Германіи дороги то къ Финскому заливу, то къ Черному морю, то возникаетъ вопросъ: можетъ ли оно быть терпимо съ точки зрѣнія установившихся международныхъ отношеній?

Во всякомъ же случаѣ, германизаторская дѣятельность обществъ, подобныхъ союзамъ Густава-Адольфа и Школьному, должна бы и со стороны славянъ вызвать соотвѣтственную организацію для обороны своего народнаго достоянія и существованія. Въ этихъ видахъ чехи учредили уже школьную Матицу и Общество Коменскаго. Но для успѣшной борьбы съ подобными общенѣмецкими союзами необходимо учрежденіе аналогичныхъ союзовъ общеславянскихъ.

А. Панковъ.

* 25 апр. 1892 г. читалъ подобную статью «О вліяніи нѣмцевъ на русскую образованность» др. Маннгеймеръ въ Ольденбургѣ. Всего забавнѣе, что этотъ нѣмецъ—раввинъ.

БИБЛІОГРАФІЯ

И. М. Собьстіанскій. Ученія о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ. Историко-критическое изслѣдованіе. Харьковъ. 1892 г. 336+XII стр.

Конечный выводъ г. Собьстіанскаго таковъ: «Если славяне были народъ воинственный, предприимчивый и жестокой, если у нихъ искони существовала княжеская власть и рабство было обыкновеннымъ явленіемъ; если, далѣе, жена и дѣти вполнѣ были подчинены отцу, — то ни о какихъ коренныхъ отличіяхъ древне-славянскаго характера и юридическаго быта не можетъ быть и рѣчи» (стр. 205). «Ученія о кроткомъ, пассивномъ характерѣ древнихъ славянъ и о господствѣ у нихъ «общины» сложились въ славянской наукѣ путемъ апіористическимъ и привели къ отрицанію самобытной исторической дѣятельности у славянскаго племени, такъ какъ въ результатѣ оказалось, что славяне не были способны по собственному побужденію предпринимать завоевательные походы и не были способны сами образовать государство» (стр. 206). Стало быть, «труды славянскихъ ученыхъ, имѣвшіе главной задачей выдвинуть впередъ самобытную роль славянъ въ исторіи и очистить науку славянскихъ древностей отъ взглядовъ нѣмецкой школы, привели къ противоположному результату» (стр. 207). Въ концѣ концовъ г. Собьстіанскій совѣтуетъ «будущимъ изслѣдователямъ славянской старины», для которыхъ его работа «очищаетъ путь»... «приступать къ изученію памятниковъ безъ предвзятой мысли о противоположности древняго «славянства» «германизму» и вернуться къ болѣе трезвымъ взглядамъ славянорусской школы прошлаго столѣтія, а не подгонять факты подъ готовую уже формулу» (стр. 206—8).

Такимъ образомъ, г. Собѣстіанскій вычеркиваетъ изъ славянской историографіи страницу, написанную втеченіе цѣлаго столѣтія, на которой блещутъ незабвенныя имена Шафарика, Маѣвскаго, Лелевеля, Хомякова, К. Аксакова, Самарина и длиннаго ряда людей, посвящавшихъ свои силы тому же служенію родной наукѣ, объявляетъ ихъ поборниками предвзятыхъ теорій и искаженія дѣйствительности, представителями «сентиментально-поэтического направленія» въ разработкѣ славянской старины. Жестоко и безпощадно суровъ такой приговоръ, но справедливъ ли онъ? Многое можно было бы сказать по этому поводу, но тѣсныя рамки бѣглой журнальной замѣтки заставляютъ меня ограничиться лишь нѣсколькими, болѣе общими замѣчаніями.

Прежде всего упрекъ въ предвзятости и недоказательности сужденій, брошенный представителямъ «сентиментальнаго» направленія, въ значительной мѣрѣ падаетъ на голову самого обвинителя. Онъ самъ исходитъ изъ вполнѣ «апріористическаго» положенія, будто «всѣ первобытныя народы были воинственны, жестоки и свирѣпы», слѣд. отрицаетъ существованіе коренныхъ особенностей народнаго характера, столь же бесспорныхъ, какъ различіе языковъ, вѣрованій, быта. Не опровергая, даже не затрогивая возрѣній, господствующихъ въ современной историографіи, социологіи, этнопсихологіи, г. Собѣстіанскій предпочелъ отступить отъ нихъ на цѣлое столѣтіе назадъ и ограничился вполнѣ голословнымъ заявленіемъ, что «трезвые слависты прошлаго столѣтія», не знакомые основательно ни съ антропологіей, ни съ этнологіей и социологіей, ни съ сравнительнымъ методомъ, «шире понимали характеръ первобытныхъ народовъ», и позволилъ себѣ заклеить противное ученіе насмѣшливой кличкой «сентиментально-поэтическаго». Но эта кличка ни мало не оправдывается данными разбираемой книги, которая гораздо больше общается своимъ заглавіемъ, чѣмъ даетъ въ дѣйствительности. О полномъ воспроизведеніи хода развитія разсматриваемыхъ ученій и ихъ обстоятельной оцѣнкѣ нѣтъ и помину; тѣсно связанныя съ славяновѣдѣніемъ теоріи западно-европейской науки пройдены глубокимъ молчаніемъ; не отмѣчено даже существованіе ихъ обстоятельнаго разбора въ соч. проф. Ламанскаго: Объ изученіи грекославянскаго міра на Западѣ. Между тѣмъ пробѣлъ этотъ исключаетъ самую возможность правильнаго уясненія постепеннаго развитія славянской науки; ея возрѣнія бывали иногда прямымъ противовѣсомъ западно-европейскимъ взглядамъ, иногда оказывались ихъ дальнѣйшимъ раскрытіемъ. Такъ напр. можно ли понять дѣятельность Ломоносова безъ знакомства съ нѣмецкою наукою и жизнью того времени? Не Леклеркъ ли навелъ Болтина на мысль о «само-

бытных особенностяхъ русской жизни»? Не Гебгарди ли вызвали труды западно-славянскихъ изслѣдователей народной старины? Труды этими пользовался и Гердеръ, котораго нашъ авторъ безъ малѣйшаго основанія называетъ родоначальникомъ новаго, именно «сентиментально-поэтическаго направленія» въ изученіи славянства.

Устранивъ, безъ малѣйшей оговорки, отъ разсмотрѣнія труды западныхъ ученыхъ о славянствѣ, г. Собѣстіанскій произвольно обошелъ не только отдѣльныя произведенія, но и цѣлыя школы славянской историографіи, притомъ не только юго-славянской, но и русской. Онъ не коснулся напр. теоріи приверженцевъ быта родового и задружно-общиннаго, ученія о культурно-историческихъ типахъ, не говоря уже о многихъ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ и монографіяхъ. Всѣ эти пробѣлы, конечно, значительно подрываютъ научное значеніе разбираемой книги; но не поднимаетъ его и то, что даетъ г. Собѣстіанскій въ своемъ трудѣ. Здѣсь сразу бросается въ глаза полное отсутствіе всестороннихъ характеристикъ отдѣльныхъ писателей, въ связи съ запросами и духомъ времени. Взгляды этихъ писателей переданы не въ сжатомъ, удобопонятномъ видѣ, а обыкновенно въ дословныхъ выдержкахъ изъ ихъ сочиненій, причемъ читателю неясно отношеніе этихъ подробностей къ основнымъ воззрѣніямъ того или другого автора. Правда, г. Собѣстіанскій пытается внести нѣкотораго рода систему въ эту беспорядочную груду выписокъ: онъ дѣлитъ славянскихъ ученыхъ на «резвыхъ» (слависты прошлаго столѣтія, Карамзинъ, Венелинъ, М. С. Дриновъ и Иловайскій) и сторонниковъ «сентиментально-поэтическаго направленія» (большинство польскихъ, чешскихъ и русскихъ ученыхъ). Но это раздѣленіе основывается на неточномъ воспроизведеніи ученій о славянскомъ характерѣ и бытѣ. Стоитъ сличить взгляды Карамзина (т. I, стр. 16, 33, 34, 35, 37, 42.) «въ противовѣсъ Гердеру постоянно подчеркивающаго жестокость, грубость, воинственность и хищность древнихъ славянъ» (стр. 38), съ мнѣніями Суровецкаго (стр. 25, 66, 68, 72 и т. д.), чтобы убѣдиться, что только умышенное забвеніе чертъ поразительнаго сходства въ воззрѣніяхъ какъ этихъ, такъ и большинства другихъ ученыхъ позволило г. Собѣстіанскому провести столь рѣзкую грань между главными представителями якобы «резваго» и «сентиментально-поэтическаго направленія».

Подобныя же «объективные» приемы примѣнены г. Собѣстіанскимъ къ изложенію взглядовъ Шафарика, которому приписано стремленіе «доказать въ одно и то же время и воинственность и невоинственность древнихъ славянъ» (стр. 56) и у котораго кромѣ «несамостоятельности» (стр. 45) г. Собѣстіанскій открываетъ «непримиримыя противорѣчія» (стр. 57). Но подобныя «стремленія»

составляютъ выдумку нашего автора и вовсе не подтверждаются ни характеромъ, ни трудами Шафарика; мнимыя же «противорѣчія» прекрасно объясняются общей связью изложенія, упущенной изъ виду г. Собѣстіанскимъ. Кого можетъ напр. «поставить втупишь» (стр. 47) указаніе (36) чертъ сходства между различными арійскими народами, выдѣляющихъ ихъ въ одну общую семью, съ одной стороны, и на отличія каждаго изъ нихъ въ отдѣльности (стр. 23)— съ другой? Столь же легкомысленно сдѣланъ г. Собѣстіанскимъ Шафарика упрекъ за его «странную гипотезу, будто славяне рѣшались на завоеванія подъ давленіемъ другихъ народовъ» (стр. 57), которая-де равносильна «отказу въ способности славянъ къ самобытной исторической дѣятельности». Ужели эта способность сказывается только въ безпричинной жадѣ завоеваній? Ужели чуждыя завоевательной горячкѣ Аѳины жили не исторической жизнью, а завоевательныя орды гунновъ, аваровъ, монголовъ, татаръ обнаружили большія способности къ самобытной исторической дѣятельности? По вѣрному замѣчанію Гердера, способность эта опредѣляется личностью не стихійныхъ разрушительныхъ силъ, а творческихъ. Равнымъ образомъ, ни Шафарикъ, ни кто-либо другой изъ «сентиментальныхъ» славистовъ не доказывалъ, будто славяне были «народомъ голубиной и овечьей кротости, пассивнымъ, безнаказанно обижаемымъ другими, не обижающимъ сосѣдей». И «трезвые», и «сентиментальные» слависты говорили о проявленіяхъ воинственной храбрости нашихъ предковъ, но считали ихъ народомъ земледѣльческимъ и потому по преимуществу мирнымъ. Взглядъ этотъ вовсе не оказывается порожденіемъ «априористическихъ соображеній», а покоится на цѣломъ рядѣ довольно вѣскихъ доказательствъ въ области языка, вѣрованій, народныхъ сказаній, данныхъ археологій и наконецъ—свидѣтельствъ лѣтописныхъ.

Выводы г. Собѣстіанскаго покоятся не на точномъ и всестороннемъ опроверженіи всѣхъ такихъ основаній ученія о земледѣльческомъ и, по преимуществу, миролюбивомъ бытѣ и характерѣ древнихъ славянъ, а скорѣе на искусственномъ и пристрастномъ подборѣ указаній памятниковъ. Такъ свидѣтельства Иордана, Прокопія, Маврикія, Гельмольда, рисующія мирный характеръ нашихъ предковъ, извѣстія лѣтописи Фотія и другихъ византійцевъ, арабовъ и западныхъ хронистовъ о земледѣльческомъ бытѣ древнихъ славянъ оставлены г. Собѣстіанскимъ въ сторонѣ, тогда какъ противорѣчащія простой очевидности цифровыя показанія о количествѣ убитыхъ, посаженныхъ въ тюрьму, на колъ и т. п. приводятся полностью (стр. 77—89) безъ всякихъ оговорокъ; за неоспоримыя доказательства принимаются показанія источниковъ, прямо опровергнутыя нау-

кой (Гильфердингомъ, Котляревскимъ, М. С. Дриновымъ); свидѣтельства неочевидцевъ, несовременниковъ, писателей разныхъ временъ и народовъ (стр. 95) сваливаются въ одну кучу; сомнительныя черты одного племени (стр. 76) возводятся въ основныя качества всего славянскаго народа. Г. Собѣстіанскій прибѣгаетъ даже къ намѣренному усиленію мѣсть памятниковъ, опуская (стр. 77) объясняющія суть дѣла подробности, или внося черточки (стр. 83, 89), дающія картинѣ желаемое, но невѣрное освѣщеніе. Не мудро, если при такомъ «объективномъ и строго-критическомъ» обращеніи съ памятниками г. Собѣстіанскій убѣждается въ «исконной воинственности и свирѣпости древняго славянства» (стр. 96), хотя основывается исключительно на извѣстіяхъ, относящихся къ періоду борьбы славянъ съ германцами и византіяцами (съ VI—XIII в.), когда не можетъ быть рѣчи о «первобытныхъ» славянахъ и ихъ «промитивномъ» бытѣ.

Доказавъ якобы сходство характера древнеславянскаго съ древнегерманскимъ (стр. 189), которое выражалось въ «воинственности древнихъ славянъ» (стр. 96), авторъ дѣлаетъ отсюда заключеніе о такомъ же сходствѣ древнихъ славянъ и германцевъ въ области юридическаго быта (стр. 189—204). Къ сожалѣнію, доводы его въ пользу этого положенія отличаются прежней несостоятельностью. Въмѣсто того чтобы воспользоваться трудами русскихъ и западно-европейскихъ ученыхъ, доказавшихъ широкое распространеніе у арійцевъ общиннаго строя, г. Собѣстіанскій думаетъ опровергнуть «гипотезу о господствѣ у славянъ общины» (стр. 198) указаніемъ на существованіе у нихъ княжеской власти, хотя, какъ это отмѣчено еще К. Аксаковымъ, «существованіе общины отнюдь не отрицало княжеской власти». Явными натажками страдаетъ и разборъ прямыхъ свидѣтельствъ памятниковъ о демократическомъ строѣ древнихъ славянъ. Таково, напр., (стр. 190—2) толкованіе извѣстнаго мѣста Проконія: «эти народы (славяне и анты) не управляются однимъ мужемъ, а издревле живутъ въ демократіи, а потому у нихъ въ обычаѣ о полезномъ и вредномъ разсуждать сообща». Западно-европейскіе ученые и славянскіе изслѣдователи понимали здѣсь слово «демократія» въ смыслѣ «народовластія, народоправства», прекрасно отвѣчающее общей связи изложенія Проконія, но г. Собѣстіанскій увѣряетъ, что «въ устахъ Проконія терминъ «демократія» во все не означаетъ *imperium populare*», а имѣетъ «особое, ускользавшее отъ вниманія изслѣдователей славянскихъ древностей значеніе (народныя неурядицы, партійныя усобицы, волненія), что прямо усматривается-де изъ хронографовъ І. Малалы и Теофана» (стр. 191). Источникомъ такой начитанности автора въ византій-

свихъ авторахъ являются однако указанія словарей Дюканжа и Стефана, откуда г. Собѣстіанскій (безъ упоминанія) позаимствовалъ ссылки на Теофана и Малалу, приводимыя имъ на стр. 326—327. Изъ ближайшей провѣрки этихъ мѣстъ видно, что въ нихъ или вовсе нѣтъ слова «демократія», или оно означаетъ партію цирка (factio circensis). Да и вообще эти дурнопонятныя указанія словарей вовсе не свидѣтельствуютъ о томъ, что Прокопій, по языку имѣющей очень мало общаго съ Теофаномъ и Малалой, понималъ слово «демократія» въ желательномъ для г. Собѣстіанскаго значеніи, тѣмъ болѣе что въ его переводѣ рассматриваемый отрывокъ получаетъ крайне своеобразный и притомъ не совсѣмъ-то логическій «смыслъ»: «славяне живутъ въ партійныхъ усобицахъ и потому совѣщаются сообща о полезномъ и вредномъ».

Далѣе, г. Собѣстіанскій открываетъ (стр. 193) неточности въ латинскомъ переводѣ Маврикія и путемъ «апріористическихъ» соображеній опровергаетъ общепринятое пониманіе его извѣстій о славянскомъ общественномъ строѣ, увѣряя, что «анархія Маврикія есть то же, что демократія Прокопія». Однако, обращеніе къ подлиннику Маврикія и восстановленіе общей связи его изложенія легко опровергаетъ натянутыя соображенія г. Собѣстіанскаго. Точно также неосновательно утверждаетъ авторъ, будто «славянскіе ученые совершенно неправильно истолковали смыслъ дитмаровскаго извѣстія объ общественномъ строѣ лютичей» (стр. 196). Это не болѣе какъ придирка къ значенію несущественныхъ словъ, причемъ авторъ упустилъ изъ виду ясное и опредѣленное свидѣтельство Дитмара, что «одно только единогласіе собравшагося народа рѣшало и постановляло о всякомъ дѣлѣ». Слѣдовало бы внимательнѣе отнестись и къ доводамъ Гильфердинга, отрицающаго самое существованіе князей у лютичей XI в. (Гильф. стр. 76 — 77). Однимъ словомъ, опроверженіе «гипотезы о господствѣ у славянъ общины» не основывается на точномъ и безпристрастномъ разборѣ доводовъ сторонниковъ общиннаго быта, а на крайне шаткихъ натяжкахъ и очевидномъ измѣненіи прямого смысла источниковъ.

Затѣмъ, г. Собѣстіанскій приводитъ (стр. 198—201) «длинный рядъ свидѣтельствъ, убѣждающихъ, что рабство искони (т. е. съ VI в.) существовало у славянъ и, какъ у всѣхъ воинственныхъ народовъ, было отмѣчено суровымъ характеромъ» (стр. 202). Но никто и не думалъ отрицать существованія у славянъ рабства въ извѣстную эпоху ихъ жизни. Что же касается его «суроваго характера», то здѣсь г. Собѣстіанскій дѣлаетъ обобщеніе на основаніи всего лишь трехъ показаній памятниковъ XII в. о прибалтійскихъ славянахъ (стр. 200), причемъ всѣ три приводимыя мѣста тол-

куеть съ явными урѣзками и извращеніемъ точнаго смысла, тогда какъ ясное и опредѣленное свидѣтельство Маврікія онъ голословно объявляетъ «идеализаціей славянской жизни» (стр. 202).

Наконецъ, вмѣсто разсмотрѣнія прямыхъ указаній различныхъ памятниковъ на особенности положенія женщины въ славянской и германской жизни (общность владѣнія имуществомъ супруговъ, право дочерей на наслѣдство, опека матери надъ дѣтьми и т. д.) г. Собѣстіанскій приведеніемъ свидѣтельствъ XI—XII вѣковъ опять доказалъ лишь то, противъ чего никто и не возражалъ,—существованіе многоженства у позднѣйшихъ славянъ, а не то, что онъ называетъ (стр. 204) его «господствомъ у древнихъ славянъ». «Безправное же положеніе дѣтей въ древнеславянской семьѣ» авторъ думаетъ доказать (стр. 204) «практиковавшимся у древнихъ славянъ умерщвленіемъ родителями новорожденныхъ дѣтей», какъ будто широкое распространеніе теоріи Мальтуса на современномъ Западѣ свидѣтельствуеть о полной зависимости дѣтей отъ родителей! Кромѣ того для закрѣпленія за древними славянами «обычая убивать дѣтей» нужно бы привести не указаніе памятника XII в. на его существованіе у прибалтійскихъ славянъ, а рядъ болѣе древнихъ свидѣтельствъ, обнимающихъ собою по крайней мѣрѣ большинство славянскихъ народовъ.

Такимъ образомъ, всѣ выводы г. Собѣстіанскаго вытекли не изъ внимательнаго и всесторонняго разсмотрѣнія источниковъ и литературы предмета, не изъ желанія «доискаться истины», а изъ намѣреннаго стремленія опровергнуть противниковъ, хотя бы цѣною полнѣйшаго нарушенія требованій исторической критики. Вдобавокъ нельзя не замѣтить, что сочиненіе это написано не по источникамъ первой руки, а на основаніи пособій. и отрывочныхъ цитатъ. При этихъ заимствованіяхъ нерѣдко воспроизводятся и неточности переводовъ, которыя сами бросаются въ глаза при сравненіи съ перепечатанными г. Собѣстіанскимъ же въ примѣчаніяхъ мѣстами подлинниковъ, съ очень странными опечатками (напр. стр. 261, прим. 161 и т. д.). Ни въ предисловіи, ни въ книгѣ г. Собѣстіанскій не оговорился, что такъ широко пользуется своими пособиями.

Въ виду такихъ методологическихъ пріемовъ врядъ-ли можно признать работу г. Собѣстіанскаго «историко-критическимъ изслѣдованіемъ», «очищающимъ путь для будущихъ изслѣдователей»...

Харьковъ.
Іюль 1892 г.

Андрей Вазигинъ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ ИЗЪ АРХИВА МИНИСТЕРСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ. ВЫП. I СПБ. 1891.

Очередь архивнаго благоустройства, отвѣчающаго современнымъ взглядамъ на архивное дѣло, дошла и до общаго архива министерства государственныхъ имуществъ. Дѣла его въ настоящее время описываются, приводятся въ систематическій порядокъ и вносятся въ общій алфавитный указатель. Это—огромное собраніе (болѣе 200 т.) дѣлъ какъ бывшихъ департамента госуд. имуществъ министерства финансовъ и V отд. Собственной Е. И. В. канцеляріи, такъ и разныхъ департаментовъ м—ства госуд. имуществъ, представляющее немало документовъ и свѣдѣній, имѣющихъ историческій интересъ. Кромѣ описанія и систематизаціи архива, принято нынѣ изданіе особаго сборника. Но это не обыкновенное изданіе сырыхъ матеріаловъ, а извлеченные изъ дѣлъ архива историческіе матеріалы и обработанные по этимъ матеріаламъ отдѣльныя статьи, и именно по матеріаламъ, имѣющимъ историческое значеніе. Для такихъ статей ставится лишь одна общая цѣль—изложить рядъ историческихъ фактовъ, оставшихся до сихъ поръ неизвѣстными или извѣстными только отчасти, и тѣмъ содѣйствовать изслѣдованію и разъясненію отдѣльныхъ историческихъ вопросовъ. Въ первомъ выпускѣ сборника, кромѣ цѣнныхъ матеріаловъ и статей о государственно-хозяйственныхъ вопросахъ и двухъ интересныхъ статей: «Переписка поэта В. А. Жуковскаго о продажѣ ему двухъ конфискованныхъ мызъ въ Лифляндской губерніи (1836—38)» и «О путешествіи по Россіи барона Авг. Гакстгаузена и объ изданіи его сочиненія о Россіи (1842—1854)», напечатаны: «Черногорскіе переселенцы въ Россіи» (статья П. О. Морозова), «Кара-Георгій и сербскіе эмигранты въ Россіи», съ приложеніемъ 16-ти грамотъ русскихъ государей къ черногорскому народу съ 1711 по 1801 г. (его же) и «О водвореніи въ Россіи запорожскихъ казаковъ, возвратившихся изъ-за Дуная въ 1828 г.» (ст. П. А. Шафранова).

Съ Петра В. (прутскій походъ) между Россіей и Черногоріей завязываются непосредственныя, живыя отношенія. Ихъ прежде всего связывали «единовѣріе и единоплемя». Но кромѣ того у нихъ былъ общій врагъ Турція. Противъ него Россія вела частыя войны, въ которыхъ беззаветно-храбрые черногорцы и герцеговинцы оказывали немалое содѣйствіе, отвлекая значительныя силы Турціи, за что нерѣдко сами испытывали жестокую месть со стороны Турокъ. Страдавшіе отъ турецкихъ разореній черногорцы и герцеговинцы обращались по временамъ къ Россіи за матеріальною помощію. Памятниками такихъ отношеній сохранились «грамоты» русскихъ го-

сударей и ихъ уполномоченныхъ, съ призывомъ къ балканскимъ славянамъ ополчиться (иногда подъ предводительствомъ русскихъ военнопачальниковъ) на общаго врага или въ отвѣтъ на письменныя ихъ обращенія къ Россіи. Въ приложеніи къ статьѣ о сербскихъ переселенцахъ помѣщено 16 такихъ документовъ. Изъ нихъ грамоты Петра I, Елисаветы II и Екатерины II уже были напечатаны (см. Милутиновичъ, Кочубинскій и др.), но по сравненіи ихъ съ точными копіями, хранящимися въ архивныхъ дѣлахъ, оказывается, что онѣ напечатаны неполнѣ исправно. Грамоты же Екатерины В., отъ 17 февр. 1788, и Павла I являются здѣсь впервые въ русскомъ изданіи.

Съ 1715 г. черногорскіе владыки стали пріѣзжать въ Россію съ просьбою о помощи, и имъ была назначаема даже постоянная субсидія. Владыка Василій Петровичъ въ послѣдній (третій) свой пріѣздъ въ Россію и скончался въ Петербургѣ въ 1766 году. Съ начала XVIII в. все чаще являются въ Россію и другіе черногорцы и сербы то за пособіемъ, то для поступленія въ русскую службу (Милорадовичи, Зоричи, Ивеличи, Шевичи, Симоничи, Станкевичи и др.). Послѣ русско-турецкой войны 1788—92, турки напали сначала на черногорцевъ, отъ которыхъ понесли полное пораженіе, а потомъ произвели погромъ у герцеговинцевъ. Тогда у герцеговинцевъ, а затѣмъ и у черногорцевъ явилась мысль о массовомъ переселеніи въ Россію. Въ настоящемъ I вып. сообщаются еще неизвѣстныя въ печати документальныя свѣдѣнія объ этихъ дальнихъ балканскихъ переселенцахъ въ Россію.

Въ январѣ 1803 г. герцеговинцы прислали своихъ выборныхъ (сердаря Мину Лазаревича Никшича и оберъ-воеводу Ивана Тіоти) въ Петербургъ ходатайствовать предъ русскимъ правительствомъ о дозволеніи поселиться въ Новорос. краѣ хотя бы 15 семействамъ, съ выдачею имъ пособія на переѣздъ. Любопытны данныя, изложенныя этими выборными въ представленномъ ими русскому правительству прошеніи. Надо замѣтить, что славянскіе переселенцы вообще были менѣе счастливы въ поискахъ русскихъ земель, чѣмъ нѣмецкіе колонисты. Прошеніе это—лѣтопись взаимныхъ отношеній между Россією и черногорцами и герцеговинцами и, въ частности, ихъ переселенческаго вопроса. Герцеговинскіе ходатаи указывали между прочимъ на то, что въ награду имъ за содѣйствіе («службу») ихъ Россіи въ послѣдней турецкой войнѣ было обѣщано право «переселиться въ Тавриду, дабы наслаждаться преимуществами милостиваго правленія російскаго», о чемъ они просили еще въ 1794 г. чрезъ архим. Аксентія и того же Тіоти и повторяли свою просьбу въ 1796 г., но В. повелѣніе объ этомъ было отложено до удобнаго

времени. Въ грамотѣ Павла I именно дано согласіе на такое переселеніе и обѣщано «при наступленіи удобнаго къ такому переселенію времени» снабдить русскаго посла въ Вѣнѣ, а также пограничныхъ властей инструкціями относительно переселенцевъ. На заявленіе герц. депутатовъ русск. послу Разумовскому о желаніи 200 герцеговинскихъ семействъ переселиться въ Россію долго не получалось никакого отвѣта, русскій консулъ въ Рагузѣ, Джикъ, не оказалъ при этомъ никакого «вспоможенія» и коллегія иностран. дѣлъ тоже молчала. Лишь спустя четыре года посоль сообщилъ свой отвѣтъ, что повелѣніе свое имп. Павелъ отмѣнилъ. Теперь имп. Александръ I повелѣлъ министру вн. д. принять всѣ нужныя мѣры для удовлетворенія просьбы герцеговинскихъ ходатаевъ «какъ назначеніемъ мѣста и нужнаго количества земли для поселенія славянъ, такъ и изысканіемъ удобнѣйшихъ способовъ къ доставленію ихъ на тѣ мѣста, и сообразя, сколь великое число семействъ можетъ быть нынѣ переселено и по временамъ переселяемо, донесъ бы о томъ свое мнѣніе Е. В.». Министръ гр. Кочубей въ представленіи своемъ въ комитетъ министровъ высказалъ заключеніе, что хотя многіе пункты прошенія и «не суть соответственны съ прямымъ положеніемъ вещей (а именно—въ отношеніи могущества народа черногорскаго, никогда въ прошлую войну никого въ почтеніи не удерживавшаго), но, тѣмъ не менѣе, націи, въ областяхъ оттоманскихъ обитающія и съ нами соплеменные, всегда должны находить покровительство Россійскаго Двора, то въ виду этого, министръ вн. дѣлъ полагалъ: 1) Депутатамъ и семействамъ ихъ отвести по возможности нужныя земли въ Крыму и губ. николаевской и екатеринославской, предоставляя имъ принять уже на себя собственно переселеніе свое. 2) Во вниманіе къ тому, что они, депутаты, долгое время находились въ Петербургѣ, выдать имъ по 300 червонцевъ на проѣздъ, обѣщавъ имъ, что всякая семья, которая прибудетъ въ черноморскіе порты, получить въ пособіе за путевыя издержки по 20 червонцевъ и будетъ водворена на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ поселяются колонисты, т. е. получить ссуду. 3) Всѣ «единовѣрцы ихъ могутъ переселиться въ южныя наши провинціи и получать тамъ всякія поощренія».

Но не скоро нашлись подходящія земли для славян. переселенцевъ. Отысканныя 12 т. д. свободныхъ земель приберегались для менонитовъ, которымъ онѣ были уже обѣщаны; предложенный для этой цѣли участокъ близъ Одессы отданъ подъ поселенія служителей греческаго дивизіона; наконецъ остановились на выборѣ земель въ Ольвіопольскомъ уѣздѣ. Никшичъ, не дождавшись командированнаго для этой цѣли чиновника, уѣхалъ изъ Одессы въ

Триестъ. Спустя годъ онъ вновь пріѣхалъ, но уже съ 17 герцег. семьями (до 100 чел.). По просьбѣ переселенцевъ, которые, по словамъ херс. губернатора, «носятъ шпаги такой длины, какъ носили во времена Карла V.», выдано отъ казны на семью по 20 червонцевъ, покрыты путевыя издержки, а также было назначено пособіе. Съ самаго начала они не пожелали считаться «колонистами». Никшичъ съ двумя выборными отправился въ Петербургъ ходатайствовать о лучшемъ устройствѣ быта переселенцевъ. Именно Никшичъ просилъ утвердить ихъ въ дворянствѣ, заслуженнымъ родственникамъ дать классныя чины, отвести имъ для поселенія 12 т. д. въ Екатеринославской губ. и его самого не оставить безъ награжденія. Здѣсь продолжали смотрѣть на «славяносербскихъ» переселенцевъ какъ на «колонистовъ», хотя въ концѣ концовъ они получили гораздо болѣе, чѣмъ обыкновенно давалось настоящему колонисту. Такъ поселенные «славяносербы» въ Терапольскомъ уѣздѣ, у Тилигула, на уроч. Балаѣ, получили по 150 д. земли и по 150 р. на каждую изъ 22 семей; Никшичу же 500 д. и 1 т. р. на обзаведеніе. И кормовыхъ денегъ имъ выдавалось больше противъ другихъ колонистовъ. Послѣ смерти Мины Никшича (1808), братъ его, Богданъ, продолжалъ добиваться російскаго дворянства, утверждая, что Никшичи происходятъ изъ «княжеской фамиліи», и хлопоталъ о прибавкѣ до 9 т. д., но—безуспѣшно. Но вотъ кончились 10 л. колонистскія льготы, и герцеговинцы должны были теперь отбывать земскія повинности, платить казнѣ поземельную подать и погашать полученную ссуду. Но поселенцы, указывая на свое дворянство, отказывались исполнять лежавшія на нихъ обязательства. Въ 1817 г. на нихъ числилось казеннаго долга до 17 т. руб. При взысканіи этой недоимки, герцеговинцы «почитая себя дворянами и чиновными людьми, на неоднократныя требованія отозвались, что, отправивъ въ Петербургъ депутатовъ для исходатайствованія о подтвержденіи благороднаго ихъ права, не примутъ званія колонистскаго, хотя бы то стоило имъ и жизни». Только личное участіе г.-л. Инзова (предс. комитета о колонистахъ) помогло герцег. поселенцамъ выйти изъ затруднительнаго ихъ положенія: въ 1819 г. родъ Никшичей причисленъ въ дворянству рос. имперіи. Такимъ образомъ отъ колонистскихъ повинностей они были освобождены, но за владѣемую ими землю они должны были вносить по 20 коп. съ дес. и уплачивать казенный долгъ. Но Никшичи, скоро достигшіе значительнаго благосостоянія, все еще долго уклонялись отъ платежа сбора за земли (на которыхъ уже завелись и крестьяне) и хлопотали о прибавкѣ ихъ. Не обходилось у нихъ безъ несогласія и междоусобій, и сильныя между ними притѣсняли слабѣйшихъ.

Въ 1823 г. поселенцы славяносербск. колоніи перечислены изъ опекунской конторы въ вѣдѣніе херсонскаго губ. правленія.

Одновременно съ герцеговинцами была первая попытка переселенія изъ Черногоріи. Нѣкто Ожеговичъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, съ заявленіемъ желанія 78 семей (до 400 д.) поселиться въ Россіи. Этому посланцу было также объявлено, что черногорскіе переселенцы могутъ получить земли въ Новороссійскомъ краѣ по правиламъ, установленнымъ для колонистовъ. О дальнѣйшемъ ходѣ этого дѣла въ архивѣ нѣтъ свѣдѣній.

Въ 1808 г. уроженецъ Боки Которской, кн. Тановичъ, переселился въ Россію, получивъ 500 д. земли въ славяносербской колоніи и пособіе на обзаведеніе хозяйствомъ.

Въ 1815 г. прибыли въ Россію 16 семействъ (до 90 д.) черногорцевъ, которыхъ было рѣшено водворить въ такъ называемомъ славяносербскомъ участіѣ, предоставляя имъ на выборъ—остаться на положеніи колонистовъ или сдѣлаться военными поселянами «на подобіе казаковъ», такъ какъ именно въ то время предполагалось составить изъ славянскихъ выходцевъ въ Новороссійскомъ краѣ военное поселеніе. Военныя поселенія устраивались здѣсь еще съ 1765 г. изъ переселившихся тогда въ Россію сербовъ, смѣшавшихся впослѣдствіи съ другими жителями этой мѣстности. Послѣдующіе задунайскіе выходцы поселились между Бугомъ и Двѣстромъ и были названы бугскими казаками. Между тѣмъ въ 1815 г. возникъ вопросъ о необходимости упорядочить эту славянскую иммиграцію, въ смыслѣ ея ограниченія (не болѣе 100 или 50 семей въ годъ). Черногорцы въ 1816 г. были водворены сначала среди бугскаго казачьяго войска, а чрезъ годъ—въ славяносербской колоніи особымъ селеніемъ Четыны (Цетинье), на правахъ колонистовъ, и получили по 60 д. земли. Своимъ положеніемъ черногорцы однакожь были недовольны—просили пособія, начали хлопотать о причисленіи ихъ къ дворянству. Не получая просимаго, они задумали вернуться обратно на родину. Поселенческій комитетъ не удерживалъ ихъ «въ сословіи колонистовъ», такъ какъ они, по его наблюденію, не занимаются хозяйствомъ, не уплачиваютъ податей и, наконецъ, рѣшительно отказываются отъ составленія въ своей колоніи новой народной переписи. Въ 1838 г. четыницы уѣхали въ Черногорію.

Мѣста ихъ заняли нѣмцы-колонисты изъ к. Петерсталь, и колонія Четыны названа Гелененталь. Отъ 20-лѣтняго существованія здѣсь черногорской колоніи не осталось даже географическаго слѣда...

Особенно нынѣ приходится сожалѣть о томъ, что славянскія

переселенія не получили, въ свое время, широкаго развитія, и заселеніемъ свободныхъ земель нашего юга не предупредили наплыва нѣмецкихъ колонистовъ; внесшихъ чужеродные элементы въ жизнь южно-русскаго населенія, распространившихъ штунду и т. п.

Г. Шафрановъ въ своей статьѣ о запорожцахъ сообщаетъ много новыхъ данныхъ о водвореніи ихъ по возвращеніи изъ-за Дуная въ 1828 году.

Послѣ разоренія Запорожской сѣчи на Днѣпрѣ въ 1775 г. часть казаковъ (5 т. ч.) ушла въ Турцію и послѣ разныхъ скитаній поселилась наконецъ въ дельтѣ Дуная. Въ 1828 г., въ началѣ войны Россіи съ Турціей, часть запорожскихъ казаковъ снова вернулась въ свое старое отечество, подъ предводительствомъ кошевого атамана О. М. Гладкаго. Они были поселены на берегу Азовскаго моря вблизи Маріуполя и образовали новое казачье войско—Азовское, просуществовавшее до 1865 года, когда часть его была употреблена для колонизаціи западнаго склона Кавказскаго хребта (около Анапы), и слилась съ своими единоплеменниками черноморцами, а другая часть обращена въ гражданское вѣдомство. Возвращеніе казаковъ въ Россію въ 1828 г.—последній изъ многихъ переходовъ партій запорожцевъ въ Россію и последній фазисъ въ исторіи когда-то знаменитой Запорожской сѣчи на Днѣпрѣ: не стало ея въ Турціи; прекратила, затѣмъ, сѣчь свое бытіе и въ Россіи.

Въ нашей литературѣ о запорожцахъ имѣлось до изданія настоящихъ матеріаловъ мало свѣдѣній. Такъ, не было свѣдѣній ни о предварительныхъ переговорахъ русскаго правительства съ Гладкимъ и казаками, ни о правахъ и привилегіяхъ, которыхъ просили себѣ запорожскіе казаки, ни о водвореніи ихъ на новыхъ мѣстахъ. Нынѣ въ историческихъ матеріалахъ изъ архива мин-а г. и. (въ обработкѣ г. Шафранова) даются обстоятельныя свѣдѣнія о водвореніи запорожцевъ въ Россіи на правахъ особаго казачьяго войска, о надѣленіи ихъ землями и др. угодіями, о переселеніи къ нимъ малороссійскихъ казаковъ, о присоединеніи цѣлыхъ селеній государственныхъ крестьянъ къ Азовскому войску, о правахъ и привилегіяхъ, дарованныхъ войску и, наконецъ, объ его упраздненіи. Не достаетъ лишь свѣдѣній о предварительныхъ переговорахъ съ запорожцами до перехода ихъ въ Россію, которыя, надо надѣяться, не замедлятъ появиться въ печати.

Статьи о Кара-Георгіи и сербск. эмигрантахъ мы коснемся въ другомъ мѣстѣ журнала. Остается упомянуть о прославленномъ въ свое время бар. Гакстаузенѣ, ученомъ путешественникѣ, вздумавшемъ едва-ли не впервые открыть въ Россіи «общину». Появленіемъ своимъ въ Россіи онъ былъ обязанъ господствовавшему еще не-

давно въ известной части нашего общества взгляду, по которому придавалось особенное значеніе въ данномъ вопросѣ о Россіи тому, «что скажетъ Европа». И самъ Гакстгаузенъ вѣрилъ, что его слово о Россіи можетъ возымѣть для ея судьбы не малое значеніе, «при томъ вліяніи, какое имѣютъ мнѣнія иностранцевъ о Россіи на наши политическія отношенія и нашъ кредитъ за границей», какъ писалъ нашъ посланникъ въ Берлинѣ, бар. Мейендорфъ, рекомендовавшій въ 1842 г. Гакстгаузена министру, гр. Киселеву.

Этотъ нѣмецкій ученый сначала занимался между прочимъ изученіемъ крестьянскаго сословія въ германскихъ и славянскихъ земляхъ, а затѣмъ изысканіями о происхожденіи и общественномъ бытѣ славянскихъ народовъ въ Германіи.

Теперь онъ для «довершенія своего труда съ истинною пользою для науки почелъ бы себя счастливымъ, еслибы ему было дозволено заняться продолженіемъ изслѣдованій этого рода и въ самой Россіи—колыбели славянскаго племени». Какъ бы нѣкоторою аттестаціей этого ученаго служила напечатанная имъ въ Берлинѣ статья по поводу указа 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ.

Не зная Россіи и русскаго языка и понимая, что «внутренняя жизнь русскаго народа до такой степени своеобразна и богата, что о ней никакъ нельзя судить по аналогіи съ другими народами», нѣмецкій ученый надѣялся однако, что его путешествіе дастъ ему возможность «представить вѣрное общее обзореніе современнаго состоянія сельско-хозяйственныхъ учрежденій въ Россіи и принесетъ большую пользу разъясненіемъ тѣхъ мѣропріятій, при помощи которыхъ могло бы быть достигнуто постепенное освобожденіе крестьянъ». Но такого его взгляда не раздѣлялъ даже бар. Мейендорфъ. Тѣмъ не менѣе вопросъ объ ученомъ путешествіи Гакстгаузена былъ разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, ему назначено предположенное посланникомъ пособіе въ 1½ т. р., съ условіемъ не дѣлать изъ этого путешествія мѣры правительственной. Впрочемъ самъ Гакстгаузенъ обзавелся рекомендаціей прусскаго короля къ императрицѣ Александрѣ Федоровнѣ.

Неудивительно, что Гакстгаузенъ еще до отъѣзда въ Россію пожелалъ получить хотя бы краткіе отвѣты на рядъ вопросовъ, касавшихся разнообразныхъ сторонъ русской жизни, природы Россіи и т. д. Засуетились наши канцеляріи. По нѣкоторымъ изъ этихъ вопросовъ отвѣтило мин. г. и., съ указаніемъ официальныхъ и печатныхъ источниковъ; по другимъ оно писало начальникамъ губерній. Путешественнику были сообщены отчеты съ обозначеніемъ дѣятельности другихъ министерствъ, записки, мнѣнія и масса официальныхъ и частныхъ изданій, — однимъ словомъ онъ получилъ готовый об-

ширный матеріалъ въ особенности для «всесторонняго изученія современнаго положенія сельскаго населенія имперіи» (онъ увезъ изъ Россіи въ Германію 11 пуд. книгъ и бумагъ). У нѣмецкаго ученаго до того разыгрались разныя вождельнія относительно изученія Россіи, что онъ (все еще до изученія ея) даже проектировалъ образовывать въ Петербургѣ школу для осуществленія основной задачи его изслѣдованій, разумѣется подъ его наблюденіемъ изъ Берлина. Ученое путешествіе Гакстгаузена по Россіи было обставлено для него большими удобствами. Къ нему былъ прикомандированъ чиновникъ Адеркасъ и добровольно привомандировался еще кн. Ливень. Кромѣ пособія даны прогоны (на 6, а Адеркасу на 3 лошади), назначенъ въ проводники почталіонъ, отъ м-ва в. д. выданъ открытый листъ, а отъ м-ва г. и. рекомендательныя письма къ властямъ. Гакстгаузенъ, въ сопровожденіи и своего секретаря, выѣхалъ изъ Петербурга 28 апр. 1843 г. и ровно черезъ полгода закончилъ свое всестороннее изученіе Россіи, проѣхавъ болѣе 11 тысячъ в. Ученое путешествіе его было такъ быстро, что даже напр. у своихъ земляковъ—нѣм. поселенцевъ на югѣ, въ хортицкомъ менонитскомъ округѣ, пробылъ не болѣе часа.

Для обработки въ Берлинѣ матеріаловъ, собранныхъ Гакстгаузеномъ въ Россіи, ему данъ переводчикъ—чиновникъ о. об. пор. мив. г. и.; для этой же цѣли нѣм. ученому разрѣшено взять одного или двухъ помощниковъ изъ обучавшихся въ Берлинѣ студентовъ, трудъ которыхъ оплачивался казною. Насчетъ ея Гакстгаузенъ напечаталъ первые два тома на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ въ 1847 году и въ награду получилъ золотую табакерку, а третій томъ въ 1852 г. Наконецъ въ 1854 г. онъ издалъ соч. «О Закавказскомъ краѣ»; награжденъ бр. перстнемъ. Когда подвели тогда итоги расходовъ на путешествіе Гакстгаузена и на изданіе его сочиненій, то оказалось, что всего было издержано 13,319 р. 23 к.

3.

П. Д. Брянцевъ. польскій мятежъ 1863 года. вильна. 1892.

Авторъ, издавшій недавно компилятивныя сочиненія свои,—«Исторія Литовскаго государства съ древнѣйшихъ временъ» (В. 1889) и «Очеркъ древней Литвы и Зап. Россіи» (В. 1891), выпустилъ нынѣ новую книгу, заглавіе которой выписано выше. Авторъ расположилъ свой матеріалъ въ трехъ главахъ: I. Возстаніе поляковъ въ Ц. Польскомъ; II. Возстаніе въ Литвѣ и Вѣлорусіи и III. М. Н. Муравьевъ. И здѣсь авторъ ограничился лишь печатнымъ матеріаломъ и далеко не исчерпалъ его не только въ иностранной (которой и не коснулся).

но даже въ русской литературѣ. Но и сгруппированныя въ этомъ сжатомъ очеркѣ фактическія данныя о послѣдней польской смутѣ даютъ рельефную картину политическаго и нравственнаго состоянія польской справы. Послѣ 1831 вплоть до 1860 г. польскіе агитаторы неустанно работали, чтобы вновь поднять возстаніе на западной окраинѣ Россіи, и дѣйствовали большею частью внѣ ея предѣловъ — въ Парижѣ, Краковѣ, Галиціи. До времени ихъ сдерживала грозная политика имп. Николая. Но лишь наступило новое царствованіе Александра II, съ гуманными реформами, поляки все болѣе и болѣе стали вызывающе держать себя по отношенію къ русскому правительству. Дошло до того, что они открыто стали требовать возстановленія конституціи 1815 г. и даже расширенія Ц. II. въ предѣлахъ 1772 г., несмотря на протесты, раздававшіеся изъ Германіи и даже Англіи и, когда наше правительство дало полякамъ болѣе, чѣмъ они желали получить. Стали возникать польскіе агитаціонные кружки не только въ зап. Россіи, но даже въ Петербургѣ и др. городахъ Россіи, затѣмъ различныя съѣзды, дѣятельность подпольной печати, открытыя буйныя демонстраціи и наконецъ дѣйствія повстанскихъ бандъ. Печальная лѣтопись, ужасныя картины! Читая лѣтопись мятежа, не хочется вѣрить, чтобы происходило то, что описывается и что дѣйствительно имѣло мѣсто: до такихъ ужасающихъ размѣровъ доходилъ тогда терроръ главарей мятежа. А эти мрачныя образы жандармовъ - вѣшателей, кинжалистовъ, во главѣ которыхъ большею частью стояли ксендзы — душа и двигатели польскихъ мятежей! И во что превратили ксендзы свою религію! Въ то же время какими сказочными героями кажутся эти доводцы (предводители) бандъ! Какія уморительно-смѣшныя комедіи разыгрывали эти банды! И весь тогдашній дипломатическій походъ зап. Европы противъ Россіи не имѣлъ ли характера совершенной комедіи! Какими низкими средствами ищутъ поляки-агитаторы осуществленія своего несбыточнаго идеала — отбодованія Рѣчипосполитой и какъ много трудовъ и жизней (въ послѣдній польск. мятежъ погибло до 30 т. ч.) приносятъ въ жертву этого идеала, о которомъ не желаетъ слышать громадное большинство польскаго народа, именно облагодѣтельствованное Россіей крестьянское населеніе Привислянскаго края!

I. Живознаковъ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОРЪ СЕРБОЛУЖИЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЗА 1890 И 1891 ГОДЫ.

Отъ библиографіи серболужицкой письменности читатель не можетъ ожидать длиннаго перечня большихъ произведеній, какъ въ литературахъ другихъ славянскихъ народовъ. Серболужицкое племя, потомокъ нѣкогда великой и могущественной вѣтви славянъ полабскихъ, — одно изъ самыхъ незначительныхъ по числу племенъ Европы, и произведенія его мысли скудны по количеству. Но несмотря на то, что это племя насчитываетъ не болѣе 185 тыс. душъ, что оно въ большинствѣ занимается земледѣліемъ и состоитъ въ значительной части изъ бѣдныхъ сельскихъ жителей, несмотря на то, что оно разединено какъ въ отношеніи язычномъ, такъ и въ церковномъ и политическомъ, однако ежегодныя приобрѣтенія серболужицкой литературы значительно больше, чѣмъ у нѣкоторыхъ другихъ, даже болѣе многочисленныхъ народцевъ Европы. Это обстоятельство даже заставило одного извѣстнѣйшаго, въ настоящее время уже покойнаго, славянскаго писателя и поэта съ удивленіемъ отнестись къ этому племени и воскликнуть: «E pur si muove!» Этотъ человекъ настолько былъ тронутъ скромной и безкорыстной дѣятельностью серболужицкихъ патріотовъ, что пожертвовалъ значительную сумму денегъ, съ условіемъ чтобы проценты съ этой суммы выдавались ежегодно въ видѣ почетной преміи тому изъ сербскихъ студентовъ, кто втеченіе этого года окажетъ лучшіе успѣхи въ изученіи и письменномъ примѣненіи роднаго языка. Эта великодушная стипендія оказала уже втеченіе 10 л. весьма благотворное вліяніе на занятія верхнелужицкой молодежи, и еслибы стремленія лужицкихъ сербовъ къ поддержанію и развитію ихъ роднаго языка могли найти заслуженную поддержку, серболужицкая литература безъ сомнѣнія въ скоромъ времени развилась бы еще шире на славу всего славянскаго племени. Особенно желательно было бы поддерживать отдѣльныхъ писателей, находящихся въ тяжелыхъ матеріальныхъ условіяхъ, и тѣ литературныя общества, во главѣ которыхъ стоитъ «Сербская Матица» въ Будишинѣ съ ея нижнелужицкимъ отдѣленіемъ въ Хотѣбузѣ. Такая поддержка могла бы выражаться во вступленіи въ это общество инославянскихъ членовъ, въ покупкѣ научныхъ его изданій, предназначенныхъ не исключительно только для серболужицкаго племени, и путемъ пожертвованій на постройку серболужицкаго «Народнаго дома» въ Будишинѣ. Кромѣ упомянутой нами «Матицы сербской» въ распространеніи среди народа образовательныхъ и поучительныхъ произведеній принимаютъ весьма дѣятельное участіе и оба церковныя общества: «Serb. luther. knihow. То-Слав. Обзорѣніе. 1892. Т. II, кн. 7 и 8.

vařstvo» и Serb. kathol. knih. Tovařstvo». Большинство серболужицких книгъ печатается въ Будшинѣ, столицѣ верхнихъ лужичанъ, а именно въ типографіи Марка Смоляра, сына умершаго въ 1884 г. извѣстнаго патріота Смоляра, и во-вторыхъ, въ типографіи I. Э. Монзе; затѣмъ много книгъ, почти исключительно на нижнелужицкомъ нарѣчій печатается въ Hegerswerda (Wojerecy), въ провинціальномъ верхелужицкомъ бранденбургскомъ городкѣ, въ типографіи Оскара Гентшеля; меньше всего однако въ нижнелужицкой столицѣ Хотѣбузѣ, гдѣ вообще нѣтъ ни одной серболужицкой типографіи.

Въ нижеслѣдующемъ перечнѣ я представилъ въ возможной полнотѣ всѣ литературныя произведенія лужицкихъ сербовъ за послѣдніе два года (1890 и 1891 гг.), не только большія изданія и книги, но также и маленькія брошюры и періодическія изданія, съ краткими замѣтками и изложеніемъ содержанія или же со ссылками на рецензіи объ этихъ книгахъ. По моему мнѣнію, для того чтобы представить себѣ полную картину духовной жизни и дѣятельности такого маленькаго народца, какъ лужицкіе сербы, необходимо собрать и описать по возможности все, что появилось въ литературѣ этого народа. Въ послѣдніе два года оригинальныхъ серболужицкихъ книгъ было напечатано дѣйствительно менѣе, чѣмъ въ иные предшествовавшіе годы. Это явленіе объясняется тѣмъ, что сербскіе патріоты, занимавшіеся прежде литературной дѣятельностью, теперь почти всѣ свои силы и стремленія направили въ другія двѣ стороны, а именно: 1) на основаніе и развитіе національныхъ серболужицкихъ обществъ и товариществъ среди сербскаго крестьянства, на поддержаніе и развитіе ихъ сословія и поземельныхъ владѣній и 2) на устройство двухъ большихъ общихъ серболужицкихъ музыкальныхъ празднествъ въ Будшинѣ осенью 1890 и 1891 гг., поглотившихъ весьма много времени и средствъ. Другимъ слѣдствіемъ этой дѣятельности было то, что въ серболужицкихъ періодическихъ изданіяхъ за эти годы проявилась и отразилась очень бойкая національная жизнь, такъ что въ это время возникли даже новыя важныя для народа журналы. Это обстоятельство не можетъ быть пройдено молчаніемъ при обзорѣни серболужицкой письменности за эти 2 года. Наконецъ, и заботы о собираніи средствъ на постройку серболужицкаго Народнаго дома въ Будшинѣ, конечно текущихъ весьма скудно, поглотили весьма значительную часть трудовъ представителей «Сербской Матицы». При перечисленіи литературныхъ произведеній лужицкихъ сербовъ за 1890 и 1891 гг. я отдѣлилъ произведенія верхнелужицкой письменности отъ произведеній нижнелужицкихъ, причемъ свѣтскую письменность я отдѣлилъ отъ духовной и выдѣлилъ періодическія изданія, какъ важнѣйшее проявленіе духовной жизни лужицкихъ

сербовъ, въ особую рубрику. По желанію уважаемой редакціи, и наконецъ собралъ не только въ серболужицкихъ, но и въ другихъ славянскихъ и нѣмецкихъ періодическихъ изданіяхъ статьи, относящіяся къ литературѣ, этнографіи, національности и языку лужицкихъ сербовъ, насколько все это было возможно, и вкратцѣ оцѣнили ихъ.

А. Верхнелужицкія книги и статьи.

I. Свѣтская письменность. а) Проза. 1) Wobydlenje Łužiskich Serbow. Napisał Adolf Černý (отдѣльный оттискъ изъ «Časopisa Maticy Serbskeje») B. Z nakladom Maticy Serbskeje. 1890. 38 стр. Цѣна 1 мк. Эта обстоятельная и весьма интересная монографія, основанная на личныхъ наблюденіяхъ и изслѣдованіяхъ автора, снабжена 26 рисунками типовъ построекъ и т. п. Рецензія о ней: *Łužica* 1890, стр. 24. 2) Ahasverus. Rjana historija wěčneho žida. Wobdźěłał A. Lapsyk. We Wojerecach. 1890. 3) Wojomir abo zawjedženje křescijanstwa we Łužicach. Powěsć za lud a doroscenu młodzinu. Spisał Chociszewski, zese bšcil A. Žemr-Budyšiniski. 1890. Стр. 82. Ц. 25 пф. Весьма интересный и любимый народомъ рассказъ. 4) Bitwa pola Budyšina (1813). Powědańčko serbskemu ludu poskićil Jan Radyserb (Wjela). Matičnych spisow čisło 87. 1891. 134 стр. 50 пф. Этотъ оригинальный рассказъ изъ жизни лужицкихъ сербовъ, содержаніе котораго относится къ извѣстной битвѣ при Будишинѣ, отличается, какъ и всѣ прочіе народные рассказы того же автора*, замѣчательно правдивымъ изображеніемъ жизни лужицкихъ сербовъ, живыми и поэтическими образами и оригинальнымъ народнымъ языкомъ. 5) Předženak. Protyka (календарь) za Serbow na lěto 1890. Redactor Jan Křižan. B. Z nakł. M. Serb. Со многими иллюстраціями. 40 стр. Ц. 25 пф. Изданіевъколичество 5 т. экз. 6) Krajan Katholska protyka na lěto 1890 (календарь для сербовъ католиковъ). Red. Filip Rězak. B. Z nakładom tow. ss. Cyrilla a Methodija. 40 стр. Ц. 25 пф. Въ количестве 3 т. экз. 7) Předženak. Protyka za Serbow na lěto 1891. Red. Jan Křižan. B. Z nakł. M. Serb. Со многими иллюстраціями и популярными статьями. 40 стр. Ц. 25 пф. 6000 экз. 8) Krajan. Katholska protyka za Hornju Łužicu na lěto 1891. Godь 24-й. Red. F. Rězak. B. Z nakł. tow. ss. Cyrilla a Methodija.

* Назовемъ ихъ: 1) Křiž: a połměsac abo Turkojo před Winom w lěće 1683. 1863. 2) Trójniki. Zběrka powědańčkow. 1885. 3) Nadpad pola Bukec 1758. Z wobrazom. Druhi wudawk. 1888. 4) Jan Manja abo Hdže statok mój? Powědańčko ze serbskich stawiznow. 1889.

40 стр. Ц. 25 пф. 3 тыс. экз. *. 9) Wustawki «Towarstwa serbskich Burow» (Уставъ союза сербскаго крестьянства). В. 1890. 10) Prašenja. K rucu zběracelam bajkow, powěsci, přiwerkow a druhih ludowych wěcow. Wudał Ad. Černý. В. 1891 10 стр. Вопросы и программа для серболужицких фольклористовъ.

b) Поэзія. 1) Serbska knihownja (Сербская библиотека). Wudawa A. Černý. Číslo II: Příroda a wutroba (природа и сердце). Pěsnje Jakuba Čišinskeho. В. 81 стр. 80 пф. Этотъ сборникъ заключаетъ въ себѣ 46 оригинальныхъ стихотвореній Я. Барта, безспорно даровитѣйшаго и плодовитѣйшаго изъ современныхъ серболужицкихъ поэтовъ, который подъ именемъ Цишинскаго печатаетъ свои произведенія частію въ журналахъ, частію въ видѣ отдѣльныхъ сборниковъ. До настоящаго времени, кромѣ упомянутаго сборника, онъ издалъ еще два болѣе значительныхъ собранія: а) Kniha sonettow. В. 1884, стр. 67. Заключаетъ въ себѣ 44 оригинальныхъ патриотическихкихъ сонета, исполненныхъ поэтическаго вдохновенія и 7 переводныхъ изъ Петрарки, Шекспира, Мицкевича, Коллара и Врхлицкаго. Рецензія—въ Južica. 1884, стр. 51 и сл. Ц. 1 мк., б) Formy. Basnje Jakuba Čišinskeho. В. 1888, 160 стр. Заключаетъ 99 оригинальныхъ стихотвореній (баллады, романсы, сонеты, сестины, канцоны, мадригалы, триолеты, рондо, газели, эпистолы, сатиры, эпиграммы). Сюжеты этихъ произведеній по большей части родные, національные. Рецензія: въ Južica 1889, стр. 7 и сл. и въ Hlás'ň Naroda, 4 listopad, 1884 (Я. Врхлицкаго). Ц. 25 мк. в) Na Hrodcišću (На городищѣ). Činohra w pjećich jednanjah (Драма въ пяти дѣйствіяхъ). В. 1880. Ц. 50 пф. Сюжетъ заимствованъ изъ эпохи борьбы лужицкихъ сербовъ съ нѣмцами за независимость. Я. Врхлицкій, извѣстный чешскій поэтъ, говоритъ о Цишинскомъ между прочимъ слѣдующее: «Цишинскій въ своихъ произведеніяхъ является прежде всего глубокомыслящимъ и нѣжно чувствующимъ челоувѣкомъ и пламеннымъ патриотомъ, въ общемъ же онъ вполне выработавшійся поэтъ. Его жизненная философія отличается оптимизмомъ, и поэтому его взглядъ на міръ Божій свѣтелъ, ясенъ и полонъ упованій». 2) Spěwna radosć. Zběrka šulskich spěwow. Druhi wudawk. В. 1891. Mašičnych spisow číslo 70. Содержитъ переводъ 94 нѣмецкихъ и 25 сербскихъ оригинальныхъ пѣсенъ Н. Zejler'a и другихъ поэтовъ съ музыкой по большей части національ-

* Эти календари имѣютъ національное значеніе. Для нижнелужицкихъ сербовъ въ промежутокъ времени съ 1880 по 1890 г. 5 лѣтъ издавался народный календарь, но къ сожалѣнію это прекрасное предпріятіе прекратилось.

наго сербскаго композитора кантора К. А. Косога (Коцура). Оригинальныя пѣсни отчасти патриотическаго содержанія. Переводъ съ нѣмецкаго сдѣланъ весьма искусно Андреемъ Цейлеромъ, Фидлеромъ и другими. Рецензія: журналъ *Lužica* 1891, страница 31. *Prěni wěnc spěwow za serbsku mladosć. Druhi wudawk. B., 1891, 48 стр. 10 пф.* Сборникъ 38 любимыхъ лужицкихъ пѣсень, отчасти народныхъ, отчасти новѣйшихъ поэтовъ, составленный М. Смоляряромъ. Онъ же издалъ два другихъ подобныхъ сборника, а именно въ 1885 г.: *Druhi wěnc spěwow* (на 48 стр.—38 пѣсень, ц. 10 пф.) и въ 1888 г. *Třeci wěnc spěwow* (на 48 стр. 38 пѣсень; ц. 10 пф.) Эти сборники весьма популярны въ народѣ. 4) *Nazuma. Lyriska pèseň H. Zejlerja, do hudžby zestajana wot K. A. Kosoga. Spěwana 1 oktobra 1890 w B.* Съ нѣмецкимъ стихотворнымъ переводомъ кантора Э. Пекаря (*Pjekar*). 22 стр. 5) *Zuma. Lyriska pèseň H. Zejlerja, do hudžby zestajana wot K. A. Kosoga. Spěwana 30 septembra 1891 w B.* Съ нѣмецкимъ метрическимъ переводомъ кантора Э. Пекаря. 20 стр. 20 пф. *. 6) *Hońtwa za mužom. Wjeselohra w 2 jednanjomaj wot Michała Bałuckeho. Z polšćiny za dziwadło serbskich studentow přeložił A. Muka.* Отдѣльный оттискъ изъ «*Lužicy*» 1891 **. Въ ближайшемъ будущемъ долженъ выйти въ свѣтъ 4-й и послѣдній томъ собранія поэтическихъ произведеній самаго выдающагося серболужицкаго національнаго поэта А. Цейлера подъ заглавіемъ: *H. Zejlerja zhromadzene spisy. Zrjadował a wudał dr. E. Muka.* Первый томъ, вышедшій въ 1883 г., включаетъ стихотворенія и пѣсни (*Basnje a pēsnje 1*), съ портретомъ автора; 2-й т., вышедшій тоже въ 1883 г. содержитъ большія произведенія и 3-й, вышедшій въ 1888 г., сти-

* Эти отдѣльные оттиски (4 и 5) двухъ извѣстныхъ лирическихъ пѣсень А. Цейлера служили текстомъ на обоихъ сербскихъ музыкальныхъ праздникахъ въ 1890 и 1891 гг. и были переведены въ стихотворной формѣ на нѣмецкій языкъ для возможныхъ слушателей-нѣмцевъ. Сербскія музыкальныя празднества въ Будининѣ служатъ весьма важнымъ проявленіемъ національной жизни сербовъ. К. А. Коцуръ извѣстный и весьма даровитый національный серболужицкій композиторъ, которому принадлежитъ много выдающихся произведеній, изъ которыхъ перечислены въ «*Лужицѣ*» 1889 г. (стр. 62) произведенія, написанныя имъ до 1889 г.

** Это 7-й вып. сборника серболужицкихъ произведеній для сцены, издаваемого А. Мукой. Кромѣ того надателемъ были обработаны для сцены: 1) *Naukowe škóncje*. 2) *Pražski wuj*. 3) *Winy wozud*. Затѣмъ Я. Бартомъ: 4) *Incognito* (съ чешскаго). 5) *Stary serb*. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. 6) *Telegram*. Въ рукописяхъ существуютъ еще и разныя другія передѣлки на серболужицкомъ нарѣчій. Но недостатку средствъ онѣ не могли быть до сихъ поръ напечатаны въ этомъ собраніи.

хотворенія (рѣснје II). Цѣна каждому тому 4 мк. Рецензія въ «Лужицѣ» 1883, стр. 89; 1884, стр. 20; 1888 стр. 87.

II. Книги религіознаго содержанія. 1) Nowy Zakon. Do hornjoserbsčiny po rjedze Vulgaty přeložistaj Jurij Lusčanski a M. Hórnik. Z dowolnosću duchowneje wyšnosće. B. Z pomocu tow. ss., Cyrilla a Methodija. 1890, zešiwk III (3-й вып. до 3-й гл. посланія къ Коринейнамъ). Вып. I-й вышелъ въ 1887 и вып. II-й въ 1888 г. Ц. выпуску 1 мк. 50 пф. Это классическій во всѣхъ отношеніяхъ переводъ Новаго завѣта, которымъ М. Горникъ, каноникъ собора св. Петра въ Будишинѣ, оказалъ незабвенную услугу въ дѣлѣ работы серболужицкаго языка. 2) Biblijske stawizny Stareho a Noweho testamenta. Za ruku šulskich džěci zestajal šulski radzičel dr. Wild a na serbski přeložil kantor J. Bartko. Wudawk B za delny a srjedzanski skhodžeńk. B. 1880. Z nakł. M. Serb. 317 стр. 3) Biblijske stawizny Stareho a Noweho testamenta. Za ruku žulskich džěci zestajal šulski radzičel dr. Wilda na serbski přeložil J. E. Matejk, Horny skhodžeńk. B. 1890. 4) Biblijske stawizny staroho a nowoho zakonja. Po zrjadowanju dr. J. Schustera a G. Meya serbscy wudał M. Hórnik. Ze 100 wobvazkami a třomi kartkami. B. 1891. Эти библейскіе рассказы изъ в. и н. завѣта въ обработкѣ каноника М. Горника составляютъ книгу во всѣхъ отношеніяхъ выдающуюся, почему она и получила широкое распространеніе въ католическихъ школахъ В. Лужицы. Выборъ изъ библіи сдѣланъ съ большой осмотрительностью и пониманіемъ; языкъ чистый, хорошій и образцово-правильный. Рецензія въ «Лужицѣ» 1891, стр. 7. 5) Pobožnu wosadnik. Modlitwy a kěrlušy za katholskich Serbow. Zrjadował a wudał M. Hórnik. B. 6) Różowa zahroda. Stawizny ze žiwjenja swjatyh džěci. Pěknym serbskim džěcom spisał M. Bjedrich. 123 стр. Прелестные рассказы, написанные въ высокомъ поэтически-наивномъ стилѣ. 7) Wšědny Boži Khlěb na cyłe lěto. Kniha za kóždžicki křescijanski dom. Po přikładze H. Becka wobdželał Ā. Sykora, B. 1890. Z nakł. serb. luther. knih. towarstwa. 902 стр. 6 Мк. Это молитвословъ съ благочестивыми размышленіями на каждый день года. Языкъ плавный, правильный, приспособленный къ пониманію поселянъ. Это—прекрасная во всѣхъ отношеніяхъ книга, сразу получившая широкое распространеніе въ народѣ. Изъ подъ пера этого плодовитаго писателя для сербскаго народа вышли уже раньше многія прекрасныя и обширныя религіозныя книги. 8) Biblijski pučnik na wšitke dny lěta 1890. Zestajany wot H. Matejka. Wudaty wot serb. luther. knih. towarstwa. B. 1890. 9) Biblijski pučnik na wšitke dny lěta 1891. Zestajany wot dra. M. Renča, Wudaty wot serb. luth. knih. towarstwa. 29 lětnik. Towarst. spisow. číslo 96. 156. стр. 10) Pastyřski list biskopa F. Bernerta na lěto 1890. Přeložil J. Skala. B. 11) Pas-

tyński list biskopa d-ra L. Wahla na léto 1891. Přeložil J. Skala. В. 12) Jan Michał Budań, dobroćel Serbow (Иванъ-Михаиль Бударъ, благодѣтель сербовъ). Dopomnjeńki ze swjedženja znuitřkowneho missionstwa w Budystećanskim Božim domje na 100-lětnym pohrjebnym dnju njeho J. M. Budarja. Podał H. Jmiš. В. 2 изданія въ количествѣ 6 т. экз. каждое въ 1889 г. и въ 1890 г. 13) Три статьи свящ. д-ра Селла въ Кребѣ (Krjeba): а) Hora Modimolle; б) Zelžarni profetojo Kafferskeho kraja; в) Krótke rozwućenje wo domjasej Božej službje. Всѣ три напечатаны въ 1890 въ Будишинѣ.

В. Нижнелужицкія книги и статьи.

На нижнелужицкомъ нарѣчїи въ истекшіе два года вышли, насколько намъ извѣстно, только 2 книги и 2 брошюры, не считая періодическихъ изданій. 1) *Kejžora Wylema I žywjenje a statki* (Жизнь и дѣянїя императора Вильгельма I). *Kralowěrnemu serbskemu ludoju hulicowane wót Tešnarja* (Тешнаръ). Z nakl. wótrěda *Mašice Serbskeje. Wórejce.* 98 стр., съ изображенїями трехъ послѣднихъ германскихъ императоровъ. 2) *Kopa snopow. To jo 60 rědnych hulicowanjow za mlodych a starych Prjedna pěsnastka wót M. Rěže, druga wót K. Šwje. le, tšesa a stwórtá wót H. Jordana, Towafstwowych knižtow licbnik 18. Šišćane we Wórejcach pla O. Hentschela, 1891.* 60 изящныхъ разсказовъ для молодежи и стариковъ. Первые 15 разсказовъ написалъ М. Рѣжа, слѣдующіе 15—К. Швела, остальные Г. Иорданъ. Напечатано въ Вореїцахъ (Hogerswerda). 3) *Na šestu maj 1890. Nalětna basnicka* (6 мая 1890 г. Весенняя пѣсня). *Spisał Emil Frommel. Do serbskeje rěcy přestawił P. Broniš w Chošebuzu. We Wórejcach. 1890. 8 стр.* 4) *Prjene zaseš lět «Mašice Serbskeje» we Dolnej Kužyce. Popisane wót H. Jordana. Towafstwowych knižtow licbnik 19. Šišćane we Wórejcach pla O. Hentschela. 1891.* (Первыя десять лѣтъ «Сербской Матицы» въ Нижней Лужицѣ). 16 стр. Изъ этого очерка видно, что нижнелужицкое отдѣленіе «Сербской Матицы» втеченіе первыхъ десяти лѣтъ своего существованїя по мѣрѣ силъ проявляло свою дѣятельность. 5) Въ скоромъ времени долженъ выйти на нижнелужицкомъ нарѣчїи любимѣйшій народный разсказъ: *Robinson* (на верхнелужицкомъ нарѣчїи, обработанный К. Кульманомъ. 2 изд. 1886. 146 стр.), въ обработкѣ Г. Брониша.

С. Лужицкія періодическія изданія.

1) Научные журналы. *Časopis Mašicy Serbskeje.* Redaktor M. Hótnik, předsyda M. S. Выходитъ въ Будишинѣ издивенїемъ «Серб-

ской Матицы». Въ комиссиі у Э. Рила. Ежегодно выходитъ 2 выпуска. Ц. 3 мк. а) 1890 годъ, выпускъ 1-й (№ 89 всего изданія). Содержаніе: Mythiske bytosce łuziskich Serbow. I dzěl. Napisał Ad. Cerný.—Serbske pzišlowa a hrónčka. Wot J. Wjele.—Wučahı z protokolow M. S.—Zličbowanje M. S. w 43 lěće (1889).—Pokładnica Maćičneho domu.—Wosebite fondy při M. S.—Prinoški sobustawow M. S. (1889). — Dary za dom M. S. — Zličbowanje wo domn Maćicy Serbskeje.—Zapis wudatych knihow M. Serbskeje.

б) 1890 годъ, вып. 2-й (№ 82 всего изданія). Содержаніе: Wo stopnjowanju samohłosowkow w Serbšcinje. (О подъемѣ гласныхъ въ сербскомъ языкѣ). Spisał Dr. E. Muka.—Wo předložkach w serbšcinje (о предложенияхъ въ сербскомъ яз.) Spisał Dr. E. Muka.—Frenceliana VII. Podawa Dr. E. Muka.—Frenceliana VIII. Podawa Dr. E. Muka.—Prěni serbskokatholski katechismus. Wopisał M. Hórnik.—Prěnje serbskokatholske kěrluše. Podał M. Hornik. *). c) 1891 годъ, выпускъ 1-й (№ 83). Содержаніе: Mythiske bytosce łuziskich Serbow. II. dzěl. Napisał A. Černý.—Sto pzišlowow. Wot Jana Wjele.—Hdze pišemy jotowane pismiki? Rozestajił M. Hornik.—Rozprawy a zličbowanja.

II. Журналы беллетристическіе. 2) Łuzica (Лужица). Měsačnik za zabawu a powučenje. Zhromadny časopis hornjo — a delnjołuziskich Serbow. Organ serbskich towarstwow. Zamołwity redaktor a wudawař: dr. phil. Ernst Muka w Freibergu (Саксонія). Administrator: 1890 г. A. Sommer, 1891 г. Herman Lětnik 9 (1890) а 10 (1891). «Лужица» выходитъ въ половинѣ каждаго мѣсяца, въ объемѣ одного листа, въ Будишинѣ. Подписная цѣна на годъ 2 рубля. Этотъ весьма важный въ дѣлѣ сербскаго языка и національности органъ заслуживаетъ также и за предѣлами Лужицы большаго вниманія и поддержки, чѣмъ это замѣчалось до сихъ поръ.

III. Газеты для верхнихъ и нижнихъ лужичанъ. 3) Serbske Nowiny. Годъ 49 (1890) и 50 (1891). Politiski а narodohospodarski časopis za hornjołuziskich Serbow. Zamołwity redaktor а wudawař: Smoleř w Budyšinje. Выходитъ по субботамъ въ объемѣ 1—2 листовъ in 4°. Издається въ количествѣ 6 тысячъ экз. Подписная цѣна на три мѣсяца 80 пф., съ пересылкой въ Германію 1 мк. 4) Serbski Hospodař (Сербскій Хозяинъ). Časopis serbskich ratarjow. Redaktor G. Kubaš.

*) Frenceliana VII и VIII составляютъ окончаніе цѣлаго ряда статей того же автора въ Časopis'ѣ (годы 1880—1882) о знаменитомъ верхнелужицкомъ историографѣ А. Френцелѣ (Бранцелѣ), род. 19 ноября 1656 г. въ Коалѣ (Kózle) и ум. 15 апр. 1740 г. Онъ писалъ, къ сожалѣнію на вѣмецкомъ языкѣ, по исторіи, этнографіи, географіи и языку лужицкихъ сербовъ и оставилъ 37 большихъ рукописныхъ фолиантовъ.

Wudawař M. Smoleř w Budyšinje. Выходить дважды въ мѣсяць (въ первую и третью субботу). Подписная цѣна на годъ только 1 мк.— Годъ 10-й и 11-й (1891). Этотъ прекрасно редактируемый сельскохозяйственный журналъ имѣеть огромное вліяніе на солидарность серболужицкихъ сельскихъ хозяевъ, на матеріальное и нравственное развитіе ихъ и на привязанность ихъ къ родинѣ и родному языку.

IV. Духовныя газеты для народа. 5) Katholski posoř. Ludowy časopis. Wudawany wot towarstwa SS. Cyrilla a Methodija w Budyšinje. Redaktor J. Skala. Выходить дважды въ мѣсяць (въ первую и третью субботу), въ объемѣ 1—1½ листа in gr. 8°. Годовая цѣна съ пересылкой въ Германіи 2 мк. Годъ 28 (1890) и 19 (1891). Этотъ весьма умѣло редактируемый журналъ широко распространенъ среди католическаго населенія В. Лужицы и безъ сомнѣнія имѣеть большое вліяніе на религиозныя и нравственныя его чувства и воззрѣнія. 6) Missionski Posoř (za evangelskich serbow). Serbski časopis z Božeho kralestwa domach a wonkach Zamořwity wudawař M. Domašk Sobuwudawař Krygař. Ежемѣсячно выходитъ одинъ выпускъ въ 16 стр.; журналъ весьма распространенъ среди сербовъ-протестантовъ въ Верхней Лужицѣ. Цѣна годовому изданію только 60 пфениговъ. съ пересылкой 1 марка. Годъ 37 (1890) и 38 (1891). 7) Missionski přečel. Powěsće z pola Barlinskeho Missionskeho Towarstwa. W. B. Redaktor J. Dobrucký. Этотъ миссіонерскій листокъ, выходящій по четвертямъ года въ объемѣ 32—48 стр. in gr. 8°, служить цѣлямъ берлинскаго миссіонерскаго общества и предназначенъ прежде всего для сербовъ верхнелужицкихъ въ Пруссіи. Онъ основанъ въ 1890 г. и втеченіе 1891 года издавался въ количествѣ 1200 экз. 8) Pomhaj Bóhl Serbske nježdelske řopjeno. W. B. Zamořwity redaktor Dr. F. Sella: soburedaktoraj Lenik-Genč a Góřč. Этотъ листокъ посвященъ внутренней миссіонерской дѣятельности среди лужицкихъ сербовъ и былъ основанъ въ 1891 г. свящ. Селлой съ цѣлью противодѣйствовать распространенію нѣмецкаго воскреснаго листка во многихъ сербскихъ приходяхъ. Выходить каждое воскресенье въ 4 стр. объемомъ, in gr. 4°, и стоить въ годъ 1 мк. 60 pf. Листокъ этотъ издается съ большимъ умѣньемъ и ведетъ энергично борьбу съ социалистическими идеями, которыя собственно и не могутъ найти среди сербовъ никакой почвы: патріархальный образъ жизни и языкъ охраняють лужицкихъ сербовъ отъ этихъ заблужденій.

V. Нижнелужицкія газеты. 9) Bramborski Casnik. Serbske nowiny za politiku a pohucenje we hokrejsach Chósebuza, Kalawy a Grođka. Nakładař a zastupny redaktor C. W. W. Šwjela, Lětnik 43 (1890), 44 (1891).

Эта единственная нижнелужицкая газета, существующая уже 44 г., выходит еженедѣльно по четвергамъ и стоитъ въ годъ 4 Mk. Изданіе ея ведется въ чистонародномъ духѣ, и заслуги ея въ дѣлѣ поддержки сербскаго языка и обычаевъ въ Н. Лужицѣ весьма велики. 10) *Serbcka hutsoba. Serbski zabawny tužennik, wósebnje za našu lubu mlóžinu. Redaktor G. Broniš.* Это еженедѣльное изданіе, посвященное въ особенности развлеченію нижнелужицкой подрастающей молодежи, было основано 3 окт. 1890 г., какъ самостоятельное прибавленіе къ «Брамборгскому часнику» и высылалось его подписчикамъ за 38 пф. втеченіе трехъ мѣсяцевъ, но послѣ выхода 12 номеровъ, въ концѣ 1890 г., изданіе вслѣдствіе недостатка подписчиковъ прекратилось, о чемъ слѣдуетъ пожалѣть, такъ какъ молодой его руководитель проявилъ много таланта.

D. Нѣмецкія и славянскія изданія и статьи, посвященныя лужицкимъ сербамъ и серболужицкому языку.

I. Цѣлыя книги и изданія. а) На славянскихъ языкахъ. 1) На чешскомъ языкѣ вышли: *Lužické obrázky od A. Černého. V Praze 1890*; составляютъ 49-й т., издаваемой книгопродавцемъ Ф. Шимаковъ «Kabinetní knihowna». Цѣна 50 коп. Этотъ томикъ содержитъ, всего на 154 стр. in 12°, 10 блестящихъ и въ высшей степени привлекательныхъ картинъ природы и жизни лужицкихъ сербовъ, а также собственныхъ походовъ автора среди лужицкихъ сербовъ. Разказы эти встрѣчены были съ большимъ сочувствіемъ и въ скоромъ времени должны выйти въ переводѣ на верхнелужицкое нарѣчіе въ «Serbska knihownja»; два изъ этихъ разказовъ были напечатаны на русскомъ языкѣ въ переводѣ А. Д. Погодина («Старички» и «Колокола») въ ноябр. кн. «Русскаго Вѣстника» за 1891 г. Рецензія, между прочимъ, въ «Lužica» 1890, стр. 87.

б) На нѣмецкомъ языкѣ. 2) *Historische und vergleichende Laut und Formenlehre der niedersorbischen (niederlausitziswerbischen) Sprache. Mit besonderer Berücksichtigung der Grenzdialekte und des Obersorbischen. Von D. K. E. Mucke (serb. Muka). Сочиненіе увѣнчанное преміей. Leipzig, bei Hirzel. 1891. XVIII. u. 615 стр. Цѣна 20 mk. Тоже подъ заглавіемъ: «Preisschriften der Fürstlich Jablonowskischen Gesellschaft zu Leipzig. № XVIII der historisch-nationalökonomischen Section. До сихъ поръ рецензія: въ «Lužica» 1891, стр. 87 сл. «Narodní Listy», příloha k číslu 195 ze dne 18 července 1891. Чешскій «Athenaeum», ročn IX. č. 2 (15 listopadu 1891), стр. 55 сл. «Wisła» 1891 (tom V), zeszyt 3, стр. 659—660. «Literarisches Centralblatt» 1891, № 34. «Anzeiger für indogerm.*

Sprache und Alterthumskunde 1892, № 1, стр. 33. «Slovanski Svet». (v Trstu) 1891, № 23, стр. 376. 3) Morkusko. Ein romantischer Sang vom Spreewald. Von E. Müller. Berlin 1891. Buchhandl. der Deutschen Lehrer Zeitung. 10 пѣсней на 128 стр. in gr. 8°. Эпическое произведение изъ эпохи послѣдняго сербскаго короля въ Блотахъ (Шревалдѣ). Главныя дѣйствующія лица Morkusko, сынъ лужицкаго князя изъ Згорѣльда (Zhorjelc, Görlitz) и Trudeska дочь послѣдняго лужицкаго короля. Реценз я въ «Lužica» 1891, стр. 47. 4) Die slavischen Orts- und Flurnamen der Oberlausitz. Gesammelt und erklärt von Paul Kühnel. I Heft Leipzig 1891. Стр. 53 Ц. 1 мк. Рецензія въ «Lužica» 1891, стр. 68. 5) Въ 1891 г. находилась въ печати и вскорѣ должна выйти: Eine praktische Oberlausitzisch-serbische Grammatik mit Uebungssätzen und Wörterverzeichniss von G. Kral. Будинь.

II. Отдѣльныя статьи въ книгахъ и журналахъ. а) Въ русскихъ журналахъ. 6) Благовѣсть 1890. Статьи: А. Г. Сахаровой «Годичное собраніе общества серболужицкихъ студентовъ», «Картинки изъ жизни лужичанъ». Ад. Чернаго. Ср. Lužica 1891, стр. 31 сл. и Крестьянскія общества у сербовъ-лужичанъ. Н. Филиппова. 7) Живая Старина (подъ ред. В. И. Ламанскаго) 1890 г., вып. I: Путевыя письма и замѣтки Срезневскаго о сербахъ-лужичанахъ. Вып. II: а) Сербо-Лужицкій народный календарь (изъ бумагъ И. И. Срезневскаго); б) Сербо-Лужицкія народныя повѣрья (изъ бумагъ И. И. Срезневскаго). 8) Русскій Вѣстникъ 1891 г., ноябрь. Переводъ «Лужицкихъ картинокъ» А. Чернаго: «Dcera» (Странички) и «Zvonу» (Колокола).

9) Въ чешскихъ книгахъ и журналахъ. Ад. Černý: Nyk'us, z bajeslovi lužického (Водиной. Замѣтка по серболужицкой миеологiи) въ журн. «Zlatá Praha» 1890, № 34. 10) Ад. Černý: Vylet de lužických «Blot» (Поѣздка въ лужицкія «Болота», Spreewald) въ сборн. «Slavnostní list vydaný na památku pátého sjezdu Sokolské župy Podkrkonošské ku dni 29 měsíce června 1890 v. Polici n. M. стр. 31—34. 11) Ад. Černý: Skhadzovanka lužického studentstva, фельетонъ въ «Národních Listach» 1890, № 234. 12) Ад. Černý: Pěvecká slavnost v Budyšině, въ «Hlas'ě Národa» 1890, № 265. 13) V. Černý: Několik listů spisovatelů a vlastencův našich do Lužice, въ журналѣ «Hlídka literární» 1890, № 7, 8 и 9. Ср. также Slovenské pohľady 1891 № 3 и 4. 14) Ад. Černý Návštěa въ «Velký Slovanský kalendář na rok 1891». 15) Ад. Černý: Sbératelske Obtíže, фельетонъ въ «Národních Listach», 1890, №№ 269 и 270. 16) Jaromír Hušek: Lužičtí srbové, въ журналѣ «České Zájmy» 15 марта 1891 г. 17) Ад. Černý: Очерки серболужицкой національной музыки, народныхъ музыкаль-

ныхъ инструментовъ и національныхъ композиторовъ, подъ заглавіемъ «Musikantská dvojice» въ музыкальномъ журналѣ «Lýra» 1891, № 2 (15 června 1891). 18) Ad. Černý Dr. Jan Petr Jordan (Лужицкій патриотъ). Pohrobní vzpomínka въ журн. «Zlatá Praha» 1891, №№ 35, 36 и 37. 19) Ab. Šerný: Kanonik M. Hórnik, vůdce duchovního života Lužičanův, въ журналѣ «Zlatá Praha» 1891, № 35, стр. 418 сл. Тоже въ журн. «Světazor» 1891, № 36. 20) V. Erben: Dučman Ondřej, lužickosrbský vlastenec i spisovatelъ въ «Zlatá Praha» 1891, № 37 и 38. 21) Ad. Černý: Hornolužický svatební průvod (Верхнелужицкій свадебный поѣздъ), съ картинкой, въ «Světazor» 1891 г. № 36. 22) Jan Neruda: Dr. phil. A. Muka (біографія), въ журналѣ «Humoristické Listy» 1891, № 32. 23) Ad. Černý: V okolí Mužakova. Příspěvek na poznání germanisačníchъ snah v Lužici въ «Narodnich Listach» 1891, № 230. 24) Ad. Černý: Heja. Lužické rychtářské «pravo». Этнографическій этюдъ въ «Narodn. List.» 1891, № 257. 25) Ad. Černý: Spolužáci. Vzpomínka na návštěvu u Nerudy s Michalem Hórnikem, въ иллюстриров. журналѣ «Světazor» 1891, № 42. 26) Ad. Černý: Stopy lužického živlu v krajinách poněmčených, фельетонъ въ «Národn. List.» 1891, № 278. 27) Ad. Černý: Lužická škola. Очеркъ со снимкомъ съ картины Отто Пильца «Въ лужицкой школѣ», въ журн. «Světazor». Годъ 26, № 6 (25 prosince 1891). 28) Ad. Černý. Rozhled po lužické folkloristice, въ новомъ чешскомъ этнографическомъ журналѣ «Český lid» 1891, № 1, стр. 77—82; № 2, стр. 200—204. Весьма кропотливый и важный сводъ всѣхъ до настоящаго времени трудовъ по серболужицкому фольклору.

с) Въ другихъ славянскихъ изданіяхъ. 29) Melanija Parczewska: Pan Redaktor. Obrazek z Lužyc, фельетонъ о послѣднихъ годахъ жизни извѣстнаго серболужицкаго патриота П. Э. Смоляра, въ польской газетѣ «Dziennik poznanski» 1890, № 254. 30) Ad. Černý: Za piesnią lužycką. Notatki z wędrówek po Lužycach. Весьма обстоятельная монографія о сербо-лужицкихъ народныхъ пѣсняхъ въ извѣстномъ польскомъ этнографич. журналѣ «Wisła» 1891, вып. 2, стр. 397—418.

d) Въ книгахъ и журналахъ на нѣмецкомъ и другихъ языкахъ. 31) Въ книгѣ Dr. Эртеля: «Beiträge zur Landes-und Volkskunde des königreichs Sachsen, Leipzig 1890, четыре слѣдующія главы посвящены саксонскимъ (лужицкимъ) сербамъ и ихъ странѣ: 1) Slavische Reste in Sachsen. 2) Die sächsische Wendei. 3) Das wendische Volkslied. 4) Wanderungen in der sächsischen Lausitz». Въ этой книгѣ смѣшаны истина и вымыселъ. 32) Въ иллюстрированномъ рождественскомъ каталогѣ на 1891 г., изданномъ книгопродавцемъ Hugo Carlson'омъ въ Хотѣбузѣ помѣщена вводная статья о нижнелужиц-

нихъ сербахъ въ Фалишѣ (Fahlisch): «Der Spreewald (Blota) und Seine Bewohner». Здѣсь точно также истина и вымыселъ перемѣшаны. 33) «Die Gerichtsbank für die Meissner Serben in Göda» въ «Chemnitzer Tageblatt (Chemnitzserb. Kamjenica) «Sächsischer Erzähler» 1890, № 17. 34) «Pomhajboh Broniš: Zum vendischen Gesangfest in Bautzen. Рядъ статей въ №№ 222, 223, 226 и 227 «Хотѣбузскаго Вѣстника» Cottbuser Zeitung, 1890 г. 35) Johan Grove: Venderne i Lausitz (Венды въ Лужицѣ), обширная статья въ датской газетѣ «Tagbladet» 1890, № за августъ. 36) Парижскій «Bulletin de l'Union universelle des femmes» помѣстилъ въ 1891 г. длинную статью польской писательницы М. Парчевской, посвященную лужицкой сербкѣ, пріориссѣ саксонскихъ альбертинокъ, М. Симоновой, урожденной Янашъ изъ Debsecy. 37) Mittheilungen der Niederlausitzer Gesellschaft für Anthropologie und Urgeschichte. Эти сообщенія основаннаго въ 1888 г. Любинѣ (Lübben) нѣмецкаго антропологическаго общества естественно отводятъ на своихъ страницахъ мѣсто и нижнелужицкимъ сербамъ, ихъ исторіи, языку, обычаямъ и правамъ. Здѣсь мы перечислимъ статьи, касающіяся нижнихъ лужичанъ за послѣдніе два года. 1) Годъ 1890. Вып. 5 (I тома): Могильные курганы Нижней Лужицы. II) Д-ра Вейнека.—Доисторическія ткани и пряжа. Д-ра Бушау. — Смерть и погребеніе въ обычаяхъ нижнихъ лужичанъ. Гандера. — Двѣ Шпреевальдскія грамоты. Ал. и В. фонъ-Шуленбурга. — Бронзовые и золотые клады у Бурга. Д-ра Зихе. — Курганы у Горна въ окрестностяхъ Губень. Гаутшштейна. 2) Годъ 1890. Вып. 6 (I тома): Такъ называемый лужицкій типъ. Д-ра Вейгеля. Окрестности Любина въ доисторическую эпоху. Д-ра Вейнека. Могильные курганы Нижней Лужицы. III) Д-ра Вейнека.—Преданія, обычаи и повѣрія. I) Важнѣйшіе моменты жизни. Гандера. II) Праздничные обычаи. Гандера и д-ра Вейнека. III) Преданія о мѣстностяхъ, д-ра Вейнека, Винцера, Симана. Отчеты о находкахъ. 3) Годъ 1891 г., вып. 1 (II тома), напечатанъ въ Губинѣ (Guben-Gubin) у Альберта Кенига: Глиняные сосуды нижнелужицкихъ могильщиковъ. Опытъ хронологической классификаціи. Проф. Д-ра Г. Ентша. Кладбище у Грунова. Свящ. К. Krüger'a. Дикій охотникъ и его конь. Докладъ К. Гандера.—Нижнелужицкія церковныя книги. Др. Цейтшмель. 4) Годъ 1891, вып. 2 (II тома): 3 кладбища при Любинѣ. Д. Ф. Вейнека. Могильникъ у Турнова, въ Хотѣбузскомъ окр. К. Кригера.—Древній замокъ у Грана, въ Губинскомъ окр.—Разказы и преданія изъ Губинскаго округа. К. Гандера. Вѣрованія и обычаи въ окрестностяхъ Любина и Лукова. Ф. Вейнека въ Любинѣ. Извѣстія объ одеждѣ и обычаяхъ славянъ и германцевъ въ VI в. по Р. Хр. К. Лиршъ. Литературныя замѣтки

и мелочи. 38) Hermann Knothe: Zur Orthographie deutscher wie wendischer Ortsnamen, въ научномъ приложеніи къ «Leipziger Zeitung» 1891. № 9, стр. 33, сл. 39) Hermann Knothe. Geschichte der Oberlausitz unter dem Landvogte Hinko Hlawatsch von der Duba (1410—1420) въ «Neues Lausitzer Magazin». Bd, 66 (1890): стр. 74—113. 40) Hermann Knothe. Die geistlichen Güter in der Oberlausitz. Тамъ же, стр. 157—199. 41) Scholtin. Die alterthündlichen Gebäude und Ruinen Bautzens (Будишина), въ журналѣ «Der Gebirgsfreund». Годъ I, стр. 119 сл., 127 сл., 140 сл., 146 сл. 42) Theile. Uralte Christengräber bei Sobrigau (Zaběligoř), въ журналѣ «Über Berg und Thal». Годъ 1891, стр. 125—129. 43) Hermann Knothe. Die ältesten Siegel des Oberlausitzer Adels, въ «Neues Lausitzer Magazin», Band 67 (1891), стр. 1—32 (съ 7 таблицами).

Мильчанинъ

Обзоръ по чешской литературѣ, языковѣдѣнію и исторіи за 1891 и 1892 годы.

Всѣмъ извѣстно, какое важное значеніе имѣли филологія и исторія при возрожденіи чешскаго народа въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія. Обѣ эти науки, разрабатывавшіяся первоначально и въ Чехіи на языкахъ латинскомъ и нѣмецкомъ, представляютъ въ настоящее время цѣлый рядъ отличныхъ чешскихъ сочиненій, которыми могутъ гордиться не только чехи, но и вообще славяне. Сѣмя, посѣянное великими учеными: Добровскимъ, Юнгманомъ, Шафарикомъ, Палацкимъ и др., приноситъ цѣнные плоды. Сотни дѣятелей идутъ по стопамъ этихъ славныхъ мужей; разработка наукъ на чешскомъ языкѣ перестала быть прихотью диллетантовъ; почувствовалась надобность и въ учрежденіи цѣлаго ряда среднихъ и даже высшихъ школъ, съ преподаваніемъ на чешскомъ языкѣ. Утѣшительный разцвѣтъ въ Чехіи обѣихъ названныхъ, а также и другихъ наукъ поддерживаютъ многочисленныя ученныя общества и союзы, каковы напр.: Королевское общество наукъ, Чешская Матица, Моравская Матица и др. Въ прошломъ году къ нимъ присоединилась и Чешская академія наукъ, словесности и изящныхъ искусствъ, основанная чешскимъ меценатомъ, архитекторомъ Іосифомъ Главкой (Jos. Plávka). Въ настоящее время она владѣетъ уже доходомъ въ 50.000 гульденовъ. О значеніи и публикаціяхъ этого учрежденія мы поговоримъ въ другой разъ, а теперь перейдемъ къ главной цѣли нашей статьи, обзору важнѣйшихъ трудовъ по языковѣдѣнію и исторіи, изданныхъ въ 1891 и 1892 годахъ.

Средоточіемъ филологическихъ изслѣдованій служатъ теперь «Фи-

«Филологическіе Листы» (Listy filologické), которые уже девятнадцатый годъ издаеть «Общество чешскихъ филологовъ» подъ редакціей профессоровъ И. Гебауера и И. Краля (I. Gebauer и I. Kral). Изъ статей, напечатанныхъ въ 1891 году, заслуживаютъ вниманія діалектологическіе очерки Ив. Грушки (I. Hruška): «О фонетикѣ языка ходовъ» (O hláskoslovi chodském) ¹⁾. Печальнымъ представляется для чешскихъ изслѣдователей въ этой области извѣстіе писателя, что уже и между «ходами» исчезаютъ характеристическія особенности рѣчи. Каждое такое извѣстіе служитъ призывомъ къ скорѣйшему собранію того, что еще можно собрать.

Большая жатва предстоитъ еще, правда, въ Моравіи, которая въ лицѣ извѣстнаго діалектолога Ф. Бартоша (F. Bartoš) нашла труженика, какового не имѣютъ еще чехи. Моравской діалектологіи ка-сается статья I. Бартохи (I. Bartocha): «Фонетика долнобечевская» (Hláskoslovi dolnoběčevské) ²⁾, составляющая продолженіе его очерковъ, которые уже раньше были напечатаны въ «Филологическихъ Листахъ».

Прочную цѣну имѣетъ трудъ А. Матзенауера (A. Matzenauer): «Вклады въ славянское языковѣдѣніе» (Příspěvky k slovanskému jazykozpytu). Эта работа, составленная въ видѣ словаря, содержитъ богатый матеріалъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій, представляя немалый интересъ и сама по себѣ.

Рядомъ со славяновѣдѣніемъ «Филологическіе Листы» занимаютъ также и классическую древностью.

На славянскую филологію, особенно же на исторію, обращаетъ зоркое вниманіе и «Журналъ чешскаго музея» (Časopis musea království českého), выходящій теперь подъ редакціей I. Тругларжа (I. Truhlář).

Особенно много появилось теперь въ Чехіи статей по исторіи чешской культуры. Такъ напр. д-ръ Зибертъ (Zihrt) напечаталъ статью объ «Иванѣ купалѣ» (Svatojánske obřady), Коштяль (Košíal) о Марѣ (Mára) Ф. Ржегоржъ (Fr. Řehož) о «Народной медицинѣ у галицкихъ русскихъ» (Lidová léčba u haličských Malorusů), Томекъ (V. V. Tomek) «О богослуженіи и церковномъ строѣ Чехіи XV в. (Rozdily v náboženství a v církevním zřízení v Čechách za století 15).

Въ Моравіи подъ редакціей В. Бранделя и Ф. Бартоша вновь

¹⁾ Ходы (chodové) — вѣтвь чешскаго народа, живущая въ окрестностяхъ г. Домажлицы (Domažlice), на чешско-баварской границѣ.

²⁾ Долною Бечвою (Dolní Bečva) называютъ сѣверный истокъ рѣки Бечвы (въ Моравіи).

сталъ выходить «Журналъ Моравской Матицы» въ 1882 г. (*Casopis Matice Moravské*), прекратившей было на время свое существованіе. Бартошъ напечаталъ въ немъ статью «О домашнемъ лѣченіи моравскаго народа» (*O domácím lékařství lidu moravského*); Пастернекъ же (*Pastrnek*)—«О новѣйшихъ трудахъ по исторіи славянскихъ апостоловъ Кирилла и Меѳодія» (*Novější práce o slav. apoštolu Cyrilu i Methodovi*).

Въ историческомъ отдѣлѣ журналъ этотъ обращаетъ главное вниманіе на политическія судьбы Моравіи.

Къ этимъ журналамъ надо причислить еще «Крокъ» (*Krok*), посвященный потребностямъ среднихъ учебныхъ заведеній. Въ этомъ журналѣ вышла замѣчательная статья редактора Фр. Кс. Прусика (*Fr. X. Prusik*): «Источники и взаимныя отношенія, рѣчмованныхъ чешскихъ Александрейдъ» (*Českých Alexandreid rýmovaných pramenové a obarolný poměr*); она вышла и отдѣльнымъ изданіемъ.

Археологіи, топографіи, частью антропологіи посвящены два журнала, выходящіе въ Прагѣ: «Памятники археологическіе и топографическіе» (*Památky archeologické a místopisné*)—подъ редакціей д-ра Пича (*d-r Pič*) и «Журналъ патриотическаго музейнаго оломучскаго общества» (*Časopis vlasteneckého muzejného spolku Olomuckého*)—подъ редакцію В. Гоудека (*V. Houdek*): послѣдній смѣло и удачно защищаетъ теорію такъ называемой славянской школы археологовъ, по которой уже во времена римскія въ Чехіи и Моравіи жили славяне.

Критическимъ обзорѣніемъ беллетристическихъ и научныхъ сочиненій занимаются два журвала, выходящіе въ Моравіи (въ Брно—*v Brně*): «Литературные Листы» (*Literární listy*), подъ редакцію Ф. Долгаго (*Fr. Dlouhý*) и «Литературное Обзорѣніе» (*Hlídky literární*), подъ редакціей ученаго бенедиктинца и литературнаго критика д-ра П. Выходила (*P. Vychodil*). Оба эти журнала помѣщаютъ статьи по исторіи литературы, критическіе очерки художественныхъ произведеній или рефераты объ этихъ сочиненіяхъ, а равно обзоры иностранныхъ литературъ и критическія замѣчанія о сочиненіяхъ, представляющихъ въ какомъ нибудь отношеніи важность для чеховъ и славянства. Представителемъ научной критики является журналъ «*Athenaeum*», редактируемый извѣстнымъ депутатомъ, докторомъ Кайцлемъ (*J. Kaizlem*). На страницахъ этого журнала былъ недавно разработанъ вопросъ о подложности краледворской и зеленогорской рукописей (*rukopisá Zelenohorského i Krá'ovedvorského*), вызванный статьею проф. Гебауера (*J. Gebauer*) въ № 5 за 1886 г.: «О необходимости дальнѣйшаго изслѣдованія краледворской и зеленогорской рукописей» (*Potřeba dalších zkoušek rukopisu Kralovedvorského a Zele-*

nohorského). Но теперь наступило по этому вопросу затишье. Нельзя не признаться, что нападающая сторона была лучше вооружена и правильнѣе вела споръ, чѣмъ сторона защитниковъ подлинности обѣихъ рукописей. Такъ напр. проф. М. Гаттала (M. Hattala) до сихъ поръ не издалъ давно обѣщанной имъ «Обороны» (Obrana), т. е. апологii этихъ рукописей, между тѣмъ какъ противники его издали много важныхъ и вѣскихъ возраженій противъ ихъ подлинности.

Мы вполне убѣждены, что споръ, который такъ долго занималъ и знатоковъ, и профановъ, будетъ оконченъ безъ дальнѣйшаго обвиненія скептиковъ въ недостатокъ патриотизма или измѣнѣ.

На прошлогодней юбилейной выставкѣ, которую въ значительной степени можно считать показателемъ нравственной и физической силы чешскаго народа, была выставлена между прочимъ по почину нашихъ этнологовъ «чешская изба» (Česká chalupa), въ чисто-народномъ стилѣ стараго времени.

Изба эта пользовалась особеннымъ вниманіемъ и сочувствіемъ публики. Это было причиною, что по предложенію нашего этнографа Ф. А. Шуберта (F. A. Šubrt) собраніе любителей чешско-славянской этнографіи 28 іюня 1891 г. постановило открыть въ Прагѣ въ 1893 г. большую этнографическую выставку, подготовительныя занятія къ которой въ настоящее время въ полномъ разгарѣ. Съ этимъ связано и основаніе новаго, весьма важнаго журнала «Чешскій Людъ» (Česky lid), который всецѣло посвященъ изученію чешскаго народа въ Чехіи, Моравіи, Слезіи и на Словачинѣ. Редакторами его состоятъ молодые, но опытные дѣятели: д-ръ Зибертъ и Нидерле (Librt a Niederle), изъ которыхъ первый ведетъ культурно историческій и этнографическій отдѣлы, второй же— археологическій и антропологическій. «Чешскій Людъ» стремится собрать вокругъ себя выдающихся дѣятелей чешской этнографіи, организовать трудъ по изданію журнала и собирать матеріалъ для большой чешской этнографіи. Въ этомъ журналѣ обращается особенное вниманіе на отношеніе чешскаго народа къ прочимъ вѣтвямъ великаго славянскаго племени и другимъ сосѣднимъ народамъ. Въ вышедшихъ до сихъ поръ четырехъ выпускахъ этого журнала мы находимъ между прочимъ: прекрасную статью Р. Тыршовой (R. Týřová) подъ заглавіемъ: «Чешскія народныя вышивки на юбилейной выставкѣ», Яна Коулы (J. Koula), «Объ одеждѣ словаковъ». Обѣ эти статьи снабжены прекрасными иллюстраціями; О. Гостинскій (O. Hostinský) помѣстилъ статью «О нашей свѣтской народной пѣснѣ»; І. Выцалекъ (J. Vycpálek) «О чешскихъ танцахъ» въ отношеніи музыкальномъ и плясовомъ.

Для друзей славянского фольклора важна работа Ад. Чернаго (A. Černého) «Обзоръ лужицкой фольклористики» и Ф. Патка (F. Patek) «Чешская фольклористическая литература до 1890 года».

Въ рамкахъ этой же программы, но только въ большемъ объемѣ, выходитъ при «Чешскомъ Людѣ», «Библиотека чешскаго люда» (Knihovna Českého Lidu), первый номеръ которой содержитъ маленькую работу д-ра Зиберта (Librt): «Домовой въ народномъ старочешскомъ преданіи» (Skřítek v lidovém podání staročeském). Тутъ авторъ говоритъ о почитаніи домашнихъ божествъ вообще и разбираетъ старочешскія извѣстія о нихъ. Во второмъ номерѣ «Библиотеки» помѣщена работа упомянутаго выше діалектолога и фольклориста, моравянина Ф. Бартоша (Fr. Bartoš): «Моравская свадьба» (Moravská svatba), въ которой подробно описаны свадебные обряды и собраны обычныя при этомъ фамильномъ праздникѣ пѣсни.

Теперь отмѣтимъ нѣкоторыя сочиненія, изданныя отдѣльно. По исторіи культуры заслуживаетъ упоминанія работа неутомимаго д-ра Зиберта: «Листы изъ чешской культурной исторіи (Listy z českých dějin kulturních), гдѣ рассмотрѣны нѣкоторые интересные релігиозные обычаи, какъ напр. отсѣченіе головы пѣтуха, сбрасываніе козла, переряживаніе и т. п. На широкой основѣ разработана имъ и роскошно иллюстрирована «Исторія одежды въ чешскихъ краяхъ» (Dějiny Kroje v zemích českých). Въ первой части этого сочиненія излагается исторія одежды съ древнѣйшихъ временъ до гуситскихъ войнъ, причемъ авторъ внимательно выдѣляетъ самобытное отъ заноснаго искужа. Для желающихъ познакомиться съ исторіей культуры какъ наукой можетъ пригодиться и другое сочиненіе г. Зиберта: «Исторія культуры (Kulturní historie), въ которомъ говорится о возникновеніи, развитіи и современномъ состояніи литературы по этому предмету на языкахъ славянскихъ и неславянскихъ.

Къ кругу сочиненій по исторіи культуры относятся также «Картины изъ чешской культурной исторіи Сватека (Obrazy z kulturních dějin českých—Svátkový). Въ первыхъ двухъ частяхъ этого сочиненія авторъ обнаружилъ оригинальность взгляда и начитанность въ источникахъ, отчасти нѣкъмъ еще не изученныхъ.

Серьезнаго вниманія заслуживаетъ продолженіе роскошнаго изданія: «Замки и крѣпости чешскаго королевства»—А. Седлачка (Hrady, zámky a tvrže království českého, od Aug. Sedláčka), трудъ важный и въ научномъ и въ художественномъ отношеніи. Выходящая теперь девятая часть содержитъ въ себѣ описаніе Домажлицкаго и Клатовскаго краевъ. Къ этому изданію примыкаетъ также изящное и снабженное многими иллюстраціями изданіе «Чехи» (Čechy). Это коллективный трудъ многихъ выдающихся чешскихъ писателей,

важный къ тоже время и въ этнографическомъ отношеніи. До сихъ поръ вышло 122 выпуска; послѣдніе изъ нихъ посвящены описанію Таборскаго края и порѣчью р. Сазава. Заслуживаетъ упоминаніи и сочиненіе К. В. Мадля (K. V. Mádl): «Исторія издѣльныхъ искусствъ» (Dějiny umění výtvarných), Изданная часть заключаетъ въ себѣ исторію искусствъ древнихъ народовъ.

Далѣе отмѣтимъ сжатое, но тѣмъ не менѣе объемистое сочиненіе д-ра Махала: «Очеркъ славянской миеологии» (Nakres slovan-ského bajesloví — H. Máchal). Чешской антропологии касается сочиненіе выше упомянутаго редактора «Чешскаго Люда», д-ра Нидерде: «Прибавленія къ антропологии чешскихъ земель» (Přísprěvku k antropologii zemi českých), гдѣ описаны гробы со скелетами, относящіяся къ концу доисторической эпохи Чехіи. Для археологовъ будетъ интересно небольшое сочиненіе Л. Шнайдра: «Начала доисторической топографіи чешской и нѣкоторые выводы изъ этого» (Počátkové předhistorického místopisu země české a některé úvahy odtud vycházející, — L. Šnajdra). Тутъ помѣщенъ полный списокъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ были открыты какіе-либо предметы каменнаго вѣка и послѣдующихъ, съ точнымъ указаніемъ источниковъ, гдѣ о нихъ подробнѣе говорится.

Исторія литературы обогатилась недавно сочиненіемъ Леандра Чеха: «Каролина Свѣтла» (Karolina Světlá), въ которомъ авторъ по примѣру знаменитыхъ французскихъ критиковъ и на основаніи эстетическаго, психологическаго и социологическаго разбора этой знаменитой, до сихъ поръ живущей писательницы говоритъ объ ея литературномъ значеніи.

Значительно расширяетъ свѣдѣнія чеховъ о русской беллетристичѣ и критичѣ трудъ А. Г. Стина: «Исторія русской литературы въ 19 ст.» («Historie literatury ruské XIX století», A. G. Stín). Авторъ положилъ въ основаніе своего труда сочиненіе Скабичевскаго, значительно имъ переработанное и пополненное, особенно въ отдѣлѣ, гдѣ говорится о состояніи литературы въ первой половинѣ этого столѣтія. До сихъ поръ вышло 5 выпусковъ этого сочиненія.

Докторъ Янъ Поливка (I. Polívka) въ сочиненіи: «Мелкія литературно-историческія замѣтки» (Drobné příspěvky literární historické) приводитъ нѣкоторыя довольно интересныя соображенія о кочевыхъ средневѣковыхъ легендахъ и повѣстьяхъ напр. о Вероничѣ, о крестномъ деревѣ, объ Іудѣ, объ Аполлонѣ Гирскомъ.

Изъ сочиненій, относящихся къ средней эпохѣ чешской исторіи литературы, Зибертомъ издано «Поваренное искусство» (Kucharství), относящееся къ 16 в., Б. Марешомъ (B. Mareš)—«Письма Я. Гуса» (Husovy listy), относящіяся къ 15 в. и наконецъ I. Караскомъ (J.

Karasek) — «Мелкіе труды Петра Хельчицкаго», относящіеся тоже къ 15 в. (Menší spisy Petra Chelčického).

Научной чешской грамматики мы всё еще не имѣемъ, но ее можетъ замѣнить теперь отчасти чешская грамматика для среднихъ школъ Гебауера (Mluvnice česká), стоящая значительно выше прежнихъ по своей научной постановкѣ и по особенному вниманію къ историческому развитію языка. Особенно замѣчательны тутъ приложенія ко 2-ой части сочиненій. Эту же цѣль преслѣдуетъ ученикъ Гебауера д-ръ М. Коваржъ, въ своемъ оригинальномъ трудѣ: «Введеніе въ грамматику» (Uvedení do mluvnice).

Что касается политической исторіи, то прежде всего нужно отмѣтить «Исторію Чехіи и Моравіи въ новѣйшее время» — д-ра А. Резка (Dějiny Cech a Moravy doby novú, od d-r. A. Rezka), выходящую выпусками. Авторъ уже ранѣе заявилъ себя многими трудами, изъ которыхъ особенно важны: «Исторія нападенія саксовъ на Чехію» (издана въ 1888 г.) и «Исторія Чехіи и Моравіи при Фердинандѣ III. 1889 г. (Dějiny vródu saského do Cech; Děje cech a Moravy za Ferdinanda III)». Въ этихъ сочиненіяхъ авторъ искуснымъ перомъ рисуется ужасный разгромъ чеховъ въ 17 в., являясь какъ бы продолжателемъ безсмертной «Исторіи чешскаго народа», доведенной Палацкимъ до 1526 г. Г. Резекъ выстроилъ свое зданіе на собственныхъ многолѣтнихъ изслѣдованіяхъ, такъ какъ прежнихъ работъ мало, а тѣ, какія есть, не безпристрастны. Грандіозная борьба чешскаго народа до сихъ поръ не нашла своего историка. Сочиненіе Резка пополняетъ этотъ пробѣлъ, излагая исторію борьбы во всѣхъ ея перипетіяхъ и пролагая путь для новыхъ взглядовъ. Сильное движеніе чеховъ новѣйшаго времени, съ цѣлью добиться возстановленія своихъ государственныхъ правъ, вызванное вѣнскими пунктаціями, обратило на себя вниманіе доктора I. Калоуска (J. Kaloušek), написавшаго соч. подъ заглавіемъ: «Чешское государственное право» (Česke statní právo), въ которомъ исторически изложено происхожденіе и судьбы этой святыни чешскаго народа, съ древнѣйшей эпохи до новѣйшаго времени (до сихъ поръ издано 10 выпусковъ).

Изъ прежнихъ авторовъ, продолжающихъ работать по настоящее время, назову Фр. Шемберу (Fr. Šembera), написавшаго «Исторію среднихъ вѣковъ» (Dějiny středověké). Первая часть вышла еще въ 1881 г., третья часть — въ прошломъ 1891 году; выходящая нынѣ 4-я часть содержитъ въ себѣ эпоху господства папъ и крестовыхъ походовъ. На славянскія дѣла авторъ обращаетъ серьезное вниманіе, но въ основѣ его сочиненія всетаки лежитъ исторія нѣмецкаго народа. Исторія балтійскихъ славянъ излагается только въ связи съ исторіею

нѣмцевъ. Что касается самостоятельной древнѣйшей исторіи славянъ, особенно западныхъ и южныхъ, то авторъ держится отрицательной точки зрѣнія на нее.

Не лишнемъ будетъ обратить вниманіе на выходящую съ 1887 г. обширную чешскую энциклопедію: «Научный Словарь», Отта (Ottův Slovník naučný). Извѣстный издатель, Янъ Отто, рѣшился предпринять этотъ накладный трудъ потому, что Ригровъ «Научный Словарь» (Slovník Naučný Riégrov) и «Сокращенный реальный словарь» — Малаго (Stručný slovník věcný—Malého) во многомъ уже устарѣли. До сихъ поръ издано полныхъ 5 томовъ. Шестой точно выходитъ и начинается статью «Чехи» (Čechy). Между сотрудниками встрѣчались имена почти всѣхъ выдающихся чешскихъ ученыхъ, а также нѣкоторыхъ ученыхъ постороннихъ, каковы напр: М. Горникъ, Б. Ювановичъ, д-ръ Карловичъ, Павинскій, Т. Смичикласъ, д-ръ Смолька и др. Редакція раздѣлена между специалистами; главное же руководство принадлежитъ профессорамъ: Ф. Студничкѣ, I Челяковскому, Эм. Майкснеру, Солину, а прежде также покойному Фейстмантлю; изъ богослововъ: К. Л. Боровому и М. Ф. Краслю. Всѣхъ сотрудниковъ болѣе 723 (умерло уже 15). Чтобы составить понятие объ обширности словаря, нужно сравнить содержаніе вышедшихъ 5 томовъ, положимъ, со словаремъ Ригра. Въ послѣднемъ буквы А и В занимали первый томъ, въ новомъ же словарѣ онѣ занимаютъ полныхъ четыре тома. Славянскимъ предметамъ посвящено, конечно, особенное вниманіе, благодаря чему словарь этотъ получаетъ значеніе и для славянъ—не чеховъ. Множество по большей части самостоятельныхъ географическихъ картъ, помѣщенныхъ въ приложеніяхъ, значительно увеличиваетъ достоинство словаря. Немалое значеніе имѣетъ словарь и въ томъ отношеніи, что служитъ хорошею школою для молодыхъ труженниковъ по всѣмъ областямъ знанія, такъ что для этого словаря они работаютъ въ такихъ сферахъ, которыя могли бы остаться безъ всякой разработки. Такъ воспитывается грядущее поколѣніе, подготавливаясь къ дальнѣйшимъ трудамъ на пользу народа.

Наконецъ упомяну еще образцовый трудъ историко-географическаго характера В. Брандля (V. Brandl) подъ заглавіемъ: «Книга для каждаго моравянина» (Kniha pro každého moravana). Въ краткихъ чертахъ тутъ изображено географическое положеніе Моравіи; изложено ея историческое развитіе до 1628 г., описаны нравы и обычаи народа; а описаніе археологическихъ находокъ прекрасно пополняетъ трудъ чеха Шнайдра. Интересна также статья о древности и значеніи мѣстныхъ названій.

P. P. Chrudimensis

С М Ъ С Ъ

Издание книги «Путешествіе на Востокъ» Наслѣдника Цесаревича. Юбилей П. В. Павлова. † Н. А. Сергіевскій. 100 лѣтіе со дня рожденія кн. П. А. Вяземскаго. Изученіе Востока. 60 л. кроншт. библ.—и. Конкурсы. Женск. рем. уч. въ память Блудовой. Премія имп. Петра В. Очерки Греціи. 50 л. юбилей В. А. Дашкова. Евр. населеніе Ц. П. Эмиграція изъ Россіи. Стипендія Палестинскаго Общ. Сибирскій каналъ. Архивъ дирекціи имп. театровъ. Соч. проф. А. С. Павлова. Общ. имени М. Качковскаго. † Ф. И. Бѣлоусъ. Новыя Общества: «Громада», «Днѣстръ» и «Соколъ». Льв. «красвая выставка». Нов. учит. семинарія въ Самборѣ 45-лѣтіе † еп. І. Снѣгурскаго. Евреи въ Галичинѣ. Вѣче евр. студентовъ. Хыровская іезуитская гимназія. Съѣздъ галицко-польск. педагог. общ. Отчетъ краковск. общ. просвѣщенія. Вертикальноѣ письмо. Изданіе «Młode Słowo». Матейко дарить картину. 50 л. юбилей А. Малецкаго. Крак. изданіе на паяхъ. 24 л. ж. «Католикъ». Собраніе Verejn's. Польск. газеты въ Пруссіи. Памятники Я. Гусу и А. Коменскому. Общества: Берлинск. чешско-славянское, Краковско-польское, Пражск. черногорское и Radhošť. Медаль ч. и. театру. Казарма съ чешск. надписью. Классич. ж. гимназія въ Прагѣ. Проф. М. Гаттала. Медали чешск. поэтама. Сборникъ, Я. Верхлицкаго. Брошюра о коронованіи имп. Франца. Новые выпуски—«Sesny»; очерковъ С. Чеха; Жизнеописанія І. Коменскаго, Зоубка и Врбки; соч. Билекъ; Гербена; Я. Неруды; Стинл. † В. Пакоста. Выселенія изъ Угрии. Общ. «Народъ». Собраніе соч. Гвѣдослава. «Русско-Словен. словарь.» Мичатекка. Сборн. пѣсень—М. Францисци. † А. Палка. Австр. Школьн. союзъ. Словинская Матица. Переименованіе улицъ Любляны. Съѣздъ словинскихъ католиковъ. Грацкій унив.-ъ. Собраніе соч. Левстика. О переименованіи «Югослав. Академіи наукъ и искусствъ» въ Загребѣ. Хорватская Матица. Задрская семинарія. О введеніи въ Далмацию славян. литургіи. Отставка Любича. Описаніе путешествія Модрича. Памятникъ Гундуличу. Нов. газ. «Дубровникъ». Брошюра о дубровчанахъ. Мадьярская гимназія. Сербск. церк. конгрессъ. Письмо Пачу къ Каллаю. Совершеннолѣтіе черн. наслѣдника. Раскопки Діоклеи. Сборъ въ Сербіи для пострадавшихъ отъ неурожая въ Россіи. Военная организація Сербіи. † К. Протичъ. Балансъ болг. доходовъ и расходовъ. Болгар-адвокаты. П. Библиотека и болг. выставка въ Пловдивѣ. Соч. Димитрова. Календаръ «Голуб.» Америк. гимназія и женск. коллегія въ г. Цареградѣ. Отчетъ пан-румынск. лиги. Брошюра Сеймеску. Рум. консульство въ Битолѣ. Воен. организація Турціи. Училище для курдовъ и арабовъ. † Васса-паша. Жельзм. дороги въ Палестинѣ. Австрійскій школьный союзъ. † Э. Гербстъ.

— Въ началѣ будущаго года закончится печатаніе двухъ первыхъ томовъ изданія «Путешествіе на Востокъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича», описывающихъ пребываніе Августѣйшаго Путешественника въ Вѣнѣ, Греціи, Египтѣ, Индіи. Третій и четвертый томы будутъ посвящены Цей-

лону, Явѣ, Сіаму, Китаю, Японіи и Сибири. Около шестидесяти печатныхъ листовъ текста—богато иллюстрируются; всѣхъ иллюстрацій будетъ не менѣе четырехъ сотъ, и всѣ онѣ исполняются извѣстнымъ художникомъ Н. Н. Карзиннымъ. Художественнымъ исполненіемъ дѣла занята фирма Брокгаузъ. Параллельно съ русскимъ издаваніемъ, выйдутъ нѣмецкій, англійскій и французскій переводы, дѣлающіеся подъ непосредственнымъ наблюденіемъ автора, князя Э. Э. Ухтомскаго.

— Недавно исполнилось 50-лѣтіе учено-литературной дѣятельности **Платона Вас. Павлова**. Онъ родился въ 1823 г. въ Нижегород. губ.; образованіе свое завершилъ въ 1844 въ педагогическомъ ин-ѣ. Въ 1847 магистръ греческой словесности (въ 1849—докторъ историческихъ наукъ) П. В. занялъ кафедру русск. исторіи въ кievск. ун-ѣ (послѣ Костомарова), истор. филологич. факультетъ котораго славился тогда своими превосходными профессорами. Съ 1875 П. В. профессорствовалъ по кафедрѣ теоріи и исторіи искусствъ. Онъ основатель при к. ун-ѣ художественный музей и положилъ начало специальной при немъ библиотекѣ по части художествъ. Учено-литературная дѣятельность П. В. началась ровно полвѣка назадъ въ «Отеч. Запискахъ», и затѣмъ за все продолжительное время онъ напечаталъ много сочиненій по греч. словесности, исторіи русской и всеобщей, археологіи, статистикѣ и по части изящныхъ искусствъ. Особенно извѣстно его соч. «Тысячелѣтіе Россіи» (1862).

— 28 іюня умеръ въ Москвѣ протопресвитеръ Большого Успенскаго собора и заслуженный орд. проф. богословія въ моск. ун-ѣ, прот. **Николай Александровичъ Сергіевскій**. Онъ род. 1827 въ г. Коломнѣ, образованіе получилъ сначала въ моск. дух. сем., а затѣмъ петерб. дух. академіи, въ которую поступилъ, какъ выдающійся по своимъ способностямъ и познаніямъ, 17 л. юношею, еще за два года до окончанія полнаго семин. курса, т. е. прямо изъ средняго философскаго класса. По окончаніи курса академіи вторымъ магистромъ (первымъ былъ записанъ І. Л. Янышевъ, нынѣ духовникъ И. В.), въ 1849 былъ оставленъ при той же академіи бакалавромъ по кафедрѣ физико-матем. наукъ, но въ слѣд. 1850 переведенъ въ томъ же званіи въ моск. д. академію; въ 1854 принявъ рукоположеніе во священника и въ то время посѣщалъ между прочимъ работный домъ для дух. назиданій призрѣваемыхъ въ немъ людей; въ 1858 назначенъ орд. профессоромъ сначала богословія, логики и психологіи, а съ 1861 одного богословія въ моск. ун-ѣ и настоятелемъ универс. храма. Теперь его дѣятельность измѣнилась и сосредоточилась главн. образомъ на поприщѣ науки и литературы. Н. А. не только измѣнилъ господствовавшій до него догматическій методъ преподаванія этого предмета въ м. ун-ѣ, но содѣйствовалъ измѣненію его и въ остальныхъ унив-ахъ. Въ 1861 м. Филаретомъ, высоко цѣнившимъ покойнаго Н. А., и по соглашенію подлежащихъ вѣдомствъ, онъ былъ командированъ въ универс. города для совѣщанія съ профессорами богословія о методахъ наилучшаго преподаванія этого предмета въ нашихъ унив-хъ. Н. А. былъ того мнѣнія, что въ унив-ахъ слѣдовало читать апологію основныхъ христ. истинъ; онъ съ тактомъ и силою отстаивалъ самостоятельность богословской кафедры въ нашихъ унив-хъ. Унив. его лекціи были живы и увлекательны по изложенію, и аудиторія его всегда была полна: онъ имѣлъ тысячи учениковъ. Унив-тъ высоко цѣнилъ Н. А. и выбиралъ его, послѣ 25 лѣтій, сряду три пятилѣтія снова въ профессора, даже во время его протопресвитерства. Сочиненія Н. А. б. ч. апологетическаго характера: «Объ основныхъ истиннахъ христіанства»; О библейской исторіи творенія въ связи съ естественною; «Вѣчная жизнь» (переводъ) Э. Навиля, «О сущности христіанства» Гизо

(переводъ); онъ издалъ свои универс. лекціи. Покойный пользовался извѣстностью даровитаго оратора. Проповѣди свои Н. А. произносилъ всего чаще въ унив. храмѣ въ праздн. дни и непременно въ «Гатьянинъ день». Излюбленною ихъ темою были вопросы объ отношеніи между вѣрою и знаніемъ, разумомъ и откровеніемъ. Н. А. въ 1860 основалъ богословскій (первый въ Москвѣ) ж. «Православное Обзорѣніе» и издавалъ его 10 л. Въ 70-хъ годахъ Н. А. предпринялъ рядъ публичныхъ лекцій объ основныхъ истинныхъ христіанства. Въ 1883 онъ былъ избранъ почетн. членомъ петерб. д. академіи, а въ 1884 назначенъ про-топресвитеромъ Б. Успенскаго собора и членомъ м. синод. конторы.

— 12 іюля исполнилось 100 л. со дня рожденія кн. Петра Андр. Вяземскаго. Вяземскій—русскій поэтъ-писатель, орд. академикъ по отд. русск. языка и словесности, другъ Карамзина, Жуковскаго и Пушкина, пережившій нѣсколько литературныхъ направленій. Съ 1808—1878 г. онъ написалъ множество стихотвореній, рядъ критическихъ статей, нѣсколько историко-литературныхъ монографій, большое количество записокъ и замѣтокъ. Жизнь его связана съ лучшими преданіями русскаго просвѣщенія.

Болѣе чѣмъ въ полувѣковую свою литературную дѣятельность Вяземскій внимательно относился ко всѣмъ крупнымъ явленіямъ нашей литературы; въ лицѣ его мы наглядно видимъ борьбу искусственной теоріи французскаго классицизма, на которой онъ былъ воспитанъ, съ наплывомъ идей и понятій, выработанныхъ повдѣйшею наукою. Въ 1861 году полувѣковая литературная дѣятельность князя Вяземскаго была почтена юбилеемъ, устроеннымъ президентомъ и членами россійской академіи. Кн. Вяземскій началъ службу въ 1812, поступивъ въ гусарскій полкъ графа Мамонова, находился въ сраженіи при Бородинѣ, затѣмъ служилъ по министерству финансовъ, въ которомъ занималъ мѣсто вице-директора департамента внѣшней торговли, и въ 1846 году управлялъ заемнымъ банкомъ. Въ 1855 году достигъ чина тайнаго совѣтника, съ назначеніемъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, и затѣмъ званій сенатора и гофмейстера. Вяземскій умеръ 86 лѣтъ, 10-го ноября 1878 года въ Баденъ-Баденѣ; за два дня до своей кончины онъ написалъ извѣстное свое предсмертное стихотвореніе «Хочу я волю дать молитвѣ и слезамъ».

— Въ концѣ нынѣшняго года предполагается открытіе въ Константинополѣ спеціальнаго института, устраиваемаго Императорскимъ московскимъ археологическимъ Обществомъ, для всесторонняго изученія Востока и населяющихъ его народовъ.

— Въ настоящемъ году исполнится шестьдесятъ лѣтъ существованія кронштадтской бібліотеки военно-морского вѣдомства. Основанная въ 1832 году, при 2,000 книгъ, кронштадтская морская бібліотека въ настоящее время обладаетъ 44,318 сочиненій въ 75,000 томахъ.

— Педагогическій музей военно-учебныхъ заведеній, избравъ три темы на сочиненіе чтеній для солдатъ: 1) «Какъ основалось, собиралось и крѣпло наше государство»; 2) «Полтавская битва» и 3) «Бородинское сраженіе», объявилъ на нихъ конкурсъ. Срокъ для представленія сочиненій назначенъ не позже 15-го ноября текущаго года.

— Въ память скончавшейся въ прошломъ году камеръ-фрейлины, графини А. Д. Блудовой, острожское кирило-меоводіевское православное братство, обязанное своимъ устройствомъ покойной графинѣ, учреждаетъ два новыхъ, ея имени, женскихъ начальныхъ народныхъ училища съ ремесленными отдѣленіями.

— Ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія назначилъ послѣдній срокъ—1-го ноября для представленія конкурсныхъ сочиненій на соисканіе

въ будущемъ 1893 году преміи императора Петра Великаго по группѣ: «русскаго языка съ церковно-славянскимъ и словесностью и логикою».

— Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» (Москва) печатаются живо набросанные очерки политической жизни современной Греціи, читающіеся съ интересомъ.

— 28 іюля въ Москвѣ праздновался 50—л. юбилей служебной дѣятельности предсѣдательствующаго въ московскомъ присутствіи опекунскаго совѣта, директора Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ **Василія Андреевича Дашкова**. Юбиларь посвятилъ свою полувѣковую дѣятельность разнымъ московскимъ учрежденіямъ административнымъ, научнымъ, воспитательнымъ и благотворительнымъ. Съ 1860 по 1867 г. онъ былъ помощникомъ попечителя моск. уч. округа. Въ это время перенесенъ изъ Петербурга въ Москву Румянцевскій Музей и В. А. былъ назначенъ директоромъ его. Съ 1868 г. онъ состоитъ почетнымъ опекуномъ, а въ последнее время попечителемъ моск. женск. гимназіи вѣдомства имп. Маріи. Онъ числится вице-президентомъ м. художественнаго общества. Публичный музей называется дашковскимъ, такъ какъ онъ своимъ открытіемъ и существованіемъ обязанъ главн. обр. В. А. Дашкову.

— По даннымъ Варшавскаго статистическаго комитета, въ Царствѣ Польскомъ къ концу 1891 г. числилось 1.134.268 д. еврейскаго населенія, т. е. 13,9% общаго числа жителей края, опредѣляемаго въ 8.188.148 д. Въ городахъ евреи составляютъ 50,6% (въ Варшавѣ 33%), въ селеніяхъ же—7,6%. По губерціямъ они распредѣлены такъ: въ ломжинской губ. 17,3%; въ сѣдлецкой 16,6%; въ сувалкской 16,3%; въ радомской 14,3%; въ люблинской 13,7%; въ петроковской 12,2%; въ кѣлецкой 11,5%; въ плочкой 11%; въ варшавской 11%; въ Калишской 8,7%. Такимъ образомъ, число евреевъ убываетъ по мѣрѣ движенія отъ В. къ З., гдѣ ихъ мѣсто занимаютъ нѣмцы. Въ утѣшеніе жителей Царства Польскаго можно сослаться на то, что въ сѣверозападныхъ губерніяхъ, именно: гродненской, виленской и ковенской евреи составляютъ 20% населенія.

— Въ послѣднее пятилѣтіе стала возрастать эмиграція изъ Россіи (Польши, Финляндіи и западныхъ губерній) въ Америку.

Въ 1886 году	выселилось	33.783	чел.
” 1888 году	”	39.307	”
” 1890 году	”	85.548	”
” 1891 году	”	109.515	”

черезъ Бременъ, Гамбургъ и другіе нѣмецкіе порты. Общее же число переселенцевъ въ 1891 г. достигло 120.000 ч. Правда это немного на 100 миллионное населеніе Россіи. Къ тому же выселяются б. ч. инородцы, особенно евреи и поляки. Все же фактъ направленія и русской эмиграціи въ Америку, а не въ Азію, заслуживаетъ вниманія и разъясненія.

— Въ память исполнившагося десятилѣтія существованія Имп. Палестинскаго общества учреждены новыя стипендіи при духовныхъ семинаріяхъ для православныхъ арабовъ, уроженцевъ іерусалимской, антиохійской и александрійской патриархіи.

— Г. Сибиряковъ выработалъ проектъ соединенія Сибири съ Европейскою Россією посредствомъ канала между рр. Печорою и Сѣв. Двиною на З., а Иртышомъ и Обью на В.

— Въ апр. 1892 г. вышелъ I т. Архива Дирекціи Императорскихъ театровъ. Въ него вошли документы о развитіи въ Россіи театральнаго дѣла съ 1746 по 1801 г. а именно: I) опись 4.960 документовъ, II) полный текстъ 664 док. и III) систематическій сводъ свѣдѣній о театрахъ означеннаго времени.

— Извѣстный московскій канонисъ проф. А. С. Павловъ издалъ недавно соч.:

Минимые слѣды католическаго вліянія въ древнѣйшихъ памятникахъ юго-славянскаго и русскаго церковнаго права (М. 1892). Книга эта представляетъ собственно рецензію на соч. проф. Суворова: *Слѣды западно-католическаго церковнаго права въ памятникахъ древняго русскаго права* (Ярославль, 1888 г.). Проф. Павловъ оспариваетъ главные выводы ярославскаго канониста и считаетъ вовсе недоказанною его гипотезу о католическихъ вліяніяхъ на древне-славянское церковное право.

— 27 авг. въ Стрѣгѣ предположено Генеральное собраніе членовъ общества имени Михаила Начовскаго. На немъ предположено освященіе хоругви этого дѣятельнаго и полезнаго общества, насчитывающаго до 5000 членовъ. Во главѣ его стоитъ заслуженный ветеранъ галицкой Руси Б. А. Дѣдицкій, секретаремъ же—И. Н. Пелехъ.

Феодоръ Ивановичъ Бѣлоусъ. Покойный **Ф. И.** не принадлежалъ къ числу особенно даровитыхъ людей; несмотря на то онъ былъ своего рода знаменитостью—героємъ самоотверженія для блага своего народа. Во всю жизнь онъ отказывалъ себѣ въ самомъ необходимомъ съ единственной цѣлью облегчить страданія другихъ, поддержать угнетенный народъ. Подобные типы могутъ выработываться лишь при столь своеобразныхъ отношеніяхъ, какія существуютъ въ теперешней Галичинѣ для русскіхъ. Только благодаря подобнымъ личностямъ успѣли русскіе галичане воскресить свою замиравшую народность и отстоять ее противъ вражескихъ затѣй.

Ф. И. родился въ 1828 г., въ посадѣ Витковѣ, отъ убогихъ крестьянъ. Обучившись польской и нѣмецкой грамотѣ въ мѣстной школѣ и въ городѣ Бродяхъ, онъ поступилъ въ Львовскую гимназію. Еще мальчикомъ обнаружилъ онъ свойственную себѣ энергію и умѣлость зарабатывать себѣ въ Бродяхъ пропитаніе уроками и даже помогая бѣднымъ родителямъ своими малыми сбереженіями. Такъ же содержалъ онъ себя въ гимназіи. Только теперь, во Львовѣ, научился онъ русской грамотѣ и церковному пѣнію, притомъ частнымъ путемъ, ибо тогда въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Галичины русскій языкъ вовсе преподавался. Въ 1846 г. **Ф. И.** поступилъ во львовскую униатскую духовную семинарію, по окончаніи которой онъ не пожелалъ однако рукоположиться въ священники, а рѣшилъ посвятить себя учительскому званію. Выдержавъ съ отличіемъ испытаніе на учителя исторіи и географіи, **Ф. И.** получилъ мѣсто при новооткрытой польской гимназіи во Львовѣ, откуда нѣсколько лѣтъ спустя былъ переведенъ въ Тарнополь.

Здѣсь начинается его энергичная общественная дѣятельность. Главною цѣлью его усилій, которой онъ остался вѣренъ до конца жизни, было экономическое и умственное развитіе галицко-русскаго народа. Изъ скуднаго своего жалованья онъ сберегалъ столько, что жертвовалъ по 100 и 200 гульд. на учрежденіе ссудо-сберегательныхъ кассъ въ тѣхъ городахъ и посадахъ, гдѣ было русское мѣщанство, какъ напримѣръ въ Тарнополь, Микулинцахъ, Львовѣ, Витковѣ, Самборѣ и др. Кассы эти основывалъ онъ при церквяхъ, желая такимъ образомъ соединить экономическій трудъ съ церковною жизнью и предохранить русское мѣщанство отъ нравственной порчи, находящей самую удобную почву въ условіяхъ городской жизни. Русскіе галичане не могли не оцѣнить по достоинству заслугъ **Ф. И.**—ча и двукратно, въ 1861—1866 гг. и 1871—1876 гг., избирали его въ депутаты львовскаго сейма. Въ этомъ званіи онъ старался осуществить свои замыслы объ улучшеніи экономическихъ отношеній городовъ и посадовъ путемъ областного законодательства и въ 1875 г. предложилъ сейму проектъ учрежденія промышленныхъ школъ въ Галичинѣ. Вслѣдъ затѣмъ должны были пойти другіе законопроекты по промышленнымъ дѣламъ. Но къ сожалѣнію

Ө. И-чу не удалось осуществить своего намѣренія, ибо при новыѣ выборахъ въ сеймъ онъ не попалъ въ депутаты. Но все-таки мысль его не погибла. Воспользовались ею гр. Владиміръ Дѣдушицкій и покойный д-ръ Николай Зыбликевичъ, по настоянію которыхъ сеймъ учредилъ немалое число промышленныхъ школъ, существующихъ до сихъ поръ.

Новое поприще открылось для дѣятельности Ө. И., когда онъ былъ назначенъ директоромъ новооткрытой прогимназіи въ Коломыѣ. Въ этомъ городѣ кромѣ евреевъ есть русскіе мѣщане и чиновники, которые не сознавали однако своей народности и употребляли разговорный польскій языкъ. Ө. И. немедленно завязалъ сношенія съ мѣщанами и чиновниками и склонилъ ихъ учиться по-русски, выписывать русскія газеты, покупать русскія книги и употреблять въ разговорѣ русскій языкъ. Такимъ образомъ Коломыя становилась понемногу русскимъ городомъ и вмѣстѣ оагомъ русской умственной жизни. И здѣсь Ө. И. старался упрочить народную жизнь и положеніе церкви, учредивъ для этого братство архистратига Михаила, которое послужило духовной связью для мѣщанъ и интеллигентнаго класса. Починомъ Ө. И. возникъ позже (въ 1867 г.) и особый русскій клубъ, подъ названіемъ «Русская Бесѣда».

Благодаря дѣятельности Ө. И., Коломыя наряду со Львовомъ и Перемышлемъ стала третьимъ центромъ народнаго движенія Галицкой Руси, а во многомъ даже опередила два послѣднихъ города, особенно съ той поры, когда Ө. И. вызвалъ въ Коломыю своего брата, Михаила, и учредилъ для него типографію. Иждивеніемъ Ө. И. здѣсь печатались различныя сочиненія по сельскому хозяйству и поучительнаго содержанія, мѣсяцесловы, популярная газетка «Голось Народный» и юмористическое «Фуркало». «Голось Народный» прекратилъ вскорѣ свое существованіе, вслѣдствіе заключенія въ тюрьму редактора, Михаила Бѣлоуса.

Коломыйскою типографіею воспользовался жившій недалеко отъ Коломыи, въ Стрѣльцѣ, возлѣ Городенки, о. Іоаннъ Наумовичъ. Онъ сталъ издвать здѣсь «Русскую Раду», а также «Науку» и учредилъ въ 1870 г. славное общество имени Качковскаго, такъ много содѣйствовавшее просвѣщенію народа и развитію Галицкой Руси. Дѣятельность Ө. И. послужила такимъ образомъ подготовкою для подвиговъ о. Наумовича, получившаго во многомъ поощреніе и наставленіе отъ Ө. И.

Дальнѣйшею заботою Ө. И. было готовить русскую молодежь къ дѣятельности на поприщѣ государственномъ, школьномъ, торгово-промышленномъ, дабы такимъ образомъ усилить свѣтскую интеллигенцію Галицкой Руси. Какъ директоръ гимназіи, онъ уговаривалъ коломыйскихъ мѣщанъ и окрестныхъ поселянъ опредѣлять въ нее болѣе способныхъ мальчиковъ. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ Ө. И. садился бывало на первую попавшуюся телѣгу, чтобы у сельскихъ учителей и священниковъ развѣдать о одаренныхъ сельскихъ мальчикахъ и помочь имъ поступить въ гимназію. Такимъ образомъ число русскихъ учениковъ въ коломыйской гимназіи вскорѣ увеличилось; по улицамъ города все чаще можно было видѣть мальчиковъ въ крестьянскомъ платьѣ, бѣгущихъ съ книжками въ рукахъ въ школу. Такъ какъ молодежь эта была бѣдна, то Ө. И. основалъ, при помощи коломыйскаго приходника о. Луки Данкевича, пріютъ для нея, подъ названіемъ бursы. На собственные средства нанялъ онъ для этой цѣли домъ, пропитаніе же доставляя сосѣдніе священники и крестьяне. Такимъ образомъ въ бурсѣ находили пріютъ 40—50 учениковъ. Это была первая изъ содержимыхъ на добровольныя пожертвованія бурсъ. По ея образцу устроены были потомъ подобныя пріюты для учащейся молодежи въ другихъ

городахъ Галичины. Для усиленія фондовъ коломыской бursы Ѡ. И. устроилъ у всѣхъ въѣздовъ въ городъ часовни съ кружками, въ которыя пріѣзжіе бросали мелкія подаванія, составлявшія въ годъ свыше 1000 гульденовъ. Половина этой суммы шла въ пользу бursы, прочее употреблялось для мѣстныхъ церквей.

Дальнѣйшей благотворной дѣятельности Ѡ. И. въ Коломѣ помѣшали политическія обстоятельства. Когда послѣ пораженія Австріи при Садовой въ 1866 г. у насъ восторжествовала политика Бисмарка, склонявшая Австрію искать для внѣшней своей дѣятельности новаго поприща на Востоцѣ, въ Галичинѣ стали верховодничать поляки. Всемогущій намѣстникъ ея, гр. Голуховскій, поощряемый канцлеромъ гр. Бейстомъ, со свойственной себѣ энергіей принялся за ослабленіе и подавленіе русскаго элемента. Видя въ Ѡ. И. практическаго и по его мнѣнію опаснаго для новаго направленія внѣшней государственной политики дѣятеля, Голуховскій перевелъ его въ 1868 г. въ чисто польскую западную Галичину, на должность директора прогимназіи въ Бохнѣ. Отторгнутый отъ своего народа, Ѡ. И. не могъ дѣйствовать въ его пользу съ такимъ успѣхомъ, какъ прежде. Но любовь къ Руси и готовность жертвовать собою для ея блага не переставали его воодушевлять. У него былъ списокъ всѣхъ чиновниковъ, учителей и священниковъ русскаго происхожденія въ Галичинѣ и Буковинѣ. Къ нимъ высылалъ онъ ежедневно письма, утверждая всѣхъ въ любви къ русской церкви, языку, народности, въ мужественномъ служеніи русско-народному дѣлу. Эти письма были странны по внѣшнему виду, написаны на клочкахъ старой бумаги, ибо Ѡ. И. былъ крайне бережливъ, но берегаль онъ деньги не для себя, а для народа, зная его бѣдность и нужду.

Филантропизмъ Ѡ. И. обнималъ не однихъ русскихъ, но простирался также и на польскій народъ западной Галичины. Его усиліями основанъ былъ въ Бохнѣ фондъ для поддержки бѣдныхъ крестьянскихъ дѣтей, посѣщавшихъ гимназію. Польская шляхта на это смотрѣла косо, подозрѣвая въ Ѡ. И. «панмосковскіе», панславистическіе и социалистическіе замыслы.

Не было галичанина, который бы не зналъ Ѡ. И.—одни лично, другіе по слуху. Довольно высокаго роста, бѣлокурый, съ голубыми глазами и правильными чертами лица, Ѡ. И. былъ весьма симпатичною личностью, несмотря на крайнюю небрежность въ туалетѣ, обусловленную его крайнею бережливостію. Отказывая себѣ во всѣхъ удобствахъ жизни, онъ даже не нанималъ себѣ квартиры, а помѣщался гдѣ нибудь въ углу канцелярской комнаты, на харчахъ же былъ у дворника школьнаго зданія. Только въ послѣдніе годы своего пребыванія въ Бохнѣ онъ принужденъ былъ по требованію начальства нанять себѣ частную квартиру. При такихъ скромныхъ потребностяхъ Ѡ. И. могъ берегать почти цѣлое свое жалованье и употреблять его на общенародныя цѣли.

Ѡ. И., хотя другихъ женилъ, самъ всю жизнь остался холостякомъ. Рассказываютъ, что причиною того было одно неудачное сватовство его на дочери священника, который былъ возмущенъ желаніемъ жениха устроить на приданое пріютъ для бѣдныхъ дѣвочекъ.

Быть можетъ это обстоятельство обратило вниманіе Ѡ. И. на недостатки женскаго образованія въ Галицкой Руси, ибо кромѣ промышленныхъ дѣлъ, народнаго образованія и церковныхъ отношеній его очень занимала мысль улучшить женское воспитаніе, чтобы приготовить, для русской свѣтской интеллигенціи, чиновниковъ и учителей, хорошихъ патріотическихъ и образованныхъ жёнъ. Образованный мірянинъ, желая имѣть русскую жену, слѣд. русскій домъ, можетъ въ Галичинѣ найти невѣсту почти исключительно въ священническихъ домахъ. Но большинство священниковъ по недостатку средствъ не дають своимъ

дочерямъ почти никакого образованія, пріучая ихъ единственно читать и писать по-польски, кланяться и танцовать, а для завершения такого образованія предлагая чтеніе польскихъ романовъ. Другіе, болѣе зажиточные, отдають своихъ дочерей въ польскіе пансіоны, гдѣ ихъ учать играть на роялѣ и болтать по-нѣмецки и по-французски. Такое воспитаніе производитъ женъ и матерей, вовсе не понимающихъ своего призванія. Единственное «воспиталище» для русскихъ дѣвочекъ съ разумнымъ направленіемъ существуетъ въ Яворовѣ, подъ управленіемъ инокинь-василіанокъ, но оно не можетъ удовлетворить потребностямъ всей Галицкой Руси. Покойный *Э. И.* всю жизнь копилъ средства для открытія новаго женскаго пансіона и на смертномъ одрѣ завѣщаль для этой цѣли свой двухэтажный домъ въ Коломыѣ.

Источникомъ такого самоотверженія *Э. И.* было глубокое религиозное чувство. Онъ всецѣло былъ преданъ церкви и, горячо любя славянскій обрядъ, каждое воскресенье и праздникъ присутствовалъ на обѣднѣ, читалъ изъ апостола и пѣлъ на клиросѣ. Изъ Бохни ему приходилось ѣздить къ обѣднѣ по желѣзной дорогѣ въ Краковъ.

Э. И. много путешествовалъ. Онъ изѣздилъ всю Европу, сѣверную Африку и Малую Азію. Выслуживъ 30 лѣтъ въ учительскомъ званіи и получивъ отставку въ 1888 г. онъ предпринялъ еще одно путешествіе въ Святую землю, описанное имъ въ львовскомъ журналѣ «Бесѣда», позже изданное особо въ трехъ частяхъ.

Возвратившись изъ путешествія, *Э. И.* не участвовалъ болѣе въ публичной жизни, ибо ему пригрозили отнятіемъ жалованія, если будетъ заниматься «политикою», подъ которой въ Галичинѣ разумѣютъ литературную дѣятельность, основаніе читаленъ и ссудо-сберегательныхъ кассъ и всякій трудъ на пользу просвѣщенія народа. Кромѣ того преклонный возрастъ и долгое заточеніе въ западной Галичинѣ ослабили его энергію, такъ что онъ желалъ въ покоѣ окончить жизнь.

Хотя его дѣятельность была направлена главнымъ образомъ на практическую сторону жизни, тѣмъ не менѣе онъ принималъ живое участіе и въ литературномъ движеніи галицкой Руси, составляя статьи для періодическихъ изданій и цѣлыя сочиненія. Вотъ списокъ главнѣйшихъ изъ нихъ: 1) Сѣверная любовь. Львовъ, 1851. 2) Весна. Сборникъ, Львовъ, 1852. 3) Записки школяря—путника. Львовъ, 1853. 4) Древнія зданія, 1858. Описаніе иконъ, находящихся въ церквахъ гор. Львова. 6) Благовонная Китица. Львовъ, 1858. 7) Церкви русскія въ Галиціи и Буковинѣ. Коломыя, 1877. 8) Зоря на русскомъ небосклонѣ. Коломыя, 1878. 9) Марѳа-гарная момица. Коломыя, 1878. 9) Нѣсколько русскихъ и румынскихъ грамотъ. Коломыя, 1880. 10) Грицко Вардинъ Мочиморда. Коломыя, 1880. 11) Исторія князей Острожскихъ. Львовъ, 1883. 12) Ивана Федоровича. Афоризмы и Гадки. Переводъ изъ польскаго. Коломыя, 1882.—1883. 13) Путевыя записки. Львовъ и Коломыя, 1889. 3 части.

Э. И. скончался 27 февраля 1892 г. на 65 году жизни. Его смерть возбудила всеобщее сожалѣніе, даже у тѣхъ, которые при жизни считали его чудникомъ. Дѣйствительно, человекъ, добровольно обрекавшій себя на лишенія всю жизнь и трудившійся для блага своего народа, многимъ могъ казаться чудаккомъ. Но еслибы не онъ и сходный съ нимъ по нраву и образу жизни Михаилъ Качковскій, Галицкая Русь никогда не обнаружила бы столько стойкости и силы въ виду враждебнаго напора, сколько мы видѣли въ послѣднее время. Честь и слава этому герою человекѣлюбія и патриотическаго самопожертвованія! Да послужитъ онъ образцомъ добродѣтели для своихъ и чужихъ!

Червонорусъ.

— Въ Вѣнѣ организовано галицко-русское общество «Громада», въ составъ котораго входятъ студенты и живущіе въ Вѣнѣ русскіе рабочіе. При обществѣ имѣется читальня. Предсѣдателемъ состоитъ ректоръ русской семинаріи о. Сембратовичъ. Между членами не мало красныхъ и сепаратистовъ.

— Во Львовѣ открыто новое русское страховое общество «Дитѣръ», на началахъ взаимности. Паи этого общества разобраны: 137 священниками, 148 свѣтскими лицами, 27 обществами, 29 женщинами и 9 крестьянами. Во главѣ общества стоитъ И. Березницкій. Оно имѣетъ слегка младорусскую окраску.

— Во Львовѣ приступлено къ учрежденію русскаго гимнастическаго общества «Соколы», по образцу «Соколовъ» чешскихъ и польскихъ. Сепаратисты хотѣли назвать это общество «Сѣчью», но большинство высказалось за чешское названіе гимнастовъ «Соколми».

— Въ 1894 г. во Львовѣ предположена «Краевая выставка», на подобіе бывшей недавно въ Пргѣ. Во главѣ организационнаго комитета стоитъ кн. Адамъ Сапѣга. Судя по исключительно польскому составу этого комитета, выставка будетъ не столько «краевая», сколько галицко-польская.

— Съ 1 сент. въ г. Самборѣ открывается новая учительская семинарія, по требованію русскаго населенія. Вѣроятно она будетъ по языку утранивистскою, т. е. польскою, какъ и всѣ прочія учительскія семинаріи въ Галичинѣ.

— 12—24 сент. въ Перемышльской епархіи предположено отпраздновать 45-лѣтіе со дня смерти незабвеннаго перемышльскаго епископа Іоанна Сѣвѣрскаго. Осенью же или зимою состоится перенесеніе его гроба въ особо сооруженную для того часовню въ Перемышлѣ.

— Въ 1867 г., при началѣ австроугорскаго дуализма въ Галичинѣ, лишь 38 имѣній принадлежали евреямъ. Три года спустя ихъ было уже 68; въ 1876 г.—289; въ 1892 г.—684, изъ общаго числа 3.700 крупныхъ имѣній. Сверхъ того евреи скупили тамъ 43.000 крестьянскихъ надѣла. Большая часть галицкой земли находится уже въ еврейскихъ рукахъ. Лѣтъ черезъ 20, при такой прогрессіи тамъ вовсе не останется христіанскихъ землевладѣльцевъ..

— 4—16 іюня во Львовѣ происходило вѣче еврейскихъ студентовъ университета и политехники, обсуждавшее вопросъ, слѣдуетъ ли евреямъ стремиться къ слиянію съ поляками (polak mojżeszowego wuzpania) или, наоборотъ, къ образованію отдѣльной народности, впоследствии и отдѣльнаго государства, въ Палестинѣ или въ другой странѣ (не въ Галичинѣ ли?). Большинство высказалось противъ ассимиляціи евреевъ съ поляками, вслѣдствіе чего образовано особое еврейско-студенческое общество: «Юшмиась Ахимъ». Упадокъ польскаго вліянія на евреевъ выразился и въ закрытіи газеты «Ojczyzna», бывшей органомъ еврейскаго союза: «Агудась Ахимъ».

— Изъ отчета Іезуитской гимназіи въ г. Хыровѣ въ Галиціи видно, что въ ней воспитывается 367 учениковъ, б. ч. русскаго происхожденія. Плата въ дешевомъ (sic) отдѣленіи 250—350 гульд., въ дорогомъ же 500—600 гульд. Сверхъ гимназическихъ предметовъ тутъ преподаются для желающихъ музыка, фехтованіе и языкъ «россійскій». Послѣдній принятъ вѣроятно въ интересахъ пріѣзжихъ учениковъ изъ Россіи.. Гимназія эта скоро получитъ и для высшихъ классовъ право государственной публичности.

— 16 іюня въ Бродяхъ происходилъ XXVI-ый общій съѣздъ галицко-польскаго педагогическаго общества. Изъ отчета о его дѣятельности за время съ 16 іюня 1891 по 16 іюня 1892 г. узнаемъ, что въ Обществѣ этомъ находится теперь болѣе 3000 членовъ, б. ч. сельскихъ и городскихъ учителей, причемъ оно имѣетъ въ Галичинѣ 61 отдѣлъ и 166 кружковъ (kolek). Органомъ обще-

ства служить журналъ: Szkoła. Благодаря стараніямъ Общества положеніе сельскихъ учителей улучшилось: ихъ жалованье возвышено отъ 370 до 350 и 400 гульд.; выдана пятилѣтняя прибавка къ жалованью; число этихъ пятилѣтокъ объявлено неопредѣленнымъ; есть надежда на назначеніе единовременнаго пособия по случаю дороговизны. Втеченіе отчетнаго года общество издало «сверхъ «Школы» (до 80 печ. лист.) 16 сочиненій, 6 ч. шимольныхъ пособій то для учениковъ, то для учителей. На средства Общества содержалось 24 стипендіата въ бурсахъ; имъ же организованы были каникулярныя колоніи въ Бескидахъ для 102 мальчиковъ. Активъ Общества простирается до 30.000 гульд.; сверхъ того фондъ бурсъ до 6.000 гульд. На изданіе «Школы» и другихъ книгъ было израсходовано болѣе 20.000 гульд., которые вѣтъмъ выручены отъ продажи изданій.

— Изъ отчета краковского «Towarzystwa oświaty ludowej» за 1891 г. узнаемъ, что общество это учредило до сихъ поръ 460 читальнъ и снабдило ихъ книгами въ количествѣ 68.921 экземпляровъ, на сумму 16.897 гульд. Изъ 11-ти популярныхъ лекцій, устроенныхъ обществомъ въ Краковѣ, отчетъ выдвигаетъ особенно чтенія проф. Миклашевскаго о конституціи 3 мая, послужившія основой для такихъ же чтеній во всѣхъ прочихъ читальняхъ края. При организаціи отдѣловъ общества помогаютъ ему особые делегаты, которыхъ теперь 23. Успѣшно развивается-де учрежденная обществомъ 2 г. назадъ школа для женской прислуги. Предположено издавать журналъ для ремесленниковъ, на который уже собрано 1.480 гульд. Общая сумма доходовъ общества въ 1891 г. простиралась до 5.549 гульд. Съ нынѣшняго года дѣятельность общества распространена и на австр. Слезію.

— Конференція краковскихъ городскихъ школъ въ засѣданіи 1 іюня опредѣлила ввести вертикальное письмо вмѣсто наклоннаго, по причинамъ гигиеническимъ и дидактическимъ.

— Младопольскій кружокъ студентовъ краковского университета издаетъ особый органъ: «Młode Słowo», въ которомъ пропагандируетъ идеи социальной реформаціи и демократизма. Въ № 3 этого изданія помѣщено между прочимъ ст. Казимира Моровекаго: «Boże sąja chrani», въ которой авторъ разъясняетъ причину колебанія чешскихъ «соколовъ» между «Еще Польшка не агиненла» и «Боже, царя храни». Чехи руководятся-де при этомъ инстинктомъ самосохраненія отъ нѣмцевъ, но ошибаются-де въ томъ, что видятъ спасеніе славянства въ союзѣ съ Россіей, а не подъ вѣгидю Польши!.. Интересно-де знать, какой Польшки: феодально-клерикальной или «социально-демократической»? Польскія газеты называютъ г. Маровскаго славянофиломъ. Но отъ этого славянофильства недалеко до г. Поповскаго, который въ Вѣнскомъ рейхсратѣ произнесъ демонстративно, что «славянство не стоитъ въ его глазахъ и шепоти табаку»...

— Извѣстный польскій живописецъ Матейко подарилъ «польскому народу» свою новую картину: «Актъ конституціи 3-го мая». Она будетъ пока помѣщена въ львовскомъ сеймовомъ залѣ, какъ единственномъ представительномъ собраніи «польскаго народа»...

— Во Львовѣ отпраздновано недавно 50-лѣтіе литературной дѣятельности проф. Ант. Малацкаго. Онъ род. въ 1821 г. въ Познанской области, воспитывался въ берлинскомъ университетѣ и служилъ вѣтъмъ въ званіи учителя по-нанской гимназіи, а потомъ профессора классической филологіи въ краковскомъ (1850 г.) и инсбрукскомъ (до 1856 г.) университетахъ. Съ 1856 г. онъ переселился во Львовъ, гдѣ преподавалъ польскій языкъ и литературу, до 1873 г. Вѣтъмъ онъ состоялъ кураторомъ Института Оссолинскихъ во Львовѣ. Изъ

научныхъ его работъ особенно извѣстны Польшкая грамматика, Очеркъ о Словацкомъ и Исторія польской литературы.

— Въ Краковѣ уже 5-ый годъ издается обществомъ на паяхъ «*Nova Bibliotheca Uniwersalna*», въ которой помѣщаются научныя и беллетристическія сочиненія лучшихъ авторовъ—оригинальныя и переводныя. Въ N. B. Уп. за 1892 г. напечатаны между прочимъ: соч. кс. Калинки (2 тт.), 2 стт. гр. Ст. Гарновскаго; 2 повѣсти Абгаръ-Солтана; новелла В. Лозинскаго; воспоминанія Шумскаго и др. Цѣна годового изданія (120 печ. лл.) 4 гульд или 9 марокъ.

— Въ г. **Бытомѣ** (прусская Слезія) недавно отпраздновано 25-лѣтіе самаго вліятельнаго изъ мѣстныхъ польскихъ органовъ, «*Katolika*» (*Katolik*). Онъ основанъ К. Мяркою (*Miarka*) и развитъ кс. Радзишевскимъ; теперь же изд. А. Наперальскимъ и Я. Эккертомъ (*Eckert*). Газета эта имѣла значительное вліяніе на подъемъ народнаго сознанія въ средѣ слезскихъ поляковъ.

— 30 сент. въ г. **Познанн** предположено общее собраніе нѣмецкаго *Verein'a für Socialpolitik*. Выборъ мѣста обусловленъ желаніемъ обозрѣть новоучрежденныя нѣмецкія колоніи въ купленныхъ отъ поляковъ имѣніяхъ. Главнымъ предметомъ обсужденія будетъ вопросъ о земледѣльческомъ трудѣ и внутреннихъ переселеніяхъ въ Германіи. Рефератъ прочтетъ проф. Кнаппе изъ Страсбурга. Второю темою обсужденія будетъ: «О распредѣленіи земельной собственности и усиленіи мелкопомѣстнаго владѣнія». Читатъ будутъ проф. Серингъ и Гирке (*Sering, Gierke*) изъ Берлина.

— **О числѣ польскихъ газетъ въ Пруссіи.** Въ Верхней Слезіи выходитъ 7 польскихъ газетъ, изъ нихъ: *Katolik* въ 13.300 экз.; *Prasa* въ 7.000 и *Swiatlo* въ 2.300 экз. Всего же считается тутъ подписчиковъ 35.000 на 1.000.000 жит. Въ княжествѣ **Познанскомъ** выходитъ 10 польскихъ газетъ, въ числѣ 22.000 экз. (между ними 15.000 простонародныхъ изданій). Въ зап. Пруссіяхъ 4 газ. въ 10.000 экз. Въ Варміи 1 газ. съ малымъ числомъ подписчиковъ. Въ Берлинѣ 2 газ., въ 2.000 экз. Въ Вестфалии 1 газ., до 2.000 экз. Такимъ образомъ всѣхъ польскихъ газетъ въ Пруссіи до 37, съ 62.000 подписчиковъ и вѣроятно втрое большимъ числомъ читателей, на 3½ мил. жит. Отсюда видно, что 9/10 поляковъ въ Пруссіи не читаютъ польскихъ газетъ.

— 16—28 іюня въ Прагѣ происходило по лѣ. предсѣдательствомъ г. **В. Наперстна** третье общее собраніе комитета по сооруженію въ Прагѣ **памятника Яну Гусу**. При этомъ было доложено, что пражская городская управа отвела для этого памятника мѣсто на т. наз. «Малой старомѣстской» площади. Конкурсъ на памятникъ объявленъ еще прошлой осенью. Для выбора изъ представленныхъ чертежей лучшаго образована особая комиссія экспертовъ, въ которую вошли: чешскій живописецъ В. Бражикъ, архитекторъ Я. Зитекъ, проф. А. Ирасекъ, эстетикъ д-ръ О. Гостинскій и три французскихъ скульптора: Л. Э. Барріась, М. Ж. Мерсіе и Э. А. Ноель. Собрано на памятникъ пожертвованій болѣе 70.000 гульд. Весь же расходъ предположенъ въ 100.000 гульд. Недостающіе 30.000 комитетъ разсчитываетъ собрать въ непродолжительномъ времени.

— Къ 6-му іюня, какъ памятному дню сожженія **Яна Гуса** въ Констанцѣ, присланы были на его памятникъ вѣнки: 1) отъ чешско-славянскихъ заграничныхъ обществъ: въ Житавѣ, Фюссенѣ, Штутгартѣ, Базелѣ, Майнцѣ, Нюренбергѣ, Парижѣ, Берлинѣ, Саксаменницѣ, Лейпцигѣ, Бременѣ, Мишнѣ, Цюрихѣ, Фюрстѣ, Пфортгеймѣ, Эрфуртѣ, Бѣлградѣ, Лондонѣ, Гамбургѣ и Франкфуртѣ; имена этихъ городовъ были вышиты золотомъ на синей лентѣ этого гигантскаго лавроваго вѣнка; 2) отъ пражскаго комитета по со-

оруженію памятника Гусу, вѣнокъ пальмовый съ красно-бѣлою лентою; 3) отъ чешскихъ студентовъ въ Прагѣ, лавровый вѣнокъ съ красною бархатною чашею по срединѣ и длинной траурной фатою; 4) отъ почитателей въ г. Рокицянѣ, съ трехцвѣтными лентами. По этому случаю городская дума г. Констанца разрѣшила вырѣзать чешскую надпись на монументѣ, который лежитъ на мѣстѣ сожженія славянскаго, мученика.

— 8—20 авг. предположено открытіе въ г. Угорскомъ Бродѣ (въ Моравіи) памятника славному моравянину, родившемуся въ окрестностяхъ этого города, **Амосу Коменскому**. Памятникъ сдѣланъ изъ песчаника, на средства мѣстнаго учительскаго общества. По случаю открытія памятника предположенъ въ этомъ городѣ съѣздъ чешско-моравскаго «учительскаго общества», а также чешско-моравскихъ «соколовъ». Послѣ открытія состоится экскурсія участниковъ въ с. Нивницы, гдѣ въ 1592 г. род. А. Коменскій.

— Въ г. Фульнокѣ (Fulnek) въ Моравіи 19 іюня состоялось открытіе памятника **І. Амосу Коменскому**, который былъ въ этомъ городѣ учителемъ въ 1618—21 гг. Памятникъ состоитъ изъ обелиска съ мраморной доской и нѣмецкой (sic) на ней надписью: Hier lebte I. A. Comenius vom 1618—1621. Торжественную рѣчь держалъ депутатъ рейхсрата Габерманъ. Онъ между прочимъ старался доказать, что Коменскій былъ нѣмецкаго происхожденія, именно изъ фамиліи Schwach! Судя по этой рѣчи, скорѣе можно произвести имя Haberman отъ Schwach, чѣмъ Коменскаго...

— 2 іюня въ Берлинѣ происходило общее собраніе членовъ **чешско-славянскаго общества**, которое служитъ средоточіемъ живущихъ въ Берлинѣ чеховъ, отчасти и другихъ славянъ. Общество владѣетъ библіотекою въ 475 томовъ и выписываетъ много чешскихъ книгъ и журналовъ, поддерживая съ тѣмъ вмѣстѣ и журналъ «Vlast», издаваемый членомъ этого общества г. Грубымъ. Истинно славянское настроеніе его выражается въ томъ, что оно ежегодно справляетъ поминки по Я. Гусѣ. Въ нынѣшнемъ году оно отпраздновало и юбилей І. А. Коменскаго. Во главѣ общества стоитъ г. Мапа. Однимъ изъ дѣятельныхъ его членовъ—редакторъ «Vlasti» В. Грубый.

— По почину чешскаго публициста Ед. Елинка (Jelinek) въ **Крановѣ** организуется **чешско-польское общество**, для поддержанія чешскаго языка и сближенія чеховъ съ поляками. При обсужденіи устава этого возникающаго общества указано было на времена польско-чешскихъ уній—при Пястовичахъ, а затѣмъ при Ягеллонахъ. Настроеніе и духъ возникающаго общества выражается между прочимъ въ томъ, что на учредительномъ его собраніи члены пропѣли сначала: «Kde domów mój», а затѣмъ: «Jeszcze Polska nie zginieła»... Но не сказалъ ли гоо лѣтъ тому назадъ самъ Косцюшко: «Finis Poloniae»!.

— Въ Прагѣ открыто недавно **«Черногорское общество»** (Černohorský Spolek), имѣющее цѣлю помогать тѣмъ черногорскимъ юношамъ, которые пожелали бы получить въ Чехіи, Моравіи или Слезіи специальное образованіе, по части сельскохозяйственной, промышленной и т. п. Во главѣ этого симпатичнаго общества, которое учреждено въ память юбилейной пражской выставки, стоятъ И. В. Брезновскій, І. Голечекъ и І. С. Вилимекъ.

— Вслѣдствіе закрытія въ 1855 г. моравскаго университета въ г. Оломуцѣ (кромя богословскаго факультета), моравяне и слезаки должны на чужбинѣ получать высшее образованіе. Чтобы направить ихъ въ Прагу, учреждено и съ успѣхомъ дѣйствуетъ особое общество: **Radhošť** для вспомошествованія такимъ студентамъ. Оно поддерживаетъ и словаковъ, которые учатся въ Прагѣ. Нельзя не сочувствовать цѣли и дѣятельности этого общества.

— Чешская Академія наукъ и искусствъ присудила золотую медаль чешскому народному театру за его блестящіе успѣхи на вѣнской театральнѣй выставкѣ.

— Прагская городская дума соорудила за 250.000 гульд. казарму для мѣстныхъ войскъ; но управленіе послѣднихъ отказывается принять этотъ даръ, такъ какъ на домѣ красуется чешская надпись, а не нѣмецкая, какъ желаютъ генералы.

— По почину славной чешской писательницы Елишкы Красногорской въ Прагѣ возникло общество «Минервы», которое открыло женскую гимназію съ древними языками, чтобы и чехо-словенки могли имѣть доступъ къ самому источнику высшаго просвѣщенія. На актѣ этой гимназіи были между прочимъ продекларированы ученицами отрывки изъ Овидія и Гомера. Всѣхъ ученицъ было до 50. Во главѣ этой частной женской гимназіи стоятъ гг. Прусикъ и I. Валента. По образцу ея предположено и въ Вѣнѣ открыть подобное заведеніе.

— Извѣстный чехословенскій славяновѣдъ проф. Мартинъ Гаттала оставилъ кафедру въ пражскомъ университетѣ, за выслугою полного срока на пенсію. Ученая его дѣятельность будетъ теперь сосредоточена въ чешской Академіи наукъ. Въ непродолжительномъ времени ожидается выходъ въ свѣтъ его изслѣдованія о Краледворской рукописи.

— Чешскіе поэты: Ярославъ Верхлицкій и Зинимундъ Боушиа за свои переводы новопровансальскихъ произведеній получили отъ съезда фелибровъ на jeux des fleurs—по серебряной медали. Подобныя награды лишь изрѣдка назначаются писателямъ не-провансальскимъ.

— Въ Прагѣ вышелъ новый сборникъ стихотвореній Ярослава Верхлицкаго: *Život a smrt* (Praha, 1892). Тутъ помѣщено не мало неизданныхъ еще произведеній, написанныхъ въ 1891 г. этимъ знаменитымъ поэтомъ.

— Въ Прагѣ вышла недавно брошюра: «*Cisarské Slovo*», въ которой перепечатаны четыре заявленія имп. Франца Іосифа о желаніи его короноваться чешскою короною, для закрѣпленія связей своей династіи съ чешскимъ народомъ, а именно: 1) слова, сказанныя въ 1861 г. депутации чешскаго сейма; 2) въ рескриптѣ сейму 26 авг. 1870 г., 3) въ другомъ такомъ же рескриптѣ и 4) въ манифестѣ 12 сент. 1871 г. Брошюра эта была конфискована пражской полиціей, но потомъ выпущена по распоряженію изъ Вѣны.

— Въ издаваемомъ Отто въ Прагѣ «*Slovník naučný*» продолжается выходъ въ свѣтъ выпусками статьи: *Čechy*. Выпуски 111 и 112 посвящены главн. обр. чешскимъ школамъ и историческому обзору чешскаго прошлаго.

— Въ Прагѣ вышелъ 13-й вып. юмористическихъ очерковъ Святополка Чеха, озаглавленныхъ: *Pestré Cesty po Čechách*. Содержаніе взято изъ воспоминаній о юбилейной пражской выставкѣ 1891 г.

— Вышли 3-й и 4-й вып. Жизнеописанія I. А. Коменскаго, по матеріаламъ Зоубка. подъ ред. Новака: *Pr. Zoubek, Život I. A. Komenského*. Praha. Это одно изъ лучшихъ сочиненій о Коменскомъ, значительно дополненное противъ перваго изданія.

— Въ моравскомъ г. Зноймѣ вышло на нѣм. языкѣ Жизнеописаніе I. А. Коменскаго Ант. Врбни (Ant. Urbka, Leben und Schicksale des Joh. Am. Comenius. Znaim 1892 г. ц. 1 гульд.), съ портретами и рисунками. Сочиненіе это составлено по лучшимъ существующимъ пособіямъ.

— Въ Прагѣ вышелъ 3-й вып. соч. Т. Билена: *O католической реформациі въ Чехіи XVII в.* (T. V. Bilen, Reformace katolická v král. Českém po bitvě Bělohorské. Praha).

— Въ г. Тельчѣ вышелъ недавно разсказъ др. Яна Гербена (Jan Herben): *Do*

trifého i štvrtého rokoleni. Тутъ излагается какъ бы хроника одного словенскаго рода, за цѣлыя 100 л. Въ рамкахъ разсказа тутъ представленъ очеркъ жизни мѣстныхъ крестьянъ, въ очень вѣрномъ и сочувственномъ освѣщеніи.

— Въ Прагѣ вышелъ 13-й вып. «*Sebraných spisů Jana Nerudy*», знаменитаго чешскаго юмориста и публициста. Ц. по 16 кр. за выпускъ.

— Вышли 5-ый и 6-й вып. А. Г. Стина: *Исторія русской литературы въ XIX в.* (A. Stin, *Historie literatury ruské XIX stol. Praha*). Очеркъ доведенъ до Тургёнева.

— Въ г. Пискѣ ум. 10 іюня законоучитель высшей женской школы въ Прагѣ **Войтъхъ Пакоста** (Pakosta). Онъ род. въ 1856 г., рукоположенъ въ 1871 г. и былъ законоучителемъ сначала въ пражскомъ городскомъ училищѣ, а затѣмъ въ высшей женской школѣ. Пакоста имѣлъ поэтическій талантъ и печаталъ стихотворенія, главнымъ образомъ лирическія, въ разныхъ журналахъ, особенно въ «*Zlatá Praha*», «*Světozor*», «*Osvěta*», «*Hlas Národa*», «*Vlast*». Отдѣльно вышли его «*Růže a tmu*». Очень удачны его стихотворные переводы, особенно изъ словинскаго и польскаго, наприм. стихотвореній Симона Грегорича, «Предсвита» Зигмунта Краснигскаго и н. др. Въ послѣднее время имъ написано нѣсколько прекрасныхъ сонетовъ на мотивы шумавскіе. Смерть неожиданно пресѣкла его дѣятельность всего на 36-мъ году жизни.

— По статистическимъ даннымъ въ послѣдніи 10 л. выселилось изъ Угрии въ Америку: изъ Шаршскаго комитата 20.905 л., изъ Спиша 20.727, изъ Абауй-Торны 15.599, изъ Земплинскаго 12.837, изъ Ужгородскаго 9.189, изъ Тренчанскаго 5.857 и изъ Оравскаго 3.676, такимъ образомъ въ совокупности до 90.000 русинихъ и словаковъ. Эта эмиграція служитъ лучшимъ поясненіемъ староугорскаго изреченія: *Extra Hungariam non est vita; si est vita, non est ita!*

— 9—(21) іюля въ Вѣнѣ происходило первое общее собраніе новооткрытаго словенскаго литературнаго общества «Народъ». Предсѣдателемъ его др. Вагнеръ. Первыми же почетными членами—поэты Гвѣздославъ (П. Орсагъ) и Ваянскій (Св. Гурбавъ). Это ручается за истинно-славянское направленіе этого общества, къ которому относятся очень сочувственно и вѣнскіе чехи, сербы, русскіе и румыны.

— Въ Турчанскомъ Св. Мартинѣ вышелъ недавно 1-й томъ «Собранія поэтическихъ произведеній» Гвѣздослава (Павла Орсага): *Hviezdoslav, Sbrané spisy básnik. Turčianský Sv. Martin*. 1892 г. Въ него вошли эпическія произведенія этого высокодаровитаго поэта. Есть много стихотвореній, ранѣе нигдѣ не напечатанныхъ. Желательно бы появленіе ихъ въ русскомъ переводѣ. Ц. 1 гульд 20 кр.

— Въ Турчанскомъ Св. Мартинѣ вышелъ «*Карманный русско-словенскій словарь*», составленный А. М. Мичатеномъ. Это лучший, даже единственный словарь русско-словенскій, который значительно облегчитъ изученіе русскаго языка словакамъ. Пригодится онъ и русскимъ, особенно если г. Мичатекъ дополнитъ эту часть вторую, словенско-русскою. Цѣна 1 р. 25 к.

— Въ Лейпцигѣ напечатанъ недавно Сборникъ 100 словенскихъ народныхъ пѣсень, положенныхъ на ноты для игры на фортепіано Милославомъ Францисци и изданныхъ его отцомъ, извѣстнымъ словенскимъ дѣятелемъ Ив. Ив. Францисци (*Travnice 100 slovenských národních písní. Na klavír přistrojil Miloslav Francisci, vydal Jan Francisci*). Въ виду общепризнанныхъ высокихъ достоинствъ словенской народной музыки, слѣдуетъ желать широкаго распространенія этого сборника и въ Россіи. Цѣна 1½ гульд. Складъ у издателя (Jan Francisci, in Turocz Szent-Marton, Ungarn).

— Въ Липтовскомъ Св. Микулашѣ ум. одинъ изъ самыхъ твердыхъ и дѣятельныхъ словенскихъ патриотовъ **Андрей Палиа**. Не занимая никакого officialнаго положенія, онъ имѣлъ однако сильное вліяніе на жителей этого города, который былъ средоточіемъ патриотической дѣятельности и знаменитаго словенскаго писателя **М. М. Ходжи**. Духъ Коллара и Ходжи отражался въ настроеніи и дѣятельности **Андрея Палки**, котораго смерть представляетъ столь же тяжелую утрату для липтовцевъ, какъ недавняя смерть **Дакснера** для словаковъ гелярскихъ.

— 24 іюня въ Люблянѣ происходило 27-ое общее собраніе «Словинской Матицы». Изъ прочитанныхъ на немъ рѣчей предсѣдателя проф. Марні и секретаря **Е. Лаха** узнаемъ, что Матица эта имѣетъ теперь болѣе 1750 членовъ и располагаетъ капиталами до 56.000 гульд., не считая фондовъ на особыя цѣли. Балансъ прихода и расхода за отчетный годъ (1 іюня 1891—31 мая 1892 г.) выражается цифрами: 12.023 : 6.371 гульд. Въ 1891 г. Матица издала 3 книги: 1. Letopis за 1891 г. 2. Zgodovina Novega Mesta, prof. A. Vrhovec. 3. Повѣсть «Pegam in Lamberger» др. Фр. (Детеля?), изъ словинской исторіи XV в. Въ 1892 г. также печатаются 3 книги: 1. Letopis за 1892 г. 2. «Goriška», prof. S. Rutar: это описаніе Горицкаго графства, какъ части Словѣніи; 3. Z ognjem in mečem», романъ Сѣнкевича, въ перев. М. Мраче. Сверхъ того готовится «Словинская стенографія», проф. Безеншка (въ Пловдивѣ). Число экземпляровъ 2400—2700.

Матица получила въ обмѣнъ до 260 новыхъ книгъ и журналовъ, въ томъ числѣ 116 русскихъ, 50 словинскихъ, 40 чешскихъ, 31 хорватскихъ, 10 нѣмецкихъ, 5 сербскихъ, 3 англійскихъ, 2 болгар. и латин., 1 серболужицкій. Въ отчетномъ году Матица приняла участіе въ празднествахъ въ честь др. Я. Блейвейса, при открытіи памятной доски на его бывшемъ домѣ, и Поточника, въ Шт. Видѣ.

Умершій 30 марта купецъ **Антонъ Кнезъ** завѣщалъ Матицѣ довольно значительное состояніе (до 30.000 гульд.) на ежегодное изданіе книжекъ для простонародья, въ свободомысленномъ направленіи и католическомъ духѣ. Сверхъ того въ Матицѣ имѣются особые фонды на сооруженіе памятниковъ др. Я. Блейвейсу (2696 гульд.) и др. Костѣ (1355 гульд.), а также фондъ Юрчича, Томшича на литературныя цѣли (2662 гульд.). Въ почетные члены Матицы избранъ президентъ Краины бр. Винклеръ, какъ одинъ изъ учредителей Матицы и многолѣтній членъ ея комитета.

— Люблянская городская дума по предложенію Грибара опредѣлила переименовать улицы Любляны по-словински, вм. прежнихъ нѣмецкихъ названій. Такимъ образомъ будутъ впредъ въ этомъ городѣ площади: Водника, Вальвазора, Блейвейса, Погачаря, Юрчича и улицы: Кошитаря, Прешерна, Сломшка, Вольфа и др., по именамъ словинскихъ писателей и дѣятелей. Главный городъ Краины да и вообще Словѣніи приметъ такимъ образомъ постепенно видъ славянскій, вмѣсто прежняго нѣмецкаго.

— 30 и 31 сего августа въ Люблянѣ будетъ происходить съѣздъ словинскихъ на толиковъ, созванный для обсужденія не только церковныхъ, но и народныхъ дѣлъ Словѣніи, конечно въ правительственно-клерикальномъ духѣ.

— Въ Граціи университетѣ предположено учредить двѣ кафедры съ преподаваніемъ на словинскомъ языкѣ, именно: 1) гражданскаго права и 2) государственнаго права и народной экономіи. Но въ виду протеста подьяльскихъ нѣмцевъ эта уступка словенцамъ, за вѣрность гр. Гогенварту и Тафе, отложена до 1893—94 уч. г.

— Въ Люблянѣ вышелъ 3-й вып. «Собранія сочиненій» извѣстнаго словинскаго писателя Леветина. (Levstikovi Zbrani spisi. Uredil Fv. Levoc III zvezek). Ljubljana 1892. Ц. 2 гульд. 50 кр.

— Хорватское правительство, вполнѣ зависимое теперь отъ Будапешта, намѣрено переименовать «Югославянскую Академію наукъ и искусствъ» въ Загребѣ въ «Королевско-хорватскую академію наукъ», подобно какъ нѣкогда Иллирская Матица и прочія иллирскія общества были переименованы въ хорватско-славонскія или просто хорватскія. Причиною, очевидно нежеланіе мадыарскаго правительства поддерживать опасную для мадыаризма идею «югославянства», какъ одного цѣлаго. Еп. Штросмайеръ, который собственно и основалъ Югославянскую Академію считаетъ такое переименованіе противнымъ закону и сомнѣвается въ утверженіи его загребскимъ соборомъ. Въ послѣднемъ случаѣ отъ намѣренъ, по сообщеніямъ газетъ, передать другому обществу коллекціи, завѣщанныя имъ Югославянскою, а не Королевско-хорватскою Академію наукъ. Прибавимъ, что общая стоимость капиталовъ этой Академіи, дома и коллекцій простирается нынѣ до 700.000 гульд. По своей же 25-лѣтней ученой дѣятельности она занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между славянскими учеными учрежденіями.

О дѣятельности «Хорватской Матицы» въ Загребѣ. 19 іюня 1892 г. въ Загребѣ происходило годичное собраніе членовъ «Хорватской Матицы», совпавшее съ 50-лѣтнимъ юбилеемъ ея существованія. Собраніе происходило подъ предсѣдательствомъ проф. Смичикласа, который во вступительной рѣчи обрисовалъ дѣятельность Матицы въ теченіе этого 50-лѣтія, распадающагося на нѣсколько болѣе замѣтныхъ періодовъ.

Первая мысль о Матицѣ возникла, по словамъ оратора, въ 1836 г., подъ влияніемъ идей Люд. Гаа. Загребскій народный соборъ 1836 г. опредѣлилъ учредить общество для развитія народнаго языка и литературы, но правительство медлило утвержденіемъ этого общества, такъ что гр. Янко Драшковичъ вынужденъ былъ въ 1838 г. основать вмѣсто Матицы «Читальню», при которой лишь позже, въ 1842 г., открыта была «Иллирская Матица», какъ фондъ для изданія книгъ, начиная съ «Османа» Гундулича и другихъ далматинскихъ классиковъ. Въ 1847 г. Матица переименована была изъ «Иллирской» въ «Хорватско-славянское книжное дружество». Органомъ Читальни, слѣд. и состоявшей при ней Матицы, было «Коло» (Kolo), которое по желанію правительства называлось не журналомъ, а сборникомъ статей.

Въ 1850 г. «Читальня» была упразднена нѣмецкимъ правительствомъ, такъ что Матица получила характеръ самостоятельнаго общества для изданія хорватскихъ книгъ, но не дубровчанъ, а для простонароднаго употребленія. Все таки Матица успѣла въ 50-хъ годахъ издать сочиненія Пальмотича и Джорджича, а также журналъ «Neven» и нѣсколько новѣйшихъ произведеній.

Съ 1858 г. условія становятся благоприятнѣе. Матица развивается, особенно въ матеріальномъ отношеніи, благодаря Ивану Мажураничу, Матию Месичу и Адольфу Веберу.

Въ 60-хъ годахъ возникла Югославянская академія наукъ, которой Матица должна была передать завѣдываніе ученымъ отдѣломъ литературы. Матицный журналъ «Književnik», имѣвшій научное значеніе подъ ред. проф. Ягича, замѣненъ теперь былъ академическимъ Радомъ (Rad.). Для изданія книгъ простонародныхъ основано было, при содѣйствіи Матицы, общ. св. Иеронима. Центромъ хорватской беллетристики сталъ журналъ «Viepaо», также основанный не безъ содѣйствія Матицы. На долю послѣдней досталась съ тѣхъ поръ (особенно съ 1874 г., когда изданъ новый уставъ Матицы) литература средняя между

научною и простонародною, предназначенная для всего образованнаго общества. Съ измѣненіемъ характера дѣятельности этого народнаго учрежденія совпало и переименованіе его въ «Матицу Хорватскую». Она затѣла издаваніе: въ 1-хъ, классиковъ — древнихъ и новыхъ, во 2-хъ, отдѣльныхъ популярно-образовательныхъ сочиненій, въ 3-хъ, произведеній хорватской беллетристики и 4-хъ хорватскихъ народныхъ пѣсенъ. Въ основу этого послѣдняго изданія положенъ богатый Сборникъ произведеній хорватской народной словесности Мих. Павлиновича, а затѣмъ—около сотни меньшихъ сборниковъ. Первый томъ этого монументальнаго изданія выйдетъ, по словамъ проф. Смичикласа, въ непродолжительномъ времени.

Изъ слѣдовавшаго за рѣчью предсѣдателя отчета секретаря и казначея Матицы Ивана Костренчича мы узнаемъ, что въ 1891 г. издано этимъ обществомъ восемь книжекъ для раздачи членамъ и одна для вольной продажи. Между первыми отмѣтимъ: Лепушича, Очерки изъ Босніи (Lepušić, Slike iz Bosne), Кумичича, Семейная тайна (Kumičić, Obiteljska tajna); Деметра, трагедія Теута (Demestr, Teuta, Tragedija); Коварца, Между свѣтомъ и тьмою (Kozarac, Medju svjetlom i tminom); Шандора-Дьяльскаго, Изъ вармедивскихъ дней (Šandor-Gjalski, Iz varmegjinskih dana). Всѣ эти книжки печатаются въ числѣ 8.100 экземпляровъ, по числу членовъ Матицы, которымъ они рассылаются за 3 гульд. членскаго взноса въ годъ.

Въ 1892 г. предполагено издать также 9 книжекъ, между которыми будутъ находиться: «Юбилейная книга» (Spomen knjiga) Матицы, составленная проф. Смичикласомъ и Фр. Марковичемъ; «Хорватская Антологія», проф. Гуго Бадалича, повѣсти Шандора-Дьяльскаго и В. Новака; Кланча, «Хорватская пѣсмирица» и мн. др.

Что касается бюджета Матицы и ея капиталовъ, то изъ отчета г. Костренчича видно, что она владѣетъ теперь домою въ 90.000 флор., неприкосновенными вкладами въ 50.000 флор. и годичными доходами до 30.000 флор. Членскихъ взносовъ получается до 20.000.

Въ послѣднія 15 лѣтъ Матица издала до 120 кн., въ количествѣ до 700.000 экз., стоимостью свыше 280.000 гульд. Членовъ насчитывается болѣе 8.000. Между ними до 300 такъ называемыхъ «повѣренниковъ», которые служатъ посредниками между управленіемъ и членами Матицы.

По случаю своего 50-лѣтія Матица опредѣлила: 1) Перенести изъ г. Радгона (въ Штири) въ Загребъ гробъ основателя Матицы гр. Янка Драшковича и 2) пожертвовать 10.000 гульд. на образованіе особаго фонда для пособія нуждающимся хорватскимъ литераторамъ и художникамъ, ихъ вдовамъ и сиротамъ.

— Далматинцы очень обрадованы состоявшимся недавно рѣшеніемъ Іезуитовъ оставить задрскую семинарію, которою они руководили 26 л. со времени еп. Змаевича. Они очень враждебно относились не только къ православнымъ далматинцамъ, но даже къ католикамъ-глаголяшамъ. Ихъ удаленіе обусловлено вѣроятно утратою прежняго значенія, со смертію далматинскаго латинизатора еп. Маушаса.

— Папа отклонилъ ходатайство задрскаго архіепископа о введеніи въ Далмацію славянскаго литургіи, ссылаясь на привилегированное положеніе латинскаго языка во всѣхъ католическихъ церквахъ. Единственное исключеніе сдѣлано католикамъ черногорскимъ: для нихъ разрѣшена славянская литургія, но по глагольскимъ, а не кирилловскимъ книгамъ, примѣнительно къ буллѣ о томъ папы Иннокентія IV.

— Извѣстный хорватскій археологъ, членъ Юго-славянской Академіи Шимо Ло-

бичъ, завѣдывавшій хорватскимъ археологическимъ музеемъ въ г. Загребѣ, вынужденъ былъ выйти въ отставку и переселился въ родной свой Стариградъ въ Далмаціи, гдѣ предполагаетъ продолжать свои работы для Академіи наукъ.

— Далматинскій писатель г. Модричъ, совершившій недавно поѣздку по Россіи, предполагаетъ издать на итальянскомъ языкѣ обстоятельное описание этого путешествія. Судя по нѣкоторымъ отрывкамъ изъ него въ журналѣ «Il Diritto Croato» (въ Польтѣ), книга г. Модрича будетъ очень отраднымъ явленіемъ въ итальянской литературѣ, которая до сихъ поръ переживала нѣмецкія выдумки о ненавистномъ нѣмцамъ славянскомъ царствѣ.

— Дубровницкій комитетъ по сооружеію памятника знаменитому поэту Гундуличу опубликовалъ «Proglas», въ которомъ сообщаетъ, что на памятникъ этотъ собрано уже 11.000 флор. и что если дальнѣйшая подписка пойдетъ успѣшно, то есть надежда, что памятникъ будетъ открытъ къ 20 мая 1893 г.

— Въ Дубровникѣ начала выходить новая газета: «Дубровникъ», издаваемая въ сербскомъ, а не хорватскомъ духѣ, въ противность газетѣ «Crvena Hrvatska».

— Въ Дубровникѣ вышла недавно брошюра: *Dubrovcani, Je su li Hrvati?* Это отгиски изъ статей въ «Crvena Hrvatska», посвященныхъ спорному вопросу о сербизмѣ или хорватизмѣ старыхъ и новыхъ дубровчанъ. Авторъ ратуетъ за ихъ хорватизмъ. Сербы оспариваютъ однако этотъ тезисъ, ссылаясь на особенности мѣстнаго діалекта.

— Значительный фондъ сербскаго велико-кииндскаго округа въ Угріи рѣшеніемъ торонтальской жупаніи въ суммѣ 250,000 флориновъ переданъ въ администрацію мадьярскаго правительства. На проценты изъ этого сербскаго фонда содержится въ Великой Кикиндѣ чисто мадьярская гимназія, гдѣ сербскій языкъ вовсе не преподается. Тутъ повторяется исторія съ конфискованнымъ фондомъ словенской матицы, который употребляется на пропаганду мадьяризма между словаками.

— Въ половинѣ октября въ Дольнихъ Карловцахъ предположенъ сербскій церковный конгрессъ, подъ предсѣдательствомъ патріарха Юрія Бранковича. О настроеніи послѣдняго можно судить по факту исключенія церковно-славянскаго языка изъ новосадской сербской гимназіи, по опредѣленію патроната, подъ предсѣдательствомъ патріарха.

— Въ *Nar. List'*ахъ (20—VII) напечатано отирытое письмо сербскаго доктора Ювана Пачу къ австроугорскому министру Веламину Каллаю, изъ котораго мы заимствуемъ болѣе выдающіяся мѣста для характеристики нынѣшняго положенія сербовъ въ Босніи и Герцеговинѣ: «Пять лѣтъ тому назадъ я поселился въ Сараевѣ, какъ вольно-практикующій врачъ, живущій своимъ трудомъ. Втеченіе всего этого времени, особенно же послѣдніе 3 года я былъ считаемъ лицомъ подозрительнымъ, хотя сначала скрытно. Ко мнѣ обращались за врачебной помощью преимущественно сараевскіе мусульмане. Но ихъ вызывали затѣмъ въ полицію и требовали прекращенія сношеній со мною. Тоже случалось потомъ и съ пріѣзжавшими въ Сараево чужеземцами. Полиція слѣдила за мною и моими посѣтителеми, при томъ не тайно лишь, но и открыто. Съ апрѣля же нынѣшняго года полицейскій стражникъ 12 дней и ночей стоялъ у моего дома и настоятельно запрещалъ кому бы то ни было посѣщать меня... Я обратился съ жалобой къ совѣтнику Костѣ Герману... который мнѣ сообщилъ, что эти полицейскія мѣры приняты свѣдома земскаго управленія. Тогда я потребовалъ строгаго изслѣдованія тѣхъ выдумокъ и клеветъ, которыя избрали меня

жертвою; но мнѣ отвѣчено, что никакихъ доводовъ противъ меня не имѣется: въ противномъ случаѣ дѣло не ограничилось бы полицейскимъ наблюдениемъ... Правда, я никогда не скрываалъ своихъ сербскихъ чувствъ, но всегда дѣйствовалъ прямо и открыто, такъ что никто не имѣлъ повода преслѣдовать меня. Очевидно, дѣло не въ моихъ личныхъ отношеніяхъ, а въ нынѣшнемъ положеніи Босніи... Не такъ еще давно всѣмъ чиновникамъ было строго предписано изучить кириллицу; теперь, наоборотъ, обнародовано распоряженіе не обучать магометанскихъ мальчиковъ кириллицѣ въ общественныхъ школахъ, якобы—по просьбѣ о томъ родителей этихъ учениковъ. Въ Сараевѣ официально разрѣшено и законно существуетъ «Сербское православное церковно-пѣвческое общество»: въ правительственномъ органѣ «Bosnische Post» оно называется не «сербскимъ», а «греко-восточнымъ». Правительство утверждаетъ, что не противится сербству и признаетъ сербскій языкъ, между тѣмъ въ гимназии и прочихъ школахъ по распоряженію властей онъ называется не иначе, какъ «земскимъ»: слова «сербскій» не смѣть тамъ произнести ни учителю, ни ученику... Очевидно, правительство хочетъ скрыть тотъ бесспорный фактъ, что въ Босніи и Герцеговинѣ живетъ, кромѣ небольшого числа испанскихъ евреевъ, одинъ народъ, говорящій на одномъ сербскомъ языкѣ. Опасаясь всеобщаго недовольства сербовъ, правительство окружило себя терроромъ и шпіонами, отъ навѣтовъ которыхъ никто не можетъ считать себя безопаснымъ. Во главѣ этой полиціи и шпіоновъ стоитъ г. Берксъ, возбудившій противъ себя общую ненависть своей ограниченностью, произволомъ, насиліями и тиранствомъ... Я лично убѣдился, что его шпіоны провожаютъ сербовъ и внѣ Сараева; меня одинъ изъ нихъ (Морицъ Вейсъ) провожалъ до Сегедина (въ Угріи)!.. По порученію того же г. Беркса одинъ чиновникъ, полякъ Р., пригласилъ меня на ужинъ и думалъ напоить до-пьяна, чтобы навести на какую нибудь неосторожную фразу или мысль... Страшно и подумать, сколько людей можетъ погибнуть въ этой шпіонской сѣти, раскинутой изъ Сараева по всей странѣ! Послѣ 51½ л. пребыванія въ Босніи я впервые взялся теперь за перо, чтобы вкратцѣ sine ira et studio изобразить тамошнія отношенія...

Авторъ этого письма живетъ, кажется, теперь въ Бѣлградѣ и пользуется тамъ общими сочувствіями. Такому свидѣтелю нельзя не вѣрить!.

— 17-го іюня исполнилось **совершеннолѣтіе** (21 г.) **черногорскаго наслѣдника кн. Данила-Александра Николаевича**. По этому поводу въ Цетинѣ было торжество, на которомъ пропѣтъ между прочимъ отрывокъ изъ **новой поэмы кн. Николая: Пјесникъ и Вила** (поэтъ и муза). Князь Данииль не присутствовалъ впрочемъ на этомъ торжествѣ, ибо находился съ матерью княгинею Миленою въ Карлсбадѣ. Въ иностранныхъ газетахъ распространень слухъ о предстоящемъ сватовствѣ кн. Данила на одной изъ русскихъ великихъ княгинь.

— Въ Черногоріи, близъ г. Подгорицы, продолжаются **раскопки античнаго города Діонлея** (сла. Дукля). Вырыто много колоннъ, римскія термы, цѣлыя улицы [большого и богатаго нѣкогда города. Раскопки далеко еще не закончены.

— Въ Сербіи собрано болѣе **70.000 фр.** на **пособіе** пострадавшимъ отъ прошлогодняго неурожая въ Россіи.

— **Военная организація корол. Сербіи**. Военный бюджетъ простирался въ 1891 г. до 9,7 мил. франк. Военная повинность начинается съ 20 л. возраста и обнимаетъ: 2 г. активной службы, 10 л. въ войскахъ линейныхъ, 10 л. въ милиціи перваго призыва и 10 л. втораго призыва. Дополнительные войска имѣютъ чисто территоріальное размѣщеніе. Вооруженіе смѣшанное: системъ Маузера

(100.000), Бердана (90.000), Пибоди-Мартини (60.000), Снайдера, Крики и др. (40.000). Теперь предположено ввести однородное вооружение. Орудія—системъ Де-Банге и Лагитта. Число лошадей—въ мирное время 3100, а въ военное—17000, которыхъ однако врядъ-ли можно будетъ набрать въ странѣ. Изъ 14.000 ежегодно набираемыхъ солдатъ 7.000 служатъ по 2 г., 5.000—1 г., а 2.000—отъ 1 до 5 мѣс. Милиція 1-го призыва обучается по 30 дней въ годъ, 2-го призыва—по 15 дней. Пѣхота и артиллерія организованы гораздо лучше кавалеріи.

Общая численность всѣхъ войскъ (съ обоими призывами):

185.000 батал. пѣх.	170.000 ружей.
38 эскадрон. кавал.	6.300 сабель.
66 батарей.	396 орудій.

Это довольно значительная армія для 2,16 мил. населенія.

— Въ Брестовацкой Банѣ скончался 16 іюня отъ разрыва сердца третій сербскій регентъ, генераль Коста Протичъ. Онъ родился въ 1831 г. въ Пожаревцѣ, учился въ бѣлградской гимназіи и военной академіи, а затѣмъ въ берлинскомъ инженерномъ училищѣ. Въ 1873 г. онъ былъ военнымъ министромъ, въ 1876 г.—начальникомъ главнаго штаба. По окончаніи войны получилъ чинъ генерала и придворнаго маршала: потомъ командовалъ въ Нишѣ. Въ 1883 г. вышелъ въ отставку. Въ болгарской войнѣ не участвовалъ. Въ 1888 г. Миланъ возложилъ на Протича отнять сына отъ королевы Наталіи, въ Висбаденѣ. За это вѣроятно и назначилъ его Миланъ въ 1889 г. третьимъ регентомъ.

— Стамбуловская газета «Свобода» въ Софіи опубликовала балансъ болгарскихъ доходовъ и расходовъ съ 1879 по 1888 г. Если вѣрить этимъ цифрамъ, то они простирались (въ милліонахъ):

въ 1879 г. доходовъ 23,7 мил.	расходовъ 21,3 м.
» 1880 » 32,2 »	» 26,2 »
» 1881 » 26,5 »	» 24,7 »
» 1882 » 27,4 »	» 28,9 »
» 1883 » 30,5 »	» 31,09 »
» 1884 » 30,09 »	» 34,6 »
» 1885 » 24,2 »	» 45,4 »
» 1886 » 40,89 »	» 55,4 »
» 1887 » 43,06 »	» 49,8 »
» 1888 » 52,2 »	» 71,2 »

Первыя шесть лѣтъ соотвѣтствуютъ русскому управленію болгарскими финансами, послѣднія — австро-еврейскому. Отсюда столь значительная разница въ цифрахъ до 1884 г. и послѣ него: тамъ сбереженія тутъ—дефицитъ.

— Изъ болгарскаго «Державнаго Вѣстника» узнаемъ, что въ Болгаріи насчитывается уже теперь до 500 адвокатовъ и ихъ помощниковъ, въ среднемъ по 1 на 6.300 душъ населенія. Если черезъ 12 лѣтъ наплодилось въ этой влополучной странѣ столько юристовъ-практиковъ, то лѣтъ черезъ 10 Болгарія догонитъ въ этомъ отношеніи Угрію, гдѣ въ одномъ Будапештѣ насчитывается до 1000 адвокатовъ!

— По отчету Пловдивской публичной бібліотеки, въ янв.-мартѣ 1892 г. въ ней было взято для чтенія 3290 книгъ, изъ коихъ было: 1347 болгарскихъ, 1130 русскихъ и 620 французскихъ; нѣмецкихъ же всего 17. Между русскими книгами всего болѣе беллетристическихъ и историческихъ. Что касается Софійской публичной бібліотеки, то тамъ нѣмецкій языкъ постепенно вытѣсняется не толь-

ко французскій, но и русскій. Читаются тамъ по-русски преимущественно юридическія и военныя сочиненія. Въ софійской высшей школѣ математика и исторія читаются еще на русскомъ языкѣ. И въ Варненской публичной библиотекѣ всего болѣе читаются русскіе авторы, особенно Тургеневъ, Щедринъ, Герценъ, Чернышевскій, Добролюбовъ, Некрасовъ, Лермонтовъ, Гончаровъ, Островскій, Кольцовъ и др., изъ французскихъ—Викторъ Гюго, изъ нѣмецкихъ—Ауербахъ, Шпильгагенъ и Шиллеръ, изъ англійскихъ же Шекспиръ.

— Болгарская выставка въ г. Пловдивѣ (Филиппополѣ) открыта 2 августа и продолжится до 1 ноября. Уже теперь въ этомъ городѣ выходитъ посвященная выставкѣ газета «Нашето първо изложение».

— Въ Софіи печатается новое сочиненіе г. Димитрова: *Княжество България, въ историческо, статистическо и географическо отношеніи*. Судя по проспекту этого изданія, оно представляетъ результатъ трехлѣтнихъ странствованій автора по Болгаріи и восточной Румелии. Сочиненіе распадается на 3 отдѣла: 1) общій обзоръ Болгаріи въ географич., статистич. и общественномъ отношеніяхъ, съ очеркомъ церковнаго болгарскаго вопроса и организациі школьнаго дѣла; 2) историческіе очерки изъ временъ турецкаго рабства и возрожденія, вплоть до берлинской конференціи; 3) описаніе «окружныхъ» и «околийскихъ» городовъ и примыкающихъ къ нимъ мѣстностей. Объемъ сочиненія до 50 печ. л. въ 2000 экз. Цѣна 5 фр. Если содержаніе будетъ соответствовать проспекту, то книга эта можетъ быть полезнымъ дополненіемъ къ извѣстному сочиненію о нынѣшней Болгаріи г. К. Ирѣча.

— Въ Константинополь вышелъ оригинальный календарь: *Голубъ за 1892 преступна година; штампано у штампарији синева А. Зелина у Цариграду*. Странность его заключается въ языкѣ: онъ не можетъ быть названъ ни сербскимъ, ни болгарскимъ, а какой-то смѣсью обоихъ. Кажется, составители (Педагогъ и Димко?) считаютъ такой языкъ македонско-славянскимъ. Но онъ не соответствуетъ ни одному изъ говоровъ Македоніи, по свидѣтельству знакомыхъ съ ними лицъ.

— Изъ отчета о дѣятельности американской гимназіи «Робертъ Колемъ» въ Цароградѣ узнаемъ, что въ минувшемъ учебномъ году въ ней воспитывалось 54 болгарина. Между окончившими курсъ было 4 армянина и 1 болгаринъ. На актѣ коллегіи читаны были произведенія учениковъ на языкахъ: турецкомъ, армянскомъ, англійскомъ и болгарскомъ. Присутствовалъ и болгарскій экзархъ.

И въ женской американской коллегіи въ Юснюдарѣ (Цароградѣ) обучаются болгарки: двѣ изъ нихъ окончили въ этомъ году курсъ, изъ общаго числа 5. Болгарскій экзархъ почтилъ своимъ присутствіемъ актъ и этой коллегіи.

Если американцы цароградскіе будутъ проникнуты тѣми истинно-христіанскими чувствами, какія были выражены отъ имени американскихъ жертвователей хлѣба для русскихъ крестьянъ въ пострадавшихъ отъ голода мѣстностяхъ, то можно примириться съ успѣхами американско-цароградскихъ коллегій.

— Въ Букарештѣ вышелъ: *Rapport général de l'activité du Comité Central de la Ligue pour l'unité d'instruction des Roumains, lu à l'assemblée générale de la section centrale par Jean Zupulescu*. Этотъ отчетъ панрумынской лиги обнимаетъ 120 стр. Изъ него мы узнаемъ, что лига имѣетъ 19 отдѣленій въ Румыніи и 4 за-границею, именно: въ Парижѣ, Берлинѣ, Антверпенѣ и Лютихѣ. Большая часть брошюры посвящена обзору нынѣшняго положенія румыновъ въ Угрімъ и мѣръ, принятыхъ лигою для ихъ избавленія отъ насильственной мадьяризаціи.

— Нѣмцопфильскія газеты съ восторгомъ отзываются о брошюрѣ покой-

наго румынскаго сенатора I. H. Соймесу: *Romania, Russia si intreita aliantie* (т. е. Румынія, Россія и тройственная лига). Сенаторъ этотъ былъ большимъ румынскимъ шовинистомъ и вмѣстѣ руссофобомъ. Ему все мерещилось обращеніе Румыніи въ русскую губернію, для предупрежденія чего необходимо-де крѣпко держаться Австро-Угрии и вообще тройной лиги. Жаль, что сенаторъ не дожидь до нашихъ дней, когда изъ меморандума семиградскихъ румыновъ онъ могъ бы доподлинно узнать, что сулить эта лига румынамъ, не исключая и молдавальныхъ.

— Въ г. Битолѣ (Македонія) открыто румынское консульство, вѣроятно для поддержанія родственнаго румынамъ куцовлахскаго или цыпцарскаго населенія подъ Пиндомъ.

— По даннымъ вѣнскаго офиціознаго изданія: *Die Türkische Wehrmacht und die Armeen der Balkanstaaten*, von H. A. (Verlag des Reichswehr. Wien), Турція имѣетъ съ 1886 г. слѣдующую военную организацію. Во главѣ военнаго управленія стоятъ 4 учрежденія: 1) сѣраскеріатъ, изъ 11 отдѣленій и болѣе 450 офицеровъ, не считая писцовъ и др. субалтернъ-чиновниковъ; 2) артиллерійское управленіе, съ 321 офицерами; 3) министерство флота, съ 60 отдѣленіями, 4) генераль-инспекторская комиссія, съ 20 членами. Каждый мусульманинъ обязанъ служить отъ 20 до 40 л. возраста: 6 л. въ низамъ и ихтіатъ, 8 л. въ редифъ (запасъ), 6 л. въ мустѣфикъ (ополченіи). Военныхъ округовъ шесть: Цареградъ, Адрианополь, Монастырь, Эрзерумъ, Дамаскъ, Багдадъ. Мобилизація можетъ дать на первое время 350—400,000 солдатъ, въ 10-недѣльный срокъ противъ Сербіи, Болгаріи, Черногоріи, 8-недѣльный противъ Румелии, 12-нед. въ Малой Азіи. Корпусовъ 12—14, да еще 14—17 дивизій для охраны нейтральныхъ границъ.

При полномъ развитіи военныхъ силъ можетъ получиться:

Низамовъ и ихтіатовъ	295,000 ч.
Редифовъ	337,000 »
Ополченія	120,000 »
Нерегулярныхъ войскъ	150,000 »

Всего около 900,000. Но это цифра максимальная, которая фактически не будетъ-де достигнута.

— Въ Цареградѣ открывается особое училище для образованія молодыхъ курдовъ и арабовъ. Оно будетъ находиться подъ особымъ покровительствомъ султана.

— Недавно скончался на 62 г. ливанскій генераль-губернаторъ Васса-паша. Онъ былъ родомъ албанецъ, изъ Скадра; образованіе получилъ въ Венеціи. Одно время онъ былъ директоромъ общества трамваевъ, но около 30 л. занималъ разные правительственные посты въ Турціи: былъ политическимъ директоромъ въ Сараевѣ и Алеппо, импертр. комиссаромъ въ Герцеговинѣ и Приштинѣ, совѣтникомъ, а затѣмъ генераль-губернаторомъ въ Адрианополѣ. Съ 1883 г. онъ состоялъ генераль-губернаторомъ Ливана. Васса-паша занимался и литературою; оставилъ между прочимъ описаніе нравовъ и обычаевъ его родичей, албанцевъ. Кромѣ многихъ западныхъ языковъ, онъ зналъ всѣ почти славянскія нарѣчія.

— Въ непродолжительномъ времени въ Палестинѣ открываются 2 желѣзныя дороги: 1) изъ Яффы въ Іерусалимъ и 2) изъ Акки мимо Назарета и Галлейскаго озера въ Дамаскъ. Первая будетъ имѣть значеніе главнымъ образомъ для паломниковъ, вторая же—и для торговыхъ сношеній съ Месопотаміею.

— Въ концѣ мая 1892 г. въ Вѣнѣ происходило годичное собраніе австрійскаго школьнаго союза (Schulverein). Изъ отчета объ истекшемъ 13-омъ г. дѣятельности союза узнаемъ, что онъ имѣлъ въ 1891 г. дохода 263.178 гульд. отъ членскихъ взносовъ и процентныхъ бумагъ. Изъ нихъ болѣе 45.000 гульд. отчислено въ неприкосновенный капиталъ, который восходитъ до 175.734 гульд., а 216.833 гульд. израсходованы на пособія школамъ, учителямъ и строительнымъ комитетамъ. Школъ союзъ содержитъ 31, изъ коихъ: 18 въ Чехіи, 7 въ Моравіи, прочія въ Словѣніи, съ 74 основными классами и 77 параллельными отдѣленіями. Дѣтскихъ садовъ 53, изъ коихъ 31 въ Чехіи. Сверхъ того союзъ даетъ пособія 44 школамъ и 24 дѣтскимъ садамъ. Промышленныхъ заведеній союзъ содержитъ 13, дополнительныхъ курсовъ 10, музыкальныхъ школъ 5. Школьныхъ зданій союзъ имѣетъ 32, изъ коихъ 16 въ Чехіи. Стоимость недвижимостей союзу оцѣнивается въ 250.000 гульд. Библіотекъ союзу основалъ 27 и помогъ еще 59 школамъ въ обзаведеніи книгами. Изъ учителей 81 получили явныя награды союза, а 51—частныя пособія изъ его средствъ. Все состояніе союза—движимое и недвижимое къ концу 1891 г. простиралось до 461.588 гульд.

Отношеніе союза къ правительству выражается и въ томъ фактѣ, что на общемъ его собраніи присутствовали: министръ Куэнбургъ, нижеавстр. намѣстникъ гр. Кильмансегъ и губернаторъ гр. Кинскій.

Союзъ имѣетъ особаго представителя въ Германіи, который входитъ въ составъ комитета «общенѣмецкаго школьнаго союза» (Allgemeiner deutscher Schulverein).

Въ сравненіи съ этимъ могущественнымъ нѣмецкимъ школьнымъ союзомъ совершенно безсильны, въ родѣ напр. обществъ: св. Кирилла и Меодія въ Словѣніи, Св. Войнѣха на Словачинѣ, Св. Іеронима въ Хорватіи. Одна «центральная чешская школьная матица» развила болѣе широкую дѣятельность; но и ея средства далеко недостаточны для борьбы съ «австрійскимъ школьнымъ союзомъ», преслѣдующимъ собственно не образовательныя, а германизаторскія цѣли, какъ это недавно констатировано бернскимъ епископомъ Бауеромъ въ Моравіи.

— 25 іюня въ Вѣнѣ умеръ на 72 г. жизни извѣстный австр. депутатъ, б. министръ др. Эдуардъ Гербстъ. Онъ родился въ 1820 г. въ Вѣнѣ, въ 1843 г. получилъ тамъ же степень доктора правъ и затѣмъ состоялъ профессоромъ по уголовному праву въ университетахъ львовскомъ (съ 1847 г.) и пражскомъ (съ 1858 г.). Съ 1861 г. былъ постоянно избираемъ въ депутаты какъ чешскаго сейма, такъ и вѣнскаго рейхсрата. Выдающіяся способности, энергія, большія знанія выдвинули его во главу нѣмецкой парламентской партіи. Съ 1867 по 1870 г онъ былъ министромъ юстиціи, причемъ ознаменовалъ себя жестокою преслѣдованіемъ чешскихъ газетъ. Высчитано, что въ теченіе 2 л. до 20 чешскихъ редакторовъ было тогда васажено въ тюрьму за «политическія преступленія», въ совокупности на 150 л., со штрафомъ до 60,000 гульд. По выходѣ изъ министерства Гербстъ сталъ главою нѣмецкой парламентской оппозиціи. Но въ 1885 г. онъ началъ хворать и уступилъ это званіе др. Плenerу. Гербстъ оставилъ нѣсколько важныхъ сочиненій по австр. уголовному праву.

И Р О Д Ъ

Поэма С. Гурбана-Ваянского

Со словенскаго

ПРОЛОГЪ

ы не слыхалъ еще, лазурный небосклонъ,
Чтобъ изъ груди моея, стѣсненной болью жгучей,
Донесся къ вышинѣ твоей тяжелый стонъ!
Душа моя—гранить; угрюмъ мой духъ могучій.
Я пыла нѣжныхъ чувствъ любви не знаю,
Удѣлъ мой—скорбь и грусть раба земли.
Небесный сводъ, къ тебѣ я днесъ взываю,
Моей печальной лирѣ ты внемли!
Стою какъ блудный сынъ я нынѣ предъ тобою,
Моля тебя отмстить за нашу кровь грозою!

—

Всевышній Царь! устрой для нашихъ палачей,
Чтобъ лютый врагъ разбилъ о камни ихъ дѣтей,
Чтобъ кости тлѣнныя отцовъ ихъ откопалъ
И на съѣденіе гѣнамъ ихъ отдалъ!
Такъ повторяю я вслѣдъ за Твоимъ пророкомъ,
Котораго Ты самъ, Создатель, вдохновилъ;
Пошли и мнѣ, чтобъ я въ порывѣ чувствъ высокомъ
Своею пѣсню гнѣвъ въ народѣ пробудилъ!
Пусть пѣснь моя въ вѣкахъ немолчно раздастся,
Покуда мстителя она не дозвется!

* *
*

Средь горъ въ кустарникѣхъ растеть
 Чета двухъ розановъ младая;
 Ихъ видить только мотылекъ,
 Надъ ними трепетно порхая.

Въ ущельѣ тѣсномъ не найдеть
 Ихъ даже свѣтлая денница,
 Но неудастся имъ, увь!
 Отъ жадной гусеницы скрыться.

Въ долину средь Карпатскихъ горъ
 Малютокъ двое мирно жили:
 Сиротка, дѣвочка была,
 Отца у мальчика убили...

Судьба не улыбалась имъ,
 И послѣ роковой потери
 Ихъ избы счастье обошло,
 И бѣдность постучалась въ двери.

На берегахъ скалистыхъ Вага
 Нужда словацкая живеть;
 Хлѣбъ черствый да сухой картофель —
 Вотъ пища маленькихъ сиротъ.

Отець въ краю далекомъ; въ полѣ
 Мать цѣлые проводитъ дни,
 А дома крошечныя дѣти
 Спать на завалинкѣхъ одни.

Грозу войны и бурю моря
 Я воспѣвалъ уже не разъ;
 Теперь, друзья, я начинаю
 Про бѣдное село разсказъ.

Въ немъ двѣ избы бѣлѣють рядомъ,
 Какъ близнецы въ семьѣ родной.
 Въ одной живеть сиротка Анка,
 Въ другой же Янко молодой.

Два домика, какъ цвѣтники,
 Растенья нѣжныя питають:
 Одинъ лелѣеть майоранъ,
 Въ другомъ фіалка распцѣтаетъ.

Не троньте, люди, тѣхъ цвѣтовъ,
Пусть расцвѣтаютъ на свободѣ:
Ихъ корни нѣжны вѣдъ и малы,
Въ чужомъ завянуть огородѣ!

Толпа дѣтей среди села
Въ горѣлки весело играетъ:
Такъ рѣзвыхъ мошекъ легкой рой,
Крутятся на солнышкѣ, летаетъ.

Таеъ стая шумныхъ воробьевъ
Щебечетъ въ коноплянномъ полѣ,
Таеъ по утесамъ стадо сернь
Пугливыхъ прыгаетъ на волѣ.

Львяные волосы свои
Назадъ зачесываетъ Анка;
Сверкаетъ искра удалства
Въ глазахъ восторженнаго Янка.

Какъ въ шумной стаѣ воробьиной
Замѣтна пара голубей,
Такъ выдѣляются сиротки
Въ кругу ровесниковъ-дѣтей.

А иногда они по нивамъ,
Обнявшись, бродятъ по часамъ;
Заходятъ въ глубь лѣсовъ родимыхъ
И спѣлыхъ ягодъ ищутъ тамъ.

Вотъ ручеекъ. Боится Анка
Пройти по камнямъ босикомъ;
Ее беретъ въ объятя Янко,
Гопъ! Гопъ! и—оба за ручьемъ.

Благоуханіе лѣсовъ
Ихъ душу счастьемъ наполняетъ;
Для нихъ за каждымъ деревцомъ
Міръ чудныхъ сказокъ воскресаетъ.

Дарить имъ каждая волна
Потоки радужнаго свѣта,
И легкокрылый вѣтерокъ
Несетъ имъ съ горъ слова привѣта.

Волшебной сказкой старый дѣдъ
Сердца ихъ тѣшитъ молодыя,
И послѣ будничнаго дня
Имъ навѣваетъ сны златые:

«Тамъ, за хрустальными горами,
Многоголовый змѣй лежитъ
И очарованной царевны
Сонъ непробудный сторожить.

На ольху гибкую надъ Вагомъ
Влѣзъ покачаться водяной,
Волшебнымъ кругомъ очертился
Колдунъ въ пещерѣ потайной.

Тамъ гномы спать на грудѣ злата,
Русалки съ нимфами шалать,
Три заколдованные брата
Тамъ въ видѣ вороновъ летать»...

Но вотъ ихъ дѣдушка умолебъ;
Мечтать малютки продолжаютъ
И жизнь печальную свою
Грезъ легкимъ сонмомъ украшаютъ.

Среди игры и грезъ чудесныхъ
Не скучно въ бѣдныхъ избахъ имъ,
И вкусенъ кажется бѣдняжкамъ
Ихъ хлѣбъ съ картофелемъ сухимъ.

Однажды въ полдень экипажъ
Къ нимъ въ деревушку приѣзжаетъ.
Усатый кучеръ съ облучка
Толпу дѣтей внупомъ стегаетъ.

Изъ экипажа вылѣзъ панъ,
Одѣтый въ ментигъ, съ жирнымъ брюхомъ,
Подъ мышкой толстый протоколь,
Перо гусиное за ухомъ.

Зачѣмъ приѣхалъ этотъ панъ?
Ахъ, еслибъ, дѣти, вы узнали,
Его проклятыхъ лошадей
Тогдабъ камнями забидали!

Ахъ, дѣти, еслибы вамъ знать,
Чѣмъ гордъ онъ, въ чемъ его отвага,
Вы побѣжали бы стремглавъ,
Чтобъ кинуться въ пучину Вага.

Среди деревни новый Иродъ
Стоитъ въ раздуміи нѣмомъ,
Со лба стирая капли пота
Широкимъ голубымъ платкомъ.

Хозяйку, черпавшую воду,
Онъ тростью манить и зоветъ:
— Скажи, пожалуйста, молодека,
Гдѣ здѣсь вашъ староста живетъ?—

Со старостой, спустя минуту
(А староста—продажный хамъ),
Избу онъ за избой обходить
И вотъ какъ соблазняетъ тамъ:

— Эй! дядя, тетушка, кума!
У васъ хорошенькія дѣти,
Ей Богу, жаль, что здѣсь они
Всю жизнь проводятъ въ грязной клѣти.

Васъ много въ кучѣ—черезъ-чуръ;
Смотрѣть на васъ мнѣ, право, больно;
Коль мѣста здѣсь хватаетъ всѣмъ,
То хлѣба всѣмъ ли вамъ довольно?

Отдайте мнѣ ихъ! Присланъ я
Увезть ихъ въ пышныя палаты,
И скоро сдѣлаются тамъ
Они счастливы и богаты!—

Кто добровольно не согласенъ,
Съ такимъ онъ всячески хитритъ;
Когда-жъ и хитрость бесполезна,
Законной властью онъ грозить.

Не удивляйтесь, что порой
Онъ и къ насилью прибѣгаетъ:
Вѣдь онъ пять гульденовъ себѣ
Въ карманъ за душу получаетъ.

Не стадо-ль пойманныхъ гусей
 Впередъ хлыстами подгоняють?
 За ними женщины идутъ,
 Тоскливо стонуть и рыдаютъ...

Нѣтъ, то не пойманные гуси:
 Толпа словацкихъ-то дѣтей
 Должна снабдить чужое племя
 Здоровой кровію своей!

Господь немного плодородныхъ
 Полей словакамъ удѣлилъ,
 Но злымъ сосѣдямъ ненавистно,
 Что Онъ дѣтьми ихъ наградилъ.

У нихъ когда-то отобрали
 Лѣса, луга и злакъ полей...
 Теперь безстыдно похищаютъ
 Прекрасныхъ, рѣзвыхъ ихъ дѣтей!

И наши двое сиротъ тамъ,
 Средь плѣнниковъ, стоятъ уныло,
 Какъ парочка плакучихъ ивъ
 Среди березокъ надъ могилой.

Къ вокзалу привели дѣтей,
 По номеру на грудь имъ дали,
 И, какъ барановъ на убой,
 Въ вагоны для скота вогнали.

Когда засовъ тяжелый стукнулъ,
 Раздался плачь и крикъ и стонъ,
 И матери въ безумномъ горѣ
 Съ отчаяньемъ рвались въ вагонъ.

Но нѣтъ!... жандармы беспощадно
 Прикладами толкають ихъ,
 А Иродъ крикнулъ:—Замолчите!
 Людей мы сдѣлаемъ изъ нихъ!

Молчать! когда печется баринъ
 О васъ, неблагодарный сбродъ,
 Когда сиротъ несчастныхъ вашихъ
 Паръ въ страны райскія везеть.

Молчать! словацкій подлый родъ,
 Чего орешь не разбирая,
 Отъ нищеты твоихъ щенятъ
 Мы отвеземъ въ обитель рай!—

Когда же поѣздъ засвисталъ,
 Раздался вопль глухой печали,
 И дѣти личики свои
 Въ слезахъ къ вагону прижимали.

Неистово бѣдняжки били
 Въ желѣзные вагона двери,—
 Напрасно все!.. дѣтьми вы были,
 Теперь—вы номера и звѣри!

Но вотъ заколыхался поѣздъ.
 Сильнѣй раздался плачь и стонъ:,
 И съ воплемъ жалобнымъ сливался
 Дрожащій колокола звонъ.

Онъ похоронный звонъ малюткамъ,
 Зловѣщій, скорбный и глухой;
 Вагонъ угрюмый—общій гробъ ихъ,
 Могилой будетъ край чужой.

Бѣдняжка Анка, въ уголокъ
 Забившись, слезы проливаетъ.
 Головку Янко гладить ей
 И такъ подругу утѣшаетъ:

— Не плачь, сестрица, успокойся,
 Всегда я буду при тебѣ,
 Прочтемъ Спасителю молитву
 И покоримся злой судьбѣ!—

У Янка номеръ сорокъ третій,
 У Анки пятый—вотъ бѣда:
 Навѣрно Иродъ беспощадный
 Друзей разлучитъ навсегда!...

Вотъ станція. Открылись двери:
 — Эй! номеръ пятый, выходи!—
 Тогда въ отчаяніи Анка
 Прижалась мальчику къ груди.

Свою подружку обнялъ онъ
 Оцѣпенѣвшими руками,
 Не чувствуя, какъ бьютъ его
 По дѣтской головѣ плетями;

Не внемлетъ онъ, хотя лицо
 Ужъ отъ ударовъ посинѣло;
 Безчувственъ онъ, хотъ отъ штыковъ
 Въ крови его худое тѣло.

И такъ какъ люди не могли
 Преодолѣть ихъ дружбу силой,
 То и оставили его
 Въ одномъ селѣ съ подругой милой.

Заброшены въ семью мадьяръ,
 Въ чужой избѣ въ неволѣ дѣтки;
 Такъ пара ласточекъ сидитъ
 Ненастной осенью на вѣткѣ.

О, дѣти родины моей,
 Куда, вы милая, попали?
 Здѣсь, вмѣсто чудныхъ горъ, лѣсовъ,
 Пески степей васъ повстрѣчали!

Здѣсь, вмѣсто Вага береговъ,
 Поля и грустныхъ болота,
 И вмѣсто набожныхъ молитвъ
 Божба и грязныя остроты!

О, дѣти милая мои,
 Гдѣ старый дѣдъ вашъ, гдѣ родные,
 Гдѣ дѣтства вашего друзья,
 Гдѣ ваши сверстники были?

Гдѣ свѣтлоструйный, быстрый Вагъ,
 Гдѣ вашихъ горъ благоуханья?
 Все миновало!.. Вашъ удѣль—
 Труды, побои и страданья!

Хозяинъ звѣрскій принуждаетъ
 Васъ къ непосильному труду:
 Тяжелый жерновъ Анка вертитъ,
 А Янко косить на лугу.

Среди чужихъ и злыхъ людей
 Вамъ нѣтъ привѣта, всѣ вамъ чужды...
 Васъ бьютъ и плакать не велятъ,
 Бьютъ беспощадно, бьютъ безъ нужды.

И вмѣсто рѣчи вамъ родной
 Какіе звуки ухо рѣжутъ?
 Какъ будто осужденныхъ душъ
 Доносится зубовный скрежетъ.

Какъ будто рой бѣсовъ завылъ,
 По горнымъ безднамъ пролетаа,
 Какъ будто, трупъ себѣ найдя,
 Закаркала воронья стая.

Гдѣ сладкозвучныя слова,
 Гдѣ пѣснь славянская святая,
 Гдѣ ты, родимая страна,
 Завѣтный, дивный уголъ рая?

Слабѣютъ дѣти день за днемъ,
 Тускнѣютъ очи отъ рыданій—
 Какъ не изсякъ источникъ слезъ
 Отъ неутѣшныхъ ихъ страданій?

Какъ нѣжныя сердца еще
 Живутъ и бьются въ тяжелой долѣ,
 Какъ ихъ рученки, утомясь,
 Не оцѣмѣли въ злой неволѣ?

Какъ ножки крошечныя ихъ
 Доселѣ могутъ быть въ движеніи,
 Какъ могутъ гнетъ судьбы сносить
 Ихъ души кроткія въ терпѣннн?

Но съ каждымъ днемъ растетъ тоска,
 Терпѣтъ у нихъ нѣтъ силы болѣ;
 У Янка вдругъ явилась мысль,
 Когда одинъ пахалъ онъ въ полѣ.

За пѣсни бьетъ его хозяйинъ,
 Хозяйка дѣвочку бранить,
 И треплетъ за косу бѣдняжку
 Зато, что плачетъ и скорбитъ.

Въ нихъ умъ работать начиналъ,
 Когда, исполнены печали,
 Въ углу сарая вечеркомъ
 Они укладкой горевали.

И мысль спасенія, мелькнувъ
 Стрѣлой, въ головкахъ ихъ созрѣла
 И вдругъ надеждою живой
 Сердца ихъ скорбныя согрѣла.

— Слышь, Анеа! мальчикъ говоритъ,
 Заглядывая Анеѣ въ глаза:
 Намъ жить нельзя въ чужой странѣ,
 Безъ пѣсни, безъ любви, безъ ласки.

Приходитъ ночь, бѣжимъ скорѣй
 Изъ ненавистнаго намъ дому;
 Намъ Богъ укажетъ вѣрный путь
 Къ жилищу нашему родному!

Когда съ весною наступаетъ
 Конецъ холоднымъ зимнимъ днямъ,
 То снова ласточки обратно
 Летятъ къ насиженнымъ мѣстамъ.

Создатель править ихъ судьбой,
 Онъ ихъ ведетъ надъ бурнымъ моремъ;
 Господь укажетъ путь въ степи
 И намъ, убитымъ тяжкимъ горемъ.

Ночь. Вѣтеръ воетъ по полямъ,
 Все спитъ въ убогой ихъ землянѣ;
 Тайкомъ пробраться за заборъ
 Нашъ Янко помогаетъ Анеѣ.

Прошли широкое село,
 Нѣтъ бѣглецамъ препятствій болѣ—
 Впередъ, теперь свободны вы,
 Впередъ чрезъ вспаханное поле.

А поле—безъ предѣловъ ширь...
 Ни дерева, ни возвышенья,
 Лишь у колодцевъ журавли,
 Торчатъ средь степи въ отдаленнѣ:

Не слышно говора ручья,
 Не слышно пѣсенки игривой,
 Лишь вѣтеръ воетъ, словно волкъ,
 Надъ безконечной, грустной нивой.

Бредутъ сиротки на удачу,
 Держась подальше отъ людей:
 Вѣдь всякій сразу угадалъ бы,
 Какихъ увидѣлъ онъ дѣтей.

Безъ сожалѣнія тогда
 Ихъ проводили бы обратно,
 И всѣ надежды, всѣ мечты
 Тогда прости—и безвозвратно!

Въ степи—колючіе пески,
 Ковыль, тернистыя дороги;
 Едва бредутъ, и всѣ въ крови
 Дѣтей израненныя ноги.

Бѣдняжки жаждутъ: нѣтъ воды;
 Ихъ мучитъ голодъ: нѣтъ имъ хлѣба...
 Авось Господь ихъ сохранить,
 Пославъ росу и манну съ неба.

Какъ только Анеа утомится,
 Ее за ручеу братъ беретъ:
 — Мужайся, милая сестрица,
 Смотри, заря уже встаетъ.

Намъ солнце тѣло отогрѣетъ,
 Живѣй польется въ жилахъ кровь,
 Оно на насъ съ улыбкой взглянетъ
 И намъ прибудетъ силы вновь!—

Въ пути разбойникъ ихъ встрѣчаетъ.
 — Ни съ мѣста! имъ онъ закричалъ.
 И надъ головами сиротокъ
 Сверкнулъ стальной его кинжалъ.

Но, увидавши двухъ малютокъ,
 — Ахъ, вы, бѣдняжки!—онъ сказалъ;
 Потомъ водою наполнилъ ихъ
 И хлѣба съ ласкою имъ далъ.

Ихъ беззащитностью убогой
 Глубоко тронуть былъ злодѣй.
 Не пожалѣлъ послѣдней ворки
 Онъ для измученныхъ дѣтей.

Васъ пощадилъ бы тигръ свирѣпый,
 Кайманъ, лежащій въ камышѣ,
 Но нѣтъ и искры сожалѣнья
 Къ вамъ въ ренегата злой душѣ!..

Когда жарю доканало
 Въ конецъ измученныхъ дѣтей,
 Протяжный свистъ локомотива
 Вдругъ долетѣлъ до ихъ ушей.

Вотъ дымъ клубится надъ трубою...
 Совсѣмъ какъ въ день тотъ роковой,
 Когда рыдая разставались
 Они съ родимую страной.

Паръ отвозилъ дѣтей несчастныхъ
 Въ пустыню, въ рабство, въ нищету;
 Быть можетъ онъ же и доставить
 Домой несчастную чету.

— Пойдемъ-ка, Анка, на дорогу,
 Что вся желѣзомъ устлана,
 И вѣрь мнѣ, скоро, очень скоро
 Домой насъ приведетъ она.

По полотну они идутъ,
 Полны увѣренности сладкой,
 Что въ ихъ родимое село
 Ведетъ ихъ путь прямой и гладкій.

Подъ вечеръ къ станціи пришли.
 На небѣ звѣзды засвѣтились.
 Крѣпился мальчикъ, но увы!
 У Анки ножки подкосились.

Усѣлись въ уголку сиротки,
 Ихъ сонъ въ объятія зоветъ;
 Во снѣ тревожномъ передъ Янкомъ
 Рядъ избъ знакомыхъ возстаетъ.

Но ихъ родная деревушка
Печальной стала и пустой;
Песокъ тамъ стелется сыпучій,
Гдѣ красовался лѣсъ густой.

—А гдѣ же дѣдъ мой!—вскрикнулъ онъ
Въ испугѣ и глухой печали.
Старушка дряхлая въ отвѣтъ
Сказала:—Гдѣ вы пропадали?!

Давно ужъ дѣда нѣтъ у васъ;
Сложилъ онъ старческія кости
И спитъ спокойнымъ, вѣчнымъ сномъ
Въ землѣ холодной на погостѣ.—

И скрылась старая. Но вотъ
Въ деревню экипажъ вѣзжаетъ,
Усатый кучеръ съ облучка
Толпу дѣтей кнутомъ стегаетъ.

Изъ экипажа лѣзетъ панъ,
Одѣтый въ ментикъ, съ жирнымъ брюхомъ,
Подъ мышкой толстый протоколь,
Перо гусиное за ухомъ.

Внезапно вскрикнулъ Янко мой,
Какъ будто видитъ онъ дракона,
И быстро на ноги вскочилъ,
Какъ бы отъ жала скорпіона.

И Анка вздрогнула, проснувшись,
Смахнула слезы ругавомъ
И въ страхѣ видитъ предъ собою
Дракона въ сумракѣ ночномъ.

Его глазища ярко блещутъ,
Сверкаетъ огненный ихъ лучъ,
Какъ будто двѣ луны на небѣ
Вдругъ появились изъ-за тучъ.

Забились въ уголь свой дѣтишки,
Другъ къ другу жмутся и дрожать...
А два багряныхъ, яркихъ круга
Все ближе, ближе къ нимъ летятъ.

Ужъ виденъ паръ, ужъ слышно дѣтямъ,
 Какъ равномерно дышетъ онъ.
 —Встань, Анка, милая, скорѣе,
 Не призракъ то и не драконъ.

То—паровозъ за нами ѣдетъ,
 На немъ поѣдемъ мы опять;
 Онъ по горамъ и по долинамъ
 Домой насъ быстро будетъ мчать.

Не бойся Анка, мой дружочекъ,
 Тѣхъ яркихъ, огненныхъ очей;
 Рычагъ стальной за ними сбоку
 Колеса вертитъ веругъ осей.

Ахъ, Анка, радуйся, сестрица,
 Опять въ вагоны насъ втолкнутъ,
 Опять дощечки съ номерами
 На грудь обويمъ намъ дадутъ.—

Забилось сердце въ нихъ живѣй,
 Глазенки ярко заблестѣли,
 Они забыли разомъ все,
 Что до сихъ поръ они терпѣли.

Ихъ лица снова расцвѣли,
 Румянѣй розъ ихъ щечки стали,
 Но все—увы! въ послѣдній разъ,
 Чтобъ вслѣдъ затѣмъ навѣкъ увяли!

Вотъ поѣздъ шумно подошелъ;
 Въ вагонахъ двери открываютъ.
 —Войдемъ туда, мой другъ, скорѣй,
 Пускай павъ Иродъ насъ узнаетъ.

Вонъ видишь синій огонечекъ—
 Въ вагонѣ томъ найдемъ дѣтей,
 Которыхъ съ нами отвозили;
 Пойдемъ и сядемъ поскорѣй!

Въ вагонъ войти они хотѣли,
 Но ихъ кондукторъ не пустилъ,
 Суровымъ голосомъ чего-то
 Онъ отъ бѣдняжекъ попросилъ...

Но ничего у нихъ, какъ есть,
Нѣтъ, кромѣ горя и печали...
Зато несчастныхъ сторожа
Съ платформы палками прогнали.

— Не плачь, голубушка моя,
Вѣрь, заживуть и эти раны,
Когда насъ поѣздъ привезетъ
Въ прекрасныя словаковъ страны.

За что тотъ баринъ разсердился?
Ему навѣрное знакомъ
Хозяинъ нашъ?—Бѣжимъ укрыться
Подъ тотъ большой желѣзный домъ!—

И вотъ дѣтишки, какъ мышата,
Шмыгнули тихо подъ вагонъ,
И ждутъ, тревожно сидя рядомъ,
Что ихъ съ собой захватитъ онъ.

Стальные оси передъ ними,
Надъ ними балки и шесты,
Съ боковъ—рессоры и колеса,
Крюки и толстые пруты.

Желѣзный срубъ наводитъ страхъ,
Не шевелясь сидятъ въ немъ дѣтки:
Такъ двое пойманныхъ звѣрцовъ
Сидятъ испуганные въ клеткѣ.

Но ихъ поддерживаетъ мысль,
Что скоро кончатся ихъ муки,
Что приближается конецъ
Ихъ долговременной разлукѣ.

Да, дѣти, кончатся для васъ
Земныя, тяжкія страданья,
И въ новой родинѣ—въ раю
Васъ ждетъ пріятное свиданье.

Тамъ вы избавитесь на вѣкъ
Отъ козней вашего злодѣя,
Звѣзда свободы вашей—тамъ
Сіяетъ на небѣ, свѣтлѣя.

Путь освѣщая фонарями,
 Прислуга ходить близъ дѣтей,
 Свистять свистки, гремятъ засовы,
 Порою слышенъ стукъ дверей.

Катятся тачки, суетливо
 Толпа людей въ вагонъ бѣжить,
 Кругомъ волненье, шумъ и говоръ,
 Звонокъ—и паровозъ свистить.

— Хватайся, милочка, за цѣпь!
 Кричить мой Янко подъ вагономъ,
 И вотъ ужъ двинулись впередъ
 Колеса съ шумомъ и трезвономъ.

Машина тронулась; толчокъ
 Передается всѣмъ вагонамъ;
 Черезъ минуту полетать
 И наши дѣточки съ дракономъ.

Стальной рычагъ работу началъ,
 Машина тяжело пыхтитъ,
 Въ большомъ котлѣ вода клокочетъ,
 А Янко дѣвочки кричить:

— Держись за цѣпь покрѣпче, Анка,
 Терпи, крѣпись, не унывай,
 Вѣдь мы съ тобой уже въ дорогѣ
 Въ прекрасный нашъ словацкій край!

За цѣпи Анка ухватилась,
 Повисъ на кольцахъ Янко мой:
 Таеъ пара птицъ окоченѣлыхъ
 На чердакѣ висить зимой.

Быстрѣ дышетъ паровозъ
 И сильно прибавляетъ ходу...
 Придется-ль птичкамъ тѣмъ летать
 На крыльяхъ въ вешнюю погоду?!

Вотъ поѣздъ сильно разошелся,
 Какъ вихрь безъ усталы бѣжить,
 Вагонъ надъ головами дѣтокъ,
 Какъ туча черная гремитъ.

Одни колеса за другими
Стремятся въ бѣшеной погонѣ,
Бренчатъ отъ тренья звенья цѣпи
И стекла дребезжатъ въ вагонѣ.

Шумъ оглушительный, ужасный,
И визгъ, и стукъ и цѣлый адъ,
Гуляетъ вѣтеръ подъ вагономъ
И рветъ одежду у ребятъ.

Такъ вотъ какъ, Иродь! ты увезъ
Дѣтишекъ въ пышныя палаты,
Они навѣрное теперь
Счастливы, знатны и богаты!..

— Эй! Анка, слышишь ли меня?
Твой Янко говорить съ тобою;
Смотри, чтобъ не попала ты
Въ колеса какъ-нибудь ногою!

Не бойся, милочка моя,
Недолги будутъ наши муки,
Приѣдемъ скоро мы домой
Изъ долговременной разлуки!—

Но ничего не слышитъ Анка;
Она, бѣдняжка, чуть жива;
Ея рука одѣпенѣла,
И закружилась голова.

Дрожать громадныя вагоны,
И доски толстыя трещать,
Колеса искры высѣкаютъ,
Стучать о рельсы и летать.

Качается съ малюткой цѣпь,
Нѣмбуютъ слабыя рученки.
Отъ ранъ глубокихъ всѣ въ крови
Окоченѣвшія ноженки.

Головка кружится сильнѣе,
Рука держаться устааетъ
Твоя подружка, милый Янко,
Навѣрно скоро упадетъ.

Надъ головами ихъ вагонъ,
 Съ боковъ—огромныя колеса,
 Могила страшная внизу
 Манить на острые утесы.

Порой освѣтится ихъ путь..
 О, Господи, что тамъ творится!
 Вагонъ не двигаясь гремитъ,
 Дорога бѣшено стремится.

Въ больныхъ головкахъ страшный гулъ
 Стоитъ все время, не смолкаетъ,
 Какъ будто въ гнѣвѣ великанъ
 Свой тяжкій молотъ разбиваетъ.

Какъ будто вихрь въ ущельяхъ скалъ
 Пронзительно свиститъ и воетъ,
 Какъ будто горный водопадъ
 Бездонные овраги моетъ.

Вотъ поѣздъ по мосту несется,
 Уныло рельсы дребезжать,
 Какъ будто въ колоколъ разбитый
 Желѣзнымъ молотомъ стучать.

Свѣтъ фонарей блеснулъ сильнѣе—
 Тамъ бездна страшная лежитъ..
 Бренчанье вдругъ смѣнилось гуломъ
 Вагонъ по насыпи бѣжить.

— О, Господи, помилуй насъ,
 Вдохнула Анка чуть живая!
 — Пойдите! Янко закричалъ
 Но поѣздъ мчится, не внимая.

— Остановитесь, ради Бога,
 О, погодите хоть немножко,
 Мнѣ удалось мелькомъ замѣтить,
 Что вся въ крови у Анки ножка!—

Мольбы напрасны, тщетенъ крикъ,
 Безъ остановки поѣздъ мчится,
 Изъ ранъ на рельсы и песокъ
 За каплей капля кровь струится.

— Голубка Анеа, потерпи,
И не тревожься изъ-за раны,
Вѣдь скоро поѣздъ насъ примчнтъ
Въ прекрасныя 'словаковъ страны!—

Не для нея онъ говорить,
Не внятень Анкѣ голосъ милый,
Но все же держится она
За цѣпь, сберясь съ послѣдней силой.

Но вотъ конецъ, не стало силъ,
Ихъ у нея отняли муки...
Но Янко во время схватилъ
Подругу въ немощныя руки.

Свою застывшую рученку
Онъ, бѣдный, чувствуетъ едва-ль,
Но за себя онъ не страшится,
Ему подружки только жаль.

Она безъ чувствъ; ее къ себѣ
Одной рукой онъ прижимаетъ,
Другою изъ послѣднихъ силъ
Кольцо холодное сжимаетъ.

Ему труднѣе каждый мигъ:
Чѣмъ больше дѣвочка слабѣетъ,
Тѣмъ больше рѣжется кольцо,
И ручка мальчика нѣмѣетъ.

Давно струя горячей крови
Бѣжитъ съ руки ему на грудь...
О, Боже, скоро-ль приведешь Ты
Къ концу тяжелый, страшный путь?!

Въ удобныхъ позахъ пассажиры
Въ вагонахъ поѣзда сидятъ
И въ сладкой нѣгѣ и довольствѣ
Въ окно разсѣянно глядятъ.

Они то кушаютъ, то дремлютъ,
То рѣчь веселую ведутъ...
А подъ вагономъ въ мукахъ адскихъ
Сиротки смерти молча ждутъ.

Неудержимо поѣздъ мчится,
 Какъ будто демономъ гонимъ,
 Зловѣщей тучею клубится
 За нимъ густой и ѣдкій дымъ.

Въ тоннель съ шипѣньемъ онъ влетаетъ,
 Сильнѣе дѣлается шумъ,
 Дыханье сиротъ замираетъ
 И помрачается ихъ умъ...

Рука не держитъ ужъ кольца,
 Но Анку крѣпче обнимаетъ
 И въ мигъ паденья роковой
 Къ себѣ сильнѣе прижимаетъ.

Раздался крикъ... и все свершилось!
 Ужасный мигъ! ужасный видъ!
 По полотну и по колесамъ
 Струя кровавая бѣжитъ.

Но поѣздъ мчится и съ шипѣньемъ
 Опять выходитъ изъ норы.
 Свистокъ раздался съ грустнымъ стономъ;
 Вздыхаютъ жалобно пары.

Дымъ вылетающій, какъ саванъ,
 Покрыть тѣла дѣтей спѣшитъ,
 И цѣпь, алѣющая кровью,
 Скорѣе стонеть, чѣмъ гремитъ.

Желѣзо тронута—и плачетъ
 Надъ горькой участью дѣтей,
 Мелькаетъ жалобнѣе пламя,
 Пары вздыхаютъ все сильнѣй.

Лишь ренегата не взволнуешь,
 Въ немъ сердце—камень гробовой,
 И мѣста нѣтъ для сожалѣнья
 Въ душѣ всѣмъ міромъ проклятой!

Приди сюда измѣнникъ Иродъ,
 Взгляни на дѣло рукъ твоихъ
 И до сыта напейся крови
 Страдальцевъ юныхъ и святыхъ!

Но знай: рабы твои свободны;
 Палачъ въ рай не страшень имъ,
 Тамъ милосердый есть Хозяинъ,
 Тамъ ихъ ласкаетъ херувимъ!

Эп и л о г ъ.

Лазурный небосклонъ! Твоихъ лучей сиянье
 Расплатило снѣга души моей больной;
 Ужъ гаснетъ гнѣвное очей моихъ блистанье,
 Смѣняясъ радостной прощенья слезой.
 Отъ пыла нѣжныхъ чувствъ любви я таю,
 Мой гнѣвъ къ врагу и скорбь моя прошли..
 Небесный сводъ! Опять къ тебѣ взываю,
 Моей покорной лирѣ ты внемли.
 Стою какъ славянинъ я нынѣ предъ тобою,
 Моля тебя не мстить за нашу кровь грозою!

Помилуй и прости, Всевышній Боже, тѣхъ,
 Что отдають дѣтей во власть врагамъ за плату;
 Помилуй и прости ихъ тяжкій, смертный грѣхъ;
 Мы мести не хотимъ врагамъ и ренегату.
 То вѣстныя слова Христа я повторяю,
 Его Ты вдохновилъ любовію святой;
 Съ Голгофы Онъ сойдетъ, я вѣрю въ то и знаю,
 Чтобъ гнетъ нашъ прекратить святой Своей
 рукой.

Гроза прекратилась, стихаютъ моря;
 Край неба свѣтлѣетъ, восходитъ заря!

Перевелъ В. Кривошъ.

ПАНЬ РИШАНЕКЪ И ПАНЬ ШЛЕГЛЬ

Изъ «Малостранскихъ разсказовъ» Яна Неруды

Съ чешскаго

I

СМѢШНО было бы допустить даже предположеніе, что кто-нибудь изъ моихъ читателей можетъ не знать гостиницу «у Штайницевъ» на Малой сторонѣ *. Это первоклассный ресторанъ въ первомъ домѣ съ лѣвой стороны, тотчасъ за башней Карлова моста, на углу Мостецкой и Лазенской улицъ, съ большими окнами, съ большими стеклянными дверями. Единственный ресторанъ, который такъ смѣло занялъ мѣсто на самой людной улицѣ, имѣя къ тому же и входъ прямо съ тротуара! Всѣ остальные гостиницы или расположены въ прилегающихъ улицахъ, или имѣютъ входъ внутри зданія, или по крайней мѣрѣ входъ въ нихъ закрытъ, на первый взглядъ, аркадами, совсѣмъ въ духѣ скромной Малой стороны **. Поэтому-то коренные обитатели Малой стороны, ея тихихъ улицъ, переполненныхъ поэтическими закоулками, не ходятъ къ «Штайницамъ». Тамъ бываютъ только болѣе крупные чиновники, профессора, офицеры, занесенные туда только случаемъ, да и то вѣроятно ненадолго, потому что немногіе отставные чиновники и наконецъ нѣкоторые старые богатые домовладѣльцы, давно уже передавшіе кому-нибудь свои дѣла по дому,—и только. Духъ ресторана бюрократическо-аристократическій.

Много лѣтъ тому назадъ, когда я былъ еще маленькимъ гимназистомъ, общество, собиравшееся «у Штайницевъ», отличалось уже своимъ особымъ, хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и инымъ харак-

* «Малой стороной» называется часть Праги, находящаяся на лѣвомъ берегу Влтавы.

** Постройки съ аркадами—несомнѣнный признакъ старины. Въ Прагѣ аркады встрѣчаются только въ старыхъ частяхъ города. Въ «Новомъ городѣ» (извѣстная часть Праги) ихъ почти вѣтъ.

теромъ. Короче сказать, это былъ Олимпъ Малой стороны, гдѣ собирались ея боги. Вѣдь уже давно установлено историческими фактами, что боги соотвѣтствуютъ настроенію своихъ народовъ. Иегова напр. былъ богъ пасмурный, строгій и мстительный, суровый и безпощадный, какъ и іудеи. Греческіе боги были изящны и остроумны, красивы и веселы, во всемъ похожіе на грековъ. Славянскіе боги...— но простите! Мы, славяне, никогда не были способны ни на основаніе крупныхъ государствъ, ни на вполне опредѣленное олицетвореніе своихъ боговъ; несмотря на всѣ усилія Эрбена и Костомарова, наши прежніе боги и понынѣ остаются для насъ какой-то туманной группой мягкихъ, неопредѣленныхъ очертаній. Когда-нибудь я, можетъ быть, и напишу специальное и ужъ, конечно, очень интересное разсужденіе о параллели между богами и человѣчествомъ; здѣсь же я желаю только заявить, что боги, собиравшіеся «у Штайницевъ», были несомнѣнные боги Малой стороны. Малая сторона, ея дома и населеніе носили на себѣ отпечатокъ чего-то тихаго, важнаго, стариковскаго, можно сказать даже какой-то дремоты; этотъ же отпечатокъ лежалъ и на господахъ посѣтителехъ ресторана. Конечно и тогда, какъ и теперь, среди нихъ были гражданскіе чиновники, военные, профессора, пенсіонеры; но тогда еще не помыкали такъ чиновниками и военными, не гоняли ихъ изъ одной части государства въ другую, такъ что отцамъ не только удавалось закончить образованіе сыновей въ Прагѣ, но даже и пристроить ихъ на какую-либо должность и, благодаря протекціи, удержать ихъ при себѣ навсегда. Если нѣкоторые изъ посѣтителей «Штайницевъ» останавливались на минуту на тротуарѣ у входа, то всѣ проходившіе мимо кланялись имъ—знали ихъ.

Для насъ, гимназистовъ, Олимпъ «у Штайницевъ» былъ истый Олимпъ уже и потому, что тамъ бывали всѣ наши старые учителя. Старые! Зачѣмъ же называть ихъ старыми! Я зналъ хорошо всѣхъ боговъ нашей Малой стороны, и мнѣ всегда казалось, что никто изъ нихъ никогда не бывалъ молодъ.

Какъ сейчасъ вижу ихъ всѣхъ! Начнемъ съ пана совѣтника апелляціоннаго суда. Высокій, сухой и очень уважаемый всѣми! Онъ состоялъ еще на службѣ, но я никакъ не могъ уразумѣть, въ чемъ заключались его служебныя обязанности. Когда мы въ десятомъ часу утра возвращались изъ школы, онъ только что выходилъ изъ своего дома на Кармелитской улицѣ и важно направлялся въ Остругову улицу, въ виноторговлю Царды. Въ четвергъ, когда у насъ не бывало послѣобѣденныхъ уроковъ и мы бѣгали по Маріанскимъ бастіонамъ, онъ тоже прогуливался тамъ въ саду; а въ половинѣ пятаго онъ уже входилъ къ «Штайницамъ». Я давалъ себѣ слово прилежно

учиться, чтобы потомъ сдѣлаться такимъ же совѣтникомъ апелляціоннаго суда, но потомъ какъ-то забылъ объ этомъ.

Затѣмъ слѣдуетъ одноглазый панъ графъ. Положимъ, на Малой сторонѣ никогда не было недостатка въ графахъ, но этотъ одноглазый былъ вѣроятно единственный изъ нихъ, который посѣщалъ гостинницу на Малой сторонѣ, по крайней мѣрѣ тогда. Высокій, костлявый, со свѣжимъ румянцемъ, съ короткими бѣлыми волосами, съ черной повязкой на лѣвомъ глазѣ, онъ стоялъ на тротуарѣ около «Штайницевъ» часа по два, и если мнѣ бывало нужно пройти мимо него, то я всегда проходилъ подъ арками. Сама природа наградила шляхтичей опредѣленнымъ профилемъ, который называется аристократическимъ и который придаетъ имъ большое сходство съ хищными птицами.

Панъ графъ дѣйствительно казался мнѣ похожимъ на того сокола, который съ ужасающею послѣдовательностью ежедневно, въ самый полдень появлялся на куполѣ церкви св. Николая съ голубемъ въ клювѣ и принимался разрывать свою добычу на части, такъ что перья летѣли внизъ на площадь. Итакъ мимо графа я всегда проходилъ подъ арками; онъ внушалъ мнѣ неопредѣленный страхъ, какъ бы онъ не клюнулъ меня.

За нимъ слѣдуетъ толстый панъ штабъ-лѣкаръ, не слишкомъ еще старый, но уже въ отставкѣ. Рассказывали, будто онъ однажды, при осмотрѣ пражскихъ больницъ какимъ-то высокопоставленнымъ лицомъ, на замѣчаніе этой важной особы отвѣтилъ, что она, особа, тутъ ничего не смыслить. Ему приказано было подать въ отставку, что и возбудило въ насъ расположеніе къ нему, такъ какъ мы, мальчики, считали этого толстяка настоящимъ революціонеромъ. Онъ былъ привѣтливъ и разговорчивъ, если встрѣчалъ мальчугана, который ему нравился,—такимъ мальчуганомъ могла быть и дѣвочка,—онъ останавливалъ его, гладилъ по лицу и говорилъ: «Кланяйся батюшкѣ», хотя бы и не зналъ этого послѣдняго.

Потомъ... впрочемъ нѣтъ! Всѣ эти старики вдругъ какъ-то еще болѣе постарѣли и вскорѣ умерли... Не будемъ же тревожить ихъ костей. Съ наслажденіемъ вспоминаю о тѣхъ пріятныхъ минутахъ, которыя я проводилъ среди нихъ, объ испытанномъ мною чувствѣ самостоятельности, возмужалости, когда, поступивъ въ университетъ, я въ первый разъ и безъ страха предъ профессорами вошелъ къ «Штайницамъ», въ общество этихъ высшихъ существъ. Правда, многіе не обратили на меня никакого вниманія, какъ будто меня тутъ и не было. Только разъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль случилось, что панъ штабъ-лѣкаръ передъ отходомъ, проходя мимо моего стола, сказалъ мнѣ: «Да, да, молодой человекъ:—пиво сегодня ничего не

стоитъ, что бы они тамъ ни говорили!» и при этомъ съ пренебреженіемъ кивнулъ головой назадъ, именно на тѣхъ, съ которыми только что распрощался. Настоящій Брутъ! Имѣю смѣлость утверждать, что при удобномъ случаѣ онъ не задумался бы и самому Цезарю бросить въ лицо оскорбленіе, что онъ ничего не понимаетъ въ пивѣ.

Зато я внимательно наблюдалъ за ними. Многого я не могъ слышать, но подмѣтить въ нихъ могъ многое. Я считаю себя только дурной копіей этихъ субъектовъ, но всѣмъ, что есть во мнѣ возвышеннаго, я обязанъ имъ. Особенно памяты для меня останутся двое изъ нихъ, проникшіе въ самую глубину моего сердца. Это панъ Ришанекъ и панъ Шлегль.

Эти двое не могли выносить другъ друга. Но, прошу извиненія,— я лучше поведу разговоръ о нихъ нѣсколько иначе.

При входѣ къ «Штайницамъ» съ Мостецкой улицы, на первомъ этажѣ помѣщенія, гдѣ стоятъ билліарды, на правой сторонѣ — три окна, выходящія на Лазенскую улицу. Въ нишѣ каждого изъ этихъ оконъ стоитъ по маленькому столику, окруженному съ трехъ сторонъ скамьями; помѣститься тутъ могутъ трое: одинъ спиной къ окну, а двое остальныхъ—другъ противъ друга, по обѣ стороны отъ перваго; если и имъ вздумается повернуться спиной къ окну, то билліарды приходится какъ разъ передъ ними, и они наслаждаются зрѣлищемъ игры.

У третьяго окна, отъ входа направо, каждый вечеръ отъ шести до осьми часовъ сидѣли всѣми уважаемые члены общества: панъ Ришанекъ и панъ Шлегль. Мѣсто ихъ всегда оставалось незанято до ихъ прихода; никто бы и не дерзнулъ сѣсть на чужое обычное мѣсто: такой поступокъ показался бы порядочному и благовоспитанному обывателю Малой стороны положительно невозможень, потому что...—ну, да потому что онъ не могъ бы допустить и самой мысли объ этомъ. Мѣсто у самаго окна оставалось всегда пустымъ; панъ Шлегль садился обыкновенно на конецъ скамьи, ближайшей ко входу, а панъ Ришанекъ—на противоположномъ концѣ, въ аршинномъ разстояніи другъ отъ друга. Оба обыкновенно сидѣли спиной къ окну, наполовину отвернувшись отъ стола и другъ отъ друга, и смотрѣли на билліардъ; къ столу же они поворачивались лишь тогда, когда желали хлебнуть пива или набить трубку. Цѣлыхъ одиннадцать лѣтъ они сидѣли уже такъ ежедневно. И въ теченіе одиннадцати лѣтъ они ни слова не сказали другъ другу и даже ни разу не обратили вниманія другъ на друга.

Вся Малая сторона знала о непримиримой враждѣ ихъ между собой. Вражда эта была давнишняя. Причина ея тоже была извѣстна. Главнымъ поводомъ къ ней была женщина. Оба влюбились въ одну

и ту же. Сначала она оказывала предпочтеніе пану Ришанку, который былъ уже нѣкоторое время самостоятельнымъ торговцемъ; потомъ неожиданно-негаданно предметъ очутился въ объятіяхъ пана Шлегля... можетъ быть потому, что панъ Шлегль былъ лѣтъ на десять моложе пана Ришанка. Итакъ она превратилась въ пани Шлегль.

Была ли пани Шлегль такая необыкновенная красавица, и можно ли было объяснить этимъ столь продолжительную скорбь Ришанка и его послѣдующую рѣшимость остаться навѣки холостякомъ—миѣ неизвѣстно. Пани давно уже была въ землѣ: умерла послѣ первыхъ родовъ, оставивъ послѣ себя дочку, и кажется эта послѣдняя была ея портреть. Въ ту пору, къ которой относится мой разсказъ, дочкѣ Шлегля было съ небольшимъ двадцать. Я зналъ ее, она часто приходила въ гости къ Полдинѣ *, дочери капитана, жившаго въ верхнемъ этажѣ надъ нами. Дочка Шлегля считалась красавицей. Можетъ быть это и было такъ съ архитектурной точки зрѣнія. Все у нея было на своемъ мѣстѣ, во всемъ надлежащіе размѣры. Но каждый наблюдатель—не архитекторъ пришелъ бы отъ нея въ отчаяніе: лицо ея было такъ же мало подвижно, какъ фасадъ какого-нибудь дворца. Глаза ея блестѣли безъ всякаго выраженія, словно только что вымытыя окна. Уста ея, въ общемъ красивыя, какъ мелкая арабеска, открывались понемножку словно ворота, затѣмъ или ужъ оставались настезь открытыми, или же опять потихоньку закрывались. При всемъ этомъ цвѣтъ лица въ родѣ только что выбѣленной стѣны; быть можетъ теперь, если она еще жива, она ужъ и не такъ красива, но зато непремѣнно пріятнѣе: такія постройки дѣлаются красивѣе, именно когда начинаютъ приходиться въ ветхость.

Миѣ очень жаль, что я не въ состояніи повѣдать читателю, какимъ образомъ панъ Ришанекъ и панъ Шлегль очутились за однимъ столомъ у третьяго окна. Виновтому была вѣроятно какая-нибудь проклятая случайность, ежедневно отравляющая теперь жизнь этихъ стариковъ. Если простая случайность усадила ихъ рядомъ, то на первый разъ ихъ удержала на своемъ мѣстѣ мужественная гордость; во второй разъ они усѣлись также на зло другъ другу, а потомъ уже сажались такъ въ доказательство своей непоколебимости, и чтобы не подать повода къ пересудамъ. А теперь ужъ давно всѣ «у Штайницевъ» убѣдились, что это обстоятельство сдѣлалось для нихъ обоихъ вопросомъ чести, и никто изъ нихъ не можетъ уступить другъ другу.

Оба приходили около шести часовъ, сегодня раньше одинъ, а завтра другой. По приходѣ они вѣжливо расклапывались на всѣ четыре стороны, со всѣми, но между собой никогда не здоровались.

* Леопольдиночка.

Кельнеръ брадь у нихъ лѣтомъ шляпы и палки, а зимой барашковья фуражки и пальто и вѣшалъ позади нихъ на крючокъ. Затѣмъ сбросившій съ себя верхнее платье встряхивался нѣсколько разъ, подобно голубю, всей верхнею частью тѣла: старики любятъ такъ встряхнуться, когда усаживаются на мѣсто; потомъ онъ опирался одной рукой (панъ Ришанекъ лѣвой, а панъ Шлегль правой) на свой уголь стола и потихоньку садился спиной къ окну, лицомъ къ билліарду. Когда толстый, вѣчно ухмыляющійся и болтливый хозяинъ гостиницы подходилъ съ предложеніемъ первой понюшки табаку, то долженъ былъ передъ каждымъ изъ нихъ отдѣльно постучать по табакеркѣ и произнести замѣчаніе о томъ: «какая прекрасная сегодня погода»—иначе кто-нибудь изъ нихъ не принялъ бы понюшки и пропустилъ бы сказанное мимо ушей. Никогда и никому не удавалось побесѣдовать съ обоими заразъ. Никто изъ нихъ никогда не обратилъ вниманія на другого, какъ будто за столомъ никого кромѣ него самого и не было.

Кельнеръ ставилъ передъ ними по кружкѣ пива. Минуту спустя, при всей своей взаимной невнимательности, они все-таки взглядывали другъ на друга, но всегда въ разное время, потомъ поворачивались къ столику, вынимали изъ бокового кармана по большой, окованной серебромъ пѣнковой трубкѣ, а изъ другого кармана кисеть съ табакомъ, набивали трубку, закуривали и снова отворачивались отъ окна. Такъ они просиживали два часа, выпивали по три кружки пива, потомъ вставали, но тоже всегда не въ одно время, совали трубку въ карманъ, прятали кисеть, кельнеръ подавалъ пальто уходившему, а этотъ послѣдній раскланивался со всеми, исключая своего сосѣда.

Я намѣренно подсаживался къ столику въ сторонѣ, около печки. Отсюда я могъ смотрѣть прямо въ лицо и пану Ришанку и пану Шлеглю, и мнѣ удобно было наблюдать за ними, не возбуждая ничьего вниманія.

Панъ Ришанекъ въ былыя времена торговалъ канифасомъ, а панъ Шлегль желѣзнымъ товаромъ. Теперь оба уже были богатые домовладѣльцы и не занимались болѣе торговлей; но вѣщность ихъ все еще напоминала о прежнемъ ихъ занятіи: лицо пана Ришанка постоянно напоминало мнѣ бѣлый канифасъ съ красными полосками, а вся фигура пана Шлегля на мой взглядъ имѣла большое сходство съ чугунной купеческой ступкой.

Панъ Ришанекъ былъ выше ростомъ, худѣе и, какъ уже было сказано, старше. Онъ видимо уже не обладалъ крѣпкимъ здоровьемъ: часто въ немъ замѣчалась слабость; нижняя челюсть его какъ-то невольно отдѣлялась и отвисала книзу. Сѣрые глаза были вооружены очками съ оправой изъ черной кости. Голова его была прикрыта

свѣтлымъ парикомъ, а по бровямъ его, неполнѣ еще посѣдѣвшимъ, можно было заключить, что панъ Ришанекъ былъ когда-то блондинъ. Щеки у него были впалыя, блѣдныя, настолько блѣдныя, что длинный красный носъ казался ярко пурпуровымъ. На кончикѣ носа иногда красовалась капля, слеза, выкатившаяся изъ самой глубины его. Какъ добросовѣстный биографъ, я долженъ упомянуть, что панъ Ришанекъ иногда такъ долго собирался отереть эту слезу, что она капала ему на грудь.

Панъ Шлегль былъ мужчина коренастый; шея словно у него вовсе не было; голова его походила на бомбу; волосы онъ имѣлъ черные съ сильною просѣдью; лицо на обритыхъ мѣстахъ черносиняго цвѣта, а въ общемъ розовое; цвѣтъ кожи мѣстами лоснящійся, мѣстами матовый, совсѣмъ какъ на потемнѣвшемъ портретѣ кисти Рембрандта.

Я питалъ рѣшительное уваженіе къ этимъ двумъ героямъ, даже преклонялся передъ ними. Сидя здѣсь, они ежедневно вели между собой великую, суровую, непримиримую войну. Они сражались особымъ оружіемъ: молчаніемъ, пропитаннымъ ядомъ и самымъ тяжкимъ пренебреженіемъ другъ къ другу. Кто же изъ нихъ занесетъ наконецъ пату на выю побѣжденнаго соперника! Панъ Шлегль былъ физически сильнѣе, все въ немъ было кратко, отрывисто, каждое его слово звучало словно ударъ часовъ на башнѣ. Панъ Ришанекъ говорилъ мягко и протяжно, былъ слабъ, но молчалъ и ненавидѣлъ съ такимъ же геройствомъ.

II.

Вдругъ случилось событіе.

Была какъ разъ среда предъ третьимъ воскресеньемъ по Пасхѣ, когда пришелъ панъ Шлегль и усѣлся на свое мѣсто. Усѣвшись, онъ набилъ трубку и выпустилъ облако дыму, повалившаго словно изъ трубы. Тутъ вошелъ хозяинъ гостиницы и по обыкновенію прямо къ нему, постучалъ по табакеркѣ и предложилъ понюхать. Потомъ закрывъ табакерку и снова встряхнувъ ее, онъ бросилъ взглядъ на входную дверь и сказалъ:

— Такъ мы сегодня не увидимъ пана Ришанка.

Панъ Шлегль ничего не отвѣтилъ, съ невозмутимымъ равнодушіемъ посматривая прямо предъ собою.

— Объ этомъ мнѣ сказалъ вонъ тамъ панъ штабный лѣкарь, продолжалъ рассказывать хозяинъ, стоя теперь уже спиной ко входу; при оборотѣ взглядъ его скользнулъ по лицу пана Шлегля.— Поутру онъ какъ и всегда сталъ было вставать съ постели, какъ вдругъ его начала трясти такая лихорадка, что пришлось опять лечь въ постель и какъ можно скорѣе послать за докторомъ.— Воспаленіе легкихъ.—

Штабный лѣварь былъ у него сегодня уже три раза: вѣдь человѣкъ-то старый! Ну да теперь онъ въ хорошихъ рукахъ. Можно надѣяться!

Панъ Шлегль что-то промышаль, не раскрывая рта: онъ не проронилъ ни единого слова, не моргнулъ глазомъ.

Хозяинъ направился къ сосѣднему столу.

Тутъ я впился взоромъ въ лицо пана Шлегля. Долго оно оставалось совершенно неподвижнымъ, только губы раскрывались и выпускали клубы дыма, да чубукъ скользилъ иногда изъ одного угла рта въ другой. Черезъ нѣкоторое время къ нему подошелъ одинъ изъ знакомыхъ. Разговорились, причемъ панъ Шлегль иногда громко смѣялся. Смѣхъ его былъ мнѣ противенъ.

Вообще сегодня панъ Шлегль держалъ себя совсѣмъ иначе, чѣмъ прежде. Прежде онъ былъ словно пригвожденъ къ своему мѣсту, какъ часовой къ своей сторожевой будкѣ; теперь онъ блуждалъ, ему не сидѣлось, даже пустился играть на биллиардѣ съ купцомъ, паномъ Келеромъ. При каждой партіи счастье улыбалось ему до самаго дублета, и, признаюсь, я почти желалъ, чтобы онъ ни разу не сдѣлалъ заканчивающаго партію дублета, и чтобы панъ Келеръ тѣмъ временемъ догонялъ его въ счетѣ.

Потомъ онъ снова усѣлся, сталъ курить и пить. Если кто-нибудь подходилъ къ нему, то панъ Шлегль говорилъ громче и былъ словоохотливѣе прежняго. Самое малѣйшее движеніе его не ускользнуло отъ меня; я видѣлъ ясно, какъ онъ въ душѣ былъ доволенъ тѣмъ, что не чувствовалъ даже самаго обычнаго состраданія къ своему большому врагу, и онъ мнѣ окончательно опротивѣлъ.

Онъ нѣсколько разъ бросалъ быстрый взоръ за арку къ буфету, у котораго сидѣлъ панъ штабный лѣварь. Онъ навѣрное крѣпко пожалъ бы ему руку, еслибы тотъ поменьше ухаживалъ за больнымъ. Злой человѣкъ, рѣшительно злой!

Около осьми часовъ панъ штабный лѣварь собрался уходить и остановился у третьяго столика. Покойной ночи!—сказалъ онъ.

Мнѣ необходимо еще разъ зайти сегодня къ Ришанку. Надо быть внимательнѣе!

— Покойной ночи! холодно отвѣтилъ панъ Шлегль.

Сегодня панъ Шлегль выпилъ четыре кружки пива и просидѣлъ до половины девятаго.

Прошло нѣсколько дней, прошло нѣсколько недѣль. Послѣ холоднаго, пасмурнаго апрѣля наступилъ теплый май; въ тотъ годъ была прекрасная весна. Если въ маѣ хорошая погода, то на Малой сторонѣ бываетъ суцїй рай. Петринъ *) весь усѣянъ бѣлыми цвѣ-

*) Petřín — одинъ изъ семи холмовъ пражскихъ, на лѣвомъ берегу Влтавы.

тами, точно сквозь него пробивается кипящее молоко, а вся Малая сторона пропитана благоуханіемъ цвѣтущей сирени.

Для пана Ришанка опасность уже миновала. Весна была для него настоящій бальзамъ. Я уже встрѣчалъ его гуляющимъ въ общественныхъ садахъ. Онъ едва передвигалъ ноги, опираясь на палку. Онъ былъ еще худѣе и суше прежняго, и нижняя челюсть его уже совсѣмъ отвисла. Оставалось только подвязать ему подбородокъ платкомъ, закрыть усталые глаза и положить его въ гробъ. Но онъ всетаки поправлялся понемножку.

Къ «Штайницамъ» онъ не ходилъ. Тамъ у третьяго столика все еще царствовалъ одинъ панъ Шлегль, и вертѣлся и садился, какъ ему только было угодно.

Вдругъ, въ концѣ уже іюня, и именно въ день Петра и Павла, я замѣтилъ, что панъ Ришанекъ и панъ Шлегль опять сидятъ вмѣстѣ. Снова панъ Шлегль сидѣлъ на своемъ мѣстѣ какъ пригвожденный, и оба были обращены спиною къ окнамъ.

Сосѣди и знакомые подходили и протягивали пану Ришанку руку. Каждый отъ души привѣтствовалъ его; старикъ слегка дрожалъ отъ пріятнаго волненія, улыбался, говорилъ съ нѣжностью, былъ мягокъ. Панъ Шлегль смотрѣлъ на билліардъ и курилъ.

Когда панъ Ришанекъ оставался на нѣсколько минутъ одинъ, онъ всегда устремлялъ взоры къ буфету, гдѣ сидѣлъ его врачъ. Признательный челоуѣкъ!

Только что онъ опять направилъ туда свой взглядъ, какъ панъ Шлегль неожиданно повернулъ голову немного въ сторону. Взоръ его измѣрялъ фигуру пана Ришанка отъ пола вверхъ, отъ острыхъ его колѣнъ къ рукъ, покоившейся на углу стола и похожей на руку скелета, обтянутую кожей; на минуту взоръ его остановился на этой рукѣ, потомъ снова задвигался вверхъ, пока не достигъ отвисшей челюсти, измученнаго лица, но едва остановился на немъ, какъ тотчасъ же соскользнулъ, и голова его приняла опять прежнее положеніе.

— Выздоровѣли!.. вотъ радость-то! залепеталъ хозяинъ гостиницы, только что пришедшій изъ кухни или изъ подвала. Только что войдя и увидавъ пана Ришанка, онъ подошелъ къ нему торопливыми шагами.—Такъ вы теперь здоровы и опять нашъ: ну, слава Богу!

— Слава Богу, слава Богу! съ улыбкой произнесъ панъ Ришанекъ. Опять удалось мнѣ выкарабкаться. Теперь я чувствую себя совсѣмъ хорошо.

— Но панъ Ришанекъ вѣдь не курить... еще нѣтъ желанія?

— Сегодня въ первый разъ какъ будто чувствую желаніе закурить.

— Такъ, такъ, это хорошій знакъ, проговорилъ хозяинъ, закры-

вая табакерку; потомъ снова постучалъ по ней, протянулъ ее пану Шлеглю съ какимъ-то замѣчаніемъ и отошелъ.

Между тѣмъ панъ Ришанекъ вынулъ свою трубку и сталъ искать кисетъ въ карманѣ, но вдругъ онъ замоталъ головой, потомъ еще второй разъ пощупалъ карманъ, потомъ третій, и наконецъ подо- звалъ къ себѣ младшаго кельнера.

— «Сбѣгай ко мнѣ, вѣдь ты знаешь, гдѣ я живу? Вотъ здѣсь на углу. Скажи, чтобы тебѣ дали мой кисетъ съ табакомъ: онъ вѣ- роятно лежитъ на столѣ».

Мальчикъ подпрыгнулъ и убѣжалъ.

Но тутъ сдѣлалось нѣчто по-истинѣ удивленія достойное. Панъ Шлегль сдѣлалъ движеніе. Медленно протянулъ онъ руку къ своему открытому кисету и придвинулъ его совсѣмъ близко къ пану Ришанку.

— Не угодно-ли:—у меня трикравельный съ краснымъ *, прого- ворилъ онъ, по своему обыкновенію, отрывисто и крикнулъ.

Панъ Ришанекъ ничего не отвѣтилъ. Панъ Ришанекъ даже не взглянулъ на пана Шлегля: голова его осталась въ прежнемъ поло- женіи, на лицѣ то же неподвижно равнодушное выраженіе, какъ и въ теченіе цѣлыхъ одиннадцати лѣтъ, рука его вздрогнула нѣсколько разъ и губы нервно сжались.

Правая рука пана Шлегля осталась на кисетѣ какъ прикован- ная, взоръ его потупился; онъ то выпускалъ клубъ дыму, то крихтѣлъ.

Вскорѣ вернулся мальчикъ.

— Благодарю васъ, вотъ ужъ и мой кисетъ, сказалъ только теперь панъ Ришанекъ пану Шлеглю, но и тутъ не взглянулъ на него. Я тоже курю трикравельный съ краснымъ, прибавилъ онъ минуту спустя, словно чувствовалъ себя обязаннымъ сказать еще что-нибудь, и затѣмъ онъ набилъ трубку, закурилъ ее и началъ пускать дымъ.

— Нравится? проворчалъ панъ Шлегль болѣе суровымъ голо- сомъ, чѣмъ обыкновенно.

— Нравится, благодарю васъ!

— Гмъ! Благодарю!.. повторилъ панъ Шлегль. По губамъ его пробѣжала судорога, словно молвія по хмурому небу, и онъ добавилъ торопливо:

— А мы боялись за васъ.

Теперь только панъ Ришанекъ повернулся къ нему лицомъ, и взоры ихъ встрѣтились.

Съ той поры панъ Ришанекъ и панъ Шлегль уже постоянно вели бесѣду за третьимъ столикомъ.

Перев. Э. П. П—ская.

*) Иавѣстный фабричный знакъ.

ИЗВѢЩЕНІЯ.

ОТЪ СОВѢТА

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО СЛАВЯНСКАГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Извлеченіе изъ протоколовъ Совѣта

Въ засѣданіяхъ Совѣта, состоявшихся 11 іюня и 14 іюля, между прочимъ, постановлено: въ первомъ: а) прошенія 1 болгарина, 1 словака, 1 словинца, 1 серба, 1 черногорца и 2 добровольцевъ, о выдачѣ имъ какихъ либо денежныхъ пособій, отклонить; б) выдать въ единовременныя пособія: 1 болгаркѣ 25 р., 1 чеху 30 р., 2 добровольцамъ, женѣ 1 добровольца и матери 1 убитаго добровольца 30 р. и 5 стипендіатамъ Общества стипендіи впередъ за 3 мѣсяца: іюнь, іюль и августъ, 375 р.; в) назначить 1 болгарину, приготовляющемуся къ поступленію въ технологическій институтъ, пособие на 2¹/₂ мѣсяца, по 20 р. въ мѣсяцъ; г) прошеніе 1 серба, о назначеніи ему стипендіи, препроводить въ комиссію по образованію въ Россіи южныхъ славянъ, по принадлежности, на зависящее распоряженіе и д) утвердить расходы, произведенныя съ 17 мая по 11 іюня, на 256 р. 6 к., и во второмъ: а) выдать въ пособіе: 1 галичанину 15 р., 1 сербу 25 р., 5 добровольцамъ и 1 вдовѣ добровольца 85 р.; б) послать 1 сербскому священнику просимыя имъ книги; в) просить комиссію по образованію въ Россіи южныхъ славянъ объ удовлетвореніи ходатайства 1 болгарина о назначеніи ему стипендіи; г) просить Одесское Болгарское Настоятельство о принятіи 1 болгарки въ число стипендіатокъ и д) утвердить расходы, произведенныя съ 11 іюня по 14 іюля, на 239 р. 80 к.

Антонъ Будиловичъ

ОБЩЕСЛАВЯНСКІЙ ЯЗЫКЪ

ВЪ РЯДУ ДРУГИХЪ ОБЩИХЪ ЯЗЫКОВЪ

ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ ЕВРОПЫ

2 тома. В. 1892. Цѣна 4 р.

Это сочиненіе увѣнчано первою Кирилло-Меводіевскою премією, издано иждивеніемъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества и одобрено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для приобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній названнаго министерства и Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ для приобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки духовныхъ семинарій.

Складъ изданія: Спб., у Александрин. театра, 9, въ Славянскомъ Благотв. Обществѣ.

Честъ имѣю сообщить, что я перенялъ отъ пражской фирмы І. Отто весь заводъ слѣдующихъ *ботаническихъ картинокъ*: Ленъ, Красная лилія, Кленъ, Дурманъ, Бѣшеная ягода, Макъ, Орѣшникъ, Лютикъ, Наперсточная трава, Лыко, Бобъ, Белена, Хмель, Табакъ, Оливка. Величина картинокъ 60 + 80 см. Всѣ онѣ писаны съ натуры и занимаютъ первое мѣсто по достоинству. Одобрены какъ пособія при обученіи ботаникѣ въ Англіи, Австріи и въ Америкѣ. Цѣна картины 2 франка; книгопродавцамъ 33 $\frac{1}{2}$ %, скидки. Заказы можно присылать моему комиссіонеру Фр. Вагнеръ въ Лейпцигѣ или прямо ко мнѣ.

Б. Нейбертъ

Литографическая художественная типографія.

ПРАГА-СМИХОВЪ Богемія (Австрія)

СЛАВЯНСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

выходить въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ ежемѣсячно, 12 кн. въ годъ, отъ 8—10 л. обыкновеннаго формата.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ экспедиціи журнала при Русскомъ Книжномъ магазинѣ, (Н. Н. Морева) Невск. пр. № 106, а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ въ Россіи и за границею, особенно же: въ С.-Петербургѣ: Глазунова, Карбасникова, Риккера, Суворина (*Новою Времени*), Н. Фену и К^о, Ципзерлинга и въ «Русскославянскомъ книжномъ складѣ» Геруца и К^о; въ Москвѣ: И. И. Глазунова, И. П. Карбасникова и *Новою Времени*; въ Киевѣ: Н. Я. Оглоблина и Ф. А. Югансона; въ Одессѣ и Харьковѣ: *Новою Времени*; въ Казани: А. А. Дубровина; въ Ригѣ: Киммеля; въ Вильнѣ: Сыркина; въ Варшавѣ: Карбасникова и Истомина; въ Лейпцигѣ: *Librairie Russo-Slave N. Roskoschny*; въ чешской Прагѣ: *Ed. Valečka*; въ Вѣнѣ: *G. Szelinski*; въ Загребѣ: *L. Hartmann*; въ Бѣлградѣ: Велимира Валожица; въ Панчевѣ: Братъевъ Ивановичей и въ Константинополѣ: *H. Weiss*.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: за годъ безъ перес. 7 руб. с., съ пересл. въ Россіи и за границей 8 р. или 10 австр. гульд.; на полгода 4 р. с. или 5 австр. гульд.; за четверть года 2 руб. с. или 3 австр. гульд.

Программа изданія слѣдующая: I. Статьи по славянскимъ литературамъ, славянск. этнографіи, исторіи и политикѣ. II. Корреспонденціи. III. Лѣтопись событій славянской жизни въ областяхъ: политической, религіозной, общественной и литературной. IV. Критика и библиографія. V. Отчеты о дѣятельности славянскихъ обществъ и другихъ подобныхъ учрежденій. VI. Смѣсь. VII. Приложенія: переводы изъ произведеній славянской беллетристики. VIII. Портреты славянскихъ дѣятелей. IX. Объясненія.

Сообразно съ этою программой, СЛАВЯНСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ ставитъ себѣ задачей разработку въ общедоступной формѣ вопросовъ о современномъ положеніи и историческомъ прошломъ славянъ восточныхъ, южныхъ и западныхъ, въ связи съ бытомъ и исторіей другихъ, исторически связанныхъ съ ними народовъ христіанскаго востока. Руководящей мыслью журнала будетъ идея духовнаго братства этихъ народовъ, понимаемая въ широкомъ культурно-историческомъ значеніи. Вопросы славянской литературы, этнографіи, исторіи будутъ стоять въ изданіи на первомъ планѣ.

Имѣя широкія связи съ выдающимися литературными и общественными дѣятелями во всѣхъ славянскихъ земляхъ, редакція твердо надѣется сдѣлать СЛАВЯНСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ центральнымъ органомъ для разработки назрѣвающихъ вопросовъ и общихъ дѣлъ грекославянскаго міра, въ его отношеніяхъ къ азіатскому востоку и романо-германскому западу. Важность этихъ вопросовъ для дальнѣйшихъ судебъ Россіи, славянства и всего человѣчества внушаетъ редакціи СЛАВЯНСКАГО ОБОЗРѢНІЯ надежду, что она будетъ поддержана въ своихъ стремленіяхъ русскославянскою печатью и обществомъ.

Редакторъ-издатель А. Будиловичъ.

СЛАВЯНСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ

1892

СЕНТЯВРЬ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ. ТОМЪ III

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

КНИГА IX—СЕНТЯВРЬ, 1892.

	Стран.
I. АЛЕКСАНДРЪ ФЕОДОРОВИЧЪ ГИЛЬФЕРДИНГЪ (съ портретомъ).— Н. Н. Бестужева-Рюмина	1
II. ЧЕРВОНОРУССКАЯ ЭМИГРАЦІЯ.—А. С. Будиловича	15
III. РИМСКО-НѢМЕЦКАЯ ИМПЕРІЯ ГОГЕНЦОЛЛЕРНОВЪ И ГРЕКО- СЛАВЯНЕ (продолженіе).—Срънца	35
IV. ВИКТОРЪ ИВАНОВИЧЪ ГРИГОРОВИЧЪ ВЪ КАЗАНИ (оконча- ніе).—М. П. П—скаго	57
V. КОНГРЕССЪ СТАРО-КАТОЛИКОВЪ ВЪ ЛЮЦЕРНѢ.—А. А. Миртова	79
VI. ЛѢТОПИСЬ. 400-лѣтіе открытія Америки и ея значеніе для славянъ. Колѣбаніе султана. Экономическія затрудненія тройной лиги. Кошугъ и мадьяризмъ. Чешское государственное право. Партіійная рознь славянъ. Греко-болгарскія школы.—А. Б.	105
VII. ПИСЬМА ИЗЪ СЛАВЯНСКИХЪ ЗЕМЕЛЬ.	
Изъ Пряшева (Угріи). О дѣятельности угрорусскихъ мона- стырей.—С-ча	120
Изъ Турчанскаго Св. Мартина. Румыны и словаки; увозъ словенскихъ дѣтей; годичное собраніе «Живены»; проектъ «Ученаго общества»; наши школы; мадьярская публицистика.—В.	122
Изъ Бѣлграда. Перемяна министерства; настроеніе народ- ныхъ массъ; генезисъ и характеръ сербскихъ партій.—Бѣлградца	129
VIII. БИБЛИОГРАФІЯ. В. С. Иконниковъ, проф. Опытъ русской исторіо- графіи. Томъ I (въ двухъ книгахъ). Кіевъ, 1891. Б. профессора рус- ской исторіи. II. Знаменскій. Исторія Казанской дух. академіи.— И. П-ва. Karl Ernst Mucke. Historische und vergleichende Laut-und Formenlehre der Niedersorbischen (Niederlausitzisch — wendischen) Sprache. 1891 г.—VIII.—I. Марасева. Обзоръ чешской изящной лите- ратуры за 1891 г. (продолженіе).—Ф. Выноукала	133
IX. СМѢСЬ	148
X. ПРИЛОЖЕНІЕ. Народныя пѣсни македонскихъ болгаръ. КОРОЛЬ ЛАТИНИНЪ И ОГНЕНЪ. Переводъ съ болгарскаго.—М. П.	1—6
XI. ИЗВѢЩЕНІЯ. Отъ Совѣта Славянскаго Благотворительнаго Общества.	

Редакторъ-Издатель Антошъ Будиловичъ

СЛАВЯНСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1892

СЕНТЯВРЬ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.—ТОМЪ III

A. Гильфердингъ

Александръ Осодоровичъ Гильфердингъ
1831—1872

«Славянское Обозрѣніе»

Digitized by Google

АЛЕКСАНДРЪ ТЕОДОРОВИЧЪ ГИЛЬФЕРДИНГЪ

АЛЕКСАНДРЪ Теодоровичъ Гильфердингъ принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ дѣятелей шестидесятихъ годовъ и общественныхъ и литературныхъ. Его непродолжительная жизнь (онъ скончался на 42 году) посвящена была дѣятельности въ одномъ направленіи, согрѣта однимъ желаніемъ: будить сознаніе и въ родной землѣ и во всемъ славянствѣ. Оттого его зналъ весь славянскій міръ, и въ Россіи онъ встрѣчалъ болѣе сочувствія, чѣмъ противодѣйствія. Его характеръ ровный, изящный, его умъ ясный, чуждый крайностей доставили ему особенное положеніе. Лучшимъ доказательствомъ такого его значенія служить общее сочувствіе къ нему, выразившееся единодушно въ литературѣ людьми всѣхъ партій по случаю его кончины, послѣдовавшей, какъ извѣстно, въ то время, когда онъ собиралъ остатки народнаго творчества въ олонецкомъ краѣ и изучалъ бытъ мѣстнаго населенія. Была бы очень интересна подробная его біографія, но для нея нужна обширная подготовительная работа, въ особенности потому, что его служебная дѣятельность тѣсно связана съ его воззрѣніями и общимъ направленіемъ его жизни, для изученія которой необходимо и ознакомленіе съ архивомъ, и невозможность опредѣлить, что именно лично принадлежитъ ему. Въ особенности это относится къ его участию въ преобразованіяхъ, введенныхъ въ Царствѣ Польскомъ, въ которыхъ онъ явился дѣятельнымъ сотрудникомъ Н. А. Милютина. Въ настоящее время ограничимся краткимъ очеркомъ его жизни и трудовъ, основываясь и на

сообщеніяхъ, появившихся въ печати, и на личныхъ воспоминаніяхъ.

Александръ Ѳеодоровичъ родился 2-го іюля 1831 г. Первоначальное воспитаніе получилъ въ домѣ отца своего Ѳеодора Ивановича, служившаго директоромъ дипломатической канцеляріи при намѣстникѣ Царства Польскаго. Ѳеодоръ Ивановичъ былъ человѣкъ умный, образованный (онъ учился въ московскомъ университетѣ), чрезвычайно добродушный и хорошій русскій патриотъ, несмотря на то, что былъ католическаго исповѣданія (православіе Александръ Ѳеодоровичъ принялъ лично). Овдовѣвъ, Ѳеодоръ Ивановичъ посвятилъ всѣ свои досуги воспитанію сына, съ которымъ у него до конца жизни сохранились трогательныя дружескія отношенія. Воспитаніе молодому человѣку дано было самое тщательное: онъ основательно изучилъ древніе и новые иностранныя языки и познакомился, что тогда было рѣдкостью, съ славянскими нарѣчіями. Въ числѣ его учителей былъ извѣстный славистъ Паплонскій. Сохранилось непрерываемое свидѣтельство о тогдашнемъ развитіи Гильфердинга и о тѣхъ интересахъ, которые и тогда уже занимали его: въ бумагахъ его нашлась тетрадка подъ заглавіемъ: «Краткій очеркъ исторіи славянскихъ народовъ въ IX и X столѣтіи». Здѣсь разсказывается расселеніе славянскихъ племенъ, основаніе первыхъ государствъ, проповѣдь Кирилла и Меѳодія, паденіе государствъ Болгарскаго и Моравскаго, основаніе Польскаго. Словомъ, въ этой юношеской работѣ мы встрѣчаемся съ тѣми самыми задачами, которыя занимали всю его жизнь и, что всего замѣчательнѣе, съ тѣми же свойствами изложенія, которыя даютъ покойному такое высокое мѣсто въ ряду русскихъ писателей: умѣніе отдѣлить существенное отъ несущественнаго, поставить событія въ правильной исторической перспективѣ, изложить ясно, просто и положительно.

Въ 1848 г. Гильфердингъ поступилъ въ московскій университетъ по историко-филологическому факультету. Университетъ тогда еще былъ въ полномъ цвѣтѣ. Реформа: закрытіе каюедры философіи, стѣсненіе преподаванія по нѣкоторымъ предметамъ, ограниченіе числа студентовъ — послѣдовала только въ 1849 г.; но и эта реформа существенно измѣнила немного, особенно на факультетѣ, избранномъ Гильфердингомъ. Самою важною переменною была передача философіи профессору богословія;

комплектъ студентовъ вошелъ въ силу только съ слѣдующаго года. Но не по этой причинѣ университетъ не имѣлъ такого глубокаго вліянія на Гильфердинга, какое имѣлъ на многихъ другихъ. Дѣло въ томъ, что въ 40-хъ годахъ московское интеллигентное общество рѣзко дѣлилось на два лагеря: съ одной стороны стояли западники, съ Бѣлинскимъ, только что тогда умершимъ, и Грановскимъ во главѣ, третьимъ вождемъ былъ только что эмигрировавшій Герценъ; съ другой стороны стояли славянофилы. Большинство профессоровъ московскаго университета той поры были западниками; даже тѣ изъ нихъ, которые во многомъ сходились съ славянофилами (Буслаевъ, Соловьевъ), все-таки отдаляли себя отъ нихъ; то-же слѣдуетъ сказать и о Кавелинѣ, только что оставившемъ тогда университетъ и вліяніе котораго еще сильно чувствовалось. Близко къ славянофиламъ были только Шевыревъ и отчасти Бодянский, который впрочемъ по независимости своего характера держалъ себя какъ-то особнякомъ. Гильфердингъ, по тому направленію, которое получилъ дома, не могъ стать западникомъ, а по связямъ своего отца получилъ доступъ въ славянофильскій кружокъ. Кружокъ этотъ былъ собраніемъ независимыхъ, высокообразованныхъ и ярко талантливыхъ людей: въ ихъ собраніяхъ слышались остроумныя и глубокомысленныя слова Хомякова, горячая, нравственно-чистая рѣчь К. С. Аксакова, изящная, звучащая непоколебимымъ убѣжденіемъ рѣчь Самарина; слышалась полная вѣры рѣчь И. В. Кирѣевскаго; говорилъ тамъ и П. В. Кирѣевскій, знатокъ народнаго творчества, проникнутый сознаніемъ народнаго духа, мало оцѣненный потому, что мало по себѣ оставилъ, но зато завѣщавшій потомству огромное богатство собраннаго имъ матеріала. Попавъ въ этотъ кружокъ, молодой человекъ, особенно еще подготовленный къ воспріятію его взглядовъ первоначальнымъ воспитаніемъ, долженъ былъ подчиниться его вліянію. Такъ и было съ Гильфердингомъ. Изъ его университетскихъ учителей имѣлъ на него вліяніе только Григоровичъ, полгода замѣнявшій Бодянскаго. Въ Русской Старинѣ по смерти того и другого напечатано было письмо Гильфердинга къ Григоровичу, свидѣтельствующее, что непродолжительное преподаваніе его было плодотворно для молодого слависта. Подъ вліяніемъ филологическихъ взглядовъ Хомякова, которые онъ высказывалъ въ статьѣ, помѣщенной въ «Извѣстіяхъ II Отдѣленія Академіи Наукъ», Гильфердингъ

*

принялся за изученіе санскритскаго языка; учителемъ его былъ К. А. Коссовичъ, а ревностнымъ товарищемъ въ занятіяхъ С. П. Микуцкій, умершій недавно преподавателемъ варшавскаго университета, обладавшій громадною памятью словъ и формъ, любившій рискованныя сближенія, но къ сожалѣнію не одаренный умственнымъ творчествомъ ни въ какой степени; впрочемъ не того отъ него и требовалось, а свѣдѣнія его служили значительнымъ пособіемъ. Кончивъ курсъ въ 1852 г., Гильфердингъ въ 1853 г. помѣстилъ въ «Извѣстіяхъ II Отдѣленія Академіи Наукъ» свое сочиненіе: «О сродствѣ языка славянскаго съ санскритскимъ», и въ томъ же году защитилъ въ московскомъ университетѣ диссертацию на степень магистра славянскихъ нарѣчій: «Объ отношеніяхъ языка славянскаго къ языкамъ родственнымъ». Филологическія работы Гильфердинга не оставили глубокаго слѣда въ наукѣ, но свидѣтельствовали о замѣчательномъ талантѣ молодого ученаго. Впослѣдствіи онъ рѣдко обращался къ филологіи: можно упомянуть объ его «Общеславянской Азбукѣ», трудъ очень остроумномъ, но не имѣвшемъ практическаго успѣха. Отъ филологіи онъ обратился къ исторіи, какъ предмету болѣе ему сродному, и труды историческіе и публицистическіе положили основу его извѣстности и до сихъ поръ составляютъ украшеніе нашей литературы.

Въ 1854 г. появилось начало двухъ историческихъ сочиненій Гильфердинга: въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» «Письма объ исторіи сербовъ и болгаръ» (продолженіе было въ «Русской Бесѣдѣ»), въ «Москвитянинѣ» — «Исторія балтійскихъ славянъ» (продолженіе въ «Архивѣ» Калачева за 1861 г.; въ «Сочиненіяхъ», т. IV, помѣщено еще дальнѣйшее продолженіе, до смерти императора Генриха III, найденное въ бумагахъ покойнаго). Сочиненія эти, мало извѣстныя тогда у насъ, обратили на себя вниманіе въ славянскихъ земляхъ («Исторія сербовъ» переведена на нѣмецкій языкъ). Въ нашей тогдашней исторической литературѣ они были положительной новостью: исторіей славянъ занимались по большей части люди съ преобладаніемъ фантазіи (Венелинъ, Савельевъ-Ростиславичъ), профессора же славянскихъ нарѣчій отдавались почти исключительно филологіи и отчасти археологіи; существовалъ переводъ «Славянскихъ древностей» Шафарика, но по своему изложенію онъ мало были доступны читателю и къ тому же обнимали только языческій періодъ. Такимъ

образомъ, книги Гильфердинга были положительной новостью для тѣхъ, кто прочелъ ихъ; но прочли очень немногіе, ибо то было время преобладанія западничества. Извѣстно, что позднѣе (въ 1858) въ «Атенеѣ» австрійскій жандармъ провозглашался цивилизаторомъ между западными славянами. Въ сочиненіяхъ этихъ порою проглядываетъ юношеская неумѣлость; впрочемъ въ новомъ изданіи «Писемъ объ исторіи сербовъ и болгаръ» въ I т. «Сочиненій», вышедшемъ еще при жизни автора, она частью сглажена: уничтожена форма писемъ, уничтожены нѣкоторыя обращенія. Но это—мелочь, которая блѣднѣетъ при высокихъ ихъ достоинствахъ. Это не только исторія событій и даже смѣлыя учрежденій и бытовыхъ особенностей; нѣтъ, это исторія понятій и воззрѣній: передъ нами сплачивается изъ различныхъ стихій царство болгарское и рядомъ съ нимъ образуется сербское. Болгарское принимаетъ христіанство. Здѣсь мы видимъ значеніе христіанской проповѣди. Слѣдуетъ блистательный вѣтъ царя Симеона, его отношенія къ Византіи, причины паденія его царства: оно сложилось механически, внѣшне. Авторъ осуждаетъ такое насильственное, внѣшнее соединеніе и видитъ въ этомъ обстоятельствѣ главную причину паденія царства Симеона. Также ярко характеризуется попытка Самуила, причины ея неудачи, изображаются преступленія его рода,—и картина выходитъ замѣчательно полная и округленная, безъ всякаго желанія блистать внѣшнею красотою разсказа и бить на эффектъ; отсутствіе эффекта при замѣчательной стройности изложенія—болѣе всего поражаетъ непредубѣжденнаго читателя. Строгій критикъ можетъ остановиться на томъ, почему принято одно показаніе или оставлено другое. Можетъ быть осужденія его будутъ иногда и правильны: объ этомъ пусть судятъ спеціалисты; но такую картину въ состояніи нарисовать немногіе даже и изъ спеціалистовъ. «Исторія балтійскихъ славянъ» представляетъ тѣ же достоинства, но съ тою разницею, что здѣсь въ значительной доли повѣствованіе о внѣшнихъ событіяхъ (извѣстія о которыхъ скудны) отгѣснено на задній планъ изложеніемъ особенностей быта, представляющаго такое разнообразіе въ этомъ уголѣ славянщины, гдѣ нашли себѣ мѣсто всѣ формы политическаго устройства, которыя только встрѣчаются у древнихъ славянъ (княжеская власть у однихъ племенъ, аристократія у другихъ, демократія у третьихъ), гдѣ встрѣчаются и попытки федеральнаго устрой-

ства, которыя, какъ основательно доказалъ Гильфердингъ, никогда не имѣли успѣха у славянъ.

На службу Гильфердингъ поступилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ и по заключеніи парижскаго мира въ 1856 г. назначенъ былъ консуломъ въ Боснію. Время для дипломатіи русской было тяжелое: значеніе наше на Востоку понизилось вслѣдствіе неудачъ только что завершенной войны; постоянные наши соперники на Босфорѣ торжествовали побѣду и равно слѣдили за каждымъ нашимъ шагомъ; дома мало думали о вѣковыхъ задачахъ русской политики; все вниманіе было устремлено на приготовленіе внутреннихъ реформъ; восточный вопросъ казался препятствіемъ къ правильному развитію и помѣхою нашего сближенія съ Европой.

Никогда можетъ быть западничество наше не заявляло себя такъ торжественно и такъ не принижалось все національное. Общество наше было западническимъ и въ 20-хъ годахъ, но тогда роль Россіи представлялась господствующею въ Европѣ: «вождь вождей, царей диктаторъ» открылъ намъ дорогу въ Парижъ. Все ликовало и если сознавались недостатки во внутреннемъ устройствѣ, недостатки иногда и мнимые, то зато крѣпко вѣрили во внѣшнюю силу Россіи. Эта вѣра еще возросла въ слѣдующее царствованіе и—вдругъ неудача все поколебала и все поставила подъ вопросъ. Такъ внутренніе вопросы не только затмили внѣшніе, но даже явилось сомнѣніе въ правильной постановкѣ этихъ внѣшнихъ вопросовъ.

Въ это-то время началась дипломатическая дѣятельность Гильфердинга. На Востоку консулъ не то, что на Западѣ; тамъ онъ долженъ поддерживать мѣстное православное населеніе, слѣдственно имѣетъ дѣло не только съ русскими подданными. Молодой консулъ съ честію занималъ этотъ постъ, находя къ счастью для себя поддержку въ умномъ и понимавшемъ дѣло директорѣ азіатскаго департамента: тогда этотъ постъ занималъ Е. П. Ковалевскій. Сараевскій консулъ былъ не только дипломатъ, онъ былъ и ученый. Побуждаемый интересомъ знанія, онъ объѣхалъ Боснію, Герцеговину и Старую Сербію и собралъ свои наблюденія въ книгѣ: «Боснія, Герцеговина и Старая Сербія» (Спб. 1859). Книга эта (переиздана въ т. III «Сочиненій») представляетъ живые очерки мѣстностей, историческія воспоминанія, археологическія описанія храмовъ, литературныя

замѣтки о рукописяхъ. Въ самой книгѣ и въ приложеніяхъ къ ней читатель знакомится и съ прошедшимъ и съ настоящимъ состояніемъ описанныхъ областей. Высокій интересъ предмета и необыкновенно даровитое изложеніе обратили на себя вниманіе всѣхъ интересующихся русской литературой, безъ различія партій. Во время своего консульства Гильфердингъ написалъ по-француски обзоръ движенія у западныхъ славянъ и напечаталъ безъ имени въ Парижѣ подъ заглавіемъ: «Les slaves occidentaux» въ 1858 году. Въ томъ же году А. Ѳ. женился на В. Ф. Ридель, съ которой былъ знакомъ еще въ Москвѣ и скоро возвратился въ Россію.

Въ 1860 г. образовалась редакція «Энциклопедическаго Словаря». Мнѣ предложили отдѣлъ русской и славянской исторіи. По славянской мои свѣдѣнія были слабы, и я обратился за помощью къ А. Ѳ. Гильфердингу (отдѣлъ польскій принялъ на себя Ю. С. Рехневскій). Это было поводомъ къ знакомству съ Гильфердингомъ. Мы хотя и были современниками въ университетѣ, но не встрѣчались, ибо были и на разныхъ курсахъ и на разныхъ факультетахъ. Мало-по-малу это дѣловое знакомство перешло въ тѣсную дружескую связь; изящная природа Гильфердинга, его необыкновенная талантливость, его житейскій тактъ неотразимо влекли къ себѣ. Онъ не любилъ говорить для разговора, и съ людьми мало знакомыми онъ былъ вѣжливъ, но неразговорчивъ; инымъ онъ являлся въ дружескомъ кругѣ и тамъ, гдѣ слово его было нужно, гдѣ приходилось защищать любимыя убѣжденія. Для меня сближеніе съ Гильфердингомъ было очень важно: это былъ первый изъ славянофиловъ, съ которымъ я сходилса немимолетно. Разговоръ его заставилъ меня вникнуть въ ученіе славянофиловъ, на которое дотолѣ я смотрѣлъ съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ, вынесеннымъ изъ московскихъ литературныхъ кружковъ. Вотъ почему А. А. Григорьевъ замѣтилъ мнѣ разъ (съ нимъ къ сожалѣнію я былъ поверхностно знакомъ), что въ моей статьѣ: «Современное состояніе русской исторіи какъ науки» я смотрю на русскую народность очень объективно. Со времени знакомства съ Гильфердингомъ, а въ особенности съ изученія славянофиловъ (признаюсь, не сразу) я сталъ на значительно иную точку зрѣнія и почувствовалъ, что въ славянской природѣ есть нѣчто новое, своеобразное, что измѣнило въ значительной степени и

мой взглядъ на русскую исторію. Разговоръ и сочиненія Гильфердинга много помогли мнѣ въ пониманіи особенностей славянскаго міра.

Здѣсь нахожу умѣстнымъ сказать кой-что объ общемъ направленіи воззрѣній Гильфердинга, сказавшемся какъ въ его ученыхъ трудахъ, такъ и въ его служебной и общественной дѣятельности. Слѣдующая замѣтка была уже высказана мною въ статьѣ «А. Э. Гильфердингъ, какъ историкъ» (см. мой сборникъ: «Биографіи и характеристики». Спб. 1892). Идеей, опредѣлившей всю дѣятельность Гильфердинга, было поднятіе нашего народнаго самосознанія; но это самосознаніе не ограничивалось для него географическими предѣлами русскаго государства, ни даже этнографическими предѣлами русскаго племени: оно простиралось на весь славянской міръ, который являлся ему однимъ цѣлымъ, несмотря на разнообразіе народовъ, его составляющихъ. Единство это являлось Гильфердингу кореннымъ единствомъ взглядовъ, понятій. «Народный характеръ—читаемъ въ одной изъ записныхъ его книжекъ—составляютъ не какія бы то ни были нравственныя качества, а понятія, на которыхъ онъ основываетъ свой общественный и частный бытъ. Измѣняемость нравственныхъ качествъ (вліяніе просвѣщенія и пр.); неизмѣняемость этихъ понятій. Эти понятія—плодъ первоначальной жизни народа (сравнить съ образованіемъ человѣческаго характера)». Далѣе опровергая мнѣнія одного нѣмца, основывавшаго родство народовъ на сходствѣ нравственныхъ качествъ, онъ говоритъ: «Это то же самое, что еслибъ я, для доказательства родства своего съ такимъ-то (котораго наслѣдство, положимъ, хотѣлъ бы получить), сказалъ, что онъ такой, какъ я, неуживчивый человѣкъ, такъ же предпочиталъ охоту и разбой мирному промыслу, такъ же былъ храбръ, такой же былъ пьяница, такъ же женился изъ-за денегъ, любилъ пѣсни и одѣвался одинаково. Родство народа съ народомъ, или и человѣка съ человѣкомъ, доказывается совершенно иначе». Проникнутый этими мыслями онъ не оберегаетъ древнихъ славянъ отъ обвиненій напр. въ пиратствѣ, и тѣмъ избавляется отъ свойственной многимъ историкамъ слабости находить у одного народа всѣ добродѣтели, а у другого—всѣ пороки; зато за понятіями онъ слѣдитъ внимательно и ихъ-то старается выставить на первый планъ. Припомнимъ подробный анализъ учреждений общественныхъ и семейнаго быта у славянъ балтійскихъ

подъ вліяніемъ большаго или меньшаго искаженія, приносимаго пѣмцами; припомнимъ краткій, но блистательный очеркъ исторіи Чехіи, доказывающій то же самое. Крайнимъ выраженіемъ этой мысли служитъ характеристика главнѣйшихъ народовъ арійскихъ въ «Древнѣйшей исторіи славянъ», гдѣ три пары народовъ, чередовавшихся въ числѣ народовъ арійскихъ, индусы и персы, греки и римляне, германцы и славяне, раздѣлены на двѣ группы: въ одной отличительное свойство — индивидуализмъ съ его блестящимъ умственнымъ и художественнымъ развитіемъ; въ другой — общинность съ неизбѣжно соединенною съ нею способностью къ политической организаціи. Эта характеристика, возбуждавшая противъ себя толки, быть можетъ, потребуетъ значительныхъ смягченій, ограниченій, но тѣмъ не менѣе она не только блистательно остроумна, но и въ высшей степени важна, какъ указаніе на то, чего долженъ преимущественно добиваться историкъ въ изученіи жизни народовъ, въ чемъ онъ долженъ полагать свою главную задачу. Дѣйствительно, съ теченіемъ времени все измѣняется: и обычаи, и нравы, и экономическія отношенія, а все-таки остается что-то такое, что составляетъ сущность народной жизни, и это что-то есть понятіе, выражающееся такъ или иначе среди всѣхъ измѣненій судебъ народовъ. Ясно, что, поставивъ себѣ подобную задачу, Гильфердингъ не могъ довольствоваться частными историческими изслѣдованіями, медленно подготовляющими матеріалы для будущаго зданія и долго съ сомнѣніемъ осматривающими каждый камень, годенъ ли онъ для предполагаемаго зданія; не могъ онъ также довольствоваться изложеніемъ того, что уже принято въ наукѣ, имѣющей въ виду подготовить новыхъ тружениковъ на этомъ полѣ, указать имъ, что сдѣлано и чего еще не сдѣлано. Поставивъ цѣлью исторіи вообще, а слѣдовательно и своихъ собственныхъ историческихъ трудовъ — не только изображать прошлое, т. е. указывать, насколько народы прославили себя въ своей исторіи, но и будить народное сознаніе въ настоящемъ, онъ не могъ ограничиться ни тою, ни другою дѣятельностью. Онъ даже съ нѣкоторою недовѣрчивостью относился къ различнымъ мнѣніямъ, многія изъ которыхъ казались ему просто ученою прихотью; а слѣдовательно, занятіе ими въ его глазахъ было бы только отвлеченіемъ отъ главной цѣли. Оттого въ его сочиненіяхъ такъ мало полемическаго элемента, что имъ придаетъ особую зани-

мательность. Что бы мы ни думали по этому поводу, нельзя не согласиться, что съ своей точки зрѣнія онъ былъ совершенно правъ: онъ прокладываетъ новые пути, ведетъ по нимъ; до того ли ему, чтобы доказывать, что старые никуда не годятся или годятся только въ половину!

Въ 1861 г., оставивъ министерство иностранныхъ дѣлъ, Гильфердингъ перешелъ на службу въ государственную канцелярію, гдѣ и началъ свою дѣятельность по отдѣленію государственной экономіи, которымъ въ то время управлялъ извѣстный и опытный финансистъ, нынѣ покойный А. П. Заблоцкий-Десятовскій. Въ этой повидимому чуждой ему сферѣ Гильфердингъ скоро показалъ всю силу своихъ способностей. Приводимъ по этому случаю свидѣтельство М. И. Семеваго *, бывшего сослуживца Александра Феодоровича: «Невозможно повѣрить, до какой степени легко давалась самая многосложная работа этому человѣку. Сноровка и быстрота, съ какими работалъ Гильфердингъ, почти вошла въ пословицу въ тѣхъ департаментахъ государственнаго совѣта, въ которыхъ онъ служилъ: все, что другимъ доставалось нерѣдко весьма усидчивымъ и упорнымъ трудомъ, что у другихъ выходило полно безчисленныхъ перемарокъ, то изъ-подъ пера Гильфердинга, въ немногіе часы, излагалось какъ-бы шутя, просто, легко, почти безъ помарки и всегда въ изложеніи краткомъ и ясномъ. Почеркъ его, кстати сказать, былъ очень четокъ и красивъ». Такимъ образомъ, и здѣсь умъ его, живой и ясный, служилъ горячо имъ любимой родной землѣ.

Но скоро открылось ему другое, болѣе свойственное ему поприще: въ 1863 г. всыхнуло польское возстаніе. Правительству пришлось и отписываться на дипломатическія ноты, и усмирять возстаніе и преобразовать устройство Царства П. Эта послѣдняя задача поручена была Н. А. Милютину. Въ числѣ другихъ своихъ сотрудниковъ Милютинъ обратился и къ Гильфердингу, который съ тѣхъ поръ началъ работать въ комитетѣ по дѣламъ Царства Польскаго, участвуя въ то же время въ трудахъ главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго населенія. Дѣятельность Гильфердинга въ эти годы была обширна: онъ являлся редакторомъ официальныхъ бумагъ,

* «Русская Старина», 1872 г., № 10.

помѣщалъ статьи въ газетахъ, въ которыхъ разъяснялся польскій вопросъ для русской публики, издалъ по-англійски брошюру (анонимно): «Polish Question». Общій свой взглядъ на лучший способъ разрѣшенія польскаго вопроса высказалъ онъ въ 1863 г. въ слѣдующихъ словахъ одной изъ своихъ статей: «Наша обязанность тамъ—и для нашей собственной пользы, и для блага польской націи—доставить самостоятельность польскому крестьянству и употребить всѣ усилія для распространенія въ Польшѣ серьезнаго научнаго образованія. Эти вопросы несравненно важнѣе всякихъ вопросовъ о политическомъ устройствѣ Царства. Никакое политическое устройство, никакая система управленія не можетъ удовлетворить поляковъ; польскій вопросъ не разрѣшимъ никакими политическими мѣрами; польскій вопросъ можетъ быть только упраздненъ, а упразднить его могутъ только социальныя средства». Таково же было мнѣніе и тогдашнихъ руководителей реформъ въ Царствѣ: послѣ устройства сельскаго населенія распространеніемъ на него Положенія 19-го февраля 1861 г. послѣдовалъ рядъ узаконеній объ устройствѣ учебныхъ заведеній, начиная съ низшихъ, отъ которыхъ устранено вліяніе ксендзовъ и шляхты, до среднихъ, въ которыхъ введено преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ на русскомъ языкѣ (полное обрусеніе преподаванія относится къ послѣдующему времени). Устройство учебныхъ заведеній завершилось открытіемъ варшавскаго университета. Въ начертаніи этихъ уставовъ Гильфердингъ имѣлъ самое большое значеніе * хотя и не ему пришлось осуществить ихъ. ** Онъ также принималъ участіе въ начертаніи мѣръ для сокращенія числа католическихъ монастырей, новаго административнаго раздѣленія Царства и наконецъ въ работахъ по устройству судебной части.

Въ послѣдніе годы Гильфердингъ особенно занятъ былъ мыслью о трудѣ, который долженъ былъ сосредоточить въ себѣ всѣ его предварительныя ученныя работы. Трудъ этотъ—«Исторія славянъ» былъ имъ лишь только начатъ: первыя главы его по-

* Есть основаніе предполагать, что А. Э. Гильфердингъ по указаніямъ Н. А. Милютина составилъ «Общую объяснительную записку объ устройствѣ учебной части въ Ц. Польскомъ», напечатанную въ «Славянск. Обзор.»: II, 300 стр. *Ред.*

** Н. А. Милютинъ желалъ ходатайствовать въ 1864 г. о назначеніи А. Э. Гильфердинга попечителемъ варш. уч. округа. Но это не входило въ планы намѣстника Ц. П. гр. Берга и постъ попечителя былъ предоставленъ Э. Э. Витте. *Ред.*

явились въ «Вѣстникъ Европы»; подъ заглавіемъ: «Древнѣйшая исторія славянъ»; въ бумагахъ покойнаго сохранились наброски еще двухъ главъ: о славянахъ панонскихъ и о скиѣахъ. Они должны были войти въ пятую часть его «Сочиненій», печатаніе которой остановилось по случаю банкротства издателя Д. Е. Кожанчикова. Труды этому покойный отдавалъ большую часть своихъ досуговъ: читалъ древнихъ писателей, отыскивалъ въ нихъ какія-либо свѣдѣнія о народахъ, въ которыхъ можно было бы признать славянъ. Онъ не пренебрегалъ никакими свѣдѣніями и искалъ ихъ и въ твореніяхъ отцовъ церкви, и у историковъ, и у географовъ, и у писателей о земледѣліи и т. д. Множество выписокъ было имъ сдѣлано. Сколько разъ заставлялъ я его у конторки надъ громадными книгами, которыя онъ внимательно изучалъ. Съ какою любовью говорилъ онъ объ этомъ трудѣ и ему не суждено было осуществиться!...

Послѣ славянскаго съѣзда 1867 года, создано въ Петербургѣ отдѣленіе московскаго славянскаго благотворительнаго комитета. Сначала предсѣдатели смѣнялись, но скоро явился постоянный, и имъ былъ Гильфердингъ. Многіе еще помнятъ, съ какимъ тактомъ онъ предсѣдательствовалъ, какъ онъ умѣлъ руководить преніями, какъ онъ вдохновлялъ своими рѣчами, какъ онъ умѣлъ находить людей, направлять ихъ дѣятельность, какъ по его почину устраивались публичныя чтенія, живыя картины, которыми съ одной стороны будился въ обществѣ интересъ къ славянству, а съ другой—находились средства для благотворительной дѣли комитета. Его усиліями созданъ въ Прагѣ православный храмъ; но А. Θ. не суждено было дожить до его освѣщенія.

Въ послѣдній годъ своей жизни Гильфердингъ былъ предсѣдателемъ этнографическаго отдѣленія географическаго общества. Къ этой обязанности онъ относился также чрезвычайно внимательно: устраивалъ интересныя засѣданія, печаталъ важныя этнографическія труды и наконецъ самъ совершилъ капитальный этнографическій трудъ. Лѣтомъ онъ иногда уѣзжалъ далеко изъ Петербурга (разъ онъ совершилъ поѣздку къ балканскимъ славянамъ, откуда вывезъ собраніе рукописей, купленныхъ впослѣдствіи Хлудовымъ). Въ апрѣлѣ 1871 г. онъ задумалъ поѣздку въ олонекскую губернію. Поводомъ къ поѣздкѣ было то обстоятельство, что сокровища былиннаго эпоса, открытыя П. И. Рыбниковымъ, возбуждали сомнѣнія въ нѣкоторыхъ ученыхъ. Гильфер-

дингъ рѣшился лично повѣрить открытіе Рыбникова и посѣтилъ этотъ отдаленный край, гдѣ часто приходилось ему проѣзжать верхомъ по лѣсамъ и болотамъ. Трудъ его награжденъ былъ сторицею: онъ вывезъ оттуда «Онежскія былинны» (изданныя уже по его кончинѣ) *. Гильфердингъ самъ знакомился съ пѣвцами, ** заставляя ихъ пѣть речитативомъ, что давало ему возможность записывать ихъ былинны слово въ слово и даже отмѣчать удлинненіе слоговъ. Это послѣднее обстоятельство открыло ему тайну русскаго народнаго стиха. Такимъ образомъ «Онежскія былинны» дали прочную основу для историковъ литературы, историковъ языка и т. д. Здѣсь въ первый разъ изслѣдователи встрѣтились съ матеріаломъ, вполне годнымъ къ употребленію. Всѣ сомнѣнія замолкли сами собою. Свое путешествіе Гильфердингъ описалъ въ статьѣ «Олонецкая губернія и ея народные рапсоды» («Вѣстн. Евр.», 1872, № 3), въ которой рукою мастера изображены и край, и бытъ народа и охарактеризованы приемы пѣвцовъ. Нѣкоторые изъ нихъ пріѣзжали зимою 1871—72 г. въ Петербургъ, пѣли у Гильфердинга; а одинъ изъ нихъ, Рябининъ, пѣлъ и въ славянскомъ комитетѣ и въ географическомъ обществѣ. По ходатайству Гильфердинга черезъ Августѣйшаго предсѣдателя общества Рябинину пожалована была медаль. Лѣтомъ 1872 г. Гильфердингъ снова поѣхалъ въ олонецкую губернію. Доѣхавъ на пароходѣ до вознесенской пристани, онъ пересѣлъ на трешкотъ, желая прислушаться къ говору простого народа. Въ Вытегрѣ онъ почувствовалъ себя дурно, но лѣчиться не хотѣлъ, и поѣхалъ въ Каргополь, откуда уже ѣхать не могъ: здѣсь посѣтилъ его докторъ и не могъ уже ничѣго сдѣлать: у больного былъ брюшной тифъ. 20-го іюня онъ скончался. Въ Каргополѣ онъ проболѣлъ всего пять дней. *** При вѣсти о кончинѣ Гильфердинга отслужены были въ разныхъ мѣстахъ по немъ панихиды. Въ Карлсбадѣ прот. Кустодіевъ произнесъ хорошую рѣчь, гдѣ сказалъ между прочимъ: «Мысль его многоплодно простиралась и на сѣверъ, но она болѣе утверждалась на югѣ въ той вели-

* Нынѣ онѣ переиздаются вновь, ибо въ продажѣ ихъ уже давно нѣтъ.

** Въ «Русск. Стар.», 1872, № 12, напечатанъ неопѣнный по своему простодушію разсказъ одного изъ этихъ пѣвцовъ, Касьянова, о знакомствѣ съ Гильфердингомъ.

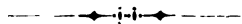
*** Письмо изъ Каргополя («Русск. Старина», 1872, № 10).

вой задачѣ, къ рѣшенію которой онъ стремился съ свойственной ему настойчивостью и благоразуміемъ». 4-го іюля тѣло Гильфердинга было привезено въ Петербургъ, встрѣчено на пристани друзьями и почитателями и похоронено въ Ново-дѣвичьемъ монастырѣ. Здѣсь тогдашній ректоръ семинаріи, впоследствии епископъ нижегородскій, нынѣ уже почившій Хрисанфъ, со свойственнымъ ему глубокомысліемъ и краснорѣчіемъ произнесъ рѣчь, изъ которой выпишемъ слѣдующія, пронизанная мыслию и глубокимъ чувствомъ строки: «Это былъ дѣятель въ полномъ и широкомъ смыслѣ слова.. Не напрасно и не по имени только здѣсь, у насъ, онъ былъ центромъ всѣхъ живыхъ дѣятельныхъ стремленій нашихъ во имя славянства. Всѣ мы знаемъ это, знаютъ объ этомъ и тамъ—среди самихъ славянскихъ племенъ. Въ самой государственной службѣ онъ является какъ ревностный помощникъ одного, также недавно умершаго поборника русскаго дѣла, русскихъ интересовъ въ борьбѣ съ одноплеменнымъ, но непріязненнымъ намъ народомъ. Словомъ, вся жизнь его была однимъ нераздѣльнымъ, цѣльнымъ служеніемъ одному дѣлу—одной національной идеи.

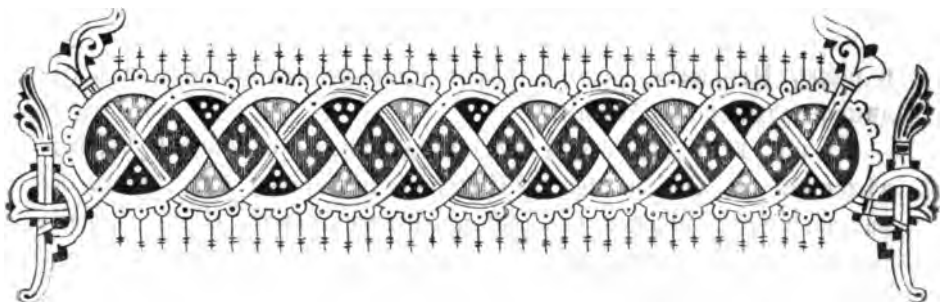
«Но не то же ли говорить о немъ и самая смерть его, такъ поразившая насъ своею неожиданностью? Передъ нами, братья, жертва любви къ наукѣ и своему призванію, жертва ревности къ своему дѣлу. Смерть застигла его въ глухомъ краю, куда стремился онъ единственно за тѣмъ, чтобы собрать дорогія для него преданія изъ устъ народа, среди котораго еще уцѣлѣли слѣды первобытныхъ временъ, имѣющія скоро и здѣсь исчезнуть... Конецъ, достойный жизни!» *

14-го февраля 1873 г. петербургскій отдѣлъ славянскаго благотворительнаго комитета собрался подъ предсѣдательствомъ И. П. Корнилова. Это торжественное засѣданіе съ присутвіемъ публики посвящено было памяти Гильфердинга. Тогда Т. И. Филипповъ прочелъ рѣчь о московскихъ годахъ жизни Гильфердинга, О. Э. Миллеръ—объ его заслугахъ въ собираніи памятниковъ народнаго творчества, В. И. Ламанскій—объ его трудахъ по славянству, а нижеподписавшійся—объ его историческихъ трудахъ.

К. Бестужевъ-Рюминъ.

* Обѣ рѣчи напечатаны въ названномъ уже № «Русск. Старини».

ЧЕРВОНОРУССКАЯ ЭМИГРАЦІЯ

ЧЕРВОНОРУССКІЯ области Австро-Угріи, а именновосточная и средняя Галичина, сѣверная Буковина и восточная Угрія, какъ тысячу лѣтъ тому назадъ, такъ и теперь заселены сплошь вѣтвями восточнаго славянства и составляютъ какъ бы западный форпостъ русскаго народа. Насколько запомнить исторія, тамъ никогда и не было другихъ, старшихъ туземцевъ, такъ что червонорусы или—какъ нѣмцы, а за ними и наши западники любятъ выражаться — «рутены», «русины» составляютъ автохтонное населеніе названнахъ областей. Потому-то средняя часть большой карпатской дуги, составляющая какъ бы позвоночный столбъ червонорусской народности, издревле называется въ географической литературѣ «русскими горами русскими Карпатами», въ народныхъ же говорахъ—Бескидами.

Но въ древнее время это русское Подкарпатье шло гораздо далѣе нынѣшняго и на сѣверъ, и на югъ, и на западъ, упираясь въ Спишскія Татры съ одной стороны, а въ Семиградскія Альпы съ другой; въ долинѣ же угорской русскія поселенія забѣгали нѣкогда далеко за Тису, которая въ своемъ верхнемъ и среднемъ теченіи была рѣкою сплошь червонорусскою. То же слѣдуетъ сказать о большей части ея притоковъ, въ томъ числѣ и нѣкоторыхъ семиградскихъ. Этою обширностью червонорусской территоріи, а также ея счастливымъ положеніемъ и богатствомъ, объясняется въ значительной мѣрѣ историческая роль червонорусскихъ князей XII—XIII в., въ такихъ поэтическихъ краскахъ обрисованная и пѣвцомъ «Слова

о полку Игоревѣ», который самъ происходитъ кажется изъ галицко-волынской области.

И послѣ паденія своей независимости, Червонная Русь, раздѣленная съ XIV в. между Польшей и Угріей, слѣд. какъ бы разсѣченная пополамъ, все еще продолжала быть важнымъ факторомъ въ политическихъ событіяхъ Востока, опредѣляя собою до нѣкоторой степени величіе Польши въ 15—16 вв., а также значеніе Угрии при Людовикѣ V., Гуниадѣ и Корвинѣ, а позже—воеводства Трансильваніи съ восточной Угріей и Молдавіи съ Валахіей. Даже въ послѣднее столѣтіе, по воссоединеніи всѣхъ— правда, сильно уже обрѣзанныхъ инородцами— червонорусскихъ областей подъ Габсбургами, червонорусскіе полки, наряду съ сербско-граничарскими, всегда считались ядромъ австроугорскихъ армій, самую стойкою ихъ частью. Въ области же литературной, не червонорусы ли произвели лучшую изъ древне-русскихъ лѣтописей—галицко-волынскую? Не они ли дали намъ св. Петра и цѣлый рядъ знаменитыхъ богослововъ-полемистовъ XVI—XVII вв.? Да и въ нынѣшнемъ вѣкѣ изъ червонорусовъ вышло, при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ, не мало замѣчательныхъ ученыхъ, писателей, дѣятелей, напр. нашихъ Балудьянскаго, Орлая, Кукольника, Венелина, Головацкаго, затѣмъ Снѣгурскаго, Зубрицкаго, Малиновскаго, Яхимовича, Петрушевича, Федьковича, Наумовича, А. И. Добрянскаго и мн. др.! А сколько крупныхъ талантовъ дала Червонная Русь полякамъ и въ «золотой» сигизмундовскій періодъ и въ ближайшее къ намъ время! Да и мадьярскій диктаторъ Кошуть былъ собственно земплинецъ, слѣд. происхожденія угрорусскаго. Но всего замѣчательнѣе нынѣшняя духовная пробужденность червонорусскаго простонародья, особенно въ Галичинѣ, гдѣ оно въ послѣднее десятилѣтіе устроило цѣлыя тысячи читаленъ, сотни обществъ народной торговли, трезвости, десятки вѣчъ и раскупаютъ по 5—6000 экз. изданій общества Качковскаго, отчасти и «Просвѣты», поддерживая въ то же время полдюжины газетокъ—политическаго, религіознаго и хозяйственнаго содержанія. Если вспомнить, что число русскихъ галичанъ опредѣляется въ 3 съ небольшимъ мил. д., слѣд. лишь немногимъ больше населенія—положимъ—волынской губ., то нельзя не признать преимуществъ крестьянина галицкаго передъ нашимъ по степени духовной пробужденности. Ко-

нечно, это объясняется самою трудностью общественно-экономических и народно-культурных условий жизни русского галичанина, въ сравненіи съ нашимъ подоляниномъ или украинцемъ; но во всякомъ случаѣ это служитъ новымъ доказательствомъ рѣдкой даровитости червонорусскаго населенія и его правъ на лучшую будущность.

Красота подкарпатской природы, относительное богатство ея и обычная консервативность характера и жизни горцевъ служатъ достаточнымъ объясненіемъ любви червонорусовъ къ своей родинѣ, въ чемъ они ни мало не уступаютъ ни тирольцамъ, ни швейцарцамъ. Если поэтому червонорусскому крестьянину и приходилось оставлять иной разъ свою страну для заработковъ, спускаясь напр. на косьбу и жатву въ долины мадыарскаго и румынскаго Потисья или мазовецкаго Повислія, то подобныя отлучки на отхожіе промыслы длились обыкновенно лишь нѣсколько лѣтнихъ мѣсяцевъ, слѣд. не разрывали связей населенія съ ихъ родиной. Даже тѣ спишскіе и шаршескіе коробейники, которые подобно словакамъ турчанскимъ, оравскимъ и тренчинскимъ на болѣе продолжительное время удалялись въ Польшу, западную Русь и др. смежныя страны для продажи корзинъ, мышелововъ и др. своихъ издѣлій, не могли еще называться эмигрантами, а лишь ходябчиками, которые непременно возвращаются домой, въ свои насиженные гнѣзда, къ своимъ оставленнымъ семьямъ.

Такъ оно было издревле, въ теченіи многихъ вѣковъ. Но въ послѣднее 25-лѣтіе, со времени введенія пресловутаго дуализма и отдачи Руси галицкой въ кабалу полякамъ, а закарпатской мадыарамъ, червонорусскія хожденія мало по малу начинаютъ измѣнять свой характеръ: вмѣсто смежныхъ европейскихъ странъ, они направляются теперь главнымъ образомъ въ Америку, причемъ постепенно теряютъ значеніе отхожихъ промысловъ и перерождаются въ настоящую эмиграцію. Въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ уже теперь насчитываютъ болѣе 150.000 червонорусскихъ рабочихъ, которые заняты главнымъ образомъ въ каменноугольныхъ копяхъ и составляютъ не одинъ десятокъ приходовъ, имѣющихъ свои церкви, причты и до нѣкоторой степени—осѣдлость въ этихъ заокеанскихъ колоніяхъ. Правда, большинство этихъ эмигрантовъ еще поддерживаютъ связи съ оставленной родиной и родными; многіе по-

сѣщаютъ ихъ хоть черезъ нѣсколько лѣтъ или и совсѣмъ возвращаются въ свои прежнія села, къ своимъ семьямъ, выкупаютъ свои заложенные евреямъ участки и возобновляютъ на нихъ прежнее хозяйство. Но многіе совершенно ликвидируютъ на родинѣ дѣла, забираютъ съ собой семьи и навсегда переселяются въ Пенсильванію и другіе штаты Сѣверной Америки.

Но это эмигранты изъ горь, слѣдовательно мѣстностей относительно глухихъ, недоступныхъ для экономическихъ улучшеній, отсталыхъ по условіямъ хозяйственной обработки и вообще жизни.

Но съ лѣта нынѣшняго года началось еще болѣе замѣчательное эмиграціонное движеніе червонорусовъ изъ галицкаго Подолья (округи скалатскій, збаражскій и смежныя съ ними), слѣдовательно изъ мѣстности, которая донинѣ считалась какъ бы житницей Галичины и занимаетъ въ ней чуть ли не первое мѣсто по плодородности своей черноземной почвы. И вотъ эти подольяне цѣлыми тысячами распродаютъ свои дѣдовскія поля и усадьбы, забираютъ женъ и дѣтей и вопреки всѣмъ отговорамъ мѣстной интеллигенціи и даже противодѣйствию властей—бѣгутъ черезъ границу, въ сосѣднюю Волынь и наше Подолье. Это уже не отхожіе промыслы, не единичное выселеніе, а настоящая народная эмиграція, подобная ирландской въ Америку или боснійской въ Турцію.

Спрашивается, чѣмъ вызвано это выселеніе червонорусовъ, съ одной стороны изъ Подбескидья за океанъ, въ Америку, съ другой же—изъ галицкаго Подолья въ пограничныя уѣзды юго-западной Россіи?

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ одни утверждаютъ, что червонорусская эмиграція—подобно словенской изъ сѣверныхъ комитатовъ Угрии или польской изъ западной Галичины и нѣкоторыхъ губерній царства польскаго, особенно плоцкой и ломжинской—вызвана исключительно искусственной агитаціей еврейскихъ агентовъ, состоящихъ на службѣ гамбургскихъ и бременскихъ судовладѣльцевъ или даже сѣверо-американскихъ и бразильскихъ спекулянтовъ и плантаторовъ, рассчитывающихъ имѣть въ русскихъ, словенскихъ и польскихъ эмигрантахъ дешевую рабочую силу, какъ бы второе изданіе африканскихъ рабовъ-негровъ. Въ подтвержденіе ссылаются на вадовицкій процессъ въ Галичинѣ противъ подобныхъ агентовъ, окончившійся осужденіемъ

многихъ изъ нихъ въ Вадовицахъ, Освѣтимѣ, Бѣлѣ и др. пограничныхъ городкахъ Галичины и Слезіи. Нельзя отрицать, что нѣкоторое число подкарпатскихъ эмигрантовъ могло быть сбито съ толку подобными еврейскими факторами, которые спекулировали при этомъ и на дешевую покупку движимаго и недвижимаго имущества эмигрантовъ, при ликвидаціи ими дѣлъ на родинѣ. Но почему же подобнаго рода еврейская спекуляція встрѣтила наименьшій отпоръ именно въ средѣ подкарпатскихъ славянъ, а не въ другихъ областяхъ Австро-Угріи или Германіи? Очевидно, въ мѣстныхъ условіяхъ жизни червонорусовъ, словаковъ и даже галицкихъ мазуровъ были и есть какія-то условія, благопріятствующія спекулянтамъ эмиграціи.

Другіе объясняли ее непосѣдливимъ характеромъ подкарпатскихъ славянъ, ихъ искононой страстью къ отхожимъ промысламъ и легкомысленною погоней за легкой наживой. Въ самомъ дѣлѣ, подкарпатскіе горалы или горцы червонорусскаго, словенскаго и польскаго происхожденія, какъ выше упомянуто, издревле занимались коробейничествомъ и ходили на заработки въ долины; но, во-1-хъ, это можно сказать лишь о собственныхъ подкарпатскихъ горцахъ, населяющихъ не болѣе восьмой—девятой части той подкарпатской территоріи, которая охвачена теперь эмиграціоннымъ движеніемъ; во 2-хъ, характеръ этихъ старыхъ временныхъ хожденій существенно разнился отъ нынѣшнихъ переселеній — навсегда. Къ тому же подкарпатскіе эмигранты и въ Америкѣ, и въ Россіи вовсе не избѣгаютъ тяжелыхъ работъ, а наоборотъ—ищутъ ихъ. Такъ въ С. Америкѣ они въ большинствѣ занимаютъ въ рудникахъ, слѣдовательно самымъ тяжелымъ видомъ промышленнаго труда, на который у насъ напр. осуждаются каторжники. Можно ли назвать подобный заработокъ—легкой наживой!

Были и такіе голоса, которые вмѣняли червонорусскую эмиграцію въ вину мѣстнымъ панславистамъ или панрусистамъ, изъ школы Наумовича въ Галичинѣ и Добрянскаго въ Угріи. Цѣль этихъ агитаторовъ состояла-де въ томъ, чтобы сдѣлать непріятность польскому и мадьярскому правительствамъ и обществамъ, ослабить рабочія силы этихъ областей и между прочимъ — военные контингенты Австро-Угріи въ самыхъ важныхъ пограничныхъ ея краяхъ. Въ доказательство указываютъ между прочимъ на то, что эмиграція всего сильнѣе изъ тѣхъ именно

уѣздовъ Угрии и Галичины, которые были средоточіемъ якобы агитаціонной дѣятельности воюководовъ австроугорскаго панславизма.

На это мы можемъ возразить, что съ точки зрѣнія панславистовъ или панруссистовъ, если таковые вообще имѣются въ Австро-Угрии, гораздо желательнѣе бы усиливать славянское населеніе Подкарпатя, особенно его русскую и словенскую части, чѣмъ ослаблять это населеніе эмиграціей, да вдобавокъ еще въ Америку, въ добычу англоамериканской народности. Панслависты, при желаніи насолить полякамъ, мадярамъ или центральному правительству, вѣроятно нашли бы болѣе дешевый къ тому способъ, чѣмъ растрата лучшихъ славянскихъ силъ за океаномъ. Да и эмиграція въ Россію не могла бы не казаться имъ крупною стратегическою ошибкою, именно ослабленіемъ и безъ того слабого авангарда для усиленія и такъ уже достаточно сильнаго центра или резервовъ.

Высказана была наконецъ догадка, что послѣдній фазисъ червонорусской эмиграціи, именно передвиженіе галицкихъ подоланъ на Волинь и въ Украйну, вызванъ былъ нарочно польскими чиновниками и помѣщиками Галичины передъ ожидавшимся пріѣздомъ во Львовъ императора, въ видахъ еще болѣе усилить недовѣріе послѣдняго къ лояльности его русскихъ подданныхъ и на такомъ фонѣ ярче выставить свою польскую вѣрность Габсбургамъ, чтобы этимъ способомъ выторговать какую нибудь новую льготу для полонизма, на счетъ дискредитованныхъ червонорусовъ.

Но и эта догадка кажется намъ мало вѣроятною. Во-1-хъ, подобнаго рода эксперименты не лишены своей опасной стороны, какъ игра съ огнемъ или вѣтромъ, который могъ бы наконецъ вырваться изъ рукъ польскихъ заправилъ и разростись въ опасную для нихъ бурю. Во-2-хъ, поляки такъ уже много получили отъ Габсбурговъ, именно на счетъ червонорусовъ, что врядъ ли и остается уже что нибудь существенное у послѣднихъ для передачи полякамъ. Наконецъ, еслибы поляки инсценировали всю эту подольскую эмиграцію въ видѣ политическаго фона для львовскихъ иллюминацій, то врядъ ли они сами такъ испугались бы потомъ этого движенія, которое было кажется главнымъ поводомъ и отмѣны предположеннаго посѣщенія Львова императоромъ Францемъ Іосифомъ.

Но если это такъ, то что же остается намъ думать о причинахъ, вызвавшихъ и поддерживающихъ червонорусскую эмиграцію въ новый свѣтъ и Россію? А то, что это движеніе въ основѣ своей вовсе не искусственно и не случайно, а наоборотъ, совершенно естественно и даже неизбѣжно при нынѣшнихъ условіяхъ червонорусской жизни. Уже одно то, что начало разсматриваемаго народнаго движенія совпало со введеніемъ въ Австро - Угрію дуализма и что движеніе это постепенно возрастаетъ съ укрѣпленіемъ и развитіемъ этого новаго строя въ имперіи Габсбурговъ, указываетъ на существованіе причинной связи между этимъ строемъ и эмиграціей. Да иначе и быть не могло: дуализмъ привелъ вѣдь къ постепенному порабощенію червонорусовъ галицкихъ поляками, а закарпатскихъ или угорскихъ мадьярами, слѣд. создалъ новый періодъ рабства, притомъ самой тяжелой его формы. Въ самомъ дѣлѣ, что значить рабство, напр. восточное, состоящее въ подчиненіи миллионовъ одному богдыхану, шаху или султану, либо даже рабство западное въ средневѣковой его формѣ, гдѣ надъ массами воцарилась олигархія сословная, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ, сотенъ или тысячъ лицъ и родовъ, что значать такіа формы деспотіи или олигархіи въ сравненіи съ новѣйшею формою—рабства народнаго, гдѣ количество привилегированныхъ существъ опредѣляется уже не тысячами, а миллионами, напр. восходитъ въ Галичинѣ до 2¹/₂ мил. (поляковъ), а въ Угріи до 4 мил. (мадьяръ)! Понятно, что такая тяжесть надъ головою, на шеѣ, на плечахъ порабощеннаго народа должна давить его до смерти, по крайней мѣрѣ до отчаянія и бѣгства куда нибудь подале, за море, за кордонъ! Механическая тяжесть такого инородческаго ига тѣмъ чувствительнѣе и невыносимѣе, что оно не обусловлено ни завоеваніемъ, ни духовнымъ перевѣсомъ, ни памятью о заслугахъ—личныхъ или наслѣдственныхъ, а единственно придворными интригами и парламентскими фокусами, какъ это имѣетъ мѣсто въ Австріи и Угріи.

Въ самомъ дѣлѣ, когда завоевали поляки Русь Червонную или мадьяры—угорскую? Кто можетъ доказать, что духовныя дарованія, умственная производительность, нравственная сила и культурныя основы народности польской или мадьярской выше, чѣмъ духовная сила и мощь народа русскаго? Гдѣ въ преданіяхъ червонорусскаго народа тѣ благодѣянія или милости,

которыми надѣлили ихъ поляки или мадьяры и за которыя галичане или угрорусы должны теперь расплачиваться съ благодѣтелями—цѣною своей свободы, своей человѣческой и народной личности? Развѣ поляки или мадьяры просвѣтили червонорусовъ христіанствомъ? Развѣ они создали первыя червонорусскія княжества, доставили народу начала государственнаго строя и гражданскаго развитія? Развѣ они освободили подкарпатскую Русь отъ монголовъ или турокъ? Они ли положили основу червонорусской письменности, грамотности, образованія? Скорѣе наоборотъ, поляки и мадьяры позаимствовались этимъ у русскихъ и несмотря на то не переставали издревле наносить тяжелые удары и червонорусской церкви, и государственности, и образованности. Ужели теперь эта разрушительная дѣятельность должна быть вмѣнена червонорусами въ заслугу полякамъ и мадьярамъ и оплачена вѣчнымъ порабощеніемъ? Правда, поляки и мадьяры величаютъ себя авангардомъ западной Европы, *antemurale Christianitatis*, или вѣрнѣе—*Latinitatis*, носителями западной образованности въ среду восточныхъ народовъ вообще, а червонорусскаго въ частности. Но если бы даже Червонная Русь была убѣждена, что эта западная образованность безусловно выше восточной и для нея пригоднѣе послѣдней, то и въ такомъ случаѣ было бы не ясно, почему же червонорусы должны подчиняться служебнымъ орудіямъ Запада, а не дѣйствительнымъ его господамъ, народамъ романскимъ и германскимъ? Почему бы имъ предпочитать блѣдную польско-мадьярскую копію западной образованности яркимъ ея оригиналамъ—въ Италіи, Франціи, Германіи? Ужели червонорусъ не можетъ изучать латинской или нѣмецкой книги иначе, какъ въ мадьярскомъ или польскомъ переводахъ?

Но нравственная унижительность подчиненія сыновъ великаго русскаго народа столь слабымъ и несамостоятельнымъ историческимъ дѣятелемъ, какъ поляки или мадьяры, составляютъ далеко не единственный источникъ огорченій и бѣдствій нынѣшняго червоноруса. Дѣло въ томъ, что поляки и мадьяры не удовлетворились теоретическимъ признаніемъ первенства ихъ народностей передъ русскою и всѣми другими въ Галичинѣ или Угрии, а постарались и сумѣли извлечь для себя изъ этой государственной теоріи громадныя выгоды въ областяхъ политической, экономической, церковной, школьной, — словомъ, во

всѣхъ сферахъ физической и духовной жизни. И кто же оказался плательщикомъ за эти польскія и мадьярскія привилегіи? Конечно, непривилегированныя или поработоченныя народности Галичины и Угріи, главнымъ же образомъ червонорусы.

Прежде всего они были исключены изъ представительныхъ собраній Цислейтаніи и Транслейтаніи, посредствомъ искусственной системы выборовъ, дающей всѣ преимущества высшимъ слоямъ населенія передъ низшими, слѣд. ополяченнымъ и омадьяреннымъ передъ чисто-русскими въ Подкарпатѣ. Гдѣ же оставался еще у червонорусовъ интеллигентный патриотъ, не измѣнявшій своему народу и церкви, тамъ на выборахъ пускаемы были въ ходъ подкупы, давленіе чиновниковъ и даже военная сила, чтобы не допустить подобнаго «панслависта» въ сеймъ или центральные парламенты. Этимъ способомъ полумилліонная Русь угорская вовсе лишена теперь представительства въ будапештскомъ сеймѣ, трехмилліонная же Русь галицкая если и имѣетъ еще въ львовскомъ сеймѣ и вѣнскомъ рейхсратѣ по нѣскольку депутатовъ, то во 1) они принадлежатъ главнымъ образомъ къ полякующей младорусской партіи, во 2) такъ малочисленны и настолько зависимы отъ польской администраціи и своей запуганной іерархіи, что не въ состояніи ничего сдѣлать въ пользу народа ни въ Львовѣ, ни въ Вѣнѣ. Даже въ Буковинѣ, гдѣ громадное большинство населенія принадлежитъ къ русской народности на сѣверѣ, а румынской на югѣ, и лишь самый незначительный процентъ его приходится на долю нѣмцевъ (вѣрнѣе евреевъ) и поляковъ, послѣдніе сумѣли уже втереться въ черновецкій сеймъ, подчинить себѣ младорусскихъ мамелюковъ и такимъ образомъ начали готовить «польское крулевство» въ долинахъ Прута и Серета. Четверть вѣка тому назадъ червонорусскій народъ имѣлъ еще въ парламентахъ Угріи и Австріи такихъ представителей, какъ А. И. Добрянскій, Петрушевичъ, Наумовичъ, Ковальскій, Геровскій, Кулачвовскій и др. Теперь тамъ засѣдаютъ только гг. Романчукъ да Барвинскій, съ 2—3 безгласными товарищами изъ полякующихъ. Даже во львовскомъ сеймѣ чуть ли не одинъ профессоръ Антоневицъ поддерживаетъ еще достоинство червонорусскаго представительства. Такимъ образомъ четырехмилліонный червонорусскій народъ, составляющій болѣе 10% населенія имперіи, слѣд. уступающій въ многочисленности лишь нѣм-

цамъ и чехославянамъ, ровный по числу съ мадьярами и значительно превышающій число поляковъ,—вовсе лишень участія въ представительномъ правленіи, которое между тѣмъ кичится мнимымъ равенствомъ правъ и обязанностей каждаго австроугорскаго гражданина. Червонорусъ не можетъ воспользоваться парламентскою трибуною хотя бы для того, чтобы заявить свой протестъ противъ этой фиктивной равноправности и съ достоинствомъ выйти изъ «совѣта нечестивыхъ»—верховодовъ изъ нѣмцевъ и евреевъ, поляковъ да мадьяръ. Наоборотъ, онъ долженъ перенести униженіе—слышать съ этой трибуны отъ своего имени рѣчи якобы русскихъ депутатовъ польскаго либо мадьярскаго происхожденія или воспитанія, всего же чаще—продажнымъ ренегатовъ, которые выставляютъ передъ нѣмцами и евреями на показъ свое презрѣніе ко всему русскому и славянскому, имѣя при этомъ безстыдство именовать себя русскими или—положимъ—рутенскими, русинскими депутатами.

Удивительно ли, что при такомъ представительствѣ австроугорское законодательство менѣе всего озабочено охраною правъ и интересовъ червонорусскихъ населеній,—а скорѣе наоборотъ считаетъ эти интересы самымъ удобнымъ объектомъ парламентской спекуляціи и отдачи на откупъ тому, кто въ данный моментъ болѣе нуженъ правительству или верховою партіи! Такими откупщиками и оказалась на этотъ разъ польская шляхта и есендзы въ Галичинѣ, а мадьярскіе немешы, мадьярскій интеллигентный пролетаріатъ въ Угріи. Въ руки этихъ откупщиковъ и перешли постепенно не только всѣ почти червонорусскіе мандаты въ сеймахъ, но также всѣ почти административные посты въ областяхъ червонорусскихъ, за исключеніемъ самыхъ низкихъ либо такихъ, которые требуютъ принадлежности къ греко-уніатской церкви, напр. по духовной службѣ. И въ судебномъ вѣдомствѣ червонорусы были постепенно отодвинуты на задній планъ, или по крайней мѣрѣ удалены гдѣ нибудь «на мазуры», въ Вѣну, Инсбрукъ, чтобы лишить ихъ возможности дѣйствовать въ пользу соплеменниковъ. Даже въ области частной службы, напр. въ желѣзнодорожномъ вѣдомствѣ, общественныхъ банкахъ, управленія санитарномъ и т. п. червонорусы были вытѣснены то поляками, то мадьярами, а нерѣдко и евреями, такъ что для нихъ осталась чуть ли не одна адвокатура да частная медицинская практика, наряду съ «душпастыр-

ствомъ», низшимъ учительствомъ и сельскимъ или канцелярскимъ писарствомъ. При такихъ условіяхъ не только крайне обѣдѣла и оскудѣла червонорусская интеллигенція, но и простому народу трудно стало добиваться своего права и правды въ правительственныхъ учрежденіяхъ и присутствіяхъ.

Сверхъ того прокормленіе—и то обильное—массы польскихъ и мадьярскихъ чиновниковъ, очень часто синекуристовъ, и само по себѣ было уже тяжелымъ бременемъ для червонорусскаго простонародья, которое между тѣмъ за свои приношенія «на алтарь» польскаго или мадьярскаго «отечества» или «государства» не получало ни безпристрастнаго суда, ни скорой и дѣйствительной администраціи, ни равенства фискальныхъ правъ и обязанностей съ прочими согражданами, принадлежащими къ народностямъ господствующимъ, привилегированнымъ. Даже при оцѣнѣ земли, какъ основѣ ея обложенія, повѣрочныя комиссіи нерѣдко руководились не объективными данными, а соображеніями о составѣ мѣстнаго населенія, такъ что оцѣнка эта оказывалась во многихъ случаяхъ непропорціонально высокою въ червонорусскихъ горахъ, а болѣе низкою въ мадьярскихъ или польскихъ долинахъ. Даже при постройкѣ желѣзныхъ и другихъ дорогъ интересы мадьярскихъ и польскихъ помѣщиковъ, особенно болѣе крупныхъ и вліятельныхъ, всегда стояли выше экономическихъ нуждъ червонорусскаго простонародья.

Но чуть ли не главною причиною прогрессивнаго его обѣднѣнія было крайнее усиленіе въ дуалистической Австро-Угріи евреевъ, которые не замедлили приписаться въ Галичинѣ къ полякамъ, а въ Угріи къ мадьярамъ «моисеева вѣроисповѣданія». Этимъ они возвысились до роли господствующей народности и воспользовались для захвата въ свои руки не только множества вліятельныхъ мѣстъ и должностей, особенно въ городскомъ управленіи, но и значительной части, кое-гдѣ даже большинства движимой и недвижимой собственности, главнымъ образомъ на площади червонорусскаго населенія. Правда, отъ этого захвата сильно пострадали и «привилегированныя» народности Галичины и Угріи: много историческихъ родовъ польскихъ и мадьярскихъ вытѣснено уже евреями изъ наслѣдственныхъ помѣстій или настолько задолжали у евреевъ, что скорѣе могутъ считаться еврейскими управляющими, чѣмъ самостоятельными вла-

дѣльцами дѣдовской земли. Но такіе захудалые шляхтичи и немеша имѣютъ еще шансъ поправить свое состояніе въ государственной службѣ, при искусномъ, такъ сказать, доеніи казенной коровы... Къ тому же польскіе и мадьярскіе евреи, записавшись въ помѣстную знать, не прочь породниться съ шляхтичами и немешами, для чего принимаютъ лютеранство или по крайней мѣрѣ ту своеобразную австрійскую религію, которая носитъ характерное названіе: Confessionslos, т. е. не принадлежащій ни къ какому вѣроисповѣданію. Этимъ же путемъ утраченныя польскою и мадьярскою знатію помѣстья могутъ со временемъ хоть отчасти вновь къ ней возвратиться, въ качествѣ приданого за вельможными еврейками.

Гораздо безвыходнѣе положеніе червонорусскаго поселанина, задолжавшаго еврею и заложившаго или даже продавшаго ему свой участокъ. Онъ переходитъ тогда въ положеніе бездомнаго бобыля, илота, по рукамъ и ногамъ скованнаго своею зависимостью отъ еврейскаго шинкаря или ростовщика, осѣвшаго на его дѣдовскомъ участкѣ. Если причиною разоренія было пьянство, то подобный крестьянинъ такъ и погибаетъ жертвою искусственно развитаго мѣстнымъ шинкаремъ алкоголизма; если же виною была неудачная спекуляція на занятія у еврея подъ громадный ростъ деньги, то открывалась еще возможность выплатить этотъ долгъ и слѣд. раздѣлаться съ евреемъ на—американскія деньги. Вотъ это и было для червонорусскаго населенія однимъ изъ главныхъ побужденій ѣхать на заработки въ Америку. Этимъ путемъ дѣйствительно многія подкарпатскія села выкупились отъ еврейскихъ кредиторовъ и даже закупили у мѣстныхъ помѣщиковъ болѣе или менѣе значительные участки. Къ сожалѣнію, пребываніе въ Америкѣ въ большинствѣ случаевъ не содѣйствовало нравственному подъему червонорусскихъ рабочихъ, а наоборотъ приучало ихъ къ своего рода роскоши, отрывало отъ вѣковыхъ преданій и привычекъ, разстраивало жизнь семейную, наконецъ нерѣдко отражалось вредными послѣдствіями на здоровьѣ крестьянъ. При такихъ же условіяхъ принесенные рабочимъ изъ Америки 1000 или даже 2000 долларовъ скоро опять оказывались въ карманѣ мѣстнаго еврея, шинкаря. Нужно было отправляться въ Америку вновь и вновь, пока наконецъ не стала созрѣвать въ червонорусскомъ крестьянствѣ рѣшимость—навсегда остаться въ Америкѣ, вдали отъ ро-

дины, но зато—и отъ эксплуататора еврея. Аналогичныя экономическія условія могли вызвать въ средѣ галицкихъ подолянъ рѣшимость спастись отъ поляка и еврея—за кордонъ, въ Россію...

Во всякомъ случаѣ нынѣшняя борьба червонорусскаго крестьянина съ евреемъ за землю, слѣдовательно почти за жизнь, оказывается неравною. Она должна въ болѣе или менѣе близкомъ уже будущемъ привести къ полному обезземеленію коренного населенія, слѣдовательно къ его батрачеству, къ новому періоду рабства, тѣмъ болѣе тяжелаго и невыносимаго, что это будетъ илотство русскаго подъ евреемъ, христіанина подъ сухимъ и мрачнымъ галмудистомъ... Легко представить, какими страшными катастрофами гайдамацкаго типа чревато будущее арійскаго населенія, осужденнаго на подобное симитское иго!

Но и этимъ не исчерпываются еще бѣды червонорусскаго народа. Закрѣпостивъ его себѣ въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ, поляки и мадьяры какъ христіанскаго, такъ и моисеева вѣроисповѣданія рѣшили занести руку и на внутреннее содержаніе червонорусской народности, ея религіозныя и вообще культурныя основы, въ видахъ постепеннаго перерожденія людей русскихъ въ поляковъ или мадьяръ, слѣд. косвеннымъ образомъ—въ нѣмцевъ.

Въ этихъ видахъ Галичина, а въ послѣднее время и Буковина постепенно наводнена іезуитами и ихъ польскимъ подобіемъ—змартвухстанцами или воскресенцами, въ самомъ названіи которыхъ отражается возложенная на нихъ задача «воскресить» ойчизну. И добро бы еще эти «отбудователи ойчизны» поселились и дѣйствовали гдѣ-нибудь между поляками и католиками; нѣтъ, они избрали объектомъ своей дѣятельности именно червонорусовъ, предполагая перевоспитать ихъ въ католиковъ, а затѣмъ въ поляковъ и такимъ образомъ вырыть гробъ для цѣлаго народа, далеко превосходящаго галицкихъ поляковъ и по числу, и по самобытности основъ духовной жизни.

При помощи правительства и съ благословенія папы, польскіе іезуиты подчинили себѣ галицкорусскихъ іерарховъ, завладѣли монастырями, вторглись въ русскія школы, особенно богословскія, забрали въ свои руки образованіе подростка русской молодежи духовнаго происхожденія, организовали повсемѣстно миссіи въ русскихъ приходахъ, наконецъ устроили даже во

Львовѣ митрополитальный синодъ галицкорусской церкви, подъ предсѣдательствомъ римскаго прелата, въ видахъ декретировать этой церкви культъ разныхъ іезуитскихъ святыхъ, григоріанскій календарь, целибатъ духовенства и сближеніе богослуженія греко-уніатскаго съ латинскимъ. Правда, единодушный почти протестъ низшаго клира, особенно противъ целибата, остановилъ пока іезуитскихъ реформаторовъ галицкорусской церкви на полупути, но они вовсе не отказались отъ своихъ затѣй и возобновятъ натискъ при первой вѣроятности успѣха. Іезуитами, какъ теперь доказано, инсценированъ былъ въ 1882 г. и памятный процессъ противъ А. И. Добрянскаго и многихъ галичанъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ. Да и до сихъ поръ подобныя процессы возобновляются отъ времени до времени, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, въ надеждѣ забрать слабыхъ и наложить узду на болѣе неподатливыхъ. Дошло до того, что цѣлыя галицкорусскіе приходы совращаются въ латинство, хотя это прямо противорѣчитъ условіямъ русской уніи съ латинскою церковью. Когда изъ содержимыхъ нынѣ іезуитами питомниковъ при монастыряхъ, гимназій, семинарій выйдетъ новое поколѣніе дрессированныхъ въ польско-латинскомъ духѣ священниковъ, тогда конечно не только григоріанскій календарь и целибатъ, но пожалуй и латинская мисса не встрѣтитъ съ ихъ стороны отпора въ галицкорусской церкви. Но что скажетъ тогда народъ? Пойдетъ ли онъ за ренегатскимъ клиромъ или отвернется отъ него, какъ славные братчики XVI—XVII вв.?

Во всякомъ случаѣ, въ этихъ польско-іезуитскихъ посягательствахъ на галицкорусскую церковь скрывается не только серьезная опасность для послѣдней, но и источникъ броженія въ средѣ червонорусскаго населенія, слѣдовательно одна изъ причинъ его крайняго недовольства нынѣшней жизнью и эмиграціоннаго порыва то въ Америку, то въ Россію.

Въ Угріи іезуиты пока не нашли еще простора, благодаря силѣ кальвинизма и вообще протестантства между мадьярами и въ правящихъ сферахъ. Но тамъ червонорусскому населенію предстоитъ другая опасность: стремленіе правительства омадьярить русскую церковь, замѣнивъ богослуженіе церковнославянское мадьярскимъ, какъ это уже сдѣлано въ нѣкоторыхъ греко-уніатскихъ приходяхъ за Тисой, «на ниру», какъ выражает-

ся народъ. Замѣну эту можно бы оправдать господствомъ мадьярскаго языка въ этихъ частяхъ угорской Россіи, слѣдовательно интересами духовнаго просвѣщенія. Но на дѣлѣ интересы эти стоятъ на заднемъ планѣ въ соображеніяхъ мадьярскаго правительства; главная же его цѣль—пользоваться всѣми средствами, слѣдовательно и церковью, для вытѣсненія всѣхъ угорскихъ языковъ, особенно же ненавистнаго русскаго, въ видахъ усиленія и расширенія языка мадьярскаго. Къ сожалѣнію, угрорусское духовенство слишкомъ уступчиво мадьярамъ насчетъ языка своей паствы. Оно не прочь не только въ семьяхъ, но и въ церкви говорить по-мадьярски, пренебрегая при этомъ интересами простонародья, которое вовсе не понимаетъ мадьярской рѣчи, за исключеніемъ сель со смѣшаннымъ русско-мадьярскимъ населеніемъ.

Въ Буковинѣ интересы русскаго населенія въ церквахъ приносятся иной разъ въ жертву языку румынскому, который почему то считается тамъ аристократичнѣе червонорусскаго. Но это не представляется намъ столь вопіюще измѣною народному дѣлу, какъ подчиненіе полонизму или мадьяризму, потому что румыны принадлежатъ къ нашей восточной церкви и образованности, слѣд. духовная связь съ ними не представляетъ культурнаго ренегатства, а наоборотъ, взаимную поддержку противъ общихъ недруговъ на Западѣ.

Въ школьныхъ отношеніяхъ червонорусскаго населенія также нельзя не видѣть серьезнаго источника его огорченій и недовольства. Въ самомъ дѣлѣ, въ теченіе цѣлаго почти тысячелѣтія, со временъ ирилло-меоодіевскихъ, народъ этотъ не только молился, но и учился на своемъ родномъ языкѣ или очень близкомъ къ нему, священномъ органѣ славянской церкви. Даже въ польскія и австрійскія времена не прерывались вполне эти давнія традиціи русско-славянской школы какъ въ Литвѣ и Украинѣ, такъ и въ Руси Червонной. Если же въ системѣ средняго и высшаго образованія и были дѣлаемы уступки въ пользу инородческихъ языковъ, то ужъ никакъ не польскаго или мадьярскаго, а развѣ греческаго, латинскаго, позже и нѣмецкаго, т. е. большихъ міровыхъ языковъ, которымъ наравнѣ съ червонорусскимъ подчинялись всегда и частные языки польскій да мадьярскій. Послѣ такихъ вѣковыхъ преданій не должно ли представляться крайне обиднымъ и унижительнымъ для

русскихъ жителей Галичины и Угрии подчиненіе въ школахъ высшихъ, среднихъ, отчасти даже и низшихъ ихъ родного русскаго языка, съ его безграничнымъ просторомъ и безчисленнымъ населеніемъ— совершенно слабымъ и малораспространеннымъ языкамъ польскому и мадыарскому! Не равносильно ли это предпочтеніе въ червонорусскихъ школахъ чужого польскаго или мадыарскаго языка своему русскому—превращенію великана въ карлика, сокола въ ворона, человѣка съ обширнымъ физическимъ и нравственнымъ горизонтомъ въ провинціала съ колоколеннымъ патриотизмомъ? По отношенію къ польскому языку еще можно пожалуй сказать, что онъ представляетъ хотя и не главную, но все же существенную вѣтвь великаго славянскаго языка. Но что такое языкъ мадыарскій, т. е. оторванный отъ своего корма и едва не заглохшій въ чуждой племенной средѣ языкъ финскій, въ сравненіи съ русскимъ или любымъ другимъ славянскимъ? Какіе горизонты онъ открываетъ? Какой даетъ выходъ изъ узкаго Потисья въ широкій свѣтъ Божій? Не представляетъ ли онъ наоборотъ рабской цѣпи, которая приковываетъ говорящаго только на немъ къ крошечной тисо-дунайской Месопотаміи, представляющей весь «глобусъ» распространенія этого пигмейскаго языка! Бывали, правда, языки не важные въ смыслѣ численномъ и территориальномъ, но богатые въ духовномъ отношеніи, по своему внутреннему содержанію или по культурнымъ веладамъ. Но мадыарскій языкъ и въ этомъ не представляетъ ничего крупнаго. По строенію это языкъ агглютинаціи, т. е. второго класса по морфологической классификаціи В. Гумбольдта, слѣд. языкъ недоразвившійся до флексіи, которая опредѣляетъ типъ языка славянскаго, какъ и всѣхъ другихъ аrioевропейскихъ, а равно симитскихъ, т. е. всѣхъ высшихъ культурныхъ языковъ, за исключеніемъ китайскаго. Съ какой же стати, въ какихъ культурныхъ цѣляхъ долженъ теперь славянинъ или нѣмецъ въ мадыарской школѣ опускаться съ высоты флексіи на уровень агглютинаціи, т. е. переходить отъ высшаго типа языка къ низшему, отъ своего арийства къ финнизму, чтобы этимъ способомъ приобщиться къ мадыарской народности и культурѣ? Да и какая же это культура? Помѣсь грекославянской съ латинско-нѣмецкою, лишенная всякаго оригинальнаго содержанія, слѣдовательно представляющая только мостъ отъ Востока къ Западу, мостъ, по которому нѣмцы совершаютъ теперь свой Drang nach Osten!

Сознавая, что русская народность сама по себѣ, въ своемъ этнографическомъ составѣ и историческомъ развитіи, безконечно сильнѣе и польской и мадьярской, особенно пока червонорусы держатся своихъ племенныхъ чувствъ, связей и преданій, роднящихъ ихъ съ громаднымъ русскимъ міромъ на востокѣ, за кордономъ, австро-польская и мадьярская политика поставили себѣ задачей—разорвать эти связи, ослабить эти желанія, отбить у червонорусовъ историческую ихъ память и такимъ образомъ превратить ихъ въ вѣтвь оторванную отъ своего родного ствола и засыхающую въ невольной беспочвенности. Вотъ цѣль преслѣдованія поляками и мадьярами такъ называемаго на ихъ языкѣ панславизма или панруссизма, москвофильства; вотъ смыслъ искусственнаго развитія въ средѣ червонорусовъ племенного и культурнаго сепаратизма; вотъ между прочимъ объясненіе политическихъ успѣховъ въ послѣднее время въ Галичинѣ гг. Романчука и Барвинскаго, Савчага и Огоновскаго, вообще червонорусскихъ сепаратистовъ, провозгласившихъ въ сеймѣ догматы племенной и культурной отдѣленности червонорусовъ отъ Руси закордонной, особенно же Великой.

Въ этомъ стремленіи поляковъ подрѣзывать подъ червонорусами всѣ ихъ вѣковые историческіе корни и такимъ образомъ ослаблять устойчивость въ борьбѣ съ полонизмомъ—слѣдуетъ видѣть объясненіе и затѣянной недавно въ Галичинѣ и Буковинѣ реформы историческаго червонорусскаго правописанія, съ замѣною его такъ называемымъ фонетическимъ, въ сущности же совершенно произвольной смѣсью знаковъ то словопроизведеннаго, то звукового значенія, которое можетъ внести лишь смуту въ сознаніе учащихся и во всякомъ случаѣ—ослабить связи русской школы съ церковью, письменности свѣтской съ духовной.

Но если это такъ, если червонорусы низведены въ нынѣшнюю дуалистическую эру къ положенію народно-политическихъ паріевъ, осужденныхъ на вѣчное рабство привилегированнымъ народностямъ; если они постепенно отчѣнены отъ представительныхъ учреждений, государственныхъ и земскихъ должностей и учреждений; если они все болѣе и болѣе подавляются и въ экономической области вымогательствами государства, привилегіями знати и эксплуатаціей евреевъ; если и въ лонѣ своей народной церкви они не находятъ пріюта, покоя и терпимости, а наоборотъ, подвергаются гнету раболѣпной іерархіи и разныхъ

пришлыхъ орденовъ, особенно же исконныхъ враговъ всего русскаго—іезуитовъ; если школа считается въ примѣненіи къ червонорусамъ не средствомъ умственнаго и нравственнаго развитія, а скорѣе—народнаго ренегатства, искусственнаго и насильственнаго перерожденія въ поляковъ да мадьяръ; если правительство и верховодящая знать ежедневно вмѣшиваются и въ червонорусскую науку и въ литературу, и даже въ вопросы языка и правописанія; если червонорусы своими глазами видятъ въ рукахъ своего правительства ножъ, занесенный надъ ихъ головою, угрожающій всему ихъ духовному достоянію, ихъ преданіямъ, святынямъ, самому ихъ имени: то кто же станетъ удивляться, что поставленный въ такое положеніе народъ станетъ наконецъ разбѣгаться во всѣ стороны свѣта, чтобы спасти свою церковь, свой языкъ, свое народное существованіе!

И если въ соблазнительной близости нѣсколькихъ десятковъ километровъ находится страна, гдѣ живетъ родственное червонорусу населеніе, гдѣ свободно развивается русская церковь, русскій языкъ, русская государственность и народность, то какъ устоять ему отъ соблазна перейти черезъ эту границу, перенести туда свой семейный очагъ, свой трудъ и свои надежды на лучшее будущее?..

Все это такъ естественно, такъ закононо, почти неизбежно, что слѣдуетъ дивиться не тому, что ихъ перешло 3000 заразы, а скорѣе тому, что ихъ не 3 милліона!...

Въ самомъ дѣлѣ, если обрисованное въ этой замѣткѣ положеніе червонорусскихъ населеній въ Галичинѣ, Буковинѣ и Угріи не измѣнится къ лучшему, то никакіе кордоны, никакія запретительныя мѣры съ австрійской и нашей стороны не остановятъ возрастающаго потока червонорусской эмиграціи какъ въ Америку, такъ и въ Россію. Такъ приблизительно смотрятъ на эту эмиграцію и безпристрастные поляки. Въ доказательство приведу выдержку изъ статьи: «О причинахъ отъѣзды императорскаго пріѣзда» въ Львовскомъ Курьерѣ (Kurjer Lwowski, 1 wrzesnia 1892): «Эмиграція русскаго простонародья въ Россію не должна считаться явленіемъ столь маловажнымъ и пустымъ, какъ думаетъ большая часть нашихъ оффиціозовъ. Наоборотъ, это фактъ грозный съ точки зрѣнія и общественной и политической. Это не выраженіе лишь недовѣрія въ областному управленію, но просто актъ политическаго отчаянія, который сильно компро-

митируетъ передъ заграницей хваленое довольство австрійскихъ народовъ. Подданные могутъ выражать свое крайнее недовольство государственными порядками только въ двойной формѣ: либо вооруженнымъ, возстаніемъ, либо исполненною гнѣва и отчаянія массовою эмиграціею изъ страны. Народы горячіе и порывистые предпочитаютъ первый способъ; нашъ же смиренный, но упрямый и глубоко-чувствующій обиды русскій крестьянинъ—эмигрируетъ изъ края, гдѣ ни въ комъ не находитъ поддержки, гдѣ ему сочиняютъ искусственныхъ представителей его воли и желаній, ставятъ потемкинскія фигуры, называя ихъ классическими, полнокровными русинами примирительной эры. Русскій крестьянинъ съ тихимъ проклятіемъ на устахъ покидаетъ государство, котораго представитель, отуманенный лестью пропинаротовъ и карьеровичей, эмфатически повторяетъ за Вильгельмомъ II циническія слова: «пусть себѣ уходятъ прочь недовольные и мятежные элементы»; другихъ средствъ противъ гнетущей нужды онъ не находитъ! Трудно найти параллель для той флегмы, съ которою гр. Бадени смотрѣлъ цѣлые мѣсяцы на русскую эмиграцію: онъ ограничивался сначала циническимъ вопросомъ, а потомъ, когда выселеніе приняло грозные размѣры, расположилъ кордонъ съ манлихеровками и распустилъ сказку о какихъ то москалефильскихъ агитаціяхъ... Понятно, что императоръ устранился отъ жалкой пародіи представленія якобы умиротворенныхъ русиновъ, опасаясь услышать за ширмами этого дипломатическаго фиглярства окрики эмигрантовъ, уходящихъ изъ страны, гдѣ нѣтъ ни хлѣба, ни законной обороны»...

Кажется, центральное правительство Цислейтанія такъ и взглянуло на этотъ «исходъ» галичанъ. Носятся слухи, что императоръ Францъ Іосифъ выразилъ желаніе, чтобы устранены были причины, вызвавшія столь опасное движеніе между «тирольцами Востока». Врядъ ли однако ему извѣстно, какъ глубоко коренятся эти причины въ нынѣшнемъ государственномъ строѣ Австро-Угріи, въ существованіи народовъ государственныхъ и негосударственныхъ, привилегированныхъ и поработченныхъ, между которыми червонорусскій занимаетъ самое низкое мѣсто, — ниже словаковъ, сербовъ, румыновъ, цыганъ, не говоря уже про хорватовъ и чехоморавянъ.

Не на нашей ли дипломатіи лежитъ обязанность въ самой дружественной формѣ разъяснить австрійскому императору опас-

ность такого положенія какъ для внутренняго мира его государства, такъ и для внѣшняго, особенно въ виду того, что народное броженіе въ Галичинѣ неизбежно отражается въ настроеніи и чувствахъ населенія сосѣднихъ областей Россіи? Къ тому же эмиграція, подобная нынѣшней, ставитъ и наше правительство и общество въ довольно затруднительное положеніе, вынуждая насъ или оттолкнуть назадъ этихъ несчастныхъ бѣглецовъ, что было бы крайне безчеловѣчно и не по-братски, либо озаботиться ихъ размѣщеніемъ въ Россіи, что въ свою очередь не можетъ не усложнить задачъ нашей собственной колонизаціонной политики. Въ дипломатической исторіи Австро-Угріи можно найти примѣры подобнаго рода дружественныхъ дипломатическихъ представленій то въ Турціи, то въ Сербіи, Черногоріи, Румыніи, при аналогичныхъ событіяхъ, ставившихъ въ затруднительное положеніе смежныя съ этими государствами области имперіи. Вѣдь этимъ собственно мотивировано было и занятіе австроугорскими войсками, а затѣмъ и администраторами турецкихъ областей Босніи и Герцеговины, гдѣ аграрныя движенія, подобныя галицкимъ, вызывали эмиграцію въ Далматію, Хорватію, Славонію и ставили администрацію этихъ областей въ затрудненія, подобныя нашимъ нынѣшнимъ на Волини и Подоліи...

Повторяемъ, червонорусская эмиграція вызвана серьезными внутренними причинами и не прекратится дотолѣ, пока онѣ не будутъ устранены. Указать на это обстоятельство—составляетъ не только право, но и долгъ нашей вѣнской дипломатіи.

Спб. 21 сентября
1892. " "

А. Будиловичъ.

РИМСКО-НѢМЕЦКАЯ ИМПЕРІЯ ГОГЕНЦОЛЛЕРНОВЪ И ГРЕКО - СЛАВЯНЕ

(ПОЛИТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ)

Продолженіе.

XI *

ЕМИМИЛЛІОННОЕ населеніе чехославянъ состоитъ изъ двухъ главныхъ группъ: цислейтанской до 5 мил. и угорской до 2 мил. Первая объединена общимъ чешскимъ литературнымъ языкомъ и слагается изъ собственныхъ чеховъ въ Богеміи, а затѣмъ ганаковъ, валаховъ и словаковъ въ Моравіи и Слезіи; вторую же группу составляютъ угорскіе словаки, пишущіе на своемъ очень хорошо сохранившемся нарѣчьи. Въ смыслѣ географическомъ всѣ вѣтви чехо-славянъ составляютъ одно довольно компактное цѣлое; но политически они распадаются съ 1867 г. на два государства, съ дальнѣйшими подраздѣленіями — на герцогство Слезію, маркграфство Моравію и королевство Богемію, которое представляетъ главный стволъ чехославянскаго племени.

Но это распаденіе, какъ оно ни тяжело, не составляетъ однако главнаго затрудненія въ развитіи чехославянъ: важнѣе то, что ни въ одной изъ названныхъ областей они не могутъ добиться признанія своихъ національныхъ правъ.

Чрезвычайно тяжело положеніе словаковъ въ Угріи. Они не имѣютъ ни областной автономіи, какъ хорваты подъ своимъ баномъ, ни національной церкви, какъ сербы и русскіе, а наоборотъ распа-

* См. Слав. Обзорѣніе, книжка за іюль-августъ, стр. 265—294.

даются на два вѣроисповѣданія, римско-католическое и протестантское, высшія управленія которыхъ не только не поддерживаютъ національныхъ правъ и стремленій словаковъ, но даже подавляютъ ихъ въ пользу мадьяризма. Чехославяне Слезіи также составляютъ ничтожное меньшинство среди нѣмцевъ и, несмотря на свою подвижность, имѣютъ тамъ не больше значенія, чѣмъ грубо-подавленные словаки въ Угріи. Въ Чехіи и въ Моравіи славяне составляютъ конечно абсолютное большинство жителей, ибо изъ $5\frac{1}{2}$ мил. населенія Богеміи славянъ насчитывается 63%, а нѣмцевъ 37%; въ Моравіи же изъ $2\frac{1}{4}$ мил. славянамъ принадлежитъ 71%, нѣмцамъ же только 29%. Однако, благодаря искусственной системѣ выборовъ и покровительству нѣмецкаго элемента правительствомъ, высшей знатю и могущественнымъ духовенствомъ, славяне не могутъ образовать прочнаго большинства ни въ чешскомъ, ни въ моравскомъ сеймахъ.

Выше мы доказали уже статистическими цифрами, что чехославяне, безсильные дома, не занимаютъ сколько нибудь вліятельнаго положенія и въ Вѣнѣ, въ рейхсратѣ и делегаціяхъ. Прежде, при существованіи одного общаго чешскаго клуба въ рейхсратѣ, подъ главенствомъ старочеховъ, поверхностному наблюдателю могло казаться, будто чехи, наряду съ поляками, имѣютъ вліяніе на правительственныя дѣла. Но это вліяніе фактически было направлено лишь въ пользу правительства и его польскихъ прислужниковъ, тогда какъ въ пользу чеховъ клубъ не могъ выхлопотать даже столь невинной уступки, какъ нѣсколько чешскихъ словъ на нѣмецко-мадьярскихъ бумажкахъ! Не удивительно, что народъ разглядѣлъ наконецъ это безсиліе своего правительственнаго представительства и круто перешелъ въ младочехамъ, раньше чѣмъ правительство могло это предвидѣть и предупредить.

Чехославянскій народъ представленъ теперь въ рейхсратѣ младочешскимъ клубомъ; но послѣдній далеко уже уступаетъ прежнему старочешскому по числу членовъ, ибо, ставъ въ оппозицію къ правительству, онъ оттолкнулъ отъ себя чехоморавскую знать, духовенство и многихъ депутатовъ изъ прежняго старочешскаго клуба. Но эта малочисленность не составляетъ единственнаго зла въ нынѣшнемъ положеніи младочешскаго клуба. Важнѣе то, что онъ не успѣлъ еще выработать самостоятельной программы. Многіе депутаты этого клуба, соблазняясь нѣмецкимъ либерализмомъ, все еще держатся антиславянской программы старочеховъ; они все еще надѣются завоевать для земель чешской короны такое же положеніе въ монархіи, какое занимаетъ нынѣ Угрія со своими землями. Понятно, что подобная программа не только трудно осу-

ществима, но и не вызываетъ сочувствія къ чехамъ среди прочихъ славянскихъ племенъ, которымъ и одной Угріи много. Съ другой стороны младочешскій клубъ ослабляется внутренними антагонизмами, притомъ по вопросамъ очень существеннымъ, быть можетъ даже по всѣмъ, за исключеніемъ недостижимаго идеала—государственной независимости земель чешской короны.

Особенно подрываютъ авторитетъ младочешскаго клуба такъ называемые реалисты (прежде ихъ называли и нигилистами). Они правда ратуютъ по виду и за чешское государственное право; но это лишь маска, подъ которою скрываются стремленія, не имѣющія ничего общаго съ національными преданіями и идеалами славянъ. Главную задачу свою реалисты ставятъ въ поддержаніи и развитіи чехославянскаго сепаратизма; въ своихъ философскихъ трактатахъ они возстаютъ противъ кирилло-меодіевскихъ преданій своего племени и воодушевляются идеями чешскихъ братьевъ, слѣдовательно протестантизмомъ. Словомъ, главныя усилія реалистовъ направлены къ ослабленію въ народѣ славянскаго самосознанія. И эти усилія не пропадаютъ даромъ: идеи чешскаго сепаратизма распространяются между молодежью, отчасти и зрѣлыми людьми, даже среди депутатовъ клуба. Въ доказательство сошлемся на парламентскія рѣчи даровитаго депутата Герольда, а также молодаго публициста Айма, въ которыхъ трудно отыскать хотя бы зерно славянскаго чувства. Недавніе выборы въ делегацію доказали, что большинство членовъ младочешскаго клуба болѣе или менѣе заражено уже либерально-сепаратистическими тенденціями реалистовъ; ни Эдуардъ Грегръ, ни Вашатый не попали въ число делегатовъ отъ этого клуба, конечно въ угоду реалистамъ, которымъ не нравится славянское направленіе означенныхъ двухъ депутатовъ и той фракціи клуба, во главѣ которой они стоятъ.

Высоко патриотическія рѣчи д-ра Вашатаго направлены главнымъ образомъ противъ союза Австро-Угріи съ Германіей, въ составѣ тройной лиги, вмѣсто которой Вашатый проповѣдуетъ сближеніе Австро-Угріи съ Россіей и примыкающими къ ней державами. Легко видѣть, съ какимъ ожесточеніемъ должны были отнестись къ идеямъ Вашатаго приверженцы правительства, особенно поляки. Это не смутило однако чешскаго депутата, который достаточно дальновиденъ, чтобы предусматривать опасности австро-германскаго союза не только для народовъ, но и для правительства габсбургской монархіи. Если послѣдней суждена еще самостоятельная политическая жизнь, то она и возможна единственно на основахъ программы Вашатаго, къ которой легко могли бы примкнуть не

только славянскіе и румынскіе, но и нѣмецкіе патриоты Австріи. Возстановленіе традиціонной дружбы съ Россіей доставило бы Австріи возможность прекратить нынѣшнюю борьбу всѣхъ противъ всѣхъ, преобразоваться въ федерацію національно-автономныхъ группъ, уменьшить напряженіе военныхъ приготовленій, а слѣдовательно поднять и матеріальное благосостояніе своихъ народовъ. Легко понять, какое значеніе имѣла бы проповѣдь Вашатаго съ кафедръ австро-угорской делегаціи! Тѣмъ прискорбнѣе уступчивость правительству младочешскаго клуба, который большинствомъ двухъ голосовъ избралъ въ делегацію не Вашатаго или Грегга, а болѣе безцвѣтныхъ въ политическомъ отношеніи лицъ, близкихъ къ реалистамъ.

Слѣдуетъ еще остановиться на томъ пунктѣ младочешской программы, который всего яснѣе формулированъ былъ въ рѣчахъ Эдуарда Грегга и касается вопроса о преобразованіи Австро-Угрии въ федерацію не народностей, а королевствъ и областей. По взглядамъ Грегга, Чехоморавія должна въ этой федераціи занять положеніе, подобное нынѣшней Угрии, которое представляется ему не только нормальнымъ, но и блестящимъ. Но если это такъ, то младочехи, стоя на почвѣ угорскаго государственнаго права, должны конечно ратовать за присоединеніе къ Угрии не только Далмаціи, но и Босніи съ Герцеговиной, которыя входили нѣкогда въ составъ земель короны св. Стефана. Признавая государственную независимость земель чешской короны съ населеніемъ до $8\frac{3}{4}$ мил. д., Греггъ и его приверженцы не могутъ уже отказать въ такой же независимости и королевству галицко-владимірскому или Червонной Руси, со включеніемъ Кракова и Буковины, съ населеніемъ до $7\frac{1}{4}$ мил. д., причемъ польскій языкъ, по взглядамъ этихъ чешскихъ федералистовъ, долженъ тамъ господствовать надъ большинствомъ автономнаго русскаго населенія, подобно языку мадьярскому въ земляхъ угорской короны!

Наряду съ $7\frac{1}{2}$ мил. населеніемъ Угрии, съ примыкающими къ ней землями, а затѣмъ съ $8\frac{3}{4}$ мил. населеніемъ чешскихъ земель и $7\frac{1}{4}$ мил. населеніемъ польскихъ земель, Греггу пришлось бы затѣмъ допустить въ имперіи еще четвертую группу земель старо-австрійскихъ: Нижней и Верхней Австріи, Зальцбурга, Штирии, Хорутаніи, Крайны, Горицы и Градиски, Истріи, Триеста съ областью, Тироля и Форарльберга. Населеніе земель этой группы простиралось бы до $7\frac{1}{2}$ мил. д., причѣмъ нѣмцы безусловно господствовали бы тутъ надъ словенцами, хорватами и итальянцами.

Осуществленіе такой программы было бы, по нашему убѣжденію, началомъ конца габсбургской монархіи; но еще ранѣе

этого конца оно повлекло бы за собою поглощеніе сербовъ, хорватовъ и словаковъ мадьярами, русскихъ и румыновъ поляками и мадьярами, а словенцевъ нѣмцами; а это было бы наруку лишь династіи Гогенцоллерновъ, но никакъ не чехамъ или другому народу Австро-Угрии. Чехославяне были бы тогда принуждены вести непрерывную борьбу съ тремя мил. чехоморавскихъ нѣмцевъ, которые опираются на соплеменниковъ не только Австріи, но и Германіи. Эта борьба была бы тѣмъ тяжелѣе, что богемскіе нѣмцы издревле пользовались поддержкою мѣстныхъ епископовъ и монаховъ, особенно цистерсовъ и премонстратовъ, принимавшихъ, какъ извѣстно, дѣятельное участіе въ подавленіи національной кирилло-меоодіевской церкви и въ населеніи страны нѣмецкими колонистами. При подобныхъ условіяхъ могутъ ли эти нѣмцы, окрѣпшіе въ Чехіи еще во времена Премысловичей, признать надъ собою главенство чехославянъ, особенно теперь, въ періодъ развитія нѣмецкаго самосознанія и постепеннаго объединенія нѣмцевъ, подъ династіей Гогенцоллерновъ? Втеченіе тысячелѣтней борьбы богемскіе нѣмцы успѣли привить чехославянамъ нѣмецкіе нравы и обычаи, навязать имъ свою церковь, втянуть въ свои политическія комбинаціи, — словомъ, значительно подготовить къ совершенному поглощенію и этого слабого остатка могущественныхъ нѣкогда племенъ полабскаго славянства. Кто же заставить теперь этихъ нѣмцевъ удовлетвориться хотя бы самою полною равноправностію въ составѣ государства, которое носило бы ненавистное и презрѣнное для нихъ имя государства чешскаго? Безпрерывная борьба чехославянъ богемскаго государства съ этими нѣмцами неизбѣжно поглотила бы всѣ силы первыхъ, не представляя имъ ни малѣйшихъ шансовъ на окончательный успѣхъ. Конечно торжество могло бы тамъ принадлежать не пяти милліонамъ славянъ, а тремъ милліонамъ нѣмцевъ, ибо послѣдніе, несмотря на свое относительное меньшинство, имѣли бы на своей сторонѣ всѣ преимущества, главнымъ же образомъ поддержку сосѣдней и могущественной Германіи съ одной стороны, а австро-нѣмецкаго государства въ странахъ подальпійскихъ съ другой, тогда какъ чехи, при своей антиславянской политикѣ, никоимъ образомъ не могли бы рассчитывать на энергическую поддержку народовъ славянскаго міра. Такимъ образомъ положеніе чехославянъ будущаго чешскаго государства было бы безнадежно, или по меньшей мѣрѣ гораздо опаснѣе положенія тѣхъ славянъ и румыновъ, которые столь легкомысленно предаются нынѣ чехами на съѣденіе нѣмцамъ — нынѣшнимъ или будущимъ: въ послѣднимъ мы причисляемъ особенно мадьяръ и поляковъ.

Лишь поневоле открыли мы здѣсь предусматриваемыя послѣдствія хотя бы самаго благополучнаго осуществленія программы, начертанной Эд. Грегромъ и воодушевляющей младочешскій клубъ рейхсрата. Мы весьма далеки отъ того, чтобы заподозривать патриотизмъ большинства его членовъ, особенно вождя этого клуба, Э. Грегра. Но очевидность обязываетъ насъ констатировать, что грегровская программа не отличается существенно отъ той, которая еще въ 1866 г. была выработана пресловутымъ польскимъ графомъ, намѣстникомъ Галиціи, а одно время и министромъ внутреннихъ дѣлъ, Голуховскимъ, въ особой славянской конференціи, состоявшейся въ Прагѣ, въ присутствіи депутатовъ польскихъ, чешскихъ и хорватскихъ. Одобренная вождями старочеховъ, программа эта понемногу распространилась между народными массами, а теперь усвоена съ небольшимъ видоизмѣненіемъ и др. Грегромъ, который прежде держался совсѣмъ другихъ воззрѣній. Объ этомъ оппортунизмѣ нельзя не пожалѣть, ибо усвоеніе упомянутой программы младочехами поставило ихъ въ еще большее противорѣчіе съ самими собою и съ исторіею, чѣмъ въ какомъ находились старочехи, сбитые съ толку поляками и своимъ феодально-клерикальнымъ вождемъ, графомъ Генрихомъ Клямъ-Мартиницемъ.

Полонофильская программа графа Голуховскаго отличалась отъ нынѣшней младочешской—въ рамкахъ конечно нераздѣленной еще въ 1866 г. имперіи—лишь тѣмъ, что кромѣ государствъ угорскаго и хорватскаго, польскаго и чешскаго она признавала желательнымъ образованіе не одного, а двухъ нѣмецкихъ государствъ, изъ коихъ одно было бы составлено изъ областей староавстрийскихъ, а другое изъ внутреннеавстрийскихъ. Но мы не станемъ подробнѣе разбирать этотъ вопросъ, тѣмъ болѣе что онъ обстоятельно разсмотрѣнъ въ интересной брошюрѣ, вошедшей въ 1885 г. въ Вѣнѣ п. з.: «Programm zur Durchführung der nationalen Autonomie in Oesterreich. Von einem Slaven». Здѣсь достаточно будетъ указать на характерную цѣль усвоенной младочехами программы, составляющую суть ея и выраженную въ словахъ: «При полномъ уваженіи и сохраненіи генетическихъ національностей (племенныхъ особей), нужно дать удовлетвореніе историческому правовому сознанію и національной гордости историко-политическихъ національностей, и на этой основѣ сдѣлать возможнымъ гармоническое взаимодействіе всѣхъ народностей».

Кто знакомъ съ идеями и стилемъ покойнаго мадярскаго писателя и министра Этвеша (сначала въ министерствѣ Батьяни-Кошута въ 1848 г., а затѣмъ въ министерствахъ Андраши и Лоньяя въ 1867 г.), тотъ сразу узнаетъ, откуда ведетъ своимъ

преданія противоположеніе національностей историко-политическихъ генетическимъ: это политическая микстура, составленная по мадьярскому рецепту! По этому рецепту габсбургская монархія должна распасться на пять государствъ, размежеванныхъ не по народнымъ группамъ, а по историко-политическимъ національностямъ, чтобы такимъ образомъ питать «правовое сознаніе и гордость» нѣсколькихъ привилегированныхъ народностей, насчетъ «національностей генетическихъ», т. е. румыновъ, сербовъ, русскихъ, словаковъ и словенцевъ, которые при всемъ въ нимъ «уваженіи и признаніи» должны служить матеріаломъ, лишеннымъ всякаго права на «само-сознаніе и національную гордость».

Къ числу такихъ осужденныхъ программю Голуховскаго и Грегра генетическихъ національностей должны мы, въ сожалѣнію, отнести теперь и хорватовъ: въ 1866 г. они причислялись еще къ народностямъ историко-политическимъ, теперь же уступили это преимущество мадьярамъ, давно позабывшимъ о пресловутой *carte blanche*, предоставленной въ 1867 г. Деакомъ хорватомъ, и сдѣлались политическими илотами мадьярскихъ «культуртрегеровъ». Хорватская претензія возвыситься надъ сербами потерпѣла жестокою кару! То-же ожидаетъ въ близкомъ будущемъ и чехославянъ, если они будутъ возвышать себя надъ прочими славянами, стремясь къ господству надъ ними. На содѣйствіе же мадьяръ, поляковъ или нѣмцевъ чехи рассчитывать не могутъ, ибо эти народы и теперь уже имѣютъ болѣе, чѣмъ сколько предлагаетъ имъ грегровская программа. Такимъ образомъ она не можетъ удовлетворить ни одного изъ народовъ габсбургской монархіи, а наоборотъ должна еще болѣе усилить ихъ вражду и приблизить къ цѣли династію Гогенцоллерновъ.

Въ настоящее время сербы, румыны и русскіе, соплеменники которыхъ внѣ Австро-Угріи успѣли образовать и удержать два королевства, одно княжество и одну могущественную имперію,—по крайней мѣрѣ на бумагѣ считаются равноправными въ составѣ другихъ австро-угорскихъ народностей: какимъ же образомъ удовлетворить ихъ грегровская программа «генетическихъ» національностей?

Если нѣмцы крайне опасаются автономіи этихъ народовъ и ихъ вѣрности національной церкви, которая является неприступною ихъ твердынею, то это вполне понятно, равно какъ и вражда къ этимъ народамъ и церквамъ нѣмецкихъ услужниковъ, мадьяръ и поляковъ. Но если во враждебное отношеніе къ означеннымъ народностямъ и церквамъ становятся и чехи, которые не отреклись еще отъ своихъ славянскихъ преданій и стремленій, то въ этомъ мы видимъ неразрѣшимое противорѣчіе.

Слѣдуетъ еще принять въ соображеніе, что къ генетическимъ національностямъ, наряду съ сербами, румынами и русскими, причисляются въ программахъ Голуховскаго и Грегра ближайшіе соплеменники чеховъ — словаки, занимающіе весь сѣверъ Угріи и составлявшіе нѣкогда зерно могущественнаго великоморавскаго государства. На юго-западѣ же къ народностямъ «генетическимъ» сверхъ хорватовъ, имѣвшихъ столь славное прошлое еще задолго до прибытія на Дунай мадьяръ, принадлежатъ и словенцы, которые также принимали дѣятельное участіе въ міровыхъ движеніяхъ кирилло-меоодіевскаго времени, имѣли своихъ князей, свою исторію и слѣдовательно не менѣе чеховъ и словаковъ заслуживаютъ имени историко-политическихъ національностей, если вообще имя это имѣетъ какой нибудь смыслъ. То обстоятельство, что словенцы и словаки нѣсколько раньше чеховъ подчинились иноплеменнымъ государствамъ, не имѣетъ существеннаго значенія; теперь они и въ Австріи, и въ Угріи раздѣляютъ судьбу чеховъ, слѣдовательно могутъ считаться ихъ союзниками въ несчастіи. Если чехи объ этомъ забываютъ и отказываютъ также словенцамъ, хорватамъ, даже словакамъ въ историко-политической національности, подрывая такимъ образомъ подъ ними историческую почву и осуждая ихъ въ добычу нѣмцамъ — нынѣшнимъ или будущимъ, то въ этомъ мы опять видимъ не только противорѣчіе, но и очень опасный самообманъ.

Нѣкоторые высказываютъ предположеніе, что либеральные младочехи оспариваютъ у словенцевъ, словаковъ, сербовъ, румыновъ и русскихъ правовое сознаніе на томъ основаніи, что въ титулѣ австрійскаго императора значатся лишь королевства чешское, угорское и хорватское, но вовсе не упоминаются области сербскія, румынскія, русскія, словенскія и словинскія. Но это предположеніе представляется намъ абсурдомъ, который легко разоблачается и историческими, и статистическими данными.

Что касается сербовъ, то извѣстно, что большинство ихъ переселилось въ Угрію изъ областей турецкихъ по вызову Леопольда I, съ цѣлью служить стѣною отъ нападений турецкихъ. При этомъ переселенцамъ была гарантирована церковная и національная независимость на вѣчныя времена. Условія эти сербы считаютъ столь же ненарушимыми, какъ тѣ, которыя были дарованы Фердинандомъ I чехамъ, при его вѣнчаніи въ чешскіе короли. Въ самомъ дѣлѣ, сербы имѣли свою особую «иллирскую» канцелярію еще въ то время, когда чешская существовала лишь по имени. Конечно, эта сербская придворная канцелярія была равно ненавистна какъ хорватамъ, такъ и мадьярамъ, особенно же ихъ духовенству, по-

чему и упразднена въ концѣ XVIII в.; но взамѣнъ того особымъ закономъ угорскаго сейма за сербами признано право національнаго представительства, наравнѣ съ хорватами, въ угорской придворной канцеляріи и намѣстничествѣ; нѣсколько же позже возстановлена была Воеводина сербская, которая по закону и до сихъ поръ собственно не упразднена.

Но то же приблизительно можно доказать и отнѣсительно прочихъ народовъ, низведенныхъ младочешскою программю къ положенію генетическихъ національностей и обреченныхъ въ жертву нѣмцамъ — настоящимъ или будущимъ.

Такъ напримѣръ воеводство Буковина, образованное изъ части прежняго молдавскаго княжества, до сихъ поръ упоминается въ императорскомъ титулѣ. То же должно сказать о великокняжествѣ Семиградіи, которая сплошь населена румынами (за изытіемъ двухъ острововъ: секлерскаго и сакскаго); встарину она была управляема румынскими воеводами, а потомъ, въ турецкое время, независимыми отъ Угріи князьями; по изгнаніи же турокъ Семиградіа имѣла вплоть до 1867 г. (съ двумя небольшими перерывами: при Іосифѣ II и при министрѣ Бахѣ) особыя сеймы и свои особыя земскія и придворныя дивастеріи, такъ что вовсе не подчинялась Угріи.

Въ императорскомъ титулѣ упоминается затѣмъ и мареграфство Моравія, какъ жалкій остатокъ славнаго великоморавскаго государства, зерно котораго составляли именно угорскіе словаки и моравяне. Словенцы же упоминаются въ этомъ титулѣ не только въ составѣ королевства Иллиріи, гдѣ они, наряду съ хорватами, составляютъ издревле большинство населенія, но и въ составѣ историческихъ герцогствъ Хорутаніи или Каринтіи со Штиріей, затѣмъ Крайны, далѣе графства Горицы и Градиски и наконецъ Словинской марки (Windische Mark). Слѣдовательно и словенцы имѣютъ право на «національную гордость» и «правовое сознание», въ которыхъ имъ нынѣ готовы отказать младочехи.

Еще страннѣе притязаніе младочеховъ, по программѣ Грегра, исключить изъ числа историко-политическихъ національностей Червонную Русь, которая вѣдь упоминается и въ императорскомъ титулѣ подъ именемъ «королевства Галиціи и Лодомеріи», врядъ ли уступающаго самой Чехіи по пространству и числу жителей. Это королевство имѣло до 1340 г. народныхъ государей изъ русскаго рода Рюриковичей и слѣдовательно было вполне независимо отъ вліянія чужихъ государствъ, тогда какъ Чехія уже съ 1158 по 1298 г. получила не менѣе одиннадцати различныхъ грамотъ отъ нѣмецкихъ императоровъ, съ привилегіями для чешскихъ го-

сударей, которыя затѣмъ закрѣплены были золотою буллою Карла IV. Чешскіе короли считались уже тогда нѣмецкими курфирстами и обермундшенками (archipincerne) римско-нѣмецкой имперіи, и въ этомъ качествѣ обязаны были въ торжественныхъ случаяхъ обслуживать нѣмецкимъ императорамъ.

Когда въ 1340 г. вымерли галицко-волинскіе князья изъ дома Юриковичей, Червоная Русь досталась польскому королю Казимиру Великому, какъ зятю послѣдняго галицкаго народнаго князя. По смерти же Казимира оба его государства, т. е. Польша и Червоная Русь, перешли по праву родства на угорскаго короля Людовика Великаго. По завѣщанію послѣдняго, Угрія съ Галиціей должны были перейти къ его старшей дочери Маріи, супругѣ нѣмецкаго императора Сигизмунда; младшей же дочери Людовика, Ядвига, назначена была одна только Польша. Но бракъ Ядвиги съ великимъ княземъ литовскимъ Ягайломъ настолько усилилъ Польшу, что ей не стоило большого труда различнаго рода дипломатическими уловками оттягать Червоную Русь отъ ослабленной тогда Угрии. Такимъ образомъ съ 1387 по 1772 г., въ теченіи 400 почти лѣтъ, польскіе короли господствовали и въ Галиціи, пока наконецъ Марія Терезія не присоединила ее къ своимъ угорскимъ владѣніямъ, съ согласія польскаго короля и сейма и въ силу «правъ угорской короны», нарушенныхъ-де Ядвигою.

Во всякомъ случаѣ, Галиція и Лодомерія были совершенно независимымъ государствомъ съ XI в., тогда какъ въ Польшѣ на примѣръ уже въ 1032 г. нѣмецкій императоръ Конрадъ II считался верховнымъ государемъ, назначалъ епископовъ и опредѣлялъ границы епархій. Независимою оставалась Галиція и въ XII—XIII вв., въ ту эпоху, когда Хорватія подчинялась уже Угрии, а Чехія императорамъ нѣмецкимъ. Если же впоследствии, съ 1389 г., Галичъ и Владиміръ управлялись не народными, а польскими государями, то все же подобно Литвѣ они никогда не считались составною частью Польши или Угрии, что удостовѣряется какъ титулами польскихъ королей: rex Lituaniae, rex Russiae, такъ и существованіемъ особыхъ сеймовъ, а наконецъ актомъ люблинской уніи, заключеннымъ въ 1569 г., между тремя особыми государствами: Польшей, Литвой и Русью.

Лишь эта унія, въ память которой во Львовѣ, на Высокомъ-замкѣ, насыпанъ особый холмъ или копецъ, иждивеніемъ президента вѣнскаго рейхсрата Смолки, измѣнила прежнюю персональную лигу въ болѣе тѣсную зависимость Литвы и Руси отъ Польши, подобно какъ это произведено впоследствии прагматическою санкціею въ монархіи габсбургской. Все же и люблинская унія

не присвоила Польшѣ законной супрематіи надъ Литвой и Русью, ибо въ ней прямо сказано, что этотъ союзъ заключаютъ «равные съ равными, свободные со свободными». Если несмотря на то Русь и Литва, ослабленныя церковною униєю 1596 г. и измѣною народнои знати, постепенно подавлены были поляками, то это было незаконное вторженіе, которое вызывало непрерывныя возстанія и довело наконецъ до раздѣловъ Польши, такъ что на эти правонарушенія никакъ нельзя ссылаться въ доказательство законнаго подчиненія Галиціи и Лодомеріи Польшѣ. Вѣдь и чехи съ 1306 г. имѣли только одного національнаго короля, Юрія Подѣбрада (въ 1458—1471), хорваты же уже съ конца XI в. не имѣли своихъ національныхъ государей!

Непрерывность историческихъ правъ Червонной Руси признана самой Польшей въ 1772 г., когда, уступая Маріи Терезіи Галичъ и Лодомерию, она назвала это королевство не польскимъ, а русскимъ, и уступила его не Австріи, а Угрии, отъ которой оно было-де незаконно отнято послѣ смерти Людовика Великаго. Въ то же время Марія Терезія, въ качествѣ чешской королевы, присоединила къ своимъ владѣніямъ отторгнутыя нѣкогда поляками чешскія герцогства Освѣтимъ и Заторъ. Какъ часть земель чешской короны, герцогства эти, по опредѣленію 1815 г., входили въ нѣмецкій бундъ и ставили особый контингентъ въ нѣмецкую союзную армію, что продолжалось до 1866 г.

Но если такимъ образомъ Буковина никогда не входила въ польскія владѣнія, а была областью молдавской, если Галичъ искони принадлежалъ къ русской системѣ государствъ, Заторъ же и Освѣтимъ къ чешской, — то спрашивается, что же собственно въ Австріи составляетъ наслѣдіе польскаго государства? Таковымъ можетъ быть названо единственно только герцогство Краковское. Оно же состоитъ изъ присоединеннаго къ Австріи въ 1846 г. города Кракова и его небольшой области, которая нѣкогда, въ X в., подобно Моравіи и Слезіи, была подчинена чешскому герцогу Болеславу II (967—999), а затѣмъ отошла къ Польшѣ и играла въ ней довольно важную роль, какъ культурный мостъ съ западной Европы въ восточную. Въ пору присоединенія къ Австріи область эта занимала не болѣе 1100 кв. кил., съ населеніемъ до 140,000 д. (и теперь ихъ врядъ ли болѣе 250,000).

Всего страннѣе, что большинство младочешскаго клуба считаетъ и названныя древнія чешскія герцогства, Освѣтимъ и Заторъ, безспорною принадлежностью земель польской короны. Впрочемъ пространство этихъ герцогствъ не превышаетъ 3,578 кв. кил. съ населеніемъ до 500,000 д., которыя и составляютъ такимъ обра-

зомъ чешскій даръ полякамъ. Это немного въ сравненіи съ громаднымъ пространствомъ Червонной Руси и Буковины, которыя составляютъ до 89,000 кв. вил., съ населеніемъ до $7\frac{1}{4}$ мил. д., приподносимыхъ полякамъ въ даръ отъ приверженцевъ программы Голуховскаго-Грегга!

Изъ изложеннаго видно, что исторія не можетъ служить основою для того, чтобы лишить сербовъ, румыновъ, словаковъ, словенцевъ и русскихъ въ габсбургской монархіи— «национальной гордости» и «правового сознанія», или даже возвести поляковъ въ историко-политическую національность. Точно также включеніе того или другого королевства, герцогства или графства въ императорскій титулъ имѣеть лишь отдаленное отношеніе къ современной дѣйствительности, такъ какъ эти титулы вовсе не соотвѣтствуютъ нынѣшнему значенію и силѣ отдѣльныхъ областей. Да и самыя названія ихъ втеченіе времени не мало измѣнялись.

Вотъ почему приверженцы программы Голуховскаго-Грегга пытались поддержать фибціи о господствующихъ и служебныхъ народностяхъ статистическими цифрами ихъ численности. Но, несмотря на искусственную подтасовку такихъ цифръ при народныхъ перепискахъ, и статистика не оправдывала во многихъ случаяхъ подобной фибціи. Такъ напримѣръ сербы, словаки и румыны вовсе не уступаютъ въ численности хорватамъ, а русскіе даже превосходятъ поляковъ, судя по континентамъ арміи.

Конечно, при подобнаго рода цифровыхъ операціяхъ дѣло идетъ обыкновенно не о числѣ жителей той или другой народности во всей монархіи и даже не въ отдѣльныхъ областяхъ, а въ особаго рода правительственныхъ округахъ. При образованіи такихъ же округовъ государственнымъ людямъ полиглотной имперіи открывается громадный просторъ для разнаго рода перестановокъ и фокусовъ, при помощи коихъ возможно большинство сдѣлать меньшинствомъ и такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ для виду, оправдать господство нѣмцевъ и нѣмцефиловъ надъ настоящими славянами и румынами.

Въ самомъ дѣлѣ, въ монархіи встрѣчаются очень маленькія земли, которыя въ интересахъ германизма имѣють свое особое управленіе, особые даже сеймы, какъ напримѣръ Слезія или крошечный Форарльбергъ. Между тѣмъ въ Угріи напр. никто и не думаетъ о національномъ самоуправленіи русскихъ, упразднена сербская Воеводина, подчинены угорскому министерству королевства Хорватія и Славонія; что же касается румынской Семиградіи, то она прямо соединена съ Угріей въ одно административное цѣлое. Всѣ эти вопіющія нарушенія государственныхъ и народныхъ правъ

совершены лишь для того, чтобы доставить мадьярскимъ пришельцамъ господство надъ громаднымъ большинствомъ автохтоннаго населенія нынѣшней Угрии. Такимъ образомъ мадьяры получили щедрое вознагражденіе за свое антиславянское и особенно антирусское направленіе. Теперь дѣло идетъ о подобной наградѣ и для поляковъ, которые, подобно мадьярамъ, предпочитаютъ исчезнуть въ германизмъ, чѣмъ жить и дѣйствовать солидарно съ прочими славянскими народами.

Для усиленія польскаго элемента въ Австріи дѣйствительно много уже и сдѣлано, насчетъ элемента русскаго. Въ польскихъ рукахъ находятся теперь въ Галиціи всѣ административныя, полицейскія и судебныя мѣста и должности, начиная отъ намѣстника и кончая послѣднимъ комиссаромъ; вліяніе русскаго элемента совершенно исключено изъ земскаго сейма и рейхсрата, благодаря насиліямъ и несправедливой системѣ выборовъ, такъ что русскіе находятъ пріютъ для своихъ національныхъ стремленій единственно въ славянской церкви и въ частныхъ обществахъ. Для оправданія этого господства польскаго элемента понадобилось хоть на бумагѣ увеличить его числовую силу, что благополучно и достигнуто, при помощи разнаго рода искусственныхъ манипуляцій при народныхъ переписяхъ.

Благодаря политическо-административному присоединенію къ Галиціи Кракова, Освѣтима и Затора, полякамъ удалось усилить на $\frac{1}{2}$ мил. число ополеченныхъ еще въ старое время населеній въ западной Галиціи. Не менѣе значительнымъ, хотя и фиктивнымъ лишь контингентомъ галицкаго полонизма являются евреи, которые въ количествѣ до $\frac{3}{4}$ мил. д. населяютъ всѣ почти польскіе или полонизованные города и посады Галиціи и во время переписей охотно объявляютъ своимъ домашнимъ языкомъ польскій, какъ господствующій въ провинціи. Не мало увеличили наконецъ собою число поляковъ, хотя тоже на бумагѣ лишь, нѣмецкіе мѣщане и колонисты Галиціи, особенно католики, такъ какъ на языкѣ мѣстнаго населенія термины «полякъ» и «католикъ» считаются синонимами.

Если несмотря на все это и по польской официальной статистикѣ число поляковъ въ Галиціи лишь на $\frac{1}{2}$ мил. превышаетъ число русскіихъ, то изъ этого слѣдуетъ, что фактически русскіе имѣютъ въ странѣ значительное большинство; это подтверждается также и перевѣсомъ русскіихъ контингентовъ надъ польскими при наборахъ въ армію. Русское большинство оказалось бы прямо подавляющимъ, если-бы обширныя и населенныя русскія королевства Галиція и Лодомерія получили, на ряду съ мелкими нѣмецкими

герцогствами: Зальцбургомъ, Каринтіей и др., свое особое земское управленіе и свой сеймъ, отдѣльный отъ польскаго въ Краковѣ. Эту опасность очень хорошо сознавалъ графъ Голуховскій, этотъ предтеча нынѣшнихъ младочеховъ по программѣ «историческихъ» и «неисторическихъ» народностей. Вотъ почему сдѣлавшись министромъ внутреннихъ дѣлъ, этотъ графъ поспѣшилъ немедленно соединить западную Галицію съ восточною въ одно политическое и административное цѣлое. Протесты русскаго епископата, а также всѣхъ—довольно еще многочисленныхъ въ 60-е годы—русскихъ депутатовъ сейма и рейхсрата противъ этого политическо-административнаго соединенія столь разнородныхъ областей и столь враждебныхъ издревле народностей—остались безъ послѣдствій.

Все это очень хорошо извѣстно чехамъ, какъ ближайшимъ сосѣдямъ Галиціи. Они должны были бы знать, что государственные фокусники, въ родѣ Голуховскаго, уже позаботились бы о томъ, чтобы при раздѣленіи Австріи на три государства ни въ одномъ изъ нихъ не оказалось славянскаго большинства. Для этого стоило бы только присоединить Чехію, Моравію и Слезію къ Нижней Австріи и Штириі. Въ этомъ средне-австрійскомъ государствѣ, раскинутомъ на пространствѣ 140,000 кв. вил., нѣмецкій элементъ настолько же преобладалъ бы надъ чешскимъ, на сколько въ областяхъ подальшійскихъ (до 70,000 кв. вил.) онъ преобладалъ бы надъ словенцами и хорватами. Въ соотвѣтствіе этимъ двумъ нѣмецкимъ государствамъ, поляки имѣли бы подъ своимъ управленіемъ третье государство, образованное главнымъ образомъ изъ земель чешскихъ, румынскихъ и особенно русскихъ, на пространствѣ до 90,000 кв. вил. и съ 9 мил. населенія.

Такимъ образомъ проведеніе младочешской программы создало бы для славянъ и румыновъ столь же беспомощное положеніе въ Австріи, какъ и въ нынѣшней Угріи. Правительству легко было бы добиться въ пользу этой комбинаціи нужнаго числа голосовъ не только въ рейхсратѣ, но и въ сеймахъ, не исключая чешскаго. Объ этомъ позаботились бы уже нѣмцы, съ ихъ польскими пособниками. И что могли бы потомъ предпринять противъ такой комбинаціи чехославяне!

Если Грегръ и его приверженцы считаютъ совершенно законнымъ образованіе нынѣшней централизованной Угріи изъ прежней федераціи мадьяръ, кумановъ и русскихъ, а потомъ еще румыновъ, хорватовъ и сербовъ, существовавшей до конца XVII в., т. е. до изгнанія турокъ; если онъ называетъ «здоровымъ прогрессомъ» нынѣшнее мадьярское управленіе, съ его финансовыми вымогательствами, навязываніемъ всѣмъ бесплоднаго мадьярскаго языка и

систематическимъ вытравленіемъ всѣхъ прочихъ народностей, — то трудно знать, въ чемъ же собственно онъ полагаетъ историческія права народностей и правовой строй государства?

Если младочехи признаютъ нормальными нынѣшніе порядки въ Угріи, основанные на подавленіи всѣхъ народностей мадьярами, то имѣютъ ли они право жаловаться на аналогичное подавленіе славянъ цислейтанскихъ нѣмцами и польскими шляхтичами? Вѣдъ дуализмъ, какъ видно изъ его названія, раздѣлилъ уже монархію на два совершенно независимыя государства, связанныя между собою лишь личностью государя да общими министерствами — иностранныхъ дѣлъ, войны, высшаго контроля и общихъ финансовъ. Какъ узокъ кругъ дѣятельности этихъ общихъ министровъ, видно хотя-бы изъ того, что на министра общихъ финансовъ возложено и высшее управленіе оккупационной областью. Угорская половина имперіи, составленная нынѣ, послѣ уничтоженія великаго княжества Семиградін, только изъ королевствъ Угріи, Хорватіи и Славоніи, по числу жителей на шесть мил. меньше австрійской половины, слагающейся изъ бѣльшаго числа королевствъ и отдѣльныхъ областей. Зато пространство Транслейтаніи на 25.000 кв. вил. больше площади Цислейтаніи. Такимъ образомъ ихъ силы приблизительно уравниваются и въ концѣ-концовъ должны сравняться, особенно когда мадьяры рѣшатся на присоединеніе къ своему государству Далмаціи, Босніи и Герцеговины. А это наступитъ въ тотъ моментъ, когда Хорватія и Славонія будутъ уже достаточно мадьяризованы, чтобы послужить мостомъ для дальнѣйшаго движенія мадьяризма за Велебиту и Саву. Цислейтанскіе нѣмцы охотно примирятся съ такимъ расширеніемъ мадьяризма на югѣ, такъ какъ оно облегчитъ въ послѣдствіи распространеніе германизма въ долину средняго Дуная, а затѣмъ, на плечахъ мадьяръ, и вглубь балканскихъ областей.

Нѣмцы лишь въ томъ случаѣ согласились бы на раздѣленіе нынѣшней Цислейтаніи на три государства, еслибы среднее изъ нихъ образовано было не только изъ Чехіи, Моравіи и Слезіи, но еще изъ Нижней Австріи и Штиріи. Такое раздѣленіе Австріи на три государства было бы нѣмцамъ тѣмъ желательнѣе, что это доставило бы имъ возможность еще лучше нынѣшняго замаскировать свои германизаторскія цѣли и такимъ образомъ возвысить нравственный авторитетъ своихъ польскихъ и мадьярскихъ прислужниковъ — фивцію ихъ патристическаго служенія не германизму, а полонизму и мадьяризму...

Чешскій вопросъ былъ бы этимъ навсегда устраненъ. При этомъ чешскіе вожди не имѣли бы даже права жаловаться на по-

добное рѣшеніе, ибо сами предложили раздѣлить Австрію на три части, восторгались порядками нынѣшней Угрии и не видятъ ничего ненормальнаго въ господствѣ польскихъ шляхтичей и польскаго языка подѣ большинствомъ червонно-русскаго, румынскаго и даже чешскаго населенія въ Галиціи и Буковинѣ. Кромѣ того не подрываютъ ли сами чехи историческое право земель чешской короны, если они отвергаютъ его для всѣхъ прочихъ народовъ монархіи, кромѣ однихъ только мадьяръ да поляковъ? Впрочемъ, иѣмцамъ не трудно бы подыскать и историческія основанія для присоединенія Чехіи, Моравіи и Слезіи къ Нижней Австріи и Штиріи: для этого имъ стоило бы лишь сослаться на эпоху послѣднихъ Премысловичей и первыхъ Габсбурговъ, когда названныя области дѣйствительно составляли одно политическое цѣлое.

Въ виду этихъ обстоятельствъ трудно объяснить себѣ странное стремленіе большинства младочешскаго клуба раздѣлить имперію на народности «господствующія и служебныя», со включеніемъ въ число послѣднихъ не только румыновъ, но и всѣхъ славянъ, за исключеніемъ западной части чехославянскаго племени! Особенно же дикою представляется намъ готовность чешскихъ вождей предать въ жертву мадьярамъ своихъ непосредственныхъ соплеменниковъ — словаковъ, вмѣсто того, чтобы искать соединенія съ ними и взаимнаго укрѣпленія общей чехославянской народности. Ужели нынѣшніе вожди чеховъ желаютъ подрвать тѣ славянскія основы, которыя для ихъ великихъ патріотовъ: Юнгмана, Шафарика, Коллара, Челяковскаго, Ганки, Эрбена и другихъ послужили почвою для возрожденія дремавшаго народнаго сознанія и чувства? Всего страннѣе это предположить о большинствѣ младочешскаго клуба, которое настолько дальновидно, что врядъ ли можетъ предаваться иллюзіямъ относительно будущности чеховъ, отрѣзанныхъ отъ прочихъ славянъ и румыновъ! Если же имъ чуждо сознаніе безнадежности борьбы одного чешскаго народа съ цѣлымъ германскимъ міромъ, то оно должно бы оживиться отъ частыхъ сношеній этихъ депутатовъ со своими избирателями, которые инстинктивно обращаются своими надеждами къ востоку, а не къ западу, чають спасенія въ солидарности съ прочими вѣтвями славянства...

Такимъ образомъ, остается возможнымъ одно только предположеніе, что программа Голуховскаго, привитая старочехами своему обществу, была удержана затѣмъ Грегромъ и его единомышленниками единственно изъ расчетовъ партійныхъ. Если эта догадка основательна, то въ близкомъ будущемъ слѣдуетъ ожидать измѣненія программы «государственнаго федерализма», основаннаго на подавленіи однихъ народовъ другими, программю «федерализма

народнаго», въ рамкахъ котораго и чехи, и всѣ прочіе славяне, и румыны нашли бы признаніе своихъ естественныхъ правъ и гарантію своего сохраненія въ будущемъ.

Какъ скоро большинство младочешскаго клуба отрѣшится отъ фикціи, что оно призвано отстаивать интересы будущаго смѣшаннаго чешско-нѣмецкаго государства, и сосредоточить свои усилія на охранѣ интересовъ чехославянской народности, поднявъ надъ собою въ рейхсратѣ знамя національной автономіи отдѣльныхъ народностей,—то къ нему немедленно обратятся сочувствія и надежды всѣхъ прочихъ австрійскихъ славянъ и румыновъ, которые донынѣ лишь съ недовѣріемъ могли относиться къ старочешской и младочешской программѣ «господствующихъ и служебныхъ народностей». Младочешскій клубъ сталъ бы тогда зерномъ большой австро-славянской парламентской группы, которая хотя и не составляла бы большинства въ рейхсратѣ, однако импонировала бы фактическимъ большинствомъ представляемыхъ этой группой населеній. Основной государственный законъ о національной равноправности всѣхъ австрійскихъ народовъ перешелъ бы тогда изъ бумаги въ дѣйствительность, послѣ чего и задача поглощенія Австріи Гогенцоллернами постепенно отодвинулась бы въ неопредѣленную даль.

Это было бы первымъ значительнымъ успѣхомъ славянъ и румыновъ въ конституціонной Австріи. Уже одно соединеніе подавленныхъ народовъ къ общему дѣйствию, а еще болѣе надежда на его успѣхъ вдохнули бы въ эти народы новую жизнь, а черезъ то усилили-бы ихъ противодѣйствіе постепенному обезнароживанію и деморализаціи. Фактическое же проведеніе равноправности вызвало бы въ средѣ этихъ народовъ такое одушевленіе, которое немедленно отразилось бы на увеличеніи числа славянскихъ и румынскихъ депутатовъ въ рейхсратѣ, и даже въ земляхъ угорской короны вывало бы благодѣтельный поворотъ въ настроеніи и положеніи славянъ и румыновъ. Въ первомъ отношеніи можно бы рассчитывать на присоединеніе къ національной программѣ представителей крупнаго землевладѣнія въ Чехіи, Моравіи и Слєвіи, а затѣмъ на увеличеніе числа депутатовъ словинскихъ и особенно русскихъ, которые въ настоящее время вовсе отсутствуютъ въ рейхсратѣ. Съ другой стороны, успѣшное развитіе народовъ австрійскихъ пробудило бы инстинкты жизни въ ихъ угорскихъ соплеменникахъ, которые теперь дошли до полной безправности и апатіи, отказались отъ участія въ конституціонной жизни и сосредоточили свои надежды на международныхъ усложненіяхъ, долженствующихъ удовлетворить ихъ жажду мести

*

угнетателямъ. Этого рода поворотъ въ настроеніи угорскихъ народовъ вынудилъ бы правительство отказаться отъ своей террористической политики и преобразовать ее, примѣнительно къ требованіямъ полиглотнаго государства.

Стоитъ взглянуть на географическую карту габсбургской монархіи, чтобы оцѣнить важность такого союза чехославянъ съ прочими угнетенными нынѣ народами имперіи. Чехи непосредственно соприкасаются со словаками, эти съ русскими, послѣдніе съ румынами, а далѣе—съ сербами, хорватами и словенцами. Въ совокупности всѣ эти народы составляютъ болѣе 20 мил. д. и обхватываютъ кольцомъ съ сѣвера, востока и юга всю имперію, причемъ чехославиине образуютъ какъ бы голову этого громаднаго организма, русскіе его грудь, румыны и сербы—руки, а хорваты и словенцы—ноги. Всѣ эти части отлично бы дѣйствовали соединенными силами, по общей программѣ, такъ что господствующія нынѣ народности поневолѣ должны бы были удовлетвориться автономіей на своихъ, а не на чужихъ племенныхъ площадяхъ.

Вопросъ заключается слѣдовательно въ томъ, будутъ ли младочехи косятъ въ своемъ естественномъ стремленіи изолировать $\frac{3}{4}$ чехославянскаго племени отъ прочихъ славянъ и румыновъ, или наоборотъ они возвратятся къ старой славянской программѣ чеховъ, которой держались еще въ кромѣрижскомъ рейхстагѣ Палацкій и Ригеръ * и на которой основано возрожденіе чешскаго народа?

Мы хотимъ надѣяться послѣдняго, ибо бесплодная борьба за то, что никого не можетъ удовлетворить, способна каждого привести въ отчаяніе. Вѣдь достаточно извѣстно и изъ парламентскихъ рѣчей и изъ печати, что нынѣшняя политика младочешскаго клуба и его ссылки на чешское историческое право ни мало не беспокоятъ нѣмцевъ, ибо они имѣютъ въ своихъ архивныхъ арсеналахъ гораздо болѣе подобныхъ заржавѣлыхъ доспѣховъ, и вовсе не боятся борьбы съ чехами на этомъ археологическомъ поприщѣ!

Но самое важное преимущество нѣмцевъ передъ чехославянами заключается въ томъ, что каждый австрійскій нѣмецъ, при всѣхъ

* Когда на этомъ рейхстагѣ львовскій епископъ Яхнмовичъ держалъ одушевленную рѣчь о прежней силѣ и богатствѣ червонорусскаго народа и о бесспорности его историческихъ правъ, вопреки притязаніямъ поляковъ, то д-ръ Ригеръ выразилъ желаніе, чтобы ораторъ избралъ точкою отправленія не времена прошедшія, а современность, потребности настоящаго. Какъ измѣнились съ тѣхъ поръ люди и убѣжденія!

своихъ мѣстныхъ особенностяхъ, сознаетъ себя органическимъ членомъ одного нѣмецкаго народа, объединеннаго кровью, историческими преданіями, общимъ языкомъ и общими культурными задачами. Это сознаніе доставляетъ австрійскимъ нѣмцамъ увѣренность въ конечномъ торжествѣ надъ осколками разбитаго славянства, при помощи нѣмецкаго правительства, нѣмецкой знати, нѣмецкой церкви и нѣмецкаго мѣщанства. Возможно ли думать, что, въ угоду дробнымъ партіямъ чешскаго сейма или клуба, австрійскіе нѣмцы отрекутся отъ своихъ вѣковыхъ притязаній, къ осуществленію которыхъ они теперь такъ приблизились, при содѣйствіи своихъ мадьярскихъ и польскихъ прислужниковъ!

Какъ бы то ни было, мы идемъ на встрѣчу серьезнымъ временамъ, когда старыя фивціи оказываются вредными; чешскія же угрозы прибѣгнуть къ репрессаліямъ ни мало не импонируютъ, ибо нѣмцы считаютъ свою тройную лигу, съ Германіей во главѣ, достаточно сильною, чтобы сломить противодѣйствіе чеховъ. Стоитъ лишь чехамъ присмотрѣться къ нынѣшнему угнетенію сербовъ, румыновъ и русскихъ въ габсбургской монархіи, чтобы понять причину полнѣйшаго равнодушія берлинскихъ политиковъ къ настроенію и желаніямъ чеховъ. Вѣдь нѣмцы знаютъ, что чехи не имѣютъ за границею столь близкихъ и смежныхъ государствъ, какъ Сербія, Румынія и Россія; знаютъ, что чехи связаны по рукамъ и ногамъ 3-хъ мил. населеніемъ Чехіи, Моравіи и Слезіи; знаютъ наконецъ, что въ пользу германизма тутъ работаетъ не только вѣнское правительство, но и феодальная знать и могущественная латинская церковь.

Какъ измѣнились бы дѣла, если бы вожди чехославянъ, узнавъ причину своихъ неудачъ, ополчились за права подавленныхъ народовъ Австро-Угріи, и потребовали бы соединенными силами фактическаго проведенія національной равноправности, обеспеченной основными государственными законами!

Ставъ во главѣ угнетенныхъ славянъ и румыновъ, вмѣсто того, чтобы плестись въ хвостѣ нѣмцевъ, мадьяръ и поляковъ, чехославяне получили бы значеніе не только во внутреннихъ, но и въ внѣшнихъ дѣлахъ имперіи; имъ досталась бы тогда вліятельная роль и при наступленіи предусматриваемыхъ великихъ переворотовъ въ Европѣ. При нынѣшнемъ же положеніи дѣлъ словаки представляются болѣе подготовленными къ этимъ переворотамъ, чѣмъ чехи, между которыми чуть ли не одинъ д-ръ Вапшаты имѣетъ ясный взглядъ на важность переживаемой эпохи.

Года три тому назадъ, въ началѣ 1889 г., въ Люблинѣвы шла брошюра: «О политическихъ партіяхъ въ Чехіи» («Das Partei-

wesen der Slaven in Böhmen»). Въ этой замѣчательной и пророческимъ духомъ пронизанной брошюрѣ анонимный авторъ предсказалъ старочехамъ неминуемый упадокъ, за полнѣйшую зависимость отъ правительства и его польскихъ мамелюковъ. Предсказаніе это не замедлило исполниться. Но въ той же брошюрѣ разъяснено, что и младочешская партія не удержится на высотѣ своего положенія, если будетъ слѣдовать той же отжившей программѣ «историческихъ правъ» и не замѣнить ее новою, именно программой «національной равноправности». И это предсказаніе дѣйствительно сбудется, если младочешскіе депутаты будутъ и впредь игнорировать пробужденное славянское сознаніе народныхъ массъ. Сознаніе это очень ясно выразалось каждый разъ, когда въ парламентскомъ клубѣ младочеховъ возникали разногласія между др. Вашатимъ съ одной стороны, а Тильшеромъ, Герольдомъ, Массарикомъ и др. чешскими сепаратистами съ другой.

Но и независимо отъ этихъ принципиальныхъ недоразумѣній чехославянское дѣло сильно подрывается ожесточенными спорами между партіями старочеховъ, младочеховъ, а въ послѣднее время еще—реалистовъ. Эта борьба поглощаетъ значительную часть силъ чешской интеллигенціи, которая между тѣмъ даже въ совокупности едва достаточна для того, чтобы обезпечить національное существованіе чехославянъ. Въ этой борьбѣ вожди отдѣльныхъ партій забываютъ, что государственно-правовыя отношенія могутъ при благопріятныхъ условіяхъ улучшиться втеченіе немногихъ дней, тогда какъ утраченное народностью поле навсегда для нея пропадаетъ. Сколько новыхъ государствъ создано подъ Балканами втеченіе этого вѣка побѣдами русскихъ войскъ! Съ другой стороны—сколько древнихъ государствъ уничтожено успѣхами Пруссіи, хотя бы только въ одномъ 1886 г.! Ужели чехи думаютъ, что, получивъ возможность распоряжаться въ ихъ странѣ, Гогенцоллерны отнеслись бы съ большимъ уваженіемъ къ историческимъ правамъ Чехіи, чѣмъ Ганновера или Нассау?

Весьма отраднымъ представляется намъ то, что наряду съ тремя вышеозначенными чешскими партіями: старочешской, младочешской и реалистической, зарождается теперь между чехославянами четвертая, славянская національная партія, которая одушевляется идеалами Юнгмана, Шафарика, Коллара, Челяковскаго, Ганеи, имѣетъ глубокіе корни въ народѣ и уже теперь располагаетъ отлично издаваемыми газетами какъ въ Чехіи, такъ и въ Моравіи. Правда, въ составѣ этой партіи мы находимъ менѣе людей съ высшимъ образованіемъ, чѣмъ въ прочихъ, но вѣдь это партія собственно народная, къ которой могутъ при-

мыкать лишь вполне независимые и самостоятельные люди. Относительно богаче образованными людьми партія реалистовъ, которая зато не имѣетъ подъ собою народа, а слагается изъ одной интеллигенціи. Не мало людей съ высшимъ образованіемъ и въ средѣ старочешской партіи, къ которой примыкаетъ большинство чиновниковъ, почти все духовенство и высшая знать, а также преподаватели государственныхъ школъ, но въ народныхъ массахъ партія эта особенно сильна. Менѣе богата лицами съ высшимъ образованіемъ партія младочешская; она опирается главнымъ образомъ на мѣщанствѣ, вообще низшихъ слоехъ городского и лишь въ меньшей степени—сельскаго населенія. Быть можетъ этимъ и объясняется связь младочеховъ съ реалистами, въ средѣ которыхъ есть компетентные спеціалисты по разнымъ отраслямъ управленія.

Мы не считаемъ впрочемъ особеннымъ недостаткомъ національной партіи то, что въ ея рядахъ находится менѣе представителей интеллигенціи, чѣмъ въ прочихъ партіяхъ, недочетъ количественный восполняется здѣсь перевѣсомъ качественнымъ, свободнымъ взглядомъ, твердымъ характеромъ и пламеннымъ патріотизмомъ приверженцевъ этой партіи. А этотъ патріотизмъ особенно необходимъ для лицъ славянскаго направленія, ибо оно въ габсбургской монархіи считается крайне опаснымъ панславизмомъ и даже родомъ государственной измѣны. Если несмотря на такія опасности между чехославянами оказывается все болѣе приверженцевъ идеи культурной взаимности съ прочими славянами, то въ этомъ выражается искренность убѣжденій приверженцевъ этой четвертой, все болѣе возрастающей партіи.

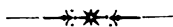
Заговоривъ о культурныхъ отношеніяхъ между славянами, мы должны остановиться здѣсь и на вопросѣ объ общемъ ихъ языкѣ. Настоятельность этого вопроса и для чехославянъ вызывается тѣмъ, что мѣстный чешскій діалектъ не въ состояніи бороться съ обще-нѣмецкимъ языкомъ въ области не только международныхъ сношеній, но также и въ спеціальныхъ отдѣлахъ науки и литературы. Чехославяне не имѣютъ недостатка въ спеціалистахъ и научныхъ работахъ: имъ недостаетъ только читателей и покупателей для подобныхъ сочиненій. Это заставляетъ авторовъ прибѣгать къ нѣмецкому языку въ своихъ изданіяхъ, даже изъ области славяновѣднія, вслѣдствіе малой распространенности русскаго языка между учеными даже національнаго направленія. Въ такой же мѣрѣ глубоко укоренились въ чехославянскомъ обществѣ нѣмецкіе нравы, учрежденія и воззрѣнія, такъ что отдѣлаться отъ нихъ и возродиться въ славянскомъ духѣ составляетъ для него задачу,

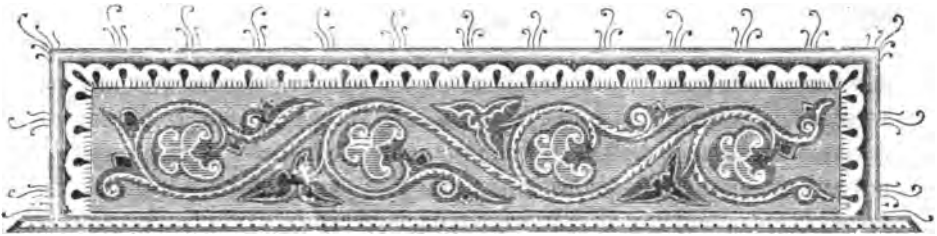
требующую большого напряженія и самоотверженія. Въ пользу этого и ратуетъ съ особой настойчивостью народная чехославянская партія. Ея авторитетъ въ народѣ увеличивается и тѣмъ, что она одна совершенно свободна отъ первороднаго грѣха оппортунизма, который такъ силенъ въ прочихъ партіяхъ и такъ подрываетъ довѣріе къ нимъ населенія. Среди славянской партіи нѣтъ оппортунистовъ потому, что сильные міра въ Австріи съ наибольшимъ отвращеніемъ относятся именно къ славянизму и націонализму. Во всякомъ случаѣ, число образованныхъ людей въ средѣ этой партіи довольно многочисленно для того, чтобы прояснять здравыя воззрѣнія народныхъ массъ, примѣнять ихъ къ дѣлу и охранять отъ искаженій. Вотъ почему мы думаемъ, что въ непродолжительномъ времени эта именно славянская народная партія призвана стать во главѣ не только чехославянъ, но и всѣхъ прочихъ угнетенныхъ народовъ габсбургской монархіи. Возможно и крайне желательно было бы конечно воссоединеніе этой новообразованной партіи съ младочешскою, еслибы вожди послѣдней освободились отъ оппортунистическихъ вліяній—польскихъ, мадьярскихъ, реалистическихъ — и сосредоточили бы свои усилія на охраненіи народнаго существованія чехославянъ и другихъ угнетенныхъ народовъ Австріи, путемъ проведенія національной равноправности и автономіи. Въ вопросахъ же внѣшней политики они должны стать на сторону др. Вашатаго. «Вся же прочая приложатся къ симъ.»

Такое соединеніе двухъ названныхъ партій не принадлежитъ къ числу невозможностей. Если же оно не совершится, то и въ такомъ случаѣ національная партія завоюетъ себѣ, хотя и нѣсколько позже, всеобщее признаніе. Во всякомъ случаѣ, въ періодъ ожидаемыхъ переворотовъ она станетъ во главѣ народнаго движенія и спасетъ то, что еще возможно будетъ спасти. Такимъ образомъ чешскій народъ не долженъ падать духомъ въ виду неудачъ, обусловленныхъ нынѣшнею превратною программю его вождей. Высоко-развитое народное самосознаніе чехославянскихъ народныхъ массъ служитъ порукою, что въ минуту развязки нынѣшняго кризиса славянская струя получить должный перевѣсъ; народъ воспринетъ тогда, какъ во дни Меѳодія и Гуса, подъ знаменемъ славянской церкви, славянскаго языка и народности, и мужественно отразитъ напоръ германизма, поддержанный союзомъ съ прочими славянами, румынами и греками.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Срѣмецъ.

ВИКТОРЪ ИВАНОВИЧЪ ГРИГОРОВИЧЪ

ВЪ КАЗАНИ

(Библиографическій очеркъ)

(Окончаніе) *

12 августа 1847 года Григоровичъ былъ избранъ въ дѣйствительные члены «Казанскаго общества любителей отечественной словесности», образовавшагося при университетѣ частно еще въ 1806 г., а съ 1814 г. утвержденного правительствомъ. На публичныхъ собраніяхъ Общества читались литературныя и ученые статьи членовъ, отличавшіяся, за небольшими исключеніями, той консервативною возрѣвнѣею, которая и въ сороковыхъ еще годахъ идеаль поэта видѣла въ Державинѣ. Съ тѣмъ вмѣстѣ въ Обществѣ еще въ 1815 г. поднимались и филологическіе вопросы, напр. о томъ, «какіе языки, когда, гдѣ и сколь большое вліяніе имѣли въ языкъ нашъ отечественный?» «Откуда взялся нашъ богатый и сильный библейскій языкъ?» или: «Языкъ библейскій и простой русскій одинъ и тотъ же или совершенно различны?»⁶³ Григоровичу предстояло сказать уже казанской публикѣ, а не только университетской аудиторіи, новое слово о новомъ для казанцевъ славянскомъ мірѣ и разрѣшить многіе назрѣвшіе вопросы. И вотъ 30 марта 1848 г. имъ была на собраніи прочтена статья «О среднемъ и новомъ болгарскомъ языкѣ, разсматриваемомъ сравнительно по древнимъ рукописямъ и народнымъ пѣснямъ», составляющая введене къ изданію болгарскихъ пѣсень, собранныхъ въ путешествіи по Румелии, въ которой наиболѣе

* См. Слав. Обзорѣніе, кн. іюль—августъ, стр. 229—265.

⁶³ Казанскія Извѣстія за 1815 г., № 58.

обитають болгары ⁶⁴. Въ этомъ введеніи (слѣдуя сообщенію автора газетной замѣтки) Григоровичъ представилъ сначала краткій географическій очеркъ мѣстности, занимаемой болгарами и хорутанами; потомъ изложилъ существенныя отличія болгарскаго нарѣчія отъ прочихъ славянскихъ въ лексикологическомъ и грамматикальномъ отношеніяхъ, и вліяніе на него другихъ языковъ—греческаго и валашскаго; затѣмъ представилъ краткую исторію болгарскаго языка, и, разобравъ мнѣнія Копитара и другихъ славянскихъ ученыхъ, старался доказать, что языкъ болгарскій началъ принимать въ довольно отдаленное время, можетъ быть съ XI в., тѣ грамматическія формы, въ какихъ онъ является нынѣ, и что поэтому всѣ отличія, характеризующія его въ семействѣ славянскихъ нарѣчій, не были слѣдствіемъ вліянія другихъ языковъ, хотя и не отвергаетъ онъ вліянія языка албанскаго. «Статья эта—продолжаетъ авторъ замѣтки—столь важная въ томъ отношеніи, что языкъ болгарскій, нынѣ почти всѣми учеными признаваемый за языкъ перваго перевода книгъ Библіи, сдѣланнаго Кирилломъ и Меодіемъ...имѣлъ чрезвычайно сильное вліяніе на наше русское нарѣчіе—возбудила общее вниманіе и послужила поводомъ къ продолжительнымъ сужденіямъ членовъ Общества любителей словесности о грамматическихъ формахъ языковъ вообще ⁶⁵.

⁶⁴ Казанскія Губ. Вѣдомости, 1848 г., № 15. Издатель хорватскаго журнала «Коло», извѣстный Станко Вразъ, помѣстилъ въ IV и V кн. этого сборника за 1847 г. «Narodne pesme bugarske» изъ собранія В. И. Григоровича, съ замѣткою, что это собраніе самое богатое и самое важное, заключающее въ себѣ до 200 пѣсень, причемъ прибавилъ, что воспользовался рукописью Григоровича, составленною (по словамъ Григоровича) какимъ-то тринадцатилѣтнимъ Козьмою, родомъ изъ Галечника. И дѣйствительно, большинство изданныхъ пѣсень не изъ Румелии, какъ говорится въ замѣткѣ Каз. Губ. Вѣдомостей, а съ болгарскаго запада. Въ бумагахъ Григоровича имѣется и собраніе собственноручно записанныхъ имъ болгарскихъ пѣсень. См. Викторова: Собр. рукописей В. И. Григоровича. М. 1879 г., стр. 52.

⁶⁵ Эта замѣтка, почти дословно предлагаемая здѣсь, какъ рефератъ о напечатанной статьѣ Григоровича, завершается страннымъ прибавленіемъ, конечно выпесеннымъ не изъ чтенія Григоровича, и служащимъ прискорбнымъ доказательствомъ, что строго научныя изысканія Григоровича въ ту давнюю пору еще не находили готовой почвы для умѣлаго пользованія его открытіями и изслѣдованіями. «Такъ какъ древнѣйшими жителями нашей казанской губерніи были такіе же болгары, соплеменные болгарамъ дунайскимъ, нынѣ совершенно исчезнувшіе и оставившіе о себѣ память только въ развалинахъ своихъ городовъ... въ слѣдахъ крѣпостей... въ различныхъ урочищахъ... то мы полагаемъ сдѣлать пріятное читателямъ нашей газеты, сообщивъ здѣсь двѣ-три пѣсни болгарскія, какъ образчикъ или, вѣрнѣе, какъ напомниманіе языка, коимъ говорили первопоселенцы здѣшняго края:

Како босилъкъ отъ що је въ пазау, И јако се бвенет...» и т. д.

И референтъ сообщаетъ пять болгарскихъ пѣсень въ оригиналѣ и переводѣ.

Въ собраніи Общества 4 мая Григоровичъ прочиталъ «нѣкоторые дополнителныя извѣстія о св. Кириллѣ и Меѳодіи, первопроевѣтителѣхъ славянскихъ и изобрѣтателѣхъ славянской грамоты». Въ этой статьѣ онъ говорилъ о «службахъ» Кириллу и Меѳодію, относимыхъ имъ къ XIII вѣку ⁶⁶. Въ нихъ, по мнѣнію Григоровича, было раскрыто отношеніе къ папамъ первоучителей. Апостольскіе труды послѣднихъ были первѣйшими побудительными причинами къ совершенному раздѣленію церковей въ половинѣ XI в. Между прочимъ Григоровичъ тогда же сообщилъ извѣстіе о присвоеніи русскимъ нарѣчіямъ перевода священнаго писанія, по Константину Костенческому, изъ котораго и представилъ извлеченіе ⁶⁷.

Въ засѣданіи Общества 20 октября Григоровичъ читалъ «Замѣчанія объ изученіи славянской филологіи, основанномъ на общихъ началахъ сравнительной филологіи». Въ этомъ чтеніи Григоровичъ старался познакомить слушателей съ тѣми воззрѣніями, какія онъ имѣлъ на взаимную связь всѣхъ славянскихъ нарѣчій, и объяснить, какимъ образомъ изученіе одного изъ нихъ можетъ служить пособіемъ и дополненіемъ къ изученію другого. Затѣмъ Григоровичъ прочиталъ въ оригиналѣ и переводѣ прологъ къ драмѣ *Captislava*, ⁶⁸ написанной Дьономъ Пальмотичемъ.

⁶⁶ Итакъ еще задолго до изданія этого памятника (1862 г.) Григоровичъ желалъ ознакомить съ нимъ казанскихъ слушателей; вскорѣ послѣ того темный до извѣстной степени текстъ былъ имъ комментированъ и уже въ 1852 г., приготовленъ былъ къ печати, но не напечатанъ не по его винѣ (См. Древне-славянскій памятникъ, etc., стр. 25), между тѣмъ какъ та же духовная цензура допустила помѣщеніе статьи А. В. Горскаго «О древнихъ канонахъ св. Кириллу и Меѳодію» въ приб. къ изданію «Твореній св. отцевъ» за 1856 г. Такъ далеко отстояла, да и сейчасъ отстоитъ Казань отъ оч а г а п р о с в ѣ щ е н і я!

⁶⁷ Каз. Губ. Вѣдомости, 1848 г., № 20. Издано сказаніе Константина Костенческаго въ 1-й книгѣ Учен. Записокъ к. у-та за 1851 г. Отд. оттискъ: Статьи, касающіяся древняго славянскаго языка. Казань. 1852 г. 2+108 (на стр. 26—52: О трудахъ, касающихся др. словянскаго языка до М. Смотрицкаго). Только въ октябрѣ 1868 г. книга Григоровича попала въ руку Даничичу, который и издалъ въ 1869 г. въ первой книгѣ «Starine» трактатъ К. Костенческаго о правописаніи.

⁶⁸ Каз. Губ. Вѣдомости, 1848 г., № 44. «Затѣмъ—по выраженію референта газеты—Григоровичъ прочиталъ въ оригиналѣ и переводѣ прологъ къ драмѣ *Zawí—slawa* (Цвѣтислава), соч. Пальмотичемъ, извѣстнымъ рагузскимъ авторомъ двухъ поэмъ: Возобновленный Дубровникъ и Крестовка» Очевидно референтъ невнимательно отвесилъ къ дѣлу, такъ какъ смѣшалъ двоихъ Пальмотичей—Дьона и Якету (Дюворничу), изъ которыхъ первому дѣйствительно принадлежитъ драма *Captislava* и поэма *Kristiada*, а поэма *Dubrovnik ponovljen*,

Декабря 28 того же года Григоровичъ, уже считавшійся профессоромъ московскаго университета, о чемъ будетъ сказано ниже, прочиталъ въ засѣданіи Казанскаго общества любителей словесности статью «О глаголитѣ». Открытіе глаголитскихъ письменъ во многихъ мѣстахъ, гдѣ доселѣ и не подозрѣвалось ихъ существованіе (по словамъ референта губернской газеты), заставляеть Григоровича думать о повсемѣстномъ распространеніи этой азбуки, и онъ даже предполагаетъ, что при тщательнѣйшихъ изслѣдованіяхъ кургановъ, можетъ быть, откроются въ Россіи глаголическіе памятники древнѣе всѣхъ извѣстныхъ донинѣ, и послужать къ окончательному разрѣшенію вопроса о древности обѣихъ азбукъ. Замѣчая, что глагольскія рукописи преимущественно относятся къ древнѣйшему болгарскому нарѣчію, онъ думаетъ также, что открытіе такихъ памятниковъ не сдѣлается ли въ предѣлахъ казанской губерніи, гдѣ нѣкогда существовало болгарское царство, въ развалинахъ столицъ котораго доселѣ искали однѣхъ монетъ и не заботились о другихъ находкахъ ⁶⁹.

18 января 1849 г. Григоровичъ продолжалъ чтеніе своихъ «разысканій о глаголитѣ». Онъ высказалъ мнѣніе, что св. Меодій первый началъ греческими буквами выражать славянскіе звуки, а св. Кирилль въ Херсонѣ нашелъ глаголицу. Сходство глагольскихъ буквъ съ самаританскими Григоровичъ объяснялъ заимствованіемъ ихъ у хазаровъ. Хазары сосѣдили съ славянами и, будучи послѣдователями іудейской вѣры и имѣя еврейскую азбуку, могли сообщить нѣкоторые еврейскіе знаки для азбуки славянской глаголитской ⁷⁰.

Какъ выше было замѣчено, въ декабрѣ 1848 г. Григоровичъ, живя еще въ Казани, былъ уже профессоромъ московскаго университета, сдѣлавшись нежданно-негаданно замѣстителемъ каѳедры

еще неизданная въ то время, написана была Пальмотичемъ—Діоноричемъ. Григоровичъ, знакомый съ книгою Аппендинна, на которую онъ ссылался еще въ своемъ первомъ печатномъ трудѣ (Краткое обзорніе славянскихъ литературъ, стр. 45), не могъ сдѣлать такой грубой ошибки.

⁶⁹ Каз. Губ. Вѣдомости, 1849 г., № 1. И въ этомъ рефератѣ чутся что-то недоговоренное, или переуваченное, такъ какъ Григоровичъ, знакомый съ источниками и пособиями по исторіи болгаръ, вѣроятно, иначе редактировалъ бы свою мысль о происхожденіи глаголицы на востокѣ Руси. Какъ Григоровичъ смотрѣлъ на болгаръ, можно видѣть изъ его магистерской диссертациі, вышедшей въ 1843 г. (стр. 33—34) и изъ послѣдующихъ трудовъ, о которыхъ будетъ рѣчь впереди.

⁷⁰ Каз. Губ. Вѣдомости, 1849 г., № 8.

Бодянского. Оба профессора южноруссы на себѣ испытали правду южнорусской пословицы: паны скубуться, а у мужиковъ чубы болять. Дрязги, которыхъ не чуждались великіе въ тогдашней ученой іерархіи Уваровъ и Строгоновъ, были причиною перемѣщенія Григоровича въ Москву, а Бодянского въ Казань, о чемъ министръ просвѣщенія 28 октября 1848 г. и извѣстилъ попечителя казанскаго учебнаго округа. Но Бодянской не пожелалъ разстаться съ Москвою, и 2 января 1849 г. былъ Высочайше уволенъ отъ службы, а Григоровичъ очень радъ былъ промѣнять царство керемети на первопрестольную столицу Руси, обладавшую многочисленными сокровищами древнеславянскаго слова. Скромный ученый, уважаемый и сослуживцами и студентами и обязанный извѣстное число лѣтъ прослужить въ Казани, едва-ли попалъ бы въ Москву, гдѣ въ ту пору сильнѣе чѣмъ когда либо зашевелились идеи и о славянствѣ, хоть въ образѣ такъ называемаго славянофильства.

Москва и ея литературные органы той поры «Москвитянинъ» и особенно «Московскіе Сборники» 1846 и 1847 года, а равно и валуевскій «Сборникъ.... свѣдѣній о Россіи и народахъ ей единовѣрныхъ и единоплеменныхъ» (1845 г.) уже громко говорили о значеніи славянства, какъ жизненной стихіи въ русской исторіи. Но администрація казанскаго округа, или не желая такъ скоро лишиться достойнаго ученаго, или имѣя въ виду возможность перемѣнъ въ высшей администраціи по просвѣщенію, высказывала официально «опасеніе, что каеэдра славянскихъ нарѣчій, основавшаяся недавно, надолго останется не занятою», и заявляла открыто глубоководительную мысль, впоследствии забываемую, о «важности изученія славянскихъ нарѣчій для основательнаго знанія языка отечественнаго». Попечитель казанскаго округа 8 марта 1849 г. сообщилъ университету, «что для московскаго университета не будетъ существенной потери, если г. Григоровичъ начнетъ свое преподаваніе не въ половинѣ гражданскаго, а въ началѣ слѣдующаго учебнаго года. Это побуждало Мусина-Пушкина обратиться къ министру народнаго просвѣщенія съ просьбою: оставить Григоровича при казанскомъ университетѣ до конца наступившаго семестра. Министръ предложилъ попечителю казанскаго учебнаго округа войти по этому вопросу въ сношеніе съ попечителемъ московскаго округа, и Голохвастовъ, «имѣя въ виду, что отъ начала текущаго семестра прошло уже довольно времени, такъ что приѣздъ Григоровича въ Москву на нѣсколько недѣль, остающихся въ (томъ) академическомъ году, не доставивъ никакой пользы для университета московскаго, повредилъ бы только безъ нужды слушателямъ его въ казанскомъ университетѣ, съ своей стороны не на-

ходилъ препятствіа къ исполненію желанія Мусина-Пушкина, на оставленіе Григоровича въ Казани до окончанія текущаго учебнаго года, о чемъ и сообщаетъ еще 20 февраля».

Къ началу 1849—1850 академическаго года Григоровичъ былъ уже въ Москвѣ.⁷¹ Онъ былъ встрѣченъ весьма сочувственно всѣми молодыми учеными, посвящавшими себя изученію славянства. Въ числѣ ихъ были извѣстные впоследствии ученые—Бессоновъ, Гильфердингъ и Новиковъ. Послѣдній изъ нихъ, между прочимъ, диспутировалъ съ Григоровичемъ, защищая свою магистерскую диссертацию «Объ особенностяхъ лужицкихъ нарѣчій» (М., 1849 г.).⁷² Но уже 22 декабря того же года Бодянский снова былъ «опредѣленъ» профессоромъ славянской филологіи въ московскій университетъ, а и. д. экстраординарнаго профессора Григоровичъ снова перемѣщался, по волѣ администраціи, въ Казань, но «въ вознагражденіе за независанія отъ него неудобства переѣзда изъ Казани въ Москву и обратно въ Казань, назначался уже и. д. ординарнаго профессора».

Возвратясь въ Казань, Григоровичъ продолжалъ обработку и обнародованіе прежде собранныхъ имъ матеріаловъ. 6 марта 1851 г. онъ прочиталъ въ Обществѣ любителей словесности «О нѣкоторыхъ сербскихъ стихотвореніяхъ XVIII ст., имѣющихъ отношенія къ событіямъ царствованія Петра I и Еватерини II». «Статья эта, при всей краткости, вполне раскрывала слушателямъ то сочувствіе единокровныхъ и единовѣрныхъ сербовъ, которое они постоянно оказывали и оказываютъ къ подвигамъ русскихъ царей. Одно изъ этихъ стихотвореній, по времени сочиненія, относящееся къ началу царствованія Петра, поразительно своимъ духомъ предвидѣнія», говоритъ референтъ губернской газеты: «поэтъ съ восторгомъ смотритъ на юнаго русскаго царя и говоритъ, что онъ прославитъ свое отечество на поприщахъ гражданскомъ и военномъ, что вмѣстѣ съ нимъ начинается для Россіи и для сербовъ новая заря...»⁷³ Другія стихотво-

⁷¹ Преподаваніе славянской филологіи въ казанскомъ университетѣ было поручено А. И. Соколову.

⁷² Диссертация разрѣшена къ печатанію 15 сентября 1849 г.

⁷³ Казанскія Губ. Вѣдомости, 1851 г., № 12. Референтъ не приводитъ имени поэта, но, вѣроятно, Григоровичъ указывалъ на Витезовича, издавашаго въ 1710 г. *Geniticon sive fatum ex nominibus serenissimi, potentissimi invictissimique principis ac domini domini Petri Alexievich Moscorum Imperatoris, etc.* См. перепечатку этого произведенія, сдѣланную П. А. Лавровскимъ во 2 кв. Чтеній М. Общества Исторіи, за 1862 годъ.

ренія воспѣвають подвиги Румянцева-Задунайскаго и прочихъ дѣятелей временъ Екатерины, прославившихся въ турецкія войны».

Въ томъ же году появились два замѣчательнѣйшіе труда Григоровича, въ которыхъ ярче, чѣмъ въ остальныхъ, высказывались его убѣжденія, выработавшіяся продолжительными неутомимыми изслѣдованіями въ области славянскаго слова.

17 сентября 1851 г., въ присутствіи министра народнаго просвѣщенія Ширинскаго-Шихматова, Григоровичъ изложилъ предъ университетской аудиторіей свои мысли «О древней письменности славянъ». Такъ какъ взглядъ Григоровича на этотъ вопросъ извѣстенъ большинству людей, не чуждыхъ славянской письменности, то достаточно будетъ вкратцѣ повторить одни выводы, впервые затѣмъ появившіеся въ печати. О чемъ только отрывочно сообщалъ Григоровичъ публично въ засѣданіяхъ Общества любителей словесности⁷⁴, то съ возможной основательностью въ системѣ излагалъ въ этой лекціи. Предоставляя себѣ представить эти выводы Григоровича ниже, укажемъ предварительно на второй трудъ его, на «Рѣчь о значеніи церковно-славянскаго языка», произнесенную въ торжественномъ собраніи Общества любителей отечественной словесности 20 сентября того же 1851 г., въ присутствіи министра народнаго просвѣщенія⁷⁵.

Никто ни до него, ни послѣ него не высказывалъ по этому вопросу столько живыхъ мыслей объ этомъ мертвомъ языкѣ, какъ привыкли называть его; никто такъ глубоко не проникалъ въ сущность и значеніе просвѣтительной рѣчи славянина. Въ церковно-славянскомъ языкѣ Григоровичъ видѣлъ «начало духовнаго единства, скрѣпившаго разрозненные племена; но не подавляя нарѣчій, этотъ языкъ, по выраженію Григоровича, былъ представителемъ ихъ древнѣйшаго образованія. Предоставляя выраженіе частныхъ потребностей каждому нарѣчію, онъ общилъ племена, разрозненные въ пространствѣ. Съ этой точки зрѣнія—говорилъ Григоровичъ—можно утверждать, что какъ во всѣхъ народахъ, такъ и въ русскомъ не внѣшняя сила, не привычка, но внутренняя потребность заставляла племена, проникавшіяся невѣдомымъ стремленіемъ къ просвѣщенію, удерживать въ письменности языкъ, котораго характеръ не подчинялся всѣмъ современнымъ измѣненіямъ. Нынѣ, когда уяснено въ значительной

⁷⁴ Общество падало только 1 книжку своихъ «Трудовъ», вышедшую въ Казани, въ 1815 году. Протоколы засѣданій тоже не печатались, а потому интересующіеся чтеніями въ Обществѣ поневолѣ должны ограничиваться не всегда точными сообщеніями референта губернской газеты о засѣданіяхъ Общества.

⁷⁵ Статьи, касающіяся древняго славянскаго языка. Казань. 1852, стр. 1—25.

степени его органическое развитие, когда вполне дознана последовательность въ звукахъ и формахъ, въ памятникахъ, близкихъ ко временамъ свв. Кирилла и Меодія, каждый славянинъ съ удивленіемъ находитъ начала родныхъ своему нарѣчію стихій. И этотъ его характеръ достоинъ особеннаго вниманія. Какъ древнѣйшій изъ славянскихъ нарѣчій, рано возведенный до письменности, онъ сохранилъ болѣе свойствъ кореннаго языка. Не бывъ именно кореннымъ, первообразомъ, церковно-славянскій языкъ заключаетъ главныя условія разнообразія нарѣчій въ звукахъ и формахъ, и потому, сближаясь съ каждымъ, онъ то оправдываетъ ихъ отличительные признаки, то даже способствуетъ къ раскрытію въ нихъ первообразнаго. Такимъ образомъ поясняя всѣ славянскія нарѣчія, и поясняясь ими взаимно, заставляетъ болѣе цѣнить то, что кажется намъ по свойству русскаго языка заимствованнымъ или испорченнымъ въ нихъ, и служить къ опредѣленію самостоятельности каждаго. Замѣчательно, что живыя славянскія нарѣчія другъ друга исключали, не признавали правильности формъ своихъ до тѣхъ поръ, пока церковно-славянскій языкъ, раскрытый въ древнѣйшихъ памятникахъ, не объяснилъ отдѣльной организациі каждаго, доказавъ необходимость свойствъ ея. Расходясь параллельно, славянскіе языки никогда бы можетъ быть не были изучаемы по извѣстнымъ прочнымъ правиламъ безъ познанія полнаго состава древняго славянскаго языка».

Въ этой рѣчи высказались всѣ убѣжденія Григоровича о значеніи органа южно-славянской письменности, изученной имъ по непосредственнымъ матеріаламъ, изъ которыхъ многіе открылъ самъ Григоровичъ. На основаніи такихъ матеріаловъ имъ приготовлено было къ печати и изслѣдованіе о древности глаголицы сравнительно съ кирилловскимъ алфавитомъ. Эта самая мысль и была высказана Григоровичемъ на лекціи, 17 сентября. «Два обстоятельства—говорилъ Григоровичъ—представляются каждому познающему словесность, внушенную возвышенною потребностью словянскаго богослуженія: 1) связь литературы съ существенною потребностью словянскихъ народовъ, и 2) возникновеніе отсюда необыкновенно усиленной литературной дѣятельности, давшей обиліе памятниковъ. Изъ соображенія этихъ обстоятельствъ, не умаля значенія Кирилла и Меодія, возможно было предположеніе, что славянская письменность могла существовать гораздо прежде ихъ появленія. Это доказываютъ самыя успѣхи литературы IX вѣка, которые необъяснимы безъ предварительныхъ, можетъ быть, долговременныхъ попытокъ въ письменности вообще». Эти соображенія склоняли нашего ученаго къ мнѣнію, что одинъ изъ алфавитовъ славянскихъ возникъ гораздо прежде другого; а за древнѣйшій онъ принималъ глаголицу.

Выражая утвердительно свое убѣжденіе, онъ сознавался, что далеко не въ силахъ былъ доказать такое положеніе совершенно ученымъ образомъ. Сопоставивъ взгляды Добровскаго, Копитара, Прейса, державшагося мнѣнія Добровскаго, и Срезневскаго, признававшаго вообще древность глаголицы, Григоровичъ сообщилъ и свои доводы въ пользу старѣйшинства глаголицы. Главнѣйшими изъ нихъ, по словамъ Григоровича, были слѣдующіе: 1) Пополненіе кириллицы глаголическими знаками безъ соблюденія одинаковости значенія. 2) Древнія названія буквъ получаютъ объясненіе изъ примѣненія къ глаголическимъ. Напр. ѿ (ерь)=глагол. ѿ (=ѿ), ѿ=ѿ (а) + ѿ (=і, є); кирил. А=А сходно съ глагол. А (ѿ). 3) Извѣстно, что унциальныя (капительныя) буквы древнѣ курсива; а въ кирилловскихъ рукописяхъ встрѣчаются унциальныя буквы—глаголическія. Напр. въ псалтири Погодина и въ рукописи словъ Св. Григорія Богослова, находящейся въ петербургской публичной библиотекѣ. 4) Въ греческихъ и славянскихъ кирилловскихъ рукописяхъ встрѣчаются глаголическія вставки и приписки, доказывающія, что глаголица была обычнымъ письмомъ у большого количества славянъ. Такъ на греческой грамотѣ иверскаго монастыря встрѣчена была глаголическая подпись, принадлежавшая X вѣку, по свидѣтельству арх. Порфирія, и проч. Самимъ Григоровичемъ открыта кирилловская рукопись апостола, въ которой двѣ страницы писаны вполнину по-кирилловски, вполнину по-глаголически. 5) Палимпсестъ глаголическій, писанный кириллицею. Рукопись Евангелія, открытая Григоровичемъ въ Боянѣ, въ Болгаріи. Языкъ стертаго письма, судя по одной уцѣлѣвшей строкѣ—древнѣйшій. 6) Распространенность глаголицы, судя по памятникамъ, открытымъ Григоровичемъ. 7) Встрѣчается много рукописей кирилловскихъ, списанныхъ съ глагольскихъ.

Вотъ соображенія въ пользу старѣйшинства глаголицы, хотя онѣ и не рѣшали вопроса, по выраженію самого Григоровича. Послѣ всѣхъ доказательствъ, приведенныхъ сейчасъ, Григоровичъ пришелъ къ такому выводу: глаголица существовала до Кирилла; Кириллъ уже нашелъ ее, а Меодій (можетъ быть вмѣстѣ съ Кирилломъ) послѣ обратилъ ее и греческій алфавитъ въ славянскую азбуку (кирилловскую). Въ рукописи Апостола, открытой Григоровичемъ въ Охридѣ, встрѣтилось указаніе, что Св. Меодій «прѣложи въскресъ наставлѣ фати ѿ гречьска въ Словѣнскъ языкъ»⁷⁶. Въ древнихъ

⁷⁶ Какъ осторожно слѣдуетъ относиться къ рефератамъ губернской газеты о выводахъ Григоровича, сообщенныхъ имъ въ засѣданіяхъ Общ. любителей

службахъ свв. Кириллу и Меѳодію, послѣдній названъ былъ «обратникомъ святымъ буквамъ». Отсюда Григоровичъ заключалъ, что Меѳодій сталъ первый писать греческими буквами славянской языкъ. Св. Кирилль не сталъ писать съ греческаго. Если это такъ, то остается заключить, что онъ писалъ особенными буквами. Въ Паннонскомъ житіи св. Кирилла говорится, что онъ прежде отправления въ Моравію былъ въ Херсонѣ и тамъ «обрѣлъ евангеліе и псалтирь писанныя Роушкими письменами». Это мѣсто житія Григоровичъ объяснялъ въ пользу глаголицы, найденной св. Кирилломъ ⁷⁷.

Открытие и мысль Григоровича тогда же были по достоинству оценены Шафарикомъ въ его статьяхъ о глагольской письменности, вышедшихъ немедленно въ свѣтъ по обнародованіи изслѣдованія Григоровича. «Первая часть Копитарова ученія—писалъ Шафарикъ—а именно, что глаголица значительно древнѣе, нежели полагалъ Добровскій,—получила окончательное подтвержденіе отъ путешествія по Турціи (1844—1845) и обнародованія нѣкоторыхъ важныхъ глаголическихъ памятниковъ профессора казанскаго университета Григоровича и архимандрита Порфірія Успенскаго» ⁷⁸. Въстѣ съ этимъ Шафарикъ воспользовался извѣстіемъ изъ краткаго житія св. Климента, открытаго Григоровичемъ, въ которомъ говорилось, что «Климентъ изобрѣлъ и иные знаки письменъ яснѣйшіе, нежели тѣ, которые были изобрѣтены мудрымъ Кирилломъ», построивъ на немъ новую теорію о глаголицѣ. Изобрѣтателемъ ея Шафарикъ назвалъ св. Климента болгарскаго, говоря, что онъ, по примѣру нѣкоторыхъ восточныхъ народовъ, имѣющихъ двоякія, простые и священныя письмена, вздумалъ дать своимъ болгарамъ, имѣвшимъ уже кириллицу или греческое письмо, священныя письмена. Шафарикъ при этомъ ссылался на иное открытіе Григоровича. Это открытіе состояло въ томъ, что Григоровичъ въ бытность свою въ Охридѣ нашелъ греческое евангеліе X в., на которомъ съ боку написано

словесности, видно уже изъ того, что въ № 1 газеты 1849 г. говорится, что по заключенію Григоровича, Кирилль св. писаніе только первый началъ писать греческими буквами, а въ № 8 газеты говорить, что Меѳодій первый началъ греческими буквами выражать славянскіе звуки.

⁷⁷ О древней письменности славянъ. Ж. М. Н. Пр. 1852 г., № 3.

⁷⁸ Pohled na prvověk hlalolského písemnictví. Časop. Č. M. 1852, sv. II, стр. 83—84.

было девять буквъ, подобныхъ глаголическимъ, съ припиской *іероіс* *харакѣрсі* ⁷⁹. Какъ въ этой статьѣ Шафарика, такъ и въ переработкѣ ея, изданной въ слѣдующемъ году, Шафарикъ безпрестанно въ своихъ положеніяхъ опирался на открытія Григоровича. Въ «Памятникахъ глагольской письменности», изданныхъ Шафарикомъ, уже приведены были и отрывки изъ глаголическихъ рукописей Григоровича въ ихъ оригинальномъ видѣ ⁸⁰. Впрочемъ и до обнародованія этого труда Шафарикъ неоднократно пользовался рукописями Григоровича, въ своемъ изданіи древнихъ славянскихъ памятниковъ ⁸¹.

Одновременно съ новымъ мнѣніемъ о древности глаголицы Григоровичъ напечаталъ статью: «О древнѣйшихъ памятникахъ церковно-славянской литературы» ⁸². Въ ней онъ опредѣлялъ взаимное отношеніе древнихъ памятниковъ и ихъ характеръ, раздѣливъ ихъ на семь разрядовъ, на основаніи формальныхъ и палеографическихъ особенностей. До него принималось обыкновенно три или четыре разряда, или рецензіи: болгарская, древнѣйшая, затѣмъ сербская, и наконецъ позднѣйшая — русская. Онъ же, въ разрѣзъ ходячимъ мнѣніямъ, высказалъ оригинальную, но вполнѣ вѣрную мысль, что русская рецензія образовалась уже въ XI в., и что сербская могла возникнуть только въ концѣ XII или началѣ XIII вѣка. Дѣленіе рукописей по внѣшнимъ признакамъ Григоровичъ сопоставлялъ съ возникновеніемъ церкви у славянъ православныхъ: а) церковь охридская (архіепископатъ болгарскій, въ IX в.); б) ц. кіевская (митрополія въ XI в.); в) ц. терновская (патріархатъ съ начала XII в.); г) ц. ипекская (архіепископатъ, съ XII и патріархатъ сербскій, съ XIV в.). Въ первый разрядъ памятниковъ Григоровичъ, согласно своимъ изысканіямъ, ставилъ, разумѣется, древнѣйшіе глаголическіе памятники; а супрасльскую рукопись, только что изданную тогда Миклошичемъ, и огласительныя поученія Кирилла іерусалимскаго, открытыя самимъ Григоровичемъ, онъ относилъ къ древнѣйшимъ памятникамъ второго разряда. Послѣдній памятникъ, открытый Григоровичемъ на Аѳонѣ въ монастырѣ хиландарскомъ «въ хламѣ темнаго монастырскаго подвала», къ сожалѣнію состоялъ только изъ двухъ по-

⁷⁹ Ibid., 97—98.

⁸⁰ Památky hlalohského písemnictví. V Praze. 1853, стр. 47—50, 54.

⁸¹ Напр. «Закононикомъ Душана въ «Památky dřevního písemnictví jihoslovanů». Praha. 1851. Грамота Стефана Уроша (1327 г.), грамота Іоанна Асѣня (1347 г.), Іоанна Шишмана—(1356—1392 г.), во 2 изданіи книги «Památky dřevního písemnictví jihoslovanů». V Praze. 1873 г.

⁸² Извѣстія II Отд. Академіи Наукъ. Т. I, стр. 86—99.

порченныхъ листковъ; Григоровичъ издалъ его съ греческимъ текстомъ и филологическимъ комментариемъ ³³. Въ заключеніе статьи нашъ ученый напечаталъ «Похвалу Петру царю болгарскому» († 966), какъ образецъ рукописей пятого разряда. Вновь предложенное дѣленіе древнихъ славянскихъ рукописей на разряды Григоровичъ «основывалъ на наблюденіяхъ, повѣряемыхъ небольшимъ собраніемъ рукописей, находящихся въ его библиотекѣ». Въ примѣчаніяхъ къ этой статьѣ Востокъ и Срезневскій представили и свои соображенія о нѣкоторыхъ рукописяхъ, цитированныхъ Григоровичемъ, но не опровергали новой мысли нашего ученаго.

Два послѣдніе труда Григоровича въ 1852 г. были помѣщены и въ сборникѣ его «Статей, касающихся древняго славянскаго языка». Въ этотъ сборникъ вошли еще слѣдующія важныя для науки изслѣдованія. Во первыхъ: «О трудахъ, касающихся древняго славянскаго языка до М. Смолитцаго». Въ этой статьѣ нашъ ученый проводилъ мысль, что «славянскій языкъ не безсознательно переходилъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, отъ народа къ народу», что «измѣненія, встрѣчающіяся въ рукописяхъ, вводимы были обдуманно, съ намѣреніемъ усовершенствовать изображеніе славянскихъ звуковъ», какъ видно изъ легенды о Климентѣ. Вслѣдствіе заботливости объ исправленіи книгъ со стороны Іоакима и Евѣмія (XIII—XIV), патріарховъ болгарскихъ, такъ называемые тръновскія рецензій сдѣлались образцами для слѣдующихъ, давшихъ такъ называемую среднеболгарскую рецензію древне-славянскихъ рукописей. Русскіе люди, у которыхъ образовалась своя рецензія, допускали и иные способы писанія. Въ доказательство этого Григоровичъ привелъ старинныя грамматическіе сборники, въ которыхъ между прочимъ нашель и объясненіе загадочныхъ юсовъ ³⁴. Въ числѣ сербскихъ трудовъ по древне-славянской грамматикѣ Григоровичъ привелъ трактатъ Константина Костенческаго, писателя первой половины XV вѣка. Въ Болгаріи посчастливилось нашему ученому открыть въ двухъ неполныхъ спискахъ его любопытное сочиненіе о славянской грамотѣ, которое съ примѣчаніями своими и издалъ Григоровичъ ³⁵. Ученые сербо-хорваты не знали объ этомъ изданіи и только въ послѣднее

³³ Издано въ «Извѣстіяхъ II Отд. Академіи Наукъ». Томъ I, стр. 90—95, и въ книгѣ «Статьи, касающіяся древняго славянскаго языка». Стр. 80—89. Отдѣльно былъ изготовленъ литографическій снимокъ съ одной страницы текста.

³⁴ Стр. 30. Черезъ три года послѣ обнародованія этого извѣстія о юсахъ въ «Извѣстіяхъ Отд. Академіи Наукъ» снова заново сообщалось о томъ же. Т. IV, стр. 257.

³⁵ Статьи,—стр. 36—52.

время, познакомившись съ изслѣдованіемъ Григоровича, издали и по своимъ спискамъ трактатъ Константина Костенскаго⁸⁶. Въ томъ же сборникѣ своихъ статей Григоровичъ помѣстилъ «Замѣчаніе о лексикальномъ изученіи рукописей, писанныхъ на древне-славянскомъ языкѣ». Въ немъ заключается списокъ словъ, пропущенныхъ въ изданіи Миклошича: *Lexicon linguae slovenicae*, или имѣющихъ значенія, не указанные знаменитымъ лексикографомъ.

Въ 1854 г. Григоровичъ издалъ «Посланіе митрополита Іоанна II»⁸⁷ къ папѣ Клименту III-му». Посланіе это было извѣстно уже изъ изданія Калайдовича: «Памятники Россійской Словесности XII в.», подъ заглавіемъ: «Посланіе митрополита Іоанна къ папѣ Александру III»⁸⁸. Калайдовичъ, издавшій это посланіе въ славяно-русскомъ переводѣ, не зналъ—на греческомъ или латинскомъ языкѣ писалъ митрополитъ Іоаннъ, IV по его мнѣнію. Уже Неволинъ⁸⁹ доказывалъ, что это посланіе могло быть писано только Іоанномъ II и папѣ Клименту III, а стало быть должно относиться къ памятникамъ XI в. Григоровичъ открылъ греческій оригиналъ посланія въ рукописи ранѣе XIII ст., принадлежавшей иверскому монастырю на Аеонѣ. Печатавъ этотъ текстъ вмѣстѣ съ переводомъ, изданнымъ Калайдовичемъ, нашъ ученый свѣрялъ его съ оригиналомъ, измѣнилъ отчасти интерпункцію, чѣмъ осмыслилъ темныя мѣста; возстановилъ орфографію церковныхъ памятниковъ русской рецензіи, и снова заявилъ объ ея древности, восходящей къ XI вѣку. Если оправдается это, замѣтилъ Григоровичъ, то изслѣдованіе памятниковъ, «русской рецензіи, грамматическое и лексикальное, должно составить особый отдѣлъ въ исторіи церковно-славянскаго языка, обещающій обильные предметы для наблюдательности». Этотъ послѣдній трудъ былъ изданъ Григоровичемъ въ то время, когда народы крайняго Запада, «эти передовые стражи міровой цивилизаціи», ополчились на Русь, боровшуюся съ Турціей, когда парижскій архіепископъ, проповѣдуя крестовый походъ противъ руссовъ, говорилъ, что «истинная причина къ этой войнѣ, причина святая, угодная Богу, есть необходимость отогнать ересь Фотія, укротить, сокрушить ее; что такова признанная цѣль этого новаго крестоваго похода, и что такова же была скрытая цѣль и всѣхъ прежнихъ крестовыхъ походовъ, хотя участвовавшіе въ нихъ и не признава-

⁸⁶ Starine. Кн. 1. Zagreb. 1869, стр. 1—43.

⁸⁷ Ученыя Записки II Отд. Академіи Наукъ. Кн. 1. Спб. 1854.

⁸⁸ Памятники Россійской Словесности XII вѣка, изданные Калайдовичемъ. Москва. 1821, стр. 209—222.

⁸⁹ Извѣстія II Отд. Академіи Наукъ. Т. II, стр. 95—101.

лись въ этомъ»⁹⁰. Такое откровенное исповѣданіе стремленій Запада не могло въ ту пору пройти безслѣдно въ умахъ людей, которымъ дорого было купленное кровью убѣжденіе въ правотѣ Востока, и Григоровичъ, какъ мы увидимъ, скоро откликнулся на это прекраснымъ по изложенію и полнымъ научныхъ открытій трудомъ. Но еще ранѣе того наукѣ въ Казани суждено было подвинуться впередъ, благодаря нашей борьбѣ съ Западомъ. Послѣ безмысленнаго нападенія союзниковъ на Соловецкую обитель правительство рѣшилось перевести соловецкую бібліотеку въ Казань и присоединить ее къ бібліотекѣ духовной академіи. Григоровичъ, конечно, получилъ доступъ въ эту бібліотеку и обратилъ вниманіе академической администраціи на пользу палеографіи въ изданіи памятниковъ, для которыхъ открытъ былъ и новый органъ науки въ Казани—«Православный Собесѣдникъ». Григоровичъ съ сентября 1855 г. взялся безвозмездно за руководство студентовъ академіи въ палеографическихъ трудахъ и началъ курсъ славянской науки подъ именемъ «Обозрѣнія палеографіи древне-славянскаго языка въ связи съ славянскими нарѣчіями». Быстро привилась эта новая отрасль знанія въ академіи и вскорѣ принесла достойные плоды. «Православный Собесѣдникъ» наряду съ трактатами догматическаго и полемическаго содержанія представлялъ и памятники славяно-русской старины, издатели которыхъ чтутъ достойную память своего наставника въ славянскомъ словѣ⁹¹.

Вскорѣ затѣмъ, а именно въ іюнѣ 1858 г. Григоровичъ выступилъ съ новымъ важнымъ трудомъ по исторіи юго-славянъ, а именно

⁹⁰ Quelques mots sur les communions occidentales à l'occasion d'un mandement de M-gr. Archevêque de Paris. Leipzig. 1855, p. 2—3.

⁹¹ Главныя положенія программы лекцій Григоровича по палеографіи изданы И. Я. Порфирьевымъ въ «Правосл. Собесѣдникѣ» за 1877 г. Часть I, стр. 79—80. Послѣ Григоровича съ начала 1856—57 учебнаго года одинъ изъ учениковъ Григоровича по академіи А. И. Лиловъ сдѣлался преемникомъ его по славянской филологіи, и хотя чтенія эти и были прекращены мѣстной администраціею, но само правительство въ новомъ уставѣ духовныхъ академій признало славянское языковѣдѣніе, впрочемъ не надолго за необходимый предметъ преподаванія на отдѣленіи практическомъ и тѣмъ самымъ, конечно, оспрадало безкорыстное служеніе академической наукѣ нашего славянина. Уже въ половинѣ 1856 г. Лиловъ издалъ книгу о зловредныхъ дѣйствіяхъ іезуитовъ въ отношеніи къ православной церкви въ Россіи въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка (Казань, 1856 г. 282+1 стр.). Авторъ уже пользовался пособіями на польскомъ языкѣ. Въ рук. сочиненіе называлось: «О дѣятельности іезуитовъ въ Россіи», но ректоръ духовной академіи Агафангелъ измѣнилъ названіе. См. Знаменскаго: Исторія Казанской Дух. Академіи. Вып. I, стр. 113.

съ сочиненіемъ «О Сербіи въ ея отношеніяхъ къ сосѣднимъ державамъ, преимущественно въ XIV и XV столѣтіяхъ». Это была рѣчь, произнесенная на актѣ университета, 10 іюня 1858 г., написанная съ той горячностью славянина, которая никогда не оставляла Григоровича въ вопросахъ славянской науки. Эта рѣчь, обставленная большимъ ученнымъ матеріаломъ, въ судьбахъ Сербіи XIV в. передала разгадку несчастной борьбы ея съ Османами. Знатокъ Византіи, ея литературы и исторіи, Григоровичъ въ живомъ очеркѣ представилъ политику Запада и Византіи въ борьбѣ славянства съ турецкимъ племенемъ. По изслѣдованію Григоровича, подкрѣпленному достовѣрными свидѣтельствами византійцевъ же, не жадность турокъ, не внутренній разладъ въ славянской семьѣ, а Византія нанесла губительный ударъ славянству Балканскаго полуострова. «Османы—говоритъ Григоровичъ—послѣ побѣдъ въ Малой Азіи вызваны были самими византійцами участвовать въ ихъ внутреннихъ раздорахъ. Похититель престола Іоаннъ Кантакузинъ и тѣснимый имъ имп. Іоаннъ Палеологъ попеременно спѣшили воспользоваться ихъ помощью. Первый, чтобы поддержать свои притязанія, выдалъ малолѣтнюю дочь свою за престарѣлаго султана Орхана, второй, предупреждая на будущее время ихъ вражду, предложилъ свою дочь сыну и наслѣднику Орхана. Родственный союзъ императоровъ Византійскихъ съ Османами открылъ просторъ непрерывнымъ ихъ вмѣшательствамъ на почвѣ византійской. Между тѣмъ какъ византійскіе политики, предавая христіанъ на жертву наемныхъ полчищъ, кичливо величались успѣхомъ, съ какимъ удалось имъ минутно распорядиться услугами Османовъ, Османы, упрочивъ владчество свое въ Малой Азіи, начали селиться въ Европѣ съ согласія императора. «Призову народы, и они прославятъ меня», такъ твердилъ узурпаторъ Іоаннъ Кантакузинъ, радуясь готовности Османовъ служить его видамъ, а между тѣмъ Османы, убѣдившись, что могутъ не только грабить, но и господствовать, мало по малу изъ союзниковъ становились повелителями. Въ 1361 г. они овладѣвъ Каллиполемъ, добыли Адрианополь. Предоставивъ защиту городовъ ихъ же собственнымъ средствамъ, правительство византійское бессильно было пробудить общее участіе. Въ виду этихъ событій византійцамъ долго еще казалось возможнымъ мало по малу пріучить Османовъ служить постоянно ихъ замысламъ. Побѣды Амурата между тѣмъ предвѣщали силу могущую опрокинуть преграды, полагаемыя ихъ софизмами. Утвердившись въ Адрианополѣ, онъ сталъ раздавать земли на правѣ ленномъ, набиралъ дружины янычаръ и явно упрочивалъ господство свое на почвѣ византійской. Тогда-то византійскій импе-

раторъ, встревоженный могуществомъ Османовъ, не видя у себя помощи, рѣшился искать ея у чужихъ. Съ этого времени начинается рядъ событій, въ которыхъ постепенно вовлечены были всѣ народы, окружавшіе Византію.. Между тѣмъ какъ уже въ самой Византіи образовалась значительная партія туркофиловъ, мысль о томъ, чьей искать помощи, раздѣлила византійцевъ на двѣ стороны, славянскую и латинскую. Тѣ, которые предпочитали помощь болгаръ и сербовъ, утверждали, что эти народы единовѣрны, близкіе по мѣсту и отношеніямъ и въ опасности Византіи видятъ собственную опасность. Но совѣту такому, предложенному, кажется, духовенствомъ, возражали люди давно знакомые съ феодальнымъ направленіемъ Европы. Увлеченные космополитизмомъ, они усиливались сблизить Византію съ латинскою Европою въ гражданскомъ и духовномъ отношеніяхъ и, обличая вражду свою къ славянамъ, утверждали, что славяне рады пользоваться бѣдствіями Византіи, ненавидятъ ее и скорѣе рѣшатся сами терять, лишь бы она страдала; притомъ—славяне бѣдны и не привыкли къ дальнимъ предпріятіямъ, тогда какъ западные народы богаты, предпримчивы, а рыцари ихъ плывутъ желаніемъ прославиться подвигами. Эти цивилизованные греки были проводниками феодальной политики и вмѣстѣ съ нею владычества папъ.

Среди приверженцевъ славянъ и латинянъ партія туркофиловъ, усилившаяся около 1370 г., ожидала только случая, чтобы воспользоваться неудачами той или другой стороны. Привыкши по частнымъ своимъ сношеніямъ съ Османами къ ихъ образу жизни, она судила себѣ выгоды отъ подчиненія владычеству ихъ и желала бы даже предать имъ Царьградъ на условіяхъ. Какъ истинные византійцы, туркофилы ласкали себя надеждою наслаждаться прочнымъ миромъ подъ защитою Османовъ и равнодушно взирая на отчужденіе городовъ и областей, убѣждены были, что личные, самолюбивые ихъ интересы не пострадаютъ, измѣнится только названіе защитниковъ. Такое безвѣрье въ прочность своего отечества, равно проникнувъ знатныхъ грековъ, обласканныхъ султанами, было зловѣщимъ знакомъ несчастныхъ отношеній сербовъ къ Византіи.

Взвѣсивъ совѣты этихъ трехъ партій, императоръ Іоаннъ Палеологъ заключилъ, что не предпочитая ихъ другъ другу, можно воспользоваться ими всѣми. Итакъ, посредствомъ духовенства онъ скрѣпилъ союзъ съ Сербіей, подтвердивъ самостоятельность ея церкви подъ условіемъ вѣчнаго мира и взаимной защиты; посредствомъ туркофиловъ онъ завелъ переговоры съ Османами о неприкосновенности остальныхъ византійскихъ областей. Взявъ наконецъ представленіямъ о помощи латинянъ, онъ отправился лично на западъ и далъ

клятвы пацѣ въ подчиненіи взаимѣнъ обѣщанной защиты. Но надежда на эту защиту скоро оказалась тщетною. вмѣсто ея, византійскій императоръ еще на возвратномъ пути, въ Венеціи, подвергся оскорбленіямъ и, исполненный недовѣрія къ Западу, рѣшился предаться партіи туркофиловъ. Торжество туркофиловъ, основанное на этомъ недовѣрїи, нанесло гибельный ударъ Сербїи, союзу которой Византія постыдно измѣнила...

Вопросъ о томъ, возможно ли было тогда изгнаніе турокъ изъ Европы, рѣшается самъ собою для того, кто вникалъ въ ходъ событий, послѣдовавшихъ за паденіемъ Баязета. Изгнаніе турокъ, также часто проповѣдуемое въ XV ст., какъ и въ XVIII-мъ, было лишь темою для риторическихъ возгласовъ, на самомъ дѣлѣ скрывало, какъ всегда, корыстолюбивые замыслы. Возможно-ли, чтобы Византія, равнодушная къ своимъ и чужимъ успѣхамъ въ гражданственности, могла рѣшиться изгнаніемъ турокъ лишить себя надежды распорядиться судьбами народовъ, противопоставляя ихъ другъ другу? Возможно ли, чтобы феодальная Европа, открывшая просторъ насилію вассаловъ, снисходила къ потребностямъ угнетенныхъ народовъ? Мысль объ изгнаніи, слѣдственно, Османовъ изъ Европы въ XV ст. должна была уступить замысламъ превратить Османовъ въ послушное орудіе угнетенія другихъ народовъ»...

Въ этихъ послѣднихъ словахъ, продиктованныхъ нашему ученому его глубокимъ знаніемъ исторїи славянъ и народовъ, сосѣдствующихъ съ ними, мы видимъ какъ бы исторію нашихъ дней съ возгласами во имя свободы и съ дѣйствіями, направленными къ подавленію свободы славянства. Европа—во образѣ ли Византіи и Рима, во образѣ ли Вѣны, Берлина и Лондона—осталась вѣрна себѣ во враждѣ къ славянству. И славянская наука въ лицѣ Григоровича предупреждала общество о томъ, откуда грозила и грозитъ опасность славянству.

Въ апрѣлѣ 1861 г. Григоровичъ напечаталъ программу трехъ публичныхъ лекцій, которыя намѣревался прочесть, между прочимъ, въ пользу студенческой кассы. Первая посвящалась изложенію «значенія событій въ Болгарїи и Византіи въ первой половинѣ X в.; вторая сообщала «о сочувствїи южныхъ славянъ къ преобразованіямъ Петра В., выраженномъ въ ихъ словесности»; и третья—«о дѣятельности славянскаго педагога Яна Амоса Коменскаго».

Въ первой лекціи, посвященной возникновенію славянской письменности у болгаръ, проводилась мысль, что между тѣмъ какъ просвѣщеніе въ Византіи достигло крайней отвлеченности, въ Болгарїи оно ознаменовалось общеніемъ христіанскихъ идей. Послѣдній выводъ въ этой первой лекціи состоялъ въ томъ, что «древняя славянская литература

будетъ всегда знаменателемъ не частнаго, но общаго участія болгаръ въ судьбѣ славянъ». Во второй лекціи Григоровичъ доказывалъ, что «въ тяжбѣ о значеніи преобразования Петра В. можно признать и свидѣтельство славянъ, что терроризмъ мѣръ Петра не омрачилъ славянъ, которые рано начали сознавать его высокое значеніе». Въ третьей лекціи нашъ ученый достойно оцѣнилъ труды чеха Коменскаго въ исторіи педагогіи, который въ своихъ сочиненіяхъ въ отпоръ схоластики XVII в. поднялъ знамя реализма въ воспитаніи. Несмотря на авторитетность лектора, на полное жизни изложеніе, его чтенія посѣщались очень немногими. Мы не знаемъ, какъ относился Григоровичъ къ такому равнодушію общества, знаемъ только, что восточный городъ ему, южанину, былъ не по душѣ. Знаемъ, что вскорѣ затѣмъ возникла у правительства мысль о преобразованіи одесскаго лицея въ университетъ, и люди, принадлежавшіе къ высшей администраціи, видѣли въ Григоровичѣ достойнѣйшаго преподавателя для будущаго университета. Одновременно съ тѣмъ въ Казани Григоровичъ встрѣтился съ однимъ крупнымъ петербургскимъ сановникомъ, который по своему служебному положенію долженъ былъ близко стоять къ дѣлу русскаго просвѣщенія. Сановникъ предложилъ Григоровичу изложить на бумагѣ его мысли о значеніи кафедр славянской филологіи въ рижельскомъ лицей. Григоровичъ, всегда любившій югъ, какъ свою родину, Григоровичъ, понимавшій, какое значеніе должна была сказать славянская наука на томъ югѣ, гдѣ уже издавна жили сербскіе и болгарскіе переселенцы, хорошо уяснившій себѣ значеніе Одессы для образованія южныхъ славянъ, представилъ свои чаянія въ формѣ докладной записки. Но ему не удалось узнать результата своихъ стараній. Узнали его другіе: еще не доѣзжая до Петербурга сановникъ говорилъ, что Григоровичъ сошелъ съ ума...

Послѣднимъ произведеніемъ Григоровича, вышедшимъ въ Казани, была его замѣчательная рѣчь, произнесенная на древне-славянскомъ языкѣ во время празднованія тысячелѣтія Руси: Слово ѿже сказася ѿ роукни лѣта аѡѡѡ.⁹²

Въ 1863 г. Казанскій университетъ поднесъ ему дипломъ на степень доктора славянской филологіи, а въ 1864 г. Григоровичъ уже въ новороссійскомъ университетѣ преподавалъ науку, которая была для него всѣмъ въ его одинокой, аскетической жизни. Первымъ трудомъ его, изданнымъ въ Одессѣ, было ученое развитіе первой публичной лекціи, читанной въ Казани, подъ заглавіемъ: «Какъ выражались отно-

⁹² Четыре страницы. Въ универс. тип. Подпись цензора: 12 сент. 1862 г.

шенія константинопольской церкви къ окрестнымъ сѣвернымъ народамъ и преимущественно къ болгарамъ въ началѣ X ст.»⁹³ Въ приложеніи къ этому труду Григоровичъ помѣстилъ въ оригиналѣ и переводѣ четыре посланія Николая Мистика къ Симеону, князю болгарскому. Въ этомъ сочиненіи, съ ученымъ безпристрастіемъ авторъ указалъ, что константинопольская церковь той поры, принимая народы въ свое общеніе, внушала мысль доступнаго разумѣнію богослуженія, и не считала схизмою возможную самостоятельность». «Въ отношеніяхъ Константинополя къ сѣвернымъ народамъ—говоритъ авторъ—замѣтны не одни только вражды и происки, вызываемые матеріальными интересами. Племена сѣверныя, смущаемыя злымъ соперничествомъ, невидимо испытывали силу, благотѣльно пробуждавшую ихъ въ мракѣ варварства отъ грезъ враждебныхъ предубѣжденій. Они ощущали, какъ постепенно эта сила извлекала ихъ изъ языческой безсознательности и вводила въ семью просвѣщенныхъ народовъ... Эта сила исходила изъ Константинопольской церкви....Эта церковь, возвышаясь надъ монополіею, надъ вреднымъ разграниченіемъ, разъединеніемъ интересовъ сословныхъ, народныхъ и государственныхъ, выработывала мысль о равномѣрномъ развитіи въ народахъ исторической жизни, поставивъ исходной точкой христіанское просвѣщеніе»⁹⁴.

Дальнѣйшая ученая дѣятельность Григоровича въ Одессѣ была посвящена не только изложенію вопросовъ славянской науки, но касалась и мѣстныхъ интересовъ, разумѣется со стороны археологіи и этнографіи. Такъ онъ издалъ «Историческіе намеки о значеніи Херсона и его церкви» (1864); «Записку объ археологическомъ изслѣдованіи днѣстровскаго побережья» (1864); «Записку относительно археологическихъ изслѣдованій въ Херсонѣ»; «Записку антиквара о его поѣздкѣ на Калку и Калміусъ въ Корсунскую землю и на южныя побережья Днѣпра» (1874); «Записку о пособіяхъ къ изученію южнорусской земли, находящихся въ военно-ученомъ архивѣ главнаго штаба» (1876). По славянской наукѣ онъ напечаталъ «О Борисѣ—Михаилѣ болгарскомъ, праотцѣ славянскаго просвѣщенія» (1870)⁹⁵. «Краткій отчетъ о дѣятельности Одесскаго славянскаго комитета» (1871); «Замѣтку о Солунѣ и Корсунѣ, посвященную вопросу о возникновеніи славянской письменности» (1872); «Значеніе взаимности славянской въ русскомъ спорѣ о старинѣ и преобразо-

⁹³ Рѣчь, читанная на актѣ новороссійскаго университета 30 авг. 1866 г. Одесса. 1866.

⁹⁴ Ibid. Стр. 40—41.

⁹⁵ Одесскій Вѣстникъ, 1870, № 97, и «Славянскій Ежегодникъ». 1877. Стр. 316—324.

ваніяхъ» (1870); «Янъ Амось Коменскій, какъ педагогъ» (1871); «Изъ лѣтописи науки Славянскої»; «Что намъ принесъ годъ прошедшій» (1873) ⁹⁶. «Объ участіи сербовъ въ нашихъ общественныхъ отношеніяхъ» (1876).

Это былъ послѣдній трудъ, изданный Григоровичемъ. Уже въ своемъ отчетѣ о поѣздѣ въ Петербургъ, лѣтомъ 1875 г., отчетѣ, представленномъ 26 мая 1876 г., Григоровичъ говорилъ, что желаетъ, «послѣ всѣхъ памятныхъ ему неудачъ» издать часть своихъ древнихъ памятниковъ, что «подобныя занятія желаетъ поставить условіемъ жизни, при неминуемой необходимости оставить службу». Мы хорошо не знаемъ, что побуждало Григоровича оставить его святую проповѣдь славянству о славянствѣ, но знаемъ, что онъ былъ не вполне доволенъ Одессой. Въ маѣ 1876 г. Григоровичъ подалъ прошеніе объ отставкѣ, которую и получилъ 16 сентября. Въ октябрѣ онъ оставилъ Одессу и переселился въ Елисаветградъ, въ которомъ, по словамъ его предсмертнаго письма, «русскій элементъ былъ подавленъ менѣе, нежели въ другихъ городахъ Херсонской губерніи» ⁹⁷.

19 декабря 1876 года не стало Григоровича.

Въ заключеніе приведу нѣсколько строкъ статьи Григоровича «Изъ лѣтописи науки словянскої», которыя могутъ служить данными и для біографіи великаго ученаго и для исторіи развитія идей о славянствѣ на Руси.

«Пытливость ученыхъ въ каждомъ славянскомъ племени, обращенная на изученіе частныхъ задачъ, видимо руководилась сознаниемъ общихъ родовыхъ признаковъ—говорилъ Григоровичъ; критика въ языкознаніи, въ исторіи, въ литературѣ выдѣляла чуждое отъ своего, древнее отъ новаго, общее отъ частнаго. Настала пора заговорить о славянскої взаимности. Появились въ свѣтъ «Древности Шафарика» и «Остромирово Евангеліе», изданное Восточнымъ. Ростъ этой науки при насъ совершился. Она юна, но много уже испытала. Сначала,

⁹⁶ Отчетъ о дѣятельности Одесскаго славянскаго благотворительнаго комитета, за 1872—73 г.

⁹⁷ Двадцатипятилѣтіе и новороссійскаго университета. Истор. Записка проф. Марквича. Стр. 236. По кончинѣ Григоровича части его лекцій были изданы по неточнымъ запискамъ слушателей: 1) Обзоръ славянскихъ литературъ. Воронежъ. 1880 г. (Изъ Филолог. Записокъ). 2) Древности, вып. 1. Варшава. 1882 г. и 3) Славянскія нарѣчія. Варшава. 1884 (Изъ Русскаго Филологическаго Вѣстника). Кромѣ работъ, выше поименованныхъ, изданы были и еще нѣкоторыя, вошедшія въ «Труды Кіевскаго Археологическаго съѣзда», 1878 г., и перечисленныя въ Исторической Запискѣ о Новороссійскомъ университетѣ, стр. 249.

среди общаго затишья, она казалось была голосомъ вопіющимъ въ пустыни. Отзываясь на всякое отрадное событіе въ жизни славянъ, сочувственно относясь къ несчастіямъ ихъ, она ободряла ихъ, внося смыслъ въ ихъ историческія требованія... Обнимая собою цѣлое, уставляя на мѣстѣ всѣ явленія жизни славянской, она дорожить и буквою, и словомъ, и заржавѣлымъ преданіемъ, и загадочнымъ намекомъ лѣтописи, и перломъ поэзіи и правдою закона. Она, овладѣвъ самымъ разнообразнымъ содержаніемъ, придастъ ему извѣстный порядокъ и послѣдовательность. Къ такому труду призваны были первые ея труженики. Они, эти труженики, не имѣя предшественниковъ—наставниковъ, не могли не чувствовать себя то нерѣшительными, то односторонними...

Какъ же слагалась эта наука? Какое основаніе, какой порядокъ, какой смыслъ придавали имъ тѣ, которые призваны были къ послѣдовательному ея изложенію?

Не берусь за другихъ отвѣчать—замѣчаетъ Григоровичъ—за себя скажу, что построеніе ея (систему), казалось, только преемники наши могутъ довершить. Мнѣ представлялось возможнымъ только привести въ порядокъ матеріаль, нужный для ея построенія—и этотъ сводъ свѣдѣній, стоившій мучительнаго труда, происходилъ по требованіямъ соразмѣрности въ частяхъ и по внутреннему смыслу движущихъ науку началъ...

Разнообразіе и сила словесности современнаго намъ періода—продолжалъ далѣе Григоровичъ—доказали, что славяне съ истеченіемъ тысячелѣтія со временъ Кирилла и Меѳодія достигли сознанія дружнаго содѣйствія въ просвѣщеніи. Въ теченіе истекшаго тысячелѣтія они, такъ сказать, выручали себя. Если слово замирало у однихъ, то у другихъ оно внятно проповѣдывало, что славянское поколѣніе имѣетъ свою будущность. Будущность не намъ гадать, но настоящее.... видимо доказываетъ, что есть міръ славянской, который необходимо изучать. Изучая, напомнимъ.... слова Карамзина: «Пора намъ перестать быть умными чужимъ умомъ и славными чужою славюю». ⁹⁸

Эту-то самостоятельность славянской мысли съ перваго своего печатнаго труда и до послѣдняго и проповѣдывалъ Григоровичъ, говоря еще въ 1841 г., что «славяне, хотя и разрозненные, имѣютъ много общаго, имѣютъ какое-то сочувствіе въ великихъ и благо-

⁹⁸ Изъ лѣтописи науки славянской. Одесса. 1871. Стр. 6—17.

творныхъ начинаніяхъ и не разъ движутся однимъ и тѣмъ же восторгомъ, одною и тою же идеей. Но мы привыкли глядѣть на себя въ отраженіе чужеземныхъ народовъ; питаемъ ихъ умственнымъ запасомъ, ожидая отъ ихъ ученыхъ приговора во всемъ, что весьма близко касается насъ, мы слишкомъ покорно повинемся указаніямъ иностранныхъ взглядовъ, забываемъ свое и не видимъ у себя великаго движенія и переворотовъ, проникающихъ всѣ племена. Во всемъ духѣ народной жизни нашей мы не разъ можемъ найти подобныя сочувствія, сильную борьбу и много великихъ идей, истекшихъ изъ славянской вѣковой жизни. Мы ихъ откроемъ, когда болѣе станемъ сознать, въ противоположность германской, славянскую Европу, и почувствуемъ въ себѣ потребность имѣть исторію славянской Европы.⁹⁹

Свѣтлый умъ Григоровича конечно понималъ, что русское племя, несмотря на видимое забвеніе славянскихъ началъ, лежащихъ въ немъ, жило славянскою жизнью, что струи славянской крови кипѣли въ немъ такъ же сильно, какъ и за тысячу лѣтъ предъ тѣмъ, и не смущался торопливыми криками литературныхъ и другихъ вліятельныхъ сферъ, отрицавшихъ славянскія основы. Только славянамъ Григоровичъ могъ говорить то, что говорилъ, и такъ, какъ говорилъ. Въ своей любвеобильной душѣ онъ вѣрилъ, что наступитъ пора, когда славянскіе инстинкты скажутся въ русскомъ обществѣ. Но неисповѣдимымъ судьбамъ неугодно было, чтобы онъ отошелъ съ миромъ, чтобы очи его увидѣли спасеніе, уготованное Русью славянству предъ лицомъ всѣхъ людей...

М. П—ій

⁹⁹ Краткое обзоріе славянскихъ литературъ. См. «Учен. Зап. и. казанскаго университета», за 1841 годъ. Кн. I, стр. 153.

КОНГРЕССЪ СТАРО-КАТОЛИКОВЪ ВЪ ЛЮЦЕРНЪ *

ПОЯВЛЕНИЕ на страницахъ «Слав. Обзорѣнія» отчета о конгрессѣ старо-католиковъ, конгрессѣ преимущественно богословскаго характера, не удивить конечно постоянныхъ его читателей. Славянская жизнь и наука издревле развиваются въ тѣсной связи съ церковью; вопросы богословскіе, во многомъ обуславливающіе направление этой жизни, не могутъ быть чужды и славянской публицистикѣ. Особенно должно сказать это о старо-католицизмѣ, который независимо отъ своего общаго значенія, важенъ для насъ и въ томъ отношеніи, что представляетъ совершенно естественный исходъ религиознымъ затрудненіямъ западнаго славянства, уже сильно разочарованнаго въ западномъ христіанствѣ, особенно его новѣйшей формациі, но все еще прикованнаго къ нему многовѣковыми преданіями и привычками.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое старо-католицизмъ? Уже изъ самаго названія его явствуется, что это тотъ католицизмъ, который исповѣдывалъ Западъ, когда онъ былъ православнымъ, когда былъ соединенъ съ Востокомъ и составлялъ съ нимъ единую великую католическую церковь, признававшую своимъ главою единаго Христа Спасителя и руководимую вселенскими соборами. Только по недоразумѣнію можно тутъ говорить о какой-то новой религіи, новой церкви, устроенной будто бы знаменитымъ Дэллингеромъ и его единомышленниками. Ново въ старо-католициствѣ лишь то, что во 1-хъ онъ отбросилъ неправильные догматы, введенные въ вѣроченіе церкви римскими епископами, вопреки ясному ученію не-

* 1/13, 2/14 и 3/15 сентября 1892 года.

раздѣленной церкви, и во 2-хъ, что онъ стремится къ воссоединенію и учено-догматическому и реальному (*communio in sacris*) съ восточной, православною церковью, не преслѣдуя при этомъ ни политическихъ, ни властолюбивыхъ, ни матеріальныхъ цѣлей. Таково было направленіе старо-католичества съ самаго его возникновенія; этого направленія оно держится и доселѣ. Благодаря этому, разрабатывая все болѣе и болѣе свою догматику, ст.-католики пришли, и притомъ совершенно самостоятельно (ибо Востокъ участвовалъ въ этомъ движеніи лишь единичными силами и притомъ весьма не многочисленными), къ устраненію изъ символа вѣры словъ *Filioque*, догмата непорочнаго зачатія Пресв. Дѣвы, ученія о папской непогрѣшимости, циническихъ злоупотребленій и индულгенціями, и наконецъ—къ введенію причащенія мірянъ подѣ обоими видами, т. е. къ той древне-христіанской формѣ причащенія, изъ за которой пролито такъ много крови (и увѣ тщетно!) нашими братьями—чехами.

Читатели видятъ, до какой степени къ намъ близки старо-католики. Но, говорятъ иные, что намъ до нихъ, въ сущности, за дѣло?! Вѣдь мы въ нихъ не нуждаемся, жили безъ нихъ и проживемъ безъ нихъ; пусть ихъ тамъ себѣ дѣлаютъ, что хотятъ, на Западѣ. Вѣдь это «за границей», за нашей «великой стѣной»; у насъ объ этомъ оффициально ничего неизвѣстно, а то, что не существуетъ оффициально, вообще не существуетъ. Это китайское разсужденіе мы слышимъ уже не въ первой: не разъ оно примѣняемо было ко всему за граничному славянству, которое-моль существуетъ для Германіи, Австріи, Турціи, но вовсе не для Россіи: ей довольно-моль дѣла и у себя дома. Но если бы даже согласиться съ такимъ ограниченнымъ взглядомъ на призваніе Россіи въ славянскомъ мірѣ, то и тогда все-таки осталось бы безспорнымъ вселенское призваніе нашей церкви, налагающее на насъ особыя обязанности по отношенію къ нашимъ единовѣрцамъ, а равно и къ тѣмъ людямъ или обществамъ, которые ищутъ духовнаго общенія съ нами.

Повторяю, намъ слѣдуетъ заботиться о нашихъ единоплеменникахъ и единовѣрцахъ не потому, что это намъ выгодно, а потому, что это наша обязанность. Если мы еще вольны отказываться отъ нашего права, то отъ нашей обязанности мы отказываться не можемъ, хотя бы это было и прибыльно.

Гоняясь за нашимъ правомъ, мы можетъ быть (?) нѣсколько усилимся матеріально; исполняя нашу обязанность, мы выростемъ нравственно, а это важнѣе. Въ данномъ случаѣ для насъ, какъ православныхъ христіанъ, не можетъ представляться безразличнымъ, что на Западѣ возникло христіанское общество, ищущее съ нами общенія, готовое заодно съ нами работать

для восстановленія древняго церковнаго единства, притомъ общество хотя и немногочисленное, но заключающее въ своей средѣ лучшихъ представителей западной богословской науки!

Этими вступительными замѣчаніями я пока и ограничусь, ибо многое изъ того, что бы здѣсь еще слѣдовало сказать, встрѣтится при разборѣ рѣчей, которыя были произнесены на люцернскомъ конгрессѣ старо-католиковъ, составляющемъ предметъ нижеслѣдующихъ сообщеній.

Не безъ нѣкотораго волненія, не безъ опасеній ѣхалъ я въ Люцернъ на конгрессъ старо-католиковъ. Главный ихъ вождь—знаменитый Дэллингеръ, сильнѣйшая ихъ опора въ Германіи и особенно въ Баваріи—скончался. Со сцены сошли и многіе другіе, напр. Губеръ, Михелисъ, Кнодтъ. Гоненія, которымъ и прежде подвергались ст.-католики, значительно усилились, въ особенности въ Баваріи, гдѣ и регентъ и будущій король принадлежать къ числу ярыхъ ультрамонтанъ. И не одни католическія правительства, но и протестанскія, кокетничающія нынѣ съ партією центра, давятъ старо-католиковъ и пользуются ихъ беззащитностію для того, чтобы торговать ими, чтобы пѣною самыхъ беззаконныхъ притѣсненій старо-католиковъ покупать благосклонность партіи центра. Торгуются самымъ открытымъ образомъ: вы-де подайте голосъ за такую-то статью правительственнаго бюджета, а мы отдадимъ вамъ на съѣденіе такую-то старо-католическую общину или церковь... И постыдный торгъ заключается, церковь отнимается, тотъ или другой старо-католическій священникъ лишается насущнаго куска хлѣба! Политика же покрываетъ все это своею мантиєю лжи и обмана.

Все это, повторяю, было мнѣ извѣстно; я направлялся въ Люцернъ въ невеселомъ настроеніи, ожидая найти дѣло старо-католиковъ въ загонѣ, въ упадкѣ, въ разложеніи. Но не прошло и сутокъ послѣ моего приѣзда, какъ я убѣдился, что опасенія мои не основательны. Правда, притѣсненія, которымъ подвергаются старо-католики, оказались бѣльшими, сильнѣйшими, нежели я ожидалъ, но притѣсненія эти вызываютъ и сильное противодѣйствіе, даже мученичество съ его возвышающимъ настроеніемъ! Дѣло старо-католиковъ крѣпнетъ: таково вынесенное мною изъ конгресса общее впечатлѣніе!

Виѣстѣ съ приглашеніемъ прибыть на конгрессъ, устроителями его были разсланы программы его занятій, списки тезисовъ, предложеній (Anträge, Thèses), которыя должны были подлежать обсужденію, и еще очень важный документъ: «Utrechter Erklärung» 24-го сентября 1889 года или декларация архіепископа утрехтскаго Іоанна Гейкампа, епископа гарлемскаго Каспара Ринкеля, епископа девентерскаго Корнилія Дипендаала, епископа старо-католической церкви

Германіи Іосифа Губерта Рейнкенса и епископа старо-католической церкви Швейцаріи Эдуарда Герцога. Въ деклараціи этой установлены и указаны принципы, коихъ держится старо-католическая церковь, выражены надежды, которыя она питаетъ. Между прочимъ въ деклараціи говорится слѣдующее:

Мы крѣпко и несокрушимо придерживаемся древняго церковнаго принципа, кратко и ясно выраженнаго Св. Винцентіемъ Лиринскимъ въ словахъ: «мы держимся того, во что вѣровали всѣ, повсюду и всегда» (*quod semper, quod ubique, quod ab omnibus creditum est*). Поэтому, поясняютъ епископы, мы придерживаемся вѣроученія древней церкви въ томъ видѣ, какъ оно высказано во вселенскихъ символахъ и опредѣлено всѣми догматическими постановленіями вселенскихъ соборовъ нераздѣленной церкви перваго тысячелѣтія (§ I).

Значеніе этого опредѣленія не ускользнетъ конечно отъ чловѣка, мало-мальски знакомаго съ богословіемъ. Это опредѣленіе прямо ставитъ дѣло на почву древняго православнаго ученія семи вселенскихъ соборовъ, т. е. на почву и нашего вѣроученія. Болѣе точнаго опредѣленія (принципальнаго) нельзя и желать! Въ послѣдующихъ §§-хъ отвергаются разныя новшества Рима и его притязанія на неограниченную власть, устанавливается причащеніе подъ обоими видами, а въ § 7-мъ выражается надежда, что стараніямъ богослововъ удастся, придерживаясь вѣроученія нераздѣленной церкви, придти къ соглашенію на счетъ вѣроисповѣдныхъ разностей, раздѣляющихъ нынѣ христіанскія церкви. И здѣсь опять, какъ видятъ читатели, признается обязательнымъ ученіе древней, т. е. православной церкви.

Надежды, возбужденныя чтеніемъ этого документа, вполне оправдались и даже усилились на конгрессѣ: во все время конгресса, при каждомъ удобномъ случаѣ, выставлялось желаніе сблизиться съ православной церковью, признавалась чистота ея ученія, а представителямъ ея отводилось всюду первенствующее, почетное мѣсто.

Гостей и участниковъ собралось много, до трехсотъ чловѣкъ, въ томъ числѣ изъ православныхъ: б. архіепископъ патрасскій Никифоръ Калогерасъ, протопресвитеръ Янышевъ, А. П. Мальцевъ, свящ. въ Берлинѣ, съ его симпатичнымъ помощникомъ, Геккеномъ (бывшимъ прусскимъ офицеромъ), о. Казанскій (изъ Выборга) и нѣк. друг. Изъ старо-католиковъ утрехтскихъ: архіеписк. города Утрехта Гуль; изъ англиканъ: архіепископъ дублинскій лордъ Плэкетъ, епископъ солсбѣрійскій D-г Вордсвортъ; D-г Ольдгамъ, присланный примасомъ Англій архіеписк. кэнтербѣрійскимъ въ качествѣ его представителя; каноникъ Мейрикъ, секретарь англо-континентальнаго обще-

ства, специально занимающагося вопросомъ о воссоединеніи церквей. Было и еще много англиканъ—духовныхъ и свѣтскихъ. Предсѣдательствующій епископъ англиканской епископальной церкви въ Соединен. штатахъ С. Америки прислалъ своимъ представителемъ Д-ра Нэвина. Были еще: графъ Кампелло, б. каноникъ храма Св. Петра, нынѣ глава итальянскихъ старо-католиковъ; Жуанъ Кабрера, представитель старо-католиковъ испанскихъ; изъ Парижа прибылъ знаменитый проповѣдникъ Іоакинъ (le père Hyacinthe), настоятель парижской старо-католической общины; изъ Австріи —управляющій австрійскимъ старокатолич. епископствомъ (Bisthumsverweser) d-г Чехъ (онъ и дѣйствительно, по происхожденію, принадлежитъ къ чешской народности) и его помощникъ d-г Бэндель, членъ австр. парламента. Гаитійское правительство прислало на конгрессъ секретаря своего посольства въ Лондонѣ, Людвигъ Жанвье, негра, получившаго образованіе въ Монпелье: онъ докторъ правъ и отлично говоритъ по-французски. Изъ Іерусалима явился профессоръ Исаакъ (армянскаго сіонскаго монастыря). Наконецъ изъ Германіи м. пр. прибыли: епископъ І. Г. Рейнкенсъ, глава старокатоликовъ Германіи, выдающійся ученостію, краснорѣчіемъ, умомъ и осторожной твердостію; онъ пользуется заслуженнымъ авторитетомъ у германскаго правительства: покойный императоръ Вильгельмъ высоко цѣнилъ его дарованія и былъ съ нимъ въ перепискѣ (теперешній императоръ ограничивается телеграммами); далѣе—профессоръ мюнхенскаго университета Фридрихъ, первоклассный ученый, извѣстный историкъ Ватиканскаго собора; боннскій профессоръ Веберъ, и многіе другіе. Изъ мѣстныхъ швейцарскихъ старо-католиковъ назову: епископа Герцога; ректора бернскаго университета Евгенія Мишо, убѣжденнаго сторонника Россіи и православной церкви; d-г Вокера, профессора бернскаго университета; d-г правъ Вейбеля, избраннаго секретаремъ конгресса; г. Филиппи, избраннаго президентомъ конгресса, который и руководилъ очень безпристрастно нашими засѣданіями. Отделинулся на призывъ старо-католиковъ и протестанскій союзъ (Evangel. Bund), выславъ на конгрессъ въ качествѣ своего официальнаго представителя d-г богословія и професс. галльскаго университета Бейшлага.

Первое, что бросается въ глаза при просмотрѣ списка членовъ конгресса, это официальное участіе англиканской церкви. Оно объясняется тѣмъ, что церковная жизнь бьетъ теперь въ Англии живымъ ключемъ; борьба идетъ дѣятельная съ разными сектантами и съ Римомъ; наука, часто враждебная религіи, выставляетъ крупныхъ представителей. Понятно, что и представители церкви должны быть постоянно готовы къ борьбѣ, постоянно быть «на чеку»; понятно и то, что они живо интересуются всѣми явленіями рели-

гіозной жизни въ Европѣ; каждое изъ нихъ отражается вѣдь и на религиозной жизни Англїи. При такихъ условїяхъ между англиканами и ст.-католиками установились наилучшія, дружественныя отношенїя; старо-католики не могутъ не быть признательны англиканамъ за ихъ постоянное вниманїе. Едва ли однако отношенїя эти могутъ превратиться въ соединенїе обѣихъ церквей: къ этому имѣется серьезное препятствїе, и именно со стороны Англїи. Какъ извѣстно, въ Англїи существуетъ такъ наз. «установленїе (Establishment) церкви». Установленная церковь (Established church) состоитъ изъ нѣсколькихъ частей, признающихъ весьма неопредѣленныя и разнообразныя доктрины, которыя установлены въ XVI столѣтїи и находятся во «всеобщемъ молитвенникѣ» (Common prayer book) и въ такъ называемыхъ «статьяхъ» (articles). Этихъ статей 39. Самый молитвенникъ составленъ въ смыслѣ охранительномъ: по духу своему онъ подходитъ подъ наше, православное ученїе, тогда какъ 39 статей сильно отзываются кальвинизмомъ. Въ нихъ напр. проводится мысль о предопредѣленїи, отрицается авторитетъ церкви и т. п. Однимъ словомъ между книгой молитвъ и 39 статьями значительное противорѣчїе. Понятно, что эта двойственность англиканской богословской мысли отражается и на устройствѣ англиканской «установленной» церкви. Въ ней есть партїи совершенно равноправныя, придерживающіяся несомнѣстимыхъ и даже противорѣчивыхъ богословскихъ ученїй. Такое положенїе дѣла объясняется лишь особенностями національнаго характера англичанъ. Какъ въ своей политической жизни, такъ и въ устройствѣ своей церкви англичанинъ прежде всего старается стать на практическую почву, мало заботясь о логической связи и послѣдовательности ея ученїй. Въ жизнь церковную онъ переноситъ привычки своей политической жизни, основанной на компромиссахъ. Но конечно то, что годится для послѣдней, не примѣнимо къ первой. Въ политической жизни, на практикѣ, постоянно допускаются компромиссы: приходится терпѣть противорѣчїя, дѣлать взаимныя уступки. Но все это возможно лишь въ вопросахъ, неотносящихся до сферы безусловной истины. Этого англичане не понимаютъ и думаютъ, что—несмотря на противорѣчїя, встрѣчающіяся въ ихъ вѣроисповѣданїи, несмотря на то, что нѣкоторыя партїи ихъ церкви исповѣдуютъ положительную ересь—все же съ англиканской церковью можно соединиться. Но это ни для насъ, ни для старокатоликовъ невозможно *. Мы можемъ стать въ очень близкія

* Должно впрочемъ замѣтить, что католицизмъ дозволяетъ странное и неправильное, на нашъ взглядъ, единенїе въ таинствахъ, независимое отъ единенїя въ вѣрѣ,—правда, лишь какъ дѣйствїе единоличное.

отношенія къ такъ называемой высокой церкви (high church). Это, безъ сомнѣнія, и имѣлъ въ виду преосвященный Платонъ (кіевскій) ведшій по этому поводу переговоры съ примасомъ Англій. Но какъ бы къ намъ или къ старо-католикамъ ни относились отдѣльныя представители высокой церкви, соединеніе съ англиканской церковью въ ея настоящемъ видѣ состояться не можетъ. До этого должно состояться ея отдѣленіе отъ государства, т. е. ея *disestablishment*, и ея раздѣленіе на составныя части. Тогда и намъ и старо-католикамъ можно будетъ приступить къ изученію тѣхъ условій, на основаніи которыхъ возможно будетъ соединиться съ той частію англиканской церкви, которая называется «высокой церковью (high church)».

Я имѣлъ по этому поводу очень интересный разговоръ съ д-г Ольдгамомъ (представителемъ примаса Англій) и съ еп. солсбэрійскимъ. Вопросъ шелъ преимущественно о тридцати девяти статьяхъ. Еп. солсбэрійскій, не оправдывая ихъ кальвинистскаго характера, отстаивалъ ихъ полезность въ виду характера англичанъ, которые-де слишкомъ склонны надѣяться на свои собственные силы, на свою энергію, самостоятельность, на свои права. Поэтому, утверждалъ епископъ, очень полезно имѣть къ ихъ убѣжденіямъ такой коррективъ, который бы указывалъ имъ на тщету этихъ правъ, этихъ заслугъ, этой силы и энергіи. (Кальвинъ, какъ извѣстно, былъ сторонникомъ безусловнаго предопредѣленія и уничтожалъ значеніе заслугъ, дѣлъ, личной энергіи). Конечно, такіе аргументы не поддаются никакому богословскому обсужденію.

Кстати замѣчу здѣсь слѣдующее: часто приходится разъяснять иновѣрцамъ—даже и тѣмъ, которые расположены и къ Россіи, и къ нашей вѣрѣ—каноническія отношенія царя къ церкви, отношенія, о которыхъ они не имѣютъ и понятія. Часто слышишь выраженія сожалѣній о томъ, что у насъ процвѣтаетъ цезарь-папизмъ, что глава нашей церкви—царь! Извѣстно, что это обвиненіе не имѣетъ ни малѣйшаго богословскаго основанія, что если встрѣчались въ нашей исторіи факты вмѣшательства мірской власти въ дѣла вѣры, то это вмѣшательство было дѣяніемъ незаконнымъ. Мнѣ случалось слышать подобныя упреки нашей церкви и отъ протестантовъ, и англиканъ: между тѣмъ именно у нихъ-то и есть цезарь-папизмъ! Вотъ напр. декларація, предшествующая тѣмъ XXXIX статьямъ, о которыхъ сказано выше: * «Декларация Его Величества»:

* См. «Articles of Religion» Въ The book of common prayer, Articles. Pag. 310. Oxford. Ruby 32-мо.

«Будучи, по божьей волѣ (ordnance) и согласно нашему справедливому титулу, «защитникомъ вѣры» и высшимъ управителемъ (gouverneur) церкви въ этихъ нашихъ владѣніяхъ, мы считаемъ весьма пріятнымъ нашему королевскому достоинству (most agreeable to this our Kingly office) и нашему религиозному усердію (zeal) оберегать и удерживать (maintain) вѣрѣнную нашему попеченію (committed to our charge) церковь въ единствѣ истинной религіи» и т. д. Третій параграфъ деклараціи начинается такъ: «Что мы, верховный управитель (gouverneur) англійской церкви». и т. д.! А еще толкуютъ о нашемъ цезаро-папизмѣ! Что касается кальвинскаго вліянія на англиканизмъ, то онъ съ особенной ясностію обнаруживается въ § XI гдѣ прямо говорится, что человекъ оправдывается единственно вѣрою (by faith only).

Повторяю, англикане не могутъ разсчитывать на то, чтобы съ ними соединились старо-католики Германіи, Швейцаріи и Австріи; но отдѣльныя и немногочисленныя личности (въ Испаніи напр.) находятся въ такой матеріальной зависимости отъ нихъ и до такой степени лишены всякой поддержки извнѣ, что можетъ быть пойдутъ на компромиссъ. Конечно, тогда лица эти переставутъ быть старо-католиками. На эту тяжелую зависимость и указалъ въ довольно грубой формѣ архіеписк. дублинскій, въ одной изъ своихъ рѣчей, произведшей на всѣхъ присутствовавшихъ самое тяжелое впечатлѣніе.

Роль протестантовъ (на конгрессѣ ихъ было нѣсколько, но важнѣйшимъ, официальнымъ представителемъ ихъ былъ д-г Бейшлагъ) не имѣла богословскаго характера; они прибыли на конгрессъ не для достиженія какихъ-либо цѣлей въ области церковной жизни, а лишь для выраженія общаго, человѣческаго сочувствія благороднымъ стремленіямъ старо-католиковъ. Старо-католики конечно не допускаютъ и мысли о какомъ-либо церковномъ единеніи съ протестантами, однако они очень дорожатъ ихъ нравственной поддержкой. Протестанты, которымъ подчасъ тоже достается отъ римскихъ католиковъ, вообще сочувствуютъ старо-католикамъ. Исключеніе составляютъ такъ называемые «ортодоксалы», «консерваторы», которые, забывая причину отдѣленія старо-католиковъ отъ Рима, видятъ въ нихъ лишь «либераловъ», возставшихъ на свое «начальство».

Впрочемъ это наивное обвиненіе старо-католиковъ въ возмущеніи противъ «начальства» было однажды высказано мнѣ и однимъ высокопоставленнымъ православнымъ лицомъ. На это я ему замѣтилъ, что вѣдь въ такомъ возмущеніи виноваты не одни старо-католики, что и мы не признаемъ ихъ бывшаго «начальства», за которымъ когда-то признавали примать во всей церкви.

Перехожу теперь къ самому конгрессу. Конечно, я ограничусь

лишь тѣмъ, что имѣеть общій интересъ, и что особенно можетъ выяснить характеръ и направленіе старо-католицизма.

30-го августа, еще до открытія конгресса, въ Люцернъ прибыло уже не мало гостей, и между прочимъ преосвященный Никифоръ Калогерасъ, б. архіепископъ патрасскій. Въ этотъ день, особенно дорогой для насъ, русскихъ, происходило богослуженіе въ церкви люцернской старо-католической общины. Епископъ Герцогъ пригласилъ преосвященнаго Никифора преподавать старо-католической паствѣ архипастырское благословеніе. Преосвященный охотно это и совершилъ, употребляя для сего языкъ греческій, т. е. тотъ самый, какъ пояснилъ слушателямъ еп. Герцогъ, на которомъ писалъ апостолъ Павелъ. Такимъ образомъ, хотя еще неофициально, конгрессъ начался при выраженіи благожеланія и такъ сказать при содѣйствіи высокаго представителя автокефальной греческой церкви. Послѣ долгаго, многолѣтняго перерыва снова прозвучало въ западной Европѣ греческое слово, обращенное къ католическимъ слушателямъ, къ католической общинѣ! Старо-католики очень этому радовались.

31-го августа, вечеромъ, происходила встрѣча старо-католиками Люцерна представителей разныхъ церквей, сочувствующихъ старо-католикамъ. Привѣтственную рѣчь говорилъ д-г Штейгеръ. Даже и въ этой первой рѣчи, посвященной выраженію радости видѣть столько сочувствующихъ старо-католическому движенію, описанію борьбы за существованіе, которую вынуждено вести старо-католичество, ораторъ съ особеннымъ удареніемъ высказалъ надежду старо-католиковъ на восстановленіе на западѣ ученія древней нераздѣленной (т. е. нашей православной) церкви, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на воссоединеніе разъединенныхъ Римомъ церквей. Въ томъ же смыслѣ говорилъ и викарій германскаго епископа, д-г Веберъ (изъ Бонна), указывавшій на стремленіе старо-католицизма совмѣстить въ своей доктринѣ и жизни—вѣру и знаніе, стремленіе служить и своей церкви, и своему отечеству.

Во вторникъ $\frac{1}{12}$ августа, открылся конгрессъ торжественнымъ богослуженіемъ въ прекрасной старо-католической базиликѣ (Christus-Kirche). Эта базилика построена была на скудные средства люцернской общины, послѣ того какъ старо-католики были лишены совмѣстнаго пользованія римско-католической церковью. Въ Швейцаріи, какъ и въ юго-западной Германіи, такое совмѣстное пользованіе одного и того же зданія общинами разныхъ исповѣданій (пользованіе, которое по нашимъ понятіямъ не можетъ быть терпимо) допускается безпрепятственно и вошло въ обычай. Вообще, должно замѣтить, что на западѣ жизнь выработала многіе приемы церковной практики, которые у насъ были бы сочтены черезчуръ «либераль-

ными». Богослуженіе совершалось конечно не по-латыни, а по-нѣмецки, на народномъ языкѣ. Ясно было, что вся община относилась къ службѣ вполне сознательно и слѣдила за ней съ постояннымъ вниманіемъ. Священникъ говоритъ и читаетъ, какъ у насъ, речитативомъ, но не жертвуетъ при этомъ смысломъ читаемаго условной красотѣ и силѣ голоса. Ни о какихъ разговорахъ между присутствующими нѣтъ и рѣчи. Для насъ, православныхъ, всего утѣшительнѣе было то, что символъ вѣры читался въ его православной древней формѣ, т. е. безъ *Filioque*, въ той чистотѣ, въ которой онъ не читался въ западномъ католическомъ храмѣ со времени Карла Великаго! Развѣ это не хорошо? Развѣ можно относиться къ этому равнодушно, на томъ лишь основаніи, что это истина «заграничная», не наша, зайдткуненская! Не менѣе отрадно возстановленіе у ст.-католиковъ причащенія подъ обоими видами (*Sub utraque*). Отрадно было видѣть эту чашу, изъ за которой было пролито столько крови въ родственной намъ чешской землѣ. Да конечно, все это происходитъ за границей, даже гораздо далѣе Эйдткунена; но неужели это можетъ помѣшать намъ радоваться тому, что истина, кото рой мы вѣримъ, которой мы служимъ, возстановляется у нашихъ сосѣдей? Развѣ потому, что на мѣ употребленіе чаши обезпечено, что у насъ ее никто не отнималъ и не отнимаетъ, намъ можетъ быть безразлично, что она возвращена другимъ христіанамъ?!

Странное дѣло! Вездѣ и всѣ теперь толкуютъ о солидарности въ жизни культурныхъ народовъ, всѣ повторяютъ на всѣ лады «*nihil humani a me alienum esse puto*!» Какое нибудь техническое изобрѣтеніе, какое нибудь улучшеніе въ способѣ фиксированія цвѣтовъ на фотографіи, какой нибудь «новый методъ» въ изслѣдованіи бактерій—все это встрѣчается у насъ съ величайшимъ интересомъ, все это облетаетъ нашъ интеллигентный міръ; а вотъ на нашихъ глазахъ въ той же цивилизованной Европѣ происходитъ явленіе, могущее повести къ возстановленію церковнаго единства Запада и Востока,—и мы остаемся къ этому равнодушны! Притомъ это равнодушіе распространяется не только на лицъ, индифферентныхъ къ религіи, но и на многихъ искренно вѣрующихъ, даже приверженцевъ православнаго миссіонерства, только на Востокѣ, а не на Западѣ, какъ будто явленія религіозной жизни опѣиваются не по внутреннему ихъ содержанію, а по градусамъ меридіана или параллели! Послѣ богослуженія состоялось первое собраніе делегатовъ въ мѣстной «*Turnhalle*» (въ Швейцаріи, да и вообще за границей, въ каждомъ маломальски значительномъ городѣ есть свое гимнастическое или фехтовальное общество). Президентомъ былъ единогласно избранъ д-ръ Филиппи, изъ Базеля, секретаремъ д-ръ правъ Вейбель.

До открытія конференцій были прочитаны сочувственными телеграммы и письма отъ разныхъ лицъ и учреждений, между прочимъ отъ аенискаго митрополита Германа, отъ ректора московской духовной академіи архимандрита Антонія, отъ казанскаго профессора Бѣлева, отъ предсѣдателя Слав. благотв. обществ. графа Игнатьева (въ телеграммѣ графа указано было на значеніе старо-католицизма для славянъ) и др. Всѣ эти обращенія были встрѣчены старокатоликами съ великой радостію. Кромѣ того присланъ былъ «мемуаръ» сѣвероамериканскаго епископа Дона (Doan) изъ Албани, въ которомъ весьма смѣло и независимо обсуждаются 39 статей англиканизма: епископъ даже не признаетъ ихъ обязательными для Америки, что идетъ совершенно въ разрѣзъ съ ученіемъ англиканской «установленной церкви» (Established Church). Затѣмъ приступили къ разсмотрѣнію IX тезисовъ или предложеній.

Обязанность представить рефераты по этимъ тезисамъ была возложена на членовъ конгресса, по соглашенію ихъ съ организаціоннымъ комитетомъ. Самые тезисы были конечно разосланы референтамъ заблаговременно. Такъ мнѣ было поручено представить рефератъ по VI тезису. I тезисъ состоялъ въ слѣдующемъ: «Старо-католическое движеніе не есть одинъ только протестъ противъ новыхъ ватиканскихъ догматовъ, въ особенности противъ догмата непогрѣшимости; этимъ не исчерпывается его значеніе: ст. католицизмъ есть еще возвращеніе къ древнему каѳоличеству древней нераздѣленной церкви, путемъ устраненія изъ него порчи (Verderbnisse), внесенной папами и іезуитами; далѣе онъ есть еще и призывъ ко всѣмъ христіанскимъ церквамъ, приглашающій ихъ къ единенію на древнецерковномъ основаніи».

Референтомъ былъ профессоръ Фридрихъ изъ Мюнхена, извѣстный сотрудникъ Даллингера. Я его не видалъ съ 75-го года: онъ состарился, но ни замѣчательныя ораторскія дарованія, ни энергія его не уменьшились: съ первыхъ словъ онъ овладѣлъ вниманіемъ своихъ слушателей и удержалъ его во все время длинной рѣчи, нѣсколько вышедшей за рамки реферата. Между прочимъ онъ указалъ на необходимость неустанной, энергической борьбы съ папствомъ, которое не только исказило-де церковь, не только извратило древніе догматы, но, даже теперь, посягаетъ еще и на мірскую власть, на достояніе, кесаря. Самъ папа вызываетъ насъ на борьбу, говоритъ ораторъ, вынуждаетъ къ ней, и притомъ, даже преимущественно, на почвѣ не духовной, а свѣтской. Догматъ папской непогрѣшимости, заранѣе поясненный и укрѣпленный теоріями силлабуса, далѣ-де папѣ законное право—законное конечно съ точки зрѣнія инфаллибилитета, а не христіанства—вмѣшиваться въ дѣла міра; и нынѣшній папа—широко пользуется этимъ «правомъ». Это вызываетъ и противниковъ папы

на отпоръ, имъ приходится поневолѣ вмѣшиваться въ политику. Ораторъ подробно разсмотрѣлъ случаи такого вмѣшательства курінъ въ дѣла чисто политическія: такъ папа запретилъ испанцамъ поддерживать Дон-Карлоса; такъ теперь онъ повелѣваетъ французскимъ легитимистамъ признать республику и подчиниться ей. Но, говорилъ Фридрихъ, нужно быть очень близорукимъ, чтобы не понимать, что допустивъ вмѣшательство папы въ мірскія дѣла въ одномъ направленіи, трудно будетъ устранить его при другихъ измѣнившихся обстоятельствахъ. Онъ привелъ примѣры и изъ отношеній разныхъ германскихъ правительствъ къ папѣ; должно-де думать, что правительства эти не понимаютъ опасности, которой они себя подвергаютъ, заигрывая съ Римомъ, заставляющимъ ихъ принимать относительно ст. католиковъ прямо противузаконныя мѣры. Но, продолжалъ ораторъ, мы (старо-католики) не должны ограничиваться однимъ протестомъ, одной борьбой съ Римомъ: этимъ не исчерпывается наша задача; мы стремимся къ цѣлямъ положительнымъ, къ сближенію съ другими Церквями, въ особенности съ Церквями Востока. Поэтому онъ предлагаетъ просить епископовъ Германіи, Швейцаріи и Голландіи войти въ официальные сношенія съ этими Церквями. Что касается до Церкви, вышедшихъ изъ реформаціи (стало быть и англиканской), то профессоръ Фридрихъ желаетъ, чтобы миролюбивыя отношенія, существующія между ними и старо-католиками, не только поддерживались, но еще улучшались.

Не нужно быть богословомъ, чтобы видѣть глубокую разницу, сдѣланную профессоромъ Фридрихомъ между нами и протестантами.

Епископъ старо-католиковъ Германіи Рейнкенсъ вполне подтвердилъ все сказанное его другомъ и единомышленникомъ Фридрихомъ. Онъ замѣтилъ, что и съ самаго начала движенія старо-католики заботились о томъ, чтобы не ограничиваться одними протестами, однимъ отрицаніемъ; съ самаго начала они старались удалять изъ своей Церкви все ложное, фальшивое, заботливо сохраняя все существенное, истинное, все то, что перешло къ старо-католицизму отъ древней нераздѣльной Церкви.

Д-ръ Вейбель поддерживаетъ предложеніе д-ра Фридриха. Онъ тоже желаетъ, чтобы епископы вступили въ официальные сношенія съ церквями Востока, съ цѣлью окончательнаго съ ними соединенія.

Читатели видятъ, что при всякомъ удобномъ случаѣ старо-католики съ особеннымъ удареніемъ говорили о необходимости сближенія съ нами, о томъ, что мы сохранили истинную вѣру. Это впечатлѣніе сохранилось во все время конгресса.

Послѣ словъ др. Вейбеля протопресвитеръ І. Л. Янышевъ высказалъ приблизительно слѣдующее:

«Такъ какъ проф. Фридрихъ заключилъ свой рефератъ предложеніемъ (вѣрнѣе—просьбою), обращеннымъ къ ст. католич. епископамъ, чтобы они официально (amtlich) приступили къ дѣлу соединенія съ христіанскими церквами, и обратился къ представителямъ восточной церкви, прося ихъ, чтобы они приняли это дѣло къ сердцу, и въ этомъ смыслѣ дѣйствовали бы передъ своими церковными властями, съ чѣмъ согласился епископъ Рейнкенсъ, то протопресв. I. Л. Янышевъ счелъ долгомъ заявить, что по его мнѣнію о ф ф и ц і а л ь н ы я сношенія съ церковными властями со стороны старо-католиковъ—еще рановременны; мы еще недостаточно для этого взаимно ознакомились. Отецъ протопресвитеръ предложилъ: пусть представители восточной церкви и старо-католическіе епископы предварительно снесутся между собою ч а с т н ы м ъ о б р а з о м ъ и о результатѣ этихъ сношеній сообщать слѣдующему старокатолическому конгрессу: тогда будетъ видно, можно ли приступить къ официальнымъ сношеніямъ съ восточными церковными властями».

Рефератъ Пр. Фридриха, съ дополнительнымъ предложеніемъ И. Л. Янышева, принятъ собраніемъ единогласно.

Второе предложеніе гласитъ: «для христіанина обязательно ученіе Христа, а не богословское умствованіе, изъ котораго могутъ произойти лишь человѣческія мнѣнія, которыя свободны и не обязательны». Далѣе идетъ ссылка на декларацию епископовъ 1889 года. Съ перваго взгляда предложеніе это кажется до того простымъ, что о немъ нечего и говорить; оно кажется даже нѣсколько безцѣльнымъ, лишеннымъ практическаго характера. Но на дѣлѣ оно имѣетъ большое значеніе, именно для нашихъ дальнѣйшихъ работъ. Докладываль по этому пункту ректоръ бернскаго университета Мишо (по французски). Съ величайшей послѣдовательностію и ясностію онъ доказалъ необходимость разграничить область догмата отъ области богословія. Догм а т ъ, по совершенно правильному взгляду референта, есть нѣчто данное свыше, не подлежащее измѣненію, независимое отъ того или другого взгляда, господствующаго въ данное время въ наукѣ. Совсѣмъ не то—богословское мнѣніе; оно можетъ и должно измѣняться, ибо принадлежитъ къ области науки, а наука не можетъ оставаться неподвижною. Для христіанина обязательны догматы, ученіе Христа, а не богословское разсужденіе (la spéculation théologique), которое оставляетъ нѣкоторый просторъ и для личныхъ взглядовъ.

Я считаю этотъ рефератъ очень важнымъ и вотъ почему Православный Востокъ, служившій когда-то источникомъ свѣта для всего міра и передавшій Западу сокровища своей культуры, долженъ былъ вслѣдствіе разныхъ переворотовъ временно отказаться отъ своего

наченія и вліянія; ему пришлось вынести тяжкую борьбу съ притѣснителями, устремлявшимися на него то изъ Европы, то изъ Азіи. Эту борьбу онъ вынесъ, и нынѣ, съ новыми силами, почерпаемыми уже и въ славянствѣ и м. пр. у его представительницы Россіи, снова выступаетъ на міровую сцену, притомъ не въ качествѣ только матеріальной мощи, слѣпой стихійной силы, а какъ носитель и культурныхъ началъ! Главное изъ нихъ конечно наша вѣра. Вотъ тутъ то мы и сталкиваемся съ церквами Запада: однѣ изъ нихъ встрѣчаютъ насъ съ стародавней, неизмѣнной враждебностію (Римъ), другія—съ нѣкоторой гордой недовѣрчивостію (протестантизмъ и его развѣтвленія), а церковь старо-католическая, слабая числомъ, но сильная наукой и вѣрой, сама къ намъ стремится, признавая насъ носителями несомнѣнной, безусловной истины, сохраненной нами среди всякихъ невгодъ и испытаній, всякихъ оболъщеній и обмановъ.

Но, сближаясь съ западными церквами, мы должны имѣть готовые отвѣты на всѣ ихъ вопросы, мы въ особенности должны выяснить, что составляетъ сущность нашей вѣры и что ея случайное выраженіе. Намъ придется сказать, что мы считаемъ существеннымъ и что несущественнымъ въ нашемъ ученіи, что мы требуемъ принять отъ насъ какъ несомнѣнную Богомъ установленную истину (догматъ), а что подлежитъ возможнымъ измѣненіямъ.

Мы твердо вѣруемъ и знаемъ, что вѣроученіе наше правильно, но въ него входятъ и догматы, данные свыше, входятъ и временныя, измѣняемыя богословскія мнѣнія, которыя не могутъ притязать на одинаковое значеніе съ догматомъ. Въ теоріи этого конечно никто оспаривать не будетъ, но на практикѣ вопросъ этотъ далеко не такъ простъ и ясенъ, какъ можетъ казаться съ перваго взгляда. Мы сплошь да рядомъ наталкиваемся, даже въ спорахъ съ богословами, на такія мысли, которыя очевидно основаны на смѣшеніи понятій о догматѣ и о научномъ мнѣніи (opinio). Богословы зачастую увлекаются и склонны придавать своему научному мнѣнію значеніе догмата. Напомню напр. споры, происходившіе между принцемъ Вальдемаромъ Датскимъ и его духовникомъ съ одной стороны, а нашимъ официальнымъ богословомъ о. Насѣдко съ другой. Вѣдь Насѣдко былъ увѣренъ въ своей правотѣ, требуя для своихъ богословскихъ мнѣній значенія догматовъ. Они казались ему безусловно важными, обязательными.... Припомнимъ, что говорилъ московскій людъ, даже и духовенство про Самозванца.

Конечно, никто изъ нашихъ современныхъ богослововъ не будетъ требовать, чтобы воссоединяющіеся старо-католики непременно ходили по субботамъ въ баню и воздерживались отъ телятины, но вѣдь многое можетъ найтись и теперь въ этомъ родѣ, кромѣ бани

да телятины! Повторяю, очень важно разграничить сферу догмата и сферу науки, богословія, которое должно дать лишь объясненіе (философское, научное) догмата, но не должно быть съ нимъ смѣшиваемо. Въ этомъ и заключается важность 2-го предложенія и реферата Мишо.

Этими двумя рефератами въ первое засѣданіе мы и ограничились. Вечеромъ происходило собраніе въ церкви. Говорили сначала епископы, затѣмъ духовныя лица, не облеченныя епископскимъ саномъ.

Первое слово было предоставлено православному архіепископу Никифору патрасскому. Онъ кажется когда-то учился въ Германіи и говоритъ, хотя не вполне свободно, по-нѣмецки. Появленіе его на каедрѣ старо-католическаго храма возбудило живѣйшій интересъ и обрадовало присутствующихъ. Очень хорошо и ясно говорилъ онъ о догматическихъ различіяхъ и о возможности ихъ устраненія, объ охранѣ догматическаго единства въ церкви вселенскими соборами, о томъ что это догматическое единство не нарушается національными различіями въ культѣ и въ организаціи церковной жизни и церковнаго управленія. Христіанскія разъединенныя церкви—продолжалъ онъ—постоянно стремились къ воссоединенію, но попытки эти не удавались, ибо къ нимъ примѣшивались посторонніе элементы, не имѣющіе ничего общаго съ религіею. Архіепископъ закончилъ свою рѣчь выраженіемъ надежды на воссоединеніе церквей. П о с л ѣ православнаго іерарха говорили архіепископъ старо-католической церкви въ Голландіи, Герардъ Гуль, и епископъ англиканскій д-ръ Вордсвортъ солсбэрійскій. Послѣдній очень умно и осторожно разъяснилъ вопросъ объ условіяхъ общенія въ таинствахъ. Онъ обошелъ молчаніемъ затрудненія, представляемыя органическими противорѣчіями въ самой англиканской церкви. Разбирая условія воссоединенія и разныя ступени—какъ онъ выразился—ведущія къ нему, онъ указалъ какъ на первую изъ этихъ ступеней—на взаимную снисходительность и взаимную любовь. Замѣчаніе это, которое иному покажется общимъ мѣстомъ, не лишено значенія во взаимныхъ отношеніяхъ христіанскихъ церквей. Въ самомъ дѣлѣ, какъ часто люди расходятся во взглядахъ и дѣйствіяхъ потому только, что не могутъ разстаться съ своимъ эгоизмомъ, а потому не въ состояніи отнестись объективно къ мнѣніямъ противника, и понять его точку зрѣнія! Въ концѣ своей рѣчи епископъ сообщилъ интересное свѣдѣніе, что общеніе въ таинствахъ существуетъ между однимъ изъ православныхъ патріархатовъ Малой Азіи и армянской церковью. (?) Хотя въ числѣ гостей и былъ армянинъ, который могъ бы сообщить объ этомъ нѣкоторыя подробности, но мнѣ не удалось разъяснить этого дѣла; полагаю скорѣе, что свѣдѣнія эти относятся къ какому нибудь частному случаю.

Послѣ епископовъ—гостей, говорили другіе гости. Тутъ опять первое мѣсто было предоставлено православному: на кафедрѣ взошелъ протопресвитеръ И. Л. Янышевъ. Онъ изложилъ свой взглядъ на характеръ взаимныхъ отношеній между православными автокефальными церквями, при-чемъ, раскрывъ идеальную сторону этихъ отношеній, указалъ на силу зла, препятствующую полному осуществленію идеала и обнаруживающуюся не только въ разныхъ обрядовыхъ, національныхъ, политическихъ пристрастіяхъ и предубѣжденіяхъ, но и въ антагонизмѣ между цѣлыми частями свѣта, каковы Западъ и Востокъ. Свой рефератъ онъ закончилъ указаніемъ на старо-католицизмъ, какъ на единственный на всемъ Западѣ свѣтлый симпатичный для восточной православной церкви пунктъ, и выраженіемъ надежды на помощь свыше въ дѣлѣ воссоединенія раздѣленныхъ нынѣ церквей на той почвѣ древней церкви, на которую возвращается старо-католицизмъ.

Послѣ протопресвитера Янышева произнесъ рѣчь (по-итальянски) бывший каноникъ храма Св. Петра, графъ Кампелло. Онъ говоритъ съ паесомъ, который намъ, людямъ сѣвера, кажется преувеличеннымъ, но бесспорно обладаетъ замѣчательнымъ даромъ слова. Съ особенной настойчивостью графъ Кампелло говорилъ о вредѣ господствующей теперь въ Италіи методы религіознаго обученія народа, который сначала долженъ выслушивать непонятныя ему молитвословія мессы, а затѣмъ слушать съ кафедры нерѣдко весьма странныя исторіи о разныхъ святыхъ, о Пречистой Дѣвѣ, ихъ чудесномъ вмѣшательствѣ въ обыденную жизнь человѣка, причемъ лишь очень рѣдко упоминается Христосъ и Его ученіе. По словамъ оратора, вся поучительная часть христіанскаго ученія затемняется въ этихъ проповѣдяхъ частью анекдотической. Графъ Кампелло упомянулъ и о томъ, что папа гораздо болѣе занимается политикой, нежели религіей, и готовъ на всякіе компромиссы, отъ которыхъ конечно откажется при первомъ удобномъ случаѣ, если это будетъ ему выгодно.

Съ особеннымъ интересомъ ожидали мы рѣчи представителя австрійскихъ старо-католиковъ д-ра Чеха. Для насъ, русскихъ, отношенія славянъ къ старо-католицизму особенно интересны. Казалось бы, что австроугорское славянство должно служить самой благодарной почвой для старо-католицизма, въ которомъ не безъ основанія можно видѣть какъ бы продолженіе чешскаго гуситства. И Гусъ стремился къ очищенію римской церкви отъ всякихъ заблужденій, уже тогда развѣдавшихъ ее; и онъ хотѣлъ возстановить законныя права національныхъ церквей, поправныя папой; наконецъ и самая чаша, которая возстановлена въ старо-католической литургіи, должна бы возбудить сочувствіе чеховъ. Къ тому же славяне-

католики подобно многимъ другимъ католикамъ большею частью не признають новаго догмата 1870 года. Конечно, я говорю лишь о тѣхъ, которые имѣють нѣкоторое богословское образованіе. Даже поляки, отличающіеся слѣпой вѣрой въ Римъ, видящіе въ папизмѣ знамя, соединительный элементъ всего враждебнаго Россіи, и они большею частью обходятъ молчаніемъ новый догматъ. Все это могло бы, кажется, побудить славянъ къ сближенію со старокатолицизмомъ. Но пока этого незамѣтно. Правда, въ настоящую минуту славяне всѣцѣло поглощены политикой; но вѣдь такое положеніе дѣлъ не можетъ вѣчно продолжаться: политическая борьба составляетъ не цѣль народной жизни, а лишь средство обезпечить національное существованіе и полноту народнаго развитія. Обезпечивъ свою народность, славяне не могутъ въ дальнѣйшемъ развитіи остаться въ сторонѣ отъ волнующихъ весь Западъ движеній религіознаго характера. Вотъ тутъ то старо-католицизмъ и представится удобнымъ мостомъ для постепеннаго сближенія славянъ западныхъ, особенно католическихъ, съ восточными, православными. На это мнѣ могутъ отвѣтить, что католическимъ славянамъ, не мудрствуя лукаво, слѣдуетъ просто сдѣлаться православными. Люди, которые такъ разсуждаютъ, конечно доказываютъ этимъ свою преданность православію, но едва ли и пониманіе той борьбы, которая происходитъ въ душѣ человѣка, вынужденнаго отказаться отъ вѣры отцовъ. На такое дѣйствіе, если оно не зависитъ отъ какихъ либо спеціальныхъ условій, способенъ лишь тотъ, кто глубоко изучилъ вѣроисповѣдныя вопросы и притомъ одаренъ желѣзной послѣдовательностью, въ родѣ покойнаго чешскаго вождя Сладковскаго. Но мы видимъ, что и у него послѣдователей оказалось не-много. Дѣло въ томъ, что религія—не наука, не рационалистическая система, долженствующая удовлетворить одному разуму. Она захватываетъ все существо, всю душу человѣка. Тутъ не достаточно навести надлежащую справку въ исторіи церкви да въ догматикѣ, провѣрить, исполняются ли въ данной церкви постановленія вселенскихъ соборовъ, нѣтъ ли какихъ отклоненій отъ того, что ими предписывается, и не вторгается ли власть кесаря въ дѣло божіе; нѣтъ, религія глубоко коренится въ душѣ человѣка и отказаться отъ нея не такъ легко, какъ отъ научнаго положенія, которое оказалось неправильнымъ. Даже самый внѣшній обликъ, внѣшнее выраженіе религіи, и тѣ дороги человѣку, иногда такъ дороги, что изъ-за нихъ онъ готовъ многое простить своей церкви. Это чувство есть конечно и у католиковъ-славянъ. Поэтому очень важно указать имъ на старокатолицизмъ, какъ на религію, въ которой при истинномъ догматѣ существуютъ привычныя и дорогія этимъ славянамъ древнія формы. Но все это необходимо имѣть намъ въ виду и при обсужденіи старо-

католицизма. Отъ западнаго христіанина невозможно требовать, чтобы онъ, безо всякой причины, разстался со своимъ обрядомъ, связаннымъ со всей его культурой. Старо-католицизмъ и представляетъ исходъ изъ всѣхъ этихъ затрудненій. Догматъ признается вселенскій, а оболочка его остается мѣстная, народная. Къ сожалѣнію, старо-католицизмъ считается въ Австріи нѣмецкимъ движеніемъ, и это служитъ препятствіемъ къ тому, чтобы въ настоящее время славяне-католики относились къ нему сочувственно. Впрочемъ д-ръ Чехъ сказалъ мнѣ, что около трети вѣнскаго старо-католическаго общины состоитъ изъ славянъ, преимущественно изъ чеховъ и моравянъ. Д-ръ Чехъ говоритъ прекрасно и—какъ славянинъ—очень образно. Свою рѣчь онъ закончилъ указаніемъ на великое благо, которое долженъ принести христіанскому міру созывъ вселенскаго собора. Это, конечно, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, и если о немъ медленномъ созывѣ такого собора не можетъ еще быть рѣчи, то ничто не мѣшаетъ готовиться къ нему, въ особенности же разъяснять печатно и устно его необходимость въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ.

Засѣданіе делегатовъ и гостей втораго дня конгресса (2—12 сент.) было посвящено дальнѣйшему разсмотрѣнію предложеній. Ихъ оставалось семь, но большинство изъ нихъ, за исключеніемъ VI-го, порученнаго мнѣ, не можетъ представить особеннаго интереса для читателей «Сл. Обзоръ». Поэтому я ограничусь простымъ ихъ перечнемъ, хотя долженъ замѣтить, что нѣкоторые изъ нихъ сопровождались дѣйствительно мастерскими, великолѣпными рѣчами. Особенно хороша была рѣчь д-ра Вокера, профессора бернскаго университета. Онъ дѣлалъ докладъ по III тезису: о правѣ національныхъ (автокефальныхъ) церквей Востока и Запада жить и дѣйствовать самостоятельно, примѣнительно къ народнымъ обычаямъ населенія, его образованію и преданіямъ, притомъ безъ нарушенія общаго церковнаго единства.

По IV тезису докладывалъ д-ръ правъ Вейбель. Онъ доказывалъ необходимость сплотиться для борьбы противъ Рима, который теперь, отказываясь отъ своихъ обычныхъ легитимистскихъ симпатій, старается захватить въ свои руки соціальные вопросы и для достиженія своихъ личныхъ цѣлей опереться на народныя массы, какъ прежде опирался на князей и сильныхъ міра сего.

Профессоръ Веберъ изъ Бонна, викарій германскаго епископа, представилъ рефератъ по V-му предложенію; оно клонилось къ тому, чтобы протестанты не называли впредь римско-католиковъ (инфантилистовъ) «католиками». Это по виду довольно странное предложеніе имѣетъ для старо-католиковъ Швейцаріи спеціальныи интересъ и

кажется отъ разныхъ протестантскихъ обществъ получено уже соглашеніе на такое ходатайство.

Рефератъ по VI тезису былъ порученъ мнѣ. Вотъ его текстъ: «Желательно основать международный богословскій факультетъ, а равно международный богословскій журналъ» (Zeitschrift).

Двойное предложеніе это имѣло важное практическое значеніе, въ особенности та его часть, которая относится къ основанію международного богословскаго журнала. Оно представляетъ необходимое дополненіе къ состоявшемуся наканунѣ постановленію по I предложенію (Фридрихъ-Янышева) объ обращеніи къ независимымъ отъ Рима церквамъ, съ цѣлю возстановить древнее единство церкви, и о приглашеніи принадлежащихъ къ разнымъ церквамъ богослововъ совмѣстно выяснить догматическія и каноническія разности, раздѣляющія ихъ церкви, чтобы такимъ образомъ придти къ взаимному соглашенію.

Въ моемъ рефератѣ я высказалъ, что старо-католики уже много сдѣлали для сближенія съ догмою нераздѣленной древней церкви, что въ этомъ отношеніи они стоятъ на почвѣ этой послѣдней; что съ отказомъ старо-католиковъ отъ догмата Filioque, отъ теоріи индульгенцій и связаннаго съ ними неправильнаго ученія о загробной жизни, отъ догматовъ непорочнаго зачатія Пресвятой Дѣвы и папской непогрѣшимости и съ введеніемъ ими у себя причащенія подъ обоими видами, они оказались «единими» въ догматѣ съ древней нераздѣленной церковью; но что этого еще недостаточно, что остались нерѣшенными разные вопросы каноническіе, что наконецъ не довольно принять все, чему учила древняя церковь, но что необходимо еще отвергнуть то, что она отвергала. Полагаю, что такая постановка дѣла въ не малой степени облегчитъ рѣшеніе вопроса о сношеніяхъ съ протестантизмомъ и англиканизмомъ. При этомъ я указывалъ на значеніе старо-католицизма, который стоитъ выше племенныхъ разногласій и стремится къ задачамъ мировымъ, но можетъ обезпечить за собою это значеніе лишь безусловной вѣрностію ученію нераздѣленной церкви.

Основаніе международнаго богословскаго факультета при бернскомъ университетѣ, или вѣрнѣе расширеніе нынѣ существующаго, я защищалъ на томъ основаніи, что хотя старо-католическія ученныя силы напр. въ боннскомъ университетѣ значительнѣе силъ университета бернскаго, но все-таки нигдѣ кромѣ Берна нѣтъ полнаго старо-католическаго факультета, могущаго давать законные дипломы на ученныя степени.

Я полагаю, что въ этотъ богословскій факультетъ было бы полезно посылать и русскихъ воспитанниковъ. У насъ не принято посылать за границу молодыхъ богослововъ, но я не вижу, почему бы

этого не дѣлать. Если свѣтская наука наша считаетъ полезнымъ посылать за границу молодыхъ людей для того, чтобы они могли самолично ознакомиться съ западной наукой и ея носителями, то мнѣ кажется, что этому примѣру могла бы послѣдовать и наша наука богословская. При всемъ уваженіи къ представителямъ послѣдней, нельзя же отвергать, что богословіе существуетъ и на Западѣ. Опасенія за то, что наши воспитанники совратятся, едва ли могутъ имѣть серьезное основаніе. Во многихъ германскихъ университетахъ (и въ католическихъ и въ протестантскихъ) воспитываются греческіе богословы, и съ большимъ успѣхомъ. Притомъ въ бернскомъ факультетѣ ихъ конечно не будутъ совращать изъ православія, ибо старо-католицизмъ старается съ нами же соединиться. Наконецъ было бы желательно видѣть нашихъ молодыхъ ученыхъ на бернскомъ факультетѣ еще и потому, что они могли бы тамъ овладѣть языками французскимъ и нѣмецкимъ. А это очень желательно! Россія и ея церковь все болѣе и болѣе втягиваются въ общую жизнь образованныхъ народовъ; намъ приходится принимать въ ней дѣятельное участіе (конечно не съ тѣмъ, чтобы поступиться нашими принципами, а чтобы вліять на Западъ, сообщить ему нашу истину).

Основаніе международнаго журнала имѣетъ подобное же значеніе. Если въ немъ примутъ участіе православные ученые, онъ будетъ служить для запада какъ бы «маякомъ» православія. Роль такого маяка игралъ нѣкогда «Union chrétienne» покойнаго отца Владиміра Геттэ. Было бы очень желательно возстановить его; и если наши ученые примутъ участіе въ новомъ международномъ органѣ, то конечно онъ будетъ представлять не малый интересъ и для западныхъ читателей, а вмѣстѣ съ тѣмъ служить проводникомъ нашихъ богословскихъ взглядовъ и мнѣній. Я предложилъ избрать особую комиссію изъ представителей разныхъ церквей для того, чтобы пропагандировать мысль объ этомъ международномъ органѣ, редакцію которой я предложилъ возложить на международный богословскій факультетъ, поручивъ ее профессорамъ Мишо и Вокеру. Всѣ мои предложенія приняты единогласно. Въ члены предложенной мною комиссіи избраны: архіепископъ патрасскій Никифоръ Калогерасъ, (Греція), Докторъ правъ Вейбель (Швейцарія), Д-ръ богословія Веберъ (викарій Германскій), Д-ръ богословія Вордсвортъ Епископъ Солсбѣрійскій (Англія), Д-ръ богословія Гэль (Америка), Графъ Капелло (Италія), Жуанъ Кабрера (Испанія), Д-ръ Бэндель (Австрія), Д-ръ правъ Жанвье (Гаити), фонъ Зандтенъ (Голландія) и я (Россія).

Вечеромъ того же дня комиссія эта собралась подъ временнымъ предсѣдательствомъ епископа солсбѣрійскаго. Мы избрали постоян-

нымъ своимъ предсѣдателемъ Д-ра Вейбеля и пригласили къ участію въ нашемъ дѣлѣ епископа швейцарскаго Герцога и бернскихъ профессоровъ Мишо и Фридриха.

Замѣчу кстати, что и тутъ, при избраніи референтовъ изъ числа не старокатоликовъ, выборъ старокатоликовъ палъ на православнаго, хотя въ числѣ англиканъ были такіе, которые владѣли нѣмецкимъ языкомъ не хуже меня. Я привожу этотъ мелкій фактъ въ подтвержденіе сказаннаго мною выше о желаніи старо-католиковъ всячески выказать свое сочувствіе православнымъ.

Доклады по остальнымъ тезисамъ: VII. О борьбѣ противъ индифферентизма, г. Эридье (по-французски); VIII. О присутствіи на богослуженіи, о дѣлахъ милосердія и о помощи ближнему, безъ различія вѣроисповѣданій, д-ра Тюрлингса (по-нѣмецки) и IX. О совмѣстномъ пользованіи церковей, г-на Гино (по-французски)—дали намъ случай выслушать прекрасныя рѣчи, но не представляютъ особаго интереса для читателей «Славянскаго Обзорѣнія», почему я ихъ и обхожу. Ограничусь замѣчаніемъ, что и эти тезисы были приняты конгрессомъ. Во время преній, былъ тутъ затронутъ вопросъ и о мѣстѣ будущаго конгресса. По уговору съ гг. Чехомъ и Бенделемъ, я предложилъ Вѣну; но уже до конгресса былъ назначенъ Утрехтъ (на 1894), такъ что мое предложеніе осуществится лишь въ 1896 году.

Въ 2 часа того же дня происходилъ торжественный «банкетъ», на которомъ конечно было произнесено немало хорошихъ рѣчей, впрочемъ свѣтскаго содержанія. Отмѣчу двѣ изъ нихъ. Архіепископъ дублинскій сказалъ между прочимъ слѣдующее: Астрономы могутъ судить о силѣ планетъ по тѣмъ девиціямъ, которыя онѣ производятъ на орбиты другихъ планетъ: чѣмъ сильнѣе и многочисленнѣе эти девиціи, тѣмъ сильнѣе стало быть и производящія ихъ планеты. Вотъ и мы, по примѣру планетъ, собрались вокругъ старо-католицизма и въ нашихъ путяхъ онъ произвелъ девиціи. Насъ много; прибыли мы изъ противоположныхъ странъ міра, изъ Гаити и Петербурга, изъ Сиріи и Америки, изъ Италіи и Голландіи,—отовсюду: стало быть мы должны заключить, что и у старо-католицизма есть дѣйствительная внутренняя сила, которая всѣхъ насъ притягиваетъ.

Протопресвитеръ І. Л. Янышевъ указалъ на связь, издавна существующую и донинѣ продолжающуюся между Россією и Швейцарією, на Лефорта, на Лагарпа, на походъ Суворова, на Красный Крестъ, и закончилъ свою импровизацію предложивъ тостъ за Швейцарію, не нѣмецкимъ «Nosh», а русскимъ «Ура». Это нововведеніе повидимому очень понравилось присутствующимъ, неоднократно и весьма дружно прогремѣвшимъ «Ура»!

На эту рѣчь немедленно отвѣтилъ д-ръ Вейбель, замѣтивъ, что имп. Александръ I съ лихвой заплатилъ свой долгъ Швейцаріи, спасши ее отъ расчлененія на Вѣнскомъ Конгрессѣ, и что этого Швейцарія не забудетъ.

На третій, послѣдній день конгресса тоже происходило собраніе делегатовъ. Изъ числа произнесенныхъ рѣчей отмѣчу рѣчь армянина Исаака. Онъ утверждалъ, что хотя армяне не признали IV-го Собора вселенскимъ и не признаютъ его таковымъ, но что они нисколько не еретики, не эвтихіане, что доктрина ихъ вполне православна и что они принимаютъ ученіе IV Собора. Это заявленіе слѣдуетъ принять во вниманіе. Но затѣмъ онъ очень безтактно вдался въ политику, что не входило въ программу и было крайне неприятно старо-католикамъ.

Не менѣе интересна, но тоже довольно безтактна была рѣчь архіепископа дублинскаго, лорда Плэнкета. Онъ сдѣлалъ краткій очеркъ исторіи ирландской церкви, основанной внѣ римскаго вліянія и долго жившей внѣ этого вліянія. Но этимъ очеркомъ лордъ Плэнкетъ не ограничился и довольно неумѣстно упомянулъ о протекціи, которую онъ оказываетъ испанскимъ старо-католикамъ. Должно сказать, что по мѣрѣ роста и укрѣпленія старо-католичества, вокругъ него появляются паразиты, вырастаютъ «плевелы», въ лицѣ такихъ «союзниковъ» и «единомышленниковъ», отъ которыхъ настоящимъ старо-католикамъ приходится отрещиваться. На первыхъ порахъ старо-католики были склонны сближаться и съ такими лицами, но теперь они стали осторожнѣе. Впрочемъ и между старо-католиками есть такіе, которые не всегда придерживаются строго-богословскихъ понятій. Нѣкоторые изъ ораторовъ, говорившихъ на конгрессѣ, тоже не всегда держались богословскихъ мотивовъ и переходили иногда въ чуждыя конгрессу области. Къ числу такихъ ораторовъ принадлежалъ въ нѣкоторомъ отношеніи и отецъ Іоакимъ (Huacynth). Онъ говорилъ два раза, съ необыкновеннымъ, неподдѣльнымъ жаромъ, увлекательно, но не всегда соблюдая рамки богословія. Конгрессъ заключился прогулкой на живописное «Рютли» гдѣ по преданію Штауффахеръ, Фюрстъ и Мельхталъ на сходеѣ поклялись освободить свою родину отъ австрійцевъ. Въ этой живописной обстановкѣ мы выслушали энергическую рѣчь нашего почтеннаго предсѣдателя д-ра Филиппа. Онъ говорилъ о совмѣстномъ служеніи церкви и родинѣ, о готовности швейцарскихъ старо-католиковъ нести и трудъ и матеріальныя лишенія, чтобы охранять эти двѣ святыни отъ cadaго, кто бы на нихъ дерзновенно посягнулъ!

Всякое благородное чувство, въ особенности если оно искренно и сильно выражено, находитъ отголосокъ въ сердцѣ cadaго порядоч-

наго человѣка; чѣмъ возвышеннѣе это чувство, тѣмъ конечно выше и то наслажденіе, которое оно доставляетъ сердцу, не вполнѣ погрязшему «въ заботахъ суетнаго свѣта!». Тѣмъ живѣе чувствовался въ этомъ историческомъ и поэтическомъ угольѣ Швейцаріи призывъ къ примиренію истинной религіозности съ чистымъ патриотизмомъ во имя высшихъ идеаловъ жизни и мысли. Во все время нашего пребыванія въ Люцернѣ среди старо-католиковъ, мы чувствовали себя въ обществѣ людей, у которыхъ слово не расходится съ дѣломъ. А такіе люди очень рѣдки всегда, особенно же въ наше время, когда ясность сознанія и цѣльность характера въ большинствѣ случаевъ развиты сложными и ложными условіями общественной жизни!

Я представлялъ читателямъ лишь краткій и блѣдный очеркъ этого поучительнаго конгресса. Какъ выше сказано, онъ былъ созданъ не для рѣшенія какихъ либо догматическихъ вопросовъ; однако принятыя на немъ опредѣленія несомнѣнно поведутъ къ рѣшенію и догматическихъ и каноническихъ вопросовъ: я разумѣю тутъ особенно работы богослововъ, которыя своевременно будутъ представлены на благоусмотрѣніе православной церкви. Когда дѣло это дойдетъ до нашего церковнаго правительства, оно конечно сумѣетъ отвѣтить на этотъ призывъ въ духѣ милосердія и правды. Не уступая ни юты изъ сохраненной нами истины древней нераздѣленной церкви, наша іерархи не стануть конечно воздвигать и искусственныхъ преградъ соединенію съ тѣми, которые такъ настойчиво его ищутъ, не стануть придавать вещамъ несущественнымъ—значенія принципиальнаго, въ особенности не будутъ выдавать частныхъ (хотя бы и принятыхъ многими почтенными людьми) мнѣній за непогрѣшимый голосъ церкви.

Какая же при этомъ можетъ и должна быть наша роль? Можемъ ли мы, частные люди, міряне, принимать участіе въ этомъ дѣлѣ? Не только можемъ, но и должны! По ученію православной церкви, всѣ ея члены суть живые участники въ ея жизни. Всякій православный имѣетъ право высказывать свои убѣжденія по вопросамъ, касающимся ея церкви, въ особенности столь важнымъ, какъ старо-католическій. Что же касается рѣшенія подобныхъ вопросовъ, то оно принадлежитъ высшей духовной власти, именно вселенскому собору. Законъ, которому мы должны повиноваться въ дѣлахъ духовныхъ въ вопросахъ высшаго порядка, есть догматическое изреченіе вселенскаго собора. Но и вселенскій соборъ есть не что иное, какъ собраніе епископовъ—свидѣтелей вѣры своихъ паствъ. Они *non sunt auctores fidei, sed testes*. Таково ученіе православной церкви. Ученіе это не только даетъ намъ слѣдовательно право, но

и налагаетъ на насъ обязанность высказаться и по старокатолическому вопросу. Замѣчу, что правовысказываться—и даже смѣло—ничуть не исключаетъ обязанности повиноваться, и что молчаніе не всегда—согласіе.

Какъ же должно намъ отнестись къ старо-католической церкви, ея стремленіямъ и ученію? Миѣ уже не разъ приходилось касаться этого вопроса, не разъ на него отвѣчать: не встрѣтивъ серьезныхъ возраженій противъ сказаннаго мною, я до сихъ поръ стою на прежнемъ. Однимъ изъ главныхъ условій, которыми должна удовлетворять церковь, представляется существованіе въ ней законно-рукоположеннаго епископата и священства. Епископы Утрехтской церкви имѣютъ несомнѣнно законное рукоположеніе отъ преемства апостольскаго. Правда, Римъ признаетъ ихъ схизматиками, но вѣдь и насъ тоже. Стало бытъ намъ надъ этимъ останавливаться нечего, тѣмъ болѣе, что по римскому ученію рукоположеніе схизматическое все-таки признается дѣйствительнымъ. На это возражаютъ, что епископъ Рейнкенсъ былъ рукоположенъ однимъ епископомъ, а не тремя (какъ это дѣлается у насъ) и не двумя или тремя (какъ то предписывается первымъ «правиломъ св. Апостоловъ»). Но, во первыхъ, и въ нашей церкви по нуждѣ допускается рукоположеніе однимъ епископомъ; затѣмъ, и это главное, по каноническому праву Запада рукоположеніе однимъ епископомъ считается вполне правильнымъ и законнымъ (могу указать, гдѣ это сказано: *Regnauer Handbuch*, pag. 410. Канонич. право. Изд. 1865 года.) Какъ нибудь должны же мы смотрѣть на поставленіе Рейнкенса: или по нашему, или по западному!? Но и по нашему и по западному онъ поставленъ правильно: по нашему—въ видѣ исключенія (нужда была очевидная), по западному—вполнѣ согласно закону, признаваемому Западомъ.

Перейдемъ къ ученію старо-католиковъ. Какъ извѣстно, ихъ ученіе есть ученіе католическое (римское), очищенное отъ римскихъ повшествъ, римскихъ ересей. Всякому, занимавшемуся церковной исторіей, извѣстно, въ чемъ, начиная съ временъ св. патріарха Фотія, состояли серьезныя догматическія разности, служившія препятствіемъ къ единенію. И великій этотъ патріархъ, а позже и св. Маркъ эфесскій указывали на незаконную вставку словъ *Filioque* въ символъ вѣры. Эту ошибку старо-католики исправили. Символь читается ими по-нашему, по православному. Далѣе идетъ вопросъ о формѣ таинства евхаристіи: Римъ, вопреки словамъ Христа, отнимаетъ у мірянъ чашу, у старо-католиковъ она восстановлена. Въ началѣ XVI в. финансовыя затрудненія наводятъ папу на мысль торговать индульгенціями,—афера, обошедшаяся ему очень дорого! Еслибы онъ

могъ предвидѣть цѣну, которую ему придется уплатить за доставленныя ему такимъ образомъ деньги, онъ бы конечно отъ нихъ отказался. Эта торговля опиралась на цѣлое мудреное ученіе о загробной жизни, выработанное католическими канонистами. Все это ученіе и всѣ эти индульгенціи отброшены старо-католиками. Далѣе: уже въ наше время, папа Пій IX выдумалъ догматъ «непорочнаго зачатія»: его не существуетъ у старо-католиковъ, онъ ими отброшенъ. Наконецъ, самое чудовищное новшество Рима—папская непогрѣшимость—было причиной отдѣленія старо-католиковъ отъ Рима: движеніе и началось съ того, что непогрѣшимость эта была отброшена. Спрашиваю: если бы ни одного изъ этихъ догматовъ не было внесено Римомъ въ свою догматику, признавали-ли бы мы папу и его ученіе православными? Отвѣтъ несомнѣненъ—признавали бы! Мы не только бы признали папу православнымъ но даже сохранили бы за нимъ первенство чести (приматъ).

Но то же самое разсужденіе мы логически должны примѣнить и къ старо-католикамъ. Въ настоящее время никакихъ догматическихъ разностей между нами не существуетъ. Говорю такъ опредѣленно потому, что опираюсь на авторитетъ, который едва ли кто рѣшится опровергать: я имѣю въ виду схему спорныхъ вопросовъ (*Schemata quaestionum controversarum*), составленную нашими богословами (въ ихъ числѣ были между прочимъ профессоръ Осининъ и протоіерей І. В. Васильевъ), которая была въ 1873 году послана въ Боннъ и послужила исходной точкой нашихъ переговоровъ. Стало быть, въ этомъ отношеніи дѣло представляется безспорнымъ. Съ другой стороны, вопросы чисто обрядовые не могутъ служить препятствіемъ къ церковному единенію. Вѣдь и мы допускаемъ у себя обрядовыя разности, напр. въ обрядѣ совершенія главнѣйшаго христіанскаго таинства. Справедливо либудетъ относиться къ чужимъ строже, нежели къ своимъ? Если же между старо-католиками и нами окажутся болѣе или менѣе важныя разности по каноническимъ вопросамъ или въ обрядахъ, то по разностямъ этого рода вѣдь можно сговориться. Но конечно, для того чтобы войти съ ними въ общеніе таинствъ, необходимо опредѣленное о томъ постановленіе церковныхъ правилъ автокефальныхъ церквей или—еще лучше—вселенскаго собора. Мнѣ же представляется несомнѣннымъ, что относительно старо-католическихъ догматовъ и автокефальныя церкви и вселенскій соборъ придутъ къ тѣмъ же результатамъ, на которые и я позволяю себѣ указывать. Во всякомъ случаѣ, намъ слѣдуетъ помнить, что если нашъ догматъ безусловно чистъ и непогрѣшимъ, то лишь потому, что онъ божественъ, но что въ остальномъ и у насъ есть недостатки. Къ святой работѣ соглашенія со старо-католиками

нужно приступать съ тѣмъ чувствомъ христіанскаго смиренномудрія, которое прекрасно выразилось въ словахъ протопресвитера Янышева, когда онъ передавалъ конгрессу благожеланія, покойнаго нынѣ, петербургскаго митрополита Исидора: «Православные, сказалъ онъ, не могутъ не сочувствовать старо-католикамъ; почва древней нераздѣленной церкви есть именно ихъ собственная почва, до такой степени, что если бы нѣмецкая наука или кто бы то ни было доказалъ православнымъ, что они находятся по какому либо пункту въ противорѣчій съ древней нераздѣльной церковью, то они первые поспѣшили бы устранить это противорѣчіе!»

Кромѣ того, намъ еще должно помнить, что если истина намъ дана въ большей мѣрѣ, нежели другимъ, то это возлагаетъ на насъ и большія обязанности. Мы должны и подѣлиться этой истиной съ тѣми, которыхъ считаемъ обдѣленными; мы не должны ограничиться самодовольной мыслью, что у насъ полнота благодати. Пѣтъ, мы не должны забывать и притчи о талантахъ, должны знать, что схоронить истину не значитъ сохранить ее,—даже для себя!

Стрѣльна. 17 сент. 1892.

А. Кирьевъ.

400-лѣтіе открытія Америки и ея значеніе для славянъ.—Колебанія султана.—Экономическія затрудненія тройной лиги.—Кошутъ и мадьяризмъ.—Чешское государственное право.—Партианная рознь славянъ.—Грекоболгарскія школы.

I.

Вся западная Европа съ августа мѣсяца занята юбилейными празднествами 400-ой годовщины того великаго плаванія черезъ океанъ, которое привело Колумба къ открытію Америки. Празднества эти начались въ Генуѣ, а закончатся лишь въ будущемъ году всемірною выставкою въ Чикаго. Хотя открытіе Америки имѣетъ значеніе эры, отдѣляющей исторію средневѣковую отъ новой, лишь для народовъ романскихъ и германскихъ, раздѣлившихъ между собою господство въ южной и сѣверной половинахъ великаго заокеанскаго материка, однако косвеннымъ образомъ событіе это отразилось важными послѣдствіями и на судьбахъ грекославянскаго міра.

Перенесеніе торговыхъ и промышленныхъ центровъ Европы изъ побережій Средиземнаго моря на берега Атлантическаго океана значительно ослабило интересъ западноевропейцевъ къ водамъ Леванта. Такимъ образомъ оно содѣйствовало окончательному очищенію этихъ водъ отъ различнаго рода франковъ, осѣвшихъ было въ періодъ Крестовыхъ походовъ и могущества итальянскихъ республикъ—Венеціи, Генуи, Пизы—на островахъ и берегахъ Архипелага, отчасти даже Мраморнаго и Чернаго морей. И съ сухопутной стороны замѣтно ослабѣлъ съ тѣхъ поръ натискъ на Востокъ (Drang nach Osten) народовъ романогерманскихъ, которые получили теперь за океаномъ болѣе заманчивыя мѣста для колонизаціи, куда и стали затѣмъ направляться безокойные элементы Испаніи, Франціи,

Англии, Голландии, отчасти и Германии. Не будь Америки, эта эмиграционная волна попрежнему заливала бы мало по малу земли западнославянских, пробиваясь через них и в наши западные окраины, какъ это уже начато было итальянцами в Крыму, а ганзейскими и меченосными нѣмцами—на восточныхъ побережьяхъ Балтійскаго моря. Борьба турокъ съ Габсбургами едва ли приняла бы в XVI в. столь благоприятный для первыхъ, а слѣдовательно косвенно и для всего грекославянскаго востока—исходъ, еслибы испанскіе Габсбурги не предпочли искать славы и богатства за океаномъ, предоставивъ Габсбургамъ нѣмецкимъ въ одиночку раздѣлываться съ турецкими соперниками на Балканахъ и въ долинахъ средняго Дуная. Этимъ, думаю, объясняется и относительная слабость въ XVI в. нѣмецкаго натиска на Польшу, которая вслѣдствіе того получила наконецъ возможность справиться съ тевтонскимъ и меченоснымъ орденами, и такимъ образомъ достигнуть опять балтійскаго Поморья, почти утраченнаго было ляхскими племенами въ 13—15 вв. И успѣхи шведовъ на южныхъ побережьяхъ этого моря были не мало парализованы тѣмъ обстоятельствомъ, что остальные скандинавцы, именно датчане и норвежцы, издавна обращены были лицомъ къ западу, стремились за океанъ, сначала въ Нормандію, затѣмъ въ Англию, Шотландію, оо. Шетландскіе и Фарерскіе, а наконецъ въ Исландію, Гренландію, сѣв. Америку, Вестъ-Индію.

Это отвлеченіе западно-европейскихъ силъ за океанъ продолжалось всѣ эти 400 л.; оно не закончилось и теперь, причеъ однако наряду съ Америкой выдвигаются постепенно и другія колониальныя страны, особенно Восточ. Индія, побережья Африки, Австраліи и архипелаги Океаніи.

Но эту косвенную услугу не исчерпываются благодѣтельныя слѣдствія открытія Америки для народовъ грекославянскаго міра. Кромѣ ослабленія натиска на нихъ съ запада, американская колонизація создала за океаномъ, изъ смѣси европейцевъ съ индѣйцами, отчасти и съ неграми, довольно самостоятельныя развѣтвленія романо-германскаго типа. Тамъ сложились новые народы, съ новыми понятіями и стремленіями, во многомъ чуждые европейскимъ ихъ метрополіямъ, отчасти даже враждебные имъ. Особенно должно это сказать объ англо-американскихъ янки. Но и южноамериканскіе испанцы и португальцы также пошатнулись въ вѣрности своей иберійской метрополи. Это отражается между прочимъ и въ республиканскомъ строѣ всѣхъ американскихъ государствъ какъ германскаго, такъ и романскаго населенія, вовсе не похожемъ на монархическій строй ихъ метрополій. Однѣ собственно-европейскія колоніи составляютъ въ этомъ отношеніи исключеніе, но вѣроятно лишь временное, если

суждено осуществиться провозглашенному уже въ С.-Американскихъ штатахъ лозунгу: «Америка для американцевъ». Установившіяся 100 л. тому назадъ довольно холодныя отношенія между англоамериканцами и великобританцами служатъ доказательствомъ, что европейскія метрополи американцевъ не всегда могутъ рассчитывать на поддержку послѣднихъ въ случаѣ международныхъ усложненій. Наоборотъ, возможны и такія комбинаціи, при которыхъ напр. греко-славяне могли бы воспользоваться содѣйствіемъ янки или креоловъ, въ борьбѣ съ притязаніями великобританцевъ или романцевъ. Въ доказательство сошлемся на прошлогоднюю помощь англоамериканцевъ русскимъ, выразившуюся въ трогательной присылкѣ четырехъ громадныхъ кораблей съ хлѣбомъ, для пострадавшихъ отъ неурожая крестьянъ. При этомъ произнесены были американскими делегатами отъ имени благотворителей и всего общества такія сочувственныя рѣчи, какихъ русскимъ не приходилось еще слышать отъ настоящихъ англичанъ или нѣмцевъ.

Наконецъ, въ послѣдніе годы Америка пріютила у себя не одну уже сотню тысячъ славянскихъ эмигрантовъ, особенно поляковъ (до 1 мил.), чеховъ, словаковъ, червонорусовъ, хорватовъ, сербовъ и словенцевъ. Общее ихъ число въ сѣверной и южной Америкѣ можетъ уже восходить до 2 мил. д. Въ послѣднее десятилѣтіе въ Америкѣ, именно сѣверной, возникло множество славянскихъ обществъ, приходовъ, газетъ, число коихъ съ каждымъ годомъ возрастаетъ, такъ что за океаномъ возникаетъ какъ бы новое славянство, въ судьбамъ котораго мы не можемъ быть равнодушны. Къ сожалѣнію, эти заокеанскіе славяне оказываются столь же разрозненными по языку, вѣроисповѣданіямъ, стремленіямъ, какъ и славяне Старога свѣта. И тамъ поляки настроены враждебно къ русскимъ, хорваты къ сербамъ, даже отчасти чехи къ словакамъ, что не мало ослабляетъ ихъ племенную силу и облегчаетъ процессъ сліянія съ англоамериканцами. Между тѣмъ организованные въ одно цѣлое, или по крайней мѣрѣ въ нѣсколько сильныхъ группъ, заокеанскіе славяне могли бы надолго обезпечить свою національность и явиться важнымъ факторомъ въ развитіи славянской образованности. Основою такой организаціи могла бы послужить славянская церковь, еслибы словаки, чехи, хорваты и словенцы (о полякахъ умалчиваемъ) возстановили у себя хоть въ Новомъ свѣтѣ кирилло-меѳодіевское богослуженіе, которое въ Европѣ было у нихъ насильственно подавлено итальянцами и еще болѣе нѣмцами. Къ сожалѣнію, и за океаномъ не перестаютъ преслѣдовать славянъ іезуиты и другіе поработители во имя религіи. Но и отъ этой бѣды можно бы заокеанскимъ славянамъ избавиться, еслибы они рѣшились — какъ это уже случилось въ

одномъ униатскомъ приходѣ американскихъ червонорусовъ — применить къ организаціи церкви рускославянской, имѣющей въ С.-Франциско своего представителя, который и призванъ быть духовнымъ главою американскихъ грекославянъ. Конечно, для выполнения этой высокой миссіи русскій епископъ въ С.-Франциско долженъ быть окруженъ опытными миссіонерами и располагать достаточными матеріальными средствами для поддержки возникающихъ грекославянскихъ церквей и причтовъ. Религіозная будущность Америки, для опредѣленія которой нѣмецкія миссіи расходуютъ въ годъ болѣе 100.000 марокъ, а англійскія—болѣе милліона, даже датскія болѣе 50.000, не можетъ представляться безразличною и для сыновъ грекославянской церкви: вѣдь въ Старомъ свѣтѣ она не безъ успѣха борется какъ съ язычествомъ, такъ равно съ непріязненными намъ миссіями католическими и протестантскими. Между тѣмъ Америка уже теперь во многомъ обогнала Европу. Организація напр. американскихъ школъ, особенно низшихъ, представляетъ безспорныя преимущества. Но то же скоро случится со школами средними и высшими, ибо Америка не щадитъ средствъ на ихъ развитіе, тогда какъ Европа, особенно континентальная, принуждена ограничить свои бюджеты по народному просвѣщенію для сбереженія средствъ на колоссальныя вооруженія, вовсе незнакомыя да и ненужныя американцамъ. При такихъ условіяхъ, такихъ перспективахъ въ будущемъ не грустно ли было бы грекославянамъ навсегда отказаться отъ надежды имѣть и въ Америкѣ своихъ единовѣрцевъ, а слѣдовательно сотрудниковъ на культурномъ полѣ, соратниковъ въ трудной борьбѣ со старыми и новыми дѣятелями романогерманской образованности? Присутствіе въ Америкѣ болѣе 150.000 червонорусовъ и нѣсколькихъ десятковъ тысячъ сербовъ, болгаръ, румыновъ, грековъ, а также цѣлой русской, хотя и не многочисленной епархіи, ставитъ грекославянскую церковь въ возможность постепенно расширить кругъ своихъ вѣрныхъ, особенно въ средѣ славянъ—чеховъ, словаковъ, словенцевъ и хорватовъ. Слѣдуетъ вѣрить и надѣяться, что впоследствии къ организаціи этой примкнуть и многіе изъ американцевъ, въ средѣ которыхъ замѣчается неудовлетворенность нынѣшними вѣроисповѣдными формами, а также болѣе свободный взглядъ на Россію и славянство, чѣмъ какой издавна укоренился въ западной Европѣ.

II.

Вызванныя американскимъ юбилеемъ празднества ознаменовались въ Генуѣ довольно демонстративнымъ появленіемъ французской эскадры и какъ будто поворотомъ Италіи отъ тройной лиги къ союзу съ Фран-

цій. Трудно сказать, вызванъ ли этотъ поворотъ разочарованіями Италіи въ надеждахъ на лигу, взрывомъ ли родственныхъ чувствъ романизма апеннинскаго къ французскому или новыми вѣяніями изъ Лондона. Несомнѣнно однако, что онъ вызвалъ ревнивую подозрительность въ нѣмцахъ и не мало охладилъ жаръ ихъ чувствъ къ «чернокудрой» Италіи.

Но съ другой стороны преждевременно было бы выводить отсюда какія нибудь опасности для лиги, такъ какъ она, въ противоположность русско-французской контрлигѣ, представляетъ союзъ не нравственный только, но и формальный, равно обязательный для всѣхъ участниковъ до истеченія означеннаго въ договорѣ срока.

Въ этомъ и заключается существенное преимущество его передъ нашей неписаной контрлигой, а равно и причина, почему послѣдняя все еще не импонируетъ въ должной мѣрѣ ни на англичанъ, ни на турокъ, не говоря уже о другихъ, болѣе второстепенныхъ факторахъ международной политики. Правда, въ послѣднее время не мало писано было въ заграничныхъ газетахъ о близости заключенія формальнаго договора между Россіей и Франціей, но слухъ этотъ не подтвердился. Потому-то и политическія его слѣдствія не могли проявиться ни въ Болгаріи, ни въ Египтѣ, ни въ Афганистанѣ, гдѣ все остается по прежнему, несмотря на совершившееся торжество виговъ и федералистовъ въ Великобританіи. Но особенно замѣчательно въ этомъ отношеніи безспорное зайгрываніе султана съ Кобургомъ, очевидно въ угоду его вѣнскимъ, берлинскимъ и лондонскимъ протекторамъ. Оно не могло не вызвать протеста съ русской стороны, хотя и въ очень мягкой формѣ, обусловленной одушевляющимъ Россію желаніемъ жить не только мирно, но и любовно съ южнымъ нашимъ сосѣдомъ и естественнымъ союзникомъ. Мы не придаемъ потому вѣры нѣмцеко-англійскимъ сообщеніямъ о якобы предстоящемъ захватѣ Россією Арменіи, въ качествѣ залога за все еще недоплаченную турками контрибуцію. Положимъ, подобная оккупация сосѣдней съ нашимъ Закавказьемъ области, населенной дружественнымъ Россіи и близкимъ ей по вѣрѣ народомъ, не представила бы серьезныхъ затрудненій: они врядъ ли были бы больше тѣхъ, какія осилила Австро-Угрія при оккупации турецкихъ же областей—Босніи и Герцеговины. Скорѣе можно даже думать, что задача Россіи была бы въ этомъ случаѣ значительно легче, такъ какъ мѣстное населеніе турецкой Арменіи, крайне подавленное теперь и турками и курдами, встрѣтило бы съ распростертыми объятіями освободительныя русскія войска, тогда какъ въ Босніи и Герцеговинѣ значительное

большинство населеній, именно всѣ православные и мусульмане, вовсе не желали подчиниться инородной и иновѣрной Австро-Угрии. Къ тому же Россія могла бы при этомъ разсчитывать на содѣйствіе своихъ армянскихъ подданныхъ и на благословеніе эчмиадзинскаго католикаса, духовнаго главы не русскихъ лишь, но также персидскихъ и турецкихъ армянъ. Нечего и говорить, что занятіе турецкой Арменіи, лежащей у истоковъ Тигра и Эвфрата и вслѣдствіе того господствующей надъ значительною частью Малой Азіи, Сиріи и Месопотаміи,—значительно усилило бы русское могущество въ этихъ важныхъ краяхъ, приблизивъ Россію и къ Александретѣ, и къ Іерусалиму, и къ Багдаду. Такимъ образомъ территория эта безспорно была бы достаточнымъ окупомъ или хотя бы залогомъ за непокрытые еще расходы войны 1878 г. Но все это не помѣшаетъ Россіи терпѣливо ждать естественной развязки турецко-армянскихъ и вообще анатолійскихъ отношеній, если Турція сама не подастъ повода къ вмѣшательству—либо дальнѣйшимъ угнетеніемъ армянъ и грековъ въ Малой Азіи, либо явнымъ переходомъ въ непріязненный намъ лагерь подѣламъ болгарскимъ и вообще въ вопросахъ международной политики. Въ послѣднемъ случаѣ Турція сама подписала бы себѣ смертный приговоръ, котораго не измѣнили бы ни бріальмонтовскія фортификаціи на Босфорѣ и Дарданелахъ, ни вассальныя увѣренія Кобурга и его псевдоминистровъ.

III.

Законопроектъ о золотой валютѣ, какъ извѣстно, давно уже утвержденъ австроугорскими палатами и императоромъ; но тутъ то и началась самая трудная часть предпринятой регуляціи: необходимо раздобыть побольше золота. Еврейскіе банкиры, съ вѣнскимъ Ротшильдомъ во главѣ, предложили правда свои услуги правительствамъ обѣихъ Лейтаній, но на столь невыгодныхъ условіяхъ, что оба министра австроугорскихъ финансовъ принуждены были отклонить ихъ, несмотря на свою обычную сговорчивость съ тузами еврейскаго капитализма. Врядъ-ли однако эта похвальная заботливость гг. Штейнбаха и Векерле о карманахъ своихъ плательщиковъ принесетъ послѣднимъ пользу: безъ еврейскаго золота этимъ министрамъ все-таки не обойтись. Есть, правда, въ Австрій *Länderbank*, съ богатыми іезуитскими и аристократическими капиталами; но для нихъ имѣется другое назначеніе: закупать «схизматическія» земли на югѣ, особенно Сербію и Болгарію, чтобы затѣмъ, по извѣстной программѣ кардинала Колонича, сдѣлать ихъ населенія нищими, далѣе рабами, а наконецъ католиками или вѣрнѣе—австро-католиками.

Имѣлась надежда, что торговый договоръ съ Германією и Ита-

лією откроеть въ Австро-Угрію доступъ и нѣмецкому и итальянскому (?) золоту. Однако эта надежда до сихъ поръ не оправдалась. Наоборотъ, Италія нанесла уже теперь тяжелый ударъ австро-угорскому винодѣлію, особенно далматинскому, завлавивъ Триестъ и даже Вѣну дешевыми итальянскими винами. Что же касается Германіи, то и она подорвала въ Австро-Угріи вѣру въ прибыльность означеннаго торговаго говора, выразивъ въ принципѣ согласіе на облегченіе ввоза на нѣмецкіе рынки и русскаго хлѣба. Съ послѣднимъ трудно вѣдь конкурировать не только хлѣботорговцамъ австрійскимъ, но даже угорскимъ.

Но въ такомъ случаѣ оправдаются ли надежды австрійскихъ финансистовъ на благоприятный торговый балансъ? Если же это сомнительно, то чѣмъ же обезпечить прочность—хотя бы и введенной уже золотой валюты? Откуда почерпнуть средства для дальнѣйшаго развитія австро-угорскаго милитаризма, съ цѣлію уравненія его съ германскимъ, согласно союзному договору?

Такимъ образомъ въ Австро-Угріи, какъ и въ Италіи, договоръ этотъ оказывается невыносимымъ бременемъ, непосильною броней, подъ тяжестью которой борцы могутъ и даже должны пасть ранѣ битвы. Сознаніе этой тяжести поколебало наконецъ прежній оптимизмъ австроугорскаго правительства и его вѣру въ неограниченную растяжимость своего военнаго бюджета. Оно вынуждено было, подобно итальянскому, остановиться на этой опасной покатости, отказавшись отъ надежды догнать въ этомъ отношеніи Францію, или хотя бы Германію. Вотъ почему послѣдней ничего другого не остается теперь предпринять для уравненія военныхъ силъ тройной лиги съ французско-русскими, какъ ввести двухлѣтній срокъ службы и соединенное съ нимъ крупное увеличеніе (до 100 мил. мар. въ годъ) военнаго бюджета. Предстоящую поѣздку императора Вильгельма и его канцлера въ Вѣну австроугорскія газеты приводятъ въ связь съ изложенными обстоятельствами. Врядъ ли однако переговоры дипломатовъ могутъ измѣнить фактъ постепеннаго обѣднѣнія австроугорскихъ народовъ и необходимость считаться съ нимъ при составленіи военныхъ бюджетовъ.

Такимъ образомъ Европа почти приблизилась уже къ кульминаціонной точкѣ въ развитіи военныхъ силъ и военныхъ бюджетовъ, по крайней мѣрѣ въ главныхъ континентальныхъ государствахъ. За этой точкой въ дальнѣйшемъ движеніи слѣдуетъ ожидать уже регресса въ области милитаризма. Въ этомъ регрессѣ не было бы собственно ничего печальнаго: наоборотъ, онъ могъ бы отразиться благоприятно на экономическомъ и духовномъ развитіи народовъ. Но тутъ является вопросъ: предусматривая близость такого регресса, не

пожелаютъ ли достигшіе вершинъ милитаризма государства утилизировать накопленные средства и силы, не дожидаясь времени ихъ постепеннаго сокращенія? Въ этомъ и заключается главная опасность настоящаго момента, вовсе не устранимая притворными рѣчами о миролюбивыхъ цѣляхъ тройной лиги, не находящихъ-де признанія лишь во Франціи да въ Россіи. Одновременно съ этими миролюбивыми увѣреніями ведется очень рѣшительная и наступательная политика, особенно на Дунаѣ и Балканахъ, гдѣ усердно накапливается матеріалъ для якобы случайнаго взрыва. Не удивительно, если онъ и произойдетъ наконецъ отъ первой случайной искры!...

IV.

Къ огорченіямъ, причиняемымъ нынѣ Австро-Угріи вымогательствами еврейскихъ банкировъ и германскихъ союзниковъ, не перестаютъ присоединяться и болѣзни болѣе органическаго характера, обусловленные народными и культурными антагонизмами ея населеній. Но особенно должна быть прискорбна отеческому сердцу Франца-Иосифа невѣрность ему значительной части мадьяръ! Кому не извѣстно особенное расположеніе къ нимъ нынѣшняго австрійскаго императора и его супруги, которымъ собственно и обязаны теперь мадьяры своимъ привилегированнымъ положеніемъ не только передъ словаками или румынами, но даже передъ нѣмцами! А вѣдь къ послѣднимъ все-таки принадлежатъ по происхожденію Габсбурги.... Сколько законныхъ и незаконныхъ льготъ и милостей получили отъ своего нынѣшняго короля мадьяры въ послѣднее 25-лѣтіе, со времени провозглашенія дуализма! Габсбургская династія принесла имъ въ жертву даже свою прежнюю популярность между угорскими славянами, румынами, нѣмцами. И чѣмъ же отплатили этой династіи мадьяры за такія неслыханныя жертвы?—Тѣмъ, что и теперь, какъ въ 1848 г. они считаютъ все-таки не Франца-Иосифа, а Лаіоша Кошута отцомъ и пророкомъ мадьярскаго народа, что и теперь они охотнѣе слушаютъ мятежныя противъ Габсбурговъ рѣчи 90-лѣтняго революціонера, чѣмъ своего коронованнаго короля и безусловнаго покровителя мадьяризма! Это воочію обнаружилось въ недавнихъ празднествахъ во славу Кошута, по случаю 90-лѣтней годовщины его рожденія. Даже Будапештъ, который распался при Францѣ-Иосифѣ на счетъ всѣхъ комитатовъ и сталъ благодаря ему вторымъ по богатству и населенности городомъ имперіи,—даже Будапештъ избралъ по этому поводу Кошута въ свои почетные члены, невзирая на протестъ бургомистра и робкія предостереженія органовъ правительства!.. Въ довершеніе скандала мадьярскія газеты распустили слухъ, будто и

императрица Елисавета послала Кошуту привѣтствіе, забывъ, что въ 1849 г. онъ провозгласилъ было низложеніе Габсбурговъ и до сихъ поръ упорствуетъ въ протестѣ противъ ихъ якобы незаконнаго господства въ Угріи. Слухъ этотъ, конечно, дерзкій апокрифъ, но все же онъ доказываетъ шаткость мадьярской лояльности и слѣпоту мадьярской вѣры въ величіе своего «глобуса». А между тѣмъ еще недавно, по вопросу о такъ называемыхъ *Wegtaufungen*, т. е. о передачѣ въ протестантскія метрики записей о дѣтяхъ, неправильно крещенныхъ въ латинскихъ или униатскихъ церквахъ,—обнаружилось полное безсиліе мадьяръ въ борьбѣ съ Ватиканомъ и его агентами въ Вѣнѣ. Подобное фіаско потерпѣли бы они и по всѣмъ остальнымъ церковнымъ, политическимъ и народнымъ вопросамъ, еслибы только династія хотя бы на одинъ день лишила ихъ своей помощи въ борьбѣ съ прочими, подавленными мадьяризмомъ народами Угріи. Такъ напр. мадьярское правительство не въ силахъ было устранить изъ дьяковской епархіи ненавистнаго мадьярамъ хорватскаго епископа Штросмайера, потому что за него вступилась курія. Не въ силахъ были мадьяры избавиться и отъ негоднаго имъ министра гонимовъ Фейервари. И въ коллизіяхъ мадьярскихъ гражданъ, корпорацій, городовъ съ офицерами австрійской арміи въ концѣ концовъ всегда торжествовали послѣдніе, благодаря вліянію вѣнскихъ генераловъ и военной канцеляріи императора. Есть основаніе предполагать, что и въ завязавшейся нынѣ борьбѣ мадьяръ съ румынами восторжествуютъ послѣдніе, если король Карлъ Гогенцоллернъ оцѣнитъ преимущества предложеннаго ему титула: *le roi des roumaines* передъ старымъ: *le roi de Roumainie*....

Чувствуя свою крайнюю зависимость отъ милости двора, мадьяры уже пытались было предрѣшить вопросъ о наслѣдникѣ угорскаго престола, и кажется въ пользу наиболѣе омадьяреннаго изъ эрцгерцоговъ Іосифа, вмѣсто болѣе ополяченнаго Карла Людвика или—какъ думаютъ—чехофильствующаго Фердинанда д'Эсте. Но изъ Вѣны поданъ былъ сигналъ—замолчать, который и прекратилъ всѣ эти праздные толи мадьярскихъ газетъ и политиковъ, ясно сознающихъ всю тщету борьбы съ вѣнской камарильей. Не ей ли собственно и обязанъ нынѣшній мадьяризмъ своею—положимъ, призрачною—силой, своимъ временнымъ торжествомъ? Правда, Кошутъ и его приверженцы среди мадьяръ все еще недовольны и нынѣшнимъ господствомъ этого 4-милліоннаго народа надъ подавляющимъ большинствомъ (до 13^{1/2} мил.) не мадьярскихъ народовъ Угріи. Даже глава консервативной оппозиціи гр. Аппони любитъ ораторствовать на тему о слабости національной полттики нынѣшняго «либеральнаго» правительства. Эти слѣпые шовинисты хотѣли бы, очевидно, повырывать языки у всѣхъ словаковъ, угрорусовъ, сербо-

хорватовъ, румыновъ, даже нѣмцевъ, говорящихъ въ Угріи не по-мадьярски! Очевидно, опытъ 1848—49 гг., когда всѣ почти угорскіе народы возстали противъ мадьярскаго терроризма, пропалъ для мадьяръ даромъ. Они вновь идутъ на встрѣчу подобной же катастрофѣ, которая можетъ разразиться надъ ними еще ранѣе ожидаемаго 1000-лѣтія со времени прибытія въ долину средняго Дуная кочевой орды Арпада!..

IV.

Однако въ настоящее время не только мадьяры, но и многіе болѣе объективные наблюдатели происходящихъ въ Угріи событій, назрѣвающихъ въ ней рѣшеній и переворотовъ вовсе не замѣчаютъ, по-видимому, шаткости и хрупкости этого мадьярскаго глобуса. Возьмемъ напр. чеховъ. Не только Ригеръ и его послѣдователи между старочехами, но и многіе вожди младочеховъ, но исключая Грегровъ, отъ времени до времени проговариваются въ томъ смыслѣ, что имъ завидно положеніе мадьяръ и что чехи не прочь бы занять подобное положеніе въ земляхъ короны св. Вячеслава, какое захватили себѣ мадьяры въ земляхъ короны св. Стефана. Правда, въ государственномъ положеніи обѣихъ этихъ группъ, равно прижененныхъ себѣ въ XVI в. Габсбургами и связанныхъ съ ними аналогичными договорами династическаго характера, нѣтъ существенной разницы. Это много разъ было доказано чешскими юристами, а недавно выяснено въ младочешскомъ проектѣ адреса императору отъ пражскаго сейма, по поводу котораго происходили и—безплодные впрочемъ—совѣщанія съ прочими народными партіями, старочешскою и феодальною. Въ проектѣ этомъ дѣлается ссылка на прагматическую санкцію, какъ основу правовыхъ отношеній Чехіи, Моравіи и Слезіи къ прочимъ владѣніямъ дома габсбургско-лотарингскаго—отношеній, построенныхъ скорѣе по типу федерации или даже персональной уніи, чѣмъ централизованной имперіи. Младочехи настаиваютъ на равной обязательности этого договорнаго отношенія для обѣихъ сторонъ: короля и королевства, и въ силу этого требуютъ коронаціи Франца Іосифа, по примѣру его предковъ, на пражскомъ Градчинѣ. Для поддержанія этихъ—конечно законныхъ—требованій предположенъ даже съѣздъ парламентскихъ представителей Чехіи, Моравіи и Слезіи, т. е. всѣхъ трехъ частей королевства св. Вячеслава. И однако—нужно сознаться—нѣтъ никакихъ видовъ на осуществленіе этихъ стремленій чехоморавскаго народа! Причины этой безнадежности обстоятельно разъяснены г. Срѣмцемъ, въ статьѣ: «Римско-нѣмецкая имперія Гогенцоллерновъ» (сент. кн. Слав. Об.), почему

я и не стану долѣе на нихъ останавливаться. Замѣчу только, что неудача недавней попытки младочеховъ сговориться съ старочехами и феодалами, по вопросу объ адресѣ императору вышеозначеннаго содержания, служить новымъ доказательствомъ глубокой разрозненности современнаго чешскаго общества и его неспособности дѣйствовать солидарно въ борьбѣ съ нѣмцами. Если старочехи не рѣшились подписать грегровскаго проекта адреса по вопросу о чешскомъ государственномъ правѣ, въ старочешскомъ его пониманіи и освѣщеніи; если затѣмъ чешскіе феодалы прямо заявили, что стоятъ на почвѣ не историческаго права Чехіи, а дѣйствующаго нынѣ дуалистическаго строя Австро-Угріи, слѣдовательно признають право цислейтанское, а не чешское; если наконецъ многочисленное нѣмецкое населеніе Чехіи и его парламентскіе вожаки, съ др. Пленеромъ во главѣ, и слышать не хотятъ о чешскомъ государственномъ правѣ; если они устами моравянина Хлумецкаго, вице-президента рейхсрата и президента цислейтанской делегации, поднимають даже на смѣхъ это право «Wenzelstaat'a»: то спрашивается, какіе же шансы имѣють чехоморавяне вагнать въ этомъ отношеніи мадьяръ, занять алогичное мѣсто гегмоновъ въ земляхъ чешской короны? Впрочемъ, еслибъ чешское общество было въ данномъ случаѣ столь же солидарно, какъ мадьярское при Деакѣ, во время выработки дуализма, то и въ такомъ случаѣ задача чеховъ была бы несравненно труднѣе, ибо они не составляютъ столь слабаго и изолированнаго, слѣдовательно безопаснаго для нѣмцевъ народа, какъ мадьяры, а наоборотъ, представляютъ важную вѣтвь могущественнаго славянскаго племени. Къ тому же чехи населяють не какія нибудь пушты Затисья или открытыя со стороны нѣмцевъ поля и болота старой Панноніи, а неприступный горный четырехугольникъ, врѣзавшійся въ самое сердце Германіи и господствующій до извѣстной степени надъ Бреславлемъ и Дрезденомъ, Лейпцигомъ и Нюрнбергомъ, даже Берлиномъ, Мюнхеномъ и Вѣною. Наконецъ въ экономическомъ отношеніи мадьяры вовсе не то, что чехи, хотя по качеству земли, по плодородію Угріи конечно превосходитъ и Чехію, и Моравію. Промышленная конкуренція мадьяръ вовсе не пугаетъ нѣмцевъ не только въ Австро-Угріи, но даже на Балканскомъ полуостровѣ,—тогда какъ чехи по многимъ производствомъ догнали, даже опередили нѣмцевъ, и въ настоящее время, своимъ напр. участіемъ на филиппопольской выставкѣ, съ успѣхомъ вторгаются на рынки Востока и угрожаютъ ослабить ихъ зависимость отъ нѣмецкихъ фабрикантовъ Австріи и Германіи.

Нѣмцы наконецъ знаютъ, что и по характеру, по крѣпости народнаго самосознанія, способности къ общественной организаціи, по стойкости въ борьбѣ за существованіе чехи далеко превосходятъ мадьяръ, и съ успѣхомъ могутъ вести не только оборонительную,

*

но и наступательную борьбу съ германизмомъ. Уже теперь съ каждымъ годомъ усиливается чешское населеніе Вѣны, благодаря непрерывному приливу изъ южной Чехіи и западной Моравіи, а также значительнымъ чешскимъ колоніямъ въ Нижней Австріи, у самыхъ воротъ дунайской столицы. Понятно, что нѣмцы никогда не согласятся добровольно передать чехамъ господство или хотя-бы равноправность въ земляхъ чешской короны,—никогда не сдѣлаютъ имъ тѣхъ уступокъ, какія допущены въ Угріи для мадьяръ.

Изъ этого однако не слѣдуетъ, что чехи должны опустить руки и примириться съ постепеннымъ ростомъ германизма. Наоборотъ, они могутъ и должны вести борьбу; могутъ даже побѣдить въ концѣ концовъ, но только не тѣмъ оружіемъ, которое называется «историческимъ» или «государственнымъ» правомъ. По отношенію къ этому праву и теперь имѣетъ силу то, что сказалъ нѣкогда Данилевскій въ своей книгѣ: «Европа и Россія». Историческое право, по его мнѣнію, имѣетъ смыслъ лишь тамъ, гдѣ оно является спутникомъ силы: это ноль, который въ десять разъ увеличиваетъ предшествующую единицу, но ничего не значитъ—безъ нея.

Чешская же сила заключается вовсе не въ этомъ правѣ, а въ даровитости и энергіи населенія, въ его народной пробужденности, въ кровныхъ связяхъ съ прочими славянами, въ принадлежности къ великому славянскому міру. Вотъ гдѣ чешская единица: она и должна быть поставлена впереди, а уже за нею, въ дальнѣйшей перспективѣ можетъ виднѣться и тотъ—конечно знаменательный—ноль, который называется чешскимъ историческимъ правомъ. Кажется, въ чешско-моравскомъ обществѣ и совершается постепенно передвиженіе точекъ зрѣній на относительную силу чехизма и славизма, въ ихъ жизненной связи и взаимодействіи. Къ числу признаковъ такого поворота можно отнести предъявленный на дняхъ младочешскимъ делегатомъ Аймомъ протестъ противъ тройственной лиги, направленной противъ Россіи, а потому несогласной-де съ дѣйствительными интересами и чувствами всего чешскаго народа.

V.

Подобно тому, какъ въ Чехіи много вредитъ народному дѣлу партійность его парламентскихъ вождей и вообще интеллигенціи, такъ и въ прочихъ австроугорскихъ земляхъ мы замѣчаемъ бесплодную растрату славянскихъ силъ въ междоусобной борьбѣ старыхъ съ молодыми, консерваторовъ съ прогрессистами, либераловъ съ радикалами и т. п.

Даже въ обществѣ австропольскомъ замѣчается такая борьба; но

она парализуется до нѣкоторой степени общою зависимостью польскихъ партій отъ правительства и общимъ ихъ оппортунизмомъ. Это и дѣлаетъ возможнымъ сохраненіе какъ въ Вѣнѣ, такъ и во Львовѣ одного польскаго клуба, рѣшенія котораго обязательны для всѣхъ польскихъ депутатовъ рейхсрата, сейма, делегацій. Что же касается партій собственно крестьянской и возникающей соціально-демократической, то онѣ пока не настолько сильны, чтобы заявить себя въ парламентахъ. Лишь въ городскихъ представительствахъ, даже г. Львова, возникаютъ иногда принципиальныя разногласія между гласными разныхъ партій и направленій, но и они безъ особаго труда устраняются администраціей или рѣшающимъ польскіе споры приговоромъ гласныхъ еврейскаго происхожденія. Въ Познани же и Царствѣ Польскомъ единство дѣйствія поддерживается господствомъ въ польскомъ обществѣ касты жрецовъ.

Гораздо прискорбнѣе сложились партійныя отношенія русскихъ галичанъ, на которыя администрація вліяетъ не въ объединяющемъ, а наоборотъ въ раздѣляющемъ направленіи. Извѣстно, какъ ослаблено теперь галицко-русское общество борьбою партій молодыхъ или романчукистовъ со старыми, которые остались вѣрны историческимъ преданіямъ народа. Промежуточное положеніе между ними заняла третья, радикальная или соціально-демократическая партія, которая сдѣлала не мало завоеваній и между старыми, и между молодыми, подобно какъ это замѣчается и въ средѣ польской, чешской, хорватской, даже сербской и болгарской. Не мало содѣйствуетъ усилению между славянами соціально-демократическихъ теченій, съ отрицательнымъ отношеніемъ къ религіи, повсемѣстное почти вмѣшательство въ народную жизнь западныхъ и южныхъ славянъ римскаго клерикализма и іезуитства. О силѣ ихъ въ средѣ польской нечего и говорить. Въ послѣдніе годы тѣ же вліянія начали одолевать и въ червонорусской средѣ, что выразилось и въ прошлогоднемъ львовскомъ синодѣ. Теперь подобный синодъ—но въ болѣе обширныхъ размѣрахъ—состоялся между словенцами, въ формѣ Люблянскаго католическаго съѣзда. Онъ оставилъ довольно глубокой слѣдъ въ настроеніи населенія и еще усилилъ прежнюю борьбу партій клерикальной съ либеральною, правительственной съ оппозиціонною.

И въ средѣ угорскихъ сербовъ все болѣе разыгрывается антагонизмъ между партіями «либеральною» и «радикальною», которыя до нѣкоторой степени можно назвать также «церковною» и «антицерковною» (по крайней мѣрѣ антипатріаршескою). Эта борьба не мало облегчаетъ задачи мадьярскаго правительства, направленныхъ къ подавленію сербской церкви и народности.

Грустно, что и сербское королевство развило надъ собою знамя

подобнаго же рода борьбы между «либералами» и «радикалами», бесплодной для народнаго дѣла, но ослабляющей и правительство и общество въ дѣлахъ внѣшнихъ и внутреннихъ.

Даже въ патриархальной Черногоріи уже начиналась была какая то борьба партій, вызванныхъ кажется инородными вліяніями. Она разрѣшилась выселеніемъ въ «Новую-Австрію» или Боснію воеводы Миша Вербицы, который и былъ, кажется, главнымъ проводникомъ австрійскаго вліянія въ Цетиньѣ. Если это вѣрно, то не много и босняки выиграютъ отъ этого гостя.

Что касается наконецъ нынѣшней Болгаріи, то и въ ней партійныя отношенія окрашены въ западные, преимущественно австро-угорскіе цвѣта: Цанковъ считался консерваторомъ, Каравеловъ либераломъ, Стамбуловъ радикаломъ. Теперь этотъ радикализмъ превратился въ башибузуцкое отрѣзываніе не только носовъ, но и головъ поверженныхъ противниковъ, во имя якобы законной власти никѣмъ не признаннаго князя и на основаніи поддѣланныхъ какимъ-то Іудомъ за деньги документовъ.

Мадьярскимъ, слѣдовательно западнымъ вліяніямъ склонны мы объяснить и прошлогоднее опредѣленіе софійскаго собранія о введеніи болгарскаго языка въ преподаваніе и всѣхъ инородческихъ школъ княжества, даже содержимыхъ на частныя средства, не исключая начальныхъ, гдѣ дѣти иной разъ ни слова не понимаютъ по-болгарски. Это совершенно по-мадьярски! И въ Угріи никто не спрашиваетъ, понимаетъ ли школьникъ или нѣтъ языкъ учителя, слѣдовательно можетъ ли онъ воспользоваться его уроками или долженъ подражать поугаю, безмысленно повторяющему чужія слова и фразы.

Что въ основѣ означеннаго опредѣленія скрываются западныя побужденія и цѣли, это видно и изъ его примѣненія главнымъ образомъ къ греческимъ училищамъ Болгаріи и Восточной Румелии. Какъ бы низко мы ни ставили историческія познанія и политическую дальновидность болгарскихъ законодателей стамбуловскаго подбора, все же мы склонны думать, что имъ не совсѣмъ уже чуждо пониманіе громадной культурной роли греческаго языка, въ особенности на христіанскомъ востоѣ и прежде всего для балканскихъ славянъ, которые отъ грековъ получили и вѣру, и письменность, и гражданственность, — словомъ, важнѣйшія основы своей нынѣшней и будущей образованности! Кромѣ того, кому не извѣстно что и теперь греки—одинъ изъ важнѣйшихъ народовъ на Балканскомъ полуостровѣ и на побережьяхъ Архипелага, что они непосредственные сосѣди болгаръ, отчасти же обитатели болгарскихъ городовъ и береговъ, слѣдовательно естественные союзники болгаръ,

ихъ соратники какъ въ политическомъ, такъ и въ культурномъ отношеніи, хотя бы временно они и казались соперниками или даже врагами?

Очевидно, болгарамъ тутъ навязаны тѣ представленія о грекахъ, какъ архисхизматикахъ, фотіанцахъ, противникахъ всего западнаго, которыя естественны въ Римѣ, даже въ Вѣнѣ и Будапештѣ, но дико въ Софіи, въ Филиппополѣ.

Правда, въ послѣдніе годы, со времени образованія болгарскаго экзархата, и греки, особенно цареградскіе, не особенно то любовно относились къ болгарамъ. Но это если не оправдывается, то объясняется до нѣкоторой степени неканоническимъ характеромъ выдѣленія экзархіи изъ цареградскаго патріархата, въ силу султанскихъ фирмановъ, а не по добровольному соглашенію представителей церкви, не опредѣленіемъ собора.

Во всякомъ случаѣ, грекоболгарскій церковный раздоръ представляетъ явленіе ненормальное и тягостное для всѣхъ истинныхъ сыновъ церкви; какъ же назвать попытку еще болѣе разжечь эту вражду насильственнымъ искорененіемъ греческаго языка въ школахъ княжества, вопреки и завѣщаніямъ жертвователей, и желаніямъ родителей, и элементарнымъ требованіямъ здравой педагогіи?

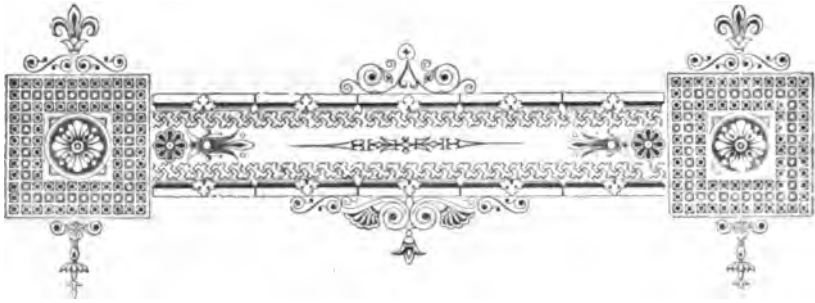
Будемъ надѣяться, что хоть на этотъ разъ болгары не останутся глухи къ протестамъ греческихъ подданныхъ княжества, поддержаннымъ цареградскимъ патріархомъ, аѳинской дипломатіей и общественнымъ мнѣніемъ Россіи, которое раздѣляется и лучшими людьми Франціи. Въ противномъ случаѣ придется вѣрить, что Болгарія стала второй Мадьяріей или даже второй «Ново-Австріей», управляемой не изъ Софіи, а изъ Вѣны и Будапешта. Если же утвердится такой взглядъ, то не Болгарію, даже не Турцію, а Австро-Угрію нужно будетъ привлекать и къ отвѣту за все, что дѣлается не только Кобургомъ или Стамбуловымъ, но и псевдо-болгарскимъ народнымъ собраніемъ въ Софіи. *

26 сентября, 1892 г. Спб.

А. Б.

* Въ Лѣтописи предыдущей книжки вкрались слѣд. крупныя опечатки: вм. міра чит. лица (II, 380⁷), вм. неба—него (388⁷), вм. tands—hands (392⁴) вм. выражая—выражаясь (394⁴), вм. Айшомъ—Айжомъ (397⁶), вм. стеснялся—стѣснительною (398¹¹), вм. подавлены—подавлено (400¹⁰), вм. под.—господамъ (403¹).

ПИСЬМА ИЗЪ СЛАВЯНСКИХЪ ЗЕМЕЛЬ

Изъ Пряшева (въ Угріи).

О дѣятельности угрорусскихъ монастырей.

Письмо Ж. З. И. изъ Кошиць (см. «Слав. Обзорѣніе», май—іюнь) въ общихъ чертахъ вѣрно рисуетъ угрорусскую народную жизнь: но есть въ немъ и нѣкоторая неточность, которую надо исправить. Это—замѣчаніе объ угрорусскихъ монастыряхъ и монахахъ, которые, по словамъ автора, «ничего почти не дѣлаютъ».

Всѣхъ монастырей русскихъ въ Угріи 8; въ нихъ живутъ 23 іеромонаха и 1 монахъ (laicus). Главнѣйшіе монастыри: Мукачевскій и Марія-Повчанскій. Въ первомъ изъ 6-ти лицъ одинъ занимаетъ должность протоигумена или главнаго настоятеля всѣхъ угрорусскихъ монастырей. Другой состоитъ мѣстнымъ игуменомъ, завѣдывая домостроеніемъ, богослуженіемъ и хозяйствомъ монастыря, которое доставляетъ братіи все содержаніе, ибо тутъ нѣтъ иныхъ средствъ въ жизни. Въ помощники ему придано 3-е лицо. въ родѣ прикащика, управляющаго полевыми работами и челядью. 4-е лицо живетъ на селѣ въ Бобовицахъ, гдѣ тоже есть монастырское хозяйство, которымъ оно руководитъ. Остаются еще 2 члена, одинъ изъ нихъ—секретарь протоигуменскаго управленія и «магистеръ новиціевъ» (начальникъ послушниковъ), будущихъ іеромонаховъ, другой—эклесіархъ и церковный проповѣдникъ. Итакъ для каждаго изъ нихъ есть свое занятіе, нельзя слѣд. утверждать, что эти монахи почти ничего не дѣлаютъ. Мѣстный игумень о. Анатолій Кралицкій извѣстенъ не только въ мѣстной нашей литературѣ, но и въ общерусской. Если это и исключеніе, все-же его нельзя оставлять безъ вниманія. Въ Марія-Повчанскомъ монастырѣ, къ которому принадлежатъ: приходъ, мѣстное богословское заведеніе

и 6-ти классное училище, находится 7 монаховъ. Изъ нихъ игуменъ состоитъ администраторомъ прихода, числящаго 1,050 душъ; намѣстникъ завѣдываетъ хозяйствомъ и помогаетъ игумену въ приходскихъ занятіяхъ; 2 монаха состоятъ учителями богословія (s. theologiae lectores), обучая въ настоящее время 8 учениковъ, которымъ преподають: исторію и церковное право, богословіе догматическое, нравственное и пастырское, герменевтику, экзегезисъ и археологію. Курсъ училищный длится 4 года, ученики-монахи въ концѣ каждаго учебнаго года подвергаются испытанію профессорами унгарскаго лицея: иначе они не были бы допущены къ іерейскому сану. Вышеупомянутые два «лектора богословія» поочередно проповѣдываютъ по воскресеньямъ и праздникамъ въ церкви. Остальные 3 іеромонаха учатъ въ 6-ти-классномъ училищѣ мѣстнаго городка, гдѣ считается 123 ученика обоюго пола.

Вотъ что дѣлають монахи въ двухъ главнѣйшихъ монастыряхъ.

Что сказать теперь о прочихъ 6-ти монастыряхъ, разбросанныхъ въ 5-ти комитатахъ?

Въ Биксадскомъ монастырѣ живутъ 2 іеромонаха, въ Мстичевскомъ тоже 2, въ Боронявскомъ 2, въ Березницкомъ 3, въ Краснобродскомъ 2, а въ Буковскомъ 1: и этотъ одинъ питается изъ складокъ прочихъ монастырей.

Живя по 2—3 лица въ одномъ монастырѣ и питаясь обработываніемъ тѣхъ крошечныхъ неплодородныхъ землицъ, а кромѣ того совершая ежедневно богослуженіе: полунощницу, утреню, литургію, вечерню и повечеріе, 2—3 лица, въ селеніи, на горахъ (за изытіемъ Марія-Повчи)—какую могутъ монахи проявить дѣятельность?

Кромѣ того авторъ письма ошибается, говоря, «что здѣшніе монастыри достаточно обезпечены». Къ таковымъ принадлежать только Мукачевскій и Марія-Повчанскій монастыри, члены коихъ проявляютъ довольно дѣятельности; прочіе же борются съ нищетою.

Надо признать, что авторъ правъ, когда говоритъ, что «монахи уже теперь большею частію говорятъ между собою по-мадьярски». Такой духъ внесенъ въ монастыри извнѣ, изъ училищъ, такъ что теперь и въ монастыряхъ ученики должны обучаться и сдавать экзамены по-мадьярски, за изытіемъ пастырскаго богословія, которое преподается по-русски.

С—чъ.

Примѣчаніе редактора.

Охотно помѣщаемъ эти замѣчанія на «Письмо изъ Кошицъ». Не имѣемъ основаній оспаривать точность сообщенныхъ здѣсь данныхъ

объ угрорусскихъ монастыряхъ. Но позволяемъ себѣ отмѣтить, что въ Письмѣ изъ Кошицъ собственно не сказано, будто угрорусскіе монахи «ничто почти не дѣлаютъ», а нѣсколько иначе: «они почти ничего не дѣлаютъ для народа и литературы» (II, 171), причѣмъ ниже еще прибавлено: «исключенія есть, но они лишь подтверждаютъ правило». Кошицкій корреспондентъ нашъ имѣлъ очевидно въ виду не исправленіе монахами духовныхъ требъ и другихъ монастырскихъ обязанностей, а дѣятельность народно-просвѣтительскую и научно-литературную, которая въ послѣднее время дѣйствительно ослабѣла въ угро-русскихъ монастыряхъ. Фактъ этотъ находитъ конечно свое объясненіе въ правительственномъ преслѣдованіи въ Угріи всего славянскаго, а тѣмъ болѣе русскаго, но все же онъ не перестаетъ, къ сожалѣнію, быть—фактомъ.

Изъ Турчанскаго Св. Мартина (Угрія).

Румыны и словаки; увозъ словенскихъ дѣтей; годичное собраніе «Живены»; проектъ «Ученаго общества»; наши школы; мадьярская публицистика.

Словаки втихомолку переживаютъ свое тяжелое время. Быть можетъ и къ вамъ досталась брошюра румынскихъ студентовъ: «Die rumänische Frage» (La question roumaine), гдѣ въ яркихъ краскахъ представлена картина народныхъ бѣдствій румыновъ въ Угріи. Многое изъ сказаннаго тамъ относится—*mutatis mutandis*—и къ намъ. Но только ко всей бѣдѣ румыновъ у насъ прибавляется еще огромный плюсъ. Возьмемъ напр. вопросъ церковный. Румыны въ обѣихъ своихъ церквахъ—православной и униатской—пользуются матеріальною и нравственною поддержкою своихъ епископовъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ и кокетничаютъ съ правительствомъ. У насъ наоборотъ; обѣ церкви—католическая и протестантская—не только оставили словенскую народность, но и сдѣлались ея врагами, орудіемъ искорененія нашего языка и народности. Что же касается 50,000 словаковъ греко-униатскаго обряда, то они раздѣляютъ судьбу русскихъ, съ которыми сосѣдять и отъ которыхъ иные ихъ выводятъ. Румыны имѣютъ свои школы, нѣсколько гимназій, каедрю своего языка въ будапештскомъ и колошварскомъ (Klausenburg) университетахъ. Мы не имѣемъ ни школъ, ни гимназій, ни каедры. Румыновъ мадьяры все еще надѣются перетянуть на свою сторону, ибо вѣдь и румыны не славяне; насъ же они стараются уничтожить во что бы ни стало, чтобы нанести рану славянскому міру, въ которомъ они видятъ своего смертельнаго врага.

Отсюда ихъ беззастѣнчивость, твердость и суровость въ отношеніи къ словакамъ. Румыновъ мадьяры пугаютъ славянами, особенно Россіей; къ намъ подобныя угрозы не примѣнимы. Что дѣйствительно мадьяры стараются уничтожить словаковъ, это доказывается новыми фактами захвата словенскихъ дѣтей и переселенія ихъ въ низменность, гдѣ живутъ мадьяры. Русскимъ читателямъ уже знакомы изъ брошюры г. Папкова мадьярскія звѣрства надъ дѣтьми словаковъ; извѣстна и отчаянная оборона невинныхъ крошечныхъ мучениковъ въ словенской литературѣ. Другого оружія мы не имѣемъ; это же—слишкомъ слабо въ борьбѣ съ мадьярскими Иродами. Въ іюлѣ нынѣшняго года католическій священникъ въ селѣ Лужномъ (липтовской жупаніи, съ 2150 жит.), по имени Стефанъ Ровдеръ, желая получить лучшій приходъ, предложилъ верхне-угорскому культурному обществу *—поставлять словенскихъ дѣтей для мадьяръ. Этотъ палачъ въ реверендѣ дѣйствительно навербовалъ 15 дѣтей, увѣривъ обманно ихъ родителей, что мадьяры собрали на этихъ дѣтей 15,000 гульд., примутъ ихъ на воспитаніе, отдадутъ въ школу и т. п. Родители въ своей сельской простотѣ повѣрили этой лжи. Дѣтей увезли въ Годмезе-Вашаргель (Hódmezö Vásárhely), гдѣ ихъ били, запирали въ погребъ, такъ что дѣтямъ стало невоготу: одни изъ нихъ убѣжали домой, другіе упросили родителей притти за ними. Дѣти были найдены въ лохмотьяхъ, заѣденныя вшами. Всѣ вернулись, кромѣ одного. На этотъ разъ экспедиція не удалась. Но изъ нея вышло наружу, что означенное quasi-культурное общество и правительство дѣйствительно стремятся истребить словаковъ. Что же касается мадьяръ, заказавшихъ себѣ дѣтей, то ихъ цѣлью было получить дешевыхъ рабовъ, завести себѣ слугъ, которымъ не нужно платить и которые будутъ имъ принадлежать во имя филантропізма. А вѣдь въ селѣ Лужномъ не было ни голоду, ни холеры! Да и вообще это не были сироты.

Но этотъ путь искорененія словаковъ слишкомъ далекъ, да нерѣдко и связанъ съ неудачами. Вотъ почему сеймъ издалъ законъ, въ силу котораго каждое село должно завести себѣ и содержать мадьярскую бабу, которая будетъ обучать дѣтей отъ трехлѣтняго возраста по-мадьярски, якобы по методѣ Фребеля!

Такимъ образомъ нашу землю хотятъ затопить запятанными жрицами Венеры,—ибо иныхъ «культурныхъ» женщинъ не найдутъ

* Общество это имѣетъ цѣлью—наслѣдственную мадьяризацию всѣхъ народовъ Угріи. Въ немъ заведуютъ самые отчаянные ренегаты, пользующіеся поддержкою правительства и даже протекторатомъ эрцгерцога Іосифа.

для такого подлаго и невыгоднаго ремесла! Законъ этотъ доселѣ еще остается на бумагѣ для сель, но въ посадахъ уже вездѣ появились такія «почтенныя» лица, для завѣдыванія «дѣтскими садами». Миръ не имѣетъ понятія о томъ, какими способами хотять деморализовать и искоренить нашъ народъ! У людей, посѣдѣвшихъ на общественной службѣ, отнимаютъ хлѣбъ, бросаютъ ихъ на произволъ судьбы, если они хоть словомъ выдадутъ свое словенское народное сознаніе. Впрочемъ, это ужъ старыя новости, которыя однако отъ времени не теряютъ своей горечи для бѣдныхъ жертвъ и всего народа...

Но народъ живетъ себѣ дальше, надѣясь переждать бѣду. Иной разъ ему удается выразить и свою волю. У насъ уцѣлѣло еще одно-единехонькое неразрушенное общество—«Живена». Это—общество словенскихъ женщинъ; его главная цѣль—заботиться о женскомъ образованіи и охранять интересы словенскихъ женъ и дѣвицъ. Но такъ какъ правительство не дозволяетъ словакамъ и заикнуться о народномъ образованіи, то и «Живена» не могла заняться школьнымъ вопросомъ. Зато она созываетъ общія собранія, собираетъ образцы узоровъ и даже устроила въ 1887 г. прекрасную выставку словенскихъ вышивокъ, костюмовъ и другихъ предметовъ народного искусства. Выставка продолжалась полтора мѣсяца и имѣла до 10,000 посѣтителей. Кроме того общество это издало два выпуска альманаха «Живена» (*Živena*), изъ коихъ послѣдній заключаетъ цѣнныя работы нашихъ лучшихъ писателей. Маленькій капиталъ общества (4428 гульд.) не позволяетъ предпринять что-нибудь болѣе крупное. А между тѣмъ члены, опасаясь конфискаціи, прекратили дальнѣйшіе взносы. При всемъ томъ «Живена» устраиваетъ ежегодныя собранія, которыя имѣютъ при нашихъ условіяхъ значеніе всенародныхъ торжествъ.

И нынѣшнимъ лѣтомъ состоялось 16--18 августа такое собраніе. По этому поводу сошлись въ Турчанскомъ Св. Мартинѣ болѣе 300 словенскихъ патріотовъ. И народный «Домъ» созвалъ къ тому же времени своихъ акціонеровъ, такъ что нашъ Св. Мартинъ сталъ на три дня сходбищемъ массы людей, которые все еще не пали духомъ. Прибыть въ Св. Мартинъ на праздникъ означаетъ на жаргонѣ здѣшнихъ чиновниковъ государственную измѣну, панславизмъ; понятно, что къ намъ прибыли лишь люди совершенно независимые, ничѣмъ не связанные съ правительствомъ и ничего отъ него не ожидающіе, готовые подвергнуться преслѣдованію. Потому-то собраніе это имѣло особенный характеръ сердечности, братства, радостнаго волненія; формальности здѣсь тонуть въ глубинѣ истиннаго чувства. Сознаніе, что эти три дня представляютъ свѣтлый оазисъ въ пустынѣ цѣлаго

года, что въ Мартинѣ можно еще свободно вздохнуть по-словенски, повидаться со своими, услышать родную пѣсню и слово утѣшенія, не подвергаясь чужимъ насмѣшкамъ,—проникло старыхъ и молодыхъ и придадо характеръ какой-то олимпиады самымъ обыкновеннымъ развлечениямъ. Эти празднества поддерживаютъ въ народѣ сознаніе своей индивидуальности.

Уже 16 августа городъ наполнился гостями, прибывшими то на повозкахъ, то по желѣзной дорогѣ. Городъ повеселѣлъ, оживился. Вечеромъ состоялось любительское представленіе комедіи Яна Паларика «Obzinky». Пьеса эта, слабая сама по себѣ, была оживлена народными пѣснями, танцами и изящными простонародными словенскими костюмами, въ которыхъ наши прекрасныя дѣвицы дѣйствительно вызвали эстетическое наслажденіе.

Послѣ представленія публика начала взаимно знакомиться; было много гостей и изъ Чехіи и Моравіи: пріѣхали литераторы, профессора, адвокаты; они удивлялись той духовной теплотѣ, которая воцарилась въ залѣ и рѣдко встрѣчается въ другихъ собраніяхъ, даже при развитой общественности. Такая теплота можетъ согрѣвать лишь тѣхъ людей, которые подвергаются преслѣдованію! Мы не безъ нѣкоторой зависти смотримъ на свойственный чехамъ холодъ; будь онъ у насъ, это бы означало, что мы уже прожили первые тяжелые дни возрожденія.

На другой день было засѣданіе «Живены». Постановлено возобновить пріемъ членскихъ взносовъ, закупать образцы женскихъ рукодѣлій и т. п. Госпожа Елена Шолтисова прочла умную и интересную лекцію о нашихъ общественныхъ отношеніяхъ.

Собраніе акціонеровъ «Дома» выслушало отчетъ предсѣдателя Матуша Дула и кассира Галаша. «Домъ» рассчитанъ на 800 акцій по 50 гул., но изъ нихъ доселѣ не распродано еще 142, что составляетъ большое мѣсто всего предпріятія. Постройка «Дома» обошлась въ 60,000 гул.; изъ нихъ 21,000 взяты въ долгъ. Затѣмъ доложенъ былъ собранію отчетъ Светозара Гурбана о состоящей при «Домѣ» библіотекѣ. Она раздѣляется на четыре отдѣла: I. Chalupkiana, даръ славнаго словенскаго поэта Самка Халупки; тутъ 980 сочиненій, между которыми много драгоценныхъ остатковъ XVI и XVII, кажется даже XV вѣковъ. II. Slovenica: тутъ 1152 сочиненій словенскихъ или относящихся къ словакамъ; между ними есть старыя словенскіе инеунабулы, напечатанные въ Словачинѣ. III. Slavica: книги чешскія, русскія... послѣднихъ весьма мало. Мы не имѣемъ даже русскихъ классиковъ. Вся эта библіотека—даръ патриотовъ, которые не имѣли русскихъ книгъ. Не найдется ли въ Россіи добрый человѣкъ, который бы заполнилъ этотъ пробѣлъ? У насъ книги

не стоять даромъ, а ежедневно берутся для чтенія и выполняютъ важную культурную миссію. IV. Книги на прочихъ языкахъ: ихъ набралось втеченіе двухъ лѣтъ 4900 заглавій. Первое и второе отдѣленіе уже каталогизованы на карточкахъ. Что касается состоящаго при «Домѣ» музея, то онъ слагается изъ 10 отдѣленій и понемногу наполняется.

Пополудни (17 августа) состоялся банкетъ, подъ предсѣдательствомъ Яна Францисци. Въ началѣ наше пѣвческое общество пропѣло по-церковно-славянски «Отче нашъ». Какъ все, и банкетъ носилъ отпечатокъ той искренней веселости, при которой ѣда отступаетъ на задній планъ, а пѣніе, музыка и общая радушность овладѣваютъ всѣмъ. Во время обѣда прибыло до 20 чешскихъ туристовъ изъ Татеръ. Послѣ обѣда состоялось частное собраніе нашихъ передовыхъ людей. На немъ рѣшено между прочимъ основать у насъ «Ученое общество», по предложенію католическаго священника Андрея Кметя. Человѣкъ этотъ заслуживаетъ глубокаго уваженія не только у насъ, словаковъ, но и во всемъ славянскомъ мірѣ. Пылкій душою, образованный, даже ученый, прилежный какъ пчела, славянинъ безукоризненнаго и непоколебимаго убѣжденія, Кметь уже лѣтъ 20 ратуетъ за свой проектъ. «Ученое общество» должно, по его мнѣнію, организовать духовный трудъ словаковъ, собирать во всемъ краѣ предметы изъ области археологіи, естествознанія, этнологіи и другихъ отдѣловъ отечествовѣдѣнія. Онъ самъ лично при самыхъ небогатыхъ средствахъ собралъ образцы мѣстныхъ минераловъ, раскапывалъ могилы, создалъ большую коллекцію дикихъ розъ, причѣмъ вступилъ въ сношеніе съ лучшими специалистами Германіи, Франціи, даже Америки и Африки. Эта—правда, специальная—коллекція имѣетъ огромную цѣнность. Она будетъ подарена въ музей «Дома». Нашлись у Кметя пріатели, которые принялись за другія специальности: напр. священникъ Андрей Трухлый занялся растениями тайнобрачными. Такъ-то словенскій умъ, словенская сила должны во мракѣ угнетенія искать себѣ выхода, словно запертое въ темномъ погребѣ растеніе, выпускающее къ свѣту новые блѣдные побѣги... Не имѣя возможности весело работать на поприщѣ политическомъ или общественномъ, даровитые словаки должны скрываться въ лабиринтѣ специальностей и коллектованія!

Своей настойчивостью Кметь заставилъ насъ всѣхъ увѣровать въ свой идеалъ и «Ученое общество» будетъ основано.

Въ заключеніе нашихъ словенскихъ олимпіадъ состоялась экскурсія въ сосѣднія горы, сопровождаемая играми, пѣснями и танцами молодежи. Хотя торжество это имѣло повидимому увеселительный характеръ, однако оно оставило замѣтный слѣдъ на на-

шихъ народныхъ отношеніяхъ. Кромѣ задуманнаго учрежденія «Ученаго общества», много высказано было практическихъ совѣтовъ и вообще по дѣлу народной организаціи. Обсуждены были вопросы о газетахъ, литературѣ, дѣлахъ общинныхъ, церковныхъ и т. д. Вслѣдъ за празднествами получены значительные дары для библиотеки и музея: такъ благодѣтельно дѣйствіе живого слова!

Теперь мы опять возвратились въ сферу своихъ обыденныхъ за- нятій и заботъ. Начинается школьный годъ. Куда посылать дѣтей? Вездѣ ихъ ждетъ либо обезнароженіе, либо преслѣдованіе до крови. И что это за школы? Подъ мадыарскимъ управленіемъ ничто не пало такъ низко, какъ школы. Статистика не можетъ служить въ этомъ отношеніи руководителемъ. Что за польза изъ возрастающей цифры школь, если ихъ внутреннее достоинство страшно пало! Мы съ ужасомъ смотримъ на матуристовъ мадыарскихъ гимназій: эти бѣдняки ничего не знаютъ, кромѣ мадыарчины! Неудивительно, что вѣнскій университетъ не принимаетъ уже мадыарскихъ абитуриен- товъ безъ экзамена. Кто изъ нихъ не возмѣстилъ школы частными занятіями, тотъ остается полнымъ невѣждою, притомъ прикован- нымъ къ землѣ, ибо не знаетъ ни одного языка, кромѣ мадыарскаго. Мадыарчина служитъ для него китайскою стѣною. Политика эта быть можетъ хороша для мадыарской расы, но для насъ она ги- бельна. Чѣмъ менѣе молодежь образована, тѣмъ болѣе она буйствуетъ. Сами профессора пештскаго университета жалуются, что среди сту- дентовъ вовсе не замѣчается любознательности, а только лѣнь и мотовство, фатовство и политиканство, уличные скандалы, затѣмъ идутъ—карты, кофейни, кабаки и дома терпимости... Отъ этихъ сту- дентовъ не услышишь ни слова о наукѣ или искусствѣ, а только о пустякахъ уличной жизни и приключеніяхъ балаганнаго характера. Не знаю, что станетъ съ пресловутой мадыарской культурой, когда на сцену выступитъ нынѣшній подростъ мадыарскаго общества! До- нынѣ умственная жизнь мадыаръ питается еще старымъ тукомъ. Нѣмцы провели старшее поколѣніе черезъ довольно хорошую школу; да и отъ прежнихъ временъ остались еще разсадники классической образованности. Однако въ мадыарской наукѣ уже и теперь довольно глухо. Мадыарская академія наукъ стала убѣжищемъ инвалидовъ и синекуристовъ! Еще недавно одинъ изъ ея членовъ, именно профес- соръ пештскаго университета д-ръ Пауреръ, обличенъ въ плагиатор- ствѣ нѣмецкихъ философскихъ сочиненій! Впрочемъ и вся мадыар- ская наука бесплодна какъ степь: это не болѣе какъ плохой пара- фразъ науки нѣмецкой.

Но всетаки нужно признать, что мадыары, при всей своей на- учной и художественной импотенціи, не опускаютъ рукъ. Они умѣютъ

находить людей, иной раз и весьма серьезных. Особенно замѣчательна ихъ производительность въ области легкой публицистики. Имѣютъ двѣ газеты: «Nemzet» и «Egyetértés», которыя по объему далеко оставляютъ за собою «Новое Время» и «Московскія Вѣдомости»: выходятъ по два раза въ день, въ огромномъ форматѣ, мелкой печатью. Тутъ найдется все, чего только можно пожелать отъ большой газеты. Но кромѣ этихъ ежедневныхъ изданій есть еще до двадцати другихъ, а между ними пять большихъ. Въ каждомъ городѣ издается одна или нѣсколько мѣстныхъ газетъ. Словомъ, по этой части мадьярская литература могла бы вполне удовлетворить хотябы и 20-ти милліонный народъ. И это тѣмъ удивительнѣе, что ни одна изъ мадьярскихъ газетъ не имѣетъ болѣе 5,000 подписчиковъ. «Nemzet» напримѣръ насчитываетъ всего до 2,000. Удивительно, какъ могутъ держаться эти газеты! Отмѣтимъ еще, что мадьяризму служатъ и нѣкоторыя нѣмецкія газеты: напр. «Pester Lloyd» (съ 14,000 подп.), «Pester Journal» (25,000 подп.) и др. И всѣ эти газеты редактируются очень недурно. Правда, они держатся преимущественно еврейскими силами. Такъ напр. «Egyetértés» весь переполненъ евреями, которые помадьярили свои имена. Имѣютъ мадьяры и два недурныя мѣсячныя обозрѣнія. Но въ изящной литературѣ они сильно хромаютъ: Йокай—уже исписался, его едва хватаетъ на безвкусныя фантазіи; прочіе стремятся подражать ему, а также французскимъ реалистамъ и натуралистамъ, но изъ этого пока ничего порядочнаго не вышло. Еще самымъ даровитымъ изъ учениковъ Йокая является нашъ словенскій ренегатъ Миксатъ (Mikszath). Изъ стихотворцевъ чуть-ли не первымъ слѣдуетъ признать еврея Киша (Kiss), подражателя Гейне. Въ области искусства у мадьяръ также первое мѣсто занимаютъ ренегаты: такъ напр. покойный скульпторъ Гусаръ былъ словакъ изъ Зволена, не знавшій даже по-мадьярски; живописецъ Бенцуръ, директоръ академіи художествъ въ Будапештѣ, происходитъ изъ нашей Оравы; Щетка и Балло тоже словаки; Литценмайеръ и Марчиттай—нѣмцы и т. д.

Но зато въ политикѣ мадьяры настоящіе художники, хотя и здѣсь первую, но закулисную роль уже давно играетъ крещеный еврей Максъ Фалькъ, редакторъ «Pester Lloyd'a». Публика не догадывается, какъ силенъ этотъ человекъ,— но и министры черпаютъ у него вдохновеніе. Фалькъ не выступаетъ впередъ, но имѣетъ рѣшающее вліяніе въ либеральной партіи. Онъ дѣлаетъ политику, хотя состоитъ не болѣе какъ докладчикомъ по иностраннымъ дѣламъ въ делегаціи. Стоя во главѣ могущественнаго еврейства, онъ въ состояніи когда угодно прижать къ стѣнѣ и партію и правительство, которыя не могутъ обойтись безъ субсидій изъ еврейскаго капитала.

Умѣренная оппозиція, съ графомъ Апшони во главѣ, не имѣеть дѣйствительнаго значенія. Зато въ крайней лѣвой есть политикъ, вполне преданный дѣлу. Тутъ всего лучше отражается стремленіе чистокровныхъ мадьяръ имѣть самостоятельную Угрію, съ персональной уніей. Но и здѣсь замѣтенъ расколъ: фракція Угрона все болѣе приближается къ правительству, которое однако не имѣеть надобности въ этой поддержкѣ. Предшественникъ гр. Сапари, К. Тиса, такъ выдрессировалъ свою партію, что она слѣпо пойдетъ еще за нѣсколькими министрами-президентами. У насъ можно бы свергнуть правительство лишь въ томъ случаѣ, еслибы этого пожелала корона, чего не скоро дождемся. Вообще, нынѣшняя Угрія опирается на двухъ столбахъ: волѣ государя и поддержкѣ крупнаго биржевого капитала. Если же иные увѣряютъ, что основою нынѣшней Угрии служитъ конституціонный духъ населенія и либерализмъ, то это ложь и обманъ. Такого духа нѣтъ даже у чистокровныхъ мадьяръ, а куда ужъ у немадьяръ!...

25 августа, 1892 года.

В.

Изъ Бѣлграда

Перемѣна министерствъ; настроеніе народныхъ массъ; генезисъ и характеръ сербскихъ партій.

Въ виду того, что совершившаяся недавно въ Сербіи перемѣна министерства вызвала въ славянской, даже въ русской печати тревожныя опасенія за будущее, я считаю своимъ долгомъ познакомить читателей «Славянскаго Обзорія» со взглядомъ на эту перемѣну самихъ сербовъ славянско-народнаго направленія.

Прежде всего русскимъ людямъ слѣдуетъ знать, что народъ сербскій въ массахъ всегда былъ и есть преданъ Россіи и глубоко благодаренъ ей за братскую помощь, оказанную какъ въ первой борьбѣ за освобожденіе, такъ и во второй—за независимость. Каждое сербское министерство, какой бы оно партіи ни принадлежало, можетъ рассчитывать на сочувствіе народныхъ массъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно пользуется довѣріемъ Россіи и благоволеніемъ русскаго Государя. Можетъ, конечно, просуществовать нѣкоторое время и министерство другого направленія, но только—силою, а не довѣріемъ народа: примѣромъ можетъ служить недавнее «напреднацкое» министерство.

Что же касается такъ называемой сербской интеллигенціи, которая отчасти воспитывалась на мѣдные гроши, а отчасти въ

разныхъ иностранныхъ государствахъ или подъ вліяніемъ Западныхъ литературъ, то это другая статья.

Въ ея средѣ совершается броженіе разныхъ направленій, вслѣдствіе чего она дробится и на политическія партіи.

Первоначально въ Сербіи существовали только двѣ партіи, болѣе династическаго характера: партія Карагеоргиевичей и партія Обреновичей. Но съ 1858 года, по изгнаніи свято-андреевскою скупштиною австрофила Александра Карагеоргиевича, его партія стала называться «консервативной»; во главѣ ея сталъ Гарашанинъ старшій. Съ 1880 года она переименована въ «напредняцкую» (прогрессивную), причемъ ея руководителемъ сталъ Гарашанинъ младшій. Эта партія долго была во власти, а поэтому она имѣетъ въ своихъ рядахъ немало богатыхъ и интеллигентныхъ людей, но не пользуется сочувствіемъ народныхъ массъ. Впрочемъ она мало и заботилась объ этомъ сочувствіи, а всегда старалась заручиться поддержкою той или другой изъ западныхъ державъ, но никакъ не Россіи. Только во время войны, когда сербскимъ войскомъ командовалъ русскій генералъ и когда въ рядахъ этого войска было много русскихъ добровольцевъ, члены напредняцкой партіи стали заискивать довѣрія русскихъ, въ чемъ и успѣли. Всѣ почти деньги, которыя изъ Россіи посылались на помощь пострадавшимъ отъ военнаго погрома, проходили черезъ руки «напредняковъ», ибо русскіе агенты относились тогда холодно къ приверженцамъ другой, либеральной партіи, считая ихъ виновниками войны, въ которую принуждена была вмѣшаться и Россія. Но какъ только король Миланъ началъ склоняться къ коалиціи среднеевропейскихъ державъ, «напредняки» тотчасъ сдѣлались послушнымъ орудіемъ этой политики и стали враждебно относиться къ Россіи.

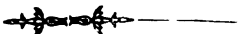
Таковы были послѣдовательныя метаморфозы западнической партіи Карагеоргиевичей, alias консервативной или напредняцкой. Что касается противоположной имъ партіи Обреновичей, то принявъ наименованіе «либеральной», въ отличіе отъ той, консервативной, она всегда стояла заодно съ народомъ, слѣдовательно предана была и Россіи, какъ представительницъ славянства и православія. Къ этой истинно-народной партіи принадлежатъ почти всѣ наши лучшіе ученые, писатели, дѣятели, — болѣе независимаго образа мыслей. Таковы напримѣръ: регентъ Іовъ Ристичъ, генералъ Белимарковичъ, Авакумовичъ, А. Васильевичъ, проф. Срецьковичъ и многіе другіе. И митрополитъ Михайлъ наиболѣе сочувствуетъ этой партіи, хотя и не принадлежитъ къ ней непосредственно, стоя выше всѣхъ партійныхъ интересовъ, какъ истинный глава серб-

ской церкви и вѣрный хранитель кирилло-меоодіевскихъ завѣтовъ. Третья наша партія, радикальная, сплотилась дѣтъ 12 тому назадъ изъ разныхъ фракцій, недовольныхъ обѣими существовавшими дотолѣ партіями. Пользуясь съ одной стороны ненародной политикой напредняковъ, а съ другой—мирной и легальной оппозиціей либераловъ, эта новая и буйная партія, не особенно строгая въ выборѣ средствъ для дѣйствія на правительство и народъ, скоро обратила на себя вниманіе и одной и другой стороны. Члены этой партіи нѣсколько разъ возмущались противъ правительства; народнымъ же массамъ они сулили золотыя горы, обѣщая уничтожить государственный долгъ, уменьшить подати, замѣнить регулярное войско народнымъ и т. п. Этимъ радикалы привлекли на свою сторону простонародье, особенно людей бѣдныхъ, которымъ было даже обѣщано пособіе изъ казны. Интеллигенція этой партіи, которую составляютъ преимущественно учителя народныхъ и среднихъ школъ, мало симпатизируетъ Россіи, исключая вождей партіи, Груича и Пашича. Генераль С. Груичъ принадлежалъ прежде къ либераламъ, но его сманили радикалы, предложивъ ему первую роль, чтобы имѣть въ своей средѣ хоть одного именитаго человѣка. Что касается г. Пашича, то конечно въ послѣднее время, по возвращеніи своемъ изъ эмиграціи, онъ принадлежалъ къ числу истинныхъ приверженцевъ и друзей Россіи; но въ прежніе годы и онъ увлекался западными идеями, даже социализмомъ, который былъ пересаженъ въ Сербію изъ Швейцаріи, не безъ участія русской эмиграціи. Если несмотря на все это радикальное министерство дорожило довѣріемъ Россіи, то это объясняется не столько настроеніемъ большинства его членовъ, сколько требованіями регентства и народныхъ массъ. Благодаря этому именно обстоятельству министерство Пашича и могло оставаться три года во власти. Къ сожалѣнію, ему не удалось въ теченіи этого времени осуществить ни одного изъ данныхъ народу обѣщаній, влѣдствіе чего въ немъ стало обнаруживаться недовольство, а интеллигенція этой партіи стала разлагаться на свои прежнія фракціи. Это же привело къ расколу въ самомъ кабинетѣ. Три самые значительные его члена, а именно министры: внутреннихъ дѣлъ Миросавлевичъ, военный Джуричъ и юстиціи Крестичъ, подали въ отставку. Г. Пашичу не легко было замѣнить этихъ коллегъ другими лицами, ибо радикальная партія очень бѣдна людьми съ высшимъ образованіемъ и административнымъ опытомъ. Къ этимъ внутреннимъ затрудненіямъ кабинета присоединилось еще столкновение съ регентствомъ по поводу назначенія третьяго регента, вмѣсто умершаго генерала Протича. Г. Пашичъ предложилъ на-

мѣстникамъ созвать для этой цѣли ранѣе узаконеннаго времени скупштину на экстренное засѣданіе, для выбора третьяго намѣстника и принятія торгового договора съ Австріей. Когда регенты отклонили это предложеніе, кабинетъ подалъ въ отставку. Это вызвало въ жизни новый кабинетъ, составленный изъ членовъ либеральной партіи, къ которой—встаети сказать—принадлежать и оба регента. Нельзя отрицать, что въ кабинетъ этотъ вошли самые способные люди названной партіи. Въ немъ нѣтъ, правда, Алимпія Васильевича, который всегда бывалъ членомъ въ министерствахъ Ристича, но г. Васильевичъ, какъ намъ передавали, самъ не пожелалъ принять участіе въ этомъ кабинетѣ, потому что и президентъ министерства Авакумовичъ, и регентъ Белимарковичъ его близкіе родственники. Радикалы теперь раскаяваются въ томъ, что подали въ отставку и утѣшаются лишь надеждою имѣть при новыхъ выборахъ въ скупштину прежнее большинство. Но эта надежда можетъ и не оправдаться, ибо народъ не вполне удовлетворенъ ихъ управленіемъ. Особенно же сильно они дискредитировали себя насильственнымъ изгнаніемъ королевы Наталіи. Очень возможно слѣдовательно и либеральное большинство въ ближайшей скупштинѣ.

Бѣлградъ.
19 Августа 1892.

Бѣлградъ.

БИБЛЮГРАФІЯ

В. С. Иконниковъ, проф., опытъ русской историографіи. томъ I (въ двухъ книгахъ). кievъ, 1892.

Сочиненіе проф. Иконникова прежде всего поражаетъ своимъ объемомъ: въ двухъ книгахъ, составляющихъ первый томъ, до 2000 страницъ. Принимаясь за чтеніе, поражаешься массою труда, огромною начитанностью автора. Если вспомнимъ при этомъ, что труды по историографіи въ нашей литературѣ немногочисленны, что они не доходятъ до послѣдняго времени, что по большей части они кратки и даже въ свое время не всѣ были удовлетворительны, то съ тѣмъ большею благодарностью отнесемъ къ лежащему передъ нами сочиненію. Вышедшій первый томъ составляетъ какъ бы введеніе ко второму, долженствующему заключать въ себѣ то, что составляетъ содержаніе русской историографіи. Томъ этотъ распадается на два отдѣленія, которыя сами по себѣ представляютъ важныя и новыя въ русской литературѣ труды. Первое отдѣленіе — изложеніе исторической методологіи съ обзорѣніемъ исторіи собиранія и изданія памятниковъ письменныхъ и вещественныхъ въ Россіи; второе — состоитъ изъ обстоятельныхъ свѣдѣній о библіотекахъ, архивахъ и музеяхъ въ Россіи и заграничій, хранящихъ источники по русской исторіи.

Курса методологіи мы до сихъ поръ не имѣли, хотя многіе профессора посвящали часть своихъ лекцій на методологическія указанія и практически руководили своихъ слушателей въ ихъ работахъ. Вотъ почему, особенно теперь, когда число занимающихся русской исторіей значительно возрасло, появленіе подобнаго курса наиболѣе своевременно. Почтенный авторъ много работалъ надъ

этимъ курсомъ, много прочелъ для него и составилъ въ высокой степени полезное руководство. Онъ излагаетъ здѣсь понятіе объ исторіи, о мѣстѣ исторіи въ ряду другихъ наукъ, о вспомогательныхъ знаніяхъ для исторіи, о приложеніи критики низшей и высшей къ разнаго рода источникамъ, о значеніи сравнительнаго метода, о личности и національности въ исторіи, о прогрессѣ, о качествахъ, которыя требуются отъ историка, о разныхъ способахъ историческаго изложенія и т. д. Одинъ перечень этихъ вопросовъ свидѣтельствуетъ о глубокомъ интересѣ, который представляетъ для занимающагося исторіей методологическое введеніе автора. Конечно, не со всѣмъ тѣмъ, что онъ говоритъ, можно согласиться безусловно, но таково ужъ свойство всякаго изложенія. Заслуга автора состоитъ въ томъ, что онъ привелъ въ систему результаты своего многолѣтняго преподаванія и обширнаго, разнообразнаго чтенія. Даже тѣ, которые несогласны съ его выводами, найдутъ въ ихъ обстоятельномъ изложеніи возможность обсудить свои собственныя соображенія, и укрѣпиться въ нихъ или ихъ отвергнуть или ограничить. Далѣе авторъ чрезвычайно обстоятельно излагаетъ исторію собиранія и изученія памятниковъ въ Россіи. Изложеніе его представляетъ много любопытныхъ свѣдѣній и служитъ первымъ общимъ обзоромъ этого вопроса.

Второе отдѣленіе книги—трудъ совершенно новый и оригинальный, занимающій собою большую часть книги. Авторъ излагаетъ здѣсь исторію и современное состояніе архивовъ, библіотекъ и музеевъ, правительственныхъ и частныхъ въ Россіи, а также подобныхъ учрежденій за границею, какъ въ славянскихъ земляхъ и на Востоцѣ, такъ и въ разныхъ государствахъ Европы. Нѣтъ нужды говорить о томъ, какого огромнаго труда стоило собрать тѣ свѣдѣнія, которыя читатель находитъ въ его книгѣ. Теперь каждый начинающійся заниматься знаетъ, куда обратиться за отыскиваніемъ нужныхъ ему для задуманной работы матеріаловъ; знаетъ, гдѣ хранятся разнаго рода документы, гдѣ искать важныхъ рукописей. Вѣроятно, каждый изъ новыхъ дѣятелей, пересмотрѣвъ занимающую насъ книгу, найдетъ въ ней такія указанія, которыя нигдѣ не собраны вмѣстѣ, искать которыхъ пришлось бы по множеству книгъ и притомъ часто рѣдкихъ. Самое указаніе такихъ книгъ, въ которыхъ иногда можно встрѣтить дополнительныя подробности, драгоцѣнно для занимающагося. Можно сказать, что къ помощи проф. Иконникова будутъ не разъ прибѣгать и опытные изслѣдователи: кто для того, чтобы вспомнить забытое, кто для того, чтобы узнать что-нибудь новое. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что и имъ трудъ этотъ представитъ много новаго: всего знать нельзя. Благодаря обширнымъ поправкамъ

и дополненіямъ книга доведена такъ сказать до вчерашняго дня. Такого обширнаго репертуара свѣдѣній по вопросамъ, намѣченнымъ авторомъ, русская литература не представляетъ; даже не вездѣ авторъ могъ руководиться существующими отдѣльными описаніями и статьями о томъ или другомъ учрежденіи: ему приходилось обращаться за свѣдѣніями въ разныя мѣста и къ разнымъ лицамъ. Интересъ его изложенія еще усиливается тѣмъ, что онъ не ограничивается только указаніемъ памятниковъ, хранящихся въ томъ или другомъ учрежденіи, но старательно собираетъ свѣдѣнія о лицахъ, работавшихъ въ этихъ учрежденіяхъ, и о тѣхъ изъ хранящихся въ нихъ памятникахъ, которые изданы въ свѣтъ.

Во второмъ томѣ авторъ предполагаетъ помѣстить обзоръ источниковъ по ихъ родамъ, а также общаго хода развитія русской исторической науки. И настоящій трудъ его и множество помѣщенныхъ имъ въ разныхъ журналахъ критическихъ и библиографическихъ статей свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ болѣе, чѣмъ кто-либо другой, способенъ довести до конца свое обширное предпріятіе.

Изъ этого бѣлаго очерка уже видно, что мы имѣемъ дѣло съ однимъ тѣхъ изъ рѣдкихъ, выдающихся трудовъ, которые надолго останутся необходимымъ пособіемъ для всѣхъ занимающихся и навсегда пребудутъ памятникомъ высокой любви къ наукѣ, вдохновлявшей ихъ авторовъ.

Нельзя не пожелать, чтобы такой трудъ былъ доведенъ до конца.

Пожелаемъ же, чтобы силы еще долго не измѣняли автору, и чтобы трудъ его встрѣченъ былъ въ кругу занимающихся съ тѣмъ уваженіемъ и тою благодарностью, которыхъ онъ вполне заслуживаетъ.

Бывшій профессоръ русской исторіи.

Знаменскій, П. исторія казанской духовной академіи за первый (дореформенный) періодъ ея существованія (1842—1870 годы). I—III вып. казань. 1891—1892.

21-го текущаго сентября Казанская Духовная Академія празднуетъ 50-лѣтній юбилей своего новаго (послѣ закрытія старой академіи въ 1818 г.) существованія—со времени открытія ея въ 1842 г. Ко дню этого юбилея проф. академіи П. В. Знаменскій, по порученію академическаго совѣта, составилъ и напечаталъ исторію новой академіи за первый дореформенный періодъ ея существованія въ трехъ большихъ выпускахъ. Въ первомъ выпускѣ описывается «состояніе административной части въ академіи до 1870 г.», при чемъ подробно излагается и примѣрами историческихъ лицъ—главныхъ дѣятелей ака-

деміи и выдающихся фактовъ ея жизни ярко освѣщается дѣятельность а) внутренняго правленія академіи, б) академической конференціи и в) внѣшняго или окружнаго правленія академіи, имѣвшаго отношеніе къ управленію духовно-учебными заведеніями округа. Второй выпускъ посвященъ описанію и характеристикѣ «состоянія учебной части въ академіи до 1870 г.», причемъ въ самомъ началѣ представленъ «общій составъ академическаго курса», а затѣмъ уже «частное обозрѣніе академическихъ кафедръ и личнаго состава преподавателей», говорится далѣе объ ученыхъ средствахъ академіи (научныхъ кабинетахъ, бібліотекахъ и пр.), объ академическомъ журналѣ («Православный Собесѣдникъ») и наконецъ о матеріальныхъ средствахъ и бытѣ наставниковъ академіи. А въ третьемъ выпускѣ авторъ даетъ обозрѣніе академической экономіи и описываетъ «нравственную часть» академической жизни, касающуюся благоповеденія студентовъ, а также учебныя ихъ занятія въ академіи и пр. Въ концѣ III вып. приложены списки студентовъ въ порядкѣ академическихъ курсовъ съ краткими біографическими данными и бібліографическими указаніями ихъ ученыхъ трудовъ (у кого послѣдніе имѣются).

Многосодержательный трудъ проф. Знаменскаго полонъ живого, даже можно сказать—захватывающаго интереса, не только по манерѣ авторскаго изложенія, нерѣдко картиннаго, не только по основательному знакомству автора съ подлежащимъ матеріаломъ и близости его къ описываемымъ событіямъ, но главнымъ образомъ по историческому содержанію его книги, описывающей жизнь академіи и притомъ еще при особыхъ условіяхъ и нуждахъ того края, въ которомъ она учреждена. Приступая къ изложенію исторіи академіи за указанный періодъ времени (до 1870 г.), авторъ говоритъ между прочимъ. «Время это настолько уже далеко отъ насъ, что мы имѣемъ, кажется, полную возможность взглянуть на него съ настоящей исторической точки зрѣнія... Субъективность историка этой старой академической жизни, которую онъ когда-то и самъ переживалъ, можетъ выразиться не столько въ его отношеніи къ ея общему строю и теченію, сколько развѣ въ нѣкоторыхъ излишествахъ разказа, свойственныхъ всѣмъ авторамъ мемуаровъ, въ излишнемъ увлеченіи знакомыми и еще слишкомъ живыми въ душѣ его образами, до которыхъ другимъ, можетъ быть, нѣтъ никакого дѣла, и въ невольномъ выраженіи до сихъ поръ все еще не пережитыхъ личныхъ симпатій и антипатій». Правда, авторъ иногда впадаетъ въ подобнаго рода субъективизмъ, въ особенности когда говоритъ о представителяхъ академической администраціи и вообще о дѣятеляхъ академіи, знакомыхъ ему лично или по воспоминаніямъ другихъ близкихъ къ нимъ по времени лицъ. «Но такая

субъективность, замѣчаетъ авторъ, еще небольшая бѣда. Соединение исторіи съ мемуарами можетъ имѣть и свою прелесть, и свое даже научно-историческое достоинство, которое будущій, болѣе поздній по времени и болѣе научный по своему образованію историкъ академіи можетъ найти для себя даже особенно цѣннымъ». Но главный все-таки интересъ книги г. Знаменскаго заключается въ ея историческомъ содержаніи, въ тѣхъ историческихъ матеріалахъ, которые характеризуютъ жизнь академіи за описываемый періодъ времени, ея значеніе въ исторіи русскаго духовнаго просвѣщенія и вообще въ культурной жизни того края, въ которомъ она учреждена не только какъ «вертоградъ высшихъ духовныхъ знаній», но и какъ «высшее духовно-учебное заведеніе именно восточнаго края имперіи». Казанская духовная академія, въ общемъ устроенная по типу другихъ существовавшихъ уже ранѣе духовныхъ академій (с.-петербургской, московской и кievской), руководствовалась и въ своей дальнѣйшей жизни описываемаго времени однимъ и тѣмъ же съ ними уставомъ (1814 г.). Но въ учебномъ отношеніи, кромѣ наукъ богословскихъ и философскихъ, а также историческихъ, словесныхъ и физико-математическихъ, казанская академія имѣла въ своемъ курсѣ и науки особыя, специально введенныя въ курсъ только этой академіи, науки такъ называемаго миссіонерскаго отдѣленія. Еще при самомъ учрежденіи академіи Св. Синодъ постановилъ между прочимъ: «Какъ сверхъ предметовъ, назначенныхъ уставомъ для духовныхъ академій, въ казанской академіи представляется нужнымъ учредить современемъ особыя кафедры для преподаванія языковъ, употребляемыхъ языческими народами въ сибирскихъ и другихъ епархіяхъ казанскаго округа, то разсмотрѣніе сего обстоятельства поручить правленію вновь учреждаемой академіи, съ тѣмъ, чтобы оно представило подробное соображеніе о томъ, какіе именно языки и въ какомъ объемѣ нужно будетъ преподавать въ академіи, сообразно съ мѣстными потребностями семинарій подвѣдомственнаго имъ округа». Дѣйствительно, въ интересахъ расширенія православно-христіанской миссіи среди восточныхъ инопорядцевъ имперіи вскорѣ въ курсъ академіи было введено изученіе языковъ арабскаго, татарскаго, калмыцкаго и др. Съ этимъ конечно связывались прежде всего практическія задачи противомусульманской и противобуддійской полемики. Академія, благодаря лучшимъ своимъ представителямъ на этомъ поприщѣ, съ большимъ самоотверженіемъ выполняла свое назначеніе. Имена ея замѣчательныхъ ориенталистовъ, беззавѣтно преданныхъ и христіанскому миссіонерскому дѣлу, какъ напр. Г. С. Саблукова, А. А. Бобровникова, Н. И. Ильминскаго, В. В. Миротворцева и другихъ еще живыхъ достойныхъ ихъ учениковъ по академіи останутся незабвенными

не только въ исторіи академіи и русскаго духовнаго просвѣщенія, но и вообще въ исторіи распространенія православнаго греко-славянскаго культурнаго вліянія на азіатскомъ Востокѣ. Въ разсматриваемой книгѣ г. Знаменскаго (во II вып.) подробно изложена судьба т. н. миссіонерскихъ предметовъ въ академіи, а также выяснено тамъ и значеніе въ наукѣ главныхъ представителей ихъ на академическихъ кафедрахъ. Крайне любопытны всѣ эти свѣдѣнія: проливая достаточный свѣтъ на ученые труды академическихъ ориенталистовъ, они въ то же время даютъ вообще ясно понятъ смыслъ и характеръ православной русской миссіи, а также невольно поднимаютъ вѣру въ успѣхъ ея христианизирующаго вліянія на Востокѣ, съ чѣмъ конечно тѣсно связанъ и успѣхъ греко-славянской культуры вообще среди сосѣднихъ инородцевъ—спутниковъ нашего культурнаго міра. Въ книгѣ г. Знаменскаго есть свѣдѣнія и о томъ, что въ академіи даже въ описываемый Періодъ времени сообщались студентамъ нѣкоторыя части изъ цѣлой науки славяновѣдѣнія: въ интересахъ противораскольнической миссіи введено было (съ 1855) въ академіи преподаваніе славянской палеографіи. Первымъ преподавателемъ ея былъ извѣстный нашъ славистъ В. И. Григоровичъ въ бытность его въ Казани на университетской кафедрѣ. О преподаваніи его въ академіи читатели найдутъ нѣсколько свѣдѣній въ разсматриваемой книгѣ (II вып., стр. 383 и слѣд.), а здѣсь, на страницахъ «Слав. Обзорѣнія», мы не можемъ все-таки не привести того общаго отзыва, какой даетъ относительно этой замѣчательной личности проф. Знаменскій.

«Въ сентябрѣ 1855 г. началось преподаваніе славянской палеографіи В. И. Григоровичемъ..... Викторъ Ивановичъ взялся читать ее безмездно. Страстный любитель славянства, незабвенный профессоръ—идеалистъ всей своей младенчески-чистой душой восторгался, что у него будетъ чуть не 30 слушателей сколько онъ никогда не видалъ передъ собою въ университетѣ, притомъ слушателей избранныхъ, привычныхъ къ труду и научно развитыхъ. Своимъ одушевленіемъ онъ съ первой же лекціи завоевалъ себѣ полное вниманіе академической аудиторіи; его лекціи посѣщали не одни только студенты младшаго курса, но и старшіе. Въ виду такого значительнаго собранія слушателей, питавшихъ полное къ нему вниманіе, онъ даже совсѣмъ забылъ ту узко-спеціальную цѣль, которую долженъ былъ преслѣдовать въ своемъ преподаваніи, и пустился въ свою любимую область сравнительнаго изученія славянскихъ нарѣчій. Каждая лекція его заключала массу любопытныхъ свѣдѣній изъ совершенно новой для академіи научной области. Ученый профессоръ былъ видимо радъ, найдя такихъ сочувствовавшихъ ему слушателей, и какъ будто торопился выска-

зять въ данный ему срокъ все, что его занимало, одушевляло и волновало, и только уже подъ конецъ года вспомнилъ, что дѣло дѣломъ, а офиція офиціей, что студентамъ надобно будетъ сдавать по палеографіи какойнибудь экзамень. По просьбѣ студентовъ онъ наскоро набросалъ для нихъ коротенькія записки, раздѣленныя всего на 7 билетовъ, подробно растолковалъ каждый билетъ и по нимъ же вмѣстѣ со студентами составилъ экзаменскую программу.... Чтобы доставить удовольствіе полюбившемуся профессору, студенты въ нѣсколько дней приготовились къ отвѣтамъ по этой программѣ и отвѣчали на славу, такъ что Викторъ Ивановичъ вышелъ съ экзамена въ восторгѣ; онъ съ удивленіемъ рассказывалъ потомъ, что каждый студентъ отвѣчалъ ему такъ свободно и обстоятельно, точно читалъ какуюнибудь публичную лекцію. Для студентовъ не прошли даромъ и его пространныя устныя лекціи; лекціи эти послужили къ развитію среди нихъ интереса и вкуса къ изученію памятниковъ славянской письменности и славянства вообще». Дѣло, начатое В. И-чемъ при полномъ сочувствіи преосв. казанскаго Григорія (впослѣдствіи митрополита с.-петербургскаго), продолжали нѣкоторое время свои академическія, воспитавшіяся подъ неотразимымъ его научнымъ вліяніемъ, ученые силы (напр. А. А. Лиловъ). Правда, встрѣчались впослѣдствіи личныя (со стороны нѣкоторыхъ начальниковъ академіи) невѣжественныя препятствія развитію этого дѣла въ академіи, подобно тому, какъ встрѣчались тоже нерѣдко препятствія и для лучшей постановки въ академіи т. н. миссіонерскихъ предметовъ. Но въ томъ и другомъ отношеніи нужды жизни и просвѣщенія все настойчивѣе выдвигали потребность въ этихъ изученіяхъ на академическихъ кафедрахъ. Поэтому впослѣдствіи официально не только должны были расширить, но и упрочили въ академіи эти изученія. Впрочемъ начало этихъ перемѣнъ выходитъ уже за періодъ академической жизни, описанной въ книгѣ г. Знаменскаго: для лучшей постановки славяновѣдѣнія въ академіи наступило время только съ введеніемъ академическаго устава 1869 г., а т. н. миссіонерскіе предметы въ казанской академіи получили лучшую и болѣе прочную постановку только по уставу духовныхъ академій 1884 г., хотя — къ сожалѣнію — по тому же уставу нѣсколько стужено преподаваніе славянской филологіи въ академіяхъ. Желательно по крайней мѣрѣ пополнить и расширить въ академіяхъ славянскія изученія въ смыслѣ изученія историческихъ греко-славянскихъ отношеній. Но это уже касается пополненія учебныхъ программъ почти всѣхъ духовныхъ академій. Въ данномъ же случаѣ необходимо все-таки признать, что въ казанской академіи изученія славянскія въ широкомъ смыслѣ слова (включая сюда конечно изученія по древне-русской литературѣ) всегда

находили сочувственный пріютъ, а также достойныхъ цѣнителей и безкорыстно-ученыхъ адептовъ, извѣстныхъ въ наукѣ своими весьма почетными учеными трудами и правильнымъ пониманіемъ важности этихъ изученій. Въ книгѣ г. Знаменскаго можно находить немало рельефныхъ указаній и въ этомъ отношеніи, а еще болѣе свидѣтельствуетъ объ этомъ содержаніе академическаго журнала на протяженіи нѣсколькихъ лѣтъ его существованія и многочисленныя отдѣльныя изданія академическихъ наставниковъ и питомцевъ.

18 сент. 1892.

И. П—въ.

СПБ.

Karl Ernst Mücke. Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der Niedersorbischen (Niederlausitzisch—wendischen) Sprache Mit besonderer Berücksichtigung der Grenzdialekte und des ober-sorbischen. (Preisschriften, gekrönt und herausgegeben von der fürstlich Jablonowski'schen Gesellschaft zu Leipzig. 1891 г. VIII. стр. 615. больш. 4°. Цѣна 12 гульд. (20 мк.)

Озаглавленное сочиненіе сербо-лужицкаго писателя составляетъ плодъ обширнаго труда, проникнутаго горячей любовью къ предмету и истинно-научнымъ методомъ. Самый меньшій по числу и площади изъ славянскихъ народовъ получилъ въ этомъ сочиненіи д-ра Мукке—или вѣрнѣе Муки—такую грамматику, какою могъ бы гордиться и любой изъ большихъ народовъ. Мука оставилъ далеко за собою относящіяся къ лужицкимъ нарѣчіямъ отдѣлы грамматики Миклошича, такъ что отнынѣ разбираемое сочиненіе должно служить точкою отправленія при дальнѣйшемъ изученіи звуковъ и формъ этихъ нарѣчій. Особенно важенъ этотъ трудъ для тѣхъ славистовъ, которые занимаются сѣверо-западною группою славянскихъ нарѣчій, т. е. чешскимъ, польскимъ, лужицкими и вымершими нынѣ полабско-прибалтійскими говорами.

Грамматическая разработка ниже-лужицкаго нарѣчія значительно отстала отъ прочихъ: отъ 1761 г., когда вышла практическая грамматика этого нарѣчія Гауптмана, ничего значительнаго не появилось въ этой области. Въ виду этого лейпцигское ученое общество имени князя Яблоновскаго объявило конкурсъ на научную разработку звуковъ и формъ этого нарѣчія. Профессоръ Мука по этому вызову и представилъ въ 1887 г. озаглавленное сочиненіе, подъ характернымъ девизомъ: *Lingua non habet osorem, nisi ignorantem.* Посвящено оно было Миклошичу, который однако скончался до выхода книги въ свѣтъ (въ 1891 г.).

Но г. Мука вышелъ далеко за предѣлы указанной конкурснѣй программы; онъ привлекъ къ сравненію и верхне-лужицкое нарѣчіе, изучилъ всѣ говоры обоихъ нарѣчій и переходныя ихъ формы, по направленію къ чешскому и польскому, такъ что сочиненіе это имѣетъ большую важность и для сербо-лужицкой этнографіи. Передъ грамматикой Миклошича сочиненіе г. Муки имѣетъ еще то преимущество, что оно переработало и всѣ важнѣйшіе историко-діалектическіе матеріалы, за 350 л. литературнаго употребленія лужицкихъ нарѣчій.

Для сравненія авторъ привлекаетъ всѣ прочіе сѣверо-западные славянскіе языки, особенно чешскій и польскій. Точкою же отправленія для него служитъ старшій церковно-славянскій языкъ. Мы вполне одобряемъ этотъ приѣмъ, такъ какъ обратившись отъ историческаго церковно-славянскаго языка къ теоретическому праславянскому, авторъ былъ бы вынужденъ вѣдаться въ разнаго рода гипотезы, цѣнность которыхъ представляется теперь весьма сомнительною.

Въ историческомъ введеніи и различныхъ мѣстахъ своего сочиненія г. Мука касается и литературной исторіи лужичанъ, пользуясь не печатными лишь, но и рукописными матеріалами. При этомъ ему удалось разрѣшить не одинъ запутанный вопросъ, напримѣръ о діалектѣ, которымъ писана библія Якубицы. Извѣстно, что проф. Лескинъ не въ состояніи былъ опредѣлить этого діалекта (*Arch. für slav. Phil.* I).

По изданіи грамматики г. Муки звуковой и формальный строй сѣверо-западной группы славянскихъ нарѣчій обрисовывается гораздо яснѣе прежняго. Точно также индивидуальныя особенности сербо-лужицкой группы, въ ея отношеніяхъ къ чешскому и польскому нарѣчіямъ, выяснены теперь несравненно точнѣе, чѣмъ въ сочиненіяхъ Добровскаго или Миклошича. И территориальныя измѣненія въ жизни сербо-лужицкихъ нарѣчій и отдѣльныхъ говоровъ, за послѣдніе 3—4 в., опредѣлены г. Мукою съ приблизительною точностью.

Изслѣдовавъ исторически сербо-лужицкое правописаніе и оцѣнивъ роль въ этомъ процессѣ М. Френцеля, Готлиба Фабриція и другихъ своихъ предшественниковъ, нашъ авторъ пытается и самъ упрочить систему ниже-лужицкой орфографіи. При этомъ онъ держится этимологическихъ основъ этого языка, а вмѣстѣ съ тѣмъ старается сблизить правописаніе лужичанъ нижнихъ и верхнихъ.

Первая часть сочиненія, посвященная звукоученію, распадается на два отдѣла: вокализмъ или систему гласныхъ и консонантизмъ или систему согласныхъ. Въ общемъ авторъ держится системы Миклошича, съ тѣмъ однако различіемъ, что онъ, подобно другимъ новѣйшимъ языковѣдамъ, не признаетъ уже мнимой аксіомы о трехъ праязычныхъ гласныхъ. Для облегченія справокъ обильныя ссылки расположены въ алфавитномъ порядкѣ.

Во второй части, посвященной склоненіямъ и спряженіямъ, матеріалъ разработанъ такъ обстоятельно, что ни одинъ славянскій языкъ не можетъ похвалиться болѣе подробной морфологіей. Въ классахъ спряженія авторъ держится системы Лескина. Въ научномъ отношеніи противъ этого ничего нельзя возразить, но для практическихъ справокъ намъ представляется болѣе удобною формальная классификація Добровскаго.

Какъ чехъ, я долженъ прибавить, что книга г. Муки очень важна для изученія древне-чешскаго языка и современныхъ его нарѣчій, особенно сѣвернаго, которое соприкасалось нѣкогда съ верхне-лужицкимъ. Но теперь они къ сожалѣнію раздѣлены вторженіемъ въ Рудныя горы саксонскихъ нѣмцевъ.

Въ заключеніе позволимъ себѣ выразить желаніе, чтобы мону-ментальное сочиненіе г. Муки нашло широкое распространеніе между славянскими этнографами, историками и особенно языковѣдами.

Вѣна. Августъ 1892.

Іосифъ Карасевъ.

ОБЗОРЪ ЧЕШСКОЙ ИЗЯЩНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЗА 1891 ГОДЪ *

Наряду съ направленіемъ реалистическимъ, къ которому доселѣ принадлежить только меньшая часть нашихъ талантливыхъ беллетристовъ, у насъ процвѣтаетъ и старый идеалистическій романтизмъ. Въ прошедшемъ году этотъ романтизмъ нашелъ себѣ даже теоретическихъ защитниковъ. Къ нимъ принадлежать редакторы нашихъ лучшихъ журналовъ: В. Волчекъ («Освѣта») и Ф. Шульцъ («Злата Прага»). Они, защищая сначала только свои собственные произведенія, потомъ повели борьбу прямо или косвенно противъ реалистовъ вообще. Шульцъ, издавъ свои очерки подъ названіемъ: «Моментальная фотографія и фигурки», хотѣлъ кажется сдѣлать этимъ значительную уступку новому реалистическому направленію, но изъ предисловія Шульца къ его очеркамъ можно видѣть, что эта уступка далеко не искренняя.

Знамя стараго романтизма высоко держитъ въ прозаической литературѣ Ю. Зейеръ, оставаясь при этомъ вполне на художественной почвѣ. Этотъ плодовитый писатель (о немъ мы ранѣе упоминали) въ прошедшемъ году издалъ романъ «І. М. Плойгаръ», сначала напечатанный въ «Люмирѣ» за 1888 годъ. Нѣкоторые кри-

* (Продолженіе) См. «Славянское Обзорніе», кн. январь, февраль и мартъ (библіографія).

тики признають это произведеніе Зейера лучшимъ изъ всѣхъ его прозаическихъ произведеній. И мы, съ своей стороны, не имѣемъ основаній не соглашаться съ такимъ мнѣніемъ. Этотъ романъ, носящій названіе своего героя, заимствуетъ свое содержаніе изъ современной жизни. Авторъ, привыкшій вращаться въ странахъ, населенныхъ потомками древнихъ римлянъ, съ изображеніемъ солнечнаго юга соединяетъ описаніе излюбленнаго родного чешскаго края. Въ лицѣ своего героя онъ представляетъ намъ самого себя, раскрываетъ свою внутреннюю жизнь и свои взгляды на нашу общественную жизнь. Это придаетъ его произведенію особенный интересъ. Въроятно многія горькія жалобы его на чешское общество покажутся читателю преувеличенными, хотя нельзя отрицать и того, что въ нихъ содержится нѣкоторая доля правды. Въ романѣ встрѣчаемъ немало ясно очерченныхъ характеровъ и описаній природы, въ которыхъ виденъ поэтъ-романтикъ. Объ этомъ особенно свидѣтельствуя его описанія Италіи и преимущественно Рима. А его сужденія объ искусствахъ показываютъ въ немъ не только знатока ихъ, но и ревностнаго ихъ приверженца. Въ общемъ, произведеніе Зейера представляетъ плодъ сильнаго индивидуальнаго творчества и привлекаетъ къ себѣ сочувствіе лицъ, даже враждебныхъ романтизму.

Другіе представители этой школы стоятъ много ниже своего главы. Болѣе извѣстная изъ нихъ Софія Подлипская издала въ прошедшемъ году рассказъ подъ названіемъ «Земной прахъ». Въ этомъ рассказѣ она придерживается своего прежняго шаблона, по которому уже написала цѣлый рядъ не совсѣмъ удачныхъ, мало жизненныхъ романовъ. Въ этихъ романахъ она трактуетъ обыкновенно о своихъ фантастическихъ идеяхъ, которыя занимаютъ кругъ лицъ, не отличающихся жизненностію. Настоящаго искусства въ этихъ очеркахъ гораздо менѣе, чѣмъ стремленія воспитывать чешскихъ читателей не совсѣмъ-то удачнымъ способомъ.

Еще менѣе удачны романическіе опыты, которые съ удивительною настойчивостію производитъ другая дама-писательница, Т. Новакова. Вышедшій въ прошедшемъ году томъ ея очерковъ исполненъ чрезмѣрнаго сентиментализма и искусственныхъ произведеній фантазіи, которыя говорятъ болѣе о стремленіи къ теоріи, чѣмъ разумномъ наблюденіи дѣйствительной жизни. Нарисованные Т. Новаковой типы болѣе находятъ на призраки, чѣмъ на дѣйствительныхъ людей; ихъ разговоры, отдѣланные въ стилистическомъ отношеніи, далеко не соотвѣтствуютъ разговорной рѣчи живыхъ лицъ.

Павель Альбіэри, нѣсколько лѣтъ тому назадъ поселившійся въ Америкѣ, въ прошедшемъ году издалъ томъ своихъ прежнихъ произведеній, ранѣе не выходившихъ въ свѣтъ особымъ изданіемъ.

Это рассказы подъ заглавіемъ: «Въ плѣну Армиды» и «Въ походѣ къ Парижу». Альбіэри съ самаго начала своей литературной дѣятельности бралъ сюжеты для своихъ произведеній изъ военного быта. Но, зная — и то поверхностно — только внѣшнюю сторону этого быта, онъ описывалъ собственно обыденную жизнь, которая потомъ и стала главнымъ предметомъ его рассказовъ. Въ названныхъ выше рассказахъ авторъ вводитъ насъ въ послѣднюю эпоху наполеоновскихъ войнъ, но и тутъ великія событія исторіи служатъ только фономъ, на который опираются вымышленныя авторомъ различныя приключенія заурядныхъ дѣйствующихъ лицъ его произведеній. Въ первомъ рассказѣ («Въ плѣну Армиды») авторъ повѣствуетъ о любовныхъ отношеніяхъ австрійскаго воина къ Армидѣ, дочери французскаго офицера. Героємъ второго рассказа («Въ походѣ къ Парижу») является полковой католическій священникъ и его прежняя фаворитка, съ которой онъ встрѣтился въ Парижѣ, когда явился туда вмѣстѣ съ войсками союзной арміи. Авторъ старается придать своимъ рассказамъ усиленный интересъ; это ему удалось, но въ ущербъ правдоподію и даже простой вѣроятности. Его цѣлью, повидимому, скорѣе эффектная оригинальность, чѣмъ правдивое изображеніе характеровъ и твердое обоснованіе рассказываемаго.

Совсѣмъ другую сферу жизни затрагиваютъ «Zamecké novelky» («Очерки жизни феодаловъ, живущихъ въ древнихъ замкахъ») молодого романиста В. Рѣзничка, ранѣе извѣстнаго рассказами изъ народнаго быта, иногда удачными, даже прелестными, а иногда и жиденькими. Въ указанной книгѣ авторъ вводитъ читателя въ жизнь настоящаго и прошедшаго столѣтій въ имѣніи графа Паара и беретъ сюжеты своихъ мелкихъ очерковъ изъ жизни или самого графскаго семейства, или его чиновниковъ и служащихъ.

Любовныя и другія интриги, безъ глубокаго и серьезнаго ихъ анализа, составляютъ обыкновенное содержаніе рассказовъ В. Рѣзничка, а такъ какъ и форма ихъ далеко не безукоризненна, то они и могутъ считаться не болѣе, какъ посредственными произведеніями.

Ранѣе упомянутый нами В. Бенешъ Шумавскій издалъ особой книгой небольшой романъ «Семейство Кавана». Мѣстомъ дѣйствія въ романѣ является Прага. Дѣйствіе относится къ нашему времени. Главными дѣйствующими лицами романа являются двѣ жены крупнаго торговца Кавана, который, послѣ развода съ первой женой, въ Семиградіи (Трансильваніи) принялъ унію и вторично женился. Послѣ его смерти разведенная жена судится съ его наслѣдниками и эта тяжба, вмѣстѣ съ другими побочными обстоятельствами, служитъ главнымъ предметомъ всего рассказа. Романъ этотъ производитъ на читателя впечатлѣніе болѣе полнотою и

стройностию дѣйствія, чѣмъ глубиною психологическаго анализа характеровъ, описываемыхъ большею частію въ общихъ чертахъ.

Богданъ Каминскій, который ранѣе, сравнительно успѣшно, дебютировалъ мелкими рассказами и лирическими стихотвореніями, издалъ въ прошедшемъ году собраніе своихъ очерковъ и этюдовъ. Его «*Ružné panstvo*» («Разные господа») болѣе чѣмъ наполовину имѣетъ своимъ сюжетомъ жизнь въ Прагѣ и только отчасти жизнь провинціальную. Авторъ съ особеннымъ вниманіемъ и усердіемъ представляетъ типы, принадлежащіе къ лучшимъ слоямъ общества, полные благородныхъ стремленій, но, по различнымъ обстоятельствамъ, павшіе такъ глубоко, что они не имѣютъ силы подняться. Бывшій богачъ, теперь нищій, презрѣнный актеръ, погибающій съ голода, прозябающій скульпторъ, музыкантъ, въ неудачномъ супружествѣ потопившій идеалы своей молодости, — вотъ, можно сказать, главные сюжеты произведеній Б. Каминскаго.

Авторъ почти исключительно описываетъ внѣшнюю жизнь своихъ героевъ, не касаясь ихъ душевнаго состоянія, чтобы отсюда выводить и объяснять ихъ жизнь и дѣйствія, но довольствуется большею частію одной какой-либо характерной чертой, изъ которой однако становится понятнымъ остальное. Въ этюдѣ «*Лакей*» напр. довольно одной такой мѣткой черты, чтобы склонить всѣ симпатіи читателя на сторону страждущаго на барской службѣ бѣдняка. Книга снабжена хорошими иллюстраціями В. Олива, соотвѣтственно модѣ, которая у насъ теперь господствуетъ уже сверхъ необходимости и въ ущербъ художественности.

Недавно умершій драматургъ нашего національнаго театра, Ладиславъ Строрупежницкій, кромѣ драматическихъ произведеній занимавшійся и эпической прозой, въ прошедшемъ году издалъ свои юмористическіе очерки, подъ названіемъ: «Изъ Праги и изъ деревни». Это собственно нѣсколько дополненное и снабженное иллюстраціями прежнее собраніе произведеній автора, изданное ранѣе подъ названіемъ, «Смѣшные люди». Авторъ знакомитъ насъ съ цѣлымъ рядомъ интересныхъ личностей изъ самыхъ низшихъ слоевъ пражскаго населенія, мѣтко и точно схватывая ихъ слабыя и смѣшныя стороны и въ то же время вѣрно сохраняя общій характеръ той: такъ сказать, атмосферы, изъ которой онъ беретъ характеры этихъ личностей. Болѣе разнообразнымъ и интереснымъ слѣдуетъ признать второй отдѣлъ, сюжетъ для котораго авторъ беретъ со своей родины, деревни въ южной Чехіи. Здѣсь мы находимъ нѣсколько интересныхъ типовъ и картинъ, представляющихъ удачное описаніе живыхъ сценъ (напр. ярмарка, въ очеркѣ: «Одежда Мартина»), или серьезную характеристику. Юморъ Строрупежницкаго сильный,

пронизывающей, мѣстами слабѣетъ и переходитъ въ сухой тонъ разсказа.

Изъ тѣхъ авторовъ, которые выступили въ прошедшемъ году на литературное поприще съ отдѣльными изданиями, кромѣ вышеупомянутыхъ, укажемъ на слѣдующихъ.

Р. Кутина издалъ мелкіе очерки «Изъ карнавала жизни», въ которыхъ онъ не смогъ преодолѣть препятствій, легко побѣждаемыхъ даже начинающими писателями. Онъ слишкомъ много мѣста даетъ повѣствованію о мелкихъ обыденныхъ явленіяхъ и болѣе чѣмъ сѣдуетъ занимается собственной личностью. Онъ еще доселѣ не умѣетъ давать своимъ типамъ рѣзкаго очертанія и той пластичности, безъ которой никакая картина не производитъ благопріятнаго впечатлѣнія.

Въ болѣе выгодномъ свѣтѣ выступаетъ предъ читателями другой начинающій писатель В. К. Ержабекъ, издавшій собраніе мелкихъ разсказовъ: «Картинки жизни». Онъ умѣетъ наблюдать жизнь и подмѣчать болѣе выразительныя черты ея, проявляя при этомъ опредѣленное, прочно-сложившееся мировоззрѣніе. Свои типы Ержабекъ рисуетъ правильно, сообразуясь съ дѣйствительностью и въ то же время присматриваясь къ ихъ внутренней, духовной сторонѣ. Его «Картинки жизни» удовлетворительны и съ внѣшней стороны, будучи написаны живымъ и яснымъ слогомъ.

Много новыхъ картинъ, а съ ними конечно и мыслей представляютъ «Мелкіе очерки и разсказы», изданные І. Горицей. Онъ въ теченіе многихъ лѣтъ былъ офицеромъ и хорошо познакомился съ военною жизнью еще въ военныхъ училищахъ, потомъ въ разныхъ лагеряхъ и во время похода въ Боснію. Оставивъ военную службу, Горица рѣшилъ воспользоваться знаніемъ военной жизни для своихъ литературныхъ работъ. Въ указанныхъ очеркахъ онъ представляетъ рядъ типовъ изъ жизни въ военныхъ училищахъ, общественныхъ казармахъ, изъ жизни офицеровъ, даже въ отношеніяхъ ихъ къ гражданскому обществу. Изъ очерковъ, предметомъ которыхъ служитъ походъ въ Боснію, особеннаго вниманія заслуживаютъ тѣ, въ которыхъ авторъ касается жизни и обычаевъ боснійскихъ славянъ. Горица несомнѣнно обладаетъ наблюдательностью и пониманіемъ жизни, всегда схватывая самыя мелкія черты въ описаніяхъ природы и жизни человѣческой. Однако его очерки обнаруживаютъ въ авторѣ именно военнаго человѣка, который довольствуется отрывочными и краткими описаніями, не пускаясь въ какой-либо анализъ.

Гораздо слабѣе описанія военной жизни въ разсказахъ Г. Н. Майергофера подъ заглавіемъ: «Изъ крѣпости. Воспоминанія стараго маіора». Эти разсказы къ военной жизни имѣютъ развѣ

только то отношеніе, что дѣйствующими въ нихъ лицами являются военные. Содержаніемъ же разсказовъ являются разныя приключенія и амурныя похождения молодыхъ и старыхъ ловеласовъ. Болѣе достойнымъ вниманія представляется разсказъ: «Поматеринскому сердцу».

Беллетристическимъ же характеромъ отличаются и двѣ книги путевыхъ записокъ. Изъ нихъ одна подъ названіемъ: «Въ странѣ словенцевъ», принадлежащая Аннѣ Регаковой, представляетъ описаніе быта славянъ Крайны и Хорутаніи. Ея эскизы отличаются художественными описаніями красотъ природы и еще болѣе горячею любовью къ братскому словинскому народу, ведущему борьбу за свою національную независимость,—борьбу, не менѣе трудную сравнительно съ той, какую ведемъ мы—чехи. Поэтому книгу эту встрѣтили у насъ необыкновенно радушно.

Другая книга путевыхъ записокъ принадлежитъ извѣстному нашему туристу профессору І. Виншу. Какъ всегда присуща его разсказамъ доступность и забавность, такъ и настоящая книга путевыхъ замѣтокъ, носящая названіе: «Мимоходомъ», не лишена этихъ качествъ. Она представляетъ собою нѣсколько мелкихъ отрывковъ изъ описанія путешествій автора на югъ и востокъ,—отрывковъ безъ внутренней связи и единства. Онъ описываетъ приключенія въ своихъ путешествіяхъ по Угорщинѣ, въ Римъ, Александрію, Каиръ, Портъ-Саидъ, Яффу и на обратномъ пути чрезъ Боснію. Описанія отличаются живымъ и естественнымъ юморомъ.

По стопамъ Винша слѣдуетъ искусный его подражатель докторъ Ю. Гуть, который въ теченіе послѣднихъ лѣтъ помѣщалъ въ нашихъ лучшихъ журналахъ описанія своихъ путешествій. Въ настоящее время онъ издалъ эти свои статьи особой книгой, подъ заглавіемъ: «Разказы о моихъ путешествіяхъ». Въ нихъ онъ знакомитъ читателя со своими путешествіями по Испаніи. Малага и Гранада, съ Алгамброю и остатками прежней мавританской славы и памятниками побѣдъ католическихъ королей составляютъ средоточіе чрезвычайно интересныхъ описаній автора.

Ф. Выкоукаль.

(Окончаніе слѣдуетъ)

— Въ сент. с. г. исполнилось **40-лѣтіе писательской дѣятельности** нашего великаго романиста, **гр. Л. Н. Толстого**. Въ сентябрьской книжкѣ «Современника» въ 1852 г. появился первый печатный его разсказъ: «Исторія моего дѣтства». Если вѣрны газетныя сообщенія, что гр. Толстой приступилъ теперь вновь къ составленію большаго романа, то 40-л. юбилей совпалъ бы со знаменательнымъ поворотомъ въ дѣятельности поэта, такъ прискорбно прерванной его религиозно-философскими трактатами и составленными въ ихъ духъ тенденціозными разсказами.

— Въ концѣ авг. с. г. исполнилось **50-лѣтіе учено-литературной дѣятельности** извѣстнаго нашего филолога, б. московскаго профессора **Ө. И. Вуслаева**. Она началась въ 1842 г. замѣтками о Словѣ о полку Игоревѣ, напечатанными въ «Москвитинѣ», и не прерывается до настоящаго времени. Значительны вклады Ө. И. въ изученіе русскаго языка, народной словесности, мифологии, археологии, въ послѣднее же время—и исторіи русскаго искусства. Какъ профессоръ, Ө. И. оставилъ глубокой слѣдъ въ лѣтописяхъ московскаго университета и вообще русскаго просвѣщенія. И теперь его ученики наполняютъ кафедры многихъ русскіхъ университетовъ и преподаютъ русскій языкъ во многихъ среднихъ заведеніяхъ, въ духѣ и по методу его статей и лекцій по русскому языку и словесности.

— Въ сент. с. г. исполнилось **60-лѣтіе общественно-литературной дѣятельности** вице-президента Имп. Академіи наукъ **Янова Карловича Грота**.

— Въ юль с. г. исполнилось **40-лѣтіе учено-литературной дѣятельности** бывшаго профессора харьковскаго и ректора варшавскаго университета, а нынѣ попечителя дерптскаго учебнаго округа **Николая Алексѣевича Лавровскаго**.

— Въ авг. с. г. въ Москвѣ состоялся **второй международный зоологическій конгрессъ**. На немъ присутствовало до 150 членовъ. Прочитано до 40 докладовъ. Организованъ постоянный совѣтъ международныхъ зоологическихъ конгрессовъ, который будетъ засѣдать въ Парижѣ. Учреждены двѣ преміи: имени Государа Императора и Наслѣдника Цесаревича, которыя будутъ присуждаемы каждыя три года за сочиненіе по зоологіи. Слѣдующій зоологическій конгрессъ соберется въ Лейденѣ (въ Голландіи).

— Въ первыхъ числахъ авг. с. г. въ Москвѣ происходилъ **международный конгрессъ до-исторической археологіи и антропологіи**. Между посѣтившими его иностранными гостями отмѣтимъ: знаменитаго нѣмецкаго патолога, антрополога и этнолога Руд. Вирхова, возставшаго на конгрессѣ противъ дарвинизма; франц. антрополога Шантра, швейцарскаго Кольмана, итальянскаго Серджи, австроугорскіхъ Бенедикта и Терека, чеха Пича, румына Точилеско. Изъ русскіхъ же

особенно выдавался московскій проф. Богдановъ, сдѣлавшій важный докладъ о древнѣйшей долихокефальной расѣ въ Россіи и позднѣйшей смѣнѣ ея восточными брахикефлами. При сѣздѣ открыта была археологическая и географическая выставка, трудами главнымъ образомъ гр. П. С. Уваровой и проф. Д. Н. Анучина.

— Въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, по соглашенію съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, выработанъ проектъ учрежденія **естественно-историческихъ губернскихъ земскихъ музеевъ**. Расходъ на содержаніе каждаго такого музея исчисленъ въ 2,000 руб. ежегодно.

— Недавно скончался въ городѣ Варшавѣ, проѣздомъ изъ-за границы, волынской губернаторъ **Е. О. Янковскій**, на 50 г. жизни. Хотя онъ пробылъ едва 3¹/₂ г. въ должности волынскаго губернатора, однако оставилъ по себѣ благодѣтельный слѣдъ въ этой области. Ему удалось значительно осадить нѣмецкій элементъ Волыни, восходящій до 200.000 душъ. Не менѣе 800 нѣмецкихъ колоній переименованы при немъ въ русскія по названію села, замѣтно ослаблена «штунда», еврейское же населеніе, разбросанное вопреки закону по деревнямъ, оттѣснено въ города и посады, окрѣпло русское землевладѣніе, составъ же чиновничества началъ обновляться въ русскомъ духѣ. Покойный принималъ дѣятельное участіе въ памятныхъ юбилейныхъ празднествахъ во Владимірѣ-Волынскомъ.

— Вожди **галицко-русскаго** народа отредѣлили представить императору, подобно семиградскимъ румынамъ, **памятную записку** о нынѣшнемъ угнетенномъ положеніи червонорусскаго народа, его церкви и духовенства, школъ и общинъ, о вопиющемъ нарушеніи властями закона, о народной равноправности и о постепенномъ обѣднѣніи народа. Но такъ какъ императоръ отмѣнилъ предположенную было поѣздку во Львовъ, то и представленіе записки отложено до другого удобнаго случая. Не состоялась конечно и «русская» депутація къ императору съ г. Романчукомъ во главѣ.

— Младорусское политическое общество: «**Народная Рада**» во Львовѣ представила гр. Тафе **меморандумъ** о расширеніи правъ русскаго языка въ восточной Галичинѣ, примѣнительно къ положенію 20 апр. 1872 г. о правахъ языковъ въ Далмаціи и 19 апр. 1880 г. — о томъ же въ Чехіи. Очень жаль, что подобнаго рода петиціи имѣютъ партійную окраску и исходятъ не отъ дѣйствительныхъ, а отъ мнимыхъ представителей большинства червонорусскаго населенія. Какой вѣсъ можетъ имѣть въ глазахъ гр. Тафе подобная петиція, когда онъ знаетъ что «Народная Рада» не имѣетъ никакихъ полномочій говорить отъ имени Червонной Руси? Если «Нар. Радѣ» дѣйствительно дороги интересы народнаго языка, то почему она агитируетъ противъ его историческаго правописанія?..

— Во Львовѣ предположено открыть «**Церковное общество шіранъ**», для подъема религіозности въ населеніи и охраненія автономіи русской церкви отъ поляковъ и іезуитовъ. Нельзя не признать важности этой благой мысли при нынѣшнемъ критическомъ положеніи червонорусовъ въ Галиціи, Буковинѣ и Угріи. Съ наименьшимъ сочувствіемъ слѣдуетъ отнестись и къ проекту «**Русскаго школьнаго общества**» во Львовѣ.

— 4¹/₁₈ авг. во Львовѣ безъ шуму отпразднована была годовщина со дня смерти о. **Іоанна Наушовича**. Его имя и теперь еще не дасть спастъ польскимъ администраторамъ въ Галичинѣ: они готовы приписать покойному и отвѣтственность за выселеніе галицкихъ поселянъ (изъ вбаражскаго и скалатскаго уѣздовъ) въ Россію! Какъ бы рады они еще разъ засадить о. Іоанна въ пресловутую «**Иванову хату**», наряду съ сотнями его духовныхъ чадъ въ восточной Галичинѣ!..

— Редакція угрорусскаго «**Листка**» расписала **конкурсъ на собраніе угрорус-**

сихъ народныхъ сказокъ, въ томъ изложеніи, какъ онѣ существуютъ въ народѣ Удовлетворяющія условія сказки будутъ оплачиваемы гонораромъ по 2—5 гульд. каждая.

— Въ галицкомъ г. Старомъ Сончѣ поляки справляли въ августѣ съ большою помпой 600 л. годовщину смерти своей королевы и патронесы св. Кунегунды или Книги. Народу собралось до 30,000 ч. Празднество приданъ былъ характеръ народно-патріотической демонстраціи противъ «тройственного забора», имѣвшей цѣлью постепенную подготовку народныхъ массъ къ борьбѣ со схизматической Москвой и восстановленію «Przedmurza Europy» (т. е. Польши). Во главѣ этой «органической работы» стоятъ іезуиты и эмартвыхстанцы. Эта идея недурно выражена въ нижеслѣдующемъ юбилейномъ четверостишіи:

A ludzkość gdy przywróci zburzone okory,
Skąd broniły Zachodu poświęcone klingi,
Nową erę — na progu wschodniej Europy
Powita chlebem Piastów, solą świętej Kingi.

— Осенью с. г. въ Краковѣ предположенъ съѣздъ т.-наз. *Kółek rolniczych* т. е. земледѣльческихъ кружковъ, призванныхъ содѣйствовать подъему польскаго крестьянства и распространенію въ эту среду идей объ «отбудованіи ойчизны».

— Въ г. Познани состоялся въ іюль с. г. второй съѣздъ польскихъ промышленниковъ и ремесленниковъ въ Германіи. На немъ присутствовали депутаты 88 польскихъ промышленныхъ обществъ. Изъ принятыхъ съѣздомъ резолюцій отмѣтимъ:

- 1 Польскія промышленныя общества должны и впредь руководиться принципами католическими.
2. Необходимо устроить съѣзды представителей промышл. обществъ, а буде возможно и постоянный ихъ комитетъ въ г. Познани.
3. Выработать нормальный статутъ для промышленныхъ обществъ.
4. Устраивать ихъ съѣзды каждыя два года.
5. Открывать польскіе магазины, особенно для предметовъ крестьянскаго быта,
6. Основывать чайныя и пріюты для промышленниковъ и ремесленниковъ.
7. Поддерживать общество имени Карла Марцинковскаго, въ интересахъ кустарной промышленности.

— Въ авг. выпускъ «*Nowa biblioteka uniwersalna*» помѣщено продолженіе мелкихъ статей К. В. Калинки, повѣсть Абгара-Солтана: *Rusini* и еще нѣкоторыя статьи.

— Въ городскомъ ратушѣ г. Бреслава въ Слезіи отыскана недавно значительная коллекція рукописей 15—16 вв., въ томъ числѣ до 5000 писемъ и грамотъ. Между ними есть много важныхъ для исторіи Слезіи и сосѣднихъ странъ,—между прочимъ свѣдѣнія о гуситахъ и много писемъ кор. Юрія Подѣбрада.

— Въ Прагѣ открыто новое общество: *Наслѣдіе Коменскаго* (*Dědictví Komenského*), которое уже теперь насчитываетъ между членами 1130 учителей и учительницъ и 27 корпорацій. Въ общемъ собраніи председателемъ избранъ Ф. Земанъ. Изъ принятыхъ на этомъ собраніи резолюцій отмѣтимъ слѣдующія:

1) Необходимо издавать ег е г о д н и к ъ, который будетъ слѣдить за чешскою и на другихъ языкахъ педагогическою литературою, учебными пособиями, книжками для молодежи, дѣятельностью чешскославянскаго учительства и педагогическимъ движеніемъ за границею.

2) Составить исторію чешскаго школьнаго дѣла.

- 3) Разрабатывать систему народнаго воспитанія и образованія.
- 4) Издавать хорошія сочиненія по учебной методикѣ и вообще педагогій.
- 5) Оцѣнивать новымъ явленія педагогической литературы.
- 6) Издавать для молодежи хорошія книжки, въ народномъ духѣ, знакомя ея и съ другими славянскими народностями.

Для каждой изъ этихъ задачъ учреждены особые комитеты при управленіи общества.

— Предположенное въ Угорскомъ Бродѣ торжество въ честь І. А. Коменскаго не состоялось: оно было запрещено австрійскими властями якобы по санитарнымъ соображеніямъ.

— Въ моравскомъ г. Преровѣ при большомъ стеченіи народа открыта памятная доска І. А. Коменскому, въ память его пребыванія въ этомъ городѣ въ 1614—16 г.г.

— Изъ Чикаго сообщаютъ чешскимъ газетамъ, что тамошніе чешскіе евреи основали комитетъ для сбора пожертвованій въ пользу чешской центральной школьной матицы. Этимъ они хотятъ-де выразить свое сочувствіе къ чехамъ и ихъ народной борьбѣ съ нѣмцами.

— Въ Чехіи и Моравіи усердно собираются матеріалы и денежные средства на устройство въ 1894 г. въ Прагѣ этнографической выставки. Образованы для этой цѣли комитеты во всѣхъ городахъ и даже многихъ посадахъ Чехо-Моравіи; организуются частныя этнографическія выставки изъ постепенно накапливаемыхъ матеріаловъ; вносятся вклады для покрытія расходовъ, исчисленныхъ примѣрно въ 300—400.000 ф.; получено отъ г. Праги разрѣшеніе утилизировать для этнографической выставки зданія, уцѣлѣвшія отъ прошлогодней юбилейной выставки.

— Лѣтомъ с. г. въ Моравіи устроена была цѣлая серия промышленныхъ и этнологическихъ выставокъ: въ Башковицахъ, Орѣховѣ, Клобукахъ, Всетинѣ, Костинѣ, Товачовѣ, Вышковѣ и др. Въ сент. состоялась такая же выставка и въ Годонинѣ. Цѣль ихъ — содѣйствовать подъему промышленности и ремесель а также готовить матеріалъ для предстоящей въ 1894 г. большой чехо-славянской этнографической выставки, въ г. Прагѣ.

По размѣрамъ своимъ, первое мѣсто между моравскими выставками занимаетъ Всетинская, въ средѣ моравскихъ «валаховъ». Она открыта была съ 14 по 28 авг. н. ст. и заключала въ себѣ: произведенія кустарной промышленности «Валлшска», работы учениковъ и ученицъ мѣстныхъ школъ, произведенія искусствъ, вышивки и костюмы народа, модели построекъ (между прочимъ шинка), мѣстныя грамоты, коллекціи монетъ и доисторическихъ древностей, музыкальные инструменты, карта говоровъ (Бартоша) и т. п. По случаю этой выставки во Всетинѣ состоялся съѣздъ всѣхъ моравскихъ этнографическихъ комитетовъ, подъ предсѣдательствомъ гр. Владиміра Лажанскаго изъ Праги. Обсуждаемы были мѣры для организациіи мѣстныхъ отдѣловъ на пражской этнографической выставкѣ 1894 г. Въ числѣ посѣтителей Всетинской выставки были и сосѣдніе словаки изъ Угріи, которые также примутъ участіе въ пражской выставкѣ 1894 г. Очень богаты были этнографическія коллекціи и на выставкѣ Товачовоной, особенно по части вышивокъ и костюмовъ гнацкихъ. Не уступала имъ въ богатствѣ и недавняя художественная, промышленная и этнографическая выставка въ Годонинѣ.

— Въ чешскомъ г. Добрушкѣ (Dobruška въ половинѣ авг. с. г. открыта была сельскохозяйственная и промышленная выставка, подъ предсѣдательствомъ кн. ф. Лобковица. Въ ней приняли участіе 579 чешскихъ экспонентовъ изъ разныхъ областей Чехіи.

— 8/30 авг. въ моравскомъ городѣ Босковицахъ состоялась съѣздъ моравскихъ

студентовъ. На немъ обсуждаемы были вопросы: о студенческихъ корпораціяхъ, объ усиленіи фонда для пособія нуждающимся студентамъ, о развитіи въ студенчества народнаго самосознанія и характера, о необходимости второго чешскаго университета, о лѣтнихъ экскурсіяхъ студентовъ въ сосѣднія славянскія земли, объ учрежденіи читаленъ и т. п.

— Изъ программы 1-ой **торгово-промышленной женской школы** въ г. Прагѣ узнаемъ, что въ ней, наряду съ языками французскимъ и нѣмецкимъ, преподается и **русскій языкъ** по 2 часа въ недѣлю. «Старосткою» этой школы состоитъ извѣстная писательница **Елишка Красногорская**.

— Въ Чехіи отпраздновано лѣтомъ 80-лѣтіе извѣстнаго археолога, юриста и историка **Виталина Рыбички**. Онъ положилъ основаніе чешской геральдики, сфростики и генеалогіи, собралъ надписи на чешскихъ колоколахъ и изучилъ ихъ исторію, обнародовалъ матеріалы для чешскаго народнаго права и составилъ жизнеописаніе большого числа чешскихъ писателей, художниковъ и дѣятелей стараго и новаго времени, особенно 18 и 19 в. Много матеріаловъ излечено имъ изъ архивовъ и старыхъ изданій. Всѣ труды Р. отличаются строгой объективностью и нѣжной серьезностью.

— Въ Чехіи умеръ одинъ изъ лучшихъ чешскихъ педагоговъ **Нес. Коржинекъ**. Онъ род. въ 1829 г. въ с. Тросвицахъ (хрудимскаго уѣзда). Былъ учителемъ, а потомъ и директоромъ гимназій. Издавъ «латинскую грамматику», упражненія въ переводѣ съ чешскаго языка на греческій, «Краледворскую и Зеленогорскую рукописи», «Александрейду чешскую», и нѣкоторыя сочиненія I. A. Коменскаго (**Labyrinť světa, Informatorium**). Чешская академія почтила его званіемъ своего члена-корреспондента.

— Въ с. Требижѣ, близъ г. Сланаго въ Чехіи, состоялось недавно открытіе памятника очень популярному чешскому беллетристу **Вацлаву Бенешу Требишскому**, въ присутствіи до 10.000 народа и до 60 обществъ со знаменами. Заслуги его вѣрно очерчены Верхлицкимъ въ нижеслѣдующемъ 8-стишіи:

Čech, člověk, kněz—vše v krásném souzvuku,
vše srdcem pojato a posvěceno,
a život plný práce bez hluku,
a láska i těch malých v sladké věno,
v svých dilech pomník, v srdci lidu jméno,
vždy vřidný úsměv pod šedivou skrání
a pozdním časům ještě požehnání:
vic nelze přát si, nelze dáti ani.

— 6 и 7 авг. въ г. Хлумцѣ подъ Цидлиною (въ Чехіи) отпразднована **100 л. годовщина** рожденія чешскаго драматурга **Вацлава Милцпоры** (Klicpera). Юбилейную рѣчь произнесъ редакторъ «Освѣты» В. Волчекъ.

— Чешскій беллетристъ др. **Янъ Гербенъ** издалъ романъ: *Do třetího a čtvrtého rokolení*, гдѣ изобразилъ жизнь моравскихъ поселянъ въ Годонскѣ, въ теченіе цѣлаго столѣтія.

— Въ газетѣ «Čech» напечатанъ рядъ статей г. **О. В. Сейноры** въ оборону **Краледворской рукописи**, противъ нападеній на нее профессора Гебауера. Многія вооруженія послѣдняго дѣйствительно ослаблены собранными г. Сейнорой матеріалами. Но до конца спора—тутъ еще далеко!..

— Общество пражскихъ книготорговцевъ издало недавно въ Прагѣ 3-й т. «чешскаго библиографическаго каталога», обнимающій книги, брошюры, журналы и музыкальныя изданія за 1891 г.

— Роскошного изданія: **Sto let grace**, въ память прошлогодней пражской выставки, вышло уже 3 выпуска. Цѣна по 1 фл.

— Въ Оттовой «*Ruská knihovna*» продолжается изданіе **Ф. М. Достоевскаго** въ переводѣ Яромира Губаго.

— Чешскій романистъ **Клостерманъ** приступилъ къ изданію новаго романа изъ шумавской жизни, н. з. «*V Šumavském raji*». Онъ будетъ выходить отдѣльными выпусками иждивеніемъ **И. Вилемка** въ Прагѣ.

— Въ чешскомъ журналѣ: *Pedagogické Rozhledy* (IV и V вып.) напечатанъ рядъ статей, посвященныхъ памяти **И. А. Коменскаго**. Авторами ихъ являются: **И. Клика**, **И. В. Новакъ** и н. др.

— Моравскій этнографъ **Мат. Вацлавекъ** издалъ въ г. Тельчѣ соч. «*Valašská svadba, její zvuky a obyčej*» (v Telči. 1892).—Цѣна 50 кр. Матеріалъ собранъ авторомъ изъ личныхъ наблюденій.

— Изъ годового отчета **верхнеугорскаго культурнаго (!) общества** за текущій годъ узнаемъ, что оно приготовило еще 1423 мѣста въ малярскихъ селахъ и городахъ для **словенскихъ дѣтей**. Таковыхъ набрано-де уже 495 (4 изъ Оравы, 30 изъ Липтова, 200 изъ Тренчина и 250 изъ Нитры), которые и будутъ уведены отъ родителей на «мадьяры» для мадьяризааіи... Вотъ и торговля людьми въ самомъ сердцѣ Европы.

— **Народно-словенское общество въ Америкѣ** въ общемъ собраніи членовъ рѣшило **поддерживать матеріально своихъ родичей** на Словачинѣ. На первый разъ они прислали 715 фл. для распредѣленія: на памятникъ Гурбана, Домъ народный, Гимназію словенскую, общ. св. Войтъха, общ. Живену, общ. Народъ въ Вѣнѣ, общ. Детванъ въ Прагѣ, музей въ Т. Св. Мартинѣ и словенскій «Спѣвоколь» тамъ же.

— 8 сент. н. ст. въ с. Глубокомъ въ верхней Угріи назначено было торжественное открытіе сооруженнаго на пожертванія народа надгробнаго памятника **др. Іоо. Гурбану**. Правительство запретило однако это торжество, по неизвѣстнымъ причинамъ, такъ что на кладбищѣ въ этотъ день присутствовали одни жандармы. Собравшійся отовсюду народъ вынужденъ былъ ограничиться однимъ богослуженіемъ въ память своего отца и вождя. Легко понять народное негодованіе, вызванное этимъ распоряженіемъ мадьярскаго правительства!

— **Словинское дружество** въ Штириі въ общемъ своемъ собраніи въ г. Цельѣ 21 авг. приняло единогласно слѣдующія резолюціи (въ сокращеніи):

1. Нѣмцы не имѣютъ права упрекать словенцевъ за требованіе отъ мѣстныхъ чиновниковъ знакомства съ языкомъ мѣстнаго населенія;

2) Необходимо прекратить борьбу словинскихъ партій;

3) Выразить благодарность обществамъ: св. Магора, свв. Кирилла и Меѳодія, Матицы слов. и пѣвческому за патриотическую дѣятельность;

4) Протестовать противъ сооруженія на казенный счетъ нѣмецкихъ школъ въ словинскихъ городахъ и посадахъ;

5) Требовать отъ словинскихъ депутатовъ рейхсрата—войти въ югославянскій клубъ.

— Городская управа города Любляны подала въ министерство **протестъ противъ запрещенія** областнымъ управленіемъ Краины **защиты нѣмецкихъ названій улицъ словинскими** въ г. Люблянѣ. Протестъ мотивированъ крайне малымъ числомъ нѣмцевъ въ Люблянѣ и ссылается на прецеденты городовъ Целя, Целовца, Птуя, Марибора, Горицы, Триеста, гдѣ находятся довольно значительныя меньшинства словенцевъ, но названія улицъ только нѣмецкія или итальянскія, смотря по большинству населеній. Того же требуетъ-де и большинство словинское въ Люблянѣ.

19/и июля въ г. Прагѣ умеръ извѣстный словинскій патриотъ и писатель **Матія Шааръ**. Онъ род. 1809 г. въ Горицахъ (Зильская долина, въ Хоруганіи). Былъ священникомъ сначала близъ родины, потомъ близъ г. Целовца, а съ 1883 г. проживалъ въ Прагѣ. Еще въ 1848 г. онъ издалъ «Pravila, kako izobgajevati ilicrsko nagobje i u obće slovenski jezik». За составленную имъ тогда петицію словенцевъ М. вынужденъ былъ на нѣкоторое время оставить Целовець. Въ 1851 г. онъ былъ въ числѣ учредителей общества св. Магора. Въ 1864 г. написалъ: «Sv. brata Ciril in Metod, slavjanska apostola», а годъ спустя — Uzajemna slovnica ali mluvnica slavjanska. Тутъ онъ проповѣдывалъ литературное объединеніе славянъ, путемъ взаимнаго сближенія ихъ языковъ. Въ 1873 г. издалъ журналъ «Slavjan» для проповѣди тѣхъ же мыслей. Онъ принадлежалъ къ числу самыхъ одушевленныхъ послѣдователей Коллара и дѣятелей славянскаго сближенія. Миръ его праху!

— Въ октябрѣ с. г. въ Вѣнѣ предположенъ съѣздъ представителей угнетенныхъ народностей Австро-Угрии, а именно: чеховъ, словаковъ, червонорусовъ, сербовъ, хорватовъ, далматинцевъ, румыновъ и угорскихъ нѣмцевъ (?). Составленъ будетъ Memorandum для европейскихъ правительствъ и программа преобразованія Австро-Угрии въ федерацию, для врученія императору.

— 4-го сентября сего года истекло 40 л. со времени начала литературной дѣятельности словенскаго историка и патриота **Франя Сасинка** (Fr. Sasinek). Онъ род. въ 1830 г. въ Скалицѣ; воспитывался въ этомъ городѣ и Солнокѣ; въ 1846 г. вступилъ въ орденъ капуциновъ, а въ 1852 г. рукоположенъ въ діакона въ Остригонѣ. 4-го сентября 1852 г. напечаталъ въ журналѣ: «Cygill a Method», гдѣсь въ честь этихъ святыхъ. Былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ «Katolickich Novin». Занималъ должности проповѣдника—на языкахъ нѣмецкомъ, мадьярскомъ и словенскомъ—въ Пресбургѣ, Татѣ, Пезинкѣ, Будинѣ, Банской Быстрицѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ былъ преподавателемъ разныхъ предметовъ въ духовныхъ заведеніяхъ этихъ городовъ. Въ 1864 г. Сасинекъ, при содѣйствіи славнаго епископа Мойсеса, вышелъ изъ ордена капуциновъ и въ слѣдующемъ году сталъ библіотекаремъ словенской Матицы въ Банской Быстрицѣ. Это доставило ему возможность приступить къ обработкѣ и изданію «Древнеугорской исторіи». Съ 1869 г. онъ жилъ въ Турчанскомъ Св. Мартинѣ, какъ секретарь и редакторъ Матицы, до упраздненія ея правительствомъ въ 1875 г. Нѣсколько лѣтъ затѣмъ велъ Сасинекъ кочевую жизнь, проживалъ у знакомыхъ, пока наконецъ въ 1881 г. ему не удалось найти убѣжище въ Прагѣ, въ должности духовника «Больницы сестеръ милосердія». Во все это время онъ не переставалъ работать въ области славянскихъ древностей и угорской исторіи. Очень много его статей напечатано въ вѣнскомъ «Parlamentär'ъ», а также въ «Nar. Novinach», «Slovenskych Pohladach» и др. изданіяхъ. Всѣ онъ запечатлѣны ученой пытливостью, независимостью мысли и истиннымъ кирилло-меоводіевскимъ духомъ. Въ Ружомборкѣ, на Словачинѣ, издана по поводу этого 40-лѣтняго юбилея брошюра: Pamiatka na styridsat'roboje literárnej činnosti Franka V. Sasinka, съ биографіей его, напечатанной Фр. Освальдомъ.

— Въ хорватскомъ г. Крижевицѣ недавно поселился новопоставленный униатскій епископъ **Іоаннъ Дрогобичій**, изъ угро-русскихъ канониковъ. На него возложена миссія распространять унию между сербо-хорватскими «схизматиками».

— Изъ новѣйшей статистики хорватско-славонскихъ городовъ оказывается, что въ 20 городахъ Хорватіи и Славоніи насчитывается 148,000 жит. (на 2.186,000 жит. общаго населенія). Изъ нихъ: 28,000 нѣмцевъ и 6000 мадьяръ. Первые занимаютъ главнымъ образомъ промышленностью и торговлею, и составляютъ до-

вольно значительный процент населенія гг. Земуна, Митровицы, Загреба, обенно же Осека, гдѣ они имѣютъ абсолютное большинство. Особая нѣмѣцкія школы охраняютъ ихъ отъ слиянія съ мѣстнымъ славянскимъ населеніемъ. Что касается мадярь, то они служатъ преимущественно въ желѣзнодорожномъ управленіи. Развитіе приморскихъ городовъ Хорватіи парализовано своекорыстною политикою мадярскаго правительства, которое заинтересовано лишь усиленіемъ г. Рѣки, считаемой какъ бы портомъ Булапешта.

— Въ августѣ мѣсяцѣ въ г. Загребѣ состоялась выставка учебныхъ пособій. Она была посѣщена между прочимъ и чешскими учителями (до 100), которые приняты мѣстнымъ хорватскимъ обществомъ весьма сочувственно, хотя мадярское правительство Загребы и Рѣки (Fiume) взглянуло очень косо на это новое проявленіе славянской взаимности.

— Въ августѣ мѣсяцѣ въ г. Загребѣ по распоряженію правительства произведены новые выборы членовъ въ городскую думу. Результатъ ихъ былъ крайне неблагоприятенъ для народной партіи: побѣдили мадяры, имѣющие теперь въ этой думѣ большинство 10 голосовъ. Это поражение народно-хорватской партіи или вѣрнѣе хорватскаго народа ренегатами объясняется правительственнымъ давленіемъ на избирателей, а также измѣною чиновниковъ, крупныхъ собственниковъ и евреевъ. На мѣсто прежняго умнаго и дѣятельнаго городского головы др. Амруша опредѣленъ теперь мадяронъ Мошинскій. Это тяжелый ударъ для славянскаго дѣла въ Хорватіи.

— Въ хорватскомъ «Obzor'ѣ» напечатанъ недавно рядъ политическихъ статей по поводу адреса императору отъ новаго сейма. Авторъ (какъ полагаютъ, академикъ Рачицъ), стоя на славянской точкѣ зрѣнія, отражаетъ безграничныя притязанія мадярь въ Хорватіи и высказывается за полную эманципацию хорватовъ отъ Угріи въ отношеніяхъ экономическомъ и политическомъ.

— Въ г. Триестѣ предположено учредить хорватское школьное общество, по образцу аналогичныхъ обществъ нѣмецкихъ, словинскихъ, чешскихъ и др. Цѣль этого общества—противодѣйствовать итальянизации хорватскихъ школьниковъ въ Истріи.

— Вѣнскій славяновѣдъ др. Облакъ совершилъ ученую экскурсію на далматинскіе острова, для изученія мѣстныхъ сербохорватскихъ говоровъ. Экскурсія эта доставитъ, вѣроятно, славянской діалектологіи болѣе ученыхъ данныхъ чѣмъ недавняя поѣздка ученаго словенца въ Македонію, такъ грубо прерванная турецкими властями.

— Въ Туринѣ печатается новое сочиненіе далматинскаго серба Иосифа Николаевича Модрича: La Russia, какъ результатъ недавней его поѣздки по Россіи. Подписка принимается у автора, въ г. Зарѣ (Zara, Dalmatia). Цѣна 2½ фл.

— Съ лѣта въ г. Дубровникѣ, выходитъ новая сербская газета «Дубровникъ». Она поставила себѣ задачей отстаивать интересы далматинскихъ сербовъ, въ ихъ борьбѣ съ итальянцами и хорватами. Мѣстная газета: «Срѣвна hrvatska» не особенно сочувственно встрѣтила новаго собрата. Но такая полемика на-руку скорѣе итальянцамъ и нѣмцамъ, чѣмъ сербамъ или хорватамъ.

— Латинская пропаганда въ Босніи и Герцеговинѣ развивается все шире: учреждаются все новые католическіе приходы, сооружаются на казенный счетъ костелы, между прочимъ кафедральный въ Саревѣ, основываются францисканскія, трапистскія и даже іезуитскія школы (напр. въ Травникѣ), раздаются народу бесплатно миссіонерскаго содержанія листки и книги. Страна быстро наполняется множествомъ латинскихъ конгрегацій, мужскихъ и женскихъ, подъ разными наименованіями. Воздвигнуто гоненіе на кирилловское письмо и даже

на сербское имя, не разрѣшается постройка православныхъ церквей, напр. въ Бихачѣ и Новомѣ. Процессъ этотъ сильно напоминаетъ одновременное вытравленіе всего русскаго, при помощи тѣхъ же іезуитовъ, въ Галичинѣ. По сообщеніямъ чешскихъ «Nár. Listy» (18 авг.) іезуитское общество св. Иеронима въ Римѣ ассигновало 4 мил. гульд. на пропаганду въ западныхъ областяхъ Балканскаго полуострова, Австрія же — 1 мил.

— Въ Босніи начаты работы по сооруженію **железной дороги**, долженствующей связать гг. Сараево и Сплитъ, т. е. Боснію съ Адриатикою.

— Оккупационное правительство провозгласило лѣтомъ с. г. въ Босніи и Герцеговинѣ **отмѣну натуральной упряжной повинности** и замѣну ея денежною. Но это мало улучшило положеніе мѣстныхъ крестьянъ, которые и теперь, какъ до оккупации, почти вовсе не владеютъ землею, а арендуютъ ее у мусульманскихъ беговъ и агъ за третью часть (33%) урожая. Если прибавить, что 10% послѣдняго отдается правительству (въ деньгахъ, по произвольной оцѣнкѣ), то оказывается, что земледѣльцу остается едва 57% урожая, т. е. лишь немного болѣе половины. Изъ этого видно, что **аграрныя условія** населенія теперь не лучше тѣхъ, которыя вызвали возстаніе противъ беговъ и агъ въ 1875 г.

— Баронъ Аппель въ Сараевѣ праздновалъ недавно **10-лѣтіе своего управленія Босніей**. Въ теченіе этого времени мало, правда, сдѣлано для подъема прежней рѣи, но много для постепеннаго превращенія ея въ латинизованныхъ швабовъ.

— **Бока Которская** постепенно **окатоличивается**. При недавнихъ выборахъ въ городскую думу г. Котора католики побѣдили въ 1-ой и 3-ей куріяхъ, а православные лишь во 2-ой. Правительство не утвердило однако послѣднихъ, и назначило перебаллотировку во 2-ой курии, въ надеждѣ доставить и въ ней торжество католикамъ-хорватамъ надъ православными сербами.

— Въ распоряженіе новосадской «Сербской Матицы» переданы недавно душеприкащиками **и. Александра Карагеоргиевича фондъ** его имени, въ 96.267 флор., для выдачи стипендій сербскимъ ученикамъ изъ Угрии, Сербіи, Черногоріи, Босніи, Герцеговины и Старой Сербіи.

— Въ угросербскомъ городѣ **Суботицѣ** (Theresiopol) недавно открыта мѣстными «буневцами» (сербь-католики) **сербская типографія**. Это указываетъ на постепенное пробужденіе славянскаго самосознанія въ средѣ суботицкихъ сербовъ, которыхъ насчитывалось до 50.000 л.

— Въ октябрѣ с. г. въ срѣмскихъ **Карловцахъ** будетъ созванъ **сербскій церковный конгрессъ**, подъ предсѣдательствомъ патриарха Бранковича и въ присутствіи королевскаго комиссара Феодора Николича. При нынѣшнемъ гнетѣ малярскаго правительства и разрозненности сербскихъ партій (т. наз. либеральной и радикальной) трудно ожидать отъ этого конгресса плодотворной дѣятельности для сербской церкви и народности.

— Въ Бѣлградѣ вышло недавно подъ редакціей профессора Бошковича начало (А—З) третьяго изданія извѣстнаго «Српскаго Рѣчника» **Вука Стеф. Караджича**. Цѣна 1-го вып. 4^{1/2} фр.

— Сербскій поэтъ **Радое Черногорецъ** издалъ недавно **драму** въ 3 д. п. в.: «**Царевъ Лазъ**». Сюжетъ заимствованъ изъ черногорской исторіи начала 18 в., время владыки Данила I, который разбилъ въ 1712 г. турокъ на «Царевомъ Лазѣ», отсюда и названіе драмы.

— Въ бѣлградскомъ «Новомъ Листѣ» напечатанъ рядъ статей черногорца **Гована Рогановича** объ извѣстной поэмѣ **Мажураича: «Смртъ Самла-аге Ченгича»**. Авторъ доказываетъ, что матеріалъ этой поэмы доставленъ хорватскому поэту черногорскимъ владыкою Петромъ II, авторомъ «Горскаго вѣнца», которому принадлежала слѣдовательно на половину и означенная поэма.

— Българската «велика школа» будетъ преобразована съ 189³/₄ г. въ **све- училище** или **университетъ**. Но медицинскій факультетъ предположено открыть лишь тогда, когда Коларчевъ фондъ возрастетъ до мил. франковъ.

— Въ сербскомъ г. **Шабацѣ** состоялся 6—8 юля с. г. **съездъ членовъ сербскаго учительскаго общества**. На немъ присутствовали депутаты и отъ хорватскихъ учительскихъ обществъ, принятые сербскими учителями очень сочувственно, во имя сербохорватскаго народнаго единства въ культурномъ отношеніи. Въ рефератахъ обсуждаемы были вопросы: объ учрежденіи въ Бѣлградѣ «учительскаго дома»; объ организациі «учительской задруги»; о школьномъ надзорѣ; о перемѣщеніи учителей; о срокахъ службы; о средствахъ расширенія въ народѣ грамотности; о преподаваніи географіи; о сближеніи учителей съ учениками и т. п. По многимъ изъ этихъ вопросовъ приняты были резолюціи обращенныя къ правительству.

— Въ г. **Вранѣ** въ Сербіи состоялась въ авг. мѣс. промышленная выставка, устроенная «обществомъ сербскихъ промышленниковъ». Она привлекла не мало посѣтителей изъ всѣхъ областей Сербіи. И молодой король Александръ осмотрѣлъ ее, въ сопровожденіи г. Ристича.

— Новый **австро-сербскій торговый договоръ**, утвержденіе котораго ожидается отъ ближайшей скупщины, предоставляетъ сербамъ нѣкоторыя льготы по вывозу въ Угрію скота, но зато пошлина на хлѣбъ увеличилась на 25⁰/₀. Что касается ввоза въ Сербію, то онъ будетъ затрудненъ лишь по тѣмъ статьямъ, которыя составляютъ въ ней правительственную монополію; сюда относятся: табакъ, соль, порохъ, керосинъ, алкоголь, спички и сигаретная бумага.

— Въ г. Неготинѣ открытъ **памятникъ** славному сербскому **гайдуку Велько**, одному изъ сподвижниковъ Георгія Чернаго и Милоша Обреновича при освобожденіи Сербіи отъ турокъ.

— Въ теченіи 6 л. **стамбуловскаго режима** въ Болгаріи пало жертвою **терроризма** до 180 человекъ, а именно: 150 было убито его мамелюками при выборахъ въ народное собраніе въ 1887 г. (въ Плевнѣ, Кутловицѣ и Горной Ораховицѣ), остальные же 30 ч. были разстрѣляны или повѣшены послѣ «возстаній»—рущуцкаго, силистрийскаго, бургасскаго, старовагорскаго, а также по дѣламъ Паницы и Бельчева. Но въ этотъ счетъ не входятъ лица, замученныя въ тюрьмахъ или убитыя тайно, какъ напр. 6 старовагорцевъ, брошенныхъ ночью въ Дунай русскими префектомъ Мантовымъ, въ 1887 г.

— **Четыре софійскіе мученика** (некрологъ). Изъ казненныхъ 15—27 юля стамбуловскимъ лжеправительствомъ по процессу Бельчева четырехъ болгарскихъ патриотовъ, наиболѣе извѣстенъ былъ въ Болгаріи **Святославъ Миларовъ**. Онъ род. въ 1850 г. въ Цареградѣ, образованіе среднее и высшее получилъ въ Загребѣ и съ успѣхомъ занимался публицистикой, пописывая въ журналахъ хорватскихъ и болгарскихъ, особенно въ «Македоніи» Славейкова (въ 1869—70 гг.). Въ началѣ 1870-хъ годовъ онъ былъ арестованъ турками по обвиненію въ политическомъ заговорѣ и просидѣлъ два года въ цареградской тюрьмѣ, откуда наконецъ спасся бѣгствомъ. Воспоминанія объ этомъ заключеніи напечатаны потомъ были Миларовымъ по-хорватски и въ переводѣ болгарскомъ.

Во время войны за освобожденіе Миларовъ сражался въ рядахъ русскихъ войскъ, а затѣмъ—по освобожденіи Болгаріи—издавалъ въ Терновѣ газеты «Болгарскій Левъ», «Клепало», «Echo des Balkans», «9-ое августа», «19-ое февраля» и сотрудничалъ во многихъ другихъ болгарскихъ газетахъ. За участіе въ изгнаніи Батенберга Миларовъ былъ удаленъ изъ отечества, но въ 1889 г. получилъ амнистію и возвратился изъ Румыніи на родину. Тутъ онъ раздумывалъ

о средствахъ спасти ее отъ нынѣшняго терроризма, но былъ арестованъ и казненъ на 42 г. жизни. Его мужество подѣ висѣлицей произвело глубокое впечатлѣніе даже на палачей.

Томъ Георгиевъ род. въ 1858 г. въ подбалканскомъ селѣ Панагюриштѣ и уже на 18 г. жизни принималъ участіе въ партизанскихъ дѣйствіяхъ противъ турокъ отряда воеводы Бенковскаго. Взятый въ плѣнъ, онъ былъ брошенъ въ тюрьму и не повѣшенъ лишь благодаря своей молодости. По освобожденіи Болгаріи Г. служилъ маленькимъ чиновникомъ въ М. Н. Пр. и по контролю. Онъ считался однимъ изъ самыхъ рѣшительныхъ партизановъ Каревелова. Повѣшенъ на 34 г., оставивъ вдову и малолѣтнихъ дѣтей безъ всякихъ средствъ.

Константинъ Поповъ род. въ 1867 г. въ с. Айтась, во Фракіи. Служилъ въ окружномъ управленіи г. Бургаса, участвовалъ въ бургасскомъ возстаніи 1886 г. и въ четѣ Набокова въ 1887 г., послѣ чего бѣжалъ въ Турцію. Въ 1890 г. К. П. вернулся, съ намѣреніемъ помочь Миларову въ низверженіи стамбуловскаго режима, но скоро вынужденъ былъ снова бѣжать въ Турцію, которая однако выдала его Стамбулову, подѣ условіемъ предать его не военному, а обычному уголовному суду. Это обѣщаніе Стамбулова было нарушено и К. П. казненъ 25 л. отъ роду, оставивъ семью безъ средствъ къ жизни.

Александръ Карагуловъ род. въ 1858 г. близъ г. Охриды. Занимался въ Софіи торговлей. Потомъ былъ редакторомъ «Македонскаго Гласа» и членомъ македонскаго комитета. Съ 1885 г. А. К. былъ судебнымъ приставомъ въ Софіи. Казнь Паницы вызвала его къ борьбѣ противъ Стамбулова, которая довела его до висѣлицы на 34 г. жизни.

—15—27 авг. въ Пловдивѣ открыта принцемъ Фердинандомъ Кобургскимъ и его министрами болгарская хозяйственно-промышленная выставка, составленная по образцу прошлогодней чешской. Она состоитъ собственно изъ 2 частей: а) выставки болгарской и б) выставки австроугорской, въ частности же чешской. Первая не особенно обширна, особенно въ сравненіи съ пражской. Въ главномъ павильонѣ представлена общая картина болгарскаго земледѣлія и промышленности, въ примыкающихъ же къ нему отдѣльныхъ павильонахъ—выставлены произведенія отдѣльныхъ городовъ и областей. Затѣмъ слѣдуетъ эффектный павильонъ угорскій, а за нимъ австрийско-чешскій. Половину послѣдняго занимаетъ выставка вѣнская, главнымъ образомъ галантерейныхъ товаровъ, а другую—выставка чешская, обставленная очень хорошо и привлекающая общее вниманіе посѣтителей. Это констатировано при открытіи выставки и принцемъ Кобургскимъ, который въ болгарской рѣчи къ чешскимъ экспонентамъ называлъ себя «ихъ братомъ» и «государемъ славянскимъ»... На бланкетѣ же по поводу открытія выставки этотъ самозванецъ именовалъ даже себя «протекторомъ болгарской православной церкви»! Замѣчательно, что корреспонденты чешскихъ газетъ (даже Nár. List'ovy) принимаютъ всю эту хлестаковщину за чистую монету!.. Вѣроятно они увлекаются надеждою на торговые выгоды въ Болгаріи: но онѣ скорѣе достанутся нѣмцамъ и евреямъ.

— **Вѣнскій Лендербанкъ**, по газетнымъ сообщеніямъ, вновь ссужаетъ болгарскому лжеправительству 20 мил. фр. подѣ залогъ табачной монополіи. Кто будетъ погашать эти незаконные долги незаконнаго правительства?

— Въ софійскомъ «Державномъ Вѣстникѣ» (іюль 1892 г.) представлены подробныя свѣдѣнія о бюджетѣ 77 болгарскихъ городовъ въ 1892 г. Мы узнаемъ отсюда, что многіе города хозяйничаютъ теперь въ долгъ, а именно: Добричъ (заемъ въ 275 т. фр.), Видинъ (600 т. фр.), Кюстендилъ (100 т.), Радомиръ (15 т.), Филиппополь (1,666 т.), Станимака (200 т.), Плевна (100 т.), Тутроканъ (200 т.), Ямболи (100 т.), Софія (500 т. субсидіи отъ правительства!),

Терново (90 т.). Насколько производительны ихъ расходы на занятія деньги изъ журнала не видно.

— Болгарскій инженеръ П. Николаевъ издалъ въ Софіи брошюру: *Нѣсколко думи върху нашѣтъ молъзници*. Авторъ доказываетъ необходимость сооруженія, трехъ новыхъ линій: 1) отъ рущуцко-варненской линіи на Терново и Плевну въ Софію, съ вѣтвью отъ Врацы въ Виддинъ; 2) отъ Софіи къ Архипелагу и 3) отъ Пловдива на Чирпанъ и Ст. Загору къ Нов. Загаръ, всего до 830 километровъ, стоимостью въ 112—115 мил. фр. Сверхъ того онъ предлагаетъ улучшить порты въ Варнѣ и Бургасѣ, за 25—30 мил. фр.

— Въ Софіи приступлено къ изданію *Собранія сочиненій* покойнаго болгарскаго поэта, публициста и историка Р. И. Жинзифова (род. 1839 г. † 1877 г.), который нѣсколько извѣстенъ и въ русской литературѣ своими статьями въ «Днѣ», «Правосл. Обзоръніи», «Москов. Вѣд.» и между прочимъ въ «Поэзіи славянъ» Гербеля.

Г. Хр. Дановъ издалъ новую карту Балканскаго полуострова. Въ основу ея положена австрійская карта, но со значительными поправками и дополненіями, особенно въ областяхъ Болгарскаго княжества. Болѣе промаховъ замѣчается въ областяхъ Турціи. Быть можетъ они будутъ устранены ожидаемымъ изданіемъ официальной карты Турціи, предпринятой министерствомъ публичныхъ работъ.

— Въ Софіи вышла VII-ая кн. *Сборника за народни умотворенія, наука и нияниина*. (1892 г. цѣна 5 фр). Тутъ напечатано нѣсколько важныхъ статей по мѣстной археологіи, этнографіи, литературѣ гг. Шкорпила, Баллашева, Гудева, Цоневъ, Драгоманова (о легендахъ), Илиева, Паулера, Кесякова, Матова и др. Есть и путевыя замѣтки Ив. Вазова.

— Въ Софіи вышла брошюра Х. П. Константинова: *Первый славянскій стенографическій конгрессъ въ Прагѣ*. Тутъ изложены результаты совѣщаній славянскихъ стенографовъ въ авг. 1891 г. въ Прагѣ, по вопросу о выработкѣ общеславянской стенографической системы и другимъ очереднымъ вопросамъ стенографіи. Отмѣтимъ кстати, что 6 сент. въ Пловдивѣ назначенъ съѣздъ болгарскихъ стенографовъ.

— Въ г. Видинѣ началъ выходить новый болгарскій литературно-политическій журналъ: «Видинъ», подъ ред. Т. Тоцова и Н. Найденова.

— Въ Лозаннѣ вышло соч. Н. Яичева: *La Bulgarie et l'étranger. La nationalité bulgare, le régime des capitulations*. Это докторская диссертация, по юридическому факультету.

— Въ женевскомъ географич. журн. *Le Globe* (т. XXXI) напечатана обширная статья г. Стрѣзова о восточной части Солунскаго вилаета, основанная на личномъ изученіи этого края.

— По газетнымъ сообщеніямъ, цареградскій патріархъ образовалъ комиссію изъ 4 членовъ для обсужденія предложенія сербскаго митрополита Михаила, объ исправленіи юліанскаго календаря.

— Изъ общественной и учебной статистики Румынскаго королевства. Въ 1892 г. въ Румыніи считается до 6 мил. жит., изъ коихъ до 5 мил. румынской народности, 600,000 евреевъ и до 400,000 прочихъ народностей: русскихъ (б. ч. старообрядцы и даже скопцы въ большихъ городахъ и въ Добруджѣ), болгаръ, сербовъ, поляковъ, чеховъ, армянъ, цыганъ, мадьяръ, турокъ, грековъ, итальянцевъ, французовъ, англичанъ, нѣмцевъ. По вѣроисповѣданіямъ большинство принадлежитъ къ православной церкви (румыны и русскіе, болгары и сербы); затѣмъ слѣдуютъ еврей-талмудисты, протестанты (нѣмцы—лютеране, мадьяры—кальвинисты), католики (поляки, чехи, часть западно-европейцевъ).

Въ административномъ отношеніи Румынія раздѣлена на 32 округа или уѣзда, изъ коихъ: 13 въ Молдавіи, 12 въ Валахіи и 5 въ Малой Валахіи или Крайскомъ Банатѣ и 2 въ Добруджѣ. Уѣзды раздѣляются на 167 становъ, а станы на общины (comuna)—3041. Городовъ насчитывается 70, сель до 3000. Во главѣ уѣздовъ стоятъ префекты, во главѣ становъ—подпрефекты, а въ общинахъ—головы (primar).

Народнымъ просвѣщеніемъ Румыніи завѣдуетъ министръ и его помощникъ (генераль-секретарь). Ежегодно въ сентябрѣ на совѣщаніе съ министромъ собирается «общій совѣтъ просвѣщенія», въ составъ котораго входятъ по выбору представители высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, 2 члена высшей кассационной палаты (въ родѣ сената), 2 отъ высшаго духовенства и 2 отъ военного вѣдомства. Исполнительнымъ органомъ этого «общаго совѣта» служить «перманентный совѣтъ просвѣщенія», собирающійся по 3 раза въ недѣлю.

Для наблюденія за низшими школами, которыхъ насчитывается болѣе 2000 по селамъ и до 350 въ городахъ, въ каждомъ уѣздѣ состоитъ нѣсколько инспекторовъ народныхъ училищъ. Сверхъ того, имѣются два главныхъ инспектора (изъ профессоровъ) для наблюденія надъ средними учебными заведениями. Во время лѣтнихъ испытаній командировуются обыкновенно депутаты изъ профессоровъ бухарестскаго и ясскаго университетовъ.

Высшихъ учебныхъ заведеній въ Румыніи 6, а именно: два университета, бухарестскій и яссскій, изъ коихъ въ первомъ имѣется 5 факультетовъ (богословскій, ист.-филол., физ.-математ., юридич. и медицинскій), а во второмъ 4 (тѣже, безъ богословскаго); двѣ высшія нормальныя школы, при тѣхъ же университетахъ, для приготовленія къ учительскому званію по ист.-филол. и физ.-математическимъ наукамъ; высшая фармацевтическая школа въ Бухарестѣ; высшая ветеринарная школа—тамъ же; военная академія генеральнаго штаба; институтъ путей сообщенія—тамъ же.

Для средняго образованія въ Румыніи имѣется: 10 восьмиклассныхъ «классическихъ лицеевъ» или гимназій; 3 восьмиклассныя «реальные лица»; 18 четырехклассныхъ классическихъ прогимназій и 12 реальныхъ; 3 восьмиклассныя духовныя семинаріи и 6 четырехклассныхъ духовныхъ училищъ; далѣе: 15 женскихъ восьмиклассныхъ институтовъ, изъ коихъ 3 съ общежитіями, а 12—безъ оныхъ. Сверхъ того, въ Румыніи есть до 60 частныхъ гимназій и прогимназій.

Къ специальнымъ среднимъ школамъ принадлежатъ: 7 военныхъ училищъ, изъ коихъ 3 въ Бухарестѣ (артиллерійское, кавалерійское и школа офицерская), 1 въ Галацѣ (военно-морское) и 1 въ Быстрицѣ (военно-интендантское).

Для приготовленія учителей въ городскихъ училищахъ имѣются два учительскіе института, съ 4 л. курсомъ и дипломомъ прогимназій, въ Бухарестѣ и Яссахъ; для сельскихъ же учителей—8 учительскихъ семинарій, съ 4 л. курсомъ.

Имѣется еще: 4 сельскохозяйственныя училища (изъ нихъ высшія: херестреуское и бухарестское); 6 коммерческихъ училищъ; 2 консерваторіи для музыки и декламціи; 2 школы изящныхъ искусствъ; училище строительное; сиротскій институтъ; 3 техническія училища; 2 телеграфо-почтовые; 1 желѣзнодорожное; 11 ремесленныхъ для мальчиковъ и 4 для дѣвочекъ; 2 школы акушерскія; 1 гимнастическое училище; 1 оружейное; 1 пиротехническое и мн. др.

Изъ частныхъ женскихъ профессиональныхъ школъ всего извѣстнѣе ясская, содержащая обществомъ румынскихъ женщинъ при церкви св. Саввы.

Между частными училищами въ Румыніи, особенно городскими, есть и конфессіональныя: католическія, протестантскія, армянскія, а также 1 сербское (въ Турнѣ-Северинѣ) и 1 болгарское (въ Тульчѣ).

Въ непродолжительномъ времени предстоитъ открытіе въ Румыніи еще слѣдующихъ учебныхъ заведеній: политехническаго института, 4 училищъ садоводства, 3 школы сыроваренія и молочнаго хозяйства, 2 винодѣлія, 1 огородничества, 1 землемѣрно-таксаторскаго, 1 кондукторовъ путей сообщенія, 1 горнозаводскаго, 1 скотоводства, 1 печатнаго дѣла, 2 рисовальныхъ и 2 филармоническихъ.

Во главѣ ученыхъ учреждений Румыніи стоитъ «Румынская академія», основанная въ 1867 г. и преобразованная въ 1883 г. Она владѣть капиталомъ въ 700,000 франковъ и получаетъ правительственную субсидію въ 30,000 фр. въ годъ. Органомъ академіи служатъ ея «Annalele», издаваемые по-румынски. Предсѣдателемъ академіи состоитъ князь І. Гика, секретаремъ же Д. А. Стурдза. Всѣхъ членовъ было 100, изъ коихъ 20—дѣйствительныхъ, 70—сотрудниковъ и до 40 почетныхъ. Отдѣленій 3: литературное, историческое и научное каждое имѣть своего предсѣдателя. Дѣйствительные члены за присутствіе въ засѣданіи получаютъ каждый разъ по 25 фр. Изъ академиковъ румынскихъ наиболѣе извѣстны своими учеными трудами: историки—Хышлэу, Збери, Сионъ Ксенополь, Ербичану, археологи—Стурдза, Каллимахъ, Точилеску, Одобеску литературные критики—Аврелианъ, Маioresку, Негруць, натуралисты—Стефанеску, Крецулеску, Бабельъ, Кобылческу, медикъ Асаки и н. др.

За академіей слѣдуетъ Румынское географическое общество, основанное л. 27 тому назадъ и располагающее капиталомъ въ 200,000 фр., да ежегоднымъ пособіемъ въ 10,000 фр. Президентами состоятъ г. Мину и К. Баротъ. секретаремъ же Г. Лаховари. Всѣхъ членовъ—дѣйствительныхъ корреспондентовъ, почетныхъ—болѣе 100. Органомъ общества служитъ его «Бюллетень» (Bulletinul).

«Румынскій Атенеи»—общество для распространенія любви къ чтенію, въ родѣ педагогическихъ учреждений «Соляного городка» въ Спб. Атенеи учрежденъ въ 1865 г., располагаетъ капиталомъ до 1 мил. франковъ и ежегоднымъ пособіемъ до 20,000 фр. Въ Букурештѣ владѣть роскошнымъ домомъ. Членовъ до 400. Во главѣ Атенеи стоятъ теперь гг. Крецулеску, Аврелианъ и Эквархъ. Во многихъ городахъ Атенеи имѣть свои отдѣленія. Издають популярныя книжки и скоро приступитъ къ изданію журнала.

«Румынскій Амвонъ» (Amvonul)—общество, соотвѣтствующее русскимъ обществамъ «любителей духовнаго просвѣщенія». Предсѣдателемъ архим. Миронеску. Читенія этого общества печатаются въ органѣ румынскаго св. синода «Miserica Orthodoxă Română».

Далѣе упомянемъ еще общества: медицинское, издающее въ Букурештѣ свой Бюллетень; фармацевтическое, издающее особое Обзоріе; ветеринарное—тоже; естествоиспытателей и врачей—въ Яссахъ, съ музеемъ, садомъ, — издають «Архивъ»; земледѣльческое въ Букурештѣ, изд. Обзоріе; лѣсное тоже; архитектурное, художественное и политехническое — имѣють Обзоріе; «Румынское согласіе» въ Букурештѣ, въ родѣ Москов. историческаго музея; корпорація учителей—устраиваетъ ихъ сѣзды и поддерживаетъ «Педагогическое Обзоріе»; Карпаты, въ родѣ русскихъ сл. в. обществъ, для поддержки закордонныхъ румыновъ, въ Семиградѣ, Буковинѣ, Банатѣ,—подъ предсѣтельствомъ К. Добреску, въ Букурештѣ; «Свѣтъ» (Lumina)—подобное предъидушему, но поставившее себѣ целью поддержку румыновъ македонскихъ или кюпчуховъ: главнымъ его дѣятелемъ является Апостолъ Маргаритъ въ Македоніи; «Дрита» (Drita) — подобное общество для просвѣщенія албанцевъ

издасть въ Букурештѣ по-албански и по-румынски еженедѣльникъ «Skipetary»; еврейско-румынское дидактическое общество — содержитъ училища и издаетъ журналы въ Букурештѣ и Яссахъ, на языкахъ румынскомъ, еврейскомъ и нѣмецкомъ; военное собраніе (Cercul) — въ Букурештѣ, издаетъ «Военное Обзорніе» и отдѣльныя переводныя сочиненія; «Развитіе» — общество гимнастическое, въ Букурештѣ; главное общество румынскихъ университетскихъ студентовъ — въ Букурештѣ, его же отдѣленіе въ Яссахъ: устраиваетъ ежегодные конгрессы студенчества по уѣзднымъ городамъ, на счетъ ихъ населенія, и издаетъ ежегодно отчетъ; Единство (Unirea) — общество букурештскихъ студентовъ; «Народность» — общ. яссскихъ студентовъ; Общ. студентовъ-медиковъ въ Букурештѣ, издаетъ Spitalul; Общ. румынской молодежи въ Букурештѣ, изд. Revista; общ. торгово-финансовое въ Букурештѣ, подъ предсѣдл. О. Стефанеску, до 1000 членовъ, субсидируетъ нѣсколько специальныхъ журналовъ, имѣеть отдѣленія въ 4 другихъ городахъ; Яссское научно-литературное, съ 1889 г. при университетѣ, подъ предсѣд. профф. Кобыльцеску и Ксенопола, изд. «Архивъ», одинъ изъ лучшихъ научныхъ журналовъ Румыніи; общ. для образованія румынскаго народа въ Букурештѣ, подъ предсѣдл. генер. Флореску, содержитъ 2 среднія и 3 низшія учебныя заведенія, поддерживая дѣтскіе сады, воскресныя школы и т. п., имѣеть отдѣленія въ Яссахъ (предсѣд. А. Византи) и Плоештахъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Г. Самурянъ.

Букурештѣ.

Іюль 1892.

— Съ будущаго учебнаго года, по распоряженію французскаго министра народнаго просвѣщенія Буржуа, въ двухъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ города Парижа вводится преподаваніе русскаго языка. Донныѣ оныя преподавались лишь въ нѣкоторыхъ высшихъ школахъ въ Парижѣ, а именно: въ «Collège de France», «Ecole des langues orientales» и «Ecole des sciences morales et politiques». Со временемъ предполагено ввести постепенно и нашъ языкъ, на ряду съ английскимъ и нѣмецкимъ, во всѣ прочія среднія школы Франціи, въ виду возрастающаго значенія русской науки и литературы, развитія торгово-промышленныхъ связей Франціи съ Россіей и установившейся политической ихъ солидарности

— Изъ австр. Statistische Monatschrift узнаемъ, что въ 1873—1890 гг. въ австрійской арміи было 5,808 самоубійствъ, т. е. по 321 въ годъ. Въ 1891 г. ихъ случилось 336. Изъ общаго числа самоубійцъ—солдатовъ было: 343 въ Цислейтаніи (въ томъ числѣ 925 въ Галичинѣ!), 1982 въ Транслейтаніи и 395 въ Босніи и Герцеговинѣ. Причина этого громаднаго числа самоубійствъ въ австро-угорской арміи не разъяснена. Видно, условія духовной жизни въ ней очень ужъ не нормальны...

— Для новыхъ австрійскихъ денегъ принята рейхсратомъ слѣд. латинская надпись: Franciscus Josephus Primus Dei Gratia Imperator Austriae, rex Bohemiae, Galiciae, Illyriae etc. etc. apostolicus rex Hungariae. Послѣ Hungariae хорваты требовали еще прибавить: Croatiae, но безъ успѣха.

— Въ Германіи предполагено значительное развитіе внутренней колонизаціи. Избытокъ нѣмецкаго населенія на западѣ, именно въ вел. герц. Баденскомъ, будетъ переселенъ на востокъ, въ польскія области, особенно въ Познань, при содѣйствіи пресловутой колонизаціонной комиссіи. Это грозитъ окончательнымъ вытѣсненіемъ изъ Великой Польши славянскихъ автохтоновъ.

— Книжная производительность Турціи въ 1891 г. выражается цифрою 940

книгъ. Изъ нихъ: 427 на турецкомъ языкѣ, 146 на греческомъ, 120 на армянскомъ, 29 на французскомъ, 15 на персидскомъ, 6 на испанскомъ, 15 на болгарскомъ, 2 на англійскомъ и 2 на нѣмецкомъ.

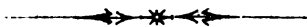
Въ Прагѣ изданъ недавно подъ редакціей Карла Фишера **чешско-еврейскій календарь** на 1892—1893 г. Въ немъ мы находимъ: стихотвореніе Ярослава Верхлицкаго «Modlitba Mysaph»; на библейскіе мотивы; статью І. Жалуда «Изъ настоящаго и прошлаго евреевъ въ Чехіи»; А. Штейна «Описание пражскихъ синагогъ»; І. Арнштейна «Объ эманципации и ассимиляции евреевъ»; Ф. Крауса «Семинарія и вопросъ чешско-еврейскій», и нѣкоторыя другія статьи подобнаго рода. Цѣль этого календаря—служить руководителемъ въ организаціи чешскаго еврейства.

— Въ «Одесск. Нов.» напечатана корреспонденція изъ Яффы **объ еврейскихъ колоніяхъ** въ Палестинѣ. Авторъ описалъ слѣд. колоніи: Зихронъ-Яковъ, Ришонъ-Леціонъ, Ваадъ, Эль-Ханинъ, Глейра, Пейсахъ-Тикве, Миква-Израиль. Всѣ онѣ устроены очень хорошо, подъ покровительствомъ бар. Альфонса Ротшильда. Занимаются б. ч. винодѣліемъ и садоводствомъ. Жителей до 4.000. Имѣютъ будущность, при поддержкѣ Ротшильдовъ, Гиршей и т. п. Въ той же газетѣ напечатана подробная корр. изъ Аргентины о причинахъ неудачи первыхъ еврейскихъ поселеній въ ней, устроенныхъ на средства бар. Гирша, подъ наблюденіемъ его агентовъ: Лейвентала, Рота и Гольдсмита. Причина заключается-де въ нечужествъ и неспособности колонистовъ, изъ подольскихъ евреевъ. Они вызвали противъ себя аргентинское общество и народъ. Авторъ однако надѣется, что дѣло будетъ исправлено лучшими еврейскими колонистами. Но откуда ихъ взять!.

— По слухамъ изъ Рима, папа предполагаетъ учредить въ Цареградѣ **генеральный патріархатъ** для всѣхъ католиковъ и униатовъ въ Турціи. На должность эту намѣченъ армянско-униатскій патріархъ Азаріанъ въ Цареградѣ. Этимъ было бы достигнуто устраненіе австрійскаго и итальянскаго вліянія на католиковъ Албаніи и прочихъ областей Турціи. Мѣра эта нѣкоторыми газетами объясняется какъ шахматный ходъ Ватикана противъ державъ тройной лиги, по соглашенію съ султаномъ и Франціей.

— По свѣдѣніямъ журнала «Les Missions Catholiques» къ 1-му янв. 1892 г. **католическая іерархія** состояла: изъ 56 кардиналовъ (изъ нихъ 22 итальянца!) 800 архіепископовъ и епископовъ латинскаго обряда, 45 архіепископовъ и епископовъ обряда восточнаго, 317 архіеп. и епископовъ титулярныхъ, 13 архіеп. и епископовъ безъ всякаго титула, 6 прелатовъ nullius dioeceseos, всего же 1237 лицъ. Папа Левъ XIII во время своего управленія учредилъ: 1 патріархатъ, 26 архіепископствъ, 74 епископства, 45 викаріатствъ, 1 апостольскую делегацію и 16 апост. префектуръ.

— Между католическими славянами, особенно словенцами, идутъ уже приготовленія къ предстоящему 19 февраля 1893 г. **50-лѣтію епископскаго служенія папы Льва XIII**. Предположены пилигримскія поѣздки въ Римъ и др. выраженія преданности престарѣлому юбиляру.

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ МАКЕДОНСКИХЪ БОЛГАРЪ *

КОРОЛЬ ЛАТИНИНЪ И ОГНЕНЪ

Пожедалъ король Латининъ сына
Поженить; сыграть затѣялъ свадьбу;
Но бѣда, что сынъ его уродливъ:
У него одна изъ губъ хватаетъ
До чела, до пояса—другая.
И король все думаетъ, что дѣлать?
Онъ себѣ намѣтилъ ужь невѣстку
Вдалекѣ—во городѣ Легенѣ.
У нея есть девятеро братьевъ.
Вся родня подарки припасаетъ.
По мѣшку казны идетъ отъ брата;
Мать даетъ рубашку съ позументомъ,
Воротъ весь въ каменьяхъ самоцвѣтныхъ;
Тестъ даетъ складную чудо-саблю,
Сабля та двѣнадцати суставовъ,
Мѣсто ей за пазухой, и рубить
Сабля та и дерево и камень;
Столъ большой золоченый готовить,
Столъ на семь десятковъ лицъ; блестить онъ
Отъ камней безцѣнныхъ, самоцвѣтныхъ;
И за нимъ обѣдъ и ужинъ могутъ
Быть безъ свѣчъ и безъ пучковъ смолистыхъ;
Отъ камней гостямъ довольно свѣта!
Жениху коня готовить снохи;
Трехъ онъ лѣтъ, его изюмомъ кормятъ,
Переплыть онъ можетъ черезъ море.
Порѣшилъ король, чтобы на свадьбѣ
Кумомъ ** былъ самъ Марко королевичъ.
Поднялся съ зарею въ день воскресный
И коня куеть богато Марко:

* Изъ Сборника Болгарскихъ пѣсней Миладиновыхъ.

** Кумъ исполняетъ у болгаръ обязанности посаженаго отца, отчасти дружки и крестнаго отца.

Изъ монетъ серебряныхъ подковы,
Гвозди всѣ изъ золотыхъ дукатовъ.
Говорить жена-молодка Марку:
«Господинъ мой, ненаглядный Марко!
Знать тебя заставила неволя
Своего коня ковать на славу:
Или ты идешь въ войска султана,
Или ты собираешься на свадьбу?»
Говорить ей Марко королевичъ:
— Полно ты, молодка Марковица!
Не хочу идти въ войска султана,
Не хочу теперь на свадьбу ѣхать;
А меня зоветь король Латининъ,
Въ кумовья зоветь на свадьбу къ сыну.
Не пойду я въ кумовья на свадьбу,
Но пушу на свадьбу эту сына;
Ты его переодѣнь получше».
Принялась молодка Марковица
Одѣвать въ походъ малютку сына;
Вотъ беретъ шелковую рубашку,
А наверхъ доламу надѣваетъ;
Сверхъ всего плащемъ его одѣла
И дала ему соболью шапку.
На груди его горѣли камни,
И дитя сіяло словно солнце.
На коня ребенка посадили,
И коня поцѣловавши въ очи,
Говорить молодка Марковица:
«Гой ты конь ретивый, черноокій!
Береги дитя мое родное:
Мальчуганъ—неопытный ребенокъ!»
Отвѣчалъ ей конь: «Разстанусь съ жизнью,
А дитя твое, повѣрь, не выдамъ!»
И тогда ребенка молвилъ Марко:
«Я хочу тебя, малютка Огненъ,
Отпустить попировать на свадьбѣ
Короля Латинина,—смотри же
Ты меня не осрами, достойно
Докажи, что ты изъ рода Марка.
Ты не пей вина, не пей ракии,
Не вкушай господскихъ яствъ на пирѣ,
Не сходи отнюдь съ коня на землю,
Возвратись такимъ, какимъ поѣдешь».

И дитя отправилось на свадьбу.
 Что отецъ приказывалъ Огнену,
 То малецъ и выполнилъ до слова.
 Побѣжанъ засталъ онъ въ полномъ сборѣ,
 Всѣ сидятъ въ гостиной королевской,
 Пьютъ, ѣдятъ и поджидаютъ кума,
 Чтобы съ нимъ пуститься по невѣсту.
 Прискакалъ тогда на свадьбу Огненъ
 И къ нему сошелъ король Латининъ,
 Цѣловалъ юнацкое сѣдельце
 И просилъ, чтобы малютка Огненъ
 Слѣзъ съ коня ретиваго и шелъ бы
 Къ королю за честную трапезу.
 Отвѣчалъ ему малютка Огненъ:
 «Ахъ, король Латининъ! мой родитель
 Не давалъ, прощаясь, дозволенья
 Принимать участіе въ трапезѣ,
 Пить вино и крѣпкую ракію,
 Яства ѣсть господскія на пирѣ,
 И съ коня ретиваго спускаться.
 Трогай въ путь гостей своихъ нарядныхъ,
 Время всѣмъ пуститься по невѣсту».
 А король Латининъ отвѣчаетъ:
 «Милый мой! Прости, сознаться надо,
 Звалъ тебя, а не сказалъ, въ чемъ дѣло:
 Еслибъ ты себя за зятя выдалъ?»
 Отвѣчалъ на то малютка Огненъ:
 «Ну такъ что-жъ, король Латининъ, можно!
 Я себя за зятя выдамъ, если
 Ты со мной въ одномъ пойдешь на сдѣлку:
 Ты впередъ мнѣ уступи подарки,
 Что дадутъ невѣстины родные—
 Я тебѣ невѣсту уступаю.
 Если такъ, то я прикинусь зятемъ».
 И сказалъ король Латининъ: «Ладно!
 Пусть тебѣ достанутся подарки,
 А у насъ останется невѣста.
 Да смотри, не осрами насъ, парень!
 Какъ сюда невѣсту мы залучимъ,
 Будешь ты у насъ почетнымъ кумомъ».
 Поднялись разряженные гости,
 Поднялись, пустились по невѣсту,
 По путямъ-дорогамъ потанулись.

Впереди летитъ малютка Огнень.
Горячитъ коня лихого Огнень,
Самъ блеститъ—сіяетъ словно солнце.
Вотъ его завидѣли Легенки,
Говорятъ Легенскія дѣвчата:
«Боже мой! Ахъ, милостивый Боже!
Хорошо быть матерью такого
Молодца, а лучше быть женою!»
Вотъ и всѣ явились въ городъ Легенъ.
Чтобы взять красавицу невѣсту.
Вся родня подарки вынимаетъ:
По мѣшку казны подносятъ братья;
Мать даетъ рубашку съ позументомъ,
Воротъ весь въ каменьяхъ самоцвѣтныхъ.
А отецъ даетъ складную саблю,
Сабля та двѣнадцати суставовъ,
Мѣсто ей за пазухой, и рубитъ
Сабля та и дерево и камень.
Принесли и столъ позолоченный —
Столъ на семь десятковъ лицъ, блестящій
Отъ камней безцѣнныхъ, самоцвѣтныхъ,
Чтобъ могли за нимъ обѣдъ и ужинъ
Ѣсть безъ свѣчъ и безъ пучковъ смолистыхъ:
Отъ камней гостямъ довольно свѣта.
Жеребца дарятъ охотно снохи,
Трехъ онъ лѣтъ, его изюмомъ кормятъ,
Переплыть легко онъ можетъ море.
Вотъ берутъ невѣсту поѣзжане,
По путямъ—дорогамъ потянулись
И стоятъ ужъ передъ Чернымъ моремъ.
Вѣтерокъ нечаянный повѣялъ
И смахнулъ съ невѣсты покрывало,
Тутъ женихъ ее увидѣлъ мнимый.
И тогда промолвила невѣста:
«Хорошо быть матерью такого
Молодца, а лучше быть женою!»
А въ отвѣтъ сказалъ малютка Огнень:
«Ахъ, моя красавица-невѣста!
Не гляди ты на меня напрасно,
Посмотри въ толпу гостей нарядныхъ:
У кого одна изъ губъ хватаетъ
До чела, до пояса—другая,
За того и замужь ты выходишь.

Я тебѣ женихъ не настоящій».

И въ отвѣтъ промолвила невѣста:

«Пусть Господь Латинина накажетъ
 За обманъ, за то, что мнѣ онъ выслалъ
 Жениха-красавца подставного.
 Если сынъ его уродъ-уродомъ,
 Онъ даровъ богатыхъ не получить!»

И сказалъ на то король Латининъ:

«Гой ты, мой юнакъ, удалый Огненъ!
 Видишь ты, что спятилась невѣста,
 И не дастъ тебѣ даровъ богатыхъ».

И юнакъ, разсерженный обманомъ,
 Вдругъ схватилъ складную саблю, разомъ
 Пересѣкъ богатый столъ дареный,
 Пересѣкъ и бросилъ прямо въ море.
 Жеребца потомъ схватилъ трехлѣтка,
 Пополамъ разсѣкъ и бросилъ въ море.

И тогда промолвила невѣста:

«Ничего бы я не пожалѣла,
 Только жаль мнѣ жеребца трехлѣтка;
 Какъ за нимъ ходили наши снохи!
 Какъ онъ его кормили сладко!
 Онъ вѣдь ѣлъ одинъ изюмъ да сахаръ!»

И юнакъ-малютка въ пущемъ гнѣвѣ
 Поразилъ красавицу-невѣсту,
 Бросилъ трупъ ея въ морскія волны;
 Сокрушилъ потомъ о камень саблю
 И ее забросилъ тоже въ море.

И потомъ сказалъ малютка Огненъ:

«Вотъ смотри, король Латининъ, казнисъ!
 Видѣлъ самъ ты Маркову породу:
 Безъ даровъ она домой прѣдетъ,—
 Ты—домой вернешься безъ невѣстки».

И, коня разгорячивши, Огненъ
 Поскакалъ, въ морскія волны прынулъ,
 Переплылъ бушующее море,
 Поспѣшилъ къ родительскому дому.
 Вотъ сидитъ въ своей свѣтлицѣ Марко,
 Вдалекѣ еще завидѣвъ сына,
 Говорятъ молодежѣ Марковицѣ:

«Посмотри, молодка Марковица!
 Чѣмъ-то сынъ разгнѣванъ не на шутку».

Входитъ въ домъ, ворчитъ малютка Огненъ

И на спросъ отцовскій, чѣмъ разгнѣванъ,
 Говорить: «Такъ что же, что разгнѣванъ?
 А какъ я сейчасъ исторгну саблю,
 Да тебя теперь же обезглавлю?!
 Вѣдь когда запыешь, ты самъ не знаешь,
 Что творишь! братаешься съ латинствомъ!
 Али ты не знаешь, что латинны
 Всѣ народъ обманчивый, невѣрный?
 Лѣзутъ къ намъ, а послѣ насъ бросаютъ:
 И король честилъ меня не кумомъ,
 А хотѣлъ за сына только выдать;
 Обѣщаль подарки дорогіе,
 Мнѣ—дары, себѣ—одну невѣстку,
 Да потомъ и спятился тотчасъ же,
 Стало жаль ему даровъ богатыхъ,
 А дары готовились на славу:
 По жѣнку казны давали братья,
 Теща-мать рубашку съ позументомъ,
 Ворота весь въ каменьяхъ самоцвѣтныхъ;
 Тесть-отецъ давалъ складную саблю,
 Сабля та—двѣнадцати суставовъ,
 Мѣсто ей за пазухой, рубила
 Сабля та и дерево и камень;
 Былъ и столъ богатый, съ позолотой,
 Столъ на семь десятковъ лицъ, блестящій
 Отъ камней безцѣнныхъ, самоцвѣтныхъ,
 Чтобъ могли за нимъ обѣдъ и ужинъ
 Ъсть безъ свѣчъ и безъ пучковъ смолистыхъ:
 Отъ камней довольно было свѣта.
 И отъ снохъ въ подарокъ былъ трехлѣтній
 Жеребецъ, откормленный изюмомъ,
 Такъ легко переплывавшій море.
 Побросалъ я все въ морскія волны,
 И дары, и юную невѣсту;
 Я домой пріѣхалъ безъ подарковъ,
 А король вернется безъ невѣстки.
 Доказалъ я людямъ нашу удачу».
 Цѣловалъ ребенка-сына Марко,
 А коня лихого—Марковица.

Казань.

Перев. М. П.

ИЗВѢЩЕНІЯ.

ОТЪ СОВѢТА

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО СЛАВЯНСКАГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Извлеченіе изъ протоколовъ Совѣта

Въ засѣданіяхъ Совѣта, состоявшихся 25 августа и 3 сентября, между прочимъ постановлено: въ первомъ: а) прошеніе 1 польскаго уроженца, объ опредѣленіи его дѣтей въ какія-либо учебныя заведенія, препроводить къ варшавскому генералъ-губернатору, по принадлежности, на зависящее распоряженіе; б) прошенія 1 чеха и 1 болгарки, о выдачѣ имъ пособій, отклонить; в) выдать въ пособіе 1 чеху, студенту спб. университета, 15 р., 2 болгарамъ, 1 угроруссу 10 р., 2 болгарамъ 40 р., 6 добровольцамъ и 1 вдовѣ добровольца—47 р. и г) утвердить расходы, произведенныя съ 14 іюля по 25 августа, на 464 р. 83 к. и во второмъ: а) выдать въ пособіе 2 болгарамъ 100 р., 1 сербу 25 р. и 1 вдовѣ добровольца 5 р. и б) утвердить расходы, произведенныя съ 25 августа по 3 сентября, на 1067 р. 85 к.

СЛАВЯНСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ

1892

ОКТАВРЬ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ. ТОМЪ III

КНИГА X—ОКТЯБРЬ, 1892.

	Стран.
I. АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОРСКІЙ (съ портретомъ).—Г. А. Воскресенскаго	166
II. ПАМЯТИ ПЕТРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ПЛЕТНЕВА.—Л. Н. Майнова	191
III. НАРОДНО-ПѢСЕННЫЙ КОММЕНТАРІЙ КЪ ГАЛИЦКОЙ ЭМИГРАЦИИ.—Ф. Н. Сумцова	188
IV. ЧЕШСКІЙ ДРАМАТУРГЪ ЛАДИСЛАВЪ СТРОУПЕЖНИЦКІЙ (некрологъ). С. I. Гурбана-Валискаго	193
V. ВОЗЗРѢНІЯ ЮЖНЫХЪ СЛАВЯНЪ НА РУСЬ (по историческимъ свидѣтельствамъ и народнымъ пѣснямъ).—Т. Д. Флоринскаго	196
VI. РИМСКО-НѢМЕЦКАЯ ИМПЕРІЯ ГОГЕНЦОЛЛЕРНОВЪ И ГРЕКО-СЛАВЯНЕ (политическій очеркъ).—Сръѣца	210
VII. ДѢТОПИСЬ. Пренія въ австроугорскихъ делегаціяхъ объ иностранной политикѣ этого государства. Афера съ памятникомъ генералу Генци. Положеніе дѣлъ въ Германіи. Румынскіе выстрѣлы.—С. Г. В.	221
VIII. ПИСЬМА ИЗЪ СЛАВЯНСКИХЪ ЗЕМЕЛЬ.	
Изъ Варшавы. О польскихъ корреспонденціяхъ въ русскія газеты и о необходимости перемѣны въ приемахъ писанія ихъ. О новой редакціи «Варшавскаго Дневника».—С. Т.	229
Изъ Львова. Украинфильство и политика.—Галичанина	239
Изъ Праги. О чешскихъ политическихъ партіяхъ.—Чека	246
Изъ Целя (Штирія). Несостоятельность внѣшней политической программы словинцевъ; нѣмецкія напраслины; утрата земли; необходимость сторонней помощи.—Словинца	252
IX. ВИБШОГРАФІЯ. Замѣтка о славянскомъ отдѣлѣ въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза-Ефрона, т. VII. Спб. 1891.—А. Б. Е. Голубинскій. Преподобный Сергій Радонежскій и созданная имъ Троицкая лавра, Сергіевъ посадъ, 1893 г.—П. Н. Ж. П. Н. Батюшковъ. Бессарабія. Историческое описаніе. Спб. 1892.—І. Ж.—овъ. А. Лебедевъ. Очерки исторіи византійско-восточной церкви отъ конца XI до половины XV в. Москва. 1892 г. стр. VII. 644. Спб.—Восточнаго славянина. Обзоръ важнѣйшихъ сочиненій по румынской исторіи, этнографіи и литературѣ за 1891 годъ. — Г. Самурина.	257
X. СМѢСЬ.	276
XI. ПРИЛОЖЕНІЕ. ЧЕГО ИСКАЛА, ХОДЯ ПО СВѢТУ, ПЕЧАЛЬ. Сказка Э. Оржешко.—Переводъ съ польскаго.—Д.	1—7
XII. ИЗВѢЩЕНІЯ. Отъ Совѣта Славянскаго Благотворительнаго Общества. 8—14	

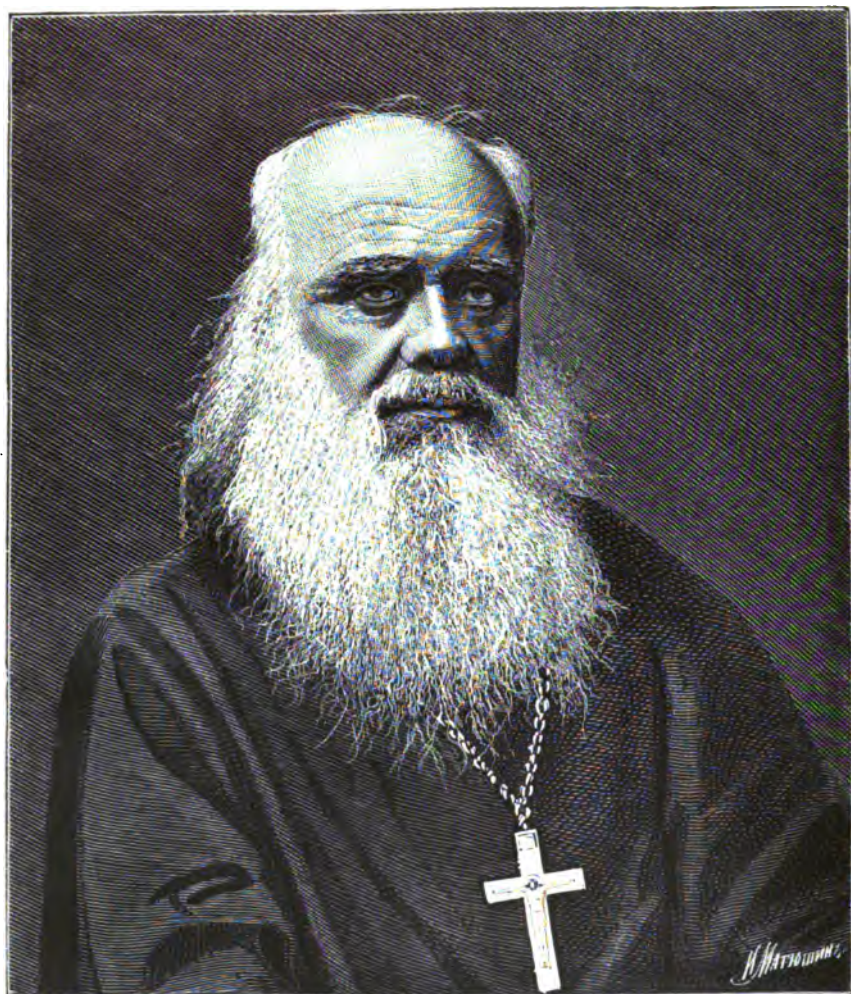
Редакторъ-Издатель Антонъ Будловичъ

СЛАВЯНСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1892

ОКТЯБРЬ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ. ТОМЪ III

Александръ Васильевичъ Горскій
(1812—1875)

Приложение къ «Слав. Обзорѣнiю» 1892

АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОРСКІЙ

(Съ портретомъ)

МИ протоіерея Александра Васильевича Горскаго, незабвеннаго профессора и ректора московской духовной академіи, знаменитаго церковнаго историка и богослова, навсегда пребудеть достопамятно и въ лѣтописяхъ русско-славянской историко-филологической науки, которую онъ обогатилъ весьма цѣнными трудами.

А. В. Горскій родился 16 августа 1812 года въ Костромѣ, гдѣ отецъ его, Василій Сергѣевичъ, былъ протоіереемъ мѣстнаго кафедральнаго собора. Воспитывался въ костромскомъ духовномъ училищѣ и семинаріи, при ревизіи которой бакалавромъ московской духовной академіи, іеромонахомъ Анастасіемъ (впоследствии ректоромъ с.-петербургской духовной академіи и астраханскимъ архіепископомъ), былъ имъ замѣченъ и, по вниманію къ его необыкновеннымъ дарованіямъ и успѣхамъ, взятъ въ московскую духовную академію съ философскаго курса, 16 лѣтъ отъ роду. Опасаясь за юныя силы своего сына, которому не пришлось пройти въ костромской семинаріи послѣдняго специально-богословскаго класса, заботливый отецъ Александра Васильевича обратился съ просьбой къ своему знаменитому земляку, профессору философіи, протоіерею Ѡ. А. Голубинскому, чтобы онъ принялъ юнаго студента подъ свой особенный надзоръ и покровительство. «Рано молодое деревцо, писалъ онъ къ Ѡ. А., съ отечественнаго грунта пересаживается въ вертоградъ, требующій и возмужалости и крѣпости. Умоляю васъ принять неопытность въ ваше опытиѣшее водительство». Подъ мудрымъ влияніемъ и руководствомъ

проф. Голубинскаго, а главное, благодаря своимъ природнымъ способностямъ и неутомимому трудолюбію, Александръ Васильевичъ быстро восполнилъ недостатокъ своей первоначальной подготовки и занялъ мѣсто въ ряду лучшихъ студентовъ своего курса. Въ академіи Горскій сблизился съ бакалавромъ, іеромонахомъ Филаретомъ Гумилевскимъ (оконч. курсъ въ 1830 г.), въ научныхъ занятіяхъ котораго уже и тогда преобладало историческое направленіе. Это сближеніе, перешедшее потомъ въ искреннюю дружбу, продолжавшуюся до самой кончины послѣдняго († архіеп. чернигов. 1866 г.), сильно вліяло на развитіе любви А. В. къ историческимъ наукамъ и изысканіямъ. Въ 1832 г. не имѣя еще 20 лѣтъ отъ роду, Горскій окончилъ курсъ въ академіи однимъ изъ первыхъ магистровъ и опредѣленъ на должность наставника церковной и гражданской исторіи въ московскую духовную семинарію. Но онъ только одинъ годъ былъ наставникомъ семинаріи, и въ августѣ 1833 г. переведенъ въ московскую духовную академію на должность бакалавра по кафедрѣ церковной исторіи, каковую кафедру (съ 1837 г. экстраординарный, съ 1839 г. ординарный профессоръ) и занималъ въ продолженіе двадцати девяти лѣтъ, до 1862 г., когда, назначенный ректоромъ академіи, онъ принялъ на себя преподаваніе догматическаго богословія.

Ровно двадцать лѣтъ (съ 1842 г. до 1862 г.) А. В. Горскій состоялъ бібліотекаремъ академіи. Отправленіе этой должности имѣло огромное значеніе и для самого Горскаго, и для всей академіи. Хотя и до этого времени Горскій отлично успѣлъ познакомиться съ обширною литературою и своего и другихъ предметовъ и перечиталъ множество книгъ и рукописей въ академической и лаврской бібліотекахъ, но съ того времени, какъ онъ сталъ завѣдывать академическою бібліотекою, онъ вовлеченъ былъ въ міръ книжный до такой степени, что отрывать его отъ занятій въ этомъ мірѣ значило отнимать у него лучшіе часы въ жизни. Составъ бібліотеки въ управленіе Горскаго значительно пополнился его стараніями, въ особенности по отдѣламъ богословскому и историческому: все, что выходило лучшаго по этой части у насъ и за границей, было приобрѣтаемо для академіи, и такъ какъ казенныхъ средствъ было недостаточно, то Горскій употреблялъ большую часть своихъ средствъ на приобрѣтеніе книгъ, изъ которыхъ составила у него своя

замѣчательная бібліотека, завѣщанная имъ академіи. Памятникомъ его необычайной любознательности и глубокихъ свѣдѣній по всѣмъ, можно сказать, отраслямъ знаній служатъ его замѣтки карандашемъ на книгахъ и рукописяхъ: въ этихъ замѣткахъ заключаются указанія на какіе либо недостатки въ книгѣ, сообщаются дополнительные свѣдѣнія, цитуются мѣста изъ разныхъ книгъ, гдѣ можно получить то или другое свѣдѣніе о предметѣ сочиненія, встрѣчаются параллели, варианты, хронологическія указанія, лингвистическія соображенія и т. п.

Еще ранѣ назначенія ректоромъ академіи, Горскій въ 1860 г. посвященъ во священника безъ предварительнаго вступленія въ бракъ. Это обстоятельство, т. е. что Горскій, не будучи женатъ, посвященъ во священника, породило тогда много толковъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Спрашивали прежде всего: если онъ желалъ священства, почему не принялъ монашества? Объясненіе этому заключается въ той беззавѣтной преданности, съ какою А. В. хотѣлъ посвятить всего себя на служеніе наукъ и академіи. Въ отвѣтъ на предложеніе митрополита Филарета онъ откровенно заявлялъ ему, что принятіе иноческаго чина отвлечетъ его отъ ученыхъ и учебныхъ занятій, которымъ желалъ онъ посвятить всю свою жизнь, удалить его отъ любимой имъ лавры и академіи и заставить заниматься дѣлами, преимущественно уже не книжными, то въ той, то въ другой епархіи. Въ 1862 г. протоіерей Горскій назначенъ ректоромъ академіи; въ томъ же году пожалованъ митрой изъ кабинета Его Величества. Въ 1865 г. возведенъ св. синодомъ на степень доктора богословія. Скончался 11 октября 1875 г. и погребенъ, согласно его послѣднему желанію, вблизи академіи на имъ же устроенномъ кладбищѣ въ академическомъ саду. Сорокъ два года ученой подвижнической жизни безраздѣльно посвящены имъ любимой академіи.

«Съ юныхъ лѣтъ до самой смерти неутомимый труженикъ науки, ради удобнѣйшаго пріобрѣтенія этого блага презрѣвшій многое, считающееся благомъ въ жизни, отвергнувшій даже всякія, считающіяся невинными, удовольствія житейскія, всегда въ тиши уединенія, какъ отшельникъ, или какъ евангельскій приточный купецъ, продавшій ради пріобрѣтенія одной драгоцѣнной жемчужины все что имѣлъ (Мѡ. 13, 45—46), онъ успѣлъ такъ обогатиться ученостію, что нельзя было не дивиться ея много-

*

объемности и глубинѣ въ такомъ совершенствѣ, въ какомъ весьма рѣдко встрѣчается это въ жизни. Это очевидно для всѣхъ какъ въ его твореніяхъ, такъ особенно въ безцѣнномъ руководствѣ устномъ нѣсколькихъ молодыхъ поколѣній и учащихся и учащихся. Эта глава была какъ бы богатѣйшей сокровищницей знаній, 'изъ которой каждый могъ почерпнуть сколько могъ и сколько хотѣлъ. Это особенно въ богословіи во всемъ обширномъ его объемѣ; но и во внѣшней учености свѣдѣнія его были громадны, такъ что дивиться можно было ихъ разнообразію и обширности; умный совѣтъ, мѣткое сужденіе, показывавшіе серьезное изученіе, могли слышать отъ него спеціалисты и такихъ отраслей знаній, которыя повидимому были далеки отъ круга его обычныхъ занятій»¹. Дѣйствительно, многообъемлемость и совершенство познаній А. В. невольно всѣхъ приводили въ изумленіе. Увлекаемый своею необычайною любознательностію, онъ не былъ узкимъ спеціалистомъ, но заходилъ нерѣдко въ своихъ ученыхъ занятіяхъ въ такія области, которыя мало имѣли отношенія къ главному предмету его трудовъ. Неисчерпаемыми сокровищами его познаній въ изобиліи пользовались втеченіе почти полвѣка и студенты академіи и сами профессора; къ его помощи обращались нерѣдко такія высокопоставленныя лица, какъ митрополитъ Филаретъ, оберъ-прокуроръ св. Синода, гр. А. П. Толстой... Ученый англійскій, аббатъ Стэнли, во время одного изъ своихъ путешествій посѣтившій московскую духовную академію, былъ пораженъ познаніями А. В. Горскаго, безъ приготовленія, прямо изъ запасовъ своей памяти предлагавшаго самыя точныя и мѣткія сужденія о разнаго рода темныхъ и мало-изслѣдованныхъ вопросахъ въ исторіи англиканской церкви. Хорошо знали и высоко цѣнили ученый авторитетъ А. В. Горскаго многіе извѣстные русскіе ученые: М. П. Погодинъ, С. П. Шевыревъ, О. М. Бодянский, И. И. Срезневскій², нѣнѣ здравствующіе академики: А. Ѳ. Бычковъ, М. И. Сухомлиновъ, Ѳ. П. Буслаевъ, Н. С. Тихонравовъ и другіе, а также нѣкоторые славянскіе ученые, напр. П. І. Шафарикъ. За свои ученые труды

¹ Михаилъ архим. Слово при погребеніи прот. А. В. Горскаго (Прав. Обзоръ за 1875 г.).

² Съ И. И. Срезневскимъ А. В. Горскій до самой кончины былъ въ истинно дружественныхъ отношеніяхъ.

А. В. был избран многими учеными обществами и учреждениями в свои почетные члены. Так он состоял почетным членом московского и петербургского обществ любителей духовного просвещения, киевской и казанской духовных академий, общества любителей российской словесности, московского университета. В 1867 г. А. В. признан доктором русской истории от совета с.-петербургского университета.

Памятником многообъемлющей и глубокой учености А. В. Горского служат многочисленные ученые печатные труды его. Они могут быть разделены на следующие группы: I. Жизнеописания и исследования, относящиеся до общей церковной истории. II. Жизнеописания и исследования, относящиеся до русской церковной истории. III. Древние русские памятники, изданные с объяснением, и исследования о них. IV. Поучения и речи ³.

Я не буду входить в рассмотрение трудов А. В. Горского по общей церковной истории, которые, как и все вообще сочинения его, представляют, по отзывам специалистов, высокую научную важность и приобрели Горскому право на почетное имя основателя церковно-исторической науки в нашем отечестве. Приведу лишь отзыв светского ученого об этой группе трудов Александра Васильевича. М. П. Погодин, глубокий почитатель Горского, прибывавший весьма часто к его советам и ученому суду при своих исследованиях по русской истории, — о биографии Афанасия Александрийского, составленной Горским ⁴, отзывался так, что он несколько раз перечитал это сочинение Горского и что ничего подобного он не встречал ни в какой литературе ⁵.

Остановлюсь на некоторых трудах А. В. других групп, чтобы показать, на сколько ценный вклад внесен им в область русско-славянской исторической науки и духовной литературы.

³ Перечень печатных трудов А. В. Горского в: *История моск. дух. академии* С. Смирнова. М. 1879, стр. 124—127. Кроме массы напечатанных сочинений, остались обширные труды его в рукописях. Таковы в особенности лекции его по церковной истории общей и русской и по догматическому богословию. После его смерти изданы: академические лекции по истории евангельской и церкви апостольской и *Дневник*.

⁴ Приб. к Твор. Св. Отцев, т. 10-й.

⁵ Смирнов, С. *История моск. д. акад.*, стр. 42, примечание.

Главное достоинство многочисленнымъ монографіямъ Горскаго придаетъ то, что онъ работалъ по рукописнымъ источникамъ и руководился строго-научною методой. Александру Васильевичу Горскому открыты были бібліотеки троице-сергіевой лавры, московской духовной академіи, іосифова-волоколамскаго монастыря, синодальная типографская и патріаршая бібліотеки. Съ жаромъ принялся Горскій за изученіе огромнаго матеріала, накопленнаго вѣками въ этихъ хранилищахъ. Произведенія древнерусской духовной литературы, лѣтописи, грамоты, акты изучены имъ глубоко и основательно. Узкіе предѣлы одной научной специальности не удовлетворяли изслѣдователя. Онъ усвоилъ себѣ всѣ пособія филологической критики, изучилъ славянскія нарѣчія, русскій языкъ въ его историческомъ развитіи, палеографію. Изученіе памятниковъ древнерусской духовной и свѣтской письменности опиралось у Горскаго на широкое и близкое знакомство съ исторіею христіанской церкви вообще и греческой въ особенности. Превосходное знакомство Горскаго съ византійскою литературою дало ему возможность основательно изучить вліяніе ея на литературу болгарь, сербовъ и русскихъ. Необычайное природное дарованіе А. В. прошло строгую научную школу и приобрѣло методу строгую и осторожную. Труды Горскаго по исторіи русской церкви и духовной литературы должны быть признаны вполне самостоятельными и оригинальными. Но Горскому принадлежитъ честь открытія нѣкоторыхъ замѣчательныхъ памятниковъ древней русской литературы, какковы произведенія Иларіона, митрополита кіевскаго⁶, поученія Кирилла II, митроп. кіевскаго⁷, митрополитовъ московскихъ Петра и Алексія⁸. Эти открытія, въ особенности открытіе произведеній Иларіона (« Слово о законѣ и благодати », « Похвала кагану нашему Владиміру » и « Изложеніе вѣры »), сдѣланное А. В. черезъ десять лѣтъ службы въ академіи, заставили русскихъ ученыхъ съ великими похвалами произносить имя Горскаго, какъ историка, а изслѣдованія его по русскій исторіи дали ему мѣсто въ ряду лучшихъ ученыхъ. Его біографіи древнихъ святителей московскихъ, составленныя по предложенію митроп. Филарета, согласно признаются образцовыми

⁶ Прибавленія къ Твор. Св. Отц., т. 2.

⁷ Тамъ же, т. 1.

⁸ Тамъ же, т. 2 и 6.

въ своемъ родѣ произведеніями. Вообще, у Горскаго не было лихорадочной торопливости печатать все, вновь попадающее въ рукописяхъ. Вновь найденные памятники только тогда вносились имъ въ науку, когда—всесторонній изслѣдователь—онъ успѣвалъ раскрыть его научное значеніе и опредѣлить его мѣсто въ исторіи литературы.

Каждому русскому, какъ и вообще каждому славянину одинаково дорого и священо безсмертное имя славянскихъ первоучителей свв. Кирилла и Меѳодія. А занимающимся славянской филологіею, извѣстно и то великое значеніе, какое имѣетъ въ этой отрасли ученыхъ изысканій правильно составленное жизнеописаніе славянскихъ апостоловъ. Значеніе это основывается на томъ, что съ біографіею свв. Кирилла и Меѳодія весьма тѣсно связаны многіе важные вопросы славянской науки, какъ то: о двухъ славянскихъ азбукахъ, кирилловской и глагольской, о началѣ письменности у славянъ, о родинѣ древняго церковнославянскаго языка и др. Достоинство всякой біографіи находится въ тѣсной связи съ качествомъ и количествомъ источниковъ. Исторія свв. Кирилла и Меѳодія, послѣ изслѣдованій чешскаго ученаго аббата І. Добровскаго, раскрывалась преимущественно на основаніи источниковъ латинскихъ, главное мѣсто между которыми занимала т. н. Итальянская легенда о перенесеніи мощей св. Климента въ Римъ. Такъ дѣло продолжалось до 1843 года, когда въ «Москвитинѣ» явилась безымянная статья, произведшая рѣшительный переворотъ въ этомъ вопросѣ. Статья эта принадлежала—тогда еще молодому свѣтскому ученому—А. В. Горскому. Величайшая заслуга Горскаго въ томъ, что онъ первый въ своей обстоятельной статьѣ раскрылъ глубокую древность т. н. Паннонскихъ славянскихъ житій свв. Кирилла и Меѳодія и ихъ первостепенную важность для правильнаго представленія жизни и дѣятельности славянскихъ просвѣтителей. Изслѣдованіе о свв. Кириллѣ и Меѳодіѣ, написанное Горскимъ по Паннонскимъ житіямъ, легло въ основу всѣхъ позднѣйшихъ изслѣдованій о первоучителяхъ славянскихъ. Изслѣдованіемъ Горскаго тогда же воспользовались архіеп. Филаретъ въ своей статьѣ о свв. Кириллѣ и Меѳодіѣ⁹, архіеп. Макарій

⁹ Отзывъ архіеп. Филарета о статьѣ Горскаго см. въ Приб. къ Твор. Св. Отц. М. 1884, II, стр. 566—568; Письма Филарета, архіеп. черниг. къ А. В. Горскому.

въ Исторіи христіанства въ Россіи до Владиміра, С. П. Шевыревъ въ Исторіи Русской словесности. Статья Горскаго переведена на чешскій языкъ (*Casopis Česk. Mus.* 1846), и чрезъ то сдѣлалась доступна славянскимъ и нѣмецкимъ ученымъ. Дюмлеръ (*Dümler, Die Pannonische Legende vom heiligen Methodius.* Wien, 1854) напечаталъ ее въ своихъ комментаріяхъ къ Паннонскому житію св. Меодія, переведенному, по его просьбѣ, Фр. Миклошичемъ на латинскій языкъ. Дюмлеръ принялъ почти всѣ доводы и замѣчанія Горскаго. Въ изданіи Паннонскихъ житій П. I. Шафарика (*Památky dřevn. písemnictví Iihoslovanův, v Praze, 1851*), житіе св. Меодія напечатано по списку, открытому проф. Горскимъ въ одной изъ рукописей бібліотеки москов. академіи.

А. В. Горскій вообще особенно чтитъ память свв. Кирилла и Меодія, и когда установлено было совокупное празднованіе въ честь ихъ 11 мая, обычно сопровождалъ торжественное церковное богослуженіе словомъ съ церковной кафедры. Одно изъ такихъ словъ, на 11 мая 1863 г., напечатано въ Кирилло-меодіевскомъ Сборникѣ, изданномъ М. Погодинымъ (М. 1865, стр. 441—448). Предметъ слова—заслуги свв. Кирилла и Меодія для церкви. «Св. просвѣтители наши—говоритъ церковный ораторъ—опредѣлили навѣкъ нашу исторію, наше духовное развитіе, наше спасеніе. Но нашу ли только исторію? Чья рука, по какому тайному побужденію, вписала имена свв. Кирилла и Меодія на скрижаляхъ церковныхъ въ нынѣшній именно день, въ день, когда церковь греческая воспоминаетъ обновленіе Царьграда? Это не день кончины св. Кирилла, не день кончины св. Меодія. Древніе памятники славянскаго богослуженія также нигдѣ не указываютъ на это число, какъ на день общей ихъ памяти. Что же это значитъ: «обновленіе Царьграда», и рядомъ съ нимъ память «пр. Меодія и Константина, нареченнаго Кирилла. епископовъ моравскихъ?» Что это? Случайное ли совпаденіе, — или изъясненіе исторіи, показывающее въ совершившемся обращеніи племень славянскихъ къ церкви восточной духовное обновленіе Царьграда, — или это еще пророчество о будущемъ?»¹⁰

¹⁰ Кирилло-Меод. Сборникъ. изд. Погодинымъ. стр. 446.

Такъ и въ другихъ поученіяхъ на день памяти свв. Кирилла и Меѳодія мысль оратора невольно обращается къ судьбамъ славянскихъ народовъ. Я имѣю подъ руками ненапечатанныя поученія прот. А. В. Горскаго, писанныя его рукою и произнесенныя при церковномъ празднованіи памяти свв. Кирилла и Меѳодія 14 мая 1872 г. и 13 мая 1873 года. Первое на текстъ: «Не ходитъ съ нами,—я возбраню ему, яко вслѣдъ не ходитъ съ нами» (Лук. 9, 49—50). «Не слышится ли — восклицаетъ церковный витія—этотъ укорительный отзывъ, не повторяется ли это стѣснительное распоряженіе и нынѣ въ спорѣ между іерархіею греческою и церковію болгарскою? Единомысленные въ вѣрѣ, ничѣмъ не могущіе упрекнуть другъ друга въ поврежденіи догматовъ, не соглашаются между собою, разгораются враждою другъ противъ друга только изъ-за вопроса о самостоятельности, и это разногласіе обращаютъ въ угрозу отлученія. Угрожаютъ не одному какому-либо лицу, обществу, городу, но многомилліонному народу, въ средѣ и безъ того оскудѣвшей православной церкви. Есть тамъ древніе престолы патріаршіе, пользующіеся самостоятельностью управленія, но въ теченіе вѣковъ отъ ересей, отъ лжевѣрія магометанскаго, утратившіе множество городовъ и церквей, и нынѣ гораздо болѣе скудные числомъ своихъ членовъ, чѣмъ этотъ одинъ народъ, снова выступающій на чреду духовной дѣятельности, и ему отказываютъ въ той самостоятельности, которою сами на дѣлѣ не могутъ пользоваться, которою этотъ народъ нѣкогда пользовался, не по своей винѣ лишился,—которою и нынѣ пользуются народы ему соплеменные, нѣкогда несшіе одно съ нимъ иго, менѣе людные, но болѣе счастливые. За іерархіею древнѣйшею, болѣе развитою и просвѣщенною, обладающею обильными сокровищами православія въ писаніяхъ великихъ отцевъ и учителей церкви, и съ разрушеніемъ связи іерархической или единства управленія могло оставаться плодотворное вліяніе духовное посредствомъ ученія, просвѣщенія страны новой: нѣтъ, сего недостаточно; привычка управленія требуетъ власти въ прежнихъ размѣрахъ, и не находя себѣ удовлетворенія, считаетъ себя вправѣ говорить и дѣйствовать въ духѣ тѣхъ, которыхъ не одобрилъ Господь, которые говорили: «возбраню ему, яко вслѣдъ не ходитъ съ нами». Примѣръ народностей, ранѣе освободившихся отъ прежней зависимости іерархической, не показываетъ, чтобы

онѣ вслѣдствіе сего упали въ своемъ духовномъ развитіи. Примѣръ нашей русской церкви, скоро почувствовавшей потребность въ самоуправленіи и давно имъ пользующейся, свидѣтельствуеъ также не въ пользу продолженія прежняго порядка управленія. Но не судить церкви собрались мы въ церкви, а молиться о мирѣ и единеніи всѣхъ церквей. Нашъ долгъ молить Главу единой, святой, соборной, апостольской церкви, да умирить Огъ враждующихъ, да успокоить преимущихъ въ власти своимъ словомъ: «не возбраняйте». Кто не противъ васъ, тотъ за васъ. Въ виду религіи лжепророка, ваше единодушное, и при раздѣленіи, дѣйствіе болѣе дастъ торжества истинѣ, чѣмъ нынѣшнее соблазнительное разъединеніе въ духѣ. Церковь болгарская уже многія сотни тысячъ своихъ чадъ потеряла при вашемъ слабомъ дѣйствіи: нынѣшнее возстановленіе ея прежнихъ правъ можетъ сильнѣе подвигнуть отпадшихъ къ возвращенію въ нѣдра православія. Кто не противъ васъ, тотъ за васъ. Святые апостолы и первоучители славянскіе! Вы сами нѣкогда боролись съ ложными, своекорыстными началами тріязычниковъ, которые не хотѣли дать языку славянскому равнаго значенія въ дѣлѣ религіознаго служенія съ древними языками церкви: еврейскимъ, эллинскимъ и римскимъ. Вы, забывъ всѣ національныя предразсудки, своими трудами единственно во славу достопоклоняемаго имени Христова, вынесли на свѣтъ полудня правду церкви Божіей и поставили народы славянскіе, съ самаго начала ихъ обращенія, въ равностепенное значеніе, по вѣрѣ въ Христа, съ другими! Вашими молитвами и ходатайствомъ укротите и настоящую бурю, готовящуюся разразиться надъ церковью, вами основанною. Умолите Господа Иисуса Христа—рещи и нынѣ преемникамъ апостольскихъ престоловъ: «не возбраняйте. Кто не противъ васъ, тотъ за васъ».

Того же предмета касается прот. А. В. Горскій въ словѣ, произнесенномъ 13 мая 1873 г. въ недѣлю о слѣпомъ, при церковномъ празднованіи памяти просвѣтителей славянскихъ, на текстъ—Іоан. 9, 39. «Церковное воспоминаніе равноапостольныхъ первоучителей обширнаго славянскаго племени, свв. Кирилла и Меодія, невольно омрачается нынѣ скорбію, при мысли о бѣдствіи, которымъ разразилась наконецъ многолѣтняя распря между іерархією греческою и болгарскою. Одинъ изъ первенцевъ между славянскими народами, ранѣе другихъ воспользо-

вавшийся трудами благовѣстія просвѣтителѣй и много содѣйствовавший приращенію наслѣдственнаго отъ нихъ достоянія, подвергся обвиненію въ схизмѣ и несчастнымъ послѣдствіямъ схизмы. По тѣсному союзу, связующему всѣхъ членовъ церкви между собою, если страдаетъ одинъ членъ, страдаютъ съ нимъ и всѣ. По изреченію апостола, Богъ какъ организмъ тѣлесный, такъ и организмъ церковный устроилъ такъ, чтобы не было распри—схизмы—въ тѣлеси, но чтобы всѣ члены одинаково заботились другъ о другѣ (1 Кор. 12, 24—26). И какъ по народному замѣчанію, у кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ, то и наше слово невольно притягивается къ предмету скорби. Нынѣ при чтеніи евангельское говорить намъ о схизмѣ, произведенной въ Іерусалимѣ исцѣленіемъ слѣпорожденнаго. Описывая это событіе, съ его дальнѣйшими послѣдствіями, евангелистъ двукратно замѣчаетъ: и распри бѣ въ нихъ (σχισμα. Іоан. 9, 16; 10, 19). Но, что достойно всего вниманія нашего, Господь не спѣшитъ Своимъ посредствомъ потушить эту схизму, какимъ нибудь насильственнымъ или искусственнымъ средствомъ подавить ее. Въ схизмѣ іерусалимской были и угроза отлученія, и безумныя обвиненія Самого Виновника исцѣленія въ неистовствѣ: но Онъ предоставляетъ дѣлю естественному его теченію, чтобы тѣмъ яснѣе въ свое время раскрылась слава Божія: «да явятся дѣла Божія на немъ»... Впрочемъ, далѣе церковный ораторъ уклоняется отъ разсужденія о греко-болгарской распрѣ. «Намъ—говоритъ онъ—не вѣдущимъ достовѣрно, ни сколько виновны или невинны тѣ и другіе участники нынѣшней церковной распри, ни того, какъ и въ чемъ должна открыться слава Божія въ дѣлѣ семъ, а она непременно должна открыться, преждевременно было бы разсуждать объ этомъ. Посему поищемъ въ словахъ Евангелія другого предмета, болѣе близкаго къ нашей сферѣ».

Греко-болгарской церковной распри касается А. В. еще въ одномъ словѣ, произнесенномъ при совершеніи въ академическомъ храмѣ литургіи на греческомъ языкѣ (подъ рукою у меня собственноручный черновой набросокъ А. В-ча). «Кто вспомнить, что вчера церковь болгарская собиралась праздновать свое тысячелѣтіе, и слушая литургію греческую приведетъ себѣ на память несчастное разъединеніе, возникшее въ послѣднее время между церковію греческою и болгарскою, тотъ пойметъ, почему мы избрали для своего слова изъ исторіи церкви апостольской

упоминаемое ап. Павломъ событіе — споръ между христіанами изъ іудеевъ и язычниковъ. Въ настоящемъ спорѣ между церковію болгарскою и греческою—говоритъ церковный витія—нѣтъ никакого разномыслія догматическаго, нѣтъ даже и разности обряда, какой естественно долженъ былъ открыться между увѣровавшими іудеями и язычниками. Церковь болгарская какъ истины вѣры, такъ и всѣ учрежденія, относящіяся до богослуженія, управленія и жизни равно признаетъ и сохраняетъ у себя, какъ и церковь греческая. Разногласіе возбуждаетъ вопросъ о свободѣ и самостоятельности или о зависимости церкви болгарской отъ высшей іерархіи греческой. Что скрывается глубже этого вопроса, это ясно не выставляется на видъ. Но во всякомъ случаѣ намъ, свидѣтелямъ этой борьбы, по духу общенія христіанскаго, нельзя не молить Главу церкви Христовой, или лучше сказать надлежитъ съ сугубымъ усердіемъ просить Господа о мирѣ и соединеніи церквей. Ап. Петръ уступилъ сотруднику своему (ап. Павлу) и бѣльшую половину міра, самъ оставшись апостоломъ только обрѣзанія, т. е. іудеевъ. Да расположить Господь и духъ іерарховъ греческихъ къ свободному отпущенію малаго участка стада Христова изъ своей ограды, но не выхода изъ ограды православія. Ап. Павелъ охотно принялъ на себя единственное условіе, на него возложенное собратіями, чтобы онъ помнилъ и заботился о убогихъ христіанахъ іерусалимскихъ. Да расположить Господь и церковь болгарскую вниманіемъ къ нуждамъ и стѣсненному положенію церкви греческой смягчить болѣзнь новаго лишенія, ей предстоящаго. Какъ древле церковь эллинская этимъ средствомъ поддержала свое единеніе съ церковію изъ евреевъ, такъ теперь любовь дѣятельная и вспомошествоющая да сохранитъ неразрывность мира, для обѣихъ сторонъ необходимаго».

«День дни отрыгаетъ глаголь и нощь нощи возвѣщаетъ разумъ. И въ этихъ глаголахъ дня и вразумленіяхъ нощи крѣпче и крѣпче слышатся нынѣ вопросы православія и церкви. Гласъ отъ востока возвѣщаетъ о разъединеніи сыновъ единой паствы, тысячу лѣтъ назадъ утвердившихъ союзъ между собою на камнѣ вѣры, и намъ единовѣрныхъ. Блаженни миротворца. Но кромѣ этого обѣтованія блаженства, насъ желали бы привлечь къ участию въ распрѣ силою канонѣвъ церковныхъ, а съ другой стороны зовуть на помощь сочувствіе къ угнетеннымъ, воспомни-

наніе собственной исторіи и единство языка и общее дѣло славянства». (Изъ привѣтственнаго письма А. В. къ высокопреосвященному митрополиту московскому Иннокентію, по случаю его тезоименитства 26 ноября 1872 г.,—черновой собственноручный набросокъ Горскаго).

Высшая заслуга прот. А. В. Горскаго въ области русско-славянской науки—это его громадный, монументальный трудъ: «Описаніе славянскихъ рукописей московской синодальной библіотеки». Отд. 1 и 2. Четыре тома. М. 1855—1862. Вотъ вкратцѣ исторія этого труда. Митроп. Филаретъ въ письмѣ, отъ 6 мая 1849 г., къ ректору московской духовной академіи, архиман. Алексію (впослѣдствіи архіепископу тверскому) писалъ: «Говорятъ, что ¹¹ чужіе люди предпринимаютъ безъ насъ для синодальной библіотеки то, о чемъ я давно думаю, не достигая дѣла, именно, составленіе отчетливаго каталога, и даже помышляютъ о напечатаніи... Но какъ желательно намъ самимъ, такъ какъ и нужно, сдѣлать дѣло, за несдѣланіе котораго могутъ насъ укорить: то поговорите съ г. Горскимъ, не возьмется ли онъ за сіе дѣло, съ нѣсколькими сотрудниками, которыхъ можно было бы взять въ Москвѣ, и которыхъ дѣло онъ направлялъ бы и повѣрялъ, посѣщая Москву по временамъ? Займитесь сею мыслію, и дайте мнѣ отвѣтъ» ¹². А. В. Горскій изъявилъ готовность принять на себя трудъ составленія полнаго описанія славянскихъ рукописей, хранящихся въ московской синодальной библіотекѣ. Въ сотрудники себѣ онъ указалъ на профессора симбирской семинаріи К. И. Невоструева. Впродолженіе четырнадцати лѣтъ (съ 1849 по 1863 г.), совокупными силами они работали надъ описаніемъ славянскихъ рукописей синодальной библіотеки, и плодомъ этихъ ревностныхъ и усиленныхъ трудовъ были четыре печатныхъ тома, содержащихъ въ себѣ описаніе отдѣловъ рукописей: св. писанія и писаній св. отцевъ ¹³.

¹¹ Разумѣются проф. М. П. Погодинъ, В. М. Ундольскій и др.

¹² Письма моск. митр. Филарета къ архіеп. твер. Алексію. М. 1883, стр. 45—46.

¹³ О степени участія того и другого въ трудѣ описанія см. въ «Исторіи моск. дух. ак.» С. Смирнова. М. 1879, стр. 491—495. Въ 1863 г. прот. А. В. Горскій, уже ректоръ академіи, былъ уволенъ отъ занятій по описанію рукописей. К. И. Невоструевъ одинъ продолжалъ этотъ трудъ; но въ 1872 г. онъ скончался, издавши въ 1870 г. одинъ томъ, содержащій 1-ю часть III-го отдѣла рукописей, именно: Книги Богослужебныя. Впродолженіе послѣднихъ двадцати лѣтъ трудъ этотъ впередъ нисколько не подвинулся.

Трудъ этотъ, доселѣ справедливо пользующійся громаднѣмъ ученымъ авторитетомъ, по самому свойству своему служить полнымъ выраженіемъ той необъятной эрудиціи, какою обладалъ его главный издатель. Трудъ этотъ не простая опись, а цѣлый непрерывный рядъ глубокихъ, ученыхъ разысканій, основанныхъ на внимательномъ изслѣдованіи и сличеніи переводовъ съ подлинниками, многочисленныхъ списковъ одного и того же памятника, внутреннихъ и внѣшнихъ свидѣтельствъ, при массѣ тонкихъ критическихъ замѣчаній изъ области филологіи, хронологіи, палеографіи, исторіи и древностей. При чрезвычайной сжатости изложенія, это описаніе такъ богато содержаніемъ, что не рѣдко то, что занимаетъ въ немъ лишь нѣсколько листовъ, могло бы съ удобствомъ быть предметомъ обстоятельнаго отдѣльнаго изслѣдованія. Трудъ этотъ составляетъ основу для изученія древнерусской литературы. Въ немъ содержатся драгоценнѣйшіе матеріалы для изученія исторіи славянскаго текста св. писанія, нашихъ богослужебныхъ и святоотеческихъ книгъ, для славянской филологіи. Здѣсь собрано и подготовлено много соображеній и указаній, драгоценныхъ для филолога. Такъ въ выпискахъ приведены особенности грамматическихъ формъ древняго церковнославянскаго языка и древняго правописанія по нарѣчіямъ; объяснены невразумительныя слова чрезъ сличеніе съ позднѣйшими, принятыми въ ихъ замѣну, или чрезъ сопоставленіе славянскаго текста съ греческимъ; отмѣчено много словъ древнихъ, неизвѣстныхъ дотолѣ, или имѣющихъ новыя значенія, не указанные въ словаряхъ. Въ подтвержденіе послѣдняго можно указать на сотни словъ, которыя внесъ Миклошичъ изъ Горскаго и Невоструева во второе изданіе своего словаря (*Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum emendatum auctum. Vindobonae, 1862—1865*) и которыя не находились ни въ первомъ его изданіи, ни въ Словарѣ церковнославянскаго языка Востокова. Такое обогащеніе словаря церковнославянскаго языка составляетъ въ дѣлѣ славянской филологіи неоспоримую заслугу составителей описанія синодальной московской библіотеки.

По отзыву нашей академіи наукъ, увѣнчавшей трудъ Горскаго и Невоструева первою ломоносовскою преміей въ 1867 г., это—«такое произведеніе нашей научной литературы, котораго достоинства ставятъ его въ небольшой рядъ самыхъ важныхъ явленій нашей нынѣшней научной литературы, и даютъ ему право

на особенное уваженіе академіи... явленіе важное, какъ въ отношеніи къ знаменитому книгохранилищу, заключающему въ себѣ произведенія древняго и стариннаго письма, необходимыя для всякаго, изучающаго языкъ и литературу русскаго и всего славянскаго православія, такъ и по своему научному значенію не только въ русской и славянской литературѣ, но и вообще въ научной литературѣ европейской¹⁴. Такихъ произведеній ума, учености, трудолюбія, внимательности въ научной литературѣ нашей очень немного; немного такихъ произведеній и въ литературѣ западной Европы»¹⁵.

Въ виду исполнявшагося пятистлѣтія со дня кончины преп. Сергія Радонежскаго, не лишне упомянуть, что А. В. Горскимъ составлено «Историческое описаніе Свято-Троицкой Сергіевой лавры» (М. 1842), выдержавшее нѣсколько изданій и доселѣ служащее лучшимъ руководителемъ всякаго образованнаго чловека, желающаго получить отчетливое представленіе объ историческихъ судьбахъ этой дорогой русской святыни.

Я не буду распространяться о высокихъ нравственныхъ качествахъ личности А. В. Горскаго: они достаточно изображены въ словахъ и рѣчахъ, сказанныхъ сослуживцами и учениками почившаго наставника при его погребеніи.¹⁶ А. В. Горскій представляетъ въ своемъ лицѣ рѣдкое сочетаніе высокаго ума и самой живой и пламенной религіозности. До какой степени тѣсно роднился душею А. В., церковный историкъ и богословъ,

¹⁴ Зап. Ак. Наукъ, т. XIII: 2, стр. 196—197; Отчетъ о первомъ приеужденіи Ломоносовской преміи.

¹⁵ Тамъ же, стр. 240; Записка акад. И. И. Срезневскаго. Другая записка подана была академикомъ А. Ф. Вычковымъ (Зап. Ак. Наукъ, XIII: 2, стр. 275—300). Раньше явились рецензіи Безсонова (Р. Веседа, 1857), Срезневскаго (Изв. Ак. Н., V и VII), Г. Смирнова-Платонова (Пр. Обзор. 1860, № 6). Отвѣтъ Невоструева: Сб. Ак. Н., т. VIII.

¹⁶ Собраны въ брошюрѣ: «Памяти ректора московской дух. академіи, доктора богословія, прот. А. В. Горскаго (изд. Прав. Обзоренія 1875 г.). Другіе труды, посвященные памяти Горскаго: Т. И. Филиппова (Рѣчь его—Журн. м. и. пр. 1875), проф. С. Смирнова (актов. рѣчь, 1876). Слово проф. А. Лаврова († Алексій, архіеп. Литовскій), Бѣляева (Біогр. очеркъ, М. 1877), Ворошица (Къ воспоминаніямъ... Х. 1877), С. Смирнова (Исторія м. д. акад. М. 1879), Лебедева (Чтенія въ общ. л. д. пр. 1879, ч. I), Троицкаго (тамъ же, 1881), Соколова (Воскр. День. 1887. № 3 — 6), гр. М. В. Толстого (Дух. Чт. 1891), А. Смирнова (тамъ же, октябрь).

съ предметами своихъ изслѣдованій—это доказываетъ собственная его личность. Жизнь его въ такой степени представляла выдающееся явленіе среди современной жизни, что для отысканія ей подобія мысль какъ то невольно обращается къ давно минувшимъ временамъ сѣдой старины, когда жили и дѣйствовали свв. Аонасій, Василій, Григорій, усвоившіе себѣ, какъ и незабвенный Александръ Васильевичъ Горскій, всѣ сокровища виѣшней мудрости и посвятившіе ихъ Христу, его ученію и утвержденію царствія Божія на землѣ.

Сентябрь 1892.
Сергіевъ Посадъ.

Г. Воскресенскій.

ПАМЯТИ

ПЕТРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ПЛЕТНЕВА *

10-го августа текущего года исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія П. А. Плетнева. Онъ принадлежалъ къ составу второго отдѣленія Академіи Наукъ со времени его образованія въ 1841 году и скончался 29-го декабря 1865 года. Почтить его память въ день присужденія пушгинскихъ премій тѣмъ умѣстнѣе, что дѣятельность Плетнева относится главнымъ образомъ къ тому блестящему періоду нашей литературы, который освященъ именемъ великаго русскаго поэта.

Плетневъ происходилъ изъ духовнаго званія и получилъ образованіе сперва въ тверской семинаріи, а потомъ въ главномъ педагогическомъ институтѣ. Служебная дѣятельность его была исключительно педагогическая: онъ былъ учителемъ русскаго языка и словесности въ женскихъ институтахъ и кадетскихъ корпусахъ и профессоромъ въ с.-петербургскомъ университетѣ; кромѣ того, онъ преподавалъ тѣ же предметы Наслѣднику Цесаревичу Александру Николаевичу и другимъ особамъ Царскаго дома. На литературное поприще онъ выступилъ стихотворными опытами, а затѣмъ обратился къ трудамъ по литературной критикѣ и исторіи новой русскаго словесности.

Личность Плетнева не поражаетъ блескомъ необыкновенныхъ дарованій: онъ не былъ вдохновеннымъ поэтомъ, а въ наукѣ не проложилъ новыхъ путей глубокомысленными изысканіями.

* Читано въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19-го октября 1892 года.

Онъ просто былъ человѣкъ яснаго и трезваго ума, обладавшій хорошимъ образованіемъ и тонкимъ эстетическимъ вкусомъ. Образованіе онъ приобрѣлъ не столько на школьной скамьѣ, сколько постояннымъ и разностороннимъ чтеніемъ; вкусъ свой онъ развилъ главнымъ образомъ среди тѣхъ даровитыхъ писателей, которыхъ былъ современникомъ. Критика его не служила оправданіемъ извѣстнаго эстетическаго ученія и вообще не опиралась на философскую основу. «Теорія у меня—говорилъ онъ— не занятая, не изученная, а явившаяся въ умѣ отъ наблюденій, отъ разговоровъ, отъ вниманія къ дѣламъ и ихъ слѣдствіямъ». Критика Плетнева служила только отраженіемъ тѣхъ непосредственныхъ впечатлѣній, которыя воспринимала его душа при изученіи творческихъ созданій. Эта живая чуткость его къ произведеніямъ поэзіи имѣла особую цѣну въ глазахъ художниковъ слова, и они дорожили спокойными, мѣткими сужденіями Плетнева. «У васъ—писалъ ему Гоголь— много внутренняго, глубоко-эстетическаго чувства, хотя вы не брызжете внѣшнимъ, блестящимъ фейерверкомъ, который слѣпляетъ очи большинства».

Искренняя, глубокая любовь къ литературѣ соединялась у Плетнева съ благодушіемъ и ровностью личнаго характера, съ дружественною простотой его обращенія. Очень рано сблизился онъ съ лучшими представителями русской литературы своего времени и былъ оцѣненъ въ ихъ средѣ по достоинству. Онъ зналъ Карамзина въ послѣдніе годы его жизни; онъ пользовался неизмѣннымъ расположеніемъ Крылова и князя Вяземскаго, а въ Гнѣдичу, Дельвигу и Баратынскому находилъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Жуковскому, Пушкину и Гоголю онъ былъ вѣрнымъ и надежнымъ другомъ, всегда готовымъ на одолженіе и помощь. Въ извѣстныхъ стихахъ Пушкина прекрасно выражено то, чего всѣ близкіе къ Плетневу люди не могли не признать въ немъ—

души прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Поэзіи живой и ясной,
Высокихъ думъ и простоты.

Тургеневъ находилъ нѣсколько неяснымъ значеніе второго изъ приведенныхъ стиховъ, но онъ же прибавлялъ, что стихъ этотъ «въ самой своей неясности вѣрно характеризуетъ то»

нѣчто неопредѣленное, но хорошее и благородное, которое многіе лучшіе люди того времени носили въ своихъ сердцахъ». Подъ святою мечтою очевидно нужно разумѣть то идеальное созерцаніе жизни, ту вѣру въ человѣчество и въ будущее, которыя были пріусуши Плетневу. Эту высокую черту его нравственнаго характера справедливо указалъ одинъ изъ его многихъ друзей, понынѣ здравствующій. «Даръ разумнаго спокойствія и созерцанія — говоритъ тотъ же почтенный другъ Плетнева—облегчилъ ему стремленіе къ самоусовершенствованію, которое было главною цѣлью его жизни». Столь же вѣрный идеалу добра и истины, какъ любви къ прекрасному, Плетневъ выработалъ себѣ характеръ, въ которомъ благодушіе не исключало твердости и независимости. «Ни для какихъ благъ въ мірѣ — скажемъ еще словами Я. К. Грота — онъ не приносилъ въ жертву своихъ убѣжденій и правилъ; для внѣшняго успѣха онъ никогда не позволялъ себѣ ни искательства, ни преклоненія; вообще всякое униженіе своего достоинства было ему ненавистно».

Цѣльность нравственнаго характера Плетнева объясняетъ многое въ его литературной дѣятельности. Положительныя, отрадныя явленія въ литературѣ всегда больше привлекали его вниманіе, чѣмъ отрицательныя, дурныя. «Братъ Плетневъ, не пиши добрыхъ критикъ! будь зубастъ и бойся приторности!» писалъ ему Пушкинъ въ 1825 году, когда Плетневъ еще занимался разборомъ текущихъ явленій словесности. Но Плетневъ былъ не въ состояніи послѣдовать этому совѣту; онъ всегда чуждался полемики, не старался навязывать свои мнѣнія другимъ и не стремился обличать то, что считалъ ошибочнымъ въ чужихъ сужденіяхъ. «Вообще — говорилъ онъ — я или очень гордъ, или очень хладнокровенъ; потому что всякое вознагражденіе нахожу у себя только въ сердцѣ, будучи убѣжденъ, что въ умѣ другого нѣтъ истины для оцѣнки моихъ словъ и мыслей, которыя, являясь отрывчато, никогда не доставятъ постороннему лицу возможности взвѣсить мое цѣлое». Поэтому-то еще при жизни Пушкина Плетневъ предпочелъ удалиться съ поля литературной борьбы, послѣ того какъ въ литературѣ обнаружались новыя, мало сочувственныя ему теченія. Правда, послѣ смерти поэта Плетневъ рѣшился продолжать начатый

•

имъ «Современникъ», но журналъ этотъ въ его рукахъ мало принималъ участія въ новомъ литературномъ движеніи.

Между тѣмъ, все болѣе и болѣе рѣдѣлъ прежній кругъ писателей. Года черезъ два по смерти Пушкина пріѣхалъ въ Петербургъ Баратынскій послѣ многолѣтняго отсутствія и по-сѣтилъ между прочимъ Плетнева, но не засталъ его дома. «Мой добрый, мой милый Плетневъ — рассказывалъ потомъ этотъ неожиданный дорогой гость — часовъ въ семь послѣ обѣда пріѣхалъ ко мнѣ. Ни въ чемъ не измѣнился — ни въ дружбѣ ко мнѣ, ни въ общемъ своемъ святомъ добродушіи. Звалъ меня во вторникъ обѣдать вдвоемъ. Не правда ли, что этотъ зовъ — цѣлая характеристика? Говорилъ мнѣ о своей дочери, вздыхаетъ по старымъ товарищамъ: «Теперь, послѣ долгихъ трудовъ, я имѣю независимость и даже болѣе: все есть, чего я желалъ, да не съ кѣмъ подѣлиться этимъ благосостояніемъ». Уже въ эту пору умственный взоръ Плетнева былъ обращенъ къ прошлому, и такимъ остался онъ до конца своей жизни. «Новыя явленія, новыя потребности жизни и перевороты въ литературѣ — замѣчалъ князь Вяземскій — не сдвинули его съ той ступени, на которой онъ твердо и добросовѣстно сталъ однажды навсегда».

Не слѣдуетъ однако думать, чтобъ этотъ періодъ добровольнаго отчужденія Плетнева отъ новаго движенія былъ для него періодомъ умственнаго застоя. Не отъ новыхъ идей сторонился онъ, а только отъ новыхъ дѣятелей. Самъ по себѣ, онъ съ прежнимъ интересомъ продолжалъ слѣдить за литературой и едва ли не болѣе прежняго расширилъ кругъ своего чтенія. Нечего и прибавлять, что связи его со старшимъ поколѣніемъ писателей сохранялись въ прежней силѣ. Но всего важнѣе то, что въ эту позднюю пору своей жизни онъ нашелъ въ себѣ силы для новыхъ трудовъ, которые и составляютъ его лучшее литературное наслѣдіе.

Въ своемъ университетскомъ преподаваніи Плетневъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливался на обзорѣ словесности текущаго вѣка. «Въ чтеніяхъ объ исторіи русской литературы — говорилъ онъ о своихъ лекціяхъ — интереснѣйшее начинается съ Державина — не юноши, а старика. Я почти засталъ его въ эту эпоху. Находясь въ связи со всѣми изъ лучшихъ дѣйствователей, я очень живо сохраняю все, что касается до фак-

товъ». Въ университетскую аудиторію Плетневъ являлся съ томикомъ сочиненій того или другого изъ русскихъ писателей екатерининскаго или александровскаго времени, начиналъ читать изъ него отрывки и сопровождалъ ихъ замѣчаніями эстетическими и историческими, порою даже анекдотическими разсказами. Это былъ живой комментарий къ произведеніямъ новой русской литературы, которыя создавались на глазахъ самого толкователя, или о происхожденіи которыхъ до него дошло свѣжее преданіе. Тотъ же приемъ разработки литературнаго преданія Плетневъ перенесъ и въ свои сочиненія позднѣйшаго времени. При составленіи отчетовъ по второму отдѣленію Академіи Наукъ ему не разъ приходилось говорить о писателяхъ старой школы, бывшихъ еще членами Россійской Академіи: характеристики ихъ Плетневъ дѣлалъ большею частью на основаніи своихъ собственныхъ воспоминаній, не преувеличивая заслугъ второстепенныхъ дѣятелей, но и не пренебрегая заботой дать нѣсколько точныхъ свѣдѣній о лицахъ, память о которыхъ могла бы исчезнуть безслѣдно. Смерть Крылова въ 1844 году дала Плетневу поводъ написать большую статью о жизни и сочиненіяхъ знаменитаго баснописца. Біографъ даетъ въ ней ясное и точное понятіе о своеобразной личности Крылова, живыми чертами оттѣняетъ всѣ стороны его сложнаго характера и прекрасно объясняетъ ходъ его развитія изъ общественныхъ условій той среды, въ которой Крылову пришлось жить. Тонкій психологическій анализъ соединяется здѣсь съ богатствомъ историческихъ и бытовыхъ подробностей и съ вѣрною и отчетливою оцѣнкой произведеній Крылова. Въ томъ осторожномъ, но мѣткомъ выборѣ выраженій, которыми біографъ обозначилъ темныя стороны въ личномъ характерѣ баснописца, Плетневъ показалъ себя большимъ мастеромъ повѣствовательнаго изложенія. По всѣмъ этимъ достоинствамъ его статья должна быть признана однимъ изъ немногихъ образцовыхъ произведеній въ нашей біографической литературѣ.

Вслѣдъ за статьей о Крыловѣ Плетневъ намѣревался написать такіе же очерки о Карамзинѣ и Жуковскомъ. Озабочиваясь собираніемъ матеріаловъ для этихъ трудовъ, онъ искалъ свѣдѣній о юности исторіографа, а Жуковскаго побуждалъ къ составленію своихъ воспоминаній. Но авторъ «Свѣтланы» рѣшительно отказался послѣдовать этому предложенію, а въ семьѣ

Карамзина Плетневъ не встрѣтилъ сочувствія своему намѣренію. Отъ исполненія его пришлось отступить, и только по смерти Жуковскаго въ 1852 году Плетневъ имѣлъ возможность составить очеркъ его жизни и сочиненій. Благодушная натура біографа, соввучная, такъ сказать, натурѣ поэта, особенно благопріятствовала успѣшному исполненію этой задачи. Правда, по обстоятельствамъ времени не во власти Плетнева было дать своему очерку необходимую полноту; о многихъ событіяхъ, существенно важныхъ въ жизни Жуковскаго, онъ долженъ былъ ограничиться только намеками. Но даже стѣсненный въ этомъ отношеніи, онъ нашелъ въ своихъ воспоминаніяхъ и перепискѣ драгоцѣнные матеріалы для изображенія личности Жуковскаго и такимъ образомъ могъ намѣтить по крайней мѣрѣ главныя черты для его вѣрной характеристики.

Живя въ воспоминаніяхъ прошлаго и перерабатывая ихъ въ своихъ сочиненіяхъ, Плетневъ и въ позднѣйшіе годы своей жизни не терялъ изъ виду новыхъ явленій въ области изящной словесности и даже порой высказывалъ о нихъ свое сужденіе въ печати. Одинъ изъ первыхъ онъ понялъ и оцѣнилъ удивительное дарованіе Гоголя и навсегда остался его горячимъ почитателемъ. Тотъ же критикъ, который въ свои молодые годы восторженно привѣтствовалъ появленіе «Кавказскаго Плѣнника», написалъ въ 1842 году замѣчательный разборъ «Мертвыхъ Душъ» и въ немъ защищалъ право художника изображать въ своихъ созданіяхъ неприкрашенную дѣйствительность жизни. Впослѣдствіи онъ призналъ достоинство талантовъ новаго литературнаго поколѣнія, развившагося уже подъ вліяніемъ Гоголя. «Горькая Судьбина» Писемскаго и «Гроза» Островскаго нашли себѣ въ Плетневѣ сочувственнаго цѣнителя. Выставляя на видъ достоинства этихъ произведеній со стороны воспроизведенія въ нихъ жизни и глубокаго анализа души человѣческой, онъ указывалъ на драмы Писемскаго и Островскаго какъ на произведенія, вполне достойныя академическихъ премій. Произнося это сужденіе, Плетневъ доказалъ, что и въ преклонныхъ лѣтахъ онъ въ полной свѣжести сохранилъ то чувство изящнаго, которое воспиталъ въ себѣ въ молодые годы, когда видѣлъ во всемъ блескѣ разцвѣтъ художественной дѣятельности Жуковскаго, Пушкина и Гоголя. Сужденіе Плетнева какъ бы уста-

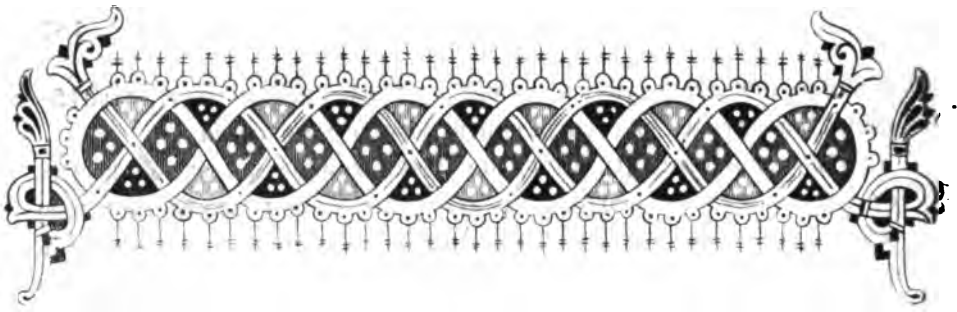
новляло осязательную связь между тѣмъ временемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ русскаго поэтическаго творчества.

Съ своей стороны, и новое литературное поколѣніе всегда съ уваженіемъ относилось къ этому достойному представителю минувшей славной эпохи. Находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ молодежью по своимъ обязанностямъ профессора и ректора университета, Плетневъ любилъ угадывать среди нея будущихъ писателей. Еще на страницахъ своего «Современника» онъ называлъ имена двухъ даровитыхъ питомцевъ с.-петербургскаго университета. Одинъ изъ нихъ—знаменитый впоследствии авторъ «Дворянскаго Гнѣзда», другой — поэтъ «Двухъ міровъ». Оба они сохранили въ своихъ сочиненіяхъ свѣтлую память о своемъ почтенномъ наставникѣ. Романистъ рассказалъ о своемъ знакомствѣ съ Плетневымъ и въ теплыхъ выраженіяхъ охарактеризовалъ его личность. Поэтъ изобразилъ Плетнева въ слѣдующихъ стихахъ:

За стасю орловъ Двѣнадцатаго года
 Съ небесъ спустилася къ намъ стая лебедей,
 И пѣсни чудныя невиданныхъ гостей
 Доселѣ памяты у русскаго народа.
 Изъ стаи ихъ теперь одинъ остался ты,
 И грустный, между насъ, задумчивый ты бродишь,
 И прежнихъ звуковъ полнь, все взора съ высоты,
 Куда тѣ лебеди умчались, неводишь.

Леонидъ Майковъ.

НАРОДНО-ПѢСЕННЫЙ КОММЕНТАРІЙ КЪ ГАЛИЦКО-РУССКОЙ ЭМИГРАЦІИ

РѢ послѣднее время русскіе галичане стали массами выселяться въ Россію. Движеніе это приняло такіе крупныя размѣры, что обратило на себя вниманіе австрійской и русской печати. Высказаны разныя предположенія о причинахъ этого выселенія. Мы, съ своей стороны, попытаемся разъяснить его словами галицко-русской народной пѣсни.

Во избѣжаніе обвиненія въ односторонности и тенденціозности, мы обратимся сначала къ такому безусловно безпристрастному и объективному свидѣтелю, какъ покойный польскій этнографъ Кольбергъ. Въ IV томѣ «Рокисіе», въ концѣ гуцульской сказки про алмазную дорогу (подъ № 74), приведена крестьянская пѣсня со словъ польскаго ксендза, слышавшаго ее, слѣдующаго краснорѣчиваго содержанія:

Най хто схоче що гадає,
Гуцуль правду повидає;
Якъ то здавна въ свити було,
Теперь добре все минуло.
Пришло въ свити нарикаты,
Ридну землю опускаты.
Всяка нужда насъ прысила,
Зъ жидами зворошыла,
Прыйде въ свити погібаты,
Дармо пыньки нарикаты.
Кто жъ гуцула поратує?
Зъ насъ ся каждый покепкує;
Якъ терпички намъ не стане,
Якъ ся зъ нами злучать паны,
Будемъ жидивъ зъ верхивъ гваты,

Мусяць горы опускаць,
 Най въ Ерусалемъ втикають,
 Все банки си забирають,
 Беры чортъ ихъ съ дукатамы,
 Гыньте жиды зъ жидивками,
 Бахорята пропадайте,
 Русской земли не тикайте.

Эта пѣсня-присказка подтверждается многими весьма характерными пѣснями въ сборникѣ Головацкаго, между прочимъ галицко-русскими коломыйками. По этимъ своеобразнымъ пѣсенкамъ можно опредѣлить главнѣйшія причины недовольства русскихъ галчанъ. Достается здѣсь и нѣмцамъ, и панамъ-ляхамъ, и жидамъ.

Прежде всего галичане недовольны отбываніемъ воинской повинности, что выражается во многихъ пѣсняхъ. Въ одной фривольной пѣсенкѣ (у Голов. II, 298) молодой солдатъ жалуется, что его нарядили въ костюмъ, для русина крайне странный, въ штіблеты и въ короткую куртку. Въ другихъ пѣсняхъ проскальзываютъ такія жалобы и проклятія:

Ой дѣвицѣ, молодицѣ, скиньтеса по грошу,
 Та заплатыть цесареви, най мундиръ не пошу.
 Бодай то-ти карабины отъ солнца сгорѣли.
 Бо вже въ мене молодого плечи заболѣли.

При крайнемъ отвращеніи червоноруса къ военной службѣ, вербовка сопряжена съ большимъ огорченіемъ и слезами народа, какъ видно изъ слѣдующей яркой бытовыми красками коломыйки:

Ой жовнѣръ я, моя мамо, ой жовнѣръ я, жовнѣръ,
 Якъ не вѣришь, моя мамо, дивыся на ковнѣръ,
 Ой ридный мой, каже, брате, та не дай мя взяти,
 Не дай мени молодому ручки извязити!
 А якъ мени молодому руки извязали,
 Тогда мою матыноньку водой выдывали.

Тяжесть солдатской службы галичанина усиливается еще внутренними непорядками, что иронически обрисовано въ слѣдующей пѣснѣ:

Ой цесарю, цесареньку, на що насъ вербуешь?
 Забравъ тують магазины, чимъ насъ выгодуешь?
 Ой буду васъ годуваты вивсяной поливой.
 Ой буду васъ высылаты цесарьской дорогой.
 Якъ мы будемъ, цесареньку, поливоньку исты,
 То мы будемъ дороженькой поволеньки лизты.

Пѣсня эта, сложенная очевидно по частному поводу, удер-

жалась въ народной памяти, въ силу общаго недовольства, вслѣдствіе укоренившагося у галичанъ мнѣнія о несостоятельности всего нѣмецкаго режима:

Ой нема въ горахъ добра таи вѣдай не буде,
Доки ся въ насъ по нѣмцеви заваджаты буде (II, 300).

Какъ ни тяжела для галичанина солдатская служба, еще болѣе тяжелой представляется экономическая подавленность стороны польскихъ и еврейскихъ господствующихъ классовъ населенія.

Ой волю я, пане брате, цесарю служити,
Какъ я маю вражимъ ляхамъ панцину робыты.
Ой чого ты поскрыпуешь, яловая хато?
Нема добра въ нашемъ селѣ, бо панивъ богато.
Бодай ляхи пановалы—въ ходакахъ ходили,
Що ся нами, русинами, тяжко наробили!

Отношеніе крестьянина къ шинку и шинкарю отмѣчено въ галицкихъ пѣсняхъ гораздо болѣе сильными и рѣзкими чертами, чѣмъ въ пѣсняхъ малорусскихъ. Въ галицкихъ пѣсняхъ, преимущественно гуцульскихъ, обнаруживается уже ожесточеніе и часто встрѣчаются обвиненія еврея шинкаря въ спаиваніи и разореніи крестьянъ, напримѣръ:

Що ты почнешь, арендарю,
Якъ не будемъ пяты?
Перестанешь красно исты,
Хороше ходити;
Будешь у насъ молотити,
Жинка шматыге прати,
А жидики нехлюйники
Свини завертати;
Вже не будешь пановати,
Громаду голити,
Будешь ципомъ вывивати,
Въ шабашъ воши бити.
Обязе ти бородище
За наши дорибки,
Бось насъ збавивъ, шо сьмо мали,
Хляба таѣ худибки (Kolberg, Pokucie, т. II, стр. 232).

Якъ мы були пьяницами,
Якъ горѣвку пили,
Доти намъ се ребра били
Якъ дурнемъ свѣтили.
Жидѣ собѣ красно ѣли,
Файно се вбирали,
Мы, сираки гуцулоньки,

И хлѣба не мали.
 Мы мусѣли бѣдовати,
 Голодомъ терпѣти,
 А все то-то черезъ жида,
 Та черезъ ихъ дѣти.
 Извѣшь рѣдьки, песій сыну,
 Парху бородатый,
 Бо не пиду по горѣвку
 Та до твоей хаты!
 А мы будемъ працѣвати,
 Жинки будутъ прасти,
 Жида будутъ, песи сыны,
 Своимъ драгтьемъ трясти (Голов., т. II, стр. 465).

Къ общимъ условіямъ, благопріятствующимъ развитію пьянства въ Галичинѣ, присоединяется частное и чуть ли не самое сильное—крѣпкая связь еврейства съ шинкомъ и привилегированное положеніе въ краѣ евреевъ.

Въ слѣдующей замѣчательной пѣснѣ-коломыйкѣ, такъ сказать, формулированы основныя причины недовольства галицко-русскаго населенія:

Ой цесарю, цесарику, шапочка ти срибна,
 Не вважаешь, цесарику, яка та Русь бидна,
 Ой бидна, кажу, бидна, бо паны аидралы,
 Ой малы мы сьмо по коровѣ, и то жида забралы;
 Жида взяли по коровѣ, цесарь бере дѣти,
 Не маємо, цесарику, що въ Руси сидѣти (Голов. III, 474).

Изрѣдка встрѣчаются въ Галиціи пѣсни, въ которыхъ слышится устарѣлая угроза, несоразмѣренная съ силами и обстоятельствами времени, напр., въ сборникѣ Головацкаго:

Черезъ тьи рекрутоньки, черезъ вражи ляхи,
 Покинемо свое село, идемъ въ гайдамахи.

Мѣстами, какъ въ приведенной выше пѣснѣ изъ «Покутья» Кольберга, пробиваются еще какія-то смутныя и беспочвенныя надежды прогнать евреевъ изъ «верхивъ», но всѣ эти угрозы и чаянія—дѣтскія утѣшенія. Общій строй экономической жизни въ Галиціи построенъ на господствѣ капитала и на энергіи тѣсно сплоченныхъ экономическихъ національныхъ корпорацій, а при такомъ строѣ — *vae victis!* И разъ побѣжденными оказываются аборигены-русины, не защитятъ ихъ ни гайдамацкія традиціи, ни горныя скалы:

Пришло въ свити нарыкаты,
 Рядну землю опускаты.

Недоброжелательное или индифферентное отношеніе руково-

дящихъ классовъ къ русскимъ галичанамъ по вопросамъ еврейской эксплуатаціи, несомнѣнно, вскорѣ отразится гибельно и на польскомъ населеніи, а позднѣе на нѣмцахъ, если они займутъ галицко-русскія и польскія пепелища. Здѣсь будетъ уместно вспомнить глубокомысленныя слова малорусскаго писателя конца XVI ст., Христофора Брянскаго (въ «Апокрисисѣ» 1599 г.): «Что постигаетъ теперь насъ, то своимъ примѣромъ и въ своихъ послѣдствіяхъ постигнетъ и всѣхъ васъ. Никогда, ни въ одномъ государствѣ угнетеніе не чувствовалось заразъ всѣми. Слегка идетъ этотъ пожаръ, и кто не тушитъ его на чужомъ дворѣ, тотъ обыкновенно скоро видитъ его и на своемъ».

Приведенныя галицко-русскія пѣсни даютъ общую формулировку причинъ недовольства. Не въ духѣ народной словесности входитъ въ подробности. Для послѣднихъ мѣсто въ областной этнографіи, понимаемой въ широкомъ смыслѣ, со внесеніемъ въ нее социальныхъ и экономическихъ элементовъ. Общія данныя галицко-русскихъ пѣсней о еврейской эксплуатаціи находятъ полное подтвержденіе въ цѣломъ рядѣ замѣчательныхъ статей— г. Ржегоржъ а— «Žide v Haliči» въ чешскомъ журналѣ «Osvěta», за 1892 годъ. Статьи обильны краснорѣчивыми фактами, записанными по личному наблюденію. Имя автора пользуется почетной извѣстностью, какъ имя добросовѣстнаго и трудолюбиваго этнографа. Чехъ по національности, по происхожденію и языку, г. Ржегоржъ свободенъ отъ мѣстныхъ галицко-русскихъ пристрастій, и потому его сообщенія представляются вполнѣ правдивыми. Именно г. Ржегоржъ говоритъ («Osvěta, № 7 и 8) о той экономической кабалѣ, въ которой находится галицкая Русь: «Сельскій вабакъ—главная социальная болѣзнь Галиціи... Это источникъ развитія пьянства, очагъ лихоимства, врагъ всякой нравственной чистоты... Корчма ведетъ къ преступленію: здѣсь скрываются конокрады, здѣсь скупаютъ краденныя вещи. Мѣра и вѣсъ въ корчмѣ фальшивы»... На еврейскую корчму въ Галиціи уходитъ въ 19 разъ болѣе народныхъ средствъ, чѣмъ на школу. Евреи спаиваютъ, развращаютъ и обираютъ народъ всяческими махинаціями, и всякое противодѣйствіе имъ со стороны священниковъ или учителей навлекаетъ на послѣднихъ большія неприятели и гоненія. Вотъ гдѣ причина нынѣшней галицкой эмиграціи

И. Сумцовъ.

Чешскій драматургъ Ладиславъ Строупежницкій

(Некрологъ)

11 августа умеръ въ Прагѣ Л. Строупежницкій, драматургъ чешскаго народнаго театра. Родился онъ 6 января 1850 года въ селѣ Цергеницахъ, близъ г. Писка. Обучался въ реальномъ училищѣ этого города и служилъ затѣмъ чиновникомъ городского управленія Праги. По открытіи въ 1883 году чешскаго народнаго театра Л. С., порекомендаціи д-ра Ригра, былъ назначенъ драматургомъ этого театра. Это щекотливое положеніе, которое заставляло Л. С. въ интересахъ театра и публики разочаровывать не одного младш. и самонадѣяннаго чешскаго писателя въ желаніи поставить на сцену неподходящую пьесу, было причиною многихъ неудовольствій на требовательнаго драматурга. Критики въ отместку какъ бы не замѣчали и его собственныхъ произведеній; но зато драматическія пьесы Л. С. наполняли театр, обогащали кассу и не сходили съ подмостковъ. Когда въ разговорѣ съ этимъ даровитымъ чешскимъ драматургомъ я выразилъ свое удивленіе невниманію къ нему критики, Л. С. отвѣтилъ, что вполнѣ доволенъ оцѣнкою публики и не нуждается въ похвалахъ рецензентовъ. Онъ конечно въ этомъ не нуждался, но нуждается общественное сознаніе и интересы чешской драматургіи.

Въ посмертныхъ статьяхъ чехи оцѣнили наконецъ Л. С., признавъ его однимъ изъ первыхъ чешскихъ драматурговъ; я же думаю, что въ ихъ ряду онъ занимаетъ первое мѣсто.

Критикъ «Золотой Праги» (Zlatá Praha, № 40), оцѣнивая заслуги покойнаго, дѣлаетъ оговорку, что «нужь этого писателя не направлялся къ вершинамъ новыхъ и великихъ современныхъ мыслей». Мнѣ кажется, что слово «модерный» не принадле-

жить въ номенклатурѣ искусства: его настоящее мѣсто на страницахъ «Моднаго Базара» или въ магазинѣ какой-нибудь известной портнихи. Что такое «модерность» въ искусствѣ? При Людовикѣ XIV считалось моднымъ носить длинный парикъ, а теперь и дамы стригутъ себѣ волосы, не противорѣча модерни. Такимъ образомъ она представляется тѣмъ-то мгновеннымъ, внѣшнимъ, формальнымъ: приходитъ и уходитъ. Слѣдовательно художественный терминъ «модерность» существуетъ лишь для тѣхъ, которые видятъ суть искусства въ этомъ внѣшнемъ, мимолетномъ и формальномъ его значеніи. Но настоящее художественное произведеніе остается таковымъ и тогда, когда оно обветшало въ своихъ аксессуарахъ. Во-вторыхъ, мы не находимъ «новыхъ великихъ мыслей» не только у современныхъ чешскихъ писателей, но и вообще ни у кого изъ новѣйшихъ драматурговъ. Итакъ рецензенту не слѣдовало дѣлать означенныхъ оговорокъ, а просто поблагодарить Господа Бога за вклады Строупежницкаго въ чешскую драматургію.

Л. С. первый создалъ для чешской сцены историческую драму, полную жизни, поэзіи и движенія, безукоризненную по технику, а вдобавокъ — чисто-народную. На первомъ планѣ здѣсь стоитъ его «Raní Mincmistrová». Хотя это пьеса маленькая, въ одномъ дѣйствіи, однако она имѣетъ важное значеніе въ чешской драматургіи. Дѣйствіе происходитъ въ Кутныхъ Горахъ въ 1611 г., т. е. въ эпоху, достаточно освѣщенную въ чешской литературѣ. Л. С. вдумался въ эту эпоху душою. Его комедія отличается столь живымъ колоритомъ, переноситъ насъ въ тотъ вѣкъ съ такой принудительной правдоподобностью, что невольно вѣришь автору. Что за бѣда, если тамъ встрѣтятся и анахронизмы! Своимъ прозрѣніемъ авторъ открываетъ передъ зрителемъ нѣсколько картинъ дѣйствительной жизни, проведенныхъ черезъ призму поэтического пониманія. А впечатлѣніе? Его трудно передать словами: оно приблизительно таково, какое вы испытываете передъ картиною Мейссонье, на которой изображено веселое рыцарское общество, при винѣ или игрѣ. Есть тутъ юморъ, есть дѣйствительно-драматическая завязка и развязка, есть живой интересъ съ начала до конца, но не утомляющій, а освѣжающій. Такова эта комедія при чтеніи, но драма получаетъ свой колоритъ лишь на сценѣ: тамъ вы видите уже передъ собою не фототипію или гравюру, какъ при чтеніи, а

настоящую масляную картину. Но главная сила Л. С. заключается въ драматизмѣ: этимъ всего болѣе приковывалъ онъ вниманіе зрителей къ своимъ комедіямъ. Стоило труда посмотрѣть на публику во время представленія его *Mincmistrov'ой* или его же «*Zwиковský Ragásek*» (тоже маленькая комедія, въ одномъ дѣйствіи): вы видите передъ собою ясныя лица, оживленные глаза; все тихо, будто въ подземной пещерѣ или на вершинѣ Альпъ. Иногда вы почувствуете—не то что смѣхъ или хохоть, а всеобщій тихій шумъ улыбки, будто вѣтеръ зашелестялъ листьями и освѣжилъ всѣ лица. Потомъ опять тишина, но васъ ни на мигъ не покидаетъ эстетическое наслажденіе. Вотъ поэзія подмостковъ! Поэтъ вырвалъ васъ изъ дѣйствительной жизни и переманилъ въ свой лучшій міръ.

Въ обѣихъ названныхъ комедіяхъ самымъ выдающимся типомъ представляется Николай Дачицкій изъ Геслова, что-то вродѣ чешскаго Ульриха фонъ-Гуттена,—гусить, пьяница, Донъ-Жуанъ, забіяка, но душа-человѣкъ. Столь драматической фигуры не имѣетъ, по моему, и нѣмецкая драматургія. Уже эти двѣ пьесы высоко подняли СтROUPЕЖНИЦКАГО надъ уровнемъ всѣхъ прочихъ современныхъ чешскихъ драматурговъ.

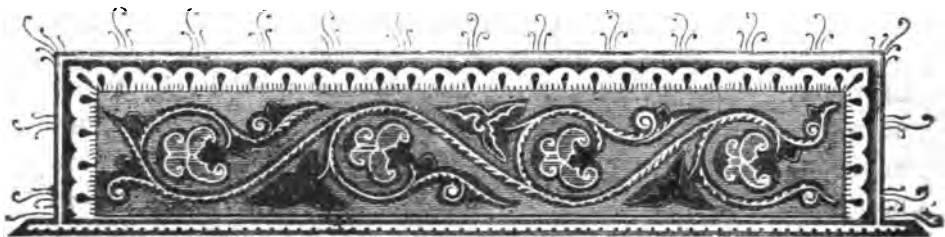
Но поэтъ хорошо знакомъ и съ новѣйшими отношеніями. Такъ напр. комедіи: «*Naši furianti*» и «*Václav Hrobčický z Hrobčic*» представляютъ типы и сцены изъ новѣйшаго времени. Пьеса же «*Skažená krev*» можетъ быть названа глубокимъ психологическимъ этюдомъ о наслѣдственности преступныхъ наклонностей. Авторъ признаетъ эту наслѣдственность: быть можетъ онъ и ошибается, но картинка эта полна драматизма, безъ натяжекъ. А сколько еще другихъ пьесъ! Но я коснусь еще лишь новеллъ СтROUPЕЖНИЦКАГО. И въ этой области онъ уступаетъ развѣ только Святополку Чеху и Перудѣ. Лучшимъ изъ мелкихъ его очерковъ я считаю «*Ptak z říše bají*» (Птица изъ царства мѣровъ). Эта птица—гусь для бѣдной семьи писаря. Писарь нѣсколько мѣсяцевъ экономничаетъ на нюхательномъ табакѣ, чтобы купить для двоихъ дѣтей и жены гуся. Невольно прослезисься, любуясь на эту прекрасную картинку: это настоящій перлъ чешской беллетристики.

Вотъ моя горсть земли на свѣжую могилу даровитаго, добраго и недостаточно оцѣненнаго человѣка!

Авг. 1892

Светозаръ Гурбанъ-Валиевскій.

ВОЗЗРѢНІЯ ЮЖНЫХЪ СЛАВЯНЪ НА РУСЬ

(по историческимъ свидѣтельствамъ и народнымъ пѣснямъ) *

ПОЛУЧИВЪ лестное для меня предложеніе Совѣта Славянскаго Общества принять участіе въ настоящемъ торжественномъ собраніи, я рѣшаюсь занять ваше благосклонное вниманіе посильнымъ разъясненіемъ вопроса всѣмъ намъ близкаго и важнаго. Я намѣренъ представить нѣсколько замѣчаній и историческихъ справокъ о взаимныхъ отношеніяхъ Руси и южныхъ славянъ въ старое и новое время, въ связи съ раскрытіемъ по памятникамъ южнославянской народной поэзіи господствующихъ у единоплеменныхъ и единовѣрныхъ народовъ воззрѣній на Русь и русскій народъ. Вопросъ этотъ несомнѣнно важенъ самъ по себѣ и по отношенію къ современности. Для истиннорусскихъ людей, конечно, не безразлично, какъ складываются общественныя и политическія отношенія Россіи къ единовѣрнымъ сербамъ и болгарамъ, въ судьбахъ которыхъ намъ пришлось принять такое живое, непосредственное участіе: покоятся ли эти отношенія на началахъ единодушія, взаимнаго довѣрія и уваженія, или же напротивъ, они запечатлѣны недовѣріемъ, скрытымъ антагонизмомъ и явной враждою. Для насъ, конечно, не бесполезно знать, что и какъ думаютъ о насъ славянскіе братья, съ которыми мы поставлены въ особенно близкія отношенія вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ.

* Чтеніе въ годичномъ собраніи Кіевского Славянскаго Благотворительнаго Общества 10 мая 1892 года.

Съ другой стороны разъясненіе этого вопроса представляется вполне умѣстнымъ въ виду общезвѣстныхъ шатаній и колебаній въ воззрѣніяхъ современнаго русскаго общества на наши славянскія отношенія. Стараюсь быть безпристрастнымъ, едва ли можно признать господствующее у насъ настроеніе благопріятнымъ славянству. Уже давно указывалось, что наши отношенія къ славянамъ и славянскому вопросу отличаются неровностью. То мы увлекаемся славянскимъ дѣломъ, то совершенно охладѣваемъ къ нему. За временами искренняго славянскаго энтузіазма, горячихъ симпатій къ славянамъ, наступаютъ періоды, когда мы совсѣмъ перестаемъ заниматься славянскими дѣлами, не хотимъ знать славянъ, отворачиваемся отъ нихъ. Такое время мы переживали еще очень недавно, да и теперь оно еще не совсѣмъ миновало. Берлинскій конгрессъ и послѣдовавшія затѣмъ неурядицы въ Болгаріи и Сербіи, какъ извѣстно, вызвали въ нашемъ обществѣ разочарованіе въ славянскомъ дѣлѣ, равнодушіе, перешедшее потомъ въ нѣкоторое презрѣніе какъ къ освобожденнымъ нами народамъ, такъ вообще и ко всему славянству, между прочимъ и къ тѣмъ представителямъ его, которые все еще продолжаютъ томиться подъ чужеземнымъ игомъ. Но отъ такого забвенія славянской идеи не вышло ничего хорошаго ни для насъ, ни для славянъ. Намъ пришлось пережить тяжелый внутренній кризисъ; у славянъ рѣзко заявили свою силу враждебныя всему племени стихіи романо-германскаго міра. Между тѣмъ отъ славянъ мы нигуда не ушли, да и не можемъ уйти, такъ какъ судьбы Россіи тѣсно связаны съ судьбами остальнаго славянства; мы не можемъ безнаказанно не только навсегда, но и на время отказаться отъ участія въ рѣшеніи славянскаго вопроса, ибо вопросъ этотъ по существу одинъ изъ важнѣйшихъ русскихъ вопросовъ: онъ затрагиваетъ самыя насущныя государственныя, національныя, культурныя и экономическія интересы Россіи.

Такимъ образомъ наше равнодушіе къ славянству можетъ быть только временнымъ и случайнымъ явленіемъ. Оно будетъ повторяться тѣмъ рѣже, чѣмъ больше у насъ будетъ знанія объ этомъ любопытномъ, оригинальномъ славянскомъ мірѣ, чѣмъ больше у насъ будетъ такта и умѣнья установить правильныя отношенія къ представителямъ этого міра. Въ зависимость отъ недостатка этихъ условій нужно поставить и возможность тѣхъ ненормальныхъ, тяжелыхъ отношеній, какія установились между нами и славянами съ конца семидесятыхъ и особенно въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Мрачныя и печальныя событія, имѣвшія мѣсто въ Сербіи въ правленіе Милана и въ Болгаріи при Батенбергѣ и Ко-

бургъ, конечно, должны были глубоко возмущать русское сердце; но едвали справедливо сваливать всю вину за эти событія, какъ это у насъ часто дѣлаютъ, исключительно на «неблагодарныхъ братушекъ». Мы должны сознаться, что значительная доля отвѣтственности за указанные нестроения въ славянскомъ мірѣ падаетъ на насъ самихъ, ибо мы имѣли въ своихъ рукахъ силу и власть создать на Балканскомъ полуостровѣ порядокъ вещей болѣе прочный и вполне благопріятный какъ для Россіи, такъ и для славянъ, но не знали и не умѣли какъ это сдѣлать. За послѣднія пять-шесть лѣтъ въ обществѣ и печати замѣчается поворотъ къ лучшему. Славянское самосознаніе у насъ постепенно проясняется и вниманіе русскихъ образованныхъ людей къ славянскому міру снова возрастаетъ. Празднованіе тысячелѣтія смерти св. Меѳодія, просвѣтителя славянъ, и затѣмъ девятисотлѣтія крещенія Руси, заключеніе родственныхъ узъ между русскимъ Императорскимъ домомъ и княжеской семьей Черногоріи, пражская выставка, сближеніе Сербіи съ Россіей послѣ отреченія отъ престола короля Милана, громкое выраженіе симпатій къ Россіи въ средѣ сѣверо-западныхъ славянъ и особенно у чеховъ, какъ въ парламентскихъ и сеймовыхъ рѣчахъ и литературѣ, такъ и въ народныхъ демонстраціяхъ— все это признаки нѣкотораго оживленія славянской идеи на Руси и за ея предѣлами. Повидимому наступаетъ время, когда можно ждать отъ нашего общества и печати болѣе трезваго и спокойнаго отношенія къ славянству. На долю людей, занимающихся славяновѣдѣніемъ, выпадаетъ важная задача всячески содѣйствовать дальнѣйшему проясненію нашего славянскаго самосознанія.

Въ ряду многихъ частныхъ вопросовъ, требующихъ къ себѣ особаго вниманія нашего общества, не послѣднее мѣсто занимаетъ и затрогиваемый мною здѣсь вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ Руси и южныхъ славянъ. Для разъясненія этого вопроса уже кое-что сдѣлано въ русской ученой литературѣ. Къ сожалѣнію, результаты славянскихъ изученій у насъ еще слышеомъ (мало извѣстны большій читающей публикѣ). Поэтому, мнѣ кажется, не будетъ излишнимъ припомнить главнѣйшія данныя и общіе выводы, добытые при изученіи вопроса.

Въ настоящее время славянская наука достаточно выяснила близкую степень взаимнаго родства славянскихъ народовъ въ отношеніяхъ этнографическомъ, культурномъ и историко-политическомъ. Факты этого родства настолько многочисленны и многозначительны, что даютъ полное право разсматривать единоплеменные намъ народы, несмотря на представляемые ими частныя отличія, какъ представителей одного организма, одного славянскаго міра. Въ

частности по отношенію къ южнымъ славянамъ указаны ихъ близкія связи съ Русью—религіозныя, литературныя, политическія. Православная вѣра, общій церковный и литературный языкъ, одна и та же письменность, общность политическихъ интересовъ и положенія по отношенію къ Востоку (Византія, міръ мусульманскій) и Западу (міръ романо-германскій)—издавна соединяли болгарь, сербовъ и русскихъ какъ бы въ одно національное цѣлое.

Сношенія Руси съ южнымъ славянствомъ, свидѣтельствующія о живомъ взаимномъ сознаніи ихъ духовнаго сродства, начались еще въ незапамятныя времена и продолжаются втеченіе всей ихъ многовѣковой исторіи до послѣднихъ дней. Въ основѣ этихъ сношеній лежатъ начала взаимопомощи. Великія жертвы, принесенныя русскимъ народомъ ради освобожденія балканскихъ славянъ отъ неволи, были такъ сказать отплатой за тѣ немалыя услуги, какія оказали эти славяне своимъ восточнымъ братьямъ, передавъ имъ византійско-славянское просвѣщеніе и заслонивъ ихъ своею грудью отъ турецко-мусульманскаго ига. Въ средніе вѣка, когда болгаре и сербы уже имѣли свои государства, успѣли усвоить себѣ византійскую образованность и служили средоточіями славянской письменности, Русь именно отсюда черпала главные элементы своего проевѣщенія. Болгарскія и сербскія рукописи массами переходили на востокъ, переписывались и передѣлывались здѣсь для нуждъ церкви, правительства и грамотныхъ людей. Затѣмъ стали являться на Русь и образованные люди изъ южнославянскихъ земель. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ митрополитъ Кипріанъ, Пахомій Логоетъ, Григорій Цамблакъ, играли видную роль въ исторіи русскаго просвѣщенія. Послѣ завоеванія сербскихъ и болгарскихъ земель турками, въ эпоху матеріальнаго разоренія и духовнаго оскудѣнія южныхъ славянъ, роли переѣмнились. Русь, мало-по-малу оправившаяся отъ татарскаго владычества, постепенно собравшаяся въ сильное государство, принимаетъ на себя дѣло защиты и покровительства бѣдствующимъ славянамъ. Теперь потянулись на Русь сербы, черногорцы, босняки, далматинцы, болгаре. Это были преимущественно иноки, монахи, игумены, иногда епископы и патріархи. Всѣ они шли за милостыней на поддержаніе погибавшихъ или разрушенныхъ храмовъ, за богослужебными книгами и съ ходатайствами къ московскому царю, чтобы «онъ послалъ нѣкую рѣчь» турецкому царю, дабы онъ не смѣлъ безъ причины мучить и гнать христіанскую райю. Позже такія же ходатайства поступаютъ отъ пришельцевъ и переселенцевъ изъ австрійской Сербіи, обращающихся къ русскимъ государямъ съ мольбами защитить славянскую народность и православную церковь отъ латино-нѣмецкаго угнетенія. Въ русскихъ архи-

вахъ, особенно въ московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ, хранится огромное количество документовъ, относящихся до этихъ славянскихъ хожденій на Русь. На основаніи такого цѣннаго матеріала уже написаны обстоятельныя работы, разъясняющія съ достаточной полнотою эту любопытную сторону сношеній южнаго славянства съ Россіей въ XVI и XVII вѣкахъ.

Одновременно съ этимъ у южныхъ славянъ складывается фикція о перенесеніи царства отъ грековъ (византійцевъ) на русскаго московскаго царя и взглядъ на Москву, какъ на третій Римъ. Они привыкають видѣть въ восточномъ православномъ царѣ своего единственнаго заступника и покровителя. Такъ иноки аѳоно-сербскаго монастыря Халандара писали въ XVI в. въ Москву: «Можно тебѣ, царю и государю, солнцу христіанскому, второму Константину на земли сіе дѣло доспѣть своимъ царскимъ приказомъ, ибо слышали мы отъ намѣстниковъ турецкихъ, еслибы царь московскій до нашего султана Сулеймана послалъ посла и грамоту, чтобы съ васъ дани не брались и вернули вамъ пашни, какія поотнимали греки, и отдали бы вамъ записи вѣрныя, то бы васъ никто ничѣмъ не трогалъ». Такого рода ходатайства и посланія къ московскимъ государямъ не составляютъ рѣдкаго явленія и въ XVII в. Вѣра южныхъ славянъ въ ту мысль, что освобожденіе можетъ притти къ нимъ исключительно съ русскаго востока, не только дѣлается кореннымъ убѣжденіемъ народныхъ массъ, но и передается отъ нихъ туркамъ. У послѣднихъ распространяются пророчества о томъ, что Царьградъ будетъ завоеванъ московомъ. По словамъ венеціанскихъ дипломатовъ XVI в. могущественные и грозные османы въ то время не боялись ни республики, ни Франціи, ни Англіи, ни Испаніи, ни нѣмецкой имперіи, а страшились одного москова. «И это потому, замѣчаетъ Соранцо, что онъ принадлежитъ къ одной церкви съ народами Болгаріи, Сербіи, Босніи, Мореи и Греціи, почему они такъ и преданы его имени и всегда будутъ готовы взяться за оружіе, возстать для освобожденія отъ турецкаго рабства и подчиниться его власти» (Ср. статья В. И. Ламанскаго въ сборн. Братская помощь). Одинъ далматинскій епископъ П. Чедолини въ запискѣ своей о восточномъ вопросѣ, предложенной папѣ Клименту VIII въ 1594 г., указывалъ между прочимъ на необходимость привлеченія Россіи въ союзъ противъ турокъ. «Благодаря сходству иллирскаго или славянскаго языка и христіанской вѣры греческаго обряда, московитъ обладаетъ преданностью къ нему большей части народовъ Европы и нѣкоторыхъ азіатскихъ, подчиненныхъ туркамъ». Мало того, въ XVII ст. возрѣнія православныхъ южныхъ славянъ на русскаго царя усвоиваются и славянами-католиками въ австрій-

скихъ владѣніяхъ. Характернѣйшимъ представителемъ такихъ возрѣній является знаменитый хорватскій священникъ панславистъ Юрій Крижаничъ, который, изобразивъ передъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ бѣдственное положеніе западнаго и южнаго славянства, утратившаго независимость, обращается къ нему съ такою мольбой: «Тебѣ одному, о пречестный царь, досталось смотрѣніе всего народа славянскаго. Ты, яко отецъ, изволи носить скорбь и чинить промыслъ на разсыпанныхъ дѣтей, да ихъ соберешь... Ты одинъ, о царь, намъ еси отъ Бога данъ, да и задунайцамъ, и ляхамъ, и чехамъ пособишь, да учнутъ познавать притѣсненія и позоръ свой и о просвѣщеніи народа промышлять и нѣмецкое отряхать иго»....

И Русь, въ лицѣ своихъ государей, не оставалась безъ отклика на обращенія къ ней мольбы и воззванія страждущихъ единоплеменныхъ и единовѣрныхъ народовъ. Она давала пріютъ и оказывала гостепрѣимство юго-славянскимъ выходцамъ, щедро раздавала имъ милостыню, посылала деньги, богослужебныя книги, священныя облаченія, церковную утварь въ славянскія земли. Русскіе послы смѣло являлись въ Царьградъ, не падали ницъ на аудіенціяхъ у султановъ и открыто, съ успѣхомъ, заступались передъ Портой за православное славянство. Затѣмъ, когда Русь окрѣпла, сформировалась въ сильное государство, она берется за выполнение возложенной на нее милліонами единовѣрцевъ и единоплеменниковъ великой міровой задачи. Геній новой Россіи, Петръ Великій уже прямо дѣйствуетъ въ духѣ совѣтовъ Юрія Крижанича. Онъ поддерживаетъ и укрѣпляетъ связи со всѣми сѣверо-западными и юго-западными славянскими народностями. Освобожденіе южнаго славянства, «нашего народа, нашего языка, нашей вѣры», какъ выразился русскій посолъ въ Карловцахъ, онъ ставитъ одной изъ главныхъ задачъ своей великой политической дѣятельности. Начиная войну съ Турціей, онъ обращается съ воззваніемъ о помощи и возстаніи къ болгарамъ, сербамъ, грекамъ и волохамъ. Планъ Петра не удался, надежды южныхъ славянъ не осуществились, тѣмъ не менѣе царь Петръ сохранилъ свое обаяніе на славянскомъ югѣ. Онъ установилъ прочныя сношенія съ черногорцами и угорскими сербами, которые именовали его своимъ «славянскимъ», «православнымъ царемъ», и хорватско-далматинскіе поэты, католики (Каваньинъ, Градичъ, Витезовичъ, Русичъ) прославляли Петра не только какъ освободителя южныхъ славянъ Турціи, но и какъ будущаго повелителя Царьграда и всего Востока. Доказательствомъ популярности Петра Великаго на славянскомъ югѣ можетъ служить тотъ любопытный фактъ, что хранящійся въ одномъ серб-

скомъ монастырѣ на Фрушкой Горѣ портретъ Петра Великаго даже среди простаго народа считается чудотворнымъ.

Великое дѣло, начатое Петромъ, продолжалось—хотя и медленно, съ большими перерывами—при его преемникахъ. Немало тяжелыхъ жертвъ, крайняго напряженія народныхъ силъ пришлось вынести Руси, прежде чѣмъ было достигнуто лишь частичное осуществленіе высокой міровой миссіи—освобожденіе единоплеменниковъ. Русскимъ государямъ понадобилось вести множество кровопролитныхъ войнъ, потерять не одинъ миллионъ солдатъ, истратить миллиарды рублей, пока наконецъ турецкое государство было совсѣмъ распатано и цѣлый рядъ народовъ и земель, томившихся подъ тяжелымъ турецкимъ игомъ, вызваны были къ новой свободной жизни. Плодами этихъ неимовѣрныхъ усилій, обнаруженныхъ русскимъ правительствомъ и народомъ, было появленіе на картѣ Европы новыхъ независимыхъ государствъ—румынскаго, греческаго, сербскаго и болгарскаго. Блистательные успѣхи послѣдней турецкой войны, увѣковѣчившіе въ славянствѣ память незабвеннаго Царя Освободителя, несомнѣнно давали право Россіи требовать отъ Турціи освобожденія и другихъ доселѣ остающихся подъ ея владычествомъ славянскихъ земель—Македоніи и Старой Сербіи, или отписанныхъ къ Австріи—Босніи и Герцеговины. Но это право не удалось осуществить вслѣдствіе помѣхъ, выставленныхъ со стороны міра западнаго, романо-германскаго, искони относившагося враждебно къ міру славянскому и причинившаго ему немало горя и тяжелыхъ потерь. Со времени Берлинскаго конгресса и въ наступившее затѣмъ ближайшее время выяснилась вся безконечная трудность восточнаго или славянскаго вопроса. Оказывается, что Россіи не достаточно было освободить сербовъ и болгаръ отъ турецкаго ига; нужно еще умѣть спасти ихъ отъ новаго завоеванія или порабощенія, политическаго и культурнаго, со стороны міра западнаго, романо-германскаго. А послѣдняя задача несомнѣнно труднѣе первой, такъ какъ міръ западный неизмѣримо сильнѣе Турціи даже въ пору могущества послѣдней, и обладаетъ такими средствами для насильственнаго и мирнаго завоеванія, какихъ никогда не было въ распоряженіи турокъ. На нашихъ глазахъ выполняется старая многовѣковая программа поступательнаго движенія Запада на Востокъ. По отношенію къ Балканскому полуострову теперь наблюдается то же самое, что имѣло мѣсто напр. въ XIV ст. Тогда міръ западный, романо-германскій, уже поглотившій балтійское и полабское славянство, вдохнувшій свою культуру и свою вражду къ православному Востоку въ польскій народъ, захватившій значительную часть территоріи чешскаго народа, овѣмечившій многихъ лужичанъ и словенцевъ, внесшій религі-

ознужу и культурную рознь въ среду сербо-хорватскаго народа, этотъ міръ, натворившій столько бѣдъ славянамъ, уже начиналъ мечтать о полномъ порабоженіи балканскихъ народовъ. Представительница его—Венеція утверждала свое господство на Адриатикѣ, а угорскій король дѣлалъ попытки завоевать схизматическія государства сербовъ и болгаръ. Въ то же время по всему полуострову разъѣзжали напскіе нунціи, усердно пропагандировавшіе унію съ Римомъ. Помѣшало осуществленію всѣхъ этихъ властолюбивыхъ плановъ и затѣй романо-германцевъ завоеваніе полуострова турками. Тѣ же самыя явленія наблюдаются и теперь. Не успѣли южнославянскія народности выйти изъ турецкой неволи, какъ на нихъ налагаетъ свою опеку міръ западный, въ лицѣ своего піонера на Востока—монархіи Габсбурговъ. Боснія и Герцеговина уже находятся подъ нѣмецко-католическимъ управленіемъ чиновниковъ Вѣны и Пешта; австрійское вліяніе проложило себѣ торную дорогу въ Болгарію; уже составляются планы завоеванія Старой Сербіи и Македоніи; ввусило австрійской закваски и сербское королевство. Вольныя славянскія народности все болѣе сдавливаются иноземными политическими и культурными стихіями; народная православная вѣра подвергается угрозамъ со стороны то уніи, то католицизма, то протестантской пропаганды. Все это такія явленія, при мысли о которыхъ невольно сжимается сердце русскаго чловека, задумывающагося надъ судьбами роднаго племени.

Въ виду такихъ обстоятельствъ едвали умѣстно и удобно равнодушіе или пренебреженіе къ южнославянскимъ дѣламъ. Вѣдь съ русской точки зрѣнія возможно и желательно только одно рѣшеніе славянскаго вопроса. Оно заключается въ установленіи такого порядка вещей, при которомъ всѣ славянскіе народы были бы свободны; сохраняли свои національныя особенности, не оиѣмечивались, не омадьяривались, не отуречивались, не обѣитальянивались, не олатынивались, не омусульманивались, не входили бы въ составъ другихъ государствъ, не считались бы нашими врагами, а напротивъ были бы нашими друзьями и союзниками. Такое рѣшеніе великаго вопроса одинаково выгодно и для нихъ, и для насъ: славянамъ оно принесетъ возможность самостоятельнаго существованія и національнаго развитія, Россія же обезпечитъ болѣе спокойный ростъ ея силы и могущества. Въ самомъ дѣлѣ, еслибъ мы совсѣмъ отказались отъ славянъ, махнули на нихъ рукой, какъ это нерѣдко у насъ предлагаютъ, то отсюда произошли бы только бѣдствія для обѣихъ сторонъ. Предоставленные самимъ себѣ, отвергнутые Россіей, наши единоплеменники, конечно, не могли бы противостоять міру западному и въ концѣ концовъ были бы имъ поглощены.

Но такой конечный исходъ дѣла и на Россіи отразился бы самымъ печальнымъ образомъ. Оставшись одинокими, безъ родственниковъ, друзей и союзниковъ, мы почувствуемъ себя сильно стѣсненными на нашей западной границѣ и еще ближе станемъ лицомъ къ лицу со страшнымъ многовѣковымъ врагомъ славянства, который приобрѣтетъ себѣ въ новозахваченныхъ славянскихъ земляхъ не одинъ миллионъ штыковъ для продолженія своего натиска на востокъ.

Приведенные болѣе или менѣе общеизвѣстные факты указываютъ, что близкія отношенія Россіи къ южнымъ славянамъ имѣютъ свою длинную исторію. Они возникли не случайно, не по капризу судьбы и не вслѣдствіе стараній отдѣльныхъ представителей той и другой стороны, а появятся на необходимыхъ, неизбѣжныхъ историческихъ законахъ, на близкомъ племенномъ и духовномъ сродствѣ, на общности политическихъ интересовъ русскихъ и всѣхъ остальныхъ славянскихъ народовъ, особенно же сербовъ и болгаръ. Порвать вѣками установившіяся связи и отношенія—значитъ для Россіи отказаться отъ своего прошлаго, отказаться отъ великой мировой задачи, которая указана Россіи и ея собственной исторіей и исторіей всего западнаго славянства и предоставлена ей самими южными славянами, значитъ дѣйствовать во вредъ собственному росту и могуществу.

Но всѣ эти соображенія, которыя можно бы подтвердить показаніями лѣтописей, грамотъ, актовъ и другихъ достовѣрныхъ политическихъ свидѣтельствъ, получаютъ еще большую убѣдительность, если ихъ освѣтить еще съ одной стороны, на которую собственно говоря доселѣ не было обращено достаточно вниманія.

Даннымъ, свидѣтельствующимъ о выраженіи со стороны южныхъ славянъ довѣрія и симпатіи къ Россіи, можно противопоставить, что и дѣлается довольно часто, данныя другого рода, указывающія на существованіе въ средѣ сербовъ и болгаръ обратныхъ явленій: недовѣрія, нерасположенія и даже вражды къ Россіи. Рядомъ съ голосами, призывающими Россію къ великой освободительной миссіи въ славянствѣ, раздавались и раздаются на славянскомъ югѣ голоса представителей извѣстныхъ партій, государственныхъ дѣятелей, министровъ, депутатовъ, публицистовъ, отрицающіе необходимость и пользу солидарности съ Россіей и требующіе установленія болѣе тѣсныхъ связей съ Западомъ. Очевидно, въ средѣ южныхъ славянъ ведется борьба двухъ направленій, соответствующихъ тѣмъ двумъ противоположнымъ теченіямъ, которыя уже издавна наблюдаются въ русской жизни и литературѣ. Одно изъ нихъ—національное, славянское, другое—западническое, космополитическое. Для людей, наблюдавшихъ непосредственно, на

мѣстѣ, современное положеніе западныхъ славянъ и имѣвшихъ возможность самостоятельнымъ изученіемъ уяснить себѣ прошлую исторію славянства и отношенія отдѣльныхъ его вѣтвей между собою и къ міру западному, не остается никакого сомнѣнія относительно того, какое изъ этихъ двухъ направленій наиболѣе можетъ обезпечить южнымъ славянамъ національную и политическую самостоятельность. Тѣмъ не менѣе весьма желательно было бы знать, къ какому изъ этихъ направленій примыкаетъ народъ, народная масса. Конечно, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что южнославянскіе иноки, приходившіе въ Москву въ XVI и XVII вв., или сербскіе купцы и священники, пріѣзжавшіе въ Кіевъ въ 1888 г. на праздникъ девятисотлѣтія крещенія Руси, были истинными представителями своихъ народовъ и истолкователями народныхъ чувствъ и взглядовъ. Съ другой стороны столь же справедливо, что представители противоположнаго направленія, антагонисты Россіи, говорятъ и дѣйствуютъ противъ Россіи частью по недальновидности, ослѣпленію и неразумію, частью подъ давленіемъ иноземнаго вліянія. При всемъ томъ, однако, важно было бы имѣть неопровержимое документальное свидѣтельство о воззрѣніяхъ и настроеніи южнославянскихъ народныхъ массъ. И дѣйствительно, мы имѣемъ такое свидѣтельство въ созданіи, несомнѣнно принадлежащемъ народу—въ его роскошной, чудной поэзіи. Извѣстно, что въ пѣсняхъ народныхъ какъ въ зеркалѣ отражается душа народа, его міросозерцанія, его завѣтныя мысли, его воззрѣнія на всѣ важнѣйшіе моменты его національной исторіи.

Народная поэзія сербовъ и болгаръ занимаетъ первенствующее мѣсто не только въ славянскомъ пѣсенномъ творествѣ, но и вообще въ области народной поэзіи европейскихъ націй. Ни у одного народа не найдется такого необыкновеннаго богатства, обилія и разнообразія пѣсни, такой силы и живучести пѣсеннаго творчества, какъ это видимъ у нашихъ балканскихъ единоплеменниковъ. На славянскомъ югѣ доселѣ существуетъ былевой эпосъ, давно замершій у другихъ народовъ. Историческія пѣсни здѣсь не только передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе и постоянно передѣлываются, но и творятся вновь. Собираніе этихъ пѣсенъ далеко еще не закончилось; каждый годъ приноситъ намъ новые сборники драгоценныхъ памятниковъ народнаго творчества сербовъ и болгаръ. Зато изученіе пѣсеннаго матеріала едва начинается.

Въ южнославянскомъ былевомъ эпосѣ, разрабатывающемъ преимущественно мѣстные народные сюжеты и мотивы, иногда упоминаются Русь, русскій народъ, при чемъ высказываются о нихъ весьма любопытныя сужденія. Прислушаемся хоть къ нѣкоторымъ изъ этихъ суж-

деній. Познакомимся съ воззрѣніями народныхъ массъ на Россію, насколько они отразились въ типическихъ созданіяхъ народовъ.

Вотъ, напримѣръ, сербская пѣсня о томъ, какъ султанъ отдалъ московскаго царя. Въ ней прекрасно выражена и отгѣнена та самая мысль о перенесеніи на московскаго царя державной власти въ восточномъ и славянскомъ мірѣ, съ которою мы встречаемся во многихъ грамотахъ южнославянскихъ выходцевъ и въ другихъ письменныхъ памятникахъ. Содержаніе пѣсни слѣдующее. Московскій царь прислалъ султану «царскіе подарки».

Получивъ подарки дорогие
 Сталъ султанъ кручиниться и думать,
 Что-бъ царю московскому отправить
 Честь за честь, за дорогой подарокъ.

Ходжа и кадій совѣтуютъ спросить о томъ у «старца патріарха». Тотъ отвѣтилъ:

Есть въ твоёмъ великомъ государствѣ
 Что царю московскому отправить,
 Что тебѣ совсѣмъ не на потребу,
 А ему весьма угодно будетъ.
 Посохъ есть отъ Неманича Саввы,
 Златъ вѣнецъ царя есть Константина,
 Иоанна Златоуста риза,
 Да съ святымъ крестомъ на древкѣ знамя,
 Что держалъ въ бою царь сербскій Лазарь.
 Никакой тебѣ нѣтъ въ нихъ потребы,
 А царю угодны будутъ, анаю!

Султанъ исполнилъ совѣтъ патріарха. Узнавъ о томъ, паша Соколовичъ сказалъ султану:

Если ты царю послашь святыни,
 Выше коихъ нѣтъ для христіанства,
 Приложилъ бы къ нимъ ужъ, кстати,
 И ключи отъ своего Стамбула.
 Все равно отдать придется послѣ
 И съ великимъ для тебя позоромъ.

Султанъ раскаялся въ своемъ поступкѣ, велѣлъ отнять подарки у московскихъ посланцевъ, но было уже поздно. Патріарху отрубили голову и бросили ее въ море, а наслѣдіе восточнаго царства всетаки досталось московскому царю.

Въ другой пѣснѣ подобнымъ образомъ переносится въ Москву корона Стефана Немани и острая сабля царя Стефана Душана, какъ наслѣдіе сербскаго царства.

Москва изображается въ народныхъ пѣсняхъ какъ надежное убѣжище южныхъ славянъ. Сюда спасается преслѣдуемая тур-

ками райя. Сюда бѣжить болгарскій царь «Асѣнь». Сюда же отправляется и сербскій деспотъ Стефанъ Лазаревичъ Высокій, который затѣмъ возвращается съ войскомъ въ Сербію для борьбы съ турками. Преслѣдуемый турками и измѣнникомъ Вукомъ Бранковичемъ, онъ ѣдетъ «у Русію к Алексію кралу», который оказываетъ ему всякое покровительство, ласку и любовь. Когда деспотъ показываетъ письмо отъ матери съ описаніемъ турецкихъ насилій, «кралъ Алексій»

Незамѣтно слезы отеръ съ глазъ.
Обнялъ правой рукою Стефана
И тихо ему говорилъ:
— Ахъ, Стефанъ, моя сиротинушка!
Потерялъ ты на вѣки своего отца,
Царство сербское и господство.
Но послушай меня, сынъ мой Стефанъ,
Не могъ ты больше кручиниться
Но развесели свое сердце,
Не прибавляй горя своей бѣдной матери
А пошли ей радостную вѣсточку.
Дамъ я тебѣ сильное войско.
Иди съ нимъ на Косово-поле,
Отомсти за своего милого батюшку,
Возстанови опять сербское царство.

И вотъ пошли русскіе «генералы» съ Стефаномъ Высокимъ, бились храбро съ турками, но не могли еще тогда одолѣть «душманина». Не суждено было Стефану возстановить старое царство сербовъ, ибо, по словамъ пѣсни, много было грѣховъ за ихъ отцами:

Наши стари врло плахи били
Код милого Бога згриѣшили.

Глубокая вѣра южныхъ славянъ въ Русь, какъ защитницу православной вѣры, и въ могущественное вліяніе русскихъ государей на султана нашли себѣ выраженіе въ многихъ пѣсняхъ. Въ одной изъ нихъ напр. изображается дѣятельное участіе, принятое «русской кралицей» въ возобновеніи славнаго сербскаго монастыря Раваницы. Пришла въ заустѣніе монастырская церковь, протекла у ней крыша, почернѣли въ ней кресты и иконы. Игуменъ и братія не знаютъ, что дѣлать: турки запретили возобновлять церкви, да и денегъ нѣтъ. Куда и къ кому обратиться?

Нашегъ цара ни ћесара нема
Осимъ госпе русинске кралице.

Они отправляютъ съ грамотой «дѣява самоука» «у Русію» у «Петрибургъ градъ», гдѣ посланный благосклонно принять «кралицей».

Она посылаетъ султану письмо съ требованіемъ немедленно выдать фирманъ на возобновленіе Раваницы. Султанъ исполняетъ требованіе и втеченіе года самъ, на своей «харачъ», строитъ новую крышу и приводитъ монастырь въ порядокъ.

Подобнымъ образомъ и въ болгарскихъ пѣсняхъ повѣствуется, что московская кралица не боится никого «на свѣтѣ», даже «царя» (султана), а только «наивысшаго Бога». Она разбиваетъ высланныхъ противъ нея съ несмѣтнымъ войскомъ 77 пашей и, посылая султану отрубленные головы всѣхъ пашей, похваляется, что если есть у царя и визиря еще 77 пашей, то и ихъ она сумѣетъ проводить туда, откуда они явятся.

Вообще русское геройство часто прославляется въ пѣсняхъ. Сербы радуются, что москвы—юнаки и могутъ оказать имъ дѣятельную помощь:

Москови су од боја јунаци,
Могу нам помоћ војевати.

Русскіе соколы, по словамъ черногорскихъ пѣсень, освободятъ сербовъ изъ турецкой неволи, возстановятъ всѣ церкви и св. Софію. Русскіе превосходятъ—де всѣхъ защитниковъ христіанства; ихъ слава раздается во всемъ мірѣ; русскій народъ среди другихъ народовъ словно солнце между звѣздами. Царство русское пусть стоитъ до конца міра.

Петръ Великій пользовался большою популярностью въ средѣ южныхъ славянъ. Въ пѣсняхъ онъ именуется «царемъ славянскимъ, славянскимъ и христіанскимъ». Въ одной черногорской пѣснѣ, описывающей посольство Петра Великаго на Черную Гору, въ уста русскому царю влагаются слѣдующій призывъ итти вмѣстѣ на турокъ:

Да хришћански народ избавимо
И словенске име прославимо.
Ви сте с Русма и једнога рода,
Једне вјере, једнога језика.

Съ такимъ же глубокимъ уваженіемъ и довѣріемъ относятся черногорцы и къ другимъ государямъ, напр. къ императору Николаю I. Этотъ Государь, какъ извѣстно, принялъ дѣятельное участіе въ поставленіи перваго князя черногорскаго Данила. Это событіе, важное въ исторіи Черногоріи, подробно описано въ одной изъ пѣсень, вошедшихъ въ знаменитый сборникъ Вука Караджича. Данилъ ѣдетъ «У Русію». «У Петрову граду столицноме», на первомъ приѣмѣ императоръ обращается къ черногорскому юношѣ съ ласковымъ привѣтствіемъ:

Како моја мала гора Црна?

Даниилъ же въ своемъ отвѣтѣ между прочимъ говоритъ:

Обдари ме, мой честити царе!
 Обдари ме, стави ме за кнева.
 Ја те молим, мой честити царе!

Приведенные примѣры (ихъ можно было бы указать гораздо больше) даютъ вполне ясный отвѣтъ на поставленный выше вопросъ о возрѣніяхъ народныхъ массъ южнаго славянства на Русь и русскій народъ. Очевидно, эти возрѣнія совпадаютъ съ возрѣніями южно-славянской интеллигенціи т. н. національнаго, славянскаго направленія. Въ глазахъ сербскаго и болгарскаго простонародья Русь является естественной покровительницей и защитницей народной православной вѣры, національной и политической самостоятельности балканскихъ народовъ. Съ господствующими возрѣніями народныхъ массъ и нужно намъ прежде всего считаться при опредѣленіи нашихъ отношеній къ южнымъ славянамъ. Здѣсь скорѣе всего мы найдемъ неизблемую почву, прочный фундаментъ, наиболѣе вѣрныя указанія для установленія должнаго характера этихъ отношеній. Мнѣнія же группы людей, отворачивающихся отъ Россіи и вступающихъ въ компромисы съ Западомъ противъ Россіи, какъ явленіе патологическое, болѣзненное, конечно, могутъ доставлять намъ немало горечи, но никоимъ образомъ не должны насъ смущать до полнаго забвенія возложенныхъ на Русь правъ и обязанностей по отношенію къ единоплеменнымъ народамъ. Мнѣнія эти никогда не встрѣтятъ сочувствія въ народныхъ массахъ; они представляютъ собой нѣчто временное, непрочное, разлетающееся въ пухъ и прахъ при первомъ взрывѣ національнаго чувства, какъ это и было недавно въ Сербіи.

Такимъ образомъ не въ отреченіи отъ славянской идеи, не въ равнодушіи къ славянамъ и славянскому вопросу, а въ самомъ широкомъ изученіи славянства, въ дѣятельной работѣ надъ культурнымъ сближеніемъ съ нашими славянскими братьями, въ поддержкѣ и развитіи въ нашемъ народѣ славянскаго самосознанія заключается для русскаго общества и передовыхъ его дѣятелей наиболѣе вѣрное средство уяснить роль и значеніе Россіи, какъ міровой державы.

Т. Флоринскій.

РИМСКО-НѢМЕЦКАЯ ИМПЕРІЯ ГОГЕНЦОЛЛЕРНОВЪ

И

ГРЕКО - СЛАВЯНЕ

(ПОЛИТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ)

XII *

Къ чехославянскому племени, а именно къ словенской его вѣтви, непосредственно примыкаютъ на востокъ червонорусы, довольно компактной массой заселяющіе сѣверо-восточную Угрію, среднюю и восточную Галицію и сѣверную Буковину. По даннымъ польской и мадьярской статистики, ихъ насчитывается 3¼ милл. д., на дѣлѣ же должно быть гораздо больше. Это даровитое племя втеченіе многихъ вѣковъ было подавлено игомъ польскимъ, мадьярскимъ, даже турецкимъ (въ Буковинѣ и Угріи); да и теперь червонорусы, наряду съ румынами и сербами, принадлежатъ къ самымъ угнетеннымъ народамъ Габсбургской монархіи. Въ палатѣ депутатовъ червонорусы не имѣютъ ни одного представителя, въ палатѣ же господъ — всего одного, именно митрополита львовскаго, который къ тому же совершенно зависитъ отъ польскаго правительства и слѣдовательно не можетъ считаться дѣйствительнымъ представителемъ народа.

Въ предыдущихъ главахъ настоящаго очерка мы имѣли уже не разъ случай касаться разныхъ сторонъ червонорусскаго вопроса, такъ что для избѣжанія повтореній ограничимся здѣсь лишь немногими дополнительными замѣчаніями.

Графъ Агеноръ Голуховскій, уже упомянутый выше, какъ авторъ

* Окончаніе. См. книжки май—сентябрь.

политической программы 1866 г., унаслѣдованной старочехами и сохраняемой донинѣ младочехами, еще въ 50-ыхъ годахъ началъ преслѣдованіе ненавистныхъ полякамъ русскихъ, занимая (съ 1854 г.) постъ намѣстника такъ называемой Восточной Галиціи. Поводомъ къ этому преслѣдованію служило нерасположеніе червонорусскаго народа къ затѣянной тогда европейской коалиціи противъ Россіи. Голуховскому удалось выставить червонорусовъ въ качествѣ опасныхъ революціонеровъ, подавленія которыхъ требуютъ-де интересы не только польскаго народа, но и австрійской монархіи. Вѣрный старопольскимъ преданіямъ, графъ воздвигъ гоненіе прежде всего на славянскую церковь и славянское письмо (кириллицу), въ которыхъ не безъ основанія видѣлъ главную твердыню русской народности; русское духовенство и писатели подверглись жестокому преслѣдованію; запрещено было читать даже такія книги, какъ напечатанная во Львовѣ «Галицкая исторія» Зубрицкаго; сдѣлана была попытка утвердить въ Галиціи особаго рода русско-польскій языкъ; назначенъ даже былъ особый министерскій комиссаръ для замѣны въ журналахъ и книгахъ графики кирилловской буквами латинско-нѣмецкими!...

Но Голуховскій не могъ провести своихъ затѣй, ибо Западная Галиція составляла тогда особую административную область, въ Восточной же автохтонное русское населеніе достигало 80% общаго числа жителей, слѣдовательно могло выставить очень энергическое противодѣйствіе посягательствамъ на свою національную святиню. Къ тому же подъ диктатурою Баха и намѣстники принуждены были соблюдать установленные законы.

Вотъ почему Голуховскій, ставъ впослѣдствіи министромъ внутреннихъ дѣлъ, прежде всего постарался соединить Западную и Восточную Галицію въ одну административную область, которая, несмотря на свою обширность и многолюдность, въ интересахъ полонизма получила не два сейма, какъ напримѣръ миниатюрные Горица и Триестъ, а всего только одинъ. При помощи искусственной избирательной системы, въ сеймѣ этомъ рѣшающее значеніе получили поляки, а именно шляхта, ксендзы, два польскіе университета, полонизованные города и торговыя палаты. Воспользовавшись своимъ перевѣсомъ на львовскомъ сеймѣ, поляки, при содѣйствіи центральнаго правительства и при поддержкѣ своихъ старыхъ союзниковъ мадьяръ, постепенно овладѣли всѣми высшими должностями и отгѣснили на задній планъ коренное русское населеніе края. Къ 1866 г. польскія претензіи настолько уже окрѣпли и опредѣлились, что были положены въ основу вышеупомянутой политической программы, принятой вождями чеховъ и хорватовъ

и тождественной съ мадыарскою программю Этвеша и Деака, легшею въ основу австро-угорскаго дуализма.

Въ силу этой программы имперія раздѣлена была въ 1867 г. между нѣмцами—теперешними и будущими, т. е. со включеніемъ мадыаръ и поляковъ. Для болѣе легкаго достиженія своей цѣли, поляки приступили затѣмъ къ образованію особой русской болѣе или менѣе социалистической, слѣдовательно антиклерикальной партіи, которая должна была подрить въ народѣ авторитетъ русской церкви и прервать нить историческихъ преданій. Когда это было сдѣлано, то въ началѣ 80-тыхъ годовъ польское правительство и общество приступили къ окончательному уничтоженію русской церкви, путемъ передачи ея управленія иезуитамъ.

Для выполненія этой затѣи пущены были въ игру всѣ козыри областного и центрального управленія, со включеніемъ папы; наиболѣе опасные противники этой реформы были отчасти запуганы правительственнымъ терроризмомъ, отчасти же заключены въ тюрьмахъ, на время передачи иезуитамъ русскихъ монастырей. Во главѣ этихъ монастырей совершенно незаконно, безъ спроса монаховъ, поставленъ былъ извѣстный въ Галиціи по своей безнравственности и совершенно дискредитированный въ обществѣ львовскій монахъ, профессоръ богословскаго факультета, др. Сарницкій. Будучи самъ по происхожденію полякомъ и латинникомъ, Сарницкій охотно сдѣлался орудіемъ правительства и, по его желанію, объявилъ реформу русскихъ монастырей иезуитами. Немедленно со всѣхъ странъ свѣта во множествѣ стеклись въ Галицію сыны Лойолы, получившіе отъ самого папы миссію—перевоспитать русскихъ монаховъ и подростъ русской духовной, а отчасти и свѣтской интеллигенціи.

Слабый, но добросовѣстный митрополитъ Іосифъ Сембратовичъ, не пожелавшій принять на себя отвѣтственность за этотъ актъ насилія, былъ пенсіонированъ и перемѣщенъ въ Римъ; на его же мѣсто назначенъ нынѣшній митрополитъ Сильвестръ, покорный рабъ поляковъ и иезуитовъ. Тогда же уволены были въ отставку ученый львовскій прелатъ Малиновскій и заслуженный каноникъ Жукковский. Перемышльскій епископъ того времени Ступницкій также не могъ ничего предпринять въ защиту своей церкви, сознавая свою полную зависимость отъ милости поляковъ. Что касается епископства станиславовскаго, то оно лишь позже было учреждено, въ видахъ распространенія униі между православными буковинцами.

Въ то же приблизительно время вызванъ былъ поляками во Львовъ русскій писатель Кулишъ, указаніями котораго правитель-

ство надѣялось воспользоваться для усиленія партіи русскихъ социалистовъ и сепаратистовъ. Затѣмъ начались въ Галиціи, Буковинѣ, Угрии и даже въ Вѣнѣ домашніе обыски и аресты многочисленныхъ русскихъ крестьянъ, редакторовъ (между ними были: извѣстный священникъ Наумовичъ, Марковъ изъ Львова и Огоновскій изъ Черновець) и другихъ червонорусскихъ патриотовъ. Въ числѣ послѣднихъ находился и ославленный какъ руссофилъ и панславистъ пенсіонованный австрійскій гофратъ, Адольфъ Ивановичъ Добрянскій, съ дочерью Ольгою. До выхода на пенсію Добрянскій служилъ въ угорской канцеляріи, какъ шефъ департамента торговли, промышленности и путей сообщеній, а кромѣ того былъ выдающимся депутатомъ угорскаго сейма и признаннымъ вождемъ угрорусскаго народа. Всѣ эти лица были обвинены въ государственной измѣнѣ и просидѣли полгода въ тюремномъ заключеніи словно обыкновенные преступники или бродяги.

Процессъ этотъ, составляющій своего рода *unicum* въ судебной хроникѣ Европы, возбужденъ былъ съ цѣлью терроризовать народъ и наложить безмолвіе на болѣе вліятельныхъ членовъ общества, при передачѣ іезуитамъ русскихъ монастырей. Однако поведеніе обвиненныхъ на судѣ, хотя и составленномъ изъ однихъ поляковъ и евреевъ, было таково, что этотъ процессъ содѣйствовалъ оживленію, а не подавленію народнаго мужества червонорусовъ. Вотъ почему за процессомъ слѣдовала цѣлая серія народныхъ вѣтъ, выразившихъ протестъ противъ польско-іезуитскаго терроризма. Особая депутація, составленная изъ гофрата Ковальскаго, помѣщика Федоровича и двухъ университетскихъ профессоровъ, представила императору меморандумъ противъ беззаконій, допускаемыхъ въ Галиціи правительствомъ. Конечно, протесты эти не имѣли формальнаго успѣха, но во всякомъ случаѣ, благодаря этимъ событіямъ, въ червонорусскомъ народѣ сложилось наконецъ убѣжденіе что въ Австро-Угрии онъ не можетъ найти признанія своихъ правъ, а наоборотъ осужденъ на вѣчное рабство и гибель. Это убѣжденіе еще болѣе укрѣпилось въ послѣднее время, съ наступленіемъ такъ называемой «новой эры», когда послѣдніе представители червонорусскаго народа были вытѣснены изъ рейхсрата и замѣнены польскими прихвостнями, въ родѣ Барвинскаго и другихъ галицко-русскихъ ренегатовъ. Печальныя предчувствія червонорусовъ получили новую пищу отъ созванія во Львовѣ грекокаатолическаго митрополитальнаго синода, состоявшаго подъ предсѣдательствомъ одного латинскаго прелата и имѣвшаго цѣлью подготовить постепенное сліяніе русскихъ униатовъ съ польскимъ латинствомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлана попытка измѣнить традиціонный

языкъ и орфографію русскихъ галичанъ, вытѣснить изъ ихъ литературы все общеславянское и общерусское, уничтожить въ ней всѣ историческія преданія и замѣнить правописание историческое фонетическимъ, въ самомъ невѣжественномъ искаженіи. Все это не могло не пошатнуть традиціонной вѣры въ Австрію червонорусовъ и не вызвать между ними крайняго недовольства, броженія и наконецъ выселенія въ Америку и Россію. Конечно, въ мирное время такое настроеніе не опасно, но въ случаѣ серьезныхъ усложненій оно могло бы сдѣлаться важнымъ политическимъ факторомъ. Можно навѣрно утверждать, что замѣчаемое нынѣ въ Галиціи народное броженіе не уляжется до тѣхъ поръ, пока нѣмцы, поляки и мадьяры не перестанутъ издѣваться надъ правомъ и правдою въ своихъ отношеніяхъ къ поработаннымъ народамъ габсбургской монархіи.

XIII.

Не въ лучшемъ положеніи находится и многочисленная румынская народность въ Австро-Угріи. Національная румынская церковь лишь отчасти сохранила свою полную самостоятельность; другая ея часть подчинена римскимъ папамъ, слѣдовательно лишена свободной синодальной жизни и поставлена въ тѣсную зависимость отъ правительства, особенно при выборѣ епископовъ и другихъ духовныхъ лицъ. Во всякомъ случаѣ, процентное отношеніе румыновъ православныхъ къ униатамъ гораздо выгоднѣе, чѣмъ у червонорусовъ, въ средѣ коихъ православные буковинцы не превышаютъ 10% общаго числа. Для распространенія между румынами униі правительство еще въ 50 тыхъ годахъ возвысило фогарашское униатское епископство въ митрополію, подчинивъ ему, кромѣ прежняго великоварадинскаго униатскаго епископства, еще два новоучрежденных (въ Самошуварѣ и въ Лугошѣ), такъ что румынско-униатскихъ епархій теперь четыре, тогда какъ православныхъ только три: германштадтская митрополія и епископіи арадская и караншебешская. Все-таки большинство румыновъ — православное. Да и между румынскими униатами древніе обряды настолько сохранились, что даже пресловутая римсконѣмецкая вставка «filioque» въ символѣ вѣры не утвердилась между ними.

Эти рѣшительныя преимущества румыновъ передъ сосѣдними русскими еще возвышаются живымъ участіемъ, какое встрѣчаетъ эта «Romania irredenta» у своихъ сосѣднихъ братьевъ по ту сторону Семиградскихъ Альпъ, въ королевствѣ молдавально-валашскомъ: въ доказательство сошлемся на многочисленные митинги въ Букарестѣ, Яссахъ, Галацѣ и другихъ румынскихъ городахъ, состоявшіе не-

давно по случаю разгрома мадьярами въ Семиградіи и Банатѣ домовъ румынскихъ патриотовъ, участвовавшихъ въ депутаціи къ императору, для выраженія протеста противъ нынѣшняго незаконнаго управленія въ Угріи и Семиградіи. Но съ другой стороны нужно отмѣтить, что въ матеріальномъ отношеніи австро-угорскіе румыны стоятъ еще ниже своихъ русскихъ сосѣдей, которые въ Угріи долѣе пользовались національнымъ управленіемъ, въ Галиціи же находили прежде въ нѣмецкихъ чиновникахъ нѣкоторую защиту отъ польско-еврейской эксплуатаціи.

Въ настоящее время гнетъ, тяготящій на румынахъ, столь же невыносимъ, какъ и рабство русскихъ. Различіе заключается лишь въ томъ, что главный стволъ австро-румынскаго населенія находится въ Транслейтани, австро-русскаго же—въ Цислейтани, такъ что между угнетателями румыновъ на первомъ планѣ стоятъ мадьяры, а на второмъ поляки, у русскихъ же наоборотъ. Относительно лучше положеніе тѣхъ и другихъ въ Буковинѣ, гдѣ поляки и іезуиты не пустили еще глубокихъ корней. Къ сожалѣнію, и здѣсь они настолько уже усилились, что въ состояніи сѣять раздоры между буковинскими румынами и русскими, надѣясь такимъ образомъ создать здѣсь почву для уніи и подготовить передачу іезуитамъ богатаго релігіознаго фонда православныхъ буковинцевъ.

Такимъ образомъ, румыны дѣйствительно подавлены не менѣе русскихъ. А такъ какъ одинаковыя причины вызываютъ одинаковыя слѣдствія, то понятно, что румынскій вопросъ, подобно русскому, представляется въ Австро-Угріи вторымъ вулканомъ, производящимъ колебанія народной почвы и угрожающимъ опасными изверженіями. Между угорскими румынами уже находили прокламаціи, вызывающія къ открытому возстанію противъ нестерпимаго мадьярскаго ига. Теперь, когда послѣдняя попытка легальнаго разрѣшенія австро-румынскаго вопроса путемъ аппелляціи къ императору окончилась полнѣйшей неудачею; когда обширный меморандумъ о противозаконныхъ дѣйствіяхъ мадьярскаго правительства и систематическомъ истребленіи мадьярами румынской народности въ Семиградіи и восточной Угріи не былъ принятъ императорскою канцеляріей и возвращенъ вождю депутаціи адвокату Рацію черезъ посредство мадьярскихъ властей въ нераспечатанномъ видѣ; когда наконецъ дома названнаго адвоката и другихъ вождей румынской депутаціи были, по наущенію правительства, разбиты и разграблены мадьярскою чернью: румынамъ ничего другого не остается, какъ просить помощи у свободныхъ братьевъ Молдовалахи и открыто искать соединенія съ ними въ одномъ даворумынскомъ государствѣ. Мы не сомнѣваемся, что славяне поддержать ихъ въ

*

этомъ законномъ стремленіи. Конечно, въ мирное время этотъ румынскій ирредентизмъ не представляетъ большой опасности, но въ случаѣ международныхъ усложненій онъ могъ бы парализовать значительную часть австро-угорскихъ военныхъ силъ и привести къ отторженію отъ Австріи всѣхъ ея румынскихъ областей. Настроеніе же румыновъ не можетъ не отразиться на сосѣднихъ съ ними сербахъ и болгарахъ, а слѣдовательно и вообще на народахъ Балканскаго полуострова.

При наступленіи развязки, къ солидарной группѣ народовъ русскаго, румынскаго и сербскаго примкнуть безъ сомнѣнія и словаки, а за ними—прочіе чехославы на сѣверѣ, хорваты же и словенцы на югѣ. Не исключена наконецъ возможность, что противъ римско-нѣмецкой имперіи Гогенцоллерновъ приступить въ рѣшительный моментъ къ означенной коалиціи крестьянскія массы народовъ мадыарскаго и польскаго.

XIV.

Въ самомъ дѣлѣ, упоминая въ предшествовавшихъ замѣчаніяхъ про мадыаръ и поляковъ, мы постоянно разумѣли подъ ними не народныя массы, а только верхніе слои обѣихъ народностей, вовсе не солидарные съ интересами подавленнаго ими мадыарскаго и польскаго крестьянства. Понятно, что послѣднее не можетъ относиться съ особеннымъ довѣріемъ къ своимъ политическимъ вождямъ. Польскіе мазуры, какъ извѣстно, не уронили ни одной слезы надъ паденіемъ Рѣчи-посполитой, а наоборотъ отнеслись къ этому событію съ такимъ же равнодушіемъ и даже удовольствіемъ, какъ русскіе и литовцы. Мазуры и потомъ противодѣйствовали всѣмъ попыткамъ возстановленія Польши, не безъ основанія отождествляя ее со своимъ вѣковымъ рабствомъ. Въ 1846 г., по поводу такихъ слуховъ, галиціе мазуры съ топорами и косами набросились на своихъ помѣщиковъ и ксеидзовъ и произвели кровавую расправу съ ними въ Бокнѣ и другихъ смежныхъ округахъ. И въ 1848 г. мазуры энергически помогали австрійскимъ властямъ въ усмиреніи мятежныхъ шляхтичей. Тоже случилось въ 1863 г. въ русской Польшѣ, во время послѣдняго мятежа противъ Россіи. Лѣтъ шесть тому назадъ это едва не повторилось въ Галиціи, когда у князя Сангушко собрались было польскіе эмигранты изъ Пруссіи и многіе охотники изъ галицкой шляхты, для устройства большой облавы. Вообразивъ, что это начало бунта, польскіе крестьяне рѣшились разгромить мнимую шайку, такъ что для охраны ея потребовалось вмѣшательство властей и войска.

Менѣе извѣстно публикѣ подобное же настроеніе и мадьярскаго населенія въ отношеніи къ своимъ вождямъ. Мадьярскіе курсы исторіи охотно обходятъ молчаніемъ такіе факты, какъ бунтъ Георга Дожи (Dozsa), который во главѣ сотни тысячъ возставшаго крестьянства свирѣпствовалъ надъ мѣстными помѣщиками, пока наконецъ этотъ мятежъ не былъ подавленъ жестокими казнями, благодаря вмѣшательству семиградскаго воеводы Запольи. Въ 1514 г. изданъ былъ по этому поводу законъ, прикрѣпившій мадьярскихъ крестьянъ къ землѣ и предавшій ихъ полному произволу дворянъ-помѣщиковъ. Это еще усилило антагонизмъ между мадьярскими крестьянами и знатью. Даже полутора-вѣковое порабощеніе мадьяръ турками не пресѣкло этого антагонизма. Въ доказательство сошлемся на бунтъ противъ помѣщиковъ въ 1783 г. извѣстнаго и въ румынскихъ пѣсняхъ Николая Горы или Медвѣдя (Ursu), который во главѣ румынскихъ крестьянъ опустошилъ въ Семиградіи 232 мадьярскія помѣстья и перебилъ до 4000 человекъ. Мадьярскіе крестьяне не только не вступились тогда за своихъ помѣщиковъ, но навѣрное применили бы къ возстанію, еслибы оно не было подавлено вступившими въ Семиградію войсками генерала Края (Kray). И въ 1831 г., когда подобное возстаніе было поднято угорскими русскими, особенно въ комитатахъ земплинскомъ и спишскомъ, движеніе распространилось и на сосѣднихъ мадьярскихъ крестьянъ, напавшихъ на своихъ помѣщиковъ и ксендзовъ, но оно быстро было подавлено военною силою. Лишь жестокая казнь мятежниковъ какъ въ предшествовавшихъ возстаніяхъ, такъ и въ послѣднемъ пресѣкли эти вспышки народнаго ожесточенія противъ своей знати. Однако и теперь часто приходится читать въ угорскихъ газетахъ о движеніяхъ аграрнаго характера, особенно среди мадьяръ восточныхъ комитатовъ, гдѣ они перемѣшаны съ сербами, румынами, русскими и отчасти словаками. Вообще мадьярскій народъ вовсе не солидаренъ теперь со своей интеллигенціей, такъ какъ и ему, наряду со славянами и румынами, приходится нести непосильное бремя налоговъ, для удовлетворенія честолюбія и корыстолюбія своихъ парламентскихъ представителей и политическихъ вождей. Можно предвидѣть поэтому, что въ случаѣ серьезныхъ усложненій масса крестьянства мадьярскаго, какъ и польскаго, применула бы скорѣе къ народному движенію смежныхъ съ ними славянъ и румыновъ, чѣмъ къ своимъ народнымъ вождямъ, ратующимъ — сознательно или безсознательно — подъ знаменемъ Гогенцоллерновъ и тевтонизма.

Изъ вышеизложеннаго можно вывести слѣдующія заключенія:

Задуманная въ Берлинѣ римско-нѣмецкая имперія Гогенцоллерновъ уже далеко подвинулась въ своемъ образованіи. Воля стоящаго во главѣ тройной лиги германскаго императора имѣетъ рѣшающее значеніе не только въ могущественной Германіи, но также въ Австро-Угріи и Италіи. Эта зависимость двухъ послѣднихъ государствъ отъ перваго столь велика, что ея не могло бы разорвать даже единодушное противодѣйствіе Австро-Угріи и Италіи, еслибы онѣ вздумали ополчиться за восстановление своей государственной независимости.

Германское зерно этой восстановленной римской имперіи нѣмецкой націи настолько крѣпко, что въ мирныя времена оно смѣло можетъ отражать и партикуляристическія стремленія лишенныхъ прежней независимости нѣмецкихъ государствъ, и броженіе эльзасъ-лотарингскаго населенія, и противодѣйствіе народовъ Австро-Угріи и Италіи. Опытъ доказываетъ, что для предупрежденія взрыва всѣхъ этихъ движеній Германія располагаетъ достаточными средствами матеріальнаго и нравственнаго давленія.

Противодѣйствующія донныѣ своему включенію въ имперію Гогенцоллерновъ сосѣднія мелкія государства не въ состояніи будутъ долго удержаться, ибо на сѣверѣ они населены главнымъ образомъ германскими и протестантскими народами, въ католической же по большинству жителей Бельгіи уже нынѣ властвуетъ нѣмецкій государь. Еще благопріятнѣе для Гогенцоллерновъ слагаются дѣла на юго-востокѣ. Въ Румыніи господствуетъ государь изъ дома Гогенцоллерновъ, въ Болгаріи Кобургъ, въ Босніи и Герцеговинѣ Габсбурги. Да и другія балканскія государства, не исключая и Турціи, находятся въ сильной зависимости отъ тройной лиги. Въ доказательство сошлемся на блестящій приемъ, устроенный въ Константинополѣ султаномъ и его правительствомъ софійскому палачу Стамбулову, притомъ вслѣдъ за возмутительнымъ процессомъ и звѣрскимъ убіеніемъ четырехъ невинныхъ болгаръ, осужденныхъ на основаніи завѣдомыхъ фальсификатовъ и съ одобренія агентовъ тройной лиги.

Если прибавить еще къ этому двусмысленное положеніе англійской дипломатіи, которая при Салисбери совершенно плыла уже въ фарватерѣ тройной лиги, да и теперь, подъ Гладстономъ, находится въ рукахъ приверженца этой лиги лорда Росберри, то нужно признать, что и со стороны Великобританіи диктатура Гогенцоллерновъ въ Европѣ не встрѣчаетъ серьезныхъ препятствій.

Такимъ образомъ втихомолку и безъ кровопролитія можетъ постепенно совершиться въ близкомъ будущемъ образованіе могу-

щественной римско-нѣмецкой имперіи, въ которую войдутъ всѣ германцы европейскаго материка, затѣмъ итальянцы, румыны, греки, турки, албанцы, всѣ западные и южные славяне, а также осколки славянъ восточныхъ, французовъ и финновъ. Единственнымъ условіемъ благополучнаго для нѣмцевъ исхода этого процесса является — сохраненіе европейскаго мира.

Да, какъ ни здоровъ прусскій желудокъ, онъ все-таки требуетъ покоя, чтобы переварить захваченныя нѣмецкія государства, а также Австро-Угрію и Италію. Лишь мирное время можетъ постепенно приучить всѣ эти государства и народы къ господству Гогенцоллерновъ и подавить память о прежней независимости. Вѣдь привычка составляетъ вторую природу! Переваривъ же захваченное уже нынѣ, нѣмцы могутъ затѣмъ расширить свое господство и на другія государства Европы. Не эту ли перспективу имѣлъ въ виду императоръ Вильгельмъ II, когда въ одной изъ своихъ бранденбургскихъ рѣчей онъ пророчилъ нѣмцамъ неслыханную будущность и сравнивалъ себя съ англійскимъ адмираломъ, отерывшимъ Тихій океанъ?

Вопросъ лишь въ томъ, согласятся ли Россія и Франція предоставить Гогенцоллернамъ безмятежный миръ на все время совершенія и завершения этого грандіознаго политическаго процесса? Хотя мы и не посвящены въ тайны кабинетовъ петербургскаго и парижскаго, однако считаемъ себя вправѣ дать на этотъ вопросъ отвѣтъ отрицательный. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ предположить, что они будутъ безучастными зрителями того, какъ слабая еще нынѣ сплоченность римско-нѣмецкой имперіи постепенно будетъ возрастать, по мѣрѣ подавленія самостоятельности и мелкихъ нѣмецкихъ государствъ, и большинства населеній Австро-Угріи и Италіи, угрожая залить потокомъ тевтонизма множество то единовѣрныхъ, то единокровныхъ съ Франціей и Россіей народовъ срединной Европы!...

Кромѣ того, могутъ ли Россія и Франція равнодушно смотрѣть на утвержденіе въ Европѣ диктатуры Гогенцоллерновъ, которая по необходимости низвела бы наконецъ всѣ прочія европейскія государства къ положенію второстепенныхъ, зависимыхъ отъ Германіи народовъ? Вѣдь и донныѣ много уже вреда причинили Гогенцоллерны французамъ какъ враги, а русскимъ какъ друзья. Соединенными силами должны теперь Россія и Франція позаботиться о томъ, чтобы спасти отъ ига тевтонизма ненѣмецкіе народы Австро-Угріи и Италіи, ожививъ въ нихъ инстинкты самохраненія и надежды на свободную народную будущность. А такъ какъ въ пользу Гогенцоллерновъ работаютъ сверхъ нѣмцевъ еще поляки и мадяры, какъ нѣмцы будущаго, то политика Рос-

сія и Франціи должна быть одновременно обращена на обузданіе этихъ, донельзя раздутыхъ нынѣ народностей. Это немедленно привело бы къ распаденію сложившагося зерна римско-нѣмецкой имперіи и постепенно ободрило бы подавленные нынѣ Пруссіею мелкія нѣмецкія государства, которыя подъ главенствомъ Австріи могли бы образовать — конечно, въ этнографическихъ границахъ нѣмецкаго племени — независимый отъ Пруссіи союзъ южно-германскихъ государствъ. Тогда открылась бы не только для греко-славянской и романской, но и для германской Европы возможность свободного народнаго развитія, не сдерживаемаго, какъ нынѣ, безконечными вооруженіями и ненасытнымъ властолюбіемъ прускаго тевтонизма.

Срѣмецъ.

Пренія въ австроугорскихъ делегаціяхъ объ иностранной политикѣ этого государства. Афера съ памятникомъ генералу Генци. Положеніе дѣлъ въ Германіи. Румынскіе выстрѣлы.

I.

Въ послѣднее время Австро-Угорія какъ будто стала центромъ политическихъ событій, по крайней мѣрѣ съ славянской точки зрѣнія. Въ политической жизни другихъ государствъ не произошло особенно выдающихся событій. Въ Австро-Угоріи же однѣ делегаціи заставили говорить о себѣ не мало. Эта замѣчательная корпорація, центральный органъ пресловутаго дуализма, въ предыдущіе годы была какъ бы бездушной машиной, работавшей попеременно то въ Пештѣ то въ Вѣнѣ. Делегаты вѣнскаго рейхсрата и угорскаго сейма, точно въ кадрили, проходили съ мѣста на мѣсто—визави,—и только. Но засѣданіе делегатовъ въ Пештѣ нынѣшняго года рѣзко отличается отъ кадрилиаго передвиженія ихъ въ прежніе годы. Дебаты были оживлены чешскими делегатами и изъ нихъ наиболѣе д-ромъ Эймомъ. Этотъ талантливый редакторъ «Нар. Листовъ» (говоримъ «редакторъ» потому, что у него была въ Вѣнѣ отдѣльная редакція и онъ втѣченіе многихъ лѣтъ наполнялъ добрыхъ $\frac{3}{4}$ «Нар. Листовъ») никогда и не думалъ объ активной политической роли; его даже въ Чехіи почти не знали, а простому народу имя его было совсѣмъ неизвѣстно. Когда младочехи шли въ парламентъ на рѣшительную битву, то они искали людей, чтобы занять всѣ округа. Побѣда младочеховъ во всѣхъ пунктахъ привела д-ра Эйма въ парламентъ, гдѣ онъ тотчасъ сталъ играть видную роль. Но политическую извѣстность въ болѣе широкомъ смыслѣ принесла ему его рѣчь въ делегаціи объ иностранной политикѣ Австріи-Угоріи. Суть его рѣчи заключается въ слѣдую-

щемъ: намъ не надо союза съ нѣмцами; тройственная лига вообще вредна и ненавистна для огромнаго большинства австро-угорскаго населенія. Сближеніе съ Россіей должно бы быть, по мнѣнію оратора, главной цѣлью иностранной политики Габсбургской монархіи. Эймъ высказалъ убѣжденіе, что славянскіе народы не могутъ, по примѣру поляковъ и мадьяръ, ненавидѣть Россію, что, напротивъ, ихъ симпатіи къ могущественной сѣверной державѣ основательны и простительны. Разумѣется, подобныхъ заявленій никогда не было слышно въ австроугорскихъ делегаціяхъ. Поляки поторопились воспользоваться своимъ стереотипнымъ *désavoué*, которое смахиваетъ прямо на манію. Въ этомъ отношеніи поляки, можно сказать, были болѣе паписты, чѣмъ самъ папа. Кальноки принялъ довольно хладнокровно заявленіе младочешскаго делегата. Ожидали, что премьеръ прогремитъ своимъ юпитерскимъ громомъ и произнесетъ антиславянскую филиппику. Но этого не случилось. Онъ при этой горькой рѣчи дѣлалъ столь сладкое лицо, что казалось, будто онъ и ожидать не могъ ничего иного. Панславизмъ Эйма очевидно не кололъ, а только щекоталъ политическіе нервы австро-угорскихъ высшихъ сферъ. И критика другого младочешскаго делегата д-ра Масарика не побуждала къ пламенному гнѣву: его проекты улучшенія администраціи въ Босніи и Герцеговинѣ конечно можно было выслушать безъ особеннаго раздраженія; его обвиненія, подкрѣпленные фактами, не подѣйствовали на грубую шкуру оккупационныхъ сатраповъ. И они слетѣли словно съ гуся вода. Оживленное засѣданіе делегація, журнальные споры и спокойныя улыбки министра — вотъ въ чемъ выразилась политическая жизнь въ Австро-Угріи. На дѣлѣ же вся эта оживленность не произвела никакого должнаго вліянія. Въ нѣкоторыхъ сферахъ австрійскихъ славянъ опасаются даже, не хотятъ ли этимъ кроткимъ поведеніемъ правительства по отношенію къ славянскимъ представителямъ сдѣлать младочеховъ ручными, какъ прекрасными обѣщаніями присмирили нѣкогда стараго льва, Ригера, который въ делегаціяхъ взялъ на себя роль очень снисходительнаго критика. Не будетъ ли делегаціонный панславизмъ Эйма и теоретическій австрійскій панславизмъ Масарика какъ разъ пріятнымъ для австрійскихъ сферъ явленіемъ и полезнымъ для нихъ шахматнымъ ходомъ? Австрія можетъ теперь сказать Германіи: ты видишь, что у меня творится; мои народы устами своихъ политиковъ не хотятъ тройнаго союза; они хотятъ соединенія съ Россіей: поэтому не желай отъ меня новыхъ налоговъ, новыхъ жертвъ, новаго вооруженія. Вѣдь такъ точно и Бисмаркъ держалъ Австрію въ своихъ рукахъ, угрожая ей союзомъ съ Россіей. Теперь, когда Россія отвернулась отъ Германіи, тоже самое испытанное оружіе перешло въ руки Кальноки.

Вотъ Кальнони и даетъ понять Германіи: нѣ трудно сдерживать наши народности; ты, Германія, если хочешь, чтобы Австрія не перешла на противоположную сторону, должна поддерживать ее, а именно не желать дальнѣйшихъ жертвъ отъ своей союзницы. Такимъ образомъ заявленіе чеховъ и словинцевъ способно даже помочь правительству противъ упрочивающагося и съ трудомъ переносимаго перевѣса Германіи. Бисмарковскую политику Германія бросила, какъ и самого канцлера, въ старый хламъ, и съ тѣхъ поръ Австрія дышетъ свободнѣе и позволяетъ себѣ политическіе шаги, до тѣхъ поръ невозможные. Если это такъ, то славянскій элементъ опять — пусть онъ дѣлаетъ, что ему угодно — служить въ Австріи болѣе или менѣе сподручнымъ орудіемъ въ цѣляхъ австрійской политики и противъ политики славянской. Какъ было всегда, такъ и теперь оказалось, что австрійская политика держится не внутренней своей силой и цѣльностью, а лишь лавированіемъ промежъ различныхъ теченій и силъ.

II.

Совсѣмъ инныя перспективы открылись въ Австро-Угорской внутренней политикѣ по случаю аферы съ такъ называемымъ памятникомъ генералу Генци (Hontzi). Въ 1849 году генералъ Генци съ войскомъ, которое состояло отчасти изъ хорватовъ и другихъ славянъ, отчасти изъ итальянцевъ, держалъ въ своихъ рукахъ будинскую крѣпость. Мадьярская революціонная армія осаждала Будинъ, и гонведы, при помощи итальянцевъ, которые, измѣнивъ своему долгу, протянули осаждавшимъ руки, взяли крѣпость и перебили вѣрный императору гарнизонъ—съ перваго до послѣдняго защитника. Говорятъ, что нѣкоторую часть хорватскаго отряда загнали въ уголь, обезоружили, а затѣмъ разстрѣляли. Въ это время палъ и Генци.

Когда революція была подавлена и императоръ Францъ-Иосифъ сдѣлался неограниченнымъ властелиномъ Угріи, поставили Генци и воинамъ, погибшимъ вмѣстѣ съ нимъ, бронзовую пирамиду передъ королевскимъ замкомъ. На пирамидѣ вырѣзаны имена погибшихъ воиновъ-хорватовъ — всѣхъ до одинаго. Этотъ памятникъ былъ всегда для мадяръ камнемъ преткновенія. Много разъ они пытались его уничтожить. Большая буря возникла шесть лѣтъ тому назадъ, когда генералъ Янскій въ праздникъ Всѣхъ Святыхъ украсилъ вѣнкомъ могилу Генци. Мадьяры потребовали не только наказать Янскаго, но и разрушить памятникъ. Самъ Тиса назвалъ изъявленіе Янскимъ уваженія къ павшему товарищу безтактностью. Но

военная партія при австрійскомъ дворѣ возымѣла еще большее вліяніе: Янскій былъ конечно переведенъ, но съ повышеніемъ вѣнчередин. Памятникъ остался нетронутымъ.

Когда мадьяры убѣдились, что ничего не могутъ сдѣлать непосредственно противъ пирамиды, находящейся на будинской замковой площади, они начали дѣйствовать съ другого конца: они рѣшили поставить неподалеку другой памятникъ, въ честь павшихъ воиновъ революціонной арміи. Это должно было служить цѣлительнымъ балзамомъ для ихъ раны. И въ самомъ дѣлѣ, открытіе этого памятника было назначено на второе ноября. Графъ Сапари выхлопоталъ при дворѣ, чтобы общая армія находилась при открытіи и чтобы начальникъ пештбудинскаго гарнизона, князь Лобковицъ, положилъ вѣнокъ на памятникъ павшимъ революціонерамъ, конечно за цѣну взаимности, т. е. чтобы предсѣдатель гонведскаго общества и комиссіи для сооруженія памятника положилъ вѣнокъ на памятникъ Генци. Этотъ планъ былъ выработанъ втайнѣ. Но Сапари ошибся въ расчетѣ. Умѣренная оппозиція (гр. Аппони) сначала, конечно, согласилась съ программой торжества, долженствовавшего быть символомъ окончательнаго примиренія мадьяръ съ австрійской арміей, а пожалуй, и съ королемъ, который, по словамъ лѣвой партіи, вѣдъ былъ прежде «тираномъ». Но крайняя лѣвая партія подняла ужасный шумъ... Украшеніе памятника Генци вѣнкомъ назвали «аттентатомъ на мадьярскую націю», Сапари и предсѣдателя гонведскаго комитета Эммериха Иванку—«измѣнниками». Агитація дошла до того, что члены лѣвой партіи обязались честнымъ словомъ сопротивляться даже силою украшенію памятника «наемника», «палача», «убійцы». Дѣло было передано на рѣшеніе сейма. То, что тутъ было сказано объ австрійскомъ войскѣ, даже о самомъ императорѣ Францъ-Іосифѣ, это было sumptum! Такъ напримѣръ, депутатъ Угровъ сравнивалъ его съ Нерономъ (право, большая несправедливость!), а тѣхъ, которые хотѣли украсить вѣнкомъ монументъ, безнравственными эпигонами Брутовъ, плясавшими передъ императоромъ канканъ,—только бы Неронъ улыбнулся!...

И въ самомъ дѣлѣ, торжество открытія памятника было отложено. Впрочемъ, само гонведское центральное общество разрубило гордіевъ узелъ, заявивъ, что осуждаетъ программу, и въ торжествѣ не приметъ участія. Князь Лобковицъ объявилъ, что послѣ рѣчей, высказанныхъ въ сеймѣ, онъ съ войскомъ въ торжествѣ участія принимать не можетъ. Окончательное примиреніе мадьяризма съ тѣмъ минувшихъ дней сдѣлалось невозможнымъ.

Очень поучителенъ и слѣдующій случай: дворъ, который долженъ былъ остаться въ Едловѣ (Göllö) до Рождества, собрался

тотчасъ въ путь-дорогу; императоръ уѣхалъ въ Вѣну, не захвативъ въ Пештъ. Сами мадьяры увидѣли въ этомъ проявленіе королевской немилости. Но если даже императоръ Францъ-Іосифъ побѣдитъ свой гнѣвъ, или по крайней мѣрѣ не обнаружитъ его, все-таки афера съ Генци очень неблагоприятно подѣйствовала на войско, законнымъ членомъ котораго былъ павшій генералъ. Да и вообще все это было очень странно: солдатъ невольно несетъ свою жизнь въ жертву. Его единственная, въ настоящемъ смыслѣ слова идеальная награда — слава и благодарность послѣ геройской смерти за честь военнаго сословія и честь военнаго знамени. Какъ же смотреть воину на дѣло Генци? Онъ видитъ тутъ нападеніе на свое сословіе, видитъ что то, что онъ считалъ прочнымъ, подчасъ бываетъ очень непрочно, и что его самопожертвованіе можетъ современемъ считаться дѣломъ позорнымъ, что все это зависитъ отъ политики или побѣды той или другой партіи. Войско чувствуетъ себя втянутымъ въ политическое теченіе, но со связанными руками, потому что принимать дѣятельное участіе не имѣетъ права. Что же можетъ отсюда произойти? Войско, конечно, будетъ молчать, но нѣтъ сомнѣнія, что дѣло Генци усилитъ въ его рядахъ апатію, которая замѣтна уже нѣсколько лѣтъ. Что апатія и жизнь безъ высшихъ стремленій вредна въ арміи — понять не мудрено, но весьма худое вліяніе произвело дѣло Генци и на немадьярскія народности.]

Въ самомъ дѣлѣ, эти народности видѣли воочию, что онѣ — ничто, а мадьяры — все, или точнѣе говоря, что Мадыарія — это еврейско-мадыарская олигархія, которая стоитъ во главѣ парламента и общественной жизни въ Угрии вообще. Онѣ увидѣли, что оппозиція имѣетъ въ ультрамадыаризмѣ (стало быть въ ихъ смертномъ врагѣ) такое оружіе, которое разбиваетъ и правительство, и большинство. Правительство не смѣетъ ни въ чемъ быть справедливымъ по отношенію къ немадьярскимъ народностямъ, потому что этого не позволить оппозиція. Такимъ образомъ эти народности чувствуютъ себя все болѣе и болѣе беззащитными, сознаютъ свое положеніе все болѣе безнадежнымъ.

Чѣмъ можетъ, напр., правительство защитить себя отъ нападокъ оппозиціи? Ахъ, тутъ наилучше помогаетъ старое средство: начать преслѣдованіе славянскихъ народностей... Изъ страха передъ ультристами правительство поднимаетъ противъ національныхъ немадьярскихъ органовъ семь процессовъ. Румыны, словаки и сербы должны на своихъ спинахъ перенести удары, которые ультристы приготовили для правительства. Опять таки только немадьяры должны быть громоотводомъ. Средство конечно дешевое, но врядъ ли безопасное. Значительное большинство жителей Угорщины становится съ каждымъ

днемъ безпокойнѣе; что это пока явно не замѣчается—совершенно естественно: оно вѣдь не имѣетъ никакого авторитетнаго органа, въ которомъ могло бы заявить передъ міромъ о своемъ глубокомъ неудовольствіи. Вѣрно и то, что въ Угріи живутъ, не заботясь о завтрашнемъ днѣ, что сила правительства главнымъ образомъ основывается теперь на слабости немадьярскихъ народностей. Но эта слабость можетъ ежеминутно превратиться въ очень грозную силу. Озлобленіе видно всеобщее даже среди тѣхъ мадьяръ, которые не принимаютъ дѣятельнаго участія въ политической жизни. Они видятъ, что господствуютъ-то собственно не они, а извѣстныя кліки, которыя эксплоатируютъ мадьяризмъ въ свою пользу. При такихъ условіяхъ сомнительно, вынесла ли бы нынѣшняя система сколько-нибудь сильный напоръ извнѣ...

III.

Германія имѣетъ большія затрудненія въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ. Увеличеніе арміи связано съ непомѣрнымъ увеличеніемъ налоговъ. Нѣтъ сомнѣнія, что со времени воцаренія Вильгельма II составъ германской имперіи не окрѣпѣ; напротивъ, сепаратизмъ началъ поднимать противопрусскіе вопросы. У молодого императора ежедневно наготовѣ какая-нибудь идея, которая волнуетъ и обижаетъ извѣстную часть нѣмецкаго населенія. Такъ напримѣръ, онъ своей виттенбергской рѣчью успокоилъ, конечно, либераловъ и нѣкоторую часть лютеранъ, но зато оскорбилъ консерваторовъ и католиковъ. Католицизмъ составляетъ большую силу въ Германіи. Живое упоминаніе о дняхъ реформации въ настоящее время можетъ только усилить клерикальную партію, а нѣмецкому лютеранству не поможетъ: послѣднему нанесли тяжелый ударъ предшественники нынѣшняго императора, осуществивъ силою унію обѣихъ протестантскихъ церквей: лютеранской и кальвинской. Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ и конфессіональный индифферентизмъ усилился въ Германіи до ужасныхъ размѣровъ. Нѣтъ страны на свѣтѣ, гдѣ церковныя дѣла, или лучше сказать вся религія сдѣлалась бы настолько второстепеннымъ вопросомъ, какъ въ Германіи. Соціальная демократія, которая растетъ въ ней не по днямъ, а по часамъ, могла только усилить этотъ индифферентизмъ, вызванный уніей. Напротивъ того, католицизмъ стоитъ крѣпко въ своихъ сомкнутыхъ рядахъ.... Императоръ Вильгельмъ II произнесеннымъ въ Виттенбергѣ спичемъ не поставитъ лютеранизма на ноги, но зато побуждаетъ католицизмъ къ усиленной дѣятельности. Его рѣчь понравилась только тѣмъ, въ интересѣ которыхъ ослабить религіозныя и народныя чувства Гер-

маніи, т. е. той международной кликѣ, которая вездѣ равно эгоистична и властолюбива. Вдобавокъ, многіе нѣмцы опасаются крутой и порывистой дѣятельности императора, рѣшенія котораго настолько же самостоятельны, насколько неисчислимы. Опасность состоитъ въ томъ, не вздумаетъ ли императоръ въ одинъ прекрасный день экспериментировать болѣе серьезнымъ средствомъ, чѣмъ рѣчами и спичами?...

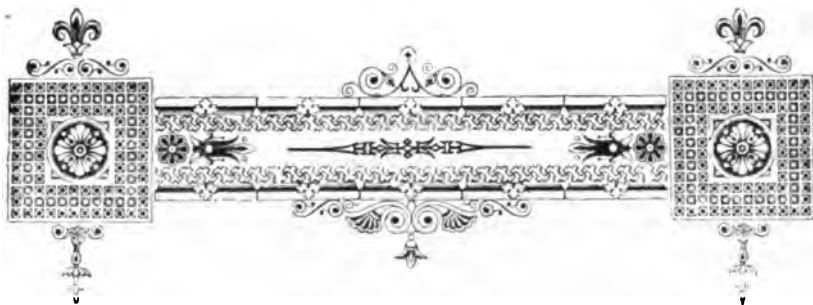
IV.

Дунай — важный водный путь на Балканскомъ полуостровѣ, и для береговыхъ государствъ, конечно, не безразлично, кто является на немъ въ роли хозяина. До недавняго времени хозяйничала на немъ почти исключительно Австрія, захвативъ въ свои руки всѣ нити торговли въ балканскихъ государствахъ и наводняя ихъ своими плохими, хотя и дешевыми товарами. Но въ послѣднее время появляются здѣсь у Австріи конкуренты, впрочемъ еще очень слабые. Всякое же соперничество со стороны такихъ конкурентовъ для Австріи невыносимо. Румыны — послушные союзники Австріи — дѣйствуютъ заодно съ нею. Румынія скоро забыла о томъ, что она только подъ покровительствомъ Россіи могла окрѣпнуть въ одно политически-самостоятельное цѣлое. Румынія предоставляетъ себѣ даже право — самоувѣренно распоряжаться напр. на Дунаѣ, въ ущербъ правамъ заинтересованныхъ великихъ державъ. Подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ (напр. охраны Румыніи отъ заноса холеры), она запрещаетъ ввозъ изъ Россіи тѣхъ или другихъ продуктовъ. Она выдумываетъ большія стѣсненія для русскихъ судовъ, плавающихъ между черноморскими и дунайскими портами (хотя бы эти суда и не заходили въ румынскіе порты), будто бы въ видахъ карантинныхъ потребностей, т. е. русскимъ судамъ предлагаютъ наиболѣе продолжительный карантинъ. Однимъ словомъ Румынія желала бы, чтобы русскія суда совсѣмъ не совершали рейсовъ по Дунаю. На-руку Румыніи и то обстоятельство, что дунайскія гирла, отошедшія къ Россіи по адрианопольскому миру 1829 г., теперь (1878 г.) не были возвращены Россіи и остаются въ предѣлахъ Румыніи. Кстати замѣтить, русское православное населеніе этихъ гирлъ, живущее въ Сулинѣ и въ другихъ 12 селеніяхъ, подвергается систематической румынизации и дѣйствіямъ римско-католической пропаганды, свившей себѣ гнѣздо въ Сулинѣ и поставившей здѣсь великолѣпный каменный костелъ. При такомъ положеніи дѣлъ нетрудно понять смыслъ факта, извѣстіе о которомъ поразило своею неожиданностью, — именно извѣстіе о произведенныхъ румынскимъ стан-

пioneerомъ выстрѣлахъ въ пароходъ общества русскаго черноморско-дунайскаго пароходства (кн. Гагарина) «Ольга». Первоначально въ румынскихъ депешахъ фактъ этотъ былъ переданъ намѣренно въ извращенномъ видѣ. Въ началѣ сообщалось, что пароходъ «Ольга», несмотря на установленный карантинъ и сдѣланныя ему предостереженія, пытался войти въ сулинское гирло. И вотъ потребовалось четыре пушечныхъ выстрѣла, изъ нихъ первые два холостыми зарядами, для того чтобы «Ольга» ушла обратно. Между тѣмъ, все дѣло сводится къ тому, что Румынія съ необычайною наглостью проявила насиліе, «крайнюю мѣру», насильственно препятствовала пар. «Ольга» искать спасенія отъ грозившей ему въ морѣ явной опасности. Сначала румынская дипломатія всячески изворачивалась, взваливала всю вину на нашъ пароходъ, объясняла «случай» «недоразумѣніемъ», сулила судъ дунайской комиссіи, но скоро легкомысленное и самоувѣренное отношеніе румынской прессы къ дѣлу смѣнилось въ ней тревогою, когда со стороны Россіи былъ предъявленъ Румыніи серьезный протестъ и нашимъ мѣстнымъ дипломатическимъ агентамъ б. поручено произвести подробное изслѣдованіе дѣла. Теперь выяснилось, что дѣло было такъ. Когда «Ольга» подходила къ Сулину, Черное море у Дунайскаго гирла хотя и не представляло опасности въ смыслѣ бури, но вслѣдствіе большого волненія и порчи машины «Ольга» поставлена была въ необходимость укрыться. вмѣстѣ съ тѣмъ выяснилось и то, что русскій пароходъ подвергся стрѣльбѣ пушекъ румынскаго станціонера «Смерданъ» передъ карантинной чертой въ то время, когда «Ольга» приближалась къ этой чертѣ для объясненій командиру «Смерданъ» о своемъ положеніи. Между тѣмъ распоряженіемъ самого румынскаго правительства (21 сент.) дозволялось небольшимъ судамъ выдерживать карантинъ въ сулинскомъ гирлѣ на случай опаснаго состоянія Чернаго моря. Но во время подхода сюда «Ольги» тамъ скрылся безпрепятственно большой австрійскій пароходъ, а спустя часъ были допущены въ Сулинъ всѣ суда, выдерживавшія въ то время карантинъ въ морѣ. Что теперь скажутъ въ Румыніи? Сулинскіе выстрѣлы—явное, дерзкое нарушеніе международнаго права. Въ подобныхъ случаяхъ кн. Бисмаркъ обыкновенно прибѣгалъ немедленно къ посредству германскаго броненосца... Надо надѣяться, черезъ-чуръ смѣлая и развязная Румынія получитъ надлежащее вразумленіе?

С. Г. В.

ПИСЬМА ИЗЪ СЛАВЯНСКИХЪ ЗЕМЕЛЬ

Изъ Варшавы

I.

О польскихъ корреспонденціяхъ въ русскія газеты и о необходимости перемѣны въ приемахъ писанія ихъ. О новой редакціи «Варшавскаго Дневника».

Собравшись писать въ «Славянское Обозрѣніе» изъ Варшавы, сразу и на каждомъ шагу чувствуешь огромную, такъ сказать многоэтажную трудность этой задачи. О чемъ писать? Какъ писать? по установленному ли и господствующему шаблону или же, въ противность ему, по совѣсти и доброму славянскому чувству?...

Втеченіе цѣлаго длиннаго ряда лѣтъ наши варшавскіе публицисты, выступавшіе въ роли корреспондентовъ разныхъ русскихъ газетъ, пробавлялись обыкновенно репортерствомъ. Какое нибудь «присшествіе» въ городѣ или въ губерніяхъ, уголовное преступленіе, «интересное» дѣло въ судахъ, прїѣздъ въ Варшаву или странствіе по городамъ края труппы актеровъ, пѣвцовъ, какое-нибудь полицейское или административное распоряженіе покрупнѣе, какой-нибудь докладъ въ здѣшнихъ отдѣленіяхъ Общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, проектъ въ сферѣ фабричной, торговой, — таково было и есть, постоянно, изо дня въ день, одно и то же содержаніе этихъ литературныхъ произведеній, отрывочныхъ, слѣпыхъ, писанныхъ по большой части налегкѣ, мелочныхъ, впродолженіе многихъ годовъ. Широкія потребности края, научные, литературные и художественные интересы образованнѣйшихъ классовъ его населенія, колебанія ихъ умственныхъ и нравственныхъ настроеній и вкусовъ затрогивались въ этихъ сообщеніяхъ весьма рѣдко, и притомъ лишь затрогивались — не болѣе. По отношенію къ полякамъ наши корреспонденты вообще держали себя строго на военномъ положеніи, стре-

мясь при случаѣ, гдѣ только можно, стѣснить ихъ, лишить какихъ-нибудь удобствъ, правъ, заподозрить передъ властью и т. д. Эта воинственность ихъ была однако въ большинствѣ случаевъ не только не нужная, никакими русскими надобностями не вызываемая, но въ сущности и со стороны корреспондентовъ напускная, поддѣльная. Псевдопатріотическія жалобы повторялись обыкновенно по такимъ основаніямъ, какъ извѣстное, надѣлавшее года три-четыре тому назадъ огромнаго шума и гаму чуть не во всей русской печати сообщеніе «нашего достовѣрнаго корреспондента» о томъ, что въ предѣлахъ Привислинскаго края, на одной изъ станцій таковой-то желѣзной дороги русскій путешественникъ, обратясь къ буфетной дѣвушкѣ (быть можетъ, накануне только прибывшей на ту, едвали впрочемъ не миѣческую станцію изъ Познани или Кракова) по-русски подать ему къ чаю крендель и кусокъ лимона, вмѣсто того и другого получилъ отъ нея дерзкій отвѣтъ на польскомъ языкѣ (о, ужасъ, ужасъ!), что она его не понимаетъ, и былъ этимъ, разумѣется, возмущенъ и потрясенъ до глубины души...

Не трудно сдѣлать нравственную оцѣнку этимъ элукубраціямъ, а между тѣмъ онѣ пользовались кредитомъ въ обществѣ и, отвлекая его вниманіе и мысль отъ дѣйствительнаго, полезнаго дѣла, понижали его умственный, дѣловой и нравственный уровень. Мало того, онѣ воздѣйствовали съ обѣихъ сторонъ на русско-польскія отношенія, можно сказать до извѣстной степени опредѣляли нашу политику въ Привислинскомъ краѣ и даже болѣе—вообще нашу польскую политику. По нимъ миллионы русскихъ грамотныхъ людей, хотя на тысячеверстныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга, но зачастую въ одинъ и тотъ же день и часъ, изъ одного и того же листа газеты, составляли свои грустныя заключенія о положеніи дѣлъ въ Польшѣ, можетъ быть и въ родѣ того, напримѣръ, что отъ Берга до нашихъ дней много воды утекло въ Вислѣ, да не стали-де умнѣе «безмозглые» поляки. На подобныхъ выводахъ и настроеніяхъ читающаго большинства поневолѣ останавливается затѣмъ свое вниманіе и русскій политикъ, администраторъ, государственный человѣкъ. А нашъ другъ за граница? Вѣдь эти неосмысленныя, преувеличенныя, просто напускныя притязанія безвѣстныхъ корреспондентовъ всегда на лету подхватывались и подхватываются изъ русскихъ газетъ разными Поповскими, Яворскими, Дѣдушицкими, «Часами» и прочими многочисленными польскими янычарами тройнаго союза. Они умотрѣлись какъ оружіе для борьбы съ невраждебными Россіи славянскими элементами (Вашатый, Спинчичъ, Эймъ и друг.) въ австрійскихъ законодательныхъ собраніяхъ, а также и въ печати,—неистовыми воплями и преувеличенными сѣтованіями по поводу пре-

терпѣваемаго будто бы поляками подъ русскимъ владычествомъ политическаго, матеріальнаго и духовнаго угнетенія, криками о русской дикости, варварствѣ и проч. Народная ненависть составляетъ нынѣ болѣе чѣмъ когда-либо одинъ изъ самыхъ существенныхъ элементовъ войны, и этимъ путемъ клеветы тройнаго союза не безъ успѣха фабрикують ее загодя, еще въ мирное время. Сегодня эти вопли «производить фуроръ» въ австрійской государственной думѣ (рейхсратъ) въ Вѣнѣ или въ делегаціяхъ въ Пештѣ, завтра въ берлинскомъ парламентѣ и на Монте-Чинторіо въ Римѣ; а затѣмъ хлесткими и ядовитыми фразами противъ Россіи такихъ отпѣтыхъ руссофобовъ, какъ Яворскіе, Щепановскіе, Фальки, Либенехты, начинаютъ перекидываться между собою, какъ школьники мячами, разныя телеграфныя агенства и безчисленные органы печати австро-угорской, германской, итальянской, англійской. Кому же въ руку, стало быть, работаютъ въ концѣ концовъ наши упомянутые патриоты и можно ли быть спокойнымъ зрителемъ ихъ вредной, хотя, повторяемъ, на полонину бессознательной и невольной заботы? Было бы, конечно, превеличеніемъ и несправедливостью утверждать, что прямою и единственною причиною указанныхъ выше золъ, неудобствъ и даже, можетъ быть, опасностей служатъ недостаточно умныя, осторожныя, правдивыя корреспонденціи; но не можетъ подлежать спору и то, что онѣ же въ большей мѣрѣ, чѣмъ всѣ другія обстоятельства, содѣйствовали и содѣйствуютъ образованію въ русскомъ обществѣ и въ правительственныхъ кругахъ тѣхъ настроеній, взглядовъ и убѣжденій, которыя мѣшаютъ установиться между нами и поляками въ Привислинскомъ краѣ болѣе дружелюбнымъ, правильнымъ и болѣе сообразнымъ съ интересами обѣихъ сторонъ, а также съ политическими выгодами нашихъ славянскихъ соплеменниковъ отношеніямъ. Нѣтъ между нашими корреспондентами Дильковъ, Бловицовъ, Божидаровичей или Эймовъ, ибо наши столичныя редакціи въ большинствѣ пробавлялись и пробавляются въ этомъ отношеніи дешевыми услугами туземныхъ волонтеровъ литературы, людей конечно зависимыхъ, матеріально необезпеченныхъ, дорожащихъ поэтому корреспондентскимъ заработкомъ и непривычныхъ къ личному почину. Невозможно ожидать отъ нихъ инициативы и энергической реакціи для измѣненія къ лучшему существующихъ порядковъ? Тѣмъ необходимѣе обдумать, взвѣснить всѣ указанныя обстоятельства, чтобы вызвать реакцію въ самомъ обществѣ. Должно всемѣрно стараться по крайности о томъ, чтобы прекратилась безусловно эта застарѣлая, зловредная и недостойная травля поляковъ въ газетахъ, и пусть на долю «Славянскаго Обзорѣнія» выпадетъ честь подать собою въ этомъ отношеніи примѣръ другимъ серьезнымъ органамъ русской печати.

*

Въ объясненіе однако и даже нѣкоторое оправданіе этой односторонности, озлобленности и вражды нашихъ корреспондентовъ, надобно взять во вниманіе съ другой стороны и то, что въ теченіе всего этого періода времени весьма трудно и даже почти невозможно было русскому человѣку знать состояніе умовъ въ польскомъ населеніи здѣшняго края, вѣрно понимать его потребности и стремленія. По разнымъ причинамъ, а въ томъ числѣ и вслѣдствіе поманутой травли, поляки все плотнѣе замыкались въ своемъ кругу, а русскіе въ своемъ; двери польскихъ домовъ наглухо захлопнулись передъ русскими, какъ и русскихъ передъ поляками; а наша мѣстная цензура, не въ мѣру суровая, придирчивая и подозрительная, заставила поляковъ прекратить всякія попытки защищаться отъ нападеній въ печати, а затѣмъ и умолкнуть въ ней рѣшительно по всѣмъ вопросамъ, касающимся польскихъ политическихъ дѣлъ. Есть однакоже и въ польской жизни, и даже въ печати, еще мало замѣтные, или вѣрнѣе какъ будто нарочно непримѣчаемые нашими наблюдателями, но несомнѣнные, мы думаемъ, признаки того, что и для здѣшнихъ поляковъ въ послѣднія 30 лѣтъ не напрасно текло время и совершались крупныя событія, какъ въ самомъ краѣ, такъ и внѣ его, со всѣхъ сторонъ кругомъ. Мы рѣшаемся утверждать именно, что къ настоящей порѣ въ отношеніяхъ къ намъ, русскимъ, всѣхъ круговъ здѣшняго польскаго общества, за исключеніемъ только быть можетъ самаго верхняго, наиболѣе проникнутаго руссофобскими традиціями и зависимаго отъ краковскихъ вліяній, а также и самого народа, и во взглядахъ ихъ вообще на Россію произошла весьма значительная перемѣна къ лучшему, — столь затруднительная, что австрійская пропаганда, на примѣръ, вышеупомянутыхъ Поповскихъ, Дѣдушицкихъ et tutti-quantі, будь она хотя бы нарочно впущена въ нашъ край изъ-за этого опыта, встрѣтила бы здѣсь непремѣнно, мы въ томъ увѣрены, дружный и рѣшительный отпоръ во всѣхъ поманутыхъ польскихъ кругахъ и въ народѣ. Съ своей стороны высшая русская власть, какъ это можно заключать по намекамъ здѣшней официальной газеты, тяготится этою нѣмотой польской печати. Такимъ образомъ у насъ благополучно наступаетъ нынѣ повидимому съ обѣихъ сторонъ тотъ психологическій моментъ, который какъ разъ и нуженъ для осуществленія въ положеніи дѣлъ весьма важной перемѣны, вызываемой какъ нашими общими, такъ специально-польскими интересами и заботой о дальнѣйшемъ регулированіи ихъ на общую пользу. Но фактическія доказательства этихъ мыслей и предположеній составляютъ предметъ слѣдующихъ нашихъ писемъ, ибо теперь мы должны безотлагательно разсмотрѣть и обсудить одно изъ текущихъ варшавскихъ событій, совершившееся недавно,

то могущее имѣть вполнѣдствіи прямое вліяніе на ходъ интересующихъ насъ дѣлъ. Мы разумѣемъ пережѣну редактора здѣшной официальной газеты, — событіе, въ настоящій моментъ весьма важное, но въ томъ видѣ, какъ оно совершилось, составляющее пережѣну, по шему искреннему и глубокому убѣжденію, не къ лучшему, а несомнѣнно къ худшему, и потому весьма прискорбное.

Съ 1-го октября проф. П. А. Кулаковскій, бывшій редакторомъ «Варшавскаго Дневника» около 6 лѣтъ, оставилъ эту должность, а на его мѣсто назначенъ полковникъ В. В. Крестовскій. Такъ какъ г. Крестовскій—довольно извѣстный беллетристъ (не слѣдуетъ преувеличивать однако и обманываться: съ точки зрѣнія дарованія и образованія онъ принадлежитъ, по самой высокой оцѣнкѣ, къ величинамъ среднимъ), то назначеніе его редакторомъ въ Варшаву вызвало здѣсь толки и породило надежды, лестныя для новаго редактора. Даже его предшественникъ, захваченный очевидно врасплохъ этою волной, въ прощальной рѣчи высказалъ свою надежду, что г. Крестовскій, извѣстный талантливый беллетристъ и т. д., придастъ-де «Варшавскому Дневнику» «новый блескъ»... Къ величайшему сожалѣнію, въ настоящую пору уже съ полнымъ убѣжденіемъ можно сказать, что подобныя надежды по отношенію къ новому редактору «Варшавск. Дневника» были вовсе не основательны, преувеличены до крайности и не могутъ сбыться ни въ малѣйшей степени. Правда, г. Крестовскій редактируетъ еще очень недавно и успѣлъ напечатать въ двѣ-три недѣли своего пера произведеній всего только, кажется, одну статейку и одну статеечку; но въ это время онъ надѣлалъ уже довольно промаховъ и вообще, словомъ и дѣломъ, успѣлъ выразить себя настолько, что въ настоящую минуту, по добросовѣстному сужденію, не можетъ быть уже двухъ разныхъ мнѣній объ его публицистическихъ дарованіяхъ и редакторскихъ способностяхъ. А такъ какъ редакторство «Варшавскаго Дневника», по значенію этого органа для края, да и вообще для Россіи, не можетъ быть синекурою, то вашъ корреспондентъ и счелъ своимъ долгомъ высказать все это печатно. «Честнымъ путемъ печатнаго слова» нужно обратить вниманіе на крайне прискорбный фактъ неудачнаго назначенія редактора варшавской официальной газеты, назначенія, которое можно объяснить лишь какимъ-то грустнымъ, хотя и понятнымъ относительно г. Крестовскаго недоразумѣніемъ, дабы предотвратить опасность потери дорогого времени на неизбѣжное продолжительное испытаніе...

Перечислить хотя бы десятую долю сдѣланныхъ г. Крестовскимъ промаховъ и редакторскихъ—sit venia verbo!—кляксъ и объяснить ихъ желающимъ имѣть о немъ, какъ о редакторѣ, вѣрное

понятіе,—задача для одной корреспонденці неисполнимая. Но нѣкоторые мы отмѣтимъ и постараемся комментировать. Беремъ его вступительную статью въ № 221, носящую надпись: «Варшава, 7 октября» и подпись: «Всеволодъ Крестовскій». Въ чемъ заключается его редакторская profession de foi? Содержаніе ея полутораэта съ небольшимъ строчекъ вкратцѣ слѣдующее: г. Кр. повѣствуетъ намъ о началѣ своей литературной дѣятельности въ весьма юномъ возрастѣ, о значеніи этого воспоминанія для него,—35 лѣтъ онъ былъ-де только журнальнымъ работникомъ, а теперь становится во главѣ литературнаго, общественно-политическаго (общественнаго и политическаго?) органа, принимаетъ эту «не легкую и нравственно весьма отвѣтственную» задачу и считаетъ долгомъ «высказаться» (строч. 1—31). Высказываясь, онъ напираетъ главнымъ образомъ на то, что онъ авторъ такихъ-то романовъ («Кровавый пуфъ», «Тьма Египетская» и проч.), которые доказываютъ-де, что «принципы» г. Крестовскаго «политическіе, общественные и литературные не загадочны, не шатки и не неопредѣленны» (стр. 31—51). Въ придачу однако къ этой рекомендаціи, «для друзей и враговъ», онъ устанавливаетъ еще ту «принципіальную точку зрѣнія, съ которой будетъ относиться ко всѣмъ явленіямъ мѣстной жизни». Эта точка зрѣнія—*русскіе государственные интересы* (курсивъ подлинника). Новый редакторъ не имѣетъ причины скрывать (!) того, что онъ «не питаетъ вражды къ полякамъ»; напротивъ, онъ-де очень любитъ «мѣстный край», по воспоминаніямъ своей службы и лучшихъ годовъ молодости, желаетъ ему «всякаго процвѣтанія подъ крѣпкой сѣнью русской государственной власти и въ нравственномъ единеніи съ великимъ русскимъ народомъ». Таковое процвѣтаніе не мѣшаетъ-де краю «сохранять свои религіозныя, національныя, этнографическія и культурныя особенности и преслѣдовать (?) ихъ дальнѣйшее развитіе на общее благо». Онъ обѣщаетъ далѣе поддерживать «всякое явленіе мѣстной жизни въ области культуры (?), въ сферѣ экономическихъ, общественныхъ и иныхъ интересовъ, по сколько оно будетъ согласуемо съ русскими государственными интересами (о «религіозныхъ особенностяхъ», развиваемыхъ на общее благо, т. е. иными словами о католицизмѣ, развиваемомъ на общее благо поляковъ и православія г. К. не упоминаетъ). А въ противномъ случаѣ онъ будетъ-де это явленіе «немедленно разоблачать и преслѣдовать». Онъ не сомнѣвается, что «въ польскомъ обществѣ существуютъ элементы умѣренные, благомыслящіе, желающіе краю нормальнаго развитія и мирнаго процвѣтанія на поприщѣ культурно-общественной и экономической жизни, въ предѣлахъ возможнаго (sic). Такимъ элементамъ онъ совѣтуетъ сгруппироваться въ

какомъ-либо «изъ солидныхъ (?) мѣстныхъ органовъ польской печати съ тою цѣлю, чтобы откровенно и съ достаточною свободой высказываться по всѣмъ жизненнымъ вопросамъ края какъ съ принципиальной точки зрѣнія, такъ и относительно практическаго ихъ осуществленія и примѣненія». Послѣ этого г. Крестовскій, наконецъ, тратитъ еще 25 строкъ: на завѣреніе въ томъ, что онъ «сознаетъ всю важность принимаемой имъ на себя нравственной отвѣтственности», на благодарность органамъ русской печати за поддержку его новаго назначенія и на обращеніе къ самому себѣ съ увѣреніемъ «стойко и добросовѣстно служить дѣлу—нашему общему и дорогому, великому русскому дѣлу»...

Какъ видитъ читатель, все въ этой quasi-программѣ новаго редактора или ненужныя, лишнія и даже неумѣстныя «интимности» г. Крестовскаго, или общая, до тошноты надоевшая (хотя бы въ псевдо-корреспонденціяхъ, о которыхъ мы говорили выше) всѣмъ разумнымъ и честнымъ русскимъ людямъ фразеологія, ничего не разъясняющая, ничего не обѣщающая и никого ни къ чему не обязывающая. Неужели самъ г. Крестовскій думаетъ наоборотъ? Имѣетъ нѣкоторый видъ серьезности и дѣловитости одинъ только послѣдній пунктъ (если эту болтовню можно дѣлить на пункты)—о группировкѣ умѣренныхъ и благомыслящихъ элементовъ польскаго общества въ особомъ органѣ,—но и это видимость совершенно обманчивая. Г. Крестовскій долженъ бы знать, что такой органъ (газета «Chwila») уже былъ въ Варшавѣ, но не имѣлъ ни малѣйшаго успѣха, продержался не долго и не принесъ ни полякамъ, ни русскому дѣлу ни малѣйшей пользы. Отъ несчастнаго редактора «Хвили», человѣка впрочемъ честнаго, искреннаго и убѣжденнаго, поляки всѣхъ партій сразу отшатнулись, какъ отъ прокаженнаго. Не производятъ также никакого замѣтнаго дѣйствія на польское большинство и особыя польскія политическія публикаціи, даже весьма талантливо и съ горячимъ убѣжденіемъ доказывающія этому большинству пользу по крайней мѣрѣ политическаго и государственнаго «примиренія» съ ними, какъ это показалъ позднѣе опытъ извѣстной брошюры г. Хлопа: «Głos z ludu». Зачѣмъ совѣтовать, да еще полуофициально, повторять старыя неудачи?.. Впрочемъ проектъ, адвокатомъ коего выступилъ г. Крестовскій въ первомъ обращеніи своемъ къ читателямъ, не составляетъ, мы увѣрены, его собственнаго, оригинальнаго изобрѣтенія. Это хотя и не гласный, но всѣмъ извѣстный проектъ г. Эразма Пильца, редактора польской петербургской газеты «Крај». Г. Пильцу очень хочется, какъ это давно извѣстно, завести еще въ Варшавѣ, конечно подъ другимъ именемъ, свой варшавскій «Крај». Теперь, какъ показываетъ заявленіе г. Кре-

стовскаго, едвали даже не буквально списанное имъ у г. Пильца (на это указываетъ и большая какъ бы дѣловитость самаго изложениа этого заявленія сравнительно со всей статьей г. Кр.), г. Пильць уже мечтаетъ выхлопотать для своей варшавской газеты привиллегию по цензурѣ (въ статьѣ г. Крестовскаго эта мечта выльзаетъ на верхъ въ его желаніи, чтобы рекомендуемый имъ органъ могъ высказываться «откровенно и съ достаточною (?) свободою»), на что, сколько намъ извѣстно, онъ не притязалъ, а такая привиллегія, при всѣмъ извѣстной зрелости г. Пильца, конечно, дала бы ему возможность сдѣлать свою газету органомъ извѣстной партіи (безъ сомнѣнія не иной какой, какъ только шляхетско-помѣщичьей или упомянутаго уже «высшаго круга» польскаго общества), весьма для нея полезнымъ. Но зачѣмъ какъ бы ненарокомъ выдавать литературные проекты г. Пильца за какіе-то планы чуть не государственной важности?... Еслибы г. Крестовскій не только «любилъ», какъ онъ довольно забавно, а можетъ и хитро, да напрасно выражается, «мѣстный» или «данный» край, по какимъ-то воспоминаніяхъ своей молодости, до которыхъ впрочемъ кромѣ его самого ровно никому нѣтъ никакого дѣла, но также зналъ бы его сколько-нибудь, да былъ бы знакомъ мало-мальски съ его дѣлами и исторіей, то ему было бы ясно и то, что помочь полякамъ испѣлиться отъ своей несчастной руссофобіи и добросовѣстно, искренно примкнуть къ Россіи въ славянско-народномъ и государственномъ отношеніи мы можемъ однимъ, единственнымъ только путемъ, а именно слѣдующимъ: снявъ со всей польской печати путы предварительной цензуры и предоставивъ всѣмъ безъ исключенія ея органамъ участвовать въ обсужденіи всѣхъ нашихъ вопросовъ и дѣлъ, т. е. какъ общерусскихъ, такъ и специально польскихъ, на такихъ же правахъ, какими пользуется въ этомъ отношеніи русская печать, съ неограниченною свободой критиковать всѣ русскіе проекты и мнѣнія по польскимъ дѣламъ и возражать «Варшавскому Дневнику», какъ органу генералъ-губернатора. Если русская власть признаетъ потребность цензурной реформы въ Польшѣ, то съ ея стороны гораздо естественнѣе допустить такую общую и коренную перемѣну, чѣмъ какія-то цензурныя облегченія и изыатія для польскихъ партій и лицъ. Опасаться какихъ-либо дѣйствительно невыгодныхъ для ихъ и государства послѣдствій такого рода общей цензурной реформы нѣтъ основаній. Хуже во всякомъ случаѣ не можетъ быть: существованіе предварительной цензуры въ Привислинскомъ краѣ доставляло можетъ быть нѣкоторыя удобства тому или другому изъ служащихъ въ немъ русскихъ чиновниковъ, но русскаго государства она ни въ какомъ отношеніи навѣрное не охраняла отъ поляковъ ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ.

О началѣ и заключеніи статейки г. Крестовскаго мы говорить не будемъ, потому что никакого разбора они не заслуживаютъ. Замѣтимъ только вскользь, что ссылка г. Крестовскаго на свой «Пуфъ» въ томъ видѣ, какъ она имъ сдѣлана для рекомендаціи себя въ званіи варшавскаго официальнаго редактора, должна была поразить публику своею невѣроятною простотою. Въ беллетристическомъ произведеніи мы вѣдь, кажется, имѣемъ дѣло не съ какими-то «принципами» автора, а съ живыми людьми, которыхъ онъ наблюдалъ въ описываемой имъ дѣйствительности, или съ типами, созданными имъ на основаніи той же дѣйствительности. Если же въ своемъ Пуфѣ онъ излагалъ и проповѣдывалъ телькосвой принципы, то «Пуфъ» г. Кр. не есть вовсе беллетристическое произведеніе и не можетъ имѣть литературнаго, да и никакого значенія. Такъ дѣйствительно и оцѣнивала эти его произведенія критика въ свое время. Теперь г. Крестовскій самъ простодушно призналъ справедливость этой оцѣнки своей литературной дѣятельности, а непродолжительное редакторство его показало, что въ публицистикѣ онъ также точно слишкомъ романистъ, какъ въ романѣ слишкомъ тенденціозный публицистъ.

Неожиданно и изумительно въ редакторѣ и то, что г. Крестовскій сбивается въ употребленіи самыхъ обыкновенныхъ, кажется, терминовъ и не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что намъ говорить. Такъ, на примѣръ, въ той же первой своей статейкѣ онъ раза два или больше высказываетъ ту, совершенно ошибочную мысль, будто въ Привислинскомъ краѣ насъ соединяютъ съ поляками лишь государственныя отношенія (или «интересы»), и въ то же время толкуетъ что-то такое о «нравственномъ единеніи ихъ съ великимъ русскимъ народомъ». Ему очевидно и невдомекъ, что это развѣ у прусскихъ нѣмцевъ въ Познани всѣ отношенія съ поляками исчерпываются одними государственными интересами, — да зато ужъ ни Бисмарку, ни другому какому нѣмецкому государственнику, при всей насильственности нѣмецкой политики въ Познани, не приходило все-таки въ голову навязывать полякамъ какое-то невозможное «нравственное единеніе съ великимъ нѣмецкимъ народомъ». У насъ съ поляками въ Привислинскомъ краѣ, кромѣ государственныхъ, есть еще отношенія народно-религиозно-историческія (православная Холмская Русь) и славянско-племенные, въ силу коихъ, на примѣръ, мы призваны оберегать поляковъ отъ онѣмеченія. Конечно, г. Крестовскій не славянофилъ, но ему, какъ редактору «Варшавскаго Дневника», слѣдовало бы все таки знать, что не такъ, какъ онъ, опредѣляли наши отношенія къ полякамъ Милютинъ, Черкасскій, Самаринъ и другіе «славянофилы» — тѣ самые, что были творцами и основателями русскаго дѣла въ Привислинскомъ краѣ, которое и доселѣ, слава Богу,

довольно благополучно продолжается на заложенныхъ ими же основаніяхъ.... Очень выразительно и полно обрисовываетъ тактъ новаго редактора «Варшав. Дневника» его поступокъ по отношенію къ бывшему президенту (т. е. городскому головѣ по назначенію отъ правительства) гор. Варшавы, генералу - отъ - артиллеріи, С. И. Старынкевичу. Чуть ли не наканунѣ его отставки, г. Крестовскій, еще неизвѣстно хорошенько по какому побужденію, пустилъ въ него отравленную стрѣлу въ видѣ статейки въ хроникѣ, гдѣ по поводу расходовъ на составленіе генеральнаго плана Варшавы, не понявъ этого дѣла, онъ рѣшился заподозрить почтеннаго генерала по меньшей мѣрѣ—въ незаконномъ расходованіи городскихъ денегъ—на сорокъ тысячъ руб. Составленіе генеральнаго плана Варшавы будетъ-де стоить городу 370 тысячъ рублей. «Отчего бы ужъ, спрашиваетъ г. Кр., не всѣ четыреста или для круглаго счета пятьсотъ?» Дня два или три позднѣе какой-то г. К. Ж. сталъ доказывать въ статейкѣ, явно невѣжественной и безтолковой, что варшавская канализація, творцомъ которой былъ тотъ же С. И. Старынкевичъ, противна законамъ божескимъ и человѣческимъ, грозитъ окрестностямъ города разными бѣдствіями, словомъ, что она никуда не годится отъ начала до конца. Въ двухъ письмахъ въ редакцію генераль Старынкевичъ совершенно ясно и убѣдительно доказалъ, не безъ примѣси однако горькой ироніи, что всѣ эти заподозрѣванія и инсинуаціи противъ него не имѣли никакого ни основанія, ни смысла что онѣ такъ сказать грязный пухъ—не болѣе.. Въ заключеніе всей этой исторіи редакція официальной газеты, какъ ни въ чемъ не бывало, рѣшилась выдать отъ себя похвальный аттестатъ бывшему президенту. Она напечатала прощальную рѣчь С. И. Старынкевича и выдержки изъ сочувственныхъ ему статей польской печати, а по поводу сихъ выдержекъ—и свое сочиненіе на тему того же сочувствія въ такомъ видѣ:

«Отъ души присоединяясь къ безусловно справедливой (sic) оцѣнкѣ семнадцати-лѣтней дѣятельности генерала Старынкевича на столь сложномъ посту, какъ постъ президента города, не можемъ не прибавить отъ себя, что во всѣхъ слояхъ общества, независимо отъ національности и положенія, всѣми единодушно признается за глубоко-чтимымъ Сократомъ Ивановичемъ неоспоримое право считать себя человѣкомъ, всегда искренно и честно относившимся къ исполненію своихъ обязанностей».

Разумѣется, здѣсь во всякомъ читателѣ должны были родиться маленькіе вопросы. Вмѣсто того, чтобы присоединяться такъ или иначе, «отъ души» или отъ чего другого къ чужой, притомъ польской, «безусловно справедливой» (хотя безусловно справедливая

оцѣнка дѣятельности другого человѣка, какъ извѣстно, превышаетъ силы смертнаго), не лучше ли бы русскому органу самому по крайней мѣрѣ осторожнѣе оцѣнивать хотя нѣкоторые факты этой дѣятельности? Если же онъ этого не сдѣлалъ, то не слѣдовало ли на прощанье повиниться просто предъ «глубокочтимымъ» С. И. въ своей грубости, а не ублажать его притворно бессмысленными фразами о какой-то «сложности» постовъ да о томъ, будто право считать себя честнымъ человѣкомъ даетъ ему, какъ и всякому изъ насъ, не своя совѣсть, а признаніе «словъ общества»?

Варшава.

22 октября 1892 г.

С. Т.

Изъ Львова

Украинофильство и политика.

Въ послѣднемъ засѣданіи вѣнской державной думы, 8 (20) іюня сего года галицко-русскій депутатъ Барвинскій произнесъ краткую, но затрогивающую важный вопросъ рѣчь, въ которой, возстававъ противъ Россіи, утверждалъ, будто указъ 1876 г., направленный противъ украинской словесности, наложилъ на «рутенскую литературу и языкъ въ Россіи настоящій намордникъ», вслѣдствіе чего въ Россіи не могутъ-де появляться ни «рутенскія» газеты, ни «рутенскія» изданія. Рутенскій языкъ изгнанъ-де въ Россіи изъ общества, церкви и школы. Эта рѣчь вызвала шумныя рукоплесканія со стороны поляковъ, польскія же и нѣмецко-еврейскія газеты воспѣли гимны въ честь оратора.

Малорусская національность и малорусскій языкъ уже неоднократно выдвигались недругами Россіи какъ средство политической агитаціи, съ цѣлью разрушенія государственнаго строя Россіи. Если малорусы будутъ считать себя отдѣльной отъ великорусовъ національностью, тогда—разсуждаютъ они—непремѣнно должно возникнуть у послѣднихъ стремленіе отдѣлить себя отъ великорусовъ не только въ литературномъ, но также въ религіозномъ и политическомъ и вообще въ культурномъ отношеніи. Насколько извѣстно, Томашъ Падурра, воспитанникъ кременецкаго училища и секретарь губернскаго маршала волынской губерніи, первый возбудилъ этотъ вопросъ на «славянскомъ собраніи» въ Житомирѣ, въ началѣ 1825 г., въ которомъ кромѣ польской шляхты присутствовали Сергѣй и Иполитъ Муравьевы и Рыльцевъ. Падурра указалъ на особенности малорусскаго народа и необходимость воспользоваться имъ, какъ политическимъ факторомъ, и предложилъ

собранію свои услуги въ дѣлѣ пробужденія національной отдѣльности у малорусовъ, особенно посредствомъ воспоминаній о прежней казацкой свободѣ. Составивъ при содѣйствіи Вацлава Ржевускаго подходящія для этой цѣли пѣсни и воспитавъ немалое количество лирниковъ (дидовъ), для которыхъ Ржевускій основалъ было особую школу въ Саврани, Падурра пустился со своими «дидами» въ народъ, воспѣвая ему прежнюю казацкую славу и возбуждая надежды лучшей «доли» въ будущемъ. Они вступили въ сношеніе даже съ учениками полтавской гимназіи и съ такими видными лицами, какъ Котляревскій, который однако сомнѣвался въ возможности возстановленія независимой Украйны. Прямой же цѣлью Падурры было приобрѣсти украинцевъ для мятежа, который затѣвали тогда поляки: онъ и вспыхнулъ въ 1830 г. *).

Дѣйствовавшіе послѣ 1830 г. въ эмиграціи на литературномъ поприщѣ польскіе поэты и ученые зорко слѣдили за развитіемъ украинской словесности, заохочивая малорусовъ къ попеченію о своихъ областныхъ говорахъ и превознося прелести малорусской рѣчи. Но усерднѣе всего занялись поляки украйнофильствомъ въ пору мятежа 1863 г. Тогда-то явились первыя попытки пересадить украйнофильство, понимаемое въ смыслѣ національнаго и государственнаго сепаратизма малорусскаго народа, на галицкую почву. Первымъ по времени посредникомъ между кievскими поляками, возбуждавшими политическій сепаратизмъ малорусовъ, и галичанами былъ студентъ медицинскаго факультета кievскаго университета Владимиръ Бернатовичъ, посѣтившій Львовъ въ 1862 г. проѣздомъ въ Прагу. Слѣдствіемъ этого посѣщенія было основаніе во Львовѣ журнала «Мета», выходившаго съ сентября 1863 г. въ 400—500 экземплярахъ, во враждебномъ Россіи направленіи. Однимъ изъ его сотрудниковъ былъ П. Кулишъ. Существованіе этого журнала продолжалось до начала 1866 г.

Въ концѣ 1863 г. прибыло во Львовъ большое число польскихъ эмигрантовъ, студентовъ кievскаго университета, тотчасъ завязавшихъ сношенія съ русскою молодежью и наполнявшихъ своими статьями вышеназванную «Мету». Подъ ихъ вліяніемъ образовался въ концѣ 1863 г. чисто польскій кружокъ: «Kółko przyjaciół Rusi», состоявшій изъ тридцати членовъ, литераторовъ и студентовъ. Когда Австрія ввела въ Галиціи осадное положеніе, эти эмигранты удалились за-границу и кружокъ распался.

*) Prawdziwy żywot Tomasz Padurra. Poznań 1875. Emil Rzewuski. Przegląd Polski 1882. IV.

Мысль употреблять крайнофильство для польско-народныхъ цѣлей встрѣтила особенное сочувствіе въ ректорѣ краковскаго университета Дитлѣ, журналистѣ Янѣ Добржанскомъ и намѣстникѣ гр. Голуховскомъ. Изъ польскихъ писателей усерднѣ всѣхъ занимаема малорусскимъ вопросомъ историкъ Бернадъ Калицкій, издавшій по этому вопросу брошюру: *O kwestyi ruskiej. Lwów. 1871.* «У галицкихъ русскихъ», говорить въ ней Калицкій, «есть двѣ партіи: одна — московская, преисполненная симпатій къ Россіи, другая — украинская, идеаломъ которой является Хмельницкій и Гонта. Послѣдняя ненавидитъ однако москалей: слѣдовательно мы должны съ ней соединиться и мало по малу привлечь ее въ пользу своего дѣла. Калицкій высказалъ здѣсь мысль, которую одушевлены были кромѣ вышеназванныхъ лицъ (Голуховскаго, Добржанскаго, Дитля) князь Левъ Сапѣга, гр. Адамъ Потоцкій и краковская (станчиковская) партія. Названные лица и кружки избрали Калицкаго своимъ посредникомъ въ переговорахъ съ образовавшеюся въ 1866—1867 гг. галицко-украинскою партіей, состоявшею подъ предводительствомъ Юліана Лавровскаго. Если кто либо изъ честолюбивыхъ русскихъ домогался получить какое либо мѣсто свѣтское или духовное, то онъ долженъ былъ передъ Калицкимъ произнести политическую исповѣдь и просить его о ходатайствѣ.

Новый періодъ въ исторіи галицкаго крайнофильства наступилъ тогда, когда членъ ордена смартвыхвстанцевъ, о. Валеріанъ Калинка, переселившись въ 1877 г. на постоянное жительство въ Галицію, приобрѣлъ выдающееся вліяніе на церковныя и политическія дѣла этого края.

Папа Левъ XIII, мечтающій о возстановленіи средневѣкового значенія папства, въ числѣ многихъ направленныхъ къ этой цѣли мѣръ (какъ напр. подъемъ католической богословской науки посредствомъ оживленія философскихъ изысканій на основаніи системы Тома Аквината, захватъ соціальнаго движенія въ руки духовенства, примиреніе папства со всѣми формами государственнаго и общественнаго быта и т. д.) постановилъ также стремиться къ расширенію своего вліянія на восточную церковь. Въ этихъ видахъ папа пожелалъ учредить во Львовѣ особую школу для уніатской молодежи и поручилъ осуществленіе этой мысли своему вѣнскому нунцію, Якобини. Послѣдній обратился къ содѣйствію о. Калинки. Его трудами и основанъ былъ во Львовѣ такъ называемый «Интернатъ оо. смартвыхвстанцевъ» для уніатской молодежи. Калинка воспользовался этимъ случаемъ въ интересахъ не только католичества, но и полонизма. «Между Польшею и Россіею», такъ

разсуждалъ о. Калинка, «естъ народъ, не принадлежащій ни къ полякамъ, ни къ россіянамъ (!). Польша не пожелала своевременно сдѣлать его польскимъ, вслѣдствіе своей кроткой (!) гражданственности. Если поляки не успѣли притянуть къ себѣ и поглотить малорусовъ въ пору господства и могущества, то тѣмъ мѣнѣе могутъ они это сдѣлать теперь, когда они сами слабы, а малорусы окрѣпли отъ трехъ причинъ: сознанія своей народности, ослабленія польскаго элемента и демократическаго духа, проникающаго современную гражданственность. Малорусы не сознаютъ своей народности, но они не любятъ ляховъ, какъ своихъ господъ. людей болѣе богатыхъ и иновѣрцевъ. Образованные же малорусы даже ненавидятъ ляховъ, какъ своихъ исконныхъ соперниковъ, Всѣ малорусы находятся подъ сильнымъ нравственнымъ вліяніемъ Россіи, говорящей на сходномъ языкѣ и исповѣдующей ту же вѣру. Историческій процессъ, начатый при Казимирѣ и далеко подвинутый Ядвигаю, распространеніемъ на 200 миль къ востоку западной вѣры и гражданственности, теперь очевидно пятится назадъ. Какъ намъ отстоять себя? Народное самосознаніе малорусовъ и возрастающее желаніе самостоятельности сами по себѣ не достаточны, чтобы отразить напоръ панрусизма, ибо между душою малоруса и москаля нѣтъ существеннаго различія. Пусть же будетъ задачею поляковъ: вдохнуть въ малорусовъ иную, западную душу. Если малорусы будутъ сроднены съ Западомъ душою, а съ Востокомъ лишь плотью, то Россія возвратится въ свои естественныя границы, а при Днѣпрѣ, Донѣ и на Черномъ морѣ возникаетъ нѣчто другое. Тогда и Россія можетъ обратиться къ братству съ Польшей. А если бы это и не случилось, то ужъ лучше Малороссія самостоятельная, чѣмъ россійская. Ежели Гриць не можетъ принадлежать мнѣ, то пусть онъ будетъ ни мой, ни твой. Вотъ почему нельзя противодѣйствовать народнымъ стремленіямъ и постепенному росту Малой Руси. Главное же—это беречь унию. Задачею львовскаго интерната и будетъ воспитаніе самостоятельныхъ малорусовъ и твердыхъ униатовъ».

Основаніе этого интерната состоялось въ 1880 г. при помощи князей Романа и Александра Чарторыскихъ, Гельцовой, Юсіфа Попеля, кн. Адама Сапѣги и др. Во главѣ его поставлены змартвухвстанцы Скроховскій, Гемпель и холмскій эмигрантъ о. Бобровичъ. Сеймъ отпустилъ на первое устройство интерната 10.000 гульд., австрійскій же императоръ 500 гульд. Конвиктъ открытъ 1 февраля 1881 г. Подъ вѣстомъ на верху часовни помѣщена на пергаминѣ надпись: «Сей домъ созданъ и вѣреть на

немъ водруженъ черезъ орденъ Змартвыхвстанцевъ, въ Божью славу и ради упроченія согласія между Польшею и Русью, чтобы за этимъ согласіемъ св. Католическая вѣра въ семь краѣ утвердилась и въ дальнія страны востока распространилась».

До самой своей смерти (16 дек. 1886 г.) о. Калинка считался поляками не только великимъ патриотомъ, но и первостепеннымъ историкомъ по дѣламъ русскимъ. Все, что въ Галиціи поляками дѣлалось и дѣлается по русскому вопросу съ 1880 г., имѣетъ свой источникъ въ указаніяхъ Калинки. Какъ исторіографъ уніи, онъ воскресилъ изъ забвенія тѣ приемы, которыми поляки пользовались при водвореніи брестской уніи. А такъ какъ вся дипломатія старопольскихъ временъ состояла въ томъ, что поляки опредѣляли на русскія епископства и прочія церковныя должности безбожныхъ и безнравственныхъ лицъ, чтобы тѣмъ водворить разстройство въ православной церкви и деморализовать сначала интеллигенцію, а потомъ и народныя массы, то и въ Галиціи примѣнены были тѣ же приемы—заstraщиванія однихъ, подкупъ другихъ и захвата въ свои руки школьной молодежи.

Такъ-то возникла у насъ «новая эра», съ ея мамелюками духовнаго и свѣтскаго званія.

Украинофильство послужило въ рукахъ поляковъ недурнымъ орудіемъ международной политики.

Что это политика не только польская, но и международная, это доказываетъ извѣстною программю нѣмецкаго философа Гартманна, которая возникла почти одновременно съ теоріей о. Калинки и предложила образованіе новой державы изъ южныхъ губерній Россіи. Планъ Гартманна совершенно схожъ съ воззрѣніями Калинки и съ программю Романчука. Понятно, почему и центральное правительство, по внушеніямъ изъ Берлина, стало поддерживать галицкихъ украинофиловъ со времени возникновенія въ 1879 г. т. наз. тройной лиги. Слѣдствіемъ этого было основаніе въ 1880 г. львовской украинофильской газеты «Дѣло», учрежденіе въ 1885 г. политическаго общества «Народна Рада» и оживленное движеніе галицкихъ украинофиловъ. Слѣдуетъ замѣтить, что Бисмаркъ не желалъ видѣть у восточныхъ границъ Германіи независимую Польшу, которая могла бы стать орудіемъ французской и англійской политики; но зато онъ былъ не прочь пособить созданію Кіевской державы, въ которой поляки—какъ господствующій народъ, евреи и нѣмцы—какъ экономическій факторъ, малороссы—какъ крестьянскій элементъ, непременно жили бы въ разладѣ между собою и слѣдовательно не могли бы имѣть самостоятельной политики.

Чтобъ подготовить галичанъ къ этой роли, ихъ опекуны прежде всего потребовали, чтобъ русскіе галичане сознавали себя особымъ, отъ «россійскаго» отдѣльнымъ народомъ. Но какъ его назвать? Одни предлагали назвать «рускимъ», съ однимъ «с», другіе «русинскимъ» или «рутенскимъ», третьи «руско-украинскимъ» или прямо «украинскимъ». Запрещено только назвать его русскимъ или даже малорусскимъ, «малороссійскимъ», чтобы избѣжать напоминаній о сродствѣ его съ великорусами, что составляетъ уже актъ государственной измѣны!

Рядомъ съ признаніемъ малорусской національной обособленности отъ галичанъ требуется, чтобы они отдаляли свой языкъ отъ «россійскаго», т. е. общерусскаго, чтобы для довершенія своей національной отдѣльности и самостоятельности они возненавидѣли москалей. Эта ненависть считается гражданскимъ долгомъ галичанина; въ противномъ случаѣ онъ признается государственнымъ измѣнникомъ и врагомъ Австріи!.. Подъ вліяніемъ такихъ іезуитскихъ ученій и правительственныхъ требованій, въ сознание галицко-русскаго общества внесена смута, возникли дробныя партіи, безконечныя пренія и ссоры, которыя пытались польскими и новорекскими газетами. Пользуясь этою смутю, поляки, нѣмцы и евреи вытѣсняють русскихъ поселянъ съ ихъ дѣдовской почвы и пускають по-миру тысячи коренного населенія. Галицко-русскій народъ, давно уже вытѣсненный изъ городовъ, теперь вытѣсняется изъ посадовъ. Да и русскія села исподоволь заполняются евреями, мазурами и нѣмцами. Борьба съ ними тѣмъ тяжелѣе, что нѣмецъ и даже еврей опирается на громадную обще-нѣмецкую литературу, тогда какъ намъ велятъ писать на жаргонахъ и избѣгать всякаго общенія съ богатою и родною литературою общерусскою. Украинскіе писатели и поэты своимъ «коханнемъ и бханнемъ» могутъ насъ развлечь и позабавить, но практической жизни у насъ поддержать не могутъ. Для насъ, галичанъ, нужны прежде всего книги и журналы по техникѣ, земледѣлію и ремесламъ, но можно ли этого рода сочиненія составлять на областныхъ говорахъ? Для нихъ необходимъ вѣдь шпровой общій языкъ. Съ грустью нужно признаться, что нашъ народъ непременно исчезнетъ, если мы его не подкрѣпимъ на экономическомъ поприщѣ, ибо западная образованность истребляетъ народы не только оружіемъ, но еще успѣшнѣе экономическимъ перевѣсомъ.

Чтобы спасти отъ гибели свой народъ, мы, галичане, должны прежде всего водворить согласіе у себя дома. Но мы не въ силахъ сдѣлать это безъ содѣйствія русскіихъ Украйны, ибо въ ихъ

положеніи, ихъ желаніяхъ и стремленіяхъ заключается ключъ къ нынѣшнему безотрадному положенію галичанъ.

Въ самомъ дѣлѣ, одною изъ главныхъ причинъ польскаго давленія на русскихъ галичанъ является надежда черезъ Галицію добраться до Волини, Подолія, Украины и возстановить польское господство въ этихъ черноземныхъ краяхъ. Эту надежду поляки основываютъ на крайней податливости украинской интеллигенціи ко всему иноплеменному, особенно западному. Съ этимъ связано преувеличеніе своихъ областныхъ особенностей, своего малорусскаго типа. Правда, въ новѣйшее время сепаратистическія воззрѣнія стали слабѣть въ Малороссіи, но всетаки въ виду постороннихъ притязаній украинцы не заняли еще вполне яснаго и опредѣленнаго положенія.

Для насъ, галичанъ, Украина съ Киевомъ имѣетъ особое обаяніе. Оттуда мы приняли вѣру Христову; отсюда шла къ намъ историческая жизнь въ древнія времена; да и въ нынѣшнемъ вѣкѣ возрожденіе нашей національности совершилось при помощи украинской словесности. Въ наши школы давно введено преподаваніе украинскихъ писателей; въ нашу словесность—правописаніе Максимовича. Неудивительно, что для галичанъ украинцы всегда составляли родъ авторитета. Поэтому наши дѣла приняли бы болѣе благополучный оборотъ, и у насъ могло бы водвориться необходимое для политической жизни согласіе, еслибы украинцы ясно и опредѣленно высказали свои взгляды на культурныя и политическія задачи своей дѣятельности. Если у нихъ дѣйствительно есть намѣреніе прервать историческую нить и образовать новый культурно-политическій народный типъ, пусть они это выскажутъ и мы сообразимся съ ихъ стремленіями, насколько это не противорѣчитъ даннымъ нашей этнологіи и исторіи, преданіямъ нашихъ предковъ, стремленіямъ и чаяніямъ нашего простонародья.

Если же украинцы не думаютъ произвести разрыва съ исторіею и законами человѣческаго разума, если они свою простонародную словесность не противопоставляютъ общерусской литературѣ, а желаютъ развитія первой въ рамкахъ послѣдней, какъ это ведется и на Западѣ въ отношеніяхъ литературъ областныхъ къ общимъ, то пусть они это скажутъ не только нашимъ украинофиламъ, но также полякамъ, нѣмцамъ, славянамъ. Пусть виднѣйшіе ученые и литераторы Украины обнародуютъ заявленіе, въ которомъ бы указали, что для дже-украинцевъ въ родѣ Барвинскаго нѣтъ удобной почвы въ Украинѣ, что его никто изъ украинцевъ не уполномочилъ ругать Россію за мнимое запрещеніе печатать малорусскія произведенія. Тогда и наши украйпофилы не станутъ

ссылаться на Украину и главный аргументъ ихъ пропаганды теряетъ силу.

Сверхъ того слѣдуетъ доказать силу русскаго элемента на Волыни, Подоліи, Украинѣ, слѣдовательно тщету польскихъ надеждъ на ихъ отпаденіе отъ Россіи въ случаѣ несчастной войны.

Если поляки убѣдятся въ силѣ и крѣпости русскаго элемента въ малорусскихъ и литовскихъ областяхъ, тогда они откажутся отъ мечтаній насчетъ ихъ приобрѣтенія и займутся защитой своей земли отъ Запада, отъ нѣмцевъ. Теперь въ виду нѣмецкаго напора ихъ взоры устремлены на литовско-малорусскія страны, какъ будущее поприще ихъ народной жизни. Примиреніе поляковъ съ русскими можетъ послѣдовать лишь тогда, если первые проникнутся твердымъ убѣжденіемъ, что имъ надо довольствоваться своимъ и не желать чужого.

Львовъ, 20 августа 1892.

Галичанинъ.

Изъ Праги

О чешскихъ политическихъ партіяхъ

Исходнымъ пунктомъ нынѣшнихъ политическихъ и общественныхъ отношеній въ Чехіи служатъ извѣстныя вѣнскія пунктаціи. Цѣль ихъ хорошо извѣстна: подъ видомъ примиренія двухъ народностей, населяющихъ Чехію, онѣ должны были утвердить и обезпечить за нѣмецкимъ меньшинствомъ господство надъ чешскимъ большинствомъ, а сверхъ того отрѣзать отъ Чехіи Моравію, на которую вышеозначенныя пунктаціи не простирались, чтобы такимъ образомъ осуществить слова, произнесенныя въ вѣнскомъ парламентѣ графомъ Тафе: «Невозможно допустить, чтобы Моравія сдѣлалась славянскою!», что равносильно словамъ: Моравія должна нѣмечиться.

Не стану распространяться здѣсь о томъ, что представители старочешской партіи и историческаго чешскаго дворянства, подписавъ эти вѣнскія условія, совершили сознательно или безсознательно актъ отреченія отъ освященныхъ вѣками правъ чешскаго народа, во всякомъ же случаѣ—крупную политическую ошибку.

Пока во главѣ старочешской партіи стоялъ Палацкій, а рядомъ съ нимъ Браунеръ, Ригеръ, Скрейшовскій, эта партія дѣйствительно представляла въ избирательныхъ собраніяхъ громадное большинство чешскаго народа. Младочехи въ сравненіи съ многочисленностью старочеховъ были тогда ничтожной горстью; къ тому же они дѣлали ошибку за ошибкой, такъ что вся сила этой партіи заключалась въ газетѣ, ве-

денной лучше газетъ старочешскихъ, не исключая и «Politik,» которая при томъ же издавалось и издается на нѣмецкомъ языкѣ, а поэтому не могла дѣйствовать на народныя массы, несмотря на крупный талантъ Скрейшовскаго. Когда въ 1875 году Палацкій умеръ, Ригерь и Скрейшовскій сдѣлались соперниками. Побѣда досталась Ригеру, главнымъ образомъ потому, что онъ зять Палацкаго.

Во времена Палацкаго и Ригера народное самосознаніе чеховъ подкрѣплялось самосознаніемъ славянскимъ. Съ этимъ должна была считаться и старочешская партія, что выразилось между прочимъ и въ участіи ея вождей на московскомъ съѣздѣ 1867 года.

Но это продолжалось лишь до 1879 г., когда старочехи, вступивъ въ парламентъ гр. Тафе, рѣшили голосовать въ пользу окупаціи Босніи и Герцеговины, чѣмъ они нанесли тяжелый ударъ южному славянству, а вмѣстѣ и себѣ, своему авторитету въ средѣ славянъ, да и въ своемъ собственномъ народѣ. Съ той поры славянское самосознаніе старочешской партіи стало все болѣе ослабѣвать, политическій кругозоръ старочеховъ становился все уже, пока наконецъ, по словамъ самого Ригера, они ничего уже не видѣли, кромѣ отчаяннаго положенія Чехіи «между Вѣной и Берлиномъ». Въ такомъ настроеніи они и подписали свою капитуляцію, подъ видомъ вѣвскихъ пунктацій, представляющихъ отреченіе отъ народныхъ правъ и преданій Чехіи, во имя новаго цислейтанскаго мира.

Сознавъ опасность этихъ пунктацій, младочехи ударили въ набатъ. Вотъ тогда-то чешское простонародье оставило старочеховъ и перешло къ молодымъ, что доказывается парламентскими выборами 1891 года. Изъ 38 чешскихъ депутатовъ рейхсрата отъ сельскихъ общинъ избрано 34 младочеховъ. Изъ этого видно, какъ сильно палъ кредитъ Ригера въ средѣ народныхъ массъ, хотя между клерикалами и феодалами онъ и донинѣ имѣеть не мало единомышленниковъ, увлекаемыхъ расчетами самаго грубаго оппортунизма.

До министерства Тафе младочехи были собственно либералами, которые думали, что спасеніе народа чешскаго заключается въ конституціи, хотя бы это была конституція Шмерлинга. Вождемъ ихъ былъ тогда Карль Сладковскій, который въ 1848 году, будучи еще студентомъ, участвовалъ въ революціи и даже былъ осужденъ на висѣлицу. Наказаніе это было затѣмъ смягчено: отсидѣвъ нѣсколько лѣтъ въ тюрьмѣ, Сладковскій былъ выпущенъ на волю. Съ 1861 года онъ сталъ вождемъ младочешской партіи, каковымъ оставался до самой смерти, послѣдовавшей въ 1880 году. Въ качествѣ либеральныхъ идеалистовъ, младочехи во время польскаго возстанія были противъ Россіи; но это настроеніе смѣнилось проти-

воположнымъ послѣ московскаго съѣзда 1867 г., а еще болѣе послѣ русско-турецкой войны, которая произвела благодѣтельный переломъ и въ чешской народной жизни. Всѣ сердца наполнились и у насъ вѣрою въ усилѣ славянской мысли и въ славянское призваніе Россіи. Совершившаяся въ чехахъ перемяна лучше всего видна на самомъ Сладковскомъ, который сдѣлался горячимъ славянофиломъ, и искренность этихъ убѣжденій запечатлѣлъ принятіемъ православія. Но въ это время физическія его силы были уже надломлены. Явились пагубныя слѣдствія долголѣтнаго заключенія въ австрійскихъ тюрьмахъ. Это лишило его возможности войти въ болѣе тѣсныя сношенія съ народомъ и уяснить ему тотъ переворотъ, который произошелъ въ душѣ Сладковскаго. Вотъ почему его переходъ въ православіе не нашелъ послѣдователей. Все-таки этимъ смѣлымъ актомъ овъ доказалъ народу глубину своихъ убѣжденій и свой горячій славянской патріотизмъ.

Вступивъ въ 1879 году въ вѣнскій парламентъ, младочехи дѣйствовали заодно со старочехами, въ клубъ коихъ они составляли слабую фракцію. Въ числѣ младочешскихъ депутатовъ былъ тогда въ Вѣнѣ и Юлій Грегръ, издатель «*Narodnich List*». Скоро однако овъ удостовѣрился, что гр. Тафе не принесеть чешскому народу ничего хорошаго и что Ригеръ жестоко ошибается въ надеждахъ на правительство. Вслѣдствіе того Юлій Грегръ отказался отъ депутатскихъ полномочій и посвятилъ себя всецѣло публицистикѣ, поднявъ до высокаго значенія свою газету: «*Národní Listy*». Грегръ началъ въ политикѣ съ того, отъ чего Ригеръ отвернулся: поднялъ знамя, которое бросилъ послѣдній и началъ подъ нимъ бой за тѣ самыя идеи и на тѣхъ же основаніяхъ, которыя характеризовали прежде партію старочеховъ. Чѣмъ больше Ригеръ отдавался правительству, тѣмъ сильнѣе росла популярность Грегра, пока Тафе своими пункціями не помогъ Ригеру окончательно упасть, а Грегру, неутомимому его противнику, одержать полнѣйшую побѣду. Такимъ образомъ младочешская партія постепенно переродилась и можетъ быть теперь названа помолодѣвшею старочешскою партіею, истинною наследницею завѣтовъ Палацкаго и Браунера. Эта партія вождя не имѣетъ. Но самыми вліятельными въ ней лицами являются братья Грегры: Юлій, какъ редакторъ *Národní List* овъ, и Эдуардъ, какъ одинъ изъ самыхъ выдающихся ораторовъ чешскаго сейма и вѣнскаго рейксрата. Клубъ младочешскихъ депутатовъ не имѣетъ постоянного предсѣдателя; въ немъ предсѣдательствуютъ поочередно всѣ депутаты, вѣроятно для предупрежденія «тиранній», вродѣ ригеровской. Главную цѣлью младочешской партіи служить въ настоящее

время предотвращеніе опасныхъ пунктацій. Хотя опасность эта сознаана теперь и старочехами, даже большинствомъ консервативной знати, однако правительство въ угоду нѣмцамъ не отказалось еще отъ попытокъ провести эти пунктаціи если не законодательнымъ порядкомъ, то хоть административнымъ. Приэтомъ оно очевидно имѣетъ въ виду поддерживать вражду чеховъ съ нѣмцами, занимать ихъ этою борьбою, и отвлекать вниманіе народа отъ идеаловъ болѣе широкихъ. Это доказывается продолжающимися усиліями министерства провести раздѣленіе Чехіи въ судебномъ отношеніи на двѣ части: чешскую и нѣмецкую, изъ коихъ въ первой судили бы по-чешски и по-нѣмецки, а во второй только по-нѣмецки. Мѣстный судъ снабженъ такой сильной чешской «agenda» (судопроизводствомъ), что рѣшеніе чешскихъ вопросовъ неминуемо должно рѣшаться тамъ. Съ этой цѣлью именно господамъ судьямъ высшаго нѣмецкаго суда дано было преимущество не знать по-чешски и для большаго удобства, если они знакомы съ языкомъ, то не желать его знать. Этой послѣдней привиллегіей правительство должно было прийти на помощь такимъ судьямъ, которые на незнаніе языка не могутъ ссылаться, будучи специалистами его, посланными въ Прагу съ прямымъ назначеніемъ при нѣмецкомъ верховномъ судѣ заниматься исключительно рѣшеніемъ чешскихъ дѣлъ. Иронія судьбы привела на этотъ постъ сына бывшаго вождя чешскихъ нѣмцевъ, Эдуарда Гербста. Сколько неискренности, фальши и неестественности въ этомъ назначеніи!

Меньшую пользу принесла младочешской партіи мысль о чешскомъ государственномъ правѣ, т. е. объ обновленіи чешскаго государства въ рамкѣ австрійскаго государства, хотя наши газеты съ восторгомъ называютъ это обновленіемъ самостоятельности чешской. Въ дѣйствительности же о самостоятельности при этомъ никто и не думаетъ,—а подъ этимъ словомъ лишь подразумѣвается автономія чешской земли, съ нѣкоторой централизацией въ Прагѣ,—что не представляется требованіемъ невозможнымъ и неисполнимымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что желаніе это правительство исполнило бы и императоръ короновапіемъ своимъ короной св. Вячеслава подтвердилъ бы этотъ фактъ, еслибъ съ нами были за одно нѣмцы, населяющіе Чехію! Но объ этомъ рѣчи теперь нѣтъ, хотя возможность, что со временемъ и нѣмцы также будутъ желать государственнаго права,—не совѣмъ исключена.

Замѣчательную рѣчь о томъ, когда Австрія согласилась бы дать чешское государственное право, произнесъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ общественномъ собраніи клуба младочешской партіи (но никакъ не младочешскихъ депутатовъ) молодой адвокатъ

Черногорскій. Вотъ его слова: «Мы знаемъ, когда государство и правительство австрійское признаютъ чешское государственное право. Это будетъ передъ войной съ Россіей. Но тогда въ требованіяхъ нашихъ мы будемъ непоколебимы, не уступимъ ни единой пяди, и правительство австрійское должно будетъ выплатить сполна весь счетъ, еслибъ даже предѣлательствовалъ у нихъ самъ Пленеръ!» Эти слова произнесены были публично, были напечатаны, но никто общественно противъ нихъ не протестовалъ. Нужно впрочемъ засвидѣтельствовать правду, что въ частныхъ разговорахъ многіе рѣчь эту осуждали. Еслибъ случилось такъ, какъ предсказываетъ намъ г. Черногорскій, то чешскій народъ занялъ бы не посредствомъ компромисса съ нѣмцами, а инымъ способомъ то положеніе, какое ему принадлежало во времена его королей, въ теченіи многихъ столѣтій.

Очень жаль, что младочешскіе политики все еще не уяснили себѣ вопроса, какъ добиться восстановленія чешскаго государственнаго права. Особенно смутны въ этомъ отношеніи возрѣнія такъ называемыхъ реалистовъ, во главѣ коихъ стоитъ профессоръ Масарикъ. До недавняго времени они стояли на почвѣ австрійской конституціи и по существу ни въ чемъ не отличались отъ младочеховъ 1860-хъ—1870-хъ годовъ. Но когда реалисты убѣдились, что «государственно-правныя» чехи могутъ быть въ то же время отличными австрійцами, то соединились съ ними, въ надеждѣ со временемъ окончательно заглушить чехизмъ, а тѣмъ болѣе славянизмъ официальнымъ австріачествомъ. Наряду съ реалистами дѣйствуетъ разлагающимъ образомъ на чешскія партіи и Альфонсъ Счастный. Болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ онъ издалъ нѣсколько брошюркъ, въ которыхъ, въ подражаніе Штраусу, опровергалъ божество Христа. Купивъ себѣ маленькій клочекъ земли недалеко отъ Табора, Счастный воздѣлываетъ его ужь много лѣтъ собственными руками. Въ послѣдніе годы онъ вновь выдвинулся изданіемъ въ своей деревнѣ маленькой газеты для крестьянъ. Тутъ онъ проповѣдуетъ, что нужно сосредоточить свои заботы на матеріальномъ благосостояніи народа, оставивъ праздную борьбу не только за государственное право, но и за народность. Но проповѣдь эта не встрѣчаетъ сочувствія въ массахъ, которыя вовсе не равнодушны и къ вопросамъ нравственнаго порядка. Даже въ средѣ чешскихъ социалистовъ сознание своей народности и своего государственнаго права скорѣе развивается, чѣмъ слабѣетъ.

Но слѣдуетъ отмѣтить, что наше простонародье не особенно воодушевляется той формой чешскаго государственнаго права, какое было до Бѣлогорской битвы, справедливо предугадывая, что и въ

будущемъ не была бы исключена возможность подобной катастрофы при восстановленіи отжившихъ уже свой вѣкъ государственно-правовыхъ отношеній старой Чехіи, точь въ точь похожихъ на польское управленіе дворянствомъ. Еслибъ чешскій поселянинъ стоялъ за чешское управленіе дворянствомъ до 1620 года столь же энергически, какъ за двѣсти лѣтъ до того за Гуса и за освобожденіе своей земли отъ нѣмцевъ,—Фердинандъ второй не одержалъ бы такъ легко свою побѣду. Къ дворянскому чешскому управленію, которое этотъ Габсбургъ уничтожилъ, чешскій крестьянинъ былъ равнодушенъ, но онъ не былъ равнодушенъ къ чешско-братской вѣрѣ, за которую онъ былъ преслѣдованъ бѣлогорскимъ побѣдителемъ.

Чешскій поселянинъ сохранилъ чешскій языкъ и чешскую народность въ теченіе страшнаго семнадцатаго столѣтія и въ теченіе всего 18-го вѣка, до временъ возрожденія! Вступивъ въ ряды интеллигенціи, поселяне сдѣлались защитниками народнаго чешскаго самознанія, вождями литературнаго и политическаго движенія. Поселяне же, населивъ какъ ремесленники и торговые люди Прагу и другіе чешскіе города, положили основаніе новому демократическому чешскому обществу! Кто столько сдѣлалъ и столько вытерпѣлъ за нравственныя свои приобрѣтенія, какъ чешскій поселянинъ, тотъ никогда не дастъ собою овладѣть исключительно однимъ матеріальнымъ интересомъ. Онъ чувствуетъ, что въ этой области предоставленъ собственной силѣ и своей дѣятельности и потому не ожидаетъ помощи ни отъ адвокатовъ, ни отъ дворянства, ни отъ правительства. Онъ научился самостоятельно отстаивать свою жизнь и свой языкъ. Но подобно герилльямъ, сельское населеніе, какъ бы оно ни было воинственно, борется успѣшно съ неприятелемъ лишь на собственной землѣ. Поэтому и чешскій поселянинъ чувствуетъ потребность, чтобы его индивидуальность была отдѣлена и ограждена. Въ этомъ лежитъ причина, почему онъ всегда будетъ приверженцемъ автономіи и идеи о государственномъ правѣ. Тѣмъ не менѣе онъ не вступитъ въ крайнюю борьбу за государственное право, пока не удостовѣрится, что обновленіе чешскаго государства будетъ примѣнено въ духѣ демократическомъ, и что управленіе не будетъ привилегіей одного только дворянства.

Въ виду всего этого было бы невозможно удовлетворить нашихъ крестьянъ государственной автономіей по шаблону 1867 года, которая въ формахъ нынѣшней конституціи все-таки предоставила бы главное вліяніе на управленіе дворянству, и при которой гораздо большее значеніе имѣютъ жида и ренегаты, чѣмъ поселяне.

Демократическій характеръ новаго чешскаго общества болѣе всего

отдаляет дворянство отъ борьбы за государственное право, хотя оно именно больше всѣхъ выиграло бы, еслибъ чешское государство было возобновлено на старыхъ основаніяхъ временъ до Вѣлогородской битвы!

Младочехамъ принадлежитъ безспорная заслуга возрожденія и въ Моравіи народнаго самосознанія, а слѣдовательно и стремленія къ сближенію съ Чехіей. И это сближеніе будетъ съ каждымъ годомъ возрастать, опираясь на общемъ литературнымъ языкѣ и непосредственной близости этихъ двухъ частей чехоморавскаго племени. Для ихъ постепеннаго объединенія много было сдѣлано моравяниномъ Францемъ Палацкимъ, а въ ближайшее къ намъ время докторомъ Яномъ Яндою († 1890 г.). Проживая въ Прагѣ, докторъ Янда имѣлъ громадное вліяніе на моравскихъ студентовъ въ высшихъ пражскихъ учебныхъ заведеніяхъ, поддерживая въ нихъ сознаніе нравственнаго единства чеховъ съ моравянами. Сѣмя, посеянное Палацкимъ и возрожденное Яндою, уже теперь приноситъ обильные плоды.

Чехъ.

Изъ Целя (Zilli—Штирія)

Несостоятельность нынѣшней политической программы словинцевъ; нѣмецкія напраслины; утрата земли; необходимость сторонней помощи.

Наши общественные дѣятели, даже тѣ, которые считаются лучшими словинскими патриотами, все еще скептически, даже неодобрительно относятся къ тому направленію, котораго лучшимъ чуть ли не единственнымъ представителемъ въ нашей публицистикѣ является триестскій еженедѣльникъ «Славянскій Свѣтъ». Въ кирилло-меоодіевской программѣ Подгорника и его единомышленниковъ они видятъ радикализмъ, опасный для словенцевъ, которые въ своей борьбѣ съ нѣмцами на сѣверѣ, итальянцами на западѣ, а мадярами на востокѣ нуждаются-де въ поддержкѣ не только своей знати и іерархіи, но и правительства. Взамѣнъ славянской программы они предлагаютъ еще крѣпче прежняго держаться традиціонныхъ словинскихъ знаменъ, а именно чернаго знамени іезуитовъ и черно-желтаго Габсбурговъ, чтобы достойно восполнить собою ультрамонтанствующихъ нѣмецкихъ тирольтцевъ. Вотъ почему и наши депутаты въ рейхсратѣ до сихъ поръ все еще держатся клуба Гогенварта, который и представляетъ собою культъ ультрамонтанства, феодализма и западническаго призванія Австріи. Между тѣмъ стоитъ оглянуться кругомъ себя, чтобы убѣдиться, что ни папа съ его бѣлыми и черными прислужниками, ни под-

альпійскіе феодалы, ни правительства Габсбурговъ вовсе не озабочены сохраненіемъ словинцевъ, а наоборотъ признають ихъ существованіе какъ бы ошибкою Провидѣнія, себя же считаютъ призванными исправить эту ошибку, путемъ искорененія словенцевъ или искусственной и насильственной передѣлки ихъ въ нѣмцевъ. Лучшимъ средствомъ этой племенной метаморфозы клерикалы считаютъ латинскую церковь, дѣйствительнымъ центромъ которой признается въ настоящее время уже не Италія, не Франція, даже не Испанія, вообще не романскія земли, а Вѣна, Зальцбургъ, Инсбрукъ, слѣдовательно области южно-германскія. Нѣмецкіе феодалы признають аристократическія учрежденія Австрія, съ примыкающимъ къ ней магнатствомъ Угріи, Чехіи, Польши, даже Румыніи и юнкерской Пруссіи, еще болѣе могущественнымъ факторомъ германизации славянъ, чѣмъ латинонѣмецкая церковь. Наконецъ габсбургское правительство — центральное и областное — считаетъ свои шеолы, свою бюрократію, свою общую военную повинность, печать, свои парламенты и сеймы самыми современными изъ приемовъ превращенія славянина въ нѣмца, или по крайней мѣрѣ въ ту знаменитую «обезьяну», которую «выдумалъ нѣмецъ». Но если такимъ образомъ латинская іерархія, феодальная знать и габсбургская бюрократія представляютъ какъ бы три части одного и того же чудовища, пожирающаго словенцевъ, наряду съ прочими славянами, то не слѣдуетъ ли наконецъ намъ съ равнымъ ужасомъ бѣжать отъ каждой изъ этихъ частей и искать спасенія въ самомъ народѣ, въ его племенныхъ связяхъ съ прочимъ славянствомъ, въ преданіяхъ кирилло-меодіевской старины, въ чувствѣ своего человѣческаго и народнаго достоинства?

Къ сожалѣнію, это сознаніе опасности нынѣшняго положенія и необходимости укрѣпить его связями съ прочимъ славянствомъ недостаточно еще живо въ нашемъ обществѣ и народныхъ массахъ.

Возьмемъ на примѣръ нынѣшнюю дѣятельность двухъ главныхъ словинскихъ обществъ: «Св. Гермагора въ Целовцѣ» и «Словинскую Матицу» въ Люблинѣ. Еврейско-нѣмецкая вѣнская газета «Neue Freie Presse» въ одной изъ своихъ недавнихъ корреспонденцій назвала эти два общества настоящими гнѣздами панславизма, откуда ежегодно въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ распространяются-де зловредныя изданія между юго-славянами. Правда, что общество «Св. Гермагора» имѣетъ теперь до 57,000 членовъ, каждый изъ коихъ получаетъ за 1 гульд. членскаго взноса 12 кн. въ годъ. Но еслибы корреспондентъ «Neue Freie Presse» потрудился ознако-

миться съ содержаніемъ этихъ книжекъ, то убѣдился бы, что оно имѣетъ отношеніе всего чаще къ религіи, иногда къ сельскому хозяйству и другимъ практическимъ отраслямъ вѣдѣнія, но никогда не касается политики и почти ничего не говоритъ о современномъ положеніи и прошлыхъ судьбахъ славянства. Гдѣ же тутъ панславизмъ?

Точно такъ и «Словинская Матица» въ своихъ изданіяхъ лишь очень рѣдко выходитъ за предѣлы мѣстной исторіи, этнологіи, беллетристики. Лѣтъ двадцать тому назадъ она затѣяла было изданіе славянской этнографіи, но выпустила лишь первый томъ, посвященный южнымъ славянамъ (Slovantvo. I. Jugoslovani. 1873). Продолженія этого изданія такъ мы и не дождались. Ничего не вышло и изъ проекта Матицы издать на нашемъ языкѣ энциклопедію или научный словарь, въ которомъ нашли бы конечно мѣсто и статьи о различныхъ славянскихъ народахъ. Теперь намъ приходится черпать эти свѣдѣнія изъ энциклопедіи Брокгауза, Мейера, Пирера и разныхъ другихъ нѣмецкихъ изданій, гдѣ славянство изображается въ очень тенденціозномъ, западническомъ освѣщеніи. Да и школьныя свѣдѣнія намъ приходится почерпать отъ нѣмецкихъ преимущественно учителей и изъ нѣмецкихъ учебниковъ, ибо словенцы не имѣютъ ни одного средняго учебнаго заведенія, а должны обучаться въ гимназіяхъ и реалкахъ нѣмецкихъ или итальянскихъ. Для какого-нибудь полумилліона итальянцевъ существуютъ особыя итальянскія каѳедры въ инсбрукскомъ университетѣ; полуторамилліонная же народность словинская должна довольствоваться одними — вѣроятно тщетными — общаніями, что впослѣдствіи учреждены будутъ 2—3 словинскія каѳедры въ градецкомъ университетѣ. Правда, словинскій языкъ не можетъ равняться не только съ нѣмецкимъ, но и съ итальянскимъ по литературной обработкѣ и научнымъ богатствамъ; но мы не стали бы возражать и противъ учрежденія въ Люблянѣ университета съ другимъ преподавательнымъ славянскимъ языкомъ, напримѣръ хорватскимъ или еще лучше русскимъ, который не представляеть для словинца особыхъ трудностей. Объ этомъ не мало говорили и писали уже въ нашихъ газетахъ, но правительство упорно отказываетъ словенцамъ въ томъ, что безпрепятственно разрѣшается австрійскимъ нѣмцамъ, которые пишутъ и обучаются на языкѣ саксонскомъ, значить закордонномъ, — итальянцамъ, которые и въ Триестѣ и въ Трентино пишутъ на языкѣ тосканскомъ, а не на своихъ мѣстныхъ говорахъ, — даже хорватамъ и сербамъ, которые пользуются въ школахъ шумадійскимъ говоромъ Вука, а не рѣчью Загреба. Сплѣта или Суботицы, — полякамъ,

употребляющимъ и въ Галиціи литературный языкъ, установленный нѣкогда въ Варшавѣ, — даже румынамъ, которые и въ Банатѣ и въ Семиградіи, и въ Буковинѣ пользуются въ литературѣ и школахъ языкомъ букурештскихъ валаховъ. Спрашивается, почему бы и словенцамъ не могло быть предоставлено писать, учиться и молиться на томъ изъ славянскихъ языковъ, который они признали бы наиболее богатымъ, сильнымъ, обработаннымъ и слѣдовательно представляющимъ наиболее ручательствъ на успѣхъ въ борьбѣ съ прочими большими мировыми языками?

Впрочемъ, своевременно ли намъ теперь заниматься вопросами о словинскихъ гимназіяхъ, словинскомъ университетѣ, если даже въ простонародныхъ училищахъ нашъ языкъ постепенно вытѣсняется нѣмецкимъ, особенно же въ Штирии и Хорутани! Это вытѣсненіе объясняется не только правительственнымъ давленіемъ но и отличной организаціей нѣмецкихъ обществъ: *Gustav-Adolf Verein'a*, *Schulverein'a* и особенно *Südmark'a*. Общества эти, имѣющія свои центры то въ Вѣнѣ, то въ Лейпцигѣ, то въ Берлинѣ, покрыли своими филиями всю словинскую территорію, особенно къ сѣверу отъ Караванокъ, и вытѣсняютъ словинскій языкъ изъ церкви, школы, присутственныхъ мѣстъ и общественныхъ круговъ. Всего опаснѣе представляется намъ дѣятельность «*Südmark'a*, которая образована по образцу пресловутой (исмарковской колонизаціонной комиссіи, призванной вырвать изъ польскихъ рукъ землю въ Познани, Прусахъ и Слезии. Опираясь на свободные нѣмецкіе капиталы, общество *Südmark* скупаетъ у словенцевъ землю въ Штирии и Хорутани и заселяетъ ее нѣмецкими колонистами. Между этими колонистами въ послѣднее время являются эмигранты и изъ русскихъ прибалтійскихъ губерній, въ которыхъ, какъ потомкахъ древнихъ меченосцевъ, подальнѣйскіе нѣмцы надѣются найти опытныхъ пионеровъ германизаціи на славянскомъ югѣ.

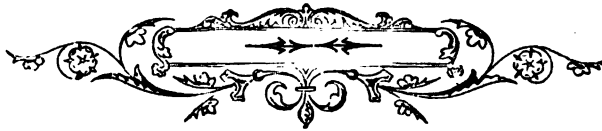
Процессъ обезземленія словенца въ быстро подвигается впередъ. Онъ вызвалъ уже въ ихъ средѣ эмиграцію какъ на востокъ, въ земли мадьярскія, гдѣ она быстро мадьяризуется, такъ и на западъ, за океанъ, въ сѣверную и южную Америку, гдѣ словенцы, подобно другимъ славянскимъ эмигрантамъ, осуждены потонуть въ большинствѣ германскаго и романскаго населеній.

Для сохраненія земли въ нашихъ рукахъ возникла было мысль образовать особое словинское общество, подобное существующему въ Познани польскому, для матеріальной поддержки словинскаго землевладѣнія. Но мы не располагаемъ свободными капиталами для учрежденія подобнаго общества. Въ Истріи словинскіе и хорватскіе поселяне при аналогичныхъ условіяхъ получили поддержку

отъ чешскаго банка «Славія», ссудившаго имъ для этой пѣли 200.000 гульд. Но положеніе словенцевъ въ Штиріи и Хорутаниіи еще опаснѣе, чѣмъ въ Истріи, такъ какъ въ матеріальномъ отношеніи нѣмцы гораздо сильнѣе итальянцевъ. Для борьбы съ нѣмецкими капиталами наши частныя силы очевидно недостаточны: тутъ нужно соединеніе экономическихъ силъ всего славянскаго юга, да кромѣ того энергичская поддержка со стороны восточнаго представителя и призваннаго покровителя современнаго славянства. Въ противномъ случаѣ нѣмцы быстро зальютъ долины Норическихъ Альпъ и по теченію Дравы и Савы спустятся въ самые центры южнаго славянства.

Целье, 20 октября 1892.

Словинецъ.

БИБЛЮГРАФІЯ

ЗАМѢТКА О СЛАВЯНСКОМЪ ОТДѢЛѢ ВЪ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОМЪ СЛОВАРѢ
БРОКГАУЗА-ЕФРОНА. Т. VII. СПБ. 1891.

По мѣрѣ того, какъ подвигается изданіе этой энциклопедіи, появляется въ ней все болѣе статей, важныхъ и для славяновѣда. Конечно, нѣмецкій субстратъ Словаря и въ позднѣйшихъ томахъ его все еще даетъ себя чувствовать, особенно въ области географической номенклатуры. Такъ на примѣръ и въ VII т., которому посвящена эта замѣтка, мы встрѣчаемъ еще такіе термины, какъ: Цвѣтау вм. Свитава (68), Брюннъ вм. Берно (ib.), Пардубиць вм. Пардубицы (ib.), Подибрадъ вм. Подѣбрадь (165), Рокячаны вм. Рокицаны (ib.), Гладкій вм. Кладскій (166), Адлеръ вм. Орлица (ib.), Черносъкъ вм. Жерносъкъ (167), Кавтатъ вм. Цавтатъ (168: этотъ же городъ названъ здѣсь *Riveschia* вм. *Regusa Vecchia*), Цемплинъ вм. Земплинъ (221), Бокке ди Каттаро вм. Бока Которская (247), даже Босковичъ вм. Бошковичъ (461) и мн. др. Статья о Богемскомъ лѣсѣ (166 стр.) вся переполнена нѣмецкими терминами.

Зато нѣкоторыя статьи по славяновѣдѣнію составлены здѣсь заново, по лучшимъ пособіямъ. Первое мѣсто между такими статьями какъ по объему, такъ и по достоинству занимаетъ статья «Болгарія» (стр. 254 — 273), составленная г. Матвѣевымъ. Это цѣлая монографія, обстоятельно и умѣло составленная и обильная многими тщательно собранными данными. Въ ней рассмотрѣны: поверхность Болгаріи, ея климатъ, народонаселеніе, произведенія, промышленность, торговля, пути сообщенія, народное образованіе, религія, управленіе, бюджетъ, вооруженныя силы и наконецъ очеркъ политической исторіи болгарь, доведенный до настоящаго

времени. Почтенный авторъ не только воспользовался старательно лучшими пособиями по этому предмету въ литературахъ русской, болгарской и западныхъ, но—очевидно—и дополнилъ ихъ, какъ видный дѣятель недавней эпохи возрожденія Болгаріи, личными наблюденіями, особенно по новѣйшей исторіи Болгаріи и Восточной Румелии. Какъ обстоятельно онъ знакомъ съ этой исторіей, видно и изъ его многочисленныхъ статей, напечатанныхъ въ «Руси» (1884 г.), «Сѣв. Вѣстникѣ» (1885 г.), «Русскомъ Вѣстникѣ» (1868 г.), особенно же изъ обширнаго сочиненія: «Болгарія послѣ берлинскаго конгресса» (Спб. 1887 г.).

Г. Матвѣеву принадлежитъ въ VII т. Энциклопедическаго Словаря и статья о Босніи, составленная также со знаніемъ дѣла, но лучшимъ пособіемъ, между прочимъ и сербохорватской литературы. Одну только поправку предложили бы мы автору этой статьи. На стр. 465 онъ не разъ употребляетъ слово «мадьярскій», говоря о событіяхъ угорской жизни стараго времени (13--15 вв.), напр. «мадьярское вторженіе» въ Боснію, «мадьярское иго», «разбивъ мадьяръ» и т. п. Но въ ту пору даже сами мадьяры не претендовали еще на роль единственнаго политическаго народа Угрии, какая имъ досталась по измышленію Меттерниха лишь въ XIX вѣкѣ. Слѣдовательно въ отношеніи къ прежнимъ вѣкамъ должны и мы, какъ всѣ древнія славянскія лѣтописи, употреблять выраженія: земля угорская, королевство угорское, рать угорская, а не мадьярская, ибо въ понятіе: угорскій входятъ и всѣ прочіе народы Угрии, напр. словаки, угрорусы, хорваты, румыны и т. д., которые между тѣмъ вовсе не относятся къ мадьярамъ, какъ народу финскому, а не славянскому и даже не арійскому.

Изъ прочихъ статей VII т. есть нѣсколько дѣльныхъ очерковъ г. И. Лося. Только статья его «Болгарская литература» не представляется намъ удавшеюся. Зато статья (чья?) «Болгарская церковь» составлена обстоятельно и осмотрительно.

А. Б.

Е. Голубинскій. Преподобный СЕРГІЙ РАДОНЕЖСКІЙ и созданная имъ ТРОИЦКАЯ ЛАВРА. СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ, 1892.

25-го минувшаго сентября знаменитая обитель преп. Сергія Радонежскаго съ необычайною торжественностью отпраздновала 500-лѣтіе со дня блаженной кончины своего великаго основателя. Наканунѣ этого дня прибылъ въ Сергіевъ Посадъ изъ Москвы (разстояніе между ними 65 в.) величественный крестный ходъ, вышедшій изъ нея 21 сент., въ преднесеніи древнихъ московскихъ свя-

тынь, съ участіемъ болѣе сотни хоругвей московскаго общества хоругвепосцевъ, въ сопровожденіи многотысячной массы народа, все болѣе и болѣе возраставшей по мѣрѣ приближенія процессіи къ Сергіеву Посаду. 24, 25 и 26 септ. во всѣхъ лаврскихъ храмахъ совершены были торжественныя богослуженія, въ присутствіи многихъ тысячъ собравшихся отовсюду богомольцевъ. Въ тотъ же день, 25 септ., и во всѣхъ православнымъ храмахъ Россіи совершались торжественныя богослуженія, а въ учебныхъ заведеніяхъ повсюду происходили чтенія о жизни величайшаго угодника русской земли и его славной обители. Московская дух. академія, помѣщающаяся въ стѣнахъ лавры, устроила 26 септ. торжественный актъ, на которомъ юбилейныя рѣчи произнесены ректоромъ академіи архим. Антоніемъ, проф. Е. Е. Голубинскимъ и В. О. Ключевскимъ. По порученію той же академіи, на средства московскаго митроп. Леонтія напечатано проф. Голубинскимъ и юбилейное изданіе, заглавіе котораго выписано нами выше.

Въ этомъ изданіи, вовсе не поражающемъ своими громадными размѣрами, читатель найдетъ все, что можетъ интересовать его въ прошедшей исторіи и современной жизни знаменитой русской обители. Личность преп. Сергія, характеръ и значеніе основаннаго имъ монастыря въ этомъ трудѣ почтеннаго автора «Исторіи русской церкви» и «Краткаго очерка исторіи правосл. церкви болгарской, сербской и румынской», съ рѣдкой рельефностью, съ замѣчательною ясностью выступаютъ передъ читателемъ на общемъ фонѣ исторической жизни недавно возникшаго и только еще начинавшаго тогда собираться съ силами Московскаго царства. Въ этой общенсторической обстановкѣ даже все частное, давно знакомое приобрѣтаетъ общій интересъ, является какъ бы новымъ.

Очеркъ жизни преп. Сергія (первая половина книги) составленъ проф. Голубинскимъ на основаніи его древняго житія, принадлежащаго его личному ученику и монаху его монастыря, Епифанію, и редактированнаго потомъ жившимъ въ томъ же монастырѣ сербомъ Пахоміемъ Логоетомъ. Хотя это житіе страдаетъ общими недостатками древне-русскихъ житій той эпохи, представляющихъ собою не столько исторически-повѣствовательныя, сколько ораторски-назидательныя произведенія въ византійскомъ вкусѣ, — тѣмъ не менѣе оно не лишено извѣстныхъ достоинствъ: жизнеописатель преп. Сергія, монахъ Епифаній, по отзыву проф. Голубинскаго, не былъ между нашими писателями житій не только однимъ изъ плохихъ, но даже и однимъ изъ рядовыхъ, а былъ однимъ изъ немногихъ весьма выдававшихся. Какъ ораторъ, онъ не только очень хорошъ, но, такъ сказать, и болѣе чѣмъ очень хорошъ, за что и заслужилъ отъ современниковъ имя «премудраго»; но какъ біографъ, онъ далеко не

можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ. Епифаніево житіе преп. Сергія дошло до насъ только въ редакціи Пахомія Логоета (это названіе, по Голубинскому, можетъ быть означаетъ просто то, что въ Аѳонскомъ монастырѣ, изъ котораго онъ около 1440 г. прибылъ въ Россію, онъ былъ дьякомъ или письмоводцемъ): Пахомію власти троицкаго монастыря поручили редактировать Епифаніево произведеніе, по догадкѣ проф. Голубинскаго, отчасти съ тѣмъ, чтобы очистить житіе отъ всего того, что находили въ немъ не совсѣмъ удобнымъ въ цензурномъ отношеніи, но главнымъ образомъ для того, чтобы, сокративши его, сдѣлать его болѣе удобнымъ для чтенія въ церкви въ дни памяти преп. Сергія.

Въ жизнеописаніи преп. Сергія главное мѣсто отведено, конечно, его монашескимъ подвигамъ, внѣшнему положенію и внутреннему устройству основанной имъ обители, ея отличительнымъ особенностямъ и значенію въ исторіи русскаго монашества. Преподобный Сергій, удаляясь вмѣстѣ съ братомъ своимъ въ пустыню, говоритъ проф. Голубинскій, имѣлъ своимъ намѣреніемъ не то, чтобы подвизаться въ ней совершенно одному, а то, чтобы въ большемъ или меньшемъ сообществѣ съ другими подвизаться въ ней удаленно отъ городовъ и селеній и вообще мѣрскихъ человѣческихъ жилищъ. Но когда первый его сообщникъ по пустынножитію оставилъ его, онъ долженъ былъ начать свое пустынное подвижничество съ совершеннаго одиножитія, и прожилъ въ пустынѣ, въ совершенномъ уединеніи, около двухъ лѣтъ. До преп. Сергія не было у насъ уединеннаго пустынножитія; онъ именно былъ первый, кто ввелъ его у насъ. Когда же съ теченіемъ времени монахи, привлекаемые необычайными подвигами пустытника, начали просить его дозволить имъ поселиться возлѣ него,—преп. Сергій, конечно, ничего не могъ противъ этого имѣть и съ радостью принималъ тѣхъ, кого не страшила трудность пустынножительства. Такъ обр. въ глухомъ бору, на полурасчищенной отъ большого лѣса полянѣ, вокругъ маленькой деревянной церкви, появилось 13 маленькихъ деревянныхъ келій, съ особымъ огородомъ возлѣ каждой келіи, обнесенныхъ вокругъ общимъ тыномъ. Хотя въ этомъ монастырѣ былъ общій игуменскій надзоръ въ лицѣ самого Сергія, но затѣмъ, что касается до жилищъ, одежды и пищи, каждый монахъ былъ совершенно самостоятельнымъ и совершенно самъ себѣ хозяиномъ, какъ это вообще бывало въ русскихъ монастыряхъ въ ту эпоху. Такъ обр. преп. Сергій ввелъ у насъ пустынножитіе въ двойномъ смыслѣ: въ смыслѣ одинокаго или одиночнаго подвижанія въ пустынѣ, и въ смыслѣ строенія цѣлыхъ монастырей въ пустынѣ; онъ сдѣлалъ у насъ обязательнымъ, чтобы монастыри были сооружаемы если не въ настоящихъ

пустыняхъ, то по крайней мѣрѣ въ отдаленіи отъ мірскихъ чело-вѣческихъ жилищъ. Но онъ имѣетъ еще и иную и весьма важ-ную заслугу относительно нашего монашества,—заслугу, за которую онъ справедливо называется отцомъ нашего сѣвернаго или москов-скаго монашества, какъ преподобные Антоній и Θεодосій печерскіе называются отцами нашего южнаго или кіевскаго монашества: онъ былъ вводителемъ въ монастыряхъ сѣверной Московской Руси об-щинножитія, или общежитія. Въ древнія времена, во времена про-цвѣтанія монашества, особенно въ Египтѣ, у монаховъ не бы-ло совершенно ничего собственнаго вплоть до иголки и до нитки, а все было общимъ: келіи ихъ не имѣли никакихъ запоровъ, въ келіяхъ ихъ не было никакихъ сундуковъ и шкатулокъ. Но впо-слѣдствіи времени, когда чувства своекорыстія и корыстолюбія взяли въ монастыряхъ верхъ надъ чувствомъ беззавѣтнаго братолюбія. большинство монастырей изъ общинножитныхъ превратились въ особножитные. Принявъ христіанство отъ грековъ, мы заимствовали отъ нихъ вмѣстѣ съ христіанствомъ и монашество уже въ формѣ особножитія. Преподобные Антоній и Θεодосій, глубоко понявшіе сущность монашества, ввели у насъ въ монастыряхъ общинножитіе. Когда введенное ими у насъ общинножитіе снова совершенно ис-чезло изъ нашихъ монастырей, возстановителемъ его и явился у насъ преп. Сергій. Проф. Голубинскій не допускаетъ того, что по-чинъ въ этомъ дѣлѣ исходилъ отъ константинопольскаго патр. Фи-лооея (какъ рассказываетъ объ этомъ въ житіи Сергія); починъ принадлежалъ самому Сергію, а къ авторитету патриарха онъ при-бѣгъ лишь для того, чтобы придать своему начинанію большую твердость. И самъ преп. Сергій впослѣдствіи и его ученики и по-слѣдователи основали въ разныхъ мѣстахъ много новыхъ монасты-рей по типу общинножитія, и надолго съ этихъ поръ утвердился на сѣ-верѣ Россіи этотъ типъ общинно- и пустынно-жительныхъ монастырей.

Кромѣ выдающагося значенія въ исторіи русской церкви, преп. Сергій и его обитель имѣли важное значеніе и въ исторіи русскаго государства. Въ исторіи княженія Дмитрія Донскаго имя преп. Сергія Радонежскаго стоитъ рядомъ съ именемъ Алексія митропо-лита, такъ много способствовавшаго укрѣпленію и возвеличенію Московскаго государства. Въ частности имя преп. Сергія, благосло-вившаго Донскаго на Куликовскую битву, имена сопровождавшихъ русскую рать на Куликово поле монаховъ Сергіевой обители Пере-свѣта и Ослябы, изъ которыхъ первый и палъ въ бою,—такъ тѣсно связаны съ этимъ первымъ моментомъ вновь пробудившейся въ рус-скомъ народѣ мысли о свободѣ, любви къ свободѣ. Спусти болѣе двухъ сотъ лѣтъ послѣ смерти преп. Сергія, когда съ прекращені-

емъ старой династіи настало смутное время на Руси, оячь истинно-русское пониманіе истинныхъ цѣлей и нуждъ русской земли сказалося со всей силой въ Троицко-Сергіевой обители. Въ виду важности этого момента въ исторіи Сергіевой обители, въ концѣ интересующей насъ книги помѣщена особая глава «Объ осадѣ лавры полками». Великое религиозно-общественное значеніе Троицко-Сергіевой лавры сдѣлало ее съ первыхъ же поръ предметомъ религиозныхъ паломничествъ на Руси. Въ концѣ книги помѣщена проф. Голубинскимъ глава «О царскихъ богомольныхъ походахъ къ Троицѣ». Въ виду частыхъ путешествій нашихъ царей въ Сергіеву лавру, не только въ самой лаврѣ были построены особые «царскіе чертоги», но и по селамъ, лежавшимъ на дорогѣ къ Троицѣ, устроены были особые дорожные или путные дворцы для остановокъ и ночевокъ государей.

Вслѣдъ за жизнеописаніемъ преп. Сергія въ книгѣ проф. Голубинскаго слѣдуютъ его многочисленныя и иногда весьма обширныя примѣчанія. Въ этихъ примѣчаніяхъ — разъясненіе тѣхъ или другихъ неясныхъ или спорныхъ вопросовъ, касающихся жизни преп. Сергія, по преимуществу хронологическихъ, возбуждавшихъ еще недавно такъ много споровъ. Считаемо умѣстнымъ указать результаты изысканій въ этой области проф. Голубинскаго, тѣмъ болѣе, что они идутъ нерѣдко въ разрѣзъ съ общепринятыми до сихъ поръ взглядами: преп. Сергій род. въ 1314 г., удалился въ пустыню и поставилъ первую деревянную церквицу въ 1337 г., поставленъ въ игумены въ 1340—41 г., ввелъ общежитіе въ 1354 г., умеръ 1392 г. Любопытно одно примѣчаніе проф. Голубинскаго относительно нареченнаго митрополита Михаила Митяя: онъ считаетъ существующее въ нашей церковной исторіи представленіе о немъ, какъ о недоброкачественномъ выскочкѣ, совершенно неосновательнымъ; напротивъ, считаетъ его замѣчательнѣйшимъ человѣкомъ, помышлявшимъ о коренномъ преобразованіи нашего духовенства, человѣкомъ, исполненнымъ столькихъ же достоинствъ, какъ и патр. Никонъ, если даже еще не большихъ (передъ потомствомъ его очернилъ митр. Кипріанъ, у котораго онъ восхитилъ было кафедру митрополіи).

Вторую половину книги составляетъ путеводитель по лаврѣ. Въ немъ прежде всего сообщаются общія историческія свѣдѣнія о монастырѣ, а затѣмъ слѣдуетъ исторія его зданій и исторія имѣвшихъ мѣсто въ немъ замѣчательныхъ происшествій и совершенныхъ его монахами, собственно настоятелями, замѣчательныхъ дѣяній, причемъ о всѣхъ настоятеляхъ монастыря сообщаются точныя біографическія данныя. Въ старыя времена управленіе лавры составляли: игуменъ ея или архимандритъ, надзиравшій ближайшимъ образомъ надъ духовною жизнью братіи, келарь, завѣдывавшій монастырскими вотчинами

(въ 1764 г. лавра имѣла 106.000 душъ крѣпостныхъ крестьянъ), столомъ братіи, пріемомъ знатныхъ богомольцевъ, и казначей, завѣдывавшій приходомъ и расходомъ денегъ, монастырскими зданіями, одѣяніемъ братіи и всею рухлядью монастыря. Въ настоящее время священно-архимандритами лавры состоятъ москов. митрополиты, имѣющіе въ ней постоянныхъ своихъ намѣстниковъ въ санѣ архимандрита; кромѣ того, для завѣдыванія важнѣйшими дѣлами въ лаврѣ существуетъ т. н. учрежденный соборъ, состоящій изъ намѣстника и старшей братіи. Вся братія лавры въ нынѣшнемъ году состоитъ изъ 67 іеромонаховъ, 38 іеродіаконовъ, 80 монаховъ, 57 указныхъ послушниковъ и 150 неуказныхъ послушниковъ.

Вслѣдъ за этою общею историческою частью путеводителя слѣдуетъ въ немъ подробное описаніе, вмѣстѣ съ историческими свѣдѣніями, монастырской стѣны съ башнями въ ней, троицкаго собора, въ которомъ почиваютъ мощи св. Сергія, и 12 другихъ монастырскихъ храмовъ, палатокъ при нихъ (палатки «трехъ мощей» — архіеп. Серапіона, митр. Іоасафа и архим. Діонисія, палатки Максима Грека) и колокольні, келій и прочихъ зданій, ризницы, библиотеки, кладбищъ (усыпальницы Годунова) и пр. Особая глава посвящена краткой исторіи москов. академіи, помѣщающейся съ 1814 г. въ стѣнахъ лавры, и бывшей прежде нея въ лаврѣ дух. семинаріи. Наконецъ здѣсь находимъ историческое описаніе замѣчательныхъ въ религіозномъ отношеніи окрестностей лавры: Радонежа (нынѣ село Городокъ въ 14 в. отъ лавры), Хотькова монастыря, Виоанскаго монастыря. Геосиманскаго скита съ пустынею Параклита.

П. Ж.

Батюшковъ, П. Н. БЕССАРАБІЯ. ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ. СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНІЯ ИЗДАНО ПРИ МИНИСТЕРСТВѢ ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ. СЪ 3 ФОТОТИПІЯМИ, 53 ГРАВЮРАМИ И КАРТОЙ. СПБ. 1892.

Выпускомъ «Бессарабія» завершается серія изданія, предпринятаго на средства министерства внутреннихъ дѣлъ недавно (20 марта) умершимъ П. Н. Батюшковымъ. Въ этомъ изданіи получается так. обр. правдивое описаніе судебъ пограничныхъ губерній, на громадной площади, отъ морей Балтійскаго до Чернаго, и въ общемъ оно представляетъ собою полное историческое обозрѣніе Западнаго края Россіи.

Служба Батюшкова въ Западномъ краѣ еще съ 1849 г. дала ему возможность ближе ознакомиться съ тамошними мѣстными особенностями. Его вниманіе особенно поразило бѣдственное, приниженное положеніе православія въ этомъ древнерусскомъ краѣ; право-

*

славныхъ храмовъ было крайне недостаточно и многіе изъ существовавшихъ были весьма убоги; православное немногочисленное населеніе было безпомощно. Со стороны Батюшкова великою заслугою было то, что онъ одинъ изъ первыхъ среди образованныхъ русскихъ людей понялъ настоящія религиозныя потребности западно-русскаго православнаго населенія и направилъ свои стремленія къ тому, чтобы раскрыть печальную картину западно-русской жизни предъ правительствомъ и обществомъ. Въ запискѣ, представленной Батюшковымъ въ 1857 г. министру внутреннихъ дѣлъ, изложены причины, по которымъ заботы правительства объ устройствѣ православныхъ храмовъ въ западныхъ губерніяхъ оставались долго безуспѣшными. На Батюшкова было возложено завѣдываніе дѣломъ храмозданія. Прежде всего польскіе помѣщики (католики) были устранены отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ. Затѣмъ были собраны на мѣстахъ крайне важныя статистическія данныя о вѣроисповѣдномъ и племенномъ составѣ населенія края, впервые воочію показавшія, что этотъ край заселенъ русскимъ, большей частью православнымъ народомъ. Эти данныя вышли (въ 1863 и 1865 гг.) особымъ изданіемъ: «Атласъ народонаселенія западно-русскаго края по исповѣданіямъ». Попутно получались тогда Батюшковымъ свѣдѣнія о мѣстныхъ православныхъ святыняхъ и замѣчательныхъ, нерѣдко весьма древнихъ памятникахъ христіанскаго просвѣщенія и церковнаго зодчества. Эти драгоценныя матеріалы послужили основаніемъ для напечатанія восьми выпусковъ (съ 1865—74 г. 6-ти, въ 1885—VII и въ 1886—VIII) изданія: «Памятники старины въ западныхъ губерніяхъ». Каждый изъ выпусковъ состоитъ изъ атласа съ рисунками и книги съ объяснительнымъ текстомъ и самостоятельными, иногда обширными монографіями. Но «Памятники» — изданіе роскошное и дорогое, притомъ печатавшееся въ ограниченномъ числѣ экз. Поэтому было признано впоследствии цѣлесообразнымъ печатать изданіе по описанію Западной Россіи — и непременно съ русско-народной точки зрѣнія — болѣе дешевое, могущее получить широкое распространеніе среди читателей. Съ 1887 г. выпущены въ свѣтъ связные историческіе очерки, съ рисунками и объяснительными къ нимъ статьями: «Холмская Русь» (1887), «Волинь» (1888), «Бѣлоруссія и Литва» (1890), «Подолія» (1891) и, наконецъ «Бессарабія». Всѣ очерки, какъ и послѣдняя книга, составлены на основаніи спеціальныхъ мѣстныхъ изслѣдованій и документальныхъ данныхъ, почерпнутыхъ въ правительственныхъ и частныхъ архивахъ и книгохранилищахъ лицами, посвятившими себя изученію исторіи и современнаго быта юго-западнаго края Россіи. Основныя статьи всѣхъ выпусковъ составлены проф. П. И. Петровымъ, при содѣйствіи проф. И. И. Малышевскаго.

Что касается до дѣла храмозданія, вызвавшаго къ жизни столь общепользное изданіе, то и это дѣло, благодаря ревности почившаго дѣателя-патріота, увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Кромѣ госуд. средствъ, имъ были изысканы частныя путемъ сбора пожертвованій, для снабженія бѣдныхъ храмовъ иконами, утварью, книгами, ц. облаченіями. Возникло до 2 т. новыхъ или исправлено ветхихъ храмовъ, и однихъ казенныхъ средствъ израсходовано до 10 мил. р.; сверхъ того, получена и употреблена на пользу храма громадн. еще небывалая въ Россіи масса частныхъ жертвъ. Эти свѣдѣнія заимствуются нами изъ біограф. очерка П. Н. Батюшкова, помѣщеннаго въ началѣ кн. «Бессарабія», чѣмъ почтена въ нѣкоторой степени многолѣтняя дѣятельность издателя зап. русск. очерковъ.

Бессарабская область—окраина, населенная въ древнія времена даками и гетами и заключенная нынѣ въ границахъ рѣкъ Днѣстра, Прута и Дуная, отличается необыкновенною пестротой этнографическаго своего состава, разнороднаго по вѣрѣ и народности. Преобладающее племя молдаванское (румынское), затѣмъ по численности слѣдуетъ славяно-русское. Г. Петровъ дѣлаетъ сводъ отрывочныхъ извѣстій и изслѣдованій русскихъ ученыхъ объ историческихъ судьбахъ русской Бессарабіи. Русскіе славяне съ самыхъ первыхъ временъ своего историческаго существованія занимали нынѣшнюю Бессарабію и удержали свою осѣдлость до возникновенія кн-въ Валашскаго и Молдаванскаго (XIII в.). Въ XVI в. румынизуется населеніе этихъ странъ, которыя, впрочемъ, скоро сами подпадаютъ владычеству турокъ, грозившихъ безопасности и цѣлости границъ Польши и Россіи. Возникаетъ вопросъ о совмѣстной борьбѣ Россіи и румынск. госнодарей и др. христ. государствъ противъ турокъ. Съ конца XVII в. начинается рядъ наступательныхъ дѣйствій христ. народовъ, особенно русскихъ, противъ турокъ, театромъ борьбы обыкновенно была Бессарабія съ румынскими княжествами. Во время XVIII и XIX вв. эта страна, можно сказать, вся была полита русскою кровью и снова пріобрѣтена ею для русской гражданственности. Съ половины XVIII в. возобновились переселенія въ Бессарабію задун. славянъ (особенно болгаръ), а изъ Россіи—старообрядцевъ, некрасовцевъ, закорочцевъ. Съ присоединеніемъ въ 1812 г. къ Россіи совершенно опустошенной собственно турецкой Бессарабіи, ее начали наводнять нѣмецкіе колонисты (до 30 т. ч.), живущіе обособленно, а затѣмъ евреи (до 100 т. ч.). И здѣсь они наполняютъ города, области, арендуютъ земли у помѣщиковъ, держатъ въ своей зависимости «царятъ» (крестьянъ), заводятъ табачныя плантаціи и т. п. Вся торговля также въ рукахъ евреевъ.

Только подъ покровительствомъ Россіи присоединенная въ 1812 г.

къ ней Бессарабія получила всѣ способы развивать свой нравственный и экономическій бытъ. Область снова стала заселяться и постепенно покрылась цѣлою сѣтью разныхъ учебныхъ заведеній, съ обязательнымъ русскимъ языкомъ преподаванія. Румынская агитація здѣсь еще не ослабла совершенно, и противъ румынизации правосл. населенія уже давно принимаются соотвѣтственные мѣры.

Населеніе Бессарабіи составляетъ 1.641,559 д. об. пола; селеній 1,429. Преобладающее исповѣданіе—православное (1.220,439 ч., съ 949 приходами). Христіанская вѣра появилась здѣсь въ первые вѣка по Р. Хр. римск.: императоры ссылали въ Дацію христіанъ во множествѣ. При Константинѣ В. здѣсь была учреждена еп. кафедра.

I. Ж—овъ.

А. Лебедевъ. очерки исторіи византійско-восточной церкви отъ конца XI до половины XV в. москва. 1892 г. стр. VII+644.

Благодаря тѣснымъ историко-культурн. отношеніямъ славянъ къ средневѣковой Византіи и вообще къ судьбамъ грековъ, историческое изученіе послѣднихъ представляетъ существенный интересъ для слависта: даже больше—безъ внимательнаго, глубокаго и всесторонняго изученія Византіи и вообще греческой исторіи невозможно правильное пониманіе историческихъ судебъ славянства, въ особенности же южнаго и восточнаго, не исключая, конечно, нѣкоторыхъ историческихъ моментовъ и въ жизни разныхъ частей западнаго славянства. Поэтому не даромъ наши авторитетные слависты и ученые специалисты по русской исторіи обращались къ изученію Византіи, указывали на необходимость этихъ изученій для болѣе правильнаго и всесторонняго пониманія историческихъ судебъ славянства. Можно порадоваться, что интересъ къ этимъ изученіямъ, хотя и медленно, усиливается не только у насъ въ Россіи, но и за границей (какъ у новогрековъ, такъ и у образованныхъ народовъ Запада). Въ этомъ отношеніи, кромѣ отдѣльныхъ монографическихъ изслѣдованій и матеріаловъ по исторіи Византіи, любопытно отмѣтить, что втеченіе настоящаго года появились даже изданія, посвященныя специально студіямъ византійскимъ: одинъ сборникъ у насъ въ Россіи: «Лѣтопись историко-филологическаго общества» при Новороссійскомъ университетѣ, а другой—повременный журналъ за границей: «Byzantinische Revue», подъ редакціей извѣстнаго знатока и автора исторіи византійской литературы (Geschichte d. byzantinischen Litteratur von Justinian bis zum Ende d. oströmischen Reiches. München, 1891) Крумбахера (до сихъ поръ вышло пока два выпуска 1-го т. этого журнала). Появленіе повременнаго изданія, специально посвященнаго

изученію Византіи, представляетъ уже само по себѣ фактъ, свидѣтельствующій и объ относительной широтѣ интереса къ византологіи, и еще болѣе о сознанной важности этого интереса въ научномъ отношеніи. Но для пробужденія и поддержанія такого интереса, равно и для популяризаціи спеціальныхъ знаній не излишни, даже необходимы бывають «очерки», предназначенныя не для специалистовъ, а для болѣе широкой публики или даже въ качествѣ учебныхъ школьныхъ руководствъ. Повидимому, книга, заглавіе которой выписано нами выше, имѣетъ подобное назначеніе. Въ предисловіи къ своей книгѣ авторъ говоритъ между прочимъ: «Предлагаемая вниманію читателя книга представляетъ собою, по изложенію, удобопонятныя для любителя церковно-исторической науки и для каждаго образованнаго человѣка «очерки», утверждающіеся на строго-научныхъ основаніяхъ и составляющіе продолженіе, впрочемъ имѣющее видъ самостоятельнаго цѣлаго, нашего же прежняго сочиненія, подъ заглавіемъ: «Очерки исторіи византійско-восточной церкви въ IX, X, XI в.» (М. 1878). Цѣль теперь издаваемой книги та же, кака имѣлась въ виду и при печатаніи сейчасъ упомянутаго сочиненія—ознакомленіе съ однимъ изъ тѣхъ отдѣловъ церковно-исторической науки, которые очень мало извѣстны по своему содержанію»... «Вообще, заключаетъ авторъ свое предисловіе, мы не имѣемъ намѣренія придавать своей книгѣ очень большой объемъ; сожалѣемъ даже о томъ, что она вышла больше, чѣмъ какою должна быть книга, носящая названіе «очерковъ». Дѣйствительно, объемъ книги въ 644 стр. великъ; но въдѣ и содержаніе описываемаго періода представляетъ такое множество вопросовъ, которое далеко не исчерпано въ разсматриваемой книгѣ. Самъ авторъ въ предисловіи говоритъ: «Мы не намѣрены были распространяться о такихъ предметахъ, о которыхъ уже существуетъ удовлетворительная литература на русскомъ языкѣ», какъ напр. о флорентійскомъ соборѣ, о попыткахъ къ соединенію церковью греческой и латинской (послѣ ихъ раздѣленія) и др. «Равно также, замѣчаетъ авторъ, мы не даемъ мѣста въ своей книгѣ изложенію такихъ религиозныхъ споровъ или такихъ произведеній византійскихъ богослововъ, которые могутъ возбуждать интересъ развѣ у специалистовъ, да и то, пожалуй, не у всѣхъ». Однако, несмотря на такія ограниченія въ изложеніи описываемаго періода, книга содержитъ въ себѣ довольно полный историческій обзоръ внѣшней и внутренней жизни и отношеній византійско-восточной церкви въ теченіи XI—XV столѣтій. Достаточно перечислить общія заглавія статей или предметовъ, обозрѣваемыхъ авторомъ, чтобы видѣть оносительную полноту содержанія книги. Сначала авторъ предлагаетъ характеристику

византійскихъ историковъ, излагавшихъ исторію византійскаго государства отъ конца XI до половины XV вѣка (1—79), говоритъ далѣе о взаимныхъ отношеніяхъ церкви греческой и латинской за тотъ же періодъ (79—133), характеризуетъ религіозно-нравственное состояніе Византійской имперіи (134—209), описываетъ отношеніе государственной власти въ Византіи къ церкви (209—285), излагаетъ церковно-общественную дѣятельность константинопольскихъ патріарховъ (286—497), говоритъ о матеріальномъ положеніи духовенства (498—513), предлагаетъ краткое обзорѣніе патріархатовъ александрійскаго, антиохійскаго и іерусалимскаго (513—528), говоритъ о состояніи духовнаго просвѣщенія при Комнинахъ, за время пребыванія императоровъ въ Никеѣ и при Палеологахъ (529—628), а въ заключеніе описываетъ событіе паденія Константинополя въ 1453 году (622—644). Одно уже общее перечисленіе главнѣйшихъ статей разсматриваемой книги указываетъ на относительную полноту и богатство ея содержанія. Но мы не пожалѣли бы, какъ самъ авторъ, еслибы книга вышла и больше не только по объему, но и по содержанію. Даже и теперь сожалѣемъ, что авторъ намѣренно опустилъ нѣкоторые «предметы, о которыхъ существуетъ удовлетворительная литература на русскомъ языкѣ». Для цѣльности историческаго представленія неизлишне было бы сдѣлать нѣкоторыя другія дополненія, какъ напр. о состояніи монашества въ описываемый періодъ, миссіонерскаго дѣла и пр. Даже ученныя экскурсіи въ эту послѣднюю область были бы желательны еще въ интересахъ болѣе правильнаго пониманія культурной роли Византіи въ отношеніи къ ея сосѣдямъ и современникамъ, главнымъ образомъ къ единовѣрцамъ. Необходимо это въ виду существующаго односторонняго взгляда на культурную роль Византіи, котораго повидимому не чуждъ и авторъ разсматриваемыхъ «Очерковъ». «Византія пала, говоритъ авторъ, потому же, почему и человекъ въ возрастѣ 70—80 л. умираетъ, истощившись умственно и физически (642 стр.)». Слѣдовательно «одрихлѣвннй» организмъ Византіи не могъ существовать долго, ибо предъ турецкимъ завоеваніемъ — по выраженію автора — онъ представлялъ собою уже «трупъ». Не трудно понять, что авторъ смотритъ односторонне на Византію разсматриваемой эпохи. Намъ кажется, что въ интересахъ объективнаго изложенія этой эпохи слѣдовало бы разъяснить вопросъ не о томъ только, почему Византія пала, но и почему она такъ долго жила, окруженная почти со всѣхъ сторонъ врагами и т. д. А для этого слѣдовало бы обратить болѣе вниманія на тѣ стороны внутренней духовной жизни Византіи, благодаря которымъ не исчезли съ лица земли не только позднѣйшіе

греки, но и другіе связанные съ ними культурно наши единоплеменники. Это фактъ не случайный и потому разъяснить живучесть культурнаго вліанія Византіи столь же желательно, сколько и причины ея паденія. Правда, авторъ не задавался широкими цѣлями изслѣдованія; онъ хотѣлъ представить только «черчки», но, какъ видно изъ его же «Очерковъ», онъ дѣлаеть экскурсіи въ область спеціальныхъ изслѣдованій и потому могъ бы расширить и углубить господствующую точку зрѣнія на историческія судьбы Византіи. Впрочемъ, высказывая свои особыя пожеланія, мы не намѣрепы ослаблять значеніе разсматриваемой книги, какъ труда многосодержательнаго и потому полезнаго для «ознакомленія съ однимъ изъ тѣхъ отдѣловъ церковно-исторической науки, которые очень мало извѣстны по своему содержанію».

Восточный славянинъ.

Обзоръ важнѣйшихъ сочиненій по румынской исторіи, этнографіи и литературѣ за 1891 годъ.

Между новыми трудами по румынской исторіи первое мѣсто безъ всякаго сомнѣнія занимаетъ четвертый томъ «Исторіи румыновъ Траяновой Дакии», сочиненіе яскаго проф. А. Д. Ксенопола (Хенорол). Томъ этотъ обнимаетъ время отъ Матѳея Бассараба, князя Валахіи, и Василя Лупа, князя Молдавіи, до господства въ румынскихъ княжествахъ фанаріотовъ. Первая глава заключаетъ въ себѣ политическую и культурную исторію румынскихъ странъ во времена Матѳея Бассараба и Василя Лупа (1633—1654 гг.); вторая—исторію Валахіи и Молдавіи отъ Матѳея Бассараба и Василя Лупа до Константина Бранкована (1654—1689 гг.); третья—исторію румынскихъ странъ во время господства Бранковановъ (1689—1714 гг.). а четвертая—обзоръ событій отъ Матѳея Бассараба и Василя Лупа до фанаріотовъ. Съ особенною подробностью, въ художественномъ изложеніи, г. Ксенополь останавливается въ этомъ томѣ на эпохѣ Василя Лупа и Матѳея Бассараба, времени возрожденія румынской народности, въ религіозномъ, умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ (Матѳей Бассарабъ основалъ до сорока храмовъ, причемъ послѣднимъ имъ воздвигнутымъ храмомъ былъ «Сариндаръ», т. е. сороковый,—великолѣпное зданіе на главной улицѣ г. Букурешта). При Матѳеѣ Бассарабѣ въ Говорѣ (Govoga), близъ г. Рымника, въ Малой Валахіи, а также въ г. Тырговиштѣ, древней столицѣ Валахіи, неумоимо трудился извѣстный Памва Берында, впоследствии нечерскій инокъ, составитель перваго славяно-россійскаго словаря.

Еще болѣе любопытна въ изложеніи Ксенопола исторія яскаго со-

бора (1642 г. при Василии Лупѣ и Варлаамѣ, митрополитѣ молдавскомъ), на которомъ были представители всѣхъ православныхъ автокефальныхъ церквей и на которомъ одобрено «Православное исповѣданіе» знаменитаго румына, кievскаго митрополита Петра Могилы. Въ этомъ же томѣ дается подробная характеристика румынскихъ лѣтописцевъ (сhronicari): Григорія Уреке, Мирона Костина и Николая Костина, писавшихъ о Молдавіи, — Михаила Моксы, Константина Капитана и Рада Грегана, писавшихъ о Валахіи. Тутъ же представлена прекрасная характеристика румынскихъ ученыхъ: Досиея, митрополита молдавскаго, умершаго въ Москвѣ, 1701 года, до отправления въ Азовъ, куда Петръ Первый назначилъ его митрополитомъ; Ник. Спаарія (Милеску), внослѣдствіи извѣстнаго россійскаго посланника въ Пекинѣ; Дмитрія Кантемира, князя Молдавіи перешедшаго въ Россію послѣ «Прутскаго похода», 1711 года. Весь этотъ томъ, въ которомъ такъ много данныхъ, важныхъ и для Румыніи, и для Россіи, и для греко-турецкихъ и для австрійско-польскихъ отношеній, заслуживаетъ полнаго вниманія со стороны всѣхъ, изучающихъ исторію съ 1633 по 1718 гг., особенно же румыновъ и русскихъ.

Второе мѣсто среди сочиненій по румынской исторіи, вышедшихъ въ 1891 году, занимаетъ четвертый выпускъ перваго тома (въ 600 стр., in folio) «Исторіи Румыновъ» члена румынской академіи наукъ и профессора букурештскаго университета В. А. Уреке, бывшаго министра просвѣщенія (1881—1882 гг.). Этотъ выпускъ заключаетъ въ себѣ время отъ 1784 по 1786 гг., т. е. средній періодъ эпохи господства въ румынскихъ княжествахъ Валахіи и Молдавіи фанаріотовъ (1718—1821 гг.). Эпоха, изучаемая здѣсь г. Уреке, одна изъ самыхъ трудныхъ, и во всякомъ случаѣ одна изъ наименѣе извѣстныхъ, даже въ общихъ чертахъ. Рамки исторіи г. Уреке настолько широки, что въ нихъ вмѣщается не только исторія владѣтельныхъ князей и интригъ изъ-за престоловъ румынскихъ странъ, но и жизнь общественная, культурная и экономическая. Особенно рельефно изобразилъ здѣсь г. Уреке отношенія Австріи и Россіи къ князю Мих. Сутзу, а равно значеніе новаго торгово-политическаго договора Турціи съ Россіею въ 1784 году. Г. Уреке касается главнымъ образомъ внутренней исторіи румыновъ, излагая нравы, обычаи, народныя учрежденія. Наряду съ прежними (до тридцати томовъ) историческими изслѣдованіями г. Уреке, сочиненіе это является крупнымъ вкладомъ въ румынскую историографію съ стороны этого дѣятельнаго ветерана-ученаго

Букурештскіе профессора Г. Г. Точилеску (Tocilescu) и А. І. Одобеску (Odobescu) продолжали въ 1891 году печатать «Матеріалы для

исторіи румыновъ*, имѣющіе составить десять томовъ, отъ имени румынской академіи наукъ, членами которой они состоятъ. Вышедшій въ 1891 г. томъ (въ 900 стр., in folio) касается средневѣковой исторіи румыновъ. Тутъ находится много цѣнныхъ данныхъ и по средневѣковой исторіи грековъ, угровъ, турокъ, болгаръ, сербовъ, поляковъ, русскихъ. Сверхъ того г. Точилеску издалъ въ 1891 г. пространный учебникъ румынской исторіи, самый полный въ нашей литературѣ, доводящій событія съ древнѣйшихъ временъ до 1891 года. Профессоръ же Одобеску собралъ въ трехъ томахъ свои историческія сочиненія, напечатанныя прежде (съ 1855 по 1890 г.г.) въ разныхъ румынскихъ и французскихъ журналахъ: эти сочиненія относятся къ разнымъ эпохамъ румынской исторіи, особенно же къ 1340—1718 годамъ, когда на румынскихъ престолахъ были, главнымъ образомъ, народныя, румынскаго происхожденія, династіи.

Д. А. Стурдза (Sturdza), по порученію академіи наукъ, въ сотрудничествѣ своего брата Георгія Ал. Стурдза и на средства Геннадія (Петреску), епископа арджесскаго (Argeş), въ 1891 году обнародованный томъ «Документовъ, относящихся до возрожденія Румыновъ» (1852—1862 г.). Это обширное изданіе, имѣющее составить 7 громадныхъ томовъ (по 1500 стр., мелкаго шрифта), представляетъ перепечатку разныхъ статей, касающихся сказаннаго предмета, напечатанныхъ въ разныхъ странахъ по-румынски, французски, нѣмецки, англійски и итальянски. Этотъ сборъ статей, принадлежащихъ разнымъ лицамъ разныхъ народностей и классовъ, находится въ тѣсной связи съ «Исторіею» г. Ксенопола. Г. Стурдза продолжаетъ печатать матеріалы и по средневѣковой исторіи румыновъ, собранные покойнымъ буковинскимъ историкомъ, барономъ Евстахіемъ Хурмузаки (Hurmuzaky).

Букурештскій славяновѣдъ Ив. Ив. Богданъ (Bogdan) издалъ въ 1891 г. сочиненіе: «Древнія молдавскія лѣтописи до Уреке». Тутъ мы находимъ немало славянскихъ текстовъ, съ переводомъ ихъ на румынскій языкъ, съ историко-критическимъ обзоромъ и многочисленными подстрочными примѣчаніями. Этимъ изданіемъ г. Богданъ не только значительно дополняетъ покойнаго историка Мих. Когальничана (обнародовавшаго, еще въ 1852 г., три тома румынскихъ лѣтописей) и В. И. Хыждэу (Hacdeu—Румынскій историческій архивъ, т. III-ій, 1867 г.), но и вообще даетъ новые матеріалы по исторіи румыновъ. Изданныя г. Богданомъ лѣтописи обнимаютъ время съ 1359 по 1568 гг., то есть отъ основанія княжества Молдавіи до князя Александра Лапутяна*. Немалый интересъ представляютъ

* Обстоятельный разборъ книги г. Богдана составилъ I. Біанъ (Blanc).

и новыя сочиненія г. Георг. Ионеску, пишущаго подъ псевдонимомъ Жіона (Gion), именно: Людовикъ XIV и Константинъ Бранкованъ» (очеркъ исторіи французской политики на Востоѣ: сочиненіе это заключаетъ въ себѣ много интереснаго и для Россіи, съ которою Бранкованъ былъ нѣкоторое время въ очень хорошихъ отношеніяхъ); «Художественная стихія въ румынскихъ лѣтописяхъ» (тоже интересное сочиненіе для славянъ, такъ какъ почти всѣ древнія румынскія, особенно молдавскія, лѣтописи написаны на славянскомъ языкѣ); «Энтузіазмъ въ прежнемъ румынскомъ поколѣніи»; «Изученіе румынской исторіи въ румынскихъ училищахъ»; «Географія у румынскихъ лѣтописцевъ»; «Путешествія Карла XII. короля шведскаго, въ Валахіи»; «Враги валахскаго князя Михаила Храбраго». Всѣ эти сочиненія важны и для славянъ, особенно русскихъ. Академики Ник. Ионеску, Георгій Сіонъ и Георгій Мисаилъ издали историческія монографіи о временахъ Маттеи Бассараба и Василя Лупа, о Ник. Спааріи (Muleşcu) и о фанаріатахъ. Тутъ не мало интереснаго и по исторіи ново-грековъ, болгаръ, сербовъ и русскихъ.

Много статей по румынской исторіи было напечатано, въ 1891 году, въ яскомъ журналѣ: «Archiva societăţii literare»; въ букурештскихъ журналахъ: «Convorbiri literare» («Литературныя Собесѣдованія»), «Revista nouă» («Новое Обзорѣніе») и «Revista istorică, arheologică, philologică» («Историческое, археологическое и филологическое обзорѣніе»). Въ шестомъ выпускѣ третьяго тома этого послѣдняго журнала, издаваемого съ 1882 г. Гр. Георг. Точилеску, помѣщены между прочимъ статьи: «Anonymus Lugoss'ensis», древнѣйшій словарь румынск. языка, Б. П. Хатдэу; «Исслѣдованія о военной музыкѣ румыновъ» Э. Э. Буреды (Burada) и его же: «Церковь св. Георгія въ г. Кырлэу (близъ Ботошанъ), построенная Стефаномъ Великимъ, княземъ Молдавіи».

Нельзя обойти здѣсь и слѣдующихъ сочиненій по румынской исторіи: «Борьба протестантизма въ Румыніи въ XVII вѣкѣ, въ связи съ яскимъ соборомъ 1842 года», покойнаго († 16 мая 1892 г.) ученаго епископа Рóманскаго Мельхиседека (Стефанеску); далѣе: «Свято-Николаевская церковь, называемая «Ганеску», въ г. Краіовѣ» и «Иконографія»: оба сочиненія принадлежатъ перу ученаго епископа рымникскаго Геннадія (Енагана), воспитанника кіевск. дух. академіи. Упомяну здѣсь и о весьма интересной книгѣ А. Г. Стадницкаго, преподавателя кишиневск. дух. семинаріи, вышедшей въ Кишиневѣ, въ 1891 г. по-русски: «Румыны, получившіе высшее образованіе въ русскихъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ». Она составлена отчасти и по румынскимъ источникамъ, сообщеннымъ г. Стадницкому пишущимъ эти строки. «Рѣчь, произнесенная въ румын-

скомъ сенатѣ, 17 декабря 1890 г., епископомъ хушскимъ Сильвестромъ (Баланеску)», вышедшая въ 1891 г. отдѣльной брошюрой (въ 24 стр.), заключаетъ въ себѣ не мало цѣнныхъ данныхъ для церковной исторіи румыновъ. «Записка румынскихъ университетскихъ (букурештскихъ и ясскихъ) студентовъ относительно состоянія румыновъ въ Австро-Угріи», вышедшая въ 1891 году въ г. Букурештахъ, на румынск., французск. и нѣмецк. яз., представляетъ много цѣнныхъ данныхъ для прошлой и настоящей исторіи румыновъ; она вызвана мадьярскимъ преслѣдованіемъ румыновъ, которое еще въ большихъ размѣрахъ проявилось и въ 1892 году.

По этнографіи въ 1891 году напечатано въ Румыніи сравнительно немного. Между сочиненіями этого рода особенно замѣчательны: «Свадьба румыновъ» Фл. V. Маріана; «Путешествіе въ Валахію» и «Свадьба у румыновъ» дѣвицы Елены Севастось; «Свадьба въ Шкеѣ» (Трансильванія) Георг. Питиша (Pitis); «Путешествіе къ заднѣстровскимъ румынамъ» (Херсонск. губерніи) Ѳ. Ѳ. Буреды; «Путешествіе къ куцовлахамъ» (или румынамъ македонскимъ, ессалийскимъ и эпирскимъ) его же; «Путешествіе по южной Бессарабіи. Георг. Сіона; «Путешествіе по Болгаріи» и «Путешествіе по Буковинѣ» епископа Мельхиседека. Нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій, вышедшія раньше (г. Сіона—въ 1859 году, г. Буреды—въ 1887 г., еп. Мельхиседека—въ 1883 и 1884 гг.) только переизданы въ 1891 г. Заслуживаетъ вниманія сочиненіе г. Розетти: «О земельной собственности въ средней Молдавіи», представляющее много интересныхъ данныхъ не только для исторіи, археологіи, права, но и для этнографіи. Сюда же относится сочиненіе М. Н. Паку (Pacu): «Историко-географическое описаніе г. Галлаца и Ковурлуйскаго уѣзда» (въ трехъ томахъ), а равно переизданное недавно сочиненіе А. Г. Одобеску: «Княгиня Кіажна» (бытовая повѣсть XVII вѣка).

По литературѣ вышло въ 1891 г. въ журналахъ и газетахъ въ Румыніи немало сочиненій и статей, но конечно гораздо менѣе, чѣмъ по политикѣ.

Вотъ болѣе замѣчательныя изъ литературныхъ произведеній, напечатанныхъ въ Румыніи въ 1891 г. Глава нашихъ беллетристовъ Б. Стефанеску (изъ Вранги, близъ Фокшанъ) переиздалъ (въ III тт.) свои бытовыя повѣсти: «Sultanica» («Султанша»), «Trubadurul» («Трубадуръ») и «Sinisce» («Спокойствіе»). Онѣ имѣютъ въ Румыніи очень широкій кругъ читателей. Другой талантливый нашъ поэтъ, Ал. Влахуцъ, переиздалъ томъ своихъ повѣстей (nouvelle) и стихотвореній (poesii). Ѳеод. Сперанца (Sperantza) напечаталъ второй томъ народныхъ анекдотовъ (anecdote populaire), важныхъ для характеристики не только румыновъ, но и окружающихъ

ихъ народовъ. Г. Жюнь обнародовалъ романъ *Astra* («Крѣпость») и повѣсти Карменъ Сильвы (т. е. Елисаветы, королевы румынской), а равно составилъ обстоятельный учебникъ румынской поэтики. Г. Хыж-деу переиздалъ нѣкоторыя изъ своихъ историческихъ драмъ, каковы: «Разванъ воевода», «Юаннъ воевода» и др. Г. Уреке издалъ полное собраніе своихъ драматическихъ сочиненій, въ пяти томахъ. Румынскій драматургъ Караджили (*Caradily*) переиздалъ цѣлый рядъ своихъ драматическихъ произведеній: «Бурная ночь» («*Noptea fortunosă*»), «Потерянное письмо» («*Scrisorea perdută*») и др. и издалъ нѣсколько новыхъ. Къ сожалѣнію, румынская сцена и драматургія понесла тяжелую утрату въ лицѣ скончавшихся одинъ за другимъ Григорія Манолеску (*Manolescu*), Лукіана, Владическу и Микера, — самыхъ яркихъ свѣтилъ румынскаго театра и лучшихъ представителей нашей драматической литературы.

Изданы стихотворенія покойнаго поэта-князя Конаки (Вогоридеса), а равно покойныхъ поэтовъ: Вас. Александра, М. Денарацану, Гр. Александреску, Болинтиняну. Но всего роскошнѣе изданы стихотворенія безвременно погибшаго нашего поэта М. Епинеску съ предисловіемъ академика Т. Л. Маioresку, лучшаго изъ нашихъ литературныхъ критиковъ. Г. Сионъ переиздалъ собраніе своихъ басенъ (*Fabule*), а равно «Современныя воспоминанія» («*Amintiri contemporane*»), интересныя для исторіи литературы и этнографіи, выходявшія съ 1845 года и до настоящаго времени. Онъ же перевелъ съ греческаго и французскаго языковъ и напечаталъ въ Будапештѣ пять драматическихъ произведеній. Дѣвица Елена Севастось издала «Молдавскія пѣсни», а И. М. Каняну — «Народныя пѣсни, собранныя и напечатанныя такъ, какъ онѣ произносятся народомъ». Профессоръ Денсущинъ напечаталъ «Литературныя изысканія» и «Исторію румынской словесности». Б. министръ Ник. Гане издалъ томъ своихъ стихотвореній и переиздалъ три тома романовъ и повѣстей. Изданъ также второй томъ повѣстей даровитаго румынскаго писателя Крянга (*Creanga*), успѣвшаго напечатать при жизни только первый томъ своихъ сочиненій. Э. М. Стенеску (*Stenescu*), редакторъ-издатель «Литературнаго Обзорнія», издалъ пятый томъ своихъ сочиненій, заключающій стихотворенія; въ прежнихъ же томахъ напечатаны: повѣсти, оперетки и критическія статьи. По народной румынской словесности много написано б. министромъ Д. Г. Теоодореску (*Theodorescu*). Онъ издалъ между прочимъ народныя пѣсни (громадный томъ въ 1000 стр., *in folio*), напечаталъ рядъ изслѣдованій о румынскихъ пѣсняхъ, сказкахъ, басняхъ, и составилъ «Исторію румынской словесности». Д-ръ Гастеръ (*Gaster*) обнародовалъ два тома румынской хрестоматіи, изслѣдованіе о румынскихъ былинахъ и два тома ру-

мынскихъ апокрифическихъ народныхъ сказаній. Г. Филиппиде издалъ «Исторію румынской словесности въ XVIII вѣкѣ» и продолжаетъ далѣе это изслѣдованіе. Г. Ив. Надежде (J. Nadejde) напечаталъ огромный томъ «Исторіи румынской словесности» и много критическихъ замѣтокъ по литературѣ, главнымъ образомъ въ журналѣ «Современникъ» («Contemporanul»), который онъ издавалъ втеченіе семи лѣтъ. Много статей литературнаго содержанія печатается въ румынскихъ журналахъ и газетахъ, особенно же въ нижеслѣдующихъ бухарештскихъ изданіяхъ: «Revista nouă», «Convorbiri litterare». «Revista Litterară», «Litteratorul» (издаваемомъ извѣстнымъ румынскимъ поэтомъ Александр. Македонскимъ), а равно и въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ, какъ напр. «Revista Olteană» («Ольтское Обозрѣніе», изд. въ г. Краіовѣ), «George Lazar» (въ г. Бырладѣ). «George Asaky» (въ г. Пятрѣ), «Albina» («Пчела» въ г. Ботошанахъ). И въ Галацѣ, главномъ портѣ Румыніи, а также въ Браилѣ—второмъ румынскомъ портѣ, до послѣдняго времени издавались литературные журналы, но теперь они прекратили свое существованіе, будучи поглощены торгово-промышленными интересами большинства мѣстныхъ жителей. Что касается румынскихъ сочиненій, напечатанныхъ внѣ Румыніи, то о нихъ я надѣюсь сообщить въ другой разъ.

Бухарешты,
15 (27) августа. 1892 года.

Георгій Самуричъ.

18 окт. въ Бозѣ почилъ вдовствующая королева виртембергская **Ольга Николаевна** (род. 30 авг. 1822 г.); 13 юля 1816 г. сочеталась бракомъ съ наследн. принцемъ Карломъ-Фридрихомъ-Александромъ, вступившимъ на престолъ въ 1873 г. Она оставила по себѣ память женщины выдающагося ума, добраго сердца и истинной благотворительницы.

— 7 сент. скончался на 93 г. жизни с.-петербургскій **Митрополитъ Исидоръ**, первенствующій членъ св. синода, почетн. членъ многихъ учен. и благотворительныхъ обществъ и главный посылитель и предсѣдатель имп. челоѡколюбиваго общества и проч., 32 года стоявшій во главѣ іерархіи прлв. русск. помѣстной церкви, какъ блюститель вѣры и благочестія, порядка и мира въ ней. Жизненное значеніе его въ нашей церкви еще надолго продлится, такъ какъ онъ избралъ или хиротонисовалъ болѣе ста епископовъ, которые чтили этого іерарха-іерарховъ, какъ своего духовнаго отца. Изумительно и поучительно долготѣіе почившаго, при постоянно многотрудной и отвѣтственной почти 70-лѣтней дѣятельности: до послѣднихъ дней жизни онъ сохранилъ необыкновенную крѣпость силъ и ясность сознанія! Черты личнаго счастливаго характера м. Исидора: спокойствіе, ровность, доброта, простота, благожелательность всецѣло отразились и на характерѣ его управленія подвѣдомственными ему епархіями. Просвѣщенный іерархъ-администраторъ съ проницательнымъ умомъ, челоѡкъ по преимуществу здраваго разсудка и практической обдуманности, онъ съ необыкновеннымъ тактомъ поддерживалъ, въ періодъ реформъ, равновѣсіе въ церковной области, всегда находилъ способы примирять увлеченія и рѣзкія противорѣчія между христіанскимъ идеаломъ церковно-общ. жизни и «современными вѣяніями» въ ней. Онъ не терялся и при внезапныхъ исключительныхъ обстоятельствахъ. Избѣгая кругихъ мѣръ, почившій іерархъ былъ чуждъ крайностей и борьбы за сохраненіе въ ц. жизни или проведеніе въ нее тѣхъ или другихъ началъ; «бѣ миренъ», онъ не противостоялъ, правда, и тѣмъ реформамъ въ ней, которая иногда отчасти противорѣчили ея строю. Менѣе всего его занимала политика. Но тѣмъ не менѣе почившій предстоитель русск. церкви равностно и авторитетно охранялъ лучшія преданія церковной жизни въ Россіи и сочувствовалъ необходимымъ улучшениямъ въ ней. Онъ никогда не мѣшалъ никакимъ добрымъ начинаніямъ. Того же примирительнаго направленія м. Исидоръ держался и въ сношеніяхъ р. церкви съ восточными церквями и патріархами (въ частности въ греко-болгарскомъ вопросѣ). Обладая живымъ, легко воспримчивымъ умомъ, м. Исидоръ любилъ духъ просвѣщенія, слѣдилъ за д. литературою и содѣйствовалъ свободному развитію у насъ богословской науки. Онъ принималъ самоличное и руководительное участіе въ пере-

водѣ св. писанія на русск. языкѣ. Въ 1876 издалъ свои «Слова и рѣчи», отличающіяся простотою и теплою чувствъ. Въ 1880 годахъ онъ пожертвовалъ спб. д. академіи часть изъ собранія своихъ бумагъ (между прочимъ переписку свою съ м. Филаретомъ). Это былъ архипастырь, неизмѣнно добрый и снисходительный къ человѣческимъ слабостямъ; «миръ во злѣ лежитъ» и потому никакое зло въ мирѣ не удивляло его. Обладая громаднымъ опытомъ въ церковномъ управленіи, м. Исидоръ служебный долгъ считалъ главною задачею своей жизни. Онъ необыкновенно много и усердно работалъ, и притомъ лично исполняя лежащія на немъ обязанности. Аккуратность его изумительна и общеизвѣстна; болѣе сутокъ онъ обыкновенно не задерживалъ ни одной бумаги изъ массы, ежедневно и отовсюду стекавшихся къ нему. Особенно любилъ онъ заниматься епирх. дѣлами; наибольшія заботы его привлекали д. училища, богадѣльни и монастыри. Попеченіемъ почившаго устроены Ал.-Невскій Домъ призрѣнія бѣдныхъ дух. званія и женское училище при немъ. На пожертвованныя м. Исидоромъ средства были сооружены женск. училища въ 6. имѣніи Державина «Званкѣ» и при ж. деревяницкомъ монастырѣ въ новг. губ.

Митр. Исидоръ род. 1 окт. 1799 г. въ с. Никольскомъ, каширск. у., тульск. г. уб.; сынъ діакона; въ мирѣ—Іаковъ Никольскій. По завершеніи своего богословскаго образованія въ спб. д. академіи въ 1825, онъ былъ оставленъ при ней профессоромъ, съ постриженіемъ въ монашество; въ 1827—архимандритъ, ректоръ орловской д. семинаріи, а въ 1833—московской; въ 1834—еп. Дмитровскій, викарій моск. еп. (при м. Филаретѣ); въ 1837—управляющій полоцкою, а съ 1840—могилевской епархіями; здѣсь скоро былъ возведенъ въ санъ архіепископа; съ 1844—епархіальный карталиинскій и кахетинскій, съ званіемъ члена св. синода и экзарха Грузіи; въ 1856—возведенъ лично въ санъ митрополита; въ 1857—митрополитъ кievскій и галицкій; въ 1860—митрополитъ новгородскій, с.-петербургскій и финляндскій. При коронаціи импер. Александра II м. Исидоръ участвовалъ съ др. епископами; при вѣнчаніи же на царство Имп. Александра III. почившій святитель, какъ старѣйшій изъ іерарховъ, благословилъ его царскій вѣнецъ и совершилъ надъ Царственною Четвою миропомазаніе. Кромѣ высшихъ орденовъ, драгоцѣнныхъ панагій и архипастырскаго посоха, осыпаннаго драгоцѣнными камнями, м. Исидоръ былъ почтенъ самою высокою д. наградою—отличіемъ патріаршаго чина: во время богослуженія предъ нимъ было предношеніе патріаршаго креста. Въ предѣловъ Россіи память первосвятителя русской церкви почтили молитвеннымъ воспоминаніемъ о немъ и изъясненіемъ ей искренней скорби и прав. вост. церкви.

3.

10 окт. 1892.

— 24 сент. въ Чернышевскомъ скверѣ открытъ памятникъ Ломоносову. По рисунку городского архитектора Лыткина вытѣпленъ бюстъ и барельефъ скульпторомъ Забѣлло, сдѣланъ изъ бронзы на фабрикѣ Моранъ, пьедесталь—мастеромъ Гвиди, подъ наблюденіемъ члена Управы Н. Л. Бенуа. Барельефъ взятъ съ картины Венеціанова, которая, по преданію, изображаетъ Ломоносова покидающимъ родину.

Надпись:

1) «Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. Родился близъ Холмогоръ въ 1711 г., скончался въ С.-Петербургѣ 4-го апрѣля 1765 года».

2) «Неводъ рыбакъ разстилалъ по берегу студенаго моря;

Мальчикъ отцу помогалъ. Отрокъ, оставъ рыбака,

Мрежи инья тебя ожидаютъ, инья заботы:

Будешь умы уловлять, будешь помощникъ царямъ.

Пушкинъ».

Слав. Овозръше. 1892. Т. II, кн. 10.

8

«Воздвигнуть въ 1892 году С.-Петербургскимъ городскимъ общественнымъ управленіемъ». Городомъ ассигновано было 7100 руб. Кроме того въ этотъ день памяти М. В. Ломоносова посвящены два гор. училища (мужское и женское) на домъ, гдѣ скончался Ломоносовъ, поставленъ лоска.

Кстати вспомнить, что рязне Ломоносову были поставлены памятники: первый на могилѣ его въ А.-Невск. лавръ; въ 1832 г.; 25 июня неудачный памятникъ въ Архангельскѣ: народъ не понималъ аллегорій его. Не особенно удаченъ также памятникъ Л—ву, поставленный въ 1876 г. въ Москвѣ, на университет. дворѣ. Имя Ломоносова увековѣчено помѣщеніемъ его изображеній на памятникѣ 1000-лѣтія Россіи, открытомъ въ Новгородѣ 8 сент. 1862 года.

— Къ 6. юбилею преп. Сергія Радонежскаго моск. митрополитъ Леоній издалъ фототипіей хранящейся въ чудовомъ монастырѣ, въ драгоценномъ ковчегѣ, **Новый Заветъ** въ переводѣ митроп. Алексѣя, друга и наставника Сергія.

— 25 сент. состоялось публичное засѣданіе Академіи наукъ по поводу 34-го присужденія награды гр. Уварова. Изъ 11 представленныхъ на конкурсъ сочиненій удостоены большой награды соч. А. Н. Пытина: *Исторія русской этнографіи*. 4 т. Спб. 1890—1; и малой преміи: соч. Е. С. Шумигорскаго: *Императрица Марія Θεодоровна (1759—1828)*, т. I, и С. М. Середонина за изслѣдованіе: «Сочиненіе Д. Флетчера: *Of the Rouse: Common Wealth*; какъ историческій источникъ. За раздачею всѣхъ предназначенныхъ денежн. наградъ, приурочены только почетные отзывы: А. С. Архангельскому (Творенія отцовъ церкви въ др. русской письменности) и К. А. Докучаеву-Баскову (Подвижники и монастыри крайняго сѣвера).

— Празднованіе курляндскими латышами знаменательнаго для нихъ дня (30 авг. 1817) освобожденія ихъ отъ крѣпостной зависимости, хотя и безъ надѣла землю, съ каждымъ годомъ принимаетъ болѣе торжественный и народный характеръ. Центромъ празднествъ стала Митава. Изъ всѣхъ уголковъ Курляндіи, Риги, даже изъ Петербурга и Москвы, прибываютъ въ Митаву ежегодно къ 30 авг. курл. латыши; въ этомъ году ихъ собралось до 10 т.

— 3 октября исполнилось 150 л. со дня рожденія русскаго писателя Якова Брисиовича Ильямина, трагедій и комедій котораго пользовались успѣхомъ: на придворныхъ сценахъ въ цар.—е Екатерины II. Онъ былъ между прочимъ членомъ Академіи Н., трудился надъ составленіемъ «Словаря», сотрудничалъ въ акад. «Собесѣдникѣ». Напечатанную уже послѣ смѣрти К. трагедію «Владимъ кн. Новгородскій» сенатъ опредѣлилъ съечь публично. Умеръ въ 1799 г. На могильномъ памятникѣ его на смол. кладбищѣ надпись: «Творенія его Россія не забудетъ! Онъ былъ и нѣтъ его—онъ есть и вѣчно будетъ».

— 18 октября въ г. Елисаветградѣ, на петровскомъ кладбищѣ, въ присутствіи депутаціи отъ учен. общества, состоялось торжественное открытіе надгробнаго памятника знаменитому славяновѣду В. И. Григоровичу (описанію этого торжества будетъ посвящена особая статья въ нояб. кн. «Слав. Обозрѣнію»). Въ Спб., по почину проф. В. И. Ламанскаго, предварившаго объ елисаветградскомъ торжествѣ задушевною статью («Памяти В. И. Григоровича», «Нов. Вр.» № 4978) въ университетской церкви была отслужена панихида по Викторѣ Ивановичѣ.

— 19 октября въ Академіи Наукъ происходило 6-е присужденіе Пушкинскихъ премій и чтенія, посвященныя памяти кн. П. А. Вяземскаго и П. А. Плетневъ. Поощрительная премія въ 300 р. присуждена Л. И. Поливанову за его стихотворный переводъ трагедіи Расина: «Геообліа (Athalfe)». М. 1892. Переводчикъ—авторъ многихъ пособій по рус. языку; онъ также напечаталъ вѣкомъ изданіе Пушкина и монографію о Жуковскомъ. Рѣчь о Вяземскомъ произнесъ академикъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, о Плетневѣ—академикъ Л. Н. Майковъ.

Известия Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, II, съ карти, издавъ подъ редакціи А. А. Тилло, И. Я. Мухоморова и сика. общ. А. В. Григорьева, заключаетъ въ себѣ обзоръ ученыхъ работъ членова общества за 1890 годъ въ областяхъ геологии, метеорологии, гидрографіи, океанографіи, флоры и зоогеографіи, и проч.

Вышло Полное (3-ье изданіе) Собраніе сочиненій Т. Н. Грановскаго.

Вышесть экономическій этюдъ Е. И. Ламанскаго, подъ заглавіемъ: «Индія, посвященный изслѣдованію тѣмныхъ неурожаевъ и мѣръ борьбы съ ними.

Въ «Русской Старинѣ» печатаются «Воспоминанія» А. Л. Зеланды о польскомъ возстаніи и войнѣ 1860—21 г., а въ «Историч. Вѣстникѣ» — Воспоминанія Т. Ягмина о польскомъ возстаніи 1868 г.

Въ «Кіевской Старинѣ» въ выпискахъ извѣстнаго Садикъ-паши (Чайковскаго) помѣщены между прочими главы съ описаніемъ быта и нравовъ въ Турціи сохранившихъ цѣлкомъ своей русской обликъ.

Императорское Общество исторіи и древностей російскихъ объявило конкурсъ на соисканіе премии за изслѣдованіе о «градоначальствованіи князя Дм. Влад. Голицына въ Москвѣ». Условія: 1) изслѣдователя должно представить исторію Москвы въ періодъ главноначальствованія князя Голицына и описать съ надлежащею полнотою дѣйствія и распоряженія князя для внѣшнлаго украшенія и внутренняго благоустройства города; 2) сочиненіе должно быть основано на фактахъ и написано съ безпристрастіемъ и отчетливостію; 3) срокъ представленія сочиненія — 1-е сент. 1893, и 4) если сочиненіе будетъ удостоено награды, то изслѣдователь обязывается напечатать свой трудъ въ продолженіе года со дня присужденія награды. Премію составляетъ весь пожертвованный для этой цѣли капиталъ, съ выросшими на него по день выдачи процентовъ, въ настоящее время достигавшій 2,000 рублей.

— 1 дек. с. г. истекаетъ 100 лѣтіе со дня кончины извѣстнаго писателя екатерининской эпохи Фомы-Визина.

— Ростъ населенія главныхъ русскихъ городовъ за періодъ отъ 1859 по 1892 г. выражается въ слѣдующихъ цифрахъ (въ тысячахъ):

	Въ 1859 г.	Въ 1892 г.
С.-Петербургъ	520 т.	1,001 т.
Москва	386 »	808 »
Варшава	161 »	505 »
Одесса	104 »	304 »
Кіевъ	60 »	201 »
Рига	72 »	190 »
Харьковъ	48 »	188 »
Саратовъ	65 »	165 »
Лодзь	29 »	150 »
Кишиневъ	85 »	144 »
Казань	60 »	140 »
Вильна	51 »	130 »
Ташкентъ	50 »	120 »
Тифлисъ	40 »	105 »
Ростовъ	40 »	102 »
Бердичевъ	51 »	101 »
Итого	1,823 т.	4,354 т.

Изъ таблицы видно, что быстрѣе всѣхъ городовъ разросся г. Лодзь, затѣмъ Кіевъ и Харьковъ, далѣе Варшава и Одесса.

— Изъ отчета о дѣятельности центр. выдѣла Общества имени Мих. Качковскаго за 189^{1/2} административный годъ, доложеннаго его предсѣдателемъ Б. А. Дѣдичкимъ общему собранію членовъ въ г. Стрыѣ, узнаемъ, что въ отчетномъ году издано 11 книжекъ церковно-историческаго, поучительнаго и сельско-хозяйственнаго содержанія, со включеніемъ календаря на 1893 г. Печатаются эти книжки въ количествѣ 5,500 экз., а календарь 7,007 экз. и расходятся не только по всей Галичинѣ, но и въ червонорусскихъ колоніяхъ въ Америкѣ. Состоящій при «выдѣлѣ» Общества «комитетъ народныхъ читаленъ» продолжаетъ организацію таковыхъ и снабжалъ ихъ своими изданиями. Выработанъ проектъ «Общества ссыповъ сбожи» (запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ). Принимались мѣры для обороны традиціоннаго русскаго правописанія, противъ революціонныхъ затѣй фонетистовъ. Кое-что сдѣлано для распространенія въ народѣ трезвости. Обсуждался вопросъ о сляніи Общества Качковскаго съ Галицко-русской Митіею, но рѣшенъ отрицательно. Число членовъ Общ. Качковскаго восходитъ до 5,476. Отчетъ констатировалъ постепенное улучшеніе галицко-русскаго крестьянства, развитіе въ немъ грамотности, трудолюбія, благочестія, трезвости. Не малая доля заслуги въ томъ принадлежитъ именно Обществу Качковскаго.

Что касается матеріальныхъ средствъ этого Общества, то доходъ его простирался въ отчетномъ году до 7,762 гульд., въ томъ числѣ: членскихъ взносовъ 3,824 гульд. и отъ продажи книжекъ 2,404 гульд. Расходы же достигли 7,207 гульд. главнымъ образомъ по изданію книжекъ и календарей.

— «Галицкая Русь» сообщаетъ, что эмигрировавшій изъ Россіи польскій епископъ Феликсій живетъ теперь въ имѣніи графини Козебродской въ с. Званицѣ, борщовскаго уѣзда, и пользуется своимъ вліяніемъ на графиню во вредъ ненавистныхъ ему мѣстныхъ русскихъ. Если ему такъ противно все русское, то почему бы ужъ епископу не отказать и отъ русской пенсіи, получаемой имъ за службу въ Россіи?

— Въ видѣ курьеза приведемъ текстъ кантаты, составленной львовскимъ учителемъ Вахняниномъ къ предполагаемому было, но не состоявшемуся пріѣзду императора Франца Иосифа во Львовъ:

«Честь и поклонъ, вѣрны сердца, щирю любовь
 Несемъ Тебѣ въ даръ, Королю нашъ!
 Гей Бескиде, Черногоро,
 Громомъ радости греми!
 И ты Днѣстрѣ, Словутце,
 Волны твои рости!
 Сяне, Бугу, русски струи
 Славы пѣсню голосятъ!
 Бодрыхъ предковъ Галичане
 Со поклономъ поспѣшатъ.
 Въ Льва городѣ днесъ витають
 Щить крѣпкій правъ, свободы.
 До житя Онъ насъ зываетъ,
 Воскресенія отчины.
 Съ щиро-русской теплою груди
 Въ честь Его най пѣснь звенить.
 Королеви и Габсбургамъ
 Най Господь благословить!

Прозаяческое содержаніе кантаты доказываетъ, что тема не могла особенно воодушевить львовскаго виршеслагателя.

— Въ послѣднія 10 л. польскій элементъ возросъ въ буковинской столицѣ Черновцахъ на 29%, а именно теперь въ этомъ городѣ на 54 т. жителей приходится: 7,5 т. румыновъ, 10,3 т. русскихъ, 27,2 нѣмцевъ съ евреями и 7,6 т. поляковъ. Между послѣдними много монаховъ и монахинь, орденовъ: урсулинокъ, фелицианокъ и особенно **езуитовъ**. На средства послѣднихъ сооружается теперь въ Черновцахъ громадный костелъ «Сердца Иисусова». Этому опасному распространенію полонизма и латинства могъ бы положить предѣлъ лишь тѣсный союзъ русскихъ съ румынами.

— Въ «Курьерѣ Варшавскомъ» напечатана статья г. Ольшевскаго о проектѣ бар. Гирша выселенія въ Америку изъ Россіи въ теченіи 25-лѣтъ 3½ мил. евреевъ. Выселеніе это, по мнѣнію автора, не улучшитъ существенно дѣла, ибо число русскихъ евреевъ и теперь значительно больше 3½ мил., вѣроятно доходятъ до 5 мил., черезъ 25 лѣтъ же, при быстромъ ихъ размноженіи, число евреевъ возрастеть до 8½ мил.; слѣдовательно убыль даже 3½ мил. не измѣнитъ нынѣшняго громаднаго ихъ числа (5 мил.). Нужно слѣд. избрать другой путь разрѣшенія русско-еврейскаго вопроса, напр. сократить срокъ выселенія евреевъ въ Америку и другія заморскія колоніи, либо увеличить число ежегодно выселяемыхъ по меньшей мѣрѣ вдвое. Сверхъ того слѣдовало бы обратить вниманіе на возможность ассимиляціи евреевъ мѣстными населеніями, при помощи школъ, а еще болѣе — распространенія между евреями христіанства и слѣд. смѣшанныхъ браковъ съ коренными населеніями западной Россіи и Польши.

— По статистическимъ даннымъ 1890 г., въ г. Краковѣ насчитано 69 т. д., съ войскомъ же 74,6 т. Изъ нихъ: 72% христіанъ и 28% евреевъ. Греко-уніатовъ было всего 593 ч., а лютеранъ 540 ч. Домашнимъ языкомъ считался польскій для 94% (съ войскомъ—91%), а нѣмецкій—5,5% (съ войскомъ—7%). Изъ этого видно, что большинство евреевъ объявили своимъ домашнимъ языкомъ польскій, хотя на дѣлѣ они говорятъ въ семьяхъ своимъ испорченнымъ нѣмецко-еврейскимъ жаргономъ. Число безграмотныхъ составляло все еще 19% общаго гражданскаго населенія города.

— Краковскій проф. Станиславъ Смолька отыскалъ недавно въ одномъ изъ австрійскихъ архивовъ Меморандумъ сената Пилотти начала 1791 г. по польско-австрійскимъ дѣламъ. Изъ него оказывается, что пресловутая конституція 3 мая была выработана и объявлена въ Варшавѣ по соглашенію съ австрійскимъ императоромъ Леопольдомъ. Такимъ образомъ конституція эта является какъ бы прообразомъ той новоавстрійской конституціи, каковую галицкіе поляки получили отъ имп. Франца Іосифа и благодаря которой они могутъ теперь вотъ уже 25 л. насильственно полячить и латынить Червонную Русь...

— Въ Познани уже второй годъ издается ежемѣсячникъ: *Pobudka do szerzenia wstrzeмиęliwosci*, посвященный исключительно распространенію въ народѣ трезвости, подобно нѣмецкому журналу: *Internation: le Monatschrift zur Bekämpfung der Trinksitte*. Главнымъ сотрудникомъ познанскаго журнала является самъ редакторъ д-ръ Цѣлиховскій. Годовая плата—80 кр. (т. е. 60 коп.). Изъ австро-русскихъ изданій всѣхъ усерднѣе борется съ алкоголизмомъ вѣнская «Русская Правда», издаваемая буковинцемъ Григ. Купчлнкомъ.

— Въ галицко-польскихъ газетахъ опубликовано характерное письмо, полученное «мистромъ Матейкомъ» изъ Америки отъ нѣкоего «родака» Ф. Ц. Кошцискаго по поводу реставраціи храма на Вавель. Заимствуемъ изъ этого письма нѣжеслѣдующія строки: ... Г. Матейко!... Вы гораздо хуже и ничтожнѣе самихъ Станчиковъ (т. е. краковскихъ клерикаловъ и феодаловъ). Знай, что мы скоро доживемъ времени, когда не только безполезныя стѣны Св. Духа, но и

свѣнн самаго Вацлава будуть разрѣшены малой школоу развалинахъ; будеть воздвигнута статуя польскаго Вашингтона или Гамбетты; снѣтъ и др. (См. въ архивномъ архивѣ Гр. Войтѣхъ Дѣдушцкаго издавъ въ Львовѣ книжку: *Člady a muševnictví* (1892 г.), гдѣ въ оной разсмотрѣна внѣшняя система польскаго воспитанія и образованія, главнымъ образомъ въ Галичинѣ; указавъ ей недостатки и указавъ свой взглядъ на ихъ устраненіе). Авторъ стоитъ на феодально-клерикальной почвѣ, но не выкрываетъ глазъ изъ демократическія звѣзды нашего времени, подготавлиющія новое будущее.

— Къ пяти прежнимъ чешскимъ ежедневнымъ газетамъ въ Америкѣ (3 въ Чикаго и 2 въ Нью-Йоркѣ) теперь прибавило еще двѣ: одна Клевовацка (Vojnovst); и 2 въ Миловоки (подъ ред. Грегра-сына). Что касается чешскихъ еженедѣльныхъ и еженеделничныхъ, то ихъ выходитъ въ Америкѣ до 20. Съ будущей весной въ Омае предложено издавать жанаплійскомъ языкѣ «Чешскій Голосъ» (*The Bohemian Voice*); подъ ред. Т. Чанка.

— По официалнымъ даннымъ, въ Вѣнѣ насчитывается до 10,000 чешскихъ учениковъ въ промышлейныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Не менѣе 5,000 чешскихъ юношей отправляется ежегодно въ Вѣну для образованія. Въ послѣднее время принимаются мѣры для сохраненія этой массы чешской молодежи по мѣрѣ возможности въ промышлейныхъ заведеніяхъ.

— Въ Оломуцѣ ум. 8 (20) авг. с. г. на 79 л. жизни мѣстный архіерископъ кард. Фюрстенбергъ. Онъ былъ уроженецъ города Вѣны и хотя дѣтъ 50 служилъ въ Моравіи, однако во все не чувствовалъ себя моравяниномъ, да наоборотъ — немцемъ, еще же болѣе католикомъ и австріакомъ. Онъ между прочимъ завелъ латинскій языкъ въ официальное употребленіе діоцезанальныхъ учреждений; предалъ училищамъ кромѣ рижской семинаріи посѣщать гимназію въ Бѣлицкуду а не чешскую; наравливалъ славянское значеніе велеградскаго юбилея 1885 г.; отдавъ іезуитамъ велеградскій монастырь; запрещалъ моравскимъ депутатамъ извѣстивъ о ратовать въ рейхсратѣ за славянско-народныя дѣла; — словомъ; былъ скорее ученикомъ и послѣдователемъ нѣмца Вихинга, чѣмъ св. Меводія своего отдаленнаго предѣстника на моравской архіерископскій. Но въ частной жизни покойный отличался скромностію и благотворительностію. Своимъ состояніемъ онъ завѣщавъ на благотворительныя дѣла. Въ преемники архіерископа избранъ каноникъ Конь, котораго считаютъ чешскимъ патриотомъ, хотя по отцу онъ изъ евреевъ.

— Извѣстный моравскій этнологъ Фр. Бартошъ издавъ, п. з. *Moravskú lidá*, сборникъ своихъ мелкихъ статей по моравской этнографіи. Сюда вошли статьи: Обряды и праздники годового круга; Простонародный календарь; О поздравленіяхъ и другихъ приемахъ въжливости моравскаго поселянни; Старый Винцура о жизни чешскаго ткача; О народныхъ костюмахъ (упадокъ оригинальности); Хлѣбъ въ понятіяхъ и обычаяхъ народа. Въ этихъ статьяхъ много новыихъ матеріаловъ, взятыхъ прямо изъ устъ или быта моравскаго простонародья.

— Музейныя общества въ Бернѣ моравскомъ и Оломуцѣ задумали издать соединеннымъ силами подробное «Моравское отечествовѣдѣніе», которое будетъ обнимать: 1) систематическое описаніе Моравіи въ физическомъ, этнологическомъ и историческомъ отношеніяхъ и 2) детальное описаніе отдѣльныхъ округовъ края. Изданіе должно состоять изъ 7—8 томовъ по 60 печ. л. въ каждомъ; т. е. приблизительно равняться двумъ сериямъ устарѣвшей уже Топографіи Моравіи Григорія Вольфаго. Новое отечествовѣдѣніе будетъ, предположительно, издаваться съ 1894 по 1900 г. Въ немъ примуть участіе всѣ лучшія силы моравской духовной и свѣтской интеллигенціи.

— Молодой и даровитый чешскій лирикъ І. С. Махаръ издавъ недавно въ

Прага: «*Třetí knihy lyricku*» (1892). Это, последняя часть той поэтической трилогии, первые две части которой были озаглавлены: 1) *Confiteor* и 2) *Bez písní*. Лирика Махара имѣетъ автобиографическій характеръ и эротическое главнымъ образомъ содержание, съ сильной дозой рефлексіи и ироніи, нѣсколько пессимистическаго направленія. Тѣми же достоинствами искренности чувства и мѣткостью выраженія отличается и его «*Pélé-méle*» (Прага, 1892), сборникъ мелкихъ и отрывочныхъ стихотвореньицъ.

— Въ словенскомъ Ружомберкѣ (Rosenberg) вышелъ сборникъ стихотвореній молодого поэта Сомолицкаго (Somolického): *Na svite* (на разсвѣтъ). Стихотворенія эти большею частію эротическаго содержания, но въ народномъ стилѣ и духѣ. Цѣна 60 кр.

— 29—31 августа н. с. въ Люблянѣ состоялся первый словинскій католическій съѣздъ, въ присутствіи двухъ архіепископовъ, люблянскаго и мариборскаго, представителей мѣстной администраціи, многочисленнаго (до 500) духовенства интеллигенціи свѣтской и до полуторы тысячи простонародья.

Съѣздъ открытъ былъ рѣчью предсѣдателя предварительнаго комитета каноника Чебашека, въ которой опредѣлены были задачи съѣзда, созваннаго подъ знаменемъ: «все за вѣру, отечество и царя». При этомъ выражено было убѣжденіе въ сочувствіи папы и императора интересамъ и стремленіямъ словинцевъ. Въ предсѣдательнѣ съѣзда избранъ депутатъ вѣнскаго рейхрата Франъ Поше. Между предсѣдателями же секцій съѣзда мы отмѣтимъ хорутанскаго депутата и публициста Грегора Ейнциллера и депутата А. Грегорича.

Послѣ прочтенія привѣтственныхъ телеграммъ съѣзду, между которыми находились и нѣкоторыя нѣмецкія, напр. отъ архіепископа зальцбургскаго и католиковъ линцскихъ, произнесены были рѣчи обоими присутствующими архіепископами. Первый изъ нихъ, люблянскій д-ръ Яковъ Миссиа, говорилъ объ отношеніи народной идеи къ христіанству и о необходимости для словинцевъ вѣроисповѣдной католической школы; второй же, архіепископъ мариборскій д-ръ Михаилъ Напотникъ доказывалъ, что словинская народность втѣченіе вѣковъ уцѣлѣла единственно благодаря охранѣ католической церкви. Третій ораторъ, каноникъ Габриѣвичъ, въ качествѣ представителя горичкаго архіепископа, бесѣдовалъ о народныхъ отношеніяхъ въ Горичкомъ краѣ. Нѣмецкій депутатъ Фуксъ повѣдрилъ съѣздъ отъ имени католическаго политическаго общества въ Зальцбургѣ; нѣкій же г. Глендевичъ—отъ имени польскихъ католиковъ.

Работы съѣзда распределены были на шесть секцій, изъ коихъ первая посвящена была школѣ, вторая христіанской наукѣ и искусству, третья вопросу социальному, четвертая католической жизни, пятая печати и шестая католической народной организаціи. Изъ прочтенныхъ въ секціяхъ рефератовъ отмѣтимъ:

а) Люблянскаго профессора А. Кержича: о народной школѣ и учительской семинаріи. Докладчикъ отстаивалъ необходимость народнаго языка въ школахъ, вѣроисповѣднаго ихъ характера и ратовалъ за учрежденіе хотя одной словинской учительской семинаріи.

б) Депутатъ Е. Ейнциллеръ жаловался на печальныя отношенія хорутанской школы, гдѣ на 120.000 словинцевъ существуетъ всего двѣ словинскія школы и то одна на бумагѣ.

в) Деканъ И. Компаре доложилъ о столь же печальныхъ школьныхъ отношеніяхъ въ Истрии.

г) Люблянскій священникъ Шипка по вопросу о католической жизни выразилъ благодарность разнымъ католическимъ орденамъ и конгрегаціямъ, въ томъ числѣ и іезуитамъ. Онъ предложилъ даже воздвигнуть въ Люблянѣ на-

мятникъ іезуиту Томажу Хрену, который въ XVI в., будучи люблянскимъ епископомъ, много сдѣлалъ для возвращенія словинцевъ изъ протестанства въ католицизмъ.

д) Горицкий профессоръ д-ръ А. Махничъ трактовалъ объ отношеніяхъ между вѣрою и наукою. Между прочимъ ораторъ доказывалъ, что словинскъ я наука лишь тогда станетъ независимой отъ вліянія прочихъ народовъ, если будетъ построена на основѣ философіи Фомы Аквината. Онъ предложилъ даже учредить для этой цѣли словинское ученое общество.

е) Ф. Повше читалъ докладъ по крестьянскому вопросу и о мѣрахъ для подъема словинскихъ поселянъ.

ж) І. Павлица трактовалъ объ основахъ христіанской жизни. Эти основы онъ видитъ въ католической церкви, которую считаетъ единственною христіанскою.

Изъ принятыхъ съѣздомъ резолюцій особенно замѣчательны слѣдующія:

1) Народныя школы и учительскія семинаріи должны быть основаны на материнскомъ языкѣ, притомъ не только въ мѣстностяхъ чисто словинскихъ, но и тамъ, гдѣ словинцы находятся въ меньшинствѣ.

2) Школьныя учрежденія словинцевъ должны быть согласованы съ нынѣшней организаціей школъ тирольскихъ.

3) Въ Люблянѣ необходимо учредить словинскую католическую учительскую семинарію, а равно католическую гимназію со словинскимъ языкомъ.

4) Слѣдуетъ учредить католическое учительское общество.

5) Собирать молодежь конгрегаціи или общества Маріи.

6) Работать за учрежденіе католическаго университета въ Зальцбургѣ и при немъ нѣсколькихъ словинскихъ кафедръ.

7) Организовать въ Вѣнѣ и Градцѣ студенческія католическія общества для словинцевъ.

8) Учредить словинское ученое общество, по образцу вѣнскаго «Leonina».

9) Поддерживать «Музыкальную Матицу» и ея школы, а равно «общества Цецилии» для развитія церковной музыки.

10) Содѣйствовать подъему сельскаго населенія организаціей сельскихъ общинъ, неотчуждаемыхъ участковъ, взаимнаго страхованія, третейскихъ судовъ и реформой наслѣдственнаго права.

11) Развивать промышленныя общества и организовать ихъ общія собранія и представительства.

12) Охранять народный трудъ: ввозными пошлинами, установленіемъ правильного соотношенія между производствомъ и потребленіемъ, устраненіемъ женщинъ изъ фабрикъ, поддержкою стариковъ и больныхъ, вдовъ и сиротъ рабочихъ: назначеніемъ максимальнаго времени работы въ отдѣльныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ; допущеніемъ депутатовъ отъ рабочихъ въ составъ инспекціи фабрикъ и въ суды экспертовъ, а наконецъ организаціей католическихъ рабочихъ обществъ.

13) Учреждать церковныя общества или братства, а также общества трезвости, братства кирилло-меоодіевскія—для обращенія иновѣрцевъ и конгрегаціи Маріанскія.

14) Устроить церковныя миссіи, преимущественно изъ іезуитовъ и членовъ конгрегаціи св. Викентія а-Поло.

15) Содѣйствовать возвращенію папѣ территоріальной независимости.

16) Учредить центральное постоянное общество католической печати для руководства газетами, составленія школьныхъ читаленъ и сочиненій для молодежи.

17) Поддерживать общества «св. Могора», «Матицу словинскую» и католическія общества печати.

18) Учредить приходскія бібліотеки.

19) Составить комитетъ экспертовъ для выбора популярныхъ и дѣтскихъ книгъ.

20) Поддерживать католическо-политическія общества въ Люблянѣ, нижней Штириі, Хорутаніи, въ Коничахъ, Словинскомъ Градцѣ и въ другихъ словинскихъ городахъ и наконецъ, въ видахъ организаціи католическаго словинства, образовать словинскій католическій комитетъ, какъ исполнительный органъ сѣзда.

На заключительномъ банкетѣ провозглашены были тосты за папу, императора, архіепископовъ Напотника и Миссію, изъ коихъ послѣдній при этомъ названъ Хреномъ II, т. е. наслѣдникомъ этого фанатическаго іезуита XVI-го вѣка..

Словинскіе клерикалы остались очень довольны результатами сѣзда, предполагая воспользоваться имъ для усиленія своего вліянія на народъ. Но люди болѣе свободнаго образа мыслей, наоборотъ, считаютъ вреднымъ для словинцевъ хотя и видимое лишь торжество принциповъ Миссіи и Махничя. Католицизмъ въ ихъ іезуитскомъ пониманіи представляетъ не охрану, а скорѣе угрозу народнаго существованія словинцевъ, подготавливая постепенное сліяніе ихъ на сѣверѣ съ подальшійскими нѣмцами, а на югѣ съ итальянцами. Сѣздъ вовсе почти не коснулся основного вопроса: о соединеніи всѣхъ словинскихъ областей въ одно административное цѣлое. Одинъ только архіеп. мариборскій Напотникъ высказался за такое объединеніе, но не былъ достаточно поддержанъ прочими вліятельными учеными сѣзда. Вотъ почему лучшіе словинскіе патриоты считаютъ этотъ сѣздъ довольно бесплоднымъ по своимъ послѣдствіямъ для народной жизни и лежащимъ въ интересахъ скорѣе австрійскаго правительства, чѣмъ словинской народности.

А. Б.

Народное образованіе въ Черногоріи за послѣднее тридцатилѣтіе (1860—1890). Хотя Черногорія существуетъ какъ отдѣльное государство еще съ 1482 года, т. е. съ того времени, когда Иванъ Черноевичъ оставилъ городъ Жаблякъ и переселился внутрь Черногоріи, гдѣ выше рѣки, названной Рѣкою Черноевича, онъ выстроилъ для себя маленькій городокъ, Ободъ, однако до 1834 года мы нигдѣ не встрѣчаемъ упоминаній о существованіи въ Черногоріи школъ, которыя хоть сколько нибудь заслуживали бы такого названія.

Митрополитъ Василій Петровичъ въ прошломъ вѣкѣ (1750—66) и Петръ I въ началѣ нынѣшняго пробовали было, при содѣйствіи Россіи, завести въ Черногоріи школы, но безъ значительнаго успѣха.

Первымъ организаторомъ черногорскихъ школъ, какъ и вообще гражданскаго управленія, былъ приснопамятный владыка Петръ II (1830). Онъ нанесъ ударъ черногорской патриархальной децентрализаціи, уничтожилъ племенной сепаратизмъ черногорцевъ, учредилъ высшій центральный судебный институтъ, подъ названіемъ «правительствующаго сената», сталъ приучать народъ къ повинновенію законамъ и властямъ и наконецъ положилъ начало черногорскихъ школъ. Въ началѣ іюня 1833 г. Петръ II отправился въ Россію, для посвященія въ архіерейскій санъ. Это былъ первый черногорскій владыка, получившій посвященіе въ Россіи, что и для Черногоріи имѣло счастливыя послѣдствія. Сдѣлавши имъ въ с.-петербургѣ попытку испросить у русскаго государя разрѣшеніе помѣстить на его стипендію въ с.-петербургскомъ кадетскомъ корпусѣ пятерыхъ черногорскихъ мальчиковъ, не увѣнчалась успѣхомъ, такъ какъ государь усомнился въ пригодности для Черногоріи такого образованія. Однако владыкѣ предоставлены были средства на улучшеніе существовавшей уже и ранѣе при цетиньскомъ

монастырь школы, при которой было тогда учреждено такъ называемое «благодѣяніе» (пансіонъ) для тридцати молодыхъ людей, пользовавшихся при монастырѣ квартирою, пищею и одеждою. Главною задачею этой школы было готовить людей, молодыхъ принять священническую санъ, но въ ней воспитывались и тѣ, которые предназначались для гражданской службы. Курсъ преподаванія продолжался четыре года, и соответствовалъ примѣрно нынѣшнимъ городскимъ училищамъ. Въ 1848 году была открыта еще одна школа въ Доброскомѣ селѣ при маленькомъ монастырѣ Успенія Богородицы; но черезъ годъ она была закрыта.

Немало сдѣлано было по части мѣрливаго образованія приемникомъ Петра II, княземъ Данииломъ. Цетиньская школа была постепенно преобразована въ среднее учебное заведеніе, трудами своихъ учителей, особенно далматинскаго серба Стефана Петрановича. Тогда же открыта была нормальная школа въ Цермницѣ въ селѣ Брчели. Причиной медленнаго развитія школъ въ Черногоріи 18—19 в. до князя Николая, слѣдуетъ считать: во 1-хъ почти ежегодныя войны противъ турокъ; во 2-хъ междоусобная борьба въ средѣ самихъ черногорцевъ, отсутствие плотной связи и внутренняя разрозненность среди племенъ и родовъ, въ силу которой всякій почти разъ, когда неугрожала опасность со стороны, они обращались къ оружію и затѣвали междоусобную войну. Третьею причиною, мѣшавшею открытію школъ въ Черногоріи, была бѣдность народа и скудость государственныхъ средствъ. Въ 1860 году вступилъ на черногорскій престолъ князь Николай. Въ первые года своего правленія онъ не могъ заняться народнымъ образованіемъ, вслѣдствіе разорительной войны 1862 года, послѣ которой Черногорія не могла такъ скоро поправиться. Только въ 1865 г. обращено было вниманіе на школьное дѣло. Въ этомъ году при цетиньскомъ монастырѣ была открыта богословская школа (что-то въ родѣ семинаріи) для молодыхъ черногорцевъ, желающихъ принять священническую санъ. Но эта школа продержалась только одинъ учебный годъ. Въ томъ же году были открыты нормальная школа, еще въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: Рѣкъ Черноевичи, Сотоничи, Душило, Болевичи, Глухой, Доля. Учителя получали изъ государственнаго казначейства годовое жалованье, не превышавшее впрочемъ ста австрійскихъ гульденовъ. Тогда же кн. Николай открылъ въ Цетиньѣ практическую военную школу, въ которой учились около 500 молодыхъ черногорцевъ, предназначенныхъ быть главариами черногорскаго войска. Учителями были два офицера изъ княжества Сербіи: Панто Цейфовичъ и Алексъ Джорджевичъ. Въ 1869 году при денежномъ содѣйствіи русскаго правительства открыты были въ Цетиньѣ два среднія заведенія: семинарія или богословіе (съ бюджетомъ въ 8000 р. въ годъ) и институтъ для дѣвицъ (съ бюджетомъ въ 5500 р. с.). Въ слѣдующемъ 1870 году открыто было въ различныхъ селеніяхъ Черногоріи до 30 нормальныхъ или сельскихъ школъ. Учителями въ этихъ школахъ были молодые черногорцы, окончившіе курсъ наукъ въ цетиньской главной нормальной школѣ. По своему образованію эти учителя не были подготовлены къ учительскому званію; но несмотря на это успѣхи въ названныхъ школахъ были очень хороши, благодаря усердному труду этихъ учителей. Въ томъ же 1870 году изданъ и «законъ» для основныхъ школъ, а также выработанъ «Наставный планъ» для нормальныхъ школъ. Жалованье учителямъ было увеличено. Самое меньшее жалованье было 180, а самое большее 500 гульденовъ. Въ школьномъ 1871—72 году выдавалось изъ государственнаго казначейства на жалованье учителямъ нормальныхъ черногорскихъ школъ 9,390 гульденовъ. Въ 1872 году окончили курсъ ученія первые ученики цетиньской семинаріи. Изъ нихъ трое посланы въ русскія духовныя академіи. Одинъ же въ медицинскій факультетъ московскаго университета. Остальные были опредѣлены учителями

въ Петиньѣ школахъ Черногоріи. Въ томъ же году открыто еще шесть новыхъ школъ и увеличено число учителей, такъ что ни одинъ учитель не получаетъ менѣе 140 гулденъ въ вѣкъ.

Когда возникла черногорско-турецкая война, 1876 года, всѣ черногорскія школы были закрыты, не исключая семинаріи и женскаго института. Какъ въ Петиньѣ, такъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, школьныя заданія были обращены въ больницы. Въ вѣдѣніи женскаго института помѣщалось общество русскаго краснаго креста.

Въ 1880 году открыта въ Петиньѣ полугимназія и при ней пансіонъ, въ которомъ содержалось нѣсколько учениковъ на казенный счетъ. Въ 1881 году выработана для этой гимназіи «наставный планъ», изъ котораго мы узнаемъ, что тамъ преподавались между прочимъ языки латинскій и французскій, но не русскій. Въ 1885 году рѣшено было преобразовать петиньскую гимназію въ восьмиклассную классическую гимназію, но это не удалось. Она доведена была до пятаго класса, потому что опять обратилась въ четырехклассную, каковою остается понынѣ. Въ 1887 году открыта въ Петиньѣ богословско-учительская школа. Какъ видно изъ самаго названія эта школа предназначена для приготовленія священниковъ и народныхъ учителей. Курсъ трагичнѣй. Между предметами преподаванія отмѣтимъ русскій языкъ и исторію русскаго языка. Ученикъ, желющій поступить въ богословско-учительскую школу, долженъ кончить четыре класса нормальной школы и четыре класса гимназіи. Отсюда видно, что юноши, окончившіе курсъ ученія въ петиньской богословско-учительской школѣ, хорошо подготовлены какъ къ священническому сану, такъ и для учительской службы.

Въ 1889—90 учебномъ году въ Черногоріи находились слѣдующія школы: въ Петиньѣ одна полугимназія; одна богословско-учительская школа, одинъ женскій институтъ, а кромѣ того во всей Черногоріи 51 нормальная школа, изъ которыхъ только четыре для дѣвочекъ. Что касается специальныхъ школъ, то я отмѣчу здѣсь три: почтовую и телеграфную въ Петиньѣ и сельскохозяйственную въ Даниловомъ градѣ. Последняя впрочемъ скоро была закрыта.

Для полученія высшаго образованія черногорцы получаютъ всего чаще въ русскіе университеты и духовныя академіи, отчасти же обучаются во Франціи, Италіи и въ Константинополѣ.

Петиньѣ. 10 июля 1892

Маркъ И. Драганъ.

Изъ общественной и учебной статистики Румыніи.

(Окончаніе. См. ноябрь кн., стр. 159)

Государственныхъ архивовъ въ Румыніи два: бухарештскій и яссскій. Первый очень богатъ документами по исторіи Влахиі, Семиградія, Баната, а также соединилъ съ нею славянскихъ странъ; второй же изобилуетъ актами по исторіи Молдавіи, Буковины, Бессарабіи, а также Галиціи и Поляши. Директоромъ бухарештскаго архива состоитъ Б. П. Хашдеу, а яскаго — г. Тэузу. Затѣмъ очень богаты историческими актами архивы: бухарештской и ясской митрополій, рымникской, романской, бузеуской и кушской епископій, виченской лавры, червнцкаго и калдарушанскаго монастырей.

При бухарештскомъ архивѣ предполагено издавать ежемѣсячный историко-археологическій журналъ.

Между румынскими библиотеками самая значительная: бухарештской академіи наукъ, бухарештскаго и яскаго университетовъ, а затѣмъ — краіовской и галицкой гимназіи. Онѣ доступны и для посторонней публики. Изъ библиотекъ болѣе второстепенныхъ упомянемъ: 66. бухарештской и ясской центральныхъ

семинарій и бухарештскаго главнаго штаба, 66. бухарештской и яской митрополій, нямецкой лавры и секульскаго монастыря: двѣ послѣднія пострадали въ 1859 г. отъ пожара, произведеннаго недостойнымъ инокомъ Софроніемъ Вырнавомъ. Изъ частныхъ же библиотекъ самая замѣчательная—Георгія Стурдзы въ селѣ Шкеѣ (Skea), въ рѣмлянскомъ уѣздѣ Моллавіи.

Существуетъ предположеніе открыть публичныя библиотеки во всѣхъ уѣздныхъ городахъ Румыніи, на средства казны, земства и мѣстныхъ думъ.

Казенныхъ музеевъ въ Румыніи до 10. Первое мѣсто между ними занимаетъ бухарештскій археологическій музей, очень важный и для славянской археологіи. Его директоромъ—г. Гр. Г. Точилеску. Въ Бухарештѣ же находятся: пинкотека-музеи: зоологическій, минералогическій, ботаническій и анатомическій. Въ Яссахъ богаче прочихъ музей естественно-историческій. При митрополіяхъ и епископіяхъ также имѣются музеи, но довольно запущенные; лучше другихъ содержатся рѣманскій, рымникскій и хушскій епархіальные музеи.

Театровъ въ Румыніи до 50: 3 казенные (въ Бухарештѣ, Яссахъ и Краіовѣ) и 47 частныхъ. Представленія даются главнымъ образомъ по-румынски, но коегдѣ по-французски, по-нѣмецки, по-итальянски, по-гречески, по-еврейски и даже по-цыгански. Цирковъ—4. Концертныхъ заловъ и клубовъ—множество; всѣхъ не перечтешь.

Періодическихъ изданій въ Румыніи до 200, изъ коихъ 40 имѣютъ характеръ журналовъ (но безъ политическаго отдѣла), а остальные—газеты, главнымъ образомъ политическія. Первые издаются большею частью учеными и литературными обществами, послѣднія же—политическими партіями (консервативною, либеральною, независимою, либерально-консервативною, іодофильскою, антисемитскою), которыя ведутъ ожесточенную борьбу между собою. Первое мѣсто между румынскими газетами занимаетъ *Românul* (Румынъ), органъ новолиберальной партіи. Изъ журналовъ же лучшими считаются: *Revista nouă* (Новое Обзорѣніе), *Convorbire litterale* (Литературныя Собесѣдованія), *Revista pentru istorie, arheologie si filologie* (Историческое, археологическое и филологическое обзорѣніе) *Contemporanul* (Современникъ). Большинство газетъ и журналовъ выходитъ въ Бухарештѣ, нѣкоторые же въ Яссахъ и разныхъ провинціальныхъ городахъ.

Недавно въ Бухарештѣ основано «Общество печати» (*Societatea pressei*) для пособія нуждающимся писателямъ; его органомъ служить «Дневникъ печати» (*Diarul Pressei*).

Къ числу румынскихъ благотворительныхъ обществъ съ образовательными цѣлями принадлежитъ *Curtea de Arges* (Курт-де-Арджешъ). Оно учреждено недавно въ Бухарештѣ главнымъ образомъ румынскими крестьянами, по почину фотографа (изъ крестьянъ) Николеску. Цѣль этого общества содѣйствовать экономическому освобожденію румыновъ отъ эксплуатаціи евреевъ, мадьяръ и нѣмцевъ, посредствомъ подъема въ странѣ промышленнаго образованія и знакомствъ съ торговымъ дѣломъ. Оно учредило въ селѣ Валсанештѣ, родинѣ Николеску, особаго типа низшее торгово-промышленное училище, покупаетъ и распространяетъ лучшія земледѣльческія орудія, заботится о пополненіи специальныхъ свѣдѣній лучшихъ учениковъ народныхъ училищъ, и между прочимъ хлопочетъ объ укрѣпленіи торгово-промышленныхъ связей съ Россіей. Вотъ почему въ члены этого общества поступили и многіе русскіе, именно лица, содѣйствовавшія открытію въ Бухарештѣ особой «выставки произведеній русской промышленности», съ М. А. Хитрово и М. А. Бухтѣвымъ во главѣ.

Въ послѣднее время въ Румыніи стаю распространяться изученіе русскаго и другихъ славянскихъ языковъ. Въ бухарештскомъ университетѣ открыта для

этой цѣли особая кафедра, занимаемая нынѣ г. Богданомъ. Предположено открыть такую же кафедру и въ яскомъ университетѣ. Хотя она состоитъ при историко-филологическомъ факультетѣ, но къ слушанію лекцій по славянскимъ языкамъ привлекаются и юристы, а равно богословы. И въ букурештской военной академіи существуетъ съ 1890/91 учебнаго года кафедра славянскихъ языковъ, занимаемая буковинскимъ румыномъ Григоровичемъ, въ городѣ же Тульчѣ (Добруджа) предложенъ въ мѣстной прогимназіи особый курсъ русскаго и болгарскаго языковъ, по почину директора этой прогимназіи А. Д. Фрунзы. Отмѣтимъ кстати, что въ гор. Тульчѣ постановлено открыть **русскій православный храмъ** на пожертвованіе русскихъ Румыніи, а также и Россіи. Вообще въ послѣдніе годы замѣчается въ Румыніи поворотъ, благоприятный русскимъ, особенно въ области церковно-научной. Этому повороту немало содѣйствовали тѣ румыны, которые обучались въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, нпримѣръ въ кievской духовной академіи, въ петербургскомъ и московскомъ университетахъ, въ кишиневской духовной семинаріи и т. д. Во главѣ этого движенія между румынами стоялъ почившій недавно молдавскій епископъ Мельхиседекъ.

Въ заключеніе отмѣчу, что на расходы по народному образованію по бюджету 1892/93 учебнаго года правительствомъ расходуются 15 мил. франковъ,—сумма очень значительная на шести-милліонное румынское королевство, особенно если вспомнить, что въ обширной Россійской имперіи расходуются на тотъ же предметъ правительствомъ не болѣе 34 мил. руб., т. е. по одному франку на душу, тогда какъ въ Румыніи приходится по 2½ франка на 1 чел. Румынскій парламентъ выразилъ желаніе еще увеличить бюджетъ министерства просвѣщенія, особенно же на сельскія и городскія начальные училища. Земство, города и частныя лица также жертвуютъ значительныя суммы на дѣло народнаго образованія. Слѣдуетъ надѣяться, что въ будущемъ учебное дѣло разовьется въ Румыніи еще успѣшнѣе, въ православно-народномъ направленіи и въ братскомъ общеніи съ единовѣрцами славянскаго юга и востока.

Георгій Самуриѣвъ.

— Берлинское «Общество народнаго права» огласило дѣломъ с. г. нижеслѣдующіе (въ сокращеніи) тезисы для разрѣшенія вопроса о народностяхъ:

1. Народное право опирается на матеріальномъ и духовномъ трудѣ массъ. Оно принадлежитъ каждому народу, имѣющему опредѣленную территорію и способному участвовать въ культурномъ трудѣ человѣческаго рода.
2. Воздѣлываемая народомъ земля должна быть законной собственностью его сыновъ, которой не можетъ нарушить ни завоеваніе, ни притязанія неправозаводительныхъ членовъ общества.
3. Рынки должны принадлежать тому народу, который производитъ товары для торговаго обмѣна.
4. При смѣшанномъ населеніи польвовніе дарами и силами природы должно быть распределено пропорціонально числу каждой народности.
5. Интеллигентные слои населенія должны слагаться изъ членовъ той народности, для которой они призваны работать.
6. Администрація должна быть образуема изъ коренныхъ жителей соотвѣтственной области, а при смѣшанномъ населеніи—пропорціонально числовой силѣ каждой народности.
7. Армія также должна имѣть организацію народную, которая не исключаетъ одною общаго языка команды.
8. Каждый народъ имѣетъ право на сохраненіе и развитіе своего языка,

обычаевъ, религии, на независимость своей церкви и школы; на равноправность съ прочими народностями въ краяхъ смѣшаннаго населенія.

9. Примѣненіе этихъ принциповъ должно однако быть въскольцо ограничено въ центральной (австро-германской?) и юго-восточной (турецкой?) Европѣ, въ виду мѣстныхъ условий и преданій, причемъ однако принципы народно-равноправности не должны быть забыты. Со временемъ это можно будетъ осуществить безъ территориальныхъ переворотовъ, а следовательно безъ войны.

Эта идиллія, сочиненная нѣмецкими юристами, очень понравилась политикамъ, которые видятъ въ ней залогъ «отбужденія Оливны». Но отчего бы намъ въ такомъ случаѣ не начать примѣненія этихъ принциповъ съ Галичины, а за нею — съ Познаня, Пруссъ, Слезія? Или эта народная идиллія, неудобная для «середины и юго-восточной Европы», придумана единственно для Россіи? Не прасно, она имѣетъ въ своей исторіи и жизни другія народно-государственныя нормы для опредѣленія отношеній между русскими, польскими и инородческими окраинными имперіями.

ЧЕГО ИСКАЛА, ХОДЯ ПО СВѢТУ, ПЕЧАЛЬ

СКАЗКА Э. ОРЖЕШКО.

Съ польскаго.

ЛА однажды полемъ, весьма нарядно убраннымъ природою. Печаль, причина великаго убытка и опустошенія. Черные покровы, которыми она была окутана, затмевали солнечный свѣтъ, отъ блѣднаго ея лица на цвѣты падала мертвенная окраска, а отъ тяжелаго дыханія колосья гнулись къ землѣ и бесполезно роняли наполнявшія ихъ зерна. Не диво, что среди существъ, населявшихъ поле, поднялся сильный ропотъ противъ незванной, здорвденной этой гостьи.

— О, мрачное привидѣнїе — завопили они — зачѣмъ вышло ты изъ бездны ада и шатаешься по свѣту, чтобы все, что на немъ ни возрастаетъ, дѣлать тщетнымъ, мрачнымъ, ядовитымъ?

— Укажите мнѣ существо, которое доселѣ я напрасно разыскиваю между вами, — отвѣчала Печаль — такъ я сейчасъ сойду въ мою преисподнюю и никогда уже не буду беспокоить земли. Но повѣда не найду того, чего ищу, я не перестану ходить по ней, какъ первородное и неотвратимое проклятіе.

Услышавъ это, первая слетѣла къ ней Веселость и, повиснувъ въ воздухъ розвой тучкой, въ которой сверкала рой серебряныхъ звездочекъ, зашебетала:

— Ты вѣрно меня ищешь, мрачный призракъ? Вотъ я налицо! Смотри, какая я красивая да ловкая! Я умѣю пѣть серебристо, плясать ильניתельно и смѣяться со всякихъ пустяковъ. Дыханіе моея груди освѣжаетъ, какъ Зефиръ, а изъ той игрушки, которую я держу въ рукѣ, хоть она мала и хрупка, течетъ безсмертная вода забвенія. Присмотрись же ко мнѣ хорошенько, старая ворчунья, и убирайся на всѣ четыре стороны!

Но Печаль однимъ отрицательнымъ движеніемъ головы широко вокругъ развѣяла свои черныя покровы, и Веселость, которая не могла перенести самаго ихъ вида, улетѣла далеко и, испуганная, подавленная, упала промежъ увядшихъ колосьевъ и цвѣтовъ.

Тогда, выпрямившись во весь ростъ, съ лицомъ открытымъ и непорочно бѣлымъ, Правота заступила дорогу Печали.

— Веселость—существо очень милое, да непостоянное — молвила она — и немало разныхъ уродствъ можно найти подъ розовымъ газомъ ея платья. Я чиста, какъ вода родника, и прима, какъ прекрасно выросшая тополь. Нѣтъ на мнѣ ни одного пятнышка, которое бы происходило отъ гадкой слюны лжи, и не содержится во мнѣ ни малѣйшей тѣни чьей-либо обиды. Потому, можетъ быть, мой видъ, который вѣдь не мечта, а дѣйствительность, заставитъ тебя освободить свѣтъ отъ своего присутствія.

Печаль благосклонно взглянула на Правоту, и даже блѣдное лицо ея оживилъ слабый лучъ отрады. Однако она отрицательно покачала головой.

— Уважаю тебя, о, Правота! — отвѣчала Печаль — и признаюсь, что еслибъ я не встрѣчала тебя уже много разъ, черныя одежды мои были бы вдвое печальнѣе и дыханіе ядовитѣе. Но не ты то существо, котораго я ищу и безъ котораго не въ твоей власти сжить меня со свѣта.

Слыша этотъ отвѣтъ, данный Правотѣ, Трудолюбіе расправило спину, согнутую за какою-то работой, отерло потъ съ морщинистаго лица мозолистой ладонью, съ широкой передышкой выпрямило могучіе, но усталые члены, и выступило противъ Печали.

— Мною, только мною — сказала Трудолюбіе — сохраняетъ жизнь, довольство и разумъ все то, что надѣлила этими дарами природа. Я первая ученица и помощница природы; я даже превосхожу изобрѣтательностью и крѣпостью мою учительницу и господа, ибо, совершенствуя созданія ея и увеличивая красоты, я устраняю препятствія, поставляемыя ею жизни и счастью, и предохраняю отъ отравы, попадающей на всякомъ шагу. Я превращаю пустыни въ тучныя нивы и плодоносныя сады, по лонамъ горъ и поверхностямъ водъ пролагаю безопасныя пути; воздвигаю великолѣпные города, чудесами науки и искусства наполняю многочисленныя и огромныя сокровищницы; въ головахъ человѣческихъ храню искры мысли и развиваю зародыши фантазій, покуда они не разгорятся въ полное пламя истины и красоты. Безъ меня никто и ничто ни существовать, жить, ни разцвѣтать, мыслить, изобрѣтать, творить не можетъ. Безъ меня всякій посѣвъ долженъ погибнуть напрасно, всякій проблескъ быстро угаснуть, всякое доброе каче-

ство превратиться въ порокъ, а всякій порокъ вырости въ чудовище. Такова я есть и надѣюсь, что передъ старымъ - престарымъ, почтеннымъ и отъ безчисленныхъ заслугъ лучезарнымъ лицомъ моимъ ты исчезнешь какъ туманъ.

Печаль грустно покачала головой.

— Ты почтенно и полно заслугъ, о, Трудлюбіе!—этого я нисколько не отрицаю. Не будь тебя, ничего бы тоже не существовало, потому что и малая пташка, чтобъ имѣть свое гнѣздо, и рыба, чтобъ пропитаться червячками, и растение, чтобъ сохранять жизнь въ своихъ тканяхъ втягиваніемъ въ нихъ газовъ, нуждаются въ твоей помощи. Но что́ проку, если не взирая на твое, столь несомнѣнное существованіе, я все-таки рядомъ съ тобой и столько же, какъ и ты, времени хожу по свѣту? Мало того, въ безчисленныхъ и нераспутанныхъ складкахъ твоего спинного и головного мозга кроется много такихъ извилинъ, отъ которыхъ покровы мои становятся еще болѣе черными и еще болѣшая блѣдность падаетъ мнѣ на лицо. Ты видишь стало быть, что какъ споконъ вѣка, такъ и впредь мы должны ходить вмѣстѣ.

Трудлюбіе было умно, а потому поняло, что Печаль права, и съ тихими слезами на глазахъ удалилось.

Но тутъ пронесся въ воздухѣ внезапный и сильный шумъ, гамъ, грохотъ, въ которыхъ можно было различить звуки трубъ и бой барабановъ, и стукъ весьма тяжелыхъ колесъ, и свистъ множества крыльевъ вмѣстѣ, и музыку, играющую побѣдный гимнъ. Одновременно съ этимъ появилось и облило весь горизонтъ отъ края до края ослѣпительное сіяніе, въ которомъ играли всѣ цвѣта радуги, съ преобладаніемъ однако пурпура и злата.

Среди этого сильнѣйшаго шума и блеска, золотая колесница, везомая четырьмя львами съ развѣвающимися гривами, спустилась съ весьма большой высоты и, окруженная множествомъ крылатыхъ духовъ, изъ которыхъ одни были одѣты въ сверкающіе доспѣхи, другіе держали при губахъ и у груди музыкальные инструменты, третьи поднимали въ рукахъ сосуды, полные плодовъ, цвѣтовъ и пѣнящагося вина, остановила какъ вкопанныя въ воздухъ свои колеса, усаженные алмазами.

На колесницѣ возсѣдала фигура великана, одѣтаго въ длинный пурпуроваго цвѣта плащъ, съ видомъ гордаго божества и со звѣздной діадемой на головѣ.

Съ верху, съ очень большой высоты, ушаль на Печаль ея холодный взглядъ, и въ пространствѣ раздался голосъ, отъ котораго затрепетали и уурылись въ своихъ убѣжищахъ всѣ населявшія то поле существа.

— Я — Мошь, такъ же сильно 'вросшая въ землю, какъ глубоко пребываетъ въ ней самый мозгъ ея жизненнѣйшій и самая дорогая драгоценность — золото! Своими корнями я проникла въ эту блестящую кость земли, и изъ нея по всему моему существу расходятся соки, которые оживляютъ меня и крѣпятъ. Утверждаюсь на семъ неизблемомъ основаніи, я обладаю въ своихъ членахъ вещью великою, повелѣвательною, побѣдоносною, вещью высочайшей цѣны: силой — и ею, какъ пахарь плугомъ, воздѣлываю поле слабости. Ураганомъ лечу я по свѣту и гну все передъ собою, а что не хочетъ гнуться — сокрушаю. Дѣлаю, что хочу; беру, чего пожелаю; творю или разрушаю по произволу, который приноситъ мнѣ минута. Ёмъ, пью, веселюсь, почиваю на цвѣтахъ; предо мною геніи богатства разсыпаютъ всѣ утѣхи и наслажденія земли, а геніи хвалы на трубахъ и флейтахъ воспѣваютъ мое имя. Основаніе мое кто поколеблетъ, силу что сокрушить, предъ блескомъ и величіемъ моимъ кто устоять возможетъ? Не ты, конечно, темный духъ, котораго я презираю и котораго львами и колесами своими могу раздавить и уничтожить. Прочь съ дороги!

Въ рукахъ своихъ она держала мечъ, слитокъ золота и лукъ, котораго туго натянута тетива сверкала отъ времени до времени громовою искрой.

Какъ будто наперекоръ тому, что говорила Мошь, 'Печаль между тѣмъ все возрастала въ своихъ темныхъ покровахъ, расширялась, блѣднымъ своимъ лицомъ самага неба касалась, наконецъ противъ ея блеска, шума и грохота воздвигла стѣну черной, густой, огромной тучи. А изъ этой тучи, какъ изъ досягающей до небесъ могилы, начали исходить такіе глубокіе вздохи, такія горькія жалобы, рыданія и стоны, что разгнѣванная Мошь выпустила въ нее тысячу сверканій своего меча и миллионъ искръ своего лука. Львы ея притомъ бѣшено ревѣли, а геніи презрительнымъ смѣхомъ, какъ громомъ, ударили въ тучу. Но въ этомъ новомъ своемъ видѣ Печаль была упряме чѣмъ когда-либо; чѣмъ болѣе било въ нее громовъ и ударило насмѣшекъ, тѣмъ болѣе она все росла, и возрастала, умножались, разражались великимъ плачемъ жалующіеся въ ея лоно вздохи и рыданія. Наконецъ, поняла Мошь, что она, Печаль, она одна для нея непобѣдима, съ презрѣніемъ отвернула глаза отъ призрака столь низкаго и отъ нея самой столь далекаго, направляя своихъ львовъ въ сторону, откуда долетѣлъ до нея запахъ свѣжей добычи или неиспытаннаго еще наслажденія и льстивой похвалы.

Послѣ удаленія ея, съ утихшихъ и померкшихъ высотъ, спустилась фигура высокая, спокойная, кроткая и дружелюбнымъ голосомъ проговорила къ черной тучѣ Печали:

— Многое я постигаю и понимаю, и оттого въ лонѣ моемъ много вонзенныхъ мечей страданія. Незамѣтно этого по мнѣ, потому что достойно переносить муки составляетъ одно изъ моихъ качествъ. Я научаю всѣхъ, а сама въ себѣ ношу вѣчныя бури, возникающія оттого, что я умѣю слишкомъ мало. Не разъ съ радостью я говорю: знаю, но чаще съ горестью сознаюсь: не знаю! Безъ меня міръ былъ бы темень, однако я чувствую, что совершеннаго свѣта не составляю, и сокрушаетъ меня вѣчная тоска по немъ. Ты видишь, стало быть, Печаль, что мы близко родственны другъ другу, что мы даже точно сестры, съ самаго зачатія сросшіяся другъ съ другомъ сердцами; потому что кто не бывалъ печаленъ—не можетъ быть мудрымъ, а кто мудръ—долженъ бывать печальнымъ. А имя мнѣ — Мудрость. Скажи мнѣ, кого ты ищешь на этомъ полѣ, и я, яснѣе другихъ видя, помогу тебѣ, можетъ быть, найти существо, отъ котораго зависитъ твое исчезновеніе съ лица земли. Говоря откровенно, ты вѣдь для этой бѣдной земли — мразь, бремя и ядь; потому я чувствую къ ней состраданіе, которое составляетъ доброе, но докучливое свойство моей природы. Вдобавокъ, когда ты навсегда вернешься въ свою бездну, я сама, вѣрно, освобожусь отъ своихъ заботъ, бурь и тоски. Кого ты ищешь, о, Печаль?

Очевидно, къ своей сестрѣ, Мудрости, Печаль чувствовала нѣкоторое расположеніе, потому что чѣмъ долѣе она говорила, тѣмъ болѣе Печаль освобождалась отъ того гигантскаго вида, который заставила ее принять Мошь, умалаясь, тощала, пока опять не стала похожа на длинный, худой, мрачный призракъ, и съ понуренной головой да блѣднымъ перстомъ, приложеннымъ къ синимъ губамъ, начала раздумывать, слѣдуетъ ли, наконецъ, объявить кому-нибудь о цѣли своихъ скитаній. Однако, давно уже она ощущала сильное желаніе вернуться въ преисподнюю, откуда она была родомъ, и спокойно улечься на днѣ ея для вѣчнаго сна.

Она не была злая, а потому вѣчное скитальчество, въ которомъ она могла причинять другимъ однѣ только непріятности, изнурило ее уже очень, и она больно чувствовала тяготѣющее на ней бремя проклятій всего живущаго. Потому, послѣ короткаго размысленія, она сказала:

— Можетъ случиться, о, Мудрость, что ты дѣйствительнымъ какимъ-либо указаніемъ сумѣешь освободить меня отъ жизни, а живущихъ отъ меня. Знай поэтому... но какъ немного ты постигаешь и понимаешь, если этой тайны ты сама не отгадала!.. Знай, что въ огромной толпѣ добродѣтелей и преступленій, обитающихъ на этомъ полѣ споконъ вѣковъ, я ищу... Доброты.

*

На спокойномъ, хотя слѣдами великихъ страданій изборужденномъ лицѣ Мудрости отпечатлѣлось изумленіе.

— Скорѣе, сестра моя, всего другого я могла ожидать, нежели того, что ты мнѣ сейчасъ сказала. Доброты ты ищешь? Но вѣдь существъ, носящихъ такое имя, здѣсь такъ много, что самая ихъ заурядность была причиной ихъ дешевизны! На рынкахъ, гдѣ обитатели этого поля приобрѣтаютъ то, что имъ больше всего нравится, никто уже и не спрашиваетъ Доброты, а если еще кто нибудь ея когда потребуешь, то можетъ получить ее за три деньги уваженія, да за денежку похвалы. Ея экземпляровъ и разныхъ видовъ столько же, сколько звѣздъ на небѣ. Смотри только, — та, напримеръ, которая по близости насъ, какъ юрко увивается по полю, всякому отдавая вѣжливый поклонъ или оказывая маленькую услугу. Никого она не обойдетъ, ни на кого косо не взглянетъ, улыбка ея какъ сладкій медъ, фигура гибка какъ тростникъ... Вотъ тебѣ то, чего ты искала!

Печаль равнодушно махнула рукой.

— Эту я знаю съ давнихъ поръ. Ложно она назвалась Добротой. Она носитъ много именъ, въ которыхъ того имени ты найдешь едва четверть буквы. Она — услужливость, гибкость мысли и воли, жажда льстивой похвалы...

Мудрость уже смотрѣла въ другую сторону и сказала:

— Ну, такъ взгляни на эту другую. Замѣчаешь ли, какъ ловко проходитъ она между разнообразнѣйшими растеніями этого поля, ни одного не задѣвая даже краемъ одежды, отъ всякаго осторожно отстраняя руки, стараясь не растоптать ногой ни сорной травы, ни волоса? Ужели и это не Доброта?

— Нѣтъ, возразила Печаль, — въ книгѣ именъ, которыя при рода велѣла мнѣ выучить наизусть, она зовется: Нейтральность и Пассивность.

— Ну, такъ покажу тебѣ еще одну. Посмотри вонъ на эту, у которой румянцы жадности, зависти, гордости выступили на лицѣ, а въ то же время въ каменномъ молчаніи стигиваются узкія губы и тихо, скромно улаживаются на груди руки, воздерживаемыя отъ прикосновенія къ всякому попадающемуся предмету. Намъ нѣтъ дѣла до того, что тамъ внутри кипитъ и ерничитъ, если она не выдаетъ этого ни звукомъ, ни движеніемъ. Когда она такъ вѣжлива, скромна и безвредна, ужели она не Доброта?

— Нисколько, не вѣрь этому, — горько улыбаясь, возразила Печаль; она, напротивъ, Злоба, сопутствуемая Хитростью, но не поощряемая Смѣлостью. Лишь только закроются всѣ глаза и уши, она тихонько схватитъ то, что подстерегала, а предметъ своего гнѣва или зависти сзади обойдетъ и, не зая, укуситъ.

Мудрость глубоко задумалась, а Печаль продолжала:

— Вижу, что я должна яснѣе очертить тебѣ цѣль моихъ поисковъ. Хотя взглядъ у тебя вѣрный, но иногда затмеваетъ его и обманываетъ великое множество и разнообразіе явленій, которыя ты изслѣдуешь. Чтобъ исчезнуть съ этого поля, я должна встрѣтить и сдѣлать госпожой его Доброту—искреннюю, дѣятельную, отважную, сострадательную, умѣющую скрывать свои слезы и отирать чужія, боящуюся чужой обиды такъ, какъ боится огонь воды, а съ помощью и жертвой спѣшащую, какъ спѣшить олень къ источнику; Доброту—разбирающую провинности не затѣмъ, чтобы наказать виноватаго, а для того, чтобы замѣтить въ немъ хотя малую порошинку невинности; Доброту—рѣзцомъ благодарности начертывающую въ памяти всякое испытанное благодѣяніе и, какъ бесполезный камень, выкидывающую изъ сердца всякую личную обиду; Доброту—которая является Правотой, потому что веселится чужимъ добромъ, вмѣсто того чтобы желать его для себя, и Трудолюбиемъ, что горячо желаетъ прибавить свѣту добра и счастья, и Мудростью, что обладаетъ такими чудодѣйственными и цѣлебными средствами, которыя заживляютъ раны, разгоняютъ мракъ...

— Перестань, перестань, о Печаль, прервала Мудрость,—потому что ничего новаго ты мнѣ не говоришь, а твои слова опять будятъ во мнѣ тоску по совершенномъ свѣтѣ.

Оттого Печаль уже сказала только:

Еслибы Доброта, которой я ищу, возобладала на этомъ полѣ, мое свитаніе по немъ было бы окончено. Вмѣстѣ со множествомъ темныхъ существъ, съ которыми сообща я оставила преисподнюю, я могла бы вернуться въ нее и на днѣ ея въ мирѣ лечь и опочить.

Она окончила, а Мудрость, погруженная въ раздумье, долго стояла опустивъ голову на руки. Наконецъ, она промолвила:

— Сожалѣю о тебѣ, сестра моя, а вмѣстѣ и обо всемъ живущемъ...

— Ты полагаешь, можетъ быть, что такого существа нѣтъ вовсе на этомъ полѣ?—трепещущимъ отъ безпокойства голосомъ спросила Печаль.

Мудрость, опять послѣ долгаго раздумья, сказала:

— Не знаю!

И она удалилась.

Печаль же, какъ и прежде, полевъ все шла да шла; черные покровы, которыми она была окутана, затмевали солнечный свѣтъ; отъ блѣдности ея лица на цвѣты падала мертвенная окраска, а отъ тяжелаго дыханія колосья гнулись къ землѣ и бесполезно роняли наполнявшія ихъ зерна...

Д.

ИЗВѢЩЕНІЯ

ОТЪ СОВѢТА

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО СЛАВЯНСКАГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Извлеченіе изъ протоколовъ Совѣта

Въ засѣданіяхъ Совѣта, состоявшихся 6 и 29 октября, между прочимъ, постановлено: въ первомъ: а) выдать въ пособіе: 6 добровольцамъ и 2 вдовамъ добровольцевъ 121 р., 2 сербамъ 25 р., 2 чехамъ 32 р., 1 галичанину 25 р. и 1 черногоркѣ, на возвращеніе на родину, 40 р.; б) просьбу 1 чеха о доставленіи ему мѣста прикащика отослать въ чешское вспомогательное общество, по принадлежности, на зависящее распоряженіе; в) внести плату за ученіе: за 1 герцеговинца — во 2-ой слб. гимназій — 30 р., за 1 болгарина и 1 серба — въ правленіе военно-медицинской академіи — 60 р., за 1 серба — въ лѣсной институтъ — 25 р. и за 1 болгарку — въ слб. родо-вспомогательное заведеніе — 5 р.; г) выдавать втеченіе трехъ мѣсяцевъ въ пособіе 1 сербу и 1 болгаркѣ по 15 р.; д) прошенія 2 болгаръ, о назначеніи имъ стипендій, препроводить въ комиссію по образованію южныхъ славянъ, по принадлежности, на зависящее распоряженіе; е) послать 1 чеху и 1 сербу просимыя ими книги и ж) утвердить расходы, произведенныя съ 3 сентября по 6 октября, на 1056 р. 84 к. и во второмъ: а) выдать въ единовременныя пособія: 6 болгарамъ 199 р., 1 словаку 50 р., 1 чешскому писателю 150 р., 5 добровольцамъ и 1 вдовѣ добровольца 80 р.; б) уплатить въ слб. патриотическое общество за содержаніе 1 черногорки 70 р., в) прошеніе 1 галичанина, объ опредѣленіи его дѣтей въ учебныя заведенія, препроводить въ попечительство надъ славянами, учащимися въ Москвѣ, на его распоряженіе; г) выдавать 1 герцеговинцу въ пособіе втеченіе двухъ мѣсяцевъ по 25 р. въ мѣсяць; д) назначить 15 ноября, въ воскресенье, въ 8 ч. вечера (въ залѣ городского кредитнаго общества), торжественное общее собраніе гг. членовъ Славянскаго Общества, для чествованія 500-лѣтія со дня преставленія преп. Сергія, Радонежскаго чудотворца и е) утвердить расходы, произведенныя съ 6 по 29 октября, на 614 р. 50 к.

Кружечный церковный сборъ

«въ пользу нуждающихся славянъ».

Съ 1 января по 1 февраля 1892 г. въ С.-Петербургское Славянское Благотворительное Общество поступило кружечнаго церковнаго сбора «въ пользу нуждающихся славянъ» чрезъ оо. благочинныхъ изъ церквей ихъ округовъ: а) г. С.-Петербурга: входоіерусалимской знаменской церкви, прот. В. Барсова 23 р. 27 к., смоленско-кладбищенской, прот. П. Матвѣвскаго отъ церквей василеостровскаго столичнаго округа 47 р. 90 к. и 1 столичнаго округа, прот. вознесенской церкви І. Соболева 11 руб. 27 к.; б) иногородныхъ: г. Александрова, успенскаго женск. монастыря 5 р., изъ уѣзда, 4 округа, свящ. Н. Бѣльева

8 р. 3 к., ардатовского уѣзда, 3 округа, свящ. А. Малинина 1 р. 40 к., 4 округа, свящ. І. Нарциссова 2 р. 2 к., г. Арзамаса, прот. І. Страгородскаго 4 р. 25 к., ахтарьскаго уѣзда, 3 округа, свящ. І. Попова 8 р. 81 к., г. Балахны, свящ. І. Триумфова 3 р. 15 к., изъ уѣзда, 2 округа, свящ. К. Юрасова 9 р., балтскаго уѣзда, 4 округа, свящ. І. Перетяткова 2 р. 20 к., 7 округа, свящ. І. Остаповича 5 р., бирскаго уѣзда, 1 округа, свящ. В. Щитова 2 р. 90 к., 2 округа, прот. А. Павлова 6 р., богодуховскаго уѣзда, 1 округа, свящ. А. Ястремскаго 10 р. 26 к., 2 округа, свящ. А. Снѣсаревскаго 17 р., борисовскаго уѣзда, 1 округа, свящ. Н. Фалевича 2 р. 94 к., 2 округа, свящ. М. Тушинскаго 1 р. 25 к., г. Боровска, свящ. В. Казанскаго 4 р. 85 к., брестскаго уѣзда, свящ. П. Тыминскаго 2 р. 60 к., г. Бугульмы, прот. В. Малинина 1 р., изъ уѣзда, 1 округа, свящ. А. Аменицкаго 6 р. 45 к., 2 округа, прот. А. Соловьева 12 р. 50 к., Бугурусланскаго уѣзда, 2 округа, свящ. Г. Грекулдова 14 р. 30 к., 3 округа, свящ. А. Розова 1 р. 34 к., 4 округа, свящ. І. Боголюбова 2 р. 90 к., г. Бузулука, прот. А. Тихомирова 2 р. 39 к., изъ уѣзда, 6 округ, І. свящ. М. Магюшенскаго 6 р., 12 округа, свящ. Д. Агаѳодорова 4 р., 10 округа, свящ. А. Борисова 10 р., 11 округа, свящ. П. Постѣлова 3 р. 3 к., Буинскаго уѣзда, 3 округа, свящ. С. Топорнина 1 р., Буйскаго уѣзда, 1 округа, свящ. Н. Агриколянскаго 3 р. 40 к., Бѣжецкаго уѣзда, 2 округа, прот. Е. Сиверцева 6 р., 3 округа, свящ. І. Діевскаго 10 р., 4 округа, свящ. Г. Петровскаго 8 р. 60 к., 6 округа, свящ. А. Покровскаго 8 р., 7 округа, свящ. А. Разумовскаго 3 р. 90 к., г. Бѣлаго, прот. П. Синявскаго 13 р. 51 к., изъ уѣзда, 1 округа, свящ. В. Качевскаго 5 р. 82 к., 2 округа, свящ. П. Брянцева 6 р. 54 к., Валковскаго уѣзда, 1 округа, свящ. І. Ѳedorовскаго 4 р. 67 к., г. Варшавы, прот. А. Ковальническаго 13 р. 45 к., Холмско-Варшавской духовной консисторіи 29 р. 51 к., Вельскаго уѣзда, 2 округа, свящ. Ф. Хрусталева 2 р. 60 к., 3 округа, прот. М. Малинина 40 к., Весегонскаго уѣзда, 2 округа, свящ. М. Соколова 7 р. 90 к., 3 округа, свящ. І. Знаменскаго 8 р. 20 к., 5 округа, свящ. А. Покровскаго 2 р. 40 к., 4 округа, свящ. Д. Ушакова 5 р. 72 к., велужскаго уѣзда, 1 округа, свящ. А. Предтеченскаго 4 р. 35 к., г. Вилейки прот. И. Выржиковскаго 2 р. 52 к., г. Вильны, свято-николаевскаго кафедральнаго собора 2 р., витебскаго уѣзда, 2 округа, свящ. Н. Попова 1 р. 27 к., губ. г. Владимира, архіерейскаго домоуправленія 3 р., изъ уѣзда, 2 округа, свящ. А. Гортулянскаго 6 р., Владимірь-Волинскаго уѣзда, 3 округа, свящ. Х. Малевича 12 р., г. Вологды, софійскаго кафедральнаго собора 3 р. 5 к., изъ уѣзда, 2 округа, свящ. Д. Голубева 10 р. 48 к., Вышневолоцкаго уѣзда, 3 округа, свящ. В. Сибирскаго 3 р. 62 к., 5 округа, свящ. Д. Соболева 5 р. 14 к., 6 округа, свящ. Д. Срѣтенскаго 2 р. 15 к., 7 округа, свящ. Т. Дрызлова 6 р. 40 к., г. Вѣрнаго, туркестанской духовной консисторіи 76 р. 43 к., г. Вязьмы, свято-предтечева монастыря 2 р. 40 к., прот. А. Конокотина 11 р., изъ уѣзда, 1 округа, свящ. Н. Баронова 5 р. 2 округа, прот. Н. Черскаго 3 р. 24 к., 3 округа, свящ. А. Соколова 3 р. 75 к., г. Вятки, успенскаго трифонова монастыря 5 р., прот. Ѳ. Кибардина 4 р. 10 к., изъ уѣзда, 2 округа, свящ. А. Зорина 3 р. 30 к., 3 округа, свящ. А. Заворохина 3 р., г. Гадяча, прот. Г. Пивоварова 2 р. 90 к., изъ уѣзда, свящ. І. Чесанова 2 р. 50 к., прот. Г. Трояновскаго 4 р. 15 к., 4 округа, свящ. Г. Никифоровскаго 5 р. 55 к., г. Гжатска, свящ. І. Санковскаго 3 р., глазовскаго уѣзда, 3 округа, свящ. А. Свѣчниковъ 2 р. 50 к., 4 округа, свящ. В. Соболевскаго 2 р., горбатовскаго уѣзда, свящ. Ѳ. Воскресенскаго 3 р. 31 к., гороховецкаго уѣзда, 3 округа, свящ. П. Бѣляева 5 р. 50 к., г. Гродно, рождество-богородичнаго женскаго монастыря 5 р., изъ уѣзда, антопольскаго свящ. І. Огіевича 6 р. 72 к., сокольскаго свящ. А. Шиманскаго 2 р., Донской Области, аксайскаго свящ. М. Базилевскаго 3 р. 86 к., березовскаго свящ. 5 р. 46 к., вотовскаго свящ. Н. Евфимьева 2 р. 84 к., казанскаго свящ. Н. Виноградова 8 р. 62 к., каменскаго свящ. А. Милютинна 17 р. 75 к., кирсановскаго свящ. С. Троицкаго 13 р. 18 к., митякинскаго свящ. Х. Дроботова 8 р. 30 к., нижнечирскаго свящ. М. Макарова 4 р. 44 к., новопавловскаго прот. Х. Облакевича 5 р. 57 к., павловскаго свящ. Н. Козьмина 3 р. 15 к., семеновскаго свящ. В. Попова 6 р., семикаракорскаго свящ. В. Говорова 9 р. 22 к., урюпинскаго прот. Н. Стефанова 7 р. 50 к., усть-медвѣдицкаго прот. С. Семенова 7 р. 4 к., дорогобужскаго уѣзда, свящ. С. Чулкова 8 р. 45 к., 3 округа, свящ. Е. Попова 2 р. 68 к., дриссенскаго уѣзда, 2 округа, 98 к., г. Дубно, прот. І. Коншинскаго 10 р. 65 к., изъ уѣзда, 4 округа, свящ. П. Моссаковскаго 6 р. 27 к., духовщинскаго уѣзда, 4 округа, свящ. М. Кулагина 2 р. 45 к., прот. Ѳ. Сеньковскаго 3 р. 70 к., г. Елабуги, прот. В. Вечтомова 3 р. 85 к., изъ уѣзда, 2 округа, свящ. В. Лагунова 2 р. 7 к., елатомскаго уѣзда, 2 округа, свящ. В. Данилова 10 р. 60 к., 4 округа, свящ. 5 р.

37 к. ельнинского уѣзда, прот. А. Дружина 3 р. 22 к., 2 округа, свящ. Д. Плящевича р. жиздринского уѣзда, 1 участка, свящ. П. Архангельского 10 р. 8 к., житомирского уѣзда, 5 округа свящ. О. Конахевича 10 р. 86 к., вологоношского уѣзда, свящ. С. Андріевского 1 р. 76 к., свящ. М. Богацкаго 5 р. 30 к., 3 округа, свящ. А. Роменского 2 р. 49 к., зубцовского уѣзда, свящ. М. Сибирского 1 р. 62 к., 2 округа, свящ. І. Струженского 5 р., 3 округа, свящ. Ѳ. Макаревского 8 р., зѣньковского уѣзда, свящ. І. Костенко 8 р. 15 к., 3 части, прот. Ѳ. Павловского 6 р. 40 к., изюмского уѣзда, 2 округа, прот. Ѳ. Любарского 4 р. 40 к., 4 округа, прот. М. Куницына 4 р. 71 к., г. Казани, духовной консистории 30 р. 78 к. Калязинского уѣзда, 5 округа, свящ. К. Мещерского 5 р. 90 к., 4 округа, свящ. І. Малинина 4 р. 60 к., г. Каменца—Подольского, духовной консистории 102 р. 51 к., камышловского уѣзда, 3 округа, свящ. А. Сельменского 6 р. 30 к., кашинского уѣзда, 3 округа, прот. В. Баженова 6 р. 43 к., 4 округа, свящ. А. Никольского 5 р. 30 к., 5 округа, свящ. І. Орлова 12 р. 34 к., г. Керенска, Тихвинского женскаго монастыря 2 р., г. Кобелякъ, прот. С. Боровского 10 р. 22 к., изъ уѣзда, 2 части, свящ. П. Вобного 3 р., 5 округа, свящ. И. Сулакова 3 р., г. Коврова, прот. А. Радугина 2 р. 32 к., изъ уѣзда, свящ. А. Смирнова 3 р., козельского уѣзда, 3 участка, свящ. В. Титова 8 р. 89 к., кологривского уѣзда, 1 округа, свящ. А. Лебедева 2 р. 75 к., константиноградского уѣзда, 3 части, прот. 4 р. 16 к., Корчевскаго уѣзда, свящ. І. Воскресенского 9 р. 50 к., г. Корчевскаго уѣзда, І. Воскресенскаго 9 р. 50 к., г. Костромы, духовной консистории 1 р. 17 к., кафедральнаго прот. І. Пospлѣлова 28 р., котельничскаго уѣзда, 1 округа, свящ. І. Вознесенскаго 7 р. 1 к., 4 округа, свящ. Д. Овчинникова 4 р., краснинскаго уѣзда, 1 округа, свящ. Л. Максимовскаго 9 р., 3 округа, свящ. М. Криницкаго 2 р. 52 к., кременчугскаго уѣзда, 2 части, свящ. А. Митченко 4 р. 60 к., 4 части, свящ. А. Комарицкаго 11 р. 10 к., г. Кутанса, свящ. Н. Швангиродзе 2 р. 2 к., лебединскаго уѣзда, 2 округа, прот. І. Сапухина 7 р. 26 к., 3 округа, свящ. П. Индолева 7 р., г. Лиды, прот. І. Коляновича 6 р. 15 к., изъ уѣзда, свящ. Н. Пигулевскаго 2 р. 93 к., г. Лохвицы, свящ. Н. Негевича 5 р. 6 к., лобенскаго уѣзда, 2 части, свящ. Н. Бельговскаго 2 р., 3 округа, свящ. І. Знаменскаго 5 р. 60 к., лугскаго уѣзда, 3 округа, свящ. П. Кулигина 4 р. 47 к., лукояновскаго уѣзда, 1 округа, свящ. В. Педринскаго 3 р. 40 к., 3 округа, свящ. М. Смирнова 1 р. 60 к., любимскаго уѣзда, свящ. Н. Васкова 2 р. 35 к., г. Люблина, прот. Ѳ. Левашева 3 р. 31 к., макарѣвскаго уѣзда, 3 округа, свящ. І. Глазкова 1 р. 20 к., малмыжскаго уѣзда, 2 округа, свящ. П. Лупнова 3 р. 84 к., малсархангельскаго уѣзда, 2 участка, свящ. М. Никольскаго 7 р. 75 к., малоярославскаго уѣзда, свящ. Н. Ремизова 8 р. 25 к., мензелинскаго уѣзда, 3 округа, свящ. Н. Алфеева 2 р. 40 к., миргородскаго уѣзда, 3 части, свящ. В. Романовскаго 3 р. 2 к., 4 части, свящ. А. Сокольскаго 6 р., г. Мурома, Троицкаго женскаго монастыря 1 р., прот. А. Аменицкаго 6 р. 20 к., прот. А. Орфанова 2 р. 50 к., изъ уѣзда, 1 округа, свящ. В. Зиколпскаго 10 р., 2 округа, прот. П. Травчѣтова 3 р., г. Мышкина, прот. К. Лаврова 5 р., Нерехтскаго уѣзда, 7 округа, свящ. В. Благовѣщенскаго 5 р. 43 к., 9 округа, прот. А. Розанова 6 р., Нижегородскаго уѣзда, 3 округа, свящ. Коридалина 5 р., г. Николаевска, прот. Ѳ. Лебедева 1 р. 55 к., изъ уѣзда, 1 округа, прот. І. Воскресенскаго 9 р. 70 к., 9 округа, свящ. А. Началова 2 р. 70 к., Никольскаго уѣзда, 1 округа, свящ. В. Ушакова 4 р. 67 к., 2 округа, свящ. А. Образцова 11 р. 21 к., 4 округа, свящ. П. Жукова 10 р. 30 л., Новоградволинскаго уѣзда, прот. Ѳ. Лонгевича 3 р. 54 к., 2 округа, свящ. В. Немоловскаго 5 р. 55 к., новолодожскаго уѣзда, 2 округа, свящ. І. Цвѣткова 4 р. 79 к., 4 округа, свящ. А. Лаврова 7 р. 96 к., новоторжскаго уѣзда, свящ. П. Постникова 6 р., 2 округа, свящ. І. Невскаго 1 р. 92 к., 3 округа, свящ. М. Синадскаго 2 р. 73 к., 5 округа, свящ. А. Митропольскаго 9 р., новоузенскаго уѣзда, 1 округа, прот. П. Румянцева 1 р. 50 к., 2 округа, свящ. П. Меликова 2 р. 52 к., 4 округа, свящ. А. Дроздова 2 р. 30 к., 6 округа, свящ. Д. Чернозатинскаго 7 р., г. Нолинска, прот. г. Рязанова 2 р. 25 к., изъ уѣзда, 1 округа, свящ. П. Люминарскаго 4 р. 45 к., г. Оренбурга, духовной консистории 99 р. 46 к., изъ уѣзда, 1 округа, свящ. Ѳ. Граблина 3 р., оргѣвскаго уѣзда, 2 округа, свящ. П. Игнатѣева 3 р. 20 к., г. Орла, духовной консистории 6 р. 99 к., изъ уѣзда, 2 округа, свящ. П. Макарова 5 р., осташковскаго уѣзда, 2 округа, прот. М. Куракина 6 р. 90 к., 4 округа, свящ. С. Ильинскаго 5 р. 75 к., острожскаго уѣзда, 2 округа, прот. Д. Абрамова 1 р. 76 к., 3 округа, прот. К. Метельскаго 5 р. 89 к., 5 округа, свящ. І. Струмѣвнаго 3 р. 69 к., г. Осы, прот. Н. Старицына 3 р. 40 к., Пермскаго уѣзда, 3 округа, свящ. І. Бирилова 4 р., г. Переяславля—Залѣсскаго, Влад. губ., Да-

нилова монастыря 1 р, изъ уѣзда, свящ. С. Громова 3 р. 38 к., 2 округа, свящ. І. святоезерскаго 5 р. 74 к. 3 округа, прот. І. Добротворскаго 10 р., прот. А. Уклонскаго 10 р. 50 к., г. Переяславля (Полт. губ.), прот. А. Россинскаго 2 р. 45 к., изъ уѣзда, свящ. К. Магеровскаго 3 р. 91 к., свящ. Н. Фесенко 4 р. 65 к., 2 округа, прот. В. Коничковскаго 7 р. 10 к., 4 округа, свящ. А. Романицкаго 4 р., петербургскаго уѣзда, 2 округа, прот. Н. Травинскаго 10 р. 66 к., пирятинскаго уѣзда, прот. Н. Иерусалимскаго 4 р., 3 части, свящ. П. Андриѣвскаго 4 р. 25 к., г. Покрова, прот. А. Сервицкаго 3 р. 82 к. полоцкаго уѣзда, 2 округа, свящ. П. Петровскаго 2 р. 8 к., г. Полтавы, крестовоздвиженскаго монастыря 1 р. 14 к., духовной консисторіи 23 р. 27 к., свящ. Д. Тведоровича, 4 р. 35 к., изъ уѣзда, 1 округа, свящ. І. Осипова 1 р. 45 к., 3 округа, свящ. В. Курдиновскаго 3 р., 2 округа, свящ. А. Савинскаго 1 р. 67 к., прилукскаго уѣзда, 3 округа, свящ. Т. Мироновскаго 2 р. 30 к., 4 округа, свящ. І. Щербини 6 р. 32 к., проскурвовскаго уѣзда, 4 округа, свящ. В. Бѣльчанскаго 3 р. 51 к., пружанскаго уѣзда, свящ. І. Теодоровича 4 р. 7 к., г. Ржева, прот. І. Струженскаго 5 р. 67 к., изъ уѣзда, 2 округа, свящ. А. Мощанскаго 5 р. 28 к., 3 округа, свящ. П. Звѣрева 7 р. 80 к., г. Риги, духовной консисторіи 5 р. 29 к., ровенскаго уѣзда, 2 округа, свящ. І. Бережницкаго 2 р. 60 к., роменскаго уѣзда, свящ. В. Скитскаго 7 р. 50 к., свящ. К. Трояновскаго 5 р., г. Ростова, прот. А. Розова 1 р. 35 к., изъ уѣзда, свящ. В. Лахотскаго 6 р. 15 к., рузскаго уѣзда прот. М. Руссова 3 р., рѣчицкаго уѣзда, 4 округа, свящ. І. Соколова 4 р. 11 к., г. Самары, духовной консисторіи 27 р. 37 к., изъ уѣзда, 5 округа, свящ. І. Ливанова 7 р., 6 округа, свящ. А. Умова 3 р., г. Сарапула, прот. К. Рябовъ 3 р. 2 к., изъ уѣзда, 2 округа, свящ. С. Мужачева 4 р. 30 к., 3 округа, прот. В. Успенскаго 7 р. 84 к., 4 округа, свящ. П. Чемоданова 8 р. 40 к. г. Саратова, духовной консисторіи 16 р. 77 к., г. Симбирска, духовной консисторіи 42 р. 58 к., сѣнгилеевскаго уѣзда, 1 округа, прот. І. Саганона 3 р. 72 к., сергачскаго уѣзда, 2 округа, свящ. А. Вознесенскаго 4 р. 60 к., 4 округа, свящ. П. Коринскаго 2 р. 40 к., г. Слободскаго, христорождественскаго женскаго монастыря 2 р., крестовоздвиженскаго мужскаго монастыря 95 к., изъ уѣзда, 1 округа, прот. К. Богдановича 6 р. 40 к., слонимскаго уѣзда, свящ. Е. Бѣлоѣнцева 3 р. 15 к., смоленскаго уѣзда, прот. П. Недачина 6 р. 50 к., солигаличскаго уѣзда, 1 округа, свящ. К. Скворцова 4 р. 71 к., сольвычегодскаго уѣзда, 2 округа, свящ. М. Попова 5 р. 43 к., 3 округа, свящ. Н. Поповъ 2 р. 41 к., сорокскаго уѣзда, 4 округа, свящ. І. Цимлицы 4 р. 64 к., г. Спасска, (Тамб. губ.) прот. І. Ястребова 65 к., ставропольскаго уѣзда, 5 округа, свящ. Х. Ливанова 3 р., г. Старицы, прот. Д. Пѣнкина 2 р. 75 к., изъ уѣзда, 2 округа, свящ. А. Волкова 2 р. 50 к., 3 округа, прот. Г. Фаворскаго 12 р., 4 округа, свящ. В. Сперанскаго 4 р. 23 к., 5 округа, свящ. І. Рязанцева 6 р. 81 к., 7 округа, свящ. С. Никольскаго 6 р. 8 к., стерлитамакскаго уѣзда, 1 округа, прот. І. Андреева 6 р., старобѣльскаго уѣзда, 3 округа, свящ. Д. Донченкова 4 р. 53 к., 5 округа, свящ. В. Алексѣевскаго 4 р. 80 к., г. Суздалья, рязнопоженскаго женскаго монастыря 3 р., г. Судогды, прот. А. Богословскаго 1 р. 36 к., изъ уѣзда, 2 округа, прот. Г. Сергѣевскаго 4 р. 50 к., г. Сызрани, вознесенскаго женскаго монастыря 3 р., г. Сычевки, прот. А. Мирленкова 7 р. 81 к., сѣвскаго уѣзда, 4 участка, свящ. В. Святскаго 4 р., г. Тамбова, правленія архіерейскаго дома 6 р., духовной консисторіи 28 р. 6 к., изъ уѣзда, 3 округа, свящ. П. Островскаго 2 р. 50 к., 5 округа, свящ. П. Спасскаго 5 р. 30 к., 6 округа, свящ. С. Иловайскаго 3 р. 15 к., тверскаго уѣзда, 2 округа, свящ. Н. Вякирева 2 р. 70 к., 3 округа, свящ. Ѳ. Протоповы 7 р. 50 к., 5 округа, прот. Г. Соколова 7 р. 15 к., 6 округа, свящ. К. Скобникова 4 р., г. Темникова, санакарскаго монастыря 2 р., тетюшскаго уѣзда, 2 округа, свящ. В. Давыдова 3 р. 65 к., г. Тулы, духовной консисторіи 60 р. 24 к., г. Тюмени, свящ. А. Фокина 3 р. 70 к., г. Углича, богоявленскаго женскаго монастыря 5 р., Уральской области, свящ. Н. Маврицкаго 2 р., уржумскаго уѣзда, 1 округа, прот. Н. Мышкина 3 р. 62 к., 2 округа, свящ. І. Рѣдниковъ 3 р. 66 к., 3 округа, свящ. І. Поршнева 3 р., 4 округа, свящ. А. Дьяконова 2 р. 69 к., г. Усмани, свящ. П. Замихова 2 р. 54 к., изъ уѣзда, 4 округа, свящ. М. Богоявленскаго 3 р. 55 к., устьсольскаго уѣзда, 5 округа, свящ. Н. Доброумова 1 р., устюжскаго уѣзда, 3 округа, прот. А. Попова 5 р. 5 к., уфимскаго уѣзда, 4 округа, свящ. З. Ясенева 3 р. 3 к., харьковскаго уѣзда, 1 округа, свящ. Г. Лобковскаго 6 р. 8 к., 2 округа, свящ. А. Грекова 4 р., г. Херсона, прот. В. Ефремова 3 р. 15 к., изъ уѣзда, 1 округа, свящ. Н. Автономова 10 р., 2 округа, свящ. І. Вейсова 7 р. 35 к., холмскаго уѣзда, 1 округа, прот. Ф. Троща 15 р. 40 к., г. Хорола, прот. Н. Ѳедоренко 1 р. 80 к., изъ уѣзда, 1 округа, свящ. П. Клепачевскаго 2 р. 20 к., царевкококшайскаго уѣзда,

1 округа, прот. Д. Черкасова 2 р. 25 к., шивильского уезда, 2 округа, свящ. В. Ильинского 4 р., челябинского уезда, 20 округа, свящ. А. Шмотина 3 р. 4 к., шацкого уезда, 1 округа, свящ. И. Багрянского 4 р. 2 к., 2 округа, свящ. Д. Спасского 8 р. 35 к., г. Шуи, прот. Ф. Дунаева 3 р. 38 к., прот. А. Казанского 7 р. 76 к., изъ уезда, свящ. А. Благоскионова 2 р. 64 к., 4 округа, свящ. П. Виноградова 2 р. 50 к., г. Юхнова, прот. П. Заболотского 1 р., изъ уезда, свящ. В. Овсянникова 5 р. 75 к., 1 округа, свящ. А. Соколова 5 р. 52 к., юрьевского уезда, 6 округа, свящ. А. Вишнякова 6 р., ямпольского уезда, 3 округа, прот. М. Коричковского 5 р., г. Яранска, знаменско-маринского женского монастыря 1 р. 50 к., свящ. И. Анцыгина 2 р. 20 к., изъ уезда, прот. 1 округа, 6 р. 75 к., 2 округа, прот. А. Добринского 5 р. 14 к., 3 округа, свящ. А. Дернова 3 р. 96 к., яренского уезда, 3 округа, свящ. Н. Попова 1 р. и ярославского уезда, 5 округа, свящ. В. Курбановского 4 р. 65 к., итого 2244 р. 83 к.

Съ 1 февраля по 1 марта 1892 года. поступило: а) города С.-Петербурга: выборгско-петербургскаго столичнаго округа, священника М. Никифоровскаго 32 руб. 98 коп., николаевской единовѣрческой церкви. прот. В. Нильскаго 6 р. 25 к., преображенскаго собора (кружки № 25) 21 р. 35 к.; б) инородныхъ: александрійскаго уезда, свящ. О. Еленева 16 р. 69 к., свящ. Н. Высоцкаго 12 р. 50 к., 4 округа, свящ. Г. Сорокина 5 р. 75 к., ананьевскаго уезда, свящ. В. Кондратовича 6 р. 55 к., свящ. В. Лопатина 16 р. 50 к., 3 части, свящ. Д. Чекалова 9 р., арвамасскаго уезда, 2 округа, свящ. А. Алѣва 11 р. 21 к., ахтырскаго уезда, 1 округа, свящ. Г. Хижнякова 7 р. 45 к., 2 округа, свящ. В. Оедорова 2 р. 80 к., балахнинскаго уезда, 3 округа, свящ. Н. Соколова 2 р. 42 к., белебеевскаго уезда, 3 округа, свящ. В. Разумовскаго 2 р. 70 к., г. Благовѣщенска (на Амурѣ) камчатской дух. консисторіи 7 р. 21 к., бобруйскаго уезда, 2 округа, свящ. А. Савича 6 р. 10 к., 4 округа, свящ. А. Смолча 4 р. 37 к., Брестъ-Литовска, свящ. А. Жебровскаго 7 р. 42 к., брянскаго уезда, 3 участка, свящ. А. Діесперова 2 р. 95 к., 4 участка, свящ. Н. Зѣбрева 2 р. 92 к., 5 участка, свящ. И. Синельникова 2 р. 54 к., бугурусланскаго уезда, 8 округа, свящ. П. Леонидова 1 р. 70 к., бузулукскаго уезда, 2 округа, свящ. I. Кроткаго 2 р. 10 к., 5 округа, свящ. А. Соколова 7 р. 2 к., 9 округа, свящ. П. Бобровскаго 8 р., г. Бѣльска, свящ. А. Тарановича 5 р. 39 к., бѣльскаго уезда, 4 округа, свящ. В. Руженцева 19 р. 10 к., 5 округа, свящ. В. Пашина 2 р. 84 к., валковскаго уезда, 2 округа, прот. П. Лобковскаго 7 р. 40 к., велижскаго уезда, 1 округа, прот. В. Никифоровскаго 2 р. 25 к., верхнеуральскаго уезда, 14 округа, свящ. I. Чулова 2 р. 80 к., г. Вильманстранда, свящ. С. Политаева 18 р. 65 к., винницкаго уезда, 5 округа. прот. I. Стрѣльчевскаго 11 р. 30 к., витебскаго уезда, 3 округа, свящ. П. Свищикаго 50 к., г. Вознесенска, прот. I. Курлова 14 р. 60 к., волчанскаго уезда, 1 округа, свящ. А. Еввимова 14 р. 14 к., Волчанскаго уезда, 2 округа, прот. Г. Буханцева 8 р. 30 к., г. Вышняго-Волочка, прот. I. Никольскаго 9 р. 50 к., г. Вѣрнаго, туркестанской дух. консисторіи 13 р. 79 к., вязниковскаго уезда, 2 округа, свящ. П. Авророва 9 р. 40 к., 3 округа, прот. В. Малинина 6 р. 40 к., вятскаго уезда, 1 округа, свящ. Д. Михайлова 6 р. 20 к., гадячскаго уезда, 2 части, свящ. I. Мартинокича 2 р. 82 к., гайсинскаго уезда, 3 округа, свящ. А. Шероцкаго 2 р. 25 к., гдовскаго уезда, 1 округа, свящ. А. Богданова 3 р. 73 к., 2 округа, свящ. I. Яновскаго 7 р. 15 к., глазовскаго уезда, 1 округа, прот. I. Дернова 2 р. 41 к., зашт. г. Градижска, прот. М. Бабырева 3 р., г. Гродно, прот. I. Кудрицкаго 1 р., гразовецкаго уезда, 3 округа, свящ. А. Якубова 6 р. 20 к., дынабургскаго уезда, прот. П. Беллави на 1 р. 30 к., дмитровскаго уезда, 1 участка, прот. Н. Ливанова 6 р. 62 к., прот. М. Рождественскаго 5 р. 15 к., донской области, александровско-грушевскаго прот. А. Манохина 7 р. 2 к., дегтевскаго свящ. М. Захарова 28 р. 83 к., кагальницкаго прот. I. Ремезова 9 р. 43 к., качалинскаго прот. В. Попова 8 р. 6 к., новониколаевскаго свящ. I. Деметьева 6 р. 17 к., потемкинскаго свящ. А. Милютина 5 р. 9 к., Цимлянскаго свящ. I. Попова 9 р. 90 к., чернышевскаго свящ. С. Одоламскаго 8 р. 50 к., г. Дорогобужа, прот. А. Медвѣдкова 5 р. 64 к., дриссенскаго уезда, 1 округа, прот. I. Короткова 3 р., г. Елабуги, казанско-богородицкаго женск. монастыря 2 р., елатомскаго уезда, 1 округа, свящ. А. Орлова 15 р., елецкаго уезда, 2 участка, свящ. I. Преображенскаго 5 р. 67 к., 4 участка, свящ. Н. Макарьева 3 р. 80 к., 5 участка, свящ. I. Руднева 4 р. 73 к., г. Елисаветграда, прот. Воаченко 10 р., изъ уезда, свящ. М. Вижевскаго 13 р. 10 к., ельнинскаго уезда, 1 округа, свящ. Г. Сеньковскаго 2 р. 28 к., г. Енисейска, свящ. С. Архангельскаго 1 р., г. Заславя, свящ. М. Копачевскаго 3 р. 69 к.,

изъ уѣзда, свящ. К. Струмѣнскаго 7 р. 96 к., 4 округа, свящ. Д. Ненадкевича 6 р. 17 к., замостскаго уѣзда, свящ. Н. Сагайдакова 9 р., змѣвскаго уѣзда, 1 округа, свящ. П. Тимофѣева 4 р. 50 к., 2 округа, свящ. В. Антоновскаго 5 р. 2 к., 3 округа, свящ. І. Чудновскаго 8 р. 41 к., г. Золотоноши, прот. І. Билинскаго 2 р. 81 к., изъ уѣзда, свящ. М. Чубова 1 р. 77 к., 6 округа, свящ. І. Билинскаго 3 р., 7 округа, свящ. А. Чачкова 1 р. 60 к., зубовскаго уѣзда, 4 округа, свящ. М. Рязанцева 4 р. 55 к., г. Зѣнькова, прот. В. Гринько 3 р. 50 к., житомірскаго уѣзда, 3 округа, свящ. Г. Ковалевскаго 8 р. 20 к., игуменскаго уѣзда, 1 округа, прот. І. Фалевича 3 р. 65 к., 3 округа, свящ. А. Голубовича 1 р. 93 к. изюмскаго уѣзда, 1 округа, свящ. А. Касьянова 9 р. 50 к., 3 округа, прот. А. Литвинова 9 р. 36 к., г. Ишима, свящ. Д. Кузнецова 5 р. 62 к., кадникскаго уѣзда, 1 округа, свящ. В. Сибириева 12 р. 20 к., 2 округа, свящ. А. Левитскаго 4 р. 40 к., г. Казани, прот. П. Воздвиженскаго 7 р., изъ уѣзда, прот. І. Черкасова 4 р. 20 к., 2 округа, свящ. П. Румянцева 12 р. 30 к., калязинскаго уѣзда, 6 округа, свящ. І. Морощкина 13 р. 13 к., карачевскаго уѣзда, 1 округа, прот. М. Покровскаго 20 р. 50 к., 2 участка, свящ. В. Успенскаго 7 р. 55 к., кинешемскаго уѣзда, 4 округа, свящ. А. Робустова 2 р. 20 к., княгининскаго уѣзда, 4 округа, свящ. І. Лебедева 1 р., кобелякскаго уѣзда, 3 части, свящ. А. Радичева 6 р., кобринскаго уѣзда, свящ. А. Саковича 3 р. 78 к., ковельскаго уѣзда, 1 округа, свящ. М. Вѣлецкаго 11 р. 62 к., 2 округа, свящ. І. Тариновскаго 3 р. 46 к., 3 округа, свящ. В. Дмоховскаго 4 р. 39 к., г. Ковно, прот. Д. Ярушевича 5 р. 5 к., ковровскаго уѣзда, 2 округа, свящ. Н. Любимова, 3 р., 3 округа, прот. І. Миловидова 4 р., г. Константинограда, прот. А. Шитинскаго 3 р. 10 к., изъ уѣзда, 5 части, свящ. І. Алтуева 1 р. 51 к., корчевскаго уѣзда, 2 округа, свящ. Э. Зестеле 7 р. 54 к., космодемьянскаго уѣзда, 2 округа, свящ. П. Любимова 7 р., альдромскаго уѣзда, 5 округа, свящ. А. Соколова 2 р. 73 к., котельничскаго уѣзда, 3 округа, свящ. М. Агаеоникова 8 р. 50 к., г. Краснаго, прот. Г. Жданова 80 к., изъ уѣзда, 2 округа, свящ. А. Лебедева 3 р. 72 к., красноуфимскаго уѣзда, 2 округа, свящ. І. Вoadвиженскаго 3 р. 5 к., кременецкаго уѣзда, 1 округа, свящ. А. Баршевскаго 16 р. 15 к., г. Кременчуга, прот. Л. Бѣлянцева 11 р. 40 к., изъ уѣзда, прот. І. Абрамова 10 р., г. Кронштадта, прот. П. Трачевскаго 4 р., Кубанской области, 2 округа, свящ. А. Тихомирова 22 р. 25 к., 10 округа, свящ. К. Сапѣжко 13 р., 16 округа, свящ. А. Молчанова 7 р., купянскаго уѣзда, 1 округа, прот. В. Попова 10 р., курмышскаго уѣзда, 4 округа, свящ. І. Михайсовскаго 2 р. 74 к., г. Кутаиса, свящ. Н. Кубаніева 3 р. 12 к., свящ. І. Абетале 4 р. 69 к., лебединскаго уѣзда, 3 округа, прот. П. Краснопольскаго 13 р. 56 к., летичевскаго уѣзда, 5 округа, свящ. І. Стрѣльбицкаго 5 р., ливенскаго уѣзда, 2 участка, свящ. Т. Космодамианецкаго 18 р., 3 участка, свящ. В. Хохлова 3 р. 40 к., 4 участка, свящ. Н. Глѣбора 12 р. 40 к., лохвицкаго уѣзда, свящ. Е. Черницкаго 2 р. 3 к., 3 округа, свящ. П. Пономаренко 5 р. 10 к., лубенскаго уѣзда, прот. А. Дамаскина 6 р., свящ. І. Новицкаго 5 р., 5 части, свящ. В. Бельговскаго 1 р. 78 к., любимскаго уѣзда, свящ. І. Волкова 3 р. 21 к., г. Луги, прот. А. Передольскаго 5 р. 29 к., изъ уѣзда, 1 округа, свящ. В. Добромыслова 3 р. 43 к., луцкаго уѣзда, 1 округа, свящ. Э. Яновскаго 13 р. 67 к., 2 округа, свящ. М. Шумскаго 6 р. 38 к., 3 округа, свящ. М. Абрамовича 11 р. 1 к., г. Любима, прот. Н. Писаревскаго 4 р. 85 к., мамадышскаго уѣзда, 1 округа, свящ. А. Лебедева 3 р., малоархангельскаго уѣзда, 4 участка, свящ. А. Грузинскаго 4 р., г. Меленковъ, прот. В. Филадельфина 1 р. 90 к., изъ уѣзда, 1 округа, свящ. П. Дмитревскаго 3 р. 40 к., 2 округа, свящ. А. Смирнова 2 р. 50 к., 3 округа, прот. П. Миртова 7 р. 50 к., минскаго уѣзда, 3 округа, свящ. В. Квятковскаго 3 р. 50 к., мозырскаго уѣзда, 1 округа, прот. А. Савича 6 р. 60 к., могилевскаго уѣзда, 1 округа, свящ. І. Монастырскаго 3 р., 4 округа, свящ. В. Стефановскаго 5 р. 60 к., 5 округа, свящ. Г. Потощкаго 3 р. 81 к., г. Москвы, прот. А. Любимова 7 р., муромскаго уѣзда, 3 округа, прот. Г. Влѣднечкаго 1 р. 45 к., г. Невеля, прот. Е. Гнѣдовскаго 1 р., изъ уѣзда, свящ. П. Холодкевича 1 р. 89 к., 3 округа, свящ. Г. Бобровскаго 4 р., Нижняго-Новгорода, прот. Д. Страхова 20 р. 36 к., изъ уѣзда, 2 округа, свящ. П. Доброзракова 3 р. 9 к., 4 округа, свящ. Э. Счастнева 3 р., николевскаго уѣзда, 1 округа, свящ. А. Кубарева 1 р. 70 к., 3 округа, свящ. В. Віанцева 2 р. 55 к., 7 округа, свящ. А. Сурынскаго 2 р. 22 к., 8 округа, свящ. А. Рыбакова 1 р. 35 к., николевскаго уѣзда, 3 округа, свящ. І. Копосова 12 р. 30 к., Новой Лдоги, свящ. А. Димитріева 12 р. 37 к., г. Новогеоргиевска, свящ. П. Колосова 3 р. 85 к., новгородволинскаго уѣзда, 1 округа, свящ. В. Петровскаго 6 р. 67 к., 3 округа, свящ. А. Данилевича 6 р. 76 к., новгородскаго уѣзда, 2 округа, свящ. І. Рыбцевича 1 р., 3 округа,

свящ. I. Квандковского 2 р., г. Новочеркасска, прот. I. Прозоровского 2 р. 30 к.
 свящ. В. Петрова 12 р. 20 к., новоузенского уезда, 3 округа, свящ. А. Ушакова
 1 р. 50 к., новоушицкого уезда, 3 округа, прот. А. Антоновского 4 р., овруч-
 ского уезда, 3 округа, свящ. П. Лисицкого 4 р. 5 к., ольгопольского уезда,
 1 округа, свящ. В. Тутевича 2 р. 75 к., оренбургского уезда, 2 округа, свящ.
 В. Подъячева 5 р., 7 округа, свящ. I. Юденича 6 р., 10 округа, свящ. I. Маленка
 3 р. 7 к., острожского уезда, 4 округа, прот. К. Червинского 6 р. 87 к., губ. г. Орла,
 свящ. Г. Славского 11 р. 40 к., осинского уезда, 1 округа, свящ. П. Шилова 17 р.
 40 к., осташковского уезда, 3 округа, прот. Э. Страхова 15 р. 87 к., переяславского
 уезда, 7 округа, свящ. I. Лонгина 3 р. 3 к., Петропавловска, 15 участка, прот.
 П. Донского 2 р. 54 к., шинского уезда, 1 округа, прот. В. Грудницкого 1 р. 15 к.,
 2 округа, свящ. А. Бернадского 3 р., 3 округа, свящ. В. Рубановича 1 р. 16 к.,
 5 округа, свящ. Е. Тарановича 2 р. 50 к., покровского уезда, 2 округа, прот.
 Т. Соколова 16 р., полоцкого уезда, 1 округа, свящ. Э. Антоневича 1 р.,
 3 округа, свящ. В. Придровского 1 р. 29 к., полтавского уезда, 2 части, прот.
 В. Яцевича 5 р. 40 к., г. Еоневъжа, прот. Е. Омеляновича 2 р., порьчского уезда,
 3 округа, свящ. А. Синакова 1 р. 94 к., прилукского уезда, 2 округа, свящ. П.
 Грузинского 2 р., 6 округа, свящ. С. Иваницкого 2 р. 10 к., пружанского уезда,
 свящ. И. Гомолицкого 1 р. 70 к., ижевского уезда, 5 округа, свящ. М. Во-
 робьева 11 р. 28 к., г. Ровно, прот. В. Квасницкого 4 р. 20 к., г. Ромень, свящ.
 Д. Италинского 3 р. 70 к., изъ уезда, прот. Г. Шкляревского 2 р. 75 к.,
 2 округа, свящ. I. Лебединского 4 р. 29 к., 6 округа, свящ. I. Фелдорского
 2 р. 70 к., рославльскаго уезда, 1 округа, свящ. Д. Конокотина 4 р. 85 к.,
 рыбницкого уезда, свящ. А. Виноградова 3 р. 30 к., самарского уезда, 2 округа-
 свящ. А. Усмирского 1 р. 59 к., петербургского уезда, 1 округа, свящ. В. Муд,
 ролюбова 30 р. 65 к., г. Сарпула, свящ. А. Виноградова 5 р., г. Саратова, бла-
 говѣщенскаго женск. монастыря 3 р. г. Свѣнцянъ, свящ. I. Кузнецова 6 р. 20 к.,
 г. Себежа, прот. I. Лукашевича 1 р. 10 к., изъ уезда, 1 округа, свящ. I. Игна-
 товича 2 р., 2 округа, свящ. П. Цытовича 5 р. 5 к., сергачского уезда, 3 округа,
 свящ. I. Добротворскаго 7 р. 35 к., слободскаго уезда, 2 округа, свящ. I. Вечто-
 мова 3 р., 4 округа, свящ. Н. Шкляева 3 р. 50 к., г. Слуцка, свято-троицкаго
 монастыря 2 р., прот. П. Сулковскаго 3 р. 72 к., изъ уезда, 1 округа, свящ.
 А. Пыжевича 8 р. 62 к., 3 округа, свящ. М. Постѣлова 7 р., смоленскаго уезда,
 свящ. П. Конокотина 2 р. 71 к., 3 округа, свящ. Н. Жегалова 2 р. 15 к., соль-
 вычегодскаго уезда, 1 округа, свящ. М. Вячеславова 2 р. 40 к., соликамскаго
 уезда, 1 округа, прот. П. Киселева 15 р. 70 к., спасскаго уезда, (тамб. губ.)
 1 округа, свящ. В. Вадковскаго 4 р. 60 к., ставропольскаго уезда, 2 округа,
 свящ. П. Свѣтозарова 10 р., 4 округа, свящ. Ю. Рудина 5 р. 40 к., 9 округа,
 свящ. Э. Степанова 3 р. 50 к., старицкаго уезда, 6 округа, свящ. I. Невскаго
 7 р. 40 к., старобѣльскаго уезда, 2 округа, свящ. В. Попова 6 р. 93 к., 4 округа,
 прот. Г. Максимова 21 р. 7 к., староконстантиновскаго уезда, 1 округа, свящ.
 А. Сѣдлецкаго 3 р. 15 к., стерлитамакскаго уезда, 2 округа, прот. I. Зыскова
 2 р., 3 округа, свящ. Д. Малышева 2 р., 20 к., г. Суздаля, прот. М. Херасова
 3 р., 63 к., изъ уезда, 3 округа, прот. I. Семеновскаго 6 р., 4 округа, свящ. П.
 Тихомирова 7 р., 5 округа, свящ. I. Вишнякова 5 р., судогодскаго уезда,
 3 округа, прот. М. Смирнова 6 р. 60 к., сумскаго уезда, 1 округа, прот. В. Ни-
 кольскаго 16 р. 50 к., 2 округа, свящ. А. Чугаева 18 р. 50 к., сызранскаго
 уезда, 7 округа, свящ. А. Забѣлина 3 р. 75 к., сѣвскаго уезда, 1 участка,
 прот. I. Святскаго 6 р. 15 к., 2 участка, свящ. М. Милосердова 3 р., 3 участка,
 свящ. Д. Попова 3 р. 30 к., 5 участка, свящ. Д. Радина 3 р. 60 к., темников-
 скаго уезда, 3 округа, свящ. В. Доброва 3 р. 50 к., тираспольскаго уезда,
 свящ. Т. Стратоновича 5 р. 40 к., г. Томска, дух. консисторія 3 р. 47 к.,
 г. Торжка, прот. П. Чиримова 8 р. 35 к., троицкаго рѣзда, 29 округа, свящ.
 В. Протасова 95 к., трубчевскаго уезда, 2 участка, свящ. А. Генерозова 7 р. 65 к.,
 г. Тюмени, прот. I. Тихомирова 10 р. 58 к., г. Углича, прот. А. Срѣтенскаго
 3 р. 10 к., свящ. К. Приорова 1 р., устюжскаго уезда, 1 округа, свящ. I. Кор-
 жавина 4 р. 19 к., 2 округа, свящ. I. Попова 4 р., 4 округа, свящ. X. Смѣлова
 8 р. 7 к., устьсмысльскаго уезда, 1 округа, свящ. Г. Мысова 9 р., 2 округа,
 свящ. И. Попова 4 р. 4 к., Уральской Области, свящ. Бирѣкова 3 р. 84 к.,
 г. Уфы, прот. П. Желатенева 5 р., ушицкаго уезда, 4 округа, свящ. I. Сокаль-
 скаго 5 р. 6 к., г. Харькова, свящ. П. Полтавцева 33 р., изъ уезда, прот. М.
 Рокитянскаго 6 р. 93 к., 4 округа, свящ. А. Червонецкаго 4 р. 86 к., херсон-
 скаго уезда, свящ. I. Бабуря 6 р. 11 к., свящ. I. Диаконскаго 15 р., 2 округа-
 прот. К. Буримовича 9 р. 10 к., хорольскаго уезда, прот. I. Ушацкаго 7 р.,
 3 части, прот. П. Волкова 3 р. 76 к., царскосельскаго уезда, 2 округа, свящ.

А. Милославова 5 р. 77 к., 3 округа, свящ. К. Хутынского 7 р. 8 к., г. Чистополя, прот. В. Пеньковского 7 р. 10 к., южновского уѣзда, 3 округа, свящ. И. Полчанинова 5 р. 78 к., ярвского уѣзда, прот. А. Лебедева 2 р. 10 к., 3 округа, свящ. В. Розова 3 р., ямбургскаго уѣзда, свящ. А. Братолюбова 5 р. 56 к., 2 округа, прот. Е. Ярышевскаго 5 р. 60 к., ямпольскаго уѣзда, 2 округа, свящ. Н. Лазаркевича 14 р. 33 к., 4 округа, свящ. В. Лисѣвича 5 р. 30 к., яранскаго уѣзда, 4 округа, свящ. С. Наумова 4 р. 10 к., яренскаго уѣзда, 1 округа, свящ. Н. Торкова 3 р. 10 к., ярславскаго уѣзда, свящ. Ѳ. Пеликанова 3 р. 88 к., свящ. К. Пятницкаго 3 р. 10 к. и свящ. І. Соколова 4 р. 40 к., итого 1586 р. 80 к., а всего съ прежде поступившими 4,101 р. 63 к.

Съ 1 марта по 1 апрѣля 1892 г. поступило: а) г. С.-Петербурга: 3 столичнаго округа, прот. І. Гратинскаго 80 р. 2 к. и 6 столичнаго округа, прот. В. Гиляровскаго 45 р. 50 к.; б) иногородныхъ: александрійскаго уѣзда, 2 округа, свящ. Д. Синицаго 10 р. 76 к., Астрахани, дух. консисторіи 234 р. 2 к., болховскаго уѣзда 4 участка, прот. П. Петровскаго 4 р. 10 к., валуйскаго уѣзда, свящ. В. Скрабина 5 р., Варшавы, холмско-варшавской дух. консисторіи 24 р. 25 к., Верхне уральска, прот. П. Шмотина 1 р. 4 к., Вильны, прот. І. Котовича 3 р., свящ. І. Шверубова 9 р., винницкаго уѣзда, 4 округа, свящ. Ф. Трублаевича 8 р. 85 к., губ. г. Владиміра, дух. консисторіи 31 р. 9 к., волоколамскаго уѣзда, прот. С. Уклонскаго 2 р. 92 к., Вѣрнаго, туркестанской дух. консисторіи 1 р. 59 к., Вятки, прот. А. Емельянова 4 р. 92 к., галичскаго уѣзда, 5 округа, свящ. Н. Комаровскаго 4 р., гдовскаго уѣзда, 3 округа, свящ. Д. Альбовъ 4 р. 15 к., гороховецкаго уѣзда, 2 округа, прот. В. Алявдина 4 р., дмитровскаго уѣзда, 2 участка, свящ. П. Покровскаго 9 р., Донской области константиновскаго у. свящ. М. Сахарова 5 р. 89 к., ельнинскаго уѣзда, свящ. А. Виноградова 12 р., златоустовскаго уѣзда, свящ. П. Кострова 4 р., 2 округа, свящ. П. Лукина 3 р. 70 к., ирбитскаго уѣзда, 3 округа, свящ. А. Удинцева 10 р. 65 к., Казани, прот. П. Малова 6 р., кобринскаго уѣзда, свящ. П. Михаловскаго 1 р. 59 к., константиноградскаго уѣзда, 2 округа, свящ. А. Любарскаго 2 р. 10 к., котельничскаго уѣзда, 2 округа, прот. М. Изергина 13 р., Костромы, дух. консисторіи 147 р. 55 к., кромскаго уѣзда, 1 участка, прот. І. Васильева 6 р. 15 к., кутянскаго уѣзда, 2 округа, прот. М. Чернявскаго 19 р. 51 к., летичевскаго уѣзда, 2 округа, прот. Ф. Лазаркевича 3 р., 3 округа, свящ. І. Сѣцинскаго 6 р., ливенскаго уѣзда, 1 участка, прот. І. Лаврова 19 р. 16 к., любимскаго уѣзда, свящ. А. Лавровъ 4 р. 60 к., мензелинскаго уѣзда, 1 округа, прот. В. Уводскаго 3 р. 27 к., моршанскаго уѣзда, 3 округа, свящ. В. Рождественскаго 4 р. 87 к., кр. Новогеоргиевскъ, прот. Ѳ. Уловича 9 р. 88 к., Одессы, херсонской дух. консисторіи 12 р. 23 к., изъ уѣзда, прот. І. Смирнаго 3 р. 15 к., Оренбурга, прот. С. Юденича 3 р., оргѣвскаго уѣзда, 4 округа, свящ. А. Агапіева 6 р., осинскаго уѣзда, 2 округа, прот. І. Старицына 12 р. 95 к., Петергофа, прот. І. Ѳлворскаго 15 р. 31 к., Петрозаводска, олонечской дух. консисторіи 40 р. 68 к., пярятинскаго уѣзда 2 части, свящ. І. Полянскаго 2 р. 30 к., 4 округа, свящ. А. Минжевскаго 2 р., Полтавы, прот. Н. Урлова 2 р., Порѣчья, прот. Д. Березкины 3 р., роменскаго уѣзда, свящ. Ѳ. Греченки 2 р., Салмы, 3 округа, свящ. І. Заболотскаго 6 р., Самары, прот. І. Боголюбскаго 15 р., изъ уѣзда, 1 округа, свящ. С. Кильдюшевскаго 4 р. 40 к., сарапульскаго уѣзда, 1 округа, свящ. М. Напольскаго 3 р. 50 к., себежскаго уѣзда, 3 округа, свящ. М. Бѣлинскаго 3 р. 40 к., слободскаго уѣзда, 2 округа, свящ. А. Змятина 4 р. 53 к., Смоленска, свящ. К. Вишневскаго 2 р. 30 к., спасскаго уѣзда, (каз. губ.) 2 округа, свящ. С. Студенцова 3 р. 80 к., суздальскаго уѣзда, 1 округа, свящ. В. Георгіевскаго 7 р., сычевскаго уѣзда, 2 округа, свящ. І. Попова 5 р. 2 к., Тамбова, прот. І. Боголѣповъ 12 р. 65 к., тверскаго уѣзда, 4 округа, свящ. Ѳ. Предтеченскаго 5 р. 30 к., темниковскаго уѣзда, 1 округа, свящ. А. Доброхотова 3 р. 16 к., Терской области, свящ. Полозова 2 р. 81 к., трубчевскаго уѣзда, 3 участка, свящ. П. Богословскаго 2 р. 25 к., Тулы, дух. консисторіи 249 р. 89 к., усманскаго уѣзда, 3 округа, свящ. В. Милутина 12 р., ушницкаго уѣзда, 1 округа, свящ. І. Маркевича 8 р., 5 округа, прот. А. Беднарвскаго 3 р. 79 к., Чернигова, дух. консисторіи 91 р. 29 к., Чистопольскаго уѣзда, 3 округа, свящ. В. Лихачева 5 р. 55 к. и Юрьевскаго уѣзда, 5 округа, прот. А. Благонравова 10 р., итого 1.336 р. 39 к., а всего съ прежде поступившими 5.438 р. 2 к.

ЖИВАЯ СТАРИНА

Періодическое изданіе отдѣленія этнографіи и р. географическаго общества

подъ редакцію Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. ЛАМАНСКАГО

ВЫПУСКЪ III. ЦѢНА 1 Р. 50 КОП.

ОТДѢЛЪ I. Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія: 1. Очерки русской діалектологіи. II. Бѣлорусское нарѣчіе. *А. И. Соболевскаго* 2. О побратимствѣ и посестрицтвѣ. Очеркъ изъ обычнаго права болгарь. *С. Бобчева*. 3. Путевыя письма *И. И. Срезневскаго* къ матери его *Е. И. Срезневской* (1839—1842). 4. Троицина Кадниковскаго уѣзда (бытовой очеркъ). *А. Шустикова*.

ОТД. II. Памятники языка и народной словесности: 1. О причитаніяхъ и плачахъ записанныхъ въ олонецъ и арханг. губ. *Ө. Истомина*. 2. Заговоръ отъ ружья (тоб. губ.). Сообщ. *С. А. Паткановымъ*. 3. Купля, продажа скота; заговоръ отъ лихорадки; какъ окуриваютъ новотельхъ коровъ. Побасенка (нижегор. губ.). Сообщ. *Ив. Максимымъ*. 4. Заговоръ отъ присухи (пермск. губ.). Сообщ. *П. А. Шилковымъ*. 5. Проводки и проводочныя пѣсни въ ростовск. уѣздѣ. *Н. Б.* 6. О говорѣ жителей каргоп. края. *Як. Сятлова*.

ОТД. IV. Сѣтьсь. 1. Игра въ тура. *В. Мошкова*.

П. А. Матвѣева:

БОЛГАРІЯ ПОСЛѢ БЕРЛИНСКАГО КОНГРЕССА

Историческій очеркъ. Цѣна 2 руб.

РЕФОРМА МѢСТНАГО УПРАВЛЕНІЯ

Цѣна 50 к.

Продаются въ книжныхъ магазинахъ «*Новаго Времени*», *Карбасникова*, *Цинзерлинга* и др, а также въ кн. складѣ *Мартинова*, Баскова ул., д. № 3.

Въ редакцію поступили слѣд. журналы, книги и брошюры литературнаго содержания.

Отчетъ Имп. Рус. Географическаго общества за 1891 г. Спб. 1892.

Извѣстія общества археологій, истории и этнографіи при Имп. Казанскомъ университетѣ. Т. X. Вып. 5. Казань. 1892.

Извѣстія Имп. Рус. Географическаго общества XXVIII. Спб. 1892.

Fabković Skender. Nešto o ponosu i njegovih srednicih. Zagreb. 1892.

Голубинскій Е. Е. Преподобный Сергій Радонежскій. М. 1892.

Отчетъ о дѣятельности русскаго благотв. общ. въ Царствѣ Польскомъ за 1891 г. Варш. 1892.

Г. А. Воскресенскаго. Древне-славянскій апостолъ, по основнымъ спискамъ XII—XVI вв. М. 1892.

Публичное засѣданіе Императ. Академіи Наукъ 19 окт. 1892 г. Спб. 1892.

Hviezdoslava Sobrané Spisy básnicke. I. Turčiansky. Sv. Martin. 1892.

Помяловскій И. В. Житіе иже во святыхъ отца нашего Теодора архіепископа Едесскаго. По 2 рукописямъ Московской синодальной бібліотеки. Спб. 1892.

Криптоглоссарій. Отрывокъ (представленіе глагола «выпить»). Спб. 1891.

Niederle Lubor. Lidstvo v době předhistorické. Praha. 1892. 1 и 2 в.

Ю. Нулаковскій. Христіанская церковь и римскій законъ въ теченіе двухъ первыхъ вѣковъ. Отвѣтъ на «Нѣсколько замѣчаній» въ Труд. Кіев. Дух. Акад. Кіевъ, 1892.

Е. А. Вальтеръ. А. А. Потемнѣ 1835—1891 гг. бібліографическіе матеріалы. Спб. 1892.

А. М. Иванцова-Платонова. Къ излѣдованіямъ о Фотіѣ, патриархѣ Константинопольскомъ. 1892.

ВЛАГОВѢСТЬ,

современное изданіе, имѣющее цѣлю выясненіе духовно-нравственныхъ стремленій и задачъ и бытовыхъ условій жизни Россіи и остальнаго славянства.

Влаговѣсть выходитъ съ августа 1890 г. подъ руководствомъ А. Васильева. ЦѢНА съ доставкой и пересылкою **пять руб.** въ годъ; съ января по августъ или съ іюня по конецъ года **три руб.** и съ августа по конецъ года **два руб.** Допускается разсрочка и выписка съ наложеннымъ платежемъ.

Влаговѣсть за 1891 г., большой томъ въ 728 стр. въ 4 д. л. въ цвѣтной обложкѣ, высылается за 5 руб.

Подписныя деньги, требованія о высылкѣ изданія за прежніе годы, а также книги и повр. изданія для отзыва и въ обмѣнъ просятъ высылать въ **Кормило Влаговѣста**: Петроградъ, Пет. стор., Вольшой пр., д. 26.

Кормилъ О. Четыркинъ.

Издательница А. Васильева.

СЛАВЯНСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

выходить въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ ежемѣсячно, 12 вѣ. въ годъ, отъ 8—10 л. обыкновеннаго формата, съ портретами славянскихъ дѣятелей.

ПОДПИСКА на 1892 г. принимается—

въ С.-Петербургѣ: въ Экспедиціи журнала при Русскомъ книжномъ магазинѣ (Н. Н. Мороза), Невск. пр. № 106 (куда должны быть своевременно сообщаемы извѣщенія о перемѣнѣ адреса, съ указаніемъ прежняго адреса), а также во всѣхъ наиболѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ;

въ Москвѣ: И. И. Глазунова, Н. П. Карбасникова и *Новаго Времени*; въ Кіевѣ: Н. Я. Оглоблина и Ф. А. Югансона; въ Одессѣ и Харьковѣ: *Новаго Времени*; въ Казани: А. А. Дубровина; въ Ригѣ: Киммеля; въ Вильнѣ: Сыркина; въ Варшавѣ: Карбасникова и Истомина; въ Лейпцигѣ: *Librairie Russo-Slave H. Roskoschny*; въ чешской Прагѣ: *Ed. Valečka*; въ Вѣнѣ: *G. Szelinsk*; въ Загребѣ: *L. Hartmann*; въ Бѣлградѣ: Велимира Валожица; въ Панчевѣ: Братъевъ Іовановичей и въ Константинополѣ: *H. Weiss*.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: за годъ безъ перес. 7 руб. с., съ пересыл. въ Россіи и за границей 8 р. или 10 австр. гульд.; на полгода 4 р. с. или 5 австр. гульд.; за четверть года 2 руб. с. или 3 австр. гульд.

Антонъ Будилевичъ

ОБЩЕСЛАВЯНСКІЙ ЯЗЫКЪ ВЪ РЯДУ ДРУГИХЪ ОБЩИХЪ ЯЗЫКОВЪ ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ ЕВРОПЫ 2 тома. В. 1892. Цѣна 4 р.

Это сочиненіе увѣнчано первою Кирилло-Меѳодіевскою премією, издано иждивеніемъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества и одобрено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для приобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній названнаго министерства и Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ для приобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки духовныхъ семинарій.

Складъ изданія: Спб., у Александрин. театра, 9, въ Славянскомъ Благотв. Обществѣ.

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ А. Будилевичъ.

Типографія П. П. Соѣкина. Стреланная, 12.

СЛАВЯНСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ

1892.

НОЯВРЬ—ДЕКАВРЬ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.—ТОМЪ Ш

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

Digitized by Google

КНИГА XI—XII—НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ, 1892.

	Стран.
I. ОСИПЪ МАКСИМОВИЧЪ БОДЯНСКІЙ (съ портретомъ).—А. А. Кочубинскаго	291
II. ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ КН. В. А. ЧЕРКАСКАГО и Н. А. МИЛЮТИНА (съ портретомъ кн. В. А. Черкаскаго). Преобразование польскихъ монастырей въ 1864 г.	306
III. ОТЗЫВЪ РЕНАНА О СЛАВЯНСКОМЪ МІРЪ.—Н. Н. Стрехова	330
IV. МЕЛЬХИСЕДЕКЪ, ЕП. РОМАНСКІЙ (некрологъ).—Г. Самурина	337
V. ОТКРЫТИЕ ВЪ ЕЛИСАВЕТГРАДЪ ПАМЯТНИКА В. И. ГРИГОРОВИЧУ.—В. Я. В. И. Григоровичъ въ исторіи славяновѣдѣнія.—А. А. Кочубинскаго	344
VI. ЧЕХІЯ И ЧЕХИ.—И. П. Филевича	365
VII. ДВА СЛОВА О БОСНЪ И ГЕРЦЕГОВИНЪ.—Дубровчанина	398
VIII. ЧЕРНОГОРІЯ ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ.—П. А. Ровинскаго	415
IX. ЕЩЕ О ГАЛИЦКОЙ ЭМИГРАЦІИ.—Галичанина	423
XI. СЛАВЯНОФИЛЬСТВО ПО ВЗГЛЯДАМЪ В. С. СОЛОВЬЕВА (критическая замѣтка).—А. С	428
XII. ПО ПОВОДУ 90-ой ГОДОВЩИНЫ ИМП. ДЕРПТСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.—А. С. Будиловича	451
XIII. ЛѢТОПИСЬ.—А. Б.	456
XIV. ПИСЬМА ИЗЪ СЛАВЯНСКИХЪ И ДР. ЗЕМЕЛЬ. Изъ Варшавы. Русско-польскій вопросъ въ освѣщеніи г. Крестовскаго и г. Лихтанскаго.—С. Т.	474
Изъ Львова. «Читанка» г. Барвинскаго. Непригодность малорусскихъ говоровъ для народно-культурныхъ цѣлей. Неудовольствіе толковъ объ особой малорусской національности. Литературный языкъ галичанъ. Вмѣшательство политики въ литературу. Историческая справка вообще объ украинофильской партіи.—А-ва	492
Изъ Львова. О чешскихъ и польскихъ гимнастическихъ обществахъ или «соколахъ».—Галичанина	491
Изъ Софій. Болгарина	495
Изъ Берна. Русскіе въ швейцарскихъ университетахъ. Россиянина	501
Изъ Лондона. Англо-русское литературное общество.—Н. Я. Г.—та	504
XV. БИБЛОГРАФІЯ. Н. С. Листовскій. Историческіе итоги. 1892.—А. Ви—на. Печальная исторія одного славянскаго изданія.—А. Степовича. Европейскіе публицисты о Россіи (о двухъ кн.).—В. Истомина. В. И. Ламанскій. Письма П. И. Прейса (1833—46).—Я. З. Н. Н. Стрехова. Воспоминанія и отрывки. 1892. 2. Н. Колотинцовъ. Биографія А. И. Кошелева. Т. II. (1832—56).—З. Востокъ Христіанскій. Исторія Аюна. Ч. III. Изд. Академіи наукъ.—І. Ж—въ. А. М. Иванцовъ-Платоновъ. Къ изслѣдованіямъ о патр. Фотіѣ.—И. С. П—ва. Обзоръ чешской изящной литературы.—В. Ф. Выкоунала. Книжныя новости изъ Черногоріи.—П. Р.	513
XVI. ПРОЦЕССЪ С. І. ГУРБАНА-ВАЯНСКАГО.—Х.	564
XVII. ОТВѢТЪ Г. ВС. КРЕСТОВСКОМУ.—Редактора	566
XVIII. СМѢСЬ	567
XIX. ПРИЛОЖЕНІЕ. ЧЕРВОНОРУССКІЯ ПѢСНИ.—Н. Б—изъ. ТРУБКА ТАБАКУ. Разсказъ Г. Юрчича. Со словинскаго перев. М. М. Костинъ. ПСИХЕЯ И САТИРЪ. Я. Верхлицкаго. Съ чешскаго перев. Н. Б—изъ. БЕЗСМЕРТНЫЙ. Разсказъ Г. Прейсской. Съ чешскаго перев. Е. П.	1—34
XX. ИЗВѢЩЕНІЯ.—Отъ Совѣта Славянскаго Благотворительнаго Общества	35—40

СЛАВЯНСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1892

НОЯВРЬ—ДЕКАВРЬ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ. ТОМЪ III

СЛАВЯНСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ

1892

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ III

СЕНТЯБРЬ—ДЕКАБРЬ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА

(СЕНТЯБРЬ—ДЕКАБРЬ)

	СТРАН.
А. Э. ГИЛЬФЕРДИНГЪ (съ портретомъ).—И. Н. Бестужева-Рюмина. . .	1
ЧЕРВОНОРУССКАЯ ЭМИГРАЦІЯ.—А. С. Будиловича. . .	15
ВИКТОРЪ ИВАНОВИЧЪ ГРИГОРОВИЧЪ ВЪ КАЗАНИ (оконча- ніе).—М. П. П—скаго. . .	57
КОНГРЕССЪ СТАРО-КАТОЛИКОВЪ ВЪ ЛЮЦЕРНѢ.—А. А. Кирѣева	79
АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОРСКІЙ (съ портретомъ).—Г. А. Воскресенскаго. . .	165
ПАМЯТИ ПЕТРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ПЛЕТНЕВА.—Л. Н. Майкова. . .	181
НАРОДНО-ПѢСЕННЫЙ КОММЕНТАРІЙ КЪ ГАЛИЦКОЙ ЭМИГ- РАЦИИ.—Ф. Н. Сумцова. . .	188
ЧЕШСКІЙ ДРАМАТУРГЪ ЛАДИСЛАВЪ СТРОУПЕЖНИЦКІЙ (некрологъ). С. І. Гурбана-Ваянскаго. . .	193
ВОЗРѢВІЯ ЮЖНЫХЪ СЛАВЯНЪ НА РУСЬ (по историческимъ свидѣтельствамъ и народнымъ пѣснямъ).—Т. Д. Флоринскаго. . .	196
РИМСКО-НѢМЕЦКАЯ ИМПЕРІЯ ГОТЕНЦОЛЛЕРНОВЪ И ГРЕКО- СЛАВЯНЕ (политическій очеркъ).—Срънца. . .	35 и 210
ОСИПЪ МАКСИМОВИЧЪ БОДЯНСКІЙ (съ портретомъ).—А. А. Но- чубинскаго. . .	291
ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ КН. В. А. ЧЕРКАССКАГО И Н. А. МИЛЮТИНА (съ портретомъ кн. В. А. Черкасскаго). Преобразование польскихъ мо- настырей въ 1864 г. . .	306
ОТЗЫВЪ РЕНАНА О СЛАВЯНСКОМЪ МІРѢ.—Н. Н. Страхова. . .	330
МЕЛЬХИСЕДЕКЪ, ЕП. РОМАНСКІЙ (некрологъ).—Г. Симурица. . .	337
ОТКРЫТІЕ ВЪ ЕЛИСАВЕТГРАДѢ ПАМЯТНИКА В. И. ГРИГОРО- ВИЧУ.—В. Я. В. И. Григоровичъ въ исторіи славяновѣдѣнія.—А. А. Но- чубинскаго. . .	344
ЧЕХІЯ И ЧЕХИ.—И. П. Филевича. . .	365
ДВА СЛОВА О БОСНѢ И ГЕРЦЕГОВИНѢ.—Дубровчанина. . .	398
ЧЕРНОГОРІЯ ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ.—П. А. Ровинскаго. . .	415
ЕЩЕ О ГАЛИЦКОЙ ЭМИГРАЦИИ.—Галиччанина. . .	423
СЛАВЯНОФИЛЬСТВО ПО ВЗГЛЯДАМЪ В. С. СОЛОВЬЕВА (крити- ческая замѣтка).—А. С. . .	428
ПО ПОВОДУ 90-ой ГОДОВЩИНЫ ИМП. ДЕРПТСКАГО УНИ- ВЕРСИТЕТА.—А. С. Будиловича. . .	451
ПРОЦЕССЪ С. І. ГУРБАНА-ВАЯНСКАГО.—Х. . .	574
ОТВѢТЪ Г. ВС. КРЕСТОВСКОМУ.—Редактора. . .	576
ЛѢТОПИСЬ	105, 221 и 456

ПИСЬМА ИЗЪ СЛАВЯНСКИХЪ И ДР. ЗЕМЕЛЬ

Изъ Пряшева (Угрии). О дѣятельности угорорусскихъ монасты- рей. С—ча. . .	120
Изъ Турчанскаго Св. Мартина. Румыны и словаки; увозъ словенскихъ дѣтей; годичное собраніе «Живены»; проектъ «Ученаго общества»; наши школы; малярская публицистика.—В. . .	122
Изъ Бѣлграда Церемѣна министерства; настроеніе народныхъ массъ; генезисъ и характеръ сербскихъ партій.—Бѣлградца	129

Изъ Варшавы. О польскихъ корреспонденціяхъ въ русскія газеты и о необходимости перемѣны въ присмакахъ писанія ихъ. О новой редакціи «Варшавскаго Дневника».—С. Т.	229
Изъ Львова. Украинифильство и политика.—Галичанина	239
Изъ Праги. О чешскихъ политическихъ партіяхъ.—Чеха	246
Изъ ІІ вля (Штирія). Несостоятельность внѣшней политической программы словинцевъ; нѣмецкія напраслины; утрата земли; необходимость сторонней помощи.—Словинца	252
Изъ Варшавы. Русско-польскій вопросъ въ освѣщеніи г. Крестовскаго и г. Лихтанскаго.—С. Т.	474
Изъ Львова. «Читанка» г. Барвинскаго. Непригодность малорусскихъ говоровъ для народно-культурныхъ цѣлей. Нелѣпость толковъ объ особой малорусской національности. Литературный языкъ галичанъ. Вмѣшательство политики въ литературу. Историческая справка вообще объ украинифильской партіи.—Л—нь	482
Изъ Львова. О чешскихъ и польскихъ гимнастическихъ обществахъ или «соколахъ».—Галичанинъ	491
Изъ Софій. Болгарина	495
Изъ Берна. Русскіе въ швейцарскихъ университетахъ. Россіянина	500
Изъ Лондона. Англо-русское литературное общество.—И. Я. Г—та	503

БИБЛИОГРАФІЯ

БИБЛИОГРАФІЯ. В. С. Иконниковъ, проф. Опытъ русской исторіографіи. Томъ I (въ двухъ книгахъ). Киевъ, 1891. Б. профессора русской исторіи. II. Знаменскій. Исторія Казанской дух. академіи.—М. П-ва. Carl Ernst Mucke. Historische und vergleichende Laut-und Formenlehre der Niedersorbischen (Niederlausitzisch—wendischen) Sprache. 1891 г. VIII.—I. Карасна. Обзоръ чешской изящной литературы за 1891 г. (продолженіе)—Ф. Выоунала	133
Замѣтка о славянскомъ отдѣлѣ въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза-Яфрона, т. VII. 1891 г.—А. Б. Е. Голубинскій. Преподобный Сергій Радонежскій и созданный имъ Троицкая лавра. Сергіевъ-посадъ. 1893 г.—П. Н. Ж. П. Н. Батюшковъ. Бессарабія. Историческое описание. Спб. 1892.—І. Ж—въ. А. Лебедевъ, Очерки исторіи византийско-восточной церкви отъ конца XI до половины XV в. Москва. 1892 г. стр. VII. 644. Спб.—Восточнаго славянна. Обзоръ важнѣйшихъ сочиненій по румынской исторіи, этнографіи и литературѣ за 1891 годъ—Г. Самурляна	257
И. С. Листовскій. Историческіе итоги. 1892.—А. Ви-на. Печальная исторія одного славянскаго изданія.—А. Степовича. Европейскіе публицисты о Россіи (о двухъ кн.).—В. Истомина В. И. Ламанскій. Письма П. И. Прейса (1838—46).—Я. З. Н. Н. Страховъ. Воспоминанія и отрывки. 1892. Z. H. Колупановъ. Біографія А. И. Кошелева. Т. II (1832—56).—Я. З. Востокъ Христіанскій. Исторія Авона. Ч. III. Изд. Академіи наукъ.—І. Ж—въ. А. М. Ивановъ-Платоновъ. Къ изслѣдованіямъ о патр. Фотіѣ.—И. С. П—ва. Обзоръ чешской изящной литературы.— В. Ф. Выоунала. Книжныя новости изъ Черногоріи.—П. Р.	513
СМЪСЬ	148; 276 и 577
ПРИЛОЖЕНІЕ. Народныя пѣсни македонскихъ болгаръ. КОРОЛЬ ЛАТИНИНЪ И ОГНЕНЪ. Переводъ съ болгарскаго.—М. П. П. ЧЕГО ИСКАЛА, ХОДЯ ПО СВѢТУ, ПЕЧАЛЬ. Сказка Э. Оржешко.—Переводъ съ польскаго.—Д. ЧЕРВОНОРУССКІЯ ПѢСНИ.—Н. Б—нь. ТРУБКА ТАБАКУ. Разсказъ І. Юрича. Со словинскаго перев. М. М. Костникъ. ПСИХЕЯ И САТИРЪ. Я. Верхлицнаго. Съ чешскаго перев. Н. Б—нь. БЕЗСМЕРТНЫЙ. Разсказъ Г. Прейсовой. Съ чешскаго перев. Е. П. 1—6; 1—7 и 1—34	
ИЗВѢЩЕНІЯ.—Отъ Совѣта Славянскаго Благотворительнаго Общества	7; 8—15; 35 и 40

Редакторъ-Издатель Антошъ Будиловичъ.

КЪ ЧИТАТЕЛЮ

Этою книжкою прекращается изданіе подь моей редакціей «Славянскаго Обозрѣнія». Другого рода служба — также Россіи и наукѣ — лишаетъ меня возможности посвятить достаточно времени славянскому журналу. Да и матеріальныя условія послѣдняго крайне тяжелы. Наслѣдственный же гнетъ австроугорской цензуры ложится тяжелымъ бременемъ на большинство заграничныхъ подписчиковъ изданія. Со временемъ обстоятельства этого рода, дастъ Богъ, измѣнятся къ лучшему и «Славянское Обозрѣніе» можетъ воскреснуть изъ пепла. И въ будущемъ году предположены сборники съ именемъ прекращаемаго журнала, но за нихъ будутъ отвѣтственны другіе.

Спасибо моимъ многочисленнымъ сотрудникамъ и немногочисленнымъ подписчикамъ! Сожалѣю, что принужденъ съ ними разстаться.

Дерптъ, 29 дек. 1892.

А. Будиловичъ.

Осипъ Максимовичъ Бодянскій

1808 — 1876

«Славянское Обозрѣнiе»

ОСИПЪ МАКСИМОВИЧЪ БОДЯНСКІЙ

(Съ портретомъ)

На память о моемъ учителѣ

ТО изъ студентовъ верховнаго нашего университета, московскаго, 50-хъ и 60-хъ годовъ не сохранилъ въ своей памяти любезное воспоминаніе о профессорѣ Бодянскомъ—проще—объ «Осипѣ Максимовичѣ», какъ онъ обыкновенно титуловался въ сношеніяхъ товарищей между собою при соблюденіи его собственнаго малорусскаго произношенія его имени—изъ постоянныхъ или случайныхъ посѣтителей исторической «Словесной малой» аудиторіи, на первомъ мѣстѣ изъ присяжныхъ словесниковъ, на второмъ—любителей юристовъ?...

Въ понедѣльникъ, среду и субботу, съ ударомъ двѣнадцати часовъ подѣзжалъ къ крыльцу Новаго Университета извозчикъ, но не «ванька», и изъ дрожекъ, не безъ большихъ усилій, выкарабкивался грузный небольшой человекъ, а если дѣло было зимою, то съ цѣлою серіей шубъ и «епанчей» вокругъ своего туловища и подпоясанный поверхъ всего простымъ ямщицкимъ кушакомъ, съ красными и зелеными полосками. Проходило нѣсколько минутъ, пока старикъ цвейцарь распоясывалъ и освобождалъ прибывшаго отъ его тяжелыхъ пеленъ, въ которыхъ онъ былъ словно младенецъ въ колыбели. Это былъ Бодянский, прибывшій на свои двухчасовые, безъ перерыва, славянскія лекціи то славянскихъ нарѣчій, то сравнительной грамматики ихъ, то славянскихъ древностей, шедшія въ теченіи четверти вѣка почти

безъ перемѣны въ одномъ и томъ же порядкѣ: отъ языка къ исторіи, и также въ теченіе четверти вѣка—обязательно для цѣлаго состава студентовъ словеснаго факультета, за исключеніемъ еще недозрѣлыхъ—перваго курса. Освобожденный отъ своихъ многочисленныхъ покрововъ (обязательное ношеніе которыхъ для студентовъ, конечно, было непонятно и скорѣе всего разсматривалось какъ одно изъ профессорскихъ чудачествъ южанина, попавшаго на сѣверъ), Бодянской только изрѣдка заходилъ въ профессорскую, а прямо сворачивалъ изъ прихожей на право-кругомъ въ корридоръ, сначала широкій, потомъ узкій, полутемный, съ асфальтовыми полами, ведшій его въ его святилище славянское—«Словесную малую». Медленное, неповоротливое, неправильное движеніе большого, широкаго туловища на крупныхъ ногахъ съ особенными ступнями въ видѣ колодокъ, съ значительными покачиваниями налѣво и направо, громко раздавалось по асфальтовому полу, студенты заботливо сторонились. Случалось, что профессоръ шелъ въ сопровожденіи спутника, съ такими же неизящными и медленными движеніями ногъ и съ такой же особенной формой самихъ ногъ: это былъ профессоръ Бѣляевъ. Тогда каждый шагъ еще звучнѣе разносился подъ звонкими арками корридоровъ, причемъ звукъ отъ тяжелой походки временами мѣшался съ хихиваньемъ сладко ухмыляющагося или говорящаго Бодянскаго. Слушатели тихо слѣдовали сзади, но нельзя сказать чтобы особенно охотно: ихъ всегда ужасали два часа безъ промежутка академическаго; съ особеннымъ чувствомъ взирали они за захлопнувшююся дверью, словно захлопнувшююся на цѣлую вѣчность.

Но вотъ профессоръ на каедрѣ, съ нѣкоторымъ усиленіемъ взобравшись на нее. Изъ-за высокой каедрѣ предъ слушателями немногочисленными, выдвинулась громадная голова на небольшой широкой шеѣ, заботливо повязанной чернымъ шелковымъ платкомъ большихъ размѣровъ или широкою атласной полосой, съ негустою растительностью на головѣ, по срединѣ, съ зачесанными на вискахъ волосами впередъ гребнемъ, съ большими, но расходящимися, добрыми глазами, причемъ одинъ былъ поврежденъ, съ широкимъ большимъ хохлацкимъ носомъ, бритое лицо, но съ щетинистыми, топырящимися въ разные стороны большими усами. Предъ слушателями былъ настоящій «запорожскій казакъ» на каедрѣ.

И свой, словесникъ, и чужакъ, юристъ или натуралистъ, знали Бодянскаго, т. е. слышали объ его необыкновенной учености, что онъ столбъ науки на факультетѣ, объ его семинарской страсти въ диспутаціи; знали, что ни одинъ почти университетскій диспутъ, ниже медицинскаго характера, не обходился безъ участія Бодянскаго, безъ выпускаемой имъ въ дѣло кучи, какъ изъ рога изобилія, прибаутокъ, пословиць, поговорокъ на всевозможныхъ языкахъ міра, нерѣдко мѣткихъ, какъ бритва, — Бодянскаго, счастливаго, довольнаго тогда; объ его рѣдкомъ добродушіи, незлобivosti, мягкомъ украинскомъ сердцѣ, неподкупной честности, прямогѣ и рѣдкой твердости характера, не дозволявшаго никогда, ни при какихъ условіяхъ, ни малѣйшаго компромисса; заставлявшаго его непоколебимо упрямо по-хохлацки стоять на своемъ, если что разъ признано было имъ справедливымъ. Можно спорить смѣло, безъ опасенія впасть въ преувеличеніе, что едвали кто когда-либо былъ изъ студентовъ московскаго университета, кто объ ученомъ, добромъ, хотя и угрюмомъ на видъ, благородномъ Бодянскомъ думалъ худо. Это былъ крупный, типичный профессоръ, характерный, типичный человекъ. Но также можно утверждать, что едвали кто изъ нихъ зналъ, что Бодянский, кромѣ этой симпатичной, такъ сказать, своей наличности, имѣлъ за собою еще одну историческую черту — что при официальномъ признаніи славянской науки въ Россіи университетскимъ уставомъ 1835 года онъ явился, какъ первый магистръ новой славянской каѳедры въ русскихъ университетахъ, первый съ новою ученою степенью, «камнемъ, егоже зиждущей не вреду положиша», что его энергія, его рѣшимости новая славянская каѳедра обязана своимъ быстрымъ осуществленіемъ. Да, не будь Бодянскаго, этого семинариста изъ переяславской на Днѣпрѣ бурсы, потомъ замѣченнаго ученика Погодина и Каченовскаго въ московскомъ университетѣ первой половины тридцатыхъ годовъ, погнаннаго въ Москву каждою знанія съ мѣднымъ грошемъ въ карманѣ, кто скажетъ, какая бы судьба ожидала новоизданную университетскую каѳедру, хотя она и была предметомъ завѣтныхъ думъ уже довольно давно, дорогихъ думъ нашего историческаго министра просвѣщенія, благороднаго адмирала Шишкова....

За годъ до появленія новаго университетскаго устава, въ 1834 году, Бодянский оканчиваетъ кандидатомъ словесное отдѣленіе философскаго факультета въ Москвѣ, принимаетъ должность

*

учителя въ гимназіи, чтобы, чрезъ незначительный промежутокъ времени, явиться въ неожиданной и необыкновенной роли—осуществителя новаго университетскаго устава 1835 года, насколько онъ касался нововводимой имъ въ русскую жизнь славянской каѳедры, явиться тѣмъ живымъ, благотворнымъ примѣромъ, который имѣлъ захватить вскорѣ и всѣ русскіе университеты, охватить на нихъ живительное дѣйствіе.

Энергическій и образованный попечитель московскаго университета, графъ С. Г. Строгоновъ, сейчасъ же по выходѣ новаго университетскаго устава 1835 года, остановился на вопросѣ о приведеніи въ жизнь открывавшейся славянской каѳедры. Немедля онъ избралъ себѣ тотъ приемъ, который уже много лѣтъ назадъ былъ рекомендованъ еще Шишкову умнымъ Копитаромъ изъ Вѣны—остановиться на своихъ, а на выучку отослать за границу, для изученія славянства на мѣстѣ, иными словами—вспомнить приемъ Петра Великаго. Для осуществленія же этого приема его выборъ палъ на учителя Бодянскаго, права котораго на отличное вниманіе обосновывались, помимо теплой рекомендаціи его учителей, старика Каченовскаго и молодого Погодина, дѣятельнымъ участіемъ въ современной русской наукѣ и литературѣ. На страницахъ журнала московскаго университета, тогда единственнаго ученаго органа въ Россіи, помѣщено было кандидатское сочиненіе Бодянскаго по исторіи Россіи. Въ московскихъ періодическихъ изданіяхъ появлялись его критическія статьи по географіи и этнографіи Россіи и славянства. Своими малорусскими произведеніями, во вкусѣ народной литературы, какъ «Наськи казки», собираніемъ народныхъ пѣсенъ, онъ рано приобрѣлъ имя мѣстнаго малорусскаго знатока края, такъ что рано, при посредствѣ Погодина, за-очно познакомился съ тогдашнимъ корифеемъ западно-славянской славистики, чехомъ П. І. Шафарикомъ. Для Погодина онъ взялся за переводъ на русскій языкъ начавшихъ въ то время выходить выпусками монументальныхъ «Славянскихъ Древностей» Шафарика, но главное—уже въ октябрѣ 1836 года онъ выдержалъ у Каченовскаго успѣшно первый въ Россіи магистерскій экзаменъ по каѳедрѣ славянскихъ нарѣчій, а въ маѣ слѣдующаго года успѣшно же защитилъ и диссертацию на искомую степень магистра, на тему, заданную тѣмъ же старымъ славянофиломъ еще отъ начала столѣтія, Каче-

новскимъ, по славянской народной пѣснѣ, т. е. изъ области нарождавшейся науки этнографіи.

Въ концѣ мая 1837 г. Бодянский сталъ первымъ славистомъ съ официальной степенью, а черезъ три мѣсяца состоялся Высочайшій приказъ о командировкѣ его въ земли западныхъ и южныхъ славянъ и смежныя съ ними страны. Въ самомъ началѣ октября нашъ славистъ оставляетъ Москву, не въ образѣ «неопытнаго юноши», какъ протитуловалъ его въ своихъ воспоминаніяхъ (въ некрологѣ) сопровождавшій его до Кіева извѣстный одесскій антикварій, Н. Н. Мурзакевичъ (хорошъ юноша, да еще неопытный, въ 30 лѣтъ!), а въ началѣ зимы онъ уже въ Прагѣ, у знаменитаго Шафарика, въ его исторической для насъ высокой школѣ, на выучкѣ. Такимъ образомъ, показанъ былъ примѣръ образа дѣйствій и для другихъ. Самое министерство просвѣщенія поспѣшило и попечителямъ другихъ университетовъ препоручить московскій приемъ въ наискорѣйшее подражаніе, каковое препорученіе, какъ извѣстно, не осталось безъ самыхъ отрадныхъ для русской, обновлявшейся тогда науки послѣдствій. Бодянский открылъ собою серію знаменитыхъ славянскихъ ученыхъ паломничествъ, чтобы создать наконецъ почву для туманныхъ вождельнѣй современныхъ любителей славянства, помимо живыхъ интересовъ чистой науки.

Но естественно ожидать, Бодянский, хотя уже нѣсколько искусенный въ вопросахъ новой университетской науки, не былъ припущенъ къ мало изслѣдованному еще тогда, а потому мало вѣдомому славянскому міру, съ «бѣлымъ листомъ»: напротивъ, въ самой Москвѣ была вручена ему опредѣленная программа его занятій, его дѣйствій въ его славянскихъ странствованіяхъ — перекочевкахъ. Необходимо думать, что въ составленіи его славянской инструкціи или программы перваго рускаго строго обдуманнаго путешествія (славянское путешествіе П. И. Кеппена въ 1821—22 годахъ носило случайный характеръ и само обязано случаю) первое участіе принималъ самъ отправлявшійся магистръ Бодянский. Эта инструкція для насъ любопытна и сама по себѣ, какъ исповѣдь молодого слависта относительно пониманія имъ научныхъ интересовъ новой каѳедры славянской, ея возможнаго состава и относительной важности той или другой ея части, какъ сборникъ правилъ или пріемовъ, при посредствѣ которыхъ онъ полагалъ наилучшимъ, наилегчайшимъ способомъ осуществить

пока еще въ принципѣ, въ идеѣ существовавшую науку, а затѣмъ, какъ официальный масштабъ, канонъ, съ которымъ должны были соображаться и даже просто руководствоваться всѣ тѣ другіе, которые пошли по стезѣ, проложенной Бодянскимъ, будучи избранны для того со стороны прочихъ русскихъ университетовъ въ періодъ перваго замѣщенія новой университетской кафедры. Личная инструкція Бодянского стала такимъ образомъ регулятивомъ, получивъ общій университетскій интересъ, сдѣлалась историческимъ памятникомъ. Неизлишне будетъ потому, если мы приведемъ изъ нея нѣкоторые отрывки съ руководительными мыслями Бодянского, тѣмъ болѣе, что она до сихъ поръ была неизвѣстна въ печати въ своемъ оригинальномъ чтеніи.

«Прежде всего (такъ начинается историческая «Записка о путешествіи по заграничнымъ славянскимъ землямъ») предполагается въ Чехію. Тутъ прожить по крайней мѣрѣ шесть мѣсяцевъ для ознакомленія съ чешскою словесностію, языкомъ, древностями, исторіей, палеографіей и пр.» Послѣ знакомства съ Шафарикомъ и другими мѣстными учеными въ интересѣ предварительной общей подготовки—«ориентировать себя»—къ предстоящимъ трудамъ, путешественникъ имѣлъ «здѣсь (т. е. въ Прагѣ) осмотрѣть библиотеки: университетскую, Народнаго Музея и частныхъ лицъ: гр. Ностица, кн. Лобковица и др.» Та же библиотечная задача красной нитью тянется чрезъ все путешествіе, какъ предметъ наибольшаго вниманія; на второмъ мѣстѣ этнографія и заботливое знакомство личное съ выдающимися и полувыдающимися представителями славянской науки и литературы. Такъ въ Брнѣ (Брюннѣ) «осмотрѣть библиотеку и рукописи Церрони», въ Вѣнѣ «посѣтить библиотеки: придворную, университетскую, государственнаго архива, и др., въ коихъ пересмотрѣть славянскія рукописи, первопечатныя славянскія книги, бумаги, перевезенныя изъ Венеціи», въ Римѣ «въ библиотекѣ Барберинской осмотрѣть славянскій палимпсестъ, въ Ватиканской — Каппоніевы таблицы, рукопись на далматскомъ языкѣ отъ 538—1079 г.» и т. д. Въ виду этой археографической задачи можно думать, что предъ глазами Бодянского носилась только что упокоившаяся экспедиція Стрובה и Бердникова: не одно скромное ученье, приготовленіе себя къ кафедрѣ, но всяческіе розыски и поиски, изслѣдованія и обслѣдованія.

Гдѣ не могло быть мѣста для библиотечныхъ задачъ, тамъ

выступали интересы археологии, напр. въ земляхъ прибалтійскихъ славянъ. «Въ Бременѣ, Любекѣ и Гамбургѣ, читаемъ въ концѣ Записки, заняться изысканіями о торговлѣ тамошнихъ славянъ и сношеніяхъ Ганзы съ Новымъ - Городомъ. Въ Шверинѣ осмотрѣть описанныя Машомъ и др. славянскія древности... На островѣ Рюгенѣ осмотрѣть развалины Арконы. Въ Ней-Стрелицѣ заняться тамошними славянскими древностями».

Такимъ образомъ, для нашего перваго оффиціального слависта новая каеэдра «исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій» обнимала самыя разнообразныя стороны жизни славянства: языки въ его историческомъ развитіи въ памятникахъ и въ этнографіи, литература, исторія, археологія, всякія древности, не исключая и права, — все это входитъ въ область его изученія: здѣсь цѣль, преслѣдуемая русскимъ славистомъ. Конечно, задача слишкомъ обширная для одного человѣка. Но главное — въ «Запискѣ» смѣшались повсемѣстно задачи первыя, главныя — строгое подготовленіе себя къ предстоящей дѣятельности университетскаго преподавателя, снабженіе себя необходимыми свѣдѣніями, и задачи побочныя — археографическія и археологическія, нерѣдко съ значеніемъ только для исторіи Россіи, не говоря о не всегда удачномъ выборѣ полезнаго личнаго знакомства: какъ разныя «историческія достопримѣчательности», такъ и заведеніе личныхъ знакомствъ въ планѣ учено-учебнаго путешествія должны были имѣть мѣсто при случаѣ, въ скобкахъ, а не выдвигаться на первый планъ, заслоняя собою главное — знаніе непосредственное славянства и теорію, науку. Всѣхъ этихъ интересовъ касаться справедливо было рекомендовать только попутно. Но этотъ недостатокъ исторической «Записки», путанность ея задачъ, легко объясняется и новизною дѣла, и самымъ личнымъ характеромъ ея автора, нашего путника, отъ дней дѣтства своего жаднаго до алчности ко всякому знанію. Не забудемъ и времени. Если и въ болѣе позднее время справедливо упрекнулъ насъ одинъ чешскій публицистъ, что о существованіи его народа знало едва нѣсколько ученыхъ въ Петербургѣ, то для 30-хъ годовъ все славянское безъ различія, какъ совсѣмъ неизвѣстное, было любопытно, предметъ любознательности безъ разбора.

Радущіе Шафарика въ Прагѣ обворожило нашего слависта, привыкшаго къ суровымъ условіямъ жизни. Но главное — корифей славянской науки сталъ для него одновременно и элемен-

тарной школой и академіей славянской науки, какъ самъ онъ тогда же признавался въ своей живой перепискѣ съ своимъ профессоромъ, а теперь ученымъ другомъ Погодинымъ. Шафарикъ дѣйствительно могъ «оріентировать» Бодянскаго. Но не увлекался ли, не преувеличивалъ ли восторженный пріемомъ Шафарика нашъ московскій путникъ значеніе для себя своего учителя, называя его академіей? Можетъ быть, онъ могъ быть академіей для него, «мало свѣдущаго», а не для другихъ, которые вскорѣ послѣ того также вошли въ учено-учебное отношеніе къ тому же Шафарикѣ?... Останавливаемся на этомъ пунктѣ потому, что Бодянскій до конца дней остался сознательнымъ ученикомъ Шафарика, но кромѣ него не признавалъ никого; и это упрямое отношеніе къ избраннику своего ума не можетъ не характеризовать и его самого, степень его научнаго развитія еще въ первую эпоху.

Конечно, мы не будемъ здѣсь входить въ критическую оцѣнку многоразличной научной дѣятельности великаго чеха, мученика науки. Для насъ довлѣетъ одно: полное совпаденіе отношенія нашего московскаго путника къ Шафарикѣ и отношенія къ нему же человѣка совсѣмъ неувлекавшагося, сторонняго, къ славянскому чувству непричастнаго, притомъ отношенія, выраженнаго уже нѣсколько раньше. Мы говоримъ о знаменитомъ въ свое время филологѣ Шегренѣ (Sjögren), объ его обращеніи къ Шафарикѣ въ 1835 году. Отвѣчая на просьбу Шафарика о присылкѣ изслѣдованія объ Ами и другихъ сочиненій, Шегренъ 25 августа изъ Петербурга писалъ Шафарикѣ: «Вы чрезвычайно пріятно поразили меня и это тѣмъ радостнѣе для меня, чѣмъ менѣе я могъ ожидать и надѣяться, что мои незначительные труды нашли вдалекѣ такое лестное для меня вниманіе и это со стороны человѣка, котораго я всегда признавалъ и почиталъ лишь какъ великаго знатока славянскихъ народовъ и исторіи славянскихъ языка и литературы (den ich bis jetzt nur als grossen Kenner der slawischen Völker und der Geschichte der slawischen Sprache und Literatur kannte und verehrte)*. Этого отрывка для насъ достаточно: для Шегрена — великій знатокъ Шафарикъ, для Бодянскаго — великій учитель. Не увлекающаяся

* Изъ моихъ рукописныхъ матеріаловъ для исторіи славяновѣдѣнія.

молодость говорила въ Бодянскомъ, а пониманіе дѣла, вѣрный тактъ ученаго и скромнаго, гдѣ скромности надлежало быть.

Широко раскинутая программа славянскихъ занятій, по состоянію здоровья Бодянскаго, оказалась въ срокъ совсѣмъ невыполнимой. Уже зимою съ 1838 на 1839 годъ онъ въ Пештѣ едва не умеръ. Правда, по теплому участию гр. Строгонова, Бодянский въ іюлѣ 39 г. получаетъ полугодовую отсрочку, «въ виду, говоря словами графа, пользы, которую должно принести какъ ему, такъ и его ученымъ занятіямъ знакомство съ Германіей и Италией». Но гдѣ было до Германіи и Италиіи Бодянскому, когда онъ лѣтомъ 1839 г. едва успѣлъ посѣтить изъ громадной массы еще не тронутыхъ имъ славянскихъ земель одну Хорватію, чтобы впасть въ болѣзнь, которая не разъ доводила его до нѣмого отчаянія, до мѣръ по расквитованію съ жизнью, надолго приковавъ энергическаго трудолюбца къ холоднымъ водамъ въ Силезіи, въ Фрейвалдау. Но замѣчательная черта характера: и умирающій, Бодянский не переставалъ, въ минуты облегченія, работать, усовершенствовать себя, помогать своему Шафаріку въ изданіи «Славянской этнографіи», быть полезнымъ и Погодину въ Москвѣ, подготавливая для него переводъ послѣдняго труда.

Отсрочка шла за отсрочкой. Въ октябрѣ 1840 г. Высочайше повелѣно было Бодянскому представлять въ министерство ежемѣсячное докторское свидѣтельство. Но прошелъ годъ, и Бодянский все доносилъ мало утѣшительныя вѣсти. «Времени окончанія кризиса, доносилъ онъ, въ октябрѣ 1841 года, своимъ всегда обстоятельнымъ языкомъ въ министерство, времени окончанія кризиса никакъ нельзя съ точностію опредѣлить впередъ»: оно будетъ «продолжаться до тѣхъ поръ, пока природа, начавши разъ извергать вонъ болѣзненное вещество, не очиститъ тѣла моего вовсе отъ него». Но подъ конецъ всѣмъ, не исключая даже такого предстателя и благожелателя, какъ графъ Строгоновъ, надоѣло ждать послѣдняго «изверженія вещества», и въ январѣ 1842 года онъ строго написалъ о Бодянскомъ въ министерство — «употребить настоятельныя требованія, чтобы магистръ Бодянский возвратился изъ-за границы въ Москву, для служенія по университету». Спустя немного мѣсяцевъ умеръ и Каченовскій, нѣсколько замѣщавшій Бодянскаго по славянской кафедрѣ; Бодянский былъ крайне нуженъ; но Бодянскому удалось еще

отсрочить возвратъ до осени: наконецъ 9 сентября, послѣ пяти лѣтъ, онъ появился въ Москву, хотя и съ долею «вещества». Еще недавно строгій гр. Строгоновъ съ заботою и нѣжностью встрѣтилъ своего избранника: какъ бы въ награду за перенесенныя испытанія Бодянской уже черезъ мѣсяцъ, хотя и магистръ всего, утвержденъ былъ Уваровымъ въ званіи экстраординарнаго профессора.

Теперь наступила эпоха публичной дѣятельности Бодянскаго. Онъ открылъ славянское преподаваніе, которое, естественно ожидать, отличалось тѣмъ же приблизительно характеромъ, что и его историческія «Записки» 1837 года: онъ озаботился въ преподаваніи захватить всѣ главныя задачи славянской каеедры, придавая, вѣрный своимъ убѣжденіямъ, неразъ заявленнымъ въ отчетахъ изъ-за границы, особенное значеніе практическому изученію главнѣйшихъ славянскихъ нарѣчій, которыхъ по его исчисленію выходило цѣлыхъ семь. Самъ Бодянской, зналъ ихъ теоретически основательно (въ этомъ мы можемъ смѣло повѣрить его собственному неоднократно признанію въ путевыхъ письмахъ къ Погодину),—хотя говорилъ на каждомъ изъ нихъ, не исключая и родного языка, особымъ, ему только свойственнымъ способомъ. Предусмотрительный, чтобы не остаться съ голыми руками, онъ озаботился открыть у себя въ Москвѣ, при «Обществѣ Исторіи и Древностей» нѣкотораго рода складъ выдающихся и сподручныхъ славянскихъ изданій, помимо того, что цѣлый корабль разныхъ книгъ, какъ посмѣялся тогда экспедиторъ ихъ, Шафарикъ, прослѣдовалъ изъ-за границы за Бодянскимъ въ Москву.

Съ какимъ интересомъ должна была встрѣтить университетская молодежь новаго профессора новой отрасли знанія, мы вправѣ заключать изъ того, что уже первые годы преподаванія Бодянскаго дали ему учениковъ, въ лицѣ пок. Клеванова и еще къ общему удовольствію и нынѣ здравствующаго автора знаменитаго «Гуса и Лютера», Е. П. Новикова. И нива была добрая, и сѣятель былъ добрый, съ добрыми и многими зернами въ своей трудовой рукѣ. Своимъ трудовымъ авторитетомъ, своими глубокими и разнообразными свѣдѣніями онъ, безъ всякой со своей стороны заботы, прибрѣлъ упроченное положеніе въ университетѣ, стяжалъ уваженіе къ новой наукѣ не только въ ближайшей университетской средѣ, у слушателей, но и въ московскомъ обществѣ, въ которомъ любовь къ славянству въ на-

чалѣ 40-хъ годовъ изъ области теоретическихъ мечтаній и по-
рывовъ успѣла перейти на реальную почву литературы. Вспом-
нимъ только первые труды А. Попова; вспомнимъ и рано погиб-
шаго Д. Валуева, племянника Хомякова. Къ Бодянскому обра-
щаются за всяческими справками по наукѣ люди стараго доб-
раго времени, независимые по положенію, но искавшіе принять
активное участіе въ судьбахъ русской науки, какъ напр. князь
М. А. Оболенскій. Бодянскій является живымъ звеномъ, посред-
никомъ между научными интересами столицы и далекаго сла-
вянскаго Запада, по лицомъ властнымъ, въ себѣ науку уважа-
ющимъ, а не въ качествѣ заискивающаго приспѣшника. «Се-
годня, спѣшить увѣдомить Бодянскій князя Оболенскаго (въ де-
кабрѣ 1847 г.), я получилъ письмо отъ Шафарика, въ которомъ
между прочимъ извѣщаетъ меня и о ходѣ дѣла вашего каса-
тельно греческаго текста протоколовъ патріаршихъ цареград-
скихъ въ вѣнской публичной библіотекѣ*. Если можете, по-
жалуйте ко мнѣ завтра вечеромъ, часовъ въ 9—10, и я прочту
вамъ все, что относится къ вашему дѣлу, а его довольно таки».

Такъ въ мирной и плодотворной работѣ прошли первыя пять
лѣтъ профессорской дѣятельности Бодянскаго. Зная характеръ
Бодянскаго, можно было и напередъ сказать, что по той же
спокойной научной колеѣ прошла бы и всяего жизнь, какъ
вдругъ подвернулась исторія напечатанія перевода Флетчера
въ редактированныхъ имъ съ 1846 г. «Чтеніяхъ Общества
Исторіи» (объ этомъ редакторствѣ рѣчь будетъ ниже), да еще
въ страшномъ 1848 году. Излишне чувствительные патріоты:
Шевыревъ, Погодинъ, увидѣли въ напечатаніи нѣкоторое оскор-
бленіе чести русскаго народа, «Чтенія» были закрыты, а ихъ
редакторъ перемѣщенъ въ Казань, на его же мѣсто оттуда Гри-
горовичъ. Все еще больной, все еще съ «веществомъ», Бодян-
скій не могъ проѣхать въ Казань и вышелъ въ отставку, такъ
что его любимый ученикъ, Е. П. Новиковъ, долженъ былъ ди-
спутировать на магистра уже при Григоровичѣ и съ новою,
неопасною диссертацией—по лужицкому языку, а не о Густѣ,

* Только что, въ 1846 году, открытыхъ нашимъ четвертымъ піонеромъ-сла-
вистомъ, В. И. Григоровичемъ. Какъ будто кн. Оболенскій собирался ихъ издать
въ Москвѣ. Если да, то какъ не сожалѣть о неудачѣ!

какъ предполагалось. Но черезъ годъ главный участникъ Флетчеровской исторіи, гр. Уваровъ, вышелъ въ отставку, а старый покровитель Бодянскаго, гр. Строгоновъ, уже не попечитель, чрезъ личное заступничество предъ Государемъ Императоромъ успѣлъ возвратить его на его каеедру.

Теперь, сообразуясь съ духомъ новаго времени, еще тише открылъ свою преподавательскую дѣятельность Бодянской. Умолкъ на лекціяхъ Гусъ, смѣненный именами числительными въ арійскихъ языкахъ, вообще грамматическими экскурсіями въ нейтральныя для чувства области. Бодянской совсѣмъ замкнулся въ себя, заперся въ своей клѣтѣ, какъ монахъ въ келии. «Я, сътуетъ онъ теперь своему другу-учителю Шафарикъ, ничего не дѣлаю—однѣ служебныя обязанности», т. е. лекціи о числительныхъ и иныхъ матеріяхъ. Но онъ клепалъ на себя. Теперь, въ наступившій келейный періодъ жизни, Бодянской встали вспомнилъ, что онъ хотя и старый, и первый, но только магистръ славянской филологіи, и остановился на мысли о докторствѣ. Приближавшаяся тысячелѣтняя годовщина изобрѣтенія славянской азбуки, при сомнѣніи о важнѣйшемъ пунктѣ—годѣ, остановила его вниманіе на себѣ, и попытка опредѣлить именно годъ (а тема совсѣмъ нейтральная) дала содержаніе докторской диссертациі, вышедшей какъ-разъ въ юбилей московскаго университета:—«О времени происхожденія славянскихъ письменъ» всегда пуристъ, авторъ избѣгнулъ даже греческаго слова — азбуки). Вѣрный своему характеру, своей всегда обстоятельности, онъ предложилъ громадный критико-библіографическій пересмотръ вопроса, обнаруживъ свою громадную эрудицію, но съ выводомъ нерѣшающимъ. Для славистовъ трудъ Бодянскаго останется навсегда настольною книгой.

Смѣна направленія духа времени, съ новымъ царствованіемъ, дала удрученному испытаніями ветерану-слависту новое удовольствіе—видѣть около себя образованіе новаго кадра учениковъ. Въ юбилейный годъ онъ премируетъ студенческой трудъ знаменитаго впоследствии бытового археолога, пок. А. А. Котляревскаго, а черезъ два года выходитъ въ свѣтъ грандіозная магистерская диссертациія по исторіи сербскаго языка и народа А. А. Майкова—перваго историка южныхъ славянъ. Теперь только, со снятіемъ запрета на исторію, появляется въ печати и старый трудъ перваго ученика, г. Новикова, о Гусѣ и Лютерѣ. Этотъ

рядъ новыхъ учениковъ замыкается Дювернуа, по отношенію къ которому онъ сталъ тѣмъ, чѣмъ былъ для него нѣкогда Каченовскій: онъ впервые производитъ первый магистерскій экзамень Дювернуа по новой университетской кафедрѣ «Сравнительной грамматики», введенной новымъ университетскимъ уставомъ 1863 года.

Но дни преподаванія были для Бодянскаго уже сочтены, хотя самъ онъ лично менѣе всего ждалъ этого финала. Опасность подкралась незамѣтно для него. Могъ ли онъ думать, что Дювернуа — нареченный на сторонѣ замѣститель его, стараго Бодянскаго, но еще только дослуживавшаго свои 25 лѣтъ?... Неудовольствія по совѣту, особенно же рѣзкое вмѣшательство анонимною «Трилогіей» въ жаркій споръ того времени о классицизмѣ (она явилась въ тѣхъ же «Чтеніяхъ»), образовали около духовнаго вождя классицизма, пок. П. М. Леоптьева, сильную партію противъ заслуженнаго слависта: онъ былъ забаллотированъ на пятилѣтіе (въ 1868 г.) и покинулъ созданную имъ авторитетную кафедру. Грустно вспоминать объ этомъ тяжеломъ остракизмѣ! Но позволяемъ себѣ вѣрить, что будущій историкъ русскаго просвѣщенія не скажетъ слова одобренія увѣнчанному, къ несчастію, побѣдою домогательству противниковъ Бодянскаго — устранить его изъ университета...

Устраненный отъ традиціоннаго дѣла старикъ, можно бы ожидать, легко затеряется въ текущей жизни. Легко могъ онъ и умереть: предъ нами свѣжій примѣръ В. И. Григоровича, прожившаго всего три мѣсяца по оставленіи, и добровольномъ, кафедры. Но Бодянский, и отставной, не погибъ для насъ, для русскаго просвѣщенія, для науки: его спасла наука отъ моральной или физической смерти еще на цѣлый десятокъ лѣтъ, спасла возможность удовлетворить своей старой привычкѣ — работать и работать на той же родной, славянской нивѣ. Университетская атмосфера ушла отъ стараго слависта; но живая атмосфера науки, интересовъ просвѣщенія не перестала живительно вліять на него, и отставного. Онъ не профессоръ; но онъ остался въ роли редактора знаменитыхъ «Чтеній въ Московскомъ Обществѣ Исторіи», созданныхъ именно его трудомъ, его энергіей, его знаніемъ.

Съ 1846 года Бодянский началъ издавать «Чтенія», новый органъ современной русской науки, и надолго единственный въ

своёмъ родѣ. Лучшіе годы изданія, это—первые. Русская историческая наука вполнѣ оцѣнила ту массу матеріаловъ, которую успѣли предложить «Чтенія» въ свои первые годы. Но 1848 г., помѣщеніе Флетчера и—«Чтенія» погибли, погибъ единственный для того времени издательный органъ, въ размѣрахъ обширныхъ. Но русскій историкъ науки, благодарный Бодянскому за совершенное, только догадываться могъ, какую богатую жатву для науки имѣлъ предложить Бодянский въ будущемъ на страницахъ своихъ «Чтеній», какую обильную трапезу готовилъ было онъ для трудящагося поколѣнія. Но пусть скажетъ объ этомъ сердечнымъ признаніемъ самъ Бодянский, въ современномъ письмѣ своемъ къ Григоровичу, его невольному скорѣ смѣстителю на московской кафедрѣ. «Только сегодня, пишетъ онъ въ Казань 14 дек. 1847 г., т. е. передъ катастрофой, собрался я отвѣчать... Изданіе 3 книжки «Чтеній» было причиною тому. Хотя она вышла и въ свое законное время, но я всегда послѣ того вынужденнымъ нахожусь отдыхать дней пять послѣ напряженій впродолженіи мѣсяца. О, Боже, когда это кончится!... Что до Зонарина Паралипомена, то онъ давно уже вышелъ, а Константинъ печатается, только медленно, потому что подобныхъ изданій накопилось у меня вдругъ нѣсколько: Іоаннъ Евзархъ, Антиохъ, Кормчая, Шестодневъ Евзарха и пр. Святославовъ или вѣрнѣе Симеоновъ Изборникъ и Амартолъ, поневолѣ принужденъ отложить до вакаціи... Знаете ли, что протоколы патріарховъ цареградскихъ, вами открыты, уже списываются для насъ (курс. подл.)».

Но все затѣмъ было отложено въ ящикъ, и только по смерти нашего слависта кое-что увидѣло свѣтъ—заднимъ числомъ. Не говоря о другомъ, готовился цѣлый *Corpus monumentorum linguae paleoslovenicae*—а въ свѣтъ не вышелъ. Правда, съ 1858 года «Чтенія», какъ и редакторъ ихъ, воскресаютъ. Но иныя времена—иныя пѣсни. Старое забыто. Бодянский остановился на этнографіи и жизни Кирилла и Меѳодія въ старой письменности. Съ этимъ характеромъ идутъ «Чтенія» въ 60 и 70-хъ годахъ, и изданіе безъ перерыва продолжалось вплоть до смерти. Издано до ста книгъ. Такимъ образомъ, «Чтенія», наполнивъ время Бодянскаго, по оставленіи имъ университета, примирили его съ условіями новой жизни, не дозволили ему заглухнуть въ тинѣ жизни

нравственно одряхлѣть въ открывшемся періодѣ бездѣйствія. Бездѣйствіе возможно было для другихъ, но не для него.

За «Чтеніями» покончилъ благородный работникъ на нивѣ славянской и дни свои. Говорятъ, что на совѣтъ своего друга-земляка, профессора Варвинскаго—не запускать болѣзни, а пригласить постояннаго врача, онъ отвѣчалъ своимъ классическимъ, «не хóчу»—съ неизмѣннымъ своимъ удареніемъ. Вѣдь книжка «Чтеній» была уже готова.

Со смертью Бодянскаго наука русская лишилась замѣчательнѣйшаго работника, общество—благороднаго человѣка. Но признательная память среди людей науки останется навсегда о первомъ славянскомъ профессорѣ, Осипѣ Максимовичѣ Бодянскомъ, бѣдномъ полтавцѣ, сынѣ бѣднаго священника въ мѣстечкѣ Варвахъ.

Одесса,
22 октября 1892.

Александръ Кочубинскій.

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ

КНЯЗЯ В. А. ЧЕРКАСКАГО И Н. А. МИЛЮТИНА

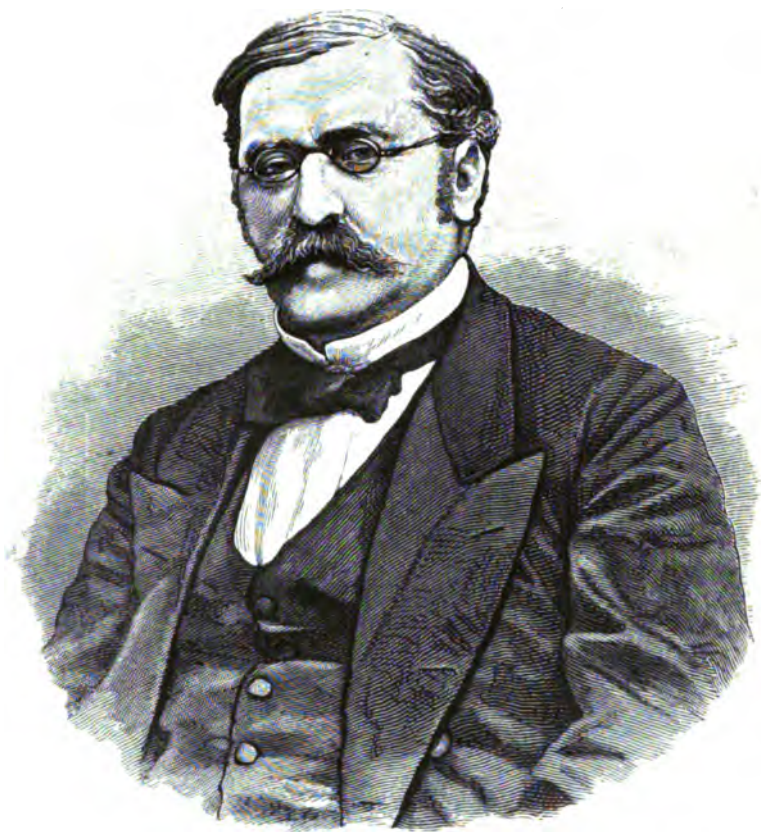
Преобразование польскихъ монастырей (указомъ 27 окт. 1864)

IV *

КРЕСТЬЯНСКАЯ реформа положила конецъ шляхетскому владычеству; реформа учебной части ** освободила польскія школы отъ шляхетскихъ и всендзовскихъ вліяній засимъ русское правительство употребило свою силу на обузданіе латинскаго монашества, на освобожденіе польской націи отъ одного изъ вѣковыхъ недуговъ, подтачивавшихъ ея органическое развитіе и отъ которыхъ Польша, во время своей независимости, не была въ состояніи избавиться.

Русскому правительству, въ отношеніи къ латинскимъ монастырямъ въ Царствѣ Польскомъ, предстояло удовлетворить двумъ требованіямъ. Съ одной стороны, нужно было, такъ сказать, обезоружить тамошнее монашество, поставить его въ невозможность продолжать ту тлетворную дѣятельность, съ которой недавнія событія сняли прежній покровъ таинственности ее облекавшей. Съ другой стороны, слѣдовало избѣжать радикальнаго уничтоженія монашества въ католической Польшѣ, дабы не нарушить «тѣхъ непреложныхъ началъ вѣротерпимости, которыя составляютъ одно изъ главныхъ основаній отечественнаго законодательства и неразрывно связуются съ коренными

* См. «Слав. Обзорѣніе», т. I, 51 и 359; II, 295. ** Выше, въ 7 и 8 кн. «Слав. Обзор.», стр. 327—335, замѣтка подъ загл.: «Учебное дѣло въ Ц. П. въ 1868 г.» основана на данныхъ записки гр. Толстого, составленной послѣ осмотра имъ уч. заведеній Ц. П.

Князь
Владиміръ Александровичъ Черкаскій
(1824—1878)

историческими преданіями православной церкви и русскаго народа». Эта высокая мысль, выраженная въ первыхъ строкахъ указа 27 октября 1864 г. о римско-католическихъ монастыряхъ въ Царствѣ Польскомъ, проникаетъ всѣ его постановленія. Народная святыня Польши—ченстоховскій монастырь, который имѣетъ для нея дѣйствительное религиозное значеніе, остается неприкосновеннымъ, несмотря на то, что тамошніе монахи ордена паулиновъ, какъ видно изъ доклада Варшавской комиссіи, принимали дѣятельное участіе въ мятежѣ, и такимъ образомъ правительство имѣло самыя законныя причины закрыть этотъ монастырь.

Многочисленныя статьи указа и дополнительныхъ къ нему правилъ, обеспечивающія дальнѣйшее богослуженіе въ церквахъ закрытыхъ монастырей и неприкосновенность всѣхъ священныхъ предметовъ, принадлежавшихъ этимъ монастырямъ; разрѣшеніе оставлять временно монаховъ въ качествѣ викаріевъ и органистовъ при бывшихъ монастырскихъ церквахъ; обезпеченіе дальнѣйшаго исполненія всѣхъ такъ называемыхъ фундушевыхъ обязанностей, соединенныхъ съ монастырскими имѣніями и капиталами; приглашеніе римско-католическихъ духовныхъ лицъ къ участію въ повѣркѣ, вмѣстѣ съ членами комиссіи погашенія долговъ, расходованія суммъ, поступающихъ съ этихъ имѣній и капиталовъ,—все это свидѣтельствуетъ о заботливости законодателя охранить законныя права и неприкосновенность римско-католической церкви въ дѣлѣ, которое такъ легко было обратить въ средство для ея униженія. Едва ли можно указать въ Европѣ на правительство, которое, приступая къ подобной мѣрѣ, столь тщательно отличало интересы религіи, въ ея неприкосновенныхъ правахъ, отъ спеціального вопроса о монастыряхъ, какъ общественныхъ учрежденій, которые должны подчиниться общему закону государственной безопасности и гражданскаго порядка. Въ большей части европейскихъ государствъ закрытіе католическихъ монастырей имѣло характеръ мѣры, направленной противъ самой католической церкви: такъ было въ Англіи и всѣхъ тѣхъ государствахъ, гдѣ закрытіе монастырей сопровождало переходъ въ протестантизмъ; такъ было во Франціи, въ концѣ прошедшаго столѣтія. Въ другихъ странахъ подобное дѣло являлось споліаціею, болѣе или менѣе открытою: имущество и самыя зданія монастырей забирались въ казну, а мона-

хамъ предоставлялось итти на всѣ четыре стороны безъ всякаго пособия, или съ общаніемъ какого-нибудь пособия только въ будущемъ; имѣнія же присоединялись къ государственной казнѣ, и объ ихъ первоначальномъ назначеніи на духовныя цѣли не было и помину. Такъ было во всѣхъ странахъ, гдѣ закрытіе монастырей производилось въ началѣ нынѣшняго столѣтія; такъ было и въ ближайшее къ намъ время, въ Испаніи и Португаліи. Указъ 27 октября не имѣетъ въ себѣ ничего подобнаго: это не есть мѣра враждебная католической религіи; это не есть и фискальная мѣра, какъ было въ нѣкоторыхъ государствахъ. Весь указъ стоитъ на почвѣ строгой законности.

Главною основою для уменьшенія числа монастырей въ Польшѣ принято правило, постановленное тридентинскимъ соборомъ, въ видахъ сохраненія благоустройства римско-католической церкви и предупрежденія упадка монастырской дисциплины,—правило, чтобы въ каждомъ монастырѣ было не менѣе 8 монашествующихъ, а тѣ монастыри, гдѣ ихъ окажется меньше, упразднались и переводились въ другія обители. Всѣ католики признаютъ постановленія тридентинскаго собора краеугольнымъ камнемъ ихъ церковнаго зданія. Правило, о которомъ мы сказали, подтверждено кромѣ того, собственно для Польши, буллою Бенедикта XIV въ 1744 году. Вотъ основаніе, по которому были упразднены въ 1864 г. 71 мужской монастырь въ Царствѣ (почти половина общаго числа тамошнихъ мужскихъ монастырей—155) и 4 женскихъ (изъ общаго числа 42).

Затѣмъ 39 мужскихъ монастырей были закрыты за явное, юридически-доказанное участіе въ мятежѣ. Это такіе монастыри, коихъ братія склоняла людей къ мятежу, приводила къ присягѣ на мятежъ, разрѣшала убійства или сама участвовала въ нихъ, поступая въ банды. Это такіе монастыри, которые служили орудіемъ терроризаціи мирнаго населенія, укрывая въ своихъ стѣнахъ вооруженныя шайки, доставляя имъ оружіе, собирая деньги именемъ подпольныхъ властей.... Здѣсь правительство имѣло дѣло, очевидно, уже не съ религіозными общинами, а съ гнѣздами злодѣяній, и имѣло не только законное право, но и непремѣнную обязанность разрушить эти гнѣзда.

Такимъ образомъ, изъ 155-ти мужскихъ монастырей въ Царствѣ оставлено было на первое время 45. Изъ нихъ предполагалось сохранить въ Польшѣ штатными лишь 25 монастырей,

а остальные 20, какъ нештатные, постепенно упразднить. Эти 20 нештатныхъ монастырей оставлены были временно потому, что иначе некуда бы было размѣстить монаховъ изъ другихъ обителей, а правительство наше не захотѣло пустить ихъ по міру, какъ это случилось въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ.

Оно сдѣлало все возможное для обезпеченія этихъ лицъ. Тѣ изъ монашествующихъ, которые захотѣли удалиться за границу, получили средства на проѣздъ и пожизненную пенсію; и только тѣхъ, которые потомъ приняли бы участіе во враждебныхъ Россіи замыслахъ, постановлено лишать права на эту пенсію. Прочіе размѣщены въ остающихся монастыряхъ и получили постоянное содержаніе. Даже тѣ, которые пожелали покинуть монашескую жизнь, сохраняли свое содержаніе и могли получать сверхъ того пособіе на наемъ помѣщенія.

Изъ женскихъ обителей только 4 упразднены были на первое время на основаніи каноническаго постановленія, о которомъ мы говорили выше. Изъ остальныхъ 38 женскихъ монастырей 10 предположено было сохранить въ штатѣ, а прочіе 28 постепенно упразднить по мѣрѣ уменьшенія числа монахинь.

Были приняты мѣры для обезпеченія состоявшихъ при монастыряхъ училищъ и благотворительныхъ заведеній. Ни одно изъ общепользныхъ учрежденій монастырскихъ не потерпѣло отъ закрытія монастыря. Напротивъ того, монастырскія училища даже выиграли и въ устройствѣ своемъ и въ преподаваніи при передачѣ ихъ въ общее учебное вѣдомство Царства. Богоугодныя заведенія также улучшились, войдя въ общій составъ благотворительныхъ учрежденій, зависящихъ отъ гражданской власти въ Царствѣ.

Что касается имѣній монастырскихъ, то они перестали быть *main-morte*, мертвымъ капиталомъ для экономическаго быта страны. Всѣ эти имущества и доходы, съ нихъ получаемые, предназначены были исключительно на содержаніе оставшихся обителей, на пенсіи и пособія монахамъ, на обезпеченіе богослуженія въ бывшихъ монастырскихъ церквахъ, на содержаніе бывшихъ монастырскихъ училищъ и богоугодныхъ заведеній, на вспомошествованіе нуждающимся членамъ римско-католическаго духовенства, отличившимся особенными передъ церковью и государствомъ заслугами и вообще на улучшеніе быта приходскаго римско-католическаго духовенства

*

и, наконецъ, на поддержаніе и развитіе народнаго образованія, въ особенности же начальныхъ училищъ.

Въ монастырской реформѣ главное—не сокращеніе числа монастырей (хотя закрытіе 110 монастырей изъ 155 не могло не ослабить того чрезмѣрнаго значенія, которымъ латинское монашество пользовалось въ этомъ краѣ), а уничтоженіе монашеской автономіи, дѣлавшей изъ каждаго ордена государство въ государствѣ и поставлявшей каждый орденъ въ непосредственную зависимость не отъ мѣстной духовной власти, а отъ особаго провинціала или генерала, пребывающаго въ Римѣ или въ Парижѣ. Въ 1864 г. въ Польшѣ положенъ былъ конецъ этой средневѣковой организаціи управленія монашескими орденами, которая давно уничтожена была почти во всѣхъ другихъ государствахъ Европы.

Важнымъ средствомъ противодѣйствія политическимъ кознямъ латинскаго монашества служило также подчиненіе его надзору свѣтской власти.

Важнѣйшіе моменты выработки и введенія въ дѣйствіе памятнаго въ исторіи польскаго монашества указа 27 октября, 1864 г. выясняются прилагаемыми письмами Н. А. Милютинина и кн. Черкаскаго, обнимающими время отъ 22 іюня по 30 ноября 1864 года.

Кн. Черкаскій Н. А. Милютину, изъ Варшавы. 22 іюля (3 авг.), 1864.

Со времени отъѣзда вашего отсюда, дѣла наши идутъ весьма однообразно. Намѣстникъ весьма любезенъ. Совѣтъ управленія принялъ весьма русскую фізіономію; я обучаюсь своему новому поповскому дѣлу; комитетъ о закрытіи монастырей подвигается. Къ сожалѣнію, во всемъ отдѣленіи духовныхъ дѣлъ, кромѣ Радошевскаго * (который до извѣстныхъ предѣловъ вѣренъ, и во всякомъ случаѣ полезенъ), нѣтъ никого, не только который бы помогъ, но на котораго можно бы было хоть сколько-нибудь положиться. Кржижановскій, ** хоть и не представляетъ явнаго отпора, однако, очевидно, пропитанъ до костей католическимъ духомъ, въ самомъ

* Вице-директоръ отдѣленія Правит. комиссіи внутр. и дух. дѣлъ, бывшій управляющій униатскими дѣлами.

** Директоръ духовнаго отдѣленія Пр. комиссіи в. и д. дѣлъ.

его фанатическомъ видѣ; отъ него пользы нѣтъ и совѣта добраго отъ него получить нельзя; къ тому же онъ ограниченъ и мало свѣдущъ. Два порядочные человѣка есть въ отдѣленіи (изъ младшихъ) и, по словамъ пьяницы Ск—го люди вѣрные, но они въ чахоткѣ и лечатся за границую. Отъ Ск—го ничего не добьемся: онъ все перзабылъ, что когда-нибудь зналъ. Да въ его время и приемы и трудности были совсѣмъ не тѣ. Наконецъ церковныя дѣла здѣсь испорчены до нельзя. Пока Фелинскій будетъ архіереемъ, едва ли чтонибудь сдѣлаемъ, а пока Калининскаго * не изведемъ, еще менѣе мы сдѣлаемъ съ унией. Необходимо было бы мнѣ лично объѣхать униатскій край, дабы видѣть людей и пощупать имъ лично пульсъ, но монастырское дѣло меня приковываетъ здѣсь. Къ тому же, изъ Вѣны ни отвѣта, ни привѣта отъ Кноринга. Необходимо было бы ему изъ Петербурга подтвердить, чтобы онъ подвинулъ дѣло Ганилевича....

Теперь же скажу вамъ лишь одну мысль, которая занимаетъ меня недѣли двѣ, а именно: мнѣ кажется полезно было бы (не ожидая разработки вопроса о штатахъ для блага духовенства моею Комиссіею, на что нужно нѣкоторое время) огласить при закрытіи монастырей, въ томъ ли,—что было бы лучше, или другомъ указѣ, что десятины въ пользу духовенства рѣшительно уничтожены (доселѣ онѣ только приостановлены во взысканіяхъ) и что онѣ непременно замѣнены будутъ немедленно надлежащими для того духовными штатами. Иначе мы возбудимъ рѣшительно послѣднее противъ себя, ибо лишимъ его всего, не подавъ ему никакой надежды на улучшеніе. Подумайте объ этомъ серьезно. Если же мы торжественно общаемъ штаты, сказавъ, что ихъ разработаетъ комиссія при учредительномъ комитетѣ, то мы успокоимъ умы, сдѣлаемъ дѣло справедливое, и отнимаемъ у духовенства оружіе клеветы противъ правительства, коимъ оно будетъ возбуждать массы. Напротивъ, при искусной редакціи можно всю совокупность мѣръ представить въ видѣ благопріятномъ, въ видѣ благодѣянія бѣлому духовенству. Наконецъ, что касается до комиссіи — дѣломъ мы не опоздаемъ, но *requisitoire* будетъ, боюсь, изъ рукъ вонъ плохъ, Селивановъ рѣшительно не справится, а у меня идетъ голова кругомъ. Не знаю какъ быть! Сдѣлаю, что могу и на дняхъ напишу вамъ подробнѣе. Вице-рой ** всѣмъ объявляетъ, что Государь будетъ сюда къ 15 августа. Очень боюсь, что это не принесетъ ни пользы дѣлу, ни удовольствія самому Государю.

* Епископъ-номинатъ холмско-греко-униатской епархіи.

** Намѣстникъ Бергъ.

Кн. Черкаскій Н. А. Милютину, изъ Варшавы. 28 іюля (9 авг.), 1864.

Вечеромъ было у меня засѣданіе нашей комиссіи по закрытію монастырей, а теперь передъ тѣмъ, какъ предаваться морфею, пишу къ вамъ нѣсколько словъ, чтобы извѣстить васъ хоть вкратцѣ о ходѣ работъ комиссіи. Завтра минетъ данный намъ мѣсячный срокъ: срочная работа въ сущности окончена, т. е. правила составлены, свѣдѣнія собраны въ большомъ числѣ и многія другія еще ожидаются, списки упраздненныхъ и закрываемыхъ монастырей составлены, — первыхъ (съ уніатскими) 79, вторыхъ 31. Остальные монастыри мы предполагаемъ раздѣлить на штатные, оставивъ первыхъ 25 мужскихъ съ 360 монахами и 10 женскихъ съ 140 монахинями. Но все это окончено вчернѣ и теперь переписывается; докладную записку соорудилъ Селивановъ, весьма безобразную, теперь дополняетъ и исправляетъ ее А—ъ, а затѣмъ я приложу къ ней наконецъ самъ руки, не взирая на крайній недостатокъ во времени и досугѣ. Что выйдетъ изъ всего этого, не могу еще самъ сказать. Намѣстникъ, которому я вчера объявилъ положеніе дѣлъ, охотно разрѣшилъ намъ нѣкоторую отсрочку; но я надѣюсь, что въ Петербургѣ всѣ работы получатся непремѣнно 10 или 11 августа, т. е. до отъѣзда Государя изъ Петербурга. Таинъ образомъ, желаніе ваше будетъ, по мѣрѣ возможности, удовлетворено.

Орденъ миссіонеровъ исчезнетъ совершенно самъ собою, вслѣдствіе закрытія или упраздненія всѣхъ его монастырей. О фелиціанкахъ и сестрахъ милосердія теперь собираю свѣдѣнія. Я пришелъ еще болѣе къ убѣжденію, что послѣднихъ совершенно необходимо оставить, тѣмъ болѣе, что, утративъ главенство миссіонеровъ, онѣ сдѣлаются еще безвреднѣе. Фелиціанокъ надо непремѣнно похѣрить, но какъ невозможно оставить безъ суррогата то воспитаніе, которое онѣ нынѣ даютъ женщинамъ польскимъ, необходимо согласовать эту мѣру и произвести ее одновременно съ открытіемъ женскихъ гимназій, которое Витте безъ сомнѣнія съ собою привезетъ изъ Петербурга.

Григорьевъ * очень полезенъ. Къ сожалѣнію, Кноррингъ въ Вѣнѣ ничего не дѣлаетъ и у меня руки совершенно связаны относительно уніатовъ. Я выписалъ изъ Холма нашего тамъ комиссара Кокошкина, который пріѣдетъ въ пятницу и долженъ привезти мнѣ вѣрные свѣдѣнія о расположеніи тамъ умовъ. Переговоривъ съ нимъ, я

* Вице-директоръ деп-а дух. дѣлъ, а затѣмъ директоръ отд. дух. дѣлъ въ Ц. П.

вѣроятно рѣшусь просить намѣстника послать курьеровъ въ Вѣну разбудить Кнорринга и возобновить дѣло о Ганилевичѣ и, если можно, о Раковскомъ. Своихъ поповъ я стараюсь исподоволь прибрать въ руки, хотя нѣкоторыя дѣла и затягиваю, чтобы дать себѣ время оглядѣться и не надѣлать сразу глупостей. Покуда и стѣснилъ шатанье ксендзовъ и монаховъ по всему Царству, что для нихъ нѣсколько прискорбно, но заставляетъ ихъ прибѣгать ко мнѣ и кланяться, а мнѣ даетъ случай ихъ видѣть и подчасъ говорить имъ легкія правоученія. Указъ о патронатахъ весьма порадовалъ меня относительно униатовъ; жаль лишь одно, что употреблено выраженіе: епископъ утверждаетъ трехъ священниковъ, представляемыхъ униатскимъ управленіемъ. Слово это подастъ въ будущемъ поводъ къ преканіямъ. Лучше было бы сказать—вводитъ въ должность, на основаніи прежде дѣйствовавшихъ правилъ и обычаевъ и пр. Но чего мнѣ очень жаль—это сохраненіе патроната за польскими помѣщиками въ католическихъ приходяхъ. Этимъ имъ оставлена страшная сила и вліяніе на духовенство. Каждый день убѣждаетъ меня болѣе и болѣе, что необходимо будетъ отмѣнить этотъ патронатъ. Къ сожалѣнію, благопріятный случай упущенъ. Теперь здѣсь дѣло прошло бы, какъ стаканъ воды выпить. Дай Богъ, чтобы послѣ не оказалось бы труднѣе, а оно неизбѣжно. Въ этомъ согласны Радосшевскій, Скавронскій и Войда.

Кн. Черкасскій Н. А. Милютину, изъ Варшавы. 7 (19) августа.

Почтеннѣйшій Николай Алексѣевичъ. Сегодня отправляются въ С.-Петербургъ отъ намѣстника бумаги по дѣлу о закрытіи монастырей. Посылаются, кромѣ заключенія намѣстника, самыя правила, составленныя, какъ кажется, довольно подробно, всякаго рода вѣдомости, въ нихъ и мой краткій рапортъ намѣстнику. Надняхъ будутъ готовы: 1) переводъ правилъ на польскій языкъ и 2) доклады комиссій, въ родѣ обвинительнаго противъ монастырей акта. Переводъ я поручилъ Микуцкому: * другого вѣрнаго человѣка рѣшительно нѣтъ; онъ перевелъ уже первыя 6 главъ, а я посылаю ихъ на просмотръ Чистилину, ** который переводъ одобряетъ; когда онъ кончитъ, все переписется и отправится немедленно въ Петербургъ гдѣ я полагаю и Старынкевичъ и Жуковскій могутъ еще процензуровать. Здѣсь я никому не могу этого дѣла повѣрить въ отд. духов. дѣлѣ, даже Рал. ибо это значило бы все равно, что

* Преподаватель гл. школы. ** Директоръ канцеляріи намѣстника въ Ц. П.

при звукѣ трубномъ разбудить дѣло на всю Варшаву. Сдѣлайте одолженіе, наемкните Платонову, чтобы онъ въ этомъ дѣлѣ не слишкомъ довѣрялъ чиновникамъ своего статсъ-секретариата. Что касается, во 2-хъ, до доклада, то я только теперь, т. е. вчера, получилъ его отъ А—а и занимаюсь его стиркой и передѣлкой. Работа скучная, тягостная и которая отыметъ у меня всѣ свободныя минуты втеченіе нѣсколькихъ дней. С—въ соорудилъ безобразіе; А—тъ исправляетъ, но увы, при всей моей къ нему дружбѣ и уваженіи, я долженъ сказать, что онъ не много улучшилъ работу. Когда нибудь покажу вамъ ихъ черновыя: каждое слово, каждую фразу приходится чинить, а сверхъ того, гдѣ нужно, вычеркнуть цѣлыя полстраницы и страницы, гдѣ столько же вписать, гдѣ измѣнить планъ и переставить; конца вовсе нѣтъ, начало невозможное. Это безлюдье—страшное дѣло! Въ виду этихъ обстоятельствъ я рѣшился просить намѣстника послать впередъ самыя правила, которыя могли бы быть подвергнуты разсмотрѣнію особо, а докладъ надѣюсь доставить вамъ къ 15 или 16 числу. Фактовъ въ немъ будетъ кажется довольно, но боюсь осрамиться безобразіемъ формы, тѣмъ болѣе, что некогда дать работѣ вылежаться, чтобы ее передъ окончателюю перепискою еще разъ прочесть и погладить. Что дѣлать! Посылаю вамъ для свѣдѣнія, можетъ быть вамъ любопытно будетъ взглянуть, чтобы получить общее свѣдѣніе объ имѣніяхъ блага духовенства. Дембовскій требовалъ на эту работу, кромѣ денегъ, еще цѣлыхъ два года. Мнѣ она стала четыреста (400 руб.) изъ суммъ отдѣленія и будетъ надняхъ готова. Свѣдѣнія будутъ любопытны, когда всѣ соберутся; мнѣ почти хочется напечатать.

Н. А. Милютинъ кн. Черкасскому, изъ С.-Петербурга (Каменный Островъ). 8 (20) авг. 1864.

Посылаю вамъ, душевно любимый князь, 10 экз. первой книжки нашего католическаго сборника. Одинъ экз. посылаю гр. Бергу. Если потребуе, могу послать сколько хотите экземпляровъ. Не передайте ли одинъ экз. Павлицеву, редактору В. Дн., чтобы почерпать факты для полемики. Въ газетахъ, по моему, всего нужнѣе разъяснить эту несомнѣнную и мало извѣстную истину, что вездѣ, каково бы ни было вѣроисповѣданіе (католическое, протестантское и пр.), каковъ бы ни былъ образъ правленія (монархическій, конституціонный, республиканскій), вездѣ государственное начало должно было принимать диктаторіальныя, пожалуй произвольныя и анти-церковныя мѣры, чтобы обуздывать разрушительное для всякаго гражданскаго

общества властолюбіе и самовластіе папизма. Изъ этого общаго правила во всей Европѣ представляютъ исключеніе лишь Папскія владѣнія и Ц. П. (католическіе журналы нарочно смѣшиваютъ Царство съ имперіей, что также желательно разъяснить). Отъ Гильфердинга я ожидаю обо всемъ этомъ подробной статьи, съ полными историческими фактами и пр. Но не мѣшало бы выпустить и застрѣльщикова, для подкрѣпленія и дополненія тяжелаго артиллерійскаго огня, который отвернется здѣсь въ скоромъ времени.

Работы ваши ожидаемъ. Нѣкоторые сообщенныя вами мысли (относительно оборота, который нужно дать редакціи указа) я исполнѣ раздѣляю и приму непремѣнно къ руководству.

Относительно уніатскаго дѣла м-во иност. дѣлъ ничего не сдѣлало. Кн. Горчаковъ, къ которому я очень сильно присталъ, сваливаетъ все на вашего Ос-С-а. Направьте этого послѣдняго. Теперь я опасаясь опять остановки въ ожиданіи приѣзда новаго посланника. Между тѣмъ папа начинаетъ уже заискиванія, и теперь было бы время дѣйствовать.

Имѣли ли вы въ рукахъ отчетъ Дембовскаго, представленный имъ намѣстнику по случаю сдачи должности? Тамъ онъ говоритъ и о духовной части, особенно о несостоявшемся совѣтѣ изъ членовъ католическаго духовенства. Не худо бы вамъ это просмотрѣть, хотя важнаго ничего нѣтъ. Проекты по учебной части прошли. Витте возвращается. Онъ очень усердствовалъ въ нашемъ смыслѣ. Женскія гимназіи откроются вѣроятно еще не скоро, ибо надо еще составить уставъ и штаты, а между тѣмъ съ фелиціанками желательно бы какъ можно скорѣе покончить.

Соловьеву я пишу подробно о Гуркѣ и Оголинѣ. Обращаюсь и къ вамъ съ тѣми же просьбами.

Кн. Черкасскій Н. А. Милютину, изъ Варшавы. 14 (26) авг. 1864.

Настоящее мое посланіе отправляется къ вамъ съ тѣмъ же курьеромъ, который везетъ въ Петербургъ докладъ комиссіи по монастырскому дѣлу. Докладъ этотъ надоѣлъ мнѣ паче мѣры и отнял у меня всякую сколько-нибудь свободную мою минуту втеченіе восьми или девяти дней; я получилъ отъ С—а и А—а такое безобразіе, что, признаюсь откровенно, у меня одно время опустились руки вовсе, и немало нужно было отваги, чтобы приняться за стирку и починку. При работѣ оказалось необходимымъ перестроить планъ и совершенно измѣнить редакцію; нынѣ я сожалью, что съ первой минуты не выкинулъ все за бортъ и не написалъ все съизнова. Какъ бы то ни было, посылаю вамъ этого

незаконнорожденнаго отъ трехъ отцовъ; судите его снисходительно; я душевно былъ бы радъ, если могъ бы сложить съ себя отвѣтственность за него. Могу увѣрить васъ лишь въ одномъ, что онъ все-таки лучше теперь, чѣмъ вышедши изъ рукъ С—а. Можетъ быть, онъ и въ самомъ дѣлѣ вамъ хоть сколько-нибудь пригодится въ силу пословицы: на безрыбьѣ и ракъ рыба.

Благодарю за брошюрку и за книжку матеріаловъ финансовыхъ. Не прислать ли вамъ для напечатанія точную копию всѣхъ вѣдомостей по десятинамъ, капиталамъ и имуществамъ духовныхъ для напечатанія? Это матеріалъ интересный и любопытный, только окажется противорѣчіе съ сообщенною вамъ (вѣроятно Велепольскимъ или Дембовскимъ) запискою, которую вы напечатали въ послѣдней тетради финансовыхъ матеріаловъ и гдѣ говорится, что въ духовномъ отдѣленіи не имѣется никакихъ матеріаловъ для исчисления десятинь. А именно эта часть статистики нашей и есть самая подробная и безспорная.

Если желаете получить эти матеріалы, черкните словечко. П—а. увижу на дняхъ и переговорю съ нимъ на счетъ статей въ его Дневникѣ, но и онъ и его Дневникъ такъ глупы, что едва ли мы много изъ нихъ выкроемъ.

Объ униатскихъ дѣлахъ вы вѣроятно знаете, какъ они идутъ плохо. Еще до полученія письма вашего я настоялъ на томъ, чтобы С—нъ самъ ѣхалъ въ Вѣну объяснить Кноррингу, что соловья баснями не кормятъ. Онъ уѣхалъ, а между тѣмъ пришла депеша отъ Кнорринга, что австрійцы рѣшительно отказали. Намѣстникъ третьяго дня опять писалъ, требуя, чтобы Кноррингъ вновь настоялъ. Не знаю, удастся ли; С—нъ долженъ вернуться дня черезъ два или три. Сомнѣваюсь, чтобы изъ всего этого что-нибудь да вышло, хотя я лично употребляю и употреблю все возможное настояніе, чтобы достигнуть желаемого. Между тѣмъ я началъ компанію противъ Калинскаго съ точки зрѣнія разныхъ шиканъ и вычитаній изъ жалованья, выписываю понемногу еъ себѣ для знакомства униатскихъ ксендзовъ и четверемъ благонадежнымъ назначилъ денежные награды изъ суммъ, состоящихъ въ моемъ распоряженіи, что, полагаю, будетъ имъ не неприятно. Съ завтрашняго дня, повончивъ главное монастырское дѣло, я начну готовить дѣло о бѣломъ духовенствѣ и штатахъ, для котораго уже собрано довольно много матеріаловъ. Самое трудное будетъ постройка греко-униатскихъ церквей, не по недостатку впрочемъ денежныхъ средствъ (ибо я увѣренъ, въ этомъ намѣстникъ спорить не станетъ), но по недостатку людей, кому повѣрить это дѣло, чтобы не украли и не наглумали бы. Нельзя ли получить черезъ

Помпея Батюшкова планы, фасады, смѣты, а главное: свѣдѣніе о томъ, какъ и черезъ кого они строили въ Литвѣ и Кіевскомъ краѣ. Этимъ вы очень обяжете.

Н. А. Милютинъ кн. Черкасскому, изъ Петербурга. 24 авг. (5 сент.) 1864.

Примите благосклонно, душевно-уважаемый князь, Гильфердинга, который является къ вамъ съ нашими общими предложеніями. Онъ объяснитъ вамъ подробно, въ чемъ дѣло. Писать буду обстоятельнѣе съ Оголинымъ, который ѣдетъ черезъ два дня. А пока крѣпко жму вамъ руки...

Гильфердингъ вамъ расскажетъ все, что здѣсь дѣлается и говорится. Вѣдомости о десятинѣ и духовныхъ имуществахъ пожадуйста пришлите.

Кн. Черкаскій Н. А. Милютину. 12 (24) сент. 1864.

Завтра утромъ курьеръ везетъ вамъ проекты монастырскіе, пересмотрѣнные мною по соглашенію съ Гильфердингомъ, и письма послѣдняго. Я нашель нужнымъ оспорить два предполагавшіяся измѣненія, и Гильфердингъ согласился. Очень счастливъ буду, если согласитесь и вы; могу васъ увѣрить лишь въ одномъ, что я прекословлю не изъ упрямства, а по убѣжденію въ пользѣ дѣла. Впрочемъ, объ этомъ я пишу вамъ въ особомъ письмѣ, полуофициальномъ, вложенномъ въ пакетъ намѣстника и которое я ему прочту.

Кн. Черкаскій Н. А. Милютину. 24 сент. (6 окт.) 1864.

Все это время занимался преусердно приискиваніемъ какого-либо господина для уніатскихъ дѣлъ. Выписывалъ двоихъ изъ Москвы—Безсонова и Новикова: оба отказались; выписалъ изъ Петербурга полковника Кропотова: оказался хорошій человекъ, но тяжелъ, старенецъ, съ слишкомъ великими денежными претензіями и не знаетъ польскаго языка; наконецъ, рѣшаюсь остановиться на одномъ г. С—мъ. Воспитанникъ духовной академіи, родомъ изъ Литвы и нынѣ инспекторъ народныхъ училищъ въ Могилевѣ. Я выписалъ его сюда на свиданье: онъ малый, кажется, скромный, трудолюбивый и даровитый. Намѣстникъ изъявилъ согласіе. Сегодня же мною съ С—мъ написано письмо къ Д—ва, которое онъ самъ свезетъ въ Петербургъ и будетъ хлопотать о своемъ увольненіи. Онъ явится къ вамъ. Сдѣлайте милость, въ случаѣ какого-либо затрудненія со стороны

Д—а, помогите съ своей стороны. А то у меня здѣсь рѣшительно никого въ виду нѣтъ. Радошевскаго я перевожу вице-директоромъ въ духовное отдѣленіе.

Отъ Самарина получилъ третьяго дня письмо изъ Остэнде передъ выѣздомъ его въ Парижъ.

У меня готовы три главы, послѣднія, касающіяся общаго устройства монаховъ, а именно правила: 1) о монастыряхъ штатныхъ и нештатныхъ, 2) о подчиненіи монастырей епископамъ и визитаторамъ, 3) о подчиненіи ихъ надзору гражданской власти и повиціата. На дняхъ представляю намѣстнику (теперь переписываются). Не знаю, куда онъ пошлетъ: въ С.-Петербургъ, въ статсъ-секретаріатъ или въ собственныя руки въ чужіе края? Дайте совѣтъ, какъ направить дѣло?

Принимаюсь за штаты бѣлаго духовенства. О рекомендованныхъ вами чиновникахъ буду надняхъ къ вамъ писать. Не забыли ли вы о закрытіи униатскихъ монастырей? Намъ необходимо теперь же закрыть всѣ, кромѣ только варшавскаго, куда мы переведемъ всѣхъ униатскихъ монаховъ,—это очень нужно.

P. S. Черкните словечко — рѣшитесь ли вы безпокоить Государя?

Сію минуту намѣстникъ прислалъ мнѣ вашу телеграмму на счетъ возникающаго въ комитетѣ вопроса объ избраніи монахами другого образа жизни. Завтра (ибо теперь уже ночь) поѣду доложить графу, который вѣроятно сообщитъ вамъ официальный отвѣтъ; теперь же вотъ мое личное мнѣніе.

Нельзя ожидать большого количества такихъ случаевъ; но весьма вѣроятно, что нѣкоторые будутъ. Важно не количество ихъ, а важенъ фактъ; важно въ этой странѣ ультрамонтанизма подорвать слѣпое, безусловное повиновеніе канонамъ католическимъ; важно рубить сплошную стѣну католицизма, разбить само духовенство на группы и дать въ польскомъ католическомъ мірѣ право самостоятельной жизни всякому меньшинству. Въ настоящемъ случаѣ, предлагаемая мѣра, лишенная защищаемаго мною дополненія, теряетъ свой общій философскій смыслъ и нисходитъ до степени простого полицейскаго перемѣщенія монаховъ, безъ ихъ вѣдома и вопреки ихъ согласію, изъ однихъ стѣнъ въ другія.

Общая мѣра, имѣющая историческій смыслъ и представляющаяся однимъ изъ проявленій новой гражданской жизни, нисходитъ до степени простого проявленія брутальной полицейской силы. Желательно ли это? Весь сѣверъ Германіи, вся Англія, весь протестантскій міръ увидитъ уже въ новомъ законѣ одно лишь полицейское насиліе, имъ, какъ таковое, столько же по ма-

дой мѣрѣ антипатичное, какъ и католическому міру, и не признаютъ въ немъ ничего, что бы говорило во имя свободы человѣческаго духа. Трудно болѣе дѣйствительнымъ образомъ подорвать историческое и политическое значеніе новаго закона и разомъ отклонить отъ него всѣ симпатіи протестантскаго общества.

Противъ предлагаемой статьи будутъ конечно кричать ксендзы; но неужели они станутъ кричать менѣе потому, что ее опустятъ? Скрытое монашество существуетъ безъ этого и долго еще будетъ существовать въ Польшѣ. Здѣсь считается болѣе 700 братствъ, конхъ списовъ я теперь имѣю, — кромѣ сестеръ милосердія, феліціанокъ и тайныхъ иезуитовъ. Мы живемъ въ странѣ полурелигіозныхъ, полуполитическихъ тайныхъ обществъ, никогда здѣсь не прекращавшихся съ конца 16 вѣка. Но не эти *moines defroqués* усилятъ эти тайныя общества. Монахи нѣкоторыхъ монастырей будутъ дѣлать оппозицію (подъ видомъ мученичества) въ остальныхъ своихъ монастыряхъ гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ снявъ монашеское платье и вмѣшавшись въ толпу, хотя бы въ видѣ тайныхъ монаховъ; ибо снятіе рясы, вопреки канонамъ и Риму, немедленно уронитъ ихъ въ глазахъ общества и никогда имъ не простится. Скинетъ рясу только негодяй или ужъ очень наболѣвшій въ монастырскомъ рабствѣ монахъ; такіе случаи, позоря лица, позорятъ вмѣстѣ съ тѣмъ и монашество католическое.

Н. А. Милютинъ кн. Черкасскому, изъ Петербурга. 29 окт.
(10 ноября) 1864.

Вмѣстѣ съ указомъ и правилами о монастыряхъ, которые везетъ фельдъегерь въ пакетѣ на имя намѣстника, посылаю вамъ экземпляръ доклада, приготовленнаго для печати отъ имени вашей Комиссіи. Согласно полномочію вашему, я позволилъ себѣ измѣнить нѣсколько редакцію, нисколько не трогая существа. Пожалуйста, велите переписать начисто, украсьте своими подписями и доставьте мнѣ скорѣе для храненія при дѣлѣ. Григорьеву можно дать подписать здѣсь. Селиванову также передамъ при случаѣ. Подписи ихъ я не рѣшился выкинуть, опасаясь, что имъ это будетъ непріятно. Впрочемъ, все это канцелярская очистка. Перехожу къ дѣлу.

Мы сдѣлали все, что можно, для соблюденія возможной тайны. Сдѣлайте тоже въ Варшавѣ. Внезапное закрытіе монастырей не только облегчитъ исполненіе, но и подѣйствуетъ сильнѣе на воображеніе. Указъ подписанъ на другой день по пріѣздѣ изъ Ниццы. Кажется, этого довольно, чтобы зажать ротъ (хоть на нѣ-

сколько времени) глашатаямъ примирительной системы. Докладъ только теперь отданъ въ переводъ на три языка (какъ желалъ гр. Бергъ). Указъ и правила я отдамъ въ переводъ не прежде воскресенья или понедѣльника (всетаки для сохраненія тайны). Все это предполагается выпустить одновременно въ «Инвадидъ», «Journal de St.-Petersbourg» и «St.-Petersburger Zeitung». Каждый изъ этихъ журналовъ, кромѣ напечатанія въ официальной части, составитъ особые оттиски для отсылки за границу. Въ то же время будетъ приготовленъ англійскій текстъ въ особой брошюрѣ (за немѣвнимъ здѣсь англійскаго журнала). Въ день оглашенія мы пошлемъ всюду телеграммы за границу. На переводъ, наборъ, исправленіе и проч. потребуется не менѣ недѣли, такъ что мы едвали будемъ въ состояніи выпустить здѣсь прежде 6 (18) или даже 7 (19) ноября. Къ этимъ числамъ наборъ будетъ готовъ, но выпущенъ не иначе, какъ по вашей телеграммѣ. Для этого телеграмма должна прійти по крайней мѣрѣ наканунѣ, и если можно, за два дня до появленія №. Не забудьте, что по понедѣльникамъ наши газеты не выходятъ. Желательно, чтобы петербургскіе журналы возвѣстили это дѣло въ тотъ самый день (т. е. не позже того дня), когда событіе совершится въ Варшавѣ. Итакъ ожидаемъ вашего приказанія. Телеграмму пришлите или прямо на мое имя, или шифромъ на имя военнаго министра, для передачи мнѣ.

На вопросы ваши спѣшу увѣдомить, что вѣдомости о духовныхъ доходахъ мною получены. По прочимъ статьямъ напишу особо, на досугѣ. .

Несмотря на вашъ официальный письменный отказъ, настояніе на счетъ вашего перевода было сильное, но встрѣтило столь же сильный и рѣшительный отказъ. Въ субботу ѣду въ Царское и при случаѣ отпишу подробнѣе. Дай Богъ вамъ силъ и успѣха въ предпринимаемой борьбѣ съ папизмомъ. Жребій брошенъ. Теперь нужна только твердость, твердость и твердость. Это единственный аргументъ, передъ которымъ уступаютъ клерикалы. На поддержку здѣсь вы можете вполне рассчитывать.

Статью Гильфердинга (о монашествѣ за границею) я полагаю пустить заранѣе, т. е. 5 (17). Если встрѣчаете препятствіе, дайте знать. Соловьеву и всѣмъ нашимъ жму дружески руки. Мое почтеніе княгинѣ.

Если, паче чаянія, окажутся ошибки въ докладѣ, сообщите о томъ скорѣе, чтобы успѣть исправить во всѣхъ четырехъ текстахъ.

Присылайте, присылайте мнѣ свѣдѣнія о томъ, какъ пойдетъ у васъ дѣло. Подробности будутъ вовсе не излишни; хорошо бы имѣть копіи съ первыхъ донесеній.

Н. А. Милютинъ кн. Черкасскому. 8 (20) ноября 1864.

Баронъ Медемъ передастъ вамъ, любезнѣйшій князь, на словахъ разныя мои порученія. Мы справились съ печатаніемъ, какъ видите, въ 3 дня, и еслибъ я зналъ заблаговременно, то никакой остановки въ обнародованіи не могло бы послѣдовать. Каюсь вамъ, что держать дѣло въ секретѣ здѣсь довольно трудно. Одна боязливость министровъ, особенно же вице-канцлера—чего стоитъ? Двѣнадцать дней секрета—это почти *tour de force* (при привычкахъ здѣшнихъ правительственныхъ лицъ). Еще 12 дней ожиданія, очевидно, они не вытерпятъ. Коли возможно—ускорите. Нельзя ли рѣшиться на четвергъ. Иначе придется отложить еще на недѣлю, т. е. до 18 (30). Впрочемъ, если во вторникъ утромъ не будетъ отъ васъ телеграммы, то въ четвергъ утромъ трудно будетъ выпустить на 4-хъ языкахъ. Мнѣ необходимо полныхъ двое сутокъ, ибо, для вищшей предосторожности, я не позволяю еще набирать переводы указа и правилъ. Затѣмъ передаю все это дѣло вашей волѣ.

Что касается до ожидаемыхъ крайностей со стороны всего польскаго духовенства, то это, очевидно, послѣдствіе разгоряченнаго воображенія вашей высшей полиціи. Времена демонстрацій (по крайней мѣрѣ, общихъ) прошли. Нужно, чтобы поляки сильно убѣдились въ малодушіи мѣстныхъ властей для употребленія такихъ мѣръ, какъ общій интердиктъ и т. п. Рѣшимость не только въ дѣйствіяхъ, но и во всѣхъ внѣшнихъ проявленіяхъ начальствующихъ лицъ — вотъ лучшее и единственное средство для отвращенія всякихъ общихъ демонстрацій. Разумѣется, оппозиція пассивная неизбежна, но мы всегда ее предвидѣли, и подъ вліяніемъ этого предвидѣнія обставлено все дѣло. Если же, паче чаянія, проявится явное, активное противодѣйствіе, то, по моему крайнему разумѣнію, нужны удары быстрые и энергическіе. На счетъ Ржевускаго намѣстнику дано уже весною прямое разрѣшеніе. Нынѣ Государь намѣревается вновь подтвердить отъ себя то же самое. Кажется, этого будетъ достаточно для приданія бодрости унывающимъ и для обузданія зловѣщихъ преувеличеній Трепова и комп. Представленные вами правила для монастырской дисциплины уже прошли въ польскомъ комитетѣ.

Исполненіе формальности, указанной въ ст. 17 указа, было бы бесполезнымъ замедленіемъ. Затѣмъ, если потребуются новыя постановленія, то нужно будетъ соблюсти указанный порядокъ. Съ моей точки зрѣнія, на будущее время, когда главные вопросы уже окончательно рѣшены, участіе учредительнаго комитета можетъ

скорѣе быть облегченіемъ, чѣмъ помѣхою. Если же превратныя понятія восторжествовали бы даже въ большинствѣ, то оставалось бы меньшинству заявить свое разногласіе, а здѣсь я постарался бы разъяснить существо дѣла.

Польскаго перевода доклада нѣтъ. Сдѣлайте не торопясь. Вѣдь они всего нужнѣе для Россіи и Европы, а не для Польши, которая и безъ того знаетъ свои собственныя безчинства.

Вамъ, дорогой князь, выпала на долю тяжкая обязанность. Никто лучше меня не можетъ чувствовать это, но всѣ сознаютъ предстоящія вамъ затрудненія и тутъ никакого съ моей стороны краснорѣчія не нужно. Да благословитъ васъ Богъ! На поддержку же здѣсь вы можете вполне рассчитывать, также какъ и на сочувствіе русскаго общественнаго мнѣнія.

8-го ноября.

Въ заграничныя наши миссіи послана (съ курьерами) нижеслѣдующая депеша, которая будетъ напечатана, по данному отсюда сигналу, въ видѣ телеграфической депеши:

S.-Pétersbourg, Nowembre. 1884.

Les journaux officiels publient, avec considerations très etendues, un décret Imperial, statuant une série de mesures destinées: à améliorer en Pologne la situation du clergé paroissial catholique romain; à séculariser les couvents n'ayant pas le nombre canonique de moines désigné par bulles papales; à fermer ceux qui ont pris part ouverte et constatée à l'insurrection. Religieux et religieuses largement pourvus de moyens d'existence, libres de passer dans les couvents maintenus ou d'aller à l'étranger. Biens et revenus des couvents exclusivement affectés aux besoins du clergé catholique, à la charité et l'instruction publique. Commission d'amortissement des dettes du royaume appelée à y veiller, concurrement avec les mandataires du clergé. Le décret est suivi d'un rapport détaillé, constatant juridiquement la participation du clergé régulier à la dernière insurrection».

Сообщаю вамъ объ этомъ для соображенія, съ просьбою довести и до свѣдѣнія графа. Если онъ признаетъ нужнымъ послать и изъ Варшавы телеграммы (что было бы не лишнее, дабы противопоставить ихъ неизбѣжнымъ телеграммамъ изъ враждебнаго лагеря), то желательно бы устроить такъ, чтобы ваши телеграммы, сохраняя свой самостоятельный характеръ, не были бы въ противорѣчій съ нашею.

Кн. Черкасскій Н. А. Милютину, изъ Варшавы. 17 (29) ноября.

Почтеннѣйшій Николай Алексѣевичъ, завтра ѣдетъ курьеръ и я хочу вамъ сообщить нѣсколько словъ о нашемъ монастырскомъ

дѣлѣ. Официальные подробности вы вѣроятно узнаете изъ донесеній намѣстника. Въ дополненіе къ нимъ скажу вамъ, что до сихъ поръ, слава Богу, дѣло идетъ отлично. Закрытіе монастырей произошло одновременно въ ночь съ 16/27 на 16/28 ноября не только въ Варшавѣ, но и по всему Царству. Донесенія и телеграммы отовсюду самыя благопріятныя. Въ Варшавѣ все было благополучно окончено въ шестомъ часу. Не взирая на долговременность приготовленій и множество лицъ, привлеченныхъ къ дѣлу, секретъ былъ рѣшительно сохраненъ и дѣло пало ляхамъ, какъ снѣгъ на голову. Они очевидно ошеломлены. Монахи и духовенство были убѣждены, что мы не дерзнемъ закрыть вдругъ столько монастырей и въ особенности не осмѣлимся коснуться ни бернардиновъ, ни капуциновъ, ни миссіонеровъ. Бернардины даже прямо говорили при закрытіи, что они читали извѣстіе о подписаніи указа въ иностранныхъ газетахъ, но не вѣрили, чтобы дѣло могло коснуться ихъ. Къ тому же они не ожидали, чтобы русскіе сумѣли сохранить секретъ; не ожидали также, что дѣло сдѣлается ночью и особенно, что оно поведется tambour battant. Еслибы мы имъ дали день или два на сборы, то мы надѣлали бы себѣ бѣдъ.

Теперь, слава Богу, все тихо и спокойно; молодежь вообще довольна; много мужей и отцовъ внутренно тоже довольны, что изъ Варшавы выѣхали 130 пѣтуховъ, возмущающихъ ихъ семейное счастье или по крайней мѣрѣ спокойствіе; въ театрѣ продолжаютъ ходить, хотя нѣсколько меньше. Женщины всѣ вообще въ отчаяніи—отъ граф. Эльфриды Замойской до послѣдней поломойки и кухарки; о двухъ капуцинахъ пріѣзжали ко мнѣ слезно просить и гр. Замойская и одна богатая г. Ярошинская (вторая о père Prosper Lestschinsky, первая о père Nonogat, росломъ, дюжемъ и красивомъ 35-лѣтнемъ мужчинѣ, ея духовникѣ), но я рѣшительно объявилъ имъ, что пока я въ Варшавѣ ни тотъ, ни другой не вернется, ибо они отъявленные повстанцы, и потчивалъ ихъ вмѣсто того заграничными паспортами, которые имъ не нравятся. Служба продолжается весьма усердно и исправно во всѣхъ церквахъ; монахи, оставленные при костелахъ, глядятъ на это, какъ на милость, имъ сдѣланную, и какъ на случай заработать себѣ много денегъ, при убавившемся числѣ ксендзовъ; кармелиты башмачные и реформаты приходили сегодня ко мнѣ депутаціею, а завтра отправляются въ половинѣ второго къ намѣстнику благодарить, что ихъ не закрыли; они также надѣются получить барышъ въ настоящихъ обстоятельствахъ. Заграницу просятъ донинѣ 11 человекъ. Четверо объявили, что не хотятъ оставаться монахами и требуютъ, чтобы съ нихъ сняли рясы. Что намъ съ ними теперь дѣлать?

На основаніи 15 статьи правилъ встрѣтятся сомнѣнія, кто можетъ ихъ освободить отъ монашества — мы или духовная власть? Послѣдняя будетъ вѣроятно противъ такого афронта. Между тѣмъ такой скандалъ былъ бы желателенъ во всѣхъ видахъ, чтобы уронить монаховъ въ глазахъ польскаго общества и католиковъ и въ особенности простого народа. Жаль, очень жаль, если намъ нельзя будетъ воспользоваться этимъ важнымъ и благопріятнымъ для насъ обстоятельствомъ. Бернардины и миссіонеры перепились пьяны при закрытіи, опорожнивъ сразу свои запасы; одного или двухъ монаховъ, кажется доминиканцевъ, не застали ночью въ монастырѣ; они вернулись лишь къ утру. Съ дороги, изъ разныхъ пунктовъ получаютъ также свѣдѣнія, что монахи напиваются пьяны. При закрытіи варшавскихъ монастырей я, въ помощь военнымъ властямъ, нарядилъ по два гражданскихъ чиновника, въ томъ числѣ нѣсколько поляковъ: Кржыжановскаго (духов. отдѣленія), Радошевскаго — вице-директора, Каменскаго — чиновника того же отдѣленія и еще двоихъ. Это было первымъ двумъ — острый ножъ. Но такъ какъ они были всѣ приглашены ко мнѣ не предувѣдомленные, въ 7 час. вечера, подъ предлогомъ разныхъ докладовъ—я за ними заперъ дверь и никого не выпускалъ—то ни одинъ не смѣлъ и поморщиться. Они всѣ вели себя прекрасно. Кржыжановскому и Радошевскому я сдѣлалъ, въ особенности передъ отправкою ихъ, приличныя внушенія, съ посулами и угрозами какъ имъ самимъ, такъ и Ржевускому и духовенству, если послѣдніе станутъ противиться. Я, признаюсь, побаивался, что Ржевускій запретитъ служить въ церквахъ. Конечно, это развязало бы намъ руки относительно его, но привело бы сверхнѣйшее впечатлѣніе на народъ, особенно въ первую минуту. Въ этихъ видахъ я выписалъ было сюда на всякій случай четырехъ ксендзовъ: двухъ изъ августовской губерніи, Гудкевича и Залѣскаго, и двухъ полковыхъ ксендзовъ. Но, слава Богу, службы до сихъ поръ идутъ хорошо и слѣдовательно весьма вѣроятно теперь не прекратятся. Мой юноша Каширинъ, котораго я сегодня послалъ пѣшкомъ къ доминиканамъ, вернулся съ извѣстіемъ, что при немъ пришло къ тамошнимъ монахамъ предписаніе отъ консисторіи, объявляющее имъ, что по каноническимъ правиламъ они обязаны продолжать богослуженіе. Это несомнѣнно, какъ кажется, циркулярное распоряженіе Ржевускаго. Завтра узнаю навѣрное. Кржыжановскій мой видѣлъ сегодня Ржевускаго. Онъ пришелъ мнѣ сказать, что Ржевускій въ эти два дня сильно состарѣлся, лѣтъ на семь, по его словамъ, но обнаруживаетъ будто бы неожиданное благоразуміе. Кажется, его мысли направлены на то, чтобы не

просить у папы секуляризаціи монаховъ и затѣмъ ими напечатать всѣ приходы. Въ этомъ есть враждебный замысль, но я показаль видѣ, что совершенно вхожу въ эту мысль и притворился дуракомъ; а тамъ мы оградимъ себя, на сколько это будетъ нужно. Первая забота должна быть—миновать благополучно кризисъ.

Всѣмъ оставленнымъ въ Варшавѣ монахамъ я сегодня же, съ разрѣшенія намѣстника, велѣлъ выдать по пятидесяти руб. сер. въ видѣ презента, что было ими принято съ большимъ аппетитомъ.

Таково положеніе дѣлъ сегодня. Я убѣжденъ, что это не помѣшаетъ Ржевускому непремѣнно сдѣлать всевозможныя пакости, какія только можно. Ну, и мы тогда съ нимъ посчитаемся. Но главное, опять повторяю, выиграть время.

Что сказать вамъ о властяхъ? Намѣстникъ успокоенъ и доволенъ. Треповъ и Корфъ оба въ восхищеніи и каждый изъ нихъ себѣ приписываетъ всю славу. Первый забылъ даже, что онъ отказался быть предсѣдателемъ особой комиссіи о монастыряхъ и уговаривалъ и упрашивалъ А — а не идти въ члены. К — въ счастливъ какъ ребенокъ, ибо изумляется, какъ дѣти, тому, что онъ не проболтался. Какъ бы то ни было, Христось съ ними, лишь бы дѣло удалось.

Р. С. Дѣло о закрытіи пяти маленькихъ женскихъ монастырей и монастырей униатскихъ намѣстникъ просилъ отложить на недѣлю.

Кн. Черкаскій Н. А. Милютину.

Посылаю Вамъ, почтеннѣйшій Николай Алексѣевичъ, польскій переводъ давно уже отправленныхъ къ вамъ правилъ монастырскихъ и подлинный текстъ доклада особой комиссіи. У насъ, доселѣ дѣло идетъ отлично. Все спокойно. Мужская часть населенія и молодежь или довольны или безучастны. Духовенство же отчасти радуется гибели монаховъ, ибо между двумя духовными сословіями существуетъ издавна и закоренѣлая вражда. Увѣряють, что даже молодые воспитанники духовной академіи довольны. Монахи оставшихся въ Варшавѣ мужскихъ монастырей приходятъ благодарить сперва меня, а послѣ графа за то, что ихъ оставили. Ржевускій дѣйствительно на другой же день написалъ циркуляръ по закрытымъ монастырямъ, предписывающій службы. Говорять, онъ одинъ не хотѣлъ до конца вѣрить возможности такого удара, и когда дѣло случилось, былъ пораженъ какъ громомъ, собралъ къ себѣ довѣренныхъ совѣтниковъ изъ капиту-

ла, дабы обсудить дѣло, предложилъ имъ протестъ, хотѣлъ предписать закрытіе церквей, но не нашелъ поддержки; они объяснили ему, что спорить нельзя и надобно покориться; затѣмъ положили ожидать рѣшенія папы. Сегодня утромъ Ржевускій былъ у меня, будучи мною вытребованъ послѣ полученнаго отъ него вчера представленія, гдѣ, не протестуя противъ указовъ и ссылаясь на нихъ, хотя и невѣрно, онъ просилъ о возвращеніи штукъ 30 высланныхъ монаховъ для усиленія состава духовенства въ Варшавѣ. Мы имѣли долгую бесѣду, въ которой онъ оказалъ невиданную еще мягкость, очевидно стоившую ему не малой борьбы съ самимъ собою. Я, разумѣется, отказалъ на отрѣзъ въ возвратѣ монаховъ, но предложилъ ему обратить для лучшаго удовлетворенія религиознымъ нуждамъ народа закрытые монастыри въ приходскія церкви, съ обезпеченіемъ отъ казны жалованья настоятелямъ. Онъ смутился неожиданнымъ предложеніемъ и просилъ обдумать, а завтра я, съ разрѣшенія намѣстника, посылаю ему объ этомъ формальное предложеніе. Посмотримъ, что будетъ. Вообще, дѣло удалось превосходно; должно сказать, что на духовенство подѣйствоваль, какъ мнѣ кажется, не одинъ внѣшній аргументъ, не одна неожиданность и быстрота весьма рѣшительнаго исполненія, но еще самая смѣлость мѣры, въ особенности сознание (духовенствомъ) своего въ настоящемъ вопросѣ и въ настоящую минуту изолированнаго положенія въ обществѣ. Они смутились тѣмъ, что половина польскаго общества ихъ предала. Нѣмцы же и жида безусловно довольны.

Въ монастыряхъ не обошлось безъ скандаловъ, о коихъ мы собираемъ теперь официальные свѣдѣнія. Прилагаю для курьеза письмо Громеки. Пожалуйста, не печатайте этого извѣстія прежде, чѣмъ мы получимъ изъ Радома официальные донесенія. Изъ плоцкой губерніи получено также донесеніе, что при закрытіи одного монастыря явились двѣ женщины съ дѣтьми, объявляя, что два монаха—ихъ мужья, отцы ихъ дѣтей, и требуя ихъ возвращенія себѣ. По этому дѣлу вытребованы также официальные свѣдѣнія. Число желающихъ ѣхать за границу возросло до 22. Желающихъ распространиться съ рясой также прибываетъ, и обстоятельство это ставитъ меня въ нѣкоторое затрудненіе.

Кн. Черкаскій Н. А. Милютину. 21 ноября (9 декабря) 1864.

Любезный Николай Алексѣвичъ! На дняхъ писалъ къ вамъ словечко, но забылъ поговорить съ вами объ одномъ весьма интересующемъ меня дѣлѣ; пользуюсь свободною минутой и отъѣздомъ Ладженскаго, чтобы исправить ошибку. Вотъ въ чемъ дѣло.

Мнѣ необходимо переимѣнить моего директора духовныхъ дѣлъ Кржижановскаго. Онъ чистѣйшій ультрамонтанъ и другъ Ржевусскаго. Независимо отъ этого онъ, сколько мнѣ кажется, честный человѣкъ, но всегда и постоянно тянетъ въ противоположную сторону, такъ что, особенно въ настоящую минуту, мнѣ тяжела съ нимъ работа. Онъ все закрываетъ, укрываетъ и ищетъ меня надуть, а за нимъ и все отдѣленіе. Словомъ, онъ не помощникъ, а врагъ. Сбыть его честнымъ образомъ совершенно необходимо. Но кѣмъ его замѣнить? Нѣтъ ли кого на примѣтѣ у васъ? Нуженъ человѣкъ умный и знающій польскій языкъ. Я давно перебираю себѣ на умѣ всѣхъ, кого знаю, и не попаду. Надняхъ попалъ мнѣ на умъ *en désespoir de cause* Кулишъ. Что вы объ этомъ думаете? Въ ожиданіи отвѣта отъ васъ я не буду говорить о томъ ни съ нимъ, ни съ намѣстникомъ. Но напишите словечко. Считаете ли вы его способнымъ? Полагаете ли вы, что выборъ этотъ не будетъ неприятеlemъ Государю? Пожалуйста, не полѣнитесь отвѣтомъ. А затѣмъ, потрудитесь взглянуть кругомъ себя, нѣтъ ли кого? Но нуженъ человѣкъ умный, тонкій и имѣющій инициативу. Трудно найти все это. На мѣсто управляющаго грекоуніатскимъ отдѣломъ я прибралъ человѣчка, и сколько кажется удачно, а Рад—го я перевелъ вице-директоромъ въ дух. отдѣленіе. Но въ директоры онъ никакъ не годится, во 1, не довольно образованъ, во 2, не вѣренъ, хотя онъ до сихъ поръ и надувалъ обѣ стороны, особенно нашу. Вотъ вамъ вся моя просьба. Жду отиѣта.

Н. А. Милютинъ кн. Черкасскому. 30 ноября (12 декабря) 1864.

Возвращаясь къ монастырскому дѣлу. Оно не совсѣмъ удалось только въ Римѣ и Парижѣ. Здѣсь выходка М—а (который повезъ официальные сообщенія по поводу варшавской телеграммы) очень всѣхъ сконфузила. По моему, не слѣдовало вовсе посылать телеграмму въ Римъ, гдѣ всѣ журналы правительственные и слѣдовательно между редакціями и посольствомъ не можетъ быть никакихъ непосредственныхъ сношеній. Мы посылаемъ телеграммы не въ видѣ дипломатическихъ сообщеній, но для передачи въ журналы (черезъ агентство *de la telegraphie privée*, слѣдовательно, только въ тѣ города, гдѣ есть такіа агентства). Тѣмъ не менѣе, тупоуміе (а можетъ быть и недоброжелательство) М—а непозволительно. Парижское посольство также чрезвычайно оконфузилось. Во 1, телеграмма напечатана была двумя днями позже, чѣмъ было назначено. Во 2, № *Journal de S.-Petersbourg* и пакеты съ нашими французскими брошюрами были задержаны нѣсколько

дней на парижской почтѣ. Въ 3, все это дало возможность Монитеру и другимъ газетамъ навратъ самымъ безстыднымъ образомъ. Здѣсь сильно разсердились. По Высочайшему повелѣнію сдѣланъ офиціальныи запросъ и нынѣ получено сознаніе въ ошибкѣ и обѣщаніе исправить ее въ Монитерѣ. Тѣмъ не менѣе, *le tour est fait*, а наше посольство не сумѣло его предупредить, ни во время исправить. Просто, позоръ! *

Правила о монастыряхъ Высочайше утверждены и, я полагаю, отправлены или вслѣдъ за симъ отправляются изъ статсъ-секретаріата. Мы здѣсь не намѣрены ихъ оглашать, а когда выйдутъ въ Варшав. Дневникѣ, пришлите мнѣ №, я распоржусь о перепечаткѣ собственно для Россіи.

Вопросъ объ освобожденіи монаховъ нарочно оставленъ въ туманѣ. Мой совѣтъ былъ бы рѣшить его на мѣстѣ, т. е. пусть монахи дефришируются сами; вы отнесетесь къ этому факту отрицательно, деньги ассигнуете провизорно, а относительно формальнаго разрѣшенія заведете въ свое время переписку съ тѣмъ, чтобы оставалось только утвердить совершившійся фактъ. Другого выхода я не вижу. Вышнія формы для исполненія всего этого вы придумаете лучше меня. Нужно только всѣмъ мѣстнымъ распоряженіямъ придать видъ негативный.

Закрытіе фелиціановъ очень, очень нужно. Извѣстите меня своевременно, съ указаніемъ, что и какъ напечатать. Кромѣ того, хорошо бы было присылать мнѣ бюллетени обо всемъ, что будетъ дѣлаться (съ надлежащими подробностями и указаніемъ степени офиціальности). Нужно поддерживать интересъ въ Россіи, гдѣ пріятныя мѣры чрезвычайно популярны. Мнѣ же нужно знать всѣ детали, чтобы разъяснять смутные слухи, которые не всегда будутъ благопріятны... Разъясненъ ли офиціально скандалъ по женской части и въ какой именно мѣрѣ? Увѣдомьте меня. Впрочемъ, считаю не лишнимъ увѣдомить васъ, что мы здѣсь рѣшили (*par sentiment de dignité*) не печатать офиціальныи фактовъ о монашескихъ наводствѣхъ, а держать ихъ въ запасѣ на случай отрицаній. Затѣмъ, всего лучше помѣщать все это въ частныи корреспонденціи, притомъ не въ «Инвалидѣ», гдѣ источникъ слишкомъ извѣстенъ. Въ этихъ видахъ я очень обрадовался, что на этотъ разъ инициативу взялъ «Голосъ», хотя, говоря вообще, сообщеніе туда офиціальныи свѣдѣній одновременно съ представленіемъ ихъ Государю при-

* Сейчасъ прислали мнѣ депешу изъ Вѣны. Штакельбергъ также очень усердствуетъ и распоряжается прекрасно.

знается здѣсь крайне неблаговиднымъ. Не худо бы предупредить корреспондента объ этомъ частнымъ образомъ, хотя, повторяю, по монастырскому дѣлу избраніе такого органа, какъ «Голось», довольно удобно.

Кстати, разъяснился ли случай, о которомъ вы мнѣ писали, что крестьяне ушли отъ неистовой проповѣди монаха? Такой фактъ, въ печати, былъ бы особенно эффектенъ.

Протестъ Ржевускаго вѣроятно послѣдуетъ по соглашенію съ Римомъ.

Но вы мнѣ писали, что сей неистовый епископъ чего-то уже просилъ, основываясь на указѣ 27 октября. Если такъ, то протестуя, онъ будетъ въ противорѣчїи съ самимъ собою. Затѣмъ, мнѣ кажется, важна форма, въ которой онъ заявитъ свою оппозицію. Если она будетъ скромна, то нельзя ли будетъ ограничиться домашнимъ внушеніемъ. Весьма желательно, чтобы монастырская реформа совершилась безъ жертвъ.

Si non, non.

Отзывы Ренана о славянскомъ мірѣ

КАКЪ смотритъ на славянъ Европа? Въ какомъ видѣ она себя насъ представляетъ? Разумѣется, мы спрашиваемъ о внутреннемъ видѣ, о томъ нравственномъ и умственномъ обликѣ, который мы имѣемъ въ глазахъ европейцевъ. Еще недавно объ этомъ нечего было и спрашивать, такъ какъ мы не имѣли въ ихъ глазахъ никакого облика, были пустымъ мѣстомъ, огромнымъ племенемъ, сильнымъ физически, но въ нравственномъ отношеніи нѣмымъ, глухимъ и безжизненнымъ. Безъ сомнѣнія, и до сихъ поръ такъ смотритъ на насъ не только почти вся такъ называемая образованная публика Европы, но и большинство людей ученыхъ и мыслящихъ. Для нихъ, какъ для философа Гартмана и для депутата Менгера, мы не болѣе какъ варвары, отъ которыхъ приходится спасать цивилизацію.

Понемногу, однако же, въ Европѣ появились и все умножаются люди свободные отъ такого ослѣпленія, становящіеся выше бессознательнаго чувства отчужденія и боязни. Когда Вогюзъ или Анатолий Леруа-Болье говорятъ о Россіи, мы чувствуемъ, что они настолько знакомы съ предметомъ и такъ чужды предубѣжденій, какъ этого прежде никогда не бывало. Что касается до знаменитаго Ренана, то, кажется, славянскій міръ вовсе не входилъ въ кругъ его любознательности; но, конечно, у писателя, питавшаго такіе широкіе и челоувѣчныя взгляды, мы не найдемъ слѣдовъ ненависти и презрѣнія къ одному изъ великихъ племенъ міра. А нѣкоторые его небольшіе отзывы, особенно изъ послѣдняго времени, дышатъ такимъ сочувствіемъ и пониманіемъ, что мы рѣшаемся указать на нихъ читателямъ.

Въ первый разъ Ренанъ заговорилъ о славянахъ, кажется, послѣ 1870 года, послѣ страшнаго пораженія Франціи, измѣнившаго все положеніе дѣлъ Европы. Русская политика была тогда на сторонѣ Германіи, вопреки многимъ желаніямъ. Но дѣло обратилось въ нашу пользу. Германія, нашъ естественный (казалось бы) союзникъ, обна-

ружила свою затаенную холодность, а далекая Франція стала питать къ намъ горячую дружбу. Этотъ поворотъ дѣль былъ предвидѣнъ и объясненъ Н. Я. Данилевскимъ; * но сознание измѣнившагося положенія не вдругъ пробудилось въ самой Европѣ, и нужны были многіе годы, прежде чѣмъ Франція осмотрѣлась и обратила свои глаза на Россію. Тотчасъ послѣ разгрома, мы все еще были для французовъ только варварами, опасными дикарями.

Невозможно описать, какой жестокой ударъ испытали умы и сердца во Франціи отъ страшнаго пораженія; казалось, великій народъ вдругъ почувствовалъ себя смертельно больнымъ, потерялъ вѣру въ себя. Патриоты принялись искать средствъ для исцѣленія, и появилась цѣлая литература, объяснявшая болѣзнь и предлагавшая перестройку всѣхъ порядковъ, всѣхъ основъ, оказавшихся такими дряблыми. Тогда и Ренанъ выпустилъ свою книгу: *La réforme intellectuelle et morale* (1871). Тутъ онъ смотритъ на Европу, какъ на нѣкоторое цѣлое, противоположное славянскому міру,—совершенно согласно съ ученіемъ Н. Я. Данилевскаго («Россія и Европа»). Поэтому Ренанъ видитъ въ войнѣ между Франціею и Германіею войну междоусобную, «величайшее бѣдствіе для цивилизаціи», такъ какъ Европѣ постоянно грозитъ опасность со стороны славянъ, со стороны Россіи. Всего опаснѣе то, что въ Россіи возникла мысль о «духовной самобытности». Ренанъ не рѣшается прямо отвергать эти «преувеличенныя надежды», однако говоритъ, что всего лучше было-бы для блага человѣчества, еслибы эти мечты были подавлены. Будь Европа въ крѣпкомъ союзѣ и единеніи, она могла бы это сдѣлать, могла бы держать восточный міръ въ своей политической и нравственной «опекѣ» и «направить Россію на свой же путь». Теперь же трудно сказать, что будетъ, и можно думать, что, какъ Македонія покорила разъединенную Грецію, такъ и для Европы «настанетъ день славянскаго завоеванія». Обращаясь къ нѣмцамъ и припоминая все зло, которое отъ нихъ понесли славяне, Ренанъ говоритъ: въ этотъ день «мы (французы) будемъ стоять выше васъ (нѣмцевъ)». Въ извѣстномъ смыслѣ, это предсказаніе сбывается уже теперь: въ чувствахъ Россіи Франція занимаетъ высокое мѣсто сравнительно съ Германіей. **

Во всемъ этомъ Ренанъ очевидно стоялъ еще на старой точкѣ зрѣнія въ разсужденіи славянъ. Съ тѣхъ поръ понемногу не только

* Сборникъ политическихъ и экономическихъ статей Н. Я. Данилевскаго Спб. 1890. См. первую статью, писанную въ 1870 г.

** См. «Борьба съ Западомъ». Кн. 1, стр. 378—391.

политическія отношенія выяснились, но стали выясняться для Европы и нашъ нравственный обликъ. Русская литература распространилась на Западѣ, мало того—стала одною изъ господствующихъ силъ, набрала множество поклонниковъ и подражателей. Очень жаль, что Ренанъ ни разу не сдѣлалъ отзыва о какихъ-нибудь определенныхъ произведеніяхъ русскихъ писателей. Провожая тѣло Тургенева (1883), онъ ограничился немногими общими словами. Легко замѣтить, однако, перемѣну тона. «Для этого великаго славянскаго племени» — сказалъ онъ — «появленіе котораго на переднемъ планѣ міра составляетъ самое неожиданное явленіе нашего вѣка, нужно считать честью, что оно съ перваго же разу выразилось въ такомъ совершенномъ мастерѣ. Никогда тайны темнаго и еще противорѣчиваго сознанія не были раскрыты съ такою изумительною чуткостію» и т. д.

Читатели видятъ, что Ренанъ вовсе не знакомъ съ нашимъ литературнымъ развитіемъ; онъ очень удивленъ, что у варваровъ явился такой писатель, какъ Тургеневъ.

«Когда будущее» — говоритъ онъ дальше — «откроетъ намъ вполне всѣ неожиданности, хранящіяся въ этомъ изумительномъ славянскомъ духѣ, съ его пламенною вѣрою, съ его глубокою провидцательностію, съ его особеннымъ пониманіемъ жизни и смерти, съ его потребностію мученичества, съ его жаждою идеала, тогда изображенія Тургенева будутъ безцѣнными документами, чѣмъ-то въ родѣ портрета гениальнаго человѣка въ его дѣтствѣ. Тургеневъ исполнялъ роль выразителя, истолкователя одного изъ великихъ племенъ человѣчества». *

Несмотря на преувеличеніе значенія Тургенева, здѣсь можно согласиться съ общею мыслью, что мы дѣйствительно поздно выступили на историческое поприще и что Европа имѣетъ нѣкоторое право встрѣчать проявленія нашего духа съ удивленіемъ.

Въ 1884 году, говоря о Мицкевичѣ, Ренанъ и къ нему прилагаетъ этотъ взглядъ. «Полный первобытныхъ соковъ великихъ племенъ на другое утро послѣ ихъ пробужденія» — говоритъ онъ — «это былъ какой-то литовскій великанъ, только-что родившійся изъ земли, или лучше, внезапно вдохновенный небомъ, соединявшій въ себѣ съ пророческими видѣніями пророческія иллюзіи, но постоянно полный непоколебимой вѣры въ будущее человѣчества и своего племени, упорный идеалистъ несмотря на всѣ разочарованія, оптимистъ двадцать разъ обманутый, но неисправимый». **

Тутъ Мицкевичъ является намъ такимъ же внезапнымъ порожде-

* Discours et conférences, p. 249.

** Тамъ же, стр. 255.

ніемъ своего племени, какимъ казался Ренану Тургеневъ. Эти племена какъ-будто долго спали и потомъ вдругъ «пробуждаются»; тогда они производятъ великановъ, въ которыхъ разомъ обнаруживается вся сила спавшаго племени. Эту мысль не разъ высказываетъ Ренанъ; она стала для него одною изъ историческихкихъ теоремъ. Въ 1885 году, когда его пригласили въ Кемперъ, въ Бретани, и чествовали какъ знаменитаго земляка, онъ разговорился о себѣ и о кельтическомъ племени, къ которому принадлежать бретонцы.

«Я не литераторъ» — говорилъ онъ; «я человѣкъ изъ простаго народа, я — заключительная точка длинныхъ темныхъ линій мужиковъ и моряковъ. Я наслаждаюсь ихъ запасами мышленія; я очень признателенъ этимъ бѣднымъ людямъ, доставившимъ мнѣ своею умственною воздержностію такія живыя наслажденія».

«Вотъ гдѣ тайна нашей молодости (Ренанъ разумѣетъ вообще бретонцевъ). Мы располагаемъ жить, въ то время когда столько людей говорятъ лишь объ умираніи. Людское племя, на которое мы всего болѣе похожи и которое всего лучше понимаетъ насъ, это — славяне; ибо они находятся въ положеніи подобномъ нашему; они въ одно время и новы въ жизни, и древни по своему существованію».

«Ничего нельзя понять въ человѣчествѣ, если держаться взглядовъ узкаго индивидуализма. Что есть въ насъ лучшаго — имѣетъ свой источникъ раньше насъ».

«Племя приноситъ свой цвѣтъ, когда оно выходитъ изъ забвенія. Блестящія умственные развитія возникаютъ изъ обширной области безсознательнаго, мнѣ хочется почти сказать, — изъ обширныхъ хранилищъ невѣжества. Не опасайтесь, что я стану васъ приглашать къ воздѣлыванію травы, которая очень хорошо разрастается и безъ всякаго ухода; несмотря на общее и обязательное обученіе, всегда будетъ довольно невѣжества. Но я сталъ бы бояться за человѣчество въ тотъ день, когда свѣтъ проникъ бы во всѣ его слои. Откуда тогда явился бы геній, который почти всегда есть результатъ долгаго предшествовавшаго сна? Откуда явились бы инстинктивныя чувства, храбрость, которая столь существенно есть дѣло наслѣдственное, благородная любовь, неимѣющая никакой связи съ мышленіемъ, всѣ эти мысли не отдающія сами себѣ никакого отчета, которыя живутъ въ насъ помимо насъ и составляютъ лучшую часть наслѣдія всякаго племени и всякой націи?» *

Вотъ прекрасныя слова въ защиту и объясненіе того своеобразія, которое свойственно различнымъ народамъ и составляетъ ихъ силу.

* Тамъ же, стр. 227—229.

Ренанъ думаетъ, что пока народъ не выступаетъ въ жизнь, пока онъ спитъ, въ немъ совершается накопленіе силъ, дающее ему такую богатырскую свѣжесть и мощь, когда онъ проснется. Интересно, что Ренанъ сближаетъ тутъ славянское племя съ племенемъ кельтическимъ, однимъ изъ представителей котораго считаетъ самого себя.

Недавно мною приведены были слова Ренана о «славянскомъ пессимизмѣ», объ «умственной суровости» въ пониманіи религиозныхъ вопросовъ. * Эта черта славянъ, очевидно, была для него твердо и ясно установленною. Онъ называлъ насъ «печальнымъ племенемъ». Именно, въ 1888 году, говоря рѣчь въ «Союзѣ для распространенія французскаго языка», и выставляя всю благодѣтельность этого распространенія, онъ полусутя доказывалъ, что французскій языкъ противодѣйствуетъ всякому фанатизму, а потому продолжалъ такъ: «Кромѣ фанатическихъ племенъ существуютъ еще племена печальные: ихъ тоже научите по-французски. Я думаю приэтомъ въ особенности о нашихъ несчастныхъ братьяхъ, славянахъ. Они столько страдали втеченіе вѣковъ, что больше всего нужно мѣшать имъ любить ничтожество. Французскій языкъ и французское вино могли бы въ этомъ случаѣ сыграть нѣкоторую гуманитарную роль» и пр.

Ренанъ, говоря вообще о печальныхъ племенахъ, безъ сомнѣнія, кромѣ славянъ, разумѣлъ племя кельтическое. Это сближеніе кельтовъ со славянами по ихъ внутреннему духовному строю можно было бы обстоятельно пояснить и подтвердить на основаніи писаній Ренана. Онъ ничего не писалъ о славянахъ, но на кельтахъ онъ не разъ останавливался съ великой любовью. Сюда относится его удивительная статья: «Поэзія кельтическихъ племенъ» (въ *Essais de morale et de critique*), а также первыя главы книги «*Souvenirs d'enfance et de jeunesse*» и рассказъ «*Emma Kosilis*» (въ *Feuilles détachées*).

Душевный складъ кельтовъ изображается Ренаномъ съ большою тонкостію и опредѣленностію, и мы невольно узнаемъ въ немъ родственныя черты. Онъ выводитъ этотъ складъ изъ многовѣкового уединенія кельтическихъ племенъ, заставившаго ихъ сосредоточиваться въ себѣ, жить лишь тѣмъ, что было въ ихъ самихъ. Такъ и мы, русскіе, долго были отрѣзаны отъ Европы и предоставлены самимъ себѣ въ духовномъ развитіи. Приведемъ три-четыре характерныхъ свойства, которыя Ренанъ приписываетъ кельтамъ.

«Это племя не довѣряетъ иностранцу, потому что видитъ въ немъ существо болѣе утонченное, могущее употребить во зло его простоту.

* Русск. Вѣстникъ, 1892, ноябрь. «Нѣсколько словъ о Ренанѣ», стр. 262.

Равнодушное къ удивленію другихъ, оно проситъ только одного, чтобы его оставили жить у себя дома. Это по преимуществу племя домашнее, созданное для семьи и радостей семейнаго очага. Нѣтъ другого племени, въ которомъ бы узы крови были такъ крѣпки, порождали бы столько обязанностей, привязывали бы человѣка къ себѣ подобнымъ въ такихъ размѣрахъ и такъ глубоко. Всякое общественное учрежденіе кельтическихъ народовъ было въ началѣ лишь расширеніемъ семьи».

Въ этомъ племени сложился особенный взглядъ на жизнь вообще.

«Жизнь для этихъ народовъ не есть личное похождение, въ которое каждый пускается на свой рискъ, на свое горе и радость; нѣтъ, это звено нѣкотораго долгаго преданія, это даръ, переданный и полученный, уплачиваемый долгъ и исполняемая обязанность».

Отсюда упорный консерватизмъ и отсутствіе подвижности.

«Это племя послѣднее отстаивало свою религіозную независимость отъ Рима, и оно стало самою твердою опорой католицизма; во Франціи оно послѣднее защищало свою политическую независимость отъ короля, и оно же явило міру послѣднихъ роялистовъ».

«Жизнь является имъ какъ нѣкоторое твердое условіе, которое измѣнить не во власти человѣка. Мало одаренные инициативой, слишкомъ расположенные смотрѣть на себя, какъ на низшихъ и опекаемыхъ, они легко приходятъ къ фатализму и самоотреченію».

«Отсюда происходитъ», продолжаетъ Ренанъ, «грусть этого племени». Его пѣсни большею частью печальны, и Ренанъ едва можетъ найти слова, чтобы изобразить всю «прелестную унылость этихъ народныхъ мелодій».

Въ кельтическомъ складѣ чувствъ онъ вообще находитъ великія достоинства.

«Съ потребностью сосредоточенія въ себѣ, въ кельтическомъ племени тѣсно связана та безконечная тонкость чувства, которая характеристична для этого племени. Натуры мало расположенныя къ изліяніямъ—почти всегда суть натуры чувствующія съ наибольшою глубиною; ибо чѣмъ глубже чувство, тѣмъ меньше оно стремится выразиться. Отсюда (въ поэзіи кельтовъ) эта прелестная стыдливость, что-то прикрытое, сдержанное, изящное, равно удаленное и отъ реторики чувства, столь знакомой латинскимъ расамъ, и отъ сознательной наивности Германіи. Внѣшняя сдержанность кельтическихъ народовъ, которую часто принимаютъ за холодность, зависитъ отъ той внутренней робости, вслѣдствіе которой они думаютъ, что чувство теряетъ половину своей цѣны, когда оно высказано, и что сердце не должно имѣть другого зрителя, кромѣ самого себя».

Всѣ эти черты Ренанъ соединяетъ въ такое общее выраженіе:

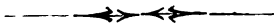
«Еслибы было позволительно приписывать полъ народамъ, также какъ мы его указываемъ у недѣлимыхъ, то слѣдовало бы безъ всякаго колебанія сказать, что кельтическое племя есть существенно племя женское».

Можетъ быть читатели вспомнятъ, что нѣмецкіе писатели очень часто признавали и славянъ женскимъ элементомъ, пассивнымъ и воспринимающимъ въ отношеніи къ германскому племени; но у Ренана нѣсколько иная мысль.

Приведемъ еще одну черту.

«Существенный недостатокъ бретонскихъ народовъ—склонность къ пьянству, недостатокъ, который, по всѣмъ преданіямъ шестого вѣка, былъ причиной ихъ бѣдствій, зависить отъ непобѣдимой потребности иллюзіи. Не говорите, что это жажда грубаго наслажденія, ибо не было еще народа, который въ другихъ отношеніяхъ былъ бы такъ трезвъ и такъ чуждъ всякой чувственности; нѣтъ, бретонцы искали въ своихъ медахъ видѣнія міра невидимаго. До сихъ поръ еще въ Ирландіи пьянство составляетъ часть всѣхъ тѣхъ праздниковъ которые наиболѣе сохранили народную и мужицкую фізіономію».

Къ сожалѣнію намъ приходится ограничиться этими маленькими выдержками изъ обширной характеристики кельтическаго племени. Намъ думается, что читатели все-таки узнаютъ здѣсь черты очень близкія къ чертамъ русскаго народа, по крайней мѣрѣ къ чертамъ того слоя, или элемента, который Ап. Григорьевъ называлъ смирнымъ типомъ, и въ которомъ, по нашему мнѣнію, нужно видѣть главную силу, самый твердый корень нашего племени. Несмотря на большую нѣжность, съ которою Ренанъ писалъ о кельтахъ, въ этомъ изображеніи не найдутъ преувеличенія тѣ, кто любятъ и понимаютъ нашъ «смирный типъ». Но кромѣ того всякій, конечно, скажетъ, что этимъ типомъ наша народность не исчерпывается, что она несравненно шире и сложнѣе въ своихъ задаткахъ. Ренанъ правъ, говоря, что мы, славяне, теперь на первомъ планѣ (avant-scène) міра; теперь намъ приходится показать, великъ ли и хорошъ ли нашъ запасъ бессознательныхъ силъ, наслѣдіе долгихъ вѣковъ, сокровище чувствъ и мыслей, родившихся раньше насъ. Все это скажется, разумѣется, только въ тѣхъ изъ насъ, въ комъ «говорить душа», и дай Богъ, чтобы она въ насъ не убывала.

МЕЛЬХИСЕДЕКЪ, ЕПИСКОПЪ РОМАНСКІЙ

(Некрологъ)

16 (28) мая 1892 г., въ молдавскомъ городѣ Рѳманѣ, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни, на 70 году жизни, скончался романскій еп. Мельхиседекъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ святителей, государственныхъ людей и писателей Румыніи, въ послѣдніи 30 лѣтъ.

Еп. Мельхиседекъ, въ мѣрѣ Михаилъ Петровичъ Стефанеску, происходилъ изъ стариннаго румынскаго духовнаго рода, давшаго нѣсколько выдающихся дѣятелей, въ томъ числѣ покойнаго романскаго епископа Исаію, нынѣшняго мѣстоблюстителя романской епархіи, епископа Іоаннікія, нынѣшняго епископа рымнико-саратскаго, викарія бузеуской епархіи, Валеріана, бывшаго министра просвѣщенія и исповѣданій Вас. Ал. Уреке и др. М. П. Стефанеску родился 15 (27) февр. 1823 г. въ селѣ Гырчинѣ (Gîrcina), пятрскаго стана, нямецкаго уѣзда, у подошвы Карпатскихъ горъ. Первоначальное образованіе и воспитаніе получилъ въ гырчинскомъ начальномъ училищѣ, а дальнѣйшее—въ 8-ми-классной семинаріи, находившейся (съ 1803 по 1886 г.) въ монастырѣ «Сокѳла», въ пяти верстахъ отъ города Яссъ, гдѣ и окончилъ полный курсъ въ 1842 г. Въ слѣдующемъ (1843) г. онъ былъ постриженъ въ иночество и рукоположенъ во іеродіакона въ сокольскомъ монастырѣ Филаретомъ (Скрибаномъ), титулярнымъ епископомъ ставропольскимъ, знаменитѣйшимъ румынскимъ святителемъ за послѣдніи сорокъ лѣтъ († 23 марта 1873 года). Съ 1843 по 44 г. Мельхиседекъ состоялъ учителемъ начальнаго училища въ селѣ Шербештахъ, нямецкаго уѣзда, съ 1844 по 47 г. учителемъ сокольской, близъ г. Яссъ, семинаріи. По опредѣленію правительства, іеродіаконъ Мельхиседекъ былъ затѣмъ отправленъ въ кievскую духовную академію, основанную знаменитымъ митрополитомъ кievскимъ Петромъ Могилою

(† 1646 г.), въ которой получило, до настоящаго времени, образованіе до ста румыновъ. Полный курсъ въ этой академіи Мельхиседекъ окончилъ съ ученою степенью магистра богословія, въ іюнѣ 1851 года, а черезъ нѣсколько дней молодой ученый былъ рукоположенъ во іеромонаха, въ успенскомъ соборѣ кіево-печерской лавры, митрополитомъ кіевскимъ Филаретомъ (Амфитеатовымъ). Вскорѣ послѣ этого іеромонахъ Мельхиседекъ отправился изъ Кіева въ Москву, гдѣ пробылъ два мѣсяца, посѣщая замѣчательнѣйшіе памятники первопрестольной столицы Россіи, особенно монастыри, церкви, архивы, музеи, библіотеки; побывалъ и въ Троице-Сергіевскомъ посадѣ, о чемъ послѣ напечаталъ краткія воспоминанія. Возвратившись на родину, іеромонахъ Мельхиседекъ былъ назначенъ учителемъ и инспекторомъ родной сокольской семинаріи съ возведеніемъ въ санъ архимандрита, а въ 1857 г., будучи избранъ депутатомъ отъ духовенства въ комитетъ для соединенія бывшихъ княжествъ Молдавіи и Валахіи во единую Румынію, блестящимъ образомъ исполнилъ возложенное на него порученіе и приобрѣлъ такую популярность въ обществѣ, что въ 1861 г. былъ назначенъ министромъ просвѣщенія и исповѣданій. 31 дек. 1862 г. архим. Мельхиседекъ рукоположенъ во епископа трипольскаго (титулярнаго) и назначенъ управляющимъ древней хушской, близъ р. Прута, епархіи (открытой 1592 г.), а въ 1865 году назначенъ епископомъ новооткрытой нижне-дунайской епархіи, съ пребываніемъ въ г. Измаилъ, на р. Дунаѣ, гдѣ пробылъ до 12 октября 1878 года, когда южная Бессарабія, по берлинскому договору, отъ 1 (13) іюля 1878 г., вновь воссоединена съ Россіей. Съ 1878 по 1879 г. еп. Мельхиседекъ проживалъ въ г. Галлацахъ, на р. Дунаѣ, и въ томъ же 1879 году назначенъ епископомъ древней романской епархіи, гдѣ оставался до смерти.

Внѣшніе факты жизни еп. Мельхиседека—передвиженія его изъ Яссъ въ Хушы, Измаилъ, Галлацы, Романъ—важны въ томъ отношеніи, что объясняютъ происхожденіе огромной массы его учено-литературныхъ трудовъ. Любовь къ литературнымъ занятіямъ—это основная и, можно сказать, наслѣдственная черта душевнаго склада преосв. Мельхиседека. Почившій былъ человекъ чрезвычайно отзывчивый: всѣ мѣста его служебной дѣятельности отиѣчены цѣлымъ рядомъ его литературныхъ и ученыхъ трудовъ.

Но и независимо отъ внѣшнихъ побужденій, еп. Мельхиседекъ, движимый любовью къ церковно-археологическимъ и историческимъ занятіямъ и изслѣдованіямъ, за 50-лѣтній почти періодъ своей литературной дѣятельности, оставилъ огромное количество сочиненій, изъ коихъ уже напечатано до 30 томовъ, а остается въ рукописяхъ—томовъ на десять. Здѣсь и самостоятельныя изслѣдованія истори-

ческаго, археологическаго, литературнаго и богословскаго содержанія, разысканія—палеографическія, библиографическія и біографическія, изданія памятниковъ румынской и славянской письменности, различныхъ сообщенія, замѣтки, переводы, наконецъ произведенія беллетристическія и стихотворенія (подражанія блж. Августину и Державину).

Многочисленные труды преосв. Мельхиседека обличаютъ въ немъ и природныя дарованія, и горячую любовь къ наукѣ, и неутомимое трудолюбіе, и полное безкорыстіе, такъ какъ обыкновенно онъ не получалъ за нихъ денежнаго вознагражденія.

Въ періодъ своего пребыванія въ Яссахъ, преосв. Мельхиседекъ составилъ: «Исторію молдавско-сочавской митрополичьей епархіи», «Исторію сокольской семинаріи», «Житіе и чудеса св. Параскевы-Пятницы», родомъ сербки изъ г. Епивата, мощи которой нетлѣнно-почиваютъ въ монастырѣ св. трехъ святителей въ г. Яссахъ; «Исторію яскаго собора 1642 года въ связи съ движеніемъ кальвинства въ Европѣ»; «Св. чудотворныя иконы въ Румыніи вообще и въ сокольскомъ монастырѣ въ частности» *. Въ сочиненіяхъ этихъ и славяновѣдъ найдеть не мало свѣдѣній по исторіи русскихъ, болгаръ, сербовъ, поляковъ, вообще славянъ.

Въ память своего пребыванія въ Кіевѣ, еп. Мельхиседекъ составилъ и напечаталъ огромный трудъ подъ заглавіемъ: «Григорій Цамблакъ, митрополитъ кіевскій» (напечатанъ въ 1884 году, въ г. Букурештахъ, на средства академіи наукъ), достойно оцѣненный не только румынскими учеными, но и заграничными (см. между прочимъ обстоятельный разборъ этого соч. П. А. Сырку, въ «Ж. М. Н. Пр. 1885 г.). Къ этой же группѣ его трудовъ можно отнести: переводъ на рум. яз. «Догматическаго богословія» архіеп. Антонія († 1879 г.), а равно нѣкоторыхъ проповѣдей архіеп. Димитрія (Муретова. † 1883 г.), извлеченій изъ сочиненій митрополита Евгенія (Болховитинова, † 1823 г.), именно изъ «Исторіи Кіевской іерархіи», «Описанія Кіево-Софійскаго собора», «Описанія Кіево-Печерской лавры», «Словаря о писателяхъ духовнаго чина»; онъ составилъ изслѣдованіе о Софроніѣ Початскомъ (ректорѣ кіевск. академіи, впоследствии ясской академіи), извѣстномъ типографщикѣ и лексикографѣ Памвѣ Бериндѣ, и мн. др. ** Въ па-

* Представляя цѣлые громадныя томы, сочиненія эти скоро будутъ изданы букурештскою академіею наукъ, на завѣщанную покойнымъ сумму. Пока напечатана: «Исторія молдавской митрополіи» г. Констан. Ербицаномъ, профес. букурешт. университета, въ 1000 стр. in folio, 1888 года, и имъ же: «Исторія сокольской семинаріи», въ 200 стр., 1885 г.; послѣдняя — въ Яссахъ, а первая въ Букурештахъ, на средства румынскаго министерства просвѣщенія.

** Сочиненіе о Памвѣ Бериндѣ будетъ напечатано румынск. академіею наукъ, въ бібліотекѣ которой находятся и матеріалы для жизни и дѣятельности кіевскихъ

мять своего пребывания въ Москвѣ, Мельхиседекъ передѣлалъ на румынск. яз. и напечаталъ «Записки на книгу Бытія» митрополита москов. Филарета (Дроздова); составилъ изслѣдованіе о знаменитомъ молдавско-сочавскомъ митрополитѣ Досиоеѣ, умершемъ въ Москвѣ въ 1701 г., и о Димитріѣ Кантемирѣ, бывшемъ князѣ Молдавіи, послѣ прутскаго похода (1711 г.), перешедшемъ въ Россію и погребенномъ въ Москвѣ, въ николевскомъ монастырѣ. Изслѣдованія эти остались въ рукописяхъ, и неизвѣстно, напечатаетъ ли ихъ букурештская академія наукъ. Будучи въ Петроградѣ, еп. Мельхиседекъ въ 1868 году, по порученію румынскаго правительства, вмѣстѣ съ покойнымъ кн. Іоанномъ Кантакузинимъ, собралъ весьма много матеріаловъ для стародавнихъ сношеній Россіи и Румыніи. Нѣкоторыми изъ нихъ онъ воспользовался въ своихъ сочиненіяхъ, но большая часть ихъ еще никѣмъ не утилизирована.

Во время управленія хушской епархіей еп. Мельхиседекъ составилъ весьма замѣчательное сочиненіе: «Историко-статистическое описаніе г. Хушъ и хушской епархіи»; въ немъ есть много важныхъ данныхъ для исторіи юго-западной Россіи, особенно же для Бессарабіи, большая часть которой, въ церковномъ отношеніи, входила въ составъ хушской епархіи до 1812 года, времени присоединенія Бессарабіи, по букурештскому миру, къ Россіи. Въ Хушахъ же напечаталъ еп. Мельхиседекъ много словъ и рѣчей, произнесенныхъ имъ въ церквахъ и на училищныхъ празднествахъ, а равно составилъ учебники по нѣкоторымъ богословскимъ предметамъ и перевелъ на румынск. яз. съ русскаго «Пастырское богословіе» еп. Кирилла (Наумова, † 1866 г.). Будучи епископомъ ниже-дунайскимъ, съ пребываніемъ въ г. Измаилѣ, Мельхиседекъ сообразно съ мѣстными потребностями напечаталъ замѣчательное сочиненіе: «Липованство, т. е. исторія и обличеніе русскаго раскола старообрядчества и русскихъ мистико-раціоналистическихъ сектъ», составленное на основаніи русскихъ и румынскихъ источниковъ *. Здѣсь же собралъ онъ матеріалъ для исторіи статистическаго описанія нижнедунайской епархіи, обнимавшей часть Валахіи (уѣздъ брамльскій), часть Молдавіи (уѣздъ ковурлуйскій или галацкій) и часть Бессарабіи (уѣзды: измаильскій, болгарскій, кагульскій). Часть этого труда, о проилавской (Про́лаβον) епархіи, напечатана въ видѣ приложенія къ историко-статистическому

митрополитовъ: Петра Могилы и Гавриила Банулеску († 1821 г.): о нихъ въ румынской литературѣ имѣются также весьма обстоятельныя изслѣдованія нынѣшн. епископа рымникскаго, Геннадія (Еначана), напечатанныя въ Букурештахъ въ 1884 и 1888 годахъ.

* Отрывъ объ этомъ сочиненіи напечатанъ г. Сырку въ «Христ. Чит.» за 1879 г.

описанію хушской епархіи. Живя же потомъ годъ въ г. Галацахъ, еп. Мельхиседекъ составилъ подробное историко-статистическое описаніе церквей и монастырей, бывшихъ и нынѣ существующихъ въ коворлуйскомъ уѣздѣ и г. Галацахъ: надъ разработкою этого матеріала покойный трудился въ послѣдніе годы своей жизни. Говорятъ, что букурештская академія наукъ намѣрена напечатать этотъ посмертный трудъ еп. Мельхиседека.

Наконецъ, будучи еп. романскимъ, преосв. Мельхиседекъ напечаталъ самое замѣчательное свое сочиненіе: «Историко-статистическое описаніе г. Романа и романской епархіи», въ двухъ громадныхъ (до 1500 стран.) томахъ. Въ этомъ сочиненіи есть много важныхъ данныхъ, относящихся и къ исторіи юго-западной Россіи. Тогда же напечаталъ онъ немало сочиненій церковно-апологетическаго характера, по порученію священнаго синода румынской автокефальной церкви, которыя послѣднимъ предварительно были прочитаны и одобрены. Сюда нужно отнести соч.: «Папизмъ въ Румыніи и настоящее состояніе румынской церкви»; «Протестантизмъ въ Румыніи и въ сопредѣльныхъ странахъ»; «Объ армянской церкви вообще и армянскомъ церковномъ вопросѣ въ Румыніи, въ частности»; «Нынѣшнее состояніе церкви и духовенства въ королевствѣ Румыніи»; «Освященія мѣра въ румынской автокефальной церкви, по поводу притязаній вселенскаго патріарха». Въ Романѣ же покойный, по порученію академіи наукъ, напечаталъ: «Надписи въ армянскихъ церквахъ въ Румыніи»; «Жизнь Діонисія Романа, епископа бузеускаго»; «Описаніе книгъ и рукописей нѣмецкой лавры и секульскаго (Secul) монастыря въ Румыніи» (большой томъ); «Описаніе книгъ и рукописей библиотеки г. Георгія Стурдзы въ селѣ Шкеѣ, близъ г. Романа»,—тоже большой томъ; «Описаніе путешествія по Болгаріи»; «Описаніе путешествія по Буковинѣ»; «Историко-статистическое описаніе 48 древнихъ монастырей и церквей, находящихся въ разныхъ мѣстностяхъ Молдавіи»; «Филаретъ II, митрополитъ Угро-Влахійскій» (т. е. букурештскій); оба послѣднія сочиненія замѣчательны и стоятъ наряду съ «Историко-статистическимъ описаніемъ г. Романа и романской епархіи», съ «Историко-статистическимъ описаніемъ г. Хушъ и хушской епархіи» и съ «Липованствомъ». Восемь послѣднихъ сочиненій имѣютъ особую важность и для славянской науки, свидѣтельствуя въ то же время о горячей любви почившаго къ православнымъ славянамъ: русскимъ, болгарамъ, сербамъ, съ которыми румыны были прежде въ весьма частыхъ и дружескихъ сношеніяхъ.

Смерть преосвящ. епископа романскаго Мельхиседека—великая утрата для румынской церкви, лишившейся въ лицѣ его одного изъ достойнѣйшихъ своихъ представителей, право правящихъ слово

истины. Съ глубокою скорбью приняли это извѣстіе и тѣ сыны русской церкви, для которыхъ дорого сближеніе двухъ сосѣднихъ разноплеменныхъ, но единовѣрныхъ народовъ. Вся дѣятельность покойнаго была направлена къ этому сближенію, несмотря на то, что ему ставились сильныя преграды... Кромѣ того, и наука понесла въ лицѣ еп. Мельхиседека невознаградимую утрату. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ святителей румынской церкви; многія изъ его сочиненій историческаго и богословскаго содержанія извѣстны въ наукѣ и за предѣлами Румыніи. * Ученые труды его по литургикѣ, гомилетикѣ, апологетикѣ и, главнымъ образомъ, по церковной исторіи румыновъ доставили ему еще въ 1870 г. кресло въ букурештской академіи наукъ, въ которой онъ до самой смерти былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ по историческому отдѣленію. Почти всѣ ученые общества и высшія учебныя заведенія въ Румыніи, Сербіи и Болгаріи считали его своимъ почетнымъ членомъ, а правительства этихъ странъ пожаловали его высшими знаками отличія. Не забыла его и Россія, гдѣ онъ пользовался вполне заслуженною извѣстностью, какъ замѣчательный ученый и защитникъ православія въ Румыніи. Онъ состоялъ почетнымъ членомъ двухъ ученыхъ обществъ: Императорскаго археологическаго общества въ Спб. и Московскаго общества любителей духовнаго просвѣщенія, а равно двухъ высшихъ учебныхъ заведеній: духовныхъ академій кievской и петербургской. Отъ русскаго правительства ему были пожалованы въ разное время слѣдующія награды: орденъ св. Владимира второй степени; св. Анны первой степени съ императорскою короною; панагія, брилліантами украшенная, и алмазный крестъ на клубокѣ: всѣ эти четыре знака отличія покойный завѣщалъ романскому кафедральному собору, посвященному памяти св. Параскевы.

Въ заключеніе позволимъ себѣ выразить мысль, что покойный епископъ Мельхиседекъ былъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ людей нашей Румыніи. Это признаютъ даже немалочисленные враги его, не говоря уже о всей румынской печати, посвятившей ему самыя сочувственныя статьи.

Всю жизнь свою почившій іерархъ посвятилъ нравственному и умственному развитію дорогой своей родины и укрѣпленію ея связей

* На русск. языкѣ напечатаны слѣдующіе переводы его сочиненій: «Памятъ въ Румыніи» въ «Трудахъ кievск. дух. акад.» за 1884 годъ; «Протестантизмъ въ Румыніи» въ бывшей московской газетѣ «Востокъ» за 1885 годъ; «Освященіе муръ въ Румыніи» въ «Труд. кievск. дух. акад.» за 1883 годъ; значительныя выдержки изъ его сочиненій помѣщены въ разныхъ русскихъ повременныхъ—духовныхъ и отчасти свѣтскихъ изданіяхъ, особенно за послѣдніе годы.

съ православными сосѣдами: русскими, болгарами и сербами. Это отражается и въ его, довольно обширномъ, духовномъ завѣщаніи; * почти всѣ свои средства онъ даритъ букурештской академіи наукъ, которой завѣщана и громадная его библіотека. Часть капитала записана на учрежденіе школы для сиротъ, съ дѣтскимъ садомъ (по нѣмецки—Kindergarten) и церковью при ней на его собственной виллѣ, находящейся близъ романской епископіи и семинаріи. Въ этой виллѣ и погребенъ онъ 18 (30) мая 1892 г. Изъ капитала, имъ оставленнаго, въ одесской конторѣ русскаго государственнаго банка (около 200,000 франковъ), между прочимъ, учреждена будетъ стипендія, въ 1000 франковъ, для одного румына, обучающагося въ кіевской духовной академіи, притомъ непремѣнно съ условіемъ жить ему въ общежитіи. И такое назначеніе стипендіи должно будетъ напоминать о давнихъ связяхъ правосл. славянской Руси съ православными румынами, у которыхъ церковно-славянскій языкъ довольно долго былъ не только языкомъ церкви, но и языкомъ государственнаго употребленія.

Букурешты, іюль 1892.

Георгій Самуричъ.

* Это духовное завѣщаніе, изданное по-румынски въ Букурештахъ въ особой брошюрѣ, переведено на русскій языкъ пишущимъ эти строки и напечатано цѣпникомъ въ журналѣ «Чтенія въ московскомъ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія» за 1892 г., а въ извлеченіи перепечатано въ «Церк. Вѣд.» за тотъ-же годъ. Оно представляетъ большой интересъ и для русскихъ.

ОТКРЫТІЕ ВЪ ЕЛИСАВЕТГРАДѢ ПАМЯТНИКА

В. И. ГРИГОРОВИЧУ

(18 окт. 1892)

19 декабря 1876 г. скончался и 21 погребенъ В. И. Григоровичъ въ Елисаветградѣ, въ своей добровольной ссылкѣ.

18 октября текущаго года Елисаветградъ (херсонской губ.) былъ свидѣтелемъ и участникомъ рѣднаго не только для него, но и для всей Россіи чествованія памяти ученаго. Виновникомъ торжества былъ тотъ же профессоръ славяновѣднія новороссійскаго университета Викторъ Ивановичъ Григоровичъ, на могилѣ котораго, на елисаветградскомъ петропавловскомъ кладбищѣ въ этотъ день открытъ памятникъ.

Мысль о памятникѣ знаменитому слависту явилась въ средѣ его учениковъ въ Елисаветградѣ, вскорѣ послѣ его смерти (1876 г.); тогда же, покойный нынѣ, городской голова С. К. Турчановъ собралъ на этотъ предметъ 100 р.; приблизительно такая же сумма собрана въ Одессѣ бывшимъ директоромъ елисаветградскаго реальнаго училища М. Р. Завадскимъ. Въ 1881 году, во время бывшаго съѣзда педагоговъ одесскаго учебнаго округа, мысль о памятникѣ оживилась, и среди нихъ, этихъ учениковъ покойнаго, собрана была новая сумма для той же цѣли. На этомъ, однако, дѣло и остановилось. На юбилейномъ торжествѣ 25-лѣтія новороссійскаго университета, въ 1890 г., проф. Ѳ. И. Успенскій оживилъ память о покойномъ своими «Воспоминаніями». Наконецъ, 14 марта 1890 г., проф. и новороссійскаго унив-та А. А. Кочубинскій въ интересѣ осуществленія наконецъ той прекрасной мысли, которая возникла еще въ Елисаветградѣ, уже давно, вошелъ съ предложеніемъ въ только что образовавшееся при университетѣ историко-филологическое общество, въ его правленіе, какъ членъ его, объ исхода

тайствованіи предъ высшею властью права сбора на могильный памятникъ Григоровичу пожертвованій въ тѣхъ учебныхъ округахъ, гдѣ протекла дѣятельность покойнаго профессора. Уже осенью 1890 года послѣдовало отъ графа И. Д. Делянова испрашиваемое разрѣшеніе, и правленіе общества открыло подписку. Вслѣдъ за тѣмъ Историко-филологическое общество при новороссійскомъ ун-тѣ открыло сборъ пожертвованій въ Казани, Москвѣ и Одессѣ, какъ мѣстахъ служенія Григоровича; попечитель одесскаго учебнаго округа Х. П. Сольскій распространилъ сборъ пожертвованій и на учителей низшихъ школъ округа; кромѣ того, въ подпискѣ приняли участіе Кіевъ и Варшава и кавказскій учебный округъ; Елисаветграду въ спискѣ пожертвованій принадлежитъ особенно видное мѣсто: изъ общей суммы 2049 р. 34 к., собранной до 11 октября 1891 г., на долю Елисаветграда приходится не менѣе 500 р. т. е. четвертая часть. Не лишне замѣтить здѣсь, что особенно много пожертвованій поступило изъ кавказскаго учебнаго округа, благодаря инициативѣ заслуженнѣйшаго его представителя, К. П. Яновскаго, почитателя Григоровича еще въ Кишиневѣ, а также изъ Бессарабіи и Казани, причемъ нельзя было безъ умиленія видѣть, что особенно часты были пожертвованія изъ народныхъ школъ Бессарабіи: ученики той или другой школы вносили по 1 коп., по 2 и т. д. Когда подписка достигла указанной цифры, Историко-филологическое общество признало возможнымъ приступить къ сооруженію памятника. Одесскій скульпторъ В. В. Эдуардсъ, въ виду высокой цѣли предположеннаго дѣла, предложилъ свой трудъ безвозмездно, съ уплатою 2005 р. за матеріалъ и трудъ рабочихъ.

Поставленный и открытый нынѣ памятникъ представляетъ художественно исполненный бюстъ покойнаго изъ бѣлаго карарскаго мрамора, поставленный на нѣсколькихъ фоліантахъ рукописей вверху обелиска изъ того же матеріала; верхняя часть обелиска украшена бордюромъ въ славянскомъ стилѣ съ вплетенными въ него крестами; на передней сторонѣ обелиска представленъ, прибитый гвоздями, листъ пергамента съ слѣдующими начертаніями: «Искны правды мѣчьтнаѣго свѣта сего» славянскимъ шрифтомъ—и «Македонія. Византія. Южная Русь. Во имя Славянства»—русскимъ; внизу пергамента автографъ Григоровича и печать; на передней сторонѣ цоколя: «Викторъ Ивановичъ Григоровичъ. Отъ Учениковъ и Почитателей», на лѣвой сторонѣ: «Родился въ 1815 году», на правой: «Скончался въ 1876 году»; памятникъ поставленъ на гранитномъ фундаментѣ и окруженъ желѣзной рѣшеткой.

На торжество открытія памятника прибылъ изъ Одессы преосвященный Акакій, епископъ елисаветградскій, депутаты Историко-филологическаго общества, профессора одесскаго университета: Ѡ. И. Успенскій, А. И. Кирпичниковъ и А. И. Маревичъ (они же депутаты и отъ университета), депутатъ Одесскаго общества исторіи и древностей, проф. А. А. Кочубинскій, депутатъ общества бывшихъ студентовъ новороссійскаго университета и ришельевскаго лицея, проф. Г. Е. Аванасьевъ, и депутатъ ананьевской гимназіи, преподаватель ея, В. С. Богацкій. День, назначенный для открытія памятника, какъ нарочно, выдался свѣтлый, солнечный, теплый. Съ утра направились на петропавловское кладбище процессіи учениковъ классической гимназіи, реального училища и городскихъ низшихъ школъ. Литургію служилъ въ кладбищенской церкви преосвященный Акакій, сказавшій назидательное слово о предстоящемъ торжествѣ. Послѣ литургіи его преосвященство, при участіи многочисленнаго духовенства, среди котораго было и нѣсколько сельскихъ священниковъ, отслужилъ панихиду и окропилъ памятникъ святою водою; панихида была отправлена безъ пѣвчихъ: пѣло все участвовавшее духовенство, что сообщило ей особо торжественный характеръ. По окончаніи панихиды послѣдовало возложеніе вѣнковъ: отъ казанскаго и новороссійскаго университетовъ, отъ общества бывшихъ студентовъ новороссійскаго университета, отъ одесскаго славянскаго общества, отъ ананьевской гимназіи, отъ гражданъ Елисаветграда, отъ елисаветградскаго земскаго реального училища, отъ елисаветградской гимназіи; при возложеніи вѣнковъ соединенные хоры учениковъ среднеучебныхъ заведеній, при участіи духового оркестра изъ учениковъ гимназіи исполнили гимнъ «Коль славень нашъ Господь въ Сионѣ». Вслѣдъ за тѣмъ проф. А. А. Кочубинскій прочелъ свою обстоятельную рѣчь «О значеніи В. И. Григоровича въ исторіи славяновѣдѣнія». Народа къ этому времени набралось на кладбище множество; почти всѣ горожане, не торопясь, съ оживленными лицами, въ праздничныхъ нарядахъ, расходились съ кладбища по окончаніи торжества; отъ массы экипажей въ нѣкоторыхъ улицахъ трудно было пройти. Но этимъ празднество не кончилось. Въ 2 часа, въ залѣ гимназіи устроено было собраніе для продолженія торжества. Почетное предсѣдательство въ собраніи принялъ на себя преосвященный Акакій. Собраніе открылось пѣніемъ «Царю небесный». Затѣмъ предсѣдатель Историко-филологическаго общества, проф. Ѡ. И. Успенскій, предложилъ собравшимся почтить память покойнаго В. И. Григоровича вставаніемъ. За болѣзнь проф. Успенскаго, прекрасная рѣчь его «Исторія со-

руженіа памятника В. И. Григоровичу» была прочитана Г. Е. Аеанасьевымъ. Потомъ слѣдовали: рѣчь А. И. Кирпичникова «О значеніи В. И. Григоровича въ русской наукѣ», рѣчь ученика покойнаго слависта, проф. А. И. Маркевича «Викторъ Ивановичъ Григоровичъ какъ преподаватель» и рѣчь ученика учениковъ Григоровича и ученика его самого, преподавателя мѣстнаго реальнаго училища, В. Н. Ястребова, «О значеніи памятника В. И. Григоровичу для мѣстнаго общества»; въ заключеніе преподаватель реальнаго училища Н. Θ. Марковъ прочелъ собственнаго сочиненія былинну «Пахарь славянской нивы». Въ промежуткахъ между чтеніями ученическіе хоры пѣли соотвѣтствующіе торжеству гимны. Собраніе закончилось чтеніемъ привѣтствій и телеграммъ, причемъ особенной теплотой выдѣлилось привѣтствіе Г. Е. Аеанасьева отъ имени бывшихъ студентовъ университета, и пѣніемъ русскаго народнаго гимна.

Въ 5 часовъ радушный хозяинъ города, городской голова А. Н. Пашутинъ, собралъ у себя, по русскому обычаю, пріѣзжихъ гостей и городскихъ жителей на обѣдъ, который прошелъ весьма оживленно.

Вѣнки, возложенные въ этотъ день на могилу Григоровича, переданы на сохраненіе въ историко-географическій музей елисаветградскаго реальнаго училища.

В. Я.

ВИКТОРЪ ИВАНОВИЧЪ ГРИГОРОВИЧЪ

въ исторіи славяновѣдѣнія *

Ваше преосвященство и ревнители памяти нашего учителя!

Влекомые лучшимъ чувствомъ, мы собрались сегодня къ подножію памятника того человѣка, бранные останки котораго 16 лѣтъ тому назадъ, глухою зимнею порой, здѣсь, на этомъ священномъ и историческомъ теперь мѣстѣ, мы, исполняя нашъ послѣдній долгъ, съ сокрушеннымъ сердцемъ предавали холодной землѣ,—къ подножію памятника нежданнаго гостя Елисаветграда, В. И. Григоровича.

* Въ извлеченіи настоящая рѣчь была произнесена въ Елисаветградѣ, 18 октября 1892 г., на могилѣ В. И. Григоровича, при открытіи ему надгробнаго памятника, въ присутствіи преосвященнаго Акакія, епископа елисаветградскаго.

Внезапно и неожиданно Григоровичъ оставилъ насъ, какъ внезапно, за немного недѣль предъ тѣмъ, покинулъ онъ и университетъ свой и Одессу, чтобы, по волѣ Провидѣнія, обрѣсти смерть вдали отъ нея, и смерть настоящую, упокоеніе отъ матажа, волненій. Холодная могила приняла, мерзлая земля простучала и — закрыла на вѣки того, кто во всю свою жизнь былъ одна энергія въ тяжелыхъ поискахъ одного — правды, котораго благородный образъ —

Чело сіяло вдохновеньемъ,
Глаза сверкали, гласъ гремѣлъ —

былъ еще такъ свѣжъ въ благоговѣйной памяти его учениковъ и почитателей. Еще недавно онъ глашалъ

Хранить племень святое братство,
Любви живительный сосудъ... *

А теперь?.. Былъ одинъ прахъ.

Житейскіе счеы закончились. Въ обществѣ стали недосчитывать одного члена, но—кого и какого?

Есть дѣятели жизни, воспоминанія о которыхъ, какъ часто бы они ни повторялись, надолго еще составляютъ предметъ живого интереса, освѣженія, ободренія. Къ нимъ и принадлежалъ Григоровичъ.

Пламенный характеръ и самоотверженіе, глубокій, острый умъ, упражненный рѣдкимъ образованіемъ и необыкновенное трудолюбіе стараго бенедиктинца, все это гармонически соединялось въ немъ, все это введено было имъ въ дѣло и создало ему славное имя въ наукѣ, въ исторіи нашего отечества. Имя Григоровича—крупная страница въ исторіи славяновѣдѣнія. Живнъ его—рядъ личныхъ жертвъ, дѣятельность—подвижничество «необыкновеннаго ученаго», какъ сразу опредѣлили его современники. Талантъ, отъ Бога данный, онъ не завопалъ.

Имя Григоровича переноситъ насъ въ эпоху сложенія университетскаго славяновѣдѣнія. Онъ былъ изъ числа тѣхъ четырехъ избранниковъ, которымъ предлежала завидная доля—вести новую научную систему въ сознаніе родной жизни, выполнить завѣтъ нашихъ двухъ историческихъ старцевъ—Румянцева и Шишкова.

Собою Григоровичъ замѣнулъ славную серію тѣхъ избранниковъ; но собою и открылъ онъ отходъ ихъ туда—объ онъ полъ жизни, но оставивъ за собою право на первое вниманіе.

Если его сотоварищи обратились главнымъ образомъ къ де-

* Изъ стихотвореній Хомякова.

тальному изученію еще недостаточно обследованнаго славянства и тѣмъ обогащали науку, то Григоровичъ, разбираясь въ томъ же архивѣ тысячелѣтней жизни, пытался каждый разъ, дѣлая свои вклады, проникнуть возможно глубже, въ быломъ славянства вскрыты идеи, въ пестрой массѣ чередующихся явленій выслѣдить руководящее начало или являться съ творческою мыслью.

Было въ сердцѣ воскреси,
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси,

сказалъ однажды старшій современникъ Григоровича, вдохновенный философъ Хомяковъ, обращаясь къ родной землѣ, и въ этихъ словахъ былъ какъ бы данъ завѣтъ для дѣятельности нашего слависта, отмѣченнаго также непререкаемымъ присутствіемъ величайшаго блага—искры Божіей.

Свидѣтель славянской взаимности отъ колыбели*, воспитанный ополченнаго родного дома, затѣмъ базиліанъ (въ Умани) Григоровичъ, еще юноша, но заявляетъ и пытливость своего ума, и самостоятельность, свою оригинальность.

При первомъ посѣщеніи Одессы, онъ въ восторгѣ, что и «безъ лексикона въ ней можно выучиться языкамъ»**, а 18-ти лѣтъ оканчиваетъ курсъ въ харьковскомъ университетѣ. Въ глазахъ своихъ, онъ уже готовый чиновникъ, съ вѣнцомъ образованія. Но снаряженный на службу въ Петербургъ, онъ съ пути сворачиваетъ и укрывается въ Дерптъ, чтобы здѣсь, въ гнѣздѣ настоящей для того времени науки, спасти себя для науки, выработать изъ себя путемъ лишеній и непрерывнаго труда человѣка науки, пройти настоящій университетъ. О своемъ харьковскомъ періодѣ онъ только съ сожалѣніемъ вспоминалъ, напр. о томъ, какъ училъ онъ лексиконъ Кронеберга, годами слушалъ съ каеэдри чтеніе басенъ

* В. И. родился въ деревнѣ Антоновкѣ, херсонской губ., елисаветградскаго уѣзда, родовомъ имѣніи матери, урожд. Шелеховской, польки; отецъ православный, недворянинъ, родомъ изъ черниговской губерніи, былъ исправникомъ. После ранней смерти матери, имѣніе ея, колыбель нашего слависта, не могло остаться ея дѣтямъ, какъ населенное, было отобрано и перешло на ея родъ. Григоровичъ до самой старости со страстію повторялъ слова: «возвратите мнѣ гражданскія права!» Они именно и относились къ отобранному имѣнію, отчего незамужняя сестра Григоровича (ее мы знавали въ Одессѣ) всегда была въ большой нуждѣ.

** Его собственныя слова, слышанныя нами, въ бытность у него доцентомъ. Во избѣжаніе недоразумѣній, считаемъ долгомъ объяснить, что свѣдѣнія, источникъ которыхъ у насъ не указывается, почерпнуты или изъ нашихъ личныхъ замѣтокъ и бесѣдъ съ покойнымъ, или изъ матеріаловъ нашего портфеля.

Крылова съ приправою излишне откровенной эстетики. Образовательный элементъ былъ не великъ, очевидно.

А въ скромномъ Дерптѣ предъ нашимъ бѣглецомъ-слушникомъ широко раскрылись и обнявшая всю Европу философія Гегеля, и рациональныя классическія студіи, съ ихъ культомъ воспитывающей старины; межъ нихъ робко пробивались и славянскіе вопросы, задѣвавшіе мимоходомъ пытливаго юношу-классика. Онъ былъ счастливъ за Гегелемъ, за міромъ ветхимъ, и оба эти высоко-образовательные фактора и опредѣлили главное направленіе въ ожидавшей его самостоятельной дѣятельности.

Прошло цѣлыхъ пять лѣтъ—не малое пространство времени—въ сладкихъ лишеніяхъ за работою надъ собою, выработкою себя—и кто сважеть, какъ долго продлилось бы это отшельничество, эта образовательная школа Григоровича, еслибы случай не вызвалъ его къ дѣятельной жизни.

Небольшой кружокъ талантливыхъ молодыхъ людей приготовлялся тогда въ Дерптѣ къ каеедрамъ. Его составляли: Савичъ, Варвинскій и Горловъ. Съ ними, особенно послѣдними двумя, былъ близокъ Григоровичъ, отмѣченный уже тогда ими, какъ талантливый ученый, и человекъ рѣдкаго сердца. Когда же въ 1838 г. Горловъ попалъ въ Казань, онъ и указалъ на своего молодого ученаго друга, какъ на кандидата на открывавшуюся впервые въ Казани каеедру славяновѣдѣнія*.

Выборъ блестящаго адепта науки, съ широкимъ образованіемъ, былъ только и возможенъ: человекъ среднихъ силъ неминуемо бы затерялся въ требованіи открывать собою новую науку: Казань въ распоряженіе своего будущаго слависта могла предложить пять-шесть молитвенниковъ славянскихъ. Но ученый «необыкновеннаго порядка», какъ Григоровичъ опредѣленъ былъ сразу и въ Казани, хотя и съ недостаточнымъ титуломъ «дѣйствительнаго студента», нашелся: его спасъ, вынесъ на берегъ его философскій умъ, помимо талантливой природы. Давно, еще въ Дерптѣ, протрудиванный сухой трудъ знаменитаго чеха Шафарика, подъ философскою мыслью Григоровича, воскресилъ «глубоко сокрытый духъ» въ литературной исторіи славянства, обнявъ частныя литературы

* Вспоминая объ этомъ приглашеніи, старикъ любилъ иронизировать надъ собою, что его права на эту каеедру основывались на знаніи еще изъ дома польскаго языка да на томъ, что онъ издала видѣлъ у Прейса, тогда учителя гимназій въ Дерптѣ, «Glagolita Clozianus», но каковую книгу хозяинъ никогда не давалъ ему.

славянъ, какъ откровеніе духа—народнаго сознанія. * Этого обобщающаго характера были оба его первые труда, сочиненія на степень кандидата и магистра, обработка, различная по объему, одной и той же темы.

Суровъ былъ приговоръ надъ магистерскимъ трудомъ министерскаго критика, товарища Прейса, требовавшаго кассациі университетскаго приговора—отнятія магистра (недостаточность матеріала, повторяемость, при «философскихъ предубѣжденіяхъ»). Но правъ былъ старикъ Востокъ, который уже въ виду кандидатской работы, при официальной же ея критикѣ, провидѣлъ въ авторѣ, еще студентѣ Григоровичѣ, «достойнаго кандидата на кафедру».

Вдали голоса раздвоились. Но на мѣстѣ первые шаги въ наукѣ студента-профессора производили чарующее впечатлѣніе, ихъ «чисто оригинальный взглядъ на исторію славянскихъ литературъ—стремленіе обработать ее въ совокупности, показать ихъ взаимодѣйствіе» **, не допускавшее двоенія. Конечно, этому не мало содѣйствовало и личное знакомство съ авторомъ. Въ рѣшительный моментъ жизни Григоровича, въ началѣ его службы наукѣ, одинъ изъ его благодѣтелей, казанскій попечитель Молоствовъ, официально произнесъ о немъ слова: «Это—не обыкновенный ученый, посвящающій себя профессорскому званію для достиженія личныхъ цѣлей, но человекъ, страстный къ наукѣ, жертвующій всѣмъ для нея. ***

* Этому истинно-правильному взгляду, поражающему насъ, если вспомнимъ когда и при какихъ условіяхъ онъ былъ высказанъ, авторъ, естественно, остался вѣренъ до конца своихъ дней. Въ своей глубоко-содержательной и эффектной рѣчи на 11 мая 1871 года, въ первую годовщину одесскаго славянскаго благотворительнаго общества, которое онъ создавалъ, такъ въ первое время лелѣялъ, прежде чѣмъ разочаровался (какъ секретарь общества въ первомъ году онъ израсходовалъ своихъ денегъ нѣсколько сотенъ),—рѣчь которую мы можемъ разсматривать, какъ внутреннюю автобіографію, исповѣдь души старѣющаго, но не состарѣвшагося знаменитаго слависта, онъ въ мастерской картинѣ общаго генезиса славянской науки говорить: «Участіе, которое каждое славянское племя принимало въ общемъ движеніи поколѣнія, какъ ни кажется отрывочнымъ, несвязнымъ, можно нынѣ подвести подъ общія начала. При частныхъ литературахъ мы, слѣдственно, можемъ имѣть общую славянскую литературу» («Изъ лѣтописи науки славянской»). Одесса, 1871, стр. 15). Въ интересѣ генезиса этого взгляда Григоровича въ 40-хъ годахъ на исторію славянъ надо замѣтить, что Григоровичъ имѣлъ своими предшественниками Мацѣевского и М. Вишневеца (гегелианцы), польскіе труды коихъ ему были хорошо извѣстны.

** Изъ факультетскаго разбора кандидатской диссертациі, сдѣланнаго проф. Горловымъ.

*** Изъ донесенія министру, отъ 6 авг. 1844 г., когда уже Григоровичъ отплывалъ изъ Одессы въ Турцію, начиналъ свое знаменитое славянск. путешествіе.

Потребовалось немного времени, чтобы эти вѣщія слова нашли блестящее оправданіе. Открывшійся новый періодъ дѣятельности Григоровича, его командировка въ Турцію и славянскія земли (1844 — 1847), разрѣшила послѣднее сомнѣніе во взглядѣ на смѣлаго новатора-слависта, когда онъ, вѣрный своей умственной привычкѣ, открылъ и здѣсь, въ новой области дѣятельности, новые пути, а не повторилъ своихъ старшихъ сотоварищей, и это при обстановкѣ, почти не вѣроятной для нашего времени. Зато и возвратился не только могучимъ славистомъ, но съ запасами науки, которые дали содержаніе для дѣятельности и его, и цѣлаго ряда ученыхъ, даютъ и сегодня, а имя казанскаго путника обезсмертили.

Востокъ рекомендовалъ, въ оцѣнкѣ перваго печатнаго труда Григоровича, восполненіе свѣдѣній по исторіи южныхъ славянъ съ открытіемъ «новыхъ источниковъ». Но творецъ исторіи южно-славянской литературы, Востокъ, не подозрѣвалъ, какое дѣйствіе произведетъ его ученый совѣтъ на страстнаго изслѣдователя. Вѣроятнѣе всего, онъ имѣлъ въ виду выходящее тогда свое монументальное «Описаніе рукописей Музея Румянцева».

Въ то время какъ второй корифей современной славянской науки, радужный руководитель, поочередно, старшихъ товарищей Григоровича, Шафарикъ, восторженный «величественнымъ» твореніемъ Востокова, объявилъ, что въ самой Россіи онъ уже попалъ на открытіе памятниковъ изъ эпохи начальной письменности славянъ: энергическій избраницъ Казани, «поставивъ изученіе исторіи литературы главнымъ предметомъ занятій» * — область, почти не тронутую его сотоварищами, не удовольствовался работою другихъ, какъ плодотворна она бы ни была, рѣшилъ — не ждать «новыхъ открытій» отъ другихъ, а самому пойти на нихъ, какъ только онъ почувствовалъ себя, послѣ томительнаго искуса, нѣсколько самостоятельнымъ. ** Самостоятельность открылась съ отъѣзда за границу, въ славянскія земли.

Намѣтивъ для себя не изученіе нарѣчій, не этнографію, не исторію политическую, а интересы славянской мысли въ словѣ, литературную старину, но въ связи съ культурными условіями эпохи, Григоровичъ въ этой суженной сферѣ своихъ науч-

* Его слова изъ «Плана путешествія въ слав. земли», въ началѣ, напечатаннаго его заслуженнѣйшимъ ученикомъ М. П. Петровскимъ.

** Что воплѣть самостоятельнымъ онъ чувствовать себя не могъ, ясно изъ одного того, что онъ имѣлъ казенную инструкцію, которая его казанскимъ недоброжелателямъ давала поводъ къ постояннымъ придиркамъ: «самъ учишь, и только, а не учишь другихъ».

ныхъ интересовъ избралъ главнымъ образомъ одну, но самую кардинальную и темную область—*initia rerum literariorum*: о началѣ славянской литературы—ея древнѣйшихъ памятникахъ, ея письмѣ и ея орудіи—языкѣ. * Вотъ почему, если его старшіе сотоварищи свой славянской обходъ начинали съ западнаго конца, только въ мечтахъ своихъ делѣя мысль о завершеиіи его на недоступной Турціи и Аѳонѣ, то Григоровичъ, и здѣсь не повторяя ихъ, началъ именно свой славянской путь съ нетронутаго Востока.

Но что давало ему право на эту оригинальность? Одно желанія было мало. Помимо его натуры: талантивности и характера, заставлявшаго его жертвовать всѣмъ науки ради, одно важное условіе—классическое образованіе, знаніе языковъ древности и—В и з а н т і и. «Византійцы, писалъ онъ съ пути, сдѣлались необходимымъ чтеніемъ, а приобрѣтеніе способа разумѣть ихъ достаточнѣе—постояннымъ предметомъ поисковъ» (1846 г. въ «Краткомъ Отчетѣ»). Недалеко было время, когда и нѣмецкая наука устами одного изъ своихъ представителей, изв. Тафеля произнесетъ судъ о нашемъ путникѣ: «*Vizantinorum literarum optime gnarus*. **

Того же требовалъ и пульсъ современной науки. «Трудная вещь, писалъ Шафарикъ Погодину въ Москву 1 іюня 1840 г., напасть на слѣдъ рѣчей патріарха Фотія и другихъ разсужденій. Только путешествующіе ученые могли бы на мѣстѣ произвести настоящія изысканія». ***

* Ранѣе своихъ сотоварищей, Григоровичъ съ университетской кафедры первый училъ о высокомъ методологическомъ для науки языка значеніи церковно-славянскаго языка, имѣя въ этомъ вопросѣ предтечу въ Шафарикѣ. Мы имѣемъ въ виду его печатную программу преподаванія славянскихъ языковъ 1841 года. Нельзя думать, что воспитаннику нѣмецкой школы было неизвѣстно движеніе науки на Западѣ, направленіе великаго Воппа, введеннаго, по указанію Шафарика, хотя и недостаточно церковно-славянскій языкъ въ свою «Сравнительную Грамматику». Непререкаемый методологическій законъ современной науки былъ категорически высказанъ полъ-вѣка назадъ юнымъ славистомъ въ Казани—непререкаемое знаменіе крупнаго ума, таланта!

** Tafel въ «*Urkunden zur Geschichte der Republik Venedig*», I, 247.

*** «Письма къ Погодину изъ славянскихъ земель», изд. Н. Попова, М. 1860, 267. Эта задача науки выставлена знаменитымъ славистомъ въ Прагѣ, какъ кажется, подъ влияніемъ знакомства съ только что полученными имъ отъ Погодина его «Историческими изслѣдованіями»: онъ отклоняетъ отъ себя сужденіе о книгѣ московской—не его специальность, но дѣлаетъ отдѣльныя поправки (ср. ib. стр. 265, въ концѣ). Въ виду того, что лѣтомъ 1840 года Срезневскій уже работалъ въ Прагѣ, а Прейсъ поджидался сюда, можно думать, что, говоря о «путешествующихъ ученыхъ» (курсивъ въ подлинникѣ), Шафарикъ имѣлъ на примѣтѣ именно обоихъ русскихъ славистовъ.

Съ жаркими напутствіями московскихъ славянофиловъ: Валуева, Хомякова, съ пучками стиховъ послѣдняго, Григоровичъ покинулъ Россію, чтобы изъ Одессы чрезъ Константинополь вступить первымъ на священную почву родины первоучителей славянскихъ, а оттуда на Аѳонъ и въ глухую Македонію. Это отважное движеніе въ глубь дикой Турціи одиночнаго русскаго ученаго 40-хъ годовъ только что не цѣлая эпопея, въ сожалѣнію, изъ печати вышедшая въ сильно укороченномъ видѣ *.

Вотъ на пути у Охридскаго озера, гдѣ путешественникъ открываетъ живые слѣды культа св. Климента и другихъ учениковъ славянскихъ апостоловъ, изъ-за камней набрасывается на «даскала кур Григоровича, голема човека» (монастырскій на мѣстѣ титулъ его) болгарскій «попа» (священникъ), и нашъ путешественникъ съ трудомъ отдѣлывается отъ этого одичалаго эпигона св. Климента.

Еще ббольшую неожиданность приготовилъ ему Велесъ: турецкій жандармъ хватаетъ его за воротъ и среди бушующей толпы тащитъ его къ пашѣ «какъ москова». Едва успокоилъ нашъ «даскалъ» пашу, что онъ простой «китабчи», книжникъ, писатель. Переночевавъ въ ханѣ, на зарѣ онъ бѣжалъ.

Но оставимъ дикую Македонію и прослѣдуемъ за Григоровичемъ на Аѳонъ, главный центръ его ученыхъ интересовъ, главное гнѣздо его литературной добычи. Здѣсь не было одичалыхъ поповъ, фанатизованныхъ турокъ: но встрѣча была грубая, на каждомъ шагу придиранья, запасенныя рекомендаціи ни къ чему, ни къ чему никакого доступа. Но Григоровичъ съ своимъ девизомъ—«всѣмъ для науки» не постѣснился ни чѣмъ. «Его пламенная любовь къ предмету и самоотверженіе», говоря современнымъ признаніемъ гордаго имъ его университета **, все преодолѣли.

Чтобы сколько-нибудь расположить суровыхъ монаховъ къ себѣ, открыть ихъ сердце, а съ тѣмъ и доступъ къ ихъ книжному, мало цѣнному хламу въ чуланахъ, чердакахъ, сырыхъ подвалахъ, въ заваленныхъ всякою дрянью погребахъ старыхъ башенъ и, наконецъ, въ библіотеки, онъ отстаивалъ всѣ службы съ ними, выпол-

* Классическій «Очеркъ путешествія по Европейской Турціи» (1848) сильно былъ урѣзанъ. Нѣрѣдко видѣсь явкъ Эвопа, и надо читать между строкъ. Увы! потерявъ (быть можетъ на время) экземпляръ «Очерка» съ массою собственноручныхъ пополненій, не разъ видѣнный нами. При быстрой описи (при нашемъ присутствіи) суд. приставомъ имущества покойнаго, экземпляръ этотъ намъ не попался. Кое-что изъ устныхъ намъ рассказовъ о путешествіи сохранилось въ нашихъ замѣткахъ о бесѣдахъ съ Григоровичемъ.

** Отчетъ казанскаго университета за 1846—47 годъ.

наль всё на-долгопамятныя ему строгія добродѣтели и помони е е
э пакон, питался едва не акридами, писалъ для монаховъ жалостныя
прошенія въ Россію о сборахъ, и тогда ему дозволяли лазить,
рыться. * Въ пиргѣ хиландарскаго монастыря онъ спускался въ
грязное подземелье, рылся тамъ среди гнющей груды рукописныхъ
листковъ, весь въ извести выкарабкался изъ башни, но съ двумя
листками древнѣйшаго кирилловскаго письма, и тутъ же на берегу
моря началъ стирку тысячелѣтняго пергамена. Но случилось и такъ,
что ему только показывали рукопись, пригвожденную къ полу
библіотеки.

Но испытанія отъ чужихъ едва ли превышали тѣ оскорбленія,
которыя Григоровичъ выносилъ отъ своихъ. Уже въ Константинополь,
при первомъ вступленіи на турецкую землю, его встрѣтили звѣремъ.
«Какой шутъ надумилъ тебя путешествовать въ такое опасное
время», привѣтствовалъ его, съ характернымъ тыканьемъ, одинъ
изъ среднихъ чиновниковъ посольства. Когда же онъ представлялся
другому, тотъ принялъ лежа на диванѣ, съ ногами на столѣ, и едва
удостоялъ нѣсколькихъ словъ. Одно это характерное тыканье —
ученому, магистру и человѣку не первой молодости — со стороны своихъ
чиновниковъ, правда, титулованныхъ, показывало ясно, что полагаться
можно на себя только. Но турецкій приемъ оказался еще
лаской сравнительно съ тѣмъ, что ожидало его въ Вѣнѣ: тамъ уже
ягоды. Какъ бы въ предвидѣніи всѣхъ этихъ любезностей Востока,
Молоствовъ, неизмѣнный покровитель своего даровитаго слависта,
всячески добивался для него при отъѣздѣ титула адъюнкта-
профессора — «для большаго вѣса», откровенно писалъ онъ въ
министерство, но тщетно: Григоровичъ уѣхалъ «безъ вѣса» — на испытанія.

Но никакія физическія и душевныя испытанія не въ силахъ были
остановить самоотверженнаго Григоровича предъ научнымъ долгомъ,
долгомъ совѣсти. Наука, какъ неослабный стимулъ, гнала его не-
устанно впередъ, и привела къ результатамъ, открытіямъ, которыя
превзошли самыя смѣлныя чаянія; имя смѣлаго слависта, умидья со-
временниковъ, стало неразлучно въ исторіи славянской науки съ
эпохой ея крупнаго подъема, а самое путешествіе — эрой.

* Упомовѣ — пребываніе дома, искусство; іакобо — слушаю, отсюда работы послушниковъ въ монастырѣ.

25 окт. 1846, когда Григоровичъ давно уже былъ въ Прагѣ, изъ Букурешта
пріятель его Котовъ, чиновникъ въ русскомъ консульствѣ, писалъ ему между прочимъ:
«...Недавно былъ здѣсь архимандритъ Порфирій (Успенскій, позже епископъ
чигиринскій) на возвратномъ пути изъ Палестины въ С.-Петербургъ. Отзывы его о
святогорскихъ отцахъ не весьма удовлетворительны и почти согласуются съ
приемомъ вамъ оказаннымъ. Онъ не упоминалъ только объ ипомони е е э пакон...»

Полутаинственный Аeonъ, о которомъ, какъ о вѣковой сокровищницѣ науки, мечтали еще старикъ Добровскій и Колитаръ, сталъ теперь открытой книгой, важной для историка литературы, культуры и былого славянства вообще. Григоровичъ вскрылъ, отрѣшилъ отъ мрака забвенія притаенные памятники старины — тысячи памятниковъ греческихъ и славянскихъ, цѣлые кодексы глаголиты, кое-какія, но крупныя; крупныя приобрѣтъ для себя и тѣмъ спасая вѣковую святыню отъ гибели или аукціона. Мы говорили о вымытыхъ въ морѣ листкахъ. Но кто не слыхалъ о глаголическомъ четвероевангеліи Григоровича, старѣйшемъ евангельскомъ текстѣ, по которому молились наши пращуры?.. Его же глаголическій собратъ, Зографское евангеліе, былъ открытъ Григоровичемъ. Съ сербскимъ Закономъ Душана (изъ XV в.) въ рукахъ Григоровичъ сталъ желаннымъ и для юриста. Другихъ вывезенныхъ рукописей, церковнаго и свѣтско-литературнаго содержанія (пергаменный Стефанитъ и Ихнилатъ), отъ вѣка XII, XIII и позже мы не касаемся.

Глухая Македонія съ сосѣдной Албаніей открыла свои тайники, уступающіе aeонскимъ, но иногда единственные, какъ кирилловскіе палимпсесты, съ рѣшающимъ словомъ въ вопросѣ о времени спроса на глаголицу у славянъ. Въмѣстѣ съ этимъ объявились живые слѣды культа дѣятелей изъ школы свв. солунцевъ, какъ охридскіе монастыри, съ кое-какими монументальными даже воспоминаніями о той эпохѣ.

Не безъ доброй литературной жатвы были и другія, менѣе классическія для нашего историка-слависта области Болгаріи. Собранная имъ на пути изъ старыхъ церквей, монастырей коллекція рукописей на современномъ болгарскомъ языкѣ XVI—XVII вѣка (въ Рыгѣ, Шипкѣ и др.), драгоцѣнная для историка литературы и языка, единственная въ своемъ родѣ: она—второе украшеніе нашего новороссійскаго университета. Но не мертвымъ капиталомъ явились эти памятники въ рукахъ ихъ спасителя для науки: изученные по обычаю уже на пути, они дозволили проницательному Григоровичу тогда же высказать блестящую гипотезу объ органическомъ развитіи современнаго болгарскаго языка, исключаящемъ мысль о воздѣйствіи на него однихъ механическихъ факторовъ — новѣйшею наукою блестяще оправданную. * Параллельно съ историко-литературными на мѣстѣ розысканіями шли у неутомимаго изслѣдователя работы побочныя, этнографическія, по которыя—новый листъ въ вѣнѣ заслугъ Григоровича. Записанныя имъ изъ устъ народа

* Въ трудахъ: ак. Ягича (въ его «Архивѣ Слав. Фил.»), профессора Калины «Studia...» (Kraków, 1890).

въ дебряхъ Македоніи, горахъ Родопа и прибрежьяхъ Дуная пѣсни, по времени и по достоинству, первый компактный сборникъ для этнографіи болгаръ. * Но чтó особенно дорого было для науки, такъ это наблюденія Григоровича надъ языкомъ болгаръ Македоніи—открытіе носовыхъ звуковъ въ ихъ живой рѣчи, которое впервые дало твердую почву и обоснованіе для только что тогда являвшейся теоріи о болгарскомъ происхожденіи самаго церковно-славянскаго языка. Дальнѣйшія изслѣдованія только повторили наблюденія Григоровича.

Но предъ нами поучительное явленіе: тотъ, кто первый сблизилъ документально, и въ вопросѣ кардинальномъ, священный намъ языкъ съ славянскимъ въ Македоніи, самъ до конца дней своихъ былъ исповѣдникомъ не популярной теоріи болгарской, а западной, паннонской. Это предостерегающее слово не упрямаго, но осторожнаго и тонкаго, изслѣдователя не можетъ быть равнодушно для науки.

Такимъ образомъ, цѣлый караванъ новыхъ въ науку коллекцій, историко-литературныхъ и этнографическихъ, сопровождалъ знаменитаго теперь Григоровича, когда онъ наконецъ на румынскомъ берегу Дуная у Джурджева оставилъ за собою Турцію. Окончился, по классическому выраженію самого Григоровича, его «солдатскій походъ». Подъ старость лѣтъ такъ онъ называлъ, и истинно вѣрно, свои турецкія злоключенія. Первое поздравленіе здѣсь ожидало его оттуда, откуда онъ еще недавно вынесъ одни терпкія воспоминанія, но теперь уже «почтеннѣйшій г. Григоровичъ»—изъ Константинополя. «Нынѣ мнѣ, писалъ ему посоль Титовъ (26 августа 1845) въ Букарештѣ, истинно пріятно поздравить васъ съ избавленіемъ отъ трудовъ и частію даже опасностей, которымъ вы подвергали себя изъ любви къ наукѣ. Вы богато вознаграждены посѣщеніемъ мѣстъ, доселѣ почти недоступныхъ, и запасомъ рѣдкихъ матеріаловъ»...

Поздравлять можно было съ чѣмъ. Безъ преувеличенія говоря, ни одна экспедиція не приносила для науки такихъ крупныхъ результатовъ, какъ одиночная экспедиція добровольца Григоровича: ибо въ немъ кипѣла жизнь науки, беззаветная преданность одной наукѣ.

Но открытія и труды рѣдкаго избранника науки не окончились съ концомъ «солдатскаго пути». И Румынія ждала его съ своими дарами, съ своими интересами, которые, какъ вѣрно понималъ онъ, имѣютъ широкое примѣненіе въ славянской наукѣ. Не говоря

* Только небольшая часть его издана тогда же въ Загребѣ Ст. Вразомъ въ его журналѣ «Коло», радушно уступленная ему русскимъ путешественникомъ, когда онъ объѣзжалъ Хорватію.

о славянскихъ памятникахъ средней эпохи, грамотахъ, онъ, русскій путешественникъ, открываетъ первый, т. е. старѣйшій текстъ румынскаго языка и литературы свѣтскаго содержанія — Лѣтопись Моксы (переводъ съ болгарскаго языка) отъ начала XVII вѣка (въ быстр. монастырѣ), благодаря своему прекрасному знанію и румынскаго языка, первая школа котораго была еще въ Македоніи, среди куцо-влаховъ, благодаря своей пытливости и преданности наукѣ. Мало того, въ самомъ румынскомъ обществѣ Григоровичъ не опустилъ пробудить интересы къ наукѣ, въ своей исторіи, столь тѣсно связанной съ славянскою, хотя почва для того еще слабо была приготовлена. «Объщанныя вами свѣдѣнія, писалъ ему консулъ А. А. Дашковъ изъ Букарешта (декабрь 1846), поясняющія древнія событія валахскаго народа, а въ особенности относящіяся до церкви и его исторіи, безъ сомнѣнія будутъ приняты здѣсь съ признательностью».

Можно сказать, что каждый шагъ Григоровича въ каждомъ новомъ краю его историческаго объѣзда юго-востока Европы, какъ бы ни былъ различенъ своею культурою, отъ Афона—Македоніи и до копитаровой Вѣны, гдѣ онъ отыскиваетъ громадной исторической важности фоліанты «Протоколовъ» церкви Новаго Рима, освѣщающихъ напр. зачатки румынской церкви—ознаменовывался открытіями; но мы также каждый разъ не должны забывать, какъ не легко давались ему всѣ эти влады въ науку, какихъ томительныхъ трудовъ стоило великому исповѣднику науки каждое его открытіе. Предъ нами одни результаты; но самый процессъ мы забываемъ легко.

Наконецъ, нашъ путникъ у тихой пристани, въ Прагѣ, у великаго чеха Шафарика, дѣлится своими наблюденіями, свѣдѣніями, знакомить и съ своими литературными сокровищами старины, на сколько это было возможно, такъ какъ турецкій караванъ его съ его кодексами и отрывками съ дороги былъ выправленъ въ Казань, разновременно. Можно было повторить съ нашими старыми книжниками, что не радовался такъ женихъ о невѣстѣ, какъ радъ былъ Шафарикъ своему Григоровичу, его славянскимъ урочамъ, слѣды которыхъ ясны въ современныхъ трудахъ корифея славянскою науки: уроки скромнаго ученика скромному учителю—картина эта говорить много.

Съ 1847 годомъ путешествіе было у конца. Но Григоровичъ все продолжалъ жить мыслями о Турціи, рвался туда. Безспорно, бесѣды съ Шафарикомъ могли питать еще неудовлетворенное его чувство, и онъ остановился на смѣлой мысли — изъ Праги свернуть не въ Казань, а назадъ и прежде всего въ Албанію, запо-

нить изученіемъ албанскаго языка крупный пробѣлъ въ самой европейской наукѣ, т. е. и здѣсь быть въ той же роли инициатора, а затѣмъ повторить визитъ къ монахамъ: могъ ли онъ равнодушно вспоминать, что на Афонѣ онъ оставилъ, напримѣръ, нетронутую зографскую глаголицу, успѣвъ ее лишь зарегистрировать, а не открыть для науки, не говоря о другихъ магнитахъ?...

Высокой нравственной опорой въ этомъ новомъ смѣломъ предпріятіи былъ самъ Шафарикъ, весь поглощенный Григоровичемъ. Мы равнодушно не можемъ себѣ представить, что дало бы вообще для науки это возвратное путешествіе въ Турцію не новичка, но уже своего въ ней, прекрасно подготовленнаго; а личная не ослабшая самоотверженность—залогъ успѣха. Для науки открывалась новая жатва. Но тщетно поддерживалъ смѣлый и богатый планъ своимъ высокимъ авторитетомъ и самымъ горячимъ убѣдительнымъ словомъ самъ Шафарикъ, подымая своихъ русскихъ друзей въ интересѣ его быстрѣйшаго выполненія.* Планъ остался предположеніемъ, а Григоровичъ вмѣсто Албаніи и Турціи долженъ былъ поспѣшить въ свою Казань, къ своимъ рукописнымъ сокровищамъ. «¹/₁₄ марта Григоровичъ, пишетъ не безъ грусти Шафарикъ, двинулся въ Казань, напрасно прождавъ здѣсь бумаги изъ Петербурга» (344). Посланныя Григоровичемъ рукописи Погодину, для задобренія, пользы не принесли. Русская наука потеряла, но кто скажетъ—что?...

Разобраться въ своихъ богатыхъ наблюденіяхъ и матеріалахъ и познакомить съ ними возможно полнѣе и быстрѣе ученый міръ—вотъ та естественная задача, которая ожидала Григоровича въ

* *¹/₁₄ декабря 1846 г. Шафарикъ пишетъ письмо къ Погодину: «Если я къ вамъ уже сегодня пишу и не откладываю вопроса, то къ этому побуждаетъ меня прежде всего дѣло Григоровича. Григоровичъ на дняхъ мнѣ говорилъ, что онъ обратился къ своему правительству о дозволеніи еще разъ отправиться въ Албанію, что по этому вопросу онъ писалъ и къ вамъ, пославши къ вамъ нѣкоторые отрывки изъ рукописей (зналъ чѣмъ задобрить!) и просилъ васъ быть за него ходатаемъ, чтобы дано было разрѣшеніе... Что касается просьбы Григоровича, то лишне объ ней много распространяться. Сдѣлайте что можно. На мой взглядъ, дѣло это очень важное. Литературныя находки Григоровича и его открытія о Климентѣ, Наумѣ и остальныхъ помощникахъ Кирилла и Меодія въ Македоніи и Албаніи уже теперь очень любопытны, равно какъ и старое свидѣтельство о Климентѣ, какъ изготовителѣ какого-то новаго алфавита. Второе же путешествіе въ Албанію предложило бы теперь, послѣ лучшей подготовки, еще большіе результаты. Быть можетъ, въ вопросѣ о происхожденіи и распространеніи глаголицы, мы попали бы если не въ самый центръ, то по крайней мѣрѣ на нѣсколько болѣе твердую почву. Если потому вы въ состояніи замолвить доброе слово предъ гр. Уваровымъ о Григоровичѣ, то это вы сдѣлаете въ интересѣ литературы и науки» («Переписка», 341).

Казани. До сихъ поръ это знакомство имѣло болѣе семейный характеръ, напр. въ Прагѣ, и ограничивалось немногими памятниками и вопросами. * Съ азартомъ, нетерпѣніемъ выполнения этой роковой задачи ждалъ ученый міръ, не выключая и родного университета, который публично объявлялъ, что онъ ждетъ «изысканій важныхъ и любопытныхъ». **

Но всеобщія страстные ожиданія не могли быть удовлетворены въ той мѣрѣ, какъ этого ждала наука и какъ этого безъ сомнѣнія желалъ самъ Григоровичъ. Въ своемъ казанскомъ заточеньѣ Григоровичъ натенулся сразу на непреодолимыя преграды — въ примитивныхъ средствахъ печати. Академія еще не открывала своихъ славянскихъ изданій, а единственный тогда органъ изданія, буде онъ пожелалъ бы дать мѣсто, знаменитыя «Чтенія» Бодянского, закрыть, затѣмъ послѣдовалъ вынужденный визитъ Григоровича въ Москву на смѣну опальному Бодянскому въ университетѣ, стоившій ему трехъ лѣтъ покоя и тяжелыхъ волненій, а въ завершеніе всего — чрезвычайная строгость духовной цензуры послѣ 1848 г. Извѣстно, что знаменитое Остромирово Евангеліе, вышедшее еще до революціоннаго года, увидѣло свѣтъ только по личному вмѣшательству великаго святителя Москвы. Одинъ примѣръ: изданныя Григоровичемъ въ 1862 г. знаменитыя Паннонскія службы лежали въ цензурѣ 10 лѣтъ. А сокровища Григоровича, ожидавшія на первомъ мѣстѣ изданія, все были тексты церковнаго языка.

Такимъ образомъ, въ то время какъ вниманіе образованнаго славянскаго міра было обращено въ Казань, ожидало оттуда откровенія, обстоятельства мѣста и времени создали лично для Григоровича невыносимое положеніе. Но, не подозрѣвая ихъ, Шафарикъ, какъ тѣнь или ревнивый любовникъ, изъ далекой Праги преслѣдовалъ Григоровича, добываясь его глаголиты. «Какъ бы вы, молитъ онъ друга Погодина (въ 1848), заставили Григоровича издать свои литературныя сокровища». «Что дѣлаетъ Григоровичъ съ своими рукописями, своими сокровищами»? спрашиваетъ онъ также почти въ каждомъ письмѣ. *** Конечно, взаимности добиться не могъ. «Григоровичъ, жалуется онъ въ 1852 г., какъ бы намѣ-

* Впрочемъ, о своихъ открытіяхъ въ Македоніи Григоровичъ читалъ рефератъ 26 ноября 1846 г. въ засѣданіи «Чешскаго Королевскаго Общества наукъ» въ Прагѣ, который Шафарикъ сейчасъ же помѣстилъ въ журналѣ Чешскаго Музея. 1847, I, в. V, 503—521.

** Отчетъ за 1846—47 г., 28.

*** Переписка Погодина, 363, 370.

ренно укутался въ мантію молчанія», * и въ раздраженіи бросилъ незаслуженный попрекъ вынужденному молчальнику, что онъ утаиваетъ свои богатства, не желаетъ ихъ дать наукѣ. **

Шафарикъ не могъ ориентироваться въ своеобразныхъ условіяхъ тогдашней русской жизни, не могъ, конечно, понять положенія, души Григоровича. На штурмъ изъ Праги Григоровичъ отмалчивался, и сѣтованіе продолжалось. Впрочемъ кое-что было сообщено въ Прагу. Упрекамъ, заподозрѣваніямъ Шафарика счелъ полезнымъ вторить и Погодинъ въ Москвѣ, во всякомъ случаѣ могшій понимать положеніе дѣлъ, разобраться въ обстоятельствахъ темной жизни, и усугублялъ прекарность положенія неповиннаго Григоровича. «Письмо ваше къ Григоровичу, пишетъ онъ Шафарикъ 8 апрѣля 1852, я отправилъ и старался всѣми силами пристыдить его за медленность и косность» Григоровичъ и — косность! Какая игра, иронія судьбы!...

Въ сознаніи своей беспомощности откликнуться желаннымъ дѣломъ на требованія науки и завершить свои монументальныя открытія созданіемъ эпохи своего имени, Григоровичъ не могъ не выработать ироническаго отношенія къ явленіямъ жизни, не рѣшиться на политику самоуничженія, не выработать классическаго по смиренію титула для себя—«смирннаго гамала науки», титула, который въ разныхъ перифразахъ повторяется у него до конца жизни.

Переносясь въ тѣ времена и соображая указанныя неблагословенныя для русской науки условія, мы можемъ глубоко скорбѣть—что намѣреніе Востокова, этого воспріемника Григоровича при купели науки, но заявленное имъ уже у порога смерти, именно Григоровичемъ замѣстить себя, свое кресло въ Академіи Наукъ, не имѣло мѣста раньше, гдѣтъ десять назадъ, въ эпоху самую тяжелую для казанскаго слависта, когда онъ собирался открыть свои публикаціи. Встрѣченная теперь злою оппозиціей, акад. Билярскаго, мысль Востокова тогда бы, вѣроятно, увѣнчалась успѣхомъ. Какая же перспектива открывалась тогда для славянскон науки?! Если же Востоковъ остановился на Григоровичѣ, если онъ какъ бы завѣщалъ ему продолжать въ наукѣ себя: то намъ ли обосновывать права избранника Востокова на признаніе наукѣ, права на благодарную память потомства?... Высшаго признанія, какъ признаніе Востокова въ научныхъ интересахъ извѣстнаго порядка, не можетъ быть.

Итакъ, эпоха ожидавшихся крупныхъ дѣлъ для заточеннаго въ

* Тамъ же, 376.

** Тамъ же, 379.

Казани крупнаго слависта сформироваться не могла. Но Григоровичъ остался Григоровичемъ, не косымъ, а живымъ, и неблагоприятныя условия для дѣла не воспрепятствовали ему по прежнему являться предъ наукой глашатаемъ крупныхъ мыслей, т. е. продолжать свой обычай.

Къ такимъ свидѣтельствамъ его глубокаго ума и пониманія относятся его мысли о высокомъ историко-политическомъ значеніи самаго языка св. Кирилла, этого историческаго объединителя въ нашемъ быломъ, связующаго и возвышающаго насъ своею ролью въ исторической семьѣ арійскихъ народовъ, его мысли о начальномъ славянскомъ письмѣ, его попытка къ генетической систематизаціи церковно-славянской письменности,—его мысли объ изученіи церковно-славянскаго языка до появленія первой грамматики его. Небольшіе, но содержательные эти труды основывались исключительно на келейномъ изученіи своихъ союродныхъ. Въ нихъ, говоря его языкомъ, раскрывались новые виды для науки.* Для установки взгляда на нихъ достаточно указать, что исторія знаменитой теоріи Шафарика о славянскомъ письмѣ идетъ отъ казанскихъ мыслей Григоровича.

Мы видѣли, какъ давно уже глубокое знаніе Византіи отличало Григоровича. Открывши въ Вѣнѣ «Протоколы константинопольскаго патріархата», Григоровичъ тогда же замѣтилъ, что «византійскіе источники исторіи славянъ еще не совсѣмъ исчерпаны».** Продолженное изученіе византійцевъ и своихъ греческихъ памятниковъ въ періодъ тихой, но плодотворной преподавательской дѣятельности въ Казани вполне оправдало это замѣчаніе и стало отправною точкою для новаго направленія въ работахъ надъ исторіей южныхъ славянъ — о совмѣстномъ, но строгомъ, не романтическомъ изученіи Византіи и православнаго Юга, стало требованіемъ научнаго построенія исторіи.

Результатъ этихъ славяно-византійскихъ студій и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ модель для своихъ послѣдователей, Григоровичъ предложилъ въ рѣчи о Сербіи въ XIV столѣтіи, представители которой въ періодъ самостоятельности были «развращены всѣми пороками Византіи», а позже, въ эпоху турецкую, игрушкой въ рукахъ ловкаго ловца народовъ, іезуитской Австріи, этой ново-европейской Византіи. Если кто когда-либо напишетъ исторію многострадальнаго сербскаго народа отъ XIV по XVIII столѣтіе, то именно по программѣ Григоровича, при его освѣщеніи событій.

* «Опытъ», стр. 97.

** «Отчетъ казан. ун-ва—та за 1846—47 г.», стр. 29.

Наконецъ, Григоровичъ въ Одессѣ, которая видѣла его ребенкомъ и такъ полюбила его, освящаетъ своимъ авторитетомъ науку въ новомъ ея питомникѣ, но и въ этотъ послѣдній періодъ своей дѣятельности онъ является съ тѣмъ же творческимъ духомъ.

Какъ, человекъ глубокаго образованія, онъ несся на югъ, съ сладкими мыслями о томъ, какъ онъ наукою урегулируетъ отношенія сосѣдей, своихъ старыхъ, любимыхъ знакомцевъ: славянъ, грековъ, румынъ, сгладивъ ихъ взаимныя шереховатости, о томъ, какъ пробудить въ обществѣ широкія симпатіи къ мѣстнымъ изученіямъ, среди которыхъ ему грезилась возможность даже отыскать «лапидарные памятники» изъ эпохи до Кирилла, и новый свѣтъ озарить темные вѣка нашего Юга, исконнаго культурнаго питомца Византіи... Правда, онъ, въ разочарованіи, горько сѣтовалъ на «поганое равнодушіе, приправленное ироніей», на «испытанное жестокое отчужденіе», на разныхъ «благообразныхъ премниковъ» печенѣговъ, половцевъ, * — и тѣмъ не менѣе онъ не презрѣлъ завѣта науки, обѣта своей жизни, и работалъ, и работалъ, изслѣдуя географію края, его древности, его этнографію, языкъ, побуждая къ той же работѣ всякихъ людей малыхъ.

Самая смерть его застала его за попыткой открыть наукѣ доступъ къ наиболѣе заменутому элементу Юга — къ старовѣрамъ, но которые въ глазахъ его были какъ завидные обладатели литературной славянской старины...

Мм. Гг.!

Воскресилъ ли виновникъ сегодняшняго торжества, В. И. Григоровичъ, сокрытый во мракѣ былого духъ, жизнь нашего племени, его исторію, его слова, конечно, въ предѣлахъ, доступныхъ дѣятельности единичнаго человека,—на вопросъ этотъ, позволяемъ себѣ думать, исторія славянской науки можетъ дать одинъ отвѣтъ—положительный. Съ убѣжденіемъ исповѣдуемъ, что и половина того, что сдѣлано было для науки Григоровичемъ, была бы достаточно для увѣковѣченія въ потомствѣ памяти о немъ, объ этомъ возвышенномъ и благородномъ дѣятелѣ нашей земли, что духовный обзоръ его долго и долго носиться будетъ предъ лицомъ грядущихъ поколѣній.

Позволяемъ себѣ думать, что какъ долго будетъ живъ хоть одинъ языкъ славянской, не изсякнетъ признательное чувство къ виновнику сегодняшняго дня, а энергическій и симпатическій

* Не перечислить всѣхъ этихъ вличекъ въ работахъ его одесскаго періода и нельзя отказаться въ артистическомъ подборѣ ихъ!

образъ отважнаго изслѣдователя и идеальнаго человѣка науки, окруженный ореоломъ трудового величія, пребудеть источникомъ воодушевленія и подражанія для работниковъ науки среди нарастающихъ поколѣній, а въ самыхъ трудахъ ихъ — надежнымъ кормчимъ.

Имя избраннаго сына южно-русской земли, волею судебъ бездомнаго странника и почившаго смертью скудельничьей вблизи своей колыбели, крупными «рѣзами» начертано на страницахъ исторіи отечественной науки, въ трудную эпоху ея сложенія, а нашъ скромный памятникъ — дѣло мѣднаго трудового гроша — будетъ скромно свидѣтельствовать, что если обыкновенно людскія отношенія регулируются тяжелымъ, но отъ вѣка соблюдаемымъ правиломъ: нѣсть пророкъ безъ чести, токмо въ отечествіи и въ рожденіи своемъ, — то тѣмъ не менѣе бывають и отрадныя уклоненія, что имѣеть мѣсто временами и наступленіе моментовъ, которые отвѣчаютъ нравственному чувству и его умиряють.

Твердо вѣримъ, что въ скромному памятнику не заростеть народная тропа, хотя бы въ виду его и нельзя было бы еще произнести: «дѣлатель, достойный мзды своея»!

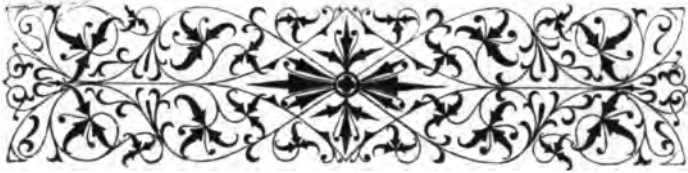
Александръ Кочубинскій

16 октября, пятница, 1892.

Въ виду Николаева, на пароходѣ «Аргонавтъ».

2 часа, 20 минутъ.

Чехія и Чехи

(Изъ путевыхъ замѣтокъ)

РЕДИ многихъ центровъ западнаго славянства Прага занимаетъ едва ли не исключительное мѣсто: у всѣхъ другихъ славянъ центры мѣнялись, да и въ настоящее время ихъ имѣется нѣсколько; не то у чеховъ. Съ древнѣйшихъ временъ и по настоящее Прага является единственнымъ средоточіемъ всѣхъ важнѣйшихъ вещественныхъ и нравственныхъ интересовъ чешскаго племени; это по истинѣ сердце Чехіи.

Чехи гордятся своей Прагой, называютъ ее «золотою», и дѣйствительно есть въ Прагѣ что-то особенное, дорогое не только для чеховъ, но и для другихъ славянъ. Каждый славянинъ, хоть немного знакомый съ исторіей славянства, подѣзжаетъ къ Прагѣ съ чувствомъ какого-то невольнаго уваженія. Это ставитъ Прагу до извѣстной степени наряду съ Киевомъ и Москвою; еще болѣе дополняетъ сходство немаловажное—религіозно-историческое значеніе чешской столицы.

Приближеніе къ Прагѣ особенно пріятно волнуетъ русскаго путешественника. Переѣхавъ австрійскую границу, онъ не сразу ориентируется въ окружающей его обстановкѣ. Съ одной стороны онъ находится въ положеніи тѣхъ русскихъ солдатъ, которые, слыша спасать Австрію въ 1849 г., долго не вѣрили, что они въ предѣлахъ чужого государства; съ другой—многое весьма недвусмысленно разрушаетъ эту пріятную иллюзію. Такая неопредѣленность положенія чувствуется невольно, и какъ ни быстро мчится поѣздъ, она все-таки тяготитъ. Въ Прагѣ досадливое чувство пропадаетъ очень скоро, не скажу—сразу, ибо и здѣсь по неопытности легко натолкнуться на нѣмцевъ вмѣсто чеховъ и так. обр. лишиться сладости перваго впечатлѣнія. Такъ именно случилось со мною. Я остано-

вился въ ближайшей отъ вокзала гост-цѣ «Grand Hôtelъ», исключительно нѣмецкой; спросилъ карту купаній—чешской не оказалось; на вопросъ—развѣ здѣсь не говорятъ по-чешски—мнѣ отвѣтили, пожимая плечами, что по-чешски говорятъ только «gemeine Leute». Мнѣ невозможно было причислить себя къ нимъ просто потому, что по-чешски я не говорилъ, а за позднимъ временемъ нельзя было мѣнять гостиницу. Досадливое чувство не сразу пропало и на другой день. Рано утромъ я вышелъ на Рѣкору (гл. улица города); кругомъ—кажъ по крайней мѣрѣ мнѣ казалось—раздавалась нѣмецкая рѣчь; въ кофейнѣ тоже всѣ говорили по-нѣмецки. Я готовъ былъ думать, что возродившаяся Чехія—миръ, что чехи попрежнему болѣе «дейчъ-беми», чѣмъ славяне, и въ весьма грустномъ настроеніи отправился къ настоятелю пражской церкви. Радусіе почтеннаго о. протоіерея успокоило меня, понемногу разсѣялись мои недоумѣнія. Именно въ подобныхъ случаяхъ особенно чувствуется значеніе родного очага за границей. То чувство сиротства, какое охватываетъ каждого русскаго во многихъ славянскихъ городахъ Австріи, гдѣ по желанію австрійскаго правительства не имѣется рѣшительно никакого оффиціального представителя Россіи и гдѣ, слѣдовательно, русскій человѣкъ вполнѣ беззащитенъ,—чувство, незнакомое гражданамъ даже многихъ третьестепенныхъ европ. государствъ и, конечно, чрезвычайно обидное для гражданина великаго государства, ослабѣваетъ въ Прагѣ, именно благодаря тому, что здѣсь имѣется представитель правосл. русской церкви, хотя бы даже оффиціально безправный и вполнѣ бессильный. Слѣдуетъ очень радоваться постройкѣ правосл. русской церкви во Франціи, но, кажется, славянскія земли Австріи должны бы составлять предметъ еще большей нашей заботливости въ этомъ отношеніи.

Видъ чешской столицы производитъ на пріѣзжаго очень пріятное впечатлѣніе. Городъ расположенъ весьма удачно, смотритъ въ общемъ не только красиво, но даже щеголевато, за исключеніемъ конечно отдаленныхъ и бѣдныхъ кварталовъ, въ родѣ Жижкова. Почти посерединѣ протекаетъ Волтава, набережная которой, особенно на пространствѣ отъ жофинскаго до знаменитаго карлова моста, представляетъ прекрасное мѣсто гулянья, съ красивыми видами по обѣимъ сторонамъ, особенно на Градчаны. Вообще, насчетъ видовъ Прага можетъ поспорить съ многими городами: съ Градчанъ, съ Петржина, съ Летны, съ Жижковой горы открывается весьма своеобразная панорама, способная всецѣло приковать ваше вниманіе.

Нечего и говорить о богатствѣ историческихъ памятниковъ; но это сторона очень грустная, невольно возбуждающая мысли объ особенномъ положеніи славянства въ Европѣ. Въ самомъ дѣлѣ, при Карлѣ IV и затѣмъ еще при Рудольфѣ II, Прага была однимъ изъ

наиболѣе богатыхъ городовъ Евроны — особенно памятниками искусствъ. Однѣ коллекціи Рудольфа оцѣнивались въ 17 мил. гульденовъ, но именно отъ нихъ въ Прагѣ не осталось даже жалкихъ слѣдовъ. Со времени бѣлогорской битвы Прага стала предметомъ усиленнаго грабежа: Максимилианъ баварскій вывезъ изъ нея 1500 возовъ сокровищъ; въ 1632 г. саксонскій курфюрстъ Іоаннъ Георгъ увезъ еще 50 возовъ; наконецъ въ 1648 г. много пограбилъ шведскій генераль гр. Кенигсмаркъ. Грабительства эти касались гл. обр. рудольфовыхъ художественныхъ коллекцій, которыя послужили основаніемъ знаменитыхъ галлерей въ Мюнхенѣ и Дрезденѣ, отчасти и въ Стокгольмѣ. Затѣмъ настала пора іезуитовъ; они набросились на памятники гуситской эпохи: великолѣпные канціоналы и градуалы, напр. соботецкій и младо-болеславскій пострадали ужасно; изъ нихъ старательно было вырвано все, что сколько нибудь напоминало о гуситствѣ или утраквизмѣ; іезуиты употребили всѣ усилія, чтобы уничтожить въ памяти народа славнѣйшую страницу его исторіи. Тоже продолжалось и при Іосифѣ II, когда была напр. уничтожена знаменитая виоелемская часовня.

Исторія храма свято-витскаго, одного изъ прекраснѣйшихъ памятниковъ готики, возобновляемаго лишь теперь, и карлова тына, въ незначительной части возстановленнаго лишь въ нынѣшнемъ году—лучшая иллюстрація духовнаго положенія Чехіи до послѣдняго времени. Съ уничтоженіемъ виоелемской часовни о Гусѣ напоминаютъ въ Прагѣ лишь нѣсколько улицъ, носящихъ его имя, доска на одномъ изъ домовъ съ надписью, гласящей, что здѣсь нѣкогда жилъ виоелемскій проповѣдникъ, да кольцо, по преданію бывшее на дверяхъ его квартиры.

На карловомъ мосту стоятъ скульптурныя произведенія іезуитской эпохи съ Яномъ Непомукомъ во главѣ, а свято-витскій храмъ безобразится безвкуснымъ гробомъ этого святого, гдѣ между прочимъ показывается его языкъ—въ данномъ случаѣ символъ молчанія! Къ этому языку стекаются теперь благочестивые паломники со всѣхъ концовъ Чехіи, еще больше изъ Моравіи и Слезіи. Гробъ славнѣйшаго чешскаго короля Юрія нельзя видѣть; вамъ скажутъ только, что онъ поконится въ подземномъ склепѣ посреди храма въ т. наз. «королевскомъ мавзолеѣ» и что вмѣстѣ съ нимъ почиваютъ Карлъ IV, Фердинандъ I, Максимилианъ II. Іезуитская рука не посмѣла коснуться праха короля-утраквиста; онъ стался въ королевскихъ гробахъ, но вы невольно задумаетесь надъ его сосѣдствомъ. Тяжелое прошлое!... Я былъ въ свято-витскомъ храмѣ въ день Благовѣщенія: кардинальское служеніе, масса духовенства, но храмъ устойчив; были, очевидно, только любопытные. Меня вообще поражала

пустота пражскихъ храмовъ. Чтобы понять ее, нужно имѣть въ виду, что съ каждаго пунета свято-витскаго храма вы видите гробъ Непомука; въ другихъ храмахъ его статуи, а что говорить Непомуку чувству и уму чеха? И вотъ чешскій крестьянинъ, прїѣзжая въ Прагу непременно побываетъ въ народномъ театрѣ, но рѣдко заглянетъ въ главную чешскую святыню. Въ деревняхъ, конечно, въ костелъ ходятъ, но обыкновенно во время службы читаютъ молитвенникъ, а по окончаніи вмѣстѣ со священникомъ читаютъ по нѣскольку разъ «Отче нашъ» и «Богородице Дѣво, радуйся»; священникъ говоритъ первую половину, народъ доканчиваетъ. Это собственно единственный моментъ, когда народъ участвуетъ въ церковной молитвѣ.

Тяжелое и какое-то крайне неопредѣленное впечатлѣніе производитъ и королевскій дворецъ. Изъ того, что обыкновенно показываютъ посѣтителемъ, вы обратите вниманіе развѣ на окно, изъ котораго были выброшены Мартиницъ и Славата. Посмотрите конечно портреты Габсбурговъ: больше нѣтъ ничего. Вы почувствуете полное отсутствіе заботливой любящей руки и съ трудомъ повѣрите, что только въ 1875 г. умеръ жившій въ Прагѣ Фердинандъ, котораго чехи любили и называли «добрымъ»; вамъ покажется, что давно-давно дворецъ предоставленъ вѣдѣнію однихъ сторожей. Лишне и говорить, что ничего собственно чешскаго вы здѣсь не найдете.

На Прагѣ ярко отражается тяжелая исторія и ненормальное положеніе чешскаго народа. Прагу я сравнилъ съ Москвою и Киевомъ. Это сходство отмѣтила, кстати сказать, покойная Императрица въ разговорѣ съ Ригромъ, но именно въ Прагѣ вполне чувствуешь, что татарская дикость уничтожаетъ гораздо меньше, чѣмъ іезуитское бездушіе и культурная или племенная ненависть. Въ этомъ отношеніи Прага невольно напоминаетъ Вильну. Это не значитъ, чтобы въ Прагѣ ничего не уцѣлѣло отъ старины; старины въ ней много—прежде всего храмы, особенно храмъ св. Юрія (рядомъ съ свято-витскимъ), гдѣ покоятся мощи св. Людмилы. Этотъ прекрасный строго-романскій памятникъ переноситъ васъ въ лучшія до-нѣмецкія времена Чехіи и памятью святой здѣсь почивающей и своимъ стилемъ. Памятниковъ XIV в., особенно отъ времени Карла, немало, и вообще его печать чувствуется здѣсь и теперь въ такой же степени, какъ напр. во Владимірѣ—Андрея Боголюбскаго. Только въ Прагѣ и можно понять, почему чехи даже теперь продолжаютъ называть Карла «отцомъ отечества». Повторяю, памятниковъ старины въ Прагѣ немало, но именно здѣсь сказалась разрушительная тонкость западныхъ культуртрегеровъ на славянской почвѣ: все типичное, самобытное (эпоха гуситства) вытравлено вполне, остальное до такой

степени покрыто римско-католической окраской, что подъ нею не разглядѣть коренной основы. Значительная часть памятниковъ реставрируется съ строгимъ соблюденіемъ древняго стиля. Умѣлая реставрація, удачное расположеніе города поражаютъ ту гармонию старины съ современностью, какую вы опять таки испытываете напр. въ Москвѣ и Кіевѣ и какой совсѣмъ нѣтъ въ Краковѣ. Краковъ—гробъ, и только. Пробыть въ немъ день, два — интересно, прожить мѣсяць—невыносимо: чувство смерти рѣшительно подавляетъ васъ. Въ Прагѣ вы не испытываете этого подавляющаго чувства. Напротивъ, видъ ея заключаетъ въ себѣ что-то бодрящее, жизнерадостное. Гуляя на Пржиковыхъ и фердинандской (это главныя улицы), вы невольно остановитесь противъ вацлавской улицы. Предъ вами новый «Музей чешскаго королевства», грандіозное и чудное зданіе, господствующее надъ всѣмъ городомъ. Ярко блестятъ купола Музея виднѣясь почти со всѣхъ концовъ города. Это дѣйствительно чешскій маякъ! Пройдете нѣсколько шаговъ по направленію къ «пороховой башнѣ», и вы увидите старое зданіе Музея, бѣдное и мрачное. Оба эти зданія—наглядная иллюстрація недавней и теперешней Чехіи.

На углу фердинандской и набережной стоитъ Divadlo (народный театръ). Новый музей и театръ построены исключительно на частныя средства, на чешскіе гроши. На нихъ не было отпущено ни одного правительственнаго крейдера. Чехи справедливо гордятся ими и любятъ указывать пріѣзжимъ на надпись въ театрѣ «Národ sobě», которая съ такимъ же правомъ можетъ быть примѣнена и къ музею. Любимая опера въ Прагѣ—«Евгеній Онѣгинъ». Говорятъ, Чайковскій остался вполне доволенъ постановкой своей оперы, что всего лучше рекомендуетъ чешскую труппу. Представленія Онѣгина даютъ всегда полныя сборы, опера играется часто, и это какъ бы переноситъ васъ въ Россію.

Впрочемъ не одно это. Русскій человекъ чувствуетъ себя въ Прагѣ не совсѣмъ на чужбинѣ. Связи между Прагой и Россіей установились давно; въ значительной степени онѣ содѣйствовали славянскому пробужденію и возрожденію Чехіи. Познакомились и близко сошлись русскіе съ чехами въ 1813 г. Пребываніе русской арміи въ Болеславскѣ до сихъ поръ осталось въ живой памяти народа. Но и на представителей чешской интеллигенціи знакомство съ русскими произвело тоже сильное впечатлѣніе. Францъ Ветешникъ уже въ то время сталъ переводить русскія стихотворенія, а Юнгманъ писалъ къ Марку: «ja pilně govori s Rusy», и указывалъ на великое значеніе этого взаимнаго знакомства. Къ русскимъ раненымъ пражане относились съ такимъ сердечнымъ участіемъ, что Имп.

Александръ рескриптомъ на имя тогдашняго намѣстника, гр. Коловрата, выразилъ имъ свою глубокую благодарность. *

На славянскомъ съѣздѣ 48 г. русско-чешскія симпатіи, правда, не выразились столь ярко, какъ бы слѣдовало ожидать, но во всякомъ случаѣ это не вина чешскаго народа. Что онъ твердо помнилъ русскихъ—лучше всего доказываетъ та особенная заботливость австр. правительства, съ которой оно выпроваживало своихъ спасителей русскихъ въ 49 г. кратчайшимъ путемъ на родину. Русскимъ строго было воспрещено посѣщать Чехію. Нѣкоторые офицеры, желавшіе повидать Прагу, должны были брать паспортъ въ Италію и лишь на обратномъ пути могли завернуть въ Чехію. Нечего говорить о поѣздкѣ чеховъ въ Москву 1867 г. Объ этомъ моментѣ русско-чешскихъ отношеній многіе до сихъ поръ вспоминаютъ съ восторгомъ. Сильный подъемъ славянскаго чувства произвела въ Прагѣ послѣдняя славянская борьба съ турками, а когда, вскорѣ послѣ этого, въ Прагу пріѣхалъ ген. М. Г. Черняевъ, ему устроили блестящую овацію, хотя, конечно, не было сомнѣнія, что полиція не пропуститъ этого безнаказанно.

Явное выраженіе русскихъ симпатій въ Прагѣ представляютъ весьма нерѣдкія русскія надписи на вывѣскахъ. Какъ-ни-какъ, ихъ нельзя объяснять торговыми расчетами, тѣмъ болѣе что на покупателей нѣмцевъ онѣ не могутъ дѣйствовать притягательно. Чехи, вообще, холодны и сдержаны, но при встрѣчахъ съ русскими

* Считаю не лишнимъ привести этотъ рескриптъ:

Herrn Oberstburggraf Graf Collowrat. Mit dankbarer Rührung habe ich di so eifrige Sorgfalt, die so wohlwollende, menschenfreundliche Aufnahme erfahren welche meine verwundeten Krieger in Prag gefunden haben. Ich fühle mich gedrungen den Bewohnern dieser alten Hauptstadt zu erkennen zu geben, wie sehr ich den Werth eines Betragens zu schätzen weiss, welches ihrem Patriotismus und ihrem Herzen Ehre macht.

Ich ersuche Sie, Herr Oberstburggraf, Ihnen diese meine Gesinnungen bekannt zu machen. Ertheilen Sie ihm die Versicherung, dass jeder ohne Unterschied des Ranges wenn er unter seine Fahnen zurückkehrt, mit erneuestem Muthekampfen werde, indem er sich an die Hand erinnert, die ihn heilte. So wird der Gemeindgeist gestärkt und jener Bund befestigt, welcher für das Glück und die Ruhe Europas geschlossen den Triumpf der edelsten, gerechtesten und uneigennützigsten Sache verbürgt. Derjenige, Herr Oberstburggraf, welcher an der Spitze der Verwaltung stehe mit dem Adel und den übrigen Ständen gleichen Ausspruch auf meine Erkenntlichkeit die ich hiermit öffentlich bezeuge zu machen hat. Das Beispiel der Regierung ist die mächtigste Triebfeder in grossen Angelegenheiten; es bedarf daher keiner weiteren Versicherung, dass sie Herr Oberstburggraf sich meine ganze Achtung und Zuneigung erworben haben.

Töplitz, den 17/29 September 813.

Alexander.

этотъ обычный холодъ какъ-то естественно смѣняется славянскою задушевностью. Чехъ оживляется и непременно скажетъ хоть одно словопо-русски. Мало того, въ Прагѣ теперь вовсе не рѣдкоеть встрѣтить чеха, хорошо знакомаго съ русскимъ языкомъ. Съ 1881 года здѣсь существуетъ «русскій кружокъ, цѣль котораго практическое изученіе русскаго языка и вообще знакомство съ русской исторіей, литературой и жизнью. Члены собираются еженедѣльно; читаются русскія произведенія; случается иногда, что русскій гость скажетъ живое слово,—темы въ такомъ случаѣ берутся обыкновенно литературныя или научныя, а то просто прочтеть что-нибудь по книгѣ «Кружокъ» получаетъ русскія газеты и журналы. Впрочемъ эта фраза можетъ ввести читателя въ заблужденіе. Правильно получаютъ только два журнала: «Русская Мысль» и «Историческій Вѣстникъ», получается и «Правда», но австрійская цензура нѣкоторые номера не пропускаетъ. Что же касается другихъ журналовъ, то, къ сожалѣнію, прежде, въ 70-хъ—80-хъ гг., было много лучше. Члены «Русскаго кружка» особенно жалѣютъ о прекращеніи присылки «Русскаго Вѣстника». Онъ имѣется полностью съ 1857—87 г. Долгъ новой редакціи — поддержать добрыя традиціи Каткова. Неакуратно получаютъ и «Кіевская Старина», и «Кіевскія Универс. Извѣстія», и «Странникъ», и «Христ. Чтеніе». На чей счетъ слѣдуетъ отнести эту неакуратность—неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ это фактъ очень грустный. Книги требуются усердно, читаются внимательно. При правильности чтенія могла бы образоваться привычка, могла бы наконецъ оказаться возможность платить подписныя деньги. Оставляя въ сторонѣ нравственное обязательство по крайней мѣрѣ крупныхъ русскихъ журналовъ, на мой взглядъ, посылать ихъ въ Прагу прямой расчетъ. Членовъ «Кружка» больше 100 (1 почетный, 12 учредителей, 101 дѣйствительныхъ). Все это большей частью или лица совершенно независимыя, т. е. матерьяльно обезпеченныя, или люди свободныхъ профессій, т. е. опять таки независимыя отъ правительственныхъ вліяній и не считающіе нужнымъ съ ними сообразоваться. Значеніе этихъ вліяній сильно сказывается: чиновники, даже учителя, или по тамошнему, профессора гимназій положительно не смѣютъ посѣщать «Русск. кружка». Это немедленно отразилось бы на ихъ служебномъ положеніи. «Русскій кружокъ» при всей своей невинности считается самымъ подозрительнымъ обществомъ въ Прагѣ. Если онъ однако насчитываетъ свыше 100 членовъ, то это лучше всего доказываетъ, что «Кружокъ» представляетъ серьезное проявленіе дѣйствительной жизненной потребности. Поддерживать ее по мѣрѣ силъ и возможности—святая обязанность каждаго русскаго. Вотъ почему мы съ особенной настойчивостью рекомендуемъ «Кру-

жокъ» всѣмъ русскимъ, посѣщающимъ Прагу. Посѣщеніе его для русскаго путешественника можетъ быть не только пріятно, но и полезно: онъ не только познакомится сразу съ чехами, войдетъ, такъ сказать, въ ихъ общество, но и можетъ получить полезныя практическія указанія.

Кромѣ «Кружка» русскія газеты и журналы попадаютъ и въ студенческихъ обществахъ, напр. въ «Славіи», гдѣ они читаются не менѣе усердно. Впрочемъ это общество, имѣющее большую вывѣску кириллицею, отличается скорѣе австрійскимъ, чѣмъ славянскимъ духомъ. Видимая подозрительность, съ которой относится къ нему австрійская полиція, едвали не средство рекомендовать, особенно въ глазахъ молодежи, его якобы славянское направленіе.

Въ видахъ ознакомленія съ русской литературой широкихъ круговъ чешскаго общества предпринято въ послѣдніе годы изданіе «Русской бібліотеки». Мысль изданія принадлежитъ Я. К. Грубому, долго жившему въ Россіи и вывезшему отсюда и основательное знакомство съ русскимъ народомъ, и глубокія къ нему симпатіи. Я. К. завѣдуетъ общей редакціей изданія и кромѣ того переводитъ Достоевскаго. Въ настоящее время вышло уже 14 изящныхъ выпусковъ, заключающихъ главнѣйшія произведенія Достоевскаго, Толстого, Тургенева. Едвали нужно отмѣчать, что русская бібліотека пользуется большими симпатіями чешскаго общества. Если къ этому прибавить, что въ чешскъмъ Музеѣ вы найдете почти всѣ важнѣйшія произведенія русской научной литературы по отдѣлу славяно-русской филологіи и исторіи, что здѣсь вы найдете любезнаго и надежнаго руководителя въ лицѣ бібліотекаря А. И. Патеры, большого знатока западно-славянскихъ архивовъ, участника чешской депутаціи въ Москву 1867 г. и вдобавокъ precisely владѣющаго русскимъ языкомъ, то окажется не мало данныхъ, способныхъ дѣйствовать на русскаго человека въ Прагѣ только пріятно.

Я вѣрнулся въ Прагу въ концѣ февраля. Засѣдалъ сеймъ, готовились празднества въ честь Я. А. Коменскаго. Болѣе благоприятныхъ данныхъ для знакомства съ условіями чешской общественной жизни, конечно, нелья было и желать. На очереди стоялъ вопросъ первостепенной для чеховъ важности: окончательная санкція чешско-нѣмецкаго соглашенія. Читатели «Славянскаго Обзорнія» знакомы по «Лѣтписи» его съ ходомъ этого вопроса какъ въ земскомъ (чешскъмъ), такъ и въ имперскомъ сеймахъ. На засѣданіи чешскаго сейма я былъ всего одинъ разъ: отчетъ о дѣлахъ его мнѣ слѣд. пришлось бы составлять по газетамъ, что было бы, конечно, утомительнымъ и вто, емъ извѣстнаго. Ограничусь сообщеніемъ главнѣйшихъ общахъ впечатлѣній отъ видѣннаго и слышаннаго,

а также приведу нѣкоторыя историческія справки, насколько онѣ необходимы для уразумѣнія вопроса.

Послѣдніе выборы въ сеймъ ознаменовались полнымъ поражениемъ т. наз. старочешской партіи, вслѣдствіе чего самъ Ригеръ, бывшій втеченіе слишкомъ 40 лѣтъ политическимъ вождемъ чешскаго народа, долженъ былъ сойти съ политической сцены. Старочехи, конечно, еще существуютъ; многіе изъ нихъ занимаютъ видныя и вліятельныя посты въ городскомъ совѣтѣ (гдѣ впрочемъ въ самое послѣднее время тоже усилились младочехи), въ земскомъ выборѣ, но общественный кредитъ, довѣріе народа они уже безвозвратно потеряли. Изъ 95 человекъ народныхъ депутатовъ сейма считается около 30 старочеховъ, но достаточно указать на то, что лишь немногіе изъ нихъ рѣшились давать обычный отчетъ своимъ избирателямъ, да и то эти отчеты не носили публичнаго характера, происходили при закрытыхъ дверяхъ, чтобы убѣдиться, что и сами старочехи считаютъ свое дѣло безнадежно проиграннымъ. Фактъ этотъ ярче всего указываетъ на рѣшительный поворотъ въ образѣ мыслей и настроеніи чешскаго народа. Чтобы понять все его значеніе, нужно уяснить себѣ самый смыслъ старочехизма. Личность Ригра, т. е. собственно его взгляды и идеалы, представляетъ для этой цѣли наиболѣе подходящую иллюстрацію. Пробѣгите «Рѣчи» Ригра, изданныя подъ редакціей проф. Калоуска, вы убѣдитесь, что нынѣшніе представители чешскаго народа, даже самыя крайніе, не говорятъ ничего новаго по одному изъ наиболѣе волнующихъ чеховъ вопросовъ, о т. наз. правѣ чешской короны. Даже знаменитая рѣчь Юлія Грегра (5-го апрѣля нынѣшняго года), которому принадлежитъ честь точной справки съ основами прагматической санкціи, отличается только болѣе точной формулировкой ея положеній. Членія и желанія чешскаго народа въ этомъ отношеніи давно, многократно и краснорѣчиво были высказаны и формулированы Ригромъ, и—повторяю—современные младочешскіе дѣятели ничего новаго не прибавили, кромѣ нѣсколькихъ выдержекъ изъ подлиннаго акта Карла VI. Так. обр. въ основномъ взглядѣ на положеніе и задачи чеховъ въ имперіи нѣтъ собственно разницы между старо-и-младочехами: тѣ и другіе одинаково желаютъ возстановленія правъ чешскаго королевства. Чешско-нѣмецкое соглашеніе, правда, сильно скомпрометировало политическую прозорливость старочеховъ, но въ концѣ концовъ и они, и даже чешскіе магнаты отступились отъ него. Чешскій народъ, заявивъ рѣшительно свою волю, могъ бы, пожалуй, предоставить веденіе дѣлъ и прежнимъ бойцамъ, еслибы не призналъ полной негодности иль основныхъ принциповъ и руководящихъ идей. То и другое вынесено старочехами еще изъ событій

48-го года. Знаменитая фраза Палацкаго о необходимости Австріи для западныхъ славянъ стала священнымъ завѣтомъ для ближайшаго къ нему человѣка и политическаго преемника, Ригера. Еще въ декабрѣ 86 г. на засѣданіи чешскаго сейма Ригеръ безъ малѣйшихъ сомнѣній разъяснялъ міровую задачу Австріи—служить щитомъ мелкихъ народностей, расположенныхъ между двумя волоссами, русскимъ и нѣмецкимъ; а на юбилейномъ празднествѣ Чешской Матицы въ Пардубицахъ 1890 г. онъ же формулировалъ историческую миссію чеховъ—нести западную, нѣмецкую культуру на варварскій славянскій Востокъ. По Ригру чехи достигаютъ своей задачи, культивируя Боснію, Сербію, Болгарію (почему же и не Россію, и пр. на Волыни?). «Славянская мысль, говоритъ по этому поводу одинъ чешскій писатель, никогда не была въ Чехіи такъ рѣзко поругана». Дѣйствительно, Ригеръ подавалъ этимъ заявленіемъ руку краковскимъ станьчикамъ. Еслибы Ригру удалось убѣдить въ этомъ чешскій народъ, то чехи окончательно стали бы такими же культурно-экономическими мамелюками Австріи, какими въ религіозномъ отношеніи являются поляки. Чехи, наравнѣ съ поляками, должны были бы употребить свои лучшія силы на осуществленіе въ сущности бессмысленнаго въ приложеніи къ славянскимъ народамъ Австріи таафовскаго лозунга: «viribus unitis!»—съ одной стороны, ad maiorem gloriam іезуитскаго бога, съ другой, конечно, pour le roi de Prusse. Палацкій первый формулировалъ историческое призваніе Австріи. Въ своемъ протестѣ противъ франкфуртскаго сейма онъ несомнѣнно былъ болѣе «ракушаниномъ», чѣмъ самъ представитель Ракусь. Онъ создалъ идею; менѣе «вздѣланные» народы проливали за нее кровь. (Елачичъ). Это было въ 1848 г. Въ виду тогдашней Россіи можно, пожалуй, и не особенно винить Палацкаго. Онъ умеръ наканунѣ великой освободительной славянской войны; жертвъ Россіи для славянства онъ не видѣлъ. На Ригера же онъ не дѣйствовали... При всей своей политической опытности Ригеръ давно отсталъ отъ своего народа. Уже въ 1868 г. у подошвы знаменитаго Рипа собрался чешскій «таборъ»; участниковъ было около 20 тысячъ. Резолюціи этого табора знаменательны; въ ихъ стилизаціи слышатся отзвуки старыхъ гуситскихъ временъ. «Хотимъ быть на своей родинѣ счастливы и свободны, какъ были наши отцы. Хотимъ, чтобы свободный и славный нѣкогда чешскій народъ сталъ опять господиномъ своего положенія, рѣшалъ свои дѣла исключительно самъ съ вѣнчанымъ своимъ королемъ. Хотимъ, чтобы въ Чехіи не имѣлъ значенія другой законъ, кромѣ выработаннаго на сеймѣ и утвержденнаго чешскимъ королемъ. Хотимъ, чтобы въ Чехіи безъ согласнаго рѣшенія сейма и короля не налагалась никакая

дань, не собиралось никакое войско. Чтобы так. обр. было возобновлено наше историческое право—знамя свободы, самостоятельности и независимости славнаго чешскаго королевства, единственная основа нашей счастливой будущности, силы и благосостоянія. Добиться этого желаемъ всѣми силами твердой воли и глубокаго убѣжденія». Окончательная формулировка постулатовъ этого заявленія: 1) распушеніе сейма; 2) росписаніе новыхъ выборовъ на основаніи всеобщаго голосованія; 3) выработка устава, подобнаго угорскому. Позднѣйшая т. наз. «декларация» и «основоположенія»—все это плодъ политической мудрости народныхъ вождей, долженствовавшихъ приводить въ исполненіе заявленныя народомъ чаянія. Можно думать, что всѣ эти проявленія политической мудрости не удовлетворяли народъ, подготовляли въ немъ глухое недовольство, выразившееся окончательно только по случаю явнаго и грубаго посягновенія на самое его существованіе. Только «пунетаціи» окончательно уяснили народу то, что прежде лишь чувствовалось, дали возможность понять, что значать торжественныя провозглашенія Австріи «поддерживать благороднѣйшія стремленія всѣхъ народовъ къ высшему развитію»,—служить оградой правъ земель и народовъ, щитомъ правъ и истинной свободы». Народъ росъ матеріально и духовно, старочешскіе вожди, по прежнему, повторяли подсказываемые Вѣной идеалы. Так. обр. старочехи—представители того официальнаго австрійскаго славизма, который теперь такъ блистательно обнаружился въ политической дѣятельности галицкихъ «рутенонъ», къ укрѣпленію котораго среди славянства нѣмцы стремились неуклонно втеченіе 1000 лѣтъ. Программа его всего опредѣленнѣе формулирована бар. Брукомъ (*Die Aufgaben Oesterreichs*), и сообразно этой программѣ австр. правительство съ такимъ же восторгомъ привѣтствовало бы попытки къ образованію отдѣльныхъ боснійскаго, герцеговинскаго, ганацкаго языковъ «для удовлетворенія благороднѣйшихъ стремленій къ высшему развитію», съ какимъ теперь привѣтствуетъ образованіе «насъкого» языка и его фонетики въ русской Галичинѣ.

На старочехахъ всего ярче обнаружилось вѣковое духовное рабство чешскаго народа, благодаря нѣмецкой наукѣ, школѣ и вообще нѣмецкой обстановкѣ чешской жизни, не прекратившееся даже тогда, когда чехи стали открыто считать себя не только «наивздланнѣйшимъ, наипокрочилѣйшимъ» славянскимъ народомъ, но и единственнымъ, а по крайней мѣрѣ, главнѣйшимъ центромъ славянскаго созванія. Старочехи—представители славянской безличности. Они много толкуютъ о славянствѣ и его интересахъ, а въ то же время способны руководиться идеалами Шмерлинга и Таафе. Если чешскій народъ отвернулся отъ нихъ—это свидѣтельствуетъ о силахъ

его, объ его дѣйствительно славянскомъ чувствѣ, котораго нѣмцамъ не убить, не вытравить. Чувство это, безъ сомнѣнія, питается крѣпкими историческими завѣтами, хранящимися въ недоступныхъ для наблюденія тайникахъ народнаго духа, но, можно думать, на освѣженіе его подѣйствовало и недавнее оживленіе русско-чешскихъ отношеній, выразившееся въ призывѣ на русскую службу значительнаго числа чешскихъ педагоговъ и въ чешской колонизаціи въ Россіи, особенно на Воляни. Со специально русской точки зрѣнія на эти факты можно смотрѣть различно; но въ смыслѣ укрѣпленія нравственныхъ связей чешскаго народа, въ смыслѣ расширенія чешскаго горизонта и освѣженія спертаго чешскаго воздуха эти факты подѣйствовали несомнѣнно положительно. Проживъ полтора мѣсяца въ чешской деревнѣ, беру на себя смѣлость утверждать это. Втеченіе этого сравнительно очень короткаго срока я встрѣтилъ нѣсколько лицъ, то имѣющихъ родныхъ въ Россіи на службѣ, поддерживающихъ съ ними постоянныя сношенія, то бывавшихъ въ Россіи или по дѣламъ или гостившихъ тамъ у родныхъ и знакомыхъ. Всѣ они отзываются о Россіи съ восторгомъ, и въ этомъ я рѣшительно не могъ усматривать какой-нибудь любезности по отношенію ко мнѣ; ибо они нисколько не скрывали и того, что на нихъ подѣйствовало неприятно. Ихъ впечатлѣнія и наблюденія служили долгое время общей темой деревенскихъ разговоровъ; свою долю значенія они несомнѣнно имѣли. И это обстоятельство слѣд. должно причислить къ тѣмъ положительнымъ вліяніямъ на Чехію, о которыхъ было говорено выше.

Славянское чувство и славянское настроеніе чешскаго народа не могутъ подлежать сомнѣнію. Оправдаютъ ли народное довѣріе теперешніе младочешскіе вожди — покажетъ будущее. Несомнѣнно только одно: и чешская интеллигенція и подростъ ея оставляютъ желать очень многого по разнымъ причинамъ и въ разныхъ отношеніяхъ. Первая и теперь, несмотря на громко заявленный и даже оправдываемый фактами чешскій патріотизмъ, не только по вкусамъ и привычкамъ, но во многомъ даже по понятіямъ совершенно нѣмецкая. Ни у одного народа нѣтъ интеллигенціи въ такой степени двуязычной, какъ у чеховъ. Чехъ говоритъ по-нѣмецки и думаетъ по-нѣмецки; какъ думаетъ онъ говоря по-чешски, лучше всего доказываетъ синтаксическій строй чешскаго языка. Быть можетъ, чехамъ удастся измѣнить и его; во всякомъ случаѣ это гораздо труднѣе, чѣмъ изобрѣсти отдѣльныя слова взаимъ нѣмецкихъ. Этой двуязычностью обуславливается для чешской интеллигенціи легкость, такъ сказать незамѣтность перехода съ одного языка на другой. До сихъ поръ я считалъ эту черту дурной привычкой русской интел-

лигенціи; проживъ нѣсколько мѣсяцевъ въ чешской деревнѣ, я убѣдился, что отъ нея въ несравненно большей мѣрѣ не свободны и чехи. Этой двуязычностью объясняется во первыхъ крайняя ненадежность племенныхъ цифръ австрійской статистики, ибо значительная часть чешскихъ рабочихъ въ нѣмецкихъ фабричныхъ округахъ записывается въ число нѣмцевъ; во вторыхъ—что не менѣе важно—ею же объясняется незамѣтность значительнаго числа чеховъ въ верхней и нижней Австріи и Вѣнѣ. Особенно прекрасная половина чешскаго общества настроена гораздо менѣе патриотично, чѣмъ мужчины. Отъ нѣсколькихъ нѣжныхъ чешскихъ маменокъ мнѣ пришлось слышать заботливыя опасенія за будущее сыновей, обучающихся лишь по-чешски: «вѣдь съ чешскимъ языкомъ далеко не зайдешь!»—«Учите ихъ по-русски», говорилъ я, но лицо нѣжныхъ маменокъ принимало обиженное выраженіе:—«Съ вами-де говорятъ серьезно, а вы глупости»... Вопросъ о женскомъ образованіи долженъ бы обратить серьезное вниманіе чеховъ. Къ чести чеховъ, они уже начинаютъ понимать это. К. Адамекъ, напр., въ числѣ слабыхъ сторонъ чешской общественности, ставитъ отсутствіе чешскихъ женщинъ на полѣ національнаго боя наряду съ такимъ же отсутствіемъ шляхты, высшей іерархіи и бюрократіи (*Z naší doby*. IV, 153). Понемногу отъ словъ переходятъ и къ дѣлу для устранения зла. Въ Прагѣ учреждена женская гимназія съ полной программой мужскихъ гимназій для открытія женщинамъ доступа къ высшему образованію. Я видѣлъ чешскихъ дѣвицъ не только теоретически, но и практически знакомыхъ съ русскимъ языкомъ. Онѣ усердно знакомятся съ русской литературой, и то обаяніе, которое оказываютъ на нихъ лучшіе русскіе женскіе типы, несомнѣнно общается въ будущемъ очень много. Что касается привлеченія въ чешскіе кадры шляхты, высшей іерархіи и бюрократіи, то на это при обычномъ ходѣ дѣлъ нельзя надѣяться даже въ отдаленномъ будущемъ. О бюрократіи нечего и говорить. Кстати: трудно и представить себѣ, въ какой нравственной зависимости находится чехъ, состоящій на австрійской государственной службѣ. Не только административные чиновники и учителя, но даже профессора университета подлежатъ бдительной цензурѣ, должны смотрѣть за каждымъ своимъ шагомъ, взвѣшивать каждое слово. У насъ (т. е. въ Россіи), говорилъ мнѣ одинъ чехъ, въ отношеніи чиновниковъ господствуетъ полная распущенность. Сколько русскихъ чиновниковъ-нѣмцевъ служатъ *Vaterland*'у, какая масса поляковъ въ русскомъ вицмундирѣ служатъ «ойчизнѣ» и получаютъ за это чины и награды. У насъ (т. е. въ Австріи) это невозможно; у насъ кто носитъ австрійскій мундиръ долженъ служить Австріи, иначе его немедленно удалить

со службы. Россія въ этомъ отношеніи должна поучиться у Австріи. Чехи—нужно замѣтить—любятъ говорить на подобныя темы, любятъ поучать особенно о томъ, какъ должна Россія относиться къ полякамъ и нѣмцамъ и какъ должна она устроить свою дипломатію, особенно заграничное представительство. О послѣднемъ, впрочемъ, любятъ говорить и всѣ австрійскіе славяне. Какъ бы ни было, безспорно одно: австрійское чиновничество во всѣхъ его видахъ и ступеняхъ представляетъ образцовую школу полнаго національнаго, а пожалуй и нравственнаго обезличенія. Чтó такое представлялъ собою чешскій чиновникъ въ старое время—достаточно извѣстно. Теперь формы измѣнились значительно, сущность, конечно, осталась та же. Австрійская армія военная и гражданская—это не только столпы, но и питомники австризма. На нихъ чехамъ да и другимъ славянамъ рассчитывать нечего. Болѣе независимо духовенство, но послѣ энциклики и силлабуса невозможно надѣяться на появленіе новыхъ Бальбиновъ. Духъ, господствующій въ современныхъ чешскихъ семинаріяхъ, совершенно исключаетъ возможность появленія среди будущихъ чешскихъ пастырей новыхъ Каморитовъ, Винаржицкихъ, Марковъ, Яблонскихъ, даже Штульцевъ. Если чешская бюрократія должна быть чужда чешскому народу по долгу службы, чешское духовенство—по принципу, то чешская аристократія—по причинамъ весьма естественнымъ. Что такое Чехія и чехи для всѣхъ этихъ Галласовъ, Траутмансдорфовъ, Туновъ, Гогенштейновъ, Гольцевъ, Лихтенштейновъ, Альдрингеновъ, Морциновъ, Дитрихштейновъ, Шенборновъ, Пивколомини, Колорадо, Виллани, Каретто, Дефуровъ, Бюкуа, Лямбуа, Маррадасовъ, Гоэффъ-Гуерта, Васкецовъ и др.

Для немногихъ интересующихся Чехіей и чехами и даже оказавшихъ извѣстныя заслуги въ дѣлѣ народнаго возрожденія, какъ Коловраты, Штернберги, Шварценберги, Клямъ-Мартиницы, Таксисы, возможенъ только старочехизмъ, ибо только онъ можетъ быть терпимъ и даже покровительствуемъ дворомъ, іерархіей и аристократической камарильей. Со всѣмъ этимъ связываетъ cadaго аристократа тысяча узъ, порвать ихъ въ состояніи лишь исключительный умъ и твердый характеръ, а тѣмъ и другимъ чешская аристократія, особенно при іезуитскомъ воспитаніи, по общимъ отзывамъ, бѣдна. Дѣло впрочемъ не въ аристократіи. За исключеніемъ развѣ Англіи, нигдѣ не играетъ она теперь видной дѣятельной роли, и общества отъ этого не только не страдаютъ, а пожалуй чувствуютъ себя здоровѣе и лучше. Дѣло въ общемъ направленіи высшихъ слоевъ чешской интеллигенціи. Дворяне землевладѣльцы, даже весьма средней руки, почти поголовно или нѣмцы по понятіямъ и чувствамъ или завзятые старочехи. Клубъ, напр., велькостаткарей (крупныхъ

землевладѣльцевъ) составляютъ далеко не аристократы чистой воды. Въ него входятъ владѣльцы имѣній, записанныхъ въ такъ называемыхъ «земскихъ доскахъ». Очень часто бываетъ, что въ этихъ «доскахъ» записано имѣніе сравнительно незначительное и принадлежитъ оно далеко не аристократу, тѣмъ не менѣе всѣ такъ называемые «велькостаткари» составляютъ одну тѣсно сплоченную клику, для которой врядъ-ли когда-нибудь можетъ быть симпатично все болѣе и болѣе пробивающееся стремленіе чешскаго народа. А между тѣмъ эти велькостаткари составляютъ въ общемъ весьма крупную силу, въ ихъ рукахъ, положимъ, только 34% помѣщичьей земли, но, благодаря связямъ и вліянію, они могутъ оказывать, и дѣйствительно оказываютъ, весьма сильное давленіе на остальныхъ землевладѣльцевъ, отчуждая ихъ отъ народа и его идеаловъ. Гуситство, напр., для чешскаго дворянина все еще богопротивная ересь, и проектъ постановки какого-нибудь памятника Гусу въ Прагѣ наполняетъ чешское дворянское сердце искреннимъ ужасомъ.

По всему сказанному можно представить себѣ, какъ узокъ кругъ дѣйствительно народной интеллигенціи, на которую чешскій народъ можетъ вполне положиться, и какъ труденъ путь народнаго представителя, если онъ желаетъ дѣйствительно служить своему народу. Только уяснивъ себѣ сколько нибудь-общій строй австроугорскихъ государственныхъ и общественныхъ порядковъ, можно оцѣнить по достоинству подвигъ чешскаго депутата Вашатаго, осмѣливающагося прямо, безъ всякихъ оговорокъ, заявлять, что Австрія и славяне—два понятія рѣшительно исключаютъ другъ друга. Это—принципъ, это совсѣмъ не то, что обычныя рѣчи оппозиціонныхъ ораторовъ, уснащенные иногда очень рѣзкими выходками противъ правительства и министровъ, грозными словами въ родѣ «вампиръ» и «молодославяне» и пр. Безъ подобныхъ рѣчей не обходится ни одинъ парламентъ, тѣмъ болѣе такой чудной какъ цислейтанскій. Онъ производитъ сильное впечатлѣніе лишь на незнакомыхъ съ порядками цислейтанскаго парламентаризма. Совсѣмъ другое дѣло принципиальная оппозиція. Въ Цислейтаніи она можетъ исходить лишь отъ нѣмцевъ и никогда отъ славянъ. Нѣмецкіе представители такой политики въ родѣ Шенера, Хлумецкаго пользуются большимъ значеніемъ и вѣсомъ, ну, а славянскій представитель говорить, очевидно, на языкѣ никому въ австрійскомъ парламентѣ непонятномъ. Оттого одно появленіе его на ораторской каедрѣ вызываетъ среди нѣмцевъ веселое настроеніе; за нѣмцами идутъ конечно и т. наз. славяне. Не могу забыть разговора по этому поводу съ бывшимъ вождемъ чешскаго народа. Встрѣтился я съ нимъ случайно и не на долго, но безъ политическаго разговора конечно не обошлось; вспомнили и

Вашатаго. «Это очень оригинальный политикъ, сказалъ Ригеръ, онъ говоритъ врагамъ: дайте мнѣ сѣсть вотъ на эту лошадку, тогда я съ вами раздѣляюсь». Какими наивными представляются здѣсь нѣмцы! Они-то не знаютъ, какая лошадка нужна славянамъ! Нѣтъ, они это знаютъ лучше многихъ австрійскихъ славянъ и отлично пользуются этимъ славянскимъ незнаніемъ. Оттого-то славянскій представитель принципиальной оппозиціи и не попалъ въ делегаціи. Въ делегаціяхъ можетъ быть мѣсто лишь для тѣхъ славянъ, которые вѣрятъ въ комбинаціи и сдѣлки, которые полагаютъ, что посредствомъ ихъ можно примирить непримиримое. Вотъ почему цислейтанскій парламентаризмъ можетъ давать ходъ только или славянину—оппортунисту, или славянину легкой души, но строгой формы, т. е. человѣку способному забывать сущность за формой и методомъ. Спросъ всегда рождаетъ предложеніе, и среди чеховъ повидимому образуется и подобная партія. Пока еще она немногочисленна, но кто знаетъ австрійскій грунтъ, не можетъ отрѣшиться отъ опасеній. Партія эта называетъ себя «реалистами», ея органъ «Чась». Въ № 7 этого органа за 1889 годъ реалисты опубликовали свою программу: «Реализмъ соціально-политическій, говорится здѣсь, находится въ связи съ такимъ же направленіемъ въ поэзіи и критикѣ, которое теперь и у насъ пролагаетъ себѣ дорогу». Въ общемъ это направленіе аналитическое, а его путеводная звѣзда—какъ сказалъ Л. Толстой—правда.... Программа не препятствовала бы реалистамъ соединиться съ старо чехами, еслибы они разрѣшили реалистамъ ихъ методу. Съ другой стороны, реалисты могли бы соединиться и съ младочехами, если бы послѣдніе стали дѣйствительно вліятельной политической партіей съ опредѣленной программой. Къ теперешнимъ младочехамъ не можетъ крѣпко примкнуть человѣкъ реалистически-политизующій». Оставимъ въ сторонѣ стилизацію этой политической программы. Что представляетъ она въ сущности? Тутъ есть и путеводная звѣзда—правда, да еще кстати, вмѣстѣ съ Толстымъ, и связь политическихъ теченій съ поэзіей и критикой и «реалистическое политизованіе», да къ тому же еще и не просто реалистическое, а соціально-политическое. Въ какой нормальной головѣ умѣстится все это? Какое, не говоримъ, чувство, но какія понятія о простыхъ общественныхъ приличіяхъ позволяютъ людямъ рекомендовать себя, при первомъ выступленіи такимъ образомъ: мы новая политическая партія и нашимъ и вашимъ, можемъ соединиться съ старочехами, но не прочь идти вмѣстѣ и съ младочехами, если они докажутъ свою силу. Логическая чепуха въ ученой формѣ, какая-то таинственная метода, глубокая вѣра во всепримиряющія комбинаціи и полное отсутствіе хоть какого-нибудь принципа—все это специаль-

ные фрукты австрійскаго грунта. Я бы и вовсе не упоминалъ о реалистахъ, еслибы не замѣчалось значительнаго отраженія ихъ взглядовъ на чешскомъ подростѣ, особенно въ средѣ студенчества.

Я уже упоминалъ о студенческомъ обществѣ «Славія». Число членовъ его превышаетъ 1000. Среди нихъ образовалась пока еще не многочисленная, но крѣпко сплоченная и умѣлой рукой направляемая группа, именующая себя студенчествомъ «покроковымъ» (передовымъ). Группа эта имѣетъ и свой органъ «Časopis českého studentstva». Благодаря ея старанію, устроился во время пражской выставки въ маѣ съѣздъ австро-славянскихъ студентовъ, повторившійся въ іюнѣ нынѣшняго года въ Вѣнѣ. Правда, на второмъ съѣздѣ «передовые» студенты потерпѣли весьма сильное фіаско несмотря на всѣ старанія привлечь какъ можно больше участниковъ: въ Вѣну явилось всего 27 человекъ (на первомъ съѣздѣ было 244; изъ нихъ 2 серба вышли въ первый же день, остался 1, а всѣ русскіе— 4 человека изъ Вѣны—на второй день). Отказъ отъ участія въ собраніяхъ перваго съѣзда сербовъ и русскихъ послѣ перваго дня засѣданій обнаруживаетъ характеръ съѣзда. Съѣздъ непомерно много мѣста отвелъ полякамъ, якобы отказавшимся отъ идеи «отъ моря до моря», но съ оговоркой, что они дѣлаютъ это «во имя самостоятельности Малой и Бѣлой Россіи, а также Литвы».

Члены съѣзда выразили восторгъ по поводу мнимаго улаженія польско-русскихъ отношеній въ Галичинѣ, причемъ это улаженіе считается залогомъ новой эры въ жизни всего славянства.

Каждый, кто сколько-нибудь знаетъ австрійское славянство, пойметъ сразу, что такъ смотрѣть на дѣло можно только въ Краковѣ и Львовѣ, но никакъ не въ Прагѣ. Дѣйствительно, самая мысль съѣзда возникла въ Краковѣ на похоронахъ Мицкевича, а главнѣйшими руководителями съѣзда были, какъ сказано, поляки.

Руководяція идеи покрововаго студенчества составляютъ: во 1-хъ, автономная федерація по рецепту Драгоманова (проповѣдникомъ ея является между прочимъ краковскій студентъ Я. Невестюкъ), во 2-хъ, блаженное status quo во взаимныхъ культурныхъ отношеніяхъ славянъ, весьма не чуждое австрійской благонадежности, особенно въ взглядахъ и отношеніяхъ къ Россіи (между прочимъ взглядъ Палацкаго на кириллицу считается и теперь вполне авторитетнымъ и особенно рекомендуется чешское правописаніе, какъ наиболѣе якобы приуроченное къ потребностямъ славянскихъ языковъ).

Что особенно возмутительно въ студенческомъ органѣ—это самоувѣренность, доходящая положительно до наглости. Въ отвѣтъ на замѣчанія части студенчества, что «Часопись» и его группа разрушаютъ чешскую народно-политическую организацію, а своимъ соціа-

лизмомъ уничтожаютъ славянскій образъ мыслей, «Часопись» въ статьѣ: «Кто мы» не посовѣстился сравнить себя съ христіанскими проповѣдниками. Здѣсь же между прочимъ онъ съ особенной гордостью указываетъ на свою дѣятельность по изданію «образовательной бібліотеки». Не мѣшаетъ замѣтить для характеристики именно этой стороны, что иждивеніемъ «Часописа» изданъ одинъ изъ послѣднихъ романовъ Зола!...

Для уясненія этихъ мрачныхъ сторонъ въ жизни чешскаго и даже вообще западно-славянскаго подростка нужно принять во вниманіе, что съ уничтоженіемъ нѣмецкаго преподаванія въ западно-славянскихъ университетахъ и при очень пока еще слабомъ знакомствѣ западно-славянскаго студенчества съ русской литературой, кругъ хорошихъ научныхъ и образовательныхъ пособій сузился до крайности. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого явилось чрезвычайное пониженіе уровня знаній. Это подтвердить вамъ любой западно-славянскій профессоръ.

У большинства студентовъ нѣтъ даже интереса къ знанію. Они читаютъ только газеты; и изъ нихъ особенно юристы на студенческой скамьѣ готовятъ къ будущей политической дѣятельности изученіемъ наиболѣе эффектныхъ политическихъ рѣчей. Понятно, что реалистическое политизованіе, ставящее себя въ связь съ направленіями поэзіи и критики и съ теченіями социальными-политическими, приходится имъ особенно по душѣ, а руководители реалистической партіи своими посѣщеніями славянскихъ студенческихъ съѣздовъ и другихъ собраній оказываютъ на студенчество весьма замѣтное поощряющее вліяніе.

Говоря о западно-славянскомъ подростѣ, я коснулся самой больной стороны въ жизни австрійскихъ славянъ. Въ самомъ дѣлѣ, какія перспективы открываются обществу, подростъ котораго вырастаетъ въ самоувѣренномъ невѣжествѣ, не приобрѣтаетъ не только любви, но даже уваженія къ наукѣ и серьезному научному труду. А какимъ образомъ, спрашивается, можетъ приобрѣсти эту любовь западно-славянское студенчество? Вѣдь даже чешскіе и польскіе университеты могутъ дать сколько-нибудь достаточный матерьялъ только въ узкой области *bohémica* и *polonica*. Философія, науки политическія и естественныя—все это доступно студентамъ только въ формѣ наскоро составленныхъ, крайне убогихъ по содержанію учебниковъ. Какое понятіе объ объемѣ науки можетъ составить себѣ по нимъ западно-славянскій студентъ? Прибавьте къ этому страсть къ политикѣ и неразрывное съ нею партійное ненавистничество, отравляющее молодежь какъ разъ въ тѣ годы, когда душа ея должна быть открыта для всего высокаго и прекраснаго, и вы поймете, кака

безнадежно-мрачная перспектива открывается для будущаго австрійскихъ славянъ, когда теперешній подростъ вступить въ жизнь. И теперь уже можно отчасти судить объ этомъ будущемъ по галицко-русскимъ украинофиламъ, которые искренно убѣждены, что въ мірѣ нѣтъ поэта выше Шевченка, ученаго выше Огоновскаго, политика выше Романчука, изданій лучше Просвѣты; которые наконецъ въ отношеніи къ своимъ собратьямъ, не признающимъ ихъ катехизиса, готовы рѣшительно на все. Умственный горизонтъ суживается, чувство грубѣетъ, растутъ только притязанія и нахальство. Вотъ почему можно искренно радоваться распространенію русскаго языка среди чеховъ. Русская литература можетъ служить прекраснымъ дополненіемъ къ чешской, въ значительной степени освобождая лучшую часть чешскаго подростка отъ стараго духовнаго рабства нѣмцамъ.

II

И по географическому положенію и по историческому прошлому Чехія занимаетъ первое мѣсто среди западно-славянскихъ земель. Этотъ крайній сѣверо-западный уголъ славянства, соединяющійся съ племеннымъ краемъ только посредствомъ небольшого моравскаго перешейка представляетъ естественный европейскій плацдармъ. На великое военное значеніе чешской территоріи указываютъ войны гуситскія, 30-ти-лѣтняя, 7-лѣтняя, наполеоновскія, австро-прусская. Имѣя въ виду это значеніе чешскаго треугольника, нѣмцы и заявляютъ прямо, что ни за какую цѣну не уступятъ его изъ подъ сферы своего вліянія, и конечно, это причина гораздо сильнѣе и естественнѣе историческаго права нѣмцевъ на Чехію.

Историческое прошлое тоже рѣшительно выдѣляетъ Чехію изъ ряда другихъ западно-славянскихъ, особенно католическихъ земель. Послѣ короткаго начальнаго періода славянской самобытности, чехи надолго связываются съ имперіей германской націи, теряютъ особенности самобытнаго славянскаго строя, уже въ XIII в. Карль IV, «отецъ отечества», избираетъ Прагу центромъ будущаго нѣмецкаго государства, для сплоченія котораго употребляетъ всѣ силы, а вскорѣ послѣ этого обреченная на національную гибель Чехія поднимается во всей силѣ на защиту своей народности и языка. Гуситскій періодъ представляетъ такое страстное стремленіе къ сохраненію самобытности, такое яркое и сильное обнаруженіе славянскихъ основъ народной жизни и, наконецъ, такой героизмъ мученичества, что рѣшительно нельзя допустить, чтобы все это послужило только для вишней славы іезуитскаго бога, для большей пользы нѣмецкаго Молоха. Со-

временный наблюдатель чешской жизни не может не замѣтить продолженія историческихъ теченій, обусловленныхъ именно двумя указанными обстоятельствами. Конечно, далеко не въ одинаковой степени сказываются оба эти теченія, но что они есть и теперь — въ этомъ врядъ ли можно сомнѣваться.

Вся пограничная чехо-нѣмецкая полоса, начиная у Нов. Града на ю. и до Броумова на с., представляетъ въ настоящее время почти сплошную нѣмецкую территорію, которая особенно на з. и с. проникаетъ далеко вглубь страны. Еще болѣе опасными слѣдуетъ считать четыре нѣмецкихъ оазиса, расположенныхъ по-чешско-моравскому перешейку:

Генрихо-Градецкій, 26 общинъ, чеховъ	25%
иглавскій 28	» » 24%
лянскорунскій . . . 31	» » 5%
рокитницкій 36	» » 6%

Если взять во вниманіе, что нѣмецкая колонизація въ настоящее время направляется въ Моравію черезъ Штернберкъ, Оломуць и Брно, что эти моравскіе пункты должны послужить какъ бы второй линіей нѣмецкихъ постовъ, грозящихъ отрѣзать чеховъ отъ остальнаго славянства, то опасность покажется весьма серьезной. Нѣмцы дѣлаютъ свое дѣло съ полнымъ сознаніемъ его важности. На комершѣ въ Бриѣ Хлумецкій говорилъ между прочимъ: «Брно исполняло втеченіе вѣковъ великую историческую миссію. Какъ столица маркграфства моравскаго, оно служило прекраснѣйшимъ передовымъ постомъ германизма противъ славянства... еслибы славянскій валъ захватилъ Моравію и Брно, федерація сдѣлалась бы въ Австріи неотразимой; какъ только Моравія очутится въ рукахъ славянъ, мы будемъ совсѣмъ отрѣзаны отъ того пункта, къ которому тяготѣемъ теперь: на мѣсто Вѣны — станеть Прага». Другой нѣмецкій вождь въ 1885 г. замѣтилъ: «Чтобы удержать Моравію въ своихъ рукахъ, мы не испугаемся и революціи». Так. обр. въ отношеніи чеховъ къ нѣмцамъ мы встрѣчаемся и съ историческимъ наслѣдіемъ вѣковъ, ибо даже при Подѣбрадѣ нѣмецкими остались Хебъ, Каданъ и Мость, а въ Моравіи Брно, Зноймо и Иглава не признавали Юрія, и съ современными усиліями германизма удержатъ подъ ногами грунтъ на славянской почвѣ.

Для этой цѣли Вѣна и Берлинъ подають другъ другу руки. Представители австрійской власти, не благоволя къ пангерманскимъ вождѣніямъ нѣмцевъ на сѣверѣ и западѣ Чехіи (напр. въ Либерецѣ—Рейхенбергѣ), весьма благосклонно терпятъ таковыя же проявленія въ Моравіи и Слезіи, гдѣ *Wacht am Rhein* чуть не національная пѣсня, а на общественныхъ празднествахъ и помину нѣтъ о черножелтыхъ цвѣтахъ. Передача Словацкины на сѣденіе мадярамъ имѣ-

аетъ цѣлью и общее расширеніе и укрѣпленіе германскаго фронта и, въ частности, также окончателно закрѣпляетъ изоляцію Чехіи.

Рядомъ съ этимъ внѣшнимъ оцѣпленіемъ Чехіи идетъ внутренняя нѣмецкая работа, принявшая въ послѣдніе годы характеръ какой-то лихорадочной поспѣшности. Руководители австр. политики какъ будто убоились невольнаго ослабленія нѣмецкихъ путей въ Чехіи послѣ Садовой и Кралева Градца (Кѣниггреца), а особенно послѣ образованія новой нѣмецкой имперіи, какъ будто дѣйствительно повѣрили утвержденіямъ нѣмецкихъ публицистовъ, что именно само австрійское правительство ославянило Чехію, какъ будто почувствовали горечь упрека, что они упустили изъ рукъ такую силу, какъ чешское чиновничество, принужденное вернуться на родину изъ Италіи и Угрии и смотрѣть на новые порядки со сложенными руками. Австр. руководители внутренней политики пожелали очиститься отъ этихъ тяжелыхъ обвиненій, и вотъ съ 84-го года начинается кампанія, направленная къ укрощенію чешской строптивости, а по крайней мѣрѣ къ стѣсненію т. наз. «экспансивности чеховъ», разслаиванію ославяненной Чехіи. Въ 1884 г. Гербстъ предложилъ на чешскомъ сеймѣ проектъ образованія округовъ съ одной народностью путемъ выдѣленія общинъ ивонародныхъ и приписки ихъ къ другимъ округамъ. Проектъ очевидно былъ направленъ противъ существующей, а по крайней мѣрѣ признанной официально двуязычности, дающей, по мнѣнію нѣмцевъ, несправедливое преобладаніе чешскому языку. Предложеніе Гербста было принято по стольку, по скольку ему не противится географическое положеніе, экономическія и другія условія общинъ, иначе говоря, предложеніе, хотя и не было отвергнуто принципиально, не было однако признано практически осуществимымъ. Тѣмъ не менѣе, нѣмцы не перестали добиваться своихъ цѣлей. Предложеніе Гербста вносилъ потомъ въ сеймъ нѣсколько разъ Пленеръ.

Так. обр. началось т. наз. чешско-нѣмецкое соглашеніе, къ выясненію основъ котораго было приступлено въ 1887 г. Въ изданной въ этомъ году брошюрѣ «Das deutsche Sprachgebiet in Böhmen» Гербстъ доказываетъ на основаніи статистическихъ данныхъ, что въ Чехіи есть округа съ исключительно нѣмецкимъ населеніемъ, что слѣд. официальная двуязычность въ подобныхъ округахъ есть являющаяся несправедливостью, что отъ чиновниковъ въ этихъ округахъ не зачѣмъ требовать знанія чешскаго языка. «Подобными желаніями, объяснялъ Шмейкаль, мы висколько не посягаемъ на цѣлость земли, ибо Чехія останется такимъ же цѣлымъ, какъ и раздѣленный по народностямъ Тироль».

Какъ извѣстно, старочешскіе вожди признали справедливость нѣ-

мецкихъ требованій и согласились устроить чешско-нѣмецкое «уравненіе», т. е. придумать способы къ практическому осуществленію предложеній Гербста и Пленера. Крикъ негодованія вырвался изъ груди чешскаго народа, старочешскіе вожди взяли на себя, очевидно, слишкомъ много, и народное негодованіе было тѣмъ болѣе справедливо, что всѣ предварительныя обсужденія велись втайнѣ. Чтобы понять, какое значеніе имѣетъ для Чехіи рѣшеніе этого вопроса въ нѣмецкомъ смыслѣ, надо знать, что на т. назыв. «замкнутой нѣмецкой территоріи» считается 200,000 чеховъ, т. е. больше, чѣмъ во всей Слезіи, а чешская матица содержитъ здѣсь 23 общинныхъ и 18 начальныхъ (materskych) школъ съ 5000 дѣтей (К. Adamek, Z naší doby. IV, гл. VII.). Все это выдавалось въ жертву, можно сказать, прямо на съѣденіе нѣмцамъ!

Дальнѣйшія подробности хода чешско-нѣмецкаго «уравненія» извѣстны: несмотря на громкіе протесты чеховъ, правительство рѣшило приступить къ учрежденію «замкнутой территоріи» административнымъ порядкомъ и открыло новый судебный нѣмецкій округъ въ Теплицѣ. Затѣмъ должно послѣдовать, и вѣроятно послѣдуетъ, учрежденіе и другихъ такихъ же округовъ. Чешскій народъ протестуетъ и будетъ протестовать. Чешскіе депутаты требовали суда надъ мин-мъ Шенборномъ; возможно, что исторія эта повторится еще, давая не малую пищу вѣнскимъ хроникарамъ и юмористическимъ листкамъ. Положеніе крайне тяжелое... Сами чешскіе руководители, даже младочехи, не скрываютъ трудности положенія, а среди общества нельзя было не замѣтить нѣкоторой растерянности и крайней горечи, усиленныхъ еще будапештскими торжествами по поводу 25-лѣтія дуализма. Эхо мадьярскихъ ликованій терзало не только уши, но и сердца огромной массы чеховъ, которымъ за всю ихъ вѣрность и преданность правительство платило учрежденіемъ теплицкаго округа. Сопоставленія въ такомъ духѣ можно было читать даже въ «Народныхъ Листахъ», и въ виду общаго настроенія еще сильнѣе, еще энергичнѣе загремѣли народные ораторы, указывая на Угрію какъ на образецъ того положенія, котораго долженъ добиваться чешскій народъ. Возстановленіе правъ чешской короны—этотъ далеко не новый лозунгъ, раздается теперь съ необыкновенной силой, на немъ сосредоточены всѣ чешскія чаянія. О правахъ чешской короны говорятъ на улицахъ, въ пивныхъ, на сходкахъ, въ сеймѣ, наконецъ въ делегаціяхъ. Обойти этотъ вопросъ, говоря о современномъ положеніи Чехіи, рѣшительно невозможно.

Не будемъ здѣсь касаться вопроса, была ли Чехія лономъ Германіи наравнѣ съ имперскими нѣмецкими землями, какъ утверждаютъ нѣмцы; или же положеніе Чехіи было совсѣмъ особое, опре-

дѣлялось только личными отношеніями чешскаго короля, какъ имперскаго избирателя и чашника, что утверждаютъ чехи. Вопросъ этотъ чисто теоретическій не имѣетъ въ сущности никакого реального значенія, упраздненъ послѣднимъ римскимъ императоромъ нѣмецкой націи Францомъ II-мъ, провозгласившимъ въ 1806 г. полное уничтоженіе всякихъ связей Чехіи съ имперіей, какія основывались на прежнихъ актахъ и, наконецъ, по исключенію Австріи изъ состава нѣмецкой имперіи, уничтоженъ окончательно. *

Так. обр. одна сторона вопроса—формальное отношеніе земель чешской короны къ нѣмечинѣ не можетъ въ настоящее время подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Ответшальныя пергаменты потеряли теперь всякій смыслъ и значеніе, и указанія нѣмцевъ на ихъ историческое право по меньшей мѣрѣ вполне неосновательны. Это право давно похоронено окончательно и въ его могилу сами же нѣмецкія руки вбили осиновый колъ.

Перейду теперь къ разсмотрѣнію другой стороны вопроса: къ положительнымъ правамъ т. наз. «свято-вацлавской короны». Чехи такъ формулируютъ эти права:

1) Король обязанъ хранить цѣлость чешской короны, съ которой неразлучны Моравія и Слезія.

2) Земли чешской короны не состоятъ съ другими землями ни въ какой связи, кромѣ общаго правителя.

3) Царствующая династія правитъ чешскимъ народомъ единственно на основаніи взаимнаго договора.

4) Чешскій народъ имѣетъ право избрать новаго государя, по прекращеніи нынѣ царствующаго дома.

5) Чешскому сейму принадлежитъ право управленія, законодательства, опредѣленіе даней и созываетъ войска.

6) Никто не имѣетъ права безъ согласія чешскаго народа включать Чехію въ новое государственное тѣло, какимъ является Цислейтанія (E. Greg. O objasnění našich domacích sporů. Стр. 22).

Я указывалъ уже, что въ этомъ вопросѣ всѣ чехи вполне единомысленны, что наиболѣе краснорѣчивымъ защитникомъ правъ чешской короны былъ Ригеръ и что нынѣшнимъ представителямъ младочешской партіи принадлежитъ лишь честь болѣе точной справки съ прагматической санкціей Карла VI. Мало того, въ чешской деревнѣ я убѣдился, что идея о правахъ святовацлавской короны не чужда даже самому послѣднему чешскому поденщику. Однимъ словомъ, въ этомъ вопросѣ чешскій народъ стоитъ дружно какъ одинъ человекъ.

* Всестороннее разсмотрѣніе этого вопроса читатель найдетъ въ прекрасномъ изслѣдованіи проф. I. Калоуска: «České státní právo». Прага. 1891.

Мнѣ всегда это казалось обнаруженіемъ стараго гуситскаго духа, новымъ проявленіемъ борьбы чеховъ со всей нѣмецкой націей. Но рядомъ съ этимъ, перечитывая рѣчи чешскихъ ораторовъ, бесѣдуя съ нѣкоторыми знакомыми чехами, вникая въ возраженія нѣмцевъ, я всегда выносилъ тягостное чувство туманности, неясности въ постановкѣ вопроса, тягостное потому, что мнѣ всегда казалось, что горячіе ораторы обѣихъ сторонъ толкуютъ обо всемъ, только не о дѣлѣ, что самое ядро вопроса нарочно оставляется въ сторонѣ. Если отрѣшиться отъ парламентской обстановки, отъ мелкихъ несущественныхъ ораторскихъ добавленій, сообщающихъ рѣчамъ остроту и пикантность, то современный чешско-нѣмецкій споръ можетъ произвести такое впечатлѣніе, какъ будто два противника съ ожесточеніемъ замахиваются другъ на друга не мечами, а истлѣвшими пергаментными хартіями. Всѣ парламентскія рѣчи, и прежнія и теперешнія, представляютъ собственно историческій комментарий этихъ хартій, составляемый къ тому же не специалистами, не людьми призванными, а адвокатами и практическими дѣльцами. Тягостное чувство усиливается еще отъ того, что кажется крайне неестественно, какъ это адвокаты и практическіе дѣльцы становятся исключительными теоретиками; совершенно обходить практическіе вопросы о формахъ и способахъ осуществленія своихъ требованій. Именно на это, т. е. на эти формы и способы, не указалъ ясно ни одинъ изъ чешскихъ вождей. Всѣ рѣчи о правахъ чешской короны, начиная съ рѣчей Ригра, кончая рѣчью Ю. Грегра и Масарика, собственно не парламентскія рѣчи, а академическія лекціи.

Нѣмцевъ гораздо менѣе можно упрекать въ этой теоретичности. «Противъ правъ чешской короны, говорилъ Шмейкаль, будемъ бороться до послѣднихъ силъ во имя единства всѣхъ нѣмцевъ въ Австріи. Наша цѣль—раздѣленіе округовъ по народностямъ, раздѣленіе верховнаго земскаго суда, школьнаго и земледѣльческаго земскихъ совѣтовъ, а въ заключеніе и раздѣленіе сейма, т. е. законное подтвержденіе принципа національной раздѣльности въ Чехіи». Иначе говоря, нѣмцы указываютъ не столько на историческія права, сколько на права народнаго меньшинства, официально обезпечиваемыя закономъ и которыя въ сущности врядъ ли могутъ отвергать и чехи. Это совершенно ясная и опредѣленная постановка дѣла; это не ссылка на прагматическую санкцію, давнымъ давно потерявшую если не формальный, то реальный смыслъ, въ такой же мѣрѣ, какъ и грамоты 1212 и 1462 г., а указаніе на дѣйствительные факты, съ которыми политикамъ прежде всего и главнѣйше и должно считаться. Нѣмцы и стоятъ на этой почвѣ дѣйствительности, и если иногда сходятъ съ нея, то, надо думать, понуждаемые характеромъ аргу-

ментовъ противной стороны. Я съ большимъ вниманіемъ читалъ рѣчь Ю. Грегга, но ничего, кромѣ историческаго комментарія, въ ней не нашелъ; обращался и къ народной брошюрѣ. Въ ней говорится, что чешскій народъ, добившись возстановленія правъ чешской короны, получить въ свои руки каменноугольныя копи. Какимъ образомъ это произойдетъ?—не объяснено, да и это также не рѣшеніе вопроса. Способовъ рѣшенія его не касается и указанный мною изслѣдователь проф. Калоусекъ, да это и не составляетъ его задачи. Изъ имѣющихся чешскихъ отвѣтовъ на вопросъ можно указать на мнѣніе Пражака, дѣятельность старочеховъ и одну изъ весеннихъ рѣчей Э. Грегга. Бывшій чешскій министръ Пражакъ прямо заявлялъ, что онъ не представляетъ себѣ возможности осуществленія правъ чешской короны въ другихъ формахъ, чѣмъ теперешнія. Объ этомъ рѣшеніи нечего слѣд. и говорить. Старочехи желали провести чешско-нѣмецкое соглашеніе. Къ чему приводитъ чеховъ такое рѣшеніе, мы видѣли,—этотъ способъ достиженія цѣли чешскій народъ отвергъ единодушно. Э. Греггъ заявилъ въ своей рѣчи, «что чешскія народныя чаянія осуществляются тогда, когда звонъ свято-вѣтскихъ колоколовъ возвѣститъ чешскому народу, что его государь возложилъ на себя свято-вацлавскую корону». Собственно говоря, только это заявленіе и можно считать сколько-нибудь опредѣленнымъ отвѣтомъ на вопросъ, ибо приведенныя выше указанія на Угрію рѣшительно ничего не разъясняютъ. Оставляя въ сторонѣ историческія отношенія Угрии къ Австріи, которыя дѣйствительно съ формальной стороны аналогичны съ отношеніями Чехіи, нельзя не видѣть, что фактически эти отношенія ни въ чемъ не сходны: въ Угрии нѣтъ такого процентнаго отношенія населенія, составляющаго вѣтви двухъ мировыхъ народовъ; мадьярская аристократія одушевлена патріотизмомъ, по крайней мѣрѣ не чужда народу; наконецъ Угрія вовсе не столь индустріальная страна, какъ Чехія. Въ Угрии и теперь возможна революція, въ Чехіи она рѣшительно невозможна. Въ этомъ чехи столь же единогласны, какъ и въ стремленіи къ возстановленію правъ свято-вацлавской короны. Конечно, имѣются другія гораздо болѣе существенныя причины, обусловливающія теперешнее положеніе угровъ, и читателямъ «Славянскаго Обзорѣнія» эти причины отлично извѣстны. Для насъ въ данномъ случаѣ достаточно констатировать фактъ противоположности Угрии и Чехіи въ ихъ внутреннихъ и вѣшнихъ отношеніяхъ, чтобы чешскія указанія на Угрію потеряли для насъ всякую убѣдительность. Вотъ почему мы не мало были удивлены, читая эти указанія въ такой газетѣ, какъ *Narodní Listy*. Изъ всѣхъ приведенныхъ нами отвѣтовъ на вопросъ объ осуществленіи правъ чешской короны остается так. обр. указаніе Э. Гре-

гра: коронація! За Э. Грегромъ указываютъ на коронацію и другіе чешскіе ораторы, такъ очевидно представляетъ себѣ рѣшеніе вопроса и чешская народная масса. Допустимъ, что коронація произошла. Спрашивается, что можетъ она измѣнить въ внутреннемъ положеніи Чехіи? Кромѣ установленія нѣсколькихъ придворныхъ должностей, наградъ нѣкоторымъ высшимъ чиновникамъ и торжественной иллюминаціи Праги, нельзя себѣ представить рѣшительно ничего, что могло бы сопровождать актъ, столь страстно ожидаемый чехами. Внутреннія отношенія, т. е. непримиримость стремленій и идеаловъ большинства и меньшинства населенія Чехіи, не могутъ измѣниться, останутся такими же, а слѣд. и послѣ коронаціи вопросъ будетъ существовать въ полной силѣ. Вотъ въ этомъ-то и сказывается тяжелое историческое наслѣдіе Чехіи, не только не сглаженное вѣками, а напротивъ постоянно обостряющееся. Судьба свела на чешской землѣ два племени, интересы которыхъ не только враждебны, но рѣшительно непримиримы. Чѣмъ дольше живутъ они вмѣстѣ, тѣмъ сильнѣе обнаруживается раздѣляющая ихъ пропасть. Чешскіе нѣмцы, по всѣмъ правамъ считающіе Чехію своимъ отечествомъ, должны чувствовать себя въ этомъ своемъ отечествѣ въ высшей степени тягостно. Съ пробужденіемъ велико-нѣмецкихъ идей, съ основаніемъ новой нѣмецкой имперіи и съ одновременнымъ усиленіемъ чехо-славянскаго элемента въ Чехіи, съ предоставленіемъ ему извѣстныхъ правъ, чешскіе нѣмцы стали смотрѣть на Австрію лишь какъ на «временное пристанище». По словамъ одного оратора, «они исполняютъ долгъ въ отношеніи своего государя, но чтятъ и любятъ нѣмецкаго императора». Все это такъ естественно, что врядъ-ли можетъ быть иначе. Новая эра въ Австріи, въ виду объединенной, открытой побѣдными лаврами и, повидимому, полной надеждъ Германіи, поставила австрійскихъ нѣмцевъ въ самое тягостное положеніе. Съ особенной силой должны были, какъ сказано, почувствовать его чешскіе нѣмцы, вчерашніе господа страны, съ гордостью смотрѣвшіе на нее, какъ на свое мирное завоеваніе. Изгнате Чехіи изъ подъ сферы нѣмецкаго вліянія кажется нѣмцамъ рѣшительно невозможнымъ. Какъ въ 1848 г. на франкфуртскомъ съѣздѣ Шиллингъ безъ всякихъ колебаній провозгласилъ необходимость укрощенія чеховъ мечомъ,* такъ и теперь нѣмецкіе чехи украшаютъ вершины чешскихъ горъ надписями: «auf ewig deutsch!» и открыто смѣются надъ т. наз.

* Jch glaube, dass da Böhmen mit der Ueberzlugung dem deutschen Bunde nicht erhalten werden könne, mit der Schärfe des Schwertes au Deutschland gefesselt werden muss.

правами чешскаго королевства, прямо заявля чехамъ, что историческое право нѣмцевъ на Чехію «и старѣе и проще туманныхъ правъ чешской короны», что нѣмцы никогда не признаютъ чешскаго права, и могутъ его не признать не только въ виду его туманности, но и въ силу единства всѣхъ нѣмцевъ Австріи, въ силу правъ своего народнаго меньшинства, которыя признаются закономъ и слѣд. должны быть законно обезпечены. За нѣмцами Австріи, понятно, видѣются и всѣ остальные нѣмцы, въ силу ясно опредѣленной идеи пангерманской солидарности. Возродившаяся Чехія, настаивая на своемъ государственномъ правѣ, бросаетъ перчатку всей нѣмецкой націи. Съ какими же силами выступаетъ она на бой? Оставимъ въ сторонѣ пергаменты. Э. Грегръ въ одной изъ своихъ рѣчей предлагалъ своимъ избирателямъ прибѣгнуть къ мѣрамъ, которыя могли бы понудить правительство считаться съ чехами. Въ числѣ этихъ мѣръ едва ли не главнѣйшей оказалось некуренье сигаръ, т. е. подрывъ австрійскаго фиска. Къ дѣйствительно понудительнымъ мѣрамъ, къ настоящей пассивной оппозиціи чехи, какъ мы видѣли, не могутъ прибѣгнуть: чехи не могутъ не поставлять рекрутъ, не платить податей. Нужно еще принять во вниманіе отмѣченные выше слѣды нѣмецкаго вліянія, партійную рознь, неясность окончательныхъ цѣлей, чтобы представить себѣ всю дѣйствительную тяжесть современнаго положенія чеховъ. А между тѣмъ то общее народное возбужденіе, та непоколебимая вѣра, хранящаяся въ глубинѣ души каждаго чеха, что свято-вацлавская корона должна существовать какъ фактъ, какъ нѣчто живое, а не музейное воспоминаніе, то сильное патріотическое настроеніе, которыя такъ живо чувствуются среди чеховъ—все это кажется обнаруженіемъ чего-то дѣйствительно сильнаго, живого и живучаго. Мнѣ, повторяю, все это казалось возрожденіемъ стараго гуситскаго духа новымъ проявленіемъ борьбы чеховъ со всей нѣмецкой націей. Современное состояніе Чехіи именно потому интересно, что при внимательномъ наблюденіи чешской жизни нельзя отрѣшиться отъ мысли, что присутствуешь при началѣ идейной эволюціи неизмѣримой важности и значенія. Настоящее время есть, конечно, переходное, и какъ всякое переходное время оно тяжело, болѣзненно. Когда же наступитъ кризисъ?

Есть въ вопросѣ о правахъ чешской короны одинъ пунктъ въ высшей степени важный, имѣющій глубокое жизненное значеніе. Это протестъ противъ включенія Чехіи въ новое государство—Цислейтанію, образовавшееся съ утвержденіемъ дуализма, иначе говоря, протестъ противъ всего строя нынѣшняго австрійскаго государства. Основаніе для такого протеста даютъ чехамъ обветшавшія хартіи, которыми и воюютъ представители чеховъ въ земскомъ и имперскомъ

сеймахъ. Но это формальное право, этотъ археологическій нуль получаетъ совсѣмъ иное значеніе отъ того, что впереди его стоитъ несомнѣнная единица въ видѣ наглядныхъ и чувствительныхъ тягостей, испытываемыхъ австрійскими славянами отъ всего строя австрійскаго государства, обрекающаго славянъ на служебное положеніе. Чешское государственное право есть нѣчто весьма отвлеченное, но желаніе народа «быть на своей родинѣ счастливымъ и свободнымъ, быть господиномъ своего положенія»—какъ выразились подржанскіе таборяне—это желаніе и справедливо, и законно, а достигши извѣстной силы и въ чувствѣ и въ сознаніи, оно становится активнымъ мотивомъ, представляющимъ уже не архивную справку, не мечту, не фантазію, а положительный факторъ, съ которымъ приходится считаться. У чеховъ это желаніе стало положительнымъ факторомъ раньше, чѣмъ у другихъ славянъ. Это вполне естественно, ибо чехи культурнѣе другихъ славянъ, но именно благодаря этому, и результаты указаннаго фактора у чеховъ обнаруживаются рельефнѣе. Вопросъ о правахъ короны объединяетъ враждебныя другъ другу чешскія партіи, оказываетъ сильное вліяніе на Моравію, все болѣе и болѣе примыкающую къ Чехіи и понемногу возрождающуюся въ своемъ славянскомъ сознаніи, а отчасти на Слезію; этотъ вопросъ—удесятеряетъ силы чеховъ, ставитъ ихъ на видное мѣсто, заставляющее непремѣнно обращать на нихъ вниманіе. Сила и значеніе вопроса не въ покрытыхъ пылью хартіяхъ, а въ законныхъ и справедливыхъ желаніяхъ пробудившагося и требующаго своихъ человѣческихъ правъ народа. Въ этомъ смыслѣ значеніе вопроса выходитъ далеко за предѣлы территоріи чешской короны. Чешскіе депутаты, воюя въ имперскомъ сеймѣ обветшалыми хартіями, будятъ славянскую мысль и чувство въ другихъ славянскихъ народахъ Австріи, для которыхъ видимо формальная чешская борьба получаетъ живой смыслъ и значеніе по самой своей основѣ. Мы, русскіе, должны потратить не мало времени, чтобы уяснить себѣ дѣйствительный смыслъ чешско-нѣмецкой, повидимому, пергаменной борьбы; для австрійскаго славянина смыслъ этотъ ясенъ сразу. Вопросъ о правахъ чешской короны можетъ такъ обр. послужить знаменемъ, способнымъ сгруппировать около себя другіе славянскіе народы Австріи, можетъ отозваться—да и отзывается уже—и въ Угріи. Въ этомъ его жизненная сила, и лучшимъ доказательствомъ этой жизненности служитъ правильность эволюціи вопроса въ понятіяхъ самихъ вождей чешскаго народа, начиная съ Ригра, кончая Вашатымъ. Характеръ этой эволюціи замѣтить нетрудно: сначала чехъ—въ отличіе отъ дейчъ-бѣма, затѣмъ чехъ—славянинъ въ отличіе отъ австрійскаго партикуляриста. Въ самой Чехіи процессъ этотъ

еще, конечно, не завершёнъ, но очень ясно обозначился, и уже одно это сообщаетъ чехамъ рѣшительно выдающееся положеніе среди австрійскаго славянства. Послѣднія событія въ австрійскомъ имперскомъ сеймѣ (рейхсратѣ), особенно инцидентъ съ депутатомъ Менгеромъ, доказываетъ какъ нельзя яснѣе, что даже въ настоящее время борьба чеховъ имѣетъ смыслъ славяно-нѣмецкой борьбы, что уже теперь прозорливые нѣмцы усматриваютъ въ ней знамя «побѣды Россіи надъ западной культурой», что въ дѣйствительности можетъ значить лишь устраненіе вѣкового подчиненія славянъ нѣмцамъ. «Нѣтъ такихъ славянъ въ Австріи, которые бы не признали первенства чеховъ», говоритъ хорватскій «Obzor», предлагая чехамъ инициативу славянскихъ съѣздовъ въ Австріи, и кто знаетъ, быть можетъ, чехи возьмутъ и это дѣло въ свои руки.

По истинѣ слѣдуетъ считать счастьемъ чеховъ, что идея свято-вацлавской короны не имѣетъ рѣшительно ничего общаго ни съ идеей короны св. Стефана, ни съ идеей короны Ягайловичей. Тогда какъ обѣ послѣднія связаны съ насиліями и историческими неправдами, съ преобладаніемъ одного племени надъ другимъ, и уже потому глубоко противны чувству справедливости, а отъ короны Ягайловичей вѣетъ кромѣ того страшнымъ смрадомъ мрачнаго фанатизма и религіозной нетерпимости,—идея свято-вацлавской короны, по уничтоженіи ея правъ въ земляхъ неславянскихъ, сводится къ возрожденію славянской жизни, подавленной вѣковымъ преобладаніемъ нѣмцевъ на чехо-моравско-слезкой территоріи, т. е. сводится къ тѣмъ чаяніямъ, которыми живетъ все здоровое славянство, не искажившее въ себѣ національныхъ основъ, не поступившее въ рабство или временное услуженіе вѣковымъ врагамъ славянства. Идея свято-вацлавской короны не заключаетъ въ себѣ ничего враждебнаго или несправедливаго даже по отношенію къ злѣйшимъ врагамъ чехо-славянства—нѣмцамъ. Она непремѣнно предполагаетъ равноправность всѣхъ гражданъ чешской земли, взаимныя отношенія которыхъ должны опредѣляться лишь свободнымъ соревнованіемъ на поприщѣ духовнаго и матеріальнаго труда. Именно этой свободы не имѣетъ въ настоящее время Чехія, какъ не имѣютъ ея и всѣ вообще австрійскіе славяне, занимая не только служебное положеніе, но даже обреченные жертвовать значительную часть труда и денегъ на поддержаніе этого своего служебнаго положенія. Так. обр., идея свято-вацлавской короны неизбѣжно влечетъ за собой широкую эволюцію славянской идеи въ Австріи. Что это такъ—доказываетъ отношеніе къ ней какъ нѣмцевъ, такъ и австрійскихъ славянъ. Мы только что замѣтили, что съ чешской идеей исполнѣ уживаются права чешскихъ нѣмцевъ. Очевидно поэтому, они борются теперь не за мнимое нарушеніе ихъ правъ,

какъ народнаго меньшинства, а за прежнее вѣковое господство и власть. Что касается славянъ, то среди нихъ чешская идея находить, какъ сказано, живой отголосокъ и можетъ породить огромные результаты. Ей, правда, не сочувствуютъ поляки, но именно этимъ они и открываютъ славянамъ истинный характеръ своей политики. Современные чешско-польскія отношенія представляютъ въ славянскомъ мірѣ зрѣлище въ высшей степени поучительное. Давно ли чехи заступались за поляковъ, давно ли чешско-польская дружба была фактомъ несомнѣннымъ,—теперь она лопнула, и не благодаря русскимъ рублямъ или интригамъ «славянскихъ комитетовъ», какъ любятъ объяснять поляки всѣ славянскія движенія среди славянъ, а единственно только благодаря тому, что одинъ народъ живетъ и развивается въ живой жизни, другой зарылся въ развалины и дышитъ трупнымъ воздухомъ, отравляющимъ его организмъ, омрачающимъ взоръ. Оттого и бѣшеніе пульса современной жизни ему непонятно. Живой не можетъ жить съ гальванизированнымъ трупомъ, и невозможность эту доказала встрѣча поляковъ и чеховъ на пражской выставкѣ, поѣздки «соколовъ» въ Краковъ и Львовъ нынѣшнимъ лѣтомъ.* Быть можетъ, и здѣсь чехамъ суждено сыграть высокую роль. Современное положеніе австрійскихъ поляковъ представляетъ кульминаціонный моментъ польскаго возрожденія въ старомъ, т. е. противославянскомъ духѣ. Галиція съ 1867 г. служитъ пріютомъ всѣхъ тѣхъ нездоровыхъ элементовъ польскаго организма, которые были главными виновниками 1863 г., т. е. ослѣпленныхъ фанатиковъ. Они теперь руководятъ дѣлами, задаютъ тонъ, подъ ихъ вліяніемъ возраждаются въ «польскомъ Пьемонтѣ» самыя гнусныя стороны старопольскаго строя: религіозный фанатизмъ и экономическое рабство, Первый проявляется въ томъ, что въ Галиціи образовались три новыхъ монашескихъ ордена съ дѣлами католической пропаганды. Экономическая нужда гонитъ изъ польскаго края въ Россію не только галицкихъ русскихъ, но даже польскихъ крестьянъ.** Дальше этого идти нельзя. Если только поляки не совсѣмъ выродились, то непременно должно наступить отрезвленіе. Слабые признаки его сказываются уже теперь въ недовольствѣ лучшей части польской интеллигенціи польскою галицкою прессою и политикою. Въ Галиціи въ настоящее время господствуетъ терроръ послѣднихъ могибанъ 1863 г.

* Объ этихъ поѣздкахъ см. письма изъ Кракова въ «Слав. Обзор.», май—іюнь.

** Достаточно указать на то, что евреи въ городахъ составляютъ 39,13% населенія въ мѣстечкахъ 37,60%, въ сельскихъ помѣстьяхъ 23,50%; изъ 4400 помѣщиковъ въ настоящее время 630 евреевъ, а значительная часть помѣщиковъ является лишь фиктивными владѣльцами земли.

дышащихъ фанатизмомъ и ненавистью, и потому недовольство это не можетъ замѣтно сказываться. Одушевленная проповѣдь чеховъ, возбуждая въ теперешнихъ отживающихъ галицкихъ дѣятеляхъ скрежетъ зубовъ, еще пожалуй усиливая ихъ фанатизмъ и ненавистничество, должна однако будить чувство горечи и сознание необходимости свернуть съ старой дороги въ тѣхъ польскихъ сердцахъ, которыя еще не совсѣмъ закрылись для впечатлѣній дѣйствительной жизни и правды. Чехи могутъ сыграть высокую роль въ славянскомъ возрожденіи поляковъ, если только поляки способны къ возрожденію и жизни. Все это однако перспективы далекія.

Удержатся ли чехи на высотѣ, хватить ли у нихъ терпѣнія и настойчивости, не соблазнятся ли они какой-нибудь чечевичей, на изобрѣтеніе которой такіе мастера вѣнскіе дипломаты, — покажетъ будущее. Но въ томъ смыслѣ, какъ намъ представляются права свято-вацлавской короны, осуществленіе ихъ хотя и сопряжено съ необычными затрудненіями въ виду борьбы со всей нѣмецкой націей, хотя при обычномъ ходѣ дѣлъ врядъ-ли возможно во сколько-нибудь близкомъ будущемъ — а терпѣть и ждать при парламентской горячкѣ и партіяхъ дѣло весьма нелегкое — идея чешской короны все-таки не есть политическая квадратура круга; напротивъ, связанная съ назрѣваніемъ славянской идеи, съ усиленіемъ чувства и сознанія славянской взаимности и общности славянскихъ интересовъ, представляетъ начало животворное, внушаетъ къ себѣ и искреннее уваженіе и глубокую вѣру.

Странная эта чехо-славянская почва! Ступишь на нее, оглянешься кругомъ — все точно чужое и не только въ городахъ, но и въ деревнѣ. И въ деревнѣ вы напрасно будете искать крестьянъ обычнаго славянскаго типа: нѣмецкая манера бриться, нѣмецкіе пиджаки, нѣмецкія трубки: все это такъ чуждо русскому представленію деревни... *Vzdělaný národ, rokošilý!* подумаешь, и какъ-то поневолѣ станетъ грустно. А поживешь, подышишь чешскимъ воздухомъ, вступишь попристальнѣе въ эти повидимому нѣмецкіе обличья, и увидишь въ нихъ что-то свое родное, разговоры сблизятъ васъ еще больше: въ идеалахъ и надеждахъ чешскаго народа открывается немало такого, на что всецѣло отзовется и русское сердце. Я пріѣхалъ въ Чехію, откровенно скажу, не безъ нѣкотораго предубѣжденія противъ чеховъ. Читатель знаетъ, каковы были мои первыя впечатлѣнія въ Прагѣ, а первое впечатлѣніе важно, по крайней мѣрѣ отъ него трудно скоро отдѣлаться; уѣхалъ же я изъ Чехіи съ чувствами искренней симпатіи и глубокаго уваженія къ чешскому народу, къ его непреоборимой энергіи и силѣ. Несмотря на всю свою vzdělanost, чехи до сихъ поръ не утратили стихійной славянской силы и благодаря ей въ значительной степенѣ претво-

ряютъ чужія формы, сообщая имъ не только свою національную окраску, но и свой національный смыслъ. Достаточно указать на чешское «сокольство». Сокольство представляетъ пересадку на чешскую почву нѣмецкихъ турнферейновъ. Основателемъ сокольства былъ Генрихъ Фигнеръ, отецъ котораго былъ нѣмецъ или онѣмеченный чехъ, мать—чистая нѣмка. Въ настоящее время чешское сокольство является школой дисциплины и патриотизма, черезъ которую прошли всѣ современные выдающіеся чешскіе дѣятели, а основателя нынѣшняго «сокола», сына нѣмецкой семьи, чтить благодарная память чешскаго народа наряду съ видными представителями чешскаго возрожденія. Сокольскія общества распространены по всей Чехіи; въ рядахъ соколовъ вы встрѣтите людей самыхъ разныхъ возрастовъ и положеній: рабочаго, прикащика, студента, профессора. Въ «соколѣ» всѣ они представляютъ одну семью; знаменемъ братства служить всеобщее обязательное «ты», и нужно видѣть этихъ «братьевъ», когда маршируя они распѣваютъ патриотическія славянскія пѣсни... Тогда только и становятся понятны важность и значеніе сокольства, какъ національной патриотической школы. Вліяніе этой школы сказалось въ постановкѣ «соколами» памятника Жижкѣ въ 1874 г., сказалось тоже при празднованіи 50-лѣтія открытія Краледворской рукописи, когда чешскіе «соколы» прокричали громовое «ура!» сказалось наконецъ въ нынѣшнемъ году какъ въ Нанси, такъ даже въ Краковѣ и Львовѣ, немало смутивъ и оконфузивъ тамошнихъ поляковъ. Такъ обр. сокольство представляетъ яркій примѣръ претворенія чужихъ формъ, сообщенія имъ глубокой національной основы, слѣд. здоровья и силы чешскаго народнаго организма.

Безъ сомнѣнія, чехи представляютъ немало характерныхъ особенностей сравнительно съ другими славянскими племенами: простота и непосредственность, въ такой степени плѣняющая васъ напр. въ словакахъ, составляетъ для чеха давно уже пройденную стадію; въ своихъ дѣйствіяхъ чехи руководятся скорѣе сознаніемъ, чѣмъ чувствомъ, какъ большинство славянъ. Едвали не въ этомъ заключается причина того несомнѣннаго факта, что среди славянъ чехи въ общемъ пользуются больше уваженіемъ, чѣмъ симпатіями. Дѣйствительно, уравновѣшенность, размѣренность сообщаетъ чехамъ что-то нѣмецкое. Есть ли это слѣдствіе «вздѣланности» или расоваго скрещиванія съ нѣмцами—трудно сказать; во всякомъ случаѣ настоящее время представляетъ въ духовной жизни чешскаго народа переломъ. Чехи, повидимому, рѣшительно оставляютъ путь искусственной культуры по чужимъ образцамъ, которая у нихъ такъ мѣтко называется «vzdělanost», съ твердымъ намѣреніемъ вступить на дорогу національно-славянскаго развитія и просвѣщенія. Быть можетъ, въ процессѣ этомъ участвуетъ и чувство,

но пока ясно сказывается лишь сознание необходимости спасти свою народную личность отъ грозящаго съ запада культурнаго обезличенія. Для спасенія своей народной личности чехи дѣлаютъ все, что можно дѣлать: заводятъ сокольскія общества, поютъ народныя пѣсни, передѣлывая даже нѣмецкія на чешскій ладъ, носятъ «чамары», танцуютъ «бесѣду». Многое во всемъ этомъ кажется искусственнымъ, но не слѣдуетъ забывать, что настоящее есть время переходное, вспомнимъ, что и наши славянофилы требовали національной одежды. Чешское сокольство давно уже служить образцомъ для сокольскихъ обществъ у другихъ славянскихъ народовъ, еще въ большей мѣрѣ могли бы послужить образцомъ чешскія сельскія школы. Мнѣ удалось посѣтить нѣсколько сельскихъ школъ въ Чехіи; отъ всѣхъ ихъ я выносилъ такое впечатлѣніе, что къ чувству радости примѣшивалась даже нѣкоторая доля зависти. Какъ прекрасно поставлено въ этихъ школахъ отечествовѣдѣніе! Каждый мальчикъ знаетъ карту Чехіи, знаетъ и событія своей родины. Стѣны классной комнаты увѣшаны портретами выдающихся чешскихъ дѣятелей, а вся ихъ жизнь говоритъ ребенку о любви къ народу и народности, о долгѣ защищать ее отъ вражескихъ посягательствъ. Чешскій ребенокъ поетъ въ школѣ народныя пѣсни, поетъ про Чехію и про славянство... Не знаю какъ обстоятъ дѣла въ гимназіяхъ,—въ университетѣ они плохи; но въ сельской школѣ дѣло ведется образцово. Чехи справедливо гордятся своими начальными школами. Свою ниву они воздѣлываютъ старательно и любовно, возлагая на нее большія надежды; они дѣлаютъ все, что могутъ. Честь имъ и слава! Всходы будутъ конечно зависть и отъ той плодоносной пыли, которая носится не только подъ чешскимъ небомъ.

И. Филевичъ.

Два слова о Боснѣ и Герцеговинѣ

Дто такое Босна-Герцеговина? Это клинъ, глубоко вдающійся въ такъ называемое Трїединое королевство—Далмацію, Хорватію и Славонію. На востокъ Босна-Герцеговина отдѣляется отъ Сербіи рѣкой Дриной, отъ моря Адриатическаго—узкимъ далматинскимъ побережьемъ. Только въ двухъ мѣстахъ, у Клека и Суторини, спускается Герцеговина къ Адриатикѣ. Въ этой обширной странѣ, почти равной по величинѣ Чехіи, много большихъ горъ, какъ напримѣръ Вележъ и Иванъ-Планина (последняя прежде славилась своими гайдуками, теперь же — зубчатой желѣзной дорогой), много голыхъ скалъ, напримѣръ въ южной Герцеговинѣ, много большихъ прекрасныхъ равнинъ, въ родѣ Посавской. Герцеговина каменистѣе и скалистѣе, Босна въ среднемъ плодороднѣе и ровнѣе. Въ Боснѣ воздѣлываются тѣ же растенія, что и въ остальной средней Европѣ; въ Герцеговинѣ разводятся успѣшно и южныя плоды, напримѣръ смоква. Плодовъ въ Боснѣ много и вывозъ ихъ большой. Кромѣ того вывозится лѣсъ и скоть; разводится также много табаку и весьма высокаго качества. Табакъ—и здѣсь монополія правительства, доставляющая ему большія выгоды.

Главное занятіе населенія—земледѣліе и скотоводство, торговля же мало развита. Прежде, во время процвѣтанія дубровницкой общины, велись значительныя торговыя сношенія Герцеговины съ Дубровникомъ, но они давно прекратились. Нѣсколько оживленнѣе торговля съ остальной Далмаціей, которая должна бы стать для Босны какъ бы отпускнымъ портомъ. Изъ Далмаціи ввозится въ Босну довольно много вина, оливковаго масла, соли, а изъ остальныхъ частей Австро-Угріи—разныя мануфактурныя произведенія (преимущественно изъ Вѣны и Пешта), также другіе продукты, не

производимые въ Боснѣ. Земледѣліемъ занимается болѣе $\frac{4}{5}$ населенія. Сельское населеніе весьма велико и состоитъ изъ крестьянъ-кметовъ. Крестьяне по большей части своей земли не имѣютъ и находятся въ зависимости отъ господъ—спахивъ, къ которымъ принадлежать преимущественно аги и беги. Крестьяне-кметы по разнымъ причинамъ много терпятъ. Во первыхъ, и въ настоящее время на положеніе кметовъ мѣстное управленіе мало обращаетъ вниманія. За послѣдніа 500 лѣтъ крестьяне можно сказать двигались не впередъ, а назадъ. Теперь они неожиданно стали лицомъ къ лицу съ «культурой», прогрессомъ, цивилизаціей. По своей природѣ кметъ врагъ всего новаго; онъ не умѣетъ, не можетъ и не хочетъ развиваться, стоитъ на прошломъ, воздѣлываетъ землю также, какъ и 500 лѣтъ назадъ, и съ какимъ-то отчаяніемъ и покорностію смотритъ, какъ другой — чужеземецъ — обогащается тамъ, гдѣ онъ голодаетъ. И это его не побуждаетъ къ работѣ, а повергаетъ въ какой-то фатализмъ. Вотъ результаты прогресса, когда онъ вдругъ захватываетъ полу-первобытный народъ, который не можетъ ему противиться, но не можетъ за нимъ и слѣдовать.

Отягчаютъ положеніе кмета особенно его повинности, которыя онъ несетъ спахивъ и правительству. И при туркахъ, какъ и теперь, онъ обрабатывалъ чужую, господскую землю за третину, т. е. отдавая спахив третью урожая. Но въ турецкое время эта подать была для крестьянъ легче, чѣмъ теперь. Нынѣ кромѣ третины еще болѣе давить кмета прославленная десятина. Десятина—не нововведеніе австрійское; она существовала и при туркахъ. Но если спросить каждаго крестьянина, что для него лучше: турецкая или австрійская десятина, я думаю, онъ будетъ жалѣть о первой и скажетъ, что нынѣшняя—невыносима для него. Вотъ въ чемъ состоитъ десятина, на которую теперь слышится столько горькихъ жалобъ. Десятина—государственная подать. Каждый долженъ внести правительству десятую часть земледѣльческихъ продуктовъ, но не натурой, а деньгами. Правительство поручаетъ особымъ чиновникамъ-десятарямъ во время созрѣванія хлѣба на полѣ, оцѣнить, сколько приблизительно съ каждаго участка можетъ быть собрано хлѣба, кукурузы и т. д. Все это сводится вмѣстѣ, и сообразно съ лучшимъ и худшимъ урожаемъ на тѣхъ или другихъ частяхъ поля опредѣляется въ среднемъ десятая доля (часто впрочемъ принимаютъ въ соображеніе только лучший урожай), и крестьянинъ долженъ эту десятую долю продать и внести подать. Ежегодно сообразно съ рыночными цѣнами устанавливается средній тарифъ, на основаніи котораго и переводится эта десятая доля на деньги.

Съ перваго взгляда видно, на сколько несправедливъ этотъ спо-

собъ взиманія подати. Оцѣнщики, по большей части люди низшаго класса, живутъ отъ этого дѣла, не имѣютъ другого постоянного занятія и сами часто принадлежатъ къ бывшимъ землевладѣльцамъ. Рѣдко они оцѣниваютъ жатву ниже того, что можетъ дать поле, обыкновенно же выше, чтобы обезпечить себя отъ ошибокъ, тѣмъ болѣе, что имъ ставится въ заслугу высшая цифра опредѣленной ими десятины. Часто случается, что крестьянинъ на дѣлѣ отдаетъ не десятую, а четвертую, третью и даже еще болшую часть урожая, особенно потому, что онъ продаетъ не по той цѣнѣ, по которой засчитано произрастаемое на корню, а по какой ему удастся продать. Этимъ пользуются ростовщики и торговцы, такъ что кметъ часто долженъ продать 100 окъ, чтобы заплатить причитающуюся съ него подать за 50 окъ. Правда, на несправедливость и притѣсненія кметъ можетъ жаловаться, но это для него весьма затруднительно. Самъ онъ не умѣетъ вести дѣла; для этого онъ долженъ нанять грамотнаго человѣка. Иногда изъ страха передъ оцѣнщикомъ кметъ не рѣшается обратиться къ начальству. Часто онъ и не знаетъ, сколько именно ему слѣдуетъ заплатить, пока не придетъ въ податное присутствіе для уплаты подати. Прибавьте къ тому отдачу третины агѣ, неурожай и другія несчастія,—и вы поймете, какъ бѣдный боснійскій крестьянинъ съ величайшимъ трудомъ и всякими бѣдствіями перебивается съ году на годъ. Потому-то такъ сильны жалобы на десятину въ сербо-хорватскихъ газетахъ. Ежегодно во время оцѣнки десятины появляются сообщенія въ газетахъ съ жалобами на несправедливость того или другого оцѣнщика или на начальство, не обращающее вниманія на протесты. Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что именно эта тягостная десятина не мало обуславливаетъ извѣстную перевышку доходовъ правительства съ Босны надъ расходами.

Кмета жестоко тяготитъ и вопросъ о лѣсѣ и выгонѣ. Во время оккупациі почти всѣ лѣса правительство взяло въ свои руки. Правда, и прежде довольно много лѣсовъ числилось государственными, но не всѣ: были лѣса частные; притомъ каждый зналъ границы своего владѣнія. Теперь будто бы упорядочиваютъ правительственное и частное владѣніе. Впрочемъ, надо замѣтить, правительство послѣ долгихъ просьбъ собственника владѣнія и отстаиванія имъ своихъ правъ, иногда отдаетъ ему часть его лѣса и выгона, но подъ условіемъ, что правительство сохраняетъ за собою право рубить по своему усмотрѣнію лѣсъ на постройку желѣзныхъ дорогъ или вообще на что ему заблагоразсудится. Поэтому правительство имѣетъ въ своихъ рукахъ могущественное орудіе противъ населенія, которое такимъ образомъ ставится въ сильную отъ него зависимость. Каждому,

имѣющему поле и скотъ, нужны лѣсъ и пастбища, и какъ вездѣ, такъ и въ Боснѣ, конечно находятся люди болѣе пріятные правительству, и имъ достаются лучшіе участки.

Огромныя пространства, прежде поросшія лѣсомъ, теперь совсѣмъ обнажены. Кое-что вырублено войскомъ во время войны, часть послѣ продана правительствомъ различнымъ гешефтмахерамъ. Такъ напр. фирма *Mogurgo et Parente* изъ Триеста вырубилла прекрасныя лѣса въ средней посавской части Босны.

II

Еслибы кто спросилъ насъ, развивается ли Босна-Герцеговина со времени оккупации или падаетъ, мы могли бы только отвѣтить, что развивается, т. е. сказали бы то же самое, что воспѣвали сочувственные Каллаю голоса по случаю десятилѣтія его министерствованія. И съ точки зрѣнія этихъ лицъ мы ничего не могли бы имъ возразить. Но эта точка зрѣнія для насъ имѣетъ мало значенія. Намъ, какъ славянамъ не важенъ вопросъ, развивается ли Босна въ географ. смыслѣ, какъ страна. Для насъ гораздо важнѣе знать, развивается или вѣтъ нашъ народъ въ Боснѣ, а на этотъ вопросъ мы не можемъ дать благопріятнаго отвѣта, такъ какъ все, что дѣлается въ Боснѣ, дѣлается исключительно въ пользу пришельцевъ. Однажды вліятельный боснійскій бегъ сказалъ намъ полушутя, полусерьезно: «не Австрія оккупировала Босну, а жида».

Мы добавили бы въ этому: «нѣмецкіе и мадьярско-нѣмецкіе жида и ихъ нѣмецкіе друзья». Всѣмъ или почти всѣмъ, что было сдѣлано доселѣ въ Боснѣ въ экономическомъ отношеніи, воспользовался пришлый элементъ, и весьма, весьма мало—туземное населеніе, которое не было подготовлено и не умѣло извлечь пользу изъ новыхъ реформъ и предпріятій. Так. обр. нѣмецъ съ полнымъ правомъ можетъ гордиться прогресомъ Босны, но не можетъ съ нимъ согласиться славянинъ. Да, какъ будто сдѣлано и дѣлается много. Почти въ то самое время, когда австрійское войско вошло въ Босну, въ ней стали строить желѣзнодорожную линію изъ Брода въ Сараево, затѣмъ другую—Мостарско-Метковичскую, а позже эта главная артерія закончена соединеніями Мостара чрезъ Коньцу и Иванъ-Планину съ Сараевомъ. Этотъ путь связываетъ Босну съ Будапештомъ, а черезъ Славонскую посавскую линію—и съ Вѣной. Другая линія дошла только до Бальялуки, но и она современемъ будетъ доведена до Сараева. Теперь строятъ третью линію, которая соединила бы Босну съ моремъ у Сплѣта, такъ какъ оказалось, что линія на Метковичъ не отвѣчаетъ своей задачѣ. Говорятъ также о вѣтви на Новый Пазаръ. Кромѣ

того выстроены вездѣ великолѣпныя табачныя фабрики, прекрасныя дворцы-гостинницы и все это на счетъ правительства, извлекающаго изъ нихъ выгоды. Такова напр. въ Мостарѣ правительственная гостинница Нарента (нѣм. названіе Неретвы): она не посрамила былюбого большого европейскаго города. И другія общественныя и частныя зданія, казармы украшаютъ города, строятся разные склады, фабрики и т. п., такъ что иностранецъ, видѣвшій Босну лѣтъ 15 назадъ, былъ бы весьма удивленъ посѣтивши ее теперь. Но вотъ вопросъ: кому это на пользу? Судите сами: человѣкъ, владѣющій только нѣмецкимъ языкомъ, можетъ проѣхать черезъ всю Босну отъ Брода до Метковича; онъ ни разу не пожалѣетъ, что не знаетъ сербо-хорватскаго языка, который оказывается для него вполне ненужнымъ. Во всѣхъ ресторанахъ, кофейняхъ, станціяхъ онъ найдетъ наилучшій приемъ и услуги. Но мы бы затруднились предсказать такія «культурныя» блага человѣку, не знающему по-нѣмецки: нѣмечина въ Боснѣ весьма распространена. Въ присутственныхъ мѣстахъ, въ кофейняхъ, въ отеляхъ говорятъ все по-нѣмецки. Намъ рассказывалъ одинъ весьма извѣстный среди славянства хорватскій ученый, какъ онъ въ Яйцѣ, старомъ стольномъ городѣ боснійскихъ королей, не могъ ничего добиться безъ нѣмецкаго языка, когда хотѣлъ отдохнуть и подкрѣпиться. Нѣмцы послали въ Босну можно сказать цѣлое войско вельнеровъ, какъ авангардъ, или пионеровъ германизации. Въ Сараевѣ нѣмецкій языкъ такъ вошелъ въ употребленіе, что вечеромъ на прогулкѣ по главной улицѣ другого языка и не слышно. Въ Сараевѣ есть нѣмецкій театръ, въ которомъ каждый сезонъ играютъ заѣзжія нѣмецкія труппы. Теперь и служанки-боснячки въ Сараевѣ понимаютъ, отчасти и говорятъ по-нѣмецки. Могуцественная бюрократія, приводящая въ движеніе правительственную машину въ Боснѣ-Герцеговинѣ, набирается преимущественно изъ нѣмцевъ, полуиѣмеченныхъ мадьяръ и поляковъ; послѣдніе въ данномъ случаѣ не лучше и настоящихъ нѣмцевъ. Нѣмечина—тяжелая рана для славянской Босны. Она достигла того, что мы теперь имѣемъ чисто-нѣмецкія (прусскія) колоніи въ самыхъ плодородныхъ частяхъ сѣверной Босны. Цѣлыя общины приходятъ сюда со своими пасторами и учителями, закупаютъ земли и обогащаются. А какъ эти искусныя и трудолюбивыя земледѣльцы умѣютъ вытѣснить туземныхъ крестьянъ, нѣтъ нужды распространяться, а особенно передъ русскими, которые могутъ себѣ припомнить дѣятельность нѣмцевъ на Волгѣ и въ Польшѣ. Поэтому мы съ горькой усмѣшкой слушаемъ рассказы мадьяръ, которые ликуютъ и хвалятся тѣмъ, будто они господа положенія, какъ будто они заняли эти земли и хотятъ играть въ нихъ первую роль. При нынѣшнемъ положеніи Австріи нѣмцы могутъ разрѣшить мадьярамъ

такую похвальбу, въ дѣйствительности же нѣмцы сдѣлали много шаговъ впередъ, мадьяры же ни одного и никогда не сдѣлають. Мадьяры вообще неспособны распространять свою народность и свой языкъ между другими, да и языкъ ихъ никому ни на что не можетъ пригодиться. Поэтому нелѣпы ихъ иллюзіи, изъ-за которыхъ они не видятъ какъ сами поддерживаютъ враждебный имъ элементъ, не видятъ, что они таскають каштаны изъ огня не для себя, а для нѣмцевъ; въ этомъ помогаютъ имъ, къ сожалѣнію, и нѣкоторые изъ нашихъ славянскихъ братьевъ.

III

До турецкаго господства Босна, какъ извѣстно, имѣла своихъ государей, которые сначала зависѣли отъ Хорватіи, потомъ недолгое время отъ Сербіи; затѣмъ они находились подъ покровительствомъ угорскихъ королей (какъ королей Хорватіи), иногда же были вполне независимы и могущественны (напр. при Тверткѣ Великомъ). Во время турецкаго завоеванія Босна была весьма раздроблена и обезсилена междоусобною борьбою дворянства. Побѣжденнымъ турки оставили ихъ привилегіи, обычаи, языкъ, требуя лишь принятія ислама, такъ какъ именно вѣра составляла силу Турціи. Говоря по правдѣ, босняки, въ частности дворянство, не особенно противились новой вѣрѣ. Нѣкоторые ученые полагають, что босняки были тогда православными, но такое мнѣніе совершенно ошибочно. Въ то время босняки были по большей части или католики, или патарены, (богомилы). Последняя секта тогда была очень распространена и ея держалось глав. обр. дворянство. Это дворянство скоро и быстро перешло въ исламъ, чтобы спасти себѣ свои права и доходы; не принявшіе ислама добровольно были принуждены къ тому силой или должны были бѣжать въ Хорватію, Далмацію, Дубровникъ. Значительную часть простого народа, находившагося въ колебаніи, привели въ православіе православные священники и греческіе епископы. Остальныхъ сохранили въ католической вѣрѣ францисканцы.

Новообращенные мусульмане, какъ народъ сильный, способный и храбрый, принесли впоследствии большую пользу турецкому государству. Боснія дала Турціи много замѣчательныхъ полководцевъ, пашей, визирей, государственныхъ дѣятелей, которые распространяли силу и вліяніе османскаго государства на страхъ и трепетъ сосѣднимъ землямъ, особенно Хорватіи, часто подвергавшейся ихъ губительнымъ набѣгамъ. Но въ то же время босняки не очень сочувствовали настоящимъ османліямъ. Они считали себя выше послѣднихъ и не особенно были довольны ихъ присутствіемъ въ Боснѣ и

Герцеговинѣ, которыми хотѣли управлять сами. Много разъ босняки восставали противъ Стамбула и султановъ. Последнее и самое замѣчательное возстаніе было Али-паши Ризванбеговича, умнаго и храбраго человѣка, много сдѣлавшаго для развитія своего народа. Объ немъ охотно вспоминаютъ герцеговинцы, особенно въ окрестностяхъ Буны, гдѣ онъ живаль. Тамъ онъ между прочимъ улучшилъ земледѣліе и посадилъ виноград. лозы. Свой народъ и притомъ всякаго вѣроисповѣданія онъ любилъ и относился къ нему справедливо. Его погубилъ обманомъ одинъ султанскій полководецъ, если не ошибаемся — самъ Омеръ-паша. И во время оккупации боснійскіе мусульмане показали свою любовь къ свободѣ. Когда турецкій низамъ очистилъ страну предъ австрійскимъ войскомъ, австрійцы должны были бороться съ отдѣльными четами, собранными и предводимыми боснійскими бегами.

IV

Число жителей въ Босніи и Герцеговинѣ не велико сравнительно съ обширностью этихъ областей, такъ какъ онѣ рѣдко населены.

Во всей Босніи и Герцеговинѣ не болѣе 1¹/₄ мил. чел. — сербо-хорватскаго племени, говорящаго сербо-хорватскимъ языкомъ. Нарѣчіе боснійское и герцеговинское изящно и чисто, особенно герцеговинское.

Въ Босніи два діалекта: икавскій и іекавскій. Икавскій господствуетъ въ зап. части Босны до Сараева; имъ говорятъ католики и мусульмане. Восточная часть Босны говоритъ іекавскимъ нарѣчіемъ. По-икавски говоритъ также значительная часть сѣверной Герцеговины. Правда, босняки и герцеговинцы примѣшиваютъ много турецкихъ словъ, но это не портитъ ихъ языка. Исключивъ турецкія слова, мы получимъ красивый и свѣжій языкъ, удивительно приятный для слуха. Такъ говорятъ въ Дубровникѣ, Бокѣ, на Черной Горѣ, въ сѣверной и восточной Далмаціи и въ значительной части южной и восточной Хорватіи.

Жители Босны принадлежатъ къ тремъ вѣроисповѣданіямъ: католическому, православному и мусульманскому. Католиковъ въ Босніи ¹/₃ милл.; остальные жители — православные и магометане, тѣхъ и другихъ приблизительно по ¹/₂ милл. и православныхъ нѣсколько болѣе, чѣмъ мусульманъ. Въ Герцеговинѣ же, наоборотъ, болѣе католиковъ, чѣмъ православныхъ и магометанъ. Католики занимаютъ середину Босны, отъ Мостара, Травника, Янца за Вербасъ и р. Босну; православныхъ больше всего въ восточной Босніи, въ южной Герцеговинѣ и въ Баньялуцкомъ округѣ; мусульмане живутъ разбросанно повсюду. Мусульмане — самый могущественный элементъ, такъ какъ

въ ихъ рукахъ находится землевладѣніе; однако часть мусульманъ (нѣскольکو десятковъ тысячъ, а не сотенъ тысячъ, какъ говорили въ свое время), и притомъ наиболѣе бѣдная, во время оккупациі провинцій выселилась отсюда. Перешли они въ Азію или въ Цареградъ; эти выселенія продолжаются и теперь. Такое выселеніе должно особенно безпокоить славянина, желающаго добра Босні. Необходимо употребить всѣ усилія, чтобы помѣшать постепенному умаленію кореннаго населенія. При выселеніи покидаетъ страну здоровый славянскій элементъ, очищая мѣсто чужеземному. Причины выселенія разнообразны. Самая главная—упадокъ духа у мусульманъ. Они не умѣютъ приноровиться къ новымъ условіямъ, къ новымъ понятіямъ, къ новой формѣ борьбы. Вторая причина—подать, которую они не привыкли такъ систематично платить, какъ это теперь требуется. Бѣдняки прежде могли легче выдержать податную тяготу, чѣмъ теперь. Противъ новыхъ тяжелыхъ условій и новыхъ порядковъ жизни они не умѣютъ найти выхода въ подъемъ народнаго духа, въ трудѣ, въ усиленіи вліянія школъ, въ систематическомъ сопротивленіи чужеземцу, угнетающему ихъ во всемъ и повсюду. Въмѣсто борьбы они поддаются фатализму, склоняють свою голову. Такова воля судьбы—кіяметъ, а противъ кіямета кто можетъ бороться? Вотъ почему босняки продають за безцѣнокъ свои земли и выселяются. Въ своей новой родинѣ переселенцы нравственно чувствуютъ себя во сто разъ хуже, чѣмъ въ Босні. Потративъ и деньги на перѣздъ, они очутились въ другой странѣ чуждыми ей, безъ знанія языка и народа. Лучшіе мусульманскіе патріоты употребляютъ всѣ мѣры, чтобы остановить эти выселенія, приучить босняковъ по возможности къ другимъ потребностямъ, когда полумѣсяцу уже не суждено болѣе господствовать. Должно надѣяться, что ихъ усилія принесутъ добрые плоды. И само правительство дѣлаетъ все, что можетъ, чтобы прекратить выселеніе, изъ опасенія, чтобы не указывали на него, какъ на признакъ дурнаго управленія. На религиозныя причины переселенцы не могутъ жаловаться. Въ исповѣданіи ими своей вѣры никто ихъ не стѣсняетъ; напротивъ, ихъ вѣрѣ отдается должное уваженіе. Тотъ фактъ, что немусульмане сидятъ на мѣстѣ и не выселяются изъ страны, а ведутъ борьбу съ пришельцемъ, наводитъ на вопросъ: не социальныя ли отношенія мусульманъ и ихъ религиозный характеръ служатъ причиною того, что они чувствуютъ себя дома, сознають себя людьми лишь тамъ, гдѣ они господствуютъ.

Живетъ также въ Босні нѣскольکو тысячъ испанскихъ евреевъ. Они и до сихъ поръ знаютъ по-испански. Евреи, поселившіеся здѣсь послѣ оккупациі, тотчасъ же забрали въ свои руки значительную часть боснійской торговли; такъ напрямѣръ въ ихъ рукахъ много

Expeditions-Agenturen и другихъ доходныхъ и часто безнравственныхъ предпріятій.

У православныхъ двѣ епископіи: въ Мостарѣ и Дольней Тузлѣ и митрополія въ Сараевѣ.

Католическая церковь имѣетъ двухъ епископовъ: мостарско-требиньскаго и баньялудцаго и одного архіепископа въ Сараевѣ. Живетъ здѣсь много францисканцевъ; принесшихъ большую пользу просвѣщенію народа во время турецкаго господства. Глава мусульманъ въ Боснѣ—рейсъ-уль-улемъ въ Сараевѣ, но верховной духовной властью они все-таки призываютъ султана.

Относительно образованія въ Боснѣ замѣчается очевидный прогрессъ. Устроены многочисленныя народныя школы, число которыхъ все увеличивается. Православные имѣютъ сверхъ того свои вѣроисповѣдныя школы, а мусульмане—руждіи. Учителей подготовляетъ учительская семинарія (Peragandium) въ Сараевѣ, которую посѣщаютъ и мусульмане; для изученія магометанскаго законовѣдѣнія устроена школа шеріата въ Сараевѣ, откуда выходятъ молодые судьи—кадіи. Среднее образованіе поставлено неудовлетворительно. Во всей области имѣется лишь одна правительственная гимназія въ Сараевѣ да іезуитская въ Травникѣ. Напротивъ того, низшія торговыя училища весьма многочисленны. При основаніи послѣднихъ училищъ у правительства были добрыя намѣренія, но эти училища не удовлетворяютъ своему назначенію—подготовлять гражданъ къ торговымъ оборотамъ. Именно въ этомъ отношеніи сдѣлала здѣсь успѣхи культура: образованные люди не стыдятся заниматься торговлей или другимъ какиъ-нибудь промысломъ. Изъ торговыхъ же училищъ выходятъ «баричи» (gospoda), молодые люди, которымъ больше уже не нравится самостоятельный трудъ; они стремятся поступить наемными писарями въ присутственныя мѣста и сдѣлаться впослѣдствіи чиновниками. Между тѣмъ образованные иностранцы забираютъ торговлю въ свои руки. Гимназію стали посѣщать въ большомъ числѣ и мусульмане, но должно сказать, что она устроена преимущественно для дѣтей пришлыхъ чиновниковъ, а не для мѣстнаго населенія. Чтобы удовлетворить его образовательнымъ потребностямъ слѣдовало бы завести не менѣе четырехъ-пяти гимназій.

Студентамъ изъ боснійцевъ правительство охотно даетъ хорошія стипендіи для посѣщенія высшихъ учебныхъ заведеній. Но при этомъ молодые люди весьма стѣснены разными обязательствами. Они не имѣютъ права быть членами какого-нибудь славянскаго общества и вообще обнаруживать свои національныя чувства. Кромѣ того, молодые боснійцы не могутъ поступать въ хорватскій университетъ въ Загребѣ и чешскій въ Прагѣ: для нихъ остается лишь Вѣна

Будапештъ, Грацъ. Нерѣдко правительственныя стипендіи получаютъ иностранцы (напр. нѣмцы), за которыми однако не смотрятъ такъ строго, не препятствуя имъ вступать въ члены общества съ велико-германскими тенценціями. Боснійскіе студенты—прекрасная, привѣтливая молодежь и располагаютъ къ себѣ каждаго, особенно же студенты мусульмане, которыхъ теперь есть нѣсколько въ университетахъ; ежегодно выѣзжаютъ для получения высшаго образованія все новые охотники. Всѣ они любятъ свой народъ, весьма трудолюбивы, уже теперь дѣлаютъ попытки выступать и на культурномъ поприщѣ. Такъ одинъ молодой боснякъ занимаетъ видное мѣсто между молодыми хорватскими поэтами. Безъ сомнѣнія они могли бы сдѣлать и болѣе, еслибы не были такъ стѣснены и не находились подъ столь строгимъ надзоромъ.

V

Въ Босніи вообще много политиканствуютъ, что вполне понятно при нынѣшнихъ условіяхъ. Когда газеты, сеймы, европейская дипломатія непрерывно занимаются боснійскимъ вопросомъ, не удивительно, что все это находитъ откликъ въ народѣ боснійскомъ. И онъ вырабатываетъ свое мнѣніе и выражаетъ свое сужденіе. Впрочемъ, этимъ и ограничивается народная политика въ Босніи: активно народъ не можетъ вліять на нее. Даже выраженіе мысли весьма стѣснено.

И среди босняковъ и герцеговинцевъ можно усматривать группировку на политическіе кружки, и тутъ имѣются свои партіи. Иначе какъ партіями нельзя назвать эти кружки, такъ какъ народъ здѣсь въ сущности одинъ. Такъ одни именуютъ себя хорватами, другіе сербами, третьи не хотятъ быть ни тѣми, ни другими, а только босняками. Это раздѣленіе на партіи весьма недавняго происхожденія, такъ какъ раньше народъ дѣлилъ себя только по вѣроисповѣданію. Потомъ борьба хорватовъ и сербовъ перешла и въ Босну и раздѣлила народъ на два лагеря—сербовъ и хорватовъ. Два-три года назадъ были только эти двѣ партіи: хорватами называли себя католики, сербами—православные. Мусульмане стояли по срединѣ, не примыкая ни къ тѣмъ, ни къ другимъ, и это было пріятно правительству. Но сербская партія не могла этимъ удовлетвориться: какъ боснійскіе сербы, такъ еще болѣе сербы изъ королевства изо всѣхъ силъ старались привлечь мусульманъ на свою сторону; было очевидно, что въ Босніи та партія будетъ имѣть перевѣсъ, къ которой примкнутъ мусульмане. Но всѣ надежды сербской партіи были тщетны, — мусульманъ ничѣмъ нельзя было уговорить пристать къ ней. Такъ какъ въ послѣдній десятокъ лѣтъ въ Босніи, въ отличіе отъ другихъ краевъ,

не было собственно борьбы между хорватами и сербами, то эти попытки сербской партіи не беспокоили противную сторону; только въ послѣдніе два, три года сербско-хорватскія отношенія приняли въ Боснѣ болѣе острый характеръ. Причинъ этого явленія не будемъ касаться, чтобы не навлечь на себя упрека въ пристрастіи. Въ всякомъ случаѣ мусульмане низачто не хотѣли сойтись съ сербами. Равнымъ образомъ они не признавали себя и хорватами. Но отъ этихъ послѣднихъ мусульмане не сторонились и не только не проявляли къ хорватской партіи ненависти, а скорѣе были съ нею въ хорошихъ отношеніяхъ. Причиной тому было по всей вѣроятности сильное культурное воздѣйствіе Хорватіи на здѣшнихъ мусульманъ. Загребъ, несмотря на все противодѣйствіе правительства, запрещавшаго доступъ отсюда въ Босну книгъ и газетъ, сталъ въ сильной степени вліять на нашихъ мусульманъ, и молодые образованные мусульмане стали все болѣе и болѣе признавать себя хорватами. Объ этомъ впрочемъ не сожалѣло старшее поколѣніе мусульманъ. И послѣдніе питали надежду на Хорватію и задавали вопросъ, не лучше ли было бы имъ соединиться въ одномъ государствѣ съ хорватами и вмѣстѣ съ ними бороться за свои народныя права, чѣмъ терпѣть притѣсненія нѣмцевъ. Хорватское движеніе среди мусульманъ особенно сильно было въ Мостарѣ и Сараевѣ, гдѣ сосредоточивалось ихъ болѣе молодое интеллигентное поколѣніе и учащаяся молодежь. Не замедлило вмѣшаться въ дѣло правительство, подозрительно смотрѣвшее на это сближеніе. Правда, правительство явно не выступало въ начавшейся реакціи, но всюду была его рука. Реакція эта по своей сущности самая комичная изъ всѣхъ преградъ, которыя до сихъ поръ ставили нѣмцы развитію нашего народнаго дѣла. Реакція эта зовется «боснійствомъ». Настоящій правительственный маневръ подобенъ таковому же въ Далмаціи въ 1873 году. Когда тамъ народная партія настолько окрѣпла, что сломила итальянизмъ, правительство покушалось выставить противъ нея новую партію, которая была бы враждебна соединенію съ Хорватіей. Такъ возникла мѣстная «земская» партія; она скоро исчезла. Какая цѣль боснійства? Оно создано для мусульманъ, не желающихъ быть ни сербами, ни хорватами, но называющихъ себя преимущественно мѣстнымъ прозваніемъ—босняки. И языкъ ихъ не долженъ быть ни сербскимъ, ни хорватскимъ, но боснійскимъ. Официозно зовется впрочемъ этотъ боснійскій языкъ еще и земскимъ языкомъ (*zemaljski jezik*).

Понятно, но главѣ этого движенія долженъ былъ быть выставленъ какой-нибудь мусульманинъ, Таковой скоро нашелся въ лицѣ Мехмедъ-Бега-Капетановича. Онъ основалъ и газету подъ этимъ новымъ названіемъ, газету, въ которой онъ возбуждалъ провинціальныя сепар-

ратизмъ у еще не просвѣщеннаго народа. Бегъ Капетановичъ, потомокъ стараго герцеговинскаго дворянскаго рода, поклонникъ восточной турецкой культуры, много читалъ и путешествовалъ и ядренымъ умомъ пополнилъ недостатокъ систематическаго образованія. Онъ былъ назначенъ «правительственнымъ совѣтникомъ» (Regierungsrath), — мѣсто, оплачиваемое большимъ жалованьемъ и представлявшее выгодную синекуру, которая къ тому же ничѣмъ особеннымъ не стѣснительна, но зато бега сильно связываетъ. Между мусульманами Мехмедъ пользовался довольно большимъ вліяніемъ, пока не обнаружилось правительственное происхожденіе боснійства. Играть политическую роль сильно побуждало Мехмеда его честолюбіе; онъ не могъ поступиться заманчивой дружбой съ генераломъ, Regierungsrath'омъ, и съ остальными высшими австрійскими чиновниками. Рядомъ съ Мехмедомъ дѣйствовали еще нѣсколько болѣе или менѣе зависимыхъ отъ правительства мусульманъ, а также люди, которые подобной политикой надѣялись достигъ преобладанія надъ противоположнымъ элементомъ въ Боснѣ. Но свободомыслящіе и независимые мусульмане не одобряютъ дѣйствій Капетановича. Программа его политической дѣятельности можетъ быть выражена въ двухъ пунктахъ: а) раздробить цѣлость народа, раздѣливъ его съ помощью «боснійства» на три части вмѣсто двухъ, и б) восхвалять во всемъ правительство и его приспѣшниковъ въ Вѣнѣ и Пештѣ.

Эта агитація подъ флагомъ «боснійства» принесла довольно много вреда мѣстному населенію. Правительство надѣялось, что мусульмане сразу и безъ оглядки пойдутъ по этому указываемому имъ пути. Но независимые старѣйшіе мусульмане до сихъ поръ были враждебны «боснійству» и какъ они будутъ относиться къ нему впередъ — трудно сказать. Прежде всего они сами не знаютъ, на что рѣшиться — по своей бояливости и зависимости отъ мѣстной администраціи, хотя и не сразу замѣтной. Врядъ-ли они когда-нибудь сойдутся съ сербами: соединеніе съ хорватами имѣетъ болѣе вѣроятности. Вообще мусульмане по своей природѣ большіе консерваторы, переменъ не желаютъ, съ трудомъ приспосабливаются къ новымъ порядкамъ даже тогда, когда ихъ заставляютъ силой, не говоря уже о томъ, чтобы они сами вводили ихъ. И у молодежи мусульманской «боснійство» не имѣетъ успѣха, и поэтому въ хорватскихъ газетахъ они постоянно пишутъ противъ него. Тѣмъ не менѣе оно всетаки принесло свои вредныя послѣдствія. Поддерживая «боснійство» (недавно министръ Каллай защищалъ его въ делегаціяхъ), правительство по правилу *divide et impera* строго относится къ другимъ партіямъ. Сербовъ оно подозрѣваетъ въ заграничныхъ симпатіяхъ, противъ чего они протестуютъ, выражая при всякомъ случаѣ свою лойяльность. Но правительство

не очень довѣряетъ имъ, старается всѣми способами склонить ихъ на свою сторону и примирить съ собой, и смотря по обстоятельствамъ во многомъ поддерживаетъ ихъ. Но разумѣется, нельзя все-таки сказать, что сербы спятъ на розахъ. Хорваты же, не скрывающіе симпатій къ Загребу и видящіе въ немъ свое спасеніе, находятся въ худшемъ положеніи. На нихъ нѣмцы и мадьяры смотрятъ какъ на враговъ господствующей системы дуализма. Паденія и уничтоженія этой системы они болѣе опасаются, чѣмъ отдѣленія какой-нибудь провинціи отъ имперіи. Поэтому дѣло дошло до того, что въ Босніѣ запрещено обществамъ называть себя хорватскими, а хорватская, выходящая въ Мостарѣ газета посылается на цензуру въ Сараево. Еслибы что-нибудь написанное въ хорватскомъ духѣ было прислано въ Босну извнѣ, оно разумѣется никогда не попадетъ въ руки адресата. Однимъ словомъ свобода печати и общественнаго мнѣнія здѣсь сильно ограничена. Правительство боится всѣхъ и всякаго; не держась одного направленія, оно завтра станетъ преслѣдовать то, что сегодня еще поддерживало, коль скоро почувствуетъ силу возникающаго вліянія съ чьей-либо стороны. Въ нынѣшнемъ полномъ хаосѣ идей и народныхъ началъ, который чреватъ «боснійствомъ», правительство какъ будто успокоилось, но не настолько, чтобы оно могло равнодушно смотрѣть на все болѣе и болѣе усиливающееся пробужденіе народнаго самосознанія. Поэтому по области разсыяно много агентовъ, которые все подслушиваютъ, за всѣмъ смотрятъ, о всемъ доносятъ. Одни наблюдаютъ за простымъ народомъ, другіе за интеллигенціей; причѣмъ къ католикамъ приставлены католики, къ православнымъ православные, къ мусульманамъ мусульмане. Итакъ народъ еще не уяснилъ обѣ новыхъ условій своей новой политической жизни. Нельзя поэтому рѣшительно говорить: народъ въ Босніѣ и Герцеговинѣ думаетъ такъ, а не этакъ, хочетъ того, а не другого. Да и вообще трудно сказать, имѣетъ ли въ настоящее время масса простаго народа опредѣленные желанія въ сферѣ національной и политической. Все, что мы говорили о политической жизни народа въ Босніѣ и Герцеговинѣ, должно быть понимаемо въ очень узкихъ предѣлахъ. Собственно говоря, что, нибудь думаетъ и дѣлаетъ лишь весьма малочисленная его интеллигенція. Въ самомъ же простомъ народѣ нѣтъ еще національнаго движенія и все выраженіе народной жизни и мысли сводится лишь къ жалобамъ на свое дурное экономическое положеніе. Народъ еще не настолько пришелъ къ сознанию, чтобы могъ понять тѣсную связь народныхъ и политическихъ интересовъ съ экономическими.

Многіе думаютъ, что для Босны полезно было бы получить возможно скорѣе конституцію и земскій сеймъ съ выборными народ-

ными представителями. По нашему мнѣнію, нельзя найти болѣе убійственнаго средства, болѣе страшнаго яда для неврѣлаго и непро-свѣщеннаго народа, какъ именно парламентаризмъ. Онъ тотчасъ же сталъ бы мощнымъ оружіемъ противъ истинныхъ народныхъ интересовъ, представилъ бы себя «голосомъ Босны» для достиженія цѣлей, далеко не полезныхъ для нея. Нѣтъ, неврѣлимый и довольно неразвитой массѣ народа нельзя давать въ руки такого остраго оружія, которымъ она ранила бы самое себя.

VI

Нашъ краткій, но возможно точный очеркъ касается современнаго положенія Босны и Герцеговины. Но высказываются сужденія и о будущности этой области, и сужденія весьма разнообразны. Объ этомъ вопросѣ много говорили въ прошлыхъ засѣданіяхъ австро-угорскихъ делегацій чехи, говорили и нѣмцы. Извѣстно, какъ думаютъ объ этомъ сербы; извѣстно, какъ о томъ толкуютъ друзья тройственнаго союза, съ самоувѣренными мадьярами во главѣ. Лишь мало извѣстно, что думаютъ о Боснѣ люди, составляющіе гордость живущаго въ ней народа; не много извѣстно, что думаютъ хорваты. Правда, делегатъ Спиничичъ отъ имени хорватовъ въ настоящее время отозвался на данный вопросъ двумя рѣчами, но было бы не лишне еще кое-что добавить къ этому, а особенно замѣчанія такого рода, которыя легче выразить на бумагѣ, чѣмъ высказать въ парламентѣ.

Въ Европѣ нѣтъ другой страны, въ которой бы политическія и этнографическія отношенія были такъ запутаны, какъ въ Боснѣ. Политическія — потому, что положительно неизвѣстно, кому она принадлежитъ и будетъ принадлежать. Этнографическія — потому, что за нее ссорятся двѣ родныя земли — Сербія и Хорватія, и не извѣстно, которая изъ нихъ ей милѣе и которая имѣетъ на нее больше правъ. Восточный вопросъ — яблоко раздора, брошенное въ Европу, а боснійскій — другое такое же яблоко, брошенное между славянами. Нельзя скрывать, что положеніе сербовъ и хорватовъ весьма печально, и междоусобная борьба способна истощать ихъ лучшія силы. Не наша задача упоминать здѣсь объ этомъ. Выдвинемъ лишь ту истину, которой многіе не хотятъ признать. Именно главный центръ и вся тяжесть боснійскаго вопроса въ обладаніи Босной и Герцеговиной. Мы, сербы и хорваты, два небольшихъ племени, которыя, даже соединившись, едвали могли бы противиться силѣ германизации; мы раздѣлены и таскаемъ другъ друга за волосы на радость нашихъ враговъ, а между тѣмъ они первые подстрекаютъ насъ. А пока каждый изъ насъ присвоиваемъ себѣ Босну и Герцеговину, третій

сѣдется надъ нами и говорить: «Глупцы! Босна имъ твоя, ни его, а должна быть моя». И дѣйствительно одинъ онъ извлекаетъ изъ нея выгоды.

Но что дѣлать! И мы люди, и мы имѣемъ свои недостатки и хотя сознаемъ ихъ, не знаемъ врачеванія противъ нихъ. Мы воспитаны въ раздорахъ и политически такъ раздѣлены, что ни одинъ изъ передовыхъ хорватскихъ дѣятелей, подобно еп. Штросмайеру, не могъ доказать, что для насъ существуютъ общіе интересы. Съ различныхъ точекъ зрѣнія смотрятъ сербы и хорваты на Босну. Сербъ говоритъ: «Босна моя»; хорватъ: «нѣтъ, моя» и не умѣютъ сказать вмѣстѣ: «Босна — наша». Кто же изъ нихъ двухъ имѣетъ право присвоить себѣ Босну и кому, при отсутствіи согласія, Босна должна достаться — мы не можемъ судить, и нашъ судъ не будетъ компетентенъ. Нашъ принципъ такой: хорваты и сербы — одинъ народъ и имъ, какъ единому цѣлому, принадлежитъ Босна. *

Но вопросъ объ именахъ оставимъ въ сторонѣ. Въ боснійскомъ вопросѣ у хорватовъ (да и вообще у австрійскихъ славянъ) есть своя особенная точка зрѣнія. Если Австрія желаетъ себѣ благоденствія и спокойствія, она должна удовлетворить тѣ 20 милл. славянъ, которые живутъ въ ней. Славяне австрійскіе въ свою очередь хотятъ такой Австріи, въ которой они могли бы свободно осуществить свои права, — Австріи дружественной къ славянству, составляющему большую ея часть. За эту программу борются теперь въ Австро-Угрии преимущественно чехи и хорваты. Поляковъ сюда нельзя причислять: они изъ ненависти къ русскимъ поддерживаютъ нѣмцевъ и всегда готовы совершать еще многое такое, что мы и представить себѣ не можемъ. И въ нынѣшнемъ невыгодномъ положеніи славянъ въ Австріи много виноваты именно они, поляки. Это уже не защитники славянства. Къ истиннымъ защитникамъ его надо причислить еще словинцевъ, австрійскихъ русскихъ, сербовъ и наиболѣе обиженныхъ судьбою — словаковъ.

Югъ австрійской монархіи, населенный хорватами, словинцами и отчасти сербами, больше всего привлекаетъ нѣмцевъ и мадьярскія вождѣнія, благодаря его приморскому положенію. Поэтому прежде всего необходимо освободить этотъ югъ отъ чужеплеменнаго преобладанія, поставить его на собственные ноги. А это возможно лишь въ томъ случаѣ, если образуется сильная группа съ центромъ въ Загребѣ и Хорватіи, уже теперь пользующейся нѣко-

* Въ этомъ и дальнѣйшемъ отражается точка зрѣнія хорватская, нѣсколько односторонняя. Ред.

торой автономіей. Эта группа играла бы на югѣ такую же роль, какая образуетъ на сѣверѣ группа, сосредоточивающаяся около Праги. За это-то хорваты, подобно чехамъ, особенно борются. Но безъ Босны эта южная самостоятельная группа не можетъ быть прочной и безопасной. Достаточно взглянуть на карту, чтобы убѣдиться, какъ Босна прямо врѣзывается въ Хорватію, Славонію и Далмацію, какъ они составляетъ грудь и сердце этихъ земель, особенно Далмаціи, земель, въ которыхъ живетъ тотъ же самый братскій народъ и говоритъ тѣмъ же самымъ языкомъ. Задача весьма трудная и надо сказать откровенно: если не удастся соединить съ ними Босну, эти земли не будутъ имѣть главной опоры своего политическаго и экономическаго развитія. Безъ обладанія Босною освобожденіе славянъ на югѣ австрійской монархіи не можетъ совершиться, а если бы и совершилось, было бы непрочное.

Вотъ главныя побужденія, ради которыхъ хорваты, а съ ними и словинцы, стремятся соединиться съ Босною. Хорваты и словинцы какъ авангардъ стоятъ въ непосредственномъ соприкосновеніи съ иноплеменниками. Только послѣ уничтоженія хорватовъ можетъ иноземная стихія двигаться далѣе на востокъ. Поэтому-то хорваты, защищая себя и другихъ и заграждая путь врагу, стремятся усилиться, найти возможно болѣе союзниковъ. Никто этого не можетъ ставить имъ въ вину. Дѣйствительно, справедливо ли желать, чтобы палъ тотъ народъ, который, несмотря на свою малочисленность, охранялъ Европу противъ турокъ, который въ послѣднія 30—40 лѣтъ такъ много сдѣлалъ во многихъ сторонахъ общественной жизни! Культура характеровъ, развитая ихъ собственными силами, весьма высока и лучшіе ученые удивляются величію прогресса Хорватіи. Объ этомъ свидѣтельствуютъ: Рамбо, Леже, Канту и др.

Да и вообще, могутъ ли австрійскіе славяне подняться на лучшую будущность, пребывая составною частью Австро-Угрии, и какими средствами имъ можно достигнуть этой будущности? Всѣ политическія явленія послѣдняго времени подкрѣпляютъ въ славянахъ надежду на лучшее будущее. Славянскіе народы долго спали глубокимъ сномъ и иноземцы распоряжались ими по своей волѣ. Теперь славяне борются за свои права и свободу на политическомъ, культурномъ и экономическомъ полѣ. Правда, славяне не осуществили еще своихъ желаній, но нужно признать, что они уже достаточно подвинулись впередъ. Возьмемъ чеховъ. 30 лѣтъ назадъ чешскій народъ былъ прикрытъ нѣмецкимъ покровомъ; истинные патриоты боролись только за существованіе азыка; школы были нѣмецкія; интеллигенція мыслила не по-чешски, среди ея не было слышно чешскаго слова, а борцы за народность въ защиту ея были

принуждены писать по-нѣмцки. Теперь въ Чехіи и народъ и интеллигенція по чувствамъ, мыслямъ и языку—чехи. Подобное этому было въ Крайнѣ, Хорватіи и Славоніи, которыми повелѣвала нѣмечина, а теперь она оттуда уже вытѣсняется. Въ Истріи и Далмаціи было еще хуже. 20—30 лѣтъ назадъ всѣ школы были итальянскія, утратившая народность интеллигенція стыдилась своего имени и считала себя частью чуждаго народа. Нынѣ мы видимъ нѣчто другое, лучшее. Вотъ почему мы надѣемся и твердо вѣримъ въ существованіе и будущность славянъ.

Дубровчанинъ.

ЧЕРНОГОРІЯ ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ

ТРИНАДЦАТЬ лѣтъ назадъ отъ Котора до Цетинья не было другого пути, какъ крутая, въ уступахъ, короткими зигзагами поднимающаяся дорога, по которой можно было только пройти пѣшкомъ или проѣхать верхомъ. И этой самою дорогою шли всевозможныя тяжести, причемъ вещи громоздкія, какъ мебель, даже пушки переносились на рукахъ. Однажды доставка колокола на Цетинье стоила такимъ образомъ ок. 1000 флор. А ящики съ посудой и другими ломкими вещами, даже доски и бревна для построекъ и т. п. все путешествовало преимущественно на спинахъ черногорскихъ женщинъ. А теперь? Отъ Котора не только до Цетинья, но и далеко внутрь Черногоріи, до Подгорицы и Никшича вы спокойно ѣдете въ коляскѣ, безпрестанно встрѣчая по пути партіи огромныхъ телѣгъ, запряженныхъ парой, тройкою и даже четверкою лошадей, провозящихъ туда и обратно самые разнообразныя товары.

Вслѣдствіе этого прежде всего увеличилась торговля Черногоріи, что отражается на возрастаніи городовъ. Цетинье за эти 13 лѣтъ почти удвоилось: прежде было ок. 1000 душъ, а теперь ок. 1800. Въ Подгорицѣ и Никшичѣ возникли совершенно новые два города; то же самое происходитъ и внутри страны, гдѣ мѣстечки съ какимъ-нибудь десяткомъ домовъ преобразились въ городки. А что и говорить о наружномъ видѣ и различныхъ удобствахъ во внутреннемъ устройствѣ ихъ! Въмѣсто лабиринта кривыхъ улицъ, вымощенныхъ булыжникомъ, по которымъ трудно было пройти не спотыкаясь, — теперь всюду прямыя, шоссированныя улицы, съ обширными площадями, засаженными деревьями. Особенно въ этомъ отношеніи успѣваетъ Цетинье, въ послѣднее время снабженное прекрасною водою, доведенною посредствомъ трубъ изъ ключей, нахо-

дящихся за 10 верстъ. Темныя и тѣсныя лавки всюду преобразились въ свѣтлыя и просторныя магазины. Есть порядочныя гостиницы, и даже простыя корчмы или ханы снабжены чистыми постелями.

Черногорія до недавняго времени извѣстна была только по описаніямъ путешественниковъ, весьма рѣдкихъ и ограничивавшихся притомъ только Нѣгушами и Цетиньемъ, и самое большое Рѣкой Черноевича; теперь ее посѣщаютъ каждагодно сотни иностранцевъ, изъ которыхъ многіе проникаютъ далеко въ глубь Черногоріи, изучая ее во всѣхъ отношеніяхъ. Новизна и оригинальность природы ея привлекаютъ и ученыхъ, которые проводятъ въ изученіи ея по нѣсколько лѣтъ сряду; въ послѣднее же время особенно привлекаетъ къ себѣ вниманіе Діоклея съ предпринятыми въ ней раскопками.

Черногорія вообще считается страню бѣдною. Такою она и была, пока не было путей сообщенія; а теперь этого нельзя сказать. Одиѣ торговыя пошлины (по 4% со стоимости всякаго заграничнаго товара, кромѣ питій, на которыя существуетъ другая, высшая такса) казна получаетъ ок. 150.000 ф., что выражаетъ капиталъ болѣе 3 милліоновъ (съ сентября пошлина повышена на 6%). Являются охотники эксплуатировать лѣсныя богатства Черногоріи, до сихъ поръ лежавшія втунѣ. Въ прошломъ году изслѣдоваль ихъ какой-то французскій инженеръ; а въ нынѣшнемъ году была другая компанія. По расчету специалиста этой послѣдней въ окрестностяхъ Никшича, болѣе доступныхъ для вывоза, находится до 6000 гектаровъ прекраснаго буковаго и частью хвойнаго лѣса, которые могутъ доставить 60 милліоновъ куб. метр. дерева, — количество, дающее возможность сдѣлать требуемыя для эксплуатации капиталныя затраты, именно выстроить желѣзную дорогу отъ Никшича до Плавницы (ок. 70 килом.), откуда возможно уже водяное сообщеніе. Желѣзная дорога впоследствии перешла бы во владѣніе Черногоріи, съ условіемъ однако, чтобъ правительство черногорское гарантировало этой компаніи 4%. Послѣднее предложеніе довольно странно, потому что компанія строить дорогу специально для провоза лѣса, а что будетъ сверхъ того, доставить ей же дополнительный доходъ. Да и вообще, еслибы дали Черногоріи совершенно даромъ вѣточку желѣзной дороги, не связанной ни съ какою другою большою линіей, она не могла бы принять дара, такъ какъ одно содержаніе такой дороги было бы Черногоріи въ убытокъ, какъ въ настоящее время она не можетъ безъ убытковъ содержать подаренный ей Россією пароходъ «Ярославль», огромный и прекрасный во всѣхъ отношеніяхъ, но потребляющій слишкомъ большое количество угля. Если же дѣло можетъ обойтись безъ желѣзной дороги,

то оно можетъ быть очень полезно тѣмъ, что научить самихъ черногорцевъ копить свои богатства и покажетъ способы ихъ эксплуатаціи.

Что касается земледѣлія, то и въ немъ замѣчается большой успѣхъ. Не располагая точными статистическими данными, которыми правительство черногорское не дѣлится ни съ кѣмъ, храня ихъ исключительно для своихъ цѣлей, мы рассчитываемъ приблизительно, что за послѣдній десятокъ лѣтъ земли обрабатывается по крайней мѣрѣ на $\frac{1}{4}$ болѣе, чѣмъ прежде. Это можно видѣть по множеству вновь раздѣланныхъ земель, прежде лежавшихъ втунѣ, около Никшича, между Даниловымъ-градомъ и Подгорицей, въ Васоевичяхъ, Пивѣ и Драбникахъ.* Въ Ульцинскомъ округѣ поселилось уже болѣе 100 семействъ черногорцевъ на землѣ, вновь открывшейся вслѣдствіе осушенія болота посредствомъ канала, прокопаннаго по измѣреніямъ и подъ управленіемъ русск. воен. топографа В. И. Вармана. Въ прошломъ году, когда вообще въ Черногоріи былъ слабый урожай, изъ Ульцина вывезено было, хотя и небольшое количество, кукурузы въ Далмацію.

Особенное вниманіе обращается на разведеніе виноградниковъ, которые должны занять гораздо большую площадь, чѣмъ какую они занимали до настоящаго времени; а также на разведеніе маслинъ и другихъ плодовыхъ деревьевъ. Во многихъ частяхъ Черногоріи винодѣліе и садоводство могли бы приносить гораздо болѣе доходъ, чѣмъ сѣяніе хлѣба, но этому мѣшаетъ рутинна. Все равно какъ во многихъ мѣстахъ вмѣсто кукурузы, требующей болѣе жирной земли и влажнаго лѣта, слѣдовало бы сѣять пшеницу, которая созрѣваетъ въ началѣ іюня—тогда еще не оказывается вліяніе засухи—вмѣсто фасоли, побиваемой морозомъ въ Пивѣ, Драбникахъ и части Васоевичей, съ большимъ успѣхомъ могли бы сѣять горохъ, о которомъ здѣсь не имѣютъ и понятія; но народъ, слишкомъ консервативный во всемъ, и въ такомъ случаѣ крѣпко держится кукурузы, не обращая вниманія ни на почву, ни на климатъ.

Въ прежнее время, до послѣдней войны, была попытка основать ферму земледѣльческую и при ней школу, но дѣло въ то время было прервано войной; и это начинаніе осталось безъ послѣдствій. Два года назадъ опять былъ приглашенъ агрономъ, который до сихъ поръ преподавалъ основы земледѣлія вмѣстѣ съ естественными науками въ гимназій и женскомъ институтѣ, человѣкъ знающій и въ дѣлѣ своемъ въ высшей степени добросовѣстный; въ этомъ году ему же

* Данныя относительно количества обрабатываемой земли и распредѣленія ея на населеніе и приносимыхъ ею доходовъ за 1880 г. мы сообщили въ «Слав. Изв.», кажется, за 1883-й г.

было поручено открыть отдѣльное заведеніе, въ которомъ онъ съ однимъ помощникомъ преподавалъ бы воспитанникамъ теорію, а въ благоприятное время занимался бы съ ними практически на отведенномъ для этого участкѣ. Для начала больше и не нужно Черногоріи; впоследствии такое заведеніе могло бы развиться въ цѣлую школу, только бы оно осуществилось. Мы возлагаемъ большія надежды на это учрежденіе, потому что предназначенный въ управители его г. Ерговичъ, за короткое время пребыванія своего въ Черногоріи, успѣлъ уже принести нѣкоторую пользу преподаваніемъ и статейками по своей спеціальности, а на практикѣ—заведеніемъ небольшого питомника въ Подгорицѣ и вообще опытами и указаніями на дѣлѣ въ отрасли земледѣлія, заслуженно приобрѣлъ всеобщія симпатіи и довѣріе. Онъ же выработалъ планъ улучшенія породы скота путемъ, по нашему мнѣнію, самымъ раціональнымъ: вмѣсто прямого перенесенія экзemplаровъ лучшей расы на черногорскую почву и смѣшенія съ нею домашней породы, онъ предлагаетъ предварительно усовершенствовать свою собственную породу подборомъ изъ нея же лучшихъ экзemplаровъ и смѣшивать съ лучшими расами только эту свою усовершенствованную породу. Однимъ словомъ въ этихъ отрасляхъ жизни Черногорія замѣтно подвинулась впередъ, и многое дѣлается правительствомъ для дальнѣйшаго успѣха. Къ сожалѣнію нельзя того же сказать объ индустріи: она отчасти подавляется громадною производительностью сосѣднихъ Черногоріи странъ, Австріи и Италіи, стоящихъ на высокой степени индустріальнаго развитія; а отчасти, сказать правду, она просто находится въ пренебреженіи и даже въ презрѣніи. Причина этого явленія заключается въ вѣчно военномъ положеніи и военномъ духѣ Черногоріи, что тяжелымъ гнетомъ ложится даже на большихъ государствахъ, а маленькую Черногорію совершенно тормозитъ во всѣхъ отношеніяхъ, развивая въ народѣ инстинкты, идущіе въ разрѣзъ съ потребностями сельской культуры. Патриархальныя времена для Черногоріи миновали, когда черногорецъ боролся съ наступающимъ на него непріателемъ за вѣру отцовъ и свободу, воюя на свой страхъ, какъ говорится «о своей торбицѣ», гдѣ ему сподручнѣе, не имѣя въ виду никакихъ наградъ и отличій, кромѣ побѣды надъ непріателемъ и доброй славы между своими одноплеменниками. Теперь онъ поставленъ во фронтъ, какъ и всякій солдатъ въ Европѣ, которому, какъ дойдетъ дѣло до войны, приходится считаться со встрѣчающимся на каждомъ шагу начальствомъ, и самъ онъ мѣтитъ попасть тоже въ начальство. Прежде черногорецъ никогда не разставался съ оружіемъ, вслѣдствіе того что ему постоянно угрожала опасность; а теперь, кромѣ никогда не остающагося револьвера, онъ обязанъ носить и ружье, если отправляется на разстояніе двухъ часовъ отъ сво-

его дома, какъ солдатъ, хотя бы это было въ самой серединѣ Черногоріи, куда непріятель никогда не доходилъ, и за неисполненіе этого закона онъ подвергается денежному штрафу, что для него тяжело, чѣмъ встрѣча лицомъ къ лицу съ непріятелемъ. Правда, и въ настоящее время, какъ и прежде, содержаніе войска въ мирное время не стоитъ государству ничего. Но военная служба и въ мирное время отвлекаетъ сравнительно слишкомъ большія силы. Такъ, въ гражданскомъ управленіи находится всего 192 чиновника (не считаемъ въ томъ числѣ министерства нар. просв. и священства), тогда какъ въ военномъ 9 бригадировъ, 8 бригадныхъ адъютантовъ, 51 батальонный командиръ и столько же подкомандировъ, 8 управляющихъ крѣпостями, въ которыхъ находятся военные склады и оружейныя фабрики; на каждый батальонъ нужно считать, по крайней мѣрѣ, по 6 офицеровъ. Общее число всѣхъ военныхъ чиновъ достигаетъ 433 чел. слѣдоват. больше чѣмъ вдвое противъ гражданскихъ. Жалованье этимъ военнымъ чинамъ очень ничтожное. Но все это не можетъ не быть въ ущербъ рабочимъ силамъ, не парализовать чисто гражданскую дѣятельность и не вносить въ то же время нѣкотораго разложенія коренныхъ основъ народной жизни. Насколько однако такое положеніе неизбежно, показываетъ примѣръ другихъ государствъ, съ тою только разницею, что въ Черногоріи при ея маломъ объемѣ это ощущается сильнѣе.

Но что дѣлать? *A la guerre comme a la guerre!* А между тѣмъ вслѣдствіе такого военного настроенія черногорецъ съ презрѣніемъ относится къ ремеслу. уступая этотъ прекрасный источникъ богатства, «это золотое дно» по русскому выраженію, иностранцамъ изъ Италіи, Далмаціи и другихъ мѣстъ Австріи и изъ Албаніи, исключительно католикамъ по вѣрѣ, соединяющей ихъ въ одно и дающей имъ силу. Въ Цетиньѣ ихъ находится до 250 душъ; а въ то же время они ширятся въ другихъ городахъ и даже по селамъ. Прежде когда ихъ было мало, они совершенно сливались со всѣми жителями Цетинья: праздновали одни и тѣ же праздники; черногорскій православный священникъ совершалъ имъ погребеніе, а иногда и крестилъ дѣтей. Теперь они составляютъ свой особый міръ; ихъ безпрестанно посѣщаютъ ихъ священники, иногда и архіепископъ; они имѣютъ свой молитвенный домъ въ Цетиньѣ и можетъ быть скоро, поддерживаемые тремя католическими миссіями, потребуютъ основанія своей особой церкви, что будетъ совершенно послѣдовательно. Не въ этомъ однако главное дѣло, а въ томъ, что они своимъ трудомъ зарабатываютъ не меньше того, что получаетъ чиновникъ средней руки, и всякій, кому есть потребность въ мастерствѣ или ремеслѣ, чувствуетъ зависимость отъ нихъ. Что же мѣшаетъ черногорцу заняться мастерствомъ или ремесломъ?

Онъ кромѣ того что очень способенъ, расположенъ къ тому, но это «исподъ его достоинства». Такова сила привычекъ и предубѣждений, хотя бы и не коренящихся въ народномъ характерѣ, а слагающихся и воспитывающихся только подъ вліяніемъ обстоятельствъ внѣшнихъ, временныхъ и случайныхъ. Устраните ихъ и вы увидите черногорца совершенно другимъ, и это когда-нибудь должно быть: въ томъ убѣждаютъ насъ факты, сбывающіеся на нашихъ глазахъ. Такъ, слушая простое черногорское пѣніе, въ которомъ иногда нѣтъ ни мелодіи, ни гармоніи, многіе составили себѣ убѣжденіе о полной неспособности черногорца къ музыкѣ; а между тѣмъ въ настоящее время изъ тѣхъ же черногорцевъ составленъ оркестръ духовой музыки въ 30 человекъ, который съ честью приняли бы всюду, гдѣ давно уже развита музыка. Еще больше должно удивляться успѣхамъ въ пѣніи въ гимназій, гдѣ участвуютъ въ хорѣ всѣ безъ различія. Тамъ же мы имѣли случай наблюдать и необыкновенную способность черногорцевъ къ рисованью. Впрочемъ, коснувшись школы, замѣтимъ, что мы въ продолженіе многолѣтняго своего наблюденія пришли къ заключенью, что неспособныхъ учениковъ въ Черногоріи вовсе нѣтъ, исключая только какихъ-нибудь баловней, которые или просто не имѣютъ охоты къ ученію, или не видятъ въ немъ надобности, рассчитывая хорошо пристроиться и безъ того, благодаря хорошимъ средствамъ или положенію своихъ родителей. Но пойдѣмъ далѣе.

Съ послѣдней войны (1876—78 гг.) Черногорія вступаетъ въ новую фазу политической жизни. Окончательно признана всѣми державами ея политическая самостоятельность; границы Черногоріи расширились, причѣмъ въ составъ ея вошли и инородные элементы, какъ албанцы, а еще больше иновѣрцы: католики и мухамедане. Прѣжнія политическія учрежденія, основанныя на племенномъ началѣ, съ сенатомъ во главѣ, въ которомъ засѣдали представители племенъ и съ племенскими капитанами, представителями административной и военной власти внутри Черногоріи, — не могли согласоваться съ новыми требованіями и задачами государства. Черногорія вступила въ составъ государствъ Европы, принявъ ея постоянныхъ дипломатическихъ представителей и сносясь съ ними, какъ равный съ равнымъ. Съ приобрѣтеніемъ бѣльшихъ политическихъ правъ, Черногорія въ то же время должна была принять на себя и нѣкоторыя обязательства и отвѣтственность, именно за миръ и добрыя отношенія на границахъ, за охраненіе народнаго здравія и принятіе въ тѣхъ видахъ санитарныхъ мѣръ, общихъ съ другими государствами, за установленіе постоянныхъ законовъ относительно торговли и другихъ международныхъ отношеній и т. д. Съ того времени Черногорія вступаетъ въ общіе и сепаратные договоры

съ другими державами, какъ почтово-телеграфныя, санитарныя, торговые, относительно особаго положенія подданныхъ той или другой державы, и т. п.

Старый сенатъ распался на министерства и «великій судъ», а какъ высшее новѣйшее учрежденіе — поставленъ государственный совѣтъ.

Для новой жизни потребовались новые люди. Приглашены были для того люди изъ-за границы, изъ сербскихъ краевъ; но изъ нихъ остался только одинъ Павловичъ, и то попалъ онъ не на то мѣсто, куда прочили было его, а сдѣлался редакторомъ г. «Глас Црногорца», послѣ директоромъ гимназіи и наконецъ министромъ народ. просв. Другіе или вовсе не явились, или побывавши въ Черногоріи немного, удалились, добросовѣстно признавая себя къ тому неподготовленными. Такимъ образомъ привелось остаться при своихъ собственныхъ силахъ. И то нужно замѣтить: весь складъ и строй жизни Черногоріи, характеръ народа и вся обстановка жизни здѣсь настолько оригинальны, что иностранцу, хотя бы то былъ православнѣйшій сербъ, нужно потратить многіе годы, чтобы войти въ эту жизнь и освоиться съ нею; иной же не въ состояніи достигнуть этого никогда: гдѣ же ему быть администраторомъ или какимъ бы то ни было факторомъ въ новомъ, еще не установившемся въ то время государственномъ механизмѣ.

Вотъ почему правительство черногорское, чтобы не быть въ необходимости призывать сюда иностранцевъ, одною изъ главныхъ заботъ поставило для себя подготовку новыхъ людей изъ своихъ же. Первоначально эту миссію для Черногоріи выполняла исключительно Франція, гдѣ получилъ свое образованіе и кн. Николай, а впослѣдствіи она распространилась и на другія страны, особенно много черногорцевъ шло въ Россію для высшаго образованія. Въ настоящее же время черногорскихъ воспитанниковъ, кромѣ Франціи и Россіи, найдете въ Австріи, кор. Сербіи, Италіи и даже въ Цареградѣ.

Благодаря такой мѣрѣ Черногорія въ настоящее время въ высшихъ присутственныхъ мѣстахъ имѣетъ чиновниковъ съ высшимъ образованіемъ; въ войскахъ во всѣхъ баталіонахъ есть образованные офицеры, которые занимаются образованіемъ остальныхъ воиновъ; отъ времени до времени часть ихъ собирается въ особую школу и изъ нихъ образуются кадры. Такимъ образомъ составлена цѣлая артиллерійская бригада, въ которой всякій прошелъ подобнаго рода школу. Есть теперь въ Черногоріи свои врачи и инженеры.

Но основу всему должна составлять, конечно, домашняя школа, начиная прежде всего съ элементарной, которой и было посвящено все вниманіе кн. Николая въ началѣ правленія. Тогда же основана была и учительско-богословская школа для подготовки учи-

*

телей и священниковъ, которая въ свое время дала самыя лучшіе результаты: она создала не только учителей, но и вообще людей, оказавшихся достойными и на другихъ поприщахъ, гражданскомъ и военномъ. Война положила конецъ этимъ начинаніямъ и только послѣ нея, когда Черногорія стала отдыхать, опять возстановилась школа. Въ этотъ послѣдній періодъ основана гимназія, какъ заведеніе, подготовляющее для дальнѣйшаго образованія за границей; въ то же время, по окончаніи четырехъ классовъ, ученики должны были поступать въ учительско-богословскую школу. Въ началѣ при ней былъ основанъ пансіонатъ, который потомъ уничтоженъ, а въ настоящемъ году она преобразуется въ лицей, который будетъ закрытымъ заведеніемъ.

Неуклонно идетъ своимъ путемъ, съ каждымъ годомъ все больше и больше развиваясь и приобретаая все шире и шире популярность, женскій институтъ императрицы Маріи, который въ этомъ году вступаетъ въ 24-й годъ своего существованія. Переживъ послѣ г-жи Н. П. Пацевичъ небольшой періодъ застоя и колебанія, вслѣдствіе того что двѣ начальницы смѣнились въ продолженіе одного неполнаго десятилѣтія, институтъ въ настоящее время подъ управленіемъ С. П. Мертваго достигъ развитія, какого онъ не достигалъ прежде. Въ немъ въ настоящее время 41 воспитанница (прежде самое большое число достигало 28 въ продолженіе 1875—76 учебн. гг. и въ томъ числѣ только 3 своекоштныхъ); изъ общаго числа ученицъ на Черногорію приходится только 16, а остальные изъ Бокки, Дубровника, Далмаціи, Герцеговины и Босніи. Эти послѣднія всѣ почти (кромѣ четырехъ) своекоштные, слѣдовательно своими, хотя и малыми, взносами окупающія матеріальныя издержки заведенія, но еще болѣе приносящія ему чести и помогающія его моральному успѣху. Такимъ образомъ это выдающееся здѣсь заведеніе, основанное его Высокою Покровительницей въ видахъ содѣйствія женскому образованію только въ Черногоріи, съ каждымъ годомъ приобретаетъ все больше и больше вліянія и въ краяхъ, далеко за ея предѣлами. Въ нынѣшнемъ году поступили въ инст.— и двѣ католички изъ Далмаціи (а прежде была только одна албанка). Такой успѣхъ приобретаетъ институтъ не рекламами, а дѣломъ своимъ, тѣмъ воспитаніемъ и образованіемъ, которое лучше всего родители видятъ на своихъ дочеряхъ, возвращающихся къ нимъ на вакаціонное время. Упоминаемъ здѣсь объ институтѣ вскользь, чтобы только дополнить представленную выше общую картину школьнаго дѣла въ Черногоріи, и надѣемся позже поговорить объ немъ особо, когда выйдетъ его отчетъ за прошлый учебный годъ.

Цетинье, 16 ноября 1892.

Н. Ровинскій.

ЕЩЕ О ГАЛИЦКОЙ ЭМИГРАЦИИ

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ положеніе нашего народа ярко освѣщаютъ послѣднія событія—переселеніе цѣлыхъ деревень и сель, коихъ жители, бросая дома и хозяйства, бѣгутъ въ Россію. Эта эмиграція нашего народа есть послѣдствіе многихъ причинъ. Еще въ XVIII ст. Галицкое Подолье считали землею, «теущею молокомъ и медомъ», но въ настоящее время оно до крайности обѣдѣло. Главною причиною этого грустнаго явленія надобно считать истребленіе лѣсовъ. Въ Германіи 33% лѣса признаются необходимымъ условіемъ для благопріятнаго климата и плодородія земли, а у насъ лѣса составляютъ едва 18% и находятся почти всё въ Карпатскихъ горахъ, равнины же почти безлѣсны. Въ случаѣ суровой зимы земля ихъ до такой степени охлаждается, что весною и лѣтомъ западное теченіе воздуха, охлаждаясь, приноситъ постоянные дожди. Если же зима легка или по другимъ атмосферическимъ причинамъ земля нагрѣвается, тогда наоборотъ западный вѣтеръ приноситъ засуху. Въ томъ и другомъ случаѣ урожай бываетъ плохъ, не взирая на плодородіе почвы.

Другою причиною народной нищеты служитъ избытокъ населенія. По послѣдней переписи населенія, произведенной въ 1890 г., на квадратный километръ приходится у насъ 84 души, число слишкомъ большое для края, лишеннаго почти вовсе заводской и фабричной промышленности. Только Бельгія, Нидерланды, Великобританія, Италія, а изъ австрійскихъ областей Нижняя Австрія, Чехія, Слезія и Побережье (Littovale, то есть Истрія съ Триестомъ, Горница и Градиска) по густотѣ населенія превосходятъ Галичину. Франція (71 д. на 1 кв. километръ), Баварія (73 д.), Познань (60 д.) заселены слабѣе. Нѣкоторые округа Галичины заселены гуще, чѣмъ весьма промышленныя губерніи варшавская и петрововская. Напримѣръ, въ великомъ округѣ приходится 160 д. на 1 кв. километръ (тогда какъ въ варшавской губерніи 111 д. на километръ), въ вадовицкомъ округѣ 112 д. Сосѣднія русскія губерніи, находящіяся въ сходныхъ съ Галициею Подольемъ климатическихъ и почвенныхъ усло-

віахъ, имѣють населеніе въ 64—68 д. на квадратный километръ, а въ нашихъ галицко-подольскихъ округахъ: тарнопольскомъ, гусатинскомъ, залѣщичкомъ приходится на квадратный километръ по 100 душъ.

Изъ общаго пространства Галичины, составляющаго 13.640,646 морговъ, приходится на крестьянскіе и мѣщанскіе надѣлы 7.477,018 морговъ; а такъ какъ крестьянскихъ и мѣщанскихъ семействъ считается около 1.500,000, то на каждое семейство приходится по 4 морга ($2\frac{2}{3}$), количество недостаточное для прокормленія семьи, хотя правительственная статистика опредѣляетъ валовой доходъ такого хозяйства въ 140 гульд. (около 116 р. по нынѣшнему курсу). Каждое такое хозяйство на нашемъ Подолѣ платитъ 10 г. 20 крейцеровъ государственныхъ и земскихъ податей, да кромѣ того должно покрывать издержки по содержанію сельскаго учителя, священника, по постройкѣ и починкѣ церковно-приходскихъ и общинныхъ зданій, содержать персоналъ общиннаго управленія, платить различные сборы нотаріусамъ, а также прогоны чиновникамъ за малѣйшее судебное или административное дѣло. Заработокъ крестьянинъ можетъ имѣть только у помѣщика, но за рабочій день лѣтомъ въ пору жатвы получаетъ около 40 крейцеровъ (около 30 коп.), а въ остальное время года едва 10—12 кр!... Если же крестьянинъ попытается заняться кустарнымъ какимъ-нибудь промысломъ и со своимъ издѣліемъ явится на базаръ, то къ нему сейчасъ подходитъ податной инспекторъ и спрашиваетъ: «Твое ли это издѣліе? значитъ ты занимаешься промысломъ, за что долженъ платить», и облагаетъ его новою податью въ 10 гульд. Если у крестьянина нечѣмъ платить, — у него забираютъ послѣднюю корову, носильное платье и продаютъ съ публичнаго торга. Это заставляетъ мужика бросать промыселъ, такъ какъ годовой доходъ часто не составляетъ и 10 гульд. Если же вслѣдствіе неурожая, падежа или пожара мужикъ задолжаетъ въ банкѣ или въ какой-нибудь ссудной кассѣ, то его ждетъ еще горшее бѣдствіе по недобросовѣстности банковскихъ чиновниковъ. Обанкротившіеся нѣсколько лѣтъ тому назадъ банки: «Сельскій (рустигальный) банкъ» и «Кредитное городское общество» вели свое дѣло, напримѣръ, такимъ образомъ: крестьянинъ получилъ въ ссуду 200 г., выдалъ росписку въ полученіи 300 г., втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ уплатилъ 800 г., а затѣмъ банкъ потребовалъ отъ него еще 1000 г. и судебнымъ порядкомъ заставилъ его уплатить требуемую сумму. Втеченіе 10 л., съ 1873 по 1883 г., было продано такимъ путемъ съ публичнаго торга 23,235 крестьянскихъ и мѣщанскихъ хозяйствъ за 22.797,433 г. Часто можно видѣть въ Вѣнѣ оборванныхъ и босыхъ галицкихъ мужиковъ, пришедшихъ пѣшкомъ къ «цесарю» просить суда и расправы. Къ императору ихъ не допускаютъ, и они, получивъ

милостыню отъ кого-нибудь изъ нѣмцевъ, возвращаются домой въ отчаяніи.

Оказывается, что наша галицкая сельская община съ наследственнымъ подворнымъ землевладѣніемъ составляетъ болѣе слабую экономическую единицу, чѣмъ ваша великорусская община со своимъ общиннымъ пользованіемъ землею и съ круговою порукою. Западные экономисты полагаютъ, что при подворномъ пользованіи землею крестьяне больше заботятся объ удобреніи почвы и лучше ведутъ хозяйство. У насъ въ Галичинѣ этого незамѣчается. Несомнѣннымъ послѣдствіемъ подворнаго землевладѣнія у насъ слѣдуетъ признать лишь то, что болѣе смысленные и предприимчивые мужики исподволь забираютъ въ свои руки надѣлы менѣе смысленныхъ или разорившихся вслѣдствіе несчастныхъ случайностей. Такъ обр. въ деревнѣ рядомъ съ нѣсколькими зажиточными домохозяевами возникаетъ толпа бобылей и батраковъ. Удобрать же почву рационально не въ состояніи даже зажиточные мужики, такъ какъ затраты, напримѣръ, на дренажъ, искусственное удобреніе, улучшенныя сѣмена и т. п. оказываются производительными лишь при введеніи этихъ улучшеній въ широкихъ размѣрахъ. По нашему опыту, улучшение сельскаго хозяйства возможно скорѣе при общинномъ землевладѣніи. Необходимое условіе экономическаго развитія составляетъ нынѣ дешевый кредитъ, а онъ для мелкаго крестьянскаго подворнаго землевладѣнія—дѣло почти невозможное. Потому въ Германіи и въ нѣмецкихъ областяхъ Австріи для облегченія мелкаго поземельнаго кредита основываются ссудныя кассы по системѣ Рейфѣйзена, основанной на круговой поруцѣ экономической общины, коей первообразъ находимъ въ великорусской общинѣ. По системѣ Рейфѣйзена двѣ, три или нѣсколько деревень соединяются въ одно общество, обезпечивающее имуществомъ всѣхъ своихъ членовъ уплату ссудъ, полученныхъ изъ банковъ. Раздачей же этихъ ссудъ нуждающимся сочленамъ завѣдуетъ распорядительный совѣтъ, который наблюдаетъ также за тѣмъ, чтобы полученные каждымъ изъ нихъ деньги расходовались производительно.

Не менѣе важную причину эмиграціи составляютъ здѣшніе политическіе порядки, отражающіеся на всѣхъ общественныхъ дѣлахъ. Теперешняя международная политика, обусловленная тройнымъ союзомъ, выдвинула впередъ Галичину, какъ одинъ изъ предполагаемыхъ театровъ войны. Оттого поляки и вѣнское правительство оцѣниваютъ всѣ наши галицкія дѣла главнымъ образомъ съ международно-политической точки зрѣнія. Такъ обр. при постройкѣ желѣзныхъ и другихъ дорогъ военныя соображенія берутъ перевѣсъ надъ экономическими и торговыми. Даже языкъ, литература и правописаніе русскихъ галичанъ обсуждаются съ политической точки зрѣнія. Не

говоря о такихъ дѣлахъ, какъ устраненіе русскихъ отъ государственной службы по всѣмъ вѣдомствамъ, укажемъ на тотъ фактъ, что подъ вліяніемъ политическихъ начальствъ въ сельскіе старосты избираются люди самаго плохого поведенія, пьяницы, воры и лица наказанныя по суду за разныя преступленія, если только они даютъ обѣщаніе, что на выборахъ депутатовъ въ законодательныя собранія будутъ агитировать въ пользу польскихъ кандидатовъ и слѣдить за «московскою агитаціей», состоящею въ чтеніи и распространеніи русскихъ книгъ, коихъ содержаніе — наставленіе относительно богобоязненной жизни и толковаго веденія сельскаго хозяйства. Въмѣсто того, чтобы заниматься экономическими дѣлами сельскаго населенія, нашъ областной комитетъ (выдѣлъ краевый) разрабатываетъ для вѣнскаго правительства проекты о томъ, какимъ образомъ изъ политическихъ видовъ сдѣлать «русинскій» языкъ и его орографію не похожими на «россійскіе». Читающихъ русскія книги и выписывающихъ русскія газеты крестьянъ и мѣщанъ беспокоятъ полицейскими обысками, конфискують у нихъ книжки, дозволенные государственною цензурой, и часто безъ малѣйшей вины заключаютъ въ тюрьму. Извѣстно, что даже посѣщеніе Почаевской лавры называется тюремнымъ заключеніемъ. Когда въ 1890 г. вслѣдствіе неурожая постигъ Галичину голодъ, то польское начальство не пожелало ходатайствовать объ освобожденіи отъ ввозной пошлины присланнаго изъ Россіи хлѣба, и пришлось уплатить какъ извѣстно, огромную сумму казенной пошлины съ ущербомъ для голодающаго населенія. Этотъ фактъ доказываетъ отсутствіе всякаго челоуколюбія у здѣшнихъ заправиль.... Неудивительно, что при такихъ условіяхъ крестьянское населеніе Галичины было вынуждено бѣжать отсюда въ Россію, гдѣ оно надѣется улучшить свою участь. Какъ русскіе, такъ и польскіе крестьяне Галичины издавна ходятъ наниматься на работу въ привислинскія губерніи, на Волинь, въ подольскую губ. и въ Бессарабію. Возвращаясь оттуда на родину, они вносятъ въ здѣшнее населеніе такіе взгляды на положеніе дѣлъ въ Россіи, съ которыми ни поляки, ни австрійское правительство не могутъ примириться. Они рассказываютъ, что въ Россіи суды дѣйствуютъ скорѣе и обходятся дешевле, что въ управленіи порядки лучше, что низшія сословія находятъ вѣрную защиту у правительства, что объ ихъ нуждахъ печется государство, что въ Россіи всякій спокойный челоуекъ можетъ безпрепятственно заниматься своимъ дѣломъ и т. п. Оттого здѣшнее населеніе проникается симпатіей къ Россіи, и съ большимъ прискорбіемъ аристократическіе и социаль-демократическіе анархисты смотрятъ на то, какъ въ Галичинѣ укореняется «цареславіе». Но причину этого явленія они видятъ не

тамъ, гдѣ ее слѣдуетъ видѣть, а въ баснословныхъ «московскихъ рубляхъ и агитаціяхъ». Такъ и теперь многіе изъ польскихъ шовинистовъ въ эмиграціи усматриваютъ дѣло «московскаго подстрекательства», съ чѣмъ однако болѣе свѣдущіе люди, какъ изъ русскихъ, такъ и изъ поляковъ, не могутъ согласиться. У насъ много толкуютъ о «волѣ, свободѣ», но лучше бы было, еслибы люди вмѣсто этого за правило своего поведенія приняли: человѣколюбіе и справедливость...

Когда въ настоящемъ году, въ началѣ осени, шли приготовленія къ приему императора и различныя корпораціи готовились отправить свои депутаціи для принесенія ему поздравленій, тоже хотѣли сдѣлать и русскіе. Намѣревались также представить императору меморандумъ, въ которомъ исчислялись обиды, причиняемыя русскому населенію правительственными органами, такъ какъ и послѣ провозглашенія программы Романчука, домовые обыски, неосновательные аресты за паломничество въ Почаевъ, конфискація русскихъ изданій и наказаніе чиновниковъ, учителей и священниковъ за непризнаніе малорусскаго сепаратизма продолжались прежнимъ порядкомъ. Но намѣстникъ, графъ Бадени, избравъ Романчука единственнымъ представителемъ галицкихъ русскихъ, о другихъ депутаціяхъ не хотѣлъ и слышать. Так. обр. Романчукъ долженъ былъ изображать предъ императоромъ олицетвореніе клерикально-смартовхвстанской политики и сыграть роль Мазепы, какъ вдругъ разнеслись слухи о выселеніи галицко-русскихъ крестьянъ цѣлыми толпами въ Россію, а это нельзя было не считать новымъ протестомъ противъ господствующей польской партіи и ея русскихъ клеветовъ, Романчука и Барвинскаго, утверждавшаго, что малоруссы въ Галичинѣ благоденствуютъ, а только въ Россіи претерпѣваютъ ужасный гнетъ. Поѣздка императора не состоялась.

Недавно въ львовскомъ сеймѣ на защиту погранныхъ въ Галичинѣ русскихъ народныхъ интересовъ ополчились депутаты: Антоновичъ, Король и Окуневскій. Они яркими красками охарактеризовали нынѣшнее бѣдственное положеніе Галицкой Руси. Антоновичъ протестовалъ противъ нынѣшней правительственной системы и вмѣшательства поляковъ въ народныя дѣла русскихъ. Король нарисовалъ ихъ угнетенное политическое положеніе. Окуневскій раскрылъ экономическое положеніе галицкихъ сельчанъ и какъ результатъ его—выселеніе ихъ въ Россію, съ выясненіемъ его истинныхъ причинъ. «Вы довели нашъ народъ до того—заявилъ ораторъ—что ему остается лишь два выхода: возстать съ оружіемъ въ рукахъ и сокрушить ваше иго, или... уйти отъ васъ какъ можно подалѣе. Пока народъ избралъ послѣднее».

15 ноября 1892.

Галичанинъ.

СЛАВЯНОФИЛЬСТВО

по взглядамъ В. С. Соловьева

(Критическая замѣтка)

СЛИБЫ мы повѣрили славянофиламъ и ихъ слово о русскомъ народѣ приняли бы за слово его самосознанія, то намъ пришлось бы представить этотъ народъ въ видѣ какаго-то фарисея, праведнаго въ своихъ собственныхъ глазахъ, превозносящагося во имя смиренія своей добродѣтели, презирающаго и осуждающаго своихъ ближнихъ во имя братской любви и готовога стереть ихъ съ лица земли для полнаго торжества своей кроткой и миролюбивой природы». Такими словами заключаетъ Вл. С. Соловьевъ свою критику славянофильства въ статьѣ: «Славянофильство и его вырожденіе».* Приведенныя строки представляютъ такой взглядъ на славянофильство, который существенно разнится отъ возрѣній прежнихъ противниковъ его. Всѣ они старались увѣрить себя и другихъ, что славянофильство — идеализмъ, теорія, не имѣющая корней въ дѣйствительной жизни, а потому неосуществимая. «Славянофилы—люди идеи, а не дѣла»—было обычнымъ прищѣвомъ т. н. либеральной критики. Совершенно

* Второй вып. сборника: «Національный вопросъ въ Россіи» (Спб. 1891 г.), а ранѣе эта статья была напечатана въ Вѣстникѣ Европы за 1889 г., подъ заглавіемъ: «Очерки изъ исторіи русскаго сознанія».

иначе смотреть на дѣло авторъ названной статьи. По его воззрѣнію оказывается, что представлять славянофиловъ идеалистами—это значитъ вести съ ними борьбу на предательской почвѣ, дѣйствовать въ руку своимъ противникамъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ остается сокрытою дѣйствительная суть славянофильства, прямо противоположная тѣмъ качествамъ, которыя ему приписываютъ. Нужно говорить не объ идеализмѣ и неприменимости этой теоріи къ жизни, а наоборотъ, о матеріализмѣ и полнѣйшей ея применимости, ибо, какъ видимъ изъ вышеприведенной выписки, ученіе это рассчитано только на дурныя духовныя стороны человѣка и здоровыя мускулы. Устранивъ прежнюю точку зрѣнія, на которой анти-славянофильскіе полемисты стояли лишь по недоразумѣнію, г. Соловьевъ вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко убѣжденъ въ роковомъ значеніи для несимпатичнаго ему направленія указанной имъ особенности. Славянофильство отнынѣ уже не можетъ-де рассчитывать на вниманіе къ себѣ людей разумно мыслящихъ: въ области мысли и сознанія его пѣсня уже спѣта. Так. обр. мы здѣсь имѣемъ дѣло не только съ заключительнымъ словомъ о славянофильствѣ его противниковъ, но и съ рѣшительнымъ торжествомъ «западнической мысли» надъ «русскимъ сознаніемъ».

Въ виду всего этого критическая провѣрка статьи: «Славянофильство и его вырожденіе» представляетъ тему не безъинтересную.*

I

Русское сознаніе въ послѣдовательномъ ходѣ своего развитія представляетъ по г. Соловьеву три періода. Къ первому періоду относятся Хомяковъ, Кирѣевскіе, Самаринъ и Аксаковы; ко второму Катковъ; къ третьему современные націоналисты. Первые-де поклонялись русскому народу, какъ преимущественному носителю вселенской правды; второй поклонялся ему, какъ стихійной силѣ, независимо отъ вселенской правды; послѣдніе наконецъ преклонились предъ національными односторонностями и историческими аномаліями, съ прямымъ отрицаніемъ самой идеи вселенской правды. Этотъ послѣдній фазисъ русскаго сознанія—не случайное явленіе; онъ представляетъ-де собой законное завершеніе того движенія, которое было начато славянофилами въ 40—50 годахъ.

Такъ представлено дѣло въ разбираемой статьѣ. На какомъ же

* Статья эта частью уже разобрана въ брошюрѣ Д. Ѳ. Самарина: «Поборники вселенской правды» (Спб. 1890).

основаніи установлена такая связь между «двумя крайними терминами» русскаго сознанія? На основаніи фактическихъ данныхъ? Нѣтъ, все дѣло ограничивается только многочисленными ссылками на «логику», «внутреннюю логическую связь», и «внутреннюю логику основныхъ идей». Стало быть, приходится имѣть дѣло съ логикой.

Собственно славянофильство, по г. Соловьеву, состоитъ въ поклоненіи русскому народу, какъ преимущественному носителю вселенской правды. На первый разъ замѣтимъ, что славянофилы поклонялись не русскому народу, преимущественному носителю вселенской правды, а самой этой преимущественной правдѣ, которую онъ носитъ. Но вѣдь и точка зрѣнія самого автора не обязываетъ къ тому выводу, къ которому онъ приходитъ. Допустимъ, что славянофилы поклонялись русскому народу, какъ преимущественному носителю вселенской правды, но логика даетъ ли право заключать, что такой видъ поклоненія неминуемо долженъ закончиться преклоненіемъ передъ національными односторонностями и историческими аномаліями, съ прямымъ отрицаніемъ самой идеи вселенской правды? Этого не объясняетъ и посредствующее звено, такъ какъ отъ перваго вида поклоненія опять нѣтъ логическаго перехода къ поклоненію русскому народу какъ стихійной силѣ. Если славянофилы поклонялись русскому народу, то поклонялись ему какъ носителю вселенской правды, и еслибы случилось, что кто-либо изъ нихъ сталъ поклоняться національнымъ односторонностямъ и историческимъ аномаліямъ, то это зависѣло бы отъ самого этого лица, отъ степени высоты его нравственнаго характера, а не отъ внутренней логики основныхъ идей. Между тѣмъ такой переходъ г. Соловьевъ считаетъ необходимымъ: по его словамъ, къ собственному славянофильству въ настоящее время могутъ принадлежать только умалишенные или шарлатаны. Для насъ это будетъ значить, что теперь уже не существуетъ тѣхъ культурныхъ положительныхъ началъ русской народности, въ которыхъ славянофилы видѣли вселенскую правду. Но развѣ просвѣтительное начало русской жизни—православіе исчезло съ лица земли? Развѣ существенныя начала русской народности ничего кромѣ отрицательныхъ свойствъ не представляютъ? Не есть ли это непризнаніе за русскимъ народомъ человѣческаго достоинства—то самое, въ чемъ г. Соловьевъ упрекаетъ своихъ противниковъ? Дѣло же объясняется очень просто. Несомнѣнно, русскій народъ является носителемъ и началомъ положительныхъ, отвѣчающихъ самимъ строгимъ требованіямъ вселенской правды; въ извѣстномъ смыслѣ онъ представляетъ и стихійную силу; не свободенъ конечно русскій народъ

и отъ различныхъ историческихъ аномалій и національныхъ односторонностей. Несомнѣнно также и то, что есть люди, которые видятъ только три послѣднія особенности русской народности, и одни изъ нихъ поклоняются имъ, а другіе, отрясая прахъ отъ ногъ своихъ, съ подобострастіемъ склоняютъ свою выю передъ З. Европою. Вотъ съ такими-то лицами и боролись славянофилы, указывая имъ на тѣ начала, которыхъ они не видятъ, тогда какъ въ нихъ-то и заключается истинное существо русскаго народнаго міра, его національное опредѣленіе. Во всякомъ случаѣ, если даже г. Соловьевъ и принадлежитъ къ разряду тѣхъ лицъ, зрѣніе которыхъ приспособлено къ различію только отрицательныхъ свойствъ русской народности, то и тогда онъ не можетъ утверждать, что въ силу внутренней логики основныхъ идей первый фазисъ русскаго сознанія, представляемый славянофилами, необходимо долженъ былъ привести къ послѣднему, представляемому современными націоналистами *, ибо что можетъ быть общаго между понятіемъ о русскомъ народѣ, какъ носителѣ вселенской правды, и понятіемъ о немъ, какъ стихійной силѣ, съ придачею національныхъ односторонностей и историческихъ аномалій! Самое лучшее, на чемъ онъ тогда можетъ остановиться, не прибѣгая къ антилогическимъ выводамъ, это—признать своихъ противниковъ фантазерами, что онъ впрочемъ и дѣлаетъ, но, къ сожалѣнію, на этомъ еще не останавливается.

Пользуясь методомъ г. Соловьева, очень легко и представителямъ европеизма навязать солидарность съ такимъ общественнымъ теченіемъ, дѣятели котораго въ недавнее время печально прославили себя на поприщѣ бессмысленныхъ злодѣяній: стоитъ лишь на первой ступени поставить поклонниковъ З. Европы, какъ исключительной носительницы общечеловѣческихъ началъ, а на послѣдней—поклонниковъ ея, какъ представительницы террора и анархіи. Позвоительно только усомниться, чтобы эту «логику» достигалось что-нибудь иное, кромѣ великой и напрасной обиды лицамъ, къ которымъ даже при несходствѣ въ убѣжденіяхъ мы обязаны относиться уважительно. И когда въ не такъ давно вышедшей брошюрѣ: «Начала и концы» въ отношеніи къ европеизму дѣйствительно былъ примѣненъ тотъ методъ, который г. Соловьевымъ примѣненъ въ отношеніи къ славянофильству, то Вѣст. Евр.,

* Говоря о современныхъ націоналистахъ, мы принимаемъ ихъ ученіе въ той формулировкѣ, какая дана г. Соловьевымъ, причемъ за объективную достовѣрность ея не ручаемся. Ту же оговорку должны сдѣлать и относительно М. Н. Каткова.

на страницахъ котораго первоначально появилась разбираемая статья, весьма резонно замѣтить, что конечная цѣль такихъ доказательствъ не убѣжденіе, а впечатлѣніе: требуется только заподозрить, очернить, набросить тѣнь, затемнить истинный смыслъ дѣла. *

Несмотря однако на все это, важное значеніе для автора ссылки на логику не подлежитъ сомнѣнію. Въ ней одной находятъ свое оправданіе новая точка зрѣнія на славянофильство. Если въ силу внутренней логики основныхъ идей послѣдній фазисъ русскаго сознанія есть законный плодъ славянофильства, и если справедливо изреченіе: «по дѣламъ ихъ узнаете ихъ»,—то для характеристики ученія славянофиловъ нѣтъ нужды обращаться къ ихъ подлиннымъ сочиненіямъ, а достаточно имѣть въ виду писанія ихъ преемниковъ,—правда, никому почти неизвѣстныхъ, но зато дающія вполне безошибочное о немъ понятіе. Съ нашей стороны, это не инсинуація и не передержка, а констатированіе факта. По взгляду г. Соловьева на славянофильство, русскій народъ представляется въ видѣ какого-то фарисея, праведнаго въ своихъ собственныхъ глазахъ, презирающаго и осуждающаго своихъ ближнихъ (людей другихъ націй) и готоваго стереть ихъ съ лица земли, для полнаго торжества своей кроткой и миролюбивой природы. При другомъ отношеніи къ дѣлу тотъ же авторъ долженъ былъ бы сказать совершенно противное; напр., онъ долженъ былъ бы согласиться съ К. С. Аксаковымъ, что «чувство человѣческое глубоко вкоренено въ истинно-русскомъ человѣкѣ... Когда же какой-нибудь писатель выставляетъ намъ свирѣпыя сцены (въ родѣ закапыванія враговъ живыми въ землю), отъ которыхъ съ ужасомъ отворачивается всякій истинно-русскій, выставляетъ ихъ какъ природное русское явленіе, то онъ навязываетъ ему небывалыя свойства, а если думаетъ еще и хвалить его за это, то можно бы попросить его оставить такія отвратительныя и ложныя похвалы» (Русь. 1883, № 7).

* Да и самое дѣленіе исторіи русскаго сознанія на три періода явно вымышленное. То пониженіе общественной мысли въ писаніяхъ нѣкоторыхъ авторовъ, которое г. Соловьевъ старается представить исключительнымъ достояніемъ нашего времени, въ дѣйствительности не представляетъ новаго явленія. Темныя стороны души человѣческой не такія силы, которыя бы долго могли оставаться въ бездѣйствіи и не искать себѣ многообразныхъ примѣненій, а потому и отъ проповѣди, полагающей единственный критерій въ національномъ вкусѣ и своекорыстіи, русское (какъ и всякое не русское) сознаніе врядъ ли когда-либо было свободно. А что оно было не свободно и до славянофильства, и въ современный ему періодъ подтвержденій тому можно найти сколько угодно.

II

Сводя все значеніе славянофильства къ идеализму, прежніе его критики-европейцы, когда имъ приходилось говорить о плодотворной и безукоризненной общественной дѣятельности славянофиловъ-практиковъ, обыкновенно не находили никакой связи между ихъ дѣятельностью и ихъ славянофильскими убѣжденіями. Говоря коротче, въ такихъ случаяхъ зачисляли ихъ въ свои ряды. Точно также поступаетъ и г. Соловьевъ, хотя и по другой причинѣ. «Славянофилы—читаемъ въ его статьѣ—могли бороться противъ нашей общественной неправды единственно только въ качествѣ европейцевъ, ибо только въ общей сокровищницѣ европейскихъ идей могли они найти мотивы и оправданіе для этой борьбы» (стр. 32). Въ томъ же смыслѣ объясняется и участіе славянофиловъ въ крестьянской реформѣ: «Въ то время, какъ глава славянофильства велъ свою безуспѣшную (?) и бесплодную (?) борьбу съ Западомъ въ области религиозной, побѣда Запада надъ Россіей въ области политической (крымская кампанія) открывала возможность для передовыхъ русскихъ людей (въ томъ числѣ и для славянофиловъ) вступить въ практическую борьбу съ застарѣлымъ зломъ русской дѣйствительности, во имя западнаго начала человѣческихъ правъ. Въ этомъ дѣлѣ заслуги нѣкоторыхъ славянофиловъ (въ особенности Самарина) были несомнѣнны, но это не были заслуги славянофильства» (стр. 46, 47).

Так. обр. ясно, почему г. Соловьевъ причисляетъ славянофиловъ къ европейцамъ, когда говоритъ объ ихъ заслугахъ въ общественной дѣятельности. Онъ не можетъ себѣ представить, чтобы начало, оправдывающее борьбу съ общественнымъ зломъ, могло быть гдѣ либо, кромѣ З. Европы. Западъ — единственный источникъ всякаго добра, это *profession de foi* автора «Нац. вопроса» *. Когда же онъ натолкнулся на тотъ фактъ, что и славянофилы боролись со зломъ во имя добра, ему предстояло два исхода: или отступить отъ принципа въ пользу факта, или отъ факта въ пользу принципа. Но то и другое было бы не въ его пользу. Отступить отъ принципа?—не выдержана будетъ система; отрицать фактъ борьбы славянофиловъ съ общественною неправдою?—но онъ

* Даже христіанскій періодъ русской исторіи г. Соловьевъ начинаетъ со времени сближенія Россіи съ Европою, съ Петра, слѣд. какъ бы относя всю до-петровскую Русь къ язычеству.

извѣстенъ всѣмъ и каждому. Поэтому онъ избралъ нѣчто среднее, гдѣ сохраненъ принципъ, сохраненъ повидимому и самый фактъ, но сохраненъ въ такомъ видѣ, какъ бы его и не было. 'Сказать, что славянофилы боролись съ общественными недугами не въ качествѣ славянофиловъ, а въ качествѣ западниковъ, — это значить уничтожить самый фактъ ихъ борьбы.

Истина однако мститъ за себя. Она мститъ даже собственными словами г. Соловьева. Сказавъ, что славянофилы могли бороться съ крѣпостничествомъ только въ качествѣ европейцевъ, онъ тотчасъ же значительно (если не вполнѣ) ослабляетъ силу сказаннаго въ слѣдующихъ дальнѣйшихъ словахъ: «Мирное освобожденіе крестьянъ съ землею было великимъ и своеобразнымъ историческимъ актомъ. Но этотъ актъ былъ обусловленъ не національною гордостью, не сознаниемъ своего превосходства, а напротивъ, сознаниемъ своихъ общественныхъ немощей, самоосужденіемъ и покаяніемъ» (стр. 47). Несомнѣнно, такой смыслъ имѣетъ великая реформа прошлаго царствованія. Но въдѣ этихъ словъ никомъ уже образомъ нельзя обращать противъ славянофиловъ, потому что мысль, ими выражаемая, есть взглядъ самихъ славянофиловъ на реформу. Всѣ они были согласны въ томъ, что вопросъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости—вопросъ по самому существу своему чисто нравственный, и потому онъ долженъ быть совершенъ путемъ покаянія, путемъ нравственнаго возрожденія русской общественности. На эти именно чувства—покаяніе и самоосужденіе они указывали еще задолго до реформы, настаивая на необходимости проникнуться ими, взаимнѣ торжествовавшего тогда «незаконнаго самодовольства». Весь вопросъ только въ томъ: неужели для того, чтобы одушевиться такими чувствами, какъ самоосужденіе и покаяніе, необходимо напередъ сдѣлаться еще европейцами и ожидать чуть не гипнотическихъ внушеній отъ Европы? Не ближе ли будетъ къ цѣли: сознать себя человѣкомъ, просвѣщеннымъ Христовою вѣрою? Поэтому, съ одной стороны соглашаясь со взглядомъ г. Соловьева на реформу прошлаго царствованія, съ другой—держась того мнѣнія, что сознание своихъ грѣховъ, самоосужденіе и покаяніе есть общечеловѣческая потребность, узаконенная и освященная христіанствомъ, мы приходимъ къ тому заключенію, что дѣятели реформы, поскольку они руководились въ своей дѣятельности этими чувствами, стояли на самобытной, русской почвѣ, тѣмъ болѣе русской, что чувство самоосужденія въ былыя времена объединяло весь русскій народъ и было какъ бы его національною чертою. Так. обр. то утвержденіе г. Соловьева, что славянофилы могли

участвовать въ крестьянской реформѣ только въ качествѣ европейцевъ, противорѣчить его же собственному разъясненію дѣйствительнаго смысла этой реформы.

Но такое утвержденіе противорѣчитъ и фактическимъ даннымъ по освобожденію крестьянъ. Послѣднія непреложно свидѣтельствуютъ, что осуждаемыя г. Соловьевымъ лица и въ данномъ случаѣ, какъ и всегда, дѣйствовали согласно съ духомъ идей, характеризующимъ именно славянофильское направленіе, не измѣняли своимъ завѣтнымъ убѣжденіямъ. Ихъ задача въ крестьянскомъ вопросѣ, какъ свидѣтельствуютъ эти данныя, состояла вовсе не въ томъ, чтобы побольше усвоить себѣ идей, изливавшихся обильнымъ потокомъ извнѣ, съ Запада, настоящаго и доморощеннаго, а въ томъ, какъ согласить нравственную требовательность своихъ идей (истинность которыхъ въ ихъ сознаниіи была очевидна) съ необходимыми уступками въ пользу идей чуждыхъ, пришлыхъ; короче, какъ поступить 8—10 славянофиламъ при подавляющемъ числѣ западниковъ. Уступки съ ихъ стороны были необходимы и онѣ есть. Но когда затрогивались самыя существенныя основы русской жизни, самыя характеристичныя черты ея, то въ такихъ случаяхъ славянофилы были непреклонны. Г. Соловьевъ согласенъ въ томъ, что освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости было «своеобразнымъ историческимъ актомъ». Спрашивается: гдѣ же искать причину такого своеобразія реформы, какъ не въ глубокомъ пониманіи истинныхъ нуждъ русскаго народа? А развѣ знаніе послѣднихъ могутъ дать отвлеченныя понятія Запада о правахъ человѣка? Развѣ въ такомъ случаѣ наша реформа не стала бы пародіей на какой-либо изъ западно-европейскихъ образцовъ, безъ всякихъ признаковъ оригинальности? Полагаемъ, что если и были такіе дѣятели реформы, которые въ вопросѣ о наилучшемъ устройствѣ крестьянскаго быта въ Россіи предпочитали отвлеченную форму живому русскому человѣку, то во всякомъ случаѣ это были не славянофилы. Откуда они почерпали свое знаніе истинныхъ потребностей русскаго народа,—это видно изъ трудовъ того самаго лица, которому г. Соловьевъ справедливо приписываетъ особенное значеніе въ крестьянской реформѣ. Ю. Ѳ. Самаринъ, какъ можно судить по его сочиненіямъ, главн. обр. имѣлъ въ виду исторію поземельныхъ отношеній въ Россіи и современное народное сознаніе. То же самое служило почвою и для другихъ славянофиловъ, на которой они стояли какъ дѣятели по освобожденію крестьянъ, и съ которой, какъ показываетъ споръ объ общинѣ, не могъ сбить ихъ даже западный принципъ о правахъ человѣка, столь обаятельный въ глазахъ г. Соловьева. Мотивы, коими руко-

водились противники сельской общины (европейцы), характеръ спора и его результатъ достаточно извѣстны, и мы, не опасаясь быть обвиненными въ пристрастіи, съ рѣшительностью можемъ сказать, что благодаря именно славянофиламъ въ актѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости была сохранена сельская община. Справедливо ли послѣ этого вычеркивать имя славянофильства въ дѣлѣ, надъ которымъ они потрудились по мѣрѣ своихъ силъ и своего разумѣнія!

Наконецъ, что такое представляетъ изъ себя западное начало человѣческихъ правъ, во имя котораго будто бы и возможна только борьба съ общественными недугами, напр. безправіемъ? Если это— «принципъ безусловнаго нравственнаго значенія человѣческой личности», то русскіе люди имѣютъ прямое право на борьбу съ общественнымъ зломъ, а не чрезъ посредство и не съ позволенія Зап. Европы, такъ какъ принципъ этотъ не «чисто-западный» (Вѣсти. Евр. 1889. VI, 736), а «христіанскій и общечеловѣчскій» (Нац. вопр., стр. 32). Но «по историческому развитію своему преимущественно западный» — скажетъ намъ г. Соловьевъ. Спорить не будемъ, на Западѣ даже уродливыя явленія совершались во имя якобы человѣческаго достоинства; но вѣдь отсюда еще не слѣдуетъ, что западное понятіе о чести и достоинствѣ человѣческой личности есть единственно правильное понятіе, непреложная, обязательная истина. По крайней мѣрѣ славянофилы такъ не думали и къ западному принципу всегда относились критически, оцѣнивая достоинство его степенью близости къ своей первоосновѣ—идеальному, христіанскому принципу. Да и вообще странно было бы думать иначе, когда въ пониманіи этого принципа различныя философскія школы и общественныя фракціи Запада расходятся иногда до полной противоположности.

III.

Перехода къ вопросу о религиозныхъ убѣжденіяхъ славянофиловъ, г. Соловьевъ предупреждаетъ читателя, что онъ вовсе не будетъ касаться предметовъ религіи по существу. Это потому, что религиозный вопросъ въ системѣ славянофильства не имѣетъ-де самостоятельнаго значенія, а находится въ зависимости отъ вопроса о народности. Православіе для славянофиловъ потому-де истинно, что его исповѣдуетъ русскій народъ. Слѣдовательно, сперва національность, а потомъ уже религія.

Надо отдать справедливость автору: онъ не покупился на доказательства, стараясь представить религиозную идею славяно-

фильства въ такомъ видѣ, который бы разомъ освобождалъ его отъ стѣснительнаго требованія относиться къ ней по существу. Однако не всѣ изъ такихъ доказательствъ требуютъ одинаковаго къ себѣ вниманія, особенно послѣ критической статьи Д. Θ. Самарина, гдѣ должный характеръ нѣкоторыхъ изъ нихъ вполне выясненъ. Такъ, по поводу приписаннаго И. В. Кирѣевскому кощунственнаго взгляда на икону, какъ на «произведеніе только субъективно-человѣческихъ чувствъ»,* мы ограничимся только слѣдующимъ замѣчаніемъ. Еслибы даже пришлось согласиться съ тѣмъ, что въ западнической періодъ своей жизни, къ которому относится фактъ, сообщенный Герценомъ, Кирѣевскій и имѣлъ взглядъ на икону въ смыслѣ разбираемой статьи, то такое сужденіе въ отношеніе къ Кирѣевскому — славянофилу будетъ уже вполне несправедливо. Отстаивая правильность своего толкованія, г. Соловьевъ между прочимъ говоритъ отъ имени Кирѣевскаго слѣдующее: «я, мыслитель, понялъ, что эти дѣтски вѣрующіе мужики, цѣлые вѣка усердствуя на одномъ мѣстѣ, такъ намагнитили старую икону, что превратили ее изъ простой доски въ чудотворный образъ; понявъ это, я умиляюсь и молюсь вмѣстѣ съ ними. А что они сами видятъ въ этой иконѣ, почему они ей молятся, каковъ ихъ внутренній міръ, ихъ собственный религіозный интересъ—объ этомъ я не спрашиваю: «дѣтская вѣра», и—все тутъ! Я остаюсь при своемъ пониманіи, они пускай въ блаженномъ невѣдѣніи о своей чудодѣйственной силѣ продолжаютъ думать, что они тутъ ни при чемъ, что икона хотя и для нихъ, но не отъ нихъ, что ее ангелъ съ неба принесъ или «св. Лука чудеснымъ способомъ написалъ» (стр. 39, 40). Выходитъ, что Кирѣевскій свою вѣру въ икону основывалъ на логическихъ умозаключеніяхъ, понятныхъ ему, мыслителю, но непонятныхъ дѣтски вѣрующему народу. Дѣйствительно, такая вѣра не имѣетъ ничего общаго съ вѣрою русскаго народа, но она не имѣетъ ничего общаго и съ вѣрою славянофильскаго мыслителя. Если, по Кирѣевскому, убѣжденія, прибрѣтенныя дѣятельностью одного голаго разсудка, не только могутъ быть осно-

* Въ этомъ случаѣ г. Соловьевъ основывается на рассказѣ Герцена объ обращеніи И. В. Кирѣевскаго отъ рационализма къ православію — рассказѣ несомнѣнномъ въ фактическомъ отношеніи, но сомнительномъ въ смыслѣ вѣрной передачи слышаннаго имъ отъ тогдашняго своего друга. Впрочемъ и самая возможность навязать И. В. К. такой взглядъ на икону явилась только по выключеніи изъ не совсѣмъ-то надежнаго источника неподходящихъ для толкованія г. Соловьева словъ (см. Поборн. вселен. правды).

вою вѣры, но и настолько цѣнны, что во имя ихъ можно перевозиться надъ народомъ, ставить свою вѣру выше народной вѣры, то не знаемъ, какъ бы толкователь согласилъ съ этимъ слѣдующее принципиальное сужденіе этого славянофила о вѣрѣ: «Сознаніе объ отношеніи живой Божественной личности къ личности человѣческой служить основаніемъ для вѣры, или, правильнѣе, вѣра есть то самое сознаніе, болѣе или менѣе ясное, болѣе или менѣе непосредственное. Она не составляетъ чисто человѣческаго знанія, не составляетъ особаго понятія въ умѣ или сердцѣ, не вмѣщается въ одной какой-либо познавательной способности, не относится къ одному логическому разуму или сердечному чувству, или внушенію совѣсти; но обнимаетъ всю цѣльность человѣка, и является только въ минуты этой цѣльности и соразмѣрно ея полнотѣ» (Карѣев. II, 330).

Достойны вниманія двѣ послыи силогизма, критика заключенія котораго представлена въ брошюрѣ: «Поборникъ вселивской правды»: 1. «Та доктрина, которая сама себя опредѣлила какъ русское направленіе и выступила во имя русскихъ началъ, * тѣмъ самымъ признала, что для нея всего дороже, важнѣе и существеннѣе національный элементъ, а все остальное, между прочимъ и религія, можетъ имѣть только подчиненный и условный интересъ». 2. «Для славянофиловъ православіе есть атрибутъ русской народности» (стр. 36). Въ первой послыѣ религія русскаго народа — православіе противопоставлено русскимъ началамъ какъ нѣчто постороннее, чуждое имъ. Но такая точка зрѣнія въ отношеніи къ славянофильству неприложима. Само православіе есть одно изъ началъ русской жизни, притомъ самое главное, существенное, такъ сказать, начало началъ ея. Въ той же послыѣ говорится, что для славянофиловъ русскія начала были всего дороже, важнѣе и существеннѣе, но таковымъ было для нихъ прежде всего православіе; другія же начала, вышедшія изъ быта народнаго, цѣнились ими главн. обр. потому, что на нихъ безпрепятственно могло дѣйствовать основное начало, цѣнились «по тѣмъ слѣдамъ, которые оставили на нихъ чистыя христіанскія начала». Православіе не атрибутъ русской народности, какъ это утверждается во второй послыѣ, а высшее просвѣтительное начало, которое русскій народъ принялъ въ томъ самомъ видѣ, какой

* Не точно. Славянофильство опредѣлило себя не какъ русское, а какъ православно-славянское направленіе и выступило во имя православно-славянскихъ началъ.

былъ присущъ ему изначала; принять безъ низведенія этого все-ленскаго начала до уровня своихъ бытовыхъ, національныхъ началъ (Гильф. II, 202). Напротивъ, въ свободномъ принятіи его этимъ послѣднимъ, т. е. бытовымъ началомъ, дано было наглядное понятіе о томъ высшемъ идеалѣ, стремленіе къ которому было заложено въ самомъ природномъ характерѣ русскаго (славянскаго) племени и согласованіе съ которымъ всѣхъ явленій жизни общества составило бы высочайшее благо народа. Признавъ православіе культурнымъ началомъ русской жизни, славянофильство и выступило главнымъ образомъ во имя этого начала. Хомяковъ такъ опредѣляетъ основную задачу Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и того направленія, главою и основателемъ котораго онъ былъ: «Для Россіи возможна только одна задача: слѣлаться самымъ христіанскимъ изъ всѣхъ христіанскихъ обществъ... Эта цѣль ею признана и высказана сначала: она высказывалась всегда, даже въ самыя дикія эпохи ея историческихъ смуть. Если когда-нибудь позже и переставала ее выражать, внутренней духъ народа не переставалъ ее сознавать... Отчего дана намъ такая задача? Можетъ быть отчасти вслѣдствіе особаго характера нашего племени; но безъ сомнѣнія потому, что намъ, по милости Божіей, дано было христіанство во всей его чистотѣ, въ его братолюбивой сущности» (Хомяк. I. 684).

Что же касается утвержденія, что «славянофильское требованіе быть православнымъ или жить въ церкви прямо входило какъ составная часть въ болѣе общее и основное требованіе: слиться съ жизнью русской земли (стр. 36)», то надъ этимъ явнымъ жетолькованіемъ (что видно уже изъ предыдущаго) славянофильскаго понятія нечего и останавливаться. Выраженіе: «жить въ церкви» принадлежитъ Ю. О. Самарину, сказавшему въ предисловіи къ богословскимъ сочиненіямъ Хомякова, что этотъ писатель жилъ въ церкви. Но тамъ же предложено и объясненіе этихъ словъ, ясно показывающее, что разумѣлъ Самаринъ подъ ними. Тамъ даже встрѣчаются такія строки: «Если насъ спросятъ, да развѣ не всѣ православные живутъ въ церкви? то мы, не задумываясь, отвѣтимъ: далеко не всѣ. Мы живемъ въ своей семьѣ, въ своемъ обществѣ, даже, до извѣстной степени, въ современномъ намъ человечествѣ; живемъ также, хотя еще въ меньшей степени, въ своемъ народѣ; въ церкви же мы числимся, а не живемъ» (Самар. IV. 340, 341). Единственное значеніе, которое призываетъ г. Соловьевъ за религиознымъ вопросомъ въ системѣ славянофильства, отрицающаго его самостоятельность,—это значеніе «прикрасы». «Прикрасы все-ленской правды» славянофиламъ понадобились будто бы для того, чтобы замаскировать преобладаніе исключительнаго національнаго

интереса въ ихъ проповѣди. Послѣ того какъ мы видѣли, что сама національная идея въ славянофильствѣ была подчинена просвѣтительному началу, выше котораго для нихъ ничего не существовало, разборъ этой новой напраслины становится совершенно излишнимъ.

IV.

Что касается богословскихъ трактатовъ Хомякова, то самый существенный недостатокъ ихъ, по г. Соловьеву, состоитъ въ томъ, что въ нихъ дается понятіе не о томъ православіи, которое есть въ дѣйствительности, а о томъ, которое выдуманно самими славянофилами. Нужно ли говорить, что мнѣніе это лишено всякаго основанія, высказано голословно! Во первыхъ, не представлено ни одного довода въ пользу того, что Хомяковъ своимъ богословствованіемъ расходится съ источниками христіанскаго вѣроученія, т. е. съ совокупностью тѣхъ критеріевъ, которыми только и познается соотвѣтствіе или несоотвѣтствіе православію; а во вторыхъ, тожество трактатовъ въ основныхъ пунктахъ съ посланіемъ восточныхъ патріарховъ папѣ Пію IX разомъ устраняетъ всякое подозрѣніе въ ихъ неправославномъ характерѣ.

Въ связи съ такимъ мнѣніемъ относительно существа православія, разъясненнаго Хомяковымъ, стоитъ обвиненіе послѣдняго въ недобросовѣстности. Въ сужденіи о западныхъ исповѣданіяхъ Хомяковъ будто бы допустилъ слѣдующую несообразность: католичество и протестантству, взятымъ въ конкретныхъ историческихъ формахъ, онъ противопоставилъ не таковыя же формы восточной церкви, какъ этого требовало справедливое отношеніе къ дѣлу, а созданный самими славянофилами идеалъ православія. Отсюда понятно-де, чья сторона должна была выиграть и въ чемъ заключается сила полемики славянофильскаго богослова. Обвиненіе тяжкое, но подобно предыдущему мнѣнію совершенно голословное. Хомяковъ не призывалъ, да и вовсе не имѣлъ въ виду призывать къ отвѣту тѣ или другія историческія явленія той или другой церкви, онъ имѣлъ дѣло съ явленіями высшаго порядка, именно съ началами, принципами, лежащими въ основѣ религиозной жизни Востока и Запада. Не мрачную исторію папства, религиозныхъ преслѣдованій совѣсти и т. п. осуждалъ онъ, а нравственный актъ отпаденія западной церкви отъ вселенскаго единства и всѣ происшедшія отсюда противорѣчія въ западномъ религиозномъ сознаніи. Самъ Хомяковъ свидѣтельствуетъ: «во всѣхъ обвиненіяхъ мною выставленныхъ противъ различныхъ вѣтвей раскола, я строго придерживался правилъ ограничиваться выводами изъ началъ, ими

самими признаваемыхъ. Всѣ мои приговоры основаны единственно на внутреннихъ противорѣчiяхъ, которыя они въ себѣ содержатъ. Думаю, что это самый логичный и самый доказательный способъ всякой системы, какъ философской, такъ и религіозной. Я воздерживался отъ бесполезныхъ отступленій, отъ обвиненій, основанныхъ только на фактахъ, а не на общихъ законахъ, отъ бездоказательныхъ увѣреній, а тѣмъ паче отъ ссылокъ на факты сомнительные» (Хомяк. II. 151).

Подобнаго рода неосновательными сужденіями переполнена вся полемика противъ трактатовъ. Остановимся на болѣе важныхъ изъ нихъ. Хомяковъ напр. отрицалъ возможность протестантизма въ правосл. церкви какъ самобытнаго явленія, при этомъ однако не считалъ русскаго народа застрахованнымъ отъ уклоненій въ протестанство. Изъ сужденій же г. Соловьева выходитъ, что такое совершенство онъ приписалъ не церкви въ ея живой цѣлостности, а именно русскому народу. Въ этомъ смыслѣ ссылка его на рационалистическій характеръ нѣкоторыхъ раскольническихъ сектъ въ Россіи понятна. Но вѣдь и Хомяковъ этого не отрицалъ: когда одинъ изъ заграничныхъ возражателей на первый его трактатъ, отрицающій возможность протестантизма въ православіи, представилъ одно сомнительное свидѣтельство какъ доказательство противнаго, Хомяковъ самъ указалъ на несомнѣнный протестантскій характеръ нѣкоторыхъ русскихъ сектъ. Приэтомъ онъ замѣтилъ: «Предлагаю ему (т. е. возражателю) этотъ аргументъ, по крайней мѣрѣ въ немъ была бы правда и онъ имѣлъ бы видъ основательности въ глазахъ поверхностныхъ читателей» (II, 155). Значитъ не «недоступность православнаго русскаго народа протестантству» доказывалъ Хомяковъ, а нѣчто иное. Первый его трактатъ разъясняетъ дѣло. Поводомъ къ его написанію послужила журнальная статья Лоренси, въ которой правосл. церковь была обвинена въ стремленіи къ протестантству. Хомяковъ и доказывалъ, что протестантизмъ не можетъ прямо возникнуть изъ церкви православной, что въ ней нѣтъ такихъ началъ, принциповъ, которые логически могли бы породить это явленіе, что и самый западный протестантизмъ, прежде чѣмъ явиться въ своей опредѣленной формѣ, необходимо долженъ былъ пройти сквозь призму католичества. Подтвердимъ это собственными его словами. «Для меня важно выяснитъ, говоритъ онъ, необходимость, заставившую ихъ (т. е. протестантовъ) стать на почву ими теперь занимаемую, прослѣдить логическій процессъ, который ихъ къ тому принудилъ, и показать, что такого рода процессъ въ церкви невозможенъ» (II. 44). Моя задача, продолжаетъ онъ немного далѣе, показать, какимъ путемъ, чрезъ

посредство романизма, совершился переходъ отъ ученія церкви къ началу реформы, ибо непосредственный переходъ отъ перваго къ послѣднему невозможенъ» (с. 48). Извѣстно, что зачаточную форму рационализма, столь сильно заявившаго себя въ протестантствѣ, Хомяковъ относилъ къ католичеству. Но онъ же въ другихъ случаяхъ изобличалъ католичество въ рабствѣ предъ іерархическимъ авторитетомъ. Значить ли это, что онъ противорѣчилъ самъ себѣ, такъ какъ разумъ и авторитетъ суть принципы прямо противоположные? Г. Соловьевъ, ни мало не колеблясь, отвѣчаетъ: «Да»,—какъ будто въ трактатахъ не дано никакихъ разъясненій по этому поводу. Романизмъ, такъ рассуждалъ Хомяковъ, иначе и не могъ отдѣлиться отъ вселенской церкви, какъ присвоивши себѣ право (доселѣ принадлежавшее цѣлой вселенской церкви) на самостоятельное рѣшеніе догматическихъ вопросовъ, независимо отъ всей церкви. «Это право могло быть за нею укрѣплено на двоякомъ основаніи: въ силу свободы изслѣдованія, откинувшей живое преданіе, или въ силу признанія за извѣстною, географически очерченною мѣстностью, исключительной привиллегіи на обладаніе Св. Духомъ. На дѣлѣ было принято первое изъ этихъ началъ; но провозгласить и узаконить его какъ право было рано; прежній строй церкви былъ слишкомъ памятенъ... Естественно возникла мысль приурочить монополию боговдохновенности къ одному престолу, древнѣйшему изъ всѣхъ на Западѣ и наиболѣе чтимому всею вселенною; это было благовиднѣе и въ меньшей степени оскорбляло человѣческой разумъ... Нововводимое начало восторжествовало и западное протестантство притаилось подъ внѣшнимъ авторитетомъ... Новосозданный деспотизмъ сдержалъ безначаліе, впущенное въ церковь предшествовавшимъ нововведеніемъ, т. е. расколомъ, основаннымъ на независимости областного мнѣнія» (II. 46—48). Так. обр. въ основѣ отдѣленія западной церкви отъ вселенскаго единства лежитъ тотъ же самый принципъ, который лежитъ и въ основѣ протестантизма—свобода изслѣдованія, оторванная отъ вселенскаго преданія. Все различіе только въ томъ, что протестантизмъ этимъ правомъ надѣляетъ каждаго вѣрующаго, а католичество приурочиваетъ его къ одному римскому престолу, папѣ, непогрѣшимый авторитетъ котораго имѣетъ безусловное значеніе для прочихъ членовъ церкви. Гдѣ же тутъ противорѣчіе? Въ трактатахъ нѣтъ разсужденій о русскомъ расколѣ. Отсюда выводится заключеніе, что вѣроисповѣдная претензія (?) ихъ автора не въ силахъ была совладѣть съ этимъ печальнымъ явленіемъ русской церковно-общественной жизни. Между тѣмъ для всякаго, это только знакомъ съ богословскими сочиненіями Хомякова, очевидно, что славянофильскій богословъ былъ

бы не правъ, оставивъ расколъ безъ подробнаго разсмотрѣнія, лишь въ томъ случаѣ, еслибы онъ (расколъ) былъ направленъ противъ правосл. церкви, какъ таковой, противъ внутренняго духа и строя ея, подобно римскому расколу, или возникъ изъ началъ православія, подобно расколу протестантизма, вышедшему съ логическою необходимостью изъ начала, усвоеннаго міромъ католическимъ. Но не было ли бы весьма странно и совершенно несправедливо, въ неразумной приверженности къ обряду видѣть протестъ противъ самыхъ началъ православія или, тѣмъ болѣе, признать это явленіе за логическій выводъ изъ нихъ самихъ! Поэтому-то Хомяковъ, имѣвшій дѣло только съ тѣмъ, что органически связано съ началами православія (и католичества) и изъ нихъ вытекаетъ, и ограничился однимъ указаніемъ на то, что русскій расколъ, какъ порожденіе невѣжества, не можетъ быть приравненъ къ расколамъ западнымъ.

Съ рѣшительностью настаивая на бесполезности «предпріятія Хомякова для Россіи», г. Соловьевъ смертельную сторону его проповѣди, ея роковое безплодіе видитъ въ томъ обстоятельстве, что при первой попыткѣ дать ей дальнѣйшее развитіе непрежѣнно должно было бы обнаружиться противорѣчіе между идеей и фактомъ, которое-де очень легко было замаскировать въ краткихъ полемическихъ брошюрахъ. Идея, какъ видно изъ послѣдующаго, — это идеалъ православія, разъясненный Хомяковымъ, а фактъ, противорѣчащій идеѣ — церковно-историческія явленія въ мірѣ Востока. Но въ какомъ отношеніи возможное несоотвѣтствіе послѣднихъ первой можетъ касаться трактатовъ? Исторія не догматика, а идеалъ православія, разъясненный Хомяковымъ, исключительно догматическаго содержанія. И всякій будущій продолжатель его трудовъ, еслибы онъ явился и еслибы захотѣлъ развивать ту же тему и въ томъ же духѣ, также долженъ былъ бы ограничиться однимъ лишь ученіемъ церкви, нисколько не касаясь исторической оболочки, въ которую облечена она. Въ этомъ смыслѣ пророчество о роковой безплодности проповѣди Хомякова лишено всякаго основанія, еслибы даже пришлось признать за несомнѣнный фактъ, что въ настоящее время нѣтъ еще капитальныхъ сочиненій, представляющихъ прямое ея продолженіе. «Знѣть и скорая перебѣжка воды происходитъ на отмеляхъ, а не на глубинахъ».

На основаніи всего сказаннаго читатель можетъ составить себѣ ясное понятіе о полемической аргументаціи разбираемаго автора противъ главы славнофильства. Было бы трудно объяснить причину столь страннаго характера ея, еслибы самъ авторъ не позаботился устранить могущія возникнуть по этому поводу недоумѣ-

нія. Приступаая къ вопросу о религіозныхъ воззрѣніяхъ славянофиловъ, г. Соловьевъ отказался разсматривать предметы религіи по существу; Хомяковъ же рассуждаетъ о нихъ только по существу; поэтому и критикъ, не пожелавшій имѣть съ этимъ дѣло, естественно долженъ былъ снизойти до мелкихъ придирокъ, въ большинствѣ случаевъ къ дѣлу не относящихся и существенной стороны вопроса не затрагивающихъ.

V.

Главы V—VII посвящены критикѣ историко-политическихъ воззрѣній славянофильства, въ основу чего взята опубликованная въ журналѣ «Русь» за 1881 г. «Записка о внутреннемъ состояніи Россіи», составленная К. С. Аксаковымъ и поданная имъ покойному Государю Александру Николаевичу. Методъ голословныхъ утверждений здѣсь отсутствуетъ, но его съ успѣхомъ замѣняютъ возраженія, основанныя на недоразумѣніяхъ.

Въ «Запискѣ» напр. встрѣчается формула: «народу принадлежитъ полная свобода нравственная, свобода жизни и духа (мысли, слова)». Остановившаяся на понятіяхъ: «свобода нравственная» и «свобода духовная», г. Соловьевъ замѣчаетъ, что «эта внутренняя свобода есть общечеловѣческой психологической фактъ, который остается одинаково неприкосновеннымъ при всякомъ социальномъ и политическомъ устройствѣ и неустраивѣ, и слѣдовательно никакъ не можетъ служить опредѣляющимъ началомъ идеальнаго общественнаго строя» (с. 64). Но кто же далъ право подѣ нравственно-духовною свободою разумѣть психическія состоянія, не переходящія ни въ какое дѣйствіе? Обращаемъ вниманіе читателя на послѣднюю часть формулы. Два слова, поставленные въ скобкахъ, очевидно имѣютъ поясняющее значеніе для слова, стоящаго передъ скобками; слѣд. мысль автора «Записки» такого рода: народу принадлежитъ свобода духовная, выражаемая въ свободѣ мысли и слова. То же самое должно сказать и о первой части формулы. Так. обр. свобода нравственная — свобода духовная съ одной стороны, а свобода жизни, мысли, слова съ другой—суть принципы однородные, изъ которыхъ послѣдующіе обусловлены предыдущими, а слѣд. и отдѣлять ихъ другъ отъ друга не слѣдуетъ. «Если для образованія социальнаго строя—продолжаетъ критикъ—одной внутренней свободы духа слишкомъ мало, то понятіе: свобода жизни—будетъ, напротивъ, слишкомъ обширно для этой цѣли, ибо, принятое безъ ограниченій, оно уничтожаетъ всякую возможность государства (с. 64).

Народъ не захочетъ доставлять подати и солдатъ, а государство безъ того и другого существовать не можетъ. Въ другомъ мѣстѣ говорится еще, что съ «свободою жизни» можно рисковать возвращеніемъ къ первобытному хаосу, къ борьбѣ всѣхъ противъ всѣхъ. Но развѣ К. С. Аксаковъ понятіе: «свобода жизни»—принимаетъ безъ ограниченій? А гдѣ же государство? Вѣдь оно-то и имѣетъ ограничивающее значеніе для этой свободы въ тѣхъ случаяхъ, когда она переходитъ предѣлы разумности. Если государство вполне безусловно къ народной жизни, то какой же тогда смыслъ и какая цѣль его существованія? Между тѣмъ по Аксакову государство необходимо. А необходимо оно для того, чтобы сохранить за народомъ свободу жизни, которой съ одной стороны мѣшаютъ враги внѣшніе, не дающіе покоя, съ другой «мѣшаетъ несовершенство человѣческой природы, для которой всего тяжелее даръ свободы, свободы истинной, полной (К. С. Аксаковъ I, 300)». Понятно, что если окажутся вредные элементы и среди народа, препятствующіе разумной свободѣ жизни, то первѣйшая обязанность государства—защищать эту послѣднюю отъ вредныхъ вліяній. Для этого и функціи государства: администрація, судопроизводство, законодательство. На необходимость подати и воинской повинности также указано въ Запискѣ. Правда, въ Запискѣ же говорится и о «невмѣшательствѣ» государства въ жизнь народную, но дѣло въ томъ, что понятіе это должно принимать въ томъ смыслѣ, какой дается ему въ славянофильствѣ. Тогда это будетъ значить, что государство не должно посягать на коренныя основы, которыя дѣлаютъ коллективную личность народа такою, а не иною, тѣ основы, отъ которыхъ зависитъ дальнѣйшее преуспѣяніе народа и его значеніе въ общечеловѣческомъ развитіи; государство не должно изъ друга и покровителя народа дѣлаться его завоевателемъ; оно должно уважительно относиться къ преданіямъ исторіи и быту народному и избѣгать насилія надъ послѣднимъ.

Очень много сказано критикомъ относительно третьяго понятія формулы—«свободы слова», но мы отмѣтимъ только конецъ его разсужденій объ этомъ предметѣ. Доказывая, что эта свобода не имѣетъ никакихъ разумныхъ основаній въ государственно-общественномъ строѣ по теоріи Аксакова и что послѣдній могъ говорить о ней лишь по недоразумѣнію, г. Соловьевъ, въ заключеніе, указываетъ на другія начала, на которыхъ можетъ и должна опираться свобода слова и на которыя якобы «мимоходомъ» указалъ и самъ Аксаковъ, «не попытавшись, однако, связать ихъ съ своею теоріею» (с. 73). Къ удивленію, въ приводимой далѣе выдержкѣ изъ «Запи-

ски» * мы находимъ не что иное, какъ принципиальное обоснованіе свободы слова, коренящейся въ свободѣ духа, находимъ то же самое, что было сказано ранѣе во второй части краткой формулы. Итакъ, на чьей же тутъ сторонѣ недоразумѣніе: на сторонѣ ли автора «Записки» или его оппонента?

Не соглашаясь съ формулою принципиально, г. Соловьевъ еще менѣе готовъ видѣть въ ней русское понятіе объ общественной свободѣ. Аксаковъ, по его мнѣнію, просто фантазировалъ, представляя ее историческимъ преданіемъ нашего прошлаго. Какъ можно-де говорить о свободѣ жизни и мнѣнія, когда до-петровская Русь полна примѣрами полнѣйшаго нарушенія ея! Развѣ побѣда Москвы надъ Новгородомъ не составляетъ насилія надъ «свободою жизни» новгородцевъ? А преслѣдованія раскольниковъ за «свободу мнѣнія»? А костеръ протопопа Аввакума? Да онъ одинъ вполне достаточенъ-де для того, чтобы освѣтить всю вопіющую фальшь славянофильской доктрины! Въ такомъ родѣ написана вся критика исторической части «Записки». Достигаетъ ли такая критика цѣли — это сейчасъ будетъ видно.

У К. С. Аксакова часто подмѣчали тенденцію къ идеализаціи древне-русскаго строя жизни и, основываясь на этомъ, обвиняли его въ стремленіи облечь древнюю Русь, облечь ее во что бы то ни стало въ небывалыя совершенства. Между тѣмъ названный писатель всего менѣе повиненъ въ этомъ. Въ своихъ историческихъ трудахъ онъ прямо заявляетъ, что въ древней Руси онъ видитъ не «совершенство положенія», а «совершенныя начала». Слѣд., если онъ и признавалъ несовершенство положенія не настолько несовершеннымъ, какъ того требовало ученое безпристрастіе, то единственно потому, что дѣйствительно присущія древне-русской жизни положительныя начала, выясненію которыхъ посвящены всѣ его историческія сочиненія (въ этомъ его заслуга и значеніе какъ историка Россіи), казались ему болѣе развившимися, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ. ** Что же касается положительныхъ началъ формулы, то они прямое свое основаніе имѣютъ въ общинѣ, въ ея характернѣйшихъ явленіяхъ: въ сильномъ развитіи земской бытовой жизни — съ одной

* Человѣкъ созданъ отъ Бога существомъ разумнымъ и говорящимъ. Дѣятельность разумной мысли, духовная свобода есть призваніе человѣка. Свобода духа болѣе всего и достойнѣе всего выражается въ свободѣ слова. Поэтому свобода слова—вотъ неотъемлемое право человѣка.

** Выясняя историческія воззрѣнія Аксакова, мы не ограничиваемся одною «Запискою», а имѣемъ въ виду всѣ его историческіе труды. Въ письмѣ къ Государю, приложенномъ къ «Запискѣ», авторомъ ея замѣчено, что послѣдняя есть плодъ многолѣтнихъ занятій русскою исторіею.

стороны и въ совѣщаніи — съ другой. Поэтому и возраженія г. Соловьева, какъ основанныя на невѣрномъ взглядѣ на идеализацію Аксакова, къ дѣлу не относятся и историческаго значенія формулы ни мало не колеблуть.

VI.

Въ главѣ XIII подробно изложена политическая система графа Ж. де-Местра, якобы первоисточникъ политическихъ воззрѣній славянофильства. Указывая на преимущественную зависимость отъ де-Местра И. С. Аксакова, г. Соловьевъ распространяетъ его вліяніе и на все славянофильство. По его словамъ, русское національно-политическое сознание питается идеями ультрамонтанскаго писателя уже цѣлыхъ 50 лѣтъ (с. 117); а такъ какъ послѣдній фазисъ русскаго сознанія представляетъ исключительную особенность нашего времени, то слѣд. прямыми учениками де-Местра являются славянофилы 40—50 годовъ.* Основной принципъ политической доктрины де-Местра указанъ самимъ г. Соловьевымъ. По де-Местру, говоритъ онъ, «вся суть народнаго духа переходитъ въ абсолютно-монархическое, централизованное государство» (с. 108). Не дѣлая дальнихъ справокъ, открываемъ первый томъ сочиненій К. С. Аксакова и на первыхъ же страницахъ читаемъ слѣдующее: «Земля, чтобы спасти себя, свою земскую жизнь, рѣшается призвать на защиту государство (рѣчь идетъ о призваніи варяговъ). Но надо замѣтить, славяне не образуютъ изъ себя государство, они призываютъ его; они не изъ себя избираютъ князя, а ищутъ его за моремъ; такимъ образомъ, они не смѣшиваютъ земли съ государствомъ, прибѣгая къ послѣднему какъ къ необходимости для сохраненія первой.... Такъ начинается русская исторія. Двѣ силы въ ея основаніи, два двигателя и условія во всей русской исторіи: земля и государство.... Они существуютъ какъ отдѣльныя, но дружественныя, союзныя силы, сознаваемые въ ихъ раздѣльности и взаимно признающія одна другую». «Отдѣливъ отъ себя правленіе государственное, читаемъ въ «Запискѣ», народъ русскій оставилъ себѣ жизнь общественную и поручилъ государству давать ему возможность жить этою общественною жизнію». Итакъ де-Местръ говоритъ о погло-

* Что имъ были не безызвѣстны сочиненія де-Местра — это конечно спра-ведливо. Любопытенъ отзывъ о немъ Хомякова: «Отличительныя свойства де-Местра составляютъ: легкомысліе, прикрытое обманчивымъ глубокомысліемъ, постоянная игра софизмомъ и постоянное отсутствіе искренности; словомъ, это умъ антихристіанскій въ высшей степени».

щеніи личности народной государствомъ, а славянофильскій историкъ, напротивъ, о самостоятельномъ ея значеніи наряду съ государствомъ. Эти совершенно отличные другъ отъ друга принципы налагаютъ свою печать и на все дальнѣйшее развитіе мыслей той и другой системы. Поэтому совершенно напрасно г. Соловьевъ говорить, что понятіе о свободѣ въ славянофильствѣ то же, что и у де-Местра. Послѣдній такъ рассуждаетъ объ этомъ предметѣ: «Такъ называемая личная свобода въ сущности есть не что иное, какъ своего рода мелкое гражданское самоубійство. Вообразите себѣ зерно, которое желаетъ раздробиться такъ, чтобы только одна половина была отдана имѣющему вырости дереву, а другую лично сохранить для себя. Что изъ этого можетъ произойти? Часть зерна только пропадетъ безъ пользы для себя, въ ущербъ росту дерева, ибо зерно не оживетъ, пока не умретъ какъ зерно, т. е. иначе говоря, пока не отдастъ всего себя дереву. Полное и совершенное поглощеніе я цѣлымъ, т. е. обществомъ, государствомъ служить лучшимъ и совершеннѣйшимъ проявленіемъ личности»... Так. обр. отношеніе личной свободы каждаго члена народнаго организма къ государству аналогично отношенію зерна къ дереву. Когда дерево выросло, зерна нѣтъ—оно умерло. Когда существуетъ государство, личной свободы нѣтъ, такъ какъ вся суть народнаго духа перешла въ государство, всѣ народныя силы обращены въ служеніе государственному началу. По «Запискѣ» же, «народу принадлежитъ полная свобода нравственная, свобода жизни и духа (мысли, слова)». Напрасно также сопоставляетъ г. Соловьевъ Аксаковское понятіе о негосударственномъ характерѣ русскаго народа съ де-Местровскимъ отвлеченнымъ взглядомъ на немонархическій образъ правленія. Тутъ сходства никакого нѣтъ. Де-Местру, списавшему идеаль монарха если не съ азіатскихъ деспотовъ, то съ представителей западно-европейскаго абсолютизма, необходимо, чтобы народъ въ отношеніи къ государству былъ въ положеніи раба, владѣющаго только тою частью свободы, которой уже никто не можетъ у него отнять: поэтому ему и ненавистенъ принципъ раздѣленія власти. По Аксакову же, видѣвшему идеаль монарха въ лицѣ православнаго русскаго государя, связаннаго съ своимъ народомъ узами вѣры и крови, любви и довѣрія, свободнаго въ своихъ мѣропріятіяхъ отъ всякихъ формальныхъ ограниченій, но всегда дѣйствующаго согласно духу православія, свѣтлымъ отеческимъ преданіямъ и вдохновенію народной мысли, — русскій народъ потому и не желаетъ участвовать въ правительствѣ, чтобы приложить всѣ свои силы къ преусибіянію въ жизни общественной, къ которой собственно и призванъ каждый народъ. Наконецъ Аксаковскій принципъ не выду-

манъ, а взять прямо изъ исторіи и жизни, непреложно свидѣтельствующихъ, что ни одна попытка ограничить право царя не имѣла успѣха именно потому, что не встрѣчала сочувствія въ народѣ, который по самому природному характеру своему расположенъ болѣе вѣрить «человѣку», всегда несущему личную нравственную отвѣтственность передъ своею совѣстью (въ данномъ случаѣ и страню), чѣмъ бездушнѣй формѣ. Свой идеаль, какъ почерпнутый изъ русской исторіи и жизни, славянофилы никому и не навязывали, тогда какъ де-Местръ, признавъ отвлеченно государственный абсолютизмъ (совершенно отличный отъ русскаго самодержавія) за лучшую форму правленія, въ видахъ водворенія тишины и спокойствія, находилъ ее одинаково приложимою для всякой страны, не замѣчая того, что «антогонизмъ между властію и народомъ, составляющій главное содержаніе политической жизни европейскихъ обществъ», не только не можетъ быть устраненъ тѣмъ государственнымъ устройствомъ, въ которомъ свобода гражданъ сокращена до minimum'a, но даже получить еще большее напряженіе. Все—государство и все для государства—таковъ принципъ де-Местра. Самодержавное правитель-ство и народъ, пользующійся свободою общественной жизни—таковъ принципъ политическаго бытія Россіи—по ученію славяно-филовъ. * «Мое политическое ученіе, говоритъ де-Местръ, признаютъ явнымъ нарушеніемъ принципа справедливости, изъ котораго логически истекаютъ: свобода, равенство и братство людей и ихъ естественныя гражданскія права. Но гдѣ во всей природѣ можно встрѣтить примѣненіе этого либеральнаго и гуманнаго закона справедливости—я не знаю. Въ общей экономіи природы одни существа неизбѣжно живутъ и питаются другими. Основное условіе всякой жизни то, что высшіе и болѣе сильныя организмы поглощаютъ низшіе и слабыя». Ужъ не для того ли привелъ г. Соловьевъ это любопытное признаніе де-Местра, чтобы еще болѣе дискредитировать въ глазахъ читателей мнимыхъ послѣдователей доктрины бывшего сардинскаго посланника въ Петербургѣ? Разобранное обвиненіе (другимъ словомъ мы не можемъ назвать указаніе г. Соловьева на зависимость славянофильства отъ де-Местра), очевидно направленное по адресу общественнаго мнѣнія, напомнило намъ одно изъ давнихъ обвиненій, обращенное къ представителямъ власти. Род-

* Понятно, что и указаніе на преимущественную зависимость И. С. Аксакова отъ де-Местра лишено всякаго основанія. Публицистическая дѣятельность покойнаго издателя «Дня», «Москвы» и «Руси»—не тайна; почему же критикъ въ подтвержденіе себя не сдѣлалъ ни одной ссылки на полное собраніе его сочиненій, въ которомъ политическому вопросу отведено не послѣднее мѣсто?

ственный г. Соловьеву по симпатіямъ, несомнѣнный ученикъ де-Местра, иезуитъ Гагаринъ въ своемъ сочиненіи: «Будеть ли Россія католическою?» касаясь между прочимъ «московской партіи», говорить буквально слѣдующее: истинная сущность славянофильства, неудовимая съ перваго взгляда, но тѣмъ не менѣ доподлинно ему извѣстная, совпадаетъ съ цѣлями республиканскими, коммунистическими и радикальными, такъ что все движеніе православное и все-славянское въ Москвѣ есть не что иное, какъ революція въ восточной формѣ, которая гораздо глубже обдумана, гораздо сильнѣе и растяжимѣе, нежели всѣ формы, какія могъ придумать Западъ. Такъ писалъ послѣдователь Лойолы въ 1856 г. * Въ сочиненіи же 1889 г. славянофиламъ приписываются уже совершенно иного рода вождедѣнія.... Два обвиненія—взаимно противорѣчащія одно другому и въ тоже время вполне равныя по своей очевидной невѣрности.

А. С.

* Съ его стороны это была, кажется, месть за то поражение, которое ему пришлось потерпѣть отъ славянофиловъ, когда онъ выступилъ среди нихъ съ проповѣдью католическихъ идей.

ПО ПОВОДУ ДЕВЯНОСТОЙ ГОДОВЩИНЫ

ИМПЕРАТОРСКАГО ДЕРПТСКАГО УНИВЕРСИТЕТА *

ДЕВЯНОСТО лѣтъ не составляютъ очень значительнаго періода времени въ жизни столь многовѣковыхъ организмовъ, какъ европейскіе университеты, между которыми не одинъ уже отпраздновалъ въ Германіи 500 лѣтъ своего существованія, въ Англіи же, Франціи, Италіи, Испаніи — даже 600 и болѣе лѣтъ. Но въ Россіи лишь одинъ московскій стоитъ выше дерптскаго по времени своего учрежденія, въ 1755 году. Да и московскій придется поставить въ хронологическомъ отношеніи на второмъ мѣстѣ, если вспомнить, что дерптскій университетъ первоначально учрежденъ былъ еще въ 1632 году, знаменитымъ шведскимъ королемъ, героемъ протестантизма Густавомъ Адольфомъ, и просуществовалъ въ нашемъ городѣ, съ небольшими перерывами, до 1699 г., а затѣмъ еще 11 лѣтъ такъ сказать въ эмиграціи, въ г. Перновѣ. Если прибавить къ вышеозначеннымъ 90 годамъ новаго времени еще эти 78 лѣтъ, то получимъ 168 л., т. е. періодъ времени соотвѣтствующій уже не тремъ, а пяти поколѣніямъ человѣческой жизни, на 31 годъ превышающій возрастъ старѣйшаго изъ русскихъ университетовъ, московскаго.

Уже одна эта продолжительность существованія дерптскаго университета указываетъ на наличность такихъ условій, которыя опредѣляютъ живучесть и усиленное развитіе организмовъ этого рода.

* Изъ рѣчи, произнесенной 12 декабря 1892 г. на актѣ И. Д. У.

Слав. Обзорник. 1892. Т. III, кн. 11 и 12.

Вторымъ внѣшнимъ доказательствомъ существованія именно здѣсь, въ Дерптѣ, такихъ условій служить тотъ фактъ, что втеченіе означенныхъ 168 лѣтъ нашъ университетъ не менѣе трехъ разъ былъ переносимъ то фактически, то принципиально въ другіе сосѣдніе города, а именно: въ г. Ревель въ 1660-хъ годахъ, затѣмъ въ г. Перновъ въ 1699—1710 годахъ и наконецъ въ г. Митаву по указу имп. Павла Петровича, отъ 25 декабря 1800 года. Этотъ послѣдній указъ былъ впрочемъ скорѣе отмѣненъ указомъ имп. Александра I, отъ 12 апрѣля 1801 года, которымъ вновь и окончательно возстановленъ этотъ храмъ музъ на Эмбахѣ, или, какъ онъ назывался въ XVII вѣкѣ, *Academia Dorpatensis ad Embesam*.

Третьимъ мѣриломъ живучести, а слѣд. и правоспособности нашего университета служить его широкая приноровляемость къ измѣнявшимся условіямъ времени и мѣста. Въ XVII вѣкѣ дерптскій университетъ, какъ основанный шведскимъ королемъ Густавомъ-Адольфомъ по образцу упсальскаго, довершенный его знаменитою дочерью Христиною и обновленный Карломъ XI,—почему онъ носилъ также названіе *Academia Gustavo-Carolina*—имѣлъ характеръ полулатинскій и полушведскій. Потому-то онъ и не могъ пережить паденія шведскаго господства на берегахъ Ливоніи. Возстановленный въ началѣ текущаго вѣка по мысли имп. Павла Петровича, державною волею Александра I, нашъ университетъ является въ видѣ заведенія уже не шведскаго, а скорѣе нѣмецкаго, и развивается втеченіе 50—60 лѣтъ параллельно прочимъ протестантскимъ университетамъ сѣверной Германіи.

Введеніе устава 1865 года, приноровленнаго къ уставу прочихъ нашихъ университетовъ 1863 года, вновь нѣсколько измѣнило основы этого развитія, такъ что университетъ нашъ сталъ понемногу перестраиваться по типу всѣхъ прочихъ отечественныхъ университетовъ, за изъятіемъ пока гельсингфорскаго.

Подобное двукратное перерожденіе школы шведской въ нѣмецкую, а послѣдней мало по малу—въ русскую, безъ пониженія научнаго ея уровня, а напротивъ—съ постепеннымъ его подъемомъ, не составляетъ конечно явленія безпримѣрнаго въ исторіи европейскихъ университетовъ. Наоборотъ, оно находитъ себѣ аналогіи въ перерожденіи, напримѣръ, всѣхъ латинскихъ нѣкогда университетовъ зап. Европы въ національные—француз-

скіе, англійскіе, нѣмецкіе, итальянскіе и т. д., а затѣмъ и нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ—въ иной язычный типъ, напримѣръ: пражскаго изъ нѣмецкаго наполовину въ чешскій, львовскаго въ польскій, пештскаго въ мадыарскій, страсбургскаго изъ французскаго въ нѣмецкій и т. д. Но во всякомъ случаѣ эта способность приоровленія указываетъ на мощную живучесть европейскихъ университетовъ вообще, а дерптскаго въ частности; она служитъ порукою дальнѣйшихъ успѣховъ послѣдняго въ служеніи не только наукѣ, но и отечеству, ибо — выражаясь словами нашей учредительной грамоты 12 декабря 1802 года: «Учрежденіе сіе имѣетъ преимущественно цѣлю распространеніе человѣческихъ познаній въ Нашемъ Государствѣ, и купно образованіе юношества на службу отечества»...

И каждый безпристрастный историкъ, обозрѣвающій дѣятельность дерптскаго университета на протяженіи этихъ 90 лѣтъ, долженъ признать, что онъ уже много сдѣлалъ для выполненія задачъ, возложенныхъ на него завѣтомъ Учредителя, на пользу науки и на «службу отечества».

Въ доказательство сошлюсь на статистическіе выводы изъ нашего *Album Academicum*, обработанные года три тому назадъ въ книжкѣ: *Von den 14.000 Immatriculirten*. * По представленному здѣсь расчету, изъ дерптскаго университета вышло въ періодъ времени отъ 1802 по 1889 годъ: 210 академикомъ и университетскихъ профессоровъ; 30 астрономовъ и физиковъ; 50 ученыхъ путешественниковъ; 70 поэтовъ, публицистовъ, редакторовъ; 390 высшихъ гражданскихъ сановниковъ; 45 военныхъ генераловъ и вообще 313 офицеровъ; 31 дипломатовъ; 265 адвокатовъ; 30 ландмаршаловъ; 65 ландратовъ; 54 бюргермейстера; 1130 пасторовъ; 1110 учителей (между ними 58 директоровъ); 2250 врачей, въ томъ числѣ 1160 докторовъ медицины.

Конечно, не всѣ эти ученые, чиновники, врачи и т. д. стояли на должномъ уровнѣ научнаго и гражданскаго развитія; но подобное замѣчаніе примѣнимо вѣдь къ бывшимъ воспитанникамъ любого нашего или заграничнаго университета. Не всякій однако изъ нихъ можетъ указать цѣлый рядъ такихъ именъ,

* Von. Dr. G. Otto und A. Hasselblatt. Dorpat. 1891.

какъ на примѣръ бывшіе то студенты нашего университета, то привлеченные имъ въ Россію преподаватели: Беръ, Струве, Якоби, Гельмерсенъ, Видеманъ, Миддендорфъ и др. Въ примѣненіи къ русской наукѣ Дерпту принадлежитъ заслуга высшаго образованія: поэта Языкова, лексикографа Даля, историка М. С. Куторги, славяновѣда В. И. Григоровича, астронома Савича, физиолога Овсянникова и многихъ еще другихъ нашихъ ученыхъ, академиковъ, профессоровъ. Но чуть ли не первую славу здѣшняго университета, по крайней мѣрѣ нашего медицинскаго факультета, составляетъ безсмертный хирургъ Пироговъ, котораго «Дневникъ» о жизни въ Дерптѣ въ концѣ двадцатыхъ и затѣмъ въ тридцатыхъ годахъ представляетъ и самую блестящую характеристику здѣшняго преподаванія, основаннаго на опытахъ и живомъ наблюденіи природы. Эта—конечно, компетентная—оцѣнка заслугъ дерптскаго медицинскаго факультета, которая могла бы быть подкрѣплена и другими вѣскими отзывами, находитъ нынѣ себѣ новое подтвержденіе въ изданномъ къ сегодняшнему торжеству проф. Кобертомъ сочиненія: *Dorpat. Festschrift.* * Въ этомъ трудѣ помѣщенъ списокъ не менѣе 1530 медицинскихъ диссертацийъ и печатныхъ медальныхъ сочиненій дерптскаго медицинскаго факультета за время отъ 1802 по 1892 г. Это цѣлая медицинская библіотека, имѣющая высочайшій научный интересъ! Между перечисленными здѣсь диссертациями встрѣчается не мало трудовъ и русскихъ ученыхъ, напр. Пирогова, Ст. Куторги, Караваева, Цыцурина, Савича, Подвысоцкаго и мн. др.

Высокая научная производительность преподавателей и воспитанниковъ дерптскаго университета заслуживаетъ тѣмъ большаго признанія, что по матеріальнымъ своимъ средствамъ онъ вовсе не принадлежитъ къ богатымъ. Наоборотъ, по количеству штатныхъ своихъ средствъ онъ занимаетъ нынѣ послѣднее мѣсто между всѣми русскими университетами, уступая на 30,000 р. въ годъ варшавскому и на 130—140,000 прочимъ провинціальнымъ университетамъ четырехъ-факультетнаго состава, не говоря уже о столичныхъ. А между тѣмъ въ дерптскомъ имѣется вдобавокъ еще пятый—богословскій факультетъ; по числу же своихъ воспи-

* Оно составляетъ III т. его *Historische Studien aus dem Pharmakologischen Institute der Kais. Universität Dorpat. Halle. 1893.*

танниковъ нашъ университетъ занимаетъ нынѣ третье или четвертое мѣсто между русскими университетами.

Будемъ надѣяться, что эти недочеты въ штатныхъ средствахъ университета, ослабляющіе силу и учебновспомогательныхъ его учреждений, вскорѣ устранятся, при постепенномъ уравниеніи и въ этомъ отношеніи правъ нашего университета съ прочими, въ интересахъ отечественнаго просвѣщенія.

Порукою въ томъ—неизмѣнное милостивое благорасположеніе къ Императорскому дерптскому университету его Государственныхъ Покровителей, во все продолженіе его девяностолѣтняго существованія, согласно завѣту, выраженному импер. Александромъ I въ учредительной грамотѣ 12 декабря 1802 г. въ незабвенныхъ и знаменательныхъ словахъ:

«Наконецъ препоручаемъ Мы сей Нашъ Императорскій университетъ честности сочленовъ и попеченію Начальниковъ онаго, уваженію всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ нашихъ и Высочайшему покровительству Преемниковъ Престола Нашего».

Дерптскій университетъ съ своей стороны, конечно, употребитъ всѣ силы, чтобы оправдывать и впредь это «покровительство», «попеченіе» и «уваженіе» «честнымъ» исполненіемъ своего научнаго призванія, своего долга передъ русскимъ Царемъ, государствомъ и народомъ.

А. Будиловичъ.

I

Истекающій годъ, 400-тый со времени открытія Америки, положительно принадлежит и въ нашемъ Старомъ Свѣтѣ этой главной и блестящей представительницѣ Свѣта Новаго. Даже у насъ въ Россіи, сколько приходилось слышать и читать—сначала про Бразилію и Аргентину, какъ все возрастающіе центры заокеанской эмиграціи, потомъ про Сѣверные Штаты, съ ихъ суровымъ протекціонизмомъ, колоссальными богатствами и энергическимъ содѣйствіемъ нашимъ нуждавшимся крестьянамъ, а наконецъ про Панамскій перешеекъ и неудачную попытку Лессепса пресѣчь его каналомъ, для соединенія двухъ главныхъ океановъ! Панамскій скандалъ затмилъ однако и Аргентину и Колумба, такъ что и намъ, въ Славянской Лѣтописи, невозможно не воснуться этого канала, хотя онъ лежитъ такъ далеко отъ славянскихъ странъ и самъ по себѣ не представляетъ для нихъ и сотой доли той важности, какую имѣютъ напр. проливы Босфорскій, Дарданельскій и каналъ Суэзскій. Мы не станемъ конечно останавливаться при этомъ на достоинствахъ и недостаткахъ Лессепсова проекта—прорыть Панамскій перешеекъ; не станемъ повторять общеизвѣстныхъ подробностей о неудачѣ этого смѣлаго и грандіознаго, но плохо разсчитаннаго предпріятія. Даже вопросъ о суммѣ истраченныхъ на него то въ Америкѣ, то въ Европѣ—особенно въ парижскихъ канцеляріяхъ и редакціяхъ—денегъ не представляетъ для насъ особенной важности и интереса. Намъ интересуется это дѣло лишь политическими своими послѣдствіями, особенно по отношенію къ русско-французскому союзу, какъ противовѣсу пресловутой тройной лиги.

Вопросъ въ томъ: переживетъ ли нынѣшняя французская республика этотъ грандіозный скандалъ, а въ связи съ этимъ должна ли Россія и впредь держаться французскаго союза или быть можетъ ей предпочтительнѣе замѣнить этотъ союзъ инымъ, болѣе прочнымъ и почетнымъ?

Читая только однѣ германскія, особенно же прусскія и австро-вѣмецкія газеты, можно бы притти къ убѣжденію, что французская республика или даже французское государство доживаетъ послѣдніе дни и несегодня завтра будетъ разгромлено какимъ-нибудь Бонапартомъ или Орлеаномъ. Между тѣмъ сообщаемые изъ Парижа факты о парламентскихъ и общественныхъ отношеніяхъ въ настоящее время вовсе не оправдываютъ этихъ злорадныхъ пророчествъ. Теперь, какъ и прежде, республиканцы имѣютъ значительное большинство и въ обѣихъ палатахъ парламента, и въ странѣ. Республика представляется слѣдов. столь же обезпеченною со времени панамскаго процесса, какъ и до него: сомнительнымъ можетъ представляться лишь вопросъ о личности президента министерства и нѣкоторыхъ его членовъ. Но допустимъ, что въ дальнѣйшемъ движеніи былъ бы вовлеченъ въ водоворотъ и глава республики: это не означало бы вѣдь ея упраздненія и замѣны коммуною или монархіею. Впрочемъ и въ послѣднемъ случаѣ Франція не перестала бы играть политической роли, слѣд. быть желательнымъ и полезнымъ союзникомъ напр. Россіи. Лишь подобнымъ популярнымъ во Франціи союзомъ и могъ бы новый глава государства обезпечить свой авторитетъ въ дѣлахъ внутреннихъ и внѣшнихъ. Но, повторяю, ничто не указываетъ пока на возможность измѣненій не личнаго лишь, какъ это имѣло мѣсто въ недавнее время, но и болѣе общаго характера. Эта возможность не велика даже въ случаѣ распушенія нынѣшняго парламента, до чего однако дѣло далеко еще не дошло. Реставрація же имперіи или королевства представляется столь невѣроятною, что даже папа и его слуги во Франціи вовсе не спекулируютъ на переворотъ этого рода.

Но, скажутъ намъ—со словъ австро-вѣмецкихъ или еврейско-вѣмецкихъ газетъ, можетъ ли Россія дорожить союзникомъ, который оказался столь деморализованнымъ, слѣдовательно разслабленнымъ, лишеннымъ всякой надежной будущности?

На это отвѣтимъ, что панамскій процессъ вовсе не представляетъ чего-то небывалаго въ уголовной хроникѣ нынѣшней Европы. Цифра истраченныхъ на подкупы и подарки акціонерныхъ денегъ панамской компаніи не извѣстна еще въ точности: одни опредѣляютъ ее въ 4 мил. фр., другіе въ 10 или даже 30 мил. Но даже въ послѣднемъ случаѣ она не была бы столь ужъ небывалою. Вспомнимъ

напр. процессы, бывшіе и у насъ, съ поставщиками интендантскаго вѣдомства. Сколько лишнихъ милліоновъ переплатило имъ государство, нерѣдко за гнилую муку или овесъ съ пескомъ! А по дѣламъ желѣзнодорожнымъ сколько милліоновъ переплачено во всѣхъ почти европейскіхъ странахъ для разнаго рода посредниковъ между правительствами и концессионерами! Вѣдь вотъ и въ Германіи еще недавно былъ процессъ Альварта по поводу злоупотребленій фабриканта Лаве по изготовленію ружей для прусской арміи. Для Австро-Угрии же напомнимъ недавнія пренія въ вѣнскомъ рейхсратѣ и будапештскомъ сеймѣ объ южной и сѣверной желѣзныхъ дорогахъ, о субсидіи Ллойдю, объ еврейской фабрикѣ ружей въ Будапештѣ, наконецъ—оглашенное недавно мадьярскими газетами расхищеніе значительной части (до 4 мил. гульд.) церковнаго фонда угорскихъ католиковъ, кажется во время управленія этимъ фондомъ покойнаго министра Трефорта.

При сопоставленіи съ этими болѣе или менѣе констатированными злоупотребленіями разныхъ и монархическихъ странъ, что особенно страннаго и небывалаго можетъ представить нынѣшній панамскій процессъ въ Парижѣ, на который нѣмецкіе публицисты указываютъ пальцемъ какъ на доказательство крайней демореализаціи французскаго общества и даже его правительства!

Правда, въ странахъ австро-германскихъ и др. фарисейско-бюрократическихъ разоблаченіе открытыхъ злоупотребленій и взятокъ не производилось такъ громко и открыто, какъ въ нынѣшней Франціи. Но въ смыслѣ нравственномъ подобная гласность скорѣе составляетъ достоинство, чѣмъ недостатокъ, родъ публичной исповѣди, если и не оправдывающей, то все же смягчающей вину кающагося или осужденнаго.

Слѣдуетъ далѣе отмѣтить, что главнымъ виновникомъ панамскихъ безобразій, какъ бы демономъ-искусителемъ по части подкуповъ, былъ какой-то темный нѣмецкій еврей Герцъ, продуктъ жизни нѣмецкой, а не французской. Да и вообще въ этомъ процессѣ обнаружилась гниль не французскаго общества вообще, а главнѣйше его финансовыхъ круговъ, отчасти и газетныхъ, уже сильно затронутыхъ вліяніемъ еврейскимъ, какъ это показано въ свое время Дрюмономъ въ сочиненіяхъ о французскомъ еврействѣ. Не изъ нѣмецкихъ ли центровъ: Вѣны и Берлина вышла и та система подкуповъ изъ Reptilienfond'a, вельфскаго фонда и т. п., въ которыхъ оказались до нѣкоторой степени виновны и хорошіе французскіе министры послѣднихъ лѣтъ?

Если наконецъ нѣмецкіе публицисты провозглашаютъ *urbi et orbi* союзъ съ Франціею невозможнымъ по причинѣ полнаго разстройства ея политическаго аппарата, быстрой смѣны министерствъ и отсут-

ствія прочнаго правительственнаго большинства въ палатахъ, то при этомъ они забываютъ, что въ наилучшемъ положеніи находятся теперь Германія и Австро-Угорія, гдѣ правительства также не имѣютъ обезпеченнаго большинства и должны заключать разнаго рода картели и искусственные союзы, чтобы проводить свои законопроекты.

II

Въ самомъ дѣлѣ, въ Германіи самъ кн. Бисмаркъ не могъ подъ конецъ составить себѣ надежной партіи ни въ ландтагѣ, ни въ рейхстагѣ, что собственно и было внѣшнимъ поводомъ его удаленія отъ дѣлъ и замѣны гр. Каприви. Но и послѣдній, какъ извѣстно, не могъ заручиться большинствомъ народнаго представительства, кромѣ самыхъ реакціонныхъ его элементовъ. Въ настоящее время и эти случайные прежніе союзники оставили новаго канцлера, такъ что врядъ ли ему удастся провести законопроектъ о двухлѣтней военной службѣ, съ соотвѣтственнымъ увеличеніемъ кадровъ и бюджета арміи, съ каковымъ проектомъ связано между тѣмъ его дальнѣйшее пребываніе на постѣ канцлера имперіи. Надежды молодого императора на себя самого, на возможность составлять въ палатахъ послушное большинство—обаяніемъ своей личности, силою своего краснорѣчія, своего смѣлаго почина,—какъ извѣстно, вовсе не оправдались. Дѣло дошло до того, что появилась и въ Германіи новая—именуемая національною—партія, поставившая себѣ цѣлью противодѣйствовать вмѣшательству короны въ рѣшенія народнаго представительства и отвѣтственныхъ его слугъ. Въ этомъ можно видѣть результатъ и той безперерывной антидинастической агитаціи, какую давно уже ведетъ опальный канцлеръ и дома и въ поѣздкахъ по Германіи. Въ послѣднее время даже познанскіе поляки какъ-то охладѣли въ своемъ усердіи къ Гогенцоллернскому флоту и арміи, какъ будто разочаровавшись въ надеждахъ возстановить при ихъ содѣйствіи свою «ойчизну». Въ этомъ отношеніи уже нѣсколько лучше положеніе Австро-Угоріи, ибо тамъ при всѣхъ колебаніяхъ политической почвы, при всѣхъ измѣненіяхъ парламентскихъ отношеній и группъ одинъ факторъ остается неизмѣннымъ: вѣрность поляковъ каждому цислейтанскому министерству, какого бы состава и направленія оно ни было. Вотъ и теперь, когда младочешская оппозиція разстроила прежнее большинство рейхсрата, когда вслѣдствіе того гр. Таафе пришлось вновь заискивать въ нѣмецко-еврейскихъ либералахъ и лавировать между ними и подальпійскими консерваторами, различныхъ оттѣнковъ, кто сохранялъ безусловную мамелюцкую вѣрность цислейтанскому премьеру въ постигшихъ его «премѣнахъ счастья

земного?» Одни галицкіе поляки да ихъ новоэрскіе сателлиты—въ клубѣ Романчука!

Къ сожалѣнію, эта вѣрная дружина галицкихъ шляхтичей оказалась недостаточною опорой въ борьбѣ министерства и съ чехами, и съ національ-либералами еврейско-нѣмецкими, такъ что были уже случаи, когда парламентская партія гр. Таафе оказалась въ меньшинствѣ. Напрасно потому австронѣмецкія и австроеврейскія газеты издѣваются надъ нынѣшнимъ республиканскимъ большинствомъ Франціи, которое въ самый критическій моментъ состояло всего изъ 5 или 6 голосовъ: гр. Таафе не имѣетъ въ своемъ рейхсратѣ и такого большинства, а вынужденъ склотить его вновь разнаго рода компромиссами, основанными на отсрочкѣ всѣхъ вопросовъ, имѣющихъ принципиальное значеніе и связь съ антагонизмами національностей. Въ концѣ концовъ онъ и успѣетъ, вѣроятно, образовать такое выхолощенное отъ всякихъ принциповъ и широкихъ стремленій большинство, основанное напр. на признаніи тройной лиги, австро-угорскаго дуализма и временномъ перемиріи партій; но эта консервативно-либерально-шляхетская лига ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться болѣе надежною опорой парламентаризма цислейтанскаго, чѣмъ напр. временныя же сдѣлки различныхъ республиканскихъ фракцій въ парламентѣ французскомъ. Послѣдній свободенъ по крайней мѣрѣ отъ тѣхъ еще усложненій, какія вноситъ въ политическую жизнь Австро-Угріи пресловутый дуализмъ, въ преимуществахъ котораго разочаровался наконецъ и столь вѣрный его поборникъ, какимъ былъ втеченіе 25 л. императоръ Францъ-Іосифъ. Въ самомъ дѣлѣ, мадьярская и мадьяронская шляхта подобно польской представляеть такой политической элементъ, который весьма трудно удовлетворить хотя бы самыми широкими уступками и льготами. Уже чего-чего не предоставилъ имъ императоръ въ послѣднее 25-лѣтіе: и отдѣльную легислативу, и самую широкую автономію политическую, и явныя послабленія въ распредѣленіи общеимперскихъ расходовъ, и полунезависимую гонведскую армію, и полное господство мадьярскаго меньшинства Угріи надъ немадьярскимъ—славяно-румынскимъ—большинствомъ ея населенія, и, наконецъ, преобладающій голосъ въ совѣтахъ короны по вопросамъ иностранной политики. А между тѣмъ въ Угріи и теперь еще между мадьярами очень сильна партія Кошута, не перестающаго отъ времени до времени напоминать землякамъ о необходимости низложить династію Габсбурговъ и учредить самостоятельное государство, подъ управленіемъ хотя бы Кошута или другого стараго революціонера. Это упрямство Кошута въ революціонерствѣ не помѣшало недавно Будапешту избрать его въ почетные члены города, вопреки совѣтамъ ми-

нистерства и желаніямъ двора. Сверхъ того, современные мадьяры все еще не могутъ примириться съ общеимперской арміей и желали бы полнаго отдѣленія отъ нея контингентовъ, поставляемыхъ Угріей, Семиградіей и Хорватіей, т. е. землями угорской короны. Несбыточная мечта—имѣть свою отдѣльную армію—поддерживаетъ въ Угріи недовольство общеимперской арміей и вызываетъ непрерывныя столкновения съ нею то гонимыхъ, то штатскихъ гражданъ этой ревнивой къ своимъ правамъ области. Все это значительно усложняетъ и въ Транслейтаніи задачи габсбургскаго управленія, хотя правительство и располагаетъ тамъ значительнымъ парламентскимъ большинствомъ. Такъ какъ большинство это состоитъ главнымъ образомъ изъ ренегатовъ то славянскаго, то нѣмецкаго, то еврейскаго, отчасти и румынскаго происхожденія, тогда какъ малочисленная парламентская оппозиція слагается почти всецѣло изъ чистыхъ мадьяръ, то нравственный вѣсъ послѣдней нерѣдко и перевѣшиваетъ въ сознаніи мадьярскихъ же или мадьяронскихъ гражданъ авторитетъ правительственнаго большинства обѣихъ палатъ. Вотъ почему и Коломанъ Тиса и гр. Сапари вынуждены были отказаться отъ власти, подъ ударами то парламентской, то газетной, а нерѣдко и уличной оппозиціи. Значительнымъ затрудненіемъ для угорскаго управленія служить и чрезмерная сила еврейства, опирающагося на протекцію Ротшильдовъ и вообще Alliance Israelite, отчасти же и на значительныхъ богатствахъ—движимыхъ и недвижимыхъ—накопленныхъ въ послѣднія десятилѣтія евреями въ Угріи. Да и самые вліятельные изъ органовъ мадьярской и мадьяронской печати—напр. Pester Lloyd—въ значительной мѣрѣ принадлежатъ уже евреямъ. Еще недавно одинъ изъ нихъ, докторъ М. Фалькъ, праздновалъ 25-лѣтіе своей редакторской дѣятельности, привѣтствуемый по этому поводу и министрами, и депутатами, и частными гражданами, словно какой оракулъ мадьярскаго правительства и общества. При такомъ значеніи еврейства въ Угріи, мы не должны удивляться, что правительства и гр. Сапари, и г. Векерле то и дѣло вносятъ въ сеймъ проекты, вызванные стремленіями евреевъ—не то что къ равноправности, а къ первой роли въ государствѣ. Таково происхожденіе и значеніе обсуждаемыхъ нынѣ въ Угріи законопроектовъ—о правахъ еврейскаго вѣроисповѣданія, а также о гражданскихъ метрикахъ и бракахъ—призванныхъ пошатнуть нынѣшній христіанскій строй угорскаго общества и права.

Кажется однако, что этотъ переворотъ не совершится и въ Угріи, какъ въ другихъ западныхъ странахъ, безъ тяжелой борьбы христіанъ съ евреями и рационалистами. Угорскій католическій епископатъ, поощряемый своими единовѣрцами въ Цислейтаніи и внушеніями ихъ

поднялъ энергическій протестъ противъ еврейско-массонскаго своего правительства. Такъ какъ и династія Габсбурговъ, очевидно, не измѣнить въ угоду евреямъ и мадьярскимъ рационалистамъ своего «апо-столическаго» характера, то либеральному министерству Вежерле, очевидно, придется вынести изъ-за еврейскихъ и массонскихъ вожделѣній тяжелую борьбу, исходъ которой трудно еще предсказать. Во всякомъ случаѣ, до развязки этого узла угорское министерство и парламентъ не въ состояніи будутъ заняться болѣе насущными культурными и національными вопросами, которыхъ также накопилось множество и самаго серьезнаго характера.

III

Еслибы мы перенесли мыслью отъ Франціи, Германіи, Австро-Угріи къ прочимъ западнымъ государствамъ, то и въ нихъ встрѣтили бы также болѣе или менѣе ясные признаки разстройства правительственныхъ системъ, основанныхъ на псевдонародномъ, вѣрнѣе же сословномъ представительствѣ. Даже Англія, эта классическая страна и прямая родоначальница западнаго конституціонализма, переживаетъ точно теперь тяжелый государственный кризисъ. Извѣстно, что и Гладстонъ, подобно Рибу, Каприви, Таафе, располагаетъ лишь самымъ незначительнымъ, для многихъ даже спорнымъ большинствомъ въ парламентѣ, хотя онъ по своимъ государственнымъ заслугамъ, уму, опытности и принципамъ не имѣетъ себѣ равнаго политика не только въ Великобританіи, но и на континентѣ.

Дублинскій взрывъ, направленный повидимому на одного изъ членовъ Гладстонова кабинета, доказываетъ, что страсти еще не улеглись на Зеленомъ островѣ, несмотря на близость обѣщаннаго ему вигами home-rule. Столь же шатка правительственная система въ Бельгіи, Испаніи, Швеціи, Норвегіи, даже въ Соединенныхъ штатахъ сѣв. Америки, гдѣ партіи республиканцевъ и демократовъ также представляютъ что-то въ родѣ торіевъ и виговъ и гдѣ самыя противоположныя государственныя теоріи, особенно финансоваго характера, сибиваютъ другъ друга безъ промежуточныхъ формъ, раздѣляя и правительство и общество на два почти враждебныхъ другъ другу лагеря.

Не означаетъ ли это, что вся западная Европа, съ ея заокеанскими колоніями, а не одна лишь республиканская Франція, какъ желали бы насъ увѣрить многіе, особенно въ Германіи,—быстрыми шагами приближается къ концу своего сословнаго конституціонализма и что на рубежѣ вѣка истекающаго и грядущаго ее ожидаетъ и въ этомъ отношеніи новая эволюція, новая форма государственной и общественной организаціи?

И можно навѣрняка предсказать, что эта новая форма появится и привьется впервые не въ Германіи, не въ Австро-Угріи или Италіи, даже не въ Англии, а именно во Франціи, такъ какъ Рима, уже ополчился въ оборону своихъ древнихъ прерогативъ въ она во многихъ отношеніяхъ представляетъ болѣе благопріятныя условія для политическаго перерожденія или обновленія, чѣмъ любая другая страна на Западѣ. Передъ Англійей и Австро-Германіей она имѣетъ значительное преимущество въ относительной свободѣ отъ остатковъ феодализма; передъ Австро-Угріей—въ сплоченной однородности своего населенія и свободѣ отъ національныхъ антагонизмовъ; передъ Италіей—въ отсутствіи того дуализма, который вносится соперничествомъ въ самой столицѣ Ватикана съ Квириналомъ; даже передъ Соединенными штатами—въ большей глубинѣ культурныхъ корней и большемъ ихъ разнообразіи, самобытности, универсальности, по крайней мѣрѣ для Запада. Наконецъ—едва ли не передъ всѣми своими соперницами въ культурной области имѣетъ Франція безспорное преимущество большей быстроты и интенсивности движенія, то суетливой, то сосредоточенной лихорадочности въ переходахъ отъ стараго къ новому, отъ традиціоннаго къ новаторству.

Если вдобавокъ вспомнить, что французская государственность далеко превосходитъ по своей древности не только новогерманскую и новоитальянскую, но даже австрійскую и англійскую, почти равняясь въ этомъ отношеніи нашей десятивѣковой русской государственности, то врядъ ли намъ покажутся убѣдительными Кассандрины вопли нѣмецкой и союзной съ нею печати, выдающей въ панамскомъ скандалѣ чуть не начало конца и Французской республики, и русско-французскаго союза.

IV

Едва ли впрочемъ сами эти нѣмецкія Кассандры серьезно вѣрятъ распускаемымъ слухамъ и страхамъ о Франціи. Въ противномъ случаѣ едва ли внушалъ бы имъ такія опасенія предполагаемый или дѣйствительный перевѣсъ боевыхъ силъ Франціи надъ нѣмецкими, а русско-французскихъ надъ соединенными силами Германіи, Австро-Угріи и Италіи. Возможность такого перевѣса указана была самимъ канцлеромъ Каприви, въ его большой рѣчи по поводу законопроекта о двухлѣтней службѣ и усиленіи мирнаго состава арміи. Рѣчь эта, какъ извѣстно, произвела очень неблагопріятное впечатлѣніе въ Германіи, гдѣ откровенность гр. Каприви въ восхваленіи доблестей и силы французской арміи показалась недипломатичною и даже прямо-

обезкураживающею нѣмцевъ. По существу однако никто не могъ опровергнуть данныхъ и соображеній канцлера о военномъ перевѣсѣ противниковъ и о необходимости устранить его новыми миллионными жертвами—молоху милитаризма. Правда, между германскими законодателями мало теперь оказывается охотниковъ итти еще далѣе въ военномъ бюджетѣ. Но увеличеніе его представляется и императору, и канцлеру Германіи столь необходимымъ, что въ случаѣ паденія этого законопроекта слѣдуетъ ожидать отставки гр. Каприви.

По сей вѣроятности и австро-угорскія компетентныя сферы не обольщаются болѣе вѣрою въ непобѣдимостъ войскъ тройной лиги, ибо въ противномъ случаѣ не появился бы и въ Вѣнѣ слухъ о предстоящемъ введеніи двухлѣтной военной службы, съ приличнымъ увеличеніемъ мирныхъ контингентовъ арміи и средствъ на ихъ содержаніе.

Примѣру этому вынуждена конечно будетъ послѣдовать и Италія, коль скоро ея финансы позволятъ взвалить на удрученный народъ новое военное бремя.

Само собою понятно, что для восстановленія равновѣсія силъ вновь вынуждены будутъ принять соотвѣтственныя мѣры Франція и Россія, какъ ни тяжело это отразится на ихъ финансовомъ положеніи.

Такимъ образомъ по почину все той же Пруссіи, которой нынѣшняя Европа обязана уже своимъ обременительнымъ милитаризмомъ, придется ей еще понатужиться, якобы для поддержанія мира, въ силу криво толкуемаго изреченія: *si vis pacem, para bellum...*

Что изъ этого выйдетъ—трудно предсказать. Всего вѣроятнѣе, этотъ новый взрывъ милитаризма, усиливъ бѣдность рабочихъ классовъ, дастъ новую пищу социалистическимъ ихъ возжелѣніямъ. Съ другой стороны онъ легко можетъ привести и къ вооруженному столкновенію между народностями господствующими и подавленными, равно дрессированными въ военномъ дѣлѣ и постепенно приучаемыми вѣрить въ законность кулачной расправы съ врагами своего отечества или своей народности. Этого рода опасности для народностей господствующихъ отъ народностей угнетенныхъ давно и ясно сознавали османскіе турки, принявшіе за принципъ—не давать раіямъ въ руки оружія, за изытіемъ развѣ безродныхъ и отуреченныхъ янычаръ. То же практикуется до нѣкоторой степени и англичанами въ колониальныхъ владѣніяхъ, гдѣ если и допускаются войска изъ туземцевъ, то не иначе какъ подъ командою англійскихъ офицеровъ.

Принципъ общей военной повинности совершенно устранилъ этого рода различіе между народностями вооруженными и невооруженными, такъ что послѣднихъ почти и не осталось уже на материкѣ Европы. Но не вытекаетъ ли изъ этого положенія логическая

необходимость—уничтожить наконецъ грань, отдѣляющую во многихъ странахъ и государствахъ народности господствующія отъ терпимыхъ и даже нетерпимыхъ, въ родѣ напр. той, какая существуетъ въ Эльзасѣ-Лотарингіи между нѣмцами и французами, въ Познани и Слезіи между нѣмцами и поляками, въ Чехіи между нѣмцами и чехами, въ Штиріи, Хорутаніи, Крайнѣ между нѣмцами и словенцами, въ Далмаціи между нѣмцами, итальянцами и сербохорватами, въ Угріи между мадьярами и евреями съ одной стороны, а славянами, румынами и даже нѣмцами—съ другой, въ Галичинѣ между поляками и евреями вверху, а русскими внизу и т. п. Наравнѣ съ затрудненіями политическими и соціально-экономическими, этого рода неравенство между народностями, ихъ языками и вѣроисповѣданіями и т. п. является однимъ изъ главныхъ источниковъ недовольства большинства европейскихъ народовъ нынѣшними національными отношеніями Европы, особенно центральной и южной, и возрастающаго стремленія замѣнить этотъ устарѣлый строй, какъ продуктъ то завоеванія, то политическаго надувательства,—другимъ, болѣе справедливымъ и согласнымъ съ законами природы, съ интересами государства, съ требованіями общественной и личной нравственности.

V

Классическою страной національныхъ антагонизмовъ и тяжелаго гнета народностями господствующими подавленныхъ или поработанныхъ является Австро-Угрія. На небольшомъ пространствѣ какихъ-нибудь 10,000 кв. м. и на протяженіи одного-двухъ десятилѣтій, мы можемъ найти въ ней обильные примѣры для всѣхъ возможныхъ видовъ національнаго угнетенія, цѣлую скалу то правительственныхъ, то общественныхъ оскорбленій, наносимыхъ и лицамъ, и корпораціямъ, и цѣлымъ народностямъ,—во имя якобы равенства, свободы, братства. Появись теперь въ Австро-Угріи Дантъ, онъ могъ бы не 9, а 99 круговъ ада наполнить сценами горя и страданій, униженія и издѣвательствъ, творимыхъ подъ знаменемъ конституціи, дуализма, тройственной лиги. На верхнемъ изъ этихъ круговъ онъ конечно помѣстилъ бы поляковъ, какъ самый привлекательный изъ австро-славянскихъ народовъ. Подобно языческимъ философамъ и художникамъ Данта, они живутъ еще относительно недурно, имѣютъ свои замки, свои собранія и клубы, своего короля *in spe* и министровъ въ Вѣнѣ; болѣе того, они могутъ наслаждаться страданіями другихъ, отъ нихъ зависимыхъ и ими подавленныхъ рабовъ, наполняющихъ болѣе глубокіе круги этого «ада». Но

вмѣстѣ съ тѣмъ и поляки, какъ философы del limbo, не могутъ надѣяться на искупленіе, ибо и они въ сущности дѣти славянской матери, братья—хотя и невѣрные—той *perduta gente*, которой мѣсто лишь въ подземельяхъ человѣческаго общества, въ катакомбахъ великой Нѣмечины. Полякамъ временно предоставлено хозяйничать въ Галичинѣ, но лишь потому, что столѣтній опытъ—со временъ Іосифа II—убѣдилъ вѣнскихъ бюрократовъ въ невозможности онѣмечить ее, доколѣ тамъ хранится славянская церковь и русское имя, русскія симпатіи и преданія. Уничтоженіе этой церкви и этихъ преданій и составляетъ главную задачу нынѣшняго польскаго управленія Галичины. Какъ скоро эта задача будетъ разрѣшена, поляки станутъ совершенно ненужнымъ для Нѣмечины багажемъ и будутъ въ свою очередь отданы въ жертву германизациі. Она и теперь, впрочемъ, дѣлаетъ въ Галиціи значительные успѣхи въ видѣ еврейства, которое по домашнему языку, отчасти и по духу, по враждѣ къ славянству и къ Россіи—является какъ бы предтечею и орудіемъ германизациі. Но и независимо отъ подкапыванія галицкой Полоніи юдаизмомъ, какъ форпостомъ германизма, польскіе шляхтичи могли бы—при нѣкоторой зоркости—замѣтить и тысячи другихъ признаковъ шаткости своего положенія, своей призрачной автономіи, своего мнимаго господства въ вѣнскомъ парламентѣ и министерскихъ канцеляріяхъ. Не имѣя корней въ сочувствіяхъ народныхъ массъ—и польскихъ и русскихъ—вся эта автономія виситъ на воздухѣ и могла бы быть отмѣнена въ одинъ день, по первому желанію министровъ и двора. Совершенно призрачна и сила польскаго парламентскаго клуба въ Вѣнѣ. Правда, онъ представляетъ нынѣ довольно компактную массу, что-то въ 60 голосовъ. Но это число голосовъ вовсе не соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ статистическимъ отношеніямъ галицкаго населенія и могло бы быть на половину сокращено при первыхъ же выборахъ, если бы этого пожелало министерство и слѣд. его органы въ составѣ галицкой администраціи.

Въ настоящее время галицкая делегація такъ или иначе считается представителемъ всего 5-милліоннаго населенія Галичины. Но при восстановленіи свободы выборовъ, по крайней мѣрѣ половина—до 30 голосовъ—перешла бы къ депутатамъ русскимъ и польскій клубъ сократился бы до 30 же голосовъ, представляющихъ уже не всю Галичину, а одну западную ея часть, съ болѣе или менѣе сплошнымъ польскимъ или—какъ народъ предпочитаетъ выражаться—мазурскимъ и горальскимъ населеніемъ. Тотъ же результатъ былъ бы безъ труда достигнутъ вѣнскимъ министерствомъ путемъ административнаго раздѣленія Галичины на восточную или русскую и западную или польскую, чего не разъ уже требовали русскіе галичане то на вѣчахъ, то въ собраніяхъ политическихъ обществъ и на что они имѣютъ

полное и историческое народное право. Ниспавъ же до роли представительства 2—2½ мил. галицкихъ мазуровъ, польскій парламентскій клубъ въ Вѣнѣ сразу занялъ бы въ рейхсратѣ такое же зависимое, второстепенное положеніе, какое принадлежитъ напреду депутатамъ Моравіи или подальпійской Словѣніи. Впрочемъ и теперь поляки лишь настолько выслушиваются въ вѣнскомъ парламентѣ, насколько они рѣшаются и умѣютъ по-нѣмецки говорить, по-нѣмецки думать и чувствовать. Вздумавай же они говорить тамъ по-польски, а еще болѣе — разсуждать по-славянски, немедленно отъ нихъ отвернулись бы и министры и депутаты клубовъ Гогенварта, Коронини, Пленера, такъ что развѣ одни младочехи согласились бы выслушивать до конца польскія рѣчи и поддерживать польско-славянскія стремленія подобнаго клуба. Этого рода условіями и перспективами и объясняется собственно рабское отношеніе польской депутаціи ко всѣмъ цислейтанскимъ министерствамъ — и централистическаго, и федеральнаго, и либеральнаго, и консервативнаго, даже прямо реакціоннаго направленія, какое нерѣдко господствовало и въ совѣтахъ гр. Тафе. Такимъ образомъ и галицкіе поляки сидятъ собственно на цѣпи у вѣнскихъ бюрократовъ, но эта цѣпь — золотая и довольно привольная, для людей близорукихъ или лакеевъ въ душѣ даже незамѣтная. Поляки же давно привыкли быть орудіемъ въ чужихъ рукахъ: то Рима, то Вѣны, то Берлина, прежде и Парижа да Лондона, — словомъ въ рукахъ Запада, въ его борьбѣ съ грекославянскимъ Востокомъ. За этого рода услуги въ распространеніи то папизма, то униі, то феодальныхъ и юнкерскихъ идей и порядковъ, то наконецъ австрофильства, германофильства, а наипаче іуданзма и пользуются теперь поляки какъ въ Германіи, такъ и въ Австріи своего рода привилегированнымъ положеніемъ, въ сравненіи со всѣми другими славянскими народностями.

VI

Гораздо ниже поляковъ стоятъ въ глазахъ и въ симпатіяхъ западной, особенно германской Европы чехоморавяне. Нужды нѣтъ, что и они сильно захлебнулись со старыхъ временъ и латинствомъ въ церковной области, и германизмомъ въ общественной, — что и теперь громадное большинство ихъ принадлежитъ къ папизму, мало отличаясь въ культурномъ отношеніи отъ сосѣднихъ нѣмцевъ нижней Австріи, Баваріи, Саксоніи. Все-таки въ чехахъ и моравянахъ живутъ еще преданія гуситства, а по временамъ оживаетъ память и болѣе древнихъ временъ, славянскихъ, кирилло-меоодіевскихъ. Къ тому же чехоморавяне обнаруживаютъ издавна живое чутье дѣйстви-

тельности, котораго вовсе лишены Донкихоты полонизма. Потому-то чехи уже въ началѣ XIX в. при гениальномъ учителѣ своемъ Добровскомъ поняли значеніе и роль славянства въ исторіи и политикѣ, а вмѣстѣ оцѣнили и ту пользу, какую можетъ почерпнуть изъ него чехизмъ, въ неравной борьбѣ съ тевтонизмомъ. Въ дальнѣйшемъ движеніи событій эта нравственная, чисто-идейная пока связь чеховъ со славянствомъ то возростала, то слабѣла, но никогда не прекращалась—ни въ наукѣ, ни въ поэзіи, ни въ жизни. Вотъ почему австрійскіе нѣмцы уже съ начала нынѣшняго вѣка съ ревнивой подозрительностью глядятъ на чеховъ и моравянъ, окружая ихъ шпионствомъ, а по временамъ и прямымъ запрещеніемъ славянскихъ «демонстрацій».

Можно впрочемъ утверждать, что и откажись чехи отъ всякаго гуситства и славянизма, они все-таки не получили бы въ своей средѣ столь привилегированнаго положенія, какъ поляки въ Галичинѣ, потому что въ Чехіи и Моравіи чехизмъ приходится развивать насчетъ не отверженной Руси, а любезныхъ Вѣнъ нѣмцевъ Эгерланда и Рейхенберга. Наконецъ и географическое положеніе Чехіи, въ настоящемъ стратегическомъ центрѣ Германіи, господствующемъ и надъ Дрезденомъ и надъ Мюнхеномъ и надъ Вѣною, представляетъ для нѣмцевъ совершенно другой интересъ, гораздо большую важность, чѣмъ польскія области въ водоскатахъ Одры и Вислы.

Вотъ гдѣ причина вѣковыхъ столкновеній чехоморавянъ съ нѣмцами, восходящихъ во временахъ полумиенческаго Само, проходящихъ черезъ эпоху Премысловичей, а потомъ Люксембурговъ, Жижики, Подѣбрада, Габсбурговъ, черезъ мрачный періодъ іезуитской реакціи послѣ битвы Бѣлогорской, наконецъ—времена нѣмецкаго гнета при Маріи Терезіи и Іосифѣ II, и чешскославянскаго возрожденія, съ Добровскаго и Шафарика.

Значительно ухудшилось народное положеніе чехоморавянъ со времени возстановленія германской или—вѣрнѣе—римсконѣмецкой имперіи Гогенцоллерновъ послѣ Кениггреца и Седана. Такъ какъ въ имперію эту не замедлила войти—хотя сначала на федеративныхъ основаніяхъ—вся Австро-Угрія, то чехоморавянамъ пришлось въ послѣднія десятилѣтія вести борьбу уже не съ изолированными силами вѣнскихъ, бернскихъ или пражскихъ нѣмцевъ, а съ цѣлой имперіей, или вѣрнѣе двумя имперіями: габсбургской и гогенцоллернской, которыя въ совокупности располагаютъ пожалуй такимъ же числомъ солдатъ, какимъ числомъ душъ располагаютъ чехи съ моравянами.

Эта борьба не можетъ однако считаться безнадежною и даже неравною, если чехоморавяне будутъ и впредь считать себя какъ бы передовой ратью славянства и подъ знаменами послѣдняго мужественно продолжать борьбу съ объединенными нынѣ нѣмцами. Ко-

нечно, эта борьба затянется; быть можетъ она займетъ жизнь не одного поколѣнія, жизнь во всякомъ случаѣ тяжелую, тревожную и боевую; но при испытанной вѣками энергіи чеховъ она безспорно окончится торжествомъ ихъ народности, если не измѣнить и впредь чехоморавянамъ славянское сознание и укрѣпленный на этой почвѣ инстинктъ народнаго самосохраненія.

Порукою въ томъ могутъ служить и безспорные успѣхи младочешской делегаціи въ Вѣнѣ, приобрѣтенные главнымъ образомъ юмья чешскаго славизма и при поддержкѣ—правда, только нравственной—части югославянскихъ депутатовъ. Въ этомъ отношеніи особенно памятны будутъ рѣчи деп. Вашатаго въ рейхсратѣ и деп. Эйма въ цислейтанской делегаціи по дѣламъ чешскимъ, польскимъ и югославянскимъ.

VII

Въ гораздо худшемъ еще—хотя и менѣе опасномъ—положеніи находится третья вѣтвь чехословенскаго племени—словаки. Они не занимаютъ правда столь выдвинутого и открытаго положенія на западѣ, какъ чехи или даже моравяне; и въ отношеніи бытовомъ они гораздо цѣльнѣе сохранили свой славянскій обликъ. Но съ другой стороны они гораздо бѣднѣе чехоморавянь, лишены столь тѣсной организаціи, почти не имѣютъ независимой интеллигенціи и наконецъ—совершенно отданы на милость и немилость мадыарскаго правительства и мадыарскаго же или мадыаронскаго общества. Принадлежа въ большинствѣ къ католической церкви, а отчасти и къ лютеранской, словаки лишены самостоятельной церковной организаціи и должны быть свидѣтелями мадыаризаторской дѣятельности своего собственнаго высшаго, отчасти и низшаго влира. Въ законодательномъ собраніи они давно уже не имѣютъ ни одного голоса, хотя по числу душъ мало уступаютъ мадыарамъ, слѣдовательно должны бы въ сеймѣ и палатѣ господъ имѣть не одинъ десятокъ своихъ представителей. Въ мѣстной и центральной администраціи словаки участвуютъ лишь тогда, если они отреклись отъ своего народа и стали ренегатами—мадыаронами. Въ судахъ они также не имѣютъ ни своихъ людей, ни своего языка, ни своей правды. Въ школахъ словенскій языкъ также проскрибированъ, за изытіемъ самыхъ низшихъ, содержимыхъ въ болѣе глухихъ селахъ. Всѣ ученія общества и учрежденія, содержимыя отчасти на государственныя, слѣдовательно и словенскія средства, также служатъ цѣлямъ не государства или общества, не науки или искусства, а мадыаризаціи, которая является альфою и омегою всей нынѣшней угорско-мадыар-

ской науки, управленія, жизни. «Матица», учрежденная на пожертвованныя словенскими патриотами деньги, давно секвестрована и разграблена, подъ предлогомъ «панславизма». Тоже случилось съ тремя частными словенскими гимназіями. Теперь дѣло дошло до того, что посылаются жандармы на словенскія кладбища, оскорбляющіе покой могилъ и разгоняющіе участниковъ поминальной тризны. Этотъ «гіенизмъ» произошелъ еще недавно въ с. Глубокомъ, при открытіи воздвигнутаго народомъ памятника знаменитому патриоту и дѣятелю словаковъ, доктору Іосифу Гурбану. Но и этого недостаточно было мадьярамъ для вѣщаго оскорбленія словаковъ. Они возбудили по этому поводу процессъ противъ сына Іосифа Гурбана, даровитаго и дѣятельнаго словенскаго поэта и публициста Светозара Гурбана-Ваянскаго, который нынѣ осужденъ пресбургскими присяжными—изъ мѣстныхъ мадьяръ, нѣмцевъ и евреевъ—къ тюремному заключенію на цѣлый годъ единственно за то, что излилъ въ статьѣ накипѣвшую въ душѣ боль по поводу такого неслыханнаго административнаго вмѣшательства въ погребальные обряды и поминальную тризну. Можно однако утверждать, что этотъ вторичный гіенизмъ, проведенный черезъ всѣ инстанціи мадьярскаго судилища, не только не ослабитъ мужества словенскихъ патриотовъ, но еще усилитъ его—поддержкою снизу. Ибо во время этого судилища какъ самому обвиненному, такъ и его даровитымъ и смѣлымъ адвокатамъ—Мудронию и Стефановичу—удалось во всеуслышаніе высказать съ высокой судебной трибуны и своимъ и чужимъ все, что накопилось въ теченіи вотъ уже четверти вѣка на душѣ у словаковъ подъ невыносимымъ мадьярскимъ игомъ. Процессъ этотъ по значенію своему для пробужденія народнаго самосознанія можетъ быть поставленъ въ рядъ съ памятнымъ львовскимъ процессомъ Ольги Грабаръ и товарищей, а также съ недавними процессами румынскихъ вождей въ Банатѣ и Семиградіи. Не только на Словачинѣ, но и въ прочихъ славянскихъ странахъ участь молодого Гурбана, въ борьбѣ съ мадьярскимъ терроризмомъ, вызвала всеобщее сочувствіе, такъ что въ Прагѣ напр. прокуратурѣ пришлось прибѣгнуть къ конфискатамъ чешскихъ газетъ, чтобы зажать имъ ротъ по поводу этого новаго акта вандализма въ мнимо-свободной Угріи. Сегединская тюрьма можетъ конечно подрывать здоровье и парализовать на время писательскую дѣятельность Гурбана, но она вовсе не ослабитъ всеобщаго протеста словаковъ противъ ежедневныхъ оскорбленій со стороны мадьяризма, а наоборотъ еще приблизитъ часъ расплаты съ нимъ.

VIII

Столь же опасную игру затѣяла теперь галицкая Полонія съ русскими своими паріями. Она не только узурпируетъ въ исконно-русскомъ, святовладимірскомъ Галичѣ всѣ права народной интеллигенціи и областной администраціи, но даже вторгается въ самыя неприкосновенныя святыни русской народности: ея церковь, письменность, школу, даже жизнь семейную и личную. При помощи римскихъ и краковскихъ іезуитовъ, польская шляхта вадумала захватить въ свои руки всѣ галицко-русскіе монастыри и важнѣйшія школы для образованія русскаго духовенства; подчинила себѣ русскій епископатъ-овладѣла капитулами; на каждомъ шагу нарушаетъ права и достоинство русскихъ священниковъ; внесла смуту въ среду немногочисленныхъ депутатовъ Руси на львовскомъ сеймѣ и въ вѣнскомъ рейхсратѣ; расплодила ренегатовъ между русскими учителями среднихъ и низшихъ школъ; деморализовала большую часть органовъ галицко-русской печати; наложила руку на традиціонную русскую графику и ореографію, навязавъ школамъ такъ называемую фонетическую систему, въ самомъ ненаучномъ ея примѣненіи; наконецъ — совершенно разочаровала народныя массы и довела ихъ до отчаянной рѣшимости покинуть ополченную и обьюдеенную родину, въ надеждѣ найти пріютъ и кусокъ хлѣба на чужбинѣ.

Но и всего этого еще недостаточно обанкроченнымъ шляхтичамъ и фаватическимъ ксендзамъ Галичины. Изъ произведеннаго недавно ареста въ Вѣнѣ редактора ж-а «Наука» Козарищука и нѣкоторыхъ другихъ террористическихъ мѣропріятій можно заключать, что галицкая Полонія собирается еще выкинуть какой-то новый фарсъ, чтобы ускорить желанное сліявіе уніатовъ съ католиками, а галицко-русскаго крестьянства съ мазурами или вѣрвѣе—съ хлопами старой Полоніи, ея презираемымъ «быдломъ».

Даже буковинская Русь, находившаяся доннѣ въ гораздо лучшихъ условіяхъ, благодаря сохраненію православія и отсутствію въ Буковинѣ поляковъ, въ послѣднее время стала привлекать къ себѣ польскихъ политиковъ и миссіонеровъ, которые уже свили себѣ гнѣздо въ Черновцахъ и начинаютъ играть немаловажную роль въ общественныхъ отношеніяхъ и политическихъ партіяхъ Буковины. Еще нѣсколько лѣтъ и ополченная, быть можетъ и присоединенная къ Галичинѣ Буковина послужитъ мостомъ въ Молдавію, къ устьямъ Серета и Днѣстра, къ берегамъ Чрнаго моря, согласно старому завѣту: od morza do morza!...

IX

А тамъ, за Дунаемъ—полякамъ уже подадутъ руку, черезъ голову румыновъ, стамбуловцы и кобургисты, которые также именно теперь взялись за какую-то реформу конституціи, вѣрнѣе же—болгарской церкви, въ духѣ если не папистскомъ, то по крайней мѣрѣ униатскомъ. Не даромъ же Баттенбергъ встрѣтилъ столь торжественный приемъ во Львовѣ, во время своего вынужденнаго путешествія черезъ Россію въ Германію; не даромъ онъ повернулъ именно изъ Галичины въ Румынію и Болгарію, въ надеждѣ еще разъ покняжить въ Софіи. Правда, изъ этой затѣи ничего тогда не вышло; но все же польскія вождельвія, польское настроеніе и безшабашная польская политика нашли себѣ доступъ въ новѣйшую Болгарію, гдѣ уже и ранѣе впрочемъ свили себѣ гнѣздо польскіе змартвухвстанцы или іезуиты, исподтишка распространяющіе въ Болгаріи и Фракіи папизмъ и унию. Очень возможно, что ихъ коварными внушеніями, конечно поддержанными консуломъ австро-угорскимъ и его товарищами по «мирной лигѣ», объясняется неожиданная рѣшимость Стамбулова и Кобурга объявить Болгарію чуть не confessionslos, по образцу Австро-Угріи. Другимъ факторомъ, направившимъ въ эту сторону «правительственную мудрость» Стамбулова и Кобурга, была вѣроятно нынѣшняя полуврейская Угрія, гдѣ также правительствомъ задумана реформа, направленная къ гражданскому браку и подъему значенія мазизма. Даже оппозиціонное отношеніе къ обѣимъ параллельнымъ реформамъ: экзарха Іосифа и значительнаго числа епископовъ въ Болгаріи, а примаса Вашари и его вліятельныхъ коллегъ въ Угріи, представляетъ значительную аналогію. Изъ этого можно заключить, что нынѣшняя Болгарія двигается по колеѣ, опредѣляемой вліяніями и примѣрами полонизма съ одной стороны, а мадьяризма съ другой, такъ что въ концѣ концовъ этимъ путемъ можетъ сформироваться за Дунаемъ вторая Польша или вторая Мадьярія, призванная подобно двумъ послѣднимъ служить авангардомъ австро-германизма на Балканскомъ полуостровѣ. Чѣмъ скорѣе будетъ разрушенъ этотъ ново-созданный притонъ враждебныхъ махинацій противъ южнаго славянства и Россіи, тѣмъ конечно лучше ему и намъ.

Прекращеніе болгарской смуты крайне необходимо и потому, что она заражаетъ своими міазмами окружающія страны, напр. Сербію, Румынію, Турцію. Несмотря на довольно строгій политическій карантинъ между Софіею и Бѣлградомъ, въ послѣдній все же проникаютъ изъ первой не только эмигранты, но и крайняя партійность, виѣстѣ со стремленіемъ замѣнять доводы палками. Еще

замѣтнѣе вліяніе стамбуловской Болгаріи на Румынію, которая издревле была въ самыхъ тѣсныхъ и церковныхъ, и политическихъ, и народныхъ связяхъ съ первою. Въ этомъ вліяніи можно полагать одну изъ причинъ нынѣшней руссофобіи румыновъ, вовсе не оправдываемой ни исторіею, ни современностью.

Но и въ отношеніяхъ въ Россіи султана и его правительства въ послѣднее время нельзя не замѣтить аналогичнаго вліянія болгарской смуты. Трудно инымъ способомъ объяснить и пріемъ султаномъ Стамбулова, и участіе турокъ въ пловдивской выставкѣ, и даже, если вѣрить газетамъ, готовность Турціи пропустить въ Черное море подъ своимъ флагомъ нѣсколько болгарскихъ крейсеровъ, призванныхъ-де наряду съ румынскими и австроугорской флотиліею на Дунаѣ парализовать дѣйствіе нашего Черноморскаго флота, въ случаѣ войны на берегахъ или водахъ Понта.

Если вспомнить наконецъ, что Софія въ послѣднее время стала чуть ли не новымъ Цюрихомъ или Лондономъ по стеченію разнородныхъ эмигрантовъ, отчасти и анархистовъ, то придется признать, что софійская стамбулово-кобургіада заражаетъ своими міазмами значительную часть Грекославянскаго Юга и угрожаетъ надолго парализовать успѣхи нашей политики, нашей образованности на христіанскомъ Востокѣ. Въ интересахъ этой образованности, этого священнаго призванія Россіи лежитъ слѣдовательно насущная необходимая принять дѣйствительныя мѣры для прекращенія этой гибельной смуты.

Дерптъ.
22 дек. 1892.

А. Б.

ПИСЬМА ИЗЪ СЛАВЯНСКИХЪ И ДР. ЗЕМЕЛЬ

Изъ Варшавы

Русско-польскій вопросъ въ освѣщеніи г. Крестовскаго и г. Лихтанскаго.

II.

Въ № 240 «Варшавскаго Дневника», отъ 27 окт., всего ишь черезъ нѣсколько дней послѣ написанія нашей корреспонденціи, напечатанной въ октябр. кн. «Славянскаго Обзорнія», помѣщены двѣ статьи о томъ же предметѣ, который составляетъ тему помнутаю нашей корреспонденціи. Эти статьи занимаютъ вопросомъ «о русско-польскомъ единеніи на почвѣ славянства» (sic), какъ пишетъ авторъ первой изъ нихъ, самъ редакторъ «Варшав. Дневн.» г. В. Крестовскій, или «добровольнымъ единеніемъ поляковъ съ русскимъ государствомъ», по выраженію автора второй, г. К. Лихтанскаго. Появленіе подобныхъ статей въ почтенномъ изданіи Привислинскаго края конечно имѣетъ, можно сказать, политическую важность. Само по себѣ оно составляетъ явный симптомъ и признакъ того, что русская правительственная власть въ этомъ краѣ, на диктатуру» которой съ самаго начала управленія генерала Гурко постоянно сыпались жалобы въ польской заграничной печати, подъ одобрительные крики о томъ же разныхъ другихъ заграничныхъ органовъ, преимущественно австро-угорскихъ и германскихъ, сама напротивъ ищетъ въ настоящее время почвы для установленія съ польскимъ населеніемъ отношеній, основанныхъ на началѣ большаго, если не совершеннаго довѣрія и искренняго доброжелательства, ради общей пользы, общихъ интересовъ. Нельзя не привѣтствовать искренними пожеланіями скорого и наилучшаго успѣха

этотъ починъ нашей власти. Съ своей стороны мы считаемъ его вдвойнѣ благовременнымъ: политически—по состоянію политическаго горизонта, нынѣ повидимому совершенно-яснаго, но могущаго покрыться, какъ всѣ думаютъ, грозowymi тучами чуть ли не всякую минуту, и практически—вслѣдствіе того, что нынѣ, благодаря, обстоятельствамъ, не имѣющимъ никакого прямого отношенія къ польскому вопросу, русская власть располагаетъ въ самомъ крайѣ такими силами, при наличности которыхъ она болѣе чѣмъ когда-либо имѣетъ возможность предпринять на пользу общую любое преобразование началъ и приемовъ управленія, не стѣсняясь никакими соображеніями насчетъ порядка правительственнаго и матеріальнаго....

Къ величайшему сожалѣнію, прочитавъ и сообразивъ обѣ упомянутыя статейки, мы должны сказать по совѣсти, что такіе не-свѣдующіе пособники помянутаго почина власти, какъ гг. В. Крестовскій и К. Лихтанскій, могутъ принести ей скорѣе вредъ, чѣмъ пользу. вмѣсто дѣла и заботы о немъ въ обѣихъ этихъ элугубраціяхъ насковозъ просвѣчиваетъ столь ничтожный багажъ фактическихъ свѣдѣній ихъ авторовъ по предмету ихъ «обмѣна мыслей», поражаетъ такое отсутствіе всякой мысли и неумѣнье толково выразиться, соединенное въ то же время съ бушевающимъ ихъ обонихъ, особенно перваго, желаніемъ выдвинуть впередъ, во что бы то ни стало, свое «я», что на свѣдущаго читателя, какъ русскаго, такъ равно и поляка, онѣ должны произвести весьма грустное впечатлѣніе. Нельзя поэтому не опасаться, что въ ущербъ дѣлу, въ которомъ очевидно могутъ быть прямо, кровнымъ образомъ заинтересованы—ни болѣе, ни менѣе какъ русскій народъ и польскій народъ, а черезъ нихъ также до извѣстной степени и вся родная славянщина, г. Крестовскій и его пособники подобными статьями, вмѣсто того, чтобы поощрить русскую и польскую образованную публику къ обмѣну мыслей, къ чему она въ этихъ статьяхъ приглашается, напротивъ, еще болѣе отобьютъ у нея отъ этого охоту.

Для предотвращенія проистекающей отсюда опасности есть пока одно средство, — это удостовѣрить какъ поляковъ, такъ и русскую публику въ томъ, что въ настоящее время русская власть въ Привислинскомъ крайѣ со своимъ починомъ обмѣна мыслей въ видахъ добраго согласія—сама по себѣ, а г. Крестовскій со своими статьями и единомышленниками въ родѣ гг. Пильца и Лихтанскаго — самъ по себѣ. Въ этихъ только видахъ мы и считаемъ долгомъ остановиться еще разъ на публицистическихъ выходкахъ г. Крестовскаго и его сотрудниковъ. Прежде всего мы должны отмѣтить, что считаемъ

крайне неумѣстными хлестаковскіе приемы обоихъ сочинителей въ такомъ важномъ дѣлѣ. Статейка г. К. Лихтанскаго носитъ претенціозное названіе: «Мысли» по поводу рецензіи на брошюру (того же г. Лихтанскаго) «Голосъ изъ публики», помѣщенной въ «Варш. Дн.», но о г. Крестовскомъ вовсе даже и не упоминаетъ. Между тѣмъ этотъ послѣдній дважды приписываетъ ее всетаки своему будто бы почину: «Охотно давая, говоритъ онъ, на столбцахъ «Варш. Дн.» мѣсто полученному нами отъ г. Лихтанскаго письму, мы привѣтствуемъ это письмо, какъ первый откликъ съ польской стороны на нашъ призывъ ко взаимному обмѣну мыслей, сдѣланный нами въ первой руководящей статьѣ (эта «руководящая» статья разобрана нами въ первомъ письмѣ) новой редакціи», и въ заключеніе статейки опять: «привѣтствуя въ лицѣ г. Лихтанскаго первый мѣстный откликъ на мѣ съ польской стороны, говоримъ ему: — въ добрый часъ!...» Ниже мы увидимъ, что г. Крестовскій съ такими присѣданіями привѣтствуетъ, спереди и сзади, въ лицѣ г. Лихтанскаго уважаемаго сочинителя бессмысленнаго, ничего совершенно не выражающаго набора словъ. Конечно, это хлестаковское притязаніе его — мелочь, но оно одна изъ тѣхъ мелочей въ мелочныхъ статейкахъ г. Крестовскаго, благодаря которымъ этотъ первый откликъ останется, по всей вѣроятности, и послѣднимъ, или повлечетъ за собою другіе такого же точно достоинства, ибо всѣ серьезные люди придутъ къ заключенію, что некому и не на что откликнуться. Съ тѣмъ же умысломъ самопревознесенія, а можетъ быть, впрочемъ, и по незнанію г. Крестовскій расточаетъ г. Лихтанскому звучные эпитеты «уважаемаго польскаго публициста», когда на самомъ-то дѣлѣ г. Лихтанскій есть только скромный владѣлецъ читальни въ Варшавѣ, а по части польской публицистики принадлежитъ къ еще болѣе скромнымъ дилеттантамъ, печатающимъ свои произведенія (брошюрки на разные случаи) исключительно на собственный счетъ. Свою непринадлежность къ польскимъ публицистамъ г. Лихтанскій и самъ печатно исповѣдалъ, назвавъ свою польскую брошюрку: «Głos z publiczności». Но излишествомъ скромности и онъ не грѣшитъ. Указанный русскимъ рецензентомъ фактъ, что вся польская печать, за исключеніемъ только газеты «Крај» объ его брошюрѣ не обмолвилась ни однимъ словомъ, г. Лихтанскій объясняетъ въ свою пользу тѣмъ, что онъ-де эту печать «самъ задѣлъ въ брошюрѣ»; а впрочемъ, говоритъ онъ высокомерно, эта пресса есть пресса частная (?), — «мы-де не имѣемъ (!) ни общественной прессы — магистратъ и земство не издають у насъ журналовъ — ни даже коллективной». «Уважаемому польскому публицисту», очевидно, и не вдомекъ, что журналы, издаваемые магистратомъ (город.

управленіемъ) или земствомъ, составили бы прессу магистратскую или земскую, а отнюдь не общественную. Общественность придаетъ печати именно независимость отъ какихъ бы то ни было постороннихъ управленій или учреждений и участие въ ней ideally, всѣхъ и каждаго изъ общества, стало бытѣ всего общества... Зато важность упоминанія объ немъ «Края» онъ старается раздуть такими объясненіями какъ то, что «Край»—это вовсе не одиночная (sic) личность, а органъ, сотрудники котораго рекрутируются изъ самыхъ (!) развитыхъ (!) и научно-образованныхъ польскихъ писателей»,—довольно-де вспомнить профессора Спасовича. Мы не читали этого отзыва газеты «Kraj» и не знаемъ, каково его дѣйствительное мнѣніе объ этомъ произведеніи пера г. Лихтанскаго. Но взгляды г. Спасовича и его органа на русско-польскія отношенія столь своеобразны, что и лестная похвала ихъ г. Лихтанскому, въ чемъ мы однако сильно сомнѣваемся, въ русскихъ глазахъ не можетъ быть для него рекомендаціей, а скорѣе наоборотъ.

Послѣ этихъ разъясненій читатели «Славянскаго Обзорнія» могутъ уже видѣть, какого рода «уважаемые публицисты» рѣшаютъ нынѣ въ «Варш. Дн.» государственной важности вопросъ о русско-польскомъ сближеніи, а также и то, о чемъ они при сей вѣрной оказіи больше всего хлопочуть. Затѣмъ обращаемся къ содержанію, если позволительно такъ выразиться, ихъ разговоровъ на эту тему.

Чуть не половину строчекъ своей статейки г. Крестовскій потратилъ: на рекомендацію «уважаемаго польскаго публициста» съ его «симпатичными идеями и взглядами» (!!!), на объясненіе того, какъ это хорошо, что «люди трезваго направленія (!) уже рѣшаются (!) высказывать откровенно и гласно свои принципы» (!?), дѣлая такъ обр. «шагъ впередъ по направленію къ той реальной почвѣ (?), на которой между нами могутъ быть возможны какіе-либо серьезные разговоры, а впоследствии и соглашенія», наконецъ на обѣщаніе «отрывать свои столбцы каждому трезвому и спокойному голосу» и проч., т. е. на вещи, ненужныя и излишнія или же сказанныя уже въ извѣстной читателямъ первой «руководящей статьѣ». Съ авторомъ «Мыслей» онъ спорить лишь по одному пункту, именно относительно совершившагося будто бы политическаго перерожденія польскаго общества съ 1863 г., изъ чего слѣдуетъ заключить, что во всемъ остальномъ редакторъ варшавской газеты съ нимъ согласенъ. Между тѣмъ г. Лихтанскій, какъ въ своей польской брошюркѣ, такъ и въ статейкѣ «Варш. Дн.»—по скольку возможно добиться въ нихъ, больше чисто въ догадку, хотъ какого-нибудь смысла,—представляетъ совершающуюся въ польскихъ умахъ эволюцію, которая приводитъ нынѣ мыслящихъ поляковъ къ политическому

сближенію съ Россіей,—совершенно не согласно съ дѣйствительными фактами, превратно, по своимъ, должно быть, какимъ-то ни на чемъ не основаннымъ предположеніямъ и мечтаніямъ. Свое сомнѣніе на счетъ «политическаго перерожденія польскаго общества en masse», конечно, сомнѣніе справедливое—по той простой причинѣ, что о таковомъ перерожденіи вообще не можетъ быть и рѣчи,—г. Крестовскій основываетъ на фактахъ или устарѣлыхъ, или мнимыхъ, или невѣрно понятыхъ. Такъ напр., относя упомянутое перерожденіе или «перемѣну настроенія польскаго общества» ко времени «съ 1885—86 гг.», онъ ссылается на М. С. Чайковскаго—(Садыкъ-пашу) и г. Жихлинскаго, причисляя ихъ обоимъ одинаково къ дѣятелямъ «послѣднихъ годовъ», хотя Чайковскій умеръ какъ разъ въ 1886 г., а въ то время о г. Жихлинскомъ, ставшемъ сотрудничать въ «Варш. Дн.» и другихъ русскихъ изданіяхъ лишь въ 1890 г., никто въ Россіи еще и не слышалъ. Послѣ того, какъ они открыто заявили, пишетъ г. Крестовскій, что спасеніе поляковъ и вся ихъ будущность—только въ неразрывной связи съ Россіей, польское общество и польская печать одного-де изъ нихъ назвали презрительно выжившимъ изъ ума старикомъ, а другого упрятали-де въ тюрьму. Какимъ образомъ бѣдный Жихлинскій попалъ въ тюрьму за свой «панславизмъ»—это никому у насъ въ точности неизвѣстно, но не подлежитъ сомнѣнію, что его сочло нужнымъ «сдѣлать безвреднымъ» при помощи тюрьмы не польское общество, какъ говоритъ г. Крестовскій, а австр. правительство и раболѣбствующая ему во всемъ польская партія «станьчиковъ»—пановъ аристократовъ и шляхты. Упрекъ польскому обществу и печати изъ-за Чайковскаго тоже фактически не вѣренъ. Правда, поляки боролись и даже интриговали противъ Чайковскаго, на что онъ часто жалуется въ своихъ статьяхъ, мемуарахъ и письмахъ, но они всегда признавали его за крупную политическую и литературную силу. Польскія заграничныя газеты, когда онъ застрѣлился въ янв. 1886 г., напечатали некрологи съ большими похвалами выдающимся способностямъ Чайковскаго, а о такихъ фактахъ его бурной жизни, какъ переходъ въ православіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ славяно-русскій политическій лагерь, отозвались безъ особенной горечи и фарисейскаго сожалѣнія, что съ ихъ стороны должно быть признано даже за фактъ неожиданный и удивительный. Можно думать, что къ концу жизни Чайковскаго лучшіе умы въ польскомъ обществѣ на столько оправдали, по крайней мѣрѣ въ душѣ, его обращеніе къ Русскому Царю съ повинною и затѣмъ пламенную, основанную на глубокомъ убѣжденіи проповѣдь русской духовной гегемоніи въ славянствѣ, что въ виду его свѣжей

могилы у нихъ не хватило духу на слово притворнаго осужденія его памяти. Съ тѣхъ поръ имя Чайковскаго, сколько намъ извѣстно, повторяется въ польской печати, правда, не часто, но безъ злобы и съ уваженіемъ. Послѣдніе два аргумента г. Кр., сомнѣвающагося въ перерожденіи польскаго общества, составляютъ: печальная исторія газеты «Chwila» г. Пржиборовскаго (замѣтимъ, кстати, сына сомигранта и сподвижника М. Чайковскаго въ Турціи, что довольно характерно) и извѣстное нападеніе какихъ-то, какъ онъ выражается, «бѣлогубыхъ лоботрясовъ» на редакторовъ варш. газетъ, протестовавшихъ противъ демонстрацій въ годовщину конституціи 3 мая 1791 г. Свое мнѣніе о причинахъ неудачи «Chwili» мы высказали въ первомъ письмѣ, а потому не станемъ здѣсь объ этомъ распространяться. Но если г. Кр. по поводу «Chwili» предъявляетъ къ варш. печати то требованіе, чтобъ огромное, подавляющее большинство ея органовъ, по мѣстнымъ условіямъ молчаливо оппозиціонныхъ, при случайномъ появленіи между ними изданія съ противоположнымъ направленіемъ, т. е. такимъ, которое они по убѣжденію отрицаютъ и съ которымъ вслѣдствіе того должны бороться, «не замалчивало его, какъ воды въ ротъ набравши», а сейчасъ же, немедленно перешло на его сторону и вострубило, что ли, его славу, то это требованіе столь противоестественное и духовно-насильственное, что должно быть названо прямо—нравственно безобразнымъ. Вѣдь съ ихъ стороны, при невозможности бороться съ такимъ органомъ равнымъ оружіемъ свободнаго слова, всякое слово одобренія ему или сочувствія было бы равносильно измѣнѣ убѣжденію и знамени, равнялось бы нравственной пощечинѣ себѣ самимъ, нанесенной своими руками. Так. обр. «замалчиваніе» «Chwili» польскою печатью и совершенное равнодушіе къ ней польскаго общества, на которыя указываетъ г. Кр., не можетъ быть справедливымъ и вѣрнымъ мѣриломъ политическаго настроенія ни первой, ни второго. Особенно странна претензія его къ обществу. По поводу нападенія «лоботрясовъ» на варш. редакторовъ г. Кр. называетъ сихъ послѣднихъ «выдающимися представителями интеллигенціи (даже!) польскаго общества», а также «руководителями общественнаго мнѣнія» и проч., здѣсь же, какъ ни въ чемъ не бывало, требуетъ отъ того же общества дѣятельнаго сочувствія печатному органу, этими самими представителями и руководителями его хотя и молчаливо, въ силу необходимости, но тѣмъ не менѣе вовсе не двусмысленно осуждаемому. Гдѣ же логика и справедливость? Наконецъ, самое это нападеніе—дѣломъ темное и даже фактически не установленное. Сами жертвы нападенія,—если таковыя дѣйствительно были—на него не жаловались ни въ судъ, ни хотя бы даже только печатнымъ образомъ обществу;

кто были и по какимъ именно побужденіямъ дѣйствовали, — если дѣйствовали — помянутые «бѣлогубые лоботрясы» — до сихъ поръ никому, по крайней мѣрѣ никому изъ публики, въ точности неизвѣстно, такъ какъ о происшествіи писали въ свое время только характеризованные нами въ первомъ письмѣ варш. корреспонденты нашихъ столичныхъ газетъ. Позволительно ли намъ ссылаться на это нападеніе въ официальномъ органѣ какъ на фактъ и основаніе для политическихъ выводовъ относительно настроенія печати и общества? Политично ли, умно ли и послѣдовательно ли это въ такую минуту, какъ настоящая, когда уже гг. Крестовскій и Лихтанскій столь быстрыми и вѣрными шагами стремятся «къ той почвѣ, на которой, по увѣренію перваго изъ нихъ, будутъ возможны какіе-либо (?) серьезные разговоры между нами (т. е. не между г. Кр. и г. Л., а между русскимъ государствомъ и поляками — не забывайте!), а впослѣдствіи — дастъ Богъ — и соглашенія?»..

Мы разобрали, по пунктамъ, всю вторую «руководящую» статью новаго ред-а «Варш. Дн.» по польскому вопросу — и вотъ въ ней не оказывается въ наличности ни одной здоровой мысли, ни одного вѣрнаго, полезнаго указанія, ни одного даже вѣрнаго, твердо поставленнаго сужденія, а все только сплошь — одно перевиранье да бахвальство самое хлестаковское! Да позволено намъ будетъ спросить послѣ этого: какое же дѣйствительное «руководство» по польскимъ, точнѣе русско-польскимъ дѣламъ можетъ находить для себя русское общество въ подобнаго рода статьяхъ? Какой вѣсь и авторитетъ могутъ имѣть онѣ, а черезъ нихъ и русское вліятельное слово по этимъ дѣламъ, въ общественномъ мнѣніи поляковъ какъ нашихъ русскихъ, такъ и остальныхъ, и вообще за границей? Какую гарантію для заинтересованныхъ въ этихъ дѣлахъ сторонъ представляютъ публицистическіе приемы и таланты автора «Кроваваго Пуфа», г. Кр. долженствующаго играть въ нихъ, по своему нынѣшнему положенію, одну изъ первыхъ ролей? Все это вопросы, полагаемъ, практически весьма важные, и для ясной постановки ихъ намъ пришлось разсмотрѣть его статьи съ такою внимательностью, которая инымъ можетъ показаться пожалуй даже напрасною.

Совѣстно, право, повторять тѣ дѣтски-наивныя разсужденія г. Лихт., которыми онъ хочетъ объяснить, по его выраженію, «политическое перерожденіе польскаго общества», благопріятное «добровольному единенію поляковъ съ русскимъ государствомъ». Но тутъ опять надобно покориться тяжелой необходимости, такъ какъ они, благодаря неразборчивости новой редакціи, напечатаны въ нашемъ мѣстномъ органѣ не только совершенно въ серъюзъ, но даже съ особымъ церемоніаломъ. Корреспондентъ г. Кр. изображаетъ нынѣш-

нее состояніе польскаго вопроса въ трехъ слѣдующихъ положеніяхъ: <1) культурное развитіе современнаго нашего (польскаго) общества гораздо выше того уровня, при которомъ руководятся даже въ области политики ненавистью и тому подобными чувствами, вовсе нерѣшающими вопроса о взаимномъ правѣ; 2) общество это, въ лицѣ прогрессивныхъ своихъ элементовъ, тоже переродилось политически, сознавъ значеніе общечеловѣческаго принципа въ международныхъ отношеніяхъ, и 3) такъ какъ эти общечеловѣческіе принципы требуютъ отъ насъ политическихъ уступокъ въ пользу славянства, и такъ какъ эти уступки не могутъ быть выражены иначе, какъ программю добровольнаго единенія (?) съ русскимъ государствомъ, которое одно только въ настоящее время накладываетъ узду на порабитителей славянства, то, вслѣдствіе сего, эти прогрессивные элементы нашего общества остановились на программѣ упраздненія политической борьбы и защиты только самаго существеннаго достоянія отечества — національности».

Какъ видитъ читатель, всѣ эти пункты, составляющіе въ статейкѣ г. Лихт. самую капитальную часть, не имѣютъ смысла ни порознь, ни совокупно. Г. Лихт. хочетъ повидимому сказать, что польское общество будто бы вслѣдствіе высокаго своего культурнаго развитія не руководится въ политикѣ «ненавистью», иными словами, не борется, не воюетъ политически съ другими народностями и проч. Не говоря о томъ, что этому «положенію» фактически противорѣчить литературная, общественная и парламентская дѣятельность нынѣшнихъ культурныхъ поляковъ, полная борьбы, страсти и ненависти чисто-политической, позволительно спросить: да гдѣ же это и у другихъ народовъ высое культурное развитіе влекло за собою подобное безстрастіе и упраздненіе ненависти политической, стало быть на противоположномъ полюсѣ и самой человѣческой любви? Нигдѣ рѣшительно. Должно быть развѣ, что поляки заняли уже по культурѣ самую высокую, небывалую ступень? Но это совершенная новость для историковъ культуры... Что значить «переродиться политически» и как. обр. таковое перерожденіе можетъ быть послѣдствіемъ или плодомъ «сознанія значенія общечеловѣческаго принципа въ международныхъ отношеніяхъ..»? Въ своемъ третьемъ пунктѣ г. Лихт. толкуетъ, что общечеловѣческіе принципы требуютъ отъ поляковъ политическихъ уступокъ въ пользу славянства. Положимъ, что такое реально, на практикѣ, могутъ быть эти уступки мы не знаемъ и даже не понимаемъ этого страннаго термина, но почему же только въ пользу славянства, а не французовъ также, нѣмцевъ и проч.? Вѣдь ясно, что если существуютъ таковыя «общечеловѣческіе принципы», то они ставятъ поляковъ въ такія же отношенія

къ славянству, какъ къ нѣмцамъ, французамъ и всѣмъ другимъ народамъ. Далѣе, въ положеніи г. Лихт. опять ничего понять невозможно. Эти странныя, доселѣ не слыханныя и невѣдомо въ чемъ состоящія какія-то «политическія уступки» поляковъ славянству (т. е. кому же именно?), говоритъ г. Лихт. «не могутъ быть выражены иначе, какъ программой единенія (чьего?) съ русскимъ государствомъ». Но что же все это значить? что такое «программа» этого единенія? То же ли она самое, что слѣдующая далѣе «программа упраздненія политической борьбы и охраны самаго существеннаго достоянія отечества (?)—національности», на каковой программѣ, по увѣренію г. Лихт., остановились какіе-то прогрессивные элементы польскаго общества, или же что-либо другое, особое? Какъ защищать, наконецъ, національность безъ политической борьбы? Вѣдь поляки изъ-за національности не то что боролись политически, но даже воевали, поднимали болѣе или менѣе всенародныя возстанія и все-таки защитить ее не сумѣли.

Довольно однако же этихъ вопросовъ. Въ «Мысляхъ» г. Лихт. или, какъ выразился г. Кр., въ его «симпатичныхъ идеяхъ и воззрѣніяхъ», никто толку никакого не добьется. Но зачѣмъ же, повторяемъ вопросъ, зачѣмъ эта жалкая статейка его возведена новымъ редакторомъ на степень «отклика съ польской стороны» не шутовскаго, каковымъ онъ является въ дѣйствительности, а совершенно серьезнаго, который мы, русскіе, должны даже будемъ, можетъ быть, «привѣствовать» вслѣдъ за г. Кр.? Дѣйствительно, до сихъ поръ, сколько намъ извѣстно, ни въ одномъ изъ органовъ русской печати вся эта мистификація новаго редактора «Варш. Дн.» не была еще разоблачена и не получила должной оцѣнки со стороны патріотической и политической. Лѣстимъ себя пріятною надеждой, что для этой желанной и необходимой, ради самой чести русской печати, оцѣнки мы все-таки уже кое-что сдѣлали....

25 ноября 1892.

С. Т.

ИЗЪ ЛЬВОВА.

«Читанка» г. Барвинскаго. Непригодность малорусскихъ говоровъ для народнокультурныхъ цѣлей. Нелѣпость толковъ объ особой малорусской національности. Литературный языкъ галичанъ. Вмѣшательство политики въ литературу. Историческая справка вообще объ украинофильской партіи.

Въ настоящее время наши русскіе галичане занимаются преимущественно своими школьными вопросами. Пасъ озабочиваетъ не только недостаточное количество народныхъ школъ и плохое состояніе ихъ, но также направленіе, проводимое въ нихъ здѣшнимъ

школьнымъ совѣтомъ («школьная рада»), которому подчинены въ нашемъ краѣ среднія и низшія учебныя заведенія. Это направленіе достаточно характеризуетъ «Читанка» Барвинскаго, употребляемая въ видѣ школьнаго учебника въ здѣшнихъ средн. уч. заведеніяхъ уже болѣе 20 лѣтъ, не взирая на протесты русскаго общества, напрасно указывающаго на неэстетичность и даже безнравственность многихъ статей этого учебника. Никто не станетъ оспаривать, что сцены, представляющія грубыя проказы солдата въ деревнѣ или рисующія «попа», собирающагося служить обѣдню послѣ ночной попойки, картина, представляющая чумака въ штанахъ съ заплатами, тривіально-комическія приключенія изъ будничной простонародной жизни, ругательства словами: «свиня», «брешешь» и т. п. не могутъ составлять назидательнаго чтенія для юношества. Вредныя послѣдствія обученія такого рода у насъ уже очевидны. Младшее поколѣніе, учившееся по «Читанкѣ» Барвинскаго, отличается какою-то легкомысленностью, неуваженіемъ къ серьезнымъ задачамъ жизни, пренебреженіемъ къ приличію въ словахъ и поступкахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ какъ будто лишено способности серьезно понимать и обсуждать какъ общенародныя, такъ и личныя дѣла. Нравственная порча, явственно сказавшаяся во многихъ представителяхъ юнаго поколѣнія обоаго пола, заставила отцовъ семействъ настойчиво потребовать отъ школьныхъ властей прекращенія подобной деморализаціи путемъ школы.

«Читанка» Барвинскаго состоитъ изъ отрывковъ писаній украинскіхъ сочинителей и имѣетъ цѣлю пропаганду въ галицко-русской молодежи національнаго сепаратизма малорусовъ. Въ такомъ же духѣ ведется преподаваніе во всѣхъ здѣшнихъ учебныхъ заведеніяхъ, имѣющихъ русскій характеръ, къ коимъ кромѣ сельскихъ школъ принадлежатъ: существующая уже гимназія во Львовѣ и двѣ основывающіяся въ Перемышлѣ и Коломыѣ. Преподаваніе въ нихъ происходитъ на языкѣ, притязающемъ на названіе малорусскаго, въ дѣйствительности же состоящемъ изъ смѣси украинскаго и галицкаго нарѣчій съ сильною примѣсью словъ, состряпанныхъ самими составителями учебниковъ и неизвѣстныхъ малорусскому народу.

Попытка создать малорусскую національность посредствомъ школы продолжается у насъ уже больше 20 лѣтъ, и на малорусскомъ нарѣчій издаются у насъ учебныя книги для народа. Поэтому мы въ правѣ произнести свое сужденіе объ употребленіи малорусскихъ простонародныхъ нарѣчій въ школѣ и вообще о пригодности ихъ къ достиженію задачъ гражданственности. Было время, когда и въ Россіи высказывались въ пользу введенія малорусскаго нарѣчія въ школы и государственныя учрежденія, а нынѣ политическіе противники Россіи утверждаютъ, что русское правительство задерживаетъ развитіе

малорусскаго народа, не допуская его говоромъ въ школы въ качествѣ языка преподаванія. На примѣрѣ насъ, галичанъ можно убѣдиться, основательны ли эти жалобы.

Языкъ составляетъ главное средство для выраженія мысли. Чѣмъ глубже и многостороннѣе мысль, тѣмъ необходимѣе языкъ, располагающій большимъ запасомъ словъ, формъ и оборотовъ. Такъ какъ въ народѣ всѣ слои его не могутъ приобретать равной степени умственного развитія и нивелляція образованія немислима вслѣдствіе различія дарованій личныхъ и несходства жизненныхъ условій, то весьма естественно у сословій, приобретающихъ по своему общественному положенію болѣе обширный кругъ познаній, вырабатывается языкъ, отличный отъ простонароднаго, удовлетворяющаго потребностямъ челоуѣка, живущаго въ болѣе простыхъ условіяхъ и располагающаго небольшимъ умственнымъ кругозоромъ. Отъ этого естественнаго закона, какъ показываетъ историческій опытъ, не могъ уклониться никакой народъ, вступившій на историческое поприще. У всѣхъ цивилизованныхъ народовъ рядомъ съ простонародными говорами мы видимъ литературные языки, языки словеснаго искусства и науки.

Задачу школы, особенно учебныхъ среднихъ заведеній, составляетъ развитіе умственныхъ способности молодого поколѣнія и сообщить ему самыя обширныя, по возможности, и самыя основательныя познанія касательно челоуѣческихъ отношеній и задачъ нашей жизни. Такъ какъ эти познанія составляютъ плодъ вѣковыхъ усилій народа, то словеснымъ выраженіемъ ихъ можетъ быть лишь развитой литературный языкъ, развитіе котораго совершалось параллельно съ развитіемъ образованности народа.

Непригодность простонародныхъ говоромъ для цѣлей школы и науки лучше всего показываетъ нашъ галицко-русскій опытъ. Цѣлое новое поколѣніе, образовавшееся у насъ при помощи языка, составленнаго искусственно изъ простонародныхъ говоромъ, съ пренебреженіемъ историческихъ началъ, — по умственному уровню стоитъ ниже прежняго поколѣнія, вышедшаго изъ нѣмецкихъ школъ. Сужденіе у него слабое, характеръ неопредѣленный и шаткій, въ наукѣ, искусствѣ и практической дѣятельности оно не въ состояніи произвести что-либо серьезное, прочное. Народную жизнь галицкихъ русскихъ поддерживаютъ люди старшаго поколѣнія, придерживающіеся исторической почвы и стремящіеся къ литературному объединенію съ остальною Русью. Къ нимъ примыкаютъ нѣкоторыя болѣе молодыя силы, развившія свои способности путемъ частнаго образованія, но число ихъ, къ сожалѣнію, недостаточно для поддержанія галицко-русской народности, которая поэтому находится въ опасности пре-

кратить свое существованіе. Наши «новоэристы», мечтающіе о созданіи особой малорусской національности, могутъ продолжать свою дѣятельность лишь до тѣхъ поръ, пока ихъ будутъ поддерживать поляки и правительство изъ политическихъ видовъ.

Нѣкоторые изъ украинцевъ утверждали, что народное просвѣщеніе подымется, если простонародье будетъ обучаться въ школахъ на своемъ собственномъ нарѣчій. У насъ это предположеніе не оправдалось. Помимо того, что наши народныя школы служатъ преимущественно колонизаторскимъ цѣлямъ, справедливость заставляетъ сказать, что и тѣ изъ нихъ, въ которыхъ дѣйствительно съ довольно давняго уже времени преподаваніе происходитъ по-русски (т. е. на простонародномъ нарѣчій), приносятъ мало пользы. Молодежь, выходящая изъ нихъ, малограмотна и въ два-три года забываетъ все, чему училась въ школѣ. Въ нашемъ краѣ грамотные составляютъ 26% населенія; къ нимъ принадлежатъ жители городовъ, евреи, нѣмцы и часть польскаго простонародья; на долю же преимущественно русскаго населенія приходятся остальные 74% неграмотныхъ. Изъ русскихъ только тѣ крестьяне и мѣщане обнаруживаютъ охоту къ чтенію и образованію, которые строго придерживаются церкви и молятся по церковно-славянскимъ книгамъ. Они развитѣе въ умственномъ отношеніи, лучше ведутъ хозяйство, и они же поддерживаютъ русское народное самосознаніе въ массѣ нашего русскаго населенія. Тутъ мы опять видимъ, что народная школа должна держаться церкви и что даже самое незначительное знакомство съ историческимъ русскимъ языкомъ, приобретаемое путемъ чтенія церковно-славянскихъ книгъ, укрѣпляетъ умственные способности. Не малое подспорье народному просвѣщенію составляетъ наша галицко-русская простонародная литература, коей начало положилъ покойный священникъ Наумовичъ. Но она писана на языкѣ близкомъ къ русскому литературному, т. е. такому, который вовсе не обнаруживаетъ признаковъ малорусскаго сепаратизма.

Несостоятельность малорусскаго сепаратизма явственно сказалась и въ вышеупомянутой книгѣ для чтенія Барвинскаго. Авторъ ея, преподаватель учительской семинаріи и педагогъ по профессіи, задумалъ на основаніи украинской литературы изобразить малорусскій народный типъ и представилъ его въ такомъ грубомъ и неуклюжемъ видѣ, что изъ молодежи одни должны отъ него нравственно испортиться, другіе же провиниться отвращеніемъ къ украинофильству. Принадлежа сами къ малорусамъ, мы, галицкіе русскіе, хорошо сознаемъ и чувствуемъ характеристическія особенности малорусскаго племени, но мы не видимъ того, чтобы онѣ были вѣрно переданы въ украинскихъ сочиненіяхъ. Исключая одного Шевченка, происшедшаго изъ

*

крестьянской среды и вѣрно изображающаго малорусскій народъ, украинскіе писатели производятъ на насъ впечатлѣніе баръ, надѣвшихъ сермягу и ломающихся по-мушкетъ. Болѣзненный сентиментализмъ и противоположность его — грубость нрава не составляютъ свойствъ малорусскаго мужика. Иностранцы, какъ безпристрастные наблюдатели, замѣчаютъ въ малорусѣ ровное, спокойное настроеніе духа и вѣжливость, отличающую его отъ польскаго крестьянина. Кабацкихъ грубыхъ сценъ, какія можно наблюдать у всякаго народа, конечно, не слѣдуетъ обобщать и считать племенной особенностью. Между тѣмъ въ писаніяхъ многихъ украинскихъ сочинителей малорусскій мужикъ представляется какимъ-то грубымъ и безобразнымъ существомъ; онъ не смѣется, а «регочется», воетъ, и изъ его устъ безпрестанно вырываются либо слова безъ логической связи, либо бранчивыя восклицанія, точно такъ, какъ польскій романистъ Сѣнкевичъ изображаетъ казацкую чернь въ своихъ романахъ. Вліяніе польскихъ воззрѣній на нашихъ украинофиловъ не можетъ быть отрицаемо. Думая реально изобразить народный типъ, украинскіе писатели влагаютъ въ уста мужика такую рѣчь, которая не можетъ быть разложена на грамматическія предложенія. Подлежащаго и сказуемаго въ украинскомъ слогѣ очень часто не оказывается, а на такого рода словесныхъ образцахъ мышленіе развиваться не можетъ.

Попытка искусственнымъ образомъ привить галичанамъ малорусскій національный сепаратизмъ приносить имъ самые печальные плоды. Съ цѣлью удалить ихъ языкъ, какъ главный признакъ національности, отъ великорусскаго, вводятся въ ихъ учебники и литературныя произведенія слова, чуждыя русскому духу, этимологическое происхожденіе коихъ опредѣлить невозможно, и потому непонятныя народу. Таковы: «прикметъ» (извращенное польское przymiot), «мрія» (извращ. польское marzenie), «дотепъ» (извращенное польское dowcip, нѣмец. Witz), «присвятити» вмѣсто посвятити, «розхолѣтовати» (слово совершенно неизвѣстнаго происхожденія и значенія), «проглинути» (въ народѣ не извѣстно) и т. д. Еще больше хлопотъ причиняетъ намъ правописаніе, ибо поляки настойчиво требуютъ употребленія такихъ буквъ, которыя бы уничтожили въ словахъ всякое сходство малорусскаго нарѣчія съ русскимъ языкомъ.

Неудивительно, если при такихъ условіяхъ просвѣщеніе нашего народа, не смотря на похвальныя усилія многихъ патріотовъ, крайне медленно подвигается впередъ, а наша интеллигенція теряетъ здравый разумъ и благороднѣйшія чувства. Что Русь Галицкая еще дышетъ—эта заслуга небольшого кружка людей, придерживающихся исторической почвы и борющихся съ попытками сепаратистовъ. Конечно, эти люди еще не пишутъ на такомъ литературномъ языкѣ,

который могъ бы состязаться съ языкомъ литераторовъ въ Россіи, но иначе и быть не можетъ. Преподавателями нѣмецкаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ состоятъ у насъ лица, благодаря долговременному пребыванію въ нѣмецкихъ университетахъ и среди нѣмцевъ усвоившія въ совершенствѣ нѣмецкій языкъ. Что же замѣчено въ нихъ, да и въ коренныхъ нѣмцахъ, состоящихъ преподавателями въ здѣшнихъ учебныхъ заведеніяхъ? Обращаясь въ польскомъ обществѣ, они черезъ нѣсколько лѣтъ теряютъ нѣмецкое словесное чувство (какъ нѣмцы говорятъ, Sprachgefühl) и въ нѣмецкую рѣчь, сами того не замѣчая, вводятъ полонизмы. Поэтому проф. львовскаго ун—та, германистъ Вернеръ, совѣтуетъ отправлять этихъ преподавателей періодически въ каникулярное время въ нѣмецкія провинціи, чтобъ они могли поправить тамъ свой нѣмецкій языкъ. Если взять учителя русскаго языка или словесности изъ какой-либо русской гимназіи и переселить его на нѣсколько лѣтъ къ намъ, то съ его русскимъ языкомъ произойдетъ то же самое. И это явленіе нужно брать во вниманіе, когда идетъ рѣчь объ языкѣ нашихъ литераторовъ, безъ школьной подготовки, собственными силами стремящихся употреблять русское слово въ литературѣ и ежедневной жизни. Нельзя отрицать однако, что литературный языкъ какъ старорусской, такъ и украинофильской партіи, не взирая на всѣ эти препятствія, постепенно очищается отъ чуждыхъ примѣсей и все болѣе проникается русскимъ духомъ.

Относительно украинофильской партіи надобно имѣть въ виду, что большинство ея приверженцевъ сами не вѣрятъ въ малорусскій народный сепаратизмъ, но прикидываются сепаратистами, чтобы легче и вѣрнѣе добиваться уступокъ у поляковъ и вѣнскаго правительства для русской народности въ сферѣ учебной и административной. Но относясь къ языку и литературѣ съ политической точки зрѣнія, они тѣмъ самымъ доставляютъ полякамъ и правительству предлогъ безпрестанно виѣшиваться въ школьныя и даже литературныя дѣла галичанъ. Кроме того, молодое поколѣніе, образующееся на искоренномъ и затемняющемъ мысль языкѣ, должно умственно разстраиваться, и истинные цѣли воспитанія не могутъ быть достигаемы, что и произошло отчасти уже у насъ, какъ это видно изъ чудовищныхъ возрѣній нѣкоторыхъ представителей нашего молодого поколѣнія на соціальныя вопросы, вѣру, національность, бракъ и т. д. Наконецъ, политическія соображенія, вводимыя въ языкъ и литературу, поражаютъ въ нихъ крайнее замѣшательство и не дозволяютъ различнымъ возрѣніямъ приходиться къ единству, ибо многіе изъ нашей интеллигенціи, руководясь страхомъ предъ поляками и вѣнскимъ правительствомъ или же политическими расчетами, лишаются

способности хладнокровно и разумно обсуждать свои дѣла. По этимъ причинамъ старорусская партія не допускаетъ вѣдательства политики въ дѣла языка и литературы.

Вообще надобно сказать, что малорусскій сепаративизмъ порождаетъ въ культурной области весьма дурныя послѣдствія. Онъ не приноситъ никакой пользы ни намъ, ни полякамъ, ни австрійскому правительству. Ограничивая источники познаній немногочисленными русскими простонародными изданіями, состоящими преимущественно изъ «вѣршовъ» и повѣстухекъ, и закрывая галичанамъ доступъ къ общерусской литературѣ, онъ понижаетъ умственный уровень народа и лишаетъ его способности и умѣнья справляться со своими экономическими затрудненіями.

Здѣсь будетъ встать сообщить вамъ въ самыхъ короткихъ словахъ историческую справку касательно нашихъ украинофиловъ. Эта партія составлена покойнымъ Лавровскимъ и священникомъ Качалю въ 1867—1870 гг. Она приобрѣла свой органъ въ газетѣ «Дѣло», начавшей выходить въ 1880 г. неизвѣстно на какія средства и сосредоточилась въ 1885 г. около политическаго общества «Народная Рада». Въ 1888 г. выборы во львовскій сеймъ украинофильская партія производила вмѣстѣ со старорусскою, ни въ чемъ ей не мѣшая, а лѣтомъ 1890 г. украинофилы намѣревались даже отправить депутацію къ императору съ жалобами на притѣсненіе русской народности. Планъ этотъ однако не осуществился, потому что какъ разъ въ ту пору намѣстнику Галиціи, графу Казимиру Бадени, и брату его, депутату Станиславу Бадени, удалось перетянуть на сторону польской господствующей партіи предсѣдателя русскаго сеймоваго клуба Романчука, депутатовъ Телишевскаго, священника Сѣчинскаго и нѣкоторыхъ другихъ, болѣе видныхъ украинофиловъ. Имъ были обѣщаны личныя выгоды, именно депутатскія полномочія въ вѣискую государственную думу (рейхсратъ), и уступки въ русскіихъ народныхъ дѣлахъ, каковы: учрежденіе русскіихъ школъ, введеніе русскаго языка въ судъ и администрацію, а также назначеніе лицъ русскаго происхожденія на высшіе посты какъ въ государственныхъ, такъ и въ галицкихъ областныхъ вѣдомствахъ. Послѣдствіемъ этого было провозглашеніе Романчукомъ въ засѣданіи львовскаго сейма 13 (26) ноября 1890 г. извѣстной программы, которая оказалась воплощеніемъ мыслей объ отношеніяхъ поляковъ къ малорусскому народу такихъ польскихъ патріотовъ, какъ Богданъ Залескій, іезуитъ Семененко, Мицкевичъ и другіе. Романчукъ заявилъ, что его партія призываетъ себя особымъ «русскимъ» (то есть малорусскимъ) народомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ великорусами, и видитъ свое спасеніе въ римскомъ католицизмѣ. Польскіе клерикалы сочли этотъ фактъ столь

важнымъ событіемъ, что рѣшились почествовать его какъ актъ новой уніи, долженствующей открыть собою новую эпоху въ исторіи польскаго народа наряду съ уніей городельскою и люблинскою. Эта новая унія состоялась въ началѣ слѣдующаго 1891 г. въ маломъ еврейскомъ мѣстечкѣ Бобржѣ и оттого ее называютъ бобрецкою уніею. Торжество состояло въ томъ, что помѣщикъ Рудницкій въ общемъ собраніи избирателей по случаю выборовъ въ вѣнскую государственную думу подошелъ къ Романчуку, спросилъ его, желаетъ ли онъ искренно примиренія Руси съ Польшей и, получивъ отъ Романчука утвердительный отвѣтъ, велѣлъ ему посмотреть себѣ прямо въ глаза, въ доказательство того, что онъ говоритъ правду, а не притворяется.

Бобрецкая унія, вызвавшая своимъ комизмомъ общія насмѣшки, не могла найти много сторонниковъ между галицкими русскими. Хотя на выборахъ въ вѣнскую государственную думу кандидаты старорусской партіи, вслѣдствіе терроризма и незаконнаго образа дѣйствій правительственныхъ агентовъ, провалились и въ нее попало лишь семеро приверженцевъ бобрецкой уніи, тѣмъ не менѣ поляки и вѣнское правительство не могли не обратить вниманія на общее негодованіе большинства русскаго населенія и его протесты противъ украинофильской «новой эры». Многочисленныя вѣча и публичныя заявленія, порицавшія событія 13 (25) ноября, напугали новоэристовъ и открыли глаза польскимъ клерикаламъ, которые убѣдились, что на Руси Галицкой нѣтъ почвы для римскаго ультрамонтанства. Партія Романчука была принуждена вычерпнуть изъ своей программы пунктъ о приверженности къ римскому католицизму, такъ что остался лишь первый пунктъ, провозглашающій малорусскій сепаратизмъ. Этими были принуждены удовольствоваться «станьчики», предпочитающіе все-таки украинофиловъ-сепаратистовъ галицкимъ руссофиламъ.

Въ предположенный было осенью пріѣздъ австр. императора въ Галичину и русскіе рѣшились представить ему меморандумъ о своемъ угнетенномъ положеніи. Къ удивленію, намѣстникъ выбралъ одного Романчука представителемъ всѣхъ галичанъ. Но пріѣздъ императора былъ остановленъ выселеніемъ крестьянъ въ Россію.

Отказъ императора посѣтить Галичину стали считать крушеніемъ политики станьчиковъ. Разнеслись слухи объ отставкѣ намѣстника, пока, не оправдавшіеся. Между графомъ Вадени и новоэристами возникли неудовольствія изъ-за неисполненія всѣхъ ихъ требованій, такъ какъ они добились лишь открытія новой русской гимназіи въ Коломыѣ, а затѣмъ никто изъ нихъ не былъ произведенъ въ высшій чинъ и русскій языкъ не приобрѣлъ равноправности съ польскимъ ни въ одномъ вѣдомствѣ. Поляки стали подозрѣвать новоэристовъ въ

двуличности и поддѣльности ихъ малорусскаго сепаратизма. Правду сказать, подозрѣнія эти отчасти основательны. Многіе изъ новоэристовъ стали малорусскими сепаратистами не по убѣжденію, а по принужденію. Такъ какъ признавать національное единство всего русскаго народа вмѣняется у насъ галичанину въ государственное преступленіе, то надобно обладать большимъ запасомъ отваги и приготовить себя ко всякаго рода невздамъ для того, чтобы противиться «станьчикамъ». Что всѣхъ не арестуютъ за подобнаго рода этнографическіе взгляды—это объясняется тѣмъ, что у насъ не хватило бы тюремъ для помѣщенія всѣхъ не признающихъ теоріи Духинскаго. Учитель, чиновникъ и вообще всякій зависимый отъ правительства человѣкъ, если желаетъ избѣгнуть преслѣдованій, принужденъ скрывать свои убѣжденія и притворяться послѣдователемъ политики Мазепы. Смотря съ этой точки зрѣнія на новѣйшія происшествія въ Галичинѣ, нельзя быть слишкомъ строгимъ въ оцѣнкѣ Романчука, Барвинскаго и другихъ нашихъ мнимыхъ сепаратистовъ.

Въ сессію сейма, происходившаго въ сентябрѣ мѣсяцѣ этого года, новоэристы хотя и не составили новаго клуба съ представителями старорусской партіи, однако дѣйствовали довольно рѣшительно противъ польскаго большинства. Какой оборотъ приметъ дальнѣшее развитіе «ягеллоновской идеи» — пока неизвѣстно, но все-таки можно съ увѣренностью утверждать, что она сильно пошатнулась. Ее подорвали также младочехи, потребовавшіе въ австрійскихъ делегаціяхъ перемѣны внѣшней политики правительства и сближенія Австро-Венгрии съ Россіей. Такъ какъ римскій папа въ энцикликѣ 16 февраля 1892 г. призналъ республиканское правленіе законнымъ и не противорѣчающимъ римскому католицизму и примирился такимъ образомъ съ Франціей, то послѣдняя, какъ союзница Россіи, можетъ поддѣйствовать на него, въ духѣ неблагоприятномъ для дѣла затѣяннаго «станьчиками». Къ тому же можетъ побудить папу враждебная ему политика тройнаго союза, гарантировавшаго королю Италіи обладаніе Римомъ. Всю свою надежду «станьчики» должны возложить на тройной союзъ, а главнымъ образомъ на императора германскаго Вильгельма II, но при этомъ они должны принести въ жертву нѣмцамъ западныя, искони польскія земли. Какъ видно изъ рѣчи, сказанной въ австро-угорской делегаціи г. Яворскимъ, президентомъ польскаго клуба, руководящаго внѣшнею политикою поляковъ, «станьчички» на это согласны...

Дек. 1892.

Л—нѣ.

Изъ Львова.

О чешскихъ и польскихъ гимнастическихъ обществахъ или «соколахъ».

Празднованіе 25-лѣтія существованія львовскаго гимнастическаго общества «Соколы», совпавшее съ того же рода торжествомъ въ Нанси въ іюнь 1892 г., вызываетъ рассмотреть значеніе гимнастическихъ обществъ для общественной жизни вообще и идеи славянскаго движенія въ частности. Львовское празднество, происходившее 5 и 6 іюня (нов. ст.), состояло изъ богослуженія въ католическомъ соборѣ, причемъ посвящали подаренный львовскими поляками прапоръ общества, торжественныхъ шествій и гимнастическихъ упражненій; оно получило особое значеніе потому, что въ Нанси принимали участіе депутаціи чешскихъ «соколовъ».

Первое гимнастическое общество чехи основали въ 1862 г., ибо прежде при абсолютномъ правленіи въ Австріи такія общества были воспрещены; они назвали его «Соколы». Первымъ предсѣдателемъ его былъ Генрикъ Фюгнеръ, купецъ и агентъ одного изъ страховыхъ обществъ, въ юности воспитанный въ нѣмецкомъ духѣ, но позже ставшій на славянскую почву. Занимаясь на досугѣ наукою, онъ изучилъ Канта, читалъ Байрона и восхищался Гарибальди, какъ объединителемъ Италіи; кромѣ того онъ переписывался по народнымъ дѣламъ со множествомъ лицъ; его дѣятельная жизнь вызвала удивленіе. Фюгнеръ придалъ чешскому «Соколу» извѣстное направленіе. Между прочимъ въ статутѣ общества онъ помѣстилъ условіе, чтобы члены «Сокола» обращались другъ къ другу на «ты», устраивали общія прогулки въ своемъ краѣ и пѣніемъ и гимнастическими упражненіями укрѣпляли самосознаніе чешскаго народа. И дѣйствительно, эти прогулки соединенныя съ торжествами и приѣмами гостей, патриотическими рѣчами и пѣснями, добрыми дѣлами и увеселеніями, вездѣ вносили въ народъ новую жизнь и охоту къ труду для народнаго блага, немало помогая національному возрожденію чеховъ. Этотъ дѣятель, всего себя посвящавшій для блага народа и девизомъ котораго было: «ni zysk, ni slava» (ни собственная выгода, ни слава), умеръ преждевременно въ 1865 г. въ бѣдности и былъ похороненъ на счетъ общества. О дальнѣйшемъ успѣхѣ созданнаго имъ дѣла заботились Тома Черный, Эдуаръ Грегръ, Іосифъ Миллеръ, Гаврилъ Жиска, но болѣе всего Мирославъ Тиршъ, человекъ образованный и дѣятельный. Между прочимъ онъ установилъ чешскую гимнастическую терминологию, составилъ раціональную систему упражненій и далъ начало чешской гимнастической литературѣ. Оклекомъ

общества было: Ту́ше ѓ (крѣпшея). Чешскіе соколы были очень дѣятельны при составленіи чешской деклараціи 1868 г., требовавшей восстановленія историческихъ правъ чешскаго народа.

Число гимнастическихъ соколовъ въ Чехіи росло и 18 марта 1882 г. состоялся первый общесокольскій праздникъ въ Прагѣ съ торжественнымъ шествіемъ и играми по образку древнихъ греческихъ въ Олимпіи. Въ то время Тиршъ получилъ въ награду драгоцѣнный вѣнокъ. Но не долго онъ былъ среди чеховъ: въ 1884 г. онъ утонулъ въ Тиролѣ и только послѣ 14 дней отыскивали его мертвое тѣло.

Чешскіе соколы приняли какъ свидѣтельство принадлежности къ сокольству форменное платье: красную русскую рубашку, чамару сѣроватаго цвѣта, такіе же брюки, сапоги и шапку съ соколинымъ перомъ. При взаимныхъ обращеніяхъ они были на «ты», а при привѣтствіяхъ говорили «челомъ» (древнерусское—выраженіе: бью челомъ).

Во время посѣщенія чешскими соколами Львова 5—6 прошлаго іюня голова этого города, Мохнацкій, на торжественномъ принятіи славянскихъ гостей въ ратушѣ, сѣзавъ: «Поляки получили отъ чеховъ христіанскую вѣру, теперь они получаютъ отъ нихъ сокольскія учрежденія». Мохнацкій былъ правъ, ибо польскія гимнастическія общества развились подъ вліяніемъ чешскихъ соколовъ.

Починъ основанія перваго гимнастическаго общества въ Львовѣ дали въ 1866 г. студенты. Получивъ пособіе отъ нѣкоторыхъ львовскихъ поляковъ, они основали гимнастическое товарищество, пригласивъ учителя гимнастики начальника львовской пожарной стражи, а также учителя фехтовальнаго искусства Львов. гимн. общество, по устройству своему, приближалось къ своему чешскому прототипу и приняло чешское названіе «Соколы». На первомъ собраніи присутствовало 125 гласныхъ, предсѣдателемъ избранъ былъ д-ръ Миллеретъ, замѣстителемъ его гр. Фредро. Врачемъ—наблюдателемъ за упражненіями былъ д-ръ В. Пясецкій.

Товарищество это однако нашло мало сочувствія у польскаго общества, и число его членовъ скоро ниспало до 60. Лучшія времена настали для него лишь тогда, когда въ 1871 г. предсѣдателемъ былъ избранъ редакторъ «Газеты Народовой» Янъ Добржанскій († 29 мая 1886), а упражненіями завѣдывалъ чехъ изъ школы Тирша Францъ Гокманнъ. Гокманнъ установилъ тѣснѣйшую связь этого товарищества съ чешскимъ соколомъ, — связь, поддерживаемую до сихъ поръ. И при преемникѣ его Дурскомъ, положеніе общества не перемѣнилось. Къ этой цѣли въ 1881 г. онъ вмѣстѣ съ Яниковскимъ и Тмблевичемъ отправился въ Прагу для изученія тамошнихъ сокольскихъ учреждений. Львовскіе соколы приняли чешскую обшундировку и лишь шапкѣ придали видъ конфедеративы; переняли отъ

чеховъ демократическій обычай говорить между собой «ты» и здороваться древнерусскимъ—«челомъ»! (szczęść). Общеніе чешскихъ и польскихъ соколовъ съ тѣхъ поръ не прекращалось. Такъ въ 1884 г. 800 чешскихъ соколовъ посѣтили Краковъ, а въ 1891 г. галицко-польскіе соколы чешскую выставку въ Прагѣ и присутствовали на гимнастическихъ торжествахъ чеховъ.

Теперь въ львовскомъ польскомъ общ. «Соколъ» числится болѣе I т. членовъ. Первое мѣсто занимаютъ въ немъ купцы и промышленники (178 ч.), далѣе слѣдуютъ правительственные и желѣзнодорожные чиновники (151 ч.), студенты (129 ч.), банковые чиновники (106 ч.), женщинъ 27.

По образцу львовскаго «Сокола» въ Галичинѣ съ 1884 г. основано 18 гимнастическихъ товариществъ съ 2606 членами; изъ нихъ численіе прочихъ краковское (основано 1885 г. съ 830 чл.) и перемышльское (288 ч.). Въ Пруссіи существуетъ семь такихъ товариществъ (Иновроцлавъ, Познань, Шамотулы, Быдгощъ, Островъ, Берлинъ, Плешево) съ 481 членами; численіе прочихъ познанскій «Соколъ» съ 229 ч. Въ Слезіи есть польскій «Соколъ» въ Тѣшинѣ, въ Америкѣ въ Чикаго (два товарищества съ 100 членами).

Говоря о значеніи гимнастическихъ обществъ и ихъ вліяніи на народную жизнь, прежде всего необходимо имѣть въ виду, что главная задача ихъ—дать людямъ, ведущимъ сидящій и неподвижный образъ жизни, возможность рационально развивать и укрѣплять свои тѣлесныя силы. Въ семъ отношеніи они приносятъ несомнѣнную пользу. Пренебреженіе тѣлеснымъ движеніемъ при умственномъ трудѣ производитъ, какъ извѣстно, физическое разстройство, обнаруживающееся гл. обр. въ нервности и отражающееся также на мышленіи. Правильное обращеніе крови, возможное лишь при упражненіи физическихъ силъ, порождаетъ ясность мысли, отвагу и починъ. Кромѣ того гимнастика отклоняетъ зрѣлый возрастъ отъ пьянства, карточной игры, давая облагораживающее развлеченіе и предупреждая не одинъ порокъ. Нельзя отвергать нѣкотораго вліянія гимнастики и въ политической области, чему примѣры видимъ въ Германіи, Чехіи, Франціи и у галицкихъ поляковъ. Гимнастическія торжества укрѣпляютъ патріотическое чувство и самосознаніе народа и содѣйствуютъ распространенію идеи демократическаго равенства.

Польскій львовскій «Соколъ» въ началѣ своего существованія чуждъ былъ политическихъ пополюзовеній. Гимнастическимъ польскимъ товариществомъ, имѣвшимъ цѣлью подготовить борцовъ за независимость Польши, былъ «Бѣлый Орелъ», просуществовавшій во Львовѣ лишь четыре года (1869—1873); въ немъ было до 300 членовъ. Но у поляковъ всякое начинаніе въ концѣ концовъ сводится къ «ойчизнѣ»,

и нѣтъ у нихъ товарищества, не принимающаго народно-патріотической закваски. Обыкновенно въ польскомъ сокольствѣ принято видѣть общечеловѣческое учрежденіе, между тѣмъ многіе изъ поляковъ усматриваютъ въ немъ одно изъ средствъ, ведущихъ къ созданію независимой «ойчизны». Впрочемъ какъ ни различно смотрятъ поляки на это учрежденіе, одна черта свойственна всѣмъ ихъ возрѣніямъ въ этой области, именно—демократическое теченіе и склонность къ славянофильству. Это происходитъ отъ духа, влитаго въ польское сокольство чехами. А каковъ этотъ духъ видно изъ стихотвореній, появившихся по случаю львовскаго юбилейнаго торжества. Такъ въ стихотвореніи П. Костецкаго читаемъ:

Когда ударитъ гроза міровая
 Въ цѣпи плѣнныхъ и угнетателей головы
 И день свободы возстанетъ, день Господній,
 Съ которымъ настанетъ миръ нашъ всеславянской,
 Тогда къ грудямъ прижмемъ
 И въ золотыя гусли ударимъ
 И пойдемъ виѣстѣ черезъ земли сестрыны,
 Рука объ руку, воскликнувъ въ весь міръ:
 Гей славяне!

Янъ Каспровичъ предвѣщаетъ паденіе Западнаго міра:

Слышите-ль трескъ огня? Тѣ громы слышите-ль?
 Это міръ древній валится въ основахъ,
 Въ пропасти ада гибнетъ жизньъ прежняя,
 Изъ жи смѣшана, изъ гнета и темноты,
 На похищеніи основана, на измѣнѣ.
 Чтобъ вознестъ новое зданіе, проворныхъ надо скакуновъ.
 Вы, соколы, образуете свою мышцеву силу,
 А съ ней твердость сердца и души,
 Не чтобъ защищать, что гнилое,
 Не чтобъ топтать, что слабѣе,
 Но эту силу, что цѣпи дребезжатъ
 И зданіе строить для грядущихъ поколѣній.

Демократизмъ и славянофильство, обнаружившіеся въ львовскихъ торжествахъ, обезпокоили краковскую станчиковскую партію, которая опасается чешскаго славянофильства какъ огня; она надѣется посредствомъ нѣмецкой и австро-угорской вооруженной силы создать себѣ далѣе на Востоцѣ новую Польшу. Демократическая партія, отстаивающая этнографическую Польшу, не желаетъ жертвовать прусскими поляками и не предается безусловно тройственному союзу: послѣдняя возстаетъ противъ древнепольскаго *liberum conscripto*, считая

«конспирацію» привиллегією своей шляхетско-іезуитской касты. Так обр. польское сокольево, оставаясь подъ вліяніемъ чешскаго, можетъ постепенно внести въ польскій духъ коренную перемѣну.

Галичанинъ.

Изъ Софіи

Въ настоящемъ своемъ состояніи Болгарія — страна въ высшей степени интересная и оригинальная во всѣхъ отношеніяхъ: политическомъ, общественномъ, финансово-экономическомъ, военномъ и церковномъ. Всѣмъ извѣстно, въ какое положеніе она поставлена узурпаторами въ международномъ отношеніи: несмотря на блестящій и демонстративный пріемъ, нынѣшнимъ лѣтомъ устроенный Кобургу въ Англіи умиравшимъ кабинетомъ Солюсбери, на такой же демонстративный пріемъ при вѣнскомъ дворѣ, на тайное свиданіе лжекнязя съ италіанскимъ королемъ и, наконецъ, на пріемъ Стамбулова султаномъ, — нынѣшній режимъ въ нашемъ отечествѣ продолжаетъ по прежнему оставаться не санкціонированнымъ, незаконнымъ въ международномъ отношеніи. Ни одно изъ европейскихъ государствъ не осмѣливается открыто нарушить берлинскій трактатъ признаніемъ Кобурга законнымъ княземъ Болгаріи. Ненормальность подобнаго положенія однакожь вовсе никѣмъ не чувствуется, за исключеніемъ развѣ образованной части оппозиціи, окончательно впрочемъ терроризованной властями, униженной, оскорбленной въ своихъ священныхъ патріотическихъ чувствахъ. Масса населенія, всецѣло преданнаго своей Освободительницѣ, въ чемъ неоднократно признавался передъ корреспондентами заграничныхъ газетъ самъ Стамбуловъ, безусловно ничего не понимаетъ изъ всего того, что творится лжеправительствомъ. Правда, грамотная часть народа ежедневно слышитъ отъ властей и палочниковъ всякую ругань и читаетъ разный вздоръ по адресу Россіи въ «Свободѣ» и другихъ правительственныхъ органахъ, которые обязательно выписываются всѣми казенными и земскими учрежденіями до сельскихъ вметовъ (старостъ) включительно; но эта, хотя и многочисленная въ послѣднее время часть населенія, также терроризована и ограничивается однимъ платоническимъ негодованіемъ и глухимъ ропотомъ. Вообще, по національному характеру и рабскому воспитанію впродолженіе пятнадцатилѣтняго турецкаго ига, болгарскій народъ въ высшей степени иертенъ; къ нему такъ привиты рабскія наклонности, что едва ли Стамбуловъ ошибся, увѣряя болѣе осторожныхъ изъ своихъ друзей, что онъ въ состояніи, при помощи одной полиціи, перемѣнить даже вѣру

на рѣда. Что касается узурпаторовъ, то они еще менѣе чувствуютъ неудобства, которыя должны бы были происходить отъ непризнанія великими державами ихъ законности. Дѣло въ томъ, что, за исключеніемъ Франціи и Россіи, изъ которыхъ послѣдняя не имѣетъ въ странѣ даже своихъ представителей, всѣ прочія европейскія государства всѣми силами стараются, чтобы узурпаторы не чувствовали этихъ неудобствъ: дипломатическія сношенія этихъ государствъ съ ними ведутся какъ съ вполне законнымъ правительствомъ, до официальныхъ пріемовъ во дворцѣ включительно; суверенная же власть—султанъ, посылкою особаго комиссара на пловдивскую выставку и содержаніемъ постоянного представителя въ Софіи, оказывается болѣе предупредительною, чѣмъ даже была по отношенію къ вполне законному бывшему болгарскому князю Александру Баттенбергскому. Подобныя отношенія великихъ державъ и Турціи къ нашимъ узурпаторамъ, при совершенно пассивной политикѣ Россіи и ея союзницы, Франціи, въ болгарскомъ вопросѣ, дѣйствуютъ на кобургистовъ въ высшей степени ободрительно и вызываютъ съ ихъ стороны весьма рѣзкія выходки, въ родѣ опубликованія извѣстныхъ фальшивыхъ документовъ въ «Свободѣ», по адресу Россіи. Не даромъ же наши заправилы всѣ вышеизложенные знаки предупредительности нѣкоторыхъ изъ державъ принимаютъ за чистую монету—за факты официального ихъ признанія пятью великими державами, подписавшими берлинскій трактатъ.

Но въ какомъ однакожъ положеніи чувствуютъ себя узурпаторы по отношенію къ своей внутренней политикѣ? Неслышанными насиліями они и здѣсь достигли блестящихъ результатовъ: они добились уже того, что въ странѣ, обладающей самою либеральною въ мірѣ конституціею, народное собраніе превратилось въ ихъ слѣпое орудіе; собраніе это очутилось совсѣмъ безъ оппозиціи, несмотря на всѣ старанія Стамбулова, хотя бы для вида пропустить нѣсколько оппозиціонеровъ. Оказалось, что они предпочли молчаніе фальшивой оппозиціи, изъ-за которой можно поплатиться передъ непосвященными въ тайну Стамбулова палочниками, собственными боками. При всемъ томъ, подобное положеніе не можетъ вполне удовлетворить своихъ авторовъ. Какъ ни единодушно вотируетъ народное собраніе всѣ мѣропріятія узурпаторовъ, оно никакъ не въ состояніи узаконить всѣ вопіющія нарушенія законовъ. Такъ напр. тырновская конституція — основной законъ страны — гласитъ, что «всякій болгарскій князь долженъ исповѣдывать православіе; исключеніе дѣлается для перваго князя». Между тѣмъ, допуская даже, что Кобургъ—законный князь, онъ, какъ не первый князь, исповѣдуя католицизмъ, нарушаетъ конституцію. Та же конституція гарантируютъ свободу печати, сходокъ (митинговъ), выборовъ—общинныхъ и въ народ-

ное собраніе; она же покровительствуетъ господствующей религій, воспрещаетъ въ мирное время учрежденіе или раздачу всякихъ зна-ковъ отличія, титуловъ и проч. Въ дѣйствительности, ни одинъ изъ этихъ законовъ не остался не нарушеннымъ. Цензура печати существуетъ почти непрерывно: если по временамъ она и отмѣняется, то это дѣлается только для вида; на дѣлѣ же, карѣ подвергается каждая газета не за законное порицаніе мѣръ узурпаторовъ, а даже за одно молчаніе, если оно объясняется несочувствіемъ редакціи къ мѣропріятіямъ правительства. Такой робкій оппозиціонеръ Стамбулову, какъ редакторъ «Балканской Зоры», впрочемъ, всецѣло преданный Кобургу, недавно по приказанію Стамбулова былъ буквально изуродованъ по восточному обычаю палочниками, которыхъ «Свобода» не замедлила похвалить за патриотизмъ. Падкіе вообще на митинги болгаре, со времени узурпаціи власти Стамбуловымъ, не могутъ похвалиться ни одною сходкою, въ духѣ оппозиціонномъ правительству. Выборы въ общинные совѣты и въ народное собраніе происходятъ просто по назначенію, а тамъ, гдѣ населеніе осмѣливалось провести своихъ кандидатовъ, въ него стрѣляли войска и разгоняли съ жертвами, какъ это имѣло мѣсто въ Плевнѣ, Орѣховицѣ, Котловицѣ и проч. Насилія надъ св. синодомъ, разогнаннымъ жандармами; преслѣдованіямъ, которымъ до сихъ поръ подвергаются ревнители православія въ лицѣ лучшихъ митрополитовъ (Клиента Константина и Семеона), служеніе мессы въ правосл. калоферскомъ монастырѣ, огромныя затраты принцессы Клементины (конечно, изъ тѣхъ милліоновъ, которые ея сынъ получаетъ отъ казны) на католическую пропанду и проч. яснѣе всего показываютъ, насколько остался ненарушимъ экзархійскій уставъ, принятый народнымъ собраніемъ и тотъ пунктъ конституціи, который предписываетъ покровительство народному вѣроисповѣданію. Князь, вопреки ясному постановленію конституціи, титудуется «царскимъ» высочествомъ. Стамбуловъ и вся честная компанія «патріотовъ» увѣшаны противозаконными орденами, въ томъ числѣ и орденомъ «за храбрость» (проявленную, конечно, въ борьбѣ съ собственнымъ народомъ). Узурпаторы настолько наглы, что, не имѣя возможности скрыть передъ потомствомъ, исторією и иностранцами (съ народомъ они не церемонятся) свои беззаконія, сознаются въ нихъ, стараясь оправдаться тѣмъ, что все это дѣлается-де, въ виду исключительныхъ обстоятельствъ во имя патріотизма. Но чувствуя инстинктивно, что они не имѣютъ никакого права на подобную монополію патріотизма, и что за дерзкое нарушеніе самыхъ основныхъ законовъ страны, при нѣкоторомъ поворотѣ дѣла въ самой Болгаріи, они могутъ безъ замедленія очутиться на висѣльцѣ или быть растерзанными толпою, при всей ея инертности,

они пришли къ убѣжденію, что непременно нужно измѣнить конституцію, т. е. выбросить всё тѣ ея постановленія, которыя чаще всего приходится нарушать «во имя патриотизма». Этимъ и объясняется предложеніе министровъ или просто Стамбулова депутатамъ въ частномъ засѣданіи измѣнить конституцію. Депутаты конечно единогласно рѣшили поступить такъ, какъ прикажетъ Стамбуловъ. Кобургъ, безъ сомнѣнія, также желаетъ пересмотра ненавистой ему конституціи, отъ котораго онъ ждетъ обезпеченія своего вѣроисповѣданія, облегченія женитьбы на католической принцессѣ, увеличенія содержанія и т. п. земныхъ благъ. Но задуманный шагъ оказался настолько рискованнымъ и важнымъ, что при всей угнетенности массы онъ возбудилъ въ ней, какъ и въ арміи—этой главнѣйшей опорѣ власти узурпаторовъ—сильное броженіе и неудовольствіе, которыхъ Стамбуловъ не на шутку испугался. Ко всему этому прибавился неожиданный сюрпризъ со стороны Австріи, которой Кобургъ и Стамбуловъ рассчитывали угодить своимъ проектомъ и на поддержку которой они такъ полагались вообще. Оказалось, что эта храбрая держава струсила передъ непредвидѣнными послѣдствіями новой затѣи и отмахивается отъ нея руками и ногами. Весьма впрочемъ возможно, что Стамбуловъ не обратилъ на это вниманія, въ особенности если ему удастся задобрить офицеровъ какими-нибудь новыми подачками.

Изложеннаго, кажется, вполне достаточно, чтобы понять, насколько обезличена стамбулово-кобургская Болгарія въ политическомъ и общественномъ отношеніи.

Но не въ менѣе жалкомъ положеніи находятся и экономическо-финансовыя дѣла нашей родины. Объясняется это тѣмъ, что главнымъ мотивомъ авантюры господъ стамбуловцевъ служить прежде всего жажда наживы, а потомъ уже стремленіе къ удовлетворенію чувства честолюбія или попросту—властолюбія. Всѣ эти стомилліонныя аферы, подъ предлогомъ развитія экономическихъ и финансовыхъ силъ страны, постройка желѣзныхъ дорогъ, приморскихъ портовъ, займы на вооруженіе, на украшеніе городовъ, на устройство національных (!) выставокъ и т. п. дѣлаются исключительно съ цѣлью обогащенія правительственныхъ лицъ и ихъ приверженцевъ. Покойные Муткуровъ и Вулковичъ оставили по смерти милліонное состояніе. Начевичъ — болгарскій крезъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Но Стамбуловъ превзошелъ всѣхъ ихъ; его состояніе исчисляется уже до 10 милліоновъ фр., большая часть которыхъ хранится въ англійскихъ и американскихъ банкахъ. Наживались «патріоты» наши при каждой оказіи: при выборѣ князя, при заключеніи займовъ, при перестроеніи и украшеніи городовъ, при концессіяхъ на постройки государственныхъ сооружений. Одинъ изъ бывшихъ министровъ фи-

нансовъ, торговецъ розовымъ масломъ, превратилъ было свое министерство въ лавку, въ которой торговалъ своимъ нѣжнымъ товаромъ. Съ вотированнымъ недавно въ нар. собраніи займомъ въ 143 мил. фр. государственный долгъ превысилъ цифру 250 мил., не считая дани, такъ великодушно приподнесенной султану. До вступленія узурпаторовъ во власть, Болгарія никому ни копѣйки не была должна; даже во время несчастной сербско-болгарской войны не пришлось прибѣгнуть къ займу. На веденіе ея хватило накопившихся за нѣсколько лѣтъ излишковъ отъ обыкновенныхъ бюджетовъ, хотя значительная часть ихъ была, какъ говорятъ, расхищена въ 1881 г. во время переворота Баттенберга. Эти 250 мил. еще сильнѣе бросаются въ глаза, когда припомнимъ, что одновременно съ ихъ растратой, узурпаторы собрали отъ 40 до 50 мил. недоборовъ насильственнымъ образомъ, къ сбору которыхъ прежнія министерства не прибѣгали, во-первыхъ потому, что въ нихъ не нуждались, а гл. обр. потому, что они числились за бѣднѣйшимъ классомъ, съ котораго думали сложить эти недомки. Наконецъ, надо принять во вниманіе и то, что налоги теперь почти удвоены; прежніе бюджеты княжества и Вост. Румелии въ среднемъ достигали 45 мил., а теперь общій бюджетъ соединенной Болгаріи возросъ до 85 милліоновъ! Так. обр. въ продолженіе 5—6 л. узурпаторы обременили населеніе по меньшей мѣрѣ $\frac{1}{4}$ миліардовъ франковъ. Въ результатѣ же на лицо оказались три линіи желѣзныхъ дорогъ: Варна-Русчукъ, Ямболь-Бургасъ, Царибродъ-Вакарель, изъ которыхъ послѣдняя строилась при Каравеловѣ и только была достроена узурпаторами. Общая стоимость этихъ дорогъ едва ли превыситъ 50 мил., причеиъ всѣ онѣ приносятъ огромные убытки казнѣ, не покрывая даже расходовъ по эксплуатаціи. Сербія разстроила свои финансы займами же; но не надо забывать, что Сербія вела въ короткій періодъ три кампаніи, а Болгарія стремится къ банкротству при томъ «порядкѣ, спокойствіи и прогрессѣ», о которыхъ счелъ нужнымъ упомянуть въ одной изъ тронныхъ рѣчей самъ «покровитель» Болгаріи—австрійскій императоръ. Интересно знать, что скрывается въ смыслѣ этихъ трехъ словъ: хитрая дипломатія или тонкая иронія?...

О спокойствіи и порядкѣ нечего и говорить, они безспорно образцовые! Да иначе и не должно быть, если цѣтъ болгарской интеллигенціи, съ Каравеловымъ во главѣ, томится въ тюрьмѣ или, во главѣ съ Цанковымъ, едва многіе спаслись бѣгствомъ отъ жестокой расправы палачей. Я не говорю о разстрѣлянныхъ и повѣшенныхъ доблестныхъ сынахъ отечества: Пановѣ, Узуновѣ, Крджіевѣ, Мыларовѣ и друг.; не говорю объ умершихъ отъ истязаній и пытокъ, вродѣ Телемаха, Гюфекчиева и др. Но гдѣ же хваленый прогрессъ Болгаріи? Не въ венгерской ли выставкѣ въ Пловдивѣ? Не въ поголовныхъ ли цеслыханцыхъ банк-

ротствахъ честнѣйшихъ въ мірѣ болгарскихъ купцовъ? Не въ полномъ ли застоѣ торговли? Не въ упадкѣ ли земледѣлія и всей промышленности страны? Не въ развратѣ ли школьномъ, водворенномъ безграмотнымъ Живковымъ (министромъ просвѣщенія, учившимся въ 60-хъ годахъ въ болгарской школѣ), который когда-то служилъ турецкимъ агентомъ противъ своихъ соотечественниковъ? Статистическія данныя объ оборотахъ внѣшней торговли служатъ лучшимъ доказательствомъ экономическаго прогресса страны. И что они показываютъ? Вывозъ болгар. товаровъ (исключительно произведенія земли и скотоводства) остается неизмѣннымъ или колеблется въ предѣлахъ максимальнаго и минимальнаго урожая, тогда какъ ввозъ иностранныхъ товаровъ въ страну растетъ въ ужасающей прогрессіи. Достаточно замѣтить, что когда Румелия существовала отдѣльно, ея вывозъ превышалъ ввозъ, а въ княжествѣ въ то время разница попеременно была то въ пользу ввоза, то въ пользу вывоза, но во всякомъ случаѣ она была ничтожна. Теперь же Болгарія ежегодно приплачиваетъ австрійцамъ около 20 мил. фр. за разную фабричную гниль, а въ общемъ ежегодно Болгарія приплачиваетъ не менѣе 10—12 мил. иностранцамъ. Вотъ въ чемъ пока наглядно проявился прогрессъ нашей страны, да развѣ еще въ многочисленныхъ газеткахъ и журнальчикахъ, субсидируемыхъ казною, чтобы расписывать на всѣ лады великіе подвиги своихъ патроновъ и развращать населеніе.

О состояніи церкви придется сказать немного. Казна не тратитъ ни единой копѣйки на специальное образованіе духовенства, если не считать духовныхъ семинарій, не давшихъ странѣ до сихъ поръ ни одного священника, такъ какъ онѣ обставлены очень бѣдно, какъ и прочія среднія учебныя заведенія, а положеніе, въ которое поставлено духовенство, не представляетъ ничего привлекательнаго для интеллигентныхъ людей. Св. синодъ не избирается у насъ, а просто назначается правительствомъ, хотя и здѣсь происходитъ комедія выборовъ. Церкви нашей, которой народъ такъ обязанъ своимъ нынѣшнимъ существованіемъ и духовно-политическимъ возрожденіемъ, грозитъ серьезная опасность. Основы православія искусственно поколеблены, и если узурпаторамъ, съ католическимъ лжекняземъ во главѣ, и не удастся совратить народъ въ унию или католицизмъ, то всетаки они достигнуть своей гнусной цѣли — охладятъ его къ исконной вѣрѣ и распространятъ атеизмъ.

Въ одномъ только сдѣлала прогрессъ Болгарія—въ военномъ дѣлѣ. Страна буквально превращена въ военный лагерь. На армію денегъ не жалѣютъ, такъ какъ всѣ убѣдились, что при помощи милитаризма только и возможно для узурпаторовъ держать власть въ своихъ рукахъ. Въ случаѣ нужды, рассчитано, что Болгарія выставитъ

150.000 ч. одного регулярнаго войска и до 200.000 людей прочихъ категорій. Софія превращается, по указаніямъ Бріальмона, въ обширную крѣпость-лагерь. Зап. граница давно сильно укрѣплена. Въ скоромъ времени Варна и Бургась превратятся въ первоклассныя приморскія крѣпости, съ черноморскою военною флотиліею, въ составъ которой надняхъ будутъ зачислены два военныхъ парохода, заказанныхъ и построенныхъ уже въ Италиі, и нѣсколько новыхъ катеровъ изъ дунайской флотиліи. Чтобы имѣть на своей сторонѣ всѣ эти грозныя силы, узурпаторы не останавливаются ни передъ какими размѣрами денежныхъ суммъ на привлеченіе офицерства. Кромѣ немислимыя въ другой странѣ окладовъ жалованья на дѣйствительной службѣ, назначены даже за десятилѣтнюю службу невѣроятныя пенсіи. Есть офицеры 12 л. болгарской арміи, которые въ запасъ получаютъ отъ 10 до 15 тысячъ фр. пенсіи. Изъ воен. мин-ва мнѣ удалось получить, въ удовлетвореніе своего любопытства, расчетъ денегъ, полученныхъ впродолженіе 1889 года начальникомъ генеральнаго штаба полковн. Петровымъ. Оказалось, что въ этотъ годъ онъ получилъ жалованья, прогонныхъ и суточныхъ денегъ за время разныхъ командировокъ—ровно 65.000 фр.! За другой годъ, помнится, онъ получилъ около 35.000. Интересно знать, сколько же получаетъ военный министръ?

Кажется, достаточно всѣхъ этихъ фактовъ, чтобы видѣть, въ какомъ положеніи находится наше несчастное отечество къ концу 1882 г.

Выдержитъ ли Болгарія всю эту тяжесть, которую взвалили на ея плечи наши «патріоты»? Не наступитъ ли конецъ народному долготерпѣнію или закончатся дѣло такою катастрофою—экономическою и политическою, отъ которой народъ никогда не будетъ въ состояніи оправиться? Вотъ вопросы, которые задаетъ себѣ каждый честный патріотъ, но на которые, увы, отвѣта нигдѣ не слышать...

Ноябрь 1892 г.

Болгаринъ.

Изъ Берна.

Русскіе въ швейцарскихъ университетахъ.

Русскіе подданные, постоянно или временно проживающіе въ Швейцаріи, состоятъ изъ двухъ рѣзко отличныхъ и обособленныхъ другъ отъ друга группъ,—изъ учащихся и неучащихся. Учащіеся, понятно, живутъ въ университетскихъ городахъ (Бернѣ, Цюрихѣ, Женевѣ, Лозаннѣ, Фрейбургѣ и Базелѣ); другіе же почти исключительно въ окрестностяхъ швейцарскихъ береговъ Женевского

*

озера. Въ Цюрихѣ, Бернѣ и Женевѣ насчитывается до 400 русскихъ студентовъ и студентокъ, но не ищите среди нихъ большого числа коренныхъ, православныхъ русскихъ; подавляющее большинство составляютъ евреи, да въ Женевѣ—армяне. Швейцарское население не разбирается въ національныхъ различіяхъ и считаетъ попросту всѣхъ русскихъ подданныхъ—русскими, въ которомъ оно одинаково относится довольно презрительно; только нѣкоторые круги образованнаго общества смотрятъ на русскихъ иначе. Что же собственно служитъ поводомъ къ такому отношенію, подчасъ выражающемуся довольно рѣзко и неприлично? Знакомый съ характеромъ швейцарскаго народа, испорченнаго милліонами, получаемыми ежегодно отъ туристовъ, догадается, что главный поводъ это—несостоятельность многихъ русскихъ учащихся, половина которыхъ положительно живетъ въ обрѣзъ. Въ каждой колоніи имѣются товарищескія вспомогательныя кассы, но онѣ такъ скудны, что ожидать отъ нихъ многого нельзя, и не мало молодыхъ людей бѣдствуетъ, живя впроголодь. Какъ бы то ни было, швейцарцы видятъ прежде всего въ человѣкѣ ту или иную сумму и сообразно этому распредѣляютъ свое уваженіе и презрѣніе. Пожалуй, что и мѣстные студенты не очень-то богаты, но ихъ выручаетъ вѣншинность. Взгляните на швейцарскаго и русскаго студента! Какая крупная разница! Первый гладко выбритъ, одѣтъ чисто и опрятно, другой въ продранной, грязной одеждѣ, небритый и подчасъ нечесанный! Гуляя по улицамъ, вы непременно издалека узнаете русскаго по всей его фигурѣ. Особенно рѣзка разница между студентками и мѣстными дѣвицами. Кромѣ несостоятельности тутъ играетъ роль простое равнодушіе. Загляните въ любую русскую читальню (въ Цюрихѣ одна, Бернѣ и Женевѣ ихъ по 2) и вы ужаснетесь: газеты разбросаны, книги не въ порядкѣ или разодраны и запачканы чернилами и т. д. Кромѣ всего этого образъ жизни русскихъ не соответствуетъ швейцарскому.

Живя далеко отъ родины, не имѣя почти ни какихъ сношеній съ мѣстными жителями, помимо университета, вопліѣ естественно, что русскіе любятъ собираться группами въ 4—5 человѣкъ, къ сожалѣнію крайне часто, чтобы за чаемъ, какъ говорится, отвести душу. Это понятно и естественно. Но печально то, что русскіе злоупотребляютъ такимъ хорошимъ качествомъ славянскихъ народовъ — гостепримствомъ, вызывая вполне справедливыя нареканія со стороны мѣстныхъ жителей. Дѣло въ томъ, что просиживая цѣлый день на лекціяхъ, они устраиваютъ чаепитія съ спорами по вечерамъ послѣ 9 часовъ, когда хозяева послѣ дня тяжелаго труда (русскіе обыкновенно живутъ у рабочаго люда) идутъ на покой.

Молодые люди, изъ которыхъ многіе, въ пылу молодой горячности, считаютъ себя истинными представителями новѣйшей цивилизаціи, спора и толкуя о высокихъ матеріяхъ, равнодушно относятся къ покою бѣднаго люда! Трудно винить швейцарцевъ въ данномъ случаѣ, которые пожалуй примирились бы и съ этимъ, еслибы вмѣстѣ съ юношами не собирались дѣвицы-студентки. Для русскихъ это ничего особеннаго не представляетъ, для швейцарцевъ же такое явленіе—верхъ безнравственности. Въ силу всего сказаннаго русскимъ, особенно женщинамъ, очень трудно найти квартиру. При наймѣ комнаты, хозяйка прежде всего освѣдомляется, русскій ли вы; получивъ утвердительный отвѣтъ, она захлопываетъ двери, говоря, что «для проклятыхъ русскихъ у нея нѣтъ комнатъ». Нерѣдко также можно читать въ газетахъ объявленія объ отдающихся въ наемъ комнатахъ, но «не для русскихъ». Образованные швейцарцы, особенно профессора, наоборотъ, хорошо относятся къ русскимъ, такъ какъ, не зная частной жизни послѣднихъ, они судятъ о нихъ по привлеканію и успѣху въ занятіяхъ. Русскіе въ самомъ дѣлѣ хорошо сдаютъ экзамены и аккуратно посѣщаютъ лекціи, но—и только. Нѣтъ воодушевленія наукой ради науки, нѣтъ самостоятельнаго мышленія и стремленія къ самостоятельной работѣ на обширномъ научномъ поприщѣ. Прочитываются тѣ учебники, по которымъ спрашиваютъ на экзаменахъ, слушаются тѣ лекціи, которыя необходимы для полученія диплома. Впрочемъ только два предмета—политическая экономія и философія любимы большинствомъ русскихъ студентовъ всѣхъ факультетовъ, но не во всѣхъ университетахъ, а только въ тѣхъ, въ которыхъ они читаются поверхностно, красиво и эффектно, но безсодержательно; тамъ же гдѣ эти предметы трактуются съ нѣкоторою подробностью, русскіе о нихъ знать ничего не хотятъ. Громкія фразы—вотъ приманка. Можно цѣлый день шагать по корридорамъ университетовъ и почти никого изъ русскихъ не встрѣтить, зато къ вечеру, когда читаются названные предметы, то и дѣло всюду слышишь русскую рѣчь. Поверхностность занятій лучше всего замѣтна на диссертаціяхъ, представляющихъ въ сущности никуда негодную бумагу. Читатель понимаетъ, конечно, что все нами сказанное не относится безъ исключенія ко всѣмъ русскимъ,—есть даже очень симпатичныя исключенія. Въ послѣдніе годы среди студентовъ философскихъ факультетовъ замѣтно стало стремленіе къ ознакомленію западно-европейцевъ съ различными вопросами русской жизни и исторіи, при посредствѣ диссертацій и семинарскихъ работъ. Изъ ряда подобныхъ интересныхъ работъ упомянемъ только диссертацію нашей соотечественницы, госпожи Безобразовой: «Очеркъ исторіи философіи въ Россіи», представлен-

ную ея для полученія ученой степени доктора медицины. Нѣтъ года, чтобы на университетскихъ актахъ не дана была какому-нибудь русскому премія за удачное рѣшеніе какой-нибудь семинарской или факультетской работы, о чемъ печатается въ швейцарскихъ газетахъ и издаются особые листки, разсылаемые по всѣмъ западно-европейскимъ университетамъ. Нѣкоторые русскіе по окончаніи курса остаются при университетахъ, въ качествѣ приватъ-доцентовъ или ассистентовъ. Одинъ изъ нихъ, трудолюбивый молодой человѣкъ, читаетъ въ бернскомъ университетѣ исторію славянскихъ литературъ, особенно русской и польской, но къ сожалѣнію не имѣетъ слушателей. Изъ 120 русскихъ, обучающихся въ Бернѣ, только двое, трое посѣщаютъ его аудиторію. За послѣдніе два года онъ читалъ: «Исторію русской національной литературы въ XIX ст.» (на русскомъ языкѣ); «главныя направленія въ русской и польской литер. XIX ст.»; «народная поэзія славянъ»; «объ Ибсенѣ и Толстомъ», «Мицкевичѣ» и т. д. Какъ видите, темы интересныя, но не для русскихъ, проживающихъ въ Швейцаріи. То же самое и съ славянской филологіей, для которой при бернскомъ университетѣ основана кафедра, замѣщенная проф. Наадомъ, бывшимъ долгое время учителемъ въ прибалтійскомъ краѣ. Читаетъ онъ великолѣпно, примѣняя данныя сравнительнаго языкознанія, но и у него 2—3 слушателя. На лекціяхъ же исторіи и литературы почти нельзя встрѣтить русскихъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ «философовъ». Кромѣ указаннаго приватъ-доцента въ бернскомъ университетѣ еще трое русскихъ читаютъ лекціи: одинъ — статистику и двое — химію; въ Женевѣ есть одна ассистентка по физиологіи; въ Цюрихѣ приватъ-доцентъ по медицинѣ; въ Лозаннѣ два профессора, — Герценъ и Левенсонъ, кромѣ того тамъ же ректоръ университета читаетъ славянскую филологію, которую опять-таки посѣщаютъ только два—три человѣка. Мы не коснулись многихъ другихъ сторонъ жизни нашихъ студентовъ-соотечественниковъ въ Швейцаріи за невозможностью затронуть все въ маленькой статейкѣ.

Россіянинъ.

Изъ Лондона.

Англо-русское литературное общество.

Вопросъ о знакомствѣ англичанъ съ Россіей и со славянскимъ міромъ вообще и о прогрессѣ въ этомъ направленіи — не можетъ конечно не занимать русскаго путешественника въ Англии и не побуждать его искать отвѣта на этотъ вопросъ въ явленіяхъ окружающей его жизни англійскаго общества и въ текущей литературѣ.

Предметъ этотъ живо интересуется и насъ, а признаніе его важности съ точки зрѣнія русскихъ и обще-славянскихъ интересовъ обязываетъ насъ подѣлиться нѣкоторыми наблюденіями, его касающимися, съ читателями «Славянскаго Обзорнія».

Нѣтъ страны въ Европѣ, въ которой граждане пользовались бы столь же широкою и почти безграничною свободою слова въ печати ли, или въ публичной рѣчи (на митингахъ и всякихъ уличныхъ собраніяхъ), какъ въ Англіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ нигдѣ, кажется, общественное мнѣніе не находится въ столь полной зависимости отъ своей единственной всеильной руководительницы—периодической печати и отъ цѣлой бездны вольно и невольнo поддерживаемыхъ ею вѣковыхъ предразсудковъ и предубѣжденій, въ которыхъ оно вращается, какъ въ закодированномъ кругу,—какъ въ той же Англіи!.. Извѣстный консерватизмъ британцевъ сказывается въ этомъ отношеніи особенно ярко, и разумѣется не въ ихъ пользу.

Черезчуръ замкнуто-національное направленіе и содержаніе школьнаго образованія, полное пренебреженіе иностранными языками и непризнаніе ихъ изученія, какъ важнаго орудія общаго образованія, а отсюда невозможность для большинства знакомиться непосредственно, изъ первыхъ рукъ, съ характеромъ и духовнымъ складомъ, умственною жизнью и культурою, литературными богатствами и идеалами другихъ народовъ, особенно болѣе отдаленныхъ и чуждыхъ въ племенномъ отношеніи—все это является конечно главною причиною отмѣченнаго явленія, составляющаго замѣтный пробѣлъ въ англійской образованности и прискорбно отзывающагося также на внѣшней политикѣ Англіи и ея международныхъ отношеніяхъ. «Чего не знаешь и не понимаешь, тому не можешь конечно и сочувствовать, но тѣмъ менѣе можешь полюбить» — вотъ простая истина, которую намъ приходилось слышать въ кругу нѣсколькихъ искреннихъ друзей Россіи въ Англіи—на вопросъ о непонятной враждебности большей части англійской печати къ Россіи и всему русскому. Это отношеніе къ намъ есть лишь самое для насъ замѣтное и ощутительное проявленіе того истиннаго грѣха англійской образованности, о которомъ мы только что говорили.

Кому случалось слѣдить за англійскими газетами и журналами и читать или просматривать то, что въ нихъ сообщается о нашемъ отечествѣ, его внутренней жизни и политикѣ, тотъ не будетъ удивляться, если приметъ во вниманіе вышесказанное, тѣмъ фальшивымъ, страннымъ и нелѣпнымъ понятіямъ, которыя господствуютъ на этотъ счетъ даже въ самыхъ интеллигентныхъ кругахъ англійскаго общества. Вѣдь у послѣдняго и нѣтъ почти другого источника, кромѣ своей периодической печати. Серьезныя сочиненія о Россіи—величай-

шая рѣдкость, да и кругъ читателей ихъ очень ограниченъ. Авторы газетныхъ статей и памфлетовъ, сочиняющіе всякій вздоръ, нелѣпости и клеветы на Россію и русскій народъ въ угоду общественному настроенію или извѣстнымъ политическимъ теченіямъ, пишутъ тѣмъ смѣлѣе и беззапѣчивѣе, что среди ихъ соплеменниковъ рѣшительно некому ихъ уличить или опровергнуть, а въ публикѣ ихъ измышленія воспринимаются самою благодарною для нихъ почвою.

Если такъ было до сихъ поръ, а въ значительной мѣрѣ продолжается еще и нынѣ, то тѣмъ отраднѣе съ нѣкоторыхъ поръ встрѣчаться съ фактами и признаками, свидѣтельствующими, если еще и не о политическомъ поворотѣ въ англійскомъ общественномъ мнѣніи, то по крайней мѣрѣ о нѣкоторыхъ попыткахъ и стремленіяхъ къ такому повороту, въ сторону болѣе трезваго отношенія, а главное—большаго интереса къ нашей родинѣ, къ русской жизни и ея выдающимся явленіямъ. Вотъ на такіе-то утѣшительные признаки и факты намъ и хотѣлось обратить вниманіе русскихъ читателей.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что въ англійской, болѣе серьезной печати уже чаще за послѣднее время раздаются безпристрастные и сочувственные намъ голоса, указывающіе обществу на сказанный существенный пробѣлъ въ его образованіи (какъ среднемъ, такъ и высшемъ) и рекомендующіе ему средства и пути къ его пополненію. Въмѣстѣ съ тѣмъ на страницахъ англійскихъ ежемѣсячныхъ журналовъ и обозрѣній въ наши дни все чаще и чаще встрѣчаются очерки и характеристики, относящіяся къ русской литературѣ, наукѣ, искусству и общественной жизни, экономическимъ и политическимъ интересамъ Россіи, въ которыхъ замѣчается болѣе объективное и трезвое, а нерѣдко и вполне сочувственное отношеніе къ предмету изложенія, и къ нашему отечеству вообще. Это несомнѣнный шагъ впередъ. Очевидно въ англійскомъ обществѣ есть уже спросъ на такое чтеніе, есть стремленіе узнать правду о томъ народѣ и той странѣ, которые до сихъ поръ занимали болѣе чѣмъ скромное мѣсто въ его умственномъ кругозорѣ, да притомъ образы которыхъ были застланы густымъ туманомъ традиціонныхъ предрасудковъ и устарѣлыхъ предубѣжденій.

Правда, политическія отношенія Россіи и Англіи, сосѣдство и соперничество ихъ въ средней Азіи и вообще на Востокѣ и поражаемыя ими взаимное недоувѣріе и антагонизмъ мѣшаютъ, будутъ и впредь мѣшать установленію искренне-дружественныхъ и сердечныхъ отношеній какъ между правительствами обѣихъ державъ, такъ и между обоими народами; но эти чувства недоувѣрія и подозрительности, изъ которыхъ рождается враждебность, столь еще сильныя нынѣ съ авглійской стороны, могутъ значительно ослабѣть и изгла-

дятся благодаря распространению вѣрныхъ и правильныхъ свѣдѣній о Россіи, лучшаго знакомства съ русскими дѣлами и отношеніями и большаго пониманія характера, жизни и быта, духовныхъ стремленій и идеаловъ русскаго народа. Что это сознается самими англичанами и что въ ихъ средѣ есть люди, готовые даже послужить дѣлу взаимнаго духовнаго сближенія обѣихъ націй, а главное болѣе основательнаго ознакомленія своихъ соотечественниковъ съ Россіей, русскимъ языкомъ и литературой, объ этомъ достаточно свидѣтельствуетъ недавно возникшій въ кружкѣ нѣсколькихъ англичанъ друзей Россіи (изъ которыхъ нѣкоторые долго жили у насъ) планъ организовать въ Лондонѣ «Англо-русское литературное общество» (The Anglo-russian literary Society), съ проектомъ устава котораго намъ удалось познакомиться. Оно повидимому будетъ имѣть характеръ клуба съ періодическими собраніями, бесѣдами и проч. Общество задается слѣдующими цѣлями: 1) поощрять изученіе русскаго языка и литературы, 2) образовать бібліотеку русскихъ книгъ и другихъ сочиненій, специально интересныхъ съ англо-русской точки зрѣнія, 3) выписывать русскія періодическія изданія и газеты, 4) созывать ежемѣсячныя собранія (meetings) для чтенія и обсужденія подходящихъ рефератовъ, причѣмъ одинаково допускаются и англійскій и русскій языки для писанныхъ сообщенийъ и дебатовъ, и 5) способствовать установленію дружественныхъ отношеній между Великобританіей и Россіей. Во главѣ общества стоитъ комитетъ, который вѣдаетъ дѣлами его, организаціей собраній и дебатовъ, и отъ котораго зависитъ пріемъ въ члены общества и допущеніе гостей въ его собранія. Онъ состоитъ изъ предсѣдателя, секретаря, казначея и пяти другихъ членовъ. Членскіе взносы предполагаются для жителей Лондона и ближайшихъ окрестностей—въ размѣрѣ 1 гинеи (по курсу = 10 руб.), для другихъ иностранцевъ—въ $\frac{1}{2}$ гинеи, а для членовъ общества въ Россіи—5 рублей. Во избѣжаніе могущихъ произойти въ собраніяхъ общества непріятныхъ для самолюбія той или другой націи дебатовъ, а также возможнаго появленія въ немъ враждебныхъ Россіи, а слѣдовательно и цѣлямъ общества элементовъ—принято за правило: во 1-хъ, не допускать къ докладу и обсужденію никакихъ щекотливыхъ международныхъ политическихъ вопросовъ и во 2-хъ, безусловно не допускать въ число членовъ общества—русскихъ эмигрантовъ. Прибавимъ къ этому, что устроители общества имѣютъ полную надежду поставить его подъ высшее покровительство одного изъ членовъ англійской королевской семьи.

Такова задача и планъ организаціи перваго англійскаго общества для сближенія съ Россіей, и остается только пожелать ему скорѣйшаго вступленія въ жизнь, полнаго успѣха и популярности у

англичанъ, а также—обильныхъ плодовъ его дѣятельности въ жизни. Важность знанія русскаго языка не только въ практическомъ отношеніи, напр. для людей торговыхъ или для англійскихъ офицеровъ (на что въ послѣднее время тоже обращено вниманіе и введена поощрительная мѣра), но также и какъ средство расширенія своего умственного кругозора и удовлетворенія эстетическихъ и художественныхъ потребностей въ непосредственномъ знакомствѣ съ русскою изящною литературой, начинаетъ видимо все живѣе сознаваться въ наиболѣе интеллигентныхъ кругахъ англійскаго общества. Мы позволимъ себѣ въ подтвержденіе сказаннаго привести здѣсь любопытную статью по этому предмету, не такъ давно появившуюся въ газетѣ «The Globe» (8 авг. 1892 г.) подъ заглавіемъ: «Learning russian» (изученіе русскаго языка). Изъ поученій автора этой статьи можно также судить, сколь скудны и невѣрны должны быть господствующіе въ англійской публикѣ понятія даже о типѣ и характерѣ нашего языка, если ей приходится втолковывать такія элементарныя вещи, какъ напр. арійское происхожденіе славянскихъ языковъ, и проч. «Неужели не настало еще время, говорить неизвѣстный авторъ, когда знаніе русскаго языка должно считаться необходимою частью духовнаго приданаго cadaго образованнаго человѣка, какъ мужчины, такъ и женщины? Какимъ образомъ могло случиться, что языкъ великой славянской отрасли человечества такъ же мало извѣстенъ въ Англии, какъ семитскій языкъ? Отчего богатая русская литература, за исключеніемъ немногихъ переводовъ, остается запечатанной книгой для многихъ тысячъ высшей умственной аристократіи, не говоря уже объ обширномъ кругѣ читающей публики и о простомъ народѣ. Давно уже Матвѣй Арнольдъ предсказывалъ, что въ скоромъ времени всѣ примутся за русскій языкъ, чтобъ быть въ состояніи читать гр. Толстого въ подлинникѣ; но это пророчество что-то пока еще не сбывается. Рѣшительное стремленіе («stream of tendency») въ этомъ направленіи существуетъ въ настоящее время, но это въ лучшемъ случаѣ лишь тонкая струя незначительныхъ размѣровъ.

Въ вопросахъ воспитанія мы конечно первымъ долгомъ обращаемся къ двумъ старшимъ университетамъ. Какъ они относятся къ славянскимъ изученіямъ? Надо признать, что въ дѣлѣ изученія живыхъ языковъ Оксфордъ несомнѣнно опередилъ другія учебныя заведенія. Философскій факультетъ уже нѣсколько лѣтъ имѣетъ лектора по славистикѣ, у котораго есть небольшое число восторженныхъ учениковъ. Но нѣтъ ни официальнаго экзамена, какъ мѣрила ихъ познаній, ни ученой степени, какъ награды за ихъ настойчивость и усердіе. Что же касается Кембриджа, то тамъ въ отношеніи къ живымъ языкамъ господствуетъ совершенно средне-

вѣковое и островитянское невѣжество (mediaeval and insular ignorance). Правда, въ теченіе прошедшихъ восьми лѣтъ открыли тамъ существованіе нѣмецкаго и французскаго языковъ и даже назначена была лекція по этимъ предметамъ. Но языки испанскій и итальянскій еще не довольно мертвые языки для анатомированія ученыхъ дѣлъ мастерами, а что касается русскаго, шестого въ ряду новѣйшихъ языковъ, то онъ извѣстенъ въ такой же степени, какъ волапюкъ и хоктау (Choctaw). Недавнее изслѣдованіе университетской библіотеки обнаружило фактъ, что она заключаетъ въ себѣ всего около дюжины славянскихъ книгъ, притомъ большею частью старой печати прошлаго вѣка. Не нашлось вовсе русскихъ книгъ въ библіотекѣ Коллегии Св. Троицы (Trinity College), и весьма вѣроятно, что осмотръ библіотекъ прочихъ коллегій привелъ бы къ тому же результату. Число лицъ въ Кембриджѣ, о которыхъ можно сказать, что они сколько-нибудь владѣютъ русскимъ языкомъ, все еще чрезвычайно ограничено. Два или три семестра тому назадъ можно было ихъ пересчитать по пальцамъ одной руки, или даже по зубцамъ вилки. Насколько мнѣ извѣстно, къ малому числу этихъ посвященныхъ принадлежали: два «дона» (одолѣвшие азбуку съ цѣлью каталогизировать нѣсколько книгъ въ университетской библіотекѣ и, какъ говорятъ, подсмѣивавшіеся потомъ другъ надъ другомъ, что надѣлали при этомъ ошибокъ), одинъ членъ университета безъ степени, и нѣкто В. А., дошедшій до глагола и затѣмъ бросившій это занятіе, какъ пустое, одинъ или два эксъ-туриста, которые «были тамъ», но своего русскаго языка съ собой почти не захватили, одинъ уроженецъ Ньюнгема (Newnhamite) и наконецъ одинъ парикмахеръ, не состоявшій впрочемъ членомъ университета. Быть можетъ тамъ были еще и другіе, но въ такомъ случаѣ они краснорѣчиво молчали именно на этомъ языкѣ. Само собой разумѣется, что это не есть идеальное положеніе дѣла для національнаго учебнаго заведенія. Нѣсколько болѣе вниманія обращено на усвоеніе русскаго языка въ Вульвичѣ, и нѣсколько офицеровъ изъ Staff College ежегодно удовлетворительно выдерживаетъ изъ него экзаменъ. Однако правительство практикуетъ неудачный способъ поощренія этихъ занятій, безразлично по отношенію къ данному обстоятельству испытывая всѣхъ кандидатовъ на послѣднемъ экзаменѣ. * При такихъ условіяхъ не удивительно, что предсказанный Матвѣемъ Арнольдомъ типъ студента (т. е. изучающаго

* Мы слышали, что въ послѣднее время введены поощрительныя мѣры въ этомъ отношеніи.

русскій языкъ) — все еще очень рѣдкая птица. А такой фактъ по истинѣ заслуживаетъ глубокаго сожалѣнія. Здѣсь авторъ нѣсколько распространяется на счетъ того, что если русскій языкъ и представляетъ трудности, то все же вполне преоборимыя. «Существуетъ (въ Англіи конечно), продолжаетъ онъ, много фальшивыхъ понятій относительно сущности русскаго языка. Онъ ни болѣе, ни менѣе какъ старшій братъ нашего языка. Какъ одна изъ вѣтвей древнеарійскаго языка, онъ имѣетъ всѣ права на наши симпатіи. Большая часть его обиходныхъ словъ сводится къ тождественнымъ корнямъ, общимъ всѣмъ другимъ европейскимъ языкамъ, исключая языковъ басковъ, мадьяръ и финновъ. Распространено (т. е. въ Англіи) мнѣніе, что онъ — испорченный греческій языкъ. Это объясняется тѣмъ, что византійскіе проповѣдники IX в. Кириллъ и Меѳодій изобрѣли для своихъ новообращенныхъ славянъ письмо, примѣнивъ въ немъ греческую азбуку къ потребностямъ стараго церковно-славянскаго языка. Собственно же русскій языкъ столь же близокъ къ англо-саксонскому, сколько и греческому. Хотя этотъ языкъ такъ же древенъ, какъ и прочіе его индо-европейскіе собратья, литература на немъ — сравнительно новая. Рыбакъ Ломоносовъ изъ Архангельска (род. въ 1711 г.) считается въ сущности основателемъ современнаго литературнаго русск. языка. Ни путешественникъ, ни туристъ не могутъ обойтись безъ знанія языка, на которомъ говоритъ 80 мил. людей на протяженіи 180 градусовъ долготы и который признанъ официальнымъ на всемъ пространствѣ отъ Вержболова на русско-германской границѣ до далекаго Владивостока на Тихомъ Океанѣ. Изучающій этотъ славянскій языкъ можетъ примѣнить свои познанія даже вовсе не вступая въ русскія владѣнія. Находясь на разстояніи около 1000 миль отъ Лондона — среди чеховъ въ Прагѣ онъ можетъ потребовать пива и заказать обѣдъ на плохомъ русскомъ языкѣ, и получить желаемое. Онъ можетъ проѣхать изъ Хорватіи въ Черногорію на Адриатическомъ морѣ, и продолжать свой путь черезъ Сербію въ Софію и Варну или проѣхать далѣе прямо въ русскую Галицію и Моравію, кончая путь вендами (т. е. сербо-лужичанами) около Дрездена — и онъ повсюду только и найдетъ народъ, говорящій по-славянски.

Какъ образовательное орудіе, русскій языкъ не имѣетъ соперниковъ. Онъ соединяетъ въ себѣ всю гибкость и грамматическую правильность греческаго языка съ практическою оборотливостью новыхъ языковъ. Еслибъ было устранено изученіе греческаго языка, то мы имѣли бы въ русскомъ отличнаго замѣстителя. Читая Гомера въ переводѣ Гнѣдича и замѣнивъ Аристофана Гоголемъ, ученикъ (the sixth-form boy) не потерялъ бы отъ этой перемѣны. Басни Крылова иректрасно замѣнили бы басни Федра; Тургеневъ и

Достоевскій много разъ интереснѣе Оукидида и Ливія, между тѣмъ какъ «Анна Каренина» и «Война и Миръ» за глаза достаточно длинны для каникулярной задачи. Есть только одно маленькое затрудненіе, а именно, что всѣ школьные учителя должны бы опять поступать въ школу для полученія необходимой подготовки, а безъ того есть опасность, что эта перспектива останется лишь прекраснымъ утопическимъ сномъ. Но мы всетаки не видимъ причины, почему ставшему на свои ноги юношѣ не потрудиться надъ Львомъ Толстымъ, почему бы ему не получать по утрамъ «Новаго Времени» и даже почему бы въ золотомъ будущемъ не учредить въ Оксфордѣ и Кембриджѣ славянской уч. степени для тѣхъ, кто желалъ бы трудиться для ея достижения».

Вотъ слѣд. какъ смотрятъ иные англичане на изученіе русскаго языка и литературы. Въ поразительномъ невѣдѣніи своихъ соотечественниковъ въ этой области они главнѣйше и совершенно справедливо винятъ свою школу и прежде всего высшія національныя учебныя учрежденія, т. е. университеты кембриджскій и оксфордскій.

Главная тяжесть упрека падаетъ, какъ мы видѣли, на Кембриджъ, который дѣйствительно по части изученія и преподаванія новыхъ языковъ, а тѣмъ болѣе такихъ, какъ русскій и другіе славянскіе, недалеко ушелъ отъ средневѣковыхъ понятій и отношеній къ дѣлу. Впрочемъ, не бывъ тамъ сами, мы можемъ судить о немъ только на основаніи свидѣтельствъ другихъ, между которыми авторъ приведенной статьи повидимому близко знакомъ съ дѣломъ.

Что же касается Оксфорда, то тамъ и прежде изученіе славянскихъ языковъ шло гораздо живѣе и успѣшнѣе, а нынѣ дѣло поставлено еще лучше, и прежде всего благодаря дѣятельности того почтеннаго англійскаго слависта, труды котораго по ознакомленію своихъ соплеменниковъ съ Россіей и славянствомъ уже достаточно извѣстны и у насъ. Оксфордскій университетъ, учреждая у себя нѣсколько лѣтъ тому назадъ лектуру славянскихъ нарѣчій и литературъ, поручилъ ее г. Морфилю. Имя этого друга славянъ хорошо знакомо и пользуется заслуженнымъ уваженіемъ какъ въ западнославянскихъ учено-литературныхъ кругахъ, такъ и въ Россіи. Съ начала 60-хъ годовъ Морфиль неутомимо работаетъ надъ распространеніемъ въ англійскомъ обществѣ свѣдѣній о славянствѣ въ его нарѣчійхъ, литературѣ и исторіи, и издалъ множество большихъ и малыхъ книгъ и статей по этимъ предметамъ *. Изъ болѣе новыхъ работъ его можно назвать: *The story of Russia, 1890*, *Исторія Россіи*, въ извѣстномъ англо-американскомъ изданіи «*The story of the*

* См. К. Я. Гротъ: Лондонскія замѣтки, Русск.-Филол. Вѣстн., Варшава, 1887, кн. 1.

Nations», большой томъ въ 394 стр., съ прекрасными иллюстраціями: русскую грамматику для англичанъ (A grammar of the russian language), An Essay on the importance of the study of the slavonic languages, London, 1890, и проч. Кромѣ специальныхъ университетскихъ учений, г. Морфиля читаетъ и публичныя, въ которыхъ главнымъ образомъ знакомить своихъ слушателей съ новой русской и славянскими литературами. Такъ за послѣднее время темами этихъ публичныхъ лекцій были: Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Тургеневъ, второстепенные русскіе поэты XIX в., русскій фольклоръ, древняя русская исторія; по польскому отдѣлу: золотой вѣкъ польской литературы (XVI в.), Мицкевичъ; дагѣ, сербскій народный эпосъ; очерки изъ болгарской и чешской литературы и т. д. Труды и чтенія г. Морфиля имѣютъ несомнѣнно самое благотворное вліяніе какъ на англійскую молодежь, которую ему удается просвѣщать по своему предмету, а кое-кого изъ нея и привлекать къ специальнымъ занятіямъ, такъ и на многихъ членовъ ученой корпораціи Оксфорда, которыхъ эти славянскія изученія г. Морфиля невольно заинтересовываютъ, расширяя кругозоръ ихъ собственныхъ студій и часто помогая имъ даже. Знаніе русскаго языка, благодаря тому же неутомимому труженику, тоже понемногу распространяется, приобретаая ему новыхъ друзей и поклонниковъ. Правда, число слушателей специальныхъ курсовъ лектора очень невеликъ (максимумъ до 8), но зато публичныя лекціи г. Морфиля собираютъ довольно многочисленную аудиторію, иногда человекъ во 100, а это уже значительный успѣхъ, и позволяетъ надѣяться на дальнѣйшее возрастаніе интереса къ русско-славянскому міру въ молодыхъ поколѣніяхъ англійской интеллигенціи. А почтенному оксфордскому славяновѣду можно лишь пожелать не только самому еще долго работать на пользу англо-славянскаго и особенно англо-русскаго сближенія, но и подготовить достойныхъ продолжателей своей высокополезной и симпатичной дѣятельности.

15 сент. 1892. Лондонъ.

К. Г—ть

БИБЛЮГРАФІЯ

И. С. Листовскій. Историческіе итоги. С.-Петербургъ 1892 г.

Цѣлью своего труда г. Листовскій поставилъ «подчеркнуть извѣстные историческіе опыты и выводы», вслѣдствіе чего въ его книгѣ немало прямыхъ заимствованій изъ указанныхъ въ концѣ сочиненія пособій, гл. обр. изъ произведеній Хомякова, Данилевскаго, И. С. Аксакова. Да и вообще воздѣйствіе этихъ великихъ поборниковъ славянской идеи довольно сильно обнаруживается во всей книгѣ: она ярко окрашена любовью ко славянству, благоговѣніемъ предъ православіемъ; въ ней не разъ высказывается глубокая вѣра въ конечное торжество правды и добра, выражается отвращеніе къ грубому насилію и захватамъ, преклоненіе предъ извѣстными требованіями истины. Но наряду съ этими отрадными чертами замѣчаются и дурныя: односторонность, склонность къ увлеченіямъ и поспѣшнымъ заключеніямъ, страстность вмѣстѣ съ слабостью исторической постановки и недостаточнымъ знакомствомъ съ литературой нѣкоторыхъ изъ затрогиваемыхъ вопросовъ. Самое нѣсколько громкое и неопредѣленное названіе книги: «Историческіе итоги» страдаетъ нѣкоторымъ несоотвѣтствіемъ ея содержанію и характеру: Все «подведеніе итоговъ» состоитъ въ томъ, что лишь мѣстами дѣлаются историческія справки изъ болѣе отдаленнаго прошлаго; въ большинствѣ же случаевъ авторъ ограничивается напоминаніемъ событий XIX вѣка, особенно нашихъ дней, мимоходомъ отмѣчая сходныя явленія въ давно минувшихъ судьбахъ славянства; иногда онъ

даже совершенно уклоняется отъ намѣченнаго пути, такъ что въ общемъ построеніи книги нѣтъ цѣльности и послѣдовательности; попадаются повторенія, вставки, разбивающія и безъ того слабую связь между отдѣльными ея частями; встрѣчаются и противорѣчія. Строго говоря, книга г. Листовскаго представляетъ собой рядъ отдѣльных очерковъ, крайне неравныхъ и по достоинству и по объему, причемъ каждый очеркъ имѣетъ свое иногда довольно вычурное заглавіе. Едва ли не самый слабый изъ нихъ—первый (Древность славянскихъ поселеній въ Европѣ и гражданственности, стр. 1—20). Здѣсь шаткія догадки и смѣлыя утвержденія увлекавшихся славистовъ прошлаго и начала нынѣшняго столѣтій находятъ себѣ радушный пріютъ, какъ почти несомнѣнные выводы: г. Листовскій всюду видитъ славянъ (ѳракіяцы, трояне, македоняне, генеты и т. д.). «Эней и Александръ Македонскій древнѣйшіе ихъ герои» (стр. 18); «Иліада», «написанная сначала на кемеянскомъ, т. е. славянскомъ языкѣ» (стр. 3), древнѣйшій памятникъ ихъ письменности» (стр. 16). Осудивъ эти заблужденія, навѣянные отчасти ложнымъ патріотизмомъ, точная наука, въ рядѣ новѣйшихъ изысканій по исторіи древнихъ арійцевъ, доказываетъ, и безъ подобныхъ ухищреній, и высокой сравнительно уровень культуры нашихъ предковъ, и давность, даже исконность ихъ поселеній въ Европѣ. Так. обр. г. Листовскій не сумѣлъ найти себѣ болѣе надежной опоры, по отсутствію основательныхъ историческихъ знаній. Уклоненіе отъ завѣтовъ главныхъ руководителей г. Листовскаго сказывается и въ другихъ мѣстахъ, которыя и служатъ образцами поверхностнаго и не вдумчиваго отношенія къ дѣлу. Таковы 25 и 34 главы. Въ первой изъ нихъ («Нуженъ ли Россіи Константинополь?» стр. 319—321) поставленный вопросъ рѣшенъ отрицательно единственно на томъ основаніи, что пріобрѣтеніе Царьграда повлекло бы запустѣніе нашего сѣвера и занятіе его нѣмцами (?), какъ будто для Россіи выгоднѣе предоставить тѣмъ же нѣмцамъ югъ и проливы! Тутъ даже простая справка съ исторіей хотя бы только XIX вѣка доказываетъ справедливость всесторонне освѣщенной мысли Данилевскаго (Дан. 406—416) о необходимости для Россіи «обладать ключемъ отъ главнаго выхода изъ своего дома». Во второй (Какъ побѣдить? стр. 386—388) г. Листовскій совѣтуетъ отразить опасность, грозящую со стороны Пруссіи широкимъ развитіемъ иррегулярной кавалеріи изъ нашихъ инородцевъ, какъ будто грубой силой можно отклонить духовный натискъ Запада, въ тысячу разъ болѣе опасный для славянства, чѣмъ всѣ круповскія пушки, вмѣстѣ взятыя. И здѣсь г. Листовскій почему-то забылъ величавую идею Данилевскаго, видѣвшаго залогъ побѣды въ выработкѣ самобытной славянской культуры.

Лучше других составлены главы, посвященные выясненію причинъ, дѣлающихъ «неизбѣжнымъ», въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, открытое столкновение Пруссіи, верховной выразительницы исконныхъ стремленій германскаго племени, съ Россіей, и средствъ, къ которымъ издавна прибѣгали нѣмцы въ борьбѣ со славянствомъ: длинный рядъ, почерпнутыхъ гл. об. изъ трудовъ Грота и Ламанскаго, фактовъ изъ исторіи западнаго славянства («Борьба двухъ племенъ», стр. 20—38) заставляеть г. Литовскаго (стр. 35) «усмотрѣть въ борьбѣ германцевъ со славянами не сдѣленіе случайныхъ столкновеній, а систематическое, ясно опредѣленное народное движеніе съ цѣлью усилить себя на счетъ податливаго славянскаго племени и проложить тѣмъ путь къ всемірному господству». Средствомъ къ такому усиленію было онѣмеченіе славянъ, къ которому вели и ведутъ выработанные издавна приемы («Онѣмеченіе славянъ», стр. 38—53). Опасность эта не ограничивается западнымъ и южнымъ славянствомъ: она грозно надвигается-де и на Россію, «уже давно охваченную нѣмецкой интригой» («Россія въ нѣмецкомъ кольцѣ», стр. 53—80), Россію, гдѣ «нѣмецкое вліяніе старается обнять собой всѣ функціи нашей государственной жизни» («Нѣмецкое вліяніе» стр. 80—107). Пути къ усиленію этого вліянія открывала пресловутая дружба съ Пруссіей. Въ этой дружбѣ г. Литовскій видитъ лишь способъ провести довѣрчиваго сосѣда и заставить его служить планамъ, направленнымъ къ его же невыгодѣ («Прусская дружба», стр. 107—118). Эту же мысль авторъ раскрываетъ на основаніи уроковъ прошлаго и разоблаченій недавняго времени, развертывая передъ глазами читателя мірообъемлющіе планы Пруссіи («Планы Пруссіи и ея политическая дѣятельность», 127—159), выразителемъ и носителемъ которыхъ былъ «Императоръ Вильгельмъ I» (стр. 161—179) и его канцлеръ («Фридрихсрусская сирена», 118—123. .Последняя парламентская рѣчь князя Бисмарка, стр. 123—127). На нихъ падаетъ отвѣтственность за «Милитаризмъ» (стр. 159—166), подъ желѣзнымъ гнетомъ котораго изнываетъ вся Европа, изъ-за «Лиги мира» (235—245), теперешній глава которой («Сфинксъ», 277—287) обнаруживаетъ сильное сходство съ своимъ дѣдомъ въ его молодые годы. Тѣ же историческія справки и событія послѣднихъ лѣтъ показываютъ, что подобно Пруссіи «Австрія врагъ славянъ» (стр. 287—301); она всегда относилась вѣроломно къ Россіи («Отношеніе Австріи къ Россіи», 195—209) и теперь блистательно исполняетъ свою роль «державы прихвостницы» въ ходульной лигѣ мира («Австрія на поводу», 209—220), за спиною которой Пруссія съ неуклонной настойчивостью идетъ впередъ («Пруссія ведетъ войну», 220—228), подрывая наши финансы и промышленность; но не дешево-де

обходится и ей эта борьба («Послѣдній смѣхъ», 231—235). Надежду на лучшее будущее открываетъ доказанное исторіей «безкорыстіе Россіи» (179—190; «Императоръ Николай», 190—195; «Россія и славяне», 301—313; «Восточный вопросъ», 313—319), призваніе которой г. Листовскій, вмѣстѣ съ Хомяковымъ и Данилевскимъ, видитъ въ освобожденіи поработанныхъ родственными ей народностей («Миссія Россіи», 390—397). Помимо «жизненной силы славянъ» (стр. 357—368) къ достиженію этой великой цѣли ее приведутъ «естественные союзы» съ романскими народами (стр. 245—277) и вѣрность своимъ самобытнымъ началамъ, «хранимымъ, какъ учить исторической опытъ, православіемъ» («Православіе—оплотъ славянства», стр. 342—349), тогда какъ католицизмъ лишь подготавливаетъ-де почву для онѣмеченія славянъ («Католичество—могила славянъ», стр. 321—342). Уже изъ этого бѣглого обзорѣнія содержанія книги г. Листовскаго, кажется, ясно, что несмотря на всѣ свои недостатки, она представляетъ нѣкоторый интересъ по жизненности и современности затрогиваемыхъ въ ней вопросовъ и по попыткѣ поставить въ связь рядъ историческихъ наблюденій, озаряющей настоящее яркимъ свѣтомъ событій прошлаго.

Харьковъ. 6 ноября :892.

А. Ви—нь.

ПЕЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ОДНОГО СЛАВЯНСКАГО ИЗДАНІЯ.

Habent sua fata libelli.

Восемь лѣтъ назадъ совершенно неизвѣстный тогда никому изъ ученолитературнаго міра Людвикъ Куба, скромный, но хорошо образованный въ музыкальномъ отношеніи сельскій учитель, издалъ въ свѣтъ I выпускъ новообъявленнаго имъ изданія «Slovanstvo ve svúch zpěvech» (Славянство въ своихъ пѣсняхъ). Симпатичная идея этого изданія, долженствовавшего объединить сладчайшіе и любимѣйшіе плоды славянскаго пѣсеннаго вертограда, побудила нижеподписавшагося, отправлявшагося тогда въ первое свое славянское путешествіе и помѣстившаго уже въ «Извѣстіяхъ Пб. Слав. Общества» краткій сочувственный отзывъ о I вып. «Slovanstva ve svúch zpěvech», навѣстить самого издателя этихъ пѣсенъ, чтобы ближе ознакомиться съ его дальнѣйшими предположеніями, замыслами и т. д. Тутъ да проститъ читатель нѣкоторыя подробности личнаго свойства, вызываемыя впрочемъ сущностью дѣла. Посѣтилъ я г. Кубу, обитавшаго тогда, какъ и теперь, въ г. Подѣбрадахъ, родинѣ достопамятнаго чешскаго короля Юрія Подѣбрада, и притомъ посѣтилъ вмѣстѣ съ покойнымъ уже моимъ пріятелемъ—славистомъ

Ю. С. Анненковымъ. Молодой сельскій учитель произвелъ на насъ обоихъ, какъ и вся его честная семья, наилучшее впечатлѣніе; онъ былъ еще юнъ, не изломанъ жизнію, пламенно вѣрилъ въ торжество славянсконъ идеи, какъ идеи прогрессивной и закономѣрной въ исторіи междучеловѣческихъ отношеній... Онъ думалъ, что достаточно лишь проявить добрую волю взяться за великое дѣло изданія всеславянскаго сборника пѣсенъ, соединить эвергію съ знаніемъ, и дѣло это увѣнчается успѣхомъ, послужить на пользу самой славянсконъ идеи и вмѣстѣ доставить всеславянскую извѣстность ему, доселѣ скромному труженику на чешсконъ педагогическонъ нивѣ. Сознавая однакоже крайнюю трудность исполненія задуманнаго имъ предпріятія силами одного лица, онъ просилъ меня оказать ему дѣломъ и словомъ всякое содѣйствіе при составленіи русскаго отдѣла книги, что я ему и обѣщаль; въ другихъ славянскихъ земляхъ онъ надѣялся тоже найти сочувствующихъ дѣлу литераторовъ и ученыхъ, которые могли бы оказать ему подобную же помощь въ соответствующихъ частяхъ изданія, въ чемъ отчасти и успѣлъ. Что касается меня лично, я долженъ сказать по совѣсти, что свои обѣщанія исполнилъ въ наибольшей мѣрѣ, какую только дозволяли мнѣ мои собственные обстоятельства: обиліе собственныхъ занятій и происходившая отъ того ограниченность досуга, невозможность часто отлучаться за границу и истекавшая изъ этого крайне невыгодная для дѣла необходимость частыхъ письменныхъ сношеній и т. п. Такъ или иначе, но я уже на слѣдующій же годъ имѣлъ возможность привезти г. Кубѣ огромный запасъ всяческихъ русскихъ пѣсенныхъ сборниковъ, между прочимъ, и гг. Мельгунова и Пальчикова, а также доставить ему нѣкоторыя данныя и пѣсни и изъ собственнаго рукописнаго пѣсеннаго сборника. Затѣмъ г. Куба счелъ необходимымъ, для усовершенствованія русскаго отдѣла, пріѣхать на Русь и самолично ознакомиться съ строемъ и особенностями народнонъ руссконъ (въ широкомъ смыслѣ) пѣсни. Онъ былъ на Руси дважды и обѣхалъ со мною значительныя пространства Великой, Бѣлой и особенно Малой Руси; мы записывали пѣсни, изучали характеръ и исполненіе народнонъ пѣсни на ея почти непосредственнонъ почвѣ. Г. Куба удивлялъ всѣхъ своею способностью сразу же схватить духъ народнонъ пѣсни, ея основнонъ характеръ и тутъ же гармонизовать ее иногда такъ удачно, что народныя пѣвцы и пѣвицы нерѣдко и сами приходили въ какой-то экстазъ, въ могучее восторженное состояніе. Результаты своихъ изученій строя руссконъ народнонъ пѣсни, особенно же хоровой, онъ излагалъ въ разныхъ чешскихъ повременныхъ изданіяхъ (Květy, Zlata Praha). Время шло, изданіе «Slovanstva» въ одну пору

имѣло успѣхъ до такой степени значительный, что дало возможность г. Кубѣ оставить учительство и предаться исключительно своему любимому дѣтищу, мечтѣ всей своей жизни; издание же гл. обр. давало ему средства и для дальнѣйшихъ путешествій по славянскимъ землямъ (Лужицѣ, Хорватіи, Черной Горѣ и т. д.) съ цѣлью непосредственнаго собранія и записыванія народныхъ пѣсенъ, къ чему г. Куба чувствуетъ себя вполне подготовленнымъ, каковымъ онъ и дѣйствительно былъ на самомъ дѣлѣ. Русскихъ подписчиковъ оно имѣло немного, несмотря на всѣ мои усилія распространить его по Руси какъ помощью печатнаго слова (См., напр., мои отзывы въ Извѣстіяхъ Спб. Слав. Общ., въ Филологическихъ Запискахъ и нѣк. др. изд.), такъ и путемъ убѣжденія и примѣра. Повидимому, успѣху изданія на Руси мѣшала слишкомъ непривычный, чешскій видъ и характеръ изданія. Необходимо было, какъ я много разъ заявлялъ г. Кубѣ, рядомъ съ чешскими объясненіями, руководящими статьями, даже переводами пѣсенъ, снабдить изданіе такими же объясненіями и проч. и на русскомъ языкѣ, какъ на языкѣ междуславянскомъ, чтó давало бы возможность Slovanstvŭ распространяться не только на Руси, но и въ Сербіи, Болгаріи и проч., гдѣ доселѣ еще исклѣчительно въ ходу кирилловская азбука. Но г. Куба испугался неизбежнаго въ этомъ случаѣ разширенія размѣровъ изданія и не послушался моихъ совѣтовъ, клонившихся въ сущности къ пользѣ самаго же изданія. Такъ или иначе, но у славянъ кирилловскаго письма изданіе г. Кубы расходилось въ крайне незначительномъ количествѣ, чтó, конечно, не могло не повліять и на общій ходъ и успѣхъ изданія. Вдобавокъ ко всему оно крайне затянулось и, напр., втеченіе семи лѣтъ вышло всего 53 выпуска. Такая медленность, происходившая отъ разныхъ обстоятельствъ, рассказывать которыя я не буду изъ опасенія надоесть читателямъ, была во всякомъ случаѣ ошибкою г. Кубы, послужила ему во вредъ и, несомнѣнно, была одною изъ причинъ, доведшихъ изданіе «Slovanstva» до его теперешняго крайне плачевнаго состоянія. Ничего нѣтъ удивительнаго, что даже терпѣливая западная публика, къ которой, конечно, должно причислить и чешскихъ подписчиковъ «Slovanstva», всѣхъ этихъ народныхъ учителей, гимназистовъ, студентовъ и т. п., не выдержала такого многолѣтняго испытанія и мало по малу толпами стала покидать изданіе. Къ концу шестого года изъ 6000 прежнихъ подписчиковъ уцѣлѣло лишь 300, какъ видно изъ письма ко мнѣ издателя, отъ 16 сент. 1890 г. Были, конечно, и другія причины неудачи изданія, причины чисто мѣстнаго, иногда даже, повидимому, личнаго свойства, и я о нихъ говорить не стану: достаточно уже установить простой фактъ неудачи сим-

патичнаго изданія, съ обнаруженіемъ главныхъ причинъ. Какъ бы то ни было, нельзя однакоже не пожалѣть объ указанномъ обстоятельстве. Каковы бы не были недостатки и промахи въ начальныхъ выпускахъ изданія, они всецѣло искупаются значительными достоинствами, которыхъ, нужно сказать, съ каждымъ годомъ прибавлялось все больше и больше. И что хуже и удивительнѣе всего, это то, что именно къ тому времени, какъ произошло значительное уменьшеніе подписчиковъ, т. е. съ 1890 г., изданіе начинаетъ приобрѣтать все большую и большую научную цѣну, дѣлается болѣе и болѣе оригинальнымъ, такъ что, напр., выпуски 50—54 (черногорскія пѣсни) являются истиннымъ вкладомъ въ славянскую этнографію. Дѣло въ томъ, что г. Куба былъ до сего времени единственнымъ путешественникомъ по Черногоріи, записывавшимъ пѣсни народныя съ напѣвами. Даже извѣстный собиратель южнославянскихъ пѣсенъ г. Кухачъ не былъ въ этой странѣ. Это обстоятельство въ связи съ тѣмъ мастерствомъ, какое обнаружилъ г. Куба въ записываніи и увѣковѣченіи народныхъ пѣсенъ, придаютъ, повторяю, черногорскимъ и многимъ другимъ выпускамъ его «Slovanstva» положительное важное значеніе первоисточника.

Черногорскія пѣсни были выпущены г. Кубою и отдѣльно, въ видѣ «Альбома черногорскихъ пѣсенъ» (Album črénohorské 70 návodnich písní), съ цѣлю поддержать этимъ предпріятіемъ падавшее изданіе «Slovanstva». Дѣйствительно, «Альбомъ» поддержалъ нѣсколько существованіе «Slovanstva», но, по прошествіи нѣкотораго времени, обстоятельства г. Кубы оказались опять чрезвычайно стѣсненными, и ему пришлось снова подумать о мѣрахъ къ сохраненію своего любимаго дѣтища отъ безвременной гибели... Думаемъ, что не будемъ нескромны, если скажемъ, что одною изъ такихъ мѣръ было, между прочимъ, желаніе г. Кубы предложить свои услуги, въ качествѣ музыкальнаго этнографа, И. русскому географическому обществу въ Петербургѣ... Чтó стало съ этимъ желаніемъ—я не знаю, но мнѣ безызвѣстно, что услугами г. Кубы не прочь воспользоваться и правительство боснійско-герцеговинское... Намъ всегда казалось, что услуги г. Кубы въ дѣлѣ записыванія русскихъ пѣсенъ въ самыхъ разнообразныхъ углахъ нашего обширнаго отечества были бы просто нецѣнными, и нашему русскому географическому обществу очень и очень не мѣшало бы воспользоваться этими услугами... но судьба, повидимому рѣшила этотъ вопросъ иначе...

Въ настоящее время положеніе изданія «Slovanstvo ve svých spěvech» таково: такъ какъ г. Куба задолжалъ книгопечатнѣ г. Гоблика въ Пардубицахъ 1,700 «золотыхъ» (гульденовъ), то принужденъ

былъ отдать въ залогъ ему весь остатокъ изданія «Slovanstva» (въ суммѣ 15,000 гульд.), самъ же долженъ искать какой нибудь частной или правительственной службы, чтобы имѣть чѣмъ жить. Предпринятое г. Кубою другое изданіе, все для поддержки того же «Slovanstva», подъ названіемъ: «Světém slovanským» принесло ему одни лишь убытки и если будетъ еще продолжаться, то лишь благодаря тому, что нѣкто г. Бофортъ, прежній издатель, взялся выпускать это изданіе и дальше подъ тѣмъ однакоже условіемъ, что составитель, т. е. тотъ же злополучный г. Куба, не будетъ требовать отъ него никакого вознагражденія за свой трудъ, т. е. уступить ему этотъ трудъ безвозмездно... Получивши письмо отъ г. Кубы со всѣми этими свѣдѣніями, я полагалъ, что изданіе «Slovanstva» остановится года на 2—3, а не только на 14 мѣсяцевъ, въ теченіе коихъ оно не выходило, и не мало былъ удивленъ, когда недавно получилъ сразу четыре выпуска въ одной книгѣ (54—57), въ которыхъ заключается 62 пѣсни. Пораженный невольно энергіей неумоимаго и повидимому не унывающего составителя, я обратился за разъясненіями къ его заявленію, напечатанному на обложкѣ книги, и вотъ что прочелъ, между прочимъ: «Пѣсни хорватскія вышли не потому, чтобы мои обстоятельства денежныя улучшились: напротивъ, они стали еще хуже, нежели были доселѣ; я выпустилъ эти пѣсни для ничтожной кучки оставшихся вѣрными мнѣ подписчиковъ лишь потому, что онѣ были уже у меня приготовлены къ печати. Издаю я ихъ въ долгъ». Затѣмъ составитель смѣло заявляетъ, что онъ не намѣренъ сдаваться предъ несчастными обстоятельствами и высказываетъ надежду, что ему удастся довести до конца свое огромное предпріятіе, мечту своей жизни, лишь бы только хватило здоровья, силъ и терпѣнія выносить молча, безъ ропота, всѣ тяготы, представляемыя этимъ дѣломъ. Сколько-нибудь определенныхъ указаній относительно того, что именно и когда намѣренъ онъ выпустить, онъ однакоже не даетъ... Разсмотрѣвши вышеуказанные четыре выпуска хорватскихъ пѣсенъ, я пришелъ къ тому убѣжденію, что они имѣютъ значительную научную цѣну въ смыслѣ почти с о в е р ш е н н о новаго этнограф. матеріала, притомъ весьма высокихъ качествъ. Изъ 62 пѣсенъ пятьдесятъ девять записаны самимъ составителемъ, и нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ, на нашъ взглядъ, настоящіе перлы народнаго творчества по чрезвычайной красотѣ и непосредственной художественности напѣвовъ; иныя опять приводятъ наблюдателя къ весьма любопытнымъ сближеніямъ и сравненіямъ съ разными инославянскими пѣснями, какъ со стороны напѣвовъ, такъ и особенно по содержанію. Мнѣ неудачныхъ пѣсень почти нѣтъ или по крайней мѣрѣ весьма мало. Изъ пѣсенъ, замѣчатель-

ныхъ по красотѣ напѣва отмѣтимъ, наприм., № 2. «Студена ме киша (дождь) шиба по вас цео дан» (цѣлый день), № 12 «Што тью юнакъ, устрѣли ме стрѣла», № 8 «Съ ону страну Сараева ливадица некошена» и мн. др.; пѣсни 5—6 и нѣк. др. невольно наводятъ на сближенія съ русскими, особенно украинскими... Въ настоящее время мы не пишемъ рецензій на указанные выпуски «Slovanstva» и потому воздерживаемся отъ дальнѣйшаго высказыванія своихъ сужденій и замѣчаній по существу. Мы хотѣли только указать на то, какъ жалко было бы, еслибы это изданіе, которое въ особенности теперь получаетъ значительную научную цѣнность, принуждено было прекратиться по недостатку подписчиковъ. Составитель, еслибы ему удалось получить какое-нибудь крупное пособіе изъ Россіи, сколько мнѣ извѣстно, въ благодарность за это, могъ бы готовить дальнѣйшіе (и даже прежде уже вышедшіе) выпуски не только по-чешски, но и по-русски, а это, конечно, послужило бы къ обогащенію и нашей родной науки и искусства; теперь же это изданіе, въ его чешскомъ видѣ, дѣйствительно не можетъ имѣть сколько-нибудь широкаго распространенія на Руси и оказывать какое-нибудь вліяніе на ея этнографію и искусство.

Такъ или иначе, заканчивая эти строки, не могу не выразить искренняго пожеланія, чтобы «Slovanstvo ve svých spěvech» было доведено счастливо до конца и притомъ въ томъ видѣ, какой наиболѣе приличествовалъ бы этому монументальному изданію, т. е. русско-чешскомъ.

Кіевъ.

А. Степовичъ

ЕВРОПЕЙСКІЕ ПУБЛИЦИСТЫ О РОССИИ. *

Названныя книги, безспорно, въ общемъ, по духу, направленію и тенденціозной цѣли, относятся къ тому обширному отдѣлу разнаго рода «сочиненій» о Россіи, характеристическія особенности и значеніе которыхъ своевременно и вполне обстоятельно разсмотрѣны В. И. Ламанскимъ въ его почтенномъ трудѣ: «Историческое изученіе греко-славянскаго міра въ Западной Европѣ». Поэтому не представляется необходимости говорить подробности о «сочиненіяхъ», заглавія которыхъ приведены выше; нельзя, однако, и совершенно игнорировать подобнаго рода «издѣлія» западно-европейскихъ публицистовъ, — «издѣлія» эти, независимо отъ гешефтмахерскихъ по-

* По поводу книгъ: 1) «Russische Zustände», von E. B. Ja nin. 1892 г. и 2) «Die Todsünden Russlands», von H. Roskoschny. 1892.

буждений ихъ авторовъ, безспорно являются съ одной стороны отраженіемъ, хотя, быть можетъ, и отдаленнымъ, цѣлей «тройной лиги», всячески стремящейся натравливать, такъ сказать, Западную Европу на Россію, и съ другой стороны, свидѣтельствуютъ о прискорбномъ и весьма значительномъ пониженіи въ Зап. Европѣ требованій отъ сочиненія о Россіи вообще. Правда, въ отношеніи къ русскому государству и въ настоящее время, какъ и прежде *, въ западно-европейской публицистикѣ вообще господствуетъ одинъ и тотъ же духъ непріязни; но это враждебное настроеніе, принимающее обыкновенно, смотря по обстоятельствамъ, форму недовѣрчивости, ненависти, презрѣнія или злорадства, въ настоящее время обнаруживается въ такихъ, можно сказать, неестественныхъ формахъ, которыя невольно заставляютъ изумляться вздорнымъ и нелѣпнымъ понятіямъ западно-европейцевъ о Россіи и которыя вооружаютъ противъ себя «бойцовъ правды» даже среди нѣмцевъ **. Тенденціозная ложь и беззащитная клевета, постоянно распространяемая нѣмецкими газетами о Россіи и русскихъ людяхъ, со времени вронштадтскихъ событій съ особеннымъ увлеченіемъ и нескрываемою враждою поддерживаются западно-европейскими публицистами, и нынѣ не представляется даже необходимымъ книгѣ или брошюрѣ о Россіи придавать, по крайней мѣрѣ, внѣшній видъ ученаго сочиненія или научнаго труда, какъ это дѣлалось прежде. При указанныхъ обстоятельствахъ, заявленіе о томъ, что извѣстная книга или брошюра составлена «nach russischen Quellen und eigenen Wahrnehmungen» является вполне достаточнымъ для того, чтобы всякій памфлетъ анонимнаго автора, обладающаго требуемою степенью безцеремонности, пользовался вниманіемъ, и притомъ особеннымъ, читающей публики, не говоря уже о прессѣ, всегда готовой изощрять свое остроуміе, — замѣтимъ кстати, дурного тона, — и чрезвычайно усердно рукоплескать авторамъ подобнаго рода «издѣлій». Въ этомъ случаѣ ни очевидность еврейскаго происхожденія составителей памфлетовъ, ни корыстная цѣль издаваемыхъ ими «сочиненій» не могутъ измѣнить недостойнаго поведенія органовъ прессы, какъ бы несознающей вредныхъ послѣдствій недобросовѣстныхъ измышлений. Указанное настроеніе западно-европейской публицистики «фабрикуется», если можно такъ выра-

* См. соч. Н. Я. Данилевскаго: «Россія и Европа». Изд. 3. Спб. 1888 г., стр. 53.

** Въ этомъ отношеніи нельзя не обратить вниманія, напр., на статью, помещенную въ 3 М нѣмецкой газеты: «Die Zukunft» 1892 г. Редактору названной газеты, г. Гардену, приходится однако вести ожесточенную борьбу съ нѣмецкою прессою изъ-за «разумнаго слова» о Россіи, изъ-за желанія знать о русскомъ государствѣ только правду и не вѣрить всякаго рода лжи и клеветѣ.

заться, въ Лондонѣ и оттуда съ особеннымъ усердіемъ распространяется нѣмецкими газетами среди читающей публики * и, въ угоду протестантскому или еврейскому фанатизму или просто за плату англійской биржи, наполняетъ умы западно-европейцевъ вздорными понятіями о Россіи, не имѣющими, само собою разумѣется, ничего общаго съ истинною вообще. Чѣмъ же именно питаютъ въ настоящее время читающую публику западно-европейскіе публицисты? Если пища эта, какъ уже отмѣчено выше, не вполне нова или вовсе не нова, то на сколько, по крайней мѣрѣ, она свѣжа, т. е., другими словами, каковы ея качества въ настоящее время, когда, казалось бы, всестороннее и основательное изученіе Россіи могло бы представить много, если ужъ не поучительнаго, то во всякомъ случаѣ, такъ сказать, изумительнаго для Зап. Европы и когда, какъ показываетъ дѣйствительность, взаимнѣ сочиненій, являющихся слѣдствіемъ сознанія необходимости этого изученія, въ западно-европейской публицистикѣ все чаще и чаще распространяются разнаго рода безцеремонные памфлеты? Отвѣты на эти вопросы нельзя не считать необходимыми, такъ какъ въ данномъ случаѣ «слово правды безпристрастной», обнаруживая нелѣпость сужденій о Россіи, внушаемыхъ западно-европейскими публицистами своимъ согражданамъ, надо полагать, ради желательнаго для нихъ успокоенія вообще, можетъ лишь содѣйствовать восстановленію той истины, которая умышленно затемняется систематическою ложью и излюбленною по отношенію къ Россіи и русскимъ клеветою. Отвѣты эти явятся сами собою при разсмотрѣніи, и притомъ, даже самомъ поверхностномъ, особенностей вышеназванныхъ книгъ о Россіи.

Книга г. Ланина переведена съ англійскаго на нѣмецкій языкъ Р. Дилитцемъ и издана въ 1892 г. Л. Элерманомъ въ Дрезденѣ. Книга эта, по своему содержанію, обширнѣ произведенія г. Рос-

* Подтверженіемъ сказаннаго можетъ, на примѣръ, служить то, что книга Е. В. Ланина: «Russische Zustände», переведенная съ англійскаго на нѣмецкій языкъ, несмотря на бездоказательность приведенныхъ въ ней «данныхъ», не только неправдоподобныхъ, но просто невозможныхъ, несмотря на очевидную ложь и разнаго рода бросающіяся въ глаза противорѣчія, на столько обратила на себя вниманіе западно-европейской прессы, что весьма распространенная въ Германіи газета «Berliner Tageblatt» помѣстила въ 376 № отъ 15 іюля 1892 г. (Abend-Ausgabe) цѣлый фельетонъ, представляющій подробное извлеченіе изъ первой главы названной книги и, озаглавивъ означенный фельетонъ: «Die Entsittlichung Russlands», присоединила къ нему даже особое примѣчаніе, въ которомъ сочла нужнымъ «настоятельно рекомендовать» читателямъ-нѣмцамъ вышеназванный памфлетъ анонимаго автора, не выдерживающій, понятно, никакой серьезной критики.

кошнаго (Roskoschny), такъ какъ послѣднее имѣетъ въ виду лишь «Bilder aus dem Cholera-Gebiet»,* тогда какъ первое касается разныхъ сторонъ жизни русскаго государства и характера его членовъ. Мало того, разсматриваемая книга г. Ланина представляетъ собою лишь первую часть труда анонимаго автора. Она состоитъ изъ слѣдующихъ девяти главъ (1—248 стр.): I гл. Нравственное разложеніе Россіи.—II гл. Правдолюбіе, мечтательность, образованіе легендъ.—III гл. Жизненная философія русскихъ.—IV гл. Фатализмъ, безпечность и гостепріимство.—V гл. Медлительность и непроизводительная трата времени.—VI гл. Безпечность народа; устареніе законодательства.—VII гл. Вліяніе коммунизма на честность.—VIII гл. Честность въ торговлѣ; русская нравственность.—IX гл. Тюрмы.

И по особенностямъ своимъ, «сочиненіе» г. Ланина характеристичѣе произведенія г. Роскошнаго,— оно даетъ возможность познакомиться, по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени, съ источниками автора, ** его методомъ пользованія избранными источниками и съ приемами развитія мыслей вообще, а также сдѣлать заключеніе и объ основательности его выводовъ и обобщеній изъ разсматриваемыхъ въ «сочиненіи» разнаго рода «фактовъ». Какovy же источники труда г. Ланина? Двѣ-три русскія газеты, двѣ-три журнальныя статьи: вотъ и весь его научный багажъ. Матеріалы эти въ большинствѣ случаевъ состоятъ изъ отдѣльныхъ фактовъ весьма сомнительнаго достоинства, заимствованныхъ изъ газетъ или журналовъ и представленныхъ, само собою разумѣется, въ желательномъ для цѣлей автора освѣщеніи. Вообще же этого рода «источниками» г. Ланинъ пользуется совершенно свободно,—на основаніи того или другого факта, на основаніи извѣстнаго случая, дѣйствительно имѣвшаго когда-либо и гдѣ-либо мѣсто или просто выдуманнаго, ***

* Произведеніе г. Роскошнаго состоитъ изъ трехъ главъ (1—64 стр.), не снабженныхъ авторомъ особенными заглавіями. Нельзя кстати не замѣтить, что разразившаяся въ текущемъ 1892 г. страшная эпидемія холеры въ Гамбургѣ дала высокопоучительный, хотя и слишкомъ жестокій, отвѣтъ на разглагольствованія автора книги: «Die Todsünden Russlands», и потому едва-ли приходится нынѣ говорить о содержаніи названнаго произведенія нѣмецкой прессы.

** Въ книгѣ: «Die Todsünden Russlands» вовсе не указываются источники; авторъ названнаго «сочиненія» ограничивается въ этомъ отношеніи лишь заявленіемъ о томъ, что его трудъ составленъ «nach russischen Quellen und eigenen Wahrnehmungen».

*** Укажемъ, для примѣра, 51, 56, 100, 101, 123, 147, 152 и 191 стр. книги: «Russische Zustände» и замѣтимъ при этомъ, что подобнаго рода мѣсть въ «сочиненіи» анонимаго автора весьма много, хотя онъ лишь однажды, именно въ примѣчаніи къ 123 страницѣ, заявляетъ, понятно, для приданія вышшей важности

на основаніи, наконецъ, простаго анекдота * онъ дѣлаетъ самыя смѣлныя, совершенно невозможныя выводы, самыя широкія и неожиданныя обобщенія, ** приче́мъ, понятно, доходитъ весьма часто путемъ означеннаго метода до разнаго рода нелѣпостей и не замѣчаетъ вытекающихъ отсюда противорѣчій, вѣроятно, лишь подѣ влияніемъ какого-то особеннаго душевнаго состоянія или чрезмѣрно увлекающаго его враждебнаго настроенія. Такъ напр., утверждая, что смертность въ Россіи колеблется обыкновенно между минимумомъ 35 и максимумомъ 171 на одну тысячу жителей, г. Ланинъ, понятно, не задумывается надъ вопросомъ о томъ, каковыя же образы въ Россіи ежегодно, какъ это должно быть извѣстно всякому, желающему писать о русскомъ государствѣ, народонаселеніе увеличивается на 1½ милліона человекъ и каковыя образомъ количество населенія Россіи возросло въ настоящее время почти до 126 милліоновъ жителей? Но что значать для г. Ланина приведенныя цифры, когда по его своеобразнымъ воззрѣніямъ, прекрасно характеризующимъ, между прочимъ, отношеніе «сочинителя» книги о Россіи къ

сти дѣлаемымъ имъ вообще ссылкамъ, что переданный на означенной страницѣ разсказъ приведенъ «ohne Quellen oder Notizen zur Hand zu haben», хотя де-разсказъ этотъ и вполне достовѣренъ.

* См., напримѣръ, на 90 стр. книги г. Ланина разсказъ о двухъ русскихъ будто бы ѣхавшихъ въ одномъ и томъ же вагонѣ желѣзной дороги, въ одно и то же время въ разныя стороны, именно въ С.-Петербургъ и Москву.

** Мы, разумеется, не имѣли ни возможности, ни времени, ни желанія производить провѣрку ссылокъ, дѣлаемыхъ авторомъ въ томъ или другомъ случаѣ тѣмъ болѣе что трудъ анонима автора не имѣетъ никакого научнаго основанія; что же касается провѣрки дѣйствительности «фактовъ», приводимыхъ г. Ланинымъ по газетнымъ сообщеніямъ, то и эта провѣрка, собственно говоря, безцѣльна,—дѣло не въ возможности или невозможности того или другого факта, но, главн. обр. и прежде всего, въ выводахъ и обобщеніяхъ, дѣлаемыхъ авторомъ разсматриваемой книги на основаніи газетныхъ сообщеній, сатирическихъ сочиненій и произведеній беллетристики. Русскій человекъ вообще не склоненъ къ самохвалству; напротивъ, какъ это замѣчено еще Карамзинимъ, «русскіе излишне смиренны въ мысляхъ о народномъ своемъ достоинствѣ», и намъ скорѣе свойственно самобичеваніе, нежели самохвалство. Русскимъ людямъ вовсе не чуждо сознаніе того, что въ ихъ отечествѣ и среди ихъ согражданъ, какъ и вездѣ, дурное встрѣчается наряду съ хорошимъ; но, чтобы говорить о дурномъ, нужно, во-первыхъ, знать его основательно, не въ одиночныхъ и притомъ искусственно освѣщенныхъ фактахъ, и, во-вторыхъ, не забывать при этомъ и о хорошемъ. Нужно, однимъ словомъ, для составленія книги о Россіи серьезное и вполне основательное изученіе русскаго государства и, разумеется, не по газетнымъ статьямъ и замѣткамъ, не по беллетристическимъ и сатирическимъ произведеніямъ изъ которыхъ послѣднія, кстати сказать, не для всякаго и понятны, а на основаніи научныхъ трудовъ и ученыхъ изслѣдованій.

наукѣ и научнымъ даннымъ вообще, выдержка изъ произведеній Щедрина можетъ пролить на тотъ или другой вопросъ болѣе свѣта, нежели «ganze Bände voll Statistik?! * Послѣ сказаннаго, разумѣется, представляется вполне понятнымъ отношеніе автора рассматриваемой книги къ источникамъ вообще, а также и выборъ имъ данныхъ для тѣхъ или другихъ выводовъ и обобщеній. Въ этомъ отношеніи интересно, на примѣръ, основаніе для сужденія г. Ланина о нравственныхъ качествахъ русскаго человѣка. Какъ ни невѣроятно, однако, несомнѣнно то, что о качествахъ этихъ авторъ, между прочимъ, судить по «Воспоминаніямъ» А. Я. Головачевой (Панаевой), ** и на основаніи, на примѣръ, разсказа г. Головачевой о томъ, какъ однажды изъ-за Тургенева, не доставившаго въ редакцію «Современника» обѣщанной повѣсти, запроданной Тургеневымъ редакціи «Отечест. Записокъ», произошла нѣкоторая остановка въ печатаніи кн. «Современника», дѣлаетъ самое рѣшительное заключеніе о лживости и испорченности русскихъ. *** И, надо замѣтить, что это не единственный примѣръ неосновательныхъ выводовъ въ книгѣ г. Ланина. Такъ, руководствуясь тѣми же «Воспоминаніями» г. Головачевой и передавъ читателямъ-нѣбцамъ разсказъ о томъ, какъ Тургеневъ, по свойственной ему разсѣянности, забывалъ иногда о сдѣланномъ имъ приглашеніи знакомыхъ на обѣдъ и какъ однажды указанная забывчивость Тургенева взволновала Бѣлинскаго, авторъ заявляетъ, что «diese Dinge bedürfen wohl keines Kommentars» **** и при этомъ дѣлаетъ самый неутѣшительный выводъ о нравственной сторонѣ русскихъ. Вообще подобнаго рода «курзезовъ» ***** не мало въ книгѣ г. Ланина, какъ не мало въ ней фантастическаго такъ сказать элемента, очевидно, внесеннаго въ «сочиненіе» г. Ланина ради красоты слога и силы впечатлѣнія. Такой фантастическій элементъ невольно бросается въ глаза, напр. при чтеніи I и IX гл. книги. И въ самомъ дѣлѣ, не останавливаясь даже на описаніи авторомъ русскіхъ тюремъ *****, нельзя, напр., не замѣтить того, что нарисован-

* См. 146 стр.

** См. «Историческ. Вѣстн.» 1889 г. №№ 2 и 5, стр. 287 и 547.

*** «Russische Zustände», стр. 58, 59 и 60.

**** Ibid., стр. 61, 62 и 63.

***** Не знаемъ, какъ иначе назвать негѣпые выводы и обобщенія, допускаемые авторомъ и притомъ на основаніи вышеуказанныхъ ненаучныхъ источниковъ.

***** Послѣ появленія въ печати и распространенія въ западной Европѣ крайне тенденціозной книги Кеннана, представляющей совершенно ложное описаніе русскіхъ тюремъ, вообще, и тюремныхъ порядковъ, въ частности, и обратившей на себя особенное вниманіе западно-европейской публицистики, не представляется необходимости говорить о IX главѣ кн. г. Ланина. Вполне достаточнымъ въ данномъ

ная г. Ланинымъ картина голода въ Россіи не имѣеть ничего общаго съ дѣйствительностью и что картина эта напоминаетъ развѣ голодь въ Индіи. Несмотря на сказанное, г. Ланинъ вполне утвердительно заявляетъ, что подобнаго рода голодь составляетъ въ Россіи обыкновенное явленіе. Вообще же, по словамъ автора, въ большей или меньшей степени, голодь въ Россіи продолжается съ 12 столѣтія непрерывно и по настоящее время, и въ минувшемъ 1891 г. онъ принялъ лишь нѣсколько большіе размѣры, хотя и не обратилъ на себя вниманія настолько, чтобы заставить прекратить «преслѣдованіе» евреевъ, этихъ «образцовыхъ гражданъ» русскаго государства. Вообще евреи, какъ и штундисты, составляютъ, очевидно, больное мѣсто автора разсматриваемаго «сочиненія» о Россіи, чего нельзя, разумѣется, не имѣть въ виду при опредѣленіи истинныхъ и ближайшихъ побужденій составителя памфлета, забывающаго истину, незадумывающагося являться предъ публикою въ непристойномъ видѣ челоуѣка, бросающаго, ради корыстныхъ цѣлей, грязь на государство и на отдѣльныхъ его передовыхъ членовъ* и вообще не останавливающагося предъ средствами подъ вліяніемъ мысли о выгодномъ гешефтѣ. Автору, какъ этого нельзя не видѣть, больно сознаніе того, что то время, когда нѣмцы и евреи эксплуатировали Россію, прошло безвозвратно и что русскіе въ настоящее время, безспорно, могутъ и имѣютъ право «стать смѣло на ряду съ другими. ясно сказать свое имя и повторить его съ благородною гордостью»; однако, онъ совершенно напрасно измышленныя досужею фантазіею бѣды Россіи приписываетъ, какъ это очевидно для всякаго, познакомившагося съ его книгою, самостоятельному развитію Россіи, свободному отъ вліянія враждебныхъ государствъ Зап. Европы. Ужъ если и приходится Россіи до настоящаго времени считаться съ нѣкоторыми нежелательными явленіями общественной жизни, то явленія эти во всякомъ случаѣ ведутъ свое начало именно съ тѣхъ поръ, когда вліяніе нѣмцевъ по преимуществу, и иностранцевъ вообще, достигло въ Россіи высокой степени развитія. Обратимъ напр. вниманіе хоть на вопросъ о штундизмѣ, затрагиваемый авторомъ. Правда, существуетъ мнѣніе о томъ, что «духовные христіане», именно: духоборцы, молокане,

случаѣ является лишь указаніе на то, что г. Ланинъ далъ особенный просторъ своей фантазіи при составленіи означенной главы, гл. обр. на томъ основаніи, что, какъ заявляетъ на 202 стр. авторъ «сочиненія» о Россіи, о русскіяхъ тюрьмахъ «so sagte mir vor kurzem ein russischer Schriftsteller» (?!).

* Книга г. Ланина, какъ памфлетъ анонимаго автора, не свободна, понятно, отъ джи и разнаго рода клеветы и по отношенію къ тѣмъ или другимъ личностямъ. Уважемъ, для примѣра, 58, 68, 69 и 99 стр. книги.

общіе и евангелики (штундисты) ведутъ свое происхожденіе отъ вольнодумцевъ, появившихся въ Россіи еще въ концѣ XVI ст.; однако, внесеніе въ концѣ прошлаго столѣтія рационализма въ религиозное міросозерцаніе русскаго народа нельзя не приписывать въ значительной степени вліянію «тлетворнаго Запада».* Съ этою, во всякомъ случаѣ, заразою нельзя и не должно мириться подъ вліяніемъ одной мысли о внѣшней, такъ сказать, благопристойности штундистовъ, выражающейся въ ихъ трудолюбіи, бережливости и трезвости, такъ какъ идеи рационалистовъ, какъ и вообще западныя мистико-соціальныя идеи, не имѣютъ связи съ характеромъ русскаго ума и противны его нравственности вообще. Впрочемъ г. Ланинъ очевидно не въ состояніи понять сказаннаго, и потому не приходится останавливаться ни на его измышленіяхъ относительно «правительственной программы» по вопросу о «преслѣдованіи» штундистовъ, ни на его выводахъ относительно нравственной стороны этого «преслѣдованія», какъ не приходится изобличать автора «сочиненія» о Россіи въ его сужденіяхъ о нравственныхъ качествахъ русскаго народа,—сужденіяхъ, надо замѣтить это, крайне лживыхъ и весьма ограниченныхъ. И въ самомъ дѣлѣ, какое понятіе по «сочиненію» г. Ланина можно составить о русскіихъ людяхъ, объ ихъ умственной и нравственной сторонѣ? Не трудно, разумѣется, отвѣтить на этотъ вопросъ даже и по вышеприведенному оглавленію книги: «Russische Zustände». Между тѣмъ культурныя особенности русскаго народа, какъ это должно быть хорошо извѣстно г. Ланину, весьма знаменательны; мало того нѣкоторыя изъ означенныхъ особенностей могли бы уяснить автору между прочимъ даже и извѣстныя черты сходства, и притомъ вовсе не случайнаго, нѣмецкой, именно прусской, и русской исторіи.** Пруссаки—это въ извѣстномъ отношеніи нѣмецкіе великороссы. Ихъ лучшіе государи, по характеру и основной дѣятельности, напоминаютъ русскіихъ москвичей—собирателей земли, и ассимиляція инородныхъ этнографическихъ элементовъ, какъ существенная историческая задача русскіихъ и пруссаковъ, безспорно, въ значительной степени содѣйствовала выработкѣ и развитію основныхъ чертъ ха-

* См. кстаті соч. Е. С. Сталинскаго: «Бродячія идеи и графъ Толстой». М. 1892 г. Авторъ въ означенной брошюрѣ обстоятельно разъясняетъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ «бродячія идеи» заносились съ Запада въ правосл. Русь и какъ идеи эти отражались на религиозномъ міровоззрѣніи русскаго народа, причемъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на штундизмѣ и прямо приписываетъ его протестантскимъ проповѣдникамъ нашихъ южно-русскіихъ колоній.

** См. брошюру проф. Петрова: «Историческая подготовка». Харьковъ. 1881 г.

рактера названныхъ народовъ, именно: строгой, такъ сказать, выдержки, военной дисциплины*, отваги, находчивости, практической споровки и житейской мудрости, точности, умѣнья найтись въ тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ, равно какъ и въ хозяйственныхъ и организаторскихъ способностей. И еслибы авторъ, понимая вышесказанное, сравнилъ пространство русскаго и прусскаго государствъ, а также россійскаго государства и вообще всей Германіи (слишкомъ 410 тысячъ кв. миль и 10 тысячъ кв. миль), то онъ легко могъ бы вывести заключеніе о качественности указанныхъ чертъ характера и способностей русскихъ, сравнительно съ пруссаками. Такой выводъ, въ связи съ пониманіемъ того, что русскимъ, кромѣ отмѣченныхъ, присущи еще и другія знаменательныя черты характера, именно: самообладаніе, гражданская и религіозная гуманность, постоянное стремленіе къ водворенію на землѣ возлюбленной русскимъ народомъ «правды-матери», откровенность, энергія и самоотверженность въ борьбѣ за національную самобытность и независимость, вмѣстѣ съ высокоразвитыми чувствами патриотизма, чести, великодушія и состраданія, естественно, показали бы г. Ланину, насколько смѣшна и неосновательна его тенденціозная характеристика русскаго народа, какъ велѣны и несоотвѣтственны приписываемыя имъ русскому народу черты характера. И надо думать, что при внимательномъ отношеніи къ вопросу авторъ понялъ бы, наконецъ, какъ не можетъ не понять этого всякій, кто бы онъ ни былъ, русскій или не русскій, что совершенный русскимъ народомъ его историческій трудъ,—трудъ медленный, упорный и тяжелый,—великъ и важенъ, а также и то, что народъ совершившій его, исторически живучъ, культуренъ и высокодаровитъ** и, слѣдовательно, не можетъ служить предметомъ издѣвательствъ анонимныхъ «сочинителей», недоразвившихся даже до пониманія нравственныхъ обязанностей образованнаго человѣка. Къ авторамъ подобнаго рода «сочиненій» о Россіи, само собою разумѣется, возможно лишь презрительное отношеніе.

Заканчивая нашъ отзывъ о книгахъ: «Russische Zustände» и «Die Todsünden Russlands», мы считаемъ необходимымъ лишь обратить вниманіе еще разъ на отношеніе современной западно-европейской публицистики къ вопросамъ, разсматриваемымъ въ

* Кстати замѣтимъ, что г. Ланинъ пытается осмѣять эту дисциплину (см. 12 стр.) и понятно впадаетъ въ одно изъ свойственныхъ его «сочиненію» противорѣчій, такъ какъ забываетъ не только законы историческаго развитія народовъ вообще, но и милитаризмъ Пруссіи, въ частности.

** См. брошюру М. О. Кояловича: «Историческая живучесть русскаго народа и ея культурныя особенности». Спб. 1883.

разнаго рода «сочиненіяхъ», составляемыхъ анонимными и имъ подобными авторами. Съ означенною цѣлью, въ видахъ иллюстрированія задачъ и цѣлей западноевропейской публицистики въ ея отношеніяхъ къ Россіи, оказывается умѣстнымъ привести, напри- мѣръ, тотъ отзывъ, который, какъ это отмѣчено уже въ настоящей замѣткѣ, своевременно былъ сдѣланъ нѣмецкой газетой «Berliner Tageblatt» о книгѣ г. Ланина. Вотъ этотъ отзывъ въ переводѣ на русскій языкъ. «Мы печатаемъ отрывокъ изъ I тома сочиненія: «Russische Zustände», составленнаго г. Ланинымъ, переведеннаго съ англійскаго на нѣмецкій языкъ Рудольфомъ Дилитцемъ и только что изданнаго Л. Элерманомъ въ Дрезденѣ. Въ этой книгѣ, кото- рую мы можемъ настоятельно рекомендовать нашимъ читателямъ, авторъ показываетъ политическія и общественныя условія, служа- щія основаніемъ тѣхъ явленій, которыми страдаетъ огромное рус- ское государство и которыя въ послѣдніе годы преимущественно обращали постоянно наши взоры на Востокъ. Авторъ, скрывающій себя подъ псевдонимомъ г. Ланина, имѣлъ въ распоряженіи необык- новенныя средства и особенные пути,* чтобы рассказать то, что до настоящаго времени успѣшно скрывалось отъ сосѣдей Россіи».**

Послѣ всего сказаннаго относительно особенностей и содержанія названныхъ книгъ о Россіи, мы, въ виду приведеннаго отзыва нѣмецкой газеты, можемъ, по поводу образа дѣйствій западноевро- пейской публицистики по отношенію къ русскому государству, дѣйствительно лишь сказать, что «diese Dinge bedürfen wohl keines Kommentars».

14 окт. 1892.

Варшава.

В. Истоминъ.

В. И. Ламанскій. ПИСЬМА П. И. ПРЕЙСА М. С. КУТОРГЪ, И. И. СРЕЗ- НЕВСКОМУ, П. О. ЩАФАРИКУ, КУРШАТУ И ДР. (1836—1846) МА- ТЕРИАЛЫ КЪ ИСТОРИИ СЛАВЯНОВѢДѢНІЯ. СПБ. 1892.

Въ послѣднее время лучшимъ изъ нашихъ умершихъ славистовъ воздана въ русской литературѣ подобающая честь: печатаются ихъ письма, дневники, появляются біографическіе очерки ихъ.

* Мы видѣли выше, какими источниками пользовался г. Ланинъ при со- ставленіи своей книги; что касается его «путей», то они дѣйствительно могутъ быть названы «особенными», такъ какъ ложь и клевета не причисляются обык- новенно къ прямымъ путямъ.

** «Berliner Tageblatt», № 376 за 1892 г. Abend-Ausgabe, отъ 15 іюля.

Нынѣ В. И. Ламанскій издалъ матеріалы для біографіи одного изъ своихъ предшественниковъ по кафедрѣ, именно «Письма П. И. Прейса»—перваго преподавателя славяновѣдѣнія въ спб. университетѣ. Ранѣе эти письма были помѣщены въ редактируемой проф. Ламанскимъ «Живой Старинѣ». Письма обнимаютъ время съ 1836—46 г. и представляютъ особый интересъ въ томъ отношеніи, что переносятъ насъ въ ту знаменательную въ исторіи славяновѣдѣнія эпоху, когда въ русскихъ университетахъ впервые основывались кафедры исторіи и литературъ славянскихъ нарѣчій, избирались первые замѣстители ихъ и затѣмъ отправлялись для лучшаго приготовленія къ профессорству въ славянскія земли. Имена первыхъ избранниковъ—Бодянского, Прейса, Срезневскаго, Григоровича—достаточно убѣждаютъ, что выборы эти были весьма удачны. Этому обстоятельству славянская наука обязана въ значительной степени своимъ быстрымъ развитіемъ въ Россіи. Изъ нихъ Прейсу менѣе всѣхъ суждено было послужить этой наукѣ, но онъ общалъ ей большую жатву. «Въ лѣтописяхъ слав. науки—говоритъ проф. Ламанскій—Прейсу по праву принадлежитъ почетное мѣсто. Въ исторіи славяновѣдѣнія, по времени и по ученой подготовкѣ, по дарованіямъ и по заслугамъ, Прейсъ стоитъ непосредственно за Добровскимъ, Востоковымъ, Копитаромъ и Шафарикомъ. Въ Россіи и вообще въ славянствѣ онъ является первымъ по времени крупнымъ ученымъ въ области сравнительнаго языкознанія и первымъ критикомъ Бопповой грамматики. Въ Россіи и вообще въ славянствѣ онъ былъ и первымъ ученымъ знаткомъ литовскаго языка. Онъ же въ Россіи является и первымъ отличнымъ изслѣдователемъ славянскихъ древностей. Уже въ 1843 г. ему ясны были разные недочеты, пробѣлы и недостатки знаменитаго труда Шафарика «Славянскія древности». Небольшія статьи его о церковно-славянскомъ языкѣ, о средне-болгарскомъ нарѣчій, о глаголической письменности, объ эпической поэзіи у сербовъ и проч., явившіяся съ полвѣка тому назадъ, и теперь должны быть рекомендуемы всѣмъ начинающимъ славистамъ, какъ работы образцовыя. Въ этомъ отношеніи они раздѣляютъ рѣдкую честь въ славяновѣдѣніи, за одно съ разными статьями и изслѣдованіями Добровскаго, съ «Разсужденіемъ и Фил. наблюденіями» Востокова.

Прейсъ родился въ псковск. губ. въ 1810 г. Онъ былъ сынъ иностраннаго подданнаго, музыканта, католич. исповѣданія (возможно предположить—чеха или моравянина), воспитывался въ спб. унив-тѣ, усердно занимаясь вмѣстѣ съ тѣмъ чтеніемъ книгъ въ Имп. публ. бібліотекѣ. За нѣсколько мѣсяцевъ до окончанія курса онъ былъ назначенъ (1828 г.) учителемъ русск. яз. въ дерптскую гимназію. Дерптъ съ университетомъ, въ которомъ Прейсъ нашелъ благоустроен-

ную извѣстнымъ Эверсомъ библіотеку, и куда вскорѣ собрался, въ проф. институтъ кружокъ русскихъ кандидатовъ (другъ его М. С. Куторга, Шеляревскій, Порошинъ, Чивилевъ, Калмыковъ)—возымѣлъ благотворное вліяніе на дальнѣйшее развитіе будущаго слависта. Втеченіе 10 л. Прейсъ неустанно трудился въ области языкознанія, и изъ него выработался отличный ученый, почему на немъ и остановилось общее мнѣніе знавшихъ его профессоровъ спб. унив-та, какъ наиболѣе подготовленномъ кандидатѣ, когда зашла рѣчь о замѣшеніи открывавшейся здѣсь слав. кафедрѣ. Но ранѣе поѣздки въ слав. земли Прейсъ втеченіе 10 м. занимался слав. языкознаніемъ подъ руководствомъ Востокова. Къ этому времени относятся двѣ напечатанныя проф. Ламанскимъ записки Прейса: одна—объ его занятіяхъ съ 1823—39 г., о томъ, «какъ онъ понималъ задачу славянской филологіи, какія средства употреблялъ къ рѣшенію оной и наконецъ чего ему не доставало»; вообще же «не въ Прагѣ онъ началъ свое приготовленіе къ новому призванію, но въ С.-Петербургѣ»; вторая записка—одобренный Востоковымъ планъ путешествія Прейса по заграничнымъ слав. землямъ. Здѣсь, между прочимъ, намѣчается, что «отправляющійся туда обязанъ исключительно имѣть въ виду изученіе языковъ и литературъ славянскихъ. Древности, исторія, палеографія и т. д., также пересмотръ архивовъ не должны отвлекать его отъ главной цѣли. Так. обр. излишне, кажется, путешествіе по странамъ, гдѣ славянское населеніе исчезло и гдѣ находятся одни только памятники чисто историческіе, но не литературныя... Для изслѣдованія славян. языковъ становится чрезвычайно настоятельнымъ изученіе литовскаго языка».

Разумѣется всея подробности предполагаемаго плана путешествія Прейсъ не могъ выполнить прежде всего за недостаткомъ времени, но самый характеръ путешествія выдержанъ имъ до конца: всюду онъ интересовался стариною, прошедшимъ. Настоящее преимущественно интересовало его тогда, когда оно объясняло прошедшее.

Въ исходѣ 1839 г. началось славянское путешествіе Прейса, втеченіе котораго онъ весьма много трудился, почти не зная отдыха, нерѣдко встрѣчалъ разныя затрудненія и даже лишенія (напр. подчасъ страпствовалъ пѣшкомъ) и вынесъ тяжелую болѣзнь. Но ничто неспособно было остановить его при выполненіи поставленной себѣ задачи для путешествія.

Во время своихъ ученыхъ поѣздокъ Прейсъ осматриваетъ достопримѣчательности, дѣлаетъ поиски въ архивахъ (въ Кенигсбергѣ ему грубо отказали выдать копію съ акта XIII в. по исторіи Литвы), списываетъ рукописи (какъ литовскія у Резы, въ Загребѣ Винодолскій, Терсач. законъ, въ Вѣнѣ и т. д.), слышаетъ въ Вѣнѣ выписки

съ подлинниками Георгія Амартола и Аѳанасія, работаетъ въ бібліотекахъ въ Познани у Рачинскаго, берлинской, дрезденской (здѣсь «добрый Клетш замыкалъ Прейса въ бібліотеку и отпиралъ опять для выпуска этого книго- и рукописе-яднаго животнаго»), у Гая и др. «Сборники мои—замѣчаетъ Прейсъ—миѳологическіе, грамматическіе, лексикальные, юридическіе растутъ, растутъ. Я ихъ показывалъ Шафарыку; онъ очень ими доволенъ, особенно моимъ древнеславянскимъ и древнерусскимъ словаремъ, изъ которыхъ и на его долю немало перепало». Лишне упоминать, что Прейсъ скупалъ, по возможности, всѣ необходимыя для него, почему-либо замѣчательныя или неимѣющіяся у него подъ рукою, книги.

По пути нашъ славистъ знакомится съ выдающимися мѣстными учеными, посѣщаетъ лекціи знаменитыхъ профессоровъ, старается разрѣшить себѣ недоумѣнные вопросы науки, услышать ея послѣднее слово, овладѣть ея результатами. Хотя Прейсъ сблизился со многими изъ нѣмецкихъ ученыхъ, но они не только не вызвали въ немъ удивленія, но не видно даже, чтобы они обогатили его новыми знаніями: очевидно Прейсъ стоялъ тогда на уровнѣ тогдашней нѣмецкой учености. Онъ помѣрился силами даже съ Боппомъ. «Весь мой разговоръ съ нимъ—сообщаетъ Прейсъ въ письмѣ своемъ Куторгѣ—составлялъ оппозицію его мнѣніямъ. Замѣчанія моя на его сравн. грамматику я доставилъ ему письменно; онъ былъ ими очень доволенъ. Изъ Праги, какъ только удосужусь, пошлю ему еще нѣсколько замѣчаній... Притомъ, теперь вышелъ первый томъ его санскритскаго словаря, въ которомъ онъ далъ мѣсто и славянскимъ языкамъ. Нельзя же оставить безъ Gegen-Bemerkungen». Немногіе нѣмецкіе ученые оставили въ нашемъ путникѣ добрыя воспоминанія: въ Берлинѣ—Риттеръ, Бенари и Боппъ, въ Галлѣ—Поттъ и Репель, и др. Вообще Прейсъ спѣшилъ покинуть непривѣтливую Пруссію, чтобы очутиться въ еще болѣе непріятной для него Австріи.

Съ первыхъ же дней своего путешествія Прейсъ принялся за изученіе литовскаго языка и слав. нарѣчій, вѣрище сказать—лучшее ихъ усвоеніе, такъ какъ онъ ранѣе былъ ознакомленъ съ ними. Въ Кенигсбергѣ, гдѣ онъ впервые встрѣтился съ такимъ же путешественникомъ, И. И. Срезневскимъ, и подружился съ нимъ, принялся при содѣйствіи извѣстнаго литвиниста Резы, за литовскій языкъ. «основательное изслѣдованіе его». «Учусь—замѣчаетъ Прейсъ—собственно у одного студента, природнаго литвина (это былъ Куршатъ, извѣстный составитель грам. и слов. литовскаго), котораго Реза мнѣ рекомендовалъ. Я очень доволенъ его уроками. Сверхъ того ежедневно въ ¹/₂₇ утра является ко мнѣ унтеръ-офицеръ-литвинъ, съ которымъ стараюсь конверсировать». Польскій языкъ Прейсъ изучилъ при со-

*

дѣйствиі лексикографа Мронговіуса (въ Данцигѣ), Войковскаго и Лукашевича въ Познани. Сербское нарѣчіе онъ усвоилъ случайно еще въ Берлинѣ. Тутъ познакомили его съ переводчицей сербскихъ пѣсенъ, «превосходною» г. «Тальви». «Не имѣя лексикона, онъ съ помощью ея перевода наострился въ сербскомъ». Затѣмъ учителемъ его былъ Вукъ Караджичъ. Вукъ, по словамъ Прейса, ориѣно сунце; сербская пѣсня—Иліада нашего времени, сербскій языкъ—прелесть прелестей. По-чешски Прейсъ впервые услышалъ съ особенною радостью отъ жившихъ въ Галлѣ двухъ угорскихъ словаковъ. «Не мало и ихъ удивило мое замѣчаніе — пишетъ онъ—когда я имъ указывалъ на не-богемскія особенности ихъ языка. Они болѣе говорятъ словацкимъ, нежели богемскимъ нарѣчіемъ. Я не въ первый разъ благодарилъ душевно Я. Гримма за методу: только строгое сравнит. изученіе слав. языковъ могло мнѣ дать нить для странствованія по лабиринту діалектовъ». Уроки чешскаго нарѣчія сначала бралъ у Франты, а потомъ у Челяковскаго. Въ Лейпцигѣ Прейсъ нашелъ рукописный словарь верхне-лужицкаго нарѣчія, и—разумѣется—«проглотилъ его цѣликомъ». Болгарскимъ языкомъ (составленіемъ грамматики и лексикона) Прейсъ занимался въ Прагѣ, на основаніи пособій, данныхъ ему Шафарикомъ.

Въ чешскую Прагу—средоточіе въ то время слав. науки—Прейсъ пріѣхалъ точно въ родной городъ. Прага и Чехія представляли особый интересъ въ ту пору начинавшагося возрожденія чешской народности. Но и тутъ онъ явился не въ роли безгласнаго ученика, а какъ самостоятельный ученый, открыто высказывавшій свое сужденіе и по чешскимъ дѣламъ.

Оригинальныя наблюденія и сужденія Прейса. «Всѣхъ болѣе мнѣ полюбился—какъ призывается Прейсъ—Шафарикъ, человекъ въ высшей степени скромный, полной души и сердца и вовсе не фанатикъ... Я вижу съ нимъ каждый день, сообщаю ему замѣчанія свои на счетъ его труда. Онъ принимаетъ спокойно, видя, что я изучалъ его трудъ глубже, нежели его панигиристы. Онъ часто спрашиваетъ моего мнѣнія о нѣкоторыхъ мнѣніяхъ, изложенныхъ имъ въ разныхъ его сочиненіяхъ. Я отвѣчаю ему, какъ меня Богъ создалъ, прямо, откровенно; о чемъ не имѣю положительнаго мнѣнія, говорю, что не изучалъ еще этого предмета. Другой ученый, съ которымъ я также ежедневно схожусь за обѣдомъ, это—Палацкій, глубоко изучившій исторію Богеміи и пока единственный ея знатокъ. Онъ сожалѣетъ, что здѣсь онъ ведетъ объ исторіи Богеміи монологъ съ самимъ собою: некому перелать своихъ мыслей, нѣтъ людей, отъ которыхъ бы могъ услышать *Gegen-Bemerkungen*. Сверхъ того Палацкій отличный знатокъ искусствъ. Теперь онъ печатаетъ древніе акты на

богемскомъ языкѣ: это совершенно новая исторія». Что касается другихъ чешскихъ корифеевъ, то о Ганкѣ въ матеріалахъ мы не находимъ отзыва, но о Челяковскомъ нашъ ученый замѣтилъ: «это добрый весельчакъ»...

«У Шафарика собрано столько превосходныхъ матеріаловъ—продолжаетъ далѣе Прейсъ—печатныхъ и рукописныхъ, что я почелъ долгомъ не пропустить случая заняться—елико возможно—изученіемъ ихъ. Многое нашлось и въ здѣшнемъ музеѣ. Я прошелъ съ Шафарикомъ его «Древности», и почти на каждой страницѣ представлялся случай къ замѣчаніямъ, поправкамъ, дополненіямъ и т. д. При этой okazji я имѣлъ возможность наблюдать этого человѣка, какъ человѣка и какъ ученаго. Въ первомъ отношеніи онъ едва ли не болѣе меня удовлетворилъ. За исключеніемъ Юнгмана и Пресляви кто въ Богеміи съ нимъ не выдержитъ сравненія какъ лица нравственныя».

Чешская литература представлялась въ то время Прейсу въ невыгодномъ свѣтѣ, но онъ не могъ не замѣчать и благотворнаго въ ней движенія впередъ. Бывшіе тогда въ Прагѣ русскіе слависты (Прейсъ и Срезневскій) яснѣе видѣли разныя аномаліи въ чешской народной жизни и всюду высказывали чехамъ новые отрезвляющіе взгляды. Исторія писалась по-нѣмецки; народныхъ историческихъ пѣсенъ нѣтъ. Большая часть чешск. писателей не имѣли опредѣленнаго понятія о томъ, что имъ надобно было дѣлать; критики у нихъ не существовало; они погрязли въ пучинѣ этимологій и «новословокованій», занимались несвоевременнымъ составленіемъ чешскаго словаря. Между тѣмъ русскіе слависты признавали, что чешск. писатели должны прежде всего сбросить ярмо вѣм. взглядовъ, нѣм. синтаксиса и ближе знакомиться съ литературами др. слав. вѣтвей, съ своей собственной древней, особенно съ своей народностью. «Наше пребываніе въ Прагѣ будетъ полезно молодому поколѣнію литераторовъ», замѣчаетъ Прейсъ.

Затѣмъ Прейсъ поѣхалъ въ Вѣну, гдѣ выдался съ Н. И. Надеждинымъ, Вукомъ и Копитаромъ, котораго онъ «могъ уважать только какъ ученаго». Предположенная было поѣздка цѣлымъ кружкомъ изъ Триеста по землямъ сербскаго населенія—не состоялась, и Прейсъ съ Срезневскимъ, послѣ побывки въ Венеціи, совершили мучительно-утомительное путешествіе по Истріи, Далмаціи съ островами, Черногоріи (въ Цетинѣ видѣли башню, увѣшанную головами турокъ), и чрезъ Фіумъ (Прейсъ началъ хворать) въ авг. прибыли въ Загребъ. Отсюда предполагали поѣхать чрезъ Боснію (которую никто изъ русскихъ еще не посѣщалъ) въ Сербію и Болгарію, не изслѣдованную Бодянскимъ. Въ Загребѣ Прейсъ долго ожидалъ присылки денегъ изъ Россіи, почему вѣроятно и отсталъ отъ Срезневскаго, съ которымъ уже встрѣтился снова въ с. Угрии, у словаковъ, гдѣ

онъ сильно заболѣлъ. Въ Загребѣ Прейсъ воочію видѣлъ и радовался, какъ расло и живительно дѣйствовало народно-славянское движеніе въ Хорватіи. Онъ и самъ воодушевлялъ мѣстныхъ дѣятелей, содѣйствовалъ ихъ учено-литературнымъ предпріятіямъ, припасая между прочимъ пособія и матеріалы и для своей каведры. Въ эту пору онъ сблизился съ Гаемъ, Ярникомъ, Вразомъ, Раковадемъ и др. Послѣ Загребской стоянки Шрейса, въ его письмахъ есть почти годовой перерывъ.

16 ноября 1842 г. Прейсъ «въ качествѣ воскресшаго изъ мертвыхъ» прибылъ въ Спб., скоро открылъ въ ун-тѣ курсъ свой блестящевступ. лекціей, его стали все болѣе и болѣе цѣнить, предлагали ему читать лекціи въ педагогическомъ инс-тѣ и публичныя; звали завѣдывать рукописнымъ отдѣленіемъ публичной библиотеки, уже начались живныя плодотворныя сношенія его изъ Россіи съ слав. учеными, но надломленныя силы нашего ученаго все угасали... 10 мая 1846 г. Прейсъ скончался. Въ приложенияхъ къ матеріаламъ, изданнымъ нынѣ г. Ламанскимъ, помѣщены: письма о трудахъ и бумагахъ Шрейса; письма В. Ганки, Срезневскаго и Бодянскаго, а также два современныхъ некролога.

Въ заключеніе нельзя не отмѣтить одной особенности: отношенія нашихъ первыхъ славистовъ между собой, судя по обнародываемымъ нынѣ письмамъ, были искренне-дружескія, единодушіе между ними было полное, трогательно-умилительное. я. з.

Н. П. Страховъ. Воспоминанія и отрывки (Аѳонъ.—Италія.—Крымъ.—л. н. Толстой.—Справедливость, милосердіе и святость.—Последній изъ идеалистовъ.—Стихотворенія). Спб. 1892.

Г. Страхову пришла счастливая мысль — издать новый сборникъ своихъ, частью напечатанныхъ ранѣе, а частью новыхъ статей,—мысль, за которую будутъ ему весьма благодарны его многочисленные читатели и почитатели его пера, его проводимой печатью мысли, всегда ясной, свѣжей, оригинальной и интересной. При разнообразіи статей сборникъ имѣетъ внутреннюю связь, такъ какъ въ него вошли статьи, касающіяся гл. обр. вопросовъ нравственности и эстетики. Поѣздка автора на Аѳонъ внушила ему написать яркую картину природы Св. Горы и быта ея отшельниковъ. Кромѣ того авторъ, очертивъ свѣтлыя стороны иноческой жизни, отвѣтилъ на существенные вопросы о ней, показалъ смыслъ и значеніе монашескаго подвига. Прекрасныя ст.: «Изъ поѣздки въ Италію» и Два письма изъ Рима» трактуютъ о связи искусства съ жизнью и что

можетъ представлять истинный источникъ искусства. «Ночь на Дидѣрѣ» явилась въ свое время по поводу картины Куинджи. Большая ст.: «Толки о Л. Н. Толстомъ», возбуждая года полтора назадъ такой живой интересъ въ нашемъ обществѣ и продолжительную полемику, и теперь продолжаетъ наиболее авторитетно отвѣчать на несмолкаемые толки о нашемъ великомъ писателѣ. Къ этой ст. непосредственно примыкаетъ «Отвѣтъ на письмо неизвѣстнаго». Статьи: «Справедливость, милосердіе и святость», и «Поминки по А. Григорьевѣ» прочтутся также съ большимъ интересомъ. «Теорія благополучія» представляетъ разборъ сочиненій г. Авдѣева. Наконецъ, «Послѣдній изъ идеалистовъ» (отрывокъ изъ неизданной повѣсти) и стихотворенія появляются впервые въ печати и несомнѣнно будутъ приняты съ обычнымъ удовольствіемъ. **2.**

Н. Колупановъ. Биографія Александра Ивановича Кошелева. т. II. возвратъ къ общественной и литературной дѣятельности (1832—1856). М. 1892.

Новый трудъ г. Колупанова даетъ много интереснаго матеріала для характеристики описываемой имъ эпохи въ русской общественной, въ особенности московской жизни. Въ частности, любопытны давняя относительно издательской дѣятельности А. И. Кошелева («Русская Бесѣда», «Молва», «Парусь»), путешествія его по слав. землямъ и участіе его въ дѣлѣ разработки Положенія объ освобожденіи крестьянъ. Въ 13 Приложеніяхъ напечатаны статьи, письма, мнѣнія, проекты и отрывки изъ Дневника Кошелева. Любопытно письмо Кошелева къ Имп. Александра II и Записка о денежныхъ средствахъ Россіи въ продолженіе крымской войны.

Кошелевъ часто путешествовалъ по Европѣ, всегда старался видѣться съ выдающимися дѣятелями извѣстной страны и записывалъ свои бесѣды съ ними. Въ 1849 г. въ Парижѣ онъ видѣлъ между прочимъ Мицкевича. «Сегодня поутру—разсказываетъ Кошелевъ о своемъ посѣщеніи его—былъ я у Мицкевича, котораго нашелъ весьма постарѣвшимъ и крайне грустнымъ. Мицкевичъ совершенно сѣдъ и видно, что нервами весьма разстроенъ. Мы много говорили съ нимъ о Парижѣ, о французахъ, о Россіи, о славянахъ, о Польшѣ. Мицкевичу французы надоѣли жестоко своимъ корыстолюбіемъ, хвастовствомъ и безчувствіемъ, но онъ не отчаивается въ ихъ будущности. Онъ предвидитъ для Франціи еще много революцій, для коммунизма—непремѣнное и хотя самое кратковременное торжество. О Россіи Мицкевичъ говоритъ съ уваженіемъ и даже съ чувствомъ: онъ называетъ время, проведенное въ Москвѣ, счастливѣйшимъ въ

его жизни... Онъ вполне убѣжденъ, что Польша можетъ соединиться и получить опять политическое бытіе не иначе, какъ чрезъ Россію и по ея милости, что отъ Европы полякамъ ожидать нечего. Мицкевичъ мнѣ сказывалъ, что изъ Франціи поляковъ гонять и что недавно ему было назначено *trois fois vingt quatre heures* для выѣзда, но онъ кое какъ упресилъ министра. Мицкевичъ весьма желаетъ, чтобы Государь нашъ показалъ болѣе сочувствія къ славянамъ и чтобы открытѣе дѣйствовалъ въ ихъ пользу» (203. Въ 1857 г. Кошелевъ видѣлся со многими изъ слав. передовыхъ людей. Ганка былъ тогда еще бодръ. Онъ весьма желалъ, чтобы въ Прагѣ былъ русскій консулъ и чтобы одна изъ запертыхъ церквей выдана была восточному православію: чехи не такіе ужъ крайніе католики. Шафарихъ уже угасалъ, но не духомъ. Онъ свидѣтельствовалъ, что въ Чехіи народное направленіе было тогда глубже, серьезнѣе и общѣе, чѣмъ прежде, хотя въ немъ бодрости, силы и генія несравненно менѣе. Чешскіе вельможи были во вражьемъ стану... не говорили по-чешски; но народъ говорилъ и учился въ школахъ по-чешски. 3

Еп. Порфирій (Успенскій). Востокъ христіанскій. Аѳонъ. исторія аѳона. ч. III. Аѳонъ монашескій. I, судьба его съ 911 по 1861 годъ. отд. второе. изд. имп. академіи наукъ. спб. 1892.

Академія наукъ, согласно завѣщанію покойнаго еп. Порфирія, пожертвовавшаго ей всѣ свои бумаги и капиталъ (24 т. р.) на изданіе ихъ, приступила къ печатанію сочиненій нашего востоковѣда. Первые два тома и первое отдѣленіе третьяго изданы были еп. Порфиріемъ въ Кіевѣ въ 1877 г. Исторія Аѳона составлена авторомъ на основаніи рукописныхъ и отчасти печатныхъ матеріаловъ не только объ Аѳонѣ, но и о Византіи, правосл. славянствѣ, прав. Востокѣ и отчасти о юж. Италіи. Вотъ ея содержаніе: Славянскіе монахи на Аѳонѣ изъ Болгаріи, Россіи и Сербіи. Рядъ Греч. царей послѣ Іоанна Комнина. Внутреннее разстройство Греч. государства и раздробленіе его. Состояніе Аѳона въ показанное время. Страданія аѳонитовъ отъ латинявъ и защита ихъ отъ рим. папы. Кіевопечерскій арх. Досіеѣй на Аѳонѣ. Тогдашнее келейное правило святогорцевъ. Аѳонъ подъ властью царей болгарскихъ. Даръ ц. Іоанна Ватаци аѳ.-хиланд. монастырю. Щедроты Михаила П. Появленіе уніи на Св. Горѣ. Изгнаніе отсюда евнуховъ. Аѳонъ при ц. Андроникѣ Ст. Передача аѳ. монастырей подъ власть всел. патріарха. Внутренній бытъ святогорск. монастырей въ XIV ст. Водвореніе турецкаго ига на Аѳонѣ. Пособія ему. Толки о вѣрѣ на Аѳонѣ, о богослуженіи, стѣнномъ иконописаніи, книжн. дѣлѣ и житіи ивоческомъ. I. Ж—въ.

Иванцовъ-Платоновъ, А. М. Къ изслѣдованіямъ о Фотіи, патріархъ константинопольскомъ, по поводу совершившагося тысячелѣтія со времени кончины его. спб. 1892. (стр. 31+190).

Замѣчательная книга проф. о. А. М. Иванцова-Платонова представляет собою отраднѣйшее и можно сказать даже капитальнѣйшее (въ научномъ отношеніи) явленіе въ многочисленной литературѣ по исторіи патр. Фотія. Книга содержитъ въ себѣ ясный, точный научно-критическій обзоръ всѣхъ источниковъ и пособій для исторіи п. Фотія. «Для исторіи Фотія, говоритъ авторъ, имѣется громадная масса матеріала, но этотъ матеріаль до крайности затемненъ и перепутанъ; о Фотіѣ писано множество изслѣдованій, но самая почва въ этихъ изслѣдованіяхъ остается еще слишкомъ зыбкою, засоренною разными предубѣжденіями и искаженіями; приемы для изслѣдованія самые тенденціозные и искусственные, потому и въ выводахъ крайній произволъ и противорѣчія. При такомъ положеніи дѣла, говоритъ авторъ, наиболѣе твердою задачей науки относительно Фотія, по нашему убѣжденію, остается — получше разобратся въ матеріаль, освѣтитъ поле для правильнаго изслѣдованія, по возможности расчистить почву отъ предубѣждений и искаженій, установить твердые научные приемы изслѣдованія или, по крайней мѣрѣ, устранить ложные, искусственные, путающіе дѣло» (стр. 3—4). Вотъ эту-то задачу и взялъ на себя авторъ разсматриваемой книги и выполнилъ ее блистательно, съ поражающей эрудиціей источниковъ и многочисленной ученой литературы предмета на разныхъ европейскихъ языкахъ—древнихъ и новыхъ до мельчайшихъ даже статей спеціально въ русской литературѣ, при серьезномъ научно-критическомъ къ ней отношеніи, однимъ словомъ—съ полнымъ знаніемъ дѣла и неоспоримою опытностію солиднаго ученаго. Книга его состоитъ собственно изъ двухъ отдѣловъ. Въ I отдѣлѣ (1—31 стр.) содержатся основныя положенія изслѣдованія, изложенныя ясно, точно и сжато, вмѣстѣ съ тѣмъ и крайне живо, такъ что несмотря на ученый характеръ выводовъ и обобщеній автора изслѣдованіе его, представляющее собою въ этой именно части Рѣчь (произнесенную на торжественномъ собраніи моск. ун-та 12 января 1892), можетъ быть доступно и интересно не для однихъ только ученыхъ, но и вообще для образованныхъ читателей или бывшихъ ея слушателей. II отдѣлъ (1—190 стр.) состоитъ изъ однихъ только примѣчаній (приложеній), напечатанныхъ мелкимъ шрифтомъ, такъ что изъ однихъ этихъ примѣчаній—если бы напечатать ихъ одинаковымъ съ самымъ текстомъ Рѣчи шрифтомъ—составилась бы книга вдвое болѣе настоящей. Въ этихъ примѣчаніяхъ (приложеніяхъ) подробно разъясняются и подтверждаются всѣ высказанныя въ текстѣ положенія: примѣчанія

служать подробнымъ комментариемъ не только къ каждому положенію, но и къ каждому почти выраженію, оговоркѣ въ текстѣ и пр. Почему именно разсматриваемая книга получала такой видъ или иначе — такую «форму изложенія», — объясняетъ это ясно и поучительно самъ авторъ. «Форма изложенія, избранная нами, говоритъ онъ, обуславливалась не только частнымъ случаемъ, по поводу котораго мы писали свое изслѣдованіе (Рѣчь); но, кромѣ того, она обуславливалась и самымъ предметомъ изслѣдованія. Въ серьезномъ изложеніи исторіи Фотія пока еще нельзя высказать почти ни одного положенія, не сопровождая его разными оговорками, ограниченіями, разъясненіями, опроверженіями противорѣчащихъ мнѣній и т. д.». «Избранная форма изложенія представлялась намъ — говоритъ еще авторъ — наиболее удобною еще и въ томъ отношеніи, что вотъ здѣсь-то въ отдѣльныхъ примѣчаніяхъ мы свободно могли высказывать свои соображенія и предположенія, не навязывая ихъ читателю заразъ, вмѣстѣ съ несомнѣнными положеніями въ одномъ цѣльномъ и связномъ изложеніи. Развивая отдѣльныя положенія сочиненія порознь, мы могли отгнѣять ихъ различными степенями рѣшительности сужденія, и читателямъ болѣе могло оставаться удобства, припимая одни положенія, отбрасывать другія, какъ неприемлемыя» (Прил., стр. 187—8). Мы привели эти выдержки изъ разсматриваемой книги отчасти для того, чтобы видѣть, съ какою осторожностію, даже съ какою щепетильною внимательностію авторъ относился къ результатамъ своего изслѣдованія: потому-то научная осторожность автора, при глубокой его эрудиціи, и привела его къ такимъ глубокопоучительнымъ результатамъ, какіе мы видимъ въ строго-научномъ его изслѣдованіи. При разсмотрѣніи источниковъ и вообще литературы по исторіи Фотія авторъ встрѣчался конечно съ массою «запутанностей, противорѣчій, ложныхъ истолкованій, тенденціозныхъ умолчаній и прямыхъ вымысловъ и подлоговъ». И разоблачая «все это ложное, искусственное, тенденціозное», онъ не увлекался однако какими-нибудь посторонними цѣлями въ ущербъ исторической истинѣ. Не обходя ничего дѣльнаго и справедливаго, что высказано было прежними изслѣдователями Фотіевой исторіи — западными то писателями, или восточными, — онъ однако самостоятельно ставитъ на почву научную и свои положенія, подкрѣпляя ихъ твердыми основаніями, причемъ ясно отдѣляетъ отъ твердыхъ положеній научныя предположенія и догадки, высказывая ихъ только предположительно. Вообще, научный объективизмъ, строгая разборчивость въ искаженіяхъ источниковъ, выдѣленіе ясно и твердо обоснованныхъ положеній отъ научныхъ предположеній въ интересахъ читателей и правильнаго пониманія исторической истинны — встѣ тѣ драгоценныя

качества, которыя придаютъ книгѣ особую цѣну и которыя даютъ ей право на руководственную роль при изученіи исторіи Фотія. Въ этомъ отношеніи сочиненіе проф. Иванцова-Платонова можетъ служить примѣромъ и для тѣхъ много-ученыхъ западныхъ изслѣдователей, которые при всей своей виѣшной учености не могли однако освободиться отъ традиціонныхъ предубѣжденій противъ личности и историческаго значенія Фотія. * «Если хотя и половина высказанныхъ нами мнѣній и предположеній, говоритъ авторъ, найдена будетъ заслуживающею вниманія, изложеніе Фотіевой исторіи на будущее время во многомъ должно измѣниться сравнительно съ тѣмъ, какъ она представлялась прежде»... (Прил., стр. 187). Да, мы съ этимъ вполне согласны и отъ души желаемъ, чтобы подъ вліяніемъ настоящей научно-критической работы автора начато было систематическое изслѣдованіе и изложеніе Фотіевой исторіи. Конечно, эта работа съ успѣхомъ, достойнымъ самаго дѣла, могла бы быть выполнена самимъ авторомъ разсматриваемой книги, который намѣчаетъ въ ней и путь, какимъ должна итти эта работа: «Пора перестать, говоритъ авторъ, излагать исторію Фотія по тѣмъ источникамъ, какіе доселѣ полагались въ основаніе ея, съ тѣхъ только сторонъ, съ какихъ она доселѣ почти исключительно разсматривалась, въ томъ освѣщеніи, въ какомъ представлялись факты и у большей части писавшихъ о Фотіѣ» (въ особености католическихъ и протестантскихъ ученыхъ). О Фотіѣ нельзя судить по показаніямъ его враговъ, каковыя показанія принимались нерѣдко за основаніе даже ученыхъ изслѣдованій писателей преимущественно католическихъ и протестантскихъ: «въ основаніе Фотіевой исторіи должно быть положено то, что всего прямѣе и непосредственнѣе отражаетъ его личность и жизнь, т. е. его собственныя письма и сочиненія», затѣмъ—разныя извѣстія источниковъ о положительныхъ сторонахъ дѣятельности Фотія—церковно-административной, миссіонерской, благотворительной и т. д., въ частности акты константинопольскаго собора 879—80 гг., на которомъ вторично возстановленъ былъ Фотій на патріаршемъ престолѣ, и др. данныя разнообразныхъ источниковъ, причемъ конечно необходимо, какъ можно точнѣе опредѣлить и постоянно имѣть въ виду относительное

* Всѣ занимавшіеся въ послѣднія десятилѣтія исторіею патр. Фотія знакомы конечно съ ученѣйшимъ трехтомнымъ нѣмецкимъ сочиненіемъ кардинала Гергеретера (изд. 1867—69) и вѣроятно знакомы съ тѣми особенностями въ его изслѣдованіи, которыя конечно въ большей степени характеризуютъ труды другихъ западно-католическихъ и даже протестантскихъ ученыхъ о Фотіѣ, противъ которыхъ нашъ авторъ ставитъ множество возраженій, высказываетъ цѣлый рядъ своихъ ученыхъ мнѣній, предположеній и пр.

значеніе и характеръ каждого памятника и сообразно съ этимъ пользоваться его показаніями. Каждое изъ своихъ требованій авторъ разъясняетъ, конечно, подробно и даетъ даже методическія указанія для деталей работы. Можно только пожелать, чтобы планъ этой работы поскорѣе осуществился, ибо «вопросъ о Фотіѣ несомнѣнно имѣетъ важное значеніе» не только «для всего православнаго міра, не говоря уже объ особенномъ значеніи его для православнаго славянства» (вѣдь св. Кирилль философъ—первоучитель славянъ—былъ ученикомъ и другомъ Фотія), но и для всего христіанства, такъ какъ «со времени Фотія начинается несчастное раздѣленіе между христіанскимъ Востокомъ и Западомъ», продолжающееся и до настоящаго времени. Авторъ вполне основательно цѣлитъ увѣренность, что при болѣе внимательномъ и серьезномъ изученіи «исторіи Фотія людьми безпристрастными все болѣе и болѣе будетъ выясняться значеніе его личности и дѣятельности для всего христіанства»: «во всякомъ случаѣ, его истинно-православные принципы, его глубокое пониманіе потребностей и состоянія церковной жизни, его необычайная пророчливость, его горячая ревность о твердости и свѣтлости церковнаго зданія должны получить признаніе у всѣхъ людей просвѣщенныхъ и принимающихъ къ сердцу интересы христіанства» (текстъ, стр. 30—1). А въ культурной исторіи, въ частности, греко-славянскаго міра патріархъ Фотій долженъ имѣть еще особое значеніе, обуславливающееся не только духовными его связями съ св. просвѣтителями славянъ, которые при немъ и можетъ быть при его участіи выступили съ своею духовно-просвѣтительною, вообще апостольскою миссіею къ славянамъ, не только архипастырскимъ попеченіемъ его о христіанскомъ просвѣщеніи нашихъ предковъ—«россовъ» (разумѣли подъ ними русскихъ славянъ или жившихъ рядомъ съ ними варяговъ), славянъ болгарскихъ, вѣроятно также сербовъ и хорватовъ, но въ особенности тѣмъ общимъ характеромъ его дѣятельности, благодаря которой спасена была свобода восточной церкви, какъ основа самобытности славянской жизни и культуры, отъ чрезмѣрно развивавшагося властолюбіи Рима, успѣвшаго уже покорить вліянію латиногерманской Европы не малую часть славянства.

И. П—въ.

книжныя новости изъ Черногоріи

Несмотря на свои малые размѣры и вѣчное военное положеніе, Черногорія отъ времени до времени дѣлаетъ свои посильные вклады и въ литературу. Что касается поэзіи, она заняла въ ней почетное мѣсто съ именами своихъ господарей: владыки Петра II Нѣгоша

и кн. Николая, подъ поэтическимъ вдохновеніемъ котораго и теперь ни одинъ болѣе или менѣе важный фактъ изъ жизни народной, общественной и политической не проходитъ безъ того, чтобы его не воспѣла черногорская муза. Но и кромѣ поэзіи, Черногорія никогда не остается безъ своей собственной журнальной литературы. Кромѣ официальной газеты «Глас Црногорца», она имѣла журналы чисто литературные: Црногорка, Зета, Нова Зета, Просвѣта, Календарь Грлица, въ которыхъ рядомъ съ поэзіей и беллетристивой встрѣчаются статьи научнаго содержанія, касающіяся гл. обр. мѣстной исторіи и народной жизни. Какъ ни скромны эти изданія по размѣрамъ и преслѣдуемымъ ими задачамъ, они занимали свое, далеко не послѣднее мѣсто въ ряду другихъ европейскихъ журналовъ, и прекращеніе ихъ оставляетъ пробѣлъ въ цѣлой сербской литературѣ. Но прекращеніе это было неизбѣжно вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ. Такъ. Новая Зета прекратилась потому, что редактору ея, г. Л. Томановичу поручена редакція «Гласа Црногорца», оставшагося безъ редактора; «Просвѣта» сначала остановилась за болѣзнью его редактора г. І. Павловича, а со смертью его и совсѣмъ прекратилась, но стала издаваться вновь подъ ред. г. Сундечича.

Кромѣ періодическихъ, коллективныхъ изданій отъ времени до времени черногорскія литературныя силы заявляютъ себя и отдѣльными сочиненіями, на которыя мы и намѣрены указать за послѣднее время.

Прежде всего мы отмѣтимъ соч., вышедшее еще лѣтомъ прошлаго года. «Старине у Зети» Максима М. Шобаича. Београдъ. 1892, стр. 120. Сочиненіе это, хотя и вышло въ Бѣлградѣ, но вполне принадлежитъ Черногоріи какъ потому, что касается Черногоріи, такъ и потому, что авторъ его черногорецъ, проживающій въ настоящее время въ Сербіи, но написавшій его еще бывши дома. Считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ авторѣ. Это коренной черногорецъ, родомъ изъ села Шобаичей въ Бѣлопавличахъ (занимающихъ среднее теченіе р. Зеты), самоукъ, жившій нѣкоторое время съ отцомъ въ Сербіи, а потомъ вмѣстѣ со своими братьями открывшій торговлю въ Никшичѣ, гдѣ и теперь его братья остаются въ числѣ первыхъ и притомъ болѣе интеллигентныхъ торговцевъ; самъ же онъ года два назадъ, не видя болѣе необходимости мѣшаться въ торговлю, которую очень дѣльно ведутъ его младшіе братья, отправился въ Бѣлградъ, взявши съ собою дѣтей своихъ собственныхъ и своихъ братьевъ, такъ какъ тамъ больше средствъ для образованія, предается гл. обр. чтенію и литературѣ. Не обладая знаніемъ иностранныхъ языковъ, онъ довольно начитанъ въ сербской литературѣ, особенно исторической, подъ вліяніемъ

чего и развилось у него стремление къ изученію исторіи своей родины и древностей своего края. Первымъ соч. его было, «Бесмртни јунак» (Београд 1871, мал. 8°, стр. 6—88), въ которомъ онъ воспѣваетъ смерть владыки Петра II и воеводу Мирка Петровича (отца нынѣш. кн. Николая), а затѣмъ въ формѣ пѣсни передаетъ нѣсколько фактовъ изъ черногорской исторіи. Затѣмъ вышелъ его «Млади Црногорац или исторійски списи» (1873 г. 8°, 93). Здѣсь уже вся исторія и народное преданіе: описаніе всенныхъ дѣлъ во время кн. Данила и въ началѣ княженія кн. Николая; затѣмъ очерки изъ народной жизни въ старое время и наконецъ описаніе острожскаго монастыря съ исторіей его. Эта маленькая книжка въ высшей степени интересна, какъ по сообщаемымъ въ ней фактамъ изъ народной жизни, такъ и по взглядамъ автора. Онъ между прочимъ высказываетъ относительно какихъ-то старыхъ обитателей теперешней Бѣлопавлицкой долины—лужанъ весьма основательную догадку, что это могли быть богумилы. Когда я приступилъ къ изученію Черногоріи, эта книжечка была для меня настольною и помогла мнѣ во многихъ случаяхъ ориентироваться.

Въ послѣднемъ означенномъ сочиненіи г. Шобаичъ продолжаетъ свои изслѣдованія древностей своей родины, стараясь въ то же время прибрать и всю относящуюся къ тому времени сербскую литературу. Самое сочиненіе это имѣетъ свою исторію. Оно было написано еще во время пребыванія автора въ Черногоріи и въ рукописи сообщено было мнѣ на просмотръ. По моему мнѣнію, этимъ трудомъ г. Шобаичъ приноситъ богатый вкладъ въ исторію Черногоріи. Съ такимъ мнѣніемъ я и возвратилъ сочиненіе автору, который потомъ послалъ его въ Карловцы, а тамъ оно потерялось. Теперь авторъ выступаетъ только съ частью того труда, возстановивши его во многихъ случаяхъ просто по памяти; но весьма много интереснаго, особенно относительно св. Василя Острожскаго и Никшича съ его окрестностями не вошло еще въ нынѣшнее изданіе. Тѣмъ не менѣе это сочиненіе бросаетъ яркій свѣтъ не только на древности, но вообще исторію и значеніе Зетскаго края. Онъ описываетъ остатки древнихъ построекъ, которыхъ до сихъ поръ еще никто не касался и не видѣлъ, какъ Курила, Градика и другія окрестности Спужа, Златицы и другія мѣста въ окрестностяхъ Подгорицы, а также и старую Подгорицу выставляетъ съ новыми открытіями, объясняющими ея исторію. Все это, можно сказать, совершенно ново для нашего литературнаго міра, и въ этомъ заключается глубокій интересъ сочиненія. Притомъ авторъ собралъ очень много фактовъ изъ исторической литературы, освѣщающихъ эти открытія и поддѣрпывающихъ его заключенія и догадки относительно ихъ,

смысла и значенія. Вопросъ о томъ, гдѣ была основана первая зетская епископія, по нашему мнѣнію, рѣшенъ имъ окончательно въ пользу Подгорицы или ея окрестности, вопреки мнѣнію архим. Н. Дучича, стоящаго за Превлаку въ Боянѣ. Для насъ, впрочемъ, недостаточно убѣдительно его утвержденіе, что она была на Златицѣ, гдѣ до сихъ поръ находятся остатки камней какой-то церкви и другихъ построекъ, о которыхъ можно говорить съ опредѣленностью только раскопавши ихъ. Притомъ, судя по остаткамъ церкви, она не была православною: въ ней нѣтъ припраты, ни признаковъ иконостаса, отдѣляющаго обыкновенно алтарь отъ остальныхъ ея частей; были какія-то пристройки съ боковъ, которыя также болѣе обычны въ католическихъ церквахъ. Это замѣчаетъ и самъ г. Шобаячъ,* а прежде того говоритъ, что «св. Савва могъ свою епископскую каѳедру помѣстить и въ готовый греческій или католическій монастырь въ Златицѣ» (стр. 73). Относительно же того большого камня, который принесенъ изъ Златицы въ Подгорицу (стр. 94, примѣч. внизу), можно полагать, что это надгробный памятникъ и надпись на немъ не только латинская, но и не христіанская, а древнеримская (впрочемъ я ее еще хорошо не разобралъ). Въ церкви же арх. Михаила въ с. Сѣницѣ, выше Златицы, когда она была разрушена турками въ послѣднюю войну, въ фундаментѣ подъ алтаремъ также видимъ камень съ римскою надписью. Поэтому римскія древности тамъ уже находятся, а архитектура церкви носить на себѣ характеръ католическій; заключать же о нахожденіи тамъ православной епископской каѳедры слишкомъ рано, когда не сдѣлано еще никакихъ раскопокъ. Можно только допустить, что тамъ впоследствии находился православный монастырь на мѣстѣ бывшаго католическаго. Но больше данныхъ въ пользу того, что епископія была въ Подгорицѣ на Дрепѣ, въ той именно ея части, которая и теперь носитъ названіе Дрепе. На всемъ томъ пространствѣ отъ высокаго берега р. Рыбницы и до Побрежья, составляющаго край Цѣповскаго поля, видны старыя могилы и слѣды стѣнъ различныхъ построекъ. Есть могилы и слѣды построекъ внутри турецкихъ дворцовъ и домовъ въ части, что поближе къ Рыбницѣ; а далѣе на развалинахъ сооружена и мечеть турецкая. Въ домѣ же Дьечевича (стр. 60) мы видѣли абсиду, которая однако могла принадлежать какой-нибудь маленькой церковкѣ, тогда какъ главная была ближе къ Рыбницѣ. А то, что авторомъ принято въ томъ же домѣ на воротахъ за слѣды древнихъ иконъ, — простое украшеніе, обычное у турокъ,

* На стр. 93: «Неизвѣстно, была ли паперть (припрата)».

что можно видѣть въ Ульцинѣ тоже на воротахъ и на ихъ надгробныхъ памятникахъ, назыв. турбэ. Основательно отмѣчаетъ г. Ш.баичъ тотъ фактъ, что упомянутый домъ стоитъ на в а к у ф - ской землѣ, т. е. принадлежащей турецкой мечети или христіанской церкви. Добавимъ къ тому, что за домами и другими постройками, гдѣ видны остатки старыхъ стѣнъ, мѣсто, обращенное внутрь города, изстари остается незастроеннымъ, и на немъ садятъ табакъ, разные овощи и плодовые деревья; тамъ, по убѣжденію турокъ, и нельзя возводить никакихъ построекъ, слѣд. оно считается какимъ-то священнымъ. Оно носитъ специальное названіе ливадица, а такихъ ливадицъ тамъ нѣсколько: передъ Сахаткулой (часовая башня), передъ мечетью Главатовича ихъ двѣ; возлѣ мейтеча (мухамед. школы) Муласара Дьургузовича, близъ домовъ Чубраловича и Якова Бошковича, гдѣ по преданію турки впервые поставили свои шатры; наконецъ с. Вельеливаде (не знаю гдѣ) принадлежатъ церкви св. Георгія. Это все заповѣдныя мѣста, принадлежація религиозному учрежденію, въ настоящее время большею частью присвоенныя турками, а прежде христіанскія; но и теперь на нихъ нельзя строиться, а только имѣть ливаду, огородъ или нивы. Цѣлая середина Подгорицы так. обр. представляла собою пространство незастроенное; и не былъ ли это лѣсъ, откуда и названіе Дрепе, такъ какъ и теперь здрпа или здрпла называется мѣсто. заросшее густымъ непролазнымъ кустарникомъ? На краю этой Дрепы и могъ быть построенъ монастырь съ епископскою кафедрой, а сама та гуца расчищена и обращена въ монастырскіе сады и огороды. Первые частныя постройки, по народному преданію, были на краю Морачи, называемой Вуковича-бриегъ, гдѣ и были дома Вуковичей, изъ которыхъ произошелъ и Божидаръ Вуковичъ, который, покинувъ свое отечество и поселившись въ Венеціи, печаталъ тамъ для своего народа церковныя книги. Въ самой Подгорицѣ прежде славили день арх. Михаила въ честь бывшего тамъ храма, а впоследствии стали славить Георгіевъ-день въ честь храма св. Георгія, вновь построеннаго внѣ города у Горицы.

Все это однако догадки, на которыхъ нельзя настаивать, покуда не будетъ произведено самое тщательное изслѣдованіе всей той мѣстности.

Не можемъ не оговорить мнѣніе г. Шобаича относительно мон. арх. Михаила на Превлакѣ, будто онъ былъ католическій (стр. 77 и 81), приписывая то же мнѣніе и мнѣ. Этому я никакъ не могъ утверждать, потому что въ то время тамъ и не было распространено католичество, усилившееся только послѣ паденія Сербскаго царства подъ вліяніемъ сильной въ то время Венеціи. Которъ противился

зетскимъ государямъ не вслѣдствіе своего латинства, а вслѣдствіе того, что считалъ себя королевскимъ градомъ на особыхъ правахъ и привиллегіяхъ. Зетскимъ государямъ противились иногда и Паштровичи, несмотря на то, что принадлежали Зетѣ, пользуясь слабостію которой въ послѣдніе годы, стремились къ полной независимости, для чего признавали протекцію Венец. республики.

Не можемъ также не замѣтить и относительно Фунданы въ Кучахъ, которую авторъ съ мѣстности на высотѣ, какую указываетъ ей народъ, перенесъ внизъ къ Долянамъ (стр. 66—67). Именно на той высотѣ и находятся прекраснѣйшіе ключи, давшіе названіе мѣстности, которыхъ, по народному преданію, тамъ было 77 и откуда только часть ихъ по долиняѣ Врбицы спускается къ Долянамъ. Это притомъ одно изъ предестнѣйшихъ мѣстоположеній: при значительной высотѣ и широкомъ видѣ навсю Зету и Черную Гору, Фундана защищена горами со стороны сѣвера и сѣв.-вост.; при богатствѣ же воды, она представляетъ сама всѣ данныя и удобства для самой роскошной и пріятной жизни; а у подножія ея на пути къ равнинѣ Подгорицы находится Какарицкая гора, когда-то конечно представлявшая собою сплошной, густой лѣсъ. Долины же вообще представляютъ собою мѣстность не для поселенія, а для земледѣлія, ради чего тотчасъ по переходѣ черезъ Рыбницу римскаго водопровода отъ него идетъ развѣтвленіе именно къ Долянамъ, гдѣ когда-то были не только виноградники, но и маслинады. Постройки же, которыя находились по краю этой плодороднѣйшей низменности и по которымъ, какъ говоритъ народъ, съ крыши на крышу могла пройти кошка, судя по видимымъ нами остаткамъ, были жалкія колибы, въ которыхъ могли ютиться только люди, обработывавшіе ту землю. Никогда важныя и большія постройки не бывають въ такихъ низкихъ мѣстахъ, откуда ничего не видать; они притомъ всегда бывають нездоровы.

Трудно также допустить, чтобы и Брсково было въ Брзкутѣ, какъ то старается доказать г. Шобанчъ. Это очень глухое мѣсто и слишкомъ отдаленное отъ главнаго жизненнаго центра Подгорицы, откуда рѣшительно невозможно хорошее сообщеніе ни въ одну сторону. Главная дорога изъ Старой-Сербіи шла черезъ Плавъ и потомъ долиною р. Цѣвны, по которой и теперь самое удобное сообщеніе. А Брзкутъ совершенно удаленъ отъ всѣхъ большихъ дорогъ и избранъ первыми его поселенцами именно по причинѣ его глухости, чтобы быть неприступнѣе и потому безопаснѣе отъ всякаго неприятеля: все равно какъ сосѣдніе съ ними въ Ваосоевичѣ поселились тоже въ прекрасномъ, но слишкомъ глухомъ уголкѣ въ рѣкѣ Лѣвой, что и помогло имъ удержать самостоятельность. Но есть прямо Брсково, иначе назыв. и Блишково между Колашиномъ и Бѣлоподемъ

(въ турецкой границѣ), гдѣ находятъ слѣды большихъ печей, которыя можетъ быть и служили дляковки монетъ, производившейся въ Брсковѣ (см. на картѣ при нашемъ соч. Черногорія). Впрочемъ мы этой мѣстности не видѣли, и потому не можемъ ничего сказать объ томъ съ увѣренностью.

Дѣлая эти замѣчанія на соч. г. М. Шобаича, мы считаемъ долгомъ въ то же время заявить, что для насъ оно имѣетъ большую цѣнность, такъ какъ сообщаетъ много фактовъ, для меня новыхъ или мало изслѣдованныхъ, а личныя соображенія и догадки автора могутъ всякаго изслѣдователя навести на заключенія, къ которымъ самъ онъ, можетъ быть, и не дошелъ бы. Поэтому, рекомендуя это сочиненіе всякому, интересующемуся стариной Черногоріи, особенно мѣстнымъ черногорскимъ изслѣдователямъ своей старины, мы можемъ только пожелать автору силы и терпѣнія возстановить въ своей памяти и то, что еще осталось недосказаннымъ, и предать гласности, какъ и это сочиненіе, отбросивши по возможности полемическій тонъ, который до нѣкоторой степени отвлекаетъ автора отъ главной темы и заводитъ въ лабиринтъ мелочей, иногда не совсѣмъ идущихъ къ дѣлу.

Переходимъ теперь къ соч. Марка Драговича — Покушажъ за библиографју о Црној-Гори. Цетинье. 1892. 8°, 62.

О полезности подобнаго рода изданій нечего и говорить; оно особенно полезно и своевременно въ виду все больше и больше возрастающаго интереса къ Черногоріи вообще въ публикѣ, причеиъ интересующійся ею не знаетъ иногда, куда обратиться за свѣдѣніями объ ней и на чемъ остановиться; и специалистъ можетъ тутъ найти что-нибудь новое.

Названіе этого соч. «Покушажъ» (проба, опытъ) показываетъ, что авторъ намѣренъ начатый въ видѣ опыта трудъ современемъ издать въ болѣе полномъ и совершенномъ видѣ; потому мы и сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній, которыя, можетъ быть, авторъ приметъ къ свѣдѣнію въ новомъ изданіи. Во 1-хъ, по нашему мнѣнію, чрезвычайно неудобно смѣшивать въ одно два алфавита: нашъ кирилловскій и латинскій, вслѣдствіе чего послѣдняя латинская буква Z является въ началѣ (8-ю), а также точно V и W, а H и Ch попадаютъ на конецъ, причеиъ въ одну рубрику попадаютъ Ch, Sch и S. Во 2-хъ, при размѣщеніи сочиненій и статей безъ имени авторовъ по годамъ читателю нисколько не легче находить ихъ, чѣмъ по начальному слову въ заглавіи, причеиъ смѣшаны: журналы, современное законодательство, учебники, сборники и отдѣльныя записки, какъ сказаніе требѣшанъ, журналъ, веденный при кн. Долгорукомъ (одно и то же съ его записками), Српско Орледало, и т. п. Въ 3-хъ, нигдѣ не показанъ форматъ, ни число страницъ сочиненія, такъ что читателю

нѣтъ возможности узнать, цѣлая ли то книга или только брошюрка, маленькая статейка.

Эти замѣчанія относятся къ внѣшней сторонѣ изданія, а затѣмъ слѣдуютъ полнота и точность. Что касается полноты, то она возможна только въ такомъ случаѣ, если библиографъ имѣетъ возможность пользоваться большими книгохранилищами, какими для славистики представляются импер. публичныя библіотеки въ Вѣнѣ и Петербургѣ, а специально для югославянства библіотеки въ Бѣлградѣ, Карловцахъ Сремскихъ, Загребѣ. Сидя же на Цетинѣ, рѣшительно невозможно составить полную библиографію, потому что недостаточно выхватить откуда-нибудь названіе сочиненія изъ какой-нибудь другой книги, притомъ въ большей части съ неполнымъ обозначеніемъ всѣхъ его библиографическихъ сторонъ; нужно его прочитать или, по крайней мѣрѣ, видѣть и точно описать его наружный видъ и составъ. Настоящій библиографъ долженъ все перечитать или, по крайней мѣрѣ, обѣгло просмотрѣть, потому что его глазами будетъ смотрѣть на книгу прочитавшій объ ней въ библиографіи.

Но такой библиографіи, какъ Валентинелли — *Bibliografia della Dalmazia e del Montenegro* (съ дополненіями) 1855 и 1862 г., мы не скоро дождемся; и она для теперешняго времени недостаточна. Поэтому всякая попытка на этомъ полѣ полезна. Но мы предпочли бы въ такомъ сочиненіи полнотѣ внѣшней, т. е. возможно большому числу названій, полноту внутреннюю, при которой мы могли бы имѣть возможно ясное понятіе о сочиненіи, какъ то дѣлаетъ Валентинелли.

Человѣкъ, самъ предварительно не знакомый съ библиографіей Черногоріи, по библиографіи г. Драговича совершенно спутается въ массѣ названій, не зная, на чемъ остановиться. Приводя напр. собраніе стихотвореній Качанскаго и отмѣчая, что между ними находится «Грахов—лаз», при соч. Глиши Зубана «Бой на Грахову», указывая и рецензію на него въ жур. «Подунавка», а при изд. пѣсенъ «Прногорска вила», составленныхъ Еремеемъ Обрадовичемъ Караджичемъ, не пропуская и того, что онъ родомъ изъ Герцеговины, а сосѣдъ черногорскихъ юнаковъ и т. д., г. Драговичъ не дѣлаетъ ни малѣйшей отмѣтки о такихъ важныхъ, капитальныхъ сочиненіяхъ о Черногоріи, какъ Вилькинсона, Кооля, Ленормана, Вука Ст. Караджича, Миклошича и др. Изъ соч. и изд. В. С. Караджича между прочимъ совсѣмъ пропущены такія соч., какъ Ковчечичъ, Живот и обичаи, Пословицы, изд. на Цетинѣ, Нар. срп. проповѣтке, безъ которыхъ никакъ нельзя обойтись при изученіи быта Черногоріи; все равно какъ при изученіи исторіи и древностей нельзя обойтись безъ Рѣчника изъ книжевныхъ старина—Д. Даничича, тоже пропущеннаго. Въ этомъ случаѣ г. Драговичъ, оче-

*

видно, не уяснил себѣ, что относится къ Черногоріи и что нѣтъ. Такъ во введеніи онъ говоритъ: «Я внесъ нѣкоторыя сочиненія, не относящіяся непосредственно къ Черногоріи, какъ: Monum. Serb. Миклошича, Acta archivi ven. А. Шафарика, Споменици—М. Пучича, Слав. нарадопись и древности—П. І. Шафарика, какъ будто грамота Ивана Церноевича на основаніе цетинск. монастыря не относится непосредственно къ Черногоріи, точно такъ и другія грамоты вранинскому мон. или грам. Стеф. Уроша III деч. мон., волная географическихъ указаній относительно мѣстъ, въ настоящее время принадлежащихъ Черногоріи? На томъ же основаніи пропущено и классическое сочиненіе г. В. Богичича: «Zbornik pravnih običaja, долженствующее быть у всякаго изучающаго цѣлое юго-славянство настольною книгой. Очень неумѣстно приведено соч. Аббата Фортиса о морлакахъ во франц. перев. Lettres sur les moeurs et usages des Morlaques, appelés Monténégrins. Переводчикъ въ этомъ случаѣ совершенно произвольно называетъ морлаковъ черногорцами, хотя аббатъ и говоритъ, что ихъ происхожденіе считаютъ изъ Черногоріи. По нашему мнѣнію прежде всего слѣдовало бы привести оригиналъ, который на итал. языкѣ: «Viaggio in Dalmazia» и вообще дать понятіе объ этомъ даровитомъ сочиненіи, по которому до послѣдняго времени западные писатели описывали обычаи Черногоріи, будучи введены въ заблужденіе франц. Вιάллоу-де-Сомьеръ.

Но при этомъ слѣдовало привести и другое соч. Giovanni Lovrich—Osservazioni sopra viaggio in Dalmazia del S. Ab. Fortés, которое даетъ болѣе ясное и полное описаніе тѣхъ же обычаевъ. Какъ итальянское соч. аб. Фортиса приводится во франц. перев., такъ соч. франц. Charles Yriarte у г. Драговича приведено по заглавію итал. перев., что вводитъ читателя въ заблужденіе относительно языка оригинала. Въ ориг. оно носитъ такое заглавіе: Les bords de l'Adriatique et le Monténégro, L'Istrie, le Quarnero, la Dalmatie, le Monténégro et la Rive Italienne; а 7-я глава (стр. 361—477) посвящена Черногоріи, которая вѣроятно и находится въ упомянутомъ выше итал. переводѣ, намъ неизвѣстномъ. Между тѣмъ какъ на фр. яз. это самое добросовѣстное компилятивное соч. о Черногоріи, украшенное между прочимъ 46-ю рисунками въ текстѣ, прекрасно исполненными и помогающими болѣе сильному впечатлѣнію самого текста.

Точно такъ можно полагать, что Linda написалъ свое оригинальное соч. о Черногоріи; тогда какъ это перев. соч. Вилькинсона съ небольшимъ измѣненіемъ въ расположеніи и сокращеніемъ исторіи.

Cyprien Robert приводится въ двухъ мѣстахъ подѣ буквою Р и подѣ буквою Ц.; и непонятно, почему Yriart не помѣщенъ по кирилловск. алф. подѣ И. Такъ путаешь смѣшеніе въ одно двухъ алфавитовъ.

Нельзя также повять, почему приведены: Устав друштва за подизанье и гаженье шлива» (№ 390 или закон о телеграфу (№ 379); а пропущена—Кратка историја Српског Народа за основне школе у Цр.-Г., въ которой, стр. 75—104, посвящ. исторіи собств. Черногоріи. И почему дано мѣсто такимъ произведеніямъ, какъ: Петипа Р. «Роксана краса Черногоріи (балет.)», и т. п. мелочи, но не упоминается ни одна карта Черногоріи. Полагаемъ, что этихъ замѣчаній достаточно къ свѣдѣнію автора, если онъ свой опытъ захочетъ переработать въ другомъ изданіи. Еще отмѣтимъ:

Драговичъ Ж. заступници Европскихъ држава у некадашнемъ цариграду. Петинье. 1892, 8° 86.

— Руски заступници у цариграду 1496—1891 г. Цет. 1892, 8° 108. историјски поглед в. теплова, прев. с руског.

Сочиненіе это въ переводѣ г. Ж. Драговича переводилось въ продолженіи года въ журн. «Глас. Црног.» и настолько понравилось читающей публикѣ, что переводчикъ нашелъ за нужное выпустить его въ особомъ изданіи, которое, безъ сомнѣнія, найдетъ себѣ еще болѣе широкій кругъ читателей. Достоинство этого сочиненія оцѣнено прекраснымъ приѣмомъ, сдѣланнымъ ему въ Россіи, а переводъ въ томъ отношеніи совершенно отвѣчаетъ достоинствамъ книги, такъ какъ переводчикъ—родомъ черногорецъ, окончившій курсъ въ высшемъ учебномъ заведеніи Россіи и съ тѣхъ поръ занимается литературой и преподаваніемъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

На дняхъ ожидаемъ выхода драмы изъ черногорской исторической жизни: «Царевъ лазъ» Радоя Рогановича, который занимаетъ уже извѣстное положеніе въ сербской литературѣ, отличаясь особенно на поприщѣ поэзіи на случай, въ чемъ онъ не имѣетъ себѣ соперника, всегда готовый со стихомъ звучнымъ, стройнымъ и проникнутымъ чисто черногорскимъ духомъ. Написалъ онъ также нѣсколько произведеній въ эпическомъ родѣ, оцѣненныхъ по достоинству сербскою критикою, а теперь выступаетъ съ драмой. П. Р.

ОБЗОРЪ ЧЕШСКОЙ ИЗЯЩНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЗА 1891 ГОДЪ *

Перейдемъ теперь къ отдѣлу литературныхъ произведеній, предметомъ которыхъ служитъ деревенская жизнь. Разказы изъ деревенской жизни были и прежде любимой формой литературныхъ произведеній и теперь есть нѣсколько писателей, посвящаю-

* (Окончаніе) «Славянское Обозрѣніе», кн. январь, февраль, мартъ и сентябрь.

щихъ свои силы почти исключительно этой области. На первомъ мѣстѣ можно поставить собраніе сочиненій умершаго въ 1883 г. А. В. Шмиловскаго. Въ прошедшемъ году изданъ седьмой томъ его сочиненій, который посвященъ исключительно рассказамъ изъ указанной области. Шмиловскій понималъ свою задачу самымъ серьезнымъ образомъ. Назначая свои произведенія для народа, онъ хотѣлъ быть его наставникомъ, содѣйствовать нравственному его преуспѣянію. Правильный взглядъ на жизнь, высота и серьезность нравственныхъ воззрѣній, глубина мысли, пластичность характеристикъ, содержательность и выразительность изложенія, хотя и не всегда вполне точнаго. иногда даже растянутого,—вотъ отличительныя черты рассказовъ Шмиловскаго какъ изъ городской, такъ особенно изъ деревенской жизни. Изъ рассказовъ послѣдняго (7-го) тома выдаются два. Первый «Подъ соломенными крышами», сюжетомъ котораго служитъ бракъ стараго зажиточнаго крестьянина съ молодою дѣвушкой—сиротою. Второй, «Поджигатель Шимакъ», представляетъ характеристику невинно обвиненнаго въ поджогъ и приговореннаго къ тюрьмѣ, презираемаго своими родственниками и только послѣ многихъ лѣтъ признаннаго оправданнымъ. Сюда же относится посмертное изданіе моравской писательницы Ф. Странецкой, особенно второй томъ. Странецкая писала небольшіе и простенькіе рассказы, не отличающіеся сложностію дѣйствія и искусственностію въ комбинированіи различныхъ обстоятельствъ. Но она умѣла рассказывать такъ мило, живо и легко, умѣла такъ удачно схватывать черты жизни чешско-моравскихъ простолюдиновъ, что ея произведенія встрѣтили среди народа весьма радушный пріемъ. Особенную цѣнность ея произведеніямъ придаетъ тщательное и правдивое описаніе воззрѣній, обычаевъ и вообще всего быта моравскихъ славянъ. Подобными же качествами отличаются произведенія моравскаго священника Вячеслава Космака, въ настоящее время самаго популярнаго писателя въ Моравіи. Космакъ изображаетъ своихъ героев реалистически—вѣрно, но этому реализму препятствуетъ дидактическая тенденція автора, иногда слишкомъ рѣзко обнаруживающаяся. Но, несмотря на это, всѣ его очерки отличаются, какъ уже сказано, жизненностію описанія и вѣрностію красокъ. Особенно рельефно авторъ выставляетъ пороки крестьянъ и мѣщанъ, осмѣиваетъ ихъ мелкое тщеславіе и безразсудную погоню за модными либеральными вѣяніями, равно какъ и отсутствіе привязанности ко всему своему, народному, и обезьянничество въ отношеніи ко всему чужому, иноземному. Собраніе своихъ мелкихъ очерковъ Космакъ издалъ подъ названіемъ «Kukátko» (Калейдоскопъ) и уже

вышелъ 4-й томъ этого собранія. Для чтенія народа же предназначается другое собраніе очерковъ Космака: «Pošetilci» («Неразумные»).

Говоря о моравскихъ писателяхъ, назначавшихъ свои произведенія для народа, слѣдуетъ кстати упомянуть о попыткахъ литературной дѣятельности у чеховъ австрійской Слезіи. О духовныхъ нуждахъ чешскаго народа, обитающаго въ австрійской Слезіи, хотя составляющаго вмѣстѣ съ поляками большинство этой густонаселенной провинціи, заботились до сихъ поръ чрезвычайно мало. Это объясняется, главнымъ образомъ, намѣреніемъ германизаторовъ скорѣе и легче онѣмечить эту часть чешскаго народа. Вслѣдствіе этого чехи, какъ это у нихъ обыкновенно бываетъ, обратились къ своимъ собственнымъ силамъ. На добротныя пожертвованія они содержатъ множество народныхъ школъ и одну восьмилетнюю классическую гимназію въ Опавъ (Тгоррау). Стараются пробудить въ слезскихъ чехахъ сознание своей національной жизни и въ другихъ отношеніяхъ. Съ этою цѣлю въ Слезіи учреждена чешская бібліотека, чтобы расположить народъ къ чтенію и чрезъ то сохранить его родной языкъ. Сочиненія, имѣющіяся въ этой бібліотекѣ, не претендуютъ на художественность, но своей цѣли достигаютъ какъ нельзя лучше, поэтому и заслуживаютъ упоминанія о нихъ. Особенную дѣятельность въ этомъ отношеніи проявилъ заслуженный членъ слезскаго окружнаго суда докторъ Слама. Изъ указаннымъ представителямъ литературы, заимствовавшимъ свои сюжеты изъ чешской деревенской жизни, въ послѣднее время прибавился еще новый и болѣе талантливый писатель въ лицѣ народнаго учителя К. В. Райса. Его произведенія, прозаическія и стихотворныя, въ теченіи нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ появлялись почти во всѣхъ нашихъ литературныхъ журналахъ. Въ прошедшемъ же году онъ въ первый разъ издалъ отдѣльную книгу, представляющую собраніе разсказовъ изъ деревенскаго быта. Его «Výměnkáti» основываются на особомъ обычаѣ, который существуетъ у чешскихъ крестьянъ и по которому состарѣвшіеся родители передаютъ наследственное имущество своимъ дѣтямъ, а сами удаляются какъ бы на покой, получая отъ наследниковъ по условію пожизненный доходъ, называемый по-чешски «Výměnek». Часто случается, что неблагодарные дѣти смотрятъ на своихъ родителей— «выменкарей», какъ на излишнюю обузу и рады избавиться отъ не-пріятныхъ для себя обязательствъ. Съ другой стороны и родители часто требуютъ отъ своихъ дѣтей тяжелыхъ условій, исполненіе которыхъ потомъ является предметомъ недовольства въ средѣ молодыхъ семействъ. Въ своей книгѣ Райсъ представляетъ типы тѣхъ и другихъ и рисуетъ эти типы всегда вѣрно и отчетливо.

Приэтомъ онъ отрѣшается отъ неразумной идеализаціи крестьянскаго быта, которая была прежде и теперь еще встрѣчается въ нашей литературѣ. Благодаря такой вѣрности, съ какою Райсъ изображаетъ дѣйствительность, въ его книгѣ прибавилось много новыхъ и любопытныхъ чертъ къ характеристикѣ типичнаго сельскаго люда, обитающаго у подошвы пограничныхъ чешскихъ горъ Краксношъ*. Особеннаго вниманія заслуживаетъ то, что авторъ чрезвычайно вѣрно передаетъ всё, даже тонкія особенности мѣстнаго чешскаго нарѣчія.

Гораздо менѣе жизненной правды содержатъ рассказы изъ деревенской жизни В. Лужицкой, которая все еще держится устарѣлой манеры, въ слишкомъ яркихъ краскахъ идеализировать все— касающееся провинціальной селской жизни. Къ такому роду ея рассказовъ относится «Сумасбродная Варвара» — рассказъ, сюжетомъ котораго служитъ несчастье матери, не исполняющей своихъ обязанностей. Даже внѣшняя форма произведеній В. Лужицкой нерѣдко отличается большими неправильностями.

Легкостію стиля и простотою рассказа отличаются «Деревенскіе случаи» Е. Л. Гордина. Онъ съ особеннымъ вниманіемъ присматривается къ явленіямъ селской жизни, которыя нарушаютъ ея обычное теченіе и поэтому долго сохраняются въ устномъ преданіи. А такъ какъ подобныя явленія часто бываютъ сходны между собой, то и рассказы Гордина отличаются тою же особенностію, т. е. часто походить одинъ на другой. Вообще у него очень удачны описанія края и отдѣльные типы его отличаются жизненностію,—общія же характеристики народнаго быта и особенно его духовной стороны недостаточны.

Теперь обратимъ вниманіе на историческіе романы, появившіеся въ послѣднее время. Нужно сказать, эти романы уже не представляютъ собою сплошнаго и односторонняго идеализированія прошедшаго, какъ это было ранѣе, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, когда историческій романъ служилъ только средствомъ для возвышенія народнаго самосознанія. Нынѣшній историческій романъ, въ лицѣ лучшихъ его представителей, идетъ по тому же направленію, какъ и у другихъ народовъ, стремясь въ художественной формѣ воспроизвести характерныя стороны жизни извѣстнаго времени и его дѣятелей. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаетъ А. Ирасекъ, ко-

* Какъ извѣстно, и лучшія произведенія извѣстной чешской писательницы Болены Нѣмцевой, особенно ея «Babička» («Бабушка»), имѣютъ своимъ предметомъ описаніе селской жизни при подошвѣ этихъ же горъ.

того слѣдуетъ поставить въ ряду главныхъ прозаическихъ писателей. Ирасекъ уже болѣе пятнадцати лѣтъ трудится на литературномъ поприщѣ и за это время онъ издалъ цѣлый рядъ произведенийъ, въ которыхъ удачно характеризуетъ наше прошлое и знакомитъ съ выдающимися его эпохами. Но Ираска нельзя еще считать реформаторомъ историческаго романа. Онъ не вездѣ обращаетъ вниманіе на главное и существенное; тамъ, гдѣ онъ собирается описывать великое и важное, вниманіе его поглощается незначительными событіями изъ прошлаго. Вникнуть во внутренній смыслъ событія всемірнаго значенія и сдѣлать это событіе центромъ своего разсказа Ираску не удавалось. Впрочемъ онъ даже и не дѣлалъ попытокъ въ этомъ отношеніи и ограничивается задачами простаго описывателя событій только съ ихъ внѣшней стороны, не входя во внутренній ихъ смыслъ. Все, что здѣсь сказано въ общемъ объ Ираскѣ, можно сказать и объ его трилогіи романовъ — «Между теченіями». Этотъ романъ въ прошедшемъ году вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ въ видѣ 6—8 т. общаго собранія сочиненій Ираска. Эта трилогія представляетъ три самостоятельныхъ романа: «Два двора», «Сынъ Огнивца» и «До трехъ голосовъ». Въ нихъ описывается время съ 1381—до 1410 года. Въ 1410 году появилось рѣшеніе короля Вячеслава IV о раздѣленіи голосовъ въ университетѣ по каковому рѣшенію чешскому народу предоставлялось 3 голоса, а иностранцамъ одинъ, тогда какъ прежде было какъ разъ наоборотъ. Трилогія представляетъ гораздо болѣе описаніе различныхъ подробностей, чѣмъ общіе взгляды на событія исторіи. IX т. сочиненій Ираска содержитъ мелкія повѣсти и разсказы, относящіеся къ различному времени. Кромѣ нѣсколькихъ, на самомъ дѣлѣ незначительныхъ разсказовъ, въ этомъ же томѣ есть картины старосвѣтскія, изъ временъ прошлаго столѣтія, представляющія жизнь нашего зауряднаго провинціального общества. Заслуживаетъ вниманія разсказъ того же Ираска «Объ учителяхъ». Въ этомъ разсказѣ описывается бытъ сельскихъ учителей, изъ среды которыхъ вышло нѣсколько выдающихся музыкантовъ и композиторовъ.

Въ прошедшемъ же году Ирасекъ напечаталъ въ ж. «Золотая Прага» хорошій разсказъ подъ названіемъ «Второй Цвѣтъ».

Иного рода, сравнительно съ сочиненіями Ираска, произведенія д-ра З. Винтера, извѣстнаго въ наукѣ своими работами по культурной исторіи. Главнымъ источникомъ статей Винтера служатъ городскіе архивы и особенно города Раковника и Праги. Научность его отражается и на его художественныхъ произведеніяхъ. Онъ создалъ собственно особый родъ разсказа, въ которомъ фабула разсказа обставляется разнообразными подробностями культурно-историческаго характера. Къ такого рода произведеніямъ Винтера относятся два его очерка

изъ жизни г. Раковника. Изъ нихъ первый описываетъ споръ портныхъ кузнецовъ и бондарей въ XVI столѣтїи. Второй очеркъ описываетъ тяжбу раковницкаго городского совѣта съ сосѣднимъ вельможей и ея окончаніе въ Зеленой камерѣ королевскаго пражскаго замка. Слогъ Винтера изящный и прїятный, часто прикращенъ архаизмами и юморъ его вполне здоровый.

Въ августѣ прошедшаго года умеръ молодой писатель І. Браунъ. Будучи еще двадцати лѣтъ отъ роду, онъ написалъ, лучшее изъ своихъ произведеній «Изъ памятей кровныхъ * писарей», въ которомъ замѣтно сильное вліяніе на него любимца чешской читающей публики, священника В. Бенеша-Требизскаго. Послѣ этого разсказа слѣдуетъ рядъ другихъ, въ которыхъ сценою дѣйствія служитъ родной городъ автора, древняя Кутная гора. Въ богатомъ архивѣ ея авторъ усердно занимался и почерпалъ оттуда свой матеріалъ. Особенное вниманіе онъ обращалъ на XVI и XVII вв. Разсказы І. Брауна отличаются благородствомъ и симпатичной національно-дидактической тенденціей. На послѣднемъ году своей жизни І. Браунъ издалъ разсказъ «Бѣдный богачъ» изъ времени послѣдней чешской войны. Дѣйствіе въ разсказѣ по времени совпадаетъ съ приготовленіями къ роковой битвѣ на Бѣлой Горѣ въ 1620 г., съ ея ближайшими послѣдствіями. Самый историческій фактъ (битва на Бѣлой Горѣ) служитъ для разсказа лишь, такъ сказать, отдаленнымъ фономъ; сущность же разсказа сосредоточивается на судьбѣ скупого рыцаря Орѣха изъ Ствоятицъ, несимпатичнаго причудника того времени. Уже въ послѣдніе дни своей жизни І. Браунъ написалъ разсказъ «Между эмигрантами».

Серьезнымъ характеромъ, хотя и не всегда большою художественностью, отличаются историческіе очерки священника А. Достала. Въ прошедшемъ году онъ издалъ «Градишскій помѣщикъ». Разсказъ его отличается живостію, характеристики большею частію удачны, хотя тенденціозность его часто бываетъ въ ущербъ художественности.

Полную противоположность А. Досталу представляетъ Кольда-Малинскій, который нерѣдко подшучиваетъ надъ тѣмъ, предъ чѣмъ первый благоговѣетъ. Кольда-Малинскій не пишетъ собственно историческихъ разсказовъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. Историческое значеніе его разсказовъ развѣ въ томъ только и состоитъ, что сюжеты для своихъ разсказовъ онъ беретъ изъ прошлыхъ временъ, придавая имъ (сюжетамъ) колоритъ древности, въ сущест-

* «Кровными» въ средніе вѣка въ Чехїи назывались писаря, которые записывали показанія, вынужденныя пытками.

ствѣ же дѣла описываетъ въ нихъ современную ему жизнь. К.-Малинскій обращаетъ, даѣе, болѣе вниманія на внѣшнюю сторону явленій и обнаруживаетъ вездѣ склонность къ юмору, который къ сожалѣнію бываетъ у него нѣсколько шероховатъ. Такимъ именно характеромъ и отличается его трилогія подъ названіемъ «Старый долгъ», содержаніе которой вращается около коллегіи ордена піаристовъ въ г. Сланое. Вторая книга (первая представляетъ собою трилогію) содержитъ два разсказа «Свѣтъ и Тѣнь». Первый изъ нихъ «Госпожа Софія» описываетъ любовныя интриги предприимчивой мѣщанки; второй «У вельможи и въ мельницѣ» своимъ содержаніемъ имѣетъ сношенія обѣдѣвшаго вельможнаго семейства съ зажиточнымъ сосѣдомъ-мельникомъ. Культурно-историческая сторона въ обоихъ этихъ разсказахъ, хотя и стоитъ на второмъ планѣ, но въ общихъ и главныхъ чертахъ хорошо понята.

Въ концѣ этого отдѣла укажу на одно произведеніе, которое нельзя причислить ни къ одной изъ предыдущихъ группъ. Разумѣю «Разныя путевыя замѣтки по Чехіи», которыя при содѣйствіи иллюстратора В. Оливы издаетъ поэтъ Святополкъ Чехъ. Это произведеніе до сихъ поръ не окончено; въ прошломъ году вышла только первая самостоятельная его часть. Характеръ его сатирическій. С. Чехъ создалъ себѣ въ послѣдніе годы любопытный типъ зауряднаго пражскаго горожанина Матвѣя Броучка и описалъ въ двухъ сатирахъ его экскурсіи «на луну» и «въ XIV-е столѣтіе». Того же Броучка онъ сдѣлалъ предметомъ новѣйшаго юмористическо-сатирическаго описанія путешествія по Чехіи, присоединивъ въ качествѣ его спутниковъ, съ цѣлію большаго разнообразія описанія, нѣсколько другихъ вымышленныхъ лицъ. Первая книга разнообразнаго содержанія. Прежде всего въ книгѣ насъ интересуетъ проф. Костливый, идеалистъ и педантъ прежняго направленія, отправляющійся въ Кралевъ Дворъ, по имени котораго Ганка назвалъ знаменитую рукопись, съ цѣлію изученія данныхъ для защиты этого мнимаго древняго памятника. Бѣдняжку постигаетъ неудача за неудачей, причемъ навѣрное не удержится отъ смѣха даже тѣ, которые еще вѣрятъ въ подлинность «Рукописи», и авторъ по этому случаю не одного бичуетъ своею сатирою. Затѣмъ, вторая часть представляетъ собою автобіографію Чеха, написанную мило и трогательно, хотя и чуждую игриваго тона, который преобладалъ въ первой части. Въ текстѣ находится нѣсколько стихотвореній, особенно описаній и картинъ природы, изъ коихъ одно, содержащее эстетическій взглядъ автора, имѣетъ особую цѣну какъ зеркало, чрезъ которое можно заглянуть во внутренній міръ поэта. Отдѣльные типы этого произведенія изображены характерно и пластично; дѣйствіе его на читателя неоди-

наково, смотря по содержанію. его частей и по непосредственности или принужденности юмора.

Перейдемъ теперь къ той группѣ изящной литературы, которая иногда считается цвѣтомъ и верхомъ словеснаго искусства. Въ области поэзіи, мы обратимъ прежде всего вниманіе на драматическія произведенія. Изъ всѣхъ произведеній этого рода въ прошломъ году обратила на себя особое вниманіе драма Ярослава Верхлицкаго подъ заглавіемъ «Гипподамія», премированная нашей юной академіей наукъ и искусствъ въ 1000 гульденовъ, хотя такое отличие въ гораздо большей степени авторъ заслуживалъ бы за другія свои произведенія, чѣмъ за Гипподамію. Не споримъ, что это произведеніе удачно и значеніе его весьма важно, тѣмъ не менѣе нельзя отрицать того, что успѣхъ его не былъ бы столь несомнѣннымъ и поразительнымъ, еслибы поэту Верхлицкому не оказалъ содѣйствія композиторъ Зденекъ Фибихъ, который для его текста составилъ аккомпаниментъ. «Гипподамія» есть именно мелодрама, и въ ней представленъ опытъ оживленія этого общаго рода искусства вопреки теоретикамъ, которые не признаютъ его жизнеспособнымъ. Она состоитъ изъ трехъ самостоятельныхъ частей и по своему составу приближается къ античнымъ трилогіямъ, которыя она живо напоминаетъ своимъ сюжетомъ. Первая часть ея—«Сватовство Пелопса», вторая «Танталово примиреніе», а третья—подъ названіемъ «Смерть Гипподаміи». Въ первомъ отдѣлѣ поэтъ больше придерживается міоа, между тѣмъ какъ при дальнѣйшемъ движеніи міоа вполне уступаетъ вымышленному дѣйствію. Зато тѣ части много драматичнѣе и живѣе, чѣмъ первая. Главное преимущество цѣлаго произведенія состоитъ въ томъ, что поэтъ вполне усвоилъ себѣ духъ и характеръ античнаго міоа и античной поэзіи, вѣрно изобразилъ всеміровоззрѣніе и характеры (дѣйствующихъ лицъ) соответственно классическимъ образцамъ.

Изъ оставшихся (не напечатанными) произведеній умершаго литератора Эм. Воздѣха поставлена была въ прошломъ году комедія въ трехъ дѣйствіяхъ подъ заглавіемъ «Узники». Дѣйствіе этой драмы взято изъ жизни шляхты. Драма проникнута сильнымъ романтизмомъ и не чужда также то тутъ, то тамъ устарѣвшихъ приемовъ театральной техники, какихъ нельзя найти въ лучшихъ произведеніяхъ Воздѣха, принятыхъ ранѣе въ репертуаръ нашего театра. Отсюда можно заключить, что «Узники» появились въ первое время авторскаго творчества и уже никогда не были исправляемы.

На почвѣ общественныхъ событій, случившихся въ Чехіи въ 1872 году, построена драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ Ф. А. Шуберта—«Крупный Землевладѣлецъ». Въ драмѣ много сценъ эффектовыхъ, но конечно

и рассчитанныхъ на эффектъ. Построена она искусно съ надлежащимъ вниманіемъ къ нуждамъ сцены. Большинство ея типовъ охарактеризовано мѣткой выразительно, общественныя чешскія отношенія упомянутого времени схвачены вѣрно и соотвѣтственно дѣйствительности.

Изъ современной нашей общественной жизни заимствованъ сюжетъ драмы въ 5-ти дѣйствіяхъ «Войтъхъ Жакъ», знаменитость, которую написалъ Л. Стронежничкій. Эта драма цензурою не была допущена къ представленію изъ-за нѣкоторыхъ въ ней намековъ и разсужденій. Авторъ, который въ своихъ «Фуріантахъ» (Удальцахъ), сдѣлалъ счастливую попытку ввести на сцену нашихъ провинціаловъ съ натуралистическою вѣрностію, выступаетъ и здѣсь отчасти съ подобною же задачею. Тотъ же авторъ издалъ небольшую сцену въ 1-мъ дѣйствіи «Испорченная кровь». Здѣсь какъ бы доказывается вѣрность нашей пословицы, что «яблоко не падаетъ далеко отъ яблони», — отъ дурныхъ родителей происходятъ и дурныя дѣти.

Неудачную попытку трагедіи, построенной по строгимъ правиламъ схоластической эстетики, представилъ Вячеславъ Вълчекъ, написавшій на основаніи своего романа «Самограды» трагедію въ 5-ти дѣйствіяхъ подъ заглавіемъ — Наводненіе. Дѣйствіе происходитъ въ 1872 году, когда въ Чехіи свирѣпствовало страшное наводненіе; ему отведено не мало мѣста, почему также получила названіе цѣлая пьеса. Пренія драмы Вълчка съ сюжетами изъ чешской исторіи были болѣе удачны.

Искусный представитель нашей комедіи Іосифъ Штолба увеличилъ театральнй репертуаръ комедіею въ 3-хъ дѣйствіяхъ подъ заглавіемъ — «Кривые пути». Сюжетъ ея заимствованъ изъ жизни въ барскомъ помѣстьи, гдѣ служащіе, преисполненные вражды и ненависти другъ къ другу, не брезгаютъ никакимъ средствомъ для того, чтобы низвергнуть почтеннаго управляющаго. Къ болѣе слабымъ сторонамъ пьесы можно отнести истертое театральное средство — анонимныя письма; преимуществомъ ея, даже немалымъ, служить то, что типы пьесы изображены вѣрно, согласно съ дѣйствительностью, дѣйствіе развивается быстро, сатира — ѣдкая, и юморъ автора, основанный на характеристикахъ и ситуаціяхъ, не притворный.

Посмотримъ теперь, что новаго въ прошломъ году принесла поэзія стихотворная. Здѣсь также слѣдовало бы сказать то, что уже въ самомъ началѣ упомянуто, а именно, что наша литературная производительность больше всего выражается въ журналистикѣ. Журналы наполняютъ въ изобиліи самъ, такъ сказать, вождь нашихъ поэтовъ — Ярославъ Верхлицкій, неутомимый сочинитель, человекъ удивительнаго трудолюбія, написавшій намъ цѣлую бібліотеку цѣнныхъ поэтическихъ произведеній, рядъ драмъ, множество эстетическихъ

эпюдовъ и трактатовъ и мастерски переведшій цѣлый рядъ замѣчательныхъ поэтическихъ произведеній изъ иностранныхъ литературъ, что уже само по себѣ есть трудъ, требующій цѣлой человеческой жизни. Его стихотворенія, вылившіяся въ изящную, поражающую своимъ блескомъ форму и отличающіяся глубиною мысли, по большей части разсудочнаго характера. Такой же характеръ носятъ сборникъ его стихотвореній «Новыя сонеты отшельника,» между тѣмъ какъ «Бревіаръ современнаго человѣка» по своей основной идеѣ—содержанія философскаго. Поэтъ какъ бы завершилъ этимъ свой поэтической циклъ, который въ началѣ своего поэтическаго творчества открылъ произведеніемъ «Духъ и міръ», продолженіемъ котораго были «Перспективы», «Отрывки эпопеи», «Наслѣдство Тантала» и «Фрески и статуэтки». Поэтъ разрѣшаетъ здѣсь съ разныхъ точекъ зрѣнія загадку жизни, и то такъ, что отъ его глубокой мысли не ускользаютъ даже малѣйшія движенія сердца, простыя явленія природы, міръ и вражда людей, ни развѣдающій скепсисъ, вѣчная борьба добра и зла и непостижимый міровой порядокъ. Верхлицкій въ нашей литературѣ—явленіе въ высшей степени примѣчательное, и для нашей поэзіи новаго времени имѣетъ такое важное значеніе, что полную оцѣнку его можно представить только въ подробномъ изслѣдованіи. Здѣсь важно только отмѣтить это. Изъ переводовъ поэта за текущій годъ упомянемъ: Стихотворенія Е. А. Поз—а, Фаустъ Гёте и книгу «Въ гостяхъ у поэтовъ», антологія изъ поэтовъ провансальскихъ, французскихъ, итальянскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ.

Разумѣется, что такой выдающійся писатель, какъ Верхлицкій не можетъ избѣжать критики литературныхъ клеветниковъ, которые главнымъ образомъ состоятъ изъ (римско-католическаго) духовенства и обрушились на него за его либеральные взгляды; но понятно, что у него и много почитателей и преданныхъ послѣдователей, которые составляютъ уже цѣлую его «школу». Молодые поэты подражаютъ ему то въ томъ, то въ другомъ,—однако всѣхъ увлекаетъ элегантная форма его изложенія. Это вліяніе сказывается напр., у Яна Червенки въ Пѣсняхъ Завиша. Книга издана изящно, однако литературное ея значеніе не выше посредственности. Аффектированное чувство, похожее на улыбка, плаксивыя изліянія средневѣковыхъ миннезингеровъ, производятъ впечатлѣніе чего-то вынужденнаго и мелочностию своего содержанія скорѣе могутъ наскучить читателю, чѣмъ увлечь его.

Къ той же школѣ принадлежитъ молодой поэтъ Ярославъ Квапилъ; его первыя собранія стихотвореній отличались чрезмѣрною погоней за необычайными и чудесными явленіями, наполненныя искус-

ственными, неясными картинами и потому производить впечатлѣніе аффектацій. Последняя его книга Тихая Любовь выгодно отличается отъ предыдущихъ тѣмъ, что искусственныхъ причудъ въ ней менѣе, зато болѣе искреннаго, непритворнаго чувства. Другой, болѣе зрѣлый лирикъ, Францъ Квапиль, издалъ книжку Изъ выставочныхъ разговоровъ, предметомъ которой служатъ разныя явленія жизни на прошлогодней выставкѣ. Книжка эта не имѣетъ значенія для оцѣнки поэтическаго развитія автора,—она удовлетворяетъ только требованіямъ минуты.

Частию описательнаго, частию разсудочнаго содержанія — лирика Ант. Сова. Его Цвѣты интимныхъ настроеній не представляютъ «интимныхъ» сюжетовъ въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Они содержатъ въ себѣ: деревенскія картинки «Нивъ и просѣкъ» и потомъ «Городскія силуэтки», касающіяся характерныхъ чертъ городской жизни. Сова самостоятеленъ въ наблюденіи и стилѣ, — умѣренный меланхолическій тонъ является у него какъ нельзя болѣе кстати.

Совсѣмъ своеобразный, проникнутый Гейневскимъ сарказмомъ, I. С. Махаръ издалъ Лѣтніе сонеты, гдѣ легкимъ, свойственнымъ ему стихомъ затрогиваетъ разные важные и неважные вопросы, то занимается своею особою, то чисто художественнымъ изображеніемъ предметовъ и притомъ то разсказываетъ свою внутреннюю жизнь, глубоко взволнованную, чувство, пылающее жаромъ, то опять особое, нѣсколько легкомысленное спокойствіе, будь оно притворное или правдивое.

Пріятною, нѣжною настроенностію и правдивостію чувства отличается лирика Ружены Есенской. Ея «Мгновенія» съ указанной точки зрѣнія имѣютъ много преимуществъ, но до сихъ поръ въ нихъ сказывается тоже простоватое, почти наивное воззрѣніе и таже самая милая, но нѣсколько дѣтская форма, какую мы видѣли въ первомъ ея сборникѣ.

Особенно достойнымъ вниманія въ нашей лирикѣ является молодой поэтъ Ант. Клаштерскій. У него серьезность, даже глубина мыслей и правдивость въ міровоззрѣніи соединяются съ самымъ нѣжнымъ, чистымъ и вытекающимъ изъ глубины души чувствомъ. Его поэзія производитъ сильное впечатлѣніе, въ ней нѣтъ ничего дѣланнаго, никакой погони за эффектомъ, никакого стремленія произвести дешевое впечатлѣніе. Поэтъ владѣетъ тонкимъ пониманіемъ красоты природы и, заимствуя мотивы изъ жизни Чехіи, изображаетъ ихъ такъ, что въ его пѣсняхъ схвачены правильныя черты дѣйствительно чешскаго края. И его край населенъ живыми людьми, человѣческая дѣятельность которыхъ, борьба за жизнь и съ матеріею обращаютъ на себя живое вниманіе поэта. Трогательное

стихотвореніе «Хлѣбъ» служить тому доказательствомъ, наиболѣе поучительнымъ и удачнымъ. Означенною книгою Клаштерскій занялъ среди молодыхъ лириковъ одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ. Его книга «По полямъ и лѣсамъ» принадлежитъ къ самымъ цѣннымъ произведеніямъ прошлаго года.

Изъ поэтовъ старшаго поколѣнія подарилъ намъ истинной новинкой вышеупомянутый редакторъ «Луміра» Іос. В. Сладекъ. Онъ издалъ двѣ небольшія книжки: Старосвѣтскія пѣсенки и другія пѣсни и скоро вслѣдъ за ними Смѣсь. Со временъ Ф. Л. Челяковскаго никто у насъ въ искусственной поэзіи такъ счастливо и умѣло не постигъ характера простонародныхъ пѣсенъ, какъ Сладекъ въ этихъ двухъ книжкахъ. Конечно, у него нѣтъ такого богатства мотивовъ и такой гармоніи въ настроеніи, какъ у Челяковскаго, но зато превосходитъ своего предшественника изящною художественною отдѣлкою формы. Въ остальномъ же онъ одинаково съ нимъ постигаетъ непритворную простоту и естественность простонародной пѣсни, точно также какъ ея игривость, грацію и задумчивость. Что онъ не забылъ ея обычной пѣвучести, доказываютъ музыкальные композиторы, которые уже обратились къ его пѣснѣ.

Изъ тѣхъ, которые въ прошломъ году дебютировали первыми лирическими сборниками, Алоисъ В. Велихъ производитъ пока впечатлѣніе нецѣлостное и неопредѣленное. Его «Шиповникъ» содержитъ въ себѣ нѣсколько стихотвореній, свидѣтельствующихъ о поэтическомъ дарованіи и стихотворной опытности, но на основаніи ихъ нельзя произнести объ авторѣ окончательнаго сужденія. Въ болѣе выгодномъ свѣтѣ представляется Людвигъ Лоптякъ своими стихотвореніями, хотя наши критики болѣею частію высказались объ нихъ неодобрительно. Кажется, что это несправедливо. Лоптякъ въ своей книгѣ высказываетъ достаточно важныхъ, зрѣлыхъ и хорошихъ мыслей, но облачаетъ ихъ часто въ форму суровую и неуклюжую. При нынѣшней формальной гладкости стиховъ недостатокъ этотъ конечно бросается въ глаза. Хорошія надежды на будущее возбуждаютъ Пѣсни рабочихъ, которыя издалъ А. К. Лешакъ. Поэтъ привлекъ сюда новую атмосферу, новые мотивы, которые онъ наблюдалъ въ дѣйствительной жизни не безъ достаточнаго остроумія. Безъ искусственности, безъ погони за эффектомъ, безъ фальшивыхъ жалобъ на теперешній міръ, онъ даетъ цѣлый рядъ пѣсенъ, для которыхъ мотивъ черпалъ изъ разныхъ отраслей матеріальнаго труда, т. е. изъ жизни рабочихъ. Глубина и правдивость мысли и пѣвучесть стиха прекрасно его характеризуютъ; форма по мѣстамъ еще шероховата.

Изъ младшей генераціи поэтовъ выступилъ въ прошломъ году

въ качествѣ поэта—эпика единственный Франць Таборскій. Его Старая Исторія содержитъ три стихотворенія, изъ которыхъ два суть только небольшіе образчики или отрывки романа въ стихахъ, надъ которымъ Таборскій работаетъ и который разсчитанъ приблизительно на 12—если не больше—пѣсенъ. Основа цѣлаго произведенія слѣд. широкая, и изъ доселѣ вышедшихъ отрывковъ нельзя о немъ судить. Однако и теперь можно сказать навѣрно, что тутъ взялся за дѣло поэтъ съ истиннымъ призваніемъ, умно наблюдающій, тонко и удачно изображающій свои типы, который умѣетъ овладѣвать богатымъ матеріаломъ и свѣжими красками рисовать даже самыя сложныя сцены. Третье стихотвореніе «Большой птичій сборъ», въ которомъ поэтъ имѣлъ предъ собою простонародные русскіе образцы, удачно по замыслу и выполненію; сатирическій тонъ идетъ къ нему такъ же хорошо, какъ и пріятный и эластичный составъ. А что оно съ остальными частями книги не имѣетъ связи, объ этомъ нечего и упоминать.

Вообще о всей чешской беллетристикѣ 1891 года можно сказать, что она отличается больше своею численностію, чѣмъ внутренними достоинствами изданныхъ книгъ. Произведеній на самомъ дѣлѣ выдающихся и для послѣдующаго развитія литературы имѣющихъ какое-нибудь важное значеніе относительно мало, точно также какъ немного и такихъ, которыя бы отличались опредѣленнымъ, оригинальнымъ характеромъ и такимъ образомъ давали бы направленіе чешской литературѣ. Утѣшительно, что какъ разъ изъ младшаго поколѣнія писателей раздаются рѣшительные голоса въ пользу новаго направленія и путей, и это стремленіе уже приноситъ свой плодъ.

В. Ф. Выкоукаль.

ПРОЦЕССЪ С. І. ГУРБАНА-ВАЯНСКАГО

5 (17) дек. 1892 г. въ Пресбургѣ происходило передъ судомъ присяжныхъ разбирательство по обвиненію извѣстнаго словенскаго поэта и публциста Светозара Іосифовича Гурбана-Ваянскаго въ возбужденіи ненависти и презрѣнія къ мадыарскому государству и народу, за напечатанную имъ въ сентябрѣ въ «Národních Novínách» статью: «Гіенизмъ въ Угріи». Статья эта была вызвана жандармскимъ вмѣшательствомъ въ предположенное было 8-го (20) сентября въ с. Глубокомъ открытіе и освященіе надгробнаго памятника знаменитому словенскому писателю и дѣятелю доктору Іосифу Гурбану, отцу поэта. Жандармы, по распорженію мадыарскаго жупана, не допустили даже семью покойнаго на кладбище, подъ предлогомъ предупрежденія панславистической демонстраціи. Это нарушеніе священнаго даже для дикарей покоя могилъ заклеяно было въ означенной статьѣ именемъ гіенизма. При разбирательствѣ этого «преступленія» прокуроръ вывелъ еще разъ на сцену страшный для мадыаръ призракъ панславизма, представилъ его мнимую исторію за послѣдніи десятилѣтія, выдающуюся роль въ его развитіи обоихъ Гурбановъ, отца и сына, и требовалъ наказанія послѣдняго 6-лѣтнимъ заключеніемъ. Въ отвѣтныхъ рѣчахъ защитниковъ подсудимаго, Мудрони и Стефановича, а также самого обвиненнаго, представлена была въ историко-юридическомъ освѣщеніи вопіющая травля на словаковъ, которую въ 40-хъ годахъ вели въ Угріи агенты Кошута, а позже, съ 1867 г. органы мадыарскаго правительства, задавшіеся цѣлью стереть съ лица земли цѣлый 3-миліонный народъ, чтобы тукомъ его мяса и костей вскормить и вырастить свою «великую Мадыарію». Мудронъ подробно исчислилъ цѣлый рядъ вопіющихъ несправедливостей, совершаемыхъ надъ словаками во имя якобы равноправности народностей, на дѣлѣ

же—подъ знаменемъ самаго грубаго и безпощаднаго мадьярскаго фанатизма.

Съ блестящимъ краснорѣчіемъ разоблачилъ беззаконія мадьяризма, замаскированныя иной разъ въ маску филантропизма, и второй адвокатъ, д-ръ Милошъ Стефановичъ. Особенно остановился онъ на похищеніи мадьярами словенскихъ дѣтей, подъ предлогомъ воспитанія сиротъ, на дѣлѣ же для полученія бѣлыхъ рабовъ и усиленія вымирающей мадьярской расы. Даровитость же словаковъ и ихъ культурныя стремленія онъ доказалъ развитіемъ словенскихъ обществъ, школъ, газетъ въ Америкѣ, въ средѣ свободной конкуренціи, а не насильственнаго гнета народностей.

Самъ наконецъ обвиненный въ краткихъ, но сильныхъ словахъ доказалъ невыносимость нынѣшняго положенія словаковъ и законность ихъ борьбы за существованіе.

Присяжные, подъ гнетомъ мадьярскаго общественнаго мнѣнія и особенно фанатической публицистики, произнесли обвинительный приговоръ, въ силу котораго Светозаръ Гурбанъ засажень на годъ въ сегединскую тюрьму, съ обязательствомъ уплатить до 600 флор. штрафа и судебныхъ издержекъ. *

Но нравственный эффектъ закончившагося процесса былъ совершенно другой. Мадьяризму въ немъ нанесенъ сильный ударъ въ глазахъ не только словенскихъ земляковъ Гурбана, но и всего читающаго европейскаго общества. Это побѣда Пирра, которая требуетъ быстрого отступленія или — неминуемой гибели мадьяризма. На отступленіе онъ однако не рѣшится: остается значитъ въ силѣ вторая альтернатива, которой никто и ничто предупредить не можетъ. Кто сѣетъ вѣтеръ, тотъ пожинаетъ бурю... Мадьяризму предстоитъ то, что постигло нѣкогда ихъ дальнихъ родичей аваровъ или обровъ въ той же долинѣ средняго Дуная: «Быша бо Обърѣ тѣломъ велици и умомъ горди, и Богъ потреби я, и помроша вси, и не остана ни единъ Объринъ, и есть притѣча въ Руси и до сего же: погибоша аки Обрѣ, ихъ же нѣсть племени ни наслѣдъва» (Лаврент. лѣт., 11 стр.).

х.

* Процессъ г. Гурбана-Ваянскаго будетъ изданъ на дняхъ въ С.-Петербургѣ особой брошюрой.

Отвѣтъ г. Всеволоду Крестовскому.

Напечатанная въ октябрьской кн. «Слав. Обзорѣнія» корреспонденція г. С. Т. изъ Варшавы вызвала краткій, но довольно рѣзкій отвѣтъ г. Вс. Крестовскаго. Къ сожалѣнію, онъ остановился не на существѣ дѣла, а на второстепенныхъ подробностяхъ корреспонденціи. Въ авторѣ ея г. Крестовскій видитъ своего личнаго недруга, чуть ли даже не соперника при назначеніи на должность редактора. Можемъ увѣрить уважаемаго беллетриста, что въ этомъ случаѣ онъ попалъ на ложный слѣдъ и что С. Т. никогда не былъ соперникомъ г. Крестовскаго ни въ этомъ, ни въ другихъ отношеніяхъ.

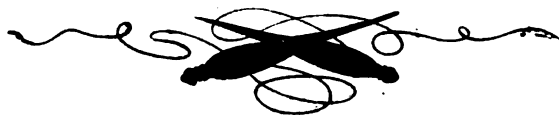
Что касается открытой г. Крестовскимъ въ помянутой корреспонденціи «инсинуаціи» и даже «совершенной клеветы», то очевидно нашъ беллетристъ мало знакомъ либо со значеніемъ этихъ словъ, либо съ приемами литературной критики и полемики.

Г. Крестовскій видитъ клевету въ томъ, что С. Т. считаетъ его проектъ учрежденія въ Варшавѣ умѣренно-благонадежной польской газеты не самостоятельнымъ и предполагаетъ тутъ геветическую связь съ подобнымъ проектомъ г. Пильца, извѣстнаго и уважаемаго редактора петербургскаго журнала «Крај». Догадка С. Т. можетъ быть вѣрна или невѣрна, но даже въ послѣднемъ случаѣ она могла бы быть названа только ошибкою или неточною справкою, но никакъ не клеветою.

Если наконецъ г. Крестовскій вычиталъ «между строкъ» означенной корреспонденціи признаніе его, г. Крестовскаго, «какъ и зто тайнымъ агентомъ (!) г. Пильца», то мы думаемъ, что ни С. Т., ни редакція «Слав. Обзор.» не могутъ быть отвѣтственны за произвольныя догадки того или другого читателя.

30 дек. 1892.

Редакторъ.

— Въ кассу **Особаго Комитета** всего собрано до 2 милл. р., именно 1,950.044 р. 49 коп.

— Братья **Третьяковы** подарили Москвѣ свою извѣстную въ Европѣ художественную галлерю, оценываемую въ три мил. р., чѣмъ обезсмертили свое имя какъ лучшихъ гражданъ первопрестольной столицы.

— 1 ноября торжественно чествовался полувѣковой юбилей извѣстнаго историка-археолога **И. Е. Забѣлина**.

— 15 декабря исполнилось 80 л. со дня рожденія **Якова Карловича Грота**, вице-президента имп. Академіи Наукъ, получившаго по этому поводу множество отовсюду привѣтствій.

— 27 ноября исполнилось 50-лѣтіе знаменитой оперы Глинки «**Русланъ и Людмила**», а 1 декабря столѣтіе со дня кончины автора «**Недоросля**» **Д. И. Фонвизина**.

— Въ Публичномъ засѣданіи Академіи Наукъ 29 дек. 1892 преміи и награды присуждены: Премія имени Имп. Александра II, учрежденная симбирскимъ дворянствомъ за сочиненіе, посвященное великимъ реформамъ Царя-Освободителя, — **П. П. Семенову**, довершивъ нему свой трудъ: «Освобожденіе крестьянъ въ ц-іе Имп. Александра II»; первая медаль и полн. ден. награда имени гр. Толстого — проф. **Янсону** за «Теорію статистики», а вторую медаль — **Л. Першке** за соч.: «Акцизно-бандерольная система табачнаго налога въ Россіи и въ Соед. Шт. Сѣв. Америки». Преміи Сибиряковъ удостоено соч. проф. **Буцинскаго**: «Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ».

— «Библиогр.:ф. Записки», располагающія собраніемъ писемъ разныхъ лицъ къ **О. М. Бодянскому** съ отвѣтами его (въ томъ числѣ и письма по Флетчерскому дѣлу), обѣщаютъ вскорѣ напечатать эту переписку. Въ № 11 за 1892 г. «Записки» напечатали 10 писемъ **И. И. Срезневскаго** къ **Болянскому** (1842—с). Отсюда мы узнаемъ, что къ составленію біографіи и обнародованію переписки **И. И. Срезневскаго** уже приступаетъ сынъ покойнаго.

— Въ г. «Гласъ Черногорца» **Филиппъ Радичевичъ** напечаталъ отъ имени черногорскаго духовенства некрологъ митроп. **Исидора**, въ которомъ воспоминаетъ съ благодарностью тѣ добрыя чувства, которыя почившій іерархъ неизмѣнно выказывалъ къ Черногоріи.

— Въ Финляндіи учреждена самостоятельная правоолавная архіерейская *искоода*, которой будутъ подлежать всѣ находящіеся въ Финляндіи правосл. приходы и монастыри. Епарх. архіерею присвоено именованіе архіепископа финляндскаго и выборгскаго, съ мѣстопробываніемъ въ Выборгѣ. Архіепископомъ назначенъ епископъ Антоній.

— Послѣдніе томики извѣстной «Universal Bibliothek» Reclam'a заключаютъ между прочимъ нѣсколько переводовъ русскихъ писателей. Такъ № 2955 дастъ намъ «Литературныя и житейскія воспоминанія И. С. Тургенева» въ нѣмецкомъ переводѣ Фр. Вальтера. Подъ №№ 2966—75 изданъ переводъ «Войны и мира» гр. Л. Н. Толстого, въ переводѣ д-ра Эрнста Штрэнге. Изъ новѣйшихъ русскихъ беллетристовъ особенно усердно переводятъ нѣмцы рассказы В. Короленки и А. Чехова; такъ подъ №№ 2846, 2868 и 2929 изданы «Въ сумеркахъ» Чехова, «Сибирскіе рассказы» и «Слѣпой музыкантъ» В. Короленки.

Въ двухъ книгахъ (за августъ и сентябрь 1892 г.) издающагося въ Женевѣ ежемѣсячнаго журнала «Revue universelle» помѣщенъ весьма обстоятельный разборъ сочиненія А. Будиловича «Общеславянскій языкъ». Статья эта, подъ заглавіемъ: «La langue russe et l'expansion des langues slaves», принадлежитъ перу извѣстнаго французскаго слависта Луи Леше (Louis Leger).

— Въ послѣднее время среди православныхъ эстовъ, проживающихъ въ Петербургѣ, возникло оживленное религиозное движеніе, выражающееся, главнымъ образомъ, въ усиленномъ стремленіи ихъ завести у себя постоянное православное богослуженіе на своемъ родномъ языкѣ. Толчекъ этому движенію сообщило состоявшееся уже устройство временнаго, періодически совершающагося православнаго богослуженія на эстонскомъ языкѣ—въ храмѣ братства пресв. Богородицы, на Боровой улицѣ. Богослуженіе это пока бываетъ рѣдко—разъ въ мѣсяць—и состоитъ изъ краткой вечерни, для совершенія которой каждый разъ пріѣзжаетъ изъ Кронштадта священникъ тамошней православно-эстонской церкви о. Адамъ Симо. Первая такая вечерня, привлекавшая множество богомольцевъ-эстовъ, была отслужена о. Симо 15-го ноября. Въ настоящее время изъ правосл. эстовъ сформированъ довольно порядочный церковный хоръ. Эсты обратились съ просьбой объ открытіи самостоятельнаго православнаго эстонскаго прихода въ Петербургѣ съ особымъ храмомъ.

— *Иностранцы въ Россіи*. Въ послѣднее десятилѣтіе среднимъ числомъ въ Россію ежегодно прибываетъ 800.000 иностранцевъ; въ предшествовавшее же десятилѣтіе ежегодно прибывало до 950.000 иностранцевъ. За время съ 1872 по 1882 гг. къ намъ прибыло не менѣе 9.458.000 иностранцевъ!

— Новый редакторъ «Русск. Старинъ», извѣстный воен. историкъ, Н. К. Шильдеръ, въ окт. кв. этого ж.—а помѣстилъ собственноручную записку императора Николая, написанную передъ войною 1853 г. для назиданія и свѣдѣнія канцлера, гр. Нессельроде. Въ запискѣ императоръ высказываетъ свое мнѣніе о болѣе выгодѣ для Россіи перейти къ дѣятельной политикѣ по отношенію къ народамъ Балканскаго полуострова. Онъ думалъ, что пора объявить о наступленіи времени полнаго освобожденія христіанъ, находящихся подъ владѣтельствомъ Турціи, съ тѣмъ—заявляя императору—«чтобы каждый изъ этихъ народовъ вступилъ въ обладаніе стріною, въ которой живетъ уже цѣлые вѣка и управлялся человекомъ по собственному выбору, избраннымъ имъ самимъ изъ среды своихъ же соотечественниковъ. Я вижу только одно это средство, способное положить предѣлъ недоброжелательству англичанъ, такъ какъ невозможно предположить, чтобы послѣ подобнаго заявленія они все-таки рѣши-

лись-бы примкнуть къ туркамъ, чтобы вмѣстѣ съ ними сражаться противъ христіанъ». Планъ Государя встрѣтилъ горячаго противника въ лицѣ Нессельроде. Кроме словеснаго опроверженія онъ представилъ еще записку, «въ которой доказывалъ невозможность для насъ вызвать возстаніе христіанъ, не становясь въ то же время въ противорѣчіе съ основными правилами, которыми мы до сихъ поръ руководствовались и не лишая вмѣстѣ къ тѣмъ консервативную Европу возможности присоединиться къ намъ и сослаться съ нами. Она будетъ имѣть право писать графъ Нессельроде, возражать намъ словами всѣхъ нашихъ заявленій, въ которыхъ мы постоянно увѣряли, что, вступая въ предѣлы княжествъ, мы не предпримемъ ничего, что могло бы вызвать возстаніе христіанскаго населенія противъ султана. По мнѣнію канцлера, вопросъ этотъ можетъ представиться совершенно въ иномъ видѣ въ томъ случаѣ, когда съ наступленіемъ весны мы будемъ вынуждены необходимо вести противъ Порты безпощадную войну; если въ это время, что весьма вѣроятно, христіане, безъ всякаго съ нашей стороны подстрекаательства, возстанутъ поголовно, тогда мы можемъ принять ихъ возстаніе какъ совершившійся фактъ».

Канцлеръ предполагалъ, что Англія и Франція въ этомъ случаѣ не выступятъ противъ христіанъ и не станутъ завоевывать вновь для турокъ освободившуюся уже территорию. Императоръ возражалъ: «Я не раздѣляю вашего чувства безопасности; я убѣжденъ, что англичане, весьма мало разборчивые въ своихъ дѣйствіяхъ, лишь только убѣдятся въ томъ, что успѣхъ войны склоняется на нашу сторону, не задумаются перемѣнить роль и тотчасъ же пожелаютъ присвоить себѣ дѣло освобожденія христіанъ, чтобы лишить насъ инициативы въ этомъ предпріятіи. Преслѣдуя, безъ всякаго сѣнсненія, исключительно свои личные интересы, они постараются придать дѣлу освобожденія такое направленіе, которое, по ихъ мнѣнію, окажется для насъ самымъ вреднымъ. Должны ли мы допустить это?—полагаю, что нѣтъ. Провозглашеніе освобожденія должно быть сдѣлано нами лишь тогда, когда мы будемъ навѣрное знать, что христіане не только желаютъ освобожденія, въ чемъ не можетъ быть сомнѣнія, но что они готовы дѣйствовать не щадя жизни и съ напряженіемъ всѣхъ ихъ усилій при нашей поддержкѣ». Мнѣніе Нессельроде, однако, восторжествовало и начавшаяся война приняла совершенно другой характеръ: объ энергическомъ дѣйствіи русскихъ войскъ на Балканскомъ полуостровѣ уже не было болѣе рѣчи и театромъ войны сталъ Крымъ.

— Въ этой же кн. «Рус. Старины» приведена изъ бумагъ Сперанскаго копія съ собственноручной записки Екатерины II, о такъ называемомъ «**греческомъ проектѣ**». Вотъ главные мѣста этой записки: «Для избѣжанія ссоры между трехъ имперій, а именно: Россійской, Римской и Греческой, надлежитъ опредѣлить отъ нынѣ и на вѣчныя времена, чтобы остались между оныхъ трехъ имперій земли отъ нихъ независимы, какъ-то: Молдавія, Валахія, Бессарабія, подъ названіемъ Дачія, подъ христіанскимъ владѣтелемъ, тамо господствующимъ. Между Россійской и Греческой море Черное и Албанія, т. е. тѣ провинціи персидскія, кои Россіи принадлежали. Россія отрицается отъ пріобрѣтенія, окромѣ: 1) Очаковы съ частію земли, лежащей между рѣками Бугомъ и Днѣпромъ; 2) Крымскаго полуострова, буде-бы, паче чаянія, тамошнее правленіе, по смерти нынѣшняго хана, или по какимъ-либо непредвидимымъ замѣшательствамъ, нашлось для насъ невыгоднымъ или вреднымъ, и, наконецъ, 3) одного, двухъ или трехъ острововъ въ Архипелагѣ для разныхъ пользъ и выгодъ по торговлѣ. Вѣнскій дворъ да возвратитъ себѣ Бѣлградъ съ частію Сербіи и Босніи. Буде же успѣхи войны подали бы способы и случай Россіи къ совершенному выгнанію врага ижеци

христіанства изъ предѣловъ европейскихъ, то Россія за такую всю христіанству и роду человѣческому услугу выговариваетъ себѣ возстановленіе на развалинахъ варварской державы древней Греческой имперіи: тогда Россія обѣщаетъ оную имперію въ совершенной независимости оставить, вручить и отдать русскому великому князю Константину Павловичу. Предѣлы Греческой имперіи точныя класть границы. Буде вѣнскому двору угодно какое ни есть основаніе на Средиземное море для торговли, то въ томъ помоществовать обѣщается».

— Близъ Санъ-Стефано, рядомъ въ греческомъ селеніи Галатарія, приобрѣтенъ, съ разрѣшенія султана, участокъ земли для того, чтобъ воздвигнуть на немъ памятникъ русскимъ воинамъ, павшимъ на полѣ брани во время послѣдней русско-турецкой войны. Дѣятельное участіе въ постановкѣ памятника принимаетъ нашъ военный агентъ въ Константинополь полковникъ Пѣшковъ. Проектъ памятника-усыпальницы составленъ въ русскомъ стилѣ. Памятникъ представляетъ собою склепъ и небольшую церковь надъ склепомъ, окруженную платформой, на которую ведутъ съ четырехъ сторонъ лѣстницы. На углахъ платформы — небольшіе монументы. Составленіе подробныхъ чертежей, а также руководство художественно-строительными работами поручено академику архитектуры Сулову, для наблюденія же за работами назначенъ архитекторъ Базаровъ.

— И. К. Айвазовскій отплылъ недавно изъ Одессы въ Америку. Главная задача его путешествія «желаніе снова увидѣть океанъ и воскресить въ себѣ впечатлѣнія его прошлаго путешествія, совершеннаго въ 40-хъ годахъ». Онъ послалъ въ Чикаго, черезъ спб. Академію Художествъ, цѣлую коллекцію своихъ картинъ, между которыми есть двѣ картины, специально вызванныя благодарностью русскаго народа за щедрый даръ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.

— Года два тому назадъ, въ китайскомъ Туркестанѣ открытъ подземельный городъ, въ которомъ найдена санскритская рукопись, написанная не позже 476 года до начала нашего лѣтосчисленія. Она состоитъ изъ пяти частей, изъ которыхъ первая и послѣдняя посвящены медицинѣ. Переводъ этой рукописи, сдѣланный докторомъ Гервеле, будетъ напечатанъ азіатскими обществомъ въ Бенгаліи.

— Въ ноябрѣ с. г. исполнилось 50-лѣтіе священнослуженія извѣстнаго нашего ученаго археолога, Амфилохія, епископа угличскаго. Преосв. Амфилохій, въ мѣрѣ Павелъ Ивановичъ Сергіевскій-Казанскій, род. 20 іюня 1818 г., въ селѣ Любидяхъ, маюдрол. уѣзда, калуужск. губ.; воспитывался въ боровскомъ дух. училищѣ, въ калуужск. семинаріи и въ московской д. академіи. Здѣсь, черезъ два года, онъ принялъ иночество (1842 г.); получилъ санъ іеромонаха и окончилъ курсъ со степенью кандидата богословія (1844). Іеромонахъ Амфилохій началъ духовно-учебную службу, которая продолжалась до 1856 г., когда въ санѣ архимандрита онъ былъ назначенъ настоятелемъ Воскресенскаго монастыря въ послѣдствіи въ московскомъ даниловомъ монастырѣ, а въ 1888 г. хиротонисанъ во епископа угличскаго, викарія ярославской епархіи. Длинный рядъ литературныхъ трудовъ еп. Амфилохія посвященъ произведеніямъ древнеславянской письменности и предметамъ церк. археологій. Дважды труды Амфилохія были удостоены уваровской преміи («Описаніе Воскресенской Новоіерусалимской бібліотеки» и «Концаракій въ греческомъ подлинникѣ XII—XIV вѣковъ»). Затѣмъ, демидовской преміи удостоенъ четырехтомный трудъ «Древнеславянская псалтирь Симонѣвская». Въ 1883 году онъ получилъ — полную ломоносовскую премію, избранъ въ члены-корреспонденты имп. академіи наукъ въ дѣйствительные члены императорскихъ обществъ — археологическаго въ Москвѣ и исторіи древностей при москов. унив.—тѣ, а также въ почетные члены петербургской и московской дух. академій.

— 3 дек. въ Москвѣ скончался одинъ изъ лучшихъ новѣйшихъ поэтовъ **А. А. Фетъ-Шеншинъ**, на 72 г. жизни. Онъ род. 23 ноября 1820 г. въ орлов. губ. служилъ въ кирасирахъ и уланахъ, а подъ конецъ жилъ въ деревнѣ и занимался поэзіей, въ лирическомъ родѣ. Ему принадлежатъ прекрасные переводы Горация, Тибулла, Катуллы, Овидія, Виргилія, Марціана, Персія и Плавта, изъ новѣйшихъ же—Гетева Фауста.

— 14 ноября умеръ 85 л. отъ роду въ Спб. старѣйшій дѣятель русской литературы **Алексій Дм. Галаховъ**.

— 31 дек. умеръ отъ порока сердца, на 52 г. жизни, **Николай Ивановичъ Соколовъ**, имя котораго помянуть въ лѣтописяхъ Западнаго и Прибалтійскаго края, нашей періодической печати и столичной адвокатуры. Будучи однимъ изъ первыхъ воспитанниковъ спб. д. академіи, въ 1862 онъ (выѣстъ съ † М. И. Владиславлевымъ и др.) вынужденъ былъ прервать по особому случаю свое образование и затѣмъ переѣхалъ въ Муравьевское время въ Вильну, гдѣ сослужилъ втеченіе 4 л. весьма полезную службу Россіи, въ эпоху возрожденія русской народности и православія въ западн. краѣ. Высшая администрація края возлагала на Н. И. многочисленныя и важныя порученія учено-литературнаго свойства (напр. изданіе для инородческихъ школъ книгъ съ русскою транскрипціею, описаніе и свезеніе въ Вильну для обрѣзаванія Публ. Библіотеки многихъ библіотекъ закрытыхъ римско-катол. монастырей, причемъ нѣкоторыя изъ замѣчательныхъ рукописей и книгъ Н. И. описалъ въ мѣстныхъ изданіяхъ и «Изв. Акад. Наукъ», и т. п.). Въ то же время Н. И. былъ ближайшимъ сотрудникомъ «Вил. Вѣстника», преобразованнаго тогда въ большую ежедн. русскую газету (подъ редакціей А. И. Забѣлина), помѣщалъ статьи и въ др. мѣстныхъ изданіяхъ. Нѣсколько лѣтъ позже Н. И. своими статьями, а отецъ его—діаконъ туккумск. ц.—сборомъ пожертвованій привлекли изъ Спб. и Москвы въ пользу прав. братствъ туккумскаго и гольдингенскаго много средствъ (до 30—40 г. р.), которыя дали имъ возможность окрѣпить и развить свои благотворительныя учрежденія. Въ 1867 Н. И. съ цѣлью довершенія высш. образованія поступилъ на филолог. фак-тъ спб. университета, но кандидат. степень получилъ по юридич. фак-ту. Какъ надѣленный необыкновенными дарованіями, начитанный, образованный и заявившій уже себя въ литературѣ выдающимися статьями, Н. И. былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорству по кафедрѣ государств. прав. И казалось, этотъ жребій былъ его призваніемъ: изъ него могъ бы и долженъ бы былъ выйти талантливый профессоръ и замѣчательный дѣятель науки. Но судьба распорядилась иначе. Семейныя и др. обстоятельства направили его въ иную сторону. Сначала онъ сотрудничалъ въ разныхъ період. изданіяхъ (у И. С. Аксакова, въ «Голосѣ», былъ нѣкоторое время фактическимъ редакторомъ большой газ. «Бирж. Вѣдомости», и др.), затѣмъ состоялъ нѣсколько лѣтъ секретаремъ Совѣта Дома призрѣнія и ремесл. образованія (училище Цесаревича Николая) и наконецъ избралъ адвокатуру. Н. И. былъ глубокой и сильный юристъ-теоретикъ. Онъ съ жадностью слѣдилъ за юрид. литературою, все замѣчательное пріобрѣталъ для своей немалой библіотеки, и отъ него можно было ожидать капитальныхъ трудовъ въ области права. Вѣчная ему память! **Я. З.**

— Юбилей **Коменскаго** вызвалъ нѣсколько переводовъ его сочиненій на русскій языкъ: въ Ревельскомъ журналѣ «Гимназія» печатается его *Janua Linguarum*, а въ Москвѣ, при Филологическомъ Обозрѣніи, издаются «Избранныя педагогическія сочиненія Я. А. Коменскаго, въ переводѣ С. Любомудрова и г. Адольфа».

— По сообщенію «Правит. Вѣстника» въ 1892 г. холера похитила въ Россіи до 260.000 д., изъ общаго числа до 550.000 заболѣвшихъ.

— Имп. Францъ Юсифъ, по просьбѣ галицкихъ поляковъ, принявъ на себя протекторатъ надъ львовскою выставкою 1894 г. и обѣщавъ посѣтить Галицію въ 1893 г. во время маневровъ, — если (прибавимъ отъ себя) вновь не пойдутъ этому посѣщенію такія, компрометирующія польское хозяйничанье, явленія какъ бѣгство галицкихъ поселянъ въ Америку и Россію.

— Пресловутый рескриптъ львовскаго намѣстника Бадеи, отъ 7/19 ноября 1892 г., противъ галицко-русскаго духовенства, за мнимую виновность его въ эмиграціи поселянъ, гласитъ въ основномъ — слѣдующее:

«Дознанія, произведенныя по поводу эмиграціоннаго движенія со второй половины августа с. г. въ уѣздахъ збаржскомъ и скалатскомъ, а затѣмъ къ югу отъ нихъ и въ настоящее время въ уѣздахъ борщовскомъ и залѣщанскомъ, обнаружили много обстоятельствъ, представляющихъ въ весьма печальномъ свѣтѣ глубокой нравственный и религиозный упадокъ греко-католическаго населенія восточной Галичины. Уже одно то, что нѣсколько тысячъ поселянъ, до вѣрившись безсовѣстнымъ наущеніямъ и не взирая на предостереженіе властей легкомысленно бросаетъ отечественную землю изъ-за сомнительныхъ выгодъ чужбины, не съ хорошей стороны рекомендуетъ настроеніе этого населенія; но еще печальнѣе его поведеніе за границею. Скопившись массама въ православномъ почтаевскомъ монастырѣ, эмигранты цѣлыми сотнями исповѣдывались и причащались у поповъ православныхъ и торжественно переходили въ схизму, получая за то по 1 р. на голову; затѣмъ, не найдя въ Россіи ожидаемыхъ выгодъ они возвращаются въ Галицію и въ простотѣ сердца считаютъ себя опять католиками, не придавая значенія обрядамъ православныхъ священниковъ. Это равнодушіе въ дѣлахъ вѣры, эта легкость отреченія отъ вѣры за деньги, это отсутствіе сознанія о различіи православія и католицизма представляетъ явленіе крайне тревожное, обличающее недостатокъ началъ религиозныхъ и нравственныхъ въ сельскомъ населеніи. Виновникомъ этого печальнаго явленія я долженъ считать греко-католическое духовенство, которое заботясь лишь о своихъ — материальныхъ потребностяхъ, небрежныхъ и лѣнливымъ исполненіемъ своихъ духовныхъ обязанностей, отчуждило отъ себя народъ, потеряло его довѣріе и любовь, и своимъ примѣромъ, своею бездѣятельностью привело народъ къ тому нравственному упадку, который выразился въ фактахъ эмиграцій. Не имѣя высшихъ стремленій и идеальныхъ началъ, духовенство это очевидно не могло ихъ сообщить и прихожанамъ; нерѣдко же къ этому еще присоединялось зложелительство, объясняемое политическими и религиозными убѣжденіями, недостойными католическаго священника. Поощряя въ народѣ нерасположеніе къ существующимъ учрежденіямъ, эта часть духовенства съ удовольствіемъ смотрѣла на постепенное помраченіе католическаго чувства необразованныхъ массъ. Такое духовенство не желало да и не могло противобойствовать эмиграціи. Тѣмъ болѣе, что между настоятелемъ и прихожанами давно уже господствовало полное разстройство... Потому-то духовенство, вращаясь въ народѣ, не имѣло ни малѣйшихъ свѣдѣній о подготовлявшемся эмиграціонномъ явленіи»...

По всей вѣроятности, рескриптъ этотъ былъ по своему возникновенію оправдательною запискою намѣстника министру или монарху. Конечно пріятно да и полезно было при этомъ свалить свою вину на другого, особенно на русское духовенство, которое къ тому же давно предположено перевоспитать при помощи іезуитовъ. Все таки официальное констатированіе факта, что галицкіе уніаты считаютъ себя православными и вовсе не отличаютъ унію отъ «схизмы» — представляетъ свою цѣнность не только для настоящаго, но и для будущаго!...

— 11—23 прошлаго дек. въ г. Львовѣ происходило собраніе 150 самыхъ виднѣхъ

членовъ русскаго политическаго общества «Русская Рада», подъ предсѣдательствомъ депутата львовскаго сейма д-ра Н. Антоновича. Предметомъ обсужденія было 3 вопроса: 1) о введеніи фонетики въ русское письмо (докладчикомъ былъ др. И. А. Добрянскій), 2) объ эмиграціи русскихъ поселянъ и вызванномъ ею униженіемъ для русскаго духовенства рескриптъ намѣстника (докладч. Л. А. Павенцкій) и 3) объ организаціи русскихъ силъ (докл. О. А. Марковъ). Единогласно приняты слѣд. важнѣйшія резолюціи: 1) подписать и полнести императору меморандумъ п. з. Die gegenwärtige Lage der Ruthenen in Galizien и принять всѣ мѣры, при содѣйствіи епископовъ, для поддержанія историческихъ преданій русской письменности и народа; 2) разъяснить кому слѣдуетъ, что эмиграція галицкихъ поселянъ въ Сѣв. Америку, Бразилію и Россію происходитъ исключительно отъ крайне бѣдственнаго матеріальнаго ихъ положенія и тяжкихъ административно-политическихъ условий; 3) объявить эту эмиграцію не желательною, въ виду ослабленія ею русскаго элемента въ краѣ, но вмѣстѣ протестовать противъ нарушенія властями законовъ въ отношеніи къ беззащитнымъ эмигрантамъ-поселянамъ; 4) протестовать противъ оскорбительнаго для русскаго духовенства рескрипта намѣстника и вообще противъ попытокъ пошатнуть нравственный авторитетъ этого духовенства; 5) возложить на русскихъ депутатовъ принятіе мѣръ противъ повторенія подобныхъ обидныхъ рескриптовъ; 6) стараться о воспитаніи дѣтей въ русскомъ духѣ и о занятіи ими независимыхъ профессій, а также — о развитіи русской промышленности, торговли, ремесель; 7) стремиться къ примиренію галицко-русскихъ партій.

Почти въ то же время происходило во Львовѣ засѣданіе во 140 членовъ новоэрскаго общества «Народная Рада», подъ предсѣд. Телишевскаго. Оно также опредѣлило представить императору записку о печальномъ положеніи русскаго дѣла въ Галиціи. И здѣсь было внесено предложеніе о примиреніи русскихъ партій—молодой со старшею, но большинство высказалось въ противномъ смыслѣ. И въ Вѣнѣ происходило 13 дек. вѣче русскихъ людей всѣхъ трехъ партій (старой, молодой и радикаловъ), принявшее резолюцію—протестовать противъ польскаго вмѣшательства въ дѣла русской церкви и народности и ратовать за нихъ общими силами всѣхъ партій.

Протестъ противъ фонетики галицко-русскихъ іерарховъ. Гр. кат. епископъ рѣшилъ выслать въ министерство просвѣщенія протестъ противъ введенія фонетики, составленный о. Ал. Торонскимъ, авторомъ «Читанки» и бывшимъ предсѣдателемъ собранія «Педагогическаго Товарищества». На этомъ протестѣ, митрополитъ Сильвестръ собственноручно отмѣтилъ, что стилизація его принята всѣми тремя ординаріатами. Элаборатъ содержитъ протестъ противъ введенія фонетическаго правописанія и заявленіе, что ординаріатамъ не было дано возможности высказаться за или противъ того нововведенія. Въ концѣ выражено требованіе устраниенія распоряженія о введеніи фонетики или по крайней мѣрѣ распоряженія, дабы учебники по закону божію были печатаны этимологическимъ правописаніемъ, тѣсно связаннымъ съ церковными книгами.

— Давно ходившіе въ Галичинѣ слухи о врученіи іезуитамъ львовской русской духовной семинаріи оправдываются: во главѣ ея поставленъ іезуитъ Бурновичъ, на котораго и падетъ обязанность перевоспитать русское духовенство въ іезуитскомъ духѣ и направленіи!

— По сообщенію «Дзенника Польскаго» во Львовѣ, въ послѣднее 10 л. изъ Галиціи эмигрировало 80.000 ч.

Въ Краковской газетѣ «Kurjer Polski» (4 дек. 1892 г. № 324) напечатана интересная корреспонденція. «Изъ подъ Залѣщикъ» о причинахъ эмиграціи посе-

лать изъ уѣздовъ: скалатскаго, збаражскаго, гусатынскаго, чортковскаго, залѣщицкаго и боршовскаго. Общее число эмигрантовъ авторъ опредѣляетъ примѣрно въ 10.000 душъ. Они слагаются-де главнымъ обр. изъ бобылей, дворовой челяди, халупниковъ и мелкихъ землевладѣльцевъ (1—5 морг. земли). Съ ихъ выселеніемъ помѣщики теряютъ-де лучшія свои рабочія руки. Прода аемья же выселенцами земли скупаются обыкновенно евреями. Къ веснѣ эмиграція должна будетъ усилиться. Она поддерживается фантастическими разсказами: что въ Россіи каждый получить 9 морговъ земли, избу, лошадей и т. п. что тамъ цѣлыя села пусты отъ холеры; что податей тамъ платить не нужно. Жандармское наблюденіе бессильно въ борьбѣ съ массами охотниковъ уйти, которые твердо убѣждены, что въ Россіи живется лучше, что русскій Царь желаетъ имъ добра, что лишь этимъ путемъ можетъ и австрійскій «цисарь» узнать о бѣдѣ и нуждѣ галицкихъ поселянъ.

Чѣмъ же пресѣчь эту эмиграцію? Нужно помочь народу въ нуждѣ: онъ слишкомъ уже обремененъ налогами, удрученъ автономической безурядицей, безконечными процессами, ростовщичествомъ, еврейскими торгашами. Селянину приходится платить: дань поземельную, подымную, индемнизациійскую, областную, уѣздную, волостную; содержать войта, писаря, учителя; строить церковь, приходъ, школу, платить за необученіе дѣтей; давать ввятки войту, писарю, присажному; служить жертвою жида и захоlustнаго стряпчаго: занимать у шинкаря на 200% и т. п. и т. п. Понятно, что народъ недоволенъ. Чтобы пресѣчь эмиграцію, нужно устранить это недовольство, сдѣлать положеніе селянъ хоть сколько-нибудь сноснымъ.

— Одинъ изъ русско-униатскихъ приходовъ перемышльской епархіи, и именно Тучалскій, по интригамъ ксендзовъ и шляхтичей, отчасти же и по винѣ русскаго духовенства, выразилъ желаніе перейти въ латинство. Хотя это противорѣчитъ условіямъ уніи съ Римомъ, однако папа, подъ давленіемъ поляковъ, согласился на этотъ переходъ. Ничто не мѣшаетъ теперь галицкимъ іезуитамъ совершать подобное душехватство на счетъ русской церкви въ большихъ размѣрахъ.

— Д-ръ Юліанъ Целевичъ, профессоръ львовской академической гимназіи, скончался скоропостижно на 49 году жизни. Покойный пользовался симпатією со стороны учениковъ и товарищей-учителей, такъ какъ былъ человѣкъ тихаго нрава и отличный преподаватель исторіи. Покойный извѣстенъ былъ—какъ исторіографъ. Въ монографіи п. в. «Скитъ Млнявскій» онъ представилъ исторію послѣдняго въ Галичинѣ православнаго монастыря. Вѣчная ему памяти!

— Депутація буковинскихъ гражданъ представила императору петицію объ учрежденіи въ черновецкомъ университетѣ медицинскаго факультета. Императоръ принялъ ее сочувственно, но указалъ на финансовыя трудности учрежденія. Польскія газеты считаютъ подобное усиленіе нѣмецкаго университета въ Черновцахъ вовсе нежелательнымъ, видя въ этомъ подрывъ для польскихъ университетовъ въ Краковѣ и Львовѣ.

— Арестованіе въ Вѣнѣ редактора «Науки» г. Козарищуна (въ телеграммѣ нашего Сѣверн. телегр. агентства онъ былъ названъ издателемъ «русинской газеты» Косаричукомъ) произведено, какъ полагаютъ, по требованію черновецкаго уголовного суда, обусловленному вѣроятно тѣмъ, что г. Козарищуку—буковинецъ, хотя давно проживающій въ Вѣнѣ и издающій уже много лѣтъ основанный Наумовичемъ журналъ для народа «Науку». Обвиняется онъ въ «государственной имѣннѣ», которая въ Австріи обыкновенно означаетъ теперь несогласіе съ поляками и ихъ «ягеллонской идеей»...

— Въ г. Черновцахъ (Буковина) вышла недавно брошюра подъ заглавіемъ:

«Руске пытавъ на Буковинѣ. Обговоривъ буковинскій православный Русинъ». Авторъ ея (не Тыминскій-ли?) обсуждаетъ тутъ русско-народныя отношенія Буковины, затѣмъ оправдываетъ союзъ г. Воляна и Тыминскаго съ румынскою партією, чему каждый патриотъ сочувствуетъ; наконецъ порицаетъ сепаратистовъ, Смаля-Стоцкаго, Пигуляка и компанію съ ихъ органомъ «Буковиною», и иллюстрируетъ наглядно паденіе буковинско-русскихъ обществъ съ тѣхъ поръ, какъ клика сепаратистовъ овладѣла ими. Жаль только, что авторъ за сдѣлки галичанъ Стоцкаго и Костецкаго порицаетъ почти всѣхъ галичанъ, переселившихся въ Буковину, называя ихъ «зайдами» и чуть не отказывая имъ въ правѣ на жизнь въ Буковинѣ!... А вѣдь имена такихъ галичанъ, какъ Максимовичъ, Браникъ, Глѣбовицкій, Калужняцкій, Волянъ, Шанковскій, Калитовскій, Огоновскій, Билинкевичъ, Мильковичъ и др. будутъ въ исторіи буковинской Руси упоминаться съ такою же честію и благодарностію, какъ имена Продана, братьевъ Воробкевичей, Коморошна, Андрейчука, Кириловича, Чеховича, Федоровича, Никитовича и мн. др. Непрасно также авторъ совѣтуетъ буковинцамъ принятіе чуждыя поляками фонетической графики, призванной ослабить связь школы съ церковью, письменности свѣтской съ духовною.

— 2 прошл. дек. въ Черновцахъ оправдано пятилѣтіе буковинско-русскаго студенческаго общества «Буковина», въ присутствіи до 60 членовъ, а также гостей отъ прочихъ студенческихъ обществъ черновецкаго университета и нѣкоторыхъ профессоровъ. Изъ сказанныхъ на этомъ празднествѣ рѣчей можно убѣдиться, что составляющая «Буковину» молодежь одушевлена самыми патриотическими русско-славянскими чувствами.

На другой день, 3 дек., былъ подписанъ въ Черновцахъ же русскими патриотами проектъ устава новаго «Русскаго просвѣтительнаго общества имени бл. п. Василія Продана», съ тѣми же приблизительно задачами, которыя преслѣдуются галицкимъ обществомъ имени Качковскаго. Если уставъ этотъ получитъ правительственную санкцію, то и буковинская Русь понемногу пробудится отъ вѣковой спячки, искусно эксплуатируемой нѣмцами, евреями и поляками.

— Въ Вѣнѣ происходило недавно общее собраніе галицко-русскаго общества «Січ» (Сѣчь). Въ прежнее время оно было главнымъ расадникомъ украинофильства, но съ той поры, какъ галицкіе украинофилы ударились въ сервиллизмъ, «Січъ» отшатнулась отъ нихъ и приняла болѣе радикальную окраску. Съ тѣмъ вмѣстѣ она сблизилась съ прочими славянскими обществами въ Вѣнѣ, между прочимъ съ русскою «Буковиною» и польскимъ «Огнискомъ». Слѣдуетъ отмѣтить, что и послѣднее обнаруживаетъ теперь радикальныя тенденціи.

Plęśni ludu. Zebrał Zygmunt Gloger (w latach 1861—1891). Muzykę opracował Zygmunt Noskowski. W Krakowie. Nakładem autora. 1892. Любителямъ славянской народной поэзіи и народной мелодіи доставитъ несомнѣнно большое удовольствіе сборникъ народныхъ пѣсенъ г. Сигизмунда Глогера. Несмотря на то, что польская этнографическая литература обладаетъ въ настоящее время богатыми собраніями народныхъ пѣсенъ и народныхъ мелодій, при чемъ одинъ О. Кольбергъ издалъ тридцать слишкомъ томовъ народныхъ пѣсенъ съ ихъ мелодіями, однако до сихъ поръ не было еще популярнаго и общедоступнаго сборника, въ которомъ можно было бы найти всѣ роды лирическихъ пѣсенъ съ ихъ напѣвами. Такой общедоступный сборникъ необходимъ не только для людей, специально занимающихся народной славянскою поэзіей и музыкой, но и для всѣхъ вообще любителей и дилетантовъ въ этой области. Удовлетворить этой потребности долженъ названный нами сборникъ г. С. Глогера. Надо отдать справедливость, издатель мастерски справился съ своей задачей. Сбор-

никъ этотъ состоитъ изъ пяти почти равныхъ частей: I ч. содержитъ въ себѣ 128 пѣсень, преимущественно обрядовыхъ: пѣсни новогоднія, пасхальныя, рождественскія, колядскія, пѣсни раечниковъ (szorka) и т. п. II ч. состоитъ изъ 571 пѣсни: всѣ пѣсни этой части — свадебныя, дающія живую и чрезвычайно интересную картину свадебныхъ обрядовъ и церемоній. III ч. заключаетъ въ себѣ 164 думы и думки, а IV ч. — 434 номера самыхъ разнообразныхъ пѣсень «кувяковъ», «мазуровъ», колыбельныхъ пѣсень (kołysanki), прибаутокъ (wugwasu), пастушескѣхъ пѣсень, шуточныхъ и т. д. V ч. состоитъ изъ 585 «краковяковъ»; это обыкновенно четверостишія на самыя разнообразныя темы (чаще всего, впрочемъ, на тему любви), по своему характеру и содержанию они напоминаютъ безконечныя варіаціи русской «барыни» и такъ же, несомнѣнно, безконечны. Такъ какъ однѣ и тѣ же пѣсни часто поются въ различныхъ мѣстностяхъ и деревняхъ съ извѣстными измѣненіями, причемъ нерѣдко одна пѣсня распадается на двѣ самостоятельныя части, а иногда и обратно, то издатель стремился къ тому, чтобы во всемъ обиліи собраннаго имъ матеріала выбрать тексты и варианты ихъ наиболѣе полные, ясные, простые и характерные. Обработкой мелодій (не повредила ли, впрочемъ, эта «обработка» ихъ первоначальной чистотѣ и безыскусственности?) первоначально обѣщала издателю заняться Кольбергъ, но при обиліи своихъ занятій, онъ не въ силахъ былъ исполнить свое обѣщаніе, и только благодаря содѣйствію извѣстнаго композитора и знатока народной музыки Сиг. Носковского г. Глогеру удалось снабдить свое изданіе нотами. По внѣшности изданіе это безукоризненное и не заставляетъ желать ничего лучшаго, а крайне скромная цѣна этой книги (всего 1 р. 50 коп.) дѣлаетъ ее доступною самому широкому кругу любителей славянской народной поэзіи и музыки.

В. Ф.

— 3/15 дек. во Львовѣ происходило вѣче учащейся польской молодежи, числомъ до 600 ч., для обсужденія вопроса о празднованіи столѣтія со времени раздѣла Польши. Определено: считать 1893 г. траурнымъ и избѣгать всѣхъ празднествъ и развлеченій; основать возможно большее число народныхъ читаленъ и вообще содѣйствовать народному просвѣщенію; избрать для этой цѣли перманентную комиссію, для организаціи филанокъ и развитія «Общества народной школы»; назначить особый комитетъ для учрежденія «университета рабочихъ» и аналогичной школы для работающихъ женщинъ; основать политическій двухнедѣльникъ для пропаганды началъ патріотическо-прогрессивной польской молодежи; поддерживать мѣстную промышленность и народную торговлю; организовать центральное управленіе «польской молодежи»; черезъ годъ созвать вторично вѣче, на которомъ учреждаемая комиссію представить отчетъ о своей дѣятельности.

Польскія газеты замѣчаютъ по этому поводу, что молодежь не можетъ присваивать себѣ руководства и болѣе зрѣлыми слоями польскаго общества.

— Мадьярская газета «Nemzet» сообщаетъ, что въ средѣ польской эмиграціи замѣчается теперь усиленная дѣятельность. Проповѣдуется необходимость активной политикѣ. Сдѣлано воззваніе ко всемъ сочувствующимъ банкамъ и обществамъ помочь вкладами въ центральную кассу эмигрантовъ въ Швейцарію. «Nemzet» предполагаетъ, что результатъ этихъ усилій эмиграціи скоро отразится на дѣлахъ Привислинской области, гдѣ «фениксъ воскреснетъ-де изъ пепла».

— Въ Варшавѣ ум. недавно польскій беллетристъ Александръ Невяровскій. Онъ род. въ 1823 г. въ ломжинской губ., воспитывался въ Варшавѣ, проведъ нѣсколько лѣтъ (1846—51 гг.) въ эмиграціи, затѣмъ жилъ въ Варшавѣ. Съ 40-хъ годовъ онъ пописывалъ повѣсти и фельетоны въ разныхъ варшавскихъ газетахъ

съ конца же 50-хъ и самъ редактировалъ то политическія, то юмористическія изданія. Послѣ возстанія 1863 г. онъ состоялъ нѣкоторое время фельетонистомъ «Варш. Дневника», чего до смерти не могли ему простить земляки.

— **Пис. Аймъ о полякахъ.** Вѣнскій корреспондентъ польской петербургской газеты Кгај имѣлъ недавно разговоръ съ младочешскимъ депутатомъ и публицистомъ Аймомъ. Изъ этого разговора заимствуемъ слѣдующія назидательныя слова чешскаго политическаго дѣятеля по адресу поляковъ: «Мы, чехи, далеки отъ того, чтобы вмѣшиваться въ братній споръ двухъ главныхъ славянскихъ народовъ: мы только сожалѣемъ объ этомъ спорѣ, считая его несчастьемъ для всего славянства. Гдѣ миръ славянскій находился бы нынѣ, не будь этого спора! Германія, издавна бывшая могилою для славянъ и состоящая нынѣ изъ онѣмеченныхъ славянскихъ земель надъ Лабюю, Одрою и нижнею Вислою, и теперь германизуетъ поляковъ въ Слезіи, Познани и Пруссіи, онѣмечиваетъ остатки чеховъ въ графствѣ Кладскомъ и сербовъ-лужичанъ. Не уступаетъ ей и Австрія, германизирующая чеховъ и словенцевъ, обращающая въ итальянцевъ хорватовъ и словенцевъ, и мальяризирующая три милліона словаковъ, хорватовъ, сербовъ и русскихъ, живущихъ въ сѣверной Угорщинѣ. Онѣмеченіе все далѣе выдвигаетъ свои форпосты, строить свои крѣпости не только въ Босніи и Герцеговинѣ, но на всемъ Балканскомъ полуостровѣ и даже въ Галичинѣ. Поляки же, вмѣсто того чтобы искать сближенія съ Россією и русскими, не только прислуживаются нѣмцамъ въ Германіи и Австріи, но пристають къ чехамъ съ неразумными и неприличными требованіями «не любить Россію». Мы не предписываемъ полякамъ, кого имъ слѣдуетъ любить, и не можемъ позволить, какъ въ обшеславянскомъ, такъ и въ нашемъ народномъ интересѣ, чтобы намъ ставились условія, кого любить, а кого ненавидѣть. Такія требованія со стороны поляковъ и неправильны и несправедливы. Мы обходимъ все то, что могло бы задѣть польскія чувства. Но я долженъ сослаться на слова польскаго государственнаго челоуѣка, маркиза Александра Велеспольскаго, сказанныя имъ на смертномъ одрѣ въ Липскѣ одному галицкому магнату: «Были ли вы когда-либо столь любезны къ Россіи, какъ къ Австріи? Есть ли въ архивѣ варшавскаго сейма хотя бы одинъ адресъ, похожій на тѣ, которые высылались въ Вѣну изъ Львова?» Я замѣчаю съ радостью, что и среди поляковъ начинается образоваться молодая демократическая партія, духовнымъ отцомъ которой слѣдуетъ признать пок. Гауснера. Эта партія, оставаясь чисто польскою, является также и славянскою и видитъ въ славянской духовной и культурной взаимности лучшее основаніе для будущности своего народа. Будучи составлена изъ молодыхъ и благородныхъ личностей, она легче чувствуетъ тяжесть атавистичнаго, хотя и несправедливаго неудовольствія. Молодежь эта видитъ то, что издавна знаютъ прочіе славяне, именно, что Варшава и Царство Польское никогда не были столь польскими, какъ теперь, и что никогда не было тамъ столь многочисленнаго польскаго населенія. Между тѣмъ въ Пруссіи земля уходитъ у поляковъ изъ-подъ ногъ, германское же правительство ассигновало на выкупъ польскихъ земель 100 милліоновъ марокъ, изъ которыхъ только 30 мил. еще не израсходованы. Великій врагъ поляковъ, кн. Бисмаркъ, ушелъ, но остались сотни маленькихъ Бисмарковъ. Нельзя не видѣть того, что германизация поляковъ дѣлаетъ страшные успѣхи».

— «Весна» — такъ называется новый органъ словинской академической молодежи въ Вѣнѣ. «Весна» выходитъ съ 1892 года по разу въ мѣсяцъ. Изданіе редактируется умѣло и къ нападеваніямъ, которыя сыплются на него со стороны обихъ главныхъ словинскихъ партій, относится весьма хладнокровно, объективно

и тактично. Антипатія клерикаловъ къ «Веснѣ» весьма понятна, такъ какъ «Весна» пропагандируетъ въ сущности тѣ же начала, которыми руководствуется «Слов. Свѣтъ» г. Подгорника. Есть въ числѣ сотрудниковъ «Весны» люди, по-видимому хорошо знакомые съ русскимъ языкомъ и литературой. Весьма дѣльно напр. написана критическая статья г. Кочевъ о переводахъ съ русскаго языка на словинскій, изъ которой явствуетъ, что профессиональные переводчики съ русскаго языка весьма поверхностно знаютъ русскій языкъ и работаютъ при помощи нѣмецкихъ переводовъ. Несочувствіе словинскихъ либераловъ къ новому изданію намъ непонятно: руководители этой партіи очевидно не имѣютъ никакихъ опредѣленныхъ плановъ и взглядовъ. Борьба «Слов. Народа» съ «Весною» — это борьба дня со свѣтомъ. Но число приверженцевъ «Весны» по-видимому растетъ изо дня въ день. Къ утѣшенію každого истиннаго патриота словинскаго стало ясно, что академическая молодежь не заражена еще ни гнилой атмосферой латинизаторскаго фанатизма, ни либеральнымъ донъ-кихотствомъ, приведшимъ до такихъ явленій въ политической жизни словинцевъ, какъ пресловутый «Katolički zhod», дѣйствовавшій недавно въ Люблянѣ подъ знаменемъ Махничей.

— 29 іюля 1893 г. исполнится 100 л. со дня рожденія знаменитаго чехословенскаго поэта Яна Коллара, автора поэмы: «Slávy Dcera» и мн. др. повстическихъ и прозаическихъ сочиненій. Общество чешскихъ женщинъ «Минерва» предлагаетъ отпраздновать юбилей «Яна Коллара» торжествомъ на Софійскомъ островѣ въ Прагѣ, въ апрѣлѣ 1893 г.

Чешское студенческое общество въ Вѣнѣ вмѣстѣ со словенскимъ обществомъ «Татранъ» также предполагаютъ почтить 100 лѣтіе со дня рожденія Яна Коллара изданіемъ памятной книжки, при участіи гг. Ф. Менчина* и Фр. Пастернака. Общества эти просятъ о присылкѣ относящихся къ Коллару писемъ, картинъ, записокъ и т. п.

И пражское студенческое общество «Славія» издало воззваніе о подготовкѣ юбилея Коллара. Предположено соорудить ему памятникъ. Слѣдовало бы и въ Россіи почтить память и заслуги этого «пророка славянской идеи».

— На предложенный въ г. Прагѣ памятникъ знаменитому чешскому историографу Фр. Палацкому собрано уже 42.000 флор. Сумма эта признается однако еще недостаточною для сооруженія достойнаго монумента «отцу чешскаго народа». Сборъ продолжается, причемъ самъ городъ Прага ежегодно вноситъ на этотъ предметъ по 5.000 флор.

— Въ Прагѣ скончался недавно на 78 г. жизни директоръ чешскаго народнаго музея Антонъ Ярославъ Вертяко. Онъ род. въ 1815 г., воспитывался въ пражскомъ университетѣ, по юридич. факультету. Нѣсколько лѣтъ гувернерствовалъ у чешскихъ аристократовъ. Въ 1853 г. вступилъ въ службу при чешскомъ музеѣ, гдѣ по смерти Ганки въ 1861 г. назначенъ первымъ бібліотекаремъ. Участвовалъ въ москов. славянскомъ съѣздѣ 1867 г. Писательствовалъ съ 1835 г. — сначала по беллетристикѣ, потомъ же по филологіи и чешской литературѣ. Ему принадлежитъ между прочимъ фотографическое изданіе Краледворской рукописи. Это былъ одинъ изъ послѣднихъ представителей того поколѣнія чеховъ, изъ котораго вышли Эрбенъ, Воцель, Небескій и др. ученые, изъ живыхъ же — Томекъ, Ригеръ и немногіе еще другіе. Миръ его праху!

* Отмѣтимъ кстати, что г. Менчинъ издалъ недавно важную и для біографіи Коллара брошюру объ Юрѣ Рыбѣ: Jiří Rybaj, Kapitola z dějin literárnick. Ц. 60 kr.

— Въ Лондонѣ ум. недавно Альбертъ Генри Вратиславъ, происходившій изъ чешскихъ эмигрантовъ прошлаго вѣка и не мало потрудившійся для ознакомленія англичанъ съ чехами. Въ 1889 г. онъ издалъ между прочимъ «шестьдесятъ народныхъ сказокъ» (Sixty folk-tales), переведенныхъ имъ изъ сборника Эрбена.

— Изъ годичнаго отчета пражскаго университета узнаемъ, что въ зимнемъ семестрѣ 1891/2 г. въ немъ числилось 2.339 студ. и 331 вольнослуш., а въ лѣтнемъ — 2.065 и 289. Докторскихъ промоцій было: на факульт. богосл. 1, юридич. 74, медицинск. 148, философ. 12; всего же—235. Между ними находится почетный докторатъ поэта Ярослава Верхлицкаго. Въ теченіи этого года открытъ былъ при университетѣ богословскій факультетъ, конечно католическій.

— Въ моравскомъ г. Кромѣржикѣ учреждено недавно политическое общество съ программой славянской. Въ числѣ его учредителей встрѣчаемъ редактора газеты «Велеградъ», А. О. Кусака.

— По поводу назначенія новаго оломуцкаго архіепископа, Феодора Кона, чешскія газеты сообщаютъ, что архіепископіи этой, считаеваемой какъ бы наслѣдницею свято-меодіевской въ древней Моравіи, принадлежитъ въ настоящее время до 47.593 гектаровъ или 82.811 іоховъ земля, стоимостью до 20 мил. гульд. Земельная подать съ нея превышаетъ 61,4 тыс. гульденовъ. По доходности это одна изъ первыхъ архіепископій въ Австріи. Чехи надѣются, что при новомъ епископѣ—хотя и происходящемъ изъ евреевъ—доходы эти будутъ употребляемы хотя отчасти на народныя цѣли, а не на покровительство іезуитамъ, какъ это было при кард. Фюрстенбергѣ.

— Въ г. Лодаи до 400 чеховъ (изъ 2—3.000 живущихъ въ этомъ фабричномъ центрѣ) приняли недавно православіе. По ихъ просьбѣ въ ноябрѣ мѣс. прибылъ туда волынскій миссіонеръ изъ чеховъ о. М. Нѣмочекъ и совершилъ 4 литургіи на чешскомъ языкѣ, причемъ еще 26 чеховъ воссоединились съ православною церковью.

— Въ г. Градцѣ (штирійскомъ) университетская молодежь, главнымъ образомъ изъ югославянъ, устроила комерсъ въ честь извѣстнаго чешскаго публициста и депутата, др. Масарика. По этому случаю онъ произнесъ застольную рѣчь о славянской взаимности, изъ которой заимствуемъ болѣе характерныя мѣста:

... «Славянская солидарность должна привести къ познанію самого себя. Изъ этого же познанія славянинъ (каждый ли?) черпаетъ вѣру (всегда ли?) въ себя, въ свое достоинство и силу. Эта же вѣра ведетъ къ труду, а трудъ намъ поможетъ. Итакъ пусть каждый работаетъ для своего собственнаго (только?) народа. Славянская солидарность не должна подавлять нашу собственную энергію (кто же когда-либо говорилъ противное?), не должна лишать насъ охоты къ труду (еще бы!).

«Всякій славянскій народъ долженъ опираться на себя самого (только?), ибо поиски чужой помощи ослабляютъ (всегда ли?), хотя бы это была помощь братьевъ. Вспомнимъ изреченіе: aide—toi et le Dieu t'aidera. Каждый—хотя бы наименьшій—славянскій народъ долженъ имѣть вѣру въ себя, долженъ знать, что онъ сохранитъ (надолго ли?) свою силу, достоинство, право. Кто надѣется на себя, тотъ всегда найдетъ друзей (такъ ли?).. Изъ славянской взаимности почерпая увѣренность, что каждый долженъ быть участникомъ свободы.. Она дорога каждому, должна быть каждымъ уважаема (еще бы!). Вы, гг., должны изучать славянскій вопросъ, но онъ не одинъ: есть много славянскихъ вопросовъ... Славянская идея, любовь къ свободѣ гарантируетъ намъ и всѣмъ прочимъ славянамъ великія культурныя приобрѣтенія. Мы, славяне, стремимся рав-

вить особый типъ или вѣрнѣе — особые типы истиннаго челоѣчества. Славянскяя идея не узка: она безгранична и спасетъ всѣхъ, кто — какъ мы — стремится къ свободѣ...

— Въ г. Иглавѣ вышла брошюра чешскаго ренегата Д-ра М. Ратковскаго (Dr. Ratkovsky) п. а.: *Das Recht und die Pflicht die Czechen und die Slovenen zu germanisiren*. Авторъ, состоящій префектомъ въ вѣнскомъ «Терезіанумѣ», доказываетъ, что долгъ австрійскаго правительства онемечить чеховъ и словенцевъ, чтобы такимъ образомъ поднять ихъ до уровня нѣмцевъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Въ Угріи та же задача возложена-де на мадьяръ!... Ратковскій такъ убѣжденъ въ вѣрности своей мысли, что говорить: «въ концѣ будущаго тысячелѣтія ни одинъ пѣтель не возгласитъ уже по-чешски»... Значить и пѣтухи будутъ пѣть тогда на нѣмецкомъ языкѣ?...

— Новая опера Петра Ильича Чайковскаго «Пиковая дама» была дана въ Прагѣ 11 октября (29 сентября) и имѣла блестящій успѣхъ въ чешскомъ народномъ театрѣ. Знаменитый авторъ присутствовалъ при первомъ представленіи и былъ многократно вызываемъ публикой послѣ каждой картины. Это новое русское произведеніе, написанное на сюжетъ изъ Пушкина (либретто котораго прекрасно перевелъ на чешскій языкъ г. Новотный), было разучено чрезвычайно тщательно чешскими пѣвцами и привлекаетъ массу дубидки всѣхъ народностей. Въ числѣ пѣвцовъ въ особенности выдѣлялся г. Флоріанскій, исполнявшій самую трудную и отвѣтственную роль. По словамъ самого автора, этотъ прекрасный теноръ въ роли Германа, какъ по игрѣ, такъ и по пѣнію превзошелъ самого себя. Вообще голосомъ Флоріанскаго можетъ гордиться Прага.

— Вышло новое изданіе Зоубкова *жизнописація I. A. Коменскаго: Život Jana Amosa Komenského. Na oslavu tristaleté památky jeho narození sepsal Fr. J. Zoubek*. Это одно изъ лучшихъ сочиненій о Коменскомъ.

Коменскій и мадьяры. Какъ извѣстно, Я. Амосъ Коменскій, великій славянскій мыслитель и педагогъ, 300-лѣтіе со дня рожденія котораго справлялось въ мартѣ нынѣшняго года всѣмъ образованнымъ міромъ, провелъ нѣсколько подготовочныхъ лѣтъ своей жизни (ос. 1650—1654 г., т. е. 3¹/₂ года) въ восточной Угріи въ Шаршскомъ Потоцкѣ, куда былъ призванъ вдовою семиградскаго князя Юрія Раковскаго (Ракоци, † 1648) для преобразованія школьнаго дѣла. Не говоря уже о трудахъ Коменскаго, исполненныхъ за это время — по дальнѣйшей разработкѣ его педагогическихъ началъ (къ нимъ принадлежитъ знаменитый *Orbis pictus*) пребываніе его въ Угріи и предпринятые имъ учебныя реформы и нововведенія оказали огромное вліяніе на развитіе мѣстной школы, а тѣмъ самымъ просвѣщенія и національной культуры, хотя Коменскій долженъ былъ вести упорную борьбу съ равнодушіемъ и предрасудками школьной среды и общества. Собственно мадьяры обязаны Коменскому еще и другимъ: даннымъ имъ толчкомъ къ литературному развитію мадьярскаго языка, котораго права въ литературѣ продолжали въ то время еще сильно оспариваться общепринятою и официальной латынью. По почину Коменскаго, этого врага мертвой латыни и друга народныхъ языковъ, латинскія книги переводились на мадьярскій языкъ. Въ то время въ Угріи не было національной борьбы въ ея современномъ видѣ и степени, не было мадьярскаго шовинизма и слѣпой ненависти ко всему славянскому, и Коменскій конечно не могъ предвидѣть, какая жестокая, боевая роль будетъ впоследствии предоставлена австрійскимъ государствомъ мадьярскому языку въ отношеніи къ языкамъ славянскихъ народностей въ Угріи, и вообще мадьярскому народу въ отношеніи къ угорскому славянству!..

Понятно, что 300-лѣтняя годовщина рожденія великаго педагога, хотя онъ

и принадлежалъ столь не любимому мадьярами племени, не могла пройти незамѣченной и у нихъ, если быть можетъ и не благодаря ихъ дѣйствительно искреннимъ чувствамъ симпатіи и благодарности къ Коменскому, то по крайней мѣрѣ въ силу его общеевропейской славы, мірового его признанія и почитанія и столь почетнаго чествованія его памяти Европой, отъ которой нельзя же было отстать такой «культурной» націи.

Въ извѣстномъ учено-литературномъ журналѣ «Ungarische Rewue» (кн. VIII—IX) помѣщенъ краткій отчетъ о чествованіи 300-лѣтія со дня рожденія А. Коменскаго—представителями мадьярской науки и педагогіи, главнымъ образомъ въ Будапештѣ, и сообщеніе о немъ быть можетъ не лишне, хотя отчетъ и очень кратокъ, и было бы конечно очень любопытно познакомиться ближе съ рѣчами и сужденіями мадьяръ о гениальномъ славянинѣ.

Особенно торжественностью отличалось собраніе всѣхъ столичныхъ учительскихъ корпорацій совокупно съ педагогическимъ обществомъ для чествованія памяти Коменскаго, состоявшееся 25 марта въ залѣ мадьярской Академіи Наукъ. Собраніе было очень многолюдно. Торжество открыто рѣчью президента академіи, профессора барона Р. Этвэша, послѣ чего слѣдовали: чтеніе Иос. Комочи сочиненной имъ оды въ честь Коменскаго, юбилейная рѣчь о немъ, произнесенная директоромъ Шришпотокской приготовительной учительской школы Люд. Дешъ (Dezsd), рѣчь гимназійнаго профессора А. Сабо (Szabó) «О значеніи праздника Коменскаго». Въ заключеніе послѣ нѣсколькихъ благодарственныхъ словъ, обращенныхъ президентомъ къ распорядительному комитету—молодежь будинскаго «Педагогіума» закончила торжество стройнымъ пѣніемъ.

Вотъ съ какими словами, по сообщенію названнаго журнала, обратился къ собранію президентъ баронъ Этвэшъ:

«Уважаемое собраніе! Праздникъ, нынѣ справляемый нами, есть праздникъ учителей. Не пурпуръ и шелкъ, не роскошь праздничныхъ одѣлій придаетъ сегодня праздничный отпечатокъ этому залу, а выраженіе благоговѣнія и душевнаго подъема въ чертахъ собравшихся, какъ еслибъ мы находились въ храмѣ Божьемъ. Дѣйствительно, школа, обращая душу нашу ко всему возвышенному, учитъ такъ, какъ и церковь, скромности и простотѣ. Да позволено будетъ по тому и мнѣ, призванному вашимъ отиѣннымъ расположеніемъ на это председательское кресло, открыть это торжественное засѣданіе нѣсколькими простыми словами—вмѣсто пышной рѣчи. Мы чествуемъ память Коменскаго, и эту память справляетъ нынѣ весь міръ. Торжественныя рѣчи, которыми учителя прославляютъ нынѣ своего учителя-мастера, великаго реформатора въ педагогіи, изъ стѣнъ школьнаго дома проникнуть и пронесутся далеко и найдутъ могучій откликъ всюду, гдѣ умѣютъ цѣнить образованіе. Тотъ человѣкъ, который ставилъ главною задачею школы—культу материнскаго языка, заслуживаетъ поистинѣ, чтобъ его чествованіе было національнымъ праздникомъ. Национальнымъ—говорю я,—но не одной націи, а націи, ибо школа, школа Коменскаго, обезпечивающая каждой отдѣльной народности существованіе и развитіе, не есть созданіе расовой ненависти а есть плодъ человѣколюбія. Мы имѣемъ полное основаніе и достаточное право—потребовать и своей части въ этой праздничной радости націй. И вотъ собрались и мы, чтобы чествовать Коменскаго—педагога, Коменскаго—философа Коменскаго—человѣка, но также и для того, чтобъ почерпнуть вдохновеніе изъ воспоминаній о томъ, кто помогъ мадьярамъ основать ихъ мадьярскую школу. Это послѣднее обстоятельство придаетъ нашему скромному правднеру широкое значеніе, ибо въ то время какъ философія и педагогія съ ихъ спорными вопро-

*

сами часто порождают разногласіе, національное чувство, связанное съ чело-вѣколюбіемъ, во всѣхъ нашихъ благородныхъ стремленіяхъ ведетъ всегда лишь къ согласію. Не одна какая-либо школа, не одно исповѣданіе или корпорація принимаютъ участіе въ нашемъ праздникѣ, — мы здѣсь всѣ, по крайней мѣрѣ мысленно, всѣ учителя Угрии. Мы хорошо знаемъ, что наше существованіе рядомъ съ нашими образованными сосѣдями обезпечено лишь нашею собственною культурою, мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что намъ, мадярамъ, только школа можетъ дать эту культуру, и потому душа наша наполняется истинно возвышеннымъ чувствомъ, когда мы справляемъ торжественно память великаго Коменскаго, возбуждаемъ себя къ достиженію своихъ національныхъ задачъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ выраженіи нашихъ благоговѣйныхъ чувствъ сердечно сливаемся со всѣми другими націями и людьми. И этимъ я открываю наше торжественное засѣданіе отъ имени устроительнаго комитета, приветствуя всѣхъ прибывшихъ по нашему приглашенію и представляю слово нашимъ признаннымъ ораторамъ».

Несомнѣнно выраженныя здѣсь—въ столь привлекательной формѣ—мысли сами по себѣ прекрасны, но увы! скажемъ прямо — какъ смѣшно и фальшиво звучатъ всѣ эти слова, эта высшая оцѣнка провозглашеннаго Коменскимъ народнаго начала и правъ народнаго языка въ школѣ, въ устахъ мадыра, съ публичной кафедрой, въ Угрии, этой по преимуществу странѣ насилія и гнета, творимаго одною политически-господствующею народностью надъ всѣми остальными и вытѣсненія ея языкомъ всѣхъ прочихъ языковъ страны изъ всѣхъ сферъ государственной и общественной жизни! Не странно-ли слышать такія рѣчи отъ мадыра въ то самое время, когда ихъ правительство и общество дѣлаютъ все возможное для успѣховъ мадыризаціи среди не-мадырскихъ народностей и пользуются при этомъ особенно школою, вытѣсняя изъ нея материнскій языкъ населенія и навязывая дѣтямъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ языкъ имъ чуждый, а съ нимъ и чуждое міросозерцаніе, чуждый строй идей и понятій! Языкъ того самаго Коменскаго, котораго нынѣ такъ превозносятъ мадыры, подвергается ими же всяческому гоненію и топчется въ грязь, и для такихъ «національныхъ задачъ» приглашаютъ почерпать силы и вдохновеніе въ идеяхъ и за-вѣтахъ того же великаго славянина Коменскаго!.. Невольно приходитъ на мысль по этому поводу Римъ, прославляющій славянскихъ апостоловъ свв. Кирилла и Мефодія (6 апр. 1885 г.) и прибѣгающій къ ихъ памяти, какъ къ средству для достиженія глубоко враждебныхъ славянству цѣлей!.

Впрочемъ можно только желать, чтобы мадыры возможно основательнѣе и глубже изучали творенія и принципы А. Коменскаго, ибо такое изученіе и истинное усвоеніе его идей и возрѣній будетъ только способствовать ихъ отрешенію во взглядахъ на роль ихъ языка и на права другихъ нынѣ угнетенныхъ языковъ Угрии. Изъ отчета о торжествѣ Коменскаго (въ дополненіе къ сказанному) мы узнаемъ еще слѣдующее. Будинскій *Pädagogium* устроилъ по поводу славнаго юбилея выставку Коменскаго, которая была торжественно открыта 26 марта по слѣдующей программѣ:

1. Хоровое пѣніе молодежи.
2. Рѣчь директора (Gyertyanfy).
3. Ода въ честь Коменскаго—одного изъ воспитанниковъ учительскаго института.
4. Сообщеніе о самой выставкѣ (проф. Airon Kiss).
5. Юбилейная рѣчь о Коменскомъ тоже воспитанника того же заведенія.
6. О кн. *Orbis Pictus*—ученика института народныхъ учителей.
7. Стихотвореніе въ память Коменскаго—такого же ученика и
8. Пѣніе ученическаго хора. Такимъ образомъ въ этомъ торжествѣ главная роль принадлежала учащейся молодежи, готовящейся къ учительской

дѣятельности, и нельзя же отнести съ особеннымъ сочувствіемъ къ такого рода чествованію памяти безсмертнаго педагога.

Подобныя же юбилейныя торжества съ рѣчами и чтеніями въ честь Коменскаго были устроены и въ другихъ мадьярскихъ учительскихъ семинаріяхъ какъ Будапешта, такъ и многихъ другихъ городовъ, напр. Лученца (Лошонцъ), Шопрони (Эденбурга), Полюни (Прессбурга) и проч.

К. Г.

— Пражская академія наукъ издала 3-ю часть своихъ: *Rozpravy české akademie*. Въ ней заключается изслѣдованіе Фр. Дворскаго: *Albrecht z Valdštejna až na konec r. 1621. (Nové listy do knihy tristaleté paměti)*

— Пражскій проф. А. Резекъ (*Rezek*) закончилъ уже «Исторію Чехіи и Моравіи при Фердинандѣ III» (1637—48) и издалъ I кн. продолженія этого сочиненія и. з. «Исторія Чехіи и Моравіи въ новое время», обнимающую событія 1648—1667 годы. Цѣна перваго изъ этихъ сочиненій (*Dějje Čech a Moravy za Ferdinanda III*), 3 гульд. 80 кр., втораго же (*Dějiny Čech a Moravy nové doby*) 3 гульд. 30 кр.

— По распоряженію гр. Тафе, городскія управленія въ штирійскомъ г. Целль (Zilli) и хоруганскомъ г. Целовць (Klagenfurth) должны впредь принимать акты не только на нѣмецкомъ, но и на словинскомъ языкѣ, составляя и отвѣты на послѣднемъ. Это распоряженіе, считающееся въ Австріи громадною (!) уступкою славянамъ, до того возмутило нѣмцевъ, что они перешли вновь въ оппозицію гр. Тафе и склонны поддерживать его впередъ лишь подъ условіемъ отказа отъ подобныхъ уступокъ (!).

— Люблянская «*Matica Slovenska*» издана въ 1892 г. I. Letopis, 2. Gorisko, описаніе проф. Путара (Putar), ч. I. 3. Переводъ польскаго романа Сѣнкевича: *Z ogniem i mieczem*.

— Загребская академія наукъ отпраздновала недавно 25-лѣтіе со времени своего учрежденія. Отчетъ о дѣятельности ея за это время бытъ прочитанъ бывшимъ предсѣдателемъ и слымъ дѣятельнымъ членомъ академіи, каноникомъ Фр. Рачиницъ.

— Хорватское правительство, подобно польскому въ Галиціи, рѣшило ввести въ школы фонетическое правописаніе, въ томъ видѣ, какъ оно определено др. Ив. Брозомъ въ сочиненіи: *Hrvatski pravopis*. Интересенъ фактъ столь повсемѣстнаго расположенія австроугорскихъ властей къ фонетикѣ и нерасположенія къ этимологіи въ области правописанія! Ужъ не потому ли, что этимологія сближаетъ славянъ, а фонетика ихъ разъединяетъ? Въ противномъ случаѣ почему бы нѣмцамъ и мадьярамъ не начать со введенія фонстики въ свою орфографію?...

— Изъ Загреба сообщаютъ, что обѣ оппозиціонныя мадьярамъ партіи хорватскаго народа, именно: партіи Штросмайера или «Обзораша» и Старчевича или «Праваша» достигли взаимнаго соглашенія и намѣрены впредь дѣйствовать заодно въ охранѣ народныхъ интересовъ противъ посягательствъ мадьярскаго правительства и мадьяронствующаго бана. Вскорѣ онъ останется въ сеймѣ безъ оппозиціи, вслѣдствіе эквода и привашей.

— Загребская «*Matica Хрватска*» издала въ 1892 г. 9 книжекъ, по 10.000 экз. каждой. Число членовъ восходитъ до 6000 ч.

— Депутаты вѣнскаго рейхсрата! Бьянкини, Данаръ, Лагинья, Перичъ и Спиничичъ образовали особый «Клубъ хорватско-словинскихъ депутатовъ». Они будутъ стремиться къ осуществленію хорватскаго государственнаго права и въ вопросахъ политическихъ дѣйствовать заодно съ младочехами. Это 11-ый клубъ рейхсрата!...

— Осенью прошлаго въ г. Карловцахъ происходилъ сербскій церковный конгрессъ,

Главнымъ предметомъ обсуждения былъ проектъ новаго статута по церковно-народнымъ дѣламъ, составленный подъ вліяніемъ нынѣшняго патриарха и епископовъ, въ клирицальномъ—какъ находятъ мірнѣ—духѣ. При обсужденіи этого статута въ пользу его оказалось лишь самое незначительное большинство. Въ случаѣ окончательнаго утверждения этого «единственнаго статута» мадыарскому правительству легче будетъ прибрать къ рукамъ сербскую церковь, чѣмъ до настоящаго времени, когда въ ея управленіи имѣли вліятельный голосъ и независимые люди изъ мірянъ.

— Новосадская газета «Застава», издававшаяся прежде Милетичемъ, а въ послѣднее время Јовичемъ, перешла недавно подъ редакцію др. Јована Пачу, переселившись изъ Сараева изъ-за австро-мадыарскихъ преслѣдованій. Слѣдуетъ желать и надѣяться, что въ его рукахъ газета эта получитъ прежнее значеніе и распространеніе между сербами.

— Бѣлградское литературное общество: «Српиа нимовна задруга», насчитывающее уже болѣе 1374 членовъ въ Сербіи, 67 въ Черногоріи, 291 въ Далмаціи, 218 въ Бачкѣ и Банатѣ, 307 въ Славоніи, Срѣмѣ, Хорватіи и 179 индѣ, въ теченіе 1892 издала: Драматическія сочиненія Н. Трифковича; повѣсть «Бако на фра Бръе» І. С. Матавуля; очерки «С мора и са суше» М. Јовановича, кромѣ того оно издаетъ «Живот и прикљученија» Досиеоя Обрадовича и «Историју српског народа, погледом на историју суседнихъ бугара и хрвата: Л. Новачевича и Л. Јовановича.

— Братство св. Саввы въ Бѣлградѣ обратилось въ наши благотворительныя ученія и другія общества съ просьбою выслать ему книги духовно-нравственнаго, историческаго и иного содержанія на русскомъ и славянскомъ языкахъ, для снабженія ими сербскаго населенія, находящагося подъ вліяніемъ мусульманъ, австрійцевъ и болгаръ. Братство св. Саввы въ настоящее время имѣетъ до 5,000 членовъ; нѣсколько отдѣленій его существуетъ въ Босніи, Герцеговинѣ и Македоніи, гдѣ братство строитъ православныя церкви, открываетъ школы и т. д. Благодаря стараніямъ братства въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ обучаются свыше 50 молодыхъ сербовъ, приготовляющихся къ занятію священническихъ мѣстъ и духовно-учебной дѣятельности на родинѣ.

— Бывшій сербскій министръ-президентъ Пирочанацъ, одинъ изъ приверженцевъ королевы Натали, издалъ недавно въ Бѣлградѣ политическую брошюру, въ которой ратуетъ за преобразование Австро-Угріи на федералистическихъ началахъ и за союзъ ея съ балканскою федераціей народовъ. Это опять что-то въ родѣ «австрійскаго панславизма»!..

— Студентамъ изъ Босніи и Герцеговины запрещено обучаться въ университетахъ славянскихъ, а развѣею лишь въ Градцѣ или Вѣнѣ. Они не смѣютъ вступать и въ славянскія общества, а развѣ въ нѣмецкія Burschenschaften.

— Черногорскій князь Николай издалъ въ Цетинѣ новую поэму: «Поэтъ и вилла». Къ сожалѣнію ея нѣтъ въ продажѣ, о чемъ нельзя не пожалѣть въ интересахъ сербской поэзіи.

— Въ Черногоріи близъ древняго г. Дукли (Dioclea) проивводятся раскопки, въ которыхъ принимаетъ дѣятельное участіе нашъ ученый П. А. Ровинскій. Открыто много остатковъ римской классической архитектуры. Пожелаемъ, чтобы они остались въ Черногоріи, а не были растасканы нѣмцами и англичанами, какъ большинство памятниковъ эллинскаго искусства.

— Глаголическій миссалъ для черногорскихъ католиковъ печатается, по распоряженію Льва XIII, на церковно-славянскомъ языкѣ и будетъ оконченъ къ папскому юбилею, въ февр. 1893 г. Странно, что въ то же время, по волѣ папы, преслѣдуется славянское богослуженіе у хорватскихъ католиковъ-глаголящей,

и даже въ Галиціи подготавливается переходъ отъ богослуженія славянскаго къ латинскому, что уже и совершилось въ Тупчанскомъ приходѣ!..

— Предположенное Стамбуловымъ измѣненіе въ 38 ст. болгарской конституціи, вызвавшее протестъ болгарскаго экзарха и волненіе въ народѣ, заключается въ слѣдующемъ:

Измѣненный текстъ 38 ст.:

«Българския князь и потомство му немогутъ да исповѣдвать никоя друга вѣра освѣнь православната. Само първий избранъ българския князь, ако принадлежи къмъ друга вѣра, може да си остане въ нея».

Предложенный текстъ 38 ст.

«Българский князь и потомство му немогутъ да исповѣдвать никоя друга вѣра освѣнь православната. Само князя, който по изборъ е вступилъ на българския прѣстоль, ако принадлежи къмъ нѣкое друго християнско вѣроисповѣданіе, както той така и първий прѣстолонаслѣдникъ, могатъ да си останатъ въ него».

Разница заключается слѣдовательно въ томъ, что не первый лишь избранный князь (Баттенбергъ), но и каждый другой (напр. Кобургъ и пр.) можетъ сохранить свое християнское вѣроисповѣданіе, да и наслѣдника своего воспитать въ таковомъ же, слѣд. на двѣ поколѣнія сдѣлать фактически господствующимъ въ Болгаріи папизмъ или протестанство, вопреки основному закону о господствѣ въ странѣ православія.

— Римско-католическая пропаганда, развившаяся въ Болгаріи, успѣла привлечь большое количество болгарскихъ дѣтей въ католическое училище въ Софіи, гдѣ они обучаются даромъ. Учениковъ заставляютъ по три раза въ день посѣщать католическій костель. Мѣстное православное духовенство не обращаетъ на то никакого вниманія. Католическій епископъ рапортомъ донесъ своему начальству, что католицизмъ въ Пловдивѣ сдѣлалъ громадныя успѣхи. На распространеніе католической вѣры въ Болгаріи идутъ огромныя суммы.

— Македонскіе болгары чрезвычайно раздражены послѣдними дѣйствіями Стамбулова. Болгарскій охридскій епископъ открыто протестовалъ противъ измѣненія 38 параграфъ конституціи и публично заявилъ, что считаетъ эту актъ первою побѣдою иезуитизма въ Болгаріи.

— Англійскія газеты сообщаютъ, что г. Шишкинъ обратился къ державамъ, подписавшимъ берлинскій трактатъ, съ циркулярной нотой, въ которой заявляетъ, что Россія не перестаетъ смотрѣть на принца Фердинанда, какъ на узурпатора, и считаетъ поэтому пересмотръ болгарской конституціи недѣйствительнымъ и лишеннымъ всякаго значенія. Въ Болгаріи воспрещены митинги противъ пересмотра конституціи.

— Прославившійся своею поддѣлкою «русскихъ документовъ» Якобсонъ поселившійся въ Софіи и получившій какъ пишутъ, въ свои труды по поддѣлкѣ 30 т. франковъ, теперь принятъ софійскимъ народнымъ собраніемъ въ болгарское подданство и вмѣстѣ съ тѣмъ назначенъ Стамбуловымъ на службу въ качествѣ шефа чернаго отдѣленія болгарскаго министерства внутреннихъ дѣлъ, каковымъ именемъ называютъ въ Болгаріи отдѣленіе стамбуловскихъ шпионовъ.

— Въ Ватиканѣ распространились слухи, что папа получилъ депеши, извѣщающія о неизбѣжномъ присоединеніи болгарской церкви къ римско-католической. Въ настоящее время въ Софіи по этому поводу ведутся-де дѣятельные переговоры между главными членами правительства и высшимъ духовенствомъ обохъ исповѣданій. Многіе изъ депутатовъ собранія, какъ говорятъ, одобряютъ

уже въ принципѣ идею религіознаго слиянія съ Римомъ, такъ какъ осуществленіе этой идеи устранить-де препятствія, встрѣчаемыя принцемъ Кобургскимъ въ его брачныхъ планахъ.

— Софійская «Свобода» съ особеннымъ удовольствіемъ сообщаетъ, что въ Варнѣ уже основано болгарское черноморское пароходное общество. По сообщенію газеты, капиталъ этого общества будетъ заключаться въ 2 милліонахъ франковъ; четвертую часть акций, т. е. 500.000 франковъ, приобрететъ болгарское правительство; акции будутъ стоить по 400 франковъ каждая. Правительство гарантировало-де участникамъ этого общества 9 годичныхъ процентовъ!

— Болгарская дунайская флотилія состоитъ: изъ 1 яхты, 3 пароходовъ, 7 пароходиковъ, 1 транспортнаго судна и 2 миноносокъ, съ 30 офицерами и 300 матросами. Теперь предполагено усилить эту флотилію 2 миноносками, заказанными въ Ливорно, и паровой шлюпкой для болгарскаго дипломатическаго агента въ Константинополь.

— † 20 окт. 1892 въ Софіи скончался извѣстный болгарскій публицистъ **Богоровъ**. Онъ издавалъ въ 1846 г. въ Лейпцигѣ газету «Болгарскій Орелъ», а затѣмъ съ 1849 г. въ Константинополь «Цариградскій Вѣстникъ». Ему принадлежить французско-болгарскій словарь, имѣвшій въ свое время нѣкоторое значеніе.

— Въ Софіи въ Сборникѣ М. Н. Пров. вышло новое сочиненіе извѣстнаго беллетриста **Ивана Вазова: Великата Рилска Пустиня**, путни бѣлѣжки и впечатлѣнія, отъ Ивана Вазовъ.

— Въ Будапештѣ происходила недавно конференція епископовъ, по вопросу о задуманныхъ министерствомъ реформахъ въ области политическо-церковной. На основаніи реферата великоварадинскаго епископа Шлауха, конференція приняла слѣд. рѣшенія: бракъ слѣдуетъ считать таинствомъ, которое можетъ быть совершено лишь священникомъ; рецепція еврейскаго вѣроисповѣданія можетъ быть допущена въ Угріи, но безъ предрѣшенія вопроса о переходахъ изъ одной вѣры въ другую; введеніе гражданскихъ метрикъ не противорѣчитъ догматамъ церкви. Сверхъ того конференція разсматривала **вопросъ о конгрессѣ** (дополнительномъ жалованьѣ) католическаго духовенства и опредѣлила образовать для этой цѣли на средства высшаго бѣлаго и чернаго клира капиталъ въ 10 мил. флор. обезпеченный на церковныхъ имуществахъ, проценты съ коего (не выше 5%) будутъ затѣмъ употребляться на пособія низшему клиру и на поддержку школъ. Фондъ этотъ будетъ находиться въ завѣдываніи особаго комитета изъ 70 духовныхъ и 70 мірскихъ членовъ, подъ верховнымъ патронатомъ императора и высшимъ наблюденіемъ примааса.

Сверхъ того назначенъ особый комитетъ для организациі **сѣзда угорскихъ католиковъ** вообще, а учителей въ частности, и для разсмотрѣнія вопроса о католическомъ вѣроученіи въ среднихъ школахъ.

Опредѣленіе сѣзда епископовъ немедленно доведено примасомъ до свѣдѣнія паны и императора, въ особыхъ запискахъ.

— Въ Будапештѣ съ большимъ торжествомъ отпразднована **25-лѣтняя** годовщина редакторствованія **Ф. М. Фальца** газетою «Pester Lloyd». Въ торжествѣ этомъ приняли участіе и министры, и депутаты, и представители правительственной печати. Редакторъ этотъ, еврейскаго происхожденія и духа, дѣйствительно пользуется большимъ вліяніемъ на дѣла—какъ публицистъ, депутатъ и представитель династіи Ротшильдовъ въ Угріи. Фальку главнымъ образомъ обязаны евреи своимъ господствомъ въ Угріи.

— **Добречинскіе** студенты-юристы исключили изъ своего общества трехъ товарищей румыновъ за участіе въ оваціи въ честь румынскаго патріота **Лунача**. Маль-

ярскіе студенты ходатайствовали сверхъ того передъ начальствомъ академія о лишеніи означенныхъ румыновъ стипендій!!...

— Мадьярская газета «Pesti Naplo» обнародовала два посмертныхъ письма къ ея редактору пресловутаго мадьярова изъ словаковъ, бѣшенаго гонителя своихъ прежнихъ родичей Бемы Гринвальда, того самого, который былъ главнымъ виновникомъ закрытія словенской матицы и трехъ гимназій. Въ одномъ изъ этихъ писемъ Гринвальдъ даетъ довольно безпристрастную характеристику нынѣшняго мадьярства, со включеніемъ конечно въ него мадьяроновъ. Заимствуемъ изъ нея нѣсколько выдержекъ:

«Уже въ 1883 г. мадьярскій народъ представился мнѣ слабымъ и безхарактернымъ до того, что я сталъ сомнѣваться въ возможности удержать его. Въ немъ слишкомъ мало умственной и нравственной силы, чтобы устоять на столь опасномъ пунктѣ. Онъ лишень государственнаго смысла: столь великая идея, какъ государство, не вмѣщается въ его голову... Мадьяръ живетъ безъ идеаловъ, а интересуется лишь мелкими общественными дѣлами.. Потому онъ и не могъ выработать народной политики... Онъ погруженъ въ низкіе интересы и за нихъ готовъ пожертвовать всѣмъ, даже конституціей и бытіемъ народа Мадьяръ не только не пожертвуетъ за народъ своей религіи, своей стѣлицы, города, волости, своихъ мелкихъ выгодъ, но даже своей личной шепетливости. Мадьяръ не способенъ къ дисциплинѣ, ибо лишень идеаловъ и одушевленія за нихъ. При такихъ условіяхъ можетъ ли онъ устоять въ борьбѣ съ болѣе самоотверженными и логическими элементами, которые имѣютъ свои идеалы и одушевляются ими? Часто замѣчаемъ въ этомъ отношеніи преимущества передъ мадьяромъ даже словака: послѣдній возвышается идеаломъ, первый же падаетъ и пачится навалъ. Причины этой слабости, нивости и испорченности мадьярства кроются въ его прошломъ. Его можно возродить лишь путемъ силы. Необходимо воспользоваться слабостями людей, даже ихъ ничтожествомъ, чтобы потока ихъ личнымъ вкусомъ и суетности довести до сознанія высшихъ идеаловъ.

— Въ г. Зальцбургѣ уже открытъ богословскій факультетъ католическаго университета, на собранныя по подпискѣ деньги. Предположено открыть въ близкомъ будущемъ еще факультеты юридическій и философскій. Имѣются въ виду и наводры на славянскихъ языкахъ, для привлеченія славянскихъ студентовъ въ это ультрамонтанское заведеніе.

— 21 дек. Австро-Угрія справляла 25-лѣтіе дуализма и цислейтанской декабрьской конституціи. Но такъ какъ ни въ Цислейтаніи, ни въ Транслейтаніи не обнаруживается теперь особеннаго одушевленія этою конституціею, даже между господствующими народами, нѣмцами и мадьярами, всѣ же народы негосподствующіе, за изытіемъ однихъ поляковъ да евреевъ, считаютъ дуализмъ причиною ослабленія имперіи и всѣхъ ея подавленныхъ народностей, то юбилей этотъ прошелъ какъ-то тихо, почти незамѣтно и въ Австріи, и въ Угріи. Графы Бейстъ и Андраши не выросли на разстояніи этой четверти вѣка... Даже въ вѣнскомъ рейхсратѣ не разъ уже было заявлено, что лучше абсолютизмъ, во вкусѣ Баха, чѣмъ конституція—вродѣ нынѣшней австрійской.

— Результатъ послѣдней народной переписи. Центр. статистическая комиссія въ Вѣнѣ издала уже первый выпускъ сочиненія, заключающаго въ себя данныя о послѣдней народной переписи. Отсюда узнаемъ, что съ 1880 г. населеніе Цислейтаніи увеличилось съ 22.144.244 на 23.895.413 душъ, на одинъ километръ приходится 80 жителей, хотя въ Тиролѣ есть 9 уѣздовъ; въ которыхъ на километръ приходится всего 20 жителей, въ Чехіи же находятся 23 уѣзда, въ которыхъ на 1 килом. 140 жителей. Домовъ было въ

1890 г. 3.339.750. Женщины на 44% больше, чѣмъ мужчины, но въ Герцихъ, Градскѣ, Истрии, Побережѣ, Далмацин и Буковинѣ преобладаетъ мужское население на 0,7%. Исповѣданіе мѣт. обряда было 18934.166, престо-казоликовъ 2.814.072, евреевъ 1.143.305. Въ Галичинѣ было 2.790.449 хр.-кат. и 772.213 евреевъ. Большая половина населенія — ашалафеты. Въ Галичинѣ есть 71,04% ашалафетовъ мужчинъ и 76,49% женщинъ; слѣбикъ 19.264, глуко-нѣмыхъ 30.876, умственно больныхъ 51.822.

— Нѣмецкій Шульферейтъ, исполняющій въ Австріи задачу освѣщенія славянскихъ дѣтей, издалъ «Воззваніе къ нѣмецкому народу въ Австріи». Въ немъ констатировано, что нѣмецкій народъ, равнуется и въ Германіи, собрать на цѣли Schulvereiua три милліона гульд. За эти деньги основаны 180 нѣмецкихъ шкколъ, и болѣе 10.000 дѣтей, которія безъ Schulvereiua были бы де отданы въ жертву славянскому и итальянскому элементу, позовутся «благодѣтельными нѣмецкой науки». Управление Schulvereiua заявляетъ однако съ сожалѣніемъ, что пожертвованія ежегодно уменьшаются. Въ 1889 г. доходъ общества принесъ 294.000 гульд., въ 1891 г. только 260.000 гульд., а предвидимый доходъ 1892 г. исчисленъ только на 212.000 гульд. Управление заявляетъ, что желѣзнаго фонда не нарушить, но будетъ принуждено закрыть нѣкоторыя школы, если нѣмецкій народъ не поспѣшитъ съ помощью.

— Въ концѣ 1891 г. австроугорская армія слагалась, по оффиціальнымъ даннымъ, изъ слѣд. народностей: нѣмцевъ (съ евреями?) 15,2%, чехославянъ 12,9%, жадьяръ (конечно, со множествомъ славянъ) 18,1%, хорватовъ 7,5%, румыновъ 5,4%, русскихъ 3,2%, поляковъ 2,8%, словенцевъ 2,8%, итальянцевъ 1%.

— Въ Цюрихѣ вышла недавно анонимная брошюра: «Österreichische Zukunfft». Авторъ ея, очевидно, не славянинъ, но все же и не приверженецъ безпардонной германизации. По его убѣжденію, будущность Австріи заключается въ федеральномъ народностей, ее составляющихъ, подобно тому, какъ и въ Швейцаріи. Брошюра эта заслуживала бы распространенія между славянами.

— По сообщеніямъ цислейтанскихъ и транслейтанскихъ оффиціозовъ, переговоры министровъ Векерле и Штейнбаха съ Ротшильдомъ о регуляціи австроугорской валюты принимаютъ благоприятный—для банкировъ?—оборотъ.

— Русская больница въ Константинополь. Въ столицѣ Турецкой имперіи дѣствуетъ уже въ продолженіе 18-ти лѣтъ русская больница. Ежегодно пользуются услугами этой больницы нѣсколько сотъ русскихъ подданныхъ, и почти столько же балканскихъ славянъ, грековъ и армянъ. Выпелъ отчетъ о дѣятельности больницы, обстоятельно составленный гг. Щепотьевымъ и Франковскимъ. Мысль объ основаніи въ Константинополь русской больницы и осуществленіе этой мысли принадлежать бывшему императорскому послу, генераль-адъютанту, графу Н. П. Игнатьеву. До учрежденія госпиталя больные русскіе подданные—матросы съ русскихъ судовъ и паломники, проѣзжающіе черезъ Константинополь по пути къ Святымъ Мѣстамъ,—или оставались безъ всякой медицинской помощи, или должны были лѣчиться за довольно высокую плату въ одной изъ иностранныхъ больницъ. Благодаря стараніямъ графа Н. П. Игнатьева, была открыта въ Россіи и среди русскихъ подданныхъ въ Турціи подписка, давшая 5,610 турецкихъ лиръ. 6-го декабря 1876 г. больница начала свои дѣйствія. За все время существованія пользовалось лѣченіемъ въ больницѣ около 5.000 человекъ и около 7.000 больныхъ приходили за совѣтомъ. Значительное большинство лѣчилося безвозмездно и почти всѣ амбулаторные больные получали бесплатно лѣкарства изъ больничной аптеки. Медицинскіе отчеты сохранились въ архивѣ лишь съ 1881 г. Изъ нихъ видно, что съ 1-го января 1881 г. по 1-е января 1892 г.

лѣчились въ больницы 3,016 половинъ русскихъ — 452, другіе славяне — 1,481, грековъ — 320, армякъ — 163. Больница находится въ Пли сальди — части города, удаленной отъ центра и мало населенной. Она обильно снабжена водой, подаваемой двумя рукавами. Для продовольствія провізія доставлялась частью изъ Россіи (мука, крупа, масло, сахаръ), частью — мѣстными поставщиками; чай привозился прямо изъ Китая на мароходахъ Добровольнаго флота. Капиталь больницы заключается въ русскихъ процентныхъ бумагахъ на сумму 108 тыс. рублей и въ турецкихъ облигаціяхъ на сумму около 11 тыс. фунтовъ стерлинговъ. Установленный консульскій сборъ въ пользу больницы, состояющійся изъ ластоваго сбора съ пароходовъ Русскаго Общества парокходства и торговли и изъ сбора паспортовъ прѣзжающихъ въ Турцію русскихъ подданныхъ, достигаетъ 1,500 турецкихъ лиръ (около 12,000 руб.) въ годъ. Съ больничнаго капитала получается процентовъ въ годъ около 7,200 рублей. Такимъ образомъ, ежегодный доходъ — 19—20 тыс. руб. Больница эта несомнѣнно въ своей долѣ способствуетъ при своемъ благотворительномъ характерѣ укрѣпленію внутренней связи Россіи съ единовѣрными намъ славянскими народами на Балканскомъ полуостровѣ, дѣлая эту связь болѣе жизненною и глубокою («Нов. Вр.»).

— По газетнымъ сообщеніямъ, Турція предполагаетъ воспользоваться воинственными своими горцами (до 1,300,000 л.) въ Курдистанѣ для образованія изъ нихъ кавалерійской кнѣзизмы, въ родѣ кнѣзизмы цолковъ казичскихъ и кавказскихъ. Этимъ путемъ можетъ удвоиться или даже утроиться число тѣхъ *башмбукчи*, которые занимались въ послѣдней восточной войнѣ отрѣзываніемъ носовъ раненымъ и рекрутировались главнымъ образомъ изъ албанцевъ и черкесовъ.

— Въ 1892 г. въ Турціи почти закончены работы по сооруженію желѣзной дороги изъ Константинополя (вѣрнѣе Скутари) въ Ангору, открыта линія изъ Яффы въ Иерусалимъ и выстроена первая часть линіи изъ Солуны въ Монастиръ. Выдана также концессія на дорогу изъ Дедеагача въ Солунь.

— По почину султана, въ Константинополѣ предполагена выставка, еще неизвестно, мѣстная или всемірная.

— По сообщенію «Preussische Jahrbücher», въ Берлинѣ насчитано въ 1890 г. изъ 1,888,794 жит. не менѣе 79,286 евреевъ. Это всего 5⁰/₁₀; но между ними по крайней мѣрѣ 75,000 зажиточныхъ изъ 300,000 общаго числа таковыхъ въ столицѣ Германіи. Въслѣдствіе того берлянская школы переполнены евреями, такъ что въ одной гимназіи вовсе даже не преподавался христіанскій катехизисъ. Въ этомъ отношеніи Берлинъ вовсе не имѣетъ той національной однородности, какую сохранили еще пока Лейпцигъ, Мюнхень, Штутгартъ и др.

— Съ янв. по сент. 1892 г. изъ Германіи выселилось 92,956 жителей, въ томъ числѣ: 13,5 тыс. изъ Поанани, 11,2 изъ Зап. Пруссіи, 8,4 изъ Помераніи, 5,4 изъ Бранденбурга, 4,8 изъ Виртемберга, 4,6 изъ Рейнской области, 4,1 изъ Саксоніи, 3,3 изъ Шлезвига и Голштиніи, 3,2 изъ Баденскаго, 2,6 изъ Слевін, 2,3 изъ Вестфалии, 2,2 изъ Гессенъ-Нассау, 1,9 изъ пров. Саксонской, 1,6 изъ Вост. Пруссіи. То обстоятельство, что во главѣ эмиграціи стоятъ польскія области, объясняется напоромъ нѣмцевъ въ эти области, коренное населеніе которыхъ постепенно вытѣсняется въ Америку.

— Почти всѣ епископы издали пастырскія посланія о празднованіи предстоящаго въ 1893 г. пятидесятилѣтія еписк. служенія папы Льва XIII. И изъ многихъ славянскихъ странъ, даже изъ Галиціи, предложены по этому поводу пилигримства въ Римъ, для врученія «Петрова пенязя» ватиканскому уннику.

— Среди латышей въ послѣднее время появилось стремленіе увѣковѣчить память своихъ передовыхъ борцовъ за народное образованіе и матеріальное благо-

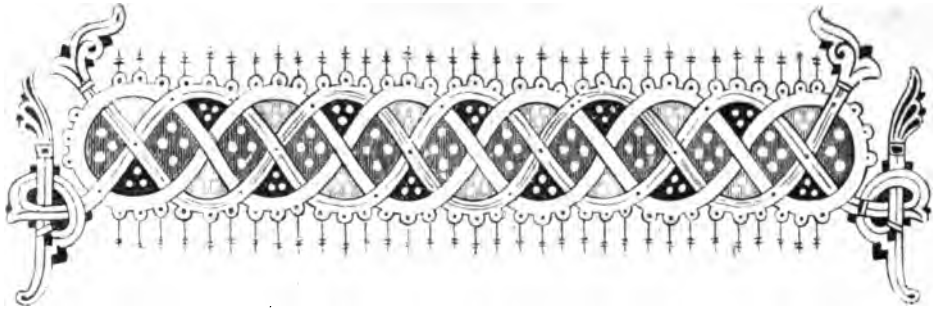
состояніе латышскаго племени. Съ этой цѣлью воздвигаются на могилахъ этихъ труженниковъ на нивѣ народной памяти, издаются ихъ сочиненія и всячески поддерживаются даже ихъ нуждающіеся родственники. Такъ, въ Лифляндской губерніи латыши уже воздвигли памятники на могилахъ передоваго борца за уничтоженіе крѣпостничества, Гариба Меркеля, и заслуженнаго школьнаго дѣтеля и сборщика латышскихъ народныхъ пѣсень, Иоганна Цимме. Памятники эти обошлись въ нѣсколько тысячъ рублей. Въ настоящее время латыши предполагають поставить такіе же памятники на могилахъ перваго латышскаго писателя и ревнителя латышскаго языка Штендера и латышскаго поэта Ауекяиса. На памятникъ умершему латышскому поэту и писателю Георгу Алюану стѣкаются значительныя пожертвованія. Также и на памятникъ недавно умершему Христіану Вольдемару, латышу по происхожденію, много способствовавшему развѣтію мореходства среди латышей, докторомъ Бутгильсомъ въ Ригѣ собираются въ настоящее время добровольныя пожертвованія. На поддержку оставшихся безъ средствъ къ существованію дѣтей умершаго редактора одной латышской сельскохозяиственной газеты, Георга Матера, среди латышей по подпискѣ собрано 500 р. На леченіе недавно умершаго латышскаго писателя Лангвита, страдавшаго душевною болѣзнью, латышскими газетами собрано было 300 р. Наконецъ, среди латышей, проживающихъ въ С.-Петербургѣ, на изданіе произведеній народнаго поэта Барона собрано уже 1,450 р. Большинство этихъ суммъ составилось изъ трудовъ грошей латышей-крестьянъ. (Р. Жизнь).

— Профессоръ исторіи при парижской коллегіи Stanislas Альберъ Мале приглашенъ на два года въ Бѣлградъ для преподаванія исторіи королю Александру.

— Новая картина Мункачи. Мункачи пишетъ новую картину въ 15 метровъ ширины и 6 метр. высоты для новаго зданія угорскаго парламента. Освященіе новаго парламента состоится въ 1895 г., по случаю празднованія тысячелѣтія появленія на среднемъ Дунаѣ мадьяръ. Это событіе составляетъ сюжетъ картины Мункачи. Справа на первомъ планѣ ея виденъ Арпадъ, полумифическій вождь мадьяръ, въ богатомъ воинскомъ одѣяніи на бѣломъ конѣ. Шесть князей верхами образуютъ его свиту. Позади его большая палатка, занимающая собой всю правую часть картины. Въ ней находятся женщины, якобы предки нынѣшнихъ мадьярокъ. Въ центрѣ картины помѣщается депутація славянскихъ обитателей земли, въ которую пришли мадьяры. Она явилась къ чужеземцамъ съ символомъ своей покорности. Спрашивается, дѣйствительно ли Арпадъ нашель у славянъ такой мирный приемъ? Не былъ ли онъ союзникомъ и орудіемъ нѣмцевъ? Не слишкомъ ли художникъ насилуетъ историческую дѣйствительность въ угоду мадьярскому шовинизму?

— Недавно умеръ замѣчательный нѣмецкій ориенталистъ Августъ Мюллеръ, авторъ «Исторіи ислама на Востокѣ и Западѣ», арабской и турецкой грамматикъ, редакторъ «Восточной библіографіи», издаваемой берлинскимъ обществомъ ориенталистовъ. Мюллеръ живо интересовался работами русскихъ ориенталистовъ, изучилъ русскій языкъ и писалъ рецензіи о русскихъ книгахъ.

— Австр. капитанъ Спалени, авторъ любопытной брошюры: «Das bosnische Pferd», совѣтуетъ своему правительству обратить вниманіе на *меленородистую боснійскую лошадь*, в. пригодную, по своимъ качествамъ, для военныхъ надобностей. Боснійская лошадь (въ Закавказьѣ имѣется совершенно такая же лошадь), при дов. красивыхъ формахъ, оч. сильна и вынослива; она имѣетъ вѣрный и быстрый шагъ по самымъ горнымъ дорогамъ; особенно пригодна она для перевозки вьюковъ въ горахъ.

ЧЕРВОНОРУССКІЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ

I.

Коломыйки.

1.

Не затѣмъ поется пѣсня, чтобы слухъ плѣнять,
А затѣмъ, чтобы горе сердца пѣсней разгонять!

2.

Весь цвѣтами лугъ цвѣтеть,
Съ нихъ собираютъ пчелы медь;
На устахъ его я чую,
Если дѣвушку цѣлую!

3.

Сорокъ дѣвушекъ любилъ я, а молодокъ триста;
Но предъ Богомъ—я увѣренъ—сердце мое чисто.

4.

Не взыщи за откровенность—я тобою тѣшусь;
Хоть сейчасъ иди къ другому—право не повѣшусь!

5.

Неужели такъ и всюду—стужа на Петровку?
Заморозилъ подъ тулупомъ парень чернобровку!

6.

Невеличка я Параска, да люби такую:
Если будетъ моя ласка, я и поцѣлую!

7.

Ой ты, милый, чернобровый, любимый да пригожий!
Поцѣлую тебя на ночь, на разсвѣтѣ тоже.
Поцѣлую тебя на ночь, чтобы сладко спалось,
На разсвѣтѣ поцѣлую—чтобы рано всталось!

8.

Цѣловаль я губки милой, крѣпко цѣловаль ихъ,
Не ѣдалъ я меду слаще этихъ губокъ алыхъ;
Цѣловаль ихъ до разсвѣта отъ вечерней зорьки,
А теперь тѣ губки стали какъ полынъ мнѣ горьки!

9.

Не иди ты за вдовца, не иди за пьянаго,
Не давай и стариву личика румянаго!

10.

Не бѣда, что ты бѣдна—ничего не значить,
Я богатой не возьму, пусть ее поплачетъ!
Я тебя возьму съ собой—лучше жить мы будемъ:
Ты бѣдна—зато мила Богу, мнѣ и людямъ!

11.

Нѣтъ тамъ счастья, нѣтъ тамъ доли,
Гдѣ богаты только люди:
Счастье тамъ, гдѣ сердце бьется.
И любовью дышутъ груди!

12.

У богатаго калачъ, да и то онъ плачетъ,
А у бѣдной сироты корни нѣтъ, а скачетъ!

13.

Полюбила молодца, крѣпко полюбила я,
Какъ меня повиннулъ онъ—цѣлый годъ тужила я!

14.

Великая любовь доводитъ до бѣды:
Кто не знавалъ любви, не знаетъ тотъ печали!

15.

Надъ высокою горою голуби летаютъ;
Не нашла себѣ я счастья, а лѣта минаютъ.
Славныхъ парней я любила, вѣкъ ихъ не забуду,
Только доли я не знала, да и знать не буду!

16.

Грустно жить на бѣломъ свѣтѣ; тяжело я вздыхаю.
Что, побѣдная головка, долюшки не знаю!
Ой вы, годы молодые! Будьте коротки вы,
Если знать не суждено мнѣ долюшки счастливой!

17.

Отдала меня родная, за кого хотѣла:
Любить мужнина нагайка бѣленькое тѣло!

18.

Тамъ, гдѣ я ходила красною дѣвицей,
Устлана дорога травкой молодою;
Тамъ же, гдѣ ходила грустной молодницей,
Устлана дорога снѣжной пеленою!

19.

У своей родимой я цвѣла калиной,
 А разставшись съ нею, вяну какъ былина:
 У своей родимой розою цвѣла я,
 А теперь брожу я блѣдная, больная.

20.

Ой носила я и лѣтомъ на ногахъ сапожки.
 А теперь босья ходять и по снѣгу ножки!

21.

Отчего, мужичья хата, ты скрипишь подчасъ?
 Оттого, что барь богато, нѣтъ добра у насъ.

22.

Оттого мы не богаты,
 И невзрачны наши хаты,
 Оттого я не женать
 И незамужемъ дивчата,—
 Что въ деревнѣ арендаторь
 Съ арендаторшей богатъ!

II.

Шалалайки.

1.

Ой пойду я въ край чужой,
 Чтобы милая за мной
 Поскучала,—пожалѣла,
 Что поладить не съумѣла!

2.

Блѣдное личико, глаза печальныя...
 «Мама! пусти меня за горы дальнія!
 Я постараюсь недолго тамъ быть:
 Дай только милаго мнѣ позабыть!»

3.

Волны по Дунаю медленно катятся;
 Годы молодые вдаль безслѣдно мчатся.
 Ой краса дѣвичья, юность золотая!
 Гибнете вы даромъ, какъ волна Дуная!

4.

Ой ты, доля дѣвичья! Мать сама не знаетъ,
 Для кого нетронутой дочку сохраняетъ...
 И моя не вѣдала, для кого старалась,—
 Нелюбу и ворогу въ руки я досталась!

III.

Шумка.

Я за садъ за густой
 По воду ходила;
 Не судилъ мнѣ Господь,
 Кого я любила;
 А судилъ мнѣ Господь,
 Кого я не знала,—
 То за мой переборъ,—
 Что перебирала.

IV.

Пѣсни.

1.

Ой не всѣ сады родятъ,
 Что въ цвѣту весной стоятъ;
 И не всѣ на тѣхъ вѣнчаются,
 Въ кого смолоду влюбляются.

Вдвое менѣ плодовъ
 Садъ приносить, чѣмъ цвѣтовъ;
 Половина лишь вѣнчается
 Тѣхъ, что смолоду влюбляется.

2.

На пригорѣ рябина,
 За пригоркомъ долина,
 А въ долині рѣченка,
 А у рѣчки избенка;
 У хозяйки избушки
 Двѣ дочурки—вострушки:
 Имя старшей Галяня,
 А другая Маруня.
 Галя вышла за Яна,
 А Маруня за пана;
 Что за Яномъ—пануетъ,
 Что за паномъ—бѣдуетъ.

3.

Добрый молодець долиной
 Шель и встрѣтился съ дѣвчиной.
 «Эхъ, была-бъ ты мнѣ женой,
 Будь повыше ты собой»!

— Не кручинься, что мала я,
 Я хозяйка не плохая,
 А какъ косу расплету,
 Я и ростомъ подросту.

А работать я умѣю:
 Возмѣ печки ноги грѣю,
 Ноги грѣю, руки, парю,—
 Прочь, дуракъ, а то ударю!—

4.

Доля.

Дѣло извѣстное, кто кого любитъ:
 Близко садится, ласкаетъ, голубитъ;
 Дѣло извѣстное, кто съ кѣмъ въ раздорѣ:
 Врознь они держатся, злоба во взорѣ.

Дѣло извѣстное, кто одинокій—
 Свѣжи и полны румяныя щеки;
 Дѣло извѣстное, кто оженился—
 Щеки поблекли и взоръ омрачился.

Горе женатому близко знакомо:
 Топчуть дорожку къ дверямъ его дома.
 Хуже тому, кто безъ женки бѣдуетъ:
 Ночью бродя, головой онъ рискуетъ.

Тяжко тому, кто семью взялъ на плечи;
 Тяжко, какъ битой посудинѣ въ печи:
 Снизу течетъ, да и сверху сбѣгаетъ;
 Какъ онъ ни крутится—счастья не знаетъ.

И. Б.—ль.

ТРУБКА ТАБАКУ

РАЗСКАЗЪ Іосифа Юрчича

Со словинскаго

ПАВЕЛЬ Сламникъ, управляющій въ Копривникѣ, уже на сороковомъ году сталъ лысѣть, не потому чтобы онъ въ своей юности чрезмѣрно наслаждался жизнью, — Боже упаси! Павелъ Сламникъ никогда не отдавался наслажденіямъ грѣховнымъ; онъ для этого слишкомъ боялся и Бога и людей. И лишняя ученость не могла быть причиной этого недостатка: вѣдь уже изъ четвертаго класса гимназіи принесъ онъ своему отцу на каникулы круглыя двойки въ сладостный даръ. Поэтому онъ бросилъ ученое поприще и жилъ сперва гдѣ-то писцомъ, впоследствии же управляющимъ у сосѣда-помѣщика. Волоса слѣдовательно падали съ его головы сами собой; по этой причинѣ онъ стригся подъ гребенку, чѣмъ, по правдѣ сказать, отнюдь не усиливалъ своей миловидности. Но лицо его не представлялось слишкомъ ужъ непріятнымъ.

Такъ вотъ на сороковомъ году своемъ Сламникъ сталъ замѣчать, что прачка небрежно гладитъ ему рубашки; что у сюртука то и дѣло отскакиваютъ пуговицы, которыхъ некому пришить; что за обѣдъ и за ужинъ сосѣдній трактирщикъ деретъ черезчуръ дорого. И много подобныхъ неудобствъ онъ могъ бы еще насчитать.

Женись онъ, дѣла пошли бы совсѣмъ иначе: пуговицы были бы пришиты, бѣлье въ порядкѣ, думалъ Сламникъ, и было бы еще много другихъ вещей, о которыхъ онъ вслухъ не говорилъ.

У Сламника не было привычки говорить много; но думалъ онъ много и обо всемъ до мельчайшихъ подробностей. Къ такой основательности приучили его цифры, которыя онъ ежедневно долженъ былъ заносить въ хозяйскую книгу и надъ которыми онъ

часто сживалъ по цѣлымъ часамъ, чтобы вывести изъ нихъ результатъ, пріятный его хозяину и полезный для него самого.

И проектъ женитьбы Сламникъ обдумалъ всесторонне. Прежде всего онъ критически обсудилъ вопросъ о своемъ жалованьи и составилъ подробную смѣту: сколько-моль потребуется, когда онъ будетъ жить вдвоемъ, втроемъ, вчетверомъ (больше—ни, ни!). Потомъ онъ исчислилъ, какія сбереженія сдѣлаетъ жена, какихъ теперь не дѣлается. Смѣта со всѣхъ сторонъ оказалась вполне удовлетворительной.

Оставалось еще рѣшить только одинъ вопросъ: какъ раздобыть себѣ жену.

Это было дѣло нелегкое. Сламникъ вездѣ слылъ за человѣка, который терпѣть не можетъ «женскаго сословія». Бывало, придетъ въ поле, гдѣ жнутъ работницы: слова не проронить, а если проронить, то это слово тѣмъ суше, чѣмъ свѣжѣе работница. Сто разъ онъ замѣчалъ, какъ работницы смѣются надъ нимъ; но онъ равнодушно курилъ свою трубку и ферткомъ ходилъ мимо нихъ.

Въ обществѣ онъ не бывалъ; поэтому невѣсты себѣ намѣтить не могъ. Да кромѣ того, и выборъ въ окрестности былъ невеликъ: дѣвицъ, которыя умѣли бы читать и писать и еще кое-что, было немного; а ему именно такая и была нужна. О красивой и богатой дѣвицѣ Сламникъ понятно и во снѣ мечтать не дерзалъ. Жалованье, положимъ, было еще такъ себѣ, ничего; но онъ не былъ настолько нескромнень, чтобы не сообразить, что его лицо, его обнаженная голова и его сороковые годы неспособны служить особенной приманкой.

Однако и это дѣло стало налаживаться. У какого-то казначейскаго чиновника, обильно снабженнаго чадами, имѣлась между прочимъ двадцатисемилѣтняя дочь, владѣвшая когда-то, во время расцвѣта своей юности, кучею поклонниковъ, изъ которыхъ однако ни одинъ не влюбилъ, такъ какъ отецъ ея былъ бѣденъ. Къ ней Сламникъ и обратился. Ходилъ онъ, ходилъ, а все языкъ не повернется сказать то, чѣмъ сердце наполнено до самаго края. Наконецъ Сламникъ пригласилъ чиновника къ себѣ на охоту. Предвидѣлась прекрасная закуска и не менѣе отличная выпивка, и чиновникъ явился. Въ лѣсу Сламникъ какъ будто нечаянно сошелся со своимъ гостемъ. Черезъ добрыхъ десять минутъ Сламникъ уже зналъ, что «отецъ очень, очень счастливъ, что онъ даетъ согласіе отъ своего имени и отъ имени дочери; что Доротея всегда съ особеннымъ удовольствіемъ и съ глубочайшимъ уваженіемъ говорила именно о Сламникѣ».

Господинъ управляющій, хотя звѣздъ съ неба не хваталъ и

знаніемъ людей не отличался, все же въ душѣ усомнился въ правдивости послѣднихъ словъ своего будущаго тестя: ни причины, ни случая заниматься имъ, Сламникомъ, у его невѣсты никогда не представлялось. Но какъ бы тамъ ни было, онъ былъ весьма счастливъ, что жгучій вопросъ разрѣшился такъ просто и скоро.

Когда онъ на другой день пришелъ къ казначею въ гости, онъ безъ труда замѣтилъ, что Доротей знаетъ про его разговоръ съ отцомъ. Она обошлась съ нимъ чрезвычайно любезно; тяжелый камень объясненія въ любви свалился съ сорокалѣтнихъ плечъ Сламника. Они сразу поняли другъ друга, и выдающая красавица сумѣла повести разговоръ такъ искусно, что при первой удобной фразѣ своего поклонника отвѣтила согласіемъ на уступку руки и сердца. Сламникъ ушелъ съ глубокимъ убѣжденіемъ, что «его» Доротей самое доброе, милое и красивое созданіе въ свѣтѣ.

Осенью сыграли свадьбу, и у Сламника наконецъ оказалась жена.

Первое время брачныя узы напоминали Сламнику прямо царство небесное. И оно понятно: въ домѣ воцарился порядокъ: въ шкафахъ и по всѣмъ угламъ все находилось на своемъ мѣстѣ. А стряпать Доротей умѣла такъ превосходно, что обѣдъ поѣдался такъ сказать самъ собою. И какая она была бережливая! Да, именно въ ея бережливости надобно искать исходную точку дальнѣйшей судьбы Сламника.

Скоро ему стало казаться, что для него не составляло бы особенной неприятности или неопределимаго труда, еслибы обѣдъ длился немножко дольше. Такъ какъ онъ немножко побаивался своей Доротей, то сначала о протестѣ своего обиженнаго желудка сообщилъ женѣ въ формѣ вроткаго запроса. Но она, придавъ своему лицу достоюжную серьезность, замѣтила, что онъ по хозайству ничего не смыслить, что жалованье его скудно, что необходимо позаботиться и о старости. Въроятно, все это для Сламника было убѣдительно, такъ какъ онъ ничего не возражалъ.

Не прошло однако и трехъ мѣсяцевъ, какъ милая Доротей изощрила свой носъ до такой тонкости, что отъ всѣхъ платьевъ ея супруга ей слышался пронзительный запахъ табаку, а отъ стѣн несло злосмраднымъ дымомъ. Значить, нападеніе на трубку! А трубка была вѣрнѣйшая, да вмѣстѣ съ тѣмъ и единственная подруга Сламника вплоть до заключенія законнаго брака!

Съ кислымъ лицомъ и невыразимой тоской Сламникъ далъ супругѣ слово впредь курить только въ чистомъ полѣ и лишь въ исключительныхъ случаяхъ—на скамьѣ передъ домомъ. Можно себѣ представить, сколько труда стоило ему дать такой жестокой обѣтъ: но чѣмъ не пожертвуешь для жены—заботливой, молодой, работа-

щей и красивой, какую была все еще для Сламника его Доротея? Круглый годъ курилъ онъ только внѣ дома, и то лишь когда его Доротея не было по близости. Табакъ онъ покупалъ тайно и женѣ его расходы по этой статьѣ не были извѣстны.

Но тучи, которыя собирала женская злость на семейномъ небѣ, разразились наконецъ страшной грозой. Сидѣли супруги въ одно воскресенье послѣ обѣда на скамейкѣ передъ домомъ. У Сламника по хозяйству не было никакого дѣла. На рукахъ у Доротея барахтался ея первенецъ; счастливый отецъ пододвинулся поближе къ нему, и по его лицу расплылась та радость, которую чувствуетъ отецъ при видѣ перваго своего ребенка.

Эта именно радость, должно быть, помутила его: въ разсѣянности увлекшись улыбающимся ребенкомъ, онъ вытащилъ изъ кармана трубку и положилъ въ ротъ. Доротея въ этомъ поступкѣ своего мужа увидѣла верхъ наглости. Она вышла изъ себя. Словно молнія сверкнула она, и несчастная трубка валялась далеко отъ него во ста осколкахъ; во рту у Сламника торчалъ одинъ мундштукъ. Прежде чѣмъ пораженный мужъ очнулся, женинъ языкъ уже бѣжалъ мелкой рысью, засыпая по пути бѣднаго мужа градомъ прозвищъ, названій и попрековъ. Всѣ эти славословія Сламникъ перенесъ бы терпѣливо; но что Доротея вырвала у него изъ рта трубку, причемъ едва уцѣлѣли державшіе ее зубы... помилуйте!—такой кровной обиды не перенесетъ даже самый благоразумный мужъ. У Сламника брови нахмурились, зубы заскрежетали, а изъ губъ образовалась настоящая подкова. Такая пережѣна съ нимъ всегда происходила, когда онъ сильно сердился.

II

Увидавъ, что въ возлюбленномъ супругѣ все бурлитъ, молодая жена сообразила, что именно теперь насталъ благопріятный моментъ дать трубкѣ генеральное сраженіе и одержать надъ нею блистательную побѣду.

— Еще пожару надѣлаешь, кричала она сердито. Думаешь, другіе жгутъ эту мерзость и бросаютъ деньги на вѣтеръ, это и ты долженъ! Я не потерплю этого! Знай это разъ навсегда!

У Сламника губы пришли въ волнообразное движеніе: онъ хотѣлъ отразить нападеніе и разъ навсегда сокрушить супостата! Не тутъ-то было! Гнѣвъ ли сдавилъ ему горло или же онъ не могъ сразу подыскать необходимаго слова, но онъ молчалъ. Да и говорить было некогда, потому что Доротея порывисто встала, подвинула ребенка выше на грудь и кричала:

— Видѣть я тебя не могу возлѣ себя съ этой вонью въ зубахъ. Помни, отнынѣ навсегда не курить ни дома, ни въ полѣ,—нигдѣ!

Тутъ терпѣніе Сламника лопнуло: онъ побагровѣлъ, сдвинулъ шляпу на затылокъ, стукнулъ три раза пальцемъ о скамью и сказалъ:

— Я буду дѣлать что я хочу, поняла?

Такого упорнаго и рѣзкаго тона жена за все время ихъ счастливаго брака ни разу не слыхала; поэтому потокъ ея словъ вдругъ остановился; немного подумавши, она только отчеканила:

— Хорошо!

Но какъ звучало это слово?! Оно было сознательнымъ вызовомъ на отчаянный бой: будущее, молъ, покажетъ, кто изъ насъ двухъ сильнѣе.

— Хорошо! хорошо! хорошо! кричалъ расходившійся мужъ. Что я захочу, когда захочу и сколько захочу, и—баста!

Онъ принялъ гордый видъ, быстро всталъ, собралъ съ благоговѣніемъ куски разбитой трубки и степенно зашагалъ въ направленіи отъ дома. Жена опять сѣла на скамью, положила дитя такъ порывисто на колѣни, что оно запищало, и по отцвѣтшимъ щекамъ полились слезы чистѣйшей злобы. Она рѣшила отомстить мужу, не покориться, теперь еще больше не покориться, чѣмъ прежде, нарочито не покориться!

Сламникъ былъ образецъ супруга, скромнаго, довольствующагося малымъ. Въ числѣ его дурныхъ качествъ мотовства не встрѣчалось. Никто никогда не видалъ его въ кабацѣ. Особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ женился, онъ все сидѣлъ дома и занимался дѣломъ. Но сегодня въ немъ такъ елокотало, что онъ почти безъ сознанія свернулъ на дорогу многихъ недовольныхъ супруговъ: цѣлый день, до поздней ночи, сидѣлъ онъ въ кабацѣ. Сидѣлъ себѣ за виномъ и, не говоря ни съ кѣмъ ни слова, думалъ онъ о вещахъ, представляя ихъ себѣ во всей ихъ наготѣ. Сегодня онъ окончательно убѣдился, въ какой степени упряма его супруга и какъ безусловно онъ ей долженъ подчиняться. Это сознаніе разжигало его, и онъ охлаждалъ сердце виномъ. Скоро другіе посетители кабака замѣтили, что съ Сламникомъ случилось что-то неладное. Не трудно было догадаться, что онъ поссорился съ женой. И когда одинъ острякъ направилъ ударъ на эту струнку, то Сламникъ вообразилъ, что весь свѣтъ говоритъ только о немъ и о его зависимости отъ жены. Эта мысль была масломъ подлитымъ въ огонь.

Было уже поздно, когда онъ вышелъ изъ кабака. Ноги у него заплетались, голова была въ туманѣ. Луна злобно на него выстав-

ляла свои рожки; передъ его глазами плясали звѣзды. Но никогда онъ еще не былъ такимъ храбрымъ и рѣшительнымъ: въ его умѣ сложилась цѣлая длинная рѣчь, которую «она» услышитъ, если осмѣлится сказать ему «хоть одно слово». Когда онъ подошелъ къ дому, то остановился передъ порогомъ, машинально вынулъ трубку и размышлялъ, войти ли въ домъ съ трубкой въ зубахъ или нѣтъ? Рѣшилъ, что лучше безъ трубки. На порогѣ онъ споткнулся, и сообразилъ, что выпилъ больше, чѣмъ слѣдовало, и ему стало стыдно.

Когда онъ вошелъ въ комнату, жена не привѣтствовала его, но и выговора онъ не слышалъ. Вопреки своей привычкѣ, она его совершенно игнорировала, принявъ насколько могла самую серьезную мину, сообразно важности подобнаго случая. Она молчала, точно ничего не случилось, и не упрекнула его даже за то, что онъ дерзнулъ закурить трубку въ ея комнатѣ.

— Она всетаки ничего себѣ, подумалъ онъ, и ему даже сдѣлалось стыдно за свою мечь. Вмигъ спряталъ онъ трубку въ карманъ. Въ сердцѣ зашевелилось что-то нѣжное, нѣсколько разъ онъ взглянулъ на нее: почему-де все молчитъ и не начинаетъ. Онъ былъ готовъ подчиниться во многомъ, лишь бы она заговорила.

Въ сосѣдней комнатѣ проснулся ребенокъ; она побѣжала туда. Онъ ждалъ, ждалъ, а жена все не возвращалась. Наконецъ онъ позвалъ ее.

— Ты все этакъ молчать думаешь, что-ли? спросилъ онъ, и половина его храбрости сразу пропала.

Вмѣсто отвѣта Сламникъ услышалъ громкое рыданіе; по ея лицу, повернутому въ сторону, покатались крупныя слезы. Отдѣльныя, прерываемыя плачемъ фразы, доказывали мужу, сколь несчастна его жена по причинѣ его упрямства, какъ безсердечно онъ попираетъ ногами ея желанія, какъ жестоко онъ поступаетъ, оставляя ее одну дома съ ребенкомъ, а вдобавокъ возвращается въ такомъ видѣ!

Въ душѣ онъ соглашался, что жена права. Но зачѣмъ она плачетъ? Это задѣло его за живое, слезъ онъ видѣть не могъ.

— И зачѣмъ ты такой? сказала она. Всякая дурная привычка тебѣ милѣй, чѣмъ жена. Слова тебѣ нельзя сказать. Какая это любовь? Трубка табаку для тебя дороже, чѣмъ я!

Это было невѣрно. Онъ сильно боролся въ эту минуту самъ съ собою. Онъ готовъ былъ безъ разсужденія жертвовать для нея всѣмъ.

Чего не могло достигнуть ея строгое слово, того достигли слезы. Онъ всталъ, подошелъ къ ней, нѣжно притянулъ ее къ себѣ и сказалъ дрожащимъ голосомъ:

— Не плачь! Я вѣдь не камень! Обѣщаю тебѣ все: никогда и нигдѣ ты меня съ трубкой больше не увидишь.

Обѣтъ былъ данъ, и Сламникъ остался доволенъ собою. Миръ былъ заключенъ.

Отъ многого человѣкъ можетъ отказаться; много худыхъ прищечекъ онъ въ состояннн бросить, только у него должно быть сознаніе, что онъ это сдѣлалъ по своей доброй волѣ. У Сламника дѣло должно быть обстояло иначе, такъ какъ на слѣдующій день, когда хмѣль прошелъ, онъ былъ пасмуренъ и недоволенъ. Но какъ тамъ ни вертись, данное слово нужно сдержать.

Работники копривницкаго помѣщика скоро сдѣлали отертыіе, что господинъ управляющій ходитъ безъ трубки. О причинѣ этого явленія они скоро стали догадываться и пошли дѣлать насмѣшливые намеки, которые управляющій не могъ не принять на свой счетъ. Къ этому виѣшнему соблазну присоединилась еще сила многолѣтней привычки, и Сламникъ впалъ въ старыі грѣхъ. Онъ почувствовалъ, что у него исчезаетъ уваженіе къ самому себѣ; но, не желая ронять своего достоинства передъ женой, а можетъ быть также изъ страха передъ нею—онъ сталъ курить тайно, далеко отъ ея глазъ.

III

Два года спустя, въ прекрасный весенній вечеръ Сламникъ сидѣлъ одинъ въ ближней буковой рощѣ, прилегающей къ фермѣ, гдѣ онъ жилъ съ женой. Отъ фермы роща тянулась къ холму и покрывала всю его восточную сторону. Эта роща служила Сламнику тайнымъ убѣжищемъ, когда онъ втихомолку желалъ предаться своей старой страсти, вдали отъ взоровъ жены и другихъ людей.

Въ дуплѣ стараго бука онъ хранилъ табакъ и всѣ принадлежности, необходимыя для куренья. Тутъ онъ сидѣлъ въ упомянутый вечеръ, опершись локтями о колѣни; передъ ногами лежала его шляпа, и разныя невзгоды послѣдняго времени воскресали въ его памяти. Ребенокъ у него умеръ; жена давно уже лежитъ неизлѣчимо больна; старыі его хозяинъ, благородный мотъ, продалъ свое имѣніе вмѣстѣ съ управляющимъ какому-то скучному барону изъ нѣмцевъ, который на обухѣ молотилъ рожь и которому, скрягѣ проклятому, ничѣмъ нельзя было угодить. Худо и горько жить на этомъ свѣтѣ, думалъ бѣдный управляющій; но все бы ничего, не будь жена такъ ужасно несправедлива къ нему: вѣдь снисходителенъ же онъ къ ея болѣзни. Къ чему она ведетъ себя такъ,

что онъ, какъ воръ, долженъ бродить по этой рощѣ, и для чего?— чтобы выкурить трубку табаку, единственное утѣшеніе въ этой безцвѣтной его жизни.

Онъ такъ углубился въ тоскливую философію жизни, что не замѣчалъ, какъ комары жужжать вокругъ его головы и пускаютъ ему кровь изъ ушей и изъ носу. Довольно сильный вѣтеръ срывалъ сухую листву съ деревьевъ, сохранившихъ ее еще съ прошлой осени. Кучи сухой листвы лежали тамъ и сямъ по рощѣ. Дымъ отъ табачнаго жертвоприношенія Сламника стлался между кустами, гдѣ птицы еще искали себѣ вкуснаго ужина.

Не эти наблюденія, но какое-то безотчетное безпокойство сегодня не дозволило Сламнику насладиться второй трубкой тутъ же. Онъ только закурилъ ее въ досадѣ, и бросилъ спичку, всталъ и ушелъ. Ему сдавалось, будто его ожидаетъ какое-нибудь несчастье; поэтому онъ махнулъ въ кабакъ, чтобы въ обществѣ любителей живительной влаги избавиться отъ гнетущей тоски. Путь до кабака, находящагося на другой сторонѣ холма, былъ недалній, если идти поперекъ роши.

Настала ночь. Управляющій только что рассчитался и думалъ отправиться домой, какъ въ кабакъ вбѣжалъ мальчикъ и, едва переводя духъ, кричалъ: горить! горить!

— Гдѣ? что? закричали въ одинъ голосъ перепуганные гости, но, не дождавшись отвѣта, высыпали изъ кабака и остановились подъ ближнимъ орѣховымъ деревомъ. Послѣднимъ изъ нихъ поплелся, точно безъ сознанія, управляющій.

— То буковая роща! закричали всѣ разомъ.

— Боже! Боже! помогите! кричалъ Сламникъ, упавъ лицомъ на землю, и отрывисто стоналъ и охалъ.

Добрая половина роши была въ огнѣ; вѣтеръ разносилъ огонь во всѣ стороны съ страшной быстротой. Зарево освѣщало всю окрестность и высоко поднимался свѣтлый дымъ; въ пламени въ бѣшеной пляскѣ вертѣлась пылающая листва и мчалась въ направленіи къ западу.

— Остановить пожара невозможно! Вся роща сгоритъ. Черезъ гору огня не перекинеть. Направо и налѣво по опушкѣ тоже не пойдетъ...

Такъ разсуждали крестьяне, и увидавъ, что ихъ постройки не въ опасности, они стали оправляться отъ перваго испуга.

Толпа теперъ замѣтила, что управляющій валяется на землѣ.

— Ну! Ну! крикнулъ какой-то старикъ, будетъ тебѣ завывать и рвать волоса. Какая вамъ-то убыль? Экая важность, если Господь и богача иногда наважаетъ. У васъ ничего не сгоритъ, у меня

тоже ничего. Нѣмчура вѣдь по міру не пойдетъ, небось, на то онъ нѣмчура.

Между тѣмъ управляющій билъ головою о-земь и все стоналъ.

— Ваша квартира недалече отъ пожара, пожалуй и горитъ уже. Отсюда не видать. Пойдите, братцы, туда.

Сламинькъ какъ будто не слыхалъ ничего. Одинъ изъ мужиковъ подошелъ къ нему, поднялъ его и, встряхнувъ какъ мѣшокъ, промолвилъ: «Домой, домой! не то жена у тебя стѣбеть; или хотъ капитадецъ-то спасай! Вишь окодѣлъ совѣзмъ».

Онъ точно ничего не понимаетъ; смотритъ себѣ глупо вдаль. Мужики рысью обогнули холмъ; ближайшій путь, черезъ рощу, пожаръ заслонилъ. Поплелся за ними наконецъ Сламинькъ. Въ глазахъ у него потемнѣло; онъ то-и-дѣло хватался за голову и вопилъ:—Боже мой! Боже мой! что я сдѣлалъ!

Онъ вообразилъ, что кура въ рощѣ, онъ заронилъ огонь въ сухую листву. Ему мерещилась и тюрьма, и висѣлица, и адъ и всѣ прочіе ужасы.

Когда онъ пришелъ на ту сторону холма, большая часть рощи уже сгорѣла; но горѣла одна листва и мелкія вѣтви, да сухой валежникъ, стволы же деревьевъ уцѣлѣли, и только дымились.

Увидѣлъ онъ ферму, свою квартиру—все въ огнѣ.

Дома онъ оставилъ больную жену въ постели! Вспомнивши это, онъ какъ будто проснулся изъ оцѣпенѣнія, въ которое заковало его отчаяніе, и пустился бѣжать во весь духъ.

Вокругъ дома стояло много народа: окрестные мужики, помѣщичьи работники и работницы: всѣ кричали, гасили, ломали, растаскивали.

— Гдѣ она? жена моя гдѣ? крикнулъ Сламинькъ.

Ему указали въ сторону, въ садъ.

Подъ большой яблонью, прислонившись къ стволу, сидѣла на корточкахъ его больная жена, съ завернутой въ платокъ головой, и плакала навзрыдъ. Когда мужъ увидѣлъ ее и убѣдился, что съ ней не случилось никакого несчастья, то прежнее отчаяніе овладѣло имъ. Словно бѣшенный, кинулся онъ на нее и кричалъ:

— Ты виновата, что я поджегъ; ты и твоя сатанинская злость толенули меня въ это несчастье! Ты...

Дальше онъ не могъ; ротъ у него пѣнился, глаза сверкали: въ приступѣ бѣшенства онъ кинулся на несчастную больную и сталъ рвать у нея платокъ съ головы.

Одинъ изъ работниковъ схватилъ его и рванулъ прочь отъ жены со словами:

— Съ ума, что-ли, вы сошли?

Вѣсть, что управляющій самъ поджогъ рошу, молніей облетѣла все собраніе. Самъ-де сознался. Зрители одинъ за другимъ уходили съ пожара, подозрительно поглядывая на поджигателя, который въ какомъ-то оступѣніи уперся лбомъ въ дерево. Скоро все зданіе было въ огнѣ; никто больше не хотѣлъ тушить.

— Жандармы идутъ! послышались голоса изъ удаляющейся толпы. И не успѣли еще блюстители порядка и закона дойти до пожарища, они уже знали, кто запалилъ. Жандармы подошли къ нему. Онъ захохоталъ такъ неистово, что всѣ окружающіе его вздрогнули. Всѣ рѣшили, что несчастный Сламникъ лишился разсудка. Его связали и увели. Онъ молча шелъ передъ жандармами. Уходя, онъ презрительнымъ взглядомъ окинулъ жену, которая отъ ужаса остолбенѣла.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Я былъ по дѣламъ въ ближайшемъ городкѣ. Улицы были покрыты глубокимъ снѣгомъ, который все еще сыпалъ съ неба густыми хлопьями. Рой мальчиковъ выбѣжалъ изъ школы и давалъ угощать другъ друга снѣжками.

Тутъ вышелъ изъ грязнаго кабака пожилой мужчина въ заваленной, оборванной одеждѣ, съ сѣдой, растрепанной бородой; лицо у него было блѣдное, вздутое; на ногахъ шлепались дыравые, рыжіе сапоги. Говоря самъ съ собой, онъ бродилъ среди улицы, спотыкаясь о снѣгъ и шатаясь въ обѣ стороны. То и дѣло онъ оставался, словно желая рассчитать слѣдующіе шаги, грозился пальцемъ на небо и кричалъ: «Богъ!»

Тутъ замѣтило его многообѣщающее сословіе мѣстныхъ школяровъ. Они стали сновать около него, показывали ему языкъ, представляли носъ, и безъ умолку орали: «Трубка! а, господинъ Трубка!» Одинъ изъ нихъ, рыжій бѣсенокъ, вмгъ скомкалъ снѣжокъ и залѣпилъ его бѣдному старику-пьяницѣ прямо въ затылокъ. Въ одну минуту у всѣхъ мальчишекъ были сдѣланы снѣжки, которые градомъ посыпались на бѣднаго старика. Съ крикомъ поднялъ онъ дубину и кинулся туда, гдѣ стоялъ главный отрядъ его непріятелей. Но ноги у него запутались, и онъ свалился въ снѣгъ во всю свою длину. Среди его преслѣдователей раздался радостный хохотъ; всѣ стали кричать еще отчаяннѣе: Господинъ Трубка! а, господинъ Трубка! Трубка!

Двое прохожихъ со словами: ишь ты, чортово отродье! разогнали разшалившихся мальчугановъ. Старый пьяница всталъ и, страшно ругаясь и грозясь, скрылся за угломъ.

Этотъ пьяница былъ — Сламникъ. Я послѣ узналъ, что онъ судился за поджогъ извѣстной буковой рощи и сидѣлъ въ острогѣ. За это время его жена умерла. Освобожденный изъ острога, Сламникъ явился на улицу уже въ качествѣ пропащаго человѣка, нищаго и горькаго пьяницы. При всемъ этомъ у него и въ головѣ помутилось отъ перенесенныхъ имъ ударовъ судьбы. Иногда онъ приходитъ въ себя; тогда онъ плачетъ, что трубка табаку его погубила. Но не дай Богъ вспомнить ему про покойную жену: онъ проклинаетъ ее и честить такими словами, что волосы дыбомъ становятся.

Перевелъ М. Хестникъ.

Психея и Сатиръ

Я. Верхлипкаго

(съ чешскаго)

Однажды на цвѣтущемъ берегу
Хрустально-ясныхъ, тихихъ водъ Алфея
Сидѣла, погруженная въ раздумье,
Психея, полувзрослое дитя,
И вѣковѣчный лѣсъ шумѣлъ за нею,
А въ синевѣ безоблачнаго неба
Бѣлѣлись крылья аистовъ, летѣвшихъ
Всѣ въ рядъ, подобно цѣни бѣлыхъ розъ.
Психея устремила взоръ на волны.
Покрытая серебряною пѣной.
Въ ея глазахъ задумчивыхъ блистали
Двѣ искорки, подобныя зарницамъ
Безоблачной и тихой лѣтней ночи.
Потомъ она на аистовъ взглянула,
Которые въ зѣирномъ океанѣ
То расплывутся, словно хлопья снѣга,
То вновь блеснутъ, подобно свѣтлымъ точкамъ
Въ бокалѣ искрометнаго вина.
Она сидѣла долго безъ движенья,
Пока глубокой вздохъ не приподнялъ
Волнистыхъ очертаній нѣжной груди,
Похожихъ на бутоны бѣлой розы.
Тогда она тихонько разсмѣялась,
Любуясь какъ дитя на отраженіе
Въ водѣ своей волшебной красоты.
Сегодня въ первый разъ она спустилась
Изъ золоченыхъ залъ Олимпа. Землю

Она нашла прелестной какъ невѣста,
 Разубранной по праздничному. Птицы
 Казались совершенствомъ ей, а пчелка,
 Что заблудилась въ поискахъ за медомъ
 И сѣла на цвѣтущую кувшинку,
 Ей показалась въ солнечныхъ лучахъ
 Живой блестящей искоркой дождя,
 Который ежедневно разсыпаетъ
 На землю Геліосъ, чтобы въ часъ полночный
 На небосводѣ звѣзды зажигать.
 Она боялась пальцемъ тронуть лотоу,
 А увидавши образъ свой въ рѣкѣ—
 Къ нему простерла руки въ изумлени,
 Какъ бы желая кинуться въ объятья
 Къ своей сестрѣ, но мнимая сестра
 Къ ней также руки подняла съ улыбкой.
 Шумить рѣка, щебечуть звонко птицы,
 Изъ чащи лѣса шорохъ долетаетъ,
 И аисты проносятся надъ нею.

«Здѣсь такъ прекрасно—лучше, чѣмъ на небѣ!
 Повсюду ароматы, миръ и радость;
 И сколько жизни! Утромъ земляника
 Манитъ меня къ себѣ своимъ румянцемъ,
 А въ жаркій полдень свѣжую росу
 Мнѣ предлагаетъ чашечка цвѣтка;
 Въ лѣсу на мху я сплю какъ на постели.
 Чего еще желать мнѣ—я не знаю».
 Такъ, частью вслухъ, а частью про себя
 Психея размышляла, глядя въ волны,
 И—такъ какъ, несмотря на юный возрастъ,
 Въ ней женщина ужъ стала проявляться—
 Залюбовалась чуднымъ отраженьемъ
 Своихъ овальныхъ членовъ, нѣжной груди,
 Коралловъ устъ и золота кудрей,
 И засмѣялась, хлоная въ ладони,
 И вновь ребенкомъ сдѣлалась, мечтая:

«Прелестно все, что вижу я въ водѣ.
 Одно лишь мнѣ далеко не по вкусу:
 Къ чему ношу я за плечами пару
 Свѣтящихся, лазурныхъ, нѣжныхъ крыльевъ?»

Я видѣла, какъ вились надъ водою
 Созданія съ такою-жъ парой крыльевъ—
 Прозрачныхъ, металлически-блестящихъ;
 Легки какъ сонъ, они передетали
 Съ одной цвѣточной вѣтки на другую
 И исчезали въ тростникѣ прибрежномъ,
 Подобныя улыбкѣ мимолетной.
 Однажды у заснувшаго въ цвѣткѣ
 Созданья я видала два крыла
 Пурпурныя, съ лазурными глазками.
 Но мнѣ-то для чего такія крылья?
 Я видѣла, какъ вечеромъ сюда
 Купаться приближались хороводы
 Подобныхъ мнѣ и родственныхъ со мною
 Земныхъ существъ; ни у кого изъ нихъ—
 Хотя и были члены ихъ зрѣлѣе,
 Чѣмъ у меня—не видѣла я крыльевъ.
 Зачѣмъ же я одна должна носить ихъ?»

И вновь она, мечтая, смотритъ въ волны;
 Она не знала, что неподалеку
 Спалъ въ тростникѣ сатиръ—и пробудился.
 На бородѣ всклокоченной его
 Еще видѣлся слѣдъ ночной попойки.
 Протерши щелки глазъ своихъ, зѣвнулъ онъ,
 И въ тростникѣ опять было улегся,
 Чтобъ продолжать дремать, какъ вдругъ увидѣлъ
 У берега прелестное дитя.
 Припавъ къ землѣ, онъ, скрытый тростникомъ,
 Попѣлъ къ Психеѣ. Взоръ его блестѣлъ
 Какъ огонекъ блудящій въ тростникахъ.
 Уже былъ близокъ къ цѣли, легъ на брюхо,
 Подперши волосатыми руками
 Свой подбородокъ, и оскалилъ зубы,
 Психея-жъ ничего не замѣчала.
 Но дольше онъ не могъ уже сдержаться,
 Защелкалъ языкомъ и разрѣшился
 Какимъ-то полувздохомъ, полукрикомъ:
 «О, какъ ты хороша, моя овечка!»

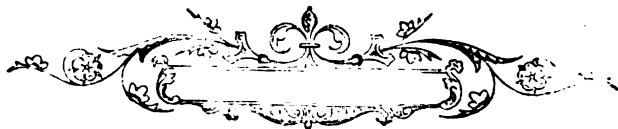
Тогда Психея быстро обернулась
 И, увидавъ чудовище, въ испугѣ

Затрепетала, какъ листокъ осины,
 Сатиръ же къ ней все ближе подвигался.
 Его глаза какъ факелы горѣли,
 И мускулы надулись на рукахъ.
 Ужъ онъ ее готовился схватить
 Въ свои объятя, съ хохотомъ злораднымъ,
 Какъ вдругъ Психею крыльями взмахнула
 И надъ рѣкой какъ бабочка взвилась,
 Къ лазури поднимаясь, и оттуда
 Раздался серебристый смѣхъ, похожій
 На воркованье нѣжное голубки,
 Которое звучитъ въ полдневный часъ,
 Когда безмолвно дремлетъ лѣсъ тѣнистый,
 И жаркій день купается въ рѣкѣ.
 Психею наконецъ взглянула внизъ —
 И видитъ: обманувшійся сатиръ
 Бросается къ купающимся нимфамъ,
 Одну изъ нихъ выхватываетъ ловко
 И въ лѣсъ съ собою тащитъ; нимфа плачетъ,
 А онъ хохочетъ, скаля зубы; нимфа
 Бѣла какъ снѣгъ, а онъ какъ сажа черенъ.

И съ той поры Психею поняла
 Зачѣмъ даны ей крылья за спиною.

Какъ часто, о поэзія, могла бы
 Дѣйствительность тебя обрызгать грязью,
 Не будь ты неба дочерью крылатой!
 И хорошо, что ты у насъ лишь гостя,
 И можешь улетать къ себѣ на небо!

■. Б—т.

БЕЗСМЕРТНЫЙ

РАЗСКАЗЪ ГАБРИЕЛЛЫ ПРЯЙССОВОЙ

Съ чешскаго

БЫЛО уже три часа пополуночи, когда кто-то застучалъ въ запертую на задвижку дверь избы стараго Коцанды.

Не хотѣлось ему вставать. Новенькая желѣзная печка перестала уже грѣть, какъ только не стали подбавлять въ нее дровъ, а на дворѣ крѣпчалъ морозъ. Едва лишь высунувшись изъ-подъ одѣяла, старикъ почувствовалъ холодъ въ лопаткахъ, но тотчасъ же терпѣливо всталъ съ постели и выпрямился своей длинной, сухой фигурой, какъ бы говоря про себя: «а вѣдь всетаки я еще молодецъ; только эта печка меня сердитъ; сдѣлаю себѣ хорошую, кафельную!»

Стукъ въ дверь повторился.

— Кто тамъ? спросилъ онъ, по обыкновенію, громко.

— Я—сынъ! раздался за дверью взволнованный голосъ.—И пришелъ вамъ сказать, что жена только что родила прекраснаго, здороваго мальчика.

— Постой, постой! закричалъ старикъ, бросающъ за спичками, чтобы засвѣтить стоявшую на столѣ лампу. Отъ этого внезапнаго извѣстія бросилась у него кровь въ голову; отъ внутренняго возбужденія онъ уже болѣе не чувствовалъ холода. Зажегши лампу, онъ поспѣшилъ отодвинуть засовъ. Внезапный сухой кашель не далъ ему съ минутою проговорить свой вопросъ.

— Что вы, батюшка, тутъ такъ запираетесь?—вырвалось у молодяго Коцанды, при входѣ.—Воръ не рѣшится войти къ вамъ,—вѣдь насъ полный домъ, а на дворѣ стерегутъ двѣ хорошихъ собаки. И еслибы что нибудь случилось съ вами ночью...

— Что со мной можетъ случиться? оборвалъ сердито старикъ.—Развѣ я ребенокъ, чтобы бояться привидѣній?

— Такой глупости мнѣ не приходитъ въ голову... но еслибы вамъ какъ-нибудь понездоровилось, сдѣлался обморокъ. Это со всякимъ можетъ случиться, такъ и до дверей не доберешься. На вашемъ мѣстѣ, я бы велѣлъ спать гдѣ-нибудь возлѣ хоть пастуха...

— Что это еще? зачѣмъ? разгнѣвался старикъ, подозрѣвая что-то противъ себя.—Развѣ я какой нибудь слабоумный? О, вы конечно рады толкать меня во всякую болѣзнь... Вотъ видишь...—и тутъ новый кашель прервалъ его рѣчь,—кашляю отъ волненія; вывели меня изъ себя...

У молодого Коцанды уже на языкѣ вертѣлось нетерпѣливое возраженіе: «вы не въ своемъ умѣ»... но онъ воздержался. Недаромъ говорили вокругъ сосѣди, что у Коцанды отношеніе къ старикѣ—примѣрное. Главной причиной этого была умная хозяйка, которая нерѣдко наединѣ говаривала мужу: «твой отецъ отдалъ намъ добрую половину своего имѣнія, да еще есть у него кое-какое сбереженіе, но для кого онъ все это копить, какъ не для насъ? Дѣвочкамъ нашимъ все покупаетъ, а на себя и гроша лишняго не истратитъ. Еслибы не думалъ о насъ, могъ бы еще, какъ и совѣтовали ему люди, жениться; вѣдь пятнадцать лѣтъ тому назадъ онъ былъ совершенно крѣпкій человекъ. Теперь уже, бѣдняга, онъ начинаетъ смотрѣть въ могилу...

При этой послѣдней мысли хозяинъ перемѣнилъ тонъ, обращаясь къ старикѣ:

— Не думайте такъ, батюшка... Жена меня отговаривала, чтобы я не прерывалъ вашего сна, но я не могъ удержаться отъ желанія принести къ вамъ поскорѣе это извѣстіе...

— Такъ мальчикъ... Будетъ носить наше имя...—проговорилъ старикъ своимъ обычнымъ добродушнымъ тономъ.

— Ну, вотъ... разсмѣялся сынъ.—А сколько страха было!..

Глаза обоихъ (черные, только у старика нѣсколько посвѣтлѣе) встрѣтились и засіяли.

— А всетаки передъ нимъ было шесть дѣвочекъ,—началъ снова старикъ.—Я думалъ, что ужъ такъ пойдетъ и дальше, что ты у меня былъ только одинъ, а у тебя будетъ до дюжины женскаго потомства. А что, какъ чувствуетъ себя хозяйка?

— Хорошо,—молвилъ сынъ съ улыбкой.

— Сейчасъ бы пошелъ туда посмотрѣть, сказалъ старикъ,—но нѣтъ, это не годится...

— Отчего же нѣтъ—пойдемте! воскликнулъ молодой Коцанда, будучи въ радостномъ настроеніи, но тотчасъ же заботливо прибавилъ:—Только какъ слѣдуетъ одѣньтесь, чтобы не прохватило васъ холодомъ.

— И ты также порядочно одѣтъ—для двухъ шаговъ ходьбы?

— Да, какъ видите. Надѣлъ шубу.

— Такъ и я также натяну шубу,—согласился старикъ.—Ну, а этому рожденному мальчику ея еще не надо? засмѣялся онъ, надѣвая безъ чужой помощи хорошей бараній тулупъ, и затѣмъ прибавилъ:—А какъ же вы его окрестите?

— Конечно, Матушемъ.

— Матушъ, повторилъ успокоенный старикъ.— Такъ насъ въ домъ будетъ тогда три Матуша. Когда вырастетъ, то это будетъ смѣшно: если случится прійти какой-нибудь посылкѣ на это имя, такъ кому же она должна относиться?

Сынъ также засмѣялся этому.

Черезъ минуту оба они дошли до дому. Передъ дверью большой избы сердце у старика забилось точно такъ, какъ нѣкогда въ молодые годы, когда онъ приходилъ за какимъ-либо дѣломъ къ начальству. Это уже было седьмое дитя, а между тѣмъ ни разу до сихъ поръ не спѣшилъ онъ такъ на него взглянуть.

Дверь вытопленной избы отворила шестнадцатилѣтняя Юлиша, старшая дочь хозяина, которую также разбудили, чтобы шла посмотрѣть на желаннаго братца. Старикъ въ первый разъ замѣтилъ, какъ она выросла; она смотрѣла какъ-то безучастно и вопросительно, какъ бы думая: «почему же вы мнѣ такъ не радовались?»

Юлиша была первенецъ, но когда еще молодого сравнительно дѣдушку извѣстили объ ея рожденіи, онъ только проговорилъ: «Это хорошо, когда сначала рождается нянька», и не очень спѣшилъ итти на нее смотрѣть. Когда потомъ явилась на свѣтъ другая и третья внучка, онъ разумно рассуждалъ: «опять дѣвочка... Ну, дѣти, какъ и посуда, никогда не лишни». Извѣстіе о четвертой, пятой и послѣдней внучкѣ онъ выслушалъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ, и проговорилъ какъ бы въ утѣшеніе: «Кормить ихъ чѣмъ-нибудь все-таки будетъ; лишь бы Богъ далъ здоровья—будетъ и радость. Покойница моя все желала дѣвочку, но не имѣла: каждому своя судьба». И когда затѣмъ шелъ вечеромъ въ трактиръ, чтобы между сосѣдами выпить стаканъ вина, то ему вовсе не было охоты говорить объ этой новой прибавкѣ къ своему достоинству дѣдушки. А теперь дѣло другое!..

Кровать родильницы завѣсили уже чистымъ пологомъ, и сама роженица сидѣла въ постели, съ младенцемъ на рукахъ, вся сіяющая.

— Здравствуйте, говорила она съ живостію:—вы, дѣдушка, также пришли посмотрѣть? Теперь онъ какъ-разъ дремлетъ. А все-таки взгляните, какіе у него глаза, и уже вертится какъ петрушка!

— Благослови его Господь, перекрестилъ старикъ дитя:—чтобы

долголѣтиемъ и разумомъ успѣвалъ предъ Богомъ и предъ людьми... Ужъ не во снѣ ли и это вижу? Славный малый...

— Теперь хоть будетъ кому наслѣдовать имя.—сказала разговорчивая бабка, пришивая на пестрый чепчикъ высокій бантъ изъ лентъ, чтобы разукрасить какъ слѣдуетъ новорожденнаго для показа.

Старикъ украдкой посмотрѣлъ по направленію къ печкѣ, въ которую Юлиша подкладывала дровъ, и ему захотѣлось ее защитить.

— Всетаки и дѣвочки тоже Коцанды.

— Да... не надолго,—замѣтила бабка, ласково поглядывая на мать.—Придетъ какой-нибудь молодецъ и липить ее отцовскаго имени; а сынъ будетъ носить это имя послѣ вашей смерти, ради этого имени будетъ поминать вашу душу.

Старый Коцанда никогда особенно не любилъ болтливыхъ бабокъ, а теперь ему показалось, что она какъ бы ударила его ножомъ въ сердце; онъ тяжело закашлялъ, но раньше, чѣмъ могъ возразить, та продолжала:

— Мужъ мой всегда помнить своего покойника отца, хотя тотъ ужъ давно, конечно, сгнилъ въ землѣ...

— Садитесь, дѣдушка, ласково проговорила хозяйка.—Матушъ, дай сюда къ постели стулъ. Этотъ кашель его, бѣднаго, ужасно мучить.

Старикъ съ восхищеніемъ смотрѣлъ на крошечное созданіе, съ краснымъ, словно сморщеннымъ лицомъ, которое мать держала на рукахъ, какъ святыню...—Такъ это оно будетъ молиться за его душу, когда уже онъ будетъ гнить въ землѣ; для этого оно и родилось?..

Старикъ задрожалъ, ему стало холодно.

— Садитесь, батюшка, сказалъ сынъ, придвигая ему отъ стола стулъ.

— Нѣтъ, не хочу! Лучше ужъ я пойду домой...—какъ бы вспомнилъ онъ что-то, и проговорилъ это съ такою грустью, какъ если бы кто-нибудь у него въ эту минуту умеръ.—Прощайте!

Кромѣ Юлиши никто не нашелъ чего либо страннаго въ его уходѣ. Хозяину и его женѣ показалось въ эту минуту, что старикъ просто растроганъ, какъ и сами они, не отводившіе глазъ съ личика новорожденнаго; бабка думала, что дѣдушка, какъ человѣкъ разумный, хотѣлъ дать покой снохѣ. Но Юлиша вышла за нимъ изъ избы.

Старикъ и не замѣтилъ, что дѣвушка, слѣдуя за нимъ, вошла въстѣ съ нимъ въ его избу. Не снимая шубы, онъ опустился на край своей постели. Лампочка продолжала горѣть на столѣ, все было какъ раньше, но теперь въ первый разъ зажиточному хозяину стало тутъ холодно, грустно и тяжело, какъ покинутому человѣку.

Старый Коцанда всегда был доволен своим положением. Грустная минута, подобная настоящей, настала для него только один раз во весь разумный период его жизни—такъ называлъ онъ время со дня своей женитьбы—это тогда, когда пятнадцать лѣтъ тому назадъ взглянулъ онъ на гробъ покойной своей жены. До женитьбы онъ не торилъ къ ней дорожки изъ любви; проторенная имъ за гумномъ вдоль липокъ дорожка шла въ другое мѣсто, только къ дочери сосѣда, Анешѣ Земиновой.

Родители на этотъ бракъ не согласились, и онъ долженъ былъ итти сватать другую, не изъ своего села, которая могла бы поправить всѣ ошибки крестьянскаго хозяйства. Вышло такъ, что Коцанда ни разу не посмотрѣлъ въ глаза своей женѣ такимъ образомъ, чтобы увидѣть въ нихъ свою собственную душу. Уже съ перваго года супружества жена стала жаловаться на боль въ печени, которая обнаружилась у нея въ подозрительныхъ, темныхъ пятнышкахъ, на порчу лица, и безъ того никогда не бывавшаго красивымъ... Коцанда сталъ чувствовать отвращеніе къ бѣдняжкѣ женѣ, хотя и имѣлъ настолько доброты, чтобы не давать ей это чувствовать. Долгое время казалось, что болѣзнь не особенно ей вредитъ; только послѣдній годъ передъ смертью она стала замѣтно сохнуть. Однажды утромъ она долго не вставала съ постели, и служанка напрасно старалась ее разбудить. Коцанда подошелъ къ ея постели, и когда служанка повернула обращенную къ стѣнѣ голову хозяйки, онъ оцѣпенѣлъ отъ ужаса: открытые глаза жены какъ бы застыли; худое лицо съ полуоткрытымъ ртомъ имѣло такое страшное, ужасающее выраженіе, что Коцанда вскрикнулъ. Онъ уже былъ болѣе не въ силахъ посмотрѣть на ея лицо, его должны были закрыть; и еслибы онъ по обычной у крестьянъ обязанности мужа не долженъ былъ оставаться дома, то съ радостью ушелъ бы куда-нибудь прочь до тѣхъ поръ, пока все въ домѣ приведено будетъ въ прежній порядокъ. И когда онъ увидѣлъ жену, положенную въ дубовый гробъ, украшенный серебрянымъ позументомъ, со сложенными на крестъ руками, съ лицомъ, закрытымъ бѣлымъ платкомъ, который онъ самъ купилъ ей, по напоминанію матери, передъ свадьбой, когда ему сказали, что она уже давно завѣщала старой служанкѣ, чтобы та одѣла ее въ гробъ въ чистое, тщательно береженое вѣнчальное платье.—онъ залился горькими слезами.

Когда сосѣды вынесли гробъ изъ избы и затѣмъ изъ воротъ, онъ понялъ, что его покинула надежная, вѣрная рука, и тогда ему сдѣлалось также сиротливо на душѣ, какъ и теперь...

Поэтому хозяйство, которое онъ до тѣхъ поръ самъ велъ,—на выгодныхъ условіяхъ, по формальной записи, передалъ молодымъ,

жившимъ до этого подъ его рукой въ полномъ согласіи; при иныхъ условіяхъ онъ, конечно, никакъ бы на это не согласился.

Онъ съ удовольствіемъ слушалъ потомъ, когда люди говорили ему, чтобы женился еще разъ, что ему еще едва за пятьдесятъ и держится онъ прямо, какъ свѣчка; шутя онъ часто говорилъ объ этомъ домашнимъ, но на самомъ дѣлѣ ему и во снѣ не снилось жениться во второй разъ.

Впрочемъ, недолго онъ тосковалъ о подругѣ жизни; ту же заботливую руку для всего дома видѣлъ онъ снова въ жизни сына, которому позволилъ жениться безъ приданого, по одной любви. Молодой Коцанда безъ отцовскаго совѣта ничего не предпринималъ, и выходило постоянно такъ, какъ бы главой всего дома былъ старикъ. Поэтому люди при встрѣчѣ со старымъ Коцандой издали отившмвали ему поклонъ, а въ трактирѣ сосѣди оставляли ему наилучшее мѣсто, у середины главной стѣны, подъ императорскими портретами. Они также каждый разъ охотно выбирали бы его въ члены общиннаго совѣта, еслибы только онъ пожелалъ принять эту должность; но этотъ чудакъ обыкновенно говаривалъ: «О чужомъ никогда не сумѣю я, какъ слѣдуетъ, позаботиться!»

Такъ протекали его вдовьи годы — спокойно, безъ неудачъ и печалей. Годовъ онъ не считалъ, о смерти не думалъ; онъ такъ не любилъ о ней слышать, что никому не отдавалъ послѣдней чести — не ходилъ на кладбище. Онъ постоянно наслаждался прекраснымъ здоровьемъ и съ удовольствіемъ говорилъ, что никогда еще, въ цѣлую жизнь, не хворалъ серьезно. Только съ праздничныхъ дней св. Мартина сталъ онъ чувствовать это проклятое стѣсненіе въ груди, но этому онъ не поддавался. По временамъ его мучилъ кашель и пробивалъ потъ, — и тогда сынъ посылалъ его къ доктору; однако больной не шелъ. Онъ помнилъ, что и жена его также ходила къ доктору, а что изъ этого вышло? Умерла....

Сосѣди въ трактирѣ стали его выпрашивать о болѣзни и всячески уговаривать его, что старому человѣку не слѣдуетъ перемогаться. Коцанда на нихъ сердился и уже болѣе туда не ходилъ: по вечерамъ онъ охотнѣе помогалъ своимъ внучкамъ щипать перо для ихъ приданого и рассказывалъ имъ о Прагѣ, гдѣ былъ уже два раза; онъ хотѣлъ побывать тамъ еще и третій разъ и взять которую-нибудь изъ внучекъ съ собой....

Но вотъ теперь въ домѣ сына въ сердце его въ первый разъ закралась какая-то горечь. Внуку сразу, съ первой минуты сдѣлался ему противенъ — это уже плохой признакъ; выростетъ онъ ему на какую-нибудь бѣду... Ужъ это такъ будетъ!... Онъ снова раскашлялся; внутри у него все какъ бы затряслось, онъ почувствовалъ боль въ

спинѣ и въ груди... И тутъ ему показалось, что за нимъ какъ бы что-то идетъ—потъ выступилъ у него на лбу. Посмотрѣвши на дверь, онъ выскочилъ изъ избы и страшно закричалъ. Ему показалось, что передъ нимъ промелькнула его покойница жена...

— Чего вы испугались, дѣдушка? раздался знакомый голосъ.

— Я вышла за вами, чтобы затопить вамъ печку, если вы уже не будете спать.

— Такъ это ты, Юлиша? опомнился Коцанда, отвѣчая ей. Я сегодня такъ не вовремя всталъ, и теперь на меня нашелъ какъ бы дурной сонъ. Затои, моя дѣвочка, затои! Дай-ка сюда полѣно, я нащиплю лучины...

— Тутъ есть вязанка кругляшей съ винограда; они хорошо горять, дѣдушка!

— Ну, а я всетаки нащиплю хорошей лучины; дай сюда полѣно! повторилъ нетерпѣливо старикъ, и потинулся по памяти къ полкѣ за ножомъ.—Это мнѣ какъ игрушка—у меня въ рукахъ пропасть силы! Видишь, видишь—говорилъ онъ, когда Юлиша молча подала ему два полѣна и затѣмъ уже стала затапливать кругляшами:—смотри сюда!

Въ самомъ дѣлѣ онъ довольно легко настругалъ лучины, такъ что ея накопилось на столѣ съ обоихъ полѣньевъ порядочная кучка. Затѣмъ началъ потрескивать огонь, бока печки начали краснѣть, и по избѣ стала распространяться пріятная теплота.

Юлиша все еще стояла на колѣняхъ у печки; разсѣнно смотря на огонь, она была занята какими-то грустными мыслями.

— Поди сюда, Юлиша, подозвалъ ее къ себѣ дѣдушка.—Я тебя люблю, я куплю тебѣ чего хочешь, я возьму тебя съ собою въ Прагу.

Дѣдушка Коцанда остался еще послѣ этого въ суровомъ настроеніи. Цѣлый день послѣ рожденія внука не выходилъ онъ изъ избы, пищу велѣлъ себѣ принести и передалъ черезъ Юлишу, чтобы никто, кромѣ ея, не смѣлъ къ нему ногой ступить. На другой день утромъ отправился онъ въ церковь. Сынъ ждалъ его у воротъ, и когда отецъ возвращался домой, то привѣтствовалъ его обычными словами и съ покорностью спросилъ:—Какъ вы чувствуете себя, батюшка?—Лицо старика казалось совершенно блѣднымъ.

— Хорошо, очень хорошо! отвѣтилъ старикъ противъ обыкновенія отрывисто, и прошелъ быстро мимо, выставивъ свой сухой подбородокъ и поднявши къ плечу свою фисташковую палку. На сына онъ и не посмотрѣлъ. На порогѣ своей избы онъ полуобернулся:—Только вы меня оставьте въ покоѣ!

Молодой Коцанда оскорбился. Въ немъ закипѣлъ гнѣвъ. Онъ пошелъ рассказать это своей женѣ, а та его успокоила:—Видишь ли,

у стараго и больнаго человѣка бывають свои странности. Намъ надо выждать пока это пройдетъ, и до того времени оставить его въ покоѣ. Теперь онъ терпѣть возлѣ себя только Юлишу.

— И это именно послѣ такой радости, сказалъ хозяинъ, думая о своемъ желанномъ новорожденномъ сынкѣ.—Хотя онъ—и нашъ почтенный батюшка, но вѣдь это чистое мученье!

— Да, вздохнула за нимъ жена. Все это оттого, что онъ находится въ такихъ хорошихъ условіяхъ и еще есть свои деньги. Конечно, ему легко живется... Ну, объ этомъ мы еще какъ-нибудь поговоримъ....

Прошло пять дней со времени рожденія внука. Въ первое воскресенье, были назначены крестины, а до той поры, какъ совершенно вѣрно рассчитывала жена Коцанды, злая минута дѣдушки прошла. Онъ явился на почтительное, не навязчивое приглашеніе, переданное черезъ Юлишу, прямо въ церковь и присоединился къ кумовьямъ съ обычнымъ дѣдушкинымъ подаркомъ—дукатомъ, заложеннымъ въ образокъ св. Троицы. Только забылъ перекрестить дитя за алтаремъ. Съ затаеннымъ дыханіемъ онъ посмотрѣлъ на него, когда дитя зашевелилось, въ то время какъ ему засовывали за подушечку крестные подарки. Это было здоровое дитя, разряженное, все въ лентахъ, но и послѣ этого однажды закравшееся нерасположеніе старика къ дитяти не прошло. По окончаніи обряда онъ принялъ не надолго участіе въ пирѣ, вѣроятно, чтобы какъ-нибудь не подумали, что онъ дома заболѣлъ. Но ему было невесело; на каждый, по большей части шутивый спичъ, онъ только кивалъ головой, отрывисто говоря: «такъ»!—А когда къ нему подошла четвертая внучка Анеша, онъ обрадовался предлогу, чтобы вытти съ ней за руку во дворъ, и уже болѣе къ гостямъ не возвращался.

Вечеромъ, когда уже все было кончено, пришла къ нему Юлиша сдѣлать постель.

— Пожалуйста, дѣдушка, обратилась она къ нему съ нѣкоторой увѣренностью послѣ недавно даннаго имъ обѣщанія, нельзя ли мнѣ поставить свой сундукъ тамъ въ каморкѣ, возлѣ вашей комнаты. У насъ въ комнатѣ маленькія сестры постоянно у меня въ негъ шарятъ.

— Какія же у тебя тамъ тайны?

— Никакихъ, но мнѣ хотѣлось бы имѣть свое уже отдѣльно. У насъ въ избѣ все вмѣстѣ, и насъ тамъ такъ много... Вотъ у Терезы Смутновой никто не смѣетъ къ ея добру притронуться; имѣетъ свою собственную каморку, гдѣ раньше клали у нихъ зерно для сѣва и сѣмена клевера. Это для нея очистили,—а она не старше меня...

— Хорошо, Юлиша, заговорилъ старикъ послѣ краткаго размыш-

ленія. Видишь-ли: къ чему мнѣ вотъ эта сосѣдняя каморка? Тамъ у меня только вѣшалка съ платьемъ и сложена кровать, которая была мнѣ коротка. Перетащи мнѣ мое платье съ вѣшалки сюда въ избу и возьми себѣ всю каморку. Тогда у тебя будетъ также, какъ и у Терезы Смутновой. Если они тамъ будутъ особенно баловать того мальчика, то и тебя также не оставлю, понимаешь?

Юлиша не поняла всего, но ликовала отъ радости и тотчасъ же начала устраивать свое хозяйство. Она перенесла съ коровницей свой сундукъ и перины, потомъ три горшка съ цвѣтами—розмариномъ и ванилью—и была уже на новосельи. Она гордилась этимъ, но хвалилась только Анешѣ, потому что дѣдушка также ее любилъ, дозволила спать съ ней въ ея каморкѣ, какъ это было и въ домѣ.

Прошли праздники—Рождества Христова и Пасхи. Старикъ Копанда вялъ у всѣхъ на глазахъ, какъ листъ, готовый упасть съ дерева. Какъ тѣнь съ трудомъ перебирался онъ отъ стола къ окну или къ постели, и уже нѣсколько недѣль, какъ не могъ собраться въ церковь. Посѣщенія ему не нравились, сынъ или сноха могли приходить къ нему только подъ видомъ спрашиванія совѣта, и когда они соглашались, что онъ все знаетъ лучше ихъ, то его глаза сіяли отъ удовольствія. Иногда сноха брала съ собой своего дорогого сына, чтобы показать старику какъ онъ растетъ, бѣлѣетъ, и какъ на головѣ у него вырастаютъ волосы—настоящая конопля. Но каждый разъ при этомъ находилъ на старика удушливый кашель и онъ начиналъ, въ сильно вытопленной избѣ, жаловаться на печку, что она его раздражаетъ и мучитъ холодомъ, такъ что изъ-за нея онъ долженъ постоянно кашлять. И уже въ маѣ, когда было совершенно тепло, пришлось удовлетворить его желаніе—поставить ему въ избѣ новую, прекрасную кафельную печь.

Вскорѣ послѣ того старику однажды удивительно полегчало. Онъ чувствовалъ себя столь крѣпкимъ, что тотъ же часъ съ утра обошелъ три раза вокругъ двора. Когда Юлиша принесла ему завтракъ, онъ улыбнулся ей и сказалъ: «хорошій у меня сегодня аппетитъ, но воздержусь минутку. Видишь-ли, моя дѣвочка, я никогда не пропускалъ до сихъ поръ говѣнья, но этотъ годъ, изъ-за боли въ груди, которая едва меня совсѣмъ не подкосила, не могъ я пойти къ великопостной исповѣди. Бѣги, поставь этотъ горшочекъ въ печку, хорошенько его прикрой, чтобы что-нибудь въ него не упало и отъ этого у меня не прошелъ бы аппетитъ,—и пойди въ церковный домъ съ покорной моей просьбой, чтобы пожаловалъ ко мнѣ младшій священникъ исповѣдать меня вмѣсто пропущенной мною великопостной исповѣди и принесть бы съ собою св. Дары».

Какъ только Юлиша убѣждала, онъ снова попытался пройтись вокругъ избы. При этомъ засталъ его сынъ съ робкимъ вопросомъ:

— Какъ вамъ можется, батюшка?

— Очень хорошо! Отъ проклятой грудной болѣзни, кажется, я уже совсѣмъ отдѣлался... А что вы всѣ—скосили уже лугъ подъ гумномъ?

— Сегодня до обѣда будетъ скошенъ... Но теперь мнѣ это совсѣмъ на умъ нейдетъ. Жена сегодня цѣлую ночь не спала съ мальчикомъ. Онъ весь, какъ въ огнѣ, тяжело дышетъ и почти безъ движенія, даже къ матери не тянется... Сейчасъ послалъ я работника ѣхать за докторомъ...

— Какъ, Матушекъ? обратился старикъ къ сыну, широко раскрывъ отъ удивленія глаза и въ первый разъ назвавъ мальчика этимъ именемъ.

— Вѣдь было бы очень жаль, сказалъ со вздохомъ молодой Коцаца, еслибы онъ погибъ у насъ, какъ надломленная вѣтка... У меня просто отъ этого голова идетъ кругомъ...

Со старикомъ было то же самое; извѣстiе это его поразило и заставило сильно задуматься.

— Вы послали за священникомъ? началъ снова сынъ послѣ нѣкотораго молчанія, какъ бы сдавленнымъ голосомъ.

— Да, сказалъ старикъ, отрываясь отъ мыслей и быстро сметая рукой со стола нѣсколько крошекъ,—для великопостной исповѣди, чтобы скорѣе выздоровѣть. Иди домой посмотрѣть на Матушка и принеси мнѣ сюда хорошую скатерть на столикъ и срътенскую свѣчку. Бѣги! прибавилъ онъ торопливо.

Онъ хотѣлъ остаться одинъ, и когда за сыномъ закрылась дверь, прежде всего оглядѣлъ вокругъ еще разъ, хорошо-ли Юлиша сегодня у него все прибрала. Да—вездѣ былъ порядокъ и поразительная чистота,—теперь надо только приготовить душу для встрѣчи Господа...

Передъ глазами у него какъ бы всталъ внучекъ Матушекъ... Онъ его видѣлъ живого на рукахъ матери, спеленутаго въ красное одѣяльце, съ цвѣтами на головѣ и въ чепчикѣ, украшенномъ лентами. Онъ махалъ ручками—онъ хотѣлъ также жить! «Вѣдь это также человѣческая душа, родная мнѣ, моя кровь,—а я теперь готовлюсь къ исповѣди»... шептали блѣдныя старческiя уста, и онъ, тяжело дыша, подошелъ къ сундуку, открылъ его дрожащими, высохшими руками и вытащилъ изъ-подъ самаго низу узелокъ, завернутый чернымъ шелковымъ платкомъ, вынулъ изъ него свою банковую книжку и сложенный листъ бумаги. На немъ было стариннымъ крупнымъ почеркомъ рыжеватыми чернилами написано слѣдующее: «Во имя Отца и Сына и Св. Духа, находясь въ здоровомъ умѣ и твердой памяти,

завѣщаю все, чѣмъ владѣю, моимъ внучкамъ: Юлишѣ, Катеринѣ, Маріи, Анешѣ, Христинѣ и Петрунѣ. Юлиша получить вмѣсто одной части двѣ, а тотъ послѣдній сынъ, братъ ихъ, не получить отъ меня ничего, потому что мужчина можетъ себѣ добыть всего на свѣтѣ, а бѣдная женщина ничего. Матушъ Коцанда».

Старикъ скомкалъ въ рукахъ эту бумагу, въ которой внукъ Матушекъ былъ обдѣленъ, поднесъ ее къ печкѣ и зажегъ спичкой. Едва онъ кончилъ это дѣло, едва огонь уничтожилъ бумагу, какъ пришелъ сынъ со свѣчкой и скатертью.

— Ну—что съ мальчикомъ? спросилъ старикъ, глубоко дыша и весь въ поту.

— Трудно сказать, отвѣтилъ сынъ, покрывая столъ бѣлой скатертью и зажигая на немъ свѣчку: чтó скажетъ докторъ.

— Вотъ что, Матушъ: все, что у меня отложено на сбереженіи и мѣшочекъ серебра, все это пусть будетъ поровну раздѣлено между дѣвочками и этимъ мальчикомъ также, чтобы мнѣ никого не обидѣть. Вѣдь я хорошо распорядился?

— Конечно, вы всегда разумно разсуждаете, батюшка, отвѣтилъ сынъ взволнованнымъ голосомъ.

Въ это время вблизи послышался звонъ колокольчика. Молодой Коцанда отворилъ дверь, и крестясь, опустился на колѣни.

— Ужъ идутъ? прошепталъ старикъ, также опускаясь у стола на дрожащія колѣна, но въ его осунувшемся лицѣ сіяло спокойствіе чистой совѣсти. Священникъ подошелъ и поднялъ его...

Послѣ этого дня настала прекрасная іюньская ночь, блистающая и таинственная, какъ сказка.

На крестьянскомъ дворѣ все тихо спало: утомленная работой челядь, дѣти и хозяева. Маленькій Матушъ ужъ съ вечера затихъ и пересталъ заботить домашнихъ. Докторъ сказалъ, что нѣтъ никакой опасности, а за нимъ пришла крестная мать и подтвердила, что его только кто-то сглазиль. Жена Коцанды съ охотой послала бы доктора къ старику, но мужъ сначала долженъ былъ пойти спросить. Онъ воротился съ отвѣтомъ, что дѣдушкѣ лучше, что ему остается только окончательно собраться съ силами.

— Онъ челоуѣкъ твердаго духа—переможется, и мы ещеждемся того, что онъ станетъ бѣгать, замѣтила хозяйка и искренно желала ему этого—съ радости, что Матушекъ внѣ опасности.

Ночной сторожъ протрубилъ десять, когда старый Коцанда уже съ часъ, какъ напрасно старался заснуть. При всемъ томъ облегченіи, которое онъ сегодня чувствовалъ, на него напалъ какой-то страхъ. Въ избѣ не было свѣту, изъ окна виденъ только отблескъ звѣзднаго неба. Старикъ хорошо различалъ бревенчатый потолокъ, кото-

рый все ближе и ближе спускался къ нему, но не досталъ его—это былъ только обманъ... Отъ такого страшнаго сна нужно было освѣжиться. Онъ сѣлъ, смотря въ свѣтло-обозначавшееся окно, и черезъ минуту всталъ съ постели и приблизился къ окну. Его какъ бы что-то тянуло вонъ... Нижняя половина окна была отворена, онъ забылъ ее съ вечера затворить, когда хотѣлъ впустить побольше запаха липоваго цвѣта. Передъ его взоромъ простирались гумна, вдоль обсаженныхъ липками, теперь уже довольно высокими... Внизу за деревьями темнѣла пажить, съ обозначавшейся свѣтлой полосой, а наверху искры и искры... Тишину нарушала только гдѣ-то по близости сверчокъ. Ничего не было страшнаго, а все-таки это наводило на старика ужасъ

Но вотъ... Кто-то потихоньку пробирается мимо, какой-то молодой человѣкъ. Онъ легко подвигалъ ноги впередъ; шляпа его, украшенная высокимъ перомъ, была низко надвинута на лобъ. Быстрые его взоры не замѣтили убогой головы старика, которая могла бы всякаго испугать, глаза его были устремлены къ нѣскольکو болѣе отдаленной точкѣ. А оттуда изъ сосѣдней комнаты раздавался сдержанный голосъ Юлиши:

— Тише, Янъ, дѣдушка можетъ услышать, у него чуткій совь.

— Вѣдь я иду тихо, шепчетъ парень, но настолько ясно, что напряженный слухъ старика также его слышитъ. Онъ уже подошелъ къ сосѣднему окну, и первымъ его вопросомъ было:

— У него былъ сегодня священникъ. Ты не боишься быть тутъ какъ разъ рядомъ?

— Отчего?

— А еслибы тутъ ждала его смерть? Я тотчасъ же вспомнилъ о тебѣ; я хоть и мужчина, а одинъ бы тутъ боялся.

— Ахъ, не пугай меня... Вѣдь тутъ со мной спитъ еще Аяша. И еслибы случилось съ дѣдушкой что-нибудь недоброе, то къ нему придетъ батюшка, чтобы закрыть ему глаза. Они говорили объ этомъ сегодня утромъ, когда я сказала, что пойду за священникомъ.

— Ты нарвала мнѣ цвѣтовъ? началъ парень болѣе пріятный разговоръ.

— Вотъ они—чудесные! Только когда принесешь букетъ домой, тотчасъ же поставь въ воду. А теперь пожалуйста уходи!

— Отчего такъ скоро?

— Мнѣ что-то грустно. Ты напугалъ меня этой смертью. А потому я боюсь, чтобы насъ такъ кто-нибудь не подсмотрѣлъ.

— Чтоже въ этомъ худого? Ты меня каждый разъ скоро прогонишь. Тереза Смутнова иначебы ко мнѣ относилась, еслибы только я захотѣлъ! Она изъ менѣе богатаго дома—зато одна. Твои роди-

тели должны были бы принять въ расчетъ, что я выбралъ тебя безъ корыстныхъ цѣлей...

— Ну, такъ иди къ Смутновымъ—если она одна, вздохнула дѣвушка.

— Чтò же я сказалъ? Ахъ, ты дитя! Я сказалъ тебѣ, что о другой и не думаю.

— Не говори такъ громко, напомнила дѣвушка.

— Дай мнѣ сюда букетъ, сказалъ парень съ грустью. Ужъ я лучше пойду. Ты всегда все на свой ладъ толкуешь.

— Ну, не сердись Яня... Приходи завтра снова—этого бы я тебѣ не могла сказать при людяхъ, послѣ завтрашней поздней обѣды. Пусть тебѣ приснится сегодня хорошей сонъ!

Она притворила окошко. Парень замолкъ и поневолѣ отошелъ уходя, онъ дважды обернулся. Теперь онъ ужъ не особенно спѣшилъ.

Высунувшаяся голова старика, утомленная, опустилась на руки. Вокругъ него все кружилось,—все такъ, какъ было пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Но здѣсь, въ избѣ, какъ бы приближался его конецъ; у него кружилась голова, ему было душно, смертельно душно. Молодой человекъ шепталъ дѣвушкѣ: «Развѣ ты не боишься? А если бы къ нему подошла смерть!»

Онъ долженъ уйти отсюда, далеко уйти! Онъ собрался со всей силой, шатаясь кое-какъ добрелъ до двери и отворилъ ее...

Онъ очутился за порогомъ. Это былъ ихъ просторный дворъ, тихо залитый бѣлымъ луннымъ свѣтомъ. Изъ малаго сарая выбѣжалъ къ нему песъ Каштанъ,—вѣроятно, станетъ на него лаять, ужъ давно не видалъ его... Нѣтъ, только обѣжалъ кругомъ, какъ бы боялся его... Господи Иисусе! что это за нимъ стоитъ?!

Онъ думалъ, что уже давно бѣжить, а между тѣмъ едва дошелъ лишь до огорода, а потомъ еще немного, гдѣ передъ канавой была граница ихъ луга. Тутъ онъ отдохнетъ...

Онъ опустился на копну сѣна. Голова его обернулась къ усѣянному звѣздами небосклону, но тихій вѣтерокъ, едва прикасаясь къ его лицу, какъ бы завѣсилъ эту искрящуюся картину другой картиной...

Онъ видѣлъ тутъ вытоптанную дорожку подъ липками, и въ окнѣ высокую Юлишу.

И самъ онъ былъ также нѣкогда молодецъ, самъ топталъ эту дорожку къ Анешѣ Зѣминой, а за нимъ потомъ сынъ, теперь уже такой серьезный, съ морщинами на лбу... За нимъ пришелъ ему на мысль единственный его виуекъ, съ этимъ высокимъ уборомъ на головѣ. Онъ видѣлъ его маленькимъ, поставленнымъ на полъ, какъ затѣмъ изъ него выросъ молодецъ съ перомъ на шляпѣ... Онъ также

шелъ по этой тропинкѣ и похожъ былъ на него, старика, какъ двѣ капли...

«О, Боже мой!» зашептали уста Коцанды съ улыбкой.

Въ груди онъ почувствовалъ какой-то просторъ и вмѣстѣ съ тѣмъ шумъ; ему казалось, что возрождаясь, онъ вступаетъ въ новую безконечную жизнь; такъ онъ будетъ жить дальше... Спокойно уснулъ онъ, покинувъ домъ, надъ которымъ уже витала смерть... Уснулъ навсегда...

Перев. Е. Н.

ИЗВѢЩЕНІЯ

ОТЪ СОВѢТА

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО СЛАВЯНСКАГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА

Кружечный церковный сборъ

«въ пользу нуждающихся славянъ».

Съ 1 апрѣля по 1 мая 1892 г. въ С.-Петербургское Славянское Благотворительное Общество поступило кружечнаго церковнаго сбора «въ пользу нуждающихся славянъ» чрезъ оо. благочинныхъ изъ церквей ихъ округовъ: а) г. С.-Петербурга: причта троицкой (при театральной дирекціи) церкви 2 р. 40 к., 4 столічнаго округа, прот. Н. Головина 26 р. 1 к.; б) иногородныхъ: болховскаго уѣзда, 2 округа, прот. Д. Руднева 3 р., брянск. у., 1 уч., свящ. В. Тростнина 6 р., бѣльскаго у., 3 округа, свящ. Н. Смирнова 4 р. 20 к., г. Вильны, литовск. д. конс.—и 11 р. 87 к., г. Витебска, прот. Ѳ. Заволоцкаго 3 р. 13 к., владимір. у., 3 округа, свящ. І. Полканова 5 р., г. Выборга, 2 округа, свящ. Г. Рознова 6 р. 17 к., г. Вѣрнаго, туркест. д. конс.—и 2 р. 39 к., гурьев. у., 26 округа, свящ. Ѳ. Голубовича 2 р. 25 к., дорогобуж. у., 1 округа, свящ. С. Оглоблина 10 р. 8 к., духовщ. у., 2 округа, свящ. В. Волоцкова 2 р. 20 к., ефремов. у., 1 округа, прот. Н. Гастева 7 р. 96 к., г. Иркутска, д. конс.—и 421 р. 85 к., г. Калуги, д. конс.—и 334 р. 36 к., кобелік. у., 4 ч., свящ. Н. Кириева 7 р. 18 к., козловск. у., 5 округа, свящ. Г. Успенскаго 5 р. 21 к., курсун. у., 1 округа, прот. А. Лисгова 3 р., крапивен. у., 1 округа, свящ. Д. Знаменскаго 9 р. 95 к., г. Курска, д. конс.—и 248 р. 6 к., литин. у., 3 округа, свящ. П. Жогкевича 9 р. 15 к., г. Мамайша, прот. Е. Антенорова 2 р. 15 к., матышевск. у., 3 округа, прот. І. Копачинскаго 4 р. 50 к., мышкин. у., свящ. В. Якимовскаго 12 р., новогруд. у., 1 округа, свящ. М. Вечорко 7 р. 97 к., одесск. у., прот. М. Молдованова 4 р. 90 к., орловск. у., 1 округа, прот. І. Емельянова 3 р. 52 к., г. Пятигорска, прот. М. Захеева 13 р. 32 к., рославльск. у., 4 округа, свящ. І. Недосѣкинъ 7 р. 12 к., солигалич. у., 3 округа, свящ. І. Перепелкина 3 р., г. Хабаровки, 9 уч., прот. А. Протодіаконова 5 р. 2 к., свящ. уссурійск. церковей, А. Протодіаконова 3 р., г. Чернигова, д. конс.—и 38 р. 95 к., г. Шинссельбурга, свящ. В. Благовѣщенскаго 8 р. 74 к. и г. Ярославля, свящ. Д. Крылова 6 р., итого 1.251 р. 61 к., а всего съ прежде поступившими 6.689 р. 63 к.

Съ 1 мая по 1 іюня 1892 г.: а) г. С.-Петербурга: церкви Рождества Пресв. Богородицы (2-я гимназія) 2 р. 25 к.; б) иногородныхъ: вилкомир. уѣзда, свящ. І. Александровскаго 23 р. 25 к., г. Вилейска, прот. М. Виноградова 3 р. 15 к., вышневолоц. у., 6 округа, свящ. Д. Срѣтенскаго 2 р., кромск. у., 3 уч., свящ. А. Некрасова 1 р., Николаев. у., 6 округа, свящ. Д. Тихомірова 2 р., г. Новгорода, д. конс.—и 250 р. 50 к., г. Пскова, д. конс.—и 67 р. 7 к., г. Симферополя, таврич. д. конс.—и 289 р. 54 к., г. Уральска, 25 округа, свящ. І. Самарцева 1 р., усманск. у., 2 округа, свящ. П. Вьюкова 16 р. и г. Чернигова, д. конс.—и 4 р. 79 к., итого 662 р. 55 к., а всего съ прежде поступившими 7.352 р. 18 к.

Съ 1 іюня по 1 іюля 1892 г.: г. Архангельска, д. конс.—и 68 р. 42 к., бузулук. у., 8 округа свящ. А. Степанова 1 р., бѣжецк. у., 1 окр. прот. В. Тяжелова 5 р. 50 к., 2 окр. прот. Е. Сиверцева 6 р., 6 окр. свящ. А. Покровскаго 7 р., г. Віршавы, холмско-варшав. д. конс.—и 99 к., г. Вилейки, прот. И. Выркиновскаго 3 р. 17 к., изъ уѣзда, мллодечнин. свящ. С. Маковельскаго 8 р. 20 к., валковск. у., подоросск. свящ. Л. Колосова 2 р. 34 к., г. Вологды д. конс.—и 22 р. 22 к., вышневолоц. у., 5 окр. свящ. Д. Соболева 6 р. 57 к., 7 окр. свящ. Г. Дрылова 5 р. 98 к., вяземск. у., 3 окр. свящ. А. Соколова 7 р. 70 к., гжатск. у., 3 окр. свящ. А. Уклонскаго 2 р. 60 к., данилов. у., свящ. М. Успенскаго 1 р. 61 к., клязин. у., 2 окр. свящ. Т. Садикова 6 р., кашин. у., 4 окр. свящ. А. Никольскаго 5 р. 5 к., Квиричь (кут губ.), свящ. Л. Чипашвили 4 р. 50 к., ковельск. у., 4 окр. свящ. Ѳ. Бржезинскаго 2 р. 10 к., г. Лиды, прот. І. Ковало-

вича 6 р. 85 к., лохвицк. у., свящ. С. Михайловскаго 3 р. 60 к. г. Миргорода прот. М. Дамаскина 3 р. 12 к., мышкин. у., свящ. Н. Рыкунова 7р., воиоторжск. у., свящ. П. Постникова 8 р. 25 к., 4 окр. свящ. В. Анкирскаго 2 р. 47 к., 5 окр. свящ. А. Митропольскаго 9 р., одесск. у., свящ. В. Зубкова 20 р. г. Переяславля-Залѣскаго, прот. А. Дилигенскаго 6 р. 47 к. г. Рязани, д. конс.—иі 331 р. 31 к., сарапул. у., 2 окр. свящ. Мужачева 5 р. 50 к., 4 окр. свящ. П. Чемоданова 9 р. 58 к., сычевск. у., свящ. І. Бранцеві 4 р. 50 к., г. Тамбова, д. конс.—иі 124 р. 28 к., изъ уѣзда, 2 окр. свящ. О. Сеславинскаго 8. р., 6 округа, свящ. С. Иловайскаго 4 р., тверск. у., 6 окр. свящ. К. Скобникова 3 р. 29 к., г. Тетюль , прот. Н. Яснитскаго 9 р. 20 к. уржумск у., 2 окр. свящ. І. Рѣдникова 3 р. 83 к., г. Уфы, д. конс.—иі 3 р. 62 к., юрьевск у., 3 окр. свящ. Н. Бѣлвина 3 р., и якутск. области, свящ. А. Трифонова 1 р. 72 к., итого 745 р. 54 к., а всего съ прежде поступившими 8097 р. 82 к.

Съ 1 іюля по 1 августа 1892 г.: а) г. С.-Петербурга: выборского петербург. столичн. округа, свящ. М. Никифоровскаго 33 р. 69 к.; б) иногородныхъ: александрійск. уѣзда, 2 округа, свящ. Д. Синицкаго 7 р. 72 к., 4 окр. свящ. Г. Сорокина 6 р. 50 к., 5 окр. прот. Ф. Чернаго 4 р. 21 к., александров. у., 4 окр. свящ. Н. Бѣляеві 7 р. 80 к., ананьевск. у., свящ. В. Кондратовича 8 р. 48 к., свящ. В. Лопатина 16 р., 2 ч., свящ. Д. Чекалова 7 р., г. Арзамаса, прот. І. Страгородскаго 3 р. 53 к., актырск. у., 3 окр. свящ. Г. Попова 9 р. 39 к., бахмут. у., 4 окр. свящ. П. Фирсова 9 р. 3 к., белеевск. у., 1 окр. прот. С. Касторскаго 3 р., бирск. у. 2 окр. прот. А. Пылаві 5 р., бобурьев. у., 4 окр. свящ. А. Смолича 5 р. 35 к., богодуковск. у., 1 окр. свящ. А. Ястремскаго 7 р., 2 окр., свящ. А. Снѣсаревскаго 15 р., бугульминск. у., 1 окр., свящ. А. Аманайскаго 5 р. 15 к., 2 окр., прот. А. Соловьева 14 р., бугуруслан. у., 2 окр., свящ. Невскаго 10 р. 18 к., 3 окр. свящ. А. Розова 2 р. 50 к., 5 окр. свящ. М. Александрова 3 р., 6 окр. свящ. М. Архангельскаго 3 р. 16 к., 7 окр. свящ. Н. Самуилова 3 р., 8 окр. свящ. П. Леонидова 1 р. 60 к., Бузулука, прот. А. Тихомирова 2 р. 59 к., изъ уѣзда, 5 окр. свящ. А. Соколова 7 р. 69 к., 7 окр. свящ. О. Тихомирова 2 р. 83 к., 10 окр. свящ. А. Борисова 10 р., 11 окр. свящ. П. Пospѣлова 4 р. 77 к., 12 окр. свящ. Д. Агалеодорова 4 р., бѣжецк. у., 3 окр. свящ. І. Діевскаго 7 р. 55 к., 4 окр. свящ. В. Невскаго 5 р. 86 к., 7 окр. свящ. А. Разумовскаго 3 р., бѣльск. у., свящ. П. Бранцева 5 р. 76 к., 3 окр. свящ. Н. Смирнова 6 р. 35 к., 4 окр. свящ. В. Руженцева 19 р. 10 к., 5 окр. свящ. В. Пашина 2 р. 7 к., валковск. у., 1 окр. свящ. І. Фелдорскаго 4 р. 15 к., 2 окр. прот. П. Лобковскаго 6 р. 20 к., вельск. у., 2 окр. свящ. О. Хрусталева 3 р. 40 к., верхнеднѣпров. у., свящ. Григорія 6 р. 66 к., г. Верхнеуральска, прот. П. Шмотина 1 р. 82 к., изъ уѣзда, 14 окр. свящ. І. Чулкова 3 р. 87 к., весьегонск. у., 2 окр. свящ. М. Соколова 6 р. 60 к., 3 окр. свящ. І. Знаменскаго 9 р. 40 к., 4 окр. свящ. Д. Ушакова 4 р. 70 к., ветлужск. у., 1 округа, свящ. А. Предтеченскаго 5 р. 70 к., владимір. у., 2 окр. свящ. А. Гортулянскаго 6 р. 50 к., г. Вологды, Софійск. кафедр. собора 3 р. 20 к., изъ уѣзда, 2 окр. свящ. Д. Голубева 11 р. 10 к., волчанск. у., 1 окр. свящ. Авоимова 11 р. 59 к., вышневолоцк. у., 3 окр. свящ. В. Сибирскаго 2 р. 50 к., вязниковск. у. 1 окр. прот. І. Смирнова 3 р. 79 к., вяземску. 1 окр. свящ. Н. Баронова 5 р. 20 к., вятск. у., аонск. александровско-мон—ря 1 р. 45 к., 1 окр. свящ. Д. Михайлова 6 р. 50 к., 3 окр., свящ. А. Зорина 4 р., г. Гадяча, прот. Г. Пивоварова 2 р. 25 к., изъ уѣзда, 2 ч. свящ. І. Мартиновича 4 р. 10 к., 3 уч., свящ. Г. Чесанова 2 р. 26 к., гдовск. у. 1 окр. свящ. А. Богланова 2 р. 40 к., гжатск. у., 1 окр. свящ. М. Крапухина 2 р. 2 окр. свящ. А. Спиридонова 4 р. 10 к., глазовск. у., 2 окр. свящ. П. Шкляев 2 р. 44 к., гороховецк. у., 2 окр. прот. В. Алавадина 3 р. 80 к., дмитров. у. 1 уч. прот. Н. Ливанова 6 р. 46 к. донск. области, аксайск. свящ. М. Базилевскаго 3 р. 20 к., большинск. свящ. І. Голубятникова 16 р. 24 к., зотовск. свящ. Н. Евфимьева 11 р. 91 к., казанск. свящ. Н. Виноградова 7 р. 93 к., каменск. прот. А. Милютина 14 р. 52 к., кирсанов. свящ. С. Троицкаго 15 р. 36 к., константинов. свящ. В. Ефимова 6 р. 6 к., митякин. свящ. І. Семенова 7 р. 10 к., нижнечирск. свящ. А. Попова 7 р. 60 к., новониколаев. свящ. І. Дометьева 6 р. 94 к., новопаолов. прот. Х. Обланевича 5 р. 88 к., павлов. свящ. Н. Козьмина 2 р. 61 к., потемкин. свящ. А. Милютина 4 р. 15 к., семенов. свящ. В. Попова 4 р., семикаракор. свящ. В. Говорова 14 р. 69 к., урюпинск. прот. Н. Стефанова 6 р. 25 к., усть-медвѣд. прот. С. Семенова 6 р. 14 к., цымлянск. свящ. І. Попова 9 р. 6 к., г. Дорогобужа, прот. А. Медвѣдова 5 р. 37 к., изъ уѣзда, 2 окр.

свящ. С. Чулкова 8 р. 50 к., 3 окр., свящ. Е. Попова 3 р. 78 к., духовщинск. у., 3 окр., свящ. А. Настѣжина 1 р. 80 к., 4 окр., свящ. М. Кулагина 2 р. 86 к., г. Екатеринбург, д. конц.—и 289 р. 27 к., екатеринослав. у., свящ. М. Висляковскаго 7 р. 80 к., г. Елабуги, прот. В. Вечтомова 5 р. 46 к., изъ уѣзда, 1 окр., свящ. І. Тукмачева 2 р. 60 к., 2 окр., свящ. В. Лагунова 2 р. 15 к., г. Елисаветграда, прот. С. Вовченко 11 р., ельнинск. у., 2 окр., свящ. Д. Пляшкевича 1 р. 60 к., жиздрин. у., 1 уч. свящ. П. Архангельскаго 7 р. 5 к., житомир. у., 3 окр., свящ. Г. Ковалевскаго 7 р. 55 к., 5 окр., свящ. О. Конашевича 11 р. 32 к., змѣевск. у., 1 окр., свящ. П. Тимофѣева 5 р. 63 к., 3 окр., свящ. І. Чудновскаго 7 р. 70 к., золотом. у., свящ. С. Андрѣевскаго 1 р. 13 к., 3 окр., свящ. А. Роменскаго 2 р. 24 к., 6 окр., свящ. І. Билинскаго 2 р. 45 к., зубовск. у., 5 окр., свящ. М. Сибирскаго 1 р. 66 к., зѣмьковск. у., 3 ч., прот. О. Павловскаго 5 р. 55 к., изюмск. у., 1 окр., свящ. А. Касьянова 8 р. 60 к., 2 окр., прот. Ѳ. Любарскаго 4 р. 60 к., г. Калуги, д. конц.—и 65 р. 74 к., казанск. у., 3 окр., свящ. П. Измайлова 3 р., г. Калязина, прот. Г. Первухина 2 р., изъ уѣзда, 5 окр., свящ. К. Мещерскаго 5 р. 80 к., кашинск. у., 3 окр., прот. В. Блженова 5 р., 5 окр., свящ. І. Орлова 10 р. 94 к., карачевск. у., 1 уч., прот. М. Покровскаго 20 р., 2 уч., свящ. В. Успенскаго 7 р., 3 уч., свящ. Э. Геденоскаго 5 р., кинешемск. у., 4 окр., свящ. А. Краснопѣвцева 1 р. 83 к., г. Кипинева, д. конц.—и 179 р. 63 к., клинск. у., свящ. П. Кедрова 3 р. 85 к., княгининск. у., 4 окр., свящ. І. Лебедева 1 р., г. Кобеляковъ, прот. С. Боровскаго 9 р. 70 к., изъ уѣзда, 5 ч., свящ. И. Судакова 2 р. 31 к., г. Коврова, прот. А. Радугина 2 р. 33 к., изъ уѣзда, 1 окр., свящ. А. Смирнова 3 р., 2 окр., свящ. Н. Любимова 6 р., 4 окр., свящ. С. Касгорскаго 3 р. 4 к., кологривск. у., 1 окр., свящ. А. Лебедева 2 р. 85 к., котельнич. у., 1 окр., свящ. І. Вознесенскаго 8 р. 23 к., корчевск. у., 2 окр., прот. Ѳ. Зеленева 1 р. 23 к., г. Краснаго, прот. Г. Жданова 1 р. 5 к., изъ уѣзда, 1 окр., свящ. Л. Максимова 9 р., 2 окр., свящ. А. Лебедева 3 р. 27 к., красноуфим. у., 2 окр., свящ. І. Воздвиженскаго 3 р. 78 к., кременчуг. у., 2 ч., прот. І. Абрамова 7 р., купянск. у., 1 окр., прот. В. Попова 8 р. 35 к., г. Кугалиса, свящ. Схиртладзе 5 р. 88 к., лаишевск. у., свящ. В. Нечлева 3 р., лебедин. у., 2 окр., прот. І. Сапухина 7 р. 46 к., 3 окр., прот. П. Краснопольскаго 13 р. 18 к., летичевск. у., 3 окр., свящ. І. Стѣпнскаго 5 р., г. Лохвицы, свящ. Н. Негеевича 4 р. 40 к., изъ уѣзда, 3 окр., свящ. П. Пономаренко 5 р. 51 к., 5 уч., свящ. Е. Черницкаго 2 р. 1 к., лубенск. у., свящ. І. Новицкаго 5 р. 20 к., 2 ч., свящ. Н. Бельговскаго 2 р., 5 ч., свящ. В. Бельговскаго 2 р. 2 к., лукоянов. у., 1 окр., свящ. В. Цедрынскаго 3 р. 70 к., 5 окр., свящ. І. Соколовскаго 1 р. 92 к., любимск. у., свящ. Н. Волкова 2 р. 31 к., свящ. І. Волкова 3 р. 50 к., макаѣевск. у., 3 окр., свящ. І. Глазкова 1 р. 20 к., малмыжск. у., 2 окр., свящ. П. Лупшова 4 р. 70 к., малодаркнелъск. у., 2 уч., свящ. М. Никольскаго 4 р., малоюрослав. у., свящ. Н. Ремизова 8 р. 95 к., меленков. у., прот. Г. Миртова 8 р., 1 окр., свящ. П. Дмитревскаго 3 р. 40 к., 2 окр., свящ. А. Смирнова 2 р. 63 к., мензелин. у. 3 окр., свящ. Н. Аѣфеева 3 р., миргород. у., 3 окр., свящ. В. Романовскаго 2 р. 87 к., г. Муром, игуменіи троиц. мон.—ря Персиды 1 р., прот. А. Орфанова 2 р. 50 к., изъ уѣзда, 2 окр., прот. П. Травчетова 2 р. 70 к., 3 окр., прот. Г. Вателдинскаго 1 р. 46 к., нижегород. у. 3 окр., свящ. П. Коридалина 5 р., г. Николаевска, прот. Ѳ. Лебедева 2 р. 20 к., изъ уѣзда, 1 окр., прот. І. Воскресенскаго 8 р. 35 к., 3 окр., свящ. В. Вланцева 2 р. 95 к., 5 окр., свящ. П. Колоярскаго 4 р., 8 окр., свящ. А. Рыбникова 1 р. 50 к., 9 окр., свящ. І. Нахалова 2 р. 45 к., николевск. у., 1 окр., свящ. В. Ушакова 3 р., 4 окр., свящ. П. Жукова 10 р. 20 к., новгородволын. у., 2 окр., свящ. В. Немоловскаго 6 р. 16 к., новолодож. у., свящ. А. Димитріева 13 р., 2 окр., свящ. І. Цвѣткова 4 р. 95 к., 4 окр., свящ. А. Лаврова 5 р. 91 к., Н. Праги, свящ. Н. Высоцкаго 10 р., новоторжск. у., 2 окр., свящ. І. Невскаго 2 р., 3 окр., свящ. М. Синадскаго 2 р. 5 к., новоузенск. у., 1 окр., прот. П. Румянцева 1 р. 50 к., 3 окр., свящ. А. Ушкава 2 р., 4 окр., свящ. Д. Дроздова 2 р. 17 к., 6 окр., свящ. Д. Чернозатинскаго 6 р., новоушицк. у., 3 окр., прот. А. Антоновскаго 5 р. 50 к., г. Новочеркаска, прот. Г. Прозоровскаго 6 р. 50 к., г. Нолинска, прот. Г. Рязанова 2 р. 18 к., изъ уѣзда, 1 окр., свящ. П. Люминарскаго 4 р. 52 к., г. Одессы, прот. А. Тихомирова 51 р. 80 к., изъ уѣзда, прот. М. Молдованова 5 р. 45 к., г. Оренбурга, д. конц.—и 47 р. 91 к., изъ уѣзда, 1 окр., свящ. Ѳ. Граблина 4 р., 7 окр., свящ. І. Юденича 6 р. 15 к., орловск. у. (вятск. губ.) 1 окр., прот. І. Емельянова 4 р., 2 окр., свящ. П. Макарова 5 р., орск. у., 10 окр., свящ. І. Маленина 3 р. 43 к., осташков. у., 2 окр.,

прот. М. Курадина 7 р., 4 окр., свящ. Н. Троицкого 4 р. 40 к., острожск. у. 2 окр., прот. Д. Абрамовича 2 р., ошмянск. у., свящ. Д. Плявского 2 р., г. Пензы, д. конс—и 28 р. 71 к., переясл. у., (Влад. губ.) 1 округа, свящ. С. Громова 2 р. 46 к., 2 окр., свящ. І. Святозерского 6 р., 3 окр., прот. І. Добротворского 10 р., (полтав. губ.) прот. А. Россинского 2 р. 35 к., свящ. Н. Фесенко 4 р. 25 к., 2 окр., прот. В. Коничковского 7 р. 10 к., 4 окр., свящ. А. Романицкого 3 р. 55 к., пинск. у., 4 окр., свящ. Ф. Прокоповича 50 к., пирятинск. у., 3 ч., свящ. П. Андриевского 5 р. 8 к., г. Покрова, прот. А. Сервицкого 2 р. 37 к., изъ уѣзда, 2 окр., прот. Т. Соколова 15 р. 50 к., г. Полтвы, крестовоздвижен. мон—ря 1 р. 14 к., порѣчск. у., 1 окр., свящ. А. Каченковского 2 р. 10 к., 2 окр., свящ. А. Савинского 1 р. 73 к., пошехонск. у., свящ. І. Велкосельского 1 р. 75 к., прилук. у., 4 окр., свящ. І. Шербина 7 р. 27 к., г. Ржева, прот. І. Струженского 4 р. 80 к., изъ уѣзда, 3 окр., свящ. П. Звѣрей 7 р. 99 к., г. Ромень, прот. А. Ельчукова 3 р., изъ уѣзда, свящ. В. Схитского 7 р. 50 к., рославльск. у., 2 окр., свящ. І. Нежданова 6 р., г. Ростова (яросл. губ.), прот. А. Розова 1 р. 45 к., самарск. у., 3 окр., свящ. І. Быстрицкого 4 р., г. Сарацула, игуменіи Блгговѣщен. мон—ря Ангелины 5 р., свящ. А. Виноградова 5 р. 53 к., сергач. у., 2 окр., свящ. А. Вознесенского 2 р. 45 к., 2 окр., свящ. І. Добротворского 11 р. 50 к., 4 окр., свящ. П. Кориньского 2 р. 70 к., славносерб. у., 2 окр., прот. Н. Муртловского 6 р. 7 к., г. Слободского, игуменіи христорождеств. мон—ря Маріи 2 р., также муж. мон—ря 1 р. 10 к., изъ уѣзда, 1 окр., прот. К. Богдановича 6 р. 75 к., 4 окр., свящ. Н. Шклявы 3 р. 60 к., 5 окр., свящ. П. Лопатина 2 р. 70 к., слоним. у., свящ. Е. Бѣлавынцева 4 р. 20 к., слуцк. у., 2 окр., свящ. П. Подольского 4 р. 31 к., смоленск. у., прот. П. Недачина 7 р., солигалич. у., 3 окр., свящ. І. Черепелкина 3 р., спасск. у., (каз. губ.), 1 окр., свящ. М. Леонова 1 р. 33 к., 2 окр., свящ. А. Филлагорского 3 р. 41 к., 3 окр., свящ. А. Смирнова 2 р. 48 к., ставропол. у., 4 окр., свящ. Ѳ. Степанова 3 р. 30 к., г. Старицы, прот. Д. Шибкина 2 р., изъ уѣзда, 2 окр., свящ. І. Волкова 3 р. 50 к., 5 окр., свящ. І. Рязанцева 6 р. 80 к., 7 окр., свящ. С. Никольского 4 р. 85 к., старобѣл. у., 3 окр., свящ. І. Попова 5 р. 53 к., 4 окр., прот. Г. Максимовича 22 р. 10 к., 5 окр., свящ. В. Александровского 5 р. 12 к., стерлитамак. у., 1 окр., прот. І. Андреева 6 р. 30 к., г. Судогды, прот. А. Богословского 1 р. 30 к., изъ уѣзда, 2 окр., прот. Г. Сергеевского 4 р., суздальск. у., 3 окр., прот. І. Семеновского 5 р., 4 окр., свящ. А. Тихомирова 7 р., 5 окр., свящ. І. Вишнякова 5 р., сумск. у., 1 окр., прот. В. Никольского 17 р. 88 к., г. Сычевки, прот. А. Мирленкова 6 р. 23 к., изъ уѣзда, свящ. П. Богдановского 5 р. 40 к., 2 окр., свящ. І. Попова 5 р. 15 к., сѣвск. у., 4 уч., свящ. В. Свяцкого 6 р., 5 уч., свящ. Д. Радина 2 р. 40 к., г. Твери, д. конс—и 2 р. 41 к., изъ уѣзда, 2 окр., свящ. Вяхирева 2 р. 40 к., 3 окр., свящ. Ѳ. Протопопова 8 р., 5 окр., прот. Г. Соколова 8 р., тетюшск. у., 2 окр., свящ. В. Давыдова 3 р. 56 к., тираспол. у., свящ. Ѳ. Стратоновича 4 р. 39 к., г. Тифлиса, канцеляріи экзарха Грузин 22 р. 12 к., г. Торжка, прот. П. Чиримова 7 р. 22 к., г. Тулы, д. конс—и 77 р. 78 к., г. Углича, игуменіи Богоявлен. мон—ря Измарагда 5 р., свящ. К. Ярославского 3 р. 40 к., изъ уѣзда, свящ. І. Троицкого 4 р., уральской области, свящ. Н. Маврицкого 2 р., уржум. у., 1 окр., прот. И. Мышкина 3 р. 3 окр., свящ. Н. Шутихина 2 р. 25 к., 4 окр., свящ. А. Дьяконова 2 р. 98 к., устьинск. у., 1 окр., свящ. Г. Мысова 8 р. 50 к., 2 окр., свящ. М. Попова 6 р. 5 окр., свящ. Н. Доброужова 1 р. 20 к., устюжск. у., 1 окр., свящ. І. Коржавина 4 р. 11 к., 3 окр., прот. А. Попова 8 р. 63 к., 4 окр., свящ. І. Попов 2 р. 95 к., уфимск. у., 2 окр., свящ. В. Сперанского 4 р., ушницк. у. 4 окр., свящ. І. Сокольского 6 р., г. Харькова, д. конс—и 6 р. 82 к., изъ уѣзда, 1 окр., свящ. Г. Лобковского 7 р., 2 окр., свящ. Н. Житлова 3 р., 3 окр., прот. М. Рокитянского 6 р. 66 к., 4 окр., свящ. А. Червонца 6 р., херсон. у., прот. А. Шостченко 18 р. 60 к., 2 окр., прот. А. Буримовича 9 р. 14 к., хорольск. у., прот. П. Волкова 5 р. 10 к., 1 ч. свящ. П. Клепачевского 2 р. 35 к., царевкокушн. у., 1 окр., прот. Д. Черкасова 2 р. 49 к., царскосел. у., прот. К. Хутынского 9 р. 5 к., 2 окр., свящ. А. Милослава 7 р. 21 к., челябин. у., 20 окр., свящ. А. Шютина 2 р. 50 к., чердынск. у., 2 окр., свящ. Васильева 1 р. 70 к., г. Шуи, прот. Ф. Дунаева 3 р. 39 к., прот. А. Казанского 8 р. 37 к., изъ уѣзда, 1 окр., свящ. А. Благосклонова 3 р. 1 к., 4 окр., свящ. П. Виноградова 2 р. 50 к., юрьевск. у., 7 окр., прот. А. Лебедева 2 р. 10 к., юрьевецк. у., 3 окр., свящ. В. Розова 3 р., г. Южнов., прот. П. Заволоцкого 1 р., изъ уѣзда, свящ. В. Овсднинкова

3 р. 55 к., 1 окр., свѣщ. А. Соколова 4 р. 24 к., 3 окр., свѣщ. М. Полчанинова 4 р. 82 к., ямпольск. у., 2 окр., свѣщ. Н. Лазаркевича 11 р. 28 к., 3 окр., прот. М. Каричковскаго 6 р., 4 окр., свѣщ. В. Листвѣича 6 р., г. Яранска, игуменш. Знаменско-Мирин. мон-ря Евпраксин 2 р., свѣщ. І. Анцыгина 2 р., изъ уѣзда, 1 окр., прот. М. Никонова 5 р., 2 окр., прот. А. Добринскаго 3 р. 75 к., 5 окр., свѣщ. В. Курбанъскаго 5 р., яренск. у., 1 окр., свѣщ. Н. Горкова 3 р., и Ярослав. у., свѣщ. Ѳ. Пеликанова 3 р. 30 к., итого 2.433 р. 31 к., а всего съ прежде поступившими 10.531 р. 13 к.

Съ 1 августа по 1 сентября 1892 г.: а) г. С.-Петербурга, д. конс—ин—31 р. 98 к., б) иногороднихъ ардаатовск. уѣзда, 4 округа, свѣщ. І. Нарциссова 2 р. 13 к., ахтыр. у., 1 окр., свѣщ. Г. Хижмякова 7 р., 2 окр. свѣщ. В. Ѳедорова 2 р. 74 к., г. Балалны. 1 окр., свѣщ. І. Триумфова 3 р. 11 к., изъ уѣзда, 3 окр., свѣщ. Н. Соколова 2 р. 77 к., болхов. у., 1 уч., свѣщ. І. Васильскаго 8 р. 20 к., брянск. у., 3 уч., свѣщ. А. Діесперова 2 р. 78 к., 5 уч., свѣщ. І. Синельникова 2 р. 64 к., бугуруслан. у., 3 окр., свѣщ. Н. Степанова 4 р., г. Бѣлаго, прот. П. Синявскаго 11 р., владимир. у., 3 окр., свѣщ. І. Талантова 5 р., владимиръ — волын. у., 2 окр., свѣщ. В. Курчаногскаго 6 р. 20 к., волчан. у., 2 окр., прот. Г. Буханцева 8 р. 88 к., вязников. у., 2 окр., свѣщ. П. Авророва 4 р. 65 к., г. Вятки, прот. А. Емельянова 5 р. 37 к., гадачск. у., прот. Г. Трояновскаго 3 р. 20 к., гороховец. у., 1 окр., прот. А. Богословскаго 4 р. 40 к., гороховецк. у. 3 окр., свѣщ. П. Бѣляева 5 р. 60 к., донской области, александровско-грушев. прот. А. Магеровскаго 5 р. 28 к., новочеркас. свѣщ. В. Петрова 9 р. 50 к., елабужск. у., 3 окр., свѣщ. К. Якимовъ 3 р. 14 к., г. Ельца, 1 уч. прот. Г. Селехова 11 р. 80 к., изъ уѣзда, 2 уч., свѣщ. І. Преображенскаго 5 р. 80 к., 4 уч. свѣщ. Н. Макарьева 5 р. 80 к., 5 уч. свѣщ. І. Руднева 3 р. 37 к., Ельнин. у., свѣщ. А. Виноградова 4 р., ефремов. у., 1 окр., свѣщ. М. Постниковъ 8 р. 24 к., заслав. у., 4 окр., свѣщ. Д. Ненадкевича 6 р. 47 к., змѣевск. у., 2 окр. свѣщ. В. Антоновскаго 5 р. 30 к., г. Золотоноши, прот. Г. Билинскаго 3 р., г. Зѣнькова, прот. В. Гриньки 3 р. 38 к., игумен. у., 1 окр., прот. І. Фалевича 6 р. 62 к., изюмск. у., 3 окр., прот. А. Литвинова 6 р. 20 к., г. Казани, прот. П. Воздвиженскаго 7 р. 60 к., изъ уѣзда, 1 окр., прот. І. Черкасова 4 р. 80 к., ковров. у., 3 окр., прот. І. Миловидова 3 р. 55 к., ковельск. у., 3 окр., свѣщ. В. Дмаховскаго 4 р., константиноград. у., 2 ч. свѣщ. А. Любарскаго 2., 4 окр., свѣщ. О. Сребницкаго 3 р. 50 к., котельнич. у., 4 окр., свѣщ. Д. Овчинникова 4 р. 62 к., г. Костромы, д. конс—ин 46 р. 72 к., кративен. у., 1 окр., свѣщ. П. Зяменскаго 10 р., краснин. у. 8 окр., свѣщ. М. Криницкаго 2 р. 29 к., кромск. у., 1 уч. прот. І. Васильева 5 р. 80 к., летичев. у., 5 окр., свѣщ. І. Лапинскаго 3 р. 33 к., ливенск. у., 1 уч. прот. І. Лаврова 19 р. 65 к., 2 уч. свѣщ. Т. Космоламанецкаго 19 р., 3 уч. свѣщ. В. Хохлова 4 р. 20 к., г. Меленкоѣ, прот. В. Филадельфина 2 р. 50 к., г. Минска, д. конс—ин 38 р. 25 к. изъ уѣзда, 3 окр., свѣщ. В. Квятковскаго 1 р., мозыр. у., 1 окр., прот. А. Савича 5 р. 6 к., моршан. у., 3 окр., свѣщ. В. Рождественскаго 5 р., г. Муромъ, прот. А. Аменицкаго 6 р., г. Мценска, 1 уч., прот. М. Троицкаго 21 р. 69 к., изъ уѣзда, 2 уч. свѣщ. І. Кедрова 2 р. 60 к., г. Николаева, 1 окр., свѣщ. И. Зубова 4 р. 20 к., изъ уѣзда, 1 окр., свѣщ. А. Кубарева 85 к., николюск. у. 3 окр., свѣщ. І. Коосова 13 р., новогродовльнск. у., 3 окр., свѣщ. А. Данилевича 13 р., г. Орлова, спасск. мон—я 1 р. 47 к., г. Петровзаводска, оловец. д. конс—ин 43 р. 48 к., переяслав. у., VI ч., свѣщ. К. Магеровскаго 2 р. 75 к., 7 окр., свѣщ. І. Лоцшкова 2 р. 95 к., пирятин. у., 4 окр., свѣщ. А. Манжевскаго 2 р. 5 к., полтав. у., 2 ч. прот. В. Яцевича 6 р., прилук. у., 3 окр., свѣщ. Т. Миронскаго 2 р., 6 окр., свѣщ. С. Иваницкаго 2 р., со станціи «Райволово» — 2 финлянд. окр., свѣщ. Г. Розанова 7 р. 97 к., г. Ромень, свѣщ. Д. Итальянскаго 1 р. 75 к., г. Ростова, прот. І. Покровскаго 16 р. 50 к., г. Салмы, свѣщ. І. Заболотскаго 5 р. 17 к., сарапул. у., 1 окр., свѣщ. М. Напольскаго 3 р. 20 к., г. Саратова, д. конс—ин 80 р. 92 к., петербург. у., 1 окр., свѣщ. В. Мудролюбова 22 р. 33 к., г. Смоленска, свѣщ. К. Вишневскаго 4 р. 45 к., изъ уѣзда, 3 окр., свѣщ. Н. Жегалева 2 р. 95 к., ставропол. у., 2 окр., свѣщ. П. Свѣтозарова 5 р. 63 к., старобѣл. у., 2 окр., свѣщ. В. Попова 7 р. 92 к., 3 окр., свѣщ. І. Попова 40 к., сольвычегод. у., 1 окр., свѣщ. М. Вячеславова 2 р. 10 к., сѣвск. у., 2 уч., свѣщ. М. Милосердова 3 р., трубчев. у., 2 уч., свѣщ. А. Генерозова 5 р. 30 к., 3 уч. свѣщ. П. Богословскаго 2 р., г. Тюмени, 1 окр., свѣщ. А. Фокина 4 р. 20 к., уфим. у., 1 окр., свѣщ. Н. Котельникова 2 р., 4 окр., свѣщ. З. Ясенева 2 р. 87 к., херсон. у., 1 окр. свѣщ. Н. Автономова 4 р. 20 к., 4 ч. свѣщ.

І. Діаковскаго 14 р. 67 к., юрьевск. у., 4 окр., прот. А. Бережкова 5 р. 40 к., 5 окр., прот. А. Благодрава 7 р. и ябургск. у., 1 окр., свящ. А. Братолюбова 5 р. 35 к., итого 743 р. 74 к., а всего съ прежде поступившими 11.274 р. 87 к.

Съ 1 сент. по 1 окт.: а) г. С.-Петербурга: 2 станичн. окр., прот. Н. Травинскаго 11 р. 57 к.; б) иногородныхъ: Астрахани, дух. консисторіи—232 р. 7 к., бѣльск. у., свящ. В. Проневскаго—2 р. 20 к., губ. г. Владиміра, дух. конс—и 2 р. 56 к., Вознесенска прот. І. Курлова—13 р. гловск. у., 3 окр., свящ. Д. Альбова—2 р. 80 к., грайворонск. у., 3 окр., свящ. П. Винсградова—3 р. 76 к., скатериносл. у., 2 окр., свящ. І. Подирталева 8 р. 40 к., Замостья, старосты Л. Ячиновскаго 24 р., зѣньков. у., 4 ч., свящ. І. Кривусѣва 1 р. 50 к., игумен. у., 3 окр., свящ. Л. Голубовича 2 р. 65 к., кобеляк. у., 4 ч. свящ. П. Кириѣва 9 р. 37 к., котельнич. у., 3 окр., свящ. М. Агаѳонинова 8 р., литин. у., 3 окр., свящ. П. Жоткевича 9 р. 10 к., могилев. у., 3 окр. свящ. Л. Людкевича 13 р.; Новгорода, дух. конс—и 7 р. 9 к., новолодож. у., 3 окр., прот. Д. Хованскаго 2 р. 98 к., новоузен. у., 2 окр., свящ. П. Меликова 2 р. 38 к., орлов. у., 3 уч., прот. А. Острова 5 р. 30 к., острож. у., 4 окр., прот. К. Червинскаго 7 р. 51., Тамбова, прот. І. Боголѣпова 2 р., темников. у., 1 окр. свящ. А. Доброхотова 2 р. 62 к., херсон. у., свящ. І. Бабуры 9 р., хорольск. у., 2 ч., свящ. П. Кривусѣва 2 р. 40 к., Чернигова, дух. конс—и 2 р. 8 к., Шлиссельбурга, свящ. В. Благовѣщенскаго 8 р. 54 к., яранск. у., 3 окр., прот. А. Дернова 4 р. 10 к., 4 окр., свящ. С. Наумова 5 р. и Ярославля, дух. конс—и 14 р. 90 к. Итого 409 р. 88 к., а всего съ прежде поступившими 11.684 р. 75 к.

Съ 1 окт. по 1 нояб.: б) бузулук. у., 4 окр., свящ. Д. Пинормова 4 р., Курска, дух. конс—и 224 р. 55 к., лужск. у., 1 окр. свящ. В. Добромислова 2 р., Мензелинска, прот. В. Уводскаго 3 р. 48 к., пирятин. у., 2 ч., свящ. І. Полянскаго 3 р. 20 к., Пскова, дух. конс—и 50 р. 92 к. тамбов. у., 2 окр., свящ. Ѡ. Сеславинскаго 8 р., Хабаровки, 9 уч., свящ. А. Протодіаконова 58 к. и Ярославля, дух. конс—и 8 р. 3 к. Итого 304 р. 76 к., а всего съ прежде поступившими 11.989 р. 51 к.

Съ 1 ноября по 1 декабри: в) вязников. у., 3 окр. прот. В. Малинина 5 р. 50 к., г. Вязьмы, свято предтечева муж. мон—ря 2 р., клинск. у., свящ. П. Кедрова 8 р. 70 к., лебедин. у., 1 окр., прот. К. Щелкунова 17 р. 32 к., лохвицк. у., 2 окр. свящ. Ѡ. Михайловскаго 3 р. 65 к., г. Лубень, спасо-преображен. муж. мон—ря 3 р. 45 к., г. Оренбурга, прот. С. Юденича 4 р., пермск. у., 2 окр. свящ. И. Любимова 7 р. 61 к., полтав. у., 2 уч., свящ. В. Павловскаго 5 р., г. Рязани, дух. конс—и 153 р. 61 к., г. Тулы, дух. конс—и 70 р. и г. Яренска, прот. М. Быстровъ 2 р. Итого 282 р. 84 к., а всего съ прежде поступившими 12.272 р. 35 к.

Цер

логін.
ствѣ.
Юрєвн
ковскзапис
губ.).
какъ
макн
водкѣ
края.

ЖИВАЯ СТАРИНА

Періодическое изданіе отдѣленія этнографіи и р. географическаго общества

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. ЛАМАНСКАГО

ВЫПУСКЪ III. ЦѢНА. 1898 г. 1 Р. 50 КОП.

ОТДѢЛЪ I. Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія: 1. Очерки русской діалектологіи. П. Вѣлорусское нарѣчіе. *А. И. Соболевскаго* 2. О побратимствѣ и посестримствѣ. Очеркъ изъ обычнаго права болгарь. *С. Бобчева*. 3. Путевыя письма *И. И. Фрезневскаго* къ матери его *Е. И. Фрезневской* (1839—1842). 4. Троищина Кадниковскаго уѣзда (бытовой очеркъ). *А. Шустикова*.

ОТД. II. Памятники языка и народной словесности: 1. О причитаніяхъ и плачахъ записанныхъ въ олонецъ и арханг. губ. *Ө. Истомина*. 2. Заговоръ отъ ружья (тоб. уб.). Сообщ. *С. А. Паткановымъ*. 3. Купля, продажа скота; заговоръ отъ лихорадки; какъ окуриваютъ новотельхъ коровъ. Побасенка (нижегор. губ.). Сообщ. *Ив. Малакинымъ*. 4. Заговоръ отъ присухи (пермск. губ.). Сообщ. *П. А. Шилковымъ*. 5. Прюдки и проводочныя пѣсни въ ростовск. уѣздѣ. *Н. В. Б.* 6. О говорѣ жителей каргоп. рая. *Як. Святлова*.

ОТД. IV. Сѣтьсѣ. 1. Игра въ тура. *В. Мошкова*.

П. А. Матвѣева:

БОЛГАРІЯ ПОСЛѢ БЕРЛИНСКАГО КОНГРЕССА

Историческій очеркъ. Цѣна 2 руб.

РЕФОРМА МѢСТНАГО УПРАВЛЕНІЯ

Цѣна 50 к.

Продаются въ книжныхъ магазинахъ «*Новаго Времени*», *Карбасникова*, *Цинзерлинга* и др., а также въ кн. складѣ *Мартинова*, *Баскова ул.*, д. № 3.

СЛАВЯНСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

12 вѣн. въ годъ, отъ 8—10 л. обыкновеннаго формата, съ портретами славянскихъ дѣятелей.

Оставшіеся экземпляры журнала за 1892 годъ продаются по 5 р. въ С.-Петербургѣ: въ Русскомъ книжномъ магазинѣ (Н. Н. Моревъ) Невск. пр. № 106.

Иногородные покупатели адресуются: г. Дерптъ, Яковлевская ул., д. 4: А. С. Будиловичу.

2371

Антонъ Будиловичъ

ОБЩЕСЛАВЯНСКІЙ ЯЗЫКЪ

ВЪ РЯДУ ДРУГИХЪ ОБЩИХЪ ЯЗЫКОВЪ

ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ ЕВРОПЫ

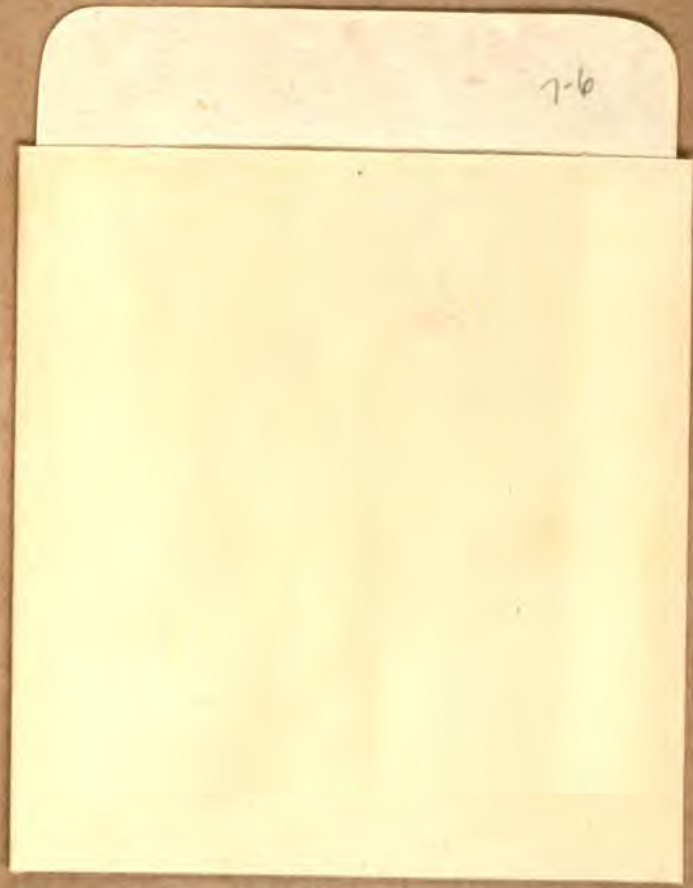
2 тома. В. 1892. Цѣна 4 р.

Это сочиненіе увѣнчано первою Кирилло-Методіевскою премією, издано и дивеніемъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества и одобрено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для приобрѣтенія фундаментальной библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній названнаго министерства и Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ для приобрѣтенія въ фундаментальную библіотеку духовныхъ семинарій.

Складъ изданія: Спб., у Александрин. театра, 9, въ Славянскомъ Благотв. Общес.

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ А. БУДИЛОВИЧЪ

D. 377
- 562
no. 7-12

7-6

D. 377
- 562
no. 7-12

